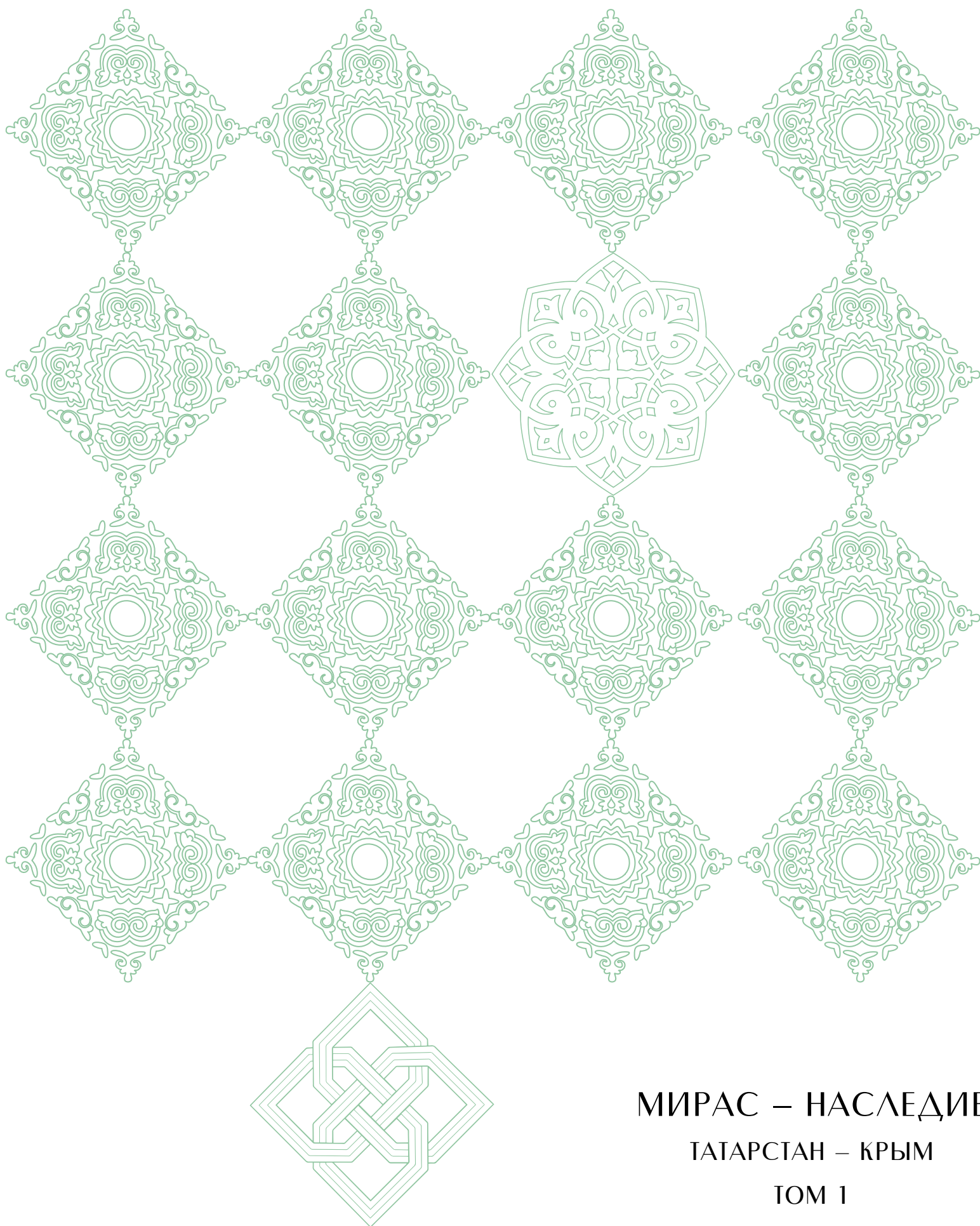

МИРАС – НАСЛЕДИЕ

ТАТАРСТАН – КРЫМ

МИРАС – НАСЛЕДИЕ
ТАТАРСТАН – КРЫМ
ТОМ 1

УДК 902/904+929
ББК 63.3 (2 Рос-Крым)
М63

Подготовка текста и иллюстраций осуществлена при финансовой поддержке
Президента Республики Татарстан и содействии Республиканского Фонда Возрождения
памятников истории и культуры Республики Татарстан

Печатается по Распоряжению Кабинета Министров
Республики Татарстан №2248-р от 09.10.2015

Составители и ответственные редакторы:
С. Г. Бочаров и А. Г. Ситдилов

Печатается по решению Ученых советов:
Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ,
Института археологии Крыма РАН

Научные рецензенты:
Член-корреспондент РАН Н. Н. Крадин (Владивосток),
Член-корреспондент РАН В. В. Напольских (Ижевск),
Академик АН РТ Р. Р. Салихов (Казань)

МИРАС – НАСЛЕДИЕ
Татарстан – Крым

Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах

МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры
в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах : в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. –
ООО «Астер Плюс», 2016. – 580 с. – ISBN 978-5-9908996-4-3.
Т. 1. – 2016. – 580 с. – ISBN 978-5-9908996-1-2 (м. 1).

Монография посвящена научной работе экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму
и Татарстане, проводившейся в 1924-1929 гг. под руководством И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова и
У. А. Боданинского. Работа представляет собой первую публикацию свода материалов экспедиции
по изучению культурного наследия татарского народа времени Волжской Булгарии (X–XIII вв.),
Золотой Орды (XIII–XV вв.) и ранних татарских государств (XVI–XVII вв.). В трех томах изданы
результаты научных исследований участников экспедиции, материалы изучения культурного
наследия татарского народа, а также впервые публикуются документальные свидетельства работ
экспедиции в Татарстане и Крыму из российских архивов.

Монография предназначена для историков, археологов, этнографов, музееведов, специалистов
по истории культурного наследия и имеет большую познавательную ценность для широкого круга
читателей.

ISBN 978-5-9908996-1-2 (м. 1)

ISBN 978-5-9908996-4-3

© Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ,
Институт археологии Крыма РАН, 2016.
© Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г., 2016.
© Коллектив авторов, 2016.

Институт археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Институт археологии Крыма
Российской академии наук

Государственный Исторический музей

Государственный Музей архитектуры им. А. В. Щусева

Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник

МИРАС - НАСЛЕДИЕ
Татарстан - Крым
Город Болгар
и изучение татарской культуры
в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах

Том 1

КАЗАНЬ
2016

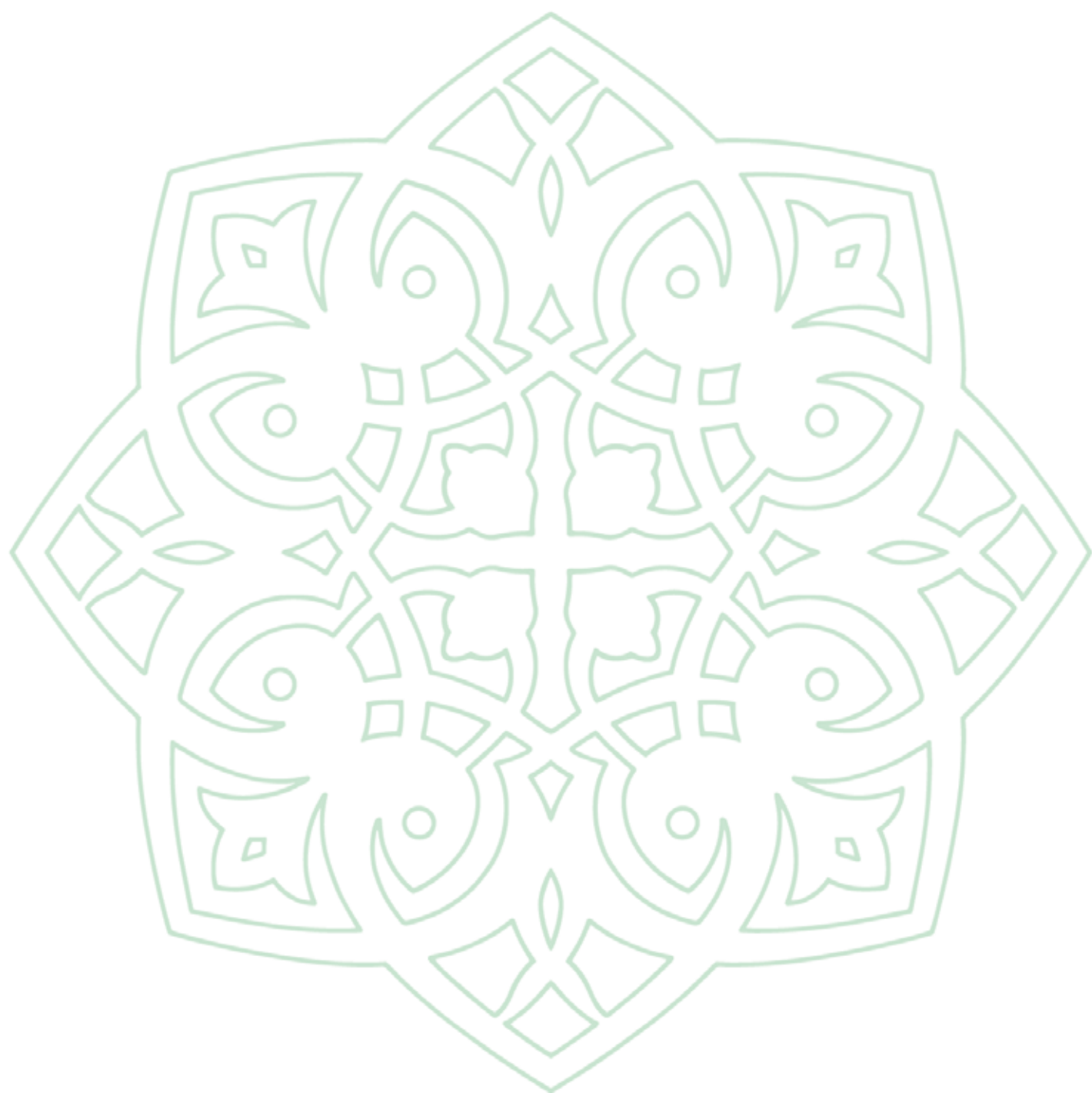
Дорогие друзья!

Издание книги – значимое событие в научной, образовательной, культурной и общественной жизни Татарстана, Республики Крым, России в целом. Это яркая иллюстрация уникального многообразия, единства историко-культурного процесса, который на протяжении веков проходил на бескрайних просторах Евразии, а также общности исторических судеб татар Поволжья и Крыма.

Связав Восток и Запад, Север и Юг, Болгарское государство сыграло большую роль в формировании и развитии исторических процессов на Евразийском континенте в эпоху раннего средневековья, Золотой Орды, татарских ханств.

Исследовательская и практическая деятельность по возрождению Великого Болгара выполняет важную миссию, соединяя в единую, непрерывную и живую нить прошлое и настоящее, давая нам счастливую возможность восхищаться материальным, духовным, культурным наследием далеких предков. Это еще один большой повод гордиться великой историей народов нашей страны и задумываться о ее будущем.

Президент Республики Татарстан
Р. Н. Минниханов

ВВЕДЕНИЕ

В рамках реализации мероприятий комплексного проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар», инициированной М. Ш. Шаймиевым, была проделана огромная работа по поиску в различных архивах Российской Федерации древних фотографий и изображений Болгара XIX – начала XX вв. Работа была частью исследований по комплексному изучению материалов по археологии и истории Болгарского городища. Выявленные в архивах документы имели важное значение при подготовке дополнительных материалов по включению Болгарского историко-археологического комплекса в Список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

После событий 1917 г. общественная жизнь в нашей стране переживала ощутимый подъем: молодым советским государством поощрялись исследования, направленные на изучение культуры народов бывшей Российской империи. В 1920-е годы организовывались специальные научные экспедиции не только центральными учреждениями науки Москвы и Петрограда, но и инициируемые местными и муниципальными органами. В их числе были экспедиции Ф. В. Баллода по изучению городов Золотой Орды, научные работы в Средней Азии В. В. Бартольда и др. Особое значение имеют

научные работы экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму и Татарстане под руководством И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова и У. А. Боданинского.

Высокая оценка итогов исследований современниками и учеными, привлекавшими отдельные материалы этих работ в своих публикациях, подчеркивало непреходящую актуальность полученных результатов. На современном этапе развития научных исследований еще раз подчеркивается их научная востребованность и необходимость издания для введения в научный оборот. Публикация этих уникальных источников в виде коллективной монографии оказалась возможной сегодня только благодаря поддержке Президента Республики Татарстан Рустама Нургалиевича Минниханова, высоко оценившего значение собранных материалов для истории татарского народа.

В ходе архивных изысканий выяснилось, что значительный объем материалов по археологии Болгара и других памятников культурного наследия Республики Татарстан был собран научной «Экспедицией по изучению татарской культуры в Татарстане и в Крыму» в 1920-е годы. В силу целого ряда объективных обстоятельств материалы этой экспедиции оказались рассредоточены в нескольких

российских архивных собраниях – Архиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Государственном Архиве Российской Федерации (Москва), Архивном собрании Государственного Музея архитектуры им. А. В. Щусева (Москва), Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва), Архиве Российской академии наук (Москва), Государственном архиве города Москвы, Отделе рукописей Государственной Третьяковской Галереи (Москва), Национальном архиве Республики Татарстан (Казань), Архиве Института языка, литературы и искусств (Казань), Архиве Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (Бахчисарай), Архиве Института археологии Крыма РАН (Симферополь).

Экспедицию по изучению татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1920-е годы возглавляли известные отечественные ученые-археологи: заместитель председателя Ассоциации востоковедов СССР (позднее Институт востоковедения АН СССР) И. Н. Бороздин и профессор МГУ археолог А. С. Башкиров, директор Бахчисарайского дворца-музея У. А. Боданинский. Через несколько лет после завершения работ в Татарстане руководители экспедиции были репрессированы, все материалы, собранные экспедицией, не получили должной научной публикации и были фактически забыты на целые десятилетия.

Экспедиция не случайно имела название «Изучение татарской культуры», и не случайно истоки этой культуры наши предшественники искали и изучали в Татарстане и Крыму – в местах, где сохранилось наибольшее количество памятников культурного наследия татарского народа времени Волжской Булгарии (X–XIII вв.), Золотой Орды (XIII–XV вв.) и ранних татарских государств (XVI–XVII вв.).

Принимая во внимание особую ценность графических материалов экспедиции с участием многих известных ученых того времени, как для культурного наследия города Болгара, так и для культурного наследия народов России, необходимо полное издание как татарстанских, так и крымских результатов

экспедиции 1920-х годов. В архивных фондах хранится огромный блок уникальных материалов, фиксирующих не сохранившиеся до наших дней материальные источники по средневековой архитектуре (обмерные чертежи, фото внешнего вида и интерьера зданий), по эпиграфике (закладные, посвятельные и надгробные плиты), а также по декоративной каменной резьбе и пластике, по древней керамике и монетному делу.

Данная публикация архивных документов и исследовательских статей открывает собой новую серию научной литературы, которая ставит цель полного издания уникальных материалов и формирование работ под общим названием «Мирас-Наследие» по изучению татарской культуры. К достижению этой основной цели подготовлена вторая часть данного издания, в которой размещен аннотированный альбом с факсимиле всех фото и графических материалов, собранных «Экспедицией по изучению татарской культуры в Татарстане и Крыму» в 1920-е годы.

Структура работы включает научный анализ организации экспедиции, сведения о ее основных участниках, результаты деятельности и оценку ее вклада в развитие татароведения России, а также аннотированный альбом итоговых графических материалов.

Исключительность данной тематики подтверждается участием в ее работе хорошо известных и ведущих специалистов археологов-востоковедов. Для понимания масштаба проведенных исследований и вклада каждого из участников крайне важно представить описание работ исследователей и раскрытие этой масштабной научной задачи. Ведущие ученые той эпохи И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров, а также московские (Б. Н. Засыпкин), татарстанские (Н. Ф. Калинин) и крымские (У. А. Боданинский, О. Н.-А. Акчокраклы, П. И. Голландский, Н. П. Эрнст) исследователи внесли существенную лепту в изучение татарской культуры нашей страны. Огромная работа, проделанная ими в 1920-е годы, тесно связанная с событиями политической истории той эпохи, заслуживает достойного описания и возможности представления результатов широкой общественности

со всем их научным творчеством, трудностями и трагизмом жизненного пути. Вклад ученых и оценка его результатов представлена в специальных очерках авторов коллективной монографии: Х. М. Абдуллина (Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ), И. В. Белозеровой (Государственный Исторический музей), С. Г. Бочарова (Институт археологии Крыма РАН), А. А. Волошинова (Институт археологии Крыма РАН), М. А. Доброновской (Москва), Т. А. Дудиной (Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева), С. В. Кузьминых (Институт археологии РАН), А. А. Непомнящего (Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского), Э. Б. Петровой (Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского), Н. В. Пименовой-Ромашовой (Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева), О. В. Селивановой (Архив РАН), А. Г. Ситдикова (Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ).

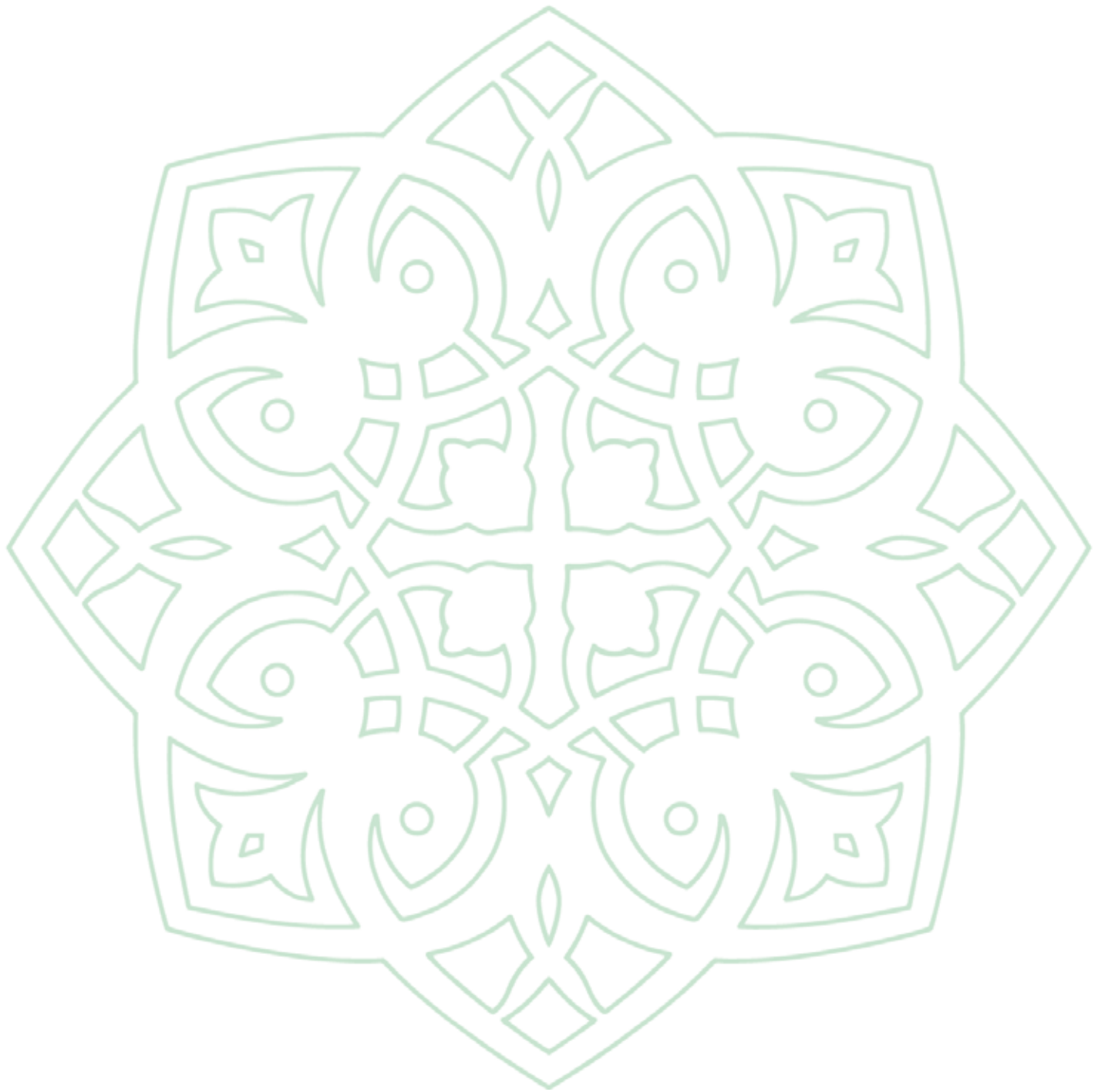
Важно подчеркнуть, что инициатива исследователей 1920-х годов оставалась на острие научных интересов многих последующих поколений. Представленные в издании научные публикации авторов по проблемам архитектуры и эпиграфики позволяют оценить влияние наследия татарского народа Поволжья и Крыма на мировую культуру и современную науку. На основе представленных специальных исследований Е. А. Айбабиной (Академия строительства и архитектуры Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского), В. П. Кирилло (Институт археологии Крыма РАН), И. Мустакимова (Главное архивное управление РТ), Д. Г. Мухаметшина (Болгарский историко-археологический музей заповедник) по указанным темам, в том числе по ранее опубликованной работе С. С. Айдарова по архитектуре, можно представить исключительное значение сохранившегося наследия татарской культуры в памятниках Татарстана

и Крыма и увидеть уникальность Болгарского историко-археологического комплекса.

Отдельной частью в издании выступают архивные материалы, представленные отдельным томом. Благодаря поддержке архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Бахчисарая и Симферополя были подготовлены к публикации уникальные научные источники. Особо хотелось бы отметить людей, помогавших в сборе и издании материалов, без содействия и поддержки которых эту книгу не увидели бы читатели, – директора Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева Ирину Михайловну Коробьину, директора Государственного Исторического музея Алексея Константиновича Левыкина, Генерального директора Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника Вадима Леонидовича Мартынюка.

Бесспорно, что издание такой книги стало значительным вкладом руководства Республики Татарстан в изучение и сохранение культурного наследия народов Республики Татарстан и Республики Крым, а также раскрытие широкой общественности небольшой части ранее неизвестных материалов о древностях города Болгар – памятника Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Собранные архивные документы и исследовательские работы, представленные в данном издании, станут достоянием будущих поколений и будут наконец доступны ученым и всем, кто интересуется и стремится сохранить бесценные свидетельства прошлого. Авторский коллектив очень надеется, что эта книга займет одно из центральных мест среди научных трудов, связанных с изучением материальной культуры татарского народа. Публикация данных материалов является важным знаком почитания и уважения памяти ученых, осуществивших археологическую экспедицию по изучению татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах.

С. Г. БОЧАРОВ, А. Г. СИТДИКОВ

Глава 1

ИСТОРИЯ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И В КРЫМУ В 1920-е гг.

Начало 1920-х гг. в истории нашей страны ознаменовалось завершением социальной трагедии гражданской войны. 1920 г. был особо значим и в истории Татарстана, и в истории Крыма. В первом случае это год образования автономной республики, во втором – это окончательная победа советского государства и ликвидация последнего центра активного сопротивления белого движения и создание осенью следующего 1921 г. Крымской АССР. Период середины – конца 1920-х гг. стал временем подъема творческих сил в обществе, науке, искусстве и культуре молодых советских Татарской и Крымской автономных республик.

Примерами взлета культурной и научной жизни, бесспорно, являются инициативы по изучению истории и культуры татарского народа именно в этих двух регионах. К числу таких программ относится и экспедиция Ф. В. Баллода в Нижнее Поволжье. Он еще в разгар гражданской войны, в 1918 г., проводит археологические раскопки и обследования руин древних Волжских городов эпохи Золотой Орды и создает свой известный труд – «Приволжские Помпеи» (1923).

В первые годы Советской власти отчетливо была осознана актуальность изучения и популяризации духовного и материального наследия народов страны, обеспечивающее консолидацию общества, стабильное и устойчивое развитие многонационального государства после потрясений гражданской войны. Эта созидательная энергия нашла свое выражение в появлении массового краеведческого движения, системно оформившегося в Татарстане и Крыму, организацией научных исследовательских обществ по изучению истории, культурного и природного наследия.

Свидетельствами их реализации, несомненно, являются труды экспедиций по изучению татарской культуры в Татарской Республике и в Крыму в 1920-е гг., организованных с привлечением ведущих специалистов. Ими за небольшой промежуток времени, отпущенный судьбой, был накоплен уникальный багаж новых знаний. К сожалению, в силу различных обстоятельств они оказались доступны в архивах только сегодня.

1.1. ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАТАРСТАНЕ В 1924-1929 гг.

Для отечественной науки 1920-1930-е гг. явились периодом становления в условиях новой политической реальности. Именно в этот период были заложены основы для будущих прорывов советской эпохи в фундаментальной и гуманитарной науке. За короткий период двух десятилетий научному сообществу, так же, как и всей стране, разделенной катастрофой Гражданской войны, предстояло мобилизовать все усилия для становления науки нового образца.

Прежде всего, необходимо было перестроиться и решить задачи новой советской реальности гуманитарной науке, выстраиваемой на жесткой идеологической основе. Ученые-марксисты в этот период обосновывали, что необходимо «особенно подчеркнуть действительную функцию каждой научной дисциплины, значение ее как формы изменения мира, подчеркнуть служебное, утилитарное значение каждой научной дисциплины в практике рабочего класса» (Алавердов, 1931, с. 50-55).

Первые шаги молодой советской историко-археологической науки в Казани проходили при участии энтузиастов-краеведов из регионов и старой университетской школы исследователей. В течение 1920-1930-х гг. в столице ТАССР лидирующее положение в проведении научных исследований принадлежало разным научным учреждениям. Изучение их деятельности в научной литературе и архивных материалах помогает нам раскрыть уникальность проведенных исследований.

Еще в советский период местные историки предпринимали попытки обобщить имеющиеся сведения и подвести промежуточные итоги развития науки в нашем регионе в 1920-е гг. (Хасанов Х., 1955, с. 15-24; Гильманов и др., 1969, с. 91-103; Багаутдинов, Камалов, 1974, с. 29-138). Еще

больше фактического и исторического материала можно найти в работах, посвященных деятельности Академцентра Татнаркомпроса (Закиев, 1950; Гомаров, 1967, б. 42; Хасанов М., 1969, б. 45-47; Хасанов М., 1977). Вопросами анализа краеведческой деятельности в указанный период занималось большое количество исследователей (Тугаринов, 1924, с. 222-229; Векслин, 1929, с. 98-101; К итогам, 1929, с. 105-107; Краеведение, 1931, с. 15; Бороздин, 1925, с. 116-137; Фирсов, 1925, с. 5-11; Самойлович, 1925, с. 87-90; Десять лет, 1930), но особо следует выделить работы Н. Федоровича и Н.-Б. З. Векслина. Н. Федорович в своем исследовании делает упор на подведение итогов 10-летней научно-исследовательской работы в молодой советской Татарии (Федорович, 1930, с. 72). В труде Н.-Б. З. Векслина можно найти обширный фактический материал о деятельности научных обществ и, как итог, изданных трудах (Векслин, 1930).

Бесспорно, что наиболее влиятельными центрами краеведения в исследуемый период стоит считать Научное Общество татароведения (НОТ) и Общество изучения Татарстана (ОИТ). Рассмотрению их деятельности посвящено немало работ в региональной историографии (Абдрашитова, 1970, с. 204-213; Абдрашитова, 1975, с. 101-111; Абдрашитова, 2006, с. 50-52; Федорова, 1993, с. 16-19).

Через призму создания современных музейных фондов рассматривала в своей статье «Роль научных и краеведческих обществ в музеевом строительстве в Татарии в 20 – начале 30-х годов» К. Р. Синицына деятельность НОТ и ОИТ. Автор указывает, что именно экспедиционная, исследовательская и собирательская работа 1920-1930-х гг. привела, в итоге, к созданию современного музейного фонда Республики (Синицына, 1965, с. 103-118).

В исследовании Р. У. Амирханова и З. Г. Гариповой прослеживается преемственность между научными обществами и учреждениями 1920-1930-х гг. и ставшим их правопреемником Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КНЦ СССР (Амирханов, Гарипова, 1989, с. 81-96).

На обширном фактическом материале оценку развития исторической науки в Татар-

стане дает в своей работе А. В. Зайцев (Зайцев, 1998, с. 75-76). Им анализируется судьба научных организаций и общественных объединений, а также приводятся биографические сведения участников этих процессов.

К числу значимых и важных структур, тесно связанных с работой экспедиции по изучению татарской культуры, стоит отнести Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ), созданное еще в XIX в. Деятельность его членов в этот период была во многом независимой от политики, что и предопределило закрытие Общества в 1931 г. (Зайцев, 1998, с. 75-76).

Особо следует выделить монографию Г. А. Фаттаховой и Р. К. Валеева «Академический центр Татарии: 1920-е годы» (Фаттахова, Валеев, 2002), которая полностью посвящена исследованию деятельности Академического центра Татнаркомпроса. В ней точно установлены годы его существования, впервые вскрыты и обоснованы причины потери Академическим центром своего главенствующего положения, выявлены и проанализированы основные этапы и направления его деятельности.

Из исследований последних лет стоит обратить внимание на работу Е. В. Крылова «Социально-политические факторы развития татарской археологической науки в 1920-1930-е гг.» (Крылов, 2011, с. 99-105). Здесь автор рассматривает процесс институциональных изменений археологической науки в Татарской АССР в 1920-1930-е гг. под влиянием внешних факторов функционирования общественных наук в СССР.

Таким образом, приведенный выше анализ научной литературы позволяет сделать вывод об отсутствии полноценного исследования, направленного на раскрытие всех сторон уникальных в своем роде научных экспедиций по изучению татарской культуры в 1920-1930-х гг. Каждое из вышеперечисленных исследований раскрывало отдельные особенности деятельности тех или иных учреждений и персоналий, но не ставило перед собой цель раскрыть всю полноту экспедиционной деятельности по изучению татарской культуры в 1920-1930-х гг.

Экспедиции по изучению татарской культуры в 1920-1930-х гг. нашли отражение и в

многочисленных архивных документах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), в частности, в фондах Наркомпроса ТАССР (Ф. Р-3682) и Общества изучения Татарстана (Ф. Р-447). В фонде Наркомпроса ТАССР (Ф. Р-3682) изучены материалы музейной комиссии и материалы по учету и охране памятников искусства, старины, быта и природы по ТАССР. В фонде Общества изучения Татарстана (Ф. Р-447) пристальное внимание было уделено документам по экспедиционной деятельности, материалам пленума центрального совета, карточки по учету исследований, протоколы секций, переписка с различными учреждениями, документы по личному составу. Вопросы планирования археологических экспедиций, выдачи Открытых листов и предоставления отчетных документов представлены в архивных материалах Государственной Академии истории материальной культуры в Архиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

Кроме того, были использованы архивные материалы из личных фондов Николая Филипповича Калинина, из Архива Института языка литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан и Музея археологии РТ Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Здесь особый интерес представляют личные документы, фотографии, чертежи, археологические отчеты и материалы к ним.

Из иллюстративных материалов, использованных в данном издании, также необходимо отметить фотографии Болгарского городища и отдельных его памятников из фондов Государственного музея архитектуры имени А. В. Щусева (Москва) и Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ).

Среди опубликованных источников можно выделить издания Татнаркомпроса (Материалы по изучению, 1925), Академцентра при нем (Материалы по охране, 1927; 1928; 1929; 1930) и отдельных научных обществ («Вестник Научного общества татароведения», «Труды Общества изучения Татарстана», «Осведомительный бюллетень Общества изучения Татарстана», «Труды Дома татарской культуры»). В них находили отражение итоговые материалы исследований ученых.

В первые годы советской власти (1918-1920) поддержку исторических исследований на территории молодой Республики осуществляло ОАИЭ. Тем временем, возросший интерес к истории и краеведению подвигнул к организации в декабре 1921 г. в Москве первой конференции научных обществ по изучению местного края. Она была созвана Академцентром Народного комиссариата просвещения РСФСР. Еще через год было создано Центральное Бюро Краеведения (ЦБК), которое в 1923 г. возглавил академик Д. Н. Анучин. От нашего края в центральное бюро вошли профессора М. Э. Ноинский и К. В. Харлампович, а с 1924 г. – Н. И. Воробьев (Синицина, 1965, с. 32).

Исходя из идеи мировой революции и распространения ее на народы Востока, в данный период активизировались востоковедческие исследования. Для их координации и создания единого центра краеведения была предпринята первая попытка создания научного общества нового типа. В 1922 г. при Восточной Академии организуется научное Общество Татарской республики по изучению Востока России. Однако вскоре Академия была закрыта, а возникшее при ней Общество было преобразовано в научное Общество татароведения при Академическом центре Татнаркомпроса. Первое торжественное заседание НОТ состоялось 30 мая 1923 г. (Бороздин, 1930, с. 29).

Однако планы властей в организационных вопросах шли намного дальше. Как отмечают Г. А. Фаттахова и Р. К. Валеев, еще в марте 1923 г. была предпринята попытка создания специального исследовательского института по татароведению, основная задача которого сводилась к руководству, «охране и исследованиям татарской старины» (Фаттахова, Валеев, 2002, с. 61). Специальная комиссия в составе Г. С. Губайдулина, Али Рахима, Г. Максудова, М. Г. Худякова, Н. И. Воробьева, Г. Шарафа и Н. Н. Фирсова должна была выступить в роли организаторов данного института (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 488. Л. 6).

Перед новым институтом ставились задачи археологического исследования Татарской Республики и охрана археологических запо-

ведников. Некоторые ученые даже получили задание по выработке археологической карты заповедных мест ТССР. Академцентр должен был финансировать все работы (Фаттахова, Валеев, 2002, с. 62). Однако более об этом институте ни в источниках, ни в литературе никаких сведений найти не удалось. Есть все основания согласиться с исследователем А. В. Зайцевым, что: «можно предположить, что его задачи и функции были переданы научному Обществу татароведения, принимая во внимание одинаковый состав учредителей, а также сходство поставленных перед обеими организациями задач» (Зайцев, 1998, с. 95).

Научное Общество татароведения ставило перед собой цель объединения «в ТАССР лиц, научно работающих в области всестороннего изучения татар и татарской культуры, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам Общества в общественной среде» (Устав, 1925, с. 29).

Председателем Общества стал профессор Н. Н. Фирсов, секретарями в разное время были М. Г. Худяков, Е. И. Чернышев и А. Рахим. Члены Общества подразделялись на действительных и почетных членов, а также на сотрудников-корреспондентов (Обзор, 1930, с. 202). Общество планировало археологические раскопки и разведки в Булгаре, Биляре, Казанском кремле и Иски-Казани, в том числе составление археологической карты и приобретение археологических коллекций (Фирсов, 1928, с. 331-332).

Деятельность НОТ во многом пересекалась с кругом научных интересов членов Общества изучения Татарстана, а также со Всероссийской Ассоциацией Востоковедения, представитель которой, профессор И. Н. Бороздин, присутствовал при открытии общества. В документах также отмечается тесная связь НОТ с Саратовской комиссией по изучению татарской культуры, осуществлявшей разработку проблем татароведения на территории Нижнего Поволжья (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 948. Л. 31).

Среди трудностей в работе НОТ главное место занимало отсутствие необходимых ма-

териальных средств. Это, например, помешало осуществить отмеченные в планах археологические работы, а именно произвести раскопки в районе Казанского кремля и Болгарского городища. Финансирование Общества состояло из членских взносов, поступлений от продажи собственных изданий, регулярной субсидии Татнаркомпроса и редких субсидий местных и центральных правительственных органов. Главное финансирование шло через Академический центр Татнаркомпроса, а затем, Дома татарской культуры (Хроника, 1926, с. 94).

Из достигнутых результатов можно выделить организацию копирования архивных документов по истории татар и Казанского края в Центральном Государственном Архиве профессором Н. Н. Фирсовым; М. Г. Худяковым была составлена археологическая карта ТССР; Г. Губайдуллиным был выпущен библиографический указатель литературы по татароведению и некоторые другие наработки НОТ (Фаттахова, Валеев, 2002, с. 63).

В экспедиционной деятельности можно выделить прошедшую под общим руководством Н. И. Воробьева летом 1925 г. поездку в Мамадышский кантон Татарской Республики. В ней принимали участие члены НОТ М. С. Губайдуллин, К. С. Губайдуллин и С. Г. Вахитов. Во главу угла экспедиции было поставлено обследование кантона в археологическом (древние надгробия и городища), историческом (древние книги и рукописи) и этнографическом отношении (Бороздин, 1930, с. 31). В целом, в 1925-1929 гг. от имени Общества было организовано 7 экспедиций и поездок с научной целью в различные кантоны Татарской Республики (Отчет, 1930, с. 276).

Деятельность научного Общества татароведения во многом пересекалась с кругом научных интересов членов Общества изучения Татарстана (ОИТ). Оно было образовано на базе Бюро краеведения при Академцентре постановлением Совнаркома ТАССР от 10 июля 1928 г. (Крылов, 2011, с. 103). В правительственном Постановлении ТАССР была определена главная задача ОИТ: «всестороннее изучение Татарстана, т. е. его природы, населения, быта, истории, культуры и производительных сил» (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 21. Л. 2).

В начале 1929 г. представителем Главнауки РСФСР Юманкуловым была изучена деятельность НОТ, результатом чего на одном из заседаний Главнауки стал доклад, в резолютивной части которого научному Обществу татароведения рекомендовалось слиться с ОИТ, «ввиду создавшегося параллелизма в работе обоих краеведческих обществ», что и было сделано 3 ноября 1929 г. на отчетном собрании научного Общества татароведения. В итоге, к 1930 г. НОТ перестало существовать как самостоятельная организация и составило секцию татароведения в Обществе изучения Татарстана, с правом продолжить выпуск «Вестника научного Общества татароведения» (Фаттахова, Валеев, 2002, с. 65).

В сентябре 1928 г. на Первой Всетатарской конференции был избран Центральный Совет ОИТ, в который были включены 43 человека, председателем Общества был избран И. Ш. Рахматуллин (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 21. Л. 61). Финансирование ОИТ осуществлялось за счет членских взносов, пожертвований частных лиц, ассигнований правительственных и общественных учреждений, доходов от реализации печатных изданий, лекционной деятельности и др. (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 20. Л. 5-6). Структурно Общество относилось к Дому татарской культуры (ДТК). Из обширного количества секций для нас особый интерес представляют возглавляемое Н. Ф. Калининым школьно-краеведческое бюро и музейная секция под руководством Н. И. Воробьева и П. М. Дульского.

Общество ставило перед собой амбициозные планы по комплексному изучению в течение десяти лет всех основных географических районов Татарской Республики: Заказанья (Арский, Лаишевский и Мамадышский кантоны), Горной стороны (Свияжский и Тетюшский кантоны), Западного Закамья (Чистопольский и Спасский кантоны), Северо-Восточного Закамья и Прикамья (Челнинский и Елабужский кантоны), Юго-Восточного Закамья (Мензелинский и Бугульминский кантоны). В 1928-1929 гг. была запланирована экспедиция в Заказанье «для проведения археологических разведок городищ, памятников, составления археологических карт; собирания устных преданий и письменного (рукописно-

го) материала по истории края; выяснения вопросов заселения края; изучения надгробных памятников; составления карт заселения; изучения языка и фольклора; этнографического изучения отдельных аспектов материальной культуры народностей края; изучения кустарных промыслов; изучения прикладного искусства, народной музыки и песенного творчества» (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 4).

В 1928 г. на территории Татарской Республики было проведено более тридцати различных экспедиций, в том числе 6 экспедиций, организованных центральными учреждениями и организациями РСФСР, а остальные 28 экспедиций за счет местных организаций и научных учреждений. Например, Академический центр Татнаркомпроса, Институт по изучению культуры Востока и Ассоциация Востоковедения под руководством профессоров А. С. Башкирова и И. Н. Бороздина провели совместную экспедицию по изучению болгарской культуры в Чистопольском кантоне, Билярске и Иски-Казани. По результатам этой экспедиции в Доме татарской культуры был сделан обширный доклад, а находки, собранные в результате экспедиции, демонстрировались на выставке, посвященной 50-летию юбилею ОАИЭ при Казанском университете (Абдрашитова, 2006, с. 51).

12 июня 1929 г. Протоколом №10 заседания комитета по исследованию болгаро-татарской культуры на территории ТССР, в присутствии А. С. Башкирова, В. В. Егеревы, П. Е. Корнилова, Л. И. Вараксиной, Р. Тагирова, Н. Ф. Калинина и З. А. Акчуриной был утвержден план работ на 1929 г. На заседании комитета приняли к сведению и утвердили выписку протокола заседания по археологии Московской секции Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) совместно с комиссией по изучению татарской культуры Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР (ВНАВ). Кроме того, заслушали сообщение А. С. Башкирова о посещении Академцентра при Татнаркомпросе и ОИТ в связи с проведением работ по археологическим разведкам в ТССР, проводимых по линии ОИТ на средства Академцентра из бюджета ОИТ. В итоге утвердили план работ на 1929 г., предус-

матривающий: «а) обследование архитектурного сооружения в Билярске, б) продолжение разведок там, в) окончание топографической съемки валов, г) продолжение обследований в Казанском кремле». Здесь же была утверждена ориентировочная смета расходов на Билярскую экспедицию (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 22). Личный состав экспедиции намечался в составе начальника А. С. Башкирова и сотрудников З. Тагирова и А. И. Вараксиной. Для геодезических работ планировалось пригласить В. Н. Сементовского. Также были установлены сроки выездов групп исследователей. П. Е. Корнилову было поручено заняться организационными работами экспедиции по Казани (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 22 об.).

А. С. Башкиров так описывает свои работы 1929 г. в кратком отчете для ГАИМК: «Летом на территории Татреспублики были проведены следующие археологические работы:

Снят на городище Джуке-Тау топографический детальный план с подробной и отдельно пририсовкой валов со рвами.

Осмотрены со сбором подъемного материала прилегающие к нему и по берегам Камы территории на угодьях села Данауровка. Керамический материал дал указание о том, что и городище Джуке-Тау, и его окрестности были заселены в древнетатарскую эпоху XIII–XV вв. Открытый могильник в районе Данауровки (в 1 км к С.-В.) татарского времени имел очень в недавнем времени много надмогильных памятников, из них нам удалось обнаружить только один сильно фрагментированный. После фотографирования на месте памятник был доставлен в Чистопольский кантонный музей.

Далее были изучены городище Биляр и его окрестности. Была продолжена топографическая съемка городища Биляр, а именно: подробно были занесены на план (к плану 1928 г.) средний и дальний вал и находящиеся между ними холмы от древних сооружений. При осмотре городища в двух местах селения в «сибирском конце» (район села) были обнаружены два крупных кирпичных сооружения из дотатарского кирпича, которые занесены на карту-план.

Изучаемы были и каменоломни Биляра около так называемого «Серебряного ключа»,

которые давали для биярских зданий очень хороший строительный материал (мелко-зернистый известняк).

Третьи работы в Татарстане были на городище г. Булгар (село Успенское). Здесь я изучал надземные архитектурные памятники и их фрагменты. Часть этих памятников мной уже изданы в книге «Памятники Булгаро-Татарской культуры на Волге» (общая топография, оборона, четырехугольник, бывший минарет, белая палата). Изучению и обследованию в 1929 г. были подвергнуты памятники городища: малый минарет, Черная палата, группа дюрбе около малого минарета, дюрбе, так называемая церковь св. Николая, дюрбе, бывший монастырский погреб и раскоп, так называемый «Иерусалим». Со всех указанных памятников сняты архитектурные планы, к ним даны разрезы, многочисленные детали памятников также зафиксированы в отдельных чертежах. Изучался материал, техника конструкций и стиль памятников. Данный материал в настоящий момент лег в основу 2 части «Памятников Булгаро-Татарской культуры на Волге» обрабатываемой к изданию.

Во временном хранилище древностей городища в «Черной палате» я изучал архитектурные фрагменты, собранные с городища. Некоторые из них представляют детали четырехугольника и своей орнаментальной стороной являются показателями тех художественных течений, о которых я в свое время говорил и в упомянутой книге и в статье «Сельджукизм в древнем татарском искусстве» (журнал Крым).

Изучал я и небольшую, но глубоко интересную керамическую коллекцию, собранную учениками местной школы под руководством учителя (мною не раз инструктируемого).

Среди керамики местной глубокий интерес представляют фрагменты так называемой «золотоордынской» поливной посуды. Часть из них имеет привозной характер и в особенности из далекого Хорезма. Мне, знакомому с керамикой древнего Гурганджа, а ныне Куны – Ургенча, было особенно интересно констатировать наличие экономических и культурных связей между Волжской Болгарией и Хорезмом на конкретном материале. Среди керамической школьной коллекции имеются фрагмен-

ты персидской эпохи XIII–XV вв. и поливной с рельефным орнаментом (надписи и растительные элементы на мелком слегка рельефном тоном фоне); имеется и ряд фрагментов китайского селадона.

На окраине Булгар я фотографировал ряд эпиграфических памятников в фундаменте церкви.

Осматривая окрестности городища Булгар, я заинтересовался колоссальным валом с глубоким рвом рядом с мелкими пунктами при них, представляющих помещения при обороне. Вал идет от юго-западной части окрестностей городища на восток на протяжении 5 км, очень мало прерывающийся. Изучение этого памятника на очереди.

Мои работы в Татарской республике закончились изучением коллекции Археологического музея при Казанском университете, где главное внимание было уделено архитектурным орнаментированным фрагментам.

Вся работа сопровождалась многочисленной фотофиксацией. Выполнено до 50 чертежей и до 50 фотографий» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 276. Л. 1-5).

По окончании археологических работ А. С. Башкировым был представлен отчет о проведенных летом 1929 г. исследованиях на Биярском городище. Работы являлись продолжением исследований 1928 г. и были сосредоточены главным образом на продолжении топографического обмера дальней системы обороны древнего города (средний и внешний вал, а также прилегающие к ним и между ними холмы – «шичики», представляющие части фортообразных сооружений и других загородных построек) и на дообследовании кирпичного монументального сооружения с системой центрального отопления, обнаруженного систематической разведкой 1928 г. (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 168).

В период с 23 июня по 23 июля 1929 г. рабочей группой разряда зодчества ГАИМК в составе члена ГАИМК К. К. Романова и научных сотрудников Л. М. Шуляк и В. П. Тихомировой, совместно с представителем Музейного отдела Татаркомпроса П. Е. Корниловым, был произведен детальный осмотр и обследование свыше 80 памятников ТССР: в Болгарах, Сви-

яжске и Казани. Сотрудниками ГАИМК был произведен ряд обмерных работ: «Ханской усыпальницы» в Болгарах и других памятников в Свияжске и Казани эпохи XVI – начала XIX вв. Все эти материалы предполагалось опубликовать в издании Музейного отдела «Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР» (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 83 об.).

23 июля 1929 г. ГАИМК обратилось с письмом в Академцентр Татнаркомпроса с просьбой поддержать планируемую в том же году поездку аспиранта ГАИМК М. Г. Худякова, командированного в Татарскую Республику. В 1929 г. ГАИМК предполагал провести первый опыт палеоэтнологической работы в нашей Республике. Планировалось, что М. Г. Худяков должен провести археологические разведки в районе Казани (Айша, Стекольный завод) и по течению реки Камы (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 39). По итогам этой поездки М. Г. Худяков написал краткий отчет для издания в «Осведомительном бюллетене Общества изучения Татарстана»: «В августе 1929 г. сотрудником Гос. Академии Истории Материальной Культуры М. Г. Худяковым произведен осмотр средневекового татарского городища Иски-Казань. Топография городища весьма примечательна. Будучи расположено на значительной высоте, на неприступных кручах правого берега р. Казанки, городище ограничено с двух сторон естественными обрывами (с юга – к реке, с запада – к оврагу), а с двух других обнесено мощным валом, высшая точка которого находится в северо-восточном углу городища. Особенность вала в том, что он двойной, по конструкции напоминающий Никольский вал близ Булгара. По размерам городище соответствует второстепенным болгарским городкам провинциального типа. На площади городища встречается в небольшом количестве простая грубая керамика послемонгольской эпохи. Поливная керамика совершенно отсутствует, что свидетельствует о бедности городища. Размеры городища, его положение и характер находок убеждают в том, что Иски-Казань была небольшим укрепленным городком, не имевшим никакого промышленного значения. Ближайшую аналогию ему представлял г. Арча

(Арск). Поэтому появившееся недавно в литературе представление об Иски-Казани как о военном, экономическом и даже культурном центре татар до образования Казанского ханства должно быть оставлено как совершенно не отвечающее действительности» (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 160).

В 1929 г. во время объезда Арского района с целью изучения искусства деревни, ученый секретарь Музейного Отдела Татнаркомпроса П. Е. Корнилов провел обследование остатков древнего некрополя около станции Менгер, произведя фотографирование, обмеры и изучение орнаментов. Такой же некрополь был осмотрен и изучен у села Большая Атня. П. Е. Корниловым особо подчеркивалось, что наряду с небольшим числом надгробий начала XIX в. были встречены и более ранние камни, требующие дальнейшего детального изучения (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 83).

Во второй половине июля 1929 г. ОИТ совместно с отделом по делам музеев, охраны памятников старины и природы при Академическом центре Татнаркомпроса были проведены археологические разведки на территории Казанского кремля в районе сада за апсидами Благовещенского собора, у башни Сююмбике и у бывшей Дворцовой церкви. Разведки в саду продолжили исследования 1928 г. и были направлены на раскрытие и обследование обнаруженных древних деревянных срубов. Пробные шурфы были заложены вдоль всего сада для характеристики залегания слоев. Разведки у башни Сююмбике дали ценный материал о фундаменте кладки башни, то же можно сказать и о пробных шурфах у бывшей дворцовой церкви. Найденные здесь человеческие кости исследователи сочли неэффективными. Собранный материал, состоящий главным образом из керамики, остатков костей и некоторых других предметов, был передан на хранение в Центральный музей. Работы проводились под руководством профессора М. Н. Бороздина, при участии Н. Ф. Калинина, З. А. Акчуриной, Г. Хусаинова, Н. Спиридинова (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 83 об.). Протоколом совещания работников археологической экспедиции в Кремле и Музейного отдела Татнаркомпроса от 30 июля 1929 г. было решено

издать материалы исследований в виде отчета и просить ОИТ включить продолжение археологических работ в план будущего года и ассигновать необходимые средства (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 76).

В июле 1929 г. Бюро Бугульминского отделения ОИТ организовало археологическую экспедицию по раскопке могильников у села Уруссу и разведку по обследованию Апсальмских пещер под руководством преподавателя Бугульминской школы второй ступени К. В. Францева, Н. М. Кляритского и пяти участников-школьников старшей (восьмой) группы второй ступени. Экспедиция составила план местности и план могильника. В могильнике были найдены немногочисленные остатки жизнедеятельности: фаланга руки, волокно растения, обломок лошадиной кости над головой первого из двух найденных скелетов, кучка камней, напоминающих палеолитические орудия клинообразной формы. Погребения были в колоде (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 78 об.).

Также в 1929 г. в рамках экспедиционной деятельности к зарисовкам памятников искусства и быта ТССР были привлечены приезжие художники. А. И. Трапицын, художник-пейзажист из Ульяновска, работал над зарисовками памятников Казанского Кремля, Свияжска и Болгар. Он нарисовал темперой до 20 этюдов. З. И. Соколова, архитектор-художник из Ленинграда, сделала ряд зарисовок с бытовых памятников Казани и кантонов. Н. А. Шифрин, художник кино из Москвы, в рамках работы над кинокартиной «Комета», сделал ряд бытовых зарисовок Казани (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 83 об.).

В 1930 г. намечалась экспедиция под руководством П. М. Дульского в Арский район и Мамадышский кантон для изучения художественных промыслов. Историко-лингвистическая и этнографическая экспедиция должна была пройти по Чистопольскому кантону ТАССР и за пределами Республики, в городах Глазов и Касимов с окрестностями. В Мензелинском и Бугульминском кантонах предполагалось комплексное изучение быта, культуры,

«религиозных культов (отношений), общественных отношений, ремесленно-кустарных промыслов и их связи с фабрично-заводской промышленностью» (НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 3. Д. 44. Л. 29, 55-56, 139).

В конце 1929 г. Академия наук СССР подверглась «большевизации», что в дальнейшем отразилось и на реорганизации научных учреждений по всей стране. 13 марта 1930 г. функции ОИТ были переданы в отдел культуры и быта Татарского научно-исследовательского экономического института. В 1931 г. ОИТ окончательно прекращает свою работу.

В 1925 г. при Академцентре Татнаркомпроса был организован Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы.

К безусловным достижениям и значительным результатам деятельности Отдела следует отнести регистрацию археологических памятников в Елабуге и Свияжске, а также первые рекогносцировочные археологические раскопки в Казанском кремле летом 1928 г. Раскопки в кремле ставили своей целью выявление культурного слоя и обследование некоторых спорных вопросов топографии. Руководство раскопками осуществляла комиссия в составе И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова, В. В. Егеревы и Н. Ф. Калинина. Подготовка к раскопкам осуществлялась в сжатые сроки, в течение зимы 1928 г. Академцентром Татнаркомпроса под председательством М. Х. Тагирова. Особо следует подчеркнуть, что к раскопкам были привлечены центральные научные организации – Всесоюзная научная ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР и Институт народов Востока (Бороздин, 1929, с. 185-200).

Таким образом, на рубеже 1920-1930-х гг. различными научными учреждениями Республики были проведены значительные научно-исследовательские работы в форме экспедиций. К сожалению, в дальнейшем, в 1930-е гг. интерес к исследованию национальной культуры заметно ослабевает из-за раскручивающегося маховика репрессивных дел по обвинению в буржуазном национализме. Новый этап масштабных археологических экспедиций в регионе начнется только в послевоенные годы.

Х. М. АБДУЛЛИН, С. Г. БОЧАРОВ, А. Г. СИГДИКОВ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 276. Л. 1-5.

НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 488.

НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 948.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 20.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 21.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 21.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 3. Д. 44.

Абдрашитова И. М. Вестник научного общества татароведения (1925-1930) // Ученые записки Казанского педагогического института, 1970. Вып. 80. Из истории Татарии. Сб. 4.

Абдрашитова И. М. Из истории научного Общества татароведения (1923-1929). Вопросы историографии и источниковедения // Ученые записки Казанского педагогического института, 1975. Вып. 150. Сб. 7.

Абдрашитова И. М. Научные общества по изучению истории Татарстана (1923-1930) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2006. № 5.

Алавердов К. А. Практика яфетидологов и современность // Революция и язык. М., 1931. № 1.

Амирханов Р. У., Гарипова З. Г. Некоторые проблемы становления гуманитарных наук в Татарии в 20-30-е годы и развитие национальной культуры // Великий Октябрь некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989.

Багаутдинов Г. В., Камалов И. Х. Развитие экономики и культуры Татарской АССР за 50 лет // Торжество ленинской национальной политики в СССР. Горький, 1974.

Бороздин И. Современный Татарстан // Новый Восток. 1925. № 10/11.

Бороздин И. Н. Из области татарской культуры // Новый Восток. 1929. № 25.

Бороздин И. Из истории культурной жизни Татреспублики // Вестник НОТ. 1930. № 9/10.

Векслин Н.-Б. Ближайшие задачи краеведческой работы в Татарии // Краеведение. 1929. № 1/2.

Векслин Н.-Б. Изучение Татарстана за 10 лет (1920-1930). Казань, 1930.

Гильманов З. И., Георгиевская И. А., Кузьмин В. В. Некоторые итоги изучения истории Татарии советского периода за 50 лет // Развитие филологических и исторических наук в Татарии. Казань, 1969.

Гомаров Л. Гыйльми үзакта эшләү еллари // Совет мактабе. 1967. № 3.

Десять лет социалистического строительства в Татарстане. Казань, 1930.

Зайцев А. В. Исторические учреждения республики Татарстан в 20-30-е годы XX века. Казань, 1998.

Закиев М. З. 50 лет поисков и открытий // Татары: проблемы истории и языка: Сб. статей. Казань, 1995.

К итогам работы Всетатарской конференции ОИТ // Труд и хозяйство. 1929. № 1/2.

Краеведение в национальных республиках и областях // Советское краеведение. 1931. № 4.

Крылов Е. В. Социально-политические факторы развития татарской археологической науки в 1920-1930-е гг. // Вестник удмуртского университета. 2011. Вып. 3.

Материалы по изучению Татарстана: сборник статей. Вып. 1. Казань, 1925.

Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. 1. Казань, 1927. 54 с., 8 л. ил.

Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. 2 / Татнаркомпрос. Акад. Центр. Отд. по делам музеев, охраны памятников искусства, старины и природы. Казань, 1928. 83 с., 4 л. ил.

Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР: Вып. 3. Казань, 1929. 60 с., 6 л. ил.

Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР: Вып. 4. Казань, 1930. 104 с., 10 с. ил.

Обзор деятельности научного Общества татароведения (1923-1929) // Вестник НОТ. 1930. № 9/10.

Отчет о деятельности научного Общества татароведения (1923-1929) // Вестник НОТ. 1930. № 9/10.

Самойлович А. Н. Краеведение в Татарской АССР // Краеведение. 1925. Т. 2. № 1/2.

Синицына К. Р. Роль научных и краеведческих обществ в музейном строительстве в Татарии в 20 – начале 30-х годов // Сборник научных трудов Госмузея Татарской АССР. Казань, 1965. Вып. 2.

Тугаринов А. Я. Современность и пути краеведческой работы // Краеведение. 1924. № 3/4.

Устав НОТ при Академическом ТН КП // Вестник НОТ. 1925. № 12.

Ученые записки Казанского педагогического института, 1975. Вып. 145. Из истории Татарии.

Фаттахова Г. А., Валеев Р. К. Академический центр Татарии: 1920-е годы. Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Федорова Н. А. К истории «Общества изучения Татарстана» // Тезисы докладов краеведческих чтений «Народы Среднего Повол-

жья: история, культура» (20-21 мая 1993 год). Секция истории. Казань, 1993.

Федорович Н. Научно-исследовательская работа в Татарской республике, ее задачи и перспективы в разрезе пятилетки // Научный работник. 1930. № 11/12.

Фирсов Н. Н. Важнейшие перспективы научной работы по изучению Татарии // Вестник научного Общества татароведения. 1925. № 3.

Фирсов Н. Н. Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении // Новый Восток. М., 1928. Кн. 20-21.

Хасанов М. Гыйльми үзәк һәм Галимжан Ибраһимов // Совет мәктәбе. 1969. № 11.

Хасанов М. Х. Галимджан Ибрагимов. Казань, 1977.

Хасанов Х. Х. Культурное строительство в Татарии в 1921-1925 гг. // Известия Казанского филиала АН СССР. Казань, 1955. Вып. I.

Хроника // Вестник НОТ. 1926. № 4.

1.2. ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ

в 1923 г. и ее инициаторами выступают заведующий КрымОХРИСом¹ Александр Иванович Полканов и директор Государственного дворца и музея татарской культуры в г. Бахчисарай (музей получил официальный статус по постановлению Президиума Совета Народных Комиссаров Крымской АССР от 18 марта 1922 г. (Эминов, 2011, с. 55), глава Бахчисарайского отдела КрымОХРИСа Усеин Абдрафиевич Боданинский. Поддержки в организации экспедиции в 1923 г. А. И. Полканов и У. А. Боданинский искали у ведущих научных учреждений страны. Ими были прочитаны доклады в Музейном отделе Главного управления научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) РСФСР, во Всероссийской Научной ас-

Рис. 1. Кырк-Азизлер. Фото. 1924 г. Экскурсия татарской художественно-промышленной школы на раскопках. Третий справа стоит У. А. Боданинский (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 26. Л. 50).

В октябре 1921 г. в составе Советского Союза была образована Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика. В первые годы советской власти на Крымском полуострове активно проводилась политика поддержки малых народов. После завершения Гражданской войны, события которой были особенно тяжелы для Крыма, советское правительство хотело получить поддержку «на местах» (см. статью М. А. Добровольской в этом издании). Одним из проявлений этой политики в гуманитарной сфере была организация экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму. Идея экспедиции зарождается

Рис. 2. Кырк-Азизлер. Фото. 1924 г. Надгробный памятник, вид с юго-запада (Фонды БИКАМЗ. Ф-1116).

¹ КрымОХРИС был образован в ноябре 1920 г. при отделе народного образования Крымского Революционного Комитета как секция по охране памятников старины и искусства. В ноябре 1921 г., после образования Крымской АССР, КрымОХРИС был выделен в самостоятельный отдел при Наркомате просвещения автономной республики. Задачами КрымОХРИСа были руководство музеями, организация отделений на местах, проведение изыятий художественных ценностей из особняков и дворцов, обмеры, фотофиксация, ремонт и реставрация памятников.

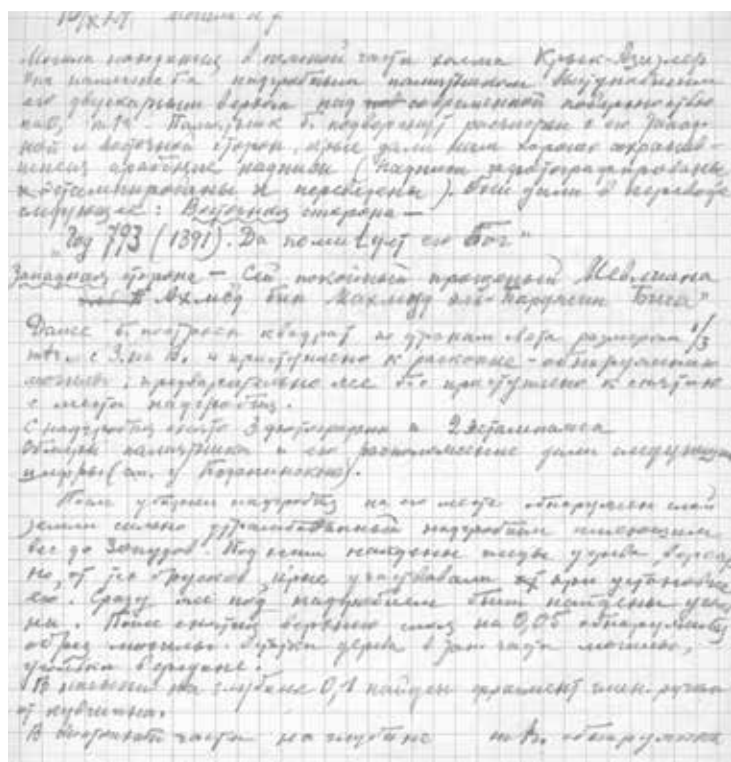

Рис. 3. Кырк-Азизлер. Бумага, карандаш. 1924 г.
Лист из дневника А. С. Башкирова об археологических раскопках могильника Кырк-Азизлер (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 25. Л. 104).

социации востоковедов при Центральном исполнительном комитете СССР (Москва) и в Академии Истории материальной культуры (Петроград) (Эминов, 2011, с. 56). В следующем 1924 г. эта идея была поддержана властями Крымской Автономной Советской Республики.

На заседании Ученого совещания при заведующем КрымОХРИСом, состоявшемся 28 марта 1924 г., был рассмотрен план археологических раскопок и разведок на текущий год. Помимо крымских специалистов к работе планировалось привлечь сотрудников Научной ассоциации востоковедов при ЦИК СССР. План был озвучен в докладе А. И. Полканова. Предполагалось вести работы на Гераклийском полуострове в окрестностях Севастополя, в Бахчисарае и Старом Крыму. На Гераклее надлежало обследовать и раскопать открытые недавно сооружения мегалитического типа и кольцеобразные погребения. В Бахчисарае провести исследования погребений в районе Азиса и Эски-Юрта. В Старом Крыму – «места так называемого дворца и др».

Постановили: «План раскопок утвердить. Настоятельно ходатайствовать перед Научной Ассоциацией Востоковедения об открытии кредита на раскопки и обследования памятников Ираклийского полуострова, учитывая что по своему состоянию они могут погибнуть. Просить ассоциацию также об отпуске кредитов на раскопки в Бахчисарае и в Старом Крыму» (Архив ИИМК. ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 107. Л. 2-3).

Работы 1924 г. были профинансированы Центральным Исполнительным Комитетом Крымской АССР (КрымЦИК), Советом Народных Комиссаров Крымской АССР (Крым-Совнаркомом) и Научной ассоциацией востоковедения. Летом 1924 г. сотрудники Бахчисарайского дворца-музея и КрымОХРИСа У. А. Боданинский и Осман Нури Асанович Акчокраклы предприняли ознакомительную поездку в г. Старый Крым для определения объектов и объемов археологических исследований (Боданинский, 1930, с. 6). Однако, начать раскопки в Старом Крыму в соответствии с планами Крым ОХРИСа в этом году не удалось.

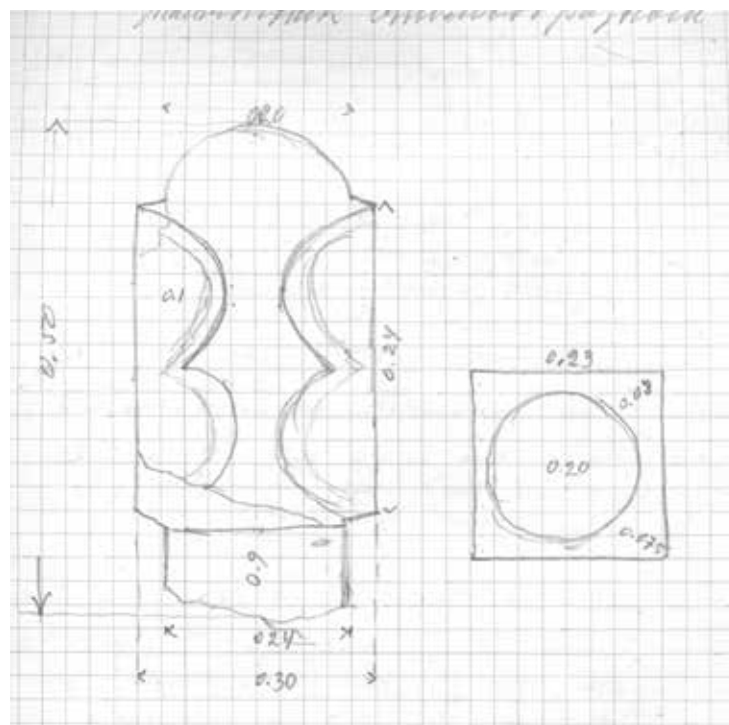

Рис. 4. Кырк-Азизлер. Бумага, карандаш. 1924 г.
Лист из дневника А. С. Башкирова об археологических раскопках могильника Кырк-Азизлер. Обмер вертикального надгробного памятника (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 25. Л. 106).

Рис. 5. Кырк-Азизлер. Фото 1924 г. Председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков осматривает археологические раскопки (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 25. Л. 19).

Начальником экспедиции был назначен член Президиума, заведующий историко-этнологическим отделом Всероссийской Научной ассоциации востоковедения, профессор Илья Николаевич Бороздин. Открытый лист 43/7312 на право проведения археологических раскопок в пределах Северного Кавказа и Крыма был выдан Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса РСФСР 20 июня 1924 г. Алексею Степановичу Башкирову – профессору, штатному преподавателю археологического отделения факультета общественных наук 1-го Московского государственного университета и ученому секретарю Центральной комиссии по изучению турецко-татарских древностей Научной Ассоциации Востоковедов (подлинник этого документа хранится – Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 111. Л. 20).

Лето 1924 г. А. С. Башкиров провел в экспедиции в Дагестане, затем в сентябре приступил к раскопкам античных объектов в Крыму на Гераклейском полуострове (Бороздин, 1925, с. 3-9). Приступить к исследованиям в окрестностях Бахчисарая он смог только в октябре этого года, времени для исследований в Ста-

ром Крыму уже не осталось. Помимо А. С. Башкирова в раскопках принимали участие директор Бахчисарайского дворца-музея У. А. Боданинский, преподаватель Крымского педагогического института и член археографической комиссии КрымОХРИСа О. Н.-А. Акчокраклы, заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды и член Ученого совещания при заведующем КрымОХРИСом Николай Львович Эрнст.

Ход работ на могильнике Кырк-Азислер² в местности Эски-Юрт (рис. 1) под Бахчисараем можно восстановить во всех подробностях, основываясь на дневниковых записях А. С. Башкирова (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 25. Л. 95-111)

(рис. 2, 3) и У. А. Боданинского (Фонды БИКАМЗ. КП 9522-381. Л. 2-10). Башкиров так описывает ход работ в области изучения татарской культуры на территории урочища Эски-Юрт и Азис в окрестностях Бахчисарая: «После работ на Гераклейском полуострове я, по заданиям Научной Ассоциации Востоковедения и по приглашению Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников (Крымохрис), производил археологические изыскания на средства Крымсовнаркома в районе Бахчисарая в урочище Эски-Юрт и Азис. В этом районе, можно определенно сказать, сделан первый и глубоко интересный шаг в изучении материальной культуры прошлого крымских татар. Сотрудничали со мной заведующий Бахчисарайским дворцом и музеем У. А. Боданинский, старший мастер херсонесских раскопок Н. З. Федоров, та же группа Севастопольских крымоведов и художник-архитектор О. Г. Бонч-Осмоловская.

Так как означенная работа была в данном регионе первой, то предстояло к ней подойти с сугубой осторожностью. Согласно намеченному плану, по осмотре территории, было произведено возможно точное описание со-

² Могильник обнаружен У. А. Боданинским и О. Н.-А. Акчокраклы в 1916 г. (Боданинский, 1930, с. 6).

Рис. 6. Кырк-Азизлер. Фото 1924 г. Надгробный памятник. Вид с северо-запада, у памятника У. А. Боданинский (Фонды БИКАМЗ. Ф-1099).

стояния Эски-Юрта и Азиса до момента производства каких-либо на поверхности земли работ, то есть произведена фиксация территории и ее памятников в том виде, в каком она была до нас, составляя топографический план с нанесением на него всего того, что связано с деталями природных условий и предметами дел человека. После археолого-топографической фиксации изыскания сосредоточились на наиболее рельефном пункте, называемом Кырк-Азислер (40 святых), с детальнейшим изучением его остатков на поверхности и на обследовании уцелевших частей древних построек, мавзолеев Азиса и других видимых остатков древностей.

Кырк-Азислер представляет слегка возвышенный тремя полуовальными частями пункт, ограниченный и пересеченный тремя дорогами, покрытый сухостойными травами, среди которых масса могильных памятников или в виде надгробий, или в виде сильно разрушен-

ных монументальных сооружений (тюрбе). Первые представляют тип однорогих и двурогих (известных в Крыму раньше) тюрбеобразных и медресеобразных (представляющих архитектуру в миниатюре), гробовидные с двухскатными широкими и узкими крышами, вертикальные с челмовидными вершинами и другие формы рассеянные на поверхности. Второе – монументальные сооружения представляют обширные купольные гробницы выложенные в квадратном вырезе (впущенные) в скалы с коллективными погребениями. Из последних подвергнуты обследованию те, которые находятся в разрушенном виде, где обнаружены почти все части, по которым можно проследить и материал и технику и стиль с изучением плана и других архитектурных деталей. Для более точного изучения была открыта купольная гробница, хорошо сохранившаяся в своей основной нижней части с потревоженными погребениями.

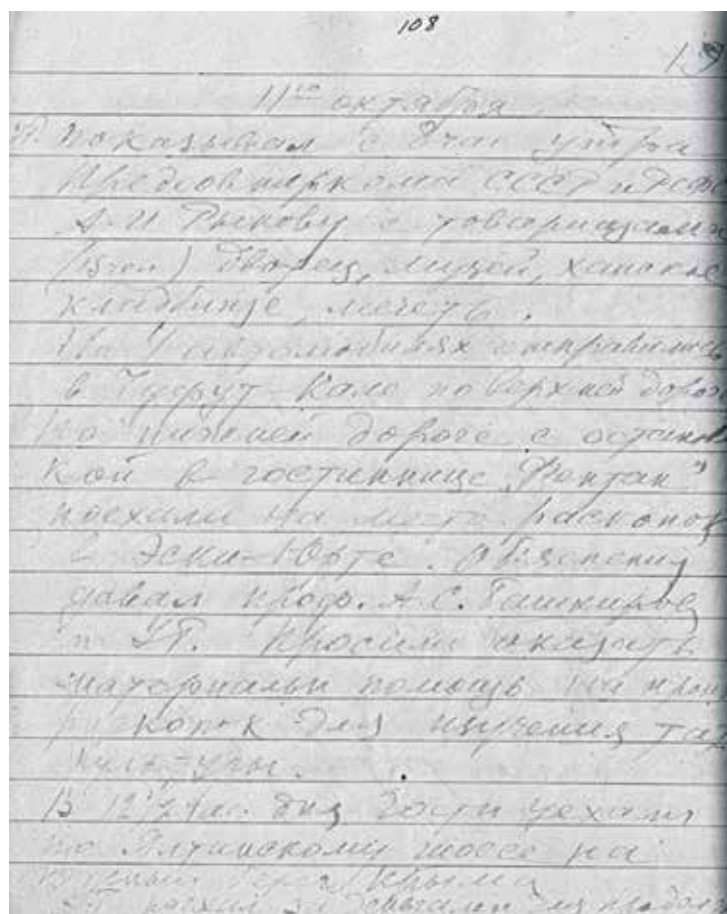

Рис. 7. Кырк-Азизлер. Бумага, карандаш. 1924 г. Лист из дневника У. А. Боданинского о посещении археологических раскопок могильника Кырк-Азислер Председателем Совнаркома СССР А. И. Рыковым (Фонды БИКАМЗ. Д. 381. КП 9522. Л. 109).

Рис. 8. Кырк-Азизлер. Фото 1924 г. Погрузка надгробного памятника для перевозки в Бахчисарайский дворец-музей, на заднем плане У. А. Боданинский (Фонды БИКАМЗ. Ф-1120).

Надгробные памятники дали нам, кроме своих разнообразных форм, и глубоко интересную орнаментику (рис. 6), состоящую из геометрических растительных элементов древних традиций, принесенных татарами с прародины – из далеких южных областей северной половины Азии и новые веяния на этом фоне – традиции общесредневекового искусства обширного бассейна Черноморья и, в особенности, арабо-византийского. Любопытная черта здесь и в том, что здесь на мусульманских памятниках встречаются изображения животных (птиц) и человека, черта хотя и не чуждая в мире ислама, но редкая; таковую мы встречаем ярко в Персии, сказывается она в Туркестане (рельефно на портале Самаркандского медресе Шир-Дор) и в Дагестане (хотя бы рельефы аула Кубачей), сопровождаемые орнаментального типа арабесками и надписями.

На многих наших надгробиях имеются надписи. Надписи покрывают разные места памятников, но преимущественно в частях, которые или над головой покойника, или над ногами. Обычно они содержат имя с указанием на его общественное положение, место его происхождения, а также на время его смерти, изредка на памятниках встречаются обычные

в данном случае изречения из Корана. Небезынтересно привести сюда для иллюстрации содержание некоторых надписей в русском переводе:

Так, например: надгробие № 4 на западной его стороне имеет надпись: «Этот райский сад (образно могила) принадлежит Сейфеддину, сыну Гази»; и на восточной стороне: «Это (т. е. смерть) произошло в год 809» (1406 г. нашей эры).

Надгробие № 6 на западной стороне: «Владелец этого райского сада Джуджи (Джуче) Тазлы (из Таза) Ибн-Хусни». На восточной его стороне: «Месяца Раби-эль-Эввель 810» (1407 г.).

Надгробие № 7 на западной стороне: «Сей покойный прощенный мевлиана (ученый – духовный руководитель) Ахмед бин Махмуд (происходящий из) эль-Барджин Бига». И на восточной стороне «Год 793 (1391 г.) да помилует его бог».

Еще одно любопытное надгробие № 12, у которого на западной стороне интересная надпись: «Этот райский сад покойного Юны (монгольское имя) – Эфенди, сын Бооз-Бор (тоже монгольское имя, в переводе – серый волк).

Надписи на надгробиях писаны арабским шрифтом, но текст передают арабский, татарский и персидский.

Вскрытые на Кырк-Азислере могилы дали в насыпи так называемую татарскую керамику, среди которой большой процент фрагментов поливной посуды. Погребения обычного характера, то есть погребения костяка головой на запад в вытянутом положении на спине, руки или лежат вдоль туловища, или согнутые в локте, положены на грудь, на живот или на низ живота так, что кости кисти рук оказываются по истлении на тазовых костях; есть погребения, где руки оказываются положенными так, что кисти рук находятся под тазовыми костями. Костяки большею частью лежат в деревянных

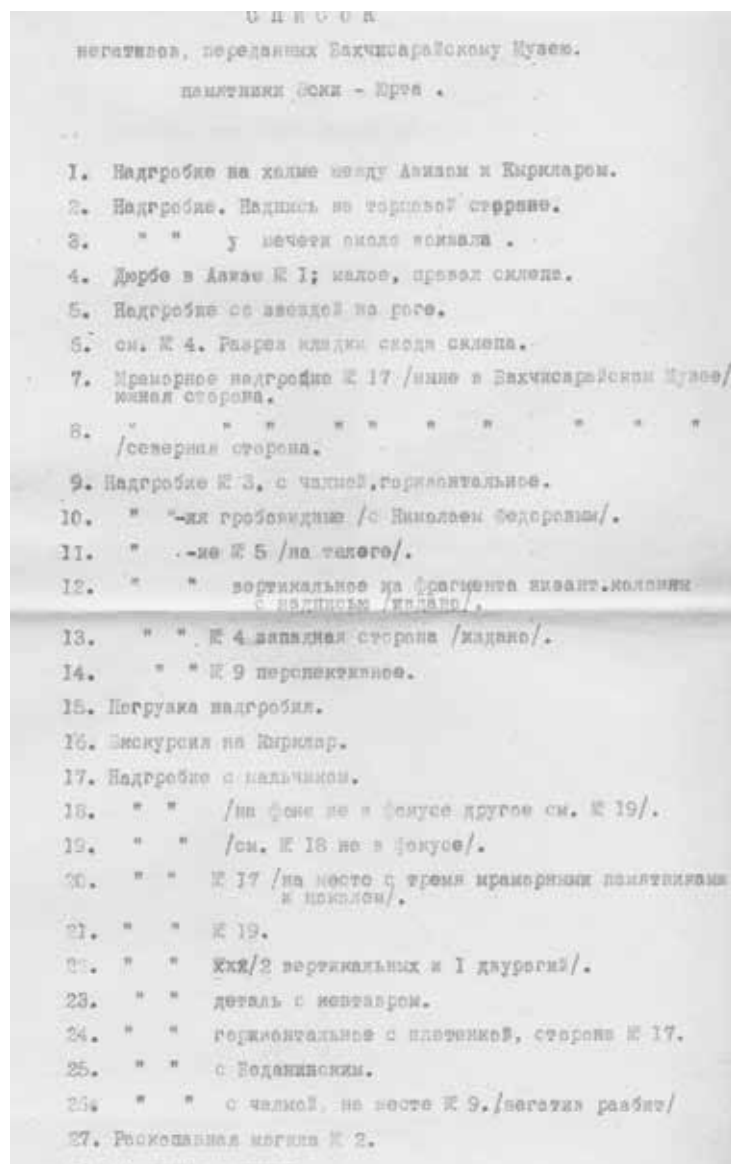

Рис. 9. Кырк-Азизлер. Бумага. 1926 г. Список негативных пластинок, переданных А. С. Башкировым Бахчисарайскому музею (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 39. Л. 9).

гробах, сбитых железными гвоздями. Обнаруженные памятники и погребения Эски-Юрта относятся (о чем ярко говорят надписи) к периоду исторической жизни татар в XIV–XV вв.

Разведкой пройдено городище Азис, где кроме взятия на учет (с фотографированием, обмером и зарисовками) группы монументальных дюрбе, относящихся к XV, XVI, XVII вв. (сооружения купольного порядка), были изучаемы фрагменты древних построек бывшего здесь города, обследована почва окружающего его с нанесением всех деталей на план.

Далее в самом Бахчисарае зафиксирована масса древностей, относящихся не только к

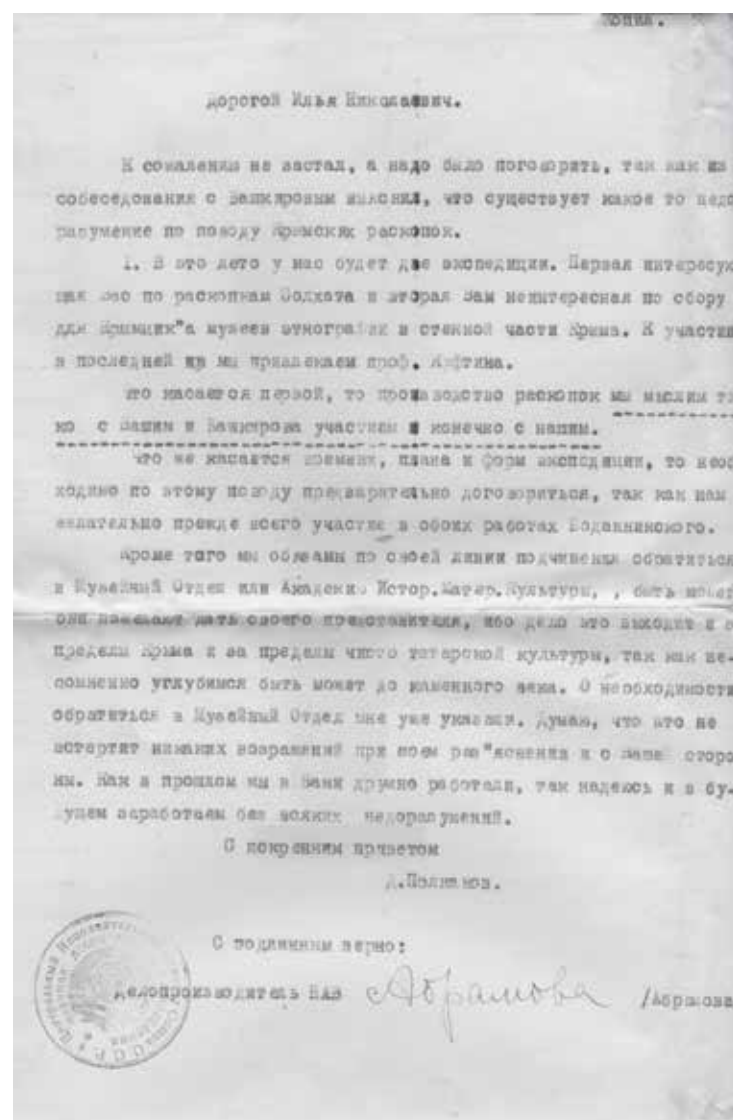

Рис. 10. Симферополь. Бумага, машинопись. 1925 г. Письмо А. И. Полканова И. Н. Бороздину (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 32. Л. 47).

дворцу, на который достаточно много обращено внимания, но и на памятники, разбросанные по городу. Взяты на учет в том же порядке: 1) полуразрушенные старинные дома с их оригинальными усадьбами – побочными постройками; 2) целый ряд старых мечетей; 3) оригинальные и удивительно изящные стройные минареты, особенно оригинальные в Крыму для мусульманских памятников (это своего рода уличные трибуны для ораторов или скорее монументальные мимбары вынесенные из мрака мечетей на воздух; 4) ряд старинных дюрбе, из которых Эски Дюрбе представляет исключительный интерес по своим сохранившимся архитектурным деталям древнего дюрбе. В Бахчисарае же записан ряд бытовых ста-

Рис. 11. Старый Крым. Фото 1925 г. Начало археологических исследований. Слева стоит П. И. Голландский, справа – И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ, Ф. 598. Д. 28. Л. 17).

ринных черт современных татар и осмотрен ряд кустарных промыслов (деревообделочное, кожевенное, ткацкое, металлообрабатывающие, ювелирное и др.).

В заключении моих работ в окрестностях Бахчисарая, должен заметить то, что археологические изыскания на территории Эски-Юрт и Азис настолько всколыхнули интерес населения, что нет, кажется, человека в Бахчисарае и в его окрестностях, не побывавшего на территории работ. Многие экскурсии, начиная со школьных и, кончая организованными экскурсиями почти всех профсоюзов, перебивали на раскопках (рис. 8 и 9).

В конце работ раскопки посетили заинтересованные их результатами члены крымского правительства во главе с Предсовнаркома Османом Дерен-Айерлы и Предкрымца Вели Ибрагимовым (рис. 5), а 11 октября раскопки посетил Предсовнаркома СССР А. И. Рыков (рис. 7).

В заключении краткого предварительного сообщения о своих научно-исследовательских работах лета 1924 года должен сообщить, что в настоящем году они превысили все мои ожидания. Проведя три определенных архео-

логических компании на Кавказе и в Крыму, я должен отметить, что успехами в работе я обязан правительствам Дагестана и Крыма, Главнауке Наркопроса РСФСР, Научной Ассоциации Востоковедения СССР, Северо-Кавказскому Комитету в Москве, давшим мне материальные средства в работе» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 21-24).

Тогда же, в 1924 г., с началом работ в окрестностях Бахчисарая были окончательно сформулированы цели и задачи экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму. В

программной статье Заведующего КрымОХРИСом А. И. Полканова сказано, что необходимо выдвинуть на первый план задачи первоочередные, не терпящие отлагательства. К этим задачам относится охрана и изучение татарской материальной и духовной культуры. Для исполнения этих задач КрымОХРИС наметил себе на текущий год следующий план работ: 1) Созыв Всекрымского Съезда по татароведению с привлечением к нему представителей других Татарских республик и отдельных ученых специалистов. Съезд должен пробудить инициативу на местах; объединить организационно и идейно работников по татарской культуре, выявить проделанную в этой области работу, установить связь с прочими татарскими республиками в деле изучения истоков татарской культуры, выработать единый план работ. 2) Открытие в Симферополе отделения Всероссийской Ассоциации Востоковедения, что даст возможность связать Крымскую работу с общесоюзной. 3) Создание в Бахчисарае Института Татароведения, как в центре татарской культуры, где сохранилось наибольшее количество памятников татарской материальной культуры. 4) Организация совместно с москов-

Рис. 12. Старый Крым. Фото 1925 г. Южная часть медресе до начала археологических исследований, вид с северо-запада. Стоит И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 29. Л. 1).

скими и ленинградскими учеными-татароведами этнографической экспедиции для сбора предметов быта и для изучения духовной культуры. 5) Организация раскопок первой татарской столицы в Крыму – Солхата (Старый Крым), которые должны дать несомненно интересный материал для освещения первоначального периода пребывания татар в Крыму. 6) Установление связи и руководство в собирании и изучении материалов татарской культуры, на периферии краеведческими ячейками и отдельными лицами, интересующимися этой культурой (Полканов, 1924, с. 73-74; Эминов, 2011, с. 57).

Археологические работы в Старом Крыму были начаты в 1925 г. В этом году удалось организовать и этнографическую экспедицию. Началу работ предшествовала значительная подготовительная работа, которая не обошлась без трудностей и конфликтов. Как и в случае с исследованиями предыдущего года, 14 января 1925 г. во Всероссийскую Научную Ассоциацию Востоковедения при ЦИК СССР обратился Представитель Крымской АССР при Президиуме ЦИК СССР, на основании директив, полученных от КрымЦИК и Крым-Сов-

наркома, с приглашением ВНАВ принять участие в научно-исследовательской работе в Крымской Республике и просит Ассоциацию в установленном порядке исходатайствовать 4000 рублей на археологические исследования в Бахчисарае и Старом Крыму (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 33. Л. 44). 9 февраля 1925 г. Представитель Крымской АССР при Президиуме ЦИК СССР повторно пишет во ВНАВ с вопросом, можно ли рассчитывать на отпуск 4000 рублей на археологические исследования (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 33. Л. 47).

Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения обратилась в ЦИК РСФСР с таким письмом: «Придавая большое значение систематическому и планомерному изучению восточных культур Крымской Республики, Научная Ассоциация Востоковедения Союза ССР в тесном контакте с КрымЦИКом и Крымсовнаркомом предпринимает летом настоящего года экспедицию в Крым, имеющую целью обследование памятников старины, народного быта и современного строительства. Не имея средств для осуществления намеченной экспедиции, Представитель Крымской Республики, по поручению КрымЦИКа и Крымсовнаркома возбуждает ходатайство об отпуске 4000 рублей, каковое ходатайство Научная Ассоциация Востоковедения полностью поддерживает в виду важности научно-исследовательских работ в этой местности (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 33. Л. 48).

Вопрос о выделении денег на экспедицию решался на заседании Президиума Совета Народных Комиссаров РСФСР, докладчиками выступили Народный Комиссар финансов Лившиц, Представитель Крымской АССР Софу и

Рис. 13. Старый Крым. Фото 1925 г. Внутренний вид так называемой мечети Узбека (ОПИ ГИМ, Ф. 598. Д. 31. Л. 4).

от ВНАВ – Бороздин. Было принято решение отпустить Крымскому Совету Народных Комиссаров из резервного фонда СНК РСФСР на апрель 1925 г. 4000 рублей на расходы по научно-исследовательской работе (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 33. Л. 49 об.). Казалось бы, планы работ экспедиции утверждены, финансирование получено, остается только начать полевые работы. Но тут события пошли по незапланированному сценарию, который мог закончиться конфликтом интересов двух ведущих научных организаций Москвы и Ленинграда.

После получения финансирования в КрымОХРИСе приняли решение пустить часть суммы на проведение этнографической экспедиции.

27 мая Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедов обратилась в Крымсовнарком за разъяснениями. В ответе из Крыма, датированном 1 июня, за подписью Председателя Совнаркома Дерен-Айерлы, сообщалось, что согласно решения КрымЦика и Крым СНК, кроме археологических раскопок в Старом Крыму и Бахчисарае еще намечена и этнографическая экспедиция по Крыму. Для руководства приглашен профессор Куфтин как

специалист по крымско-татарской этнографии. Что касается археологических раскопок, то к ним профессор Куфтин никакого отношения иметь не будет и оговаривается сумма аванса на проезд Башкирова и Бороздина в Крым (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 33. Л. 46).

При этом 5 июня 1925 г. на заседании Музейной Секции Академического совета Крым НКП были заслушаны два доклада Н. Л. Эрнста о совместных раскопках с ВНАВ в 1924 г., и А. И. Полканова о предполагаемых раскопках в Старом Крыму и этнографической экспедиции для изучения татарской

Рис. 14. Старый Крым. Фото 1925 г. Южная часть городища. Топографическая съемка (ОПИ ГИМ, Ф. 598. Д. 29. Л. 48).

Рис. 15. Старый Крым. Бумага, карандаш. 1925 г. Первый лист дневника А. С. Башкирова об археологических раскопках медресе. (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 32. Л. 47.)

материальной и духовной культуры и древностей. В резолюции было решено просить Главнауку Наркомпроса РСФСР и Российскую Академию истории материальной культуры взять на себя руководство раскопками в г. Старый Крым и выделить руководителя. Для этнографической экспедиции утвердить состав – местные работники под руководством профессора Куфтина. Полученную для раскопок и экспедиции сумму разделить между обоими предприятиями в соотношении 3,5 и 3 (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 33. Л. 45; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 3).

Судя по информации из этой выписки, от продолжения раскопок в Кырк-Азислере под Бахчисараем руководство КрымОХРИСа отказалось. Чем было вызвано желание крымчан отстранить от руководства экспедицией И. Н. Бороздина и Всероссийскую Научную Ассоциацию Востоковедения и привлечь для этого главное археологическое ведомство страны – Российскую Академию истории материальной культуры (Ленинград), остается из документов непонятным.

В Российскую Академию истории материальной культуры поступили два письма примерно одинакового содержания: первое – из Совнаркома Кр. АССР от 22 июня 1925 г., ин-

формирующее о том, что «текущим летом в Крыму предполагаются раскопки площади древнего Солхата, организуемые КрымОХРИСом при ближайшем участии Ассоциации Востоковедения. Крымсовнарком считал бы желательным участие в раскопках соответствующего специалиста в качестве Вашего представителя, которому будет бесплатно предоставлено помещение и бесплатный проезд по территории Крыма» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 1). Второе письмо из Главнауки от 23 июня 1925 г. по вопросу о производстве раскопок по Старому Крыму. К письму приложена выписка из заседания Муз. Секции Академического совета Крым НКП от 5 июня 1925 г. и просьба о принятии участия в разработке плана раскопок и выдвинуть соображения о возможном руководителе этих работ (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 2).

В ответных письмах Академии в Совнарком Кр. АССР и Главнауку от 3 июля 1925 г. за подписью Жебелева указано: «РАИМК настоящим уведомляет, что золотоордынским периодом Крымской истории ближайшим образом

Рис. 16. Старый Крым. Фото 1925 г. Археологическая траншея через центральную часть медресе. Вид с севера (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 28. Л. 22).

Рис. 17. Старый Крым. Фото 1925 г. Археологическая траншея в центральной части медресе (ОПИ ГИМ, Ф. 598. Д. 28. Л. 21).

интересуется член Академии В. В. Бартольд, выработавший по ходу своих работ в Академии план исследования Старого Крыма. В настоящее время он находится в командировке в Туркестане, и Академия одновременно с ним вошла в сношение для получения его указаний о работах в Старом Крыму. Само же руководство раскопками по плану, выработанному членом Академии В. В. Бартольдом, Академия предполагает поручить чл. Ак. Б. В. Фармаковскому» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 4).

1 июля С. А. Жебелев пишет в Ташкент В. В. Бартольду с просьбой предоставить план работ в Старом Крыму. 10 июля Василий Владимирович отвечает на это письмо: «Благодарю Вас за письмо от 1 июля и, конечно, нахожу Ваши действия совершенно правильными. Совершенно согласен также с Вашим мнением о необходимости: «чтобы все дела и раскопки в Старом Крыму обставлены были возможно

тщательно и исправно... как подобает Академии». Но мне крайне досадно, что и я тут могу принести меньше пользы, чем мне хотелось бы. Плана раскопок в Старом Крыму я не составлял; мною был составлен только общий план сравнительного изучения памятников Хорезма, Поволжья и Крыма как частей Золотой Орды. О раскопках я тогда не думал; я бы обратил главное внимание на мечеть Узбека. При таких условиях задача составления плана раскопок достаточно сложная; кроме того, Вы, вероятно, согласитесь, что для составления такого плана, прежде всего было бы необходимо осмотреть и изучить местность, а я в Старом Крыму не был. Осмотрев статью Смирнова и Кеппена, на основании этого, рекомендую следующий план:

1) Для изучения топографии Старого Крыма произвести пробные раскопки у северного конца старого города (возвышенность Ногалы Оглу Оба у Кеппена. Крымский сборник. Холм Кемаль-Ата у В. Д. Смирнова).

2) Изучить сохранившиеся на поверхности земли здания, перечисленные в указанной статье Смирнова, с производством раскопок, насколько это необходимо, для выяснения устройства здания и назначения. Сюда относятся:

- А. Мечеть Узбека;
- Б. Другая мечеть с контрфорсом;
- В. Здание Хан-Сарай;
- Г. Здание «еврейской» школы.

Мне кажется, что такие работы могли бы дать некоторый результат; если бы мы получили исчерпывающее описание мечети Узбека, мы могли бы зимой с помощью Котова (из Вашего молчания о нем, заключаю, что он жив и здоров) разобрать вопрос о месте этого памятника мусульманской архитектуры среди других (Бороздин – Полканов этого не могли бы сделать) и, если у нас по-прежнему нельзя будет печатать, послать статью в Крым. Не знаю, насколько это удовлетворит Вас и РАИМК, но более я здесь едва ли могу сделать. Такой опытный археолог, как Б. В. Фармаковский, обратит внимание на месте, конечно, на многое, на что не обратили внимания до него; возможно, так же, что расспросы местных жителей о тех или иных случайных находках последнего време-

Рис. 18. Старый Крым. Фото 1925 г. Караван-Сарай. Археологическая траншея. Вид с севера. Стоит И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ, Ф. 598. Д. 32. Л. 17).

ни покажут ему, где можно копать с надеждой на успех» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 8-11).

17 июля 1925 года план, предложенный В. В. Бартольдом, был отослан РАИМК в Главнауку Наркомпроса РСФСР и КрымЦИК с добавлением, что «установление остального плана работ мог бы выяснить представитель РАИМК Б. В. Фармаковский на месте» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 6, 6 об.).

По поводу конфликта интересов И. Н. Бороздин 4 июня 1925 г. написал письмо Борису Владимировичу Фармаковскому: «Выяснилось, что Полканов затеял интригу с раскопками в Крыму. Как Вам хорошо известно, деньги на раскопки выделили Ассоциации Востоковедения и раскопки должны вести я и Башкиров. Полканов через КрымОХРИС и наш музейный отдел направил какие-то ходатайства в Академию

материальной культуры с просьбой о высылке руководителей. Само собой, что это может привести к очень острому конфликту между Академией и Ассоциацией. Вряд ли это кому-нибудь нужно, кроме ищущего рыбу в мутной воде Полканова. Спешу Вас предупредить об этом. Я всегда хорошо помню, что я именно член Ассоциации, но и член Московской секции Академии материальной культуры. То же самое и Башкиров состоит в Академии. Думаю, что из за наших работ интересы Академии не пострадают.

Борьба же между Академией и Ассоциацией, которая конечно не сдаст позиций, нежелательна и вредна для нашей общей научной работы. Жду Вас в Москве. Приезжайте скорее! Бороздин» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181.

Л. 12-13).

12 июня 1925 г. своему университетскому профессору Б. В. Фармаковскому написал письмо и А. С. Башкиров (Москва, Зубовский

Рис. 19. Старый Крым. Негатив. 1926 г. Двор музейного хранилища с вертикальными надгробными памятниками (Фонды БИКАМЗ. Ф-97).

Рис. 20. Старый Крым. Фото 1925 г. Портал входа восточной стены. Вид с севера. Стоят А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 27. Л. 70).

бульвар, 15, кв. 3): «...Моя московская жизнь и работа пока идет под благоприятной атмосферой. Конечно, ручаться ни за что не приходится, но «Бога гневить», как говорится, не приходится. После тревожного периода постройки этнологического факультета в 1-м МГУ из ФОНа, настало затишье. Многие остались не у дел. Моя работа пока оставлена: мне поручено читать на Отделении материальной Культуры «Археологию России» и «Археологию Крыма», а на отделении искусствознания – «Искусство Крыма». Из археологов приглашены только В. А. Городцов, А. А. Захаров и Ваш покорный слуга. Работаю я штатным действительным членом в Научно-исследовательском институте

их, побив рекорд, до 17-ти. Написал я краткий отчет о работах около Бахчисарая в Крыму в Н. В. № 8.

Рис. 21. Юго-Восточный Крым. Негатив. 1925 г. Участники этнографической экспедиции. В центре – У. А. Боданинский (Фонды БИКАМЗ. Ф-583).

Археологии и Искусствознания Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов Общественных наук, в той же роли в Северо-Кавказском Комитете, и ученым сотрудником в Историческом музее. Сотрудничаю в частном порядке в Московской Секции РАИМКа, в Российской академии художественных наук, в Ассоциации Востоковедения СССР и в ряде Комиссий в Наркомпросе.

Вся прошлая зима была в напряженной работе по обработке материалов лета 1924 года, попутно с обработкой читал доклады и провел

Устал я от зимы невероятно, но рвусь снова в работу, которую буду вести и в Крыму, и на Кавказе... Надеюсь, что Академия по примеру прошлых лет не откажет мне в «открытом листе», так как в работе своей и тщательность и осторожность я провожу по «Ольвийской системе», которая не всем археологам доступна. Я очень жалею, что мне не удалось быть в Ленинграде. Мне думается, что вы с удовлетворением бы отметили те результаты, которых я добился. Вам легче было бы давать мне отзывы. Хотя Ваш лестный для меня отзыв был дан еще летом на Геракее. Как было бы хорошо, если бы Вы нашли возможным и в наступающее лето посетить мою работу, хотя бы и для того, чтобы у вас рассеялось недоумение к моей работе по изучению памятников средневекового Востока.

Мысль об экспедиции в Персию еще не забросил и, чем больше я работаю над Кавказом, тем более к ней готовлюсь. Ваш, благодарный А. Башкиров» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 178. Л. 1-2).

В личном архиве А. С. Башкирова сохранилась недатированная копия письма А. И. Полканова к И. Н. Бороздину (рис. 10): «Дорогой Илья Николаевич. К сожалению, не застал, а надо было поговорить, так как из собеседования с Башкировым выяснил, что существует какое то недоразумение по поводу Крымских раскопок! В это лето у нас будет две экспедиции. Первая, интересующая Вас по раскопкам Солхата, и вторая – Вам не интересная, по сбору для Крымчика музеев этнографии в степной части Крыма. К участию в последней мы привлекаем проф. Куфтина. Что касается первой, то производство раскопок мы мыслили только с Вашим и Башкирова участием и, конечно, с нашим. Что же касается времени, плана и форм экспедиции, то необходимо по этому поводу предварительно договориться, так как нам желательно, прежде всего, участие в обоих работах Боданинского. Кроме того, мы обязаны по своей линии подчинения обратиться в Музейный отдел или Академию Истории Материальной Культуры, быть может, они пожелают дать своего представителя, ибо дело это выходит и за пределы Крыма и за пределы чисто татарской культуры, так как, несомненно, углубим-

Рис. 22. Каймак. Негатив. 1925 г. Изучение надгробных памятников со знаками-тамгами. Слева – О. Н. -А. Акчокраклы, справа – У. А. Боданинский (Фонды БИКАМЗ. Ф-585).

ся, быть может, до каменного века. О необходимости обратиться в Музейный отдел мне уже указали. Думаю, что это не встретит никаких возражений, при моем разъяснении, и с Вашей стороны. Как в прошлом мы с Вами дружно работали, так, надеюсь, и в будущем заработаем без всяких недоразумений. С искренним приветом, А. Полканов» (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 32. Л. 47).

Судя по дальнейшим событиям, конфликт был исчерпан. 17 июня КрымОХРИС сообщает во ВНАВ: «Одновременно с сим сделан перевод в Ваше распоряжение 250 руб. Из них 200 руб. на приобретение материалов для фотографирования и эстампирования и 50 руб. на проезд двум Вашим представителям в Крым. Крымсовнархоз обращает Ваше внимание,

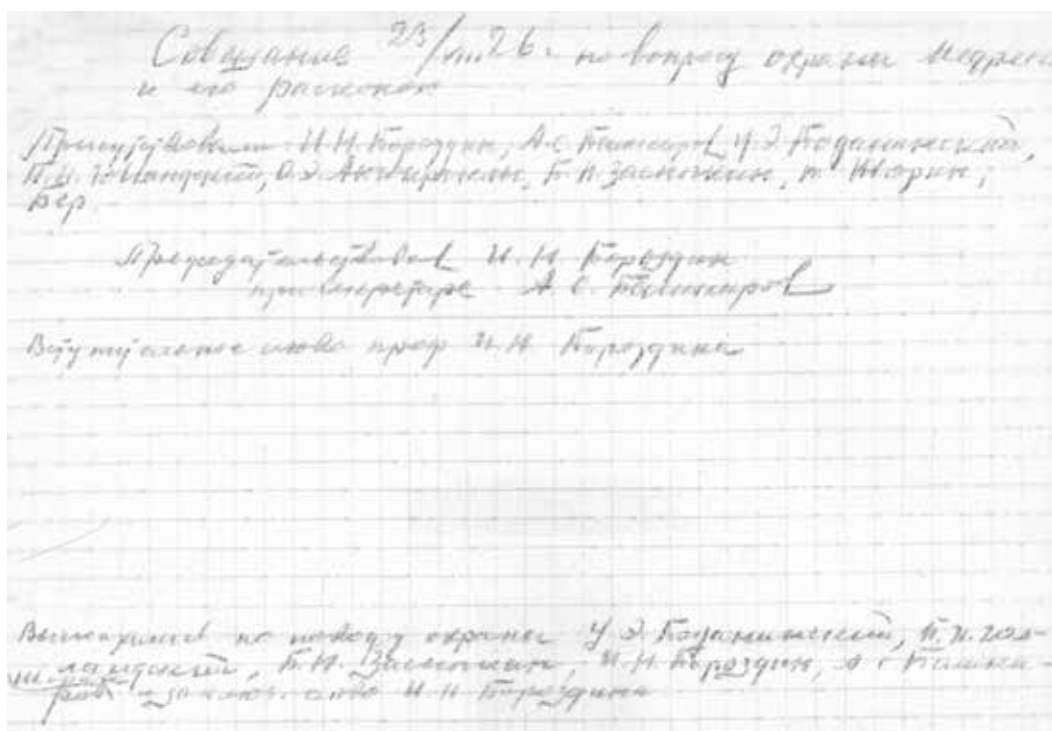

Рис. 23. Старый Крым. Бумага, карандаш. 1926 г. Лист из дневника А. С. Башкирова об археологических раскопках медресе (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 36. Л. 5).

что вся смета на раскопки наши принята лишь в 2000 рублей с небольшим, в каковую сумму должны будут вложиться все расходы и на содержание научного персонала, вместе с крымскими работниками, и технического и пр., поэтому больше 200 руб. на вышеуказанную надобность отпустить нельзя, общую смету Вам пришлем для сведения. 4000 руб. – 2000 руб. ассигновано на этнографию. Ввиду изложенного, КрымОХРИС просит отпустить Ассоциации со своей стороны пособие на раскопки в возможном размере» (ОПИ ГИМ, фонд 598, дело 32, л. 47).

Запрос на выдачу Открытого листа на работы в Старом Крыму на имя А. С. Башкирова был сделан Главнаукой 9 июня 1925 г.

педиции 1925 г. был назначен И. Н. Бороздин, археологическими работа-

(Архив ИИМК. Ф. 598. Д. 32. Л. 1).

Заметка в газете Известия ЦИК СССР от 17 июля 1925 года № 161 сообщила: «Симферополь. 15 июля в Крым прибыл член президиума Ассоциации Востоковедения проф. Бороздин для руководства научной экспедицией, направленной для раскопок в древней столице Крыма Солхате (Старый Крым). Проф. Бороздин сообщил, что экспедиция в частности изучит вопрос о наличии в культуре крымских татар элементов культуры Золотой Орды. Сегодня экспедиция выехала на место раскопок» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 11).

Рис. 24. Старый Крым. Фото 1925 г. Медресе. Археологические траншеи. Слева стоит А. С. Башкиров, в центре – И. Н. Бороздин, справа – П. И. Голландский (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 29. Л. 26).

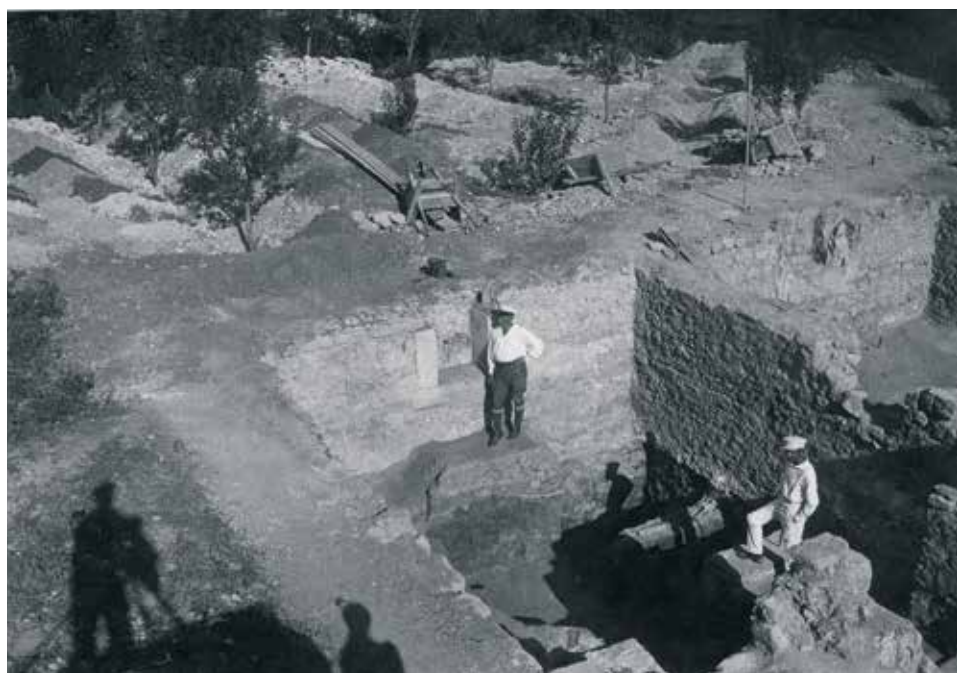

Рис. 25. Старый Крым. Фото 1926 г. Западная часть медресе.
Стоят А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 28. Л. 67).

ми руководил А. С. Башкиров. В состав экспедиции вошли У. А. Боданинский, О. Н.-А. Ачкокраклы, хранитель музея Тавриды, архитектор П. И. Голландский, три студента-практиканта: А. Абдурахманов, Б. Джепаров и Давидович.

Экспедицией в срок с 17 июня по 8 августа были произведены как археологические исследования, так и мероприятия по учету и выявлению памятников материальной культуры и искусства (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 35. Л. 1-33).

1) Составлен генеральный план старого города (рис. 14) с нанесением на него всех особенностей поверхности и с точной фиксацией всех обнаруженных пока памятников татарской старины. Наряду с топографической съемкой произведено было научное обследование главных старо-крымских памятников в их деталях,

с соответствующими обмерами, зарисовками, эстампажами, фотоснимками. Особенно подробно изучены так называемая мечеть Узбека (портал с надписью 1314 года) (рис. 12 и 13), руины так называемой мечети Куршум-Джами (в бывшем владении Айвазовского), руины так называемой «мечети Бейбарса» и 150 надгробий и архитектурных фрагментов, обнаруженных в различных местах города (отчасти и за городом) и детально изученных членами экспедиции.

2) Разведочные археологические раскопки были проведены в юго-восточной части средневекового городища на территории Караван-Сарая. Земляные работы здесь велись с 20 по 26 июля (рис. 15). Во внутренней части постройки была заложена траншея длиной 20,0 м при ширине 2,0 м (рис. 18).

3) Разведочные раскопки на территории медресе у так называемой мечети Узбека прово-

Рис. 26. Старый Крым. Фото 1926 г. Археологическая траншея в местности Кяшане для выяснения профиля участка оборонительных стен. Вид с юга (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 29. Л. 52).

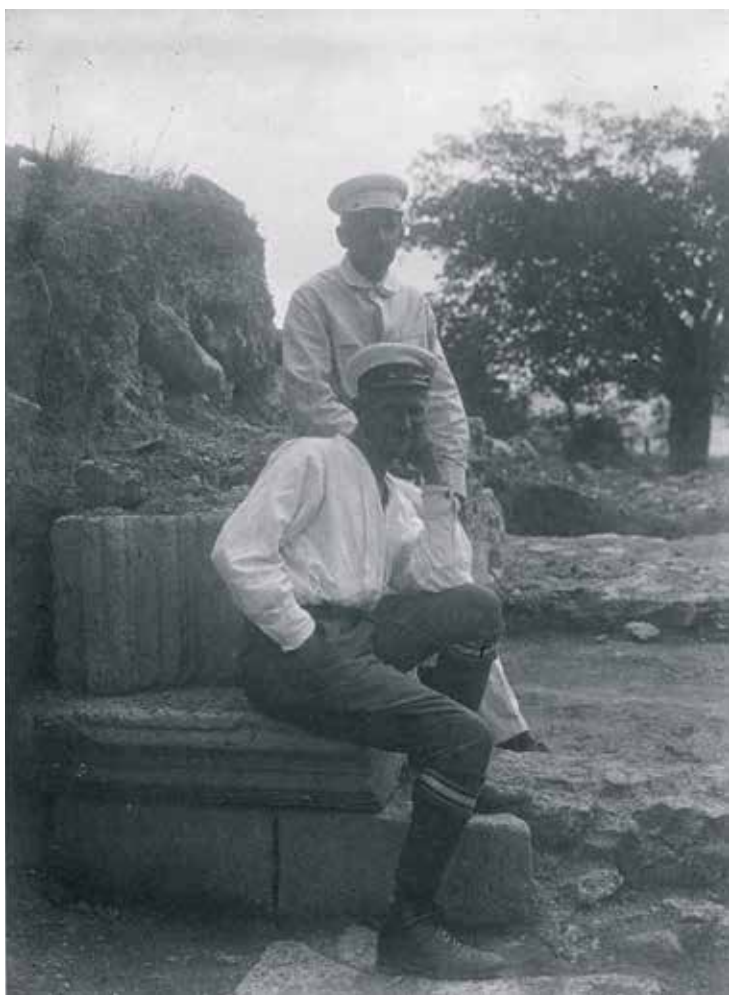

Рис. 27. Старый Крым. Фото 1925 г. Наличник восточного айвана медресе. Сидит А. С. Башкиров, стоит И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 27. Л. 71).

дились с 27 июля по 6 августа (рис. 11). Здесь исследования проводились также траншеей 20,0 x 2,00 м (рис. 16), проложенной вдоль северной стены медресе (рис. 17). Помимо архитектурных остатков в траншее были зачищены 15 захоронений и часть мавзолея на территории медресе.

4) По территории средневекового городища собирались надгробные плиты с надписями.

Было устроено музейное хранилище (рис. 19 и 20), часть находок была перевезена в Бахчисарайский музей.

10 августа 1925 г. работы экспедиции в Старом Крыму были закончены (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 35. Л. 1-33).

25 июля 1925 г. У. А. Боданинский, О. Н.-А. Акчокраклы покинули раскопки в Старом Крыму и начали этнографическую экспедицию по изучению татарской культу-

ры в Крыму (рис. 21), которая была закончена 10 сентября. Видимо, профессор Борис Алексеевич Куфтин не смог, как планировалось, возглавить эту экспедицию и ее руководство было возложено на У. А. Боданинского. Маршрут экспедиции и план ее действий был разработан в Бахчисарайском дворце-музее: Симферополь – Сарабуз – Абзлар – Евпатория – Кырк-Чолпан – Бой Казак – Джанкой – Тюп-Кенегез – Колеч-Мечеть – Старый Крым – Орталан – Ай-Серез – Капсихор – Ускут – Карасубазар – Симферополь. В своем дневнике У. А. Боданинский отметил: «Объехали весь Крым за исключением Керченского полуострова и Южного берега Крыма от Туака к Ялте. Собрали 400 старых тамг татарских улусов (рис. 22), сделали 130 фотоснимков. Собрали и записали 300 образцов татарской народной литературы и 200 татарских народных песен. Собрали до 150 этнографических предметов и 50 эпиграфических памятников в виде отдельных рукописей и рукописных книг. Посетили 63 населенных пункта. Истратили 2000 рублей, в пути 42 дня» (Фонды БИКАМЗ. Д. 405. Л. 1-59). В задачи этнографической экспедиции входило выделение тех районов и населенных пунктов, в которых уцелели исторический, бытовой и фольклорный материалы татарской культуры (Боданинский, 1930, с. 12).

В состав этнографической экспедиции вошли: У. А. Боданинский – начальник экспедиции, история культуры, этнография; О. Н.-А. Акчокраклы – собирание эпиграфических памятников, историческое и экономическое обследования, запись фольклора; А. Рефатов – запись народной музыки и собирание старинных музыкальных инструментов; студенты-практиканты А.-Р. Челебиев – художник, работы по графической фиксации памятников; А.-Х. Кадыэскеров – фотограф; С. Абдуль-Рагим – народная литература, эпиграфика (Фонды БИКАМЗ. Д. 380. Л. 25-28).

Археологические исследования в Старом Крыму были продолжены в 1926 г. экспедицией в том же составе: И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, О. Н.-А. Акчокраклы, П. И. Голландский, студенты практиканты А. Л. Якобсон, Снегирев и Некрасов. В 1926 г. к участникам экспеди-

Рис. 28. Старый Крым. Фото 1926 г. Южная часть медресе. Вид с востока. Слева стоит И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 27. Л. 61).

ции в Старом Крыму присоединился командированный Главнаукой Наркопроса РСФСР представитель Центральных реставрационных мастерских архитектор и реставратор Б. Н. Засыпкин. Работы велись по Открытому листу № 70/7674 от 25 июня 1926 г., выданному Главнаукой профессору МГУ А. С. Башкирову на право проводить археологические раскопки в пределах Таманского и Керченского полуострова, Старого Крыма и Феодосии и Абхазской ССР (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 179. Л. 1). Судя по записям в полевом дневнике А. С. Башкирова (рис. 23), экспедиция работала с 9 по 30 августа (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 36. Л. 1-8 об.), за это время были выполнены:

1) Раскопками с 9 по 25 августа была исследована большая часть строения медресе (рис. 24), открыты его внешние стены с северо-восточной (рис. 32) и западной сторон (рис. 28). Раскопки выявили общий план этого сооружения XIV в. и открыли остатки главного портала с двумя пилонами (рис. 27, 29, 30) с восточной стороны и три помещения с западной (одно дюрбе с двумя великолепными мраморными над-

гробиями, инкрустированными золотом (рис. 31), и склепом, два других соседних помещения – аудитории для чтения лекций и ведения занятий).

Рис. 29. Старый Крым. Фото 1926 г. Портал входа восточной стены медресе. Сидят А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 27. Л. 43).

Рис. 30. Старый Крым. Фото 1926 г. Археологические исследования западного айвана. На переднем плане стоит И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 27. Л. 20).

2) В местности Кяшане с 25 по 27 августа была сделана разведочная траншея размером 6,00 x 2,00 м для выяснения профиля участка оборонительных стен (рис. 26). С внутреннего пространства крепостной стены зафиксированы следы фундаментов купольных зданий, облицованных красноглиняными изразцами, покрытыми голубой глазурью (рис. 34).

3) В центральной части городища северо-восточнее так называемой мечети Узбека на участке сада, примыкающего к домовладению Чеканова, были произведены археоло-

гические разведочные исследования на месте предполагаемого дворца золотоордынского наместника Солхата (рис. 33). В траншее 6,00 x 2,00 м открыт фундамент каменной кладки на известковом растворе, глубина культурных напластований на исследованном участке составила 2,50 м.

4) Во время земляных работ по укладке покрытия Греческой и Крестьянской улиц (рис. 34) города найдены следы горна для обжига красноглиняной керамики.

Рис. 31. Старый Крым. Фото 1925 г. Расчистка погребения при археологических исследованиях мавзолея в северо-западной части медресе. На переднем плане И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 30. Л. 15).

³ «Кончил проходящую в нужде свою жизнь. Могила бедного праведного шейха Яakuба Конийского. Да будет над ним мир божий. 729 г.» (Акчокраклы, 1927, с. 17).

⁴ «Бог. Могила покойного мученика Идриса, сына Хаджи Яхья Отузского. Месяца Сафара, 763 г.» (Акчокраклы, 1927, с. 17).

⁵ «Кончил проходящую в нужде свою жизнь. Могила бедного праведного подвижника шейха Хаджи Яхья, сына Мухаммеда Иракского. Да будет над ним мир божий. 782 г.» (Акчокраклы, 1927, с. 17).

Рис. 32. Старый Крым. Фото 1926 г. Центральная часть медресе. Рабочий момент (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 28. Л. 37).

Рис. 33. Старый Крым. Фото 1926 г. Участок сада, примыкающего к домовладению Чеканова. Исследование на месте предполагаемого дворца Солхата. Вид с юга (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 32. Л. 44).

5) Во время экспедиции собрано 145 целых и фрагментированных могильных камней, многие из которых были с надписями (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 36. Л. 1-8 об.).

6) Был сделан выезд в деревню Отузы (совр. Щебетовка Феодосийского горсовета). Здесь на древнем сельском кладбище сотрудниками археологической экспедиции зафиксированы три надгробных камня 1328, 1361 и 1380 гг. Находку стелы 1328 г.³ особо выделил И. Н. Бороздин: «Надгробие Конийского шейха в Отузах ценно тем, что прямо ведет нас в центр сельджукизма – Конью с весьма показательной датой первой четверти XIV века» (Бороздин, 1927б, с. 25). Второе надгробие Идриса, сына Хаджи Яхьи Отузского⁴, и третье – шейха Хаджи Яхьи, сына Мухаммеда Иракского (рис. 36)⁵. В стене у входа малой мечети была вставлена закладная плита фонтана, которая была обнаружена в одном из отузских дворов и впоследствии перенесена в мечеть. В этой плите с датой 1358 г. сообщает-

⁴ «Сей благословенный колодец построил в дни владычества великого султана, столпа мира и религии ... хана, да будет вечно царство его, по ... нию Кутлугтимур бека, да будет долга жизнь его, покорный и бедный раб Идрис, сын Хаджи Яхьи. 760 г.» (Акчокраклы, 1927, с. 17).

Рис. 34. Старый Крым. Фото 1926 г. Земляные работы по укладке покрытия Греческой и Крестьянской улиц, в ходе которых был выявлен гончарный горн (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 28. Л. 75).

ся о постройке Идрисом, сыном Хаджи Яхьи⁶, фонтана (рис. 35) (Акчокраклы, 1927, с. 17).

27 августа земляные работы в Старом Крыму были закончены. 28 и 29 августа были подведены итоги экспедиции, составлен акт о передаче места раскопок КрымОХРИСу, производилась упаковка находок, было основано новое музейное хранилище, для этих целей Месткомом города был выделен отдельный дом с двором (рис. 40). Все полученные экспедицией материалы остались на хранение в городе. По заявке экспедиции была учреждена должность смотрителя древностей Солхата и его района. 30 августа 1926 г. участники экспедиции покинули Старый Крым (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 36. Л. 8-8 об.).

Первые предварительные результаты исследования 1925-1926 гг. были опубликованы участниками экспедиции (Бороздин, 1926а; 1926б; 1927а; Бороздин, Башкиров, 1927; Башкиров, 1926; 1927; Акчокраклы, 1927а).

После завершения археологических раскопок Солхата архитектор-реставратор Б. Н. Засыпкин еще месяц оставался в Крыму и совместно с У.А. Боданинскими О.Н.-А. Акчок-

раклы обследовал, снимал планы, делал архитектурные обмеры, фотографировал большую часть памятников архитектуры, связанных с татарским наследием (Хливнюк, 2008, с. 9-40; Севастьянов, 2010, с. 30-33). Также он посетил Симферополь, Бахчисарай, Старый Крым (рис. 37), Судак, Феодосию, Севастополь, Херсонес, Керчь и Евпаторию (см. статью М. А. Доброновской), эти работы составят основу его статьи по изучению крымско-татарской архитектуры (Засыпкин, 1927, с. 113-168).

Сохранился отзыв В. В. Бартольда на отчет

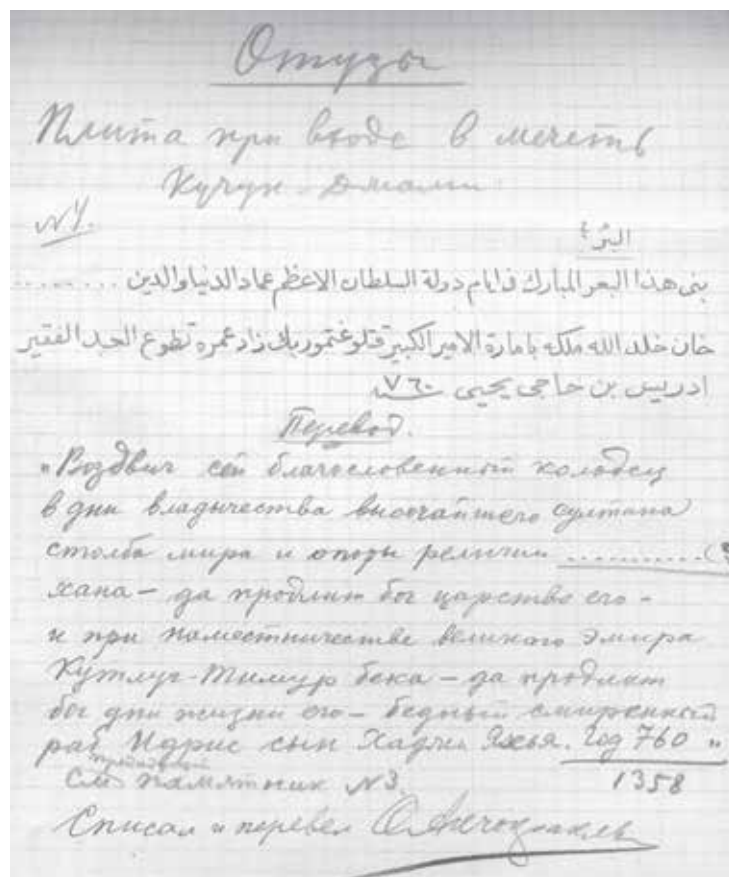

Рис. 35. Отузы. Бумага, карандаш. 1926 г. Страница из эпиграфического дневника О. Н.-А. Акчокраклы с переводом надписи при входе в мечеть Кучук-Джами (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 37. Л. 100).

Рис. 36. Отузы. Фото 1926 г. Надгробный памятник. Члены экспедиции около надгробного памятника. Справа стоит О. Н.-А. Акчокраклы, сидит У. Н. Боданинский, слева – А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 45. Л. 2).

по археологическим исследованиям средневекового Солхата в 1925-1926 гг.: «Работы А. С. Башкирова в Крыму, о которых предлагается мне дать отзыв, занимают в присланных мне отчетных материалах гораздо менее значительное место, чем работы в Абхазии и на Таманском полуострове, о которых дан отзыв А. А. Миллером. Среди присланного материала к работам в Крыму относится только статья А. С. Башкирова «Художественные памятники Солхата» (из журнала «Крым», 1927 г., № 3) и брошюра И. Бороздина и А. Башкирова «Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению Татарской культуры в Крыму 1925-26 гг. «издания музея Восточных культур». А. С. Башкировым в том же журнале «Крым» была напе-

чатана еще другая статья о памятниках Солхата «Сельджукизм...», но этой статьи в присланных материалах нет.

В статье «Художественные памятники...» говорится о двух зданиях, именно о медресе, связанном с мечетью хана Узбека, и о мечети Куршум Джами, кроме того, о нескольких архитектурных фрагментах и надгробиях. Исчерпывающих сведений «о всех архитектурных памятниках Солхата с художественной стороны» автор не имел ввиду дать; еще менее статья, как видно из ее заглавия, задается целью дать об-

щее понятие о работах экспедиции 1925-1926 гг., о системе и порядке производства раскопок, планов, обмеров и т. п. В этом отношении главным источником остаются статьи возглавлявшего экспедицию

Рис. 37. Старый Крым. Картон, Карандаш. 1926 г. Рисунок из блокнота Б. Н. Засыпкина с образцами орнаментов из мечети (ГНИМА. Арх. 1235/1).

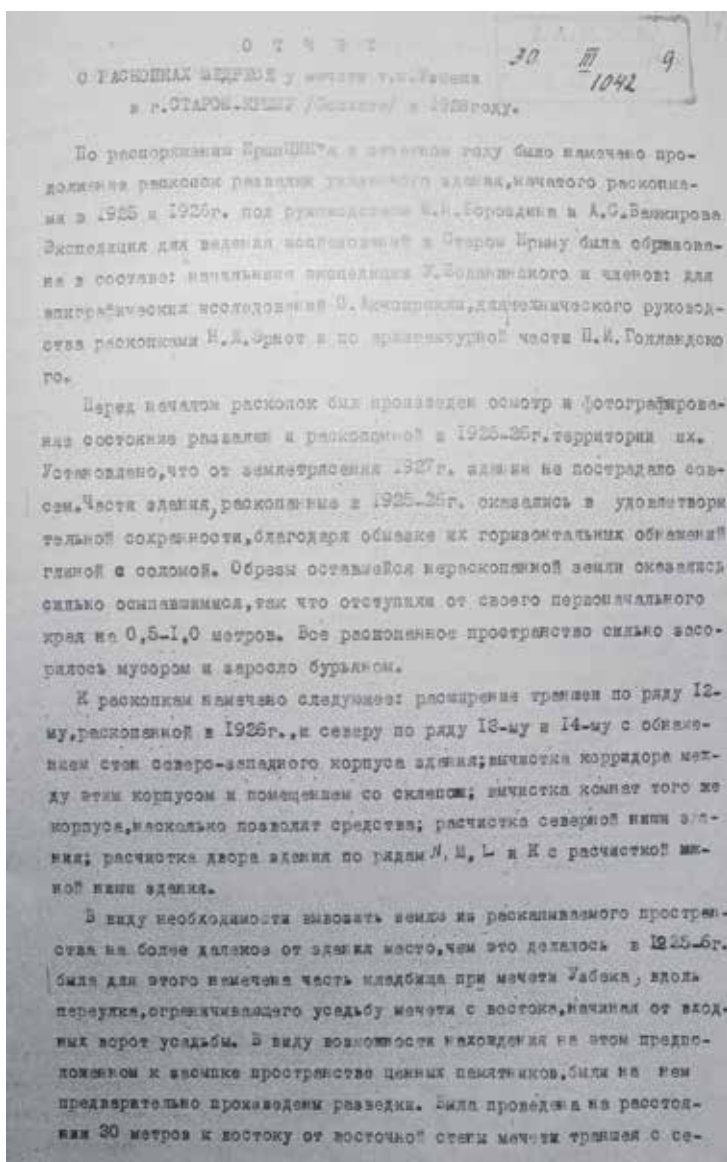

Рис. 38. Старый Крым. Бумага, машинопись. 1929 г. Первый лист отчета Н. Л. Эрнста об археологических исследованиях в Старом Крыму в 1928 г. (ИИМК. Ф. 2. Д. 150/1929. Л. 61).

И. Н. Бороздина в «Новом Востоке» № 13-14 и 16-17. Заслугой А. С. Башкирова можно признать использование (не упоминаемого в указанных статьях Бороздина) альбома художника М. М. Иванова, сопровождавшего Екатерину II в 1787 г. (альбом хранится в Государственном Эрмитаже). Столь же интересно и, по-видимому, имеет научное значение сближение Крымского медреса с малоазийскими постройками Сельджукского периода. Слабее всего, по-видимому, изложены сведения о надгробных надписях; древнейшим датированным памятником все еще признается надпись 709 г. хиджры (стр. 135 и след.), хотя после находок 1926 г. эта надпись, по замечанию Бороздина, очути-

II отчету.

Надписи на надгробиях, найденных
в Старом Крыму во время археологической экспедиции
в 1928 году.

№	Текст надписи или татарский	Перевод
145.	هذا قبر المرحوم عليه السلام بن براهيم	Это есть могила покойного Ибрагим-бей сына Бейрама.
148.	هذا قبر المرحوم عليه السلام بن موسى	Это есть могила покойного Мухаммеда Ахмед, сына Мусы.
150.	هذا قبر حاجي احمد بن شهاب الدين	Это есть могила Ахмета Ахмедовича, сына Шабана-бей.
151.	هذا القبر [.....] ابن شيخ احمد نور الله قبره	Это есть могила /...../ сына Шейха Ахмедовича, да советует бог его могилу.
152.	هذا قبر براهيم بكه بن توفيق	Это есть могила Бейрама-бека, дочери Топ-Тамура.
154.	في تاريخ سنة	В год.
155.	ثمانين 780. ... = 1376/
156.	في تاريخ سنة	В год. 8
157.	في تاريخ سنة الثمانين وسبع	В год 782/1380г./
158.	هذا قبر المرحوم عبد الله	Это есть могила. дочер Абдулла.
159.	هذا قبر المرحوم السعيد الشهيد حاجي حسن بن عمر	Это есть могила покойного, счастливца мученика Хасана Хасана, сына Омара.

Рис. 39. Старый Крым. Бумага, машинопись. 1929 г. Переводы О. Н. -А. Акчокраклы надписей на надгробиях, найденных в Старом Крыму во время археологической экспедиции в 1928 г. (ИИМК. Ф. 2. Д. 150/1929. Л. 93).

лась уже на пятом месте (Новый Восток, 16-17, стр. 271); первое место принадлежит надписи 672 г. (в настоящее время издано ИТОИАЭ. Т. 1. стр. 15). Кроме того, пользование статьей А. С. Башкирова несколько затрудняется неровностями стиля (стр. 126: «впущенный в землю склеп северного помещения, обслуживающего назначении дюрбе», стр. 139: «К описанным датированным памятникам можно было бы причислить большое количество недатированных»).

А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин высказывают вполне справедливое пожелание, чтобы начатое исследование Старого Крыма могло быть доведено до конца; столь же жела-

тельно, чтобы были назначены средства для своевременного опубликования подробных отчетов о произведенных работах. Вопрос в том, насколько может быть признан удовлетворительным состав экспедиции 1925 и 1926 гг. и насколько необходимо привлечение новых сил, вероятно, будет предметом обсуждения в Комиссии по изучению и охране памятников Крыма при участии А. С. Башкирова, состоящего в числе членов Комиссии. Обращает на себя внимание отсутствие в «коллективе», работавшем в 1925-1926 гг., представителей русского научного востоковедения. Из статьи И. Н. Бороздина (Н.-Восток, 13-14, стр. 286) мы узнаем, что проф. Башкиров и У. Боданинский готовят научное описание всех старо-крымских надгробий и что «монетный инвентарь и эпиграфические памятники, обнаруженные экспедицией в Старом Крыму, подвергнуты обследованию Османом Акчокраклы». В опубликованных до сих пор отчетах там, где говорится о надписях, встречаются существенные разногласия; сравни, например, у Бороздина (Н.-Восток 16-17, с. 270) «виднейший из наместников Эмир Омер Алепский» (при этом ссылка на перевод Акчокраклы), у Башкирова («Художественные памятники», с. 144): «виднейшего из хальфе Эмира Омер Алепского», в издании Акчокраклы (ИТОИАЭ, с. 12, № 26) «глава духовных подвижников Эмир Омер Халепский». Возможность титула «мелик-ал-хулафа» вызывает сомнения; необходимо, чтобы, по крайней мере, в таких спорных случаях приводился снимок или эстамп надписи.

Рис. 40. Старый Крым. Фото 1928 г. Музейное хранилище (ИИМК. Ф. 2. Д. 164/1929. Л. 70).

Присланные материалы при сем возвращаются. Член Академии Бартольд» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 131. Л. 5-6).

Позднее 1926 г. И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров раскопки, связанные с из-

Рис. 41. Чуфут-Кале. Фото 1928 г. Реставрационные работы в мечети. На дальнем плане стоит слева Б. Н. Засыпкин, в центре – У. А. Боданинский (Фонды БИКАМЗ. Ф-914).

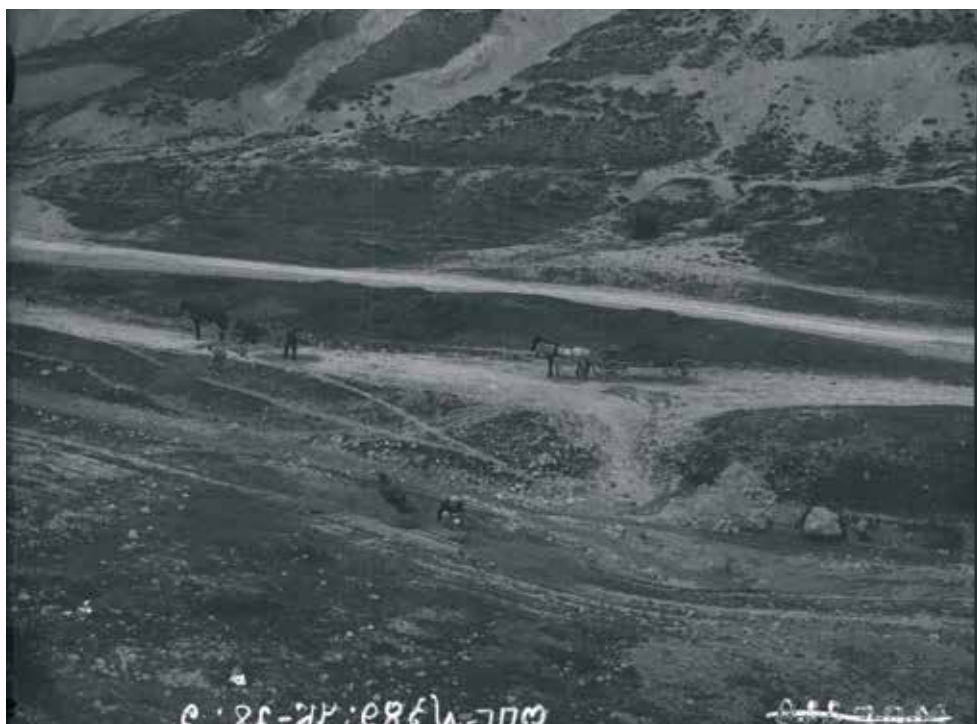

Рис. 42. Чуфут-Кале. Негатив 1928 г. Северный склон. Долина Ашлама-Дере. Археологические исследования загородного дворца крымских ханов. Вид с севера (Фонды БИКАМЗ. Ф-171).

учением Татарской культуры в Крыму, не проводили и в продолжении этих исследований, предпринятых крымскими коллегами, не участвовали. В 1927 г. А. С. Башкиров получил Открытый лист на археологические раскопки на территории Таманского и Керченского полуостровов, Абхазии и Дагестанской АССР. Частью этих работ были разведочными исследованиями по изучению античных древностей на Керченском полуострове (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 131. Л. 3). С 1928 по 1929 гг. внимание дуэта московских ученых было сосредоточено на изучении памятников татарской культуры на территории Татарстана (Татарской Республики). Начальником экспедиции по изучению Болгарско-татарской культуры стал И. Н. Бороздин, здесь он получил свой первый Открытый лист на раскопки в Казанском кремле (Архив ИИМК. Ф. 2.

Оп. 1. Д. 216. Л. 2), а основные археологические исследования, как и в Крыму, вел А. С. Башкиров в Болгаре, Биляре и Джукетау (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 191. Л. 1-20).

В 1927 г. масштабные археологические исследования по изучению татарской культуры на Крымском полуострове не проводились. О. Н.-А. Акчокраклы совместно с студентом Б. Джеппаровым обследовали городище Чуфут-Кале и определили приблизительный план работ на этом памятнике в 1928 г. (Боданинский, 1930, с. 8). Работы, выполненные Б. Н. Засыпкиным в Крыму, привлекли внимание к древностям полуострова его коллег (ОР ГТГ. Ф. 106. Оп. 2. Д. 5198. Л. 1-3). В апреле 1927 г. экспедицию в

Крым организовал заведующий Центральными Реставрационными Мастерскими И. Э. Грабарь, в которой принял участие и

Рис. 43. Чуфут-Кале. Негатив. 1928 г. Северный склон. Долина Ашлама-Дере. Археологические исследования загородного дворца крымских ханов. Вид с запада (Фонды БИКАМЗ. Ф-172).

Б. Н. Засыпкин. К обследованиям древностей в Бахчисарайском районе он привлек У. А. Боданинского и О. Н.-А. Акчокраклы. Экспедиция работала в Симферополе, Бахчисарае, Херсонесе, Феодосии, Судаке и была посвящена исследованиям византийской архитектуры и особенно выявлению и фиксации фресковых росписей и к теме нашего издания эти исследования прямого отношения не имеют (Грабарь, 1966, с. 258-259).

Археологические исследования по изучению татарской культуры в Крыму были возобновлены по распоряжению КрымЦИКа в 1928 г. Продолжены исследования в Старом Крыму и начаты работы в Чуфут-Кале в окрестностях Бахчисарая с небольшим зондажом в ущелье Ашлама-Дере у восточных обрывов Чуфут-Кале.

Работы в Старом Крыму проводились с 10 по 31 августа 1928 г. Начальником экспедиции был назначен директор Бахчисарайского дворца-музея У. А. Боданинский, открытый лист Главной Наркомпроса был выдан Н. Л. Эрнсту (рис. 38), в работах принимали участие О. Н.-А. Акчокраклы (рис. 39) и П. И. Голандский (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 6). Исследования были сосредоточены на двух объектах:

1) Продолжалась расчистка здания медресе, у так называемой мечети Узбека. Впервые был определен полный план здания и его конструктивные осо-

бенности в северной и южных частях, реконструирован портик с аркадой центрального двора.

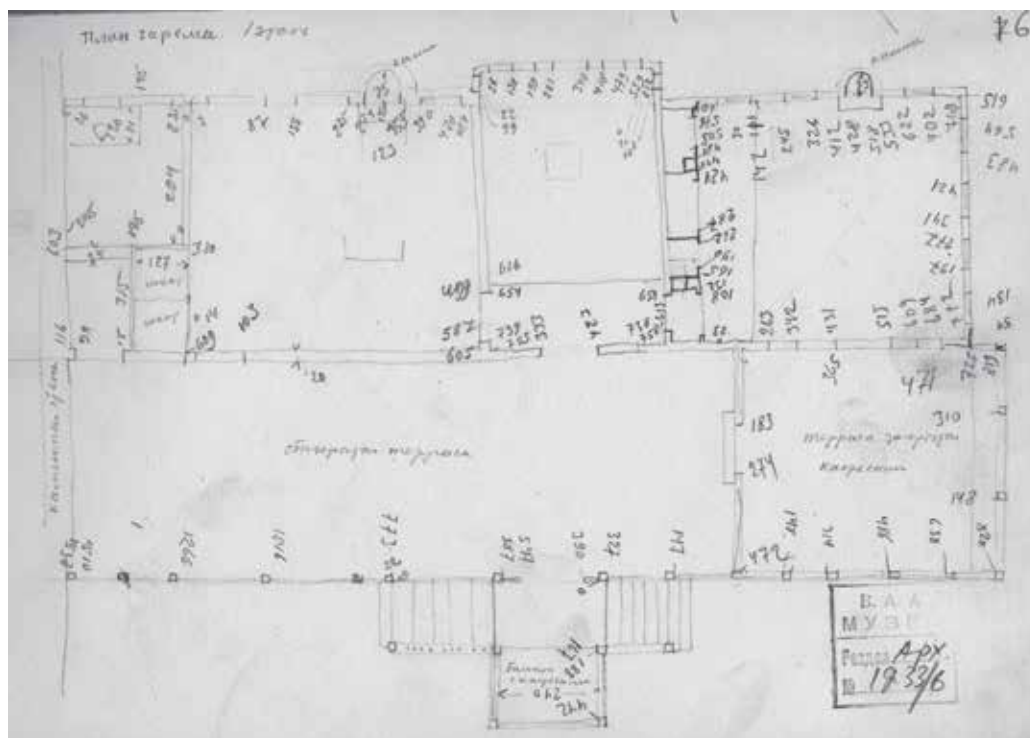

Рис. 44. Бахчисарай. Бумага, карандаш. 1928 г. Б. Н. Засыпкин, обмерный план второго этажа здания гарема Бахчисарайского дворца (ГНИМА. Арх. 1235/1).

Рис. 45. Старый Крым. Фото. 1928 г. Новый навес у музейного хранилища, архитектурные фрагменты и могильные памятники (ИИМК. Ф. 2. Д. 150/1929. Л. 43).

Рис. 46. Чуфут-Кале. Фото 1928 г. Траншея в центральной части мечети. Справа стоит О. Н.-А. Акчокраклы (ГНИМА. ОФ. 6079 – 061).

2) Произведены визуальные разведки на месте средневекового золотоордынского могильника на Зеленой площади Старого Крыма. Собрана коллекция из датированных надгробий второй половины XIV в.

Все материалы экспедиции размещены в Старо-Крымском музейном хранилище (рис. 40), которое в этом году было расширено пристройкой крытого лапидария (рис. 45) (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 13-24; Ломакин, 2010, с. 33-38).

Раскопки на территории городища Чуфут-Кале проводились с 12 июня по 1 июля 1928 г. Открытый лист на эти раскопки был выдан У. А. Боданинскому. В работах принимали участие эпиграфист О. Н.-А. Акчокраклы, архитектор ЦГРМ Б. Н. Засыпкин, 2 стажера – Аблямитов, Муратов (рис. 41) (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 6 об.). Исследовалась

мечеть, расположенная в центральной части городища. Работами удалось выяснить полностью план мечети, его конструкцию, получена значительная коллекция архитектурных, эпиграфических и орнаментальных фрагментов. Среди последних – каменный блок с датой 746 г. х. (1346 г.) – время золотоордынского хана Джанибека. По мнению исследователей, судя по технике отдельных частей и фрагментов, мечеть была построена «прекрасными» мастерами и принадлежит к числу лучших татарских памятников середины XIV в. центральной части Крыма (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150. Л. 13-46).

29 июня 1928 г. У. А. Боданинский с несколькими рабочими произвел зачистки в ущелье Ашлама-Дере под северными обрывами плато Чуфут-Кале (рис. 42). Зачистками на площади 4,00 x 2,00 м были открыты фундаменты загородного ханского дворца Ашлама-Сарай (рис. 43). Также выявлен древний водопровод и источник «Хамам-Чокрак». Дальнейшие раскопки в Ашлама-Дере, планировалось поставить в план работ 1929-1930 гг. (Боданинский, 1930, с. 9-10). Но в эти годы исследования продолжены не были.

В Чуфут-Кале устроено музейное хранилище в доме (дворце) караимских обществ. На обе экспедиции в Старом Крыму и Чуфут-Кале истрачено 1500 рублей, отпущенных по смете Крымского Народного Комиссариата Просвещения (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 7).

Помимо археологических исследований в 1928 г. под руководством архитектора ЦГРМ Б. П. Засыпкина и профессора-архитектора П. И. Голландского были проведены значительные ремонтно-реставрационные работы различных объектов в Бахчисарае (рис. 44). Мечети Ешиль Джами XVIII в. – ремонт крыши, поставлено с южной стороны 2 контрфорса, с северной стороны поставлены железные решетчатые двери и два окна. Памятник изолирован и поддержан. Мавзолей Эски-Дурбе XV в. (?) – заделан провал замка купола, восстановлен восьмигранный барабан, карнизы, купол промазан хоросаном – цемянкой. Заложены провалы в арках, сделаны железные решетчатые двери. Древние торговые ряды

Рис. 47. Чуфут-Кале. Фото 1929 г. Раннесредневековая капитель (ГНИМА. ОФ 6079-077).

Кавафлар-сырасы – ремонт крыши, частичная смена балок, стропил, перекладка стены в северо-западном углу, черепичное покрытие. Фасадные флигеля Бахчисарайского дворца полностью приспособлены под музей. Дворцовые бани Сары-Гюзель XVI в. (?) – частичный ремонт провала крыши над предбанником, разобраны позднейшие каменные ограды, закрывавшие фасад памятника с восточной и северной сторон. Дурбе Хаджи-Гирея (начало XVI в.) – восстановлено черепичное покрытие шатра. Дымовые трубы дворца, упавшие во время землетрясения 1927 г., наполовину восстановлены. Царская кухня и конюшня в Бахчисарайском дворце отремонтированы. Дурбе Джанике-Ханум, жилой дом Фирковича в Чуфут-Кале – починены черепичные покрытия. На текущий ремонт истрачено 4000 рублей. На ликвидацию последствий землетрясения 1927 г. – 10000 рублей (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 8).

Рецензия на отчет об исследованиях 1928 г. в Старом Крыму была подготовлена Александром Юрьевичем Якубовским: «Как известно, раскопки уникального медресе

в Старом Крыму проводились И. Н. Бороздиным и А. С. Башкировым в 1925-1926 гг. Результатами этих работ общий план медресе был уже намечен. К сожалению, те, кому надлежит ведать, оставили обнаруженные участки здания, не приняв для охраны его всех нужных мер, к счастью, за истекшие два года разрушений не последовало, хотя «отрубы оставшейся не раскопанной земли оказались сильно осыпавшимися», «все исследованные пространства засорились мусором и заросли бурьяном». Такие работы, как раскопки одного из самых ценных зданий Золотоордынского периода в Крыму, не могут

быть начаты, чтобы не быть законченными и продолжение таких работ можно встретить только с удовлетворением. Работы истекшего

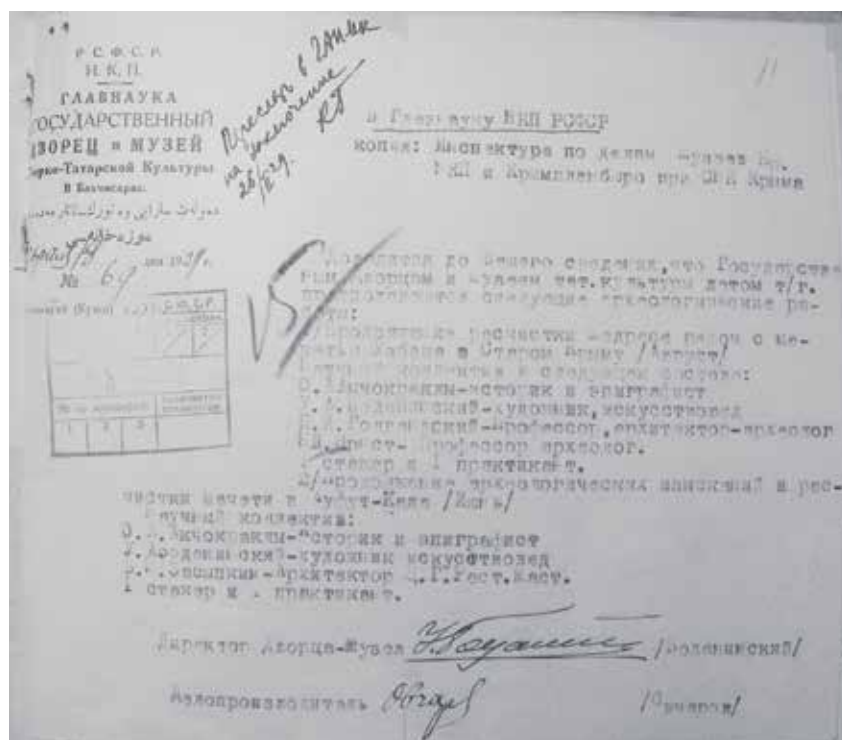

Рис. 48. Бахчисарай. Бумага, машинопись. 1929 г. Письмо из Бахчисарайского дворца-музея в Главнауку Наркомпроса РСФСР о планируемых в 1929 г. археологических исследованиях (ИИМК. Ф. 2. Д. 164/1930. Л. 15).

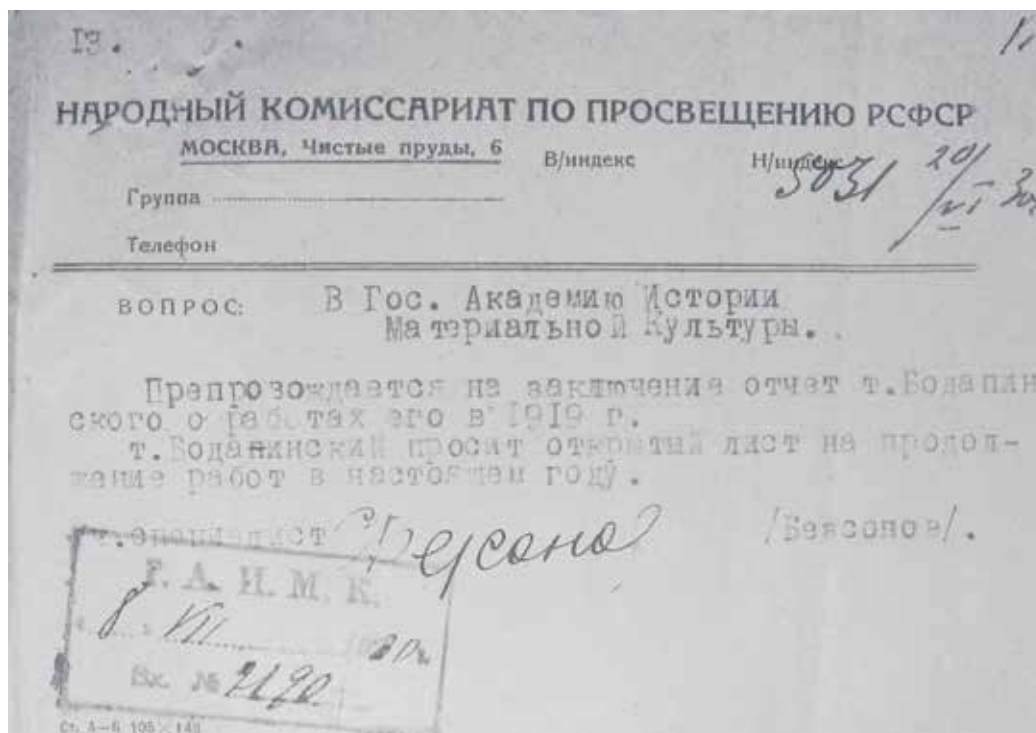

Рис. 49. Москва. Бумага, машинопись. 1930 г. Письмо из Главнауки Наркомпроса РСФСР в ГАИМК о предоставлении отчета Бахчисарайского дворца-музея о археологических раскопках в 1929 г. и просьбой о выдаче нового Открытого листа на имя У. А. Боданинского на археологические исследования в 1930 г. (ИИМК, Ф. 2. Д. 164/1930. Л. 87).

года были направлены на выяснение деталей медресе, и, судя по отчету, дали немалые результаты. Нужно только пожелать, чтобы они были закончены в ближайшие же годы и завершились изданием монографии, которая включала бы в себя как материалы по мечети Узбека, так и медресе.

Как и всегда, эпиграфические изыскания О. Акчокраклы богаты содержательными находками. А. Якубовский» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 38).

18 февраля 1929 г. У. А. Боданинский подал в Главнауку заявку от Бахчисарайского дворца-музея на получение открытого листа на следующие археологические работы (рис. 48):

1. Продолжение расчистки медресе рядом с мечетью Узбека в Старом Крыму (август). Научный коллектив в следующем составе: О. Акчокраклы – историк и эпиграфист, У. Боданинский – художник-искусствовед, П. И. Голландский – профессор, архитектор-археолог, Н. Л. Эрнст – профессор-археолог, 1 стажер, 1 практикант.

2. Продолжение археологических изысканий и расчистка мечети в Чуфут-Кале (июнь). Научный коллектив: О. Акчокраклы – историк и эпиграфист, У. Боданинский – художник-искусствовед, Б. Н. Засыпкин – архитектор ЦГРМ, 1 стажер, 1 практикант (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 11).

Археологические раскопки летом 1929 г. были проведены только на Чуфут-Кале (рис. 46). В состав экспедиции вошли: начальник У. А. Боданинский, эпиграфист, преподаватель Крымского педагогического университета О. Н.-А. Акчокраклы, архитектор ЦГРМ Б. Н. Засыпкин, студенты Б. В. Веймарн и В. Н. Чепелев, практикантка Б. Муратова (Боданинский, 1930, с. 10).

В ходе археологических исследований 1929 г. была полностью исследована территория мечети в центральной части городища, раскопки которой были начаты в 1928 г. Выполнена инструментальная съемка всего городища. Собрана значительная коллекция архитектурных деталей, в том числе фрагмент от византийской мраморной капители V в. (рис. 47).

На работы 1929 г. из бюджета Крымнаркомпроса было выделено 2000 рублей (Боданинский, 1930, с. 11). По материалам этих исследований городища Чуфут-Кале были опубликованы две статьи (Акчокраклы, 1928, с. 158-172; Боданинский, Засыпкин, 1929, с. 170-184; Акчокраклы, 1929, с. 185-187).

У. А. Боданинский собирался продолжить исследования в Старом Крыму и на плато Чуфут-Кале, для чего 20 июня 1930 г. запросил у Главнауки Открытый лист на выполнение этих работ (рис. 49) (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150. Л. 7). В отзыве, подготовленном А. Ю. Якубовским на материалы прошлого года, было указано: «На запрос Главнау-

ки Наркомпроса РСФСР по вопросу о выдаче открытого листа тов. Боданинскому ГАИМК сообщает нижеследующее свое заключение:

«Экспедицией Бахчисарайского музея во главе с У. Боданинским в 1928-1929 гг. были проведены раскопки мечети в Чуфут-Кале. В качестве отчетного материала в ГАИМК представлены оттиск из ИТОИАЭ и дневник раскопок мечети. Раскопки проводились по-слойно-квадратным способом. Однако, представленные материалы свидетельствуют, что при раскопках квадратами не было соблюдено основное требование, предъявляемое к этому методу – единство системы. При раскопках мечетимыимеемчетыресамостоятельныесистемы квадратов (с. 5, рис. 2), связанных между собой стенами самого здания. Данная часть «квадратов» – либо прямоугольники, либо фигуры сложного контура. Несмотря на разбивку территории на квадраты, раскопки вдоль восточной стены внутри здания производились первоначально траншеей шириной в пол квадрата (1 метр). С западной стороны мечети квадраты не докопаны полностью и абрис раскопа не имеет правильной формы. Способ закрепления на месте забивки не указан.

В представленном дневнике произведены детали раскопанных сооружений, но нет схем квадратов с указанием расположения сооружений и предметов в них, а также неясен и способ фиксации их в пределах квадрата.

Ни в печатном отчете, ни в дневнике нет разрезов и потому неизвестны простирание и толщина слоев, что исключает четкое разграничение слоев и принадлежащих им сооружений и предметов. Кроме того, приводимые цифровой и описательный материалы не дают ясного представления о методе фиксации слоев. Необходимо также отметить крупный дефект в определении территории, подлежа-

щей вскрытию. Мечеть имела внутри две пары колонн (столбов), поддерживающих перекрытие. Полученный экспедицией материал дает основание полагать, что колонны имели мраморные капители, ранее принадлежавшие христианской постройке (в орнаментах «византийский» крест), и использованы в сооружении мечети, причем кресты были оттесаны. Даже, как подчеркивается в печатном отчете (с. 9), мечеть имеет необычное расположение входа – в западной стене.

Все эти обстоятельства должны были привести к особо тщательному обследованию восточной стороны постройки, так как можно было предполагать, что мечеть построена на месте христианского сооружения, между тем, именно в этой части здания раскопки не были в достаточной степени углублены.

Ввиду изложенного, Академия считает возможным выдачу тов. Боданинскому открытого листа на продолжение работ в текущем году лишь при условии учета сделанных в заключении Академии замечаний» (Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150. Л. 68-69).

Архивные материалы не дают ответа, получил ли в 1930 г. У. А. Боданинский свой последний открытый лист или нет. Археологические исследования в этом году в Старом Крыму и в окрестностях Бахчисарая проведены не были. В 1929 г. в стране были практически полностью свернуты программы краеведческих и региональных исследований (см. статью И. В. Белозеровой и С. В. Кузьминых), что произошло и в Крыму. В середине 30-х годов все участники экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму, кроме П. И. Голландского, подверглись политическим репрессиям. Материалы экспедиции никогда не были опубликованы в полном монографическом виде.

С. Г. БОЧАРОВ, А. Г. СИТДИКОВ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1, 1924. Д. 107. Отчеты и переписка об археологических работах Н. Л. Эрнста, Ю. Ю. Марти и А. И. Маркевича в Керчи и Симферопольском округе. Доклад Эрнста Н. Л. об обследовании городища близ Симферополя. 17 л.

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1, 1924. Д. 111. Краткий предварительный отчет профессора 1-го МГУ Башкирова А. И. по научно-исследовательской командировке на Северный Кавказ и в Крым предоставленной Главнаука Наркомпроса (командировочный лист за № 7285) по запросу НИИ Археологии и Искусствознания и Факультета ОН МГУ через Правление Московского Государственного университета, Москва, 1924 год, 8 декабря. 24 л.

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1, 1925. Д. 181. О раскопках в Старом Крыму (переписка). 13 л.

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1, 1927. Д. 131. Работы А. С. Башкирова в Абхазии (переписка).

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1, 1929. Д. 216. Переписка по поводу получения И. Н. Бороздиным открытого листа на археологические разведки на территории Казанского кремля. 1928 г. 4 л.

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1, 1929. Д. 191. Раскопки А. С. Башкирова в Татарской республике 1929 г. 20 л. Переписка по поводу раскопок Башкирова 1928 г. в Билярске. План работ в Татарской республике и оттиск Башкирова – Экспедиция по изучению Болгарско-татарской культуры летом 1928 г.

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1, 1929. Д. 164. Отчет о деятельности государственного дворца и музея татарской культуры в г. Бахчисарае с 1-го октября 1927 года по 1 октября 1928 г. 85 л.

Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150. Л. 13-46. Дневник археологических раскопок на Чуфут-Кале 1928 г. Автор Осман Акчокраклы.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 35. Башкиров А. С. Дневник раскопок могильника Кырк-Азизлер. 1924 г. Л. 95-111.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 33. Копия отношения Представителя Крымской АССР в Ассоциацию востоковедения при ВЦИК СССР. 14 января 1925 г. Л. 44.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 33. Копия отношения представителя Кр. ССР в НАВ. 9.02.1925 г. Л. 49.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 33. Выписка из протокола заседания СНК от 14.04.1925 г. Л. 49 об.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 33. Копия выписки из протокола КрымОХРИСа от 5.05.1925 г. Л. 45.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 33. Копия отношения Кр. ССР в Ассоциацию востоковедения при ВЦИК СССР от 1.06.1925 г. Л. 46.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 33. Копия отношения НКП отдел ОХРИС Кр. ССР в Ассоциацию востоковедения при ВЦИК СССР от 17. 07. 1925 г. Л. 46 об.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 35. Дневник раскопок и исследований А. С. Башкирова в 1925 г. Л. 1-12.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 33. Копия отношения Председателя НАВ в Президиум ВЦИК. Без даты. Л. 48.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 598. Д. 32. Письмо И. Н. Бороздину от А. Полканова. Копия. Без даты. Л. 47.

Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 106. Оп. 2. Д. 5198. Письмо Засыпкина к Грабарю 15.09.1926 г. 2 л.

Фонды БИКАМЗ. Д. 381. У. А. Боданинского дневник 1924-1925 гг. 86 л.

Фонды БИКАМЗ. Д. 405. Л. 1-59. У. А. Боданинский. Дневник этнографической экспедиции 1925 г. 59 л.

Фонды БИКАМЗ. Д. 380. Л. 25-28. Дневник Боданинского 1925-1926 гг. 99 л.

Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, 1927а. Т. 1 (58). С. 5-18.

Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского Педагогического Института. 1927б. Кн. 1. С. 32-47.

Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, 1928. Т. 2 (59). С. 158-172.

Акчокраклы О. Эпиграфические находки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, 1929. Т. 3. С. 183-187.

Башкиров А. С., Боданинский У. А. Памятники крымско-татарской старины Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8-9. С. 295-311.

Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2 (4). С. 108-125.

Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1 (3). С. 122-144.

Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Симферополь: Гос. дворец-музей татар. культуры в Бахчисарае, 1930. 31 с. (Отдел. оттиск из: Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Вып. 2. Симферополь: Крымплан, 1930).

Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале: По материалам раскопок 1928-1929 гг. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. 3. С. 170-187.

Бороздин И. Н. Новейшие археологические открытия в Крыму: (Раскопки на Гераклейском полуострове) // Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М., 1925. 30 с.

Бороздин И. Н. Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, КрымЦИКа и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925

году // Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М., 1926а. 30 с.

Бороздин И. Н. Археология и социология: (К изучению древних культур юга СССР) // Новый Восток. 1926б. № 12. С. 202-213.

Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 года) // Новый Восток. № 16-17. Москва, 1927а. С. 256-274.

Бороздин И. Н. Из Отузской старины (Надгробие шейха Якуба из Коньи 729 г. Хиджры) // ИТОИАЭ. 1927б. Т. 1 (58). С. 24-26.

Бороздин И. Н., Башкиров А. С. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925-1926 гг. М.: Музей восточных культур, 1927. 7 с., 2 ил.

Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. Письма из Крымской экспедиции. М. 1966. С. 258-259.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2(4). 1927. С. 113-168.

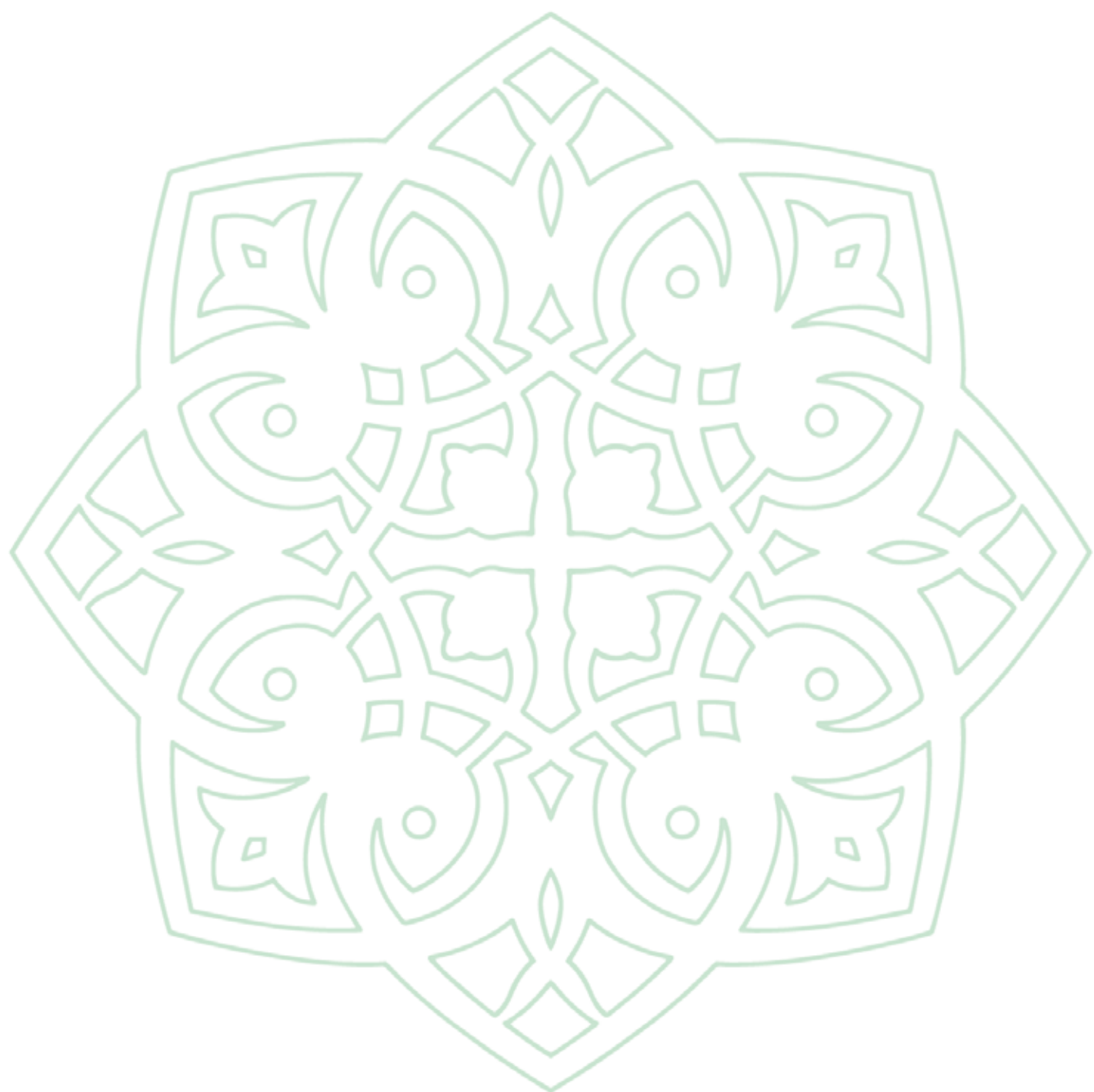
Ломакин Д. А. Бахчисарайский дворец-музей тюрко-татарской культуры и исследование мусульманских памятников XIII–XV веков в Старом Крыму (вторая половина 20-х годов XX века) // Сіверщина в історії України: Зб. наук. пр. К. : Глухів, 2010. Вип. 3. С. 33-38.

Полканов А. Первоочередная задача Крымохриса. (Педагогическая жизнь Крыма. Орган Народного Комиссариата Просвещения КССР. № 1-2. Янв.-февр. 1925 г. С. 73-74.

Севастьянов А. В. Материалы по истории крымской архитектуры в научном наследии Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) // Сіверщина в історії України: Зб. наук. пр. К. : Глухів, 2010. Вип. 3. С. 30-33.

Хливнюк А. В. Центральные Государственные реставрационные мастерские и охрана памятников в Крыму // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы. Симферополь: СГТ, 2008, С. 9-40.

Эминов Р. Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив № 2 (24), 2011. С. 48-64.

Глава 2

РУКОВОДИТЕЛИ И УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦИИ

2.1. БОРОЗДИН ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ

Бороздин Илья Николаевич¹, историк широкого профиля, археолог, историограф, литературный критик, педагог, родился 4 ноября 1883 г. в Ярославле в обедневшей дворянской семье, фамилия которой была известна еще с XIV в. (рис. 50). Через несколько лет его мать, Юлия Владимировна Бороздина, оставила мужа, Николая Ильича, так как их брак не сложился. Она переехала с сыном и дочерью в Москву и там работала преподавательницей научных классов в Императорском Театральном училище. В ее доме часто бывали не только актеры, писатели и поэты, но и многие ученые; именно здесь И. Н. Бороздин познакомился с такими учеными, как шекспировед Н. И. Стороженко² и египтолог Б. А. Тураев³, общение с которыми

Рис. 50. Илья Николаевич Бороздин. Портрет. 1920-е гг. (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 541. Л. 3).

¹ Фонд И. Н. Бороздина был передан его вдовой, П. А. Бороздиной, на хранение в Архив РАН в 2008 г., и на момент подготовки работы его научно-техническая обработка еще не завершена, поэтому в архивных шифрах не указаны названия дел и номера листов.

² Стороженко Николай Ильич (1836-1906) – русский ученый, литературовед, шекспировед, председатель литературно-театрального комитета при дирекции Императорских театров, Общества любителей российской словесности, библиотекарь в Румянцевском музее.

³ Тураев Борис Александрович (1868-1920) – историк, создатель отечественной школы истории Древнего Востока, один из основоположников отечественной египтологии, академик Российской академии наук в Петрограде (1918).

Рис. 51. Севастополь. Фото 1924 г. Участники Гераклеийской экспедиции. Сидит в центре Б. В. Фармаковский, сидит первый справа А. С. Башкиров, стоит в центре И. Н. Бороздин, стоит третий слева Н. Л. Эрнст (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 561. Л. 2).

ми во многом предопределило его увлечение гуманитарными науками.

В 1901 г. И. Бороздин окончил Московскую 3-ю гимназию с серебряной медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Зародившийся интерес к истории, особенно к истории древнего мира, отразился в сохранившемся в архиве сочинении И. Н. Бороздина на аттестат зрелости «Значение древнего мира в истории человечества».

В университете Бороздин учился у профессоров П. Г. Виноградова⁴, В. О. Ключевского, В. И. Герье⁵, А. В. Никитского⁶, М. К. Любавского⁷. В годы учебы он стал членом историко-филологического общества при Московском университете; стоит отметить, что, безусловно, на увлечение И. Н. Бороздина историей древнего мира и археологи-

ей и формирование его как историка оказала организованная С. Н. Трубецким⁸ для членов этого общества археологическая поездка в 1903 г. в Грецию и Италию. В своей первой опубликованной статье «Поездка в Грецию. Из впечатлений студента-экскурсанта» (Бороздин, 1903а) он отразил яркие впечатления от осмотра Афин, Константинополя и других древних городов. «Всегда вспоминаю с удовольствием о часах, проведенных в Константинополе, и, несмотря на краткость времени, хорошо использованных благодаря Вашему руководству», – писал И. Н. Бороздин Ф. И. Успенскому⁹, который в то время был директором Русского археологического института (СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 2). Он встретил студентов в Константинополе и провел экскурсию по городу и Св. Софии.

⁴ Виноградов Павел Гаврилович (1854-1925) – русский и английский историк, профессор всеобщей истории Московского университета, профессор права Оксфордского университета, член совета и глава отдела публикаций Британской академии, академик (1914).

⁵ Герье Владимир Иванович (1837-1919) – историк, профессор всеобщей истории Московского университета, организатор и руководитель (1872-1905) Высших женских курсов в Москве.

⁶ Никитский Александр Васильевич (1859-1921) – русский филолог-эпиграфист, академик (1917), декан историко-филологического факультета Московского университета.

⁷ Любавский Матвей Кузьмич (1860-1936) – российский историк, профессор, ректор Московского университета (1911-1917), академик (1929). Председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете.

⁸ Трубецкой Сергей Николаевич (1862-1905) – философ, публицист, общественный деятель, ректор Московского университета (1905).

⁹ Успенский Федор Иванович (1845-1928) – историк, византист, академик Петербургской АН (1900). Основатель и директор Русского археологического института в Константинополе (1894-1914).

Рис. 52. Старый Крым. Фото 1926 г. Медресе. Групповое фото. Четвертый слева в верхнем ряду О. Н.-А. Акчокраклы, в центре в верхнем ряду А. Л. Якобсон, на переднем плане в центре У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 560).

В 1907 г. И. Н. Бороздин окончил университет по специальности «Всеобщая история» с дипломом первой степени. Кандидатское сочинение о развитии университетов было опубликовано в «Истории России в XIX веке» (Бороздин, 1910).

В начале XX в. Бороздин совершил ряд научных путешествий в Италию, Германию, Францию, Швейцарию, Швецию, где изучал памятники и познакомился с коллекциями исторических и археологических музеев.

После университета И. Н. Бороздин занялся преподавательской деятельностью – до революции преподавал историю в Медведниковской гимназии, женской гимназии М. В. Приклонской, а также в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского; вскоре стал членом Костромской архивной комиссии (1907), Новгородского Общества любителей древности (1908), Историко-родословного общества (1908), Одесского общества истории и древностей, Исторического общества Нестора-летописца (1909).

В 1903 г., как упоминалось выше, вышла первая статья Бороздина («Поездка в Грецию. Из впечатлений студента-экскурсанта»). С этого времени он начал публиковать статьи, обзоры и рецензии в журналах и газетах «Былое», «Гермес», «Весы», «Летопись», «Научное слово», «Русское слово», «Вестник Европы», «Страна», «Путь», «Семь дней» и др.¹⁰

С 1908 г. Бороздин состоял членом-корреспондентом в Московском археологическом обществе, 20 декабря 1911 г. был избран действительным членом; работал под непосредственным началом графини П. С. Уваровой¹¹.

До 1920-х гг. И. Н. Бороздин не руководил раскопками, а в основном занимался описанием уже известных памятников. Так, например, в мае 1913 г. он был командирован МАО в Крым для обследования местных древностей. Результатом этой и других командировок стала крупная статья «Памятники античной культуры на юге России», вышедшая в 1915 г. В период своей деятельности в МАО И. Н. Бороздин опубликовал большое количество статей на археологические темы, о новых открытиях, об ученых-археологах.

Одним из первых крупных археологических съездов, в котором принял участие Бороздин, стал XIV археологический съезд в Чернигове в 1908 г. Он выступил с докладом «К вопросу о феодализме в России», подготовленным под влиянием работ Н. П. Павлова-Сильванского (Бороздин, 1908).

Съезд в Чернигове, как и большинство предыдущих, был посвящен археологическому исследованию центральных и южных районов России и был приурочен к 1000-летию города.

¹⁰ Общее число статей, заметок и рецензий историка превышает 600.

¹¹ Уварова Прасковья Сергеевна (1840-1924) – графиня, историк, археолог, председатель Московского археологического общества и организатор Всероссийских археологических съездов (с 7-го).

Рис. 53. Старый Крым. Фото 1926 г. Групповое фото у входа в так называемую мечеть Узбека. В верхнем ряду пятый справа стоит О. Н.-А. Акчокраклы, в центре сидят У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, стоит А. С. Башкиров (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 560. Л. 2).

Основной целью было стремление пробудить интерес к археологии у местной интеллигенции и ученых и популяризовать достижения прошедших лет; для этого привлекались виднейшие археологи и историки¹². Черниговский съезд насчитывал 125 депутатов и 281 участни-

ка. В архиве И. Н. Бороздина сохранились заметки под названием «Археологический съезд в Чернигове (из личных впечатлений)». В них автор упоминает о давно назревшей необходимости проведения такого же масштабного конгресса, но уже именно исторического с различными секциями; говорит о подготовке к съезду: «Всю тяжесть работы несло на себе Московское археологическое общество» и «проявляло деятельность черниговское отделение подготовительного комитета, остальные же организации и учреждения не откликнулись на обращенные призывы и ничего не сделали» (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 12). Впрочем, то же самое повторилось и при подготовке следующего съезда в Новгороде в 1911 г.

В том же году И. Н. Бороздин опубликовал статью «Первобытная археология и классические древности на XIV Археологическом съезде в Чернигове» (Бороздин, 1908а, с. 399-404).

В 1912 г. он был командирован Московским археологическим обществом на III Международный Археологический конгресс в Риме, проходивший с 9 по 16 октября, был там членом президиума секции греко-римских древностей и исполнял в этой секции обязанности секретаря (Бороздин, 1914, с. 276). Среди докладчиков от России выступали И. К. Линдеман¹³, В. К. Мальмберг¹⁴, М. И. Ростовцев¹⁵.

Сам Бороздин выступил в секции доисторической археологии с докладом о новейших достижениях русских ученых в области первобытной и классической археологии. Во время проведения конгресса Бороздин посетил раскопки в Остии и Помпеях и даже принял в них участие¹⁶.

В статье «Юбилей Восточной комиссии Московского археологического общества» (Бороздин, 1912), приуроченной к 25-летию существования и чествованию ее первого пред-

¹² Д. И. Иловайский писал: «Для меня съезды служили, во-первых, отдыхом от постоянных кабинетных занятий, во-вторых, возможностью многому поучиться в среде собравшихся отовсюду археологов-специалистов, а также ближе ознакомиться с тою или другою историческою областью необъятной России... а те радушные теплые приемы, которые, почти всюду, оказывало нам местное общество, нередко превращали эти съезды в праздники науки». См.: (Иловайский, 1916, с. 4).

¹³ Линдеман Иосиф Карлович (1860-?) – историк, археолог, выпускник историко-филологического факультета Московского университета и Московского Археологического института. Член МАО с 1907 г.

¹⁴ Мальмберг Владимир Константинович (1860-1921) – русский историк искусства, археолог, профессор Московского Университета. С 1913 г. директор Московского музея изящных искусств.

¹⁵ Ростовцев Михаил Иванович (1870-1952) – исследователь античной истории, археолог, член Берлинской (1914) и Российской (1917) АН. После эмиграции в 1918 г. – профессор Мэдисонского, затем Йельского университетов.

¹⁶ У родственников И. Н. Бороздина сохранился массивный крест с серебряной инкрустацией, подаренный ему одним из итальянских археологов на память о раскопках; к сожалению, установить имя дарителя не удалось.

Рис. 54. Старый Крым. Фото 1925 г. Раскопки караван-сарая. Стоит слева И. Н. Бороздин (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 558. Л. 1).

седателя, Ф. Е. Корша¹⁷, Бороздин дал краткий обзор деятельности комиссии по основным направлениям (памятники с вавилонским влиянием, христианский Восток и мусульманская культура).

В 1913 г. И. Н. Бороздин посетил Крым, под руководством Р. Х. Лепера¹⁸ осмотрел Херсонес, результатом чего стала статья «Херсонес Таврический», приуроченная к 25-летию систематических раскопок. Он подробно описал музей, отдельные экспонаты, в том числе детские игрушки и «кукольную» посуду, а также сами раскопки, завершив статью словами: «... можно горячо посоветовать всякому, бывающему в Севастополе, посещение этих величавых развалин. Незабываемое впечатление производят эти остатки седой старины на фоне голубого неба и моря, неумоимо катящего свои волны теперь, как и тогда...» (Бороздин, 1913).

В 1913 г. Бороздин стал членом Комиссии по изучению старой Москвы при Археологическом обществе, секретарем МАО, секретарем Археографической комиссии МАО.

делал выписки из всех протоколов за 50 лет, а также замыслил отдельную историческую записку, посвященную съездам, со всеми списками докладов (эта идея не была им осуществлена) (Тункина, 2015, с. 405-413). «Словарь представит живую биографию состава Общества за время его существования», – так писал он графине Уваровой (Сафонов, Федосеева, 2006, с. 54). В итоге исторический очерк так и не был опубликован, его варианты и подготовительные материалы хранятся в фонде И. Н. Бороздина (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 16) и фонде Уваровых в Отделе письменных источников ГИМ (Стрижова, 1990, с. 15; Архив А. С. и П. С. Уваровых, 1998, с. 83-103). Был издан только биографический словарь, внесший существенный вклад в развитие истории археологии (Императорское Московское археологическое общество, 1915; Биографический словарь, 1915).

И. Н. Бороздин готовился принять участие и в Псковском археологическом съезде, который должен был состояться в 20-х числах июля 1914 г. Историк предполагал выступить в сек-

В декабре 1914 г. предстояло празднование 50-летнего юбилея деятельности МАО. Еще в 1912 г. было решено подготовить исторический очерк об обществе и биографический словарь его членов со списком их публикаций в трудах МАО. И. Н. Бороздин стал автором очерка о деятельности общества в период руководства графа А. С. Уварова, а также редактором биографических справок, составлявшихся А. А. Захаровым¹⁹, подбирал портреты членов, де-

¹⁷ Корш Федор Евгеньевич (1843-1915) – филолог, славист, востоковед, ак. Петербургской АН (1900).

¹⁸ Лепер Роман Христианович (1864-1918) – антиковед, археолог, эпиграфист. Член Императорской Археологической Комиссии, ученый секретарь РАИК. С 1908 по 1914 гг. руководил раскопками Херсонеса.

¹⁹ Захаров Алексей Алексеевич (1884-1947) – историк, археолог, профессор Московского университета, сотрудник ГИМ.

Рис. 55. Старый Крым. Фото 1925 г. Караван-Сарай. Археологическая траншея. Рабочий момент. Вид с юго-востока (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 561. Л. 4).

ции классической археологии с докладом о новейшем движении в области изучения классических древностей (в том числе со скифскими изображениями) и византологии (по трудам Ф. И. Успенского, Ю. А. Кулаковского²⁰, В. Н. Бенешевича²¹ и др.). Из-за начавшейся войны съезд был отложен на неопределенное время, а статья (Бороздин, 1914, с. 84-91) вышла в сборнике в честь В. П. Бузескула, с которым у Бороздина сложились уважительные и достаточно теплые отношения (Селиванова, 2013, с. 450-455).

Во время войны историк не смог пойти на фронт вследствие слабого зрения; параллельно с преподаванием он продолжал заниматься публикаторской деятельностью и написанием статей, популяризацией исторической науки и, в частности, археологии и истории древнего мира. Так, в заседании, посвященном трехсотлетию Дома Романовых, он прочитал доклад

«Успехи русской археологии» (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 19), во Дворце искусств – лекцию «Введение в археологию» (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 52).

К этому времени относится его важнейшая совместная с Б. А. Тураевым работа – составление сборника источников по истории культуры народов древнего Востока (Тураев, Бороздин, 1917). Несомненно, работа с ученым такого уровня много дала И. Н. Бороздину как историку и усилила дальнейшее его увлечение историей древнего мира.

Нельзя также не отметить роль Б. В. Фармаковского²² в формировании И. Н. Бороздина как археолога. По сохранившейся в фонде переписке можно судить, что между ними сложились дружеские отношения. Как вспоминала вдова историка, Полина Андреевна Бороздина, он считал Б. В. Фармаковского своим учителем в полевой археологии и, видимо, бывал у него на раскопках в Ольвии, перенял его метод послойных раскопок. Результатом совместной работы Бороздина с Фармаковским и Тураевым стал выпущенный в 1918 г. сборник по истории культуры «Древний мир на юге России».

В целом приняв революцию, Бороздин начал активно сотрудничать с новой властью, стараясь, в первую очередь, принести пользу в сохранении исторического наследия. Так, в 1917-1918 гг. он становится членом, затем председателем музейной секции Комиссии по охране памятников старины при Московском

²⁰ Кулаковский Юлиан Андреевич (1855-1919) – филолог-классик, археолог, историк Римской и Византийской империй, переводчик с латыни и древнегреческого, публицист, педагог. Член-корреспондент Императорской академии наук (1906), действительный статский советник (с 1902). Председатель Исторического общества Нестора-Летописца при Университете св. Владимира, профессор кафедры классической филологии Императорского университета св. Владимира.

²¹ Бенешевич Владимир Николаевич (1874-1943) – историк, византинист, юрист, специалист в области канонического права, палеограф. Член-корреспондент АН СССР (1924).

²² Фармаковский Борис Владимирович (1870-1928) – археолог, специалист по античной археологии, археологии Сев. Причерноморья и античному искусству, член-корреспондент Петербургской АН (1914), РАН (1917), АН СССР (1925).

Совете рабочих депутатов, куда его привлек, по-видимому, В. М. Фриче²³, бывший председателем Комиссии по охране памятников старины при Московском Совете рабочих депутатов. С 1918 по 1920 гг. Бороздин был консультантом-специалистом по отделу Реформы школ при Наркомпросе РСФСР; в 1919 г. – редактором и заведующим отделом издательства ВЦИК (затем Госиздат); с 1920 г. – членом Издательской комиссии РАИМК; в 1924–1927 гг. – действительным членом Института археологии РАНИОН; в 1925–1929 гг. – членом правления Музея восточных культур.

В 1919 г. в Петрограде была создана РАИМК²⁴ как преемственница Археологической комиссии. Председателем Московской секции стал Д. Н. Егоров, его заместителем – Ю. В. Готье²⁵. Секция состояла из комиссий по археологии, истории быта, этнологии, истории искусства и музееведению; также в состав вошла лаборатория по изучению и реставрации древних тканей. В комиссии по археологии (под председательством сначала В. А. Городцова, затем Ю. В. Готье) работали А. С. Башкиров²⁷, Б. Н. Граков, Б. С. Жуков, А. А. Захаров (секретарь), Б. А. Куфтин, Ф. В. Баллод, Н. Д. Протасов, Ф. И. Шмит, О. А. Кривцова-Гракова, П. С. Рыков и др. Илья Николаевич стал заместителем председателя Комиссии по Московской секции.

Историк по-прежнему продолжал заниматься научными исследованиями и популяризацией науки, при этом тематика его занятий была самой широкой. В связи с началом Первой мировой войны растет его интерес к истории славян; на это же, вероятно, повлияло и общение с М. К. Любавским. Огромное количество

Рис. 56. Старый Крым. Фото 1925 г. Северная стена так называемой мечети Узбека. Сидят И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров. Вид с севера (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 559. Л. 2).

отзывов о выходящих книгах, интерес к всеобщей истории, зарождающееся увлечение историографией – на все эти темы И. Н. Бороздин пишет статьи. Не забывает он при этом и археологическую тематику. Так, например, 10 июля 1921 г. он прочитал доклад в Археологическом обществе «Русская археология в 1918–1920 гг.»,

²³ Фриче Владимир Максимович (1870–1929) – литературовед, искусствовед, профессор МГУ, академик АН СССР (1929).

²⁴ РАИМК – Российская академия истории материальной культуры (с 1926 г. – ГАИМК, Государственная академия истории материальной культуры). После революции в 1918 г. на основе Императорской археологической комиссии была создана Российская Государственная Археологическая комиссия. В 1919 г. она была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК), а затем, после образования СССР, в 1926 г. она переименована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК). В 1937 г. ГАИМК преобразуется в Институт истории материальной культуры в составе Академии наук СССР (ИИМК АН СССР). В Ленинграде находились основные подразделения института, а в Москве – его московская часть. С 1943 г. Дирекция ИИМК переводится в Москву, было утверждено положение о двух отделениях Института в Москве и Ленинграде. В 1959 г. ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР с сохранением в его составе Ленинградского отделения (ЛОИА).

²⁵ Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931) – историк, специалист по славяно-германским отношениям в Средние века, библиоковед, член-корреспондент АН (1928).

²⁶ Готье Юрий Владимирович (1873–1943) – историк, археолог Восточной Европы, академик АН СССР (1939).

²⁷ Башкиров Алексей Степанович (1885–1963) – археолог-антиковед, этнограф, доктор исторических наук, профессор. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1908–1913) и два курса Петербургского археологического института (1910–1913). В 1920–1930-е гг. сотрудник Государственного исторического музея, РАНИОН, член ВНАВ. Занимался раскопками Студийского монастыря в Константинополе, в Крыму, Татари, Абхазии и др.

Рис. 57. Старый Крым. Фото. 1926 г. Общий вид на раскоп возле мечети. Стоит И. Н. Бороздин, сидит А. С. Башкиров. Вид с юго-запада (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 559).

где, отметив «крайнюю скудность русской археологической литературы за годы великой разрухи», дал обзор новейших публикаций об археологических исследованиях по различным периодам (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 38). Своеобразным синтезом историографии и археологии, опробованным еще с начала 1910-х гг., являются его статьи (Бороздин, Новосадский, 1915а, № 5; Бороздин, 1915; Бороздин, 1928б, № 23-24, с. 350-355; Бороздин, 1924б, № 5, Бороздин, 1915) и доклады о членах МАО, например, речь, произнесенная на торжественном заседании Московской секции РАИМК совместно с Музеем изящных искусств, МАО, Историческим обществом и Обществом изучения древних культур, посвященном памяти академика Б. А. Тураева «Б. А. Тураев как член Московского археологического общества». Бороздин рассказывал о выступлениях Тураева на археологических съездах в Риге и Киеве и на областных археологических съездах (в Твери,

Костроме), о перспективах востоковедения в период Первой мировой войны с точки зрения Тураева, о докладах в МАО, добавив и личные воспоминания об учителе (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 36).

Также историком был написан ряд статей, в том числе на археологическую тематику, в Энциклопедическом словаре Гранат: «Археология», «Археологические комиссии», «Археологические институты», «Археологические съезды», «Археологические общества», «Раскопки», «Тураев Б. А.», «Фармаковский Б. В.» и др.

Также в 1920-е гг. И. Н. Бороздин активно за-

нимался преподаванием: он профессор Военно-хозяйственной академии РККА и Флота (по истории хозяйственного быта) (1920-1922 гг.), Института востоковедения по кафедре всеобщей истории (1922-1923 гг.), Военно-педагогического института (1922-1924 гг.), МГПИ им. А. С. Бубнова и пр.

В 1922 г. Бороздин стал членом Президиума и заведующим историко-этнологическим отделом Всероссийской (Всесоюзной) научной ассоциации востоковедения (ВНАВ)²⁸ при ВЦИК СССР, заведующим историко-этнологическим отделом журнала «Новый Восток»²⁹.

Одной из основных задач ВНАВ провозглашалось сплочение востоковедов-марксистов с учеными старой школы, при этом она должна была стать своеобразным рычагом воздействия на «старое» востоковедение для направления его действий в русло новых задач, содействуя духовному и экономическому возрождению Востока. В оргбюро ВНАВ во-

²⁸ ВНАВ – государственная научная организация, созданная в декабре 1921 г. для объединения организаций, обществ и отдельных востоковедов в русле идеологии марксизма.

²⁹ Периодический орган ВНАВ. Журнал был преимущественно посвящен социально-экономическим и политическим проблемам Востока, состоял из политико-экономического, историко-этнологического отделов, обзоров прессы и библиографии; также освещались проблемы революционного движения на Востоке и вопросы торговли и промышленности. Издавался в Москве с 1922 по 1930 гг. (вышло 29 книг).

Рис. 58. Старый Крым. Фото 1926 г. Вертикальные надгробные памятники (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 607).

шли М. П. Павлович³⁰, ставший председателем, С. И. Духовский – заведующий политико-экономическим отделом, В. А. Гурко-Кряжин³¹, И. Н. Бороздин, ученый секретарь А. Ф. Абуков, В. К. Трутовский, К. М. Трояновский, Т. Н. Бройдо. Научная деятельность Ассоциации сосредотачивалась в двух отделах: политико-экономическом и историко-этнологическом.

Среди важнейших мероприятий, проведенных в 1920-е гг. по инициативе ВНАВ – первый всероссийский съезд египтологов (1922 г.)³², Первый всесоюзный тюркологический съезд (1926 г.) с участием зарубежных специалистов, совещания по вопросам ведения научных работ в Средней Азии, изучению народов Востока. Во всех них деятельное участие принимал И. Н. Бороздин.

До 1920-х гг., как уже говорилось выше, И. Н. Бороздин не руководил раскопками. Первые археологические раскопки под руководством И. Н. Бороздина начались летом 1924 г. в Крыму. Экспедиция ВНАВ по предложению

Центральной Комиссии по изучению восточных культур юга России, Крыма и Кавказа при историко-этнологическом отделе ВНАВ поставила задачей обследовать и установить тип сооружений, известных как «башни» на Герacleйском полуострове, а также определить их назначение и хронологию. Экспедиция, в которых также принимали участие А. С. Башкиров, старший мастер Херсонских раскопок Н. З. Федоров и группа сотрудников Севастопольского музея крымоведения (рис. 51), провела разведку в треугольнике между Севастополем, Балаклавой и Херсонесским маяком. Обследование, как указывает А. С. Башкиров в отчете для Коллегии Научно-исследовательского института Археологии и искусствознания, проводилось двумя приемами: широкой разведкой по всему полуострову с фиксацией памятников древности и стационарной работой глубокими зондажными раскопками в отдельных пунктах (АРАН. Ф. 478. Оп. 1а. Д. 2. Л. 38). Были зарегистрированы остатки раз-

³⁰ Вельтман Михаил Лазаревич (псевдонимы Павлович, Волонтер) (1871-1927) – публицист, историк, революционер, один из создателей Института Востоковедения и его первый ректор.

³¹ Гурко-Кряжин Владимир Александрович (настоящая фамилия Гурко) (1887-1931) – историк-востоковед, специалист в области истории международных отношений, истории стран Ближнего и Среднего Востока, истории, этнографии и археологии народов Кавказа.

³² Первый всероссийский съезд египтологов был созван в ознаменование 100-летия со времени дешифровки египетских иероглифов Ф. Шампольоном. Состоялся в августе 1922 г. в Москве.

Рис. 59. Старый Крым. Бумага, тушь. 1925 г. Полевая опись монет (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 755).

личных сооружений с предположением их назначения: крупных укрепленных пунктов военно-хозяйственного назначения с постройками внутри и вне массивных стен; отдельно стоящих башен; фрагментов отдельных стен и валов; античных дорог; групп складских подвалов; могильников; так называемых «полей каменных кругов»; тарапанов квадратной формы; хозяйственных усадеб и вилл. Экспедиция сделала обмеры, зарисовки и фотографии, составила описания; были взяты на учет ранее не известные памятники.

После разведок и частичных раскопок были выявлены основные направления работы экспедиции – укрепленная усадьба, башня и некрополь, наиболее сохранившиеся среди других аналогичных памятников. Обследования

усадьбы (возле урочища Александриада), помимо руин стен колоссальной (так называемой циклопической) кладки, обнаружили несколько слоев от середины XIX в., византийского периода до римской и эллинистической эпох с различными предметами: фрагменты посуды, черепица, свинцовая тессера, бронзовые монеты. По датировке нумизмата А. В. Орешникова³³, монеты были установлены как херсонесские IV в. Тип комплекса был определен как военно-хозяйственный. Полученные результаты позволили историку сделать вывод о том, что такие военно-хозяйственные пункты, принадлежавшие общественным организациям или частным лицам, способствовали распространению херсонесского влияния вглубь страны, и поддержать гипотезу о важном значении поместья, деревни как фактора колонизации (Бороздин, 1926а, Т. 1, с. 143).

Недалеко от Александриады был исследован некрополь римского периода (I в. н. э.). После закладки зондажной траншеи было вскрыто 12 могил с хорошо сохранившимся инвентарем: горшки, блюда, бусы, кольца, монеты. И. Н. Бороздин, указав, что некрополь вскрыт частично и требует продолжения изучения, назвал его захоронением местной сельской бедноты.

На восточном склоне Юхариной балки были обследованы не тронутые ранее остатки башни. Несмотря на то, что это были реконсцировочные работы, удалось выяснить примерный план здания и датировать его по найденным фрагментам чернолаковой и краснолаковой посуды, амфор аналогично усадьбе с преобладанием римского влияния; И. Н. Бороздин отметил важность дальнейших тщательных раскопок для характеристики этого типа построек.

По результатам раскопок в 1925 г. была опубликована статья-отчет И. Н. Бороздина «Новейшие археологические открытия в Крыму. Раскопки на Гераклейском полуострове»; сохранившиеся в фонде фотоматериалы позволяют ее достаточно подробно проиллюстрировать. 27 сентября 1924 г. И. Н. Бороздин был

³³ Орешников Алексей Васильевич (1855-1933) – специалист по русской и античной нумизматике, член-корреспондент АН СССР (1928), сотрудник Исторического музея.

Рис. 60. Керчь. Фото 1926 г. Участники Керченской археологической конференции. Четвертый слева сидит И. Н. Бороздин (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 569).

избран почетным членом Севастопольского музея Крымоведения.

Осенью 1924 г. по предложению Крымсовнаркома НАВ и КрымОХРИС³⁴ приступили к археологическому обследованию урочища Эски-Юрт и Кырк-Азислер около Бахчисарая. Еще в 1923 г. У. А. Боданинский³⁵ проводил разведки на этой территории, составил план некрополя и начал собирать эпиграфические данные. НАВ заинтересовалась этим, и для работы в 1924 г. была создана специальная комиссия под председательством И. Н. Бороздина. После рекогносцировки на территории и составления точного плана предстоящего исследования И. Н. Бороздин вернулся в Москву, а раскопки проводили А. С. Башкиров и У. А. Боданинский; также в них приняли участие уже упоминавшийся Н. З. Федоров и художница-архитектор О. Г. Бонч-Осмолов-

ская. В результате было найдено большое количество надгробий с хорошо сохранившимся орнаментом, что позволило опровергнуть представление о кочевом быте крымских татар и низком уровне развития их культуры. А. С. Башкиров отметил, что раскопками заинтересовались не только местные жители, проводившие немало экскурсий на территории раскопок, но и члены Крымского правительства О. Дерен-Айерлы и В. Ибрагимов; 11 октября раскопки посетил даже Алексей Иванович Рыков (АРАН.

Ф. 478. Оп. 1а. Д. 2. Л. 17).

16-18 сентября 1924 г. в Севастополе состоялась III Крымская конференция музейных работников. И. Н. Бороздин, выступая от ВНАВ с докладом «Задачи востоковедения в Крыму», обратил внимание на повсеместное увлечение восточной культурой и значение Крыма в изучении востока, отметив при этом, что издано мало работ по истории Крымского ханства. Стоит отметить, что изучение тюркской культуры представлялось в тот момент актуальным не только в связи с политикой государства в отношении тюркоязычных народов и ростом краеведения, но и в свете намечавшегося проведения в 1926 г. в Баку первого Всесоюзного тюркологического съезда³⁶.

В июле 1925 г. по инициативе Народного комиссариата просвещения Крымской АССР, ЦИК Крымской АССР и ВНАВ была органи-

³⁴ КрымОХРИС – созданная в ноябре 1920 г. при отделе изобразительного искусства в составе Крымнаркомбраз секция по охране памятников старины и искусства. В его задачи входили организация, руководство и контроль музейного строительства, охрана и изучение всех памятников материальной культуры прошлого Крыма, а также охрана и материальной и духовной культуры населявших Крым народностей.

³⁵ Боданинский Усеин Абдрафиевич (1877-1938) – крымско-татарский этнограф, художник, искусствовед, краевед, руководитель Бахчисарайского отделения РОПИК, Бахчисарайского отдела ОХРИСа. С 1917 по 1934 гг. возглавлял Бахчисарайский музей. В 1937 г. арестован, расстрелян в 1938 г.

³⁶ Съезд предполагал решение не только проблем, касающихся письменности тюркских народов, но и вообще связанных с дальнейшим развитием востоковедения в СССР в условиях явных противоречий различных школ. Съезд проходил с 26 февраля по 6 марта 1926 г. и поднял настолько важные вопросы, что решено было в 1928 г. в Самарканде провести второй съезд.

Рис. 61. Аул Фуртоуг. Фото 1927 г.
(АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 651. Л. 2).

зована этнолого-археологическая экспедиция для изучения крымско-татарских памятников и проведения раскопок в древнейшей столице крымских татар Солхате³⁷. Еще 5 июня 1925 г. прошло заседание Музейной секции Академического Совета Крымнаркомпорса, на ко-

тором были заслушаны доклады Н. Л. Эрнста³⁸ о раскопках в Бахчисарае и А. И. Полканова³⁹ о предполагающихся раскопках в Солхате и этнографической экспедиции для изучения татарской культуры и древностей. Несмотря на натянутые отношения между ГАИМК и ВНАВ и на то, что вначале предполагалось назначить руководителем раскопок В. В. Бартольда⁴⁰ или Б. В. Фармаковского, в итоге их возглавил Илья Николаевич. В состав экспедиции вошли: ученый секретарь комиссии по изучению таткультуры профессор А. С. Башкиров, архитектор Главнауки Б. Н. Засыпкин⁴¹, директор Бахчисарайского дворца-музея У. Боданинский, преподаватель Крымского педагогического института им. М. Фрунзе О. Акчокраклы⁴², заведующий художественным отделом Центрального музея Тавриды профессор П. И. Голландский⁴³, топографы Здзеховский и Ф. М. Модин, студенты-практиканты московских и ленинградских вузов (рис. 52, 53). Также посетили раскопки близкие знакомые Ильи Николаевича поэт М. А. Волошин и художник К. Ф. Богаевский⁴⁴, позже подаривший ему акварель с изображением мечети Узбека.

По плану научной экспедиции были поставлены следующие задачи: 1. Топографическая съемка всей территории древнего города с указанием рельефа местности и всего комплекса памятников, находящихся на поверхности. 2. Детальное изучение архитектурных памятников (обмеры, архитектурный план, зарисовка), подробное описание как отдельных памятников, так и всей территории городища. 3. Фотографирование общего вида памятников, деталей, поиски и фотографирование

³⁷ Город долгое время являлся резиденцией наместника золотоордынской провинции Улус Крым и дал название всему полуострову. В период расцвета имел два названия: ордынцы и кыпчаки называли город Крым, а итальянцы, владевшие южным побережьем Крыма, – Солхат.

³⁸ Эрнст Николай Львович (1889-1956) – археолог, историк Крыма; профессор Таврического университета, заместитель директора по научной части Центрального музея Тавриды.

³⁹ Полканов Александр Иванович (1884-1971) – крымский краевед, этнограф, историк, археолог, организатор музейного дела. Один из организаторов КрымОХРИСа и его руководитель с 1921 по 1927 гг.

⁴⁰ Бартольд Василий Владимирович (1869-1930) – востоковед, тюрколог, арабист, исламовед, историк, архивист, филолог, академик (1913).

⁴¹ Засыпкин Борис Николаевич (1892-1955) – архитектор, фотограф и реставратор. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Участвовал в реставрационных работах в с. Коломенское, Сухаревской башни. Работал в Центральных Государственных реставрационных мастерских Главнауки. Арестован в 1934 г. С 1937 г. работал архитектором в управлении охраны памятников Узбекистана.

⁴² Акчокраклы Осман Нури Асан-оглу (1879-1938) – историк, этнограф, палеограф, литератор. Член археографической комиссии КрымОХРИС. Основатель дома-музея выдающегося крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского. С 1922 г. преподаватель восточного отдела КрымГУ. Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г.

⁴³ Голландский Павел Иванович (1861-1939) – архитектор, реставратор, краевед. Научный сотрудник Херсонесского музея, Центрального музея Тавриды. Являлся представителем Крымского отделения Союза советских архитекторов. Проводил реставрационные работы в Бахчисарае, Евпатории и Карасубазаре.

⁴⁴ Богаевский Константин Федорович (1872-1943) – художник-пейзажист. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

Рис. 62. Казань. Фото 1929 г. Раскопки в Кремле. Шурф у Южной стены башни Сююмбике. Третий слева И. Н. Бороздин, пятая стоит З. А. Акчурина (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 571. Л. 1).

эпиграфических и скульптурных памятников и их фрагментов в кладке стен современного города. 4. Снятие эстампажей с деталей и надписей всех памятников на территории городища с обращением особого внимания на эпиграфические памятники, находящиеся в кладке современных домов. 5. Разведка следов городского вала в северо-восточной части и выяснение очертаний и площади древнего города Солхат. Кроме того, предполагалось провести разведочные работы возле мечети Узбека, возле большой мечети, мечети в бывшем владении Чулакова, Мис-Джами, мечети в бывших владениях Айвазовского, холма Кемаль-Ата с кладбищем, развалин караван-сарая, развалин двух сооружений близ урочища Тамай-Ваза, купольных погребений в северной стороне городища, армянского монастыря середины XIV в. Сурб-Хач. При этом в плане учитывалась возможность нахождения под татарским слоем более древних культурных слоев. Работа экспедиции предполагалась в течение 45 дней со сметой в 2300 р. (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 754).

Экспедиция вызвала интерес у местного населения и в прессе. В фонде И. Н. Бороздина сохранилась подборка газет со статьями,

в том числе посвященных раскопкам в Старом Крыму (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 489).

Как и предполагалось по плану, помимо памятников татарской культуры, учеными были обследованы руины караимской кенасы, Сурб-Хач, часовня Святой Анны, остатки церкви и кладбища, несколько урочищ со следами сооружений. Была проведена топографическая съемка, осуществлены зондажные раскопки, исследованы территориальные границы Солхата, не совпадавшие с наслонившимся небольшим городком; удалось

выяснить линию валов, остатки крепостных стен и башен. В результате составлен генеральный план старого городища с нанесением всех обнаруженных руин древних сооружений: городского рва и вала с фундаментом крепостных стен и башен, бань, монетного двора, гончарных мастерских, караван-сарая и др.

По результатам разведок И. Н. Бороздин определил два места проведения основных раскопок. На территории караван-сарая (рис. 54, 55), занимавшего территорию в 2500 кв. метров, на юге города были обнаружены фрагменты стен и выступающей прямоугольной башни с тремя бойницами, остатки глиняных труб водопровода, следы гончарной мастерской с посудой и глиняными треножниками и огромным количеством фрагментов поливной керамики, а также множество монет XIII и XIV вв. Возле мечети Узбека⁴⁵ решено было провести вторую разведку для исследования руин предполагаемого медресе площадью около 900 кв. метров (рис. 56, 57). Были обнаружены остатки портала с пышным пилоном, дюрбе с двумя мраморными надгробиями и склепом в юго-восточной части с шестью погребениями, и большое количество надгроб-

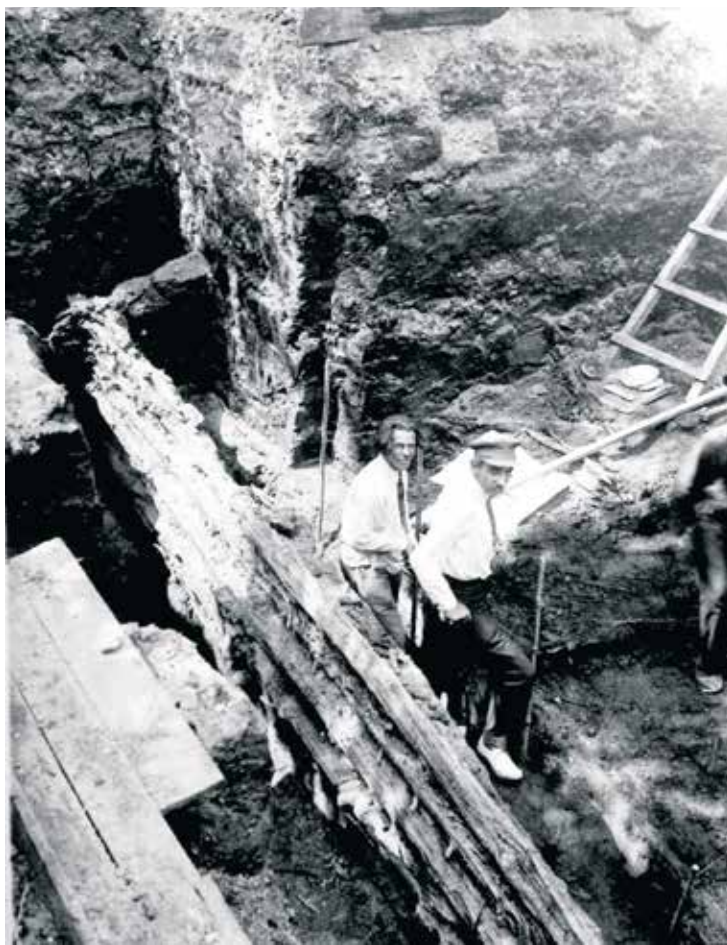

Рис. 63. Казань. Фото. 1929 г. Раскопки в Кремле.
Стоят И. Н. Бороздин и Н. Ф. Калинин
(АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 571. Л. 2).

бий, основная часть которых была передана в Бахчисарайский музей (рис. 58). Также было найдено множество медных и серебряных монет, большинство из которых датировалось первой половиной XIV в., но встречались монеты, датированные последними десятилетиями XIII в. Наряду с привозными найдены и монеты, чеканенные в самом Солхате⁴⁶.

Будучи сторонником идеи исторических связей между Западом и Востоком, по материалам раскопок Бороздин сделал вывод об активном влиянии на культуру крымских татар сельджукской Малой Азии и мамлюкского Египта, а также Хорезма, Византии и итальянских приморских городов.

За археологические раскопки в Старом Крыму Илья Николаевич был награжден Крымсовнаркомом кожаным портфелем с золотой пластинкой. Вероятно, такими портфелями были премированы все участники экспедиции: в архиве П. И. Голландского сохранился документ, свидетельствующий о таком же подарке (Антонюк, <http://www.oldkyiv.org.ua/data/gollandsky.php>).

Илья Николаевич был настолько увлечен в этот период Солхатом, что друзья в шутку называли его Бораз-эддин шейх аль-Солхат (Бороздина, с. 73). Экспедиция продолжила работу в Старом Крыму и в 1926 г. Основной задачей стало продолжение раскопок 1925 г. на территории медресе, проведение дальнейших разведок и фиксация исторических памятников. При раскопках медресе работы в 1926 г.⁴⁷ велись в западной части и у главного портала с восточной стороны; в результате был составлен более подробный план медресе, уточнены отличительные детали постройки. Рекогносцировочные раскопки были направлены, во-первых, на выявление руин городских стен, в частности, на территории Кяшане, где в результате был обнаружен фрагмент стены; во-вторых, на исследование предполагаемого места размещения дворца во владениях Чекановой, к северо-востоку от мечети Узбека. Там были найдены остатки

⁴⁵ Мечеть Узбека – главный мусульманский храм средневекового Солхата, в настоящее время является действующей. На портале главного входа с северной стороны сохранилась надпись, по которой принято определять название – мечеть Узбека, и год постройки – 1314: «Хвала богу за его благодати и да благословит бог Мухаммеда и преемников его. Велел построить эту благословенную мечеть в дни царствования великого хана Мухаммеда Узбека – да продлит бог царство его – раб бессильный и нуждающийся и уповающий на милость и прощение господина Абдуль-Азиз сын Ибраима Эрбельского в год 714 лунный». Перевод сделал О. Акчокраклы, его же рукой примечание: «Переводы [А. Ф.] Негри и В. Д. Смирнова не совсем верны». В другом документе из архива И. Н. Бороздина есть еще один вариант перевода этой надписи, также сделанный О. Акчокраклы: «Хвала аллаху за его чудеса и да благословит аллах Мухаммеда и наместников его. Приказал восстановить эту благословенную мечеть в дни царствования величайшего хана Мухаммеда Узбека – да сделает бог владычество его вечным – раб бессильный, нуждающийся и уповающий на милость бога Абдуль-Азиз сын Ибраима Эрбельского в год 714 лунный».

⁴⁶ В архиве И. Н. Бороздина сохранилось большое количество фотографий с раскопок, план экспедиции, три списка найденных надписей с переводом, составленные один О. А. Акчокраклы, два других М. Хайрутдиновым, список найденных и приобретенных у имама мечети Узбека монет с переводом надписей (также с переводом О. Н. Акчокраклы), тетрадь с зарисовками монет и расшифровками надписей (рис. 59), акт от 13 августа 1925 г. о передаче научной экспедицией по изучению татарской культуры в Крыму в лице И. Н. Бороздина КрымОХРИСу в лице А. И. Полканова всех памятников, найденных в ходе раскопок.

⁴⁷ В состав, помимо участвовавших в раскопках 1925 г. А. С. Башкирова, У. А. Боданинского, О. А. Акчокраклы, П. И. Голландского и Б. Н. Засыпкина, вошли студенты Института Востоковедения, И МГУ, ЛИЖВЯ и др.: Абдуррахманов, Джепаров, Баншева, Давидович, А. Л. Якобсон, Некрасова, Некрасов и др.

Рис. 64. Казань. Фото 1929 г. Раскопки в Кремле. Сад Наркомпроса. Шурф Ia. Стоит слева И. Н. Бороздин (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 571. Л. 3).

фундамента монументального здания, множество керамики, детские игрушки, монеты. Также проводился учет, фотографирование и снятие эстампов с обнаруженных каменных надгробий. К сожалению, почти по всем обследованным памятникам И. Н. Бороздин отмечал неудовлетворительное состояние вследствие длительного разграбления местными жителями⁴⁸ (АРАН. Д. 754). Помимо старокрымских, обследованы были старые кладбища в Отузах⁴⁹, где были найдены интересные надгробия (Бороздин, 1927, т. 1, с. 24-26; Бороздин, 1928, т. 4, с. 90-92).

В результате экспедиции 1926 г. Илья Николаевич снова подтвердил сформулированные ранее совместно с другими ее участниками

выводы о высоком развитии золотоордынской культуры, о влиянии на нее сельджукизма, и сделал акцент на том, что в дальнейшем необходимо продолжить и расширить археологические исследования в Старом Крыму. Богатый эпиграфический материал, собранный за 1925-1926 гг., – это 145 памятников с конца XIII в. до конца XV в., – позволил получить данные о составе населения, его бытовых и социальных особенностях. Также Бороздин не раз поднимал вопрос об охране памятников, настаивая на принятии специальных мер⁵⁰.

Бороздин активно занимался популяризацией результатов раскопок и выпустил несколько статей и брошюр: «В древней столице крымских татар», «Археология и социология. К изучению древних культур юга России», «Из тьмы веков. Изучение древностей на юге СССР», «Солхат», «Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму», «Первая столица крымских татар» «До вивчення старо-кримських надгробків» (Бороздин, 1926б; Бороздин, 1926в, с. 202-213; Бороздин, 1927а; Бороздин, 1927б) и др., а также огромное количество заметок в различных газетах (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 46). Интересны его воспоминания о раскопках, сохранившиеся в архиве и названные им «Как мы искали “золото”» (Селиванова, Косарева, 2015, с. 54-65). Также с целью популя-

⁴⁸ В архиве И. Н. Бороздина имеется акт от 24 августа 1926 г. об обследовании и принятии мер охраны исторических мест и памятников, подписанный Б. Н. Засыпкиным, П. И. Голландским, О. А. Акчокраклы, У. А. Боданинским и представителем КрымОхриса в Старом Крыму Э. Я. Бэром. В этом акте подробно описаны 26 исторических памятников с необходимыми мерами охраны: 1. Место руин предполагаемого дворца во владениях Чекановой. 2. Руины мечети в северо-восточном направлении от мечети Узбека. 3. Азис недалеко от мечети No 2. 4. Куршун-Джами. 5. Мартынов фонтан с подземным водопроводом. 6. Площадь перед Мартыновым фонтаном. 7. Руины в саду Самсоны. 8. Кяшане. 9. Место мечети Мис-Джами. 10. Часовня Св. Анны. 11. Остатки рва, вала и стены с башнями. 12. Руины караимской кенасы в греческой слободке. 13. Фундамент часовни в местности Бузлу-Бургу. 14. Столетний тополь у фонтана в греческой слободке. 15. Ограда русской церкви и территория. 16. Мечеть Узбека. 17. Раскопки медресе рядом с мечетью Узбека. 18. Руины караван-сарая. 19. Георгиевская часовня на горе Таз-Агармыш. 20. Остатки древней армянской церкви и кладбища рядом с греческой церковью. 21. Надгробная плита с неразборчивой монограммой около армянской церкви. 22. Курган Мамаю. 23. Урочище Кемаль-Ата. 24. Урочище Тат-Айвас. 25. Часть кладбища Азис-Ограма с надгробиями. 26. Монастырь Сурб-Хач (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 754).

⁴⁹ В 1945 г. поселок переименован в Щебетовку.

⁵⁰ Так, он говорил о том, что открытые в 1925 г. дюрбе и южный пилон по завершению раскопок были снова засыпаны самой экспедицией для сохранности, однако, вернувшись в Старый Крым в 1926 г., обнаружилось, что пилон был вскрыт и серьезно поврежден. (См.: Бороздин, 1926.)

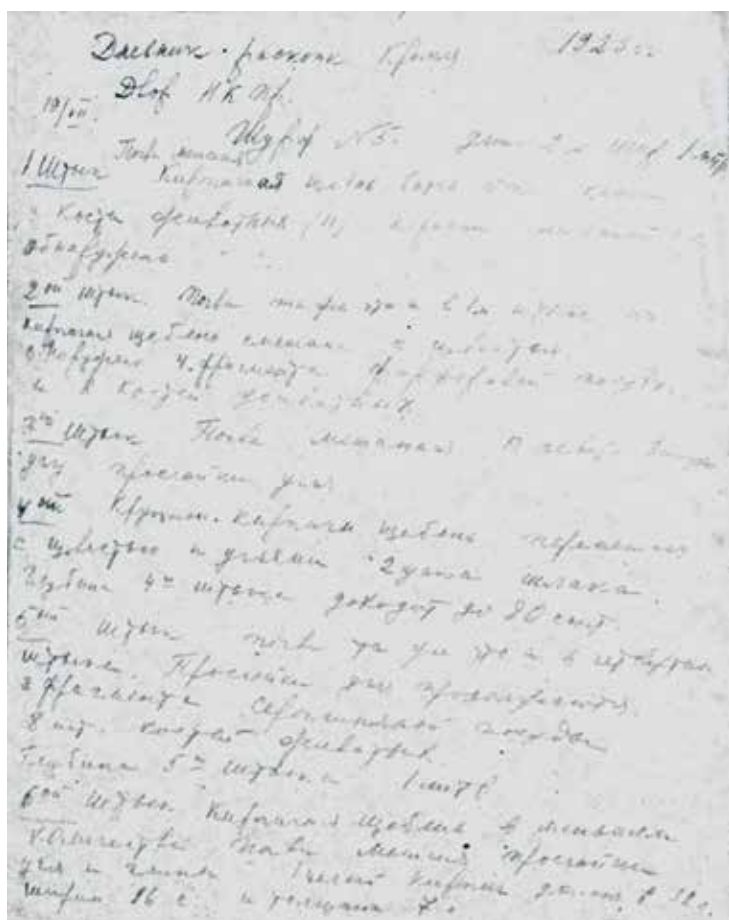

Рис. 65. Казань. Бумага, карандаш. 1929 г. Первый лист археологического дневника И. Н. Бороздина. Раскопки в Казанском кремле, двор Народного комиссариата просвещения (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 760. Л. 1).

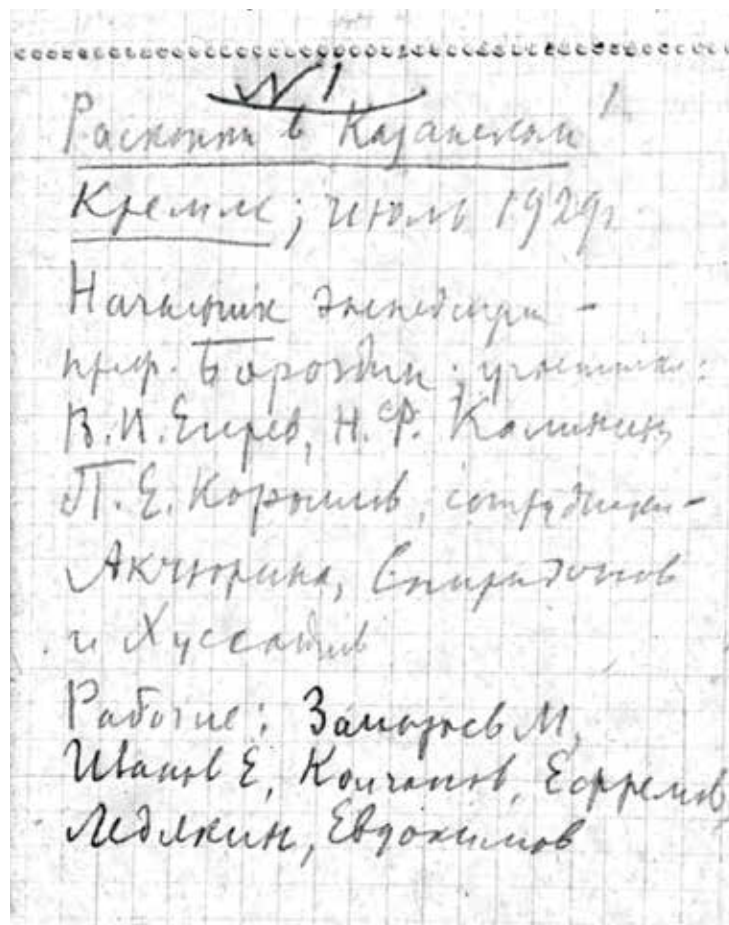

Рис. 66. Казань. Бумага, карандаш. 1929 г. Лист археологического дневника И. Н. Бороздина с записью от 19 июля 1929 г. Раскопки в Казанском кремле, двор Народного комиссариата просвещения (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 760. Л. 2).

ризации Илья Николаевич выступил на вечере «Искусства Крыма» 3 декабря 1926 г., организованном Отделом изучения искусства народов СССР ГАХН⁵¹, с докладом о результатах раскопок в Крыму и их значении, как в области истории экономики, так и культуры вообще (Отчет о научной работе ГАХН, с. 18).

Еще в 1924 г. возникла идея созвать большую всесоюзную конференции по изучению материальной культуры и искусства тюркских народов. Основными инициаторами были У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, В. М. Зуммер⁵², Б. П. Денике⁵³. Однако и в 1925, и в 1926 гг. такая конференция не состоялась, несмотря на то, что созданная комиссия по со-

зыву съезда в 1925 г. даже провела заседание в Симферополе с обсуждением предполагаемой программы.

3-4 февраля 1927 г. состоялось московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов в рамках подготовки уже назначенной на 5-10 мая 1927 г. конференции в Бахчисарае. И. Н. Бороздин во вступительном слове наметил основные цели и задачи совещания – выявить проблемы изучения материальной культуры и искусства тюркских народов в связи с назначенной на 5-10 мая 1927 г. конференцией в Бахчисарае. Упомянув важность результатов раскопок для подтверждения или опровержения данных

⁵¹ ГАХН (Государственная Академия художественных наук) – научно-исследовательское учреждение РСФСР в Москве. Была создана по инициативе художника В. В. Кандинского и теоретика искусства А. Г. Габричевского при поддержке А. В. Луначарского в 1921 г. В 1930 г. закрыта, вместо нее была создана Государственная Академия искусствознания.

⁵² Зуммер Всеволод Михайлович (1885-1970) – историк восточного искусства, археолог, исламовед; директор Харьковского государственного художественно-исторического музея.

⁵³ Денике Борис Петрович (1885-1941) – историк искусства, руководитель археологических экспедиций в Среднюю Азию, доктор искусствоведения, профессор Московского университета; директор Музея восточных культур в Москве.

19/II. 31. утр 2
 Бородин, Ковалев,
 Ахмедов, Смирнов,
 Хуссанов
 Работы: Захаров М, Иван
 Е, Ковалев, Ефремов В,
 Лебедев
 Музей приписан к музею
 по линии переименования
 музея музеев 1928 г., нахо
 дит музей № 8.
 Маме 3 кабинета, переимено
 ван музей. Переименован зал
 и кабинет музей. Наимено
 5 музеев. Наимено

Заметки в урне № 5 (Ахмедов)
 4-й урне - 0,80 м; 5-й - 1 м,
 6-й - 1,5 м. 13 урне
 (и урне 10 - не отмечены)
 10 урне отмечены в урне
 10 урне, отмечены по надписи
 в урне № 10 и № 2
 Наимено и работы урне № 4
 (Смирнов)
 19/II 31. утр
 1 урне в раскопке урне
 2 урне в урне № 5
 2 урне в урне № 4
 13 урне № 4 в 3 м урне
 отмечены урне, отмечены
 урне № 5 и № 10

Рис. 67. Казань. Бумага, карандаш. 1929 г. Лист археологического дневника И. Н. Бороздина с записью от 19 июля 1929 г. Раскопки в Казанском кремле, двор Народного комиссариата просвещения (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 760. Л. 3).

Рис. 68. Казань. Бумага, карандаш. 1929 г. Лист археологического дневника И. Н. Бороздина с записью от 19 июля 1929 г. Раскопки в Казанском кремле, двор Народного комиссариата просвещения (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 760. Л. 4).

письменных источников, он указал на необходимость проведения раскопок в Астрахани, Дагестане, Закавказье, на территории Хазарской державы, приведя слова Т. Арне⁵⁴, что именно в Хазарии пересекались русские, арабы и скандинавы. Докладчик также отметил важность планомерного учета сохранившихся памятников, разведок по караванным путям, изучения прикладного искусства и синтеза археологических исследований с этнографическими; была озвучена необходимость создания специального исследовательского института, проведения международных съездов по тюркским культуре и искусству.

Помимо Бороздина, с докладами выступили А. С. Башкиров (об очередных задачах археологии тюркских народов), В. М. Зуммер (о проблемах изучения тюркского искусства), Б. П. Денике (о тюркской миниатюре), Б. Н. Засыпкин (об общих вопросах изучения архитектуры тюркских народов), Н. И. Брунов (о некоторых общих проблемах изучения искусства ислама), Д. К. Тренев (о крымско-татарских вышивках); в связи с болезнью Ф. В. Гогеля⁵⁵ его доклад о тюрко-татарском орнаменте не был заслушан (Зуммер, 1927, с. 126-134). К сожалению, в итоге Бахчисарайская конференция так и не состоялась.

⁵⁴ Арне Туре (1879-1965) – шведский историк, археолог эпохи железа, этнограф, музеевед. Председатель шведско-русского общества в Стокгольме, сотрудник Исторического музея Швеции.

Рис. 69. Казань. Бумага, карандаш. 1929 г. Лист археологического дневника И. Н. Бороздина с записью от 25 июля 1929 г. Раскопки в Казанском кремле, двор Народного комиссариата просвещения (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 760. Л. 5).

Одним из важных направлений деятельности ВНАВ была популяризация среди населения знаний о Востоке, в связи с чем много внимания уделялось музейному делу. В заметке «Значение восточных музеев в СССР» (Бороздин, 1924) Илья Николаевич, с горечью говоря о тяжелом положении музея *Ars Asiatica*, отстаивал идею создания в Москве центрального музея культур Востока для научно-музейной и культурно-пропагандистской работы. В 1924 г. состоялось заседание историко-этнологического отдела ВНАВ и Комиссии по

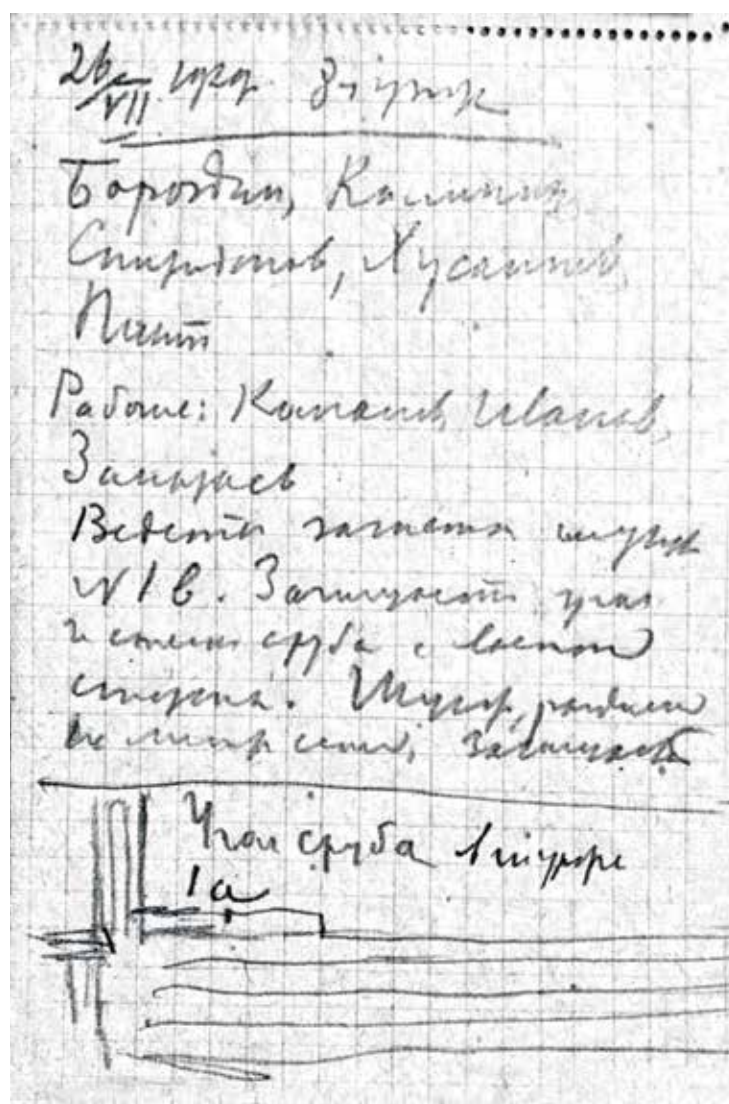

Рис. 70. Казань. Бумага, карандаш. 1929 г. Лист археологического дневника И. Н. Бороздина с записью от 26 июля 1929 г. Раскопки в Казанском кремле, двор Народного комиссариата просвещения (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 760. Л. 6).

изучению искусств Востока, где историк выступил с докладом «О Центральном Музее культур Востока в Москве».

В 1925 г. был создан Музей Восточных культур, занимавшийся сбором памятников материальной культуры Востока с социологическим уклоном. И. Н. Бороздин вошел в состав Правления музея в качестве председателя Совета отдела Советского Востока и члена Совета отдела Среднего Востока. 27 февраля 1927 г. состоялось торжественное открытие; к этому были приурочены две выставки: «Туркменский

⁴⁵ Гогель Федор Владимирович (1879-1951) – искусствовед, специалист по японской керамике и восточным коврам. Заведовал художественно-историческим музеем «Дом Науки, Искусства и Общественности» в Вятке. С 1919 по 1931 гг. – первый директор Музея искусства Востока. Был переведен в Политехнический музей, позднее в Музей Революции.

ковер» и выставка научно-исследовательских работ 1925-1926 гг. по изучению татарской культуры в Крыму. Последняя была устроена И. Н. Бороздиным, Б. Н. Засыпкиным и А. С. Башкировым при участии студентов В. Н. Чепелева и А. Л. Якобсона (Кацауров, 1927, с. 38). К выставке также были выпущены каталог и составленная И. Н. Бороздиным и А. С. Башкировым брошюра «Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925-1926 гг.». Все материалы экспедиции 1926 г., находившиеся на выставке в Музее восточных культур, по закрытии должны были быть направлены в Наркомпрос Крыма (АРАН. Ф. 478. Оп. 1 а. Д. 2. Л. 88 об.).

26 февраля 1926 г. в Баку при активном участии ВНАВ⁵⁶ был открыт I тюркологический съезд, в котором принял участие 131 делегат⁵⁷. Несмотря на то, что основной темой съезда были вопросы разработки нового алфавита для тюркоязычных народов, немало выступлений было посвящено изучению тюркской культуры. Так, И. Н. Бороздин выступил с докладом «Новейшие открытия в области татарской культуры». Говоря о важном значении памятников материальной культуры, о необходимости археологических и археографических экспедиций, он опроверг идею о некультурности татар. «О какой-либо примитивности и дикости, во всяком случае, говорить не приходится. Татарская культура, оказавшая большое влияние на культуру русскую, в свою очередь впитала целый ряд иноземных культурных влияний... Теперь уже можно определенно говорить о культуре и об искусстве Золотой Орды» (Бороздин, 1926, с. 45; Borozdin, 1926). Далее он проиллюстрировал это утверждение результатами раскопок в Солхате, рассказав о находках и исследовании медресе и преподнеся участникам съезда альбом фотографий. Также 2 марта по инициативе ВНАВ для укрепления научных связей было проведено объединенное заседание ассоциаций Закавказских научных обществ, где Илья Николаевич выступил с

Рис. 71. Казань. Бумага, карандаш. 1929 г. Лист археологического дневника И. Н. Бороздина с записью от 26 июля 1929 г. Раскопки в Казанском кремле, двор Наркомпроса (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 760. Л. 7).

докладом «Археология и социология».

В сентябре 1926 г. в ознаменование 100-летия со дня официального основания Керченского музея древностей в Керчи была проведена первая после революции крупная археологическая конференция по примеру досоветских Археологических съездов, организованная КрымОХРИСом и Керченским археологическим музеем (рис. 60). В конференции приняли участие 135 представителей научных организаций по четырем секциям: «Первобытная археология», «Ирано-эллинская археология», «Средневековая археология» и «Тюрко-татарская археология». На последней секции,

⁵⁶ ВНАВ организовала ряд публичных заседаний и диспутов по вопросам предстоящего съезда, а также выпустила специальный сборник «О борьбе за новый тюркский алфавит».

⁵⁷ Кинохроника I тюркологического съезда
<https://www.youtube.com/watch?v=6iTDySdULw>
Дата обращения: 15. 05. 2015

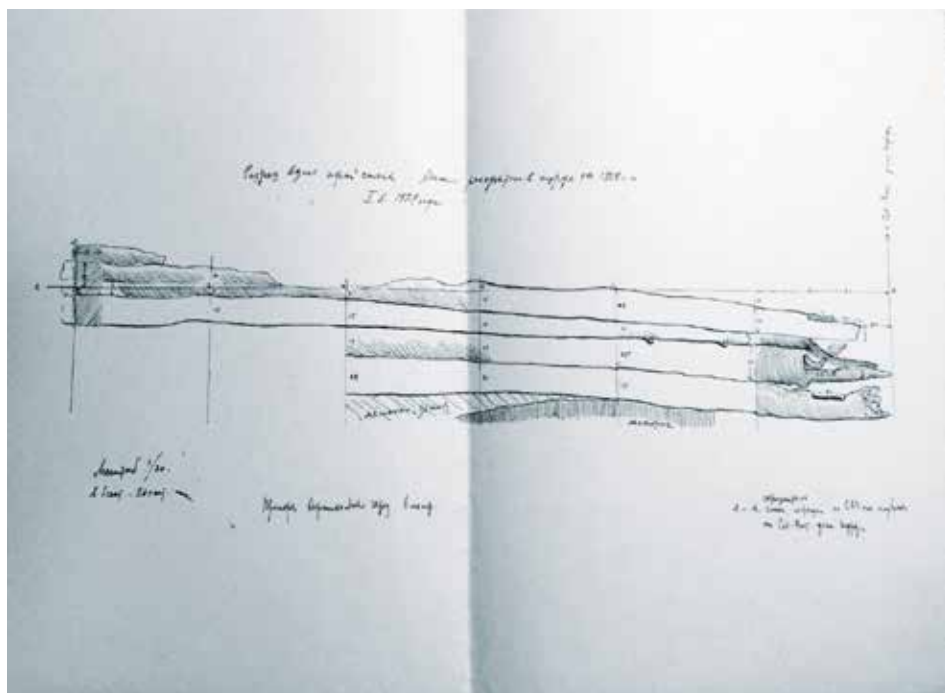

Рис. 72. Казань. Бумага, тушь. 1929 г. Казанский кремль. Разрез вдоль стены здания, раскопанного в шурфах VIII – 1928 г. и I в – 1929 г. Чертеж Н. Ф. Калинина (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 758. Л. 1).

где председательствовал И. Н. Бороздин, активно обсуждалась работа экспедиции ВНАВ в Старом Крыму; Илья Николаевич снова отстаивал высокий уровень татарской культуры золотоордынского периода, выступив с докладом «Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму» (Бороздин, 1926д).

Интерес Ильи Николаевича к истории и культуре Востока повлиял на его деятельность в 1920-е гг. В эти годы он был особенно востребован, являясь членом правления Общества изучения Крыма, ВОКС⁵⁸, Общества изучения Чувашской культуры, Ученого совета центрального Музея народоведения, почетным членом Института туркменской культуры, членом президиума Комиссии художественной литературы и фольклора Центрального бюро краеведения и др. (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 454).

В июле 1927 г. Илья Николаевич от ВОКС принял участие в этнолого-археологической экспедиции в Ингушетию и Северную Осетию⁵⁹. В 1927 г. был реорганизован Северо-Кавказский институт краеведения, а его работу продолжили Ингушский институт краеведения и Ингушское литературное общество. Совместно с ВОКС они организовали экспедицию, целью которой было археологическое, лингвистическое, этнографическое и экономическое обследование Джераховского района. В ней, помимо Ильи Николаевича, приняли участие научные сотрудники Института и Общества – Л. П. Семенов⁶⁰, художник-этнограф И. П. Щеблыкин, лингвист З. К. Мальсагов, художник Х.-Б. Ахриев, экономист Г. К.

Мартиросян. Маршрут экспедиции пролегал через Владикавказ, селения Фуртоуг, Бейни (с прилегающими селениями), Столовую гору, Мецхал, Морч, Лежг, Эрзи, Хамышк, Джерах (рис. 61). Экспедиция занималась преимущественно обследованием и учетом обнаруженных наземных исторических памятников – башен, святилищ, жилых помещений, склепов, кладбищ; археологические разведки проводились только в ауле Фуртоуг, где были вскрыты несколько погребений в каменных ящиках. В итоге был собран обширный материал, помимо учета памятников и археологических разведок, произведены обмеры, зарисовки, фотографические снимки, записаны местные легенды, приуроченные к памятникам сведения о культе святилищ; лингвистические исследования внесли вклад в готовившийся в то время к выпуску ингушский словарь. Впечатления об экс-

⁵⁸ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей – советская общественная организация, основанная в 1925 г.; объединяла в своих секциях деятелей советской науки, литературы, искусства, народного образования и спорта. В задачи ВОКС входило ознакомление общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризация культуры народов Советского Союза за границей. Информационный «Бюллетень ВОКС» выходил на английском, французском и немецком языках. В 1958 г. преобразовано в Союз советских обществ дружбы.

⁵⁹ В архиве сохранилось удостоверение от 9 июля 1927 г., подписанное председателем общества О. Д. Каменевой с формулировкой «уполномочен вести работу по культурной связи с этими областями в целях дальнейшей информации ВОКСом заграницы о жизни и быте народов СССР». См. АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 454.

⁶⁰ Семенов Леонид Петрович (1886-1959) – этнограф, литературовед, фольклорист, заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР. Специалист по кавказоведению и лермонтоведению.

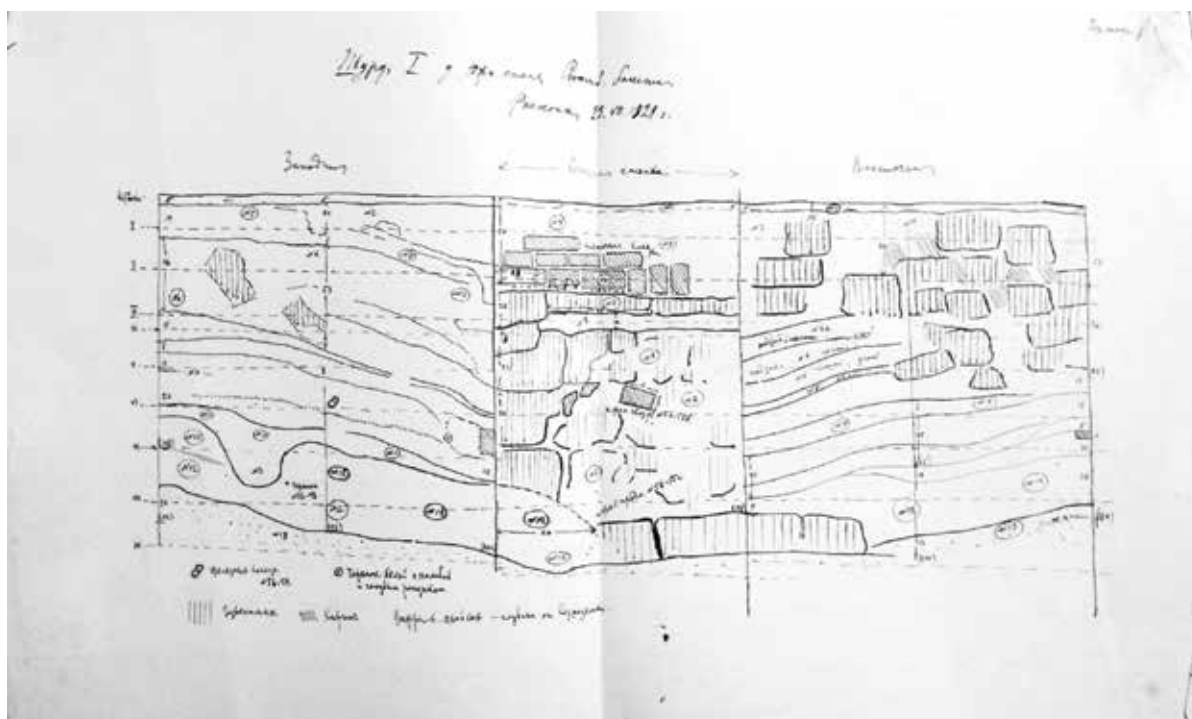

Рис. 73. Казань. Бумага, тушь. 1929 г. Казанский кремль. Шурф I у южной стены Спасской башни. Стратиграфия. Чертеж Н. Ф. Калинина (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 758. Л. 2).

педиции Илья Николаевич отразил в статье «В горной Ингушетии» и ряде газетных заметок (Бороздин, 1927в; Borozdin, 1927, № 45-46; Бороздин, 1928а, кн. 20-21, с. 309-323).

Интерес к татарской культуре способствовал тому, что в 1920-е гг. у Ильи Николаевича складываются дружеские отношения со многими казанскими учеными: П. М. Дульским⁶¹, В. Ф. Смолиным⁶², М. Г. Худяковым⁶³, Н. И. Воробьевым⁶⁴, Н. Ф. Калининым⁶⁵, В. В. Егеревым⁶⁶ и др.

Несомненно, немало установлению и укреплению этих связей способствовала работа во ВНАВ. В 1922 г. он был избран действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1923 г. выступал на съезде Казанского от-

дела народного образования с докладом о задачах татарской культуры на местах (Бороздин, 1924а). В мае того же года Илья Николаевич принял участие в организации Научного общества татароведения на базе Общества востоковедения и был избран одним из его членов. В 1925 г. по приглашению Академического центра Татнаркомпроса принял участие в праздновании пятилетия Татарской республики, где, видимо, познакомился с Г. Ибрагимовым (Бороздина П. А., с. 78-79) и совместно с ним провел заседание Общества татароведения. В августе 1928 г. И. Н. Бороздин был утвержден членом-учредителем Общества изучения Татарстана. Также, как редактор «Нового Востока», Бороздин со многими учеными общался по по-

⁶¹ Так, И. Н. Бороздин написал предисловие к его книге: Дульский П. М. Искусство казанских татар / Предисл. и общ. ред. проф. И. Н. Бороздина. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1925.

⁶² Интересны его письма Бороздину об организации Археологического кабинета, о Комиссии по изучению подземной Казани. АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 1089.

⁶³ Худяков Михаил Георгиевич (1894-1936) – д. и. н., археолог, исследователь истории и культуры татар, Волжской Болгарии, археологии Казани. Один из организаторов и секретарей Научного общества татароведения.

В письме от 6 декабря 1923 г., сохранившемся в архиве И. Н. Бороздина, он рассказывает о работе в Казанском музее, о почти полном отсутствии экспонатов эпохи Казанского ханства, сопровождая это, как окажется позже, пророческими для Бороздина словами: «До сих пор никто не удосужился заглянуть в недра Казанского Кремля, где покоятся развалины татарской Казани!» (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 1136).

⁶⁴ Воробьев Николай Иосифович (1894-1967) – историк, этнограф, профессор Казанского государственного университета. С 1921 по 1929 гг. работал в Центральном музее Татарской Республики (с 1923 г. – директор музея).

⁶⁵ Калинин Николай Филиппович (1888-1959) – историк, археолог, музейвед, специалист по истории и археологии Татарстана.

⁶⁶ Егеров Василий Васильевич (1886-1956) – краевед, публицист, инженер-архитектор, кандидат архитектуры, доцент, заведующий кафедрой архитектуры КИИКСа (1930-1941 гг.), заведующий кафедрой архитектуры КИИГСа (1946-1956 гг.).

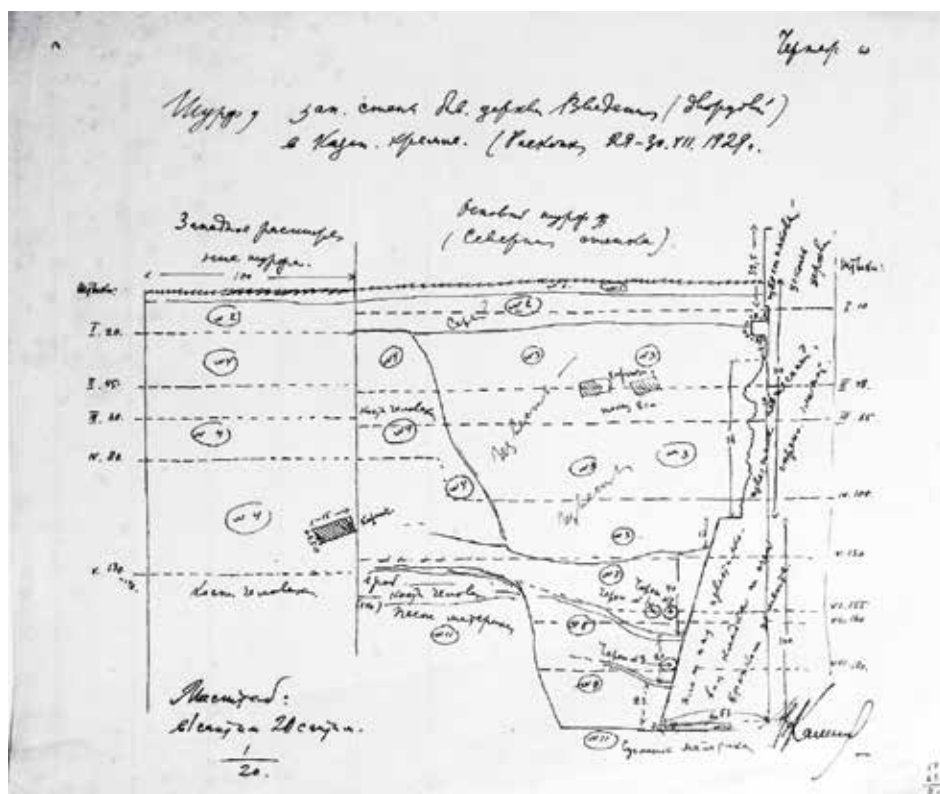

Рис. 74. Казань. Бумага, тушь. 1929 г. Казанский кремль. Шурф у западной стены церкви Введения. Стратиграфия. Чертеж Н. Ф. Калинина (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 758. Л. 3).

воду их статей, редактировал или помогал публиковать.

Сам историк также писал заметки и статьи в газетах и журналах о татарской культуре и истории (Бороздин, 1924в, кн. 1 (6), с. 67-72; Бороздин, 1925, № 10/11, с. 116-137; Бороздин, 1928в, № 8, с. 20-22; Бороздин, 1928г, № 16, с. 66-68; Бороздин, 1929, с. 371-373; Бороздин, 1930, № 9-10, с. 29-31; Borozdin, 1930, № 8). Так, например, его очерк «Современный Татарстан» о социальном, экономическом, культурном и научном развитии, напечатанный отдельным изданием, был переведен на французский язык (Borozdin, 1931).

Неудивительно, что такой интерес Ильи Николаевича к татарской культуре привел к тому, что, когда Академический центр Татнаркомпроса решил провести серию археологических

разведок в Казани и окрестностях, Бороздин принял в этом активное участие. Несмотря на богатую историю татарской столицы и при этом достаточно внушительные лакуны в письменных источниках по истории Кремля, до революции 1917 г. археологические раскопки там не проводились⁶⁷. Н. Ф. Калинин в докладе «Археология Казанского Кремля за 30 лет Советской власти» на краеведческой конференции 24 октября 1949 г. дал краткий обзор находок и обследований, носивших преимущественно случайный характер (Ситдилов, Абдуллин, Харитонович, 2013).

Итак, в 1928-1929 гг. при участии Академического центра Татнаркомпроса, ВНАВ, Казанского музея, ОАИЭ и других организаций была проведена экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры: исследовались Иски-Казань и Казанский кремль и городища Бол-

гар, Биляр и Джукетау. От московских организаций экспедицией руководили И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров; участвовали в раскопках В. В. Егеров⁶⁸, Н. Ф. Калинин, П. Е. Корнилов, А. И. Вараксина, З. А. Акчурина, З. Тагиров, Г. Хусаинов. Илья Николаевич возглавил казанский отряд, А. С. Башкиров – болгарский. Первая археологическая разведка была произведена на территории сада Наркомпроса и около Спасских ворот возле церкви Киприана с целью определения границ местоположения основных пунктов Кремля периода Казанского ханства (рис. 62, 63, 64). Далее рекогносцировка была проведена в южной части Кремля, где, вероятно, располагались ханский дворец и мечети (рис. 65-77).

В июле 1928 г., после разведок в Кремле, экспедиция направилась в деревню Князь-Камае-

⁶⁷ М. Г. Худяков в уже упоминавшемся письме И. Н. Бороздину рассказывает о приезде в Казань саратовского краеведа и археолога Б. В. Зайковского и сокрушается, что практически нечего показать по истории Казанского ханства: «Что я ему мог показать? У нас в музее – ровным счетом ничего, в университете – 5 экземпляров из случайных находок при рытье фундамента в казанском кремле... Пять ничтожных предметов – от всей культуры Казанского ханства...» (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 1136).

⁶⁸ В ходатайстве о выдаче открытого листа для проведения раскопок на территории Казанского Кремля на 1929 г. Бороздин указывал, что раскопками будут руководить он и В. В. Егеров (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 759).

во Арского кантона для поиска следов Старой Казани. Однако разведка (общей замер вала, его разрез и шурфы в нескольких направлениях от вала по территории городища) ничего не дала; Бороздин сделал вывод, что здесь мог находиться укрепленный пункт, но никак не крупное поселение. Осмотру также подверглись места, считающиеся священными, и кладбища, где было найдено несколько интересных надгробий (Бороздин, 1930, с. 58-65). Далее были проведены рекогносцировочные раскопки возле деревни Старый (Русский) Урмат (рис. 78-80). Было заложено 18 шурфов, давших большое количество фрагментов простой и орнаментированной керамики, по которой поселение, занимавшее значительное пространство, было датировано XIII-XV вв. Также были найдены фрагменты керамики, кости животных, железный шлак и обломки бронзового предмета, надгробные камни. Именно здесь в итоге Илья Николаевич склонен был локализовать Иски-Казань.

Раскопками в Татарстане заканчивается непосредственная экспедиционная деятельность И. Н. Бороздина, хотя в одной из автобиографий указано, что он руководил раскопками на Рым-горе возле Кисловодска (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 454). Тем не менее, никаких данных, подтверждающих это, пока обнаружить не удалось.

В 1930 г. прекратилась деятельность ВНАВ, ее функции перешли к организованному в составе АН СССР Институту востоковедения; также была ликвидирована РАНИОН. И. Н. Бороздин в феврале 1930 г. перешел на работу в ВОКС в качестве председателя национального Бюро и члена редколлегии журнала «ВОКС». Также в это время историк продолжал заниматься педагогической деятельностью. С 1933 по 1935 гг. он заведовал кафедрой древней истории Государственного педагогического института им. В. И. Ленина; тогда же начал писать учебник по древней истории для школ. Концепция этого учебника изложена им в статье «Древняя история в средней школе» в газете «За коммунистическое просвещение» от 2 августа 1934 г.⁶⁹

Рис. 75. Казань. Бумага, тушь. 1929 г. Казанский кремль. Шурф у западной стены церкви Введения. Стратиграфия. Чертеж Н. Ф. Калинина (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 758. Л. 4).

Основной тематикой, интересующей в это время Илью Николаевича, становится литература, в частности, национальная (Бороздин, 1932, с. 30-33; Бороздин, 1933, с. 109-112; Бороздин, 1934а). В 1934 г. Бороздина приняли в члены Союза советских писателей.

Единственной работой в это время, связанной с археологией, стал опубликованный в 1935 г. очерк о раскопках в Геркулануме, где И. Н. Бороздин дал исторический обзор раскопок, начиная еще со случайных находок в 1709 г. (Бороздин, 1935, с. 52-57).

14 февраля 1935 г. историк был арестован с А. А. Захаровым и А. С. Башкировым органами НКВД, 7 месяцев провел в заключении. Суд, выдвинув обвинения в пантюркизме, национализме, выступлениях против яфетической теории Н. Я. Марра, никакого решения не вынес, но 14 сентября 1935 г. особым совещанием НКВД Бороздин был осужден на три года

⁶⁹ Учебник был почти готов к 1935 г., однако последовавшие арест историка и ссылка в Алма-Ату не позволили его издать.

воспоминаниям П. А. Бороздиной, раскопки под руководством С. П. Толстова⁷⁹, когда районы Туркменской ССР были включены в план Хорезмской экспедиции.

Из письма Ильи Николаевича от 11 марта 1945 г. историку В. П. Потемкину⁸⁰ известно, что Илья Николаевич планировал написать обобщающую работу по истории археологии, так как надеялся со временем вернуться в Москву и получить доступ к источникам и литературе (многие его знакомые ученые направляли ходатайства в различные инстанции) (АРАН. Ф. 574. Оп. 4. Д. 11. Л. 1 об.). Однако в столицу ему так и не позволили вернуться, и, поскольку в Москве он бывал редко, то так и не смог подготовить такую работу.

В марте 1945 г. по приглашению академика В. П. Волгина Бороздин как делегат от Наркомпроса Туркмении смог принять участие в заседании сессии Института истории материальной культуры АН СССР, проходившем в Москве в рамках I Всесоюзного археологического совещания (АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 14. С. 113).

Илья Николаевич продолжал писать статьи на археологические темы. Ряд его статей этого периода посвящен изучению древней истории Туркмении: «Знать историческое прошлое Туркмении» (1943 г.), «Больше внимания археологическим памятникам Туркменистана» (1945 г.), «Историческое прошлое Хорезма в свете новейших научных открытий» (1949 г.). Безусловно, результаты раскопок на территории Туркмении, в первую

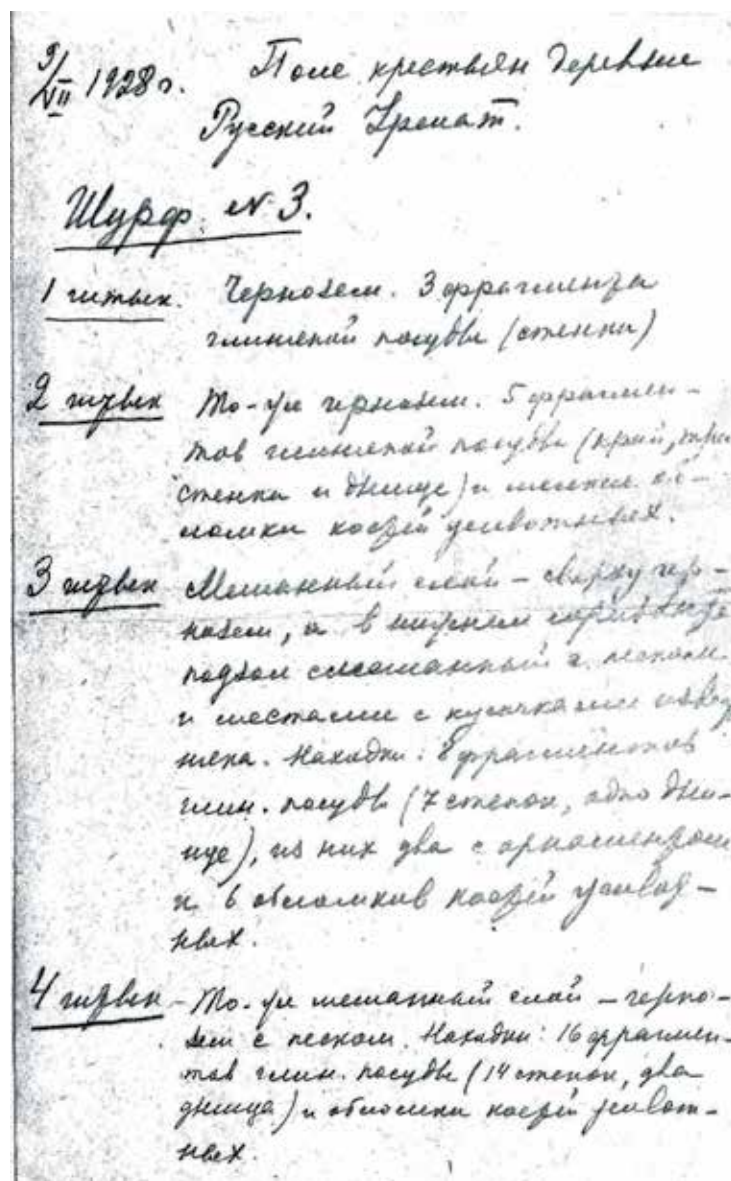

Рис. 78. Русский Урмат. Бумага, карандаш. 1928 г.
Лист археологического дневника Л. И. Варакиной
с записью от 9 июля 1928 г. Шурф 3
(АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 757. Л. 1).

⁷² Арциховский Артемий Владимирович (1902-1978) – историк, археолог, специалист в области славяно-русской археологии. Декан исторического факультета МГУ, член-корреспондент (1960).

⁷³ Грацианский Николай Павлович (1885-1945) – историк-медиевист, профессор Казанского университета, МГУ, Института красной профессуры.

⁷⁴ Пичета Владимир Иванович (1878-1947) – советский белорусский историк, славист, первый ректор Белорусского государственного университета, академик АН БССР с 1928 года, заслуженный профессор БССР, ак. АН СССР (1946).

⁷⁵ Равдоникас Владислав Иосифович (1894-1976) – археолог, член-корреспондент АН СССР (1946), действительный член Норвежской Академии наук (1946), один из создателей теоретических основ советской археологии в 1930-1940-х гг.

⁷⁶ Штейнберг Евгений Львович (1902-1960) – историк Китая, Индии, Ближнего и Среднего Востока, автор исторических романов. Сотрудник ВНАВ, ВОКС.

⁷⁷ Неса или Ниса, Наса – древний парфянский город, руины которого расположены недалеко от селения Багир, в 18 км к западу от Ашхабада, столицы Туркменистана. Состоит из двух городищ – Новой Нисы, города в долине, и Старой Нисы (Митридаткерт) – царской крепости на возвышенности.

⁷⁸ Росляков Александр Анатольевич (1915-?) – туркменский историк, академик, вице-президент АН ТуркмССР.

⁷⁹ Толстов Сергей Павлович (1907-1976) – историк, археолог, этнограф, специалист по истории народов Средней Азии, каракалпакского народа, открыватель древнехорезмийской цивилизации. Директор Института этнографии, директор Института востоковедения и главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР, член-корреспондент (1953).

⁸⁰ Потемкин Владимир Петрович (1877-1946) – дипломат, историк, специалист в области истории Франции, английского рабочего движения, международных отношений, академик (1946). Нарком просвещения РСФСР (1940-1946), президент Академии педагогических наук РСФСР (1943-1946).

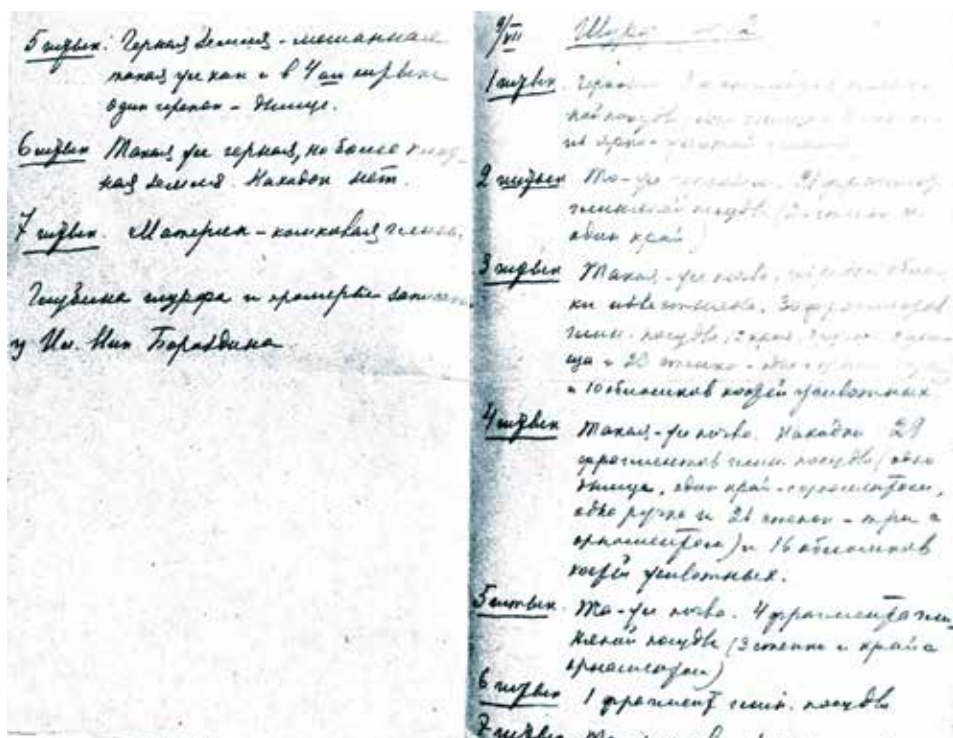

Рис. 79. Русский Урмат. Бумага, карандаш. 1928 г. Лист археологического дневника Л. И. Вариксиной с записью от 9 июля 1928 г. Шурф 12 (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 757. Л. 2).

очередь, на территории Старой и Новой Несы, обусловили его интерес к истории парфянского государства и парфянской культуры⁸¹, а раскопки таких памятников расцвета державы сельджукидов, как Султан Санджар близ Старого Мерва⁸², – возобновили его давний интерес к сельджукской культуре.

В статье «Об изучении...» Бороздин пишет о таких интереснейших памятниках Туркменистана, как Анау, Гяур-Кала, Старая и Новая Неса, сетуя на то, что им не уделяется достаточного внимания: уникальные данные не введены в научный оборот, не опубликованы материалы экспедиций и даже предварительные отчеты, не производятся даже многие намеченные разведки – и это несмотря на то, что на всесоюзном археологическом совещании АН СССР в феврале 1945 г. много внимания было уделено археологическому наследию Туркмении. Там же

были озвучены основные проблемы, препятствующие развитию археологии – это отсутствие археологического центра в Туркмении, который мог бы координировать работы и способствовать обучению аспирантов-археологов, а также отсутствие возможности публиковать материалы экспедиций.

В 1947 г. И. Н. Бороздин сумел опубликовать статью о древнем прошлом Туркмении «Turkmenia at the dawn of History» в лондонском журнале «Asiatic review», однако за это вскоре был обвинен в угодничестве перед зарубежными историками на страницах «Вестника древней истории» (Против низкопоклонства перед иностранщиной..., 1948, №1(23), с. 3-11). Только связи с Антифашистским комитетом советских

ученых помогли ему избежать неприятных последствий.

Все это время Илья Николаевич пытался перебраться ближе к Москве, но все университеты, куда он обращался, отказывали репрессированному профессору. Только в 1948 г. Воронежский государственный университет пригласил его на место заведующего кафедрой всеобщей истории.

Несмотря на то, что в воронежский период И. Н. Бороздин также не занимался раскопками, вклад его в становление археологии в Воронежском государственном университете был весьма значителен. Он не только поддерживал А. Н. Москаленко⁸³, – фактически основоположницу археологического направления на историко-филологическом факультете ВГУ, – но и способствовал укреплению связей университета с археологами, в особенности занимавшимися раскопками на терри-

⁸¹ Так, в архиве сохранилась статья И. Н. Бороздина 1946 г. «Парфянская культура в Туркмении» (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 170).

⁸² Мерв – древнейший известный город Средней Азии на берегу реки Мургаб в юго-восточной части Туркменистана, в 30 км к востоку от современного города Мары. Найвысшего расцвета Мерв достиг в середине XII в., когда султан Санджар сделал его столицей государства Сельджукидов. В комплекс археологических и архитектурных памятников древнего Мерва входят Гяур-Кала (III в.), Большая и Малая Кыз-Кала, Султан-Кала, усыпальницы братьев Эсхабов (XV в.), крепость Эрк-Кала, мавзолей Мухаммеда-ибн-Зейда и другие, среди которых наиболее известен мавзолей Султана Санджара (XI в.).

тории Воронежской области. А. Н. Рогачев⁸⁴, П. И. Борисковский⁸⁵, М. М. Герасимов⁸⁶, С. Н. Замятнин⁸⁷ – со всеми ними И. Н. Бороздин был в дружеских отношениях, о чем свидетельствует сохранившаяся в фонде переписка. Они приглашали Илью Николаевича посетить различные раскопки: А. Н. Рогачев звал в Костенки⁸⁸, Л. М. Славин⁸⁹ – в Ольвию.

В 1956 г. Бороздин принял участие в конференции ИИМК АН СССР в Москве, посвященной развитию античных городов Северного Причерноморья. В марте 1959 г. он побывал на сессии полевых археологических исследований АН СССР. 16 мая 1959 г. Илья Николаевич был избран в члены Одесского Археологического общества.

Также историк активно следил за новым в археологии; публикуются его рецензии, например, на работы А. Н. Москаленко «Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона», В. Д. Блаватского «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья».

Статья «Труды Музея истории Азербайджана», опубликованная в первом номере ВДИ за 1952 г., посвящена обзору публикаций сотрудников музея С. М. Казиева⁹⁰, Е. А. Пахомова⁹¹, Н. В. Минкевич-Мустафаевой, В. Н. Лениатова и З. А. Кильчевской по новым археологическим находкам на территории Азербайджанской ССР: могильное поле в Мингечауре⁹², групповые погребения близ селения Варданлы, городище Кабала⁹³, городище Старая Ганджа⁹⁴. Отмечая небольшие недостатки (неполный обзор археологических исследований, некоторые ошибки в датировке находок, малый тираж издания), И. Н. Бороздин подчеркивал несомнен-

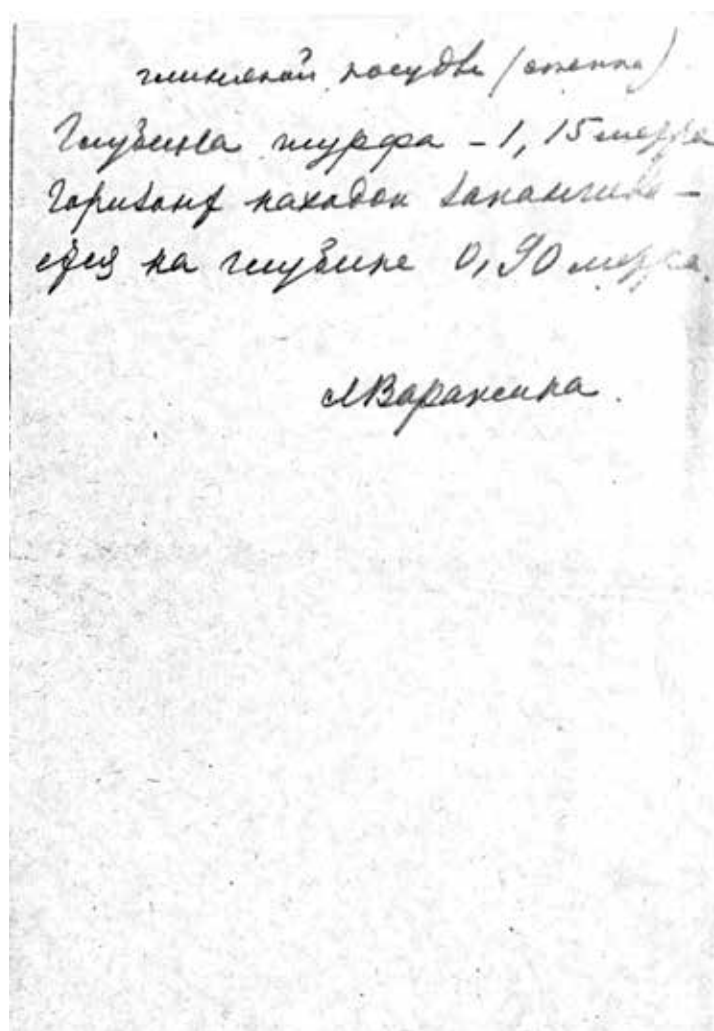

Рис. 80. Русский Урмат. Бумага, карандаш. 1928 г. Последний лист археологического дневника Л. И. Вараксиной. Автограф (АРАН. Ф. 2181. Оп. 1. Д. 757. Л. 3).

ную важность подобных работ для развития археологии и изучения истории Азербайджана (Бороздин, 1952, с. 156-162).

В 1955 г. Илья Николаевич был реабилитирован по обоим делам; он смог свободно передвигаться по стране и, в частности, посе-

⁸³ Москаленко Анна Николаевна (1918-1981) – историк, археолог, специалист в области ранней истории донских славян, кандидат исторических наук, доцент. Преподаватель, доцент кафедры истории СССР ВГУ (1947-1973); организатор и научный руководитель археологических исследований по древней истории Воронежского края.

⁸⁴ Рогачев Александр Николаевич (1912-1984) – археолог, исследователь палеолита; сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (1947-1984). Ученик археолога П. П. Ефименко. С 1938 г. А. Н. Рогачев официально утвержден начальником Костенковской экспедиции ИИМК АН СССР. В 1963 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района».

⁸⁵ Борисковский Павел Иосифович (1911-1991) – археолог, специалист по археологии палеолита и первобытной истории, профессор Ленинградского университета.

⁸⁶ Герасимов Михаил Михайлович (1907-1970) – антрополог, археолог и скульптор, доктор исторических наук. Автор методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных остатков («метод Герасимова»).

⁸⁷ Замятнин Сергей Николаевич (1899-1958) – археолог, специалист по первобытной археологии; открыл первые памятники древнего палеолита на территории СССР.

⁸⁸ Костенки – село на правом берегу р. Дон в Хохольском районе Воронежской области, известно открытыми здесь палеолитическими стоянками древнего человека (на территории около 10 км² открыто свыше 60 стоянок, датируемых от 40 до 18 тыс. лет назад).

⁸⁹ Славин Лазарь Моисеевич (1906-1971) – археолог, д. и. н., чл.-корр. АН УССР (1937 г.). Сотрудник ИИМК (1929-1938 гг.), директор (1939-1941 и 1944-1945 гг.) и замдиректора (1938 и 1946-1951 гг.) Института археологии АН УССР, ученый секретарь отделения общественных дисциплин АН УССР (1939-1945 гг.). Занимался исследованиями Ольвии и античных памятников Северного Причерноморья.

щать библиотеки в Москве. Однако здоровье его было слабым, и 13 октября 1959 г. он умер в Воронеже.

Жизнь Ильи Николаевича Бороздина сложилась так, что, написав за свою жизнь огромное количество статей, заметок и очерков на самые разные исторические темы, волей обстоятельств он не смог выпустить ни одной крупной обобщающей работы, благодаря которой его имя стало бы известным широкому кругу историков. Увлечшись археологией и историей древнего мира, он не успел из-за ареста и ссылки издать учебник по истории древнего мира; начав готовить работу по истории археологии, не сумел воплотить эту идею из-за невозможности получить доступ к специальной литературе; подготовив учебный курс по историографии, не успел его опубликовать до

своей смерти. Таким образом, имя его оказалось забытым, и только узкие специалисты интересовались его статьями. Однако вклад его в развитие исторической науки важен не только с педагогической точки зрения как воспитателя научных кадров; значительны его заслуги и как популяризатора исторической науки. Археологические работы Бороздина внесли свой вклад в изучение античной и татарской культуры, а богатый фактографический материал, сохранившийся в его личном фонде, – документы экспедиций, тексты докладов, переписка с археологами, – безусловно, будут интересны исследователям и помогут более полно восстановить картину развития археологии 1910-х–1950-х гг.

О. В. СЕЛИВАНОВА

⁹⁰ Казиев Салех Мустафа оглу (1893-1971) – археолог, кандидат исторических наук, преподаватель археологии в Азербайджанском Государственном Университете (1943-1958 гг.), директор Музея истории Азербайджана (1947-1952 гг.). С 1952 г. – руководитель отдела археологии Института истории и философии АН Азербайджана, а с 1955 г. – отдела этнографии.

⁹¹ Пахомов Евгений Александрович (1880-1965) – историк, археолог, нумизмат, член-корреспондент (1962 г.) АН АзССР.

⁹² Мингечаур – крупный промышленный центр Азербайджана на р. Кура. В районе Мингечаура был обнаружен комплекс памятников от II тыс. до н. э. до XVII в. н. э., среди которых останки поселений, грунтовые и курганные могильники, кувшинные погребения и христианские храмы.

⁹³ Кабала (Кабалака, Кабалак) – древний город и столица Албании Кавказской (до VI в.), крупный торговый центр до XV в.

⁹⁴ Старая Гянджа, или Ганджа – археологический комплекс на территории Азербайджана, в X в. столица Шаддаидов, в XII в. один из крупнейших культурных и экономических центров государства Ильдегизидов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 478. Оп. 1 а. Д. 2. Л. 88 об.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 574. Оп. 4. Д. 11. Л. 1 об.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 1909. Оп. 1. Д. 14. Л. 113.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 12.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 16.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 38.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 754.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 489.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 754.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 46.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 454.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 454.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 1089.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 1136.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 1136.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 759.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 454.
- Архив Российской Академии Наук.* Ф. 2181. Оп. 1. Д. 170.
- Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук.* Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 2.
- ИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 298. Л. 1-20 об.
- ЦПИМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 8, оп. 1, д. 298, л. 1-20 об. А. Ситдинов, Х. Абдуллин, В. Хари-

тонович. Доклад Н. Ф. Калинина на краеведческой конференции 24 октября 1949 г. // Гасырлар Авазы. 2013.

http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2013_1_2/08/06/ Дата обращения: 26.04.2015.

Антонюк А. А. «Павел Иванович Голландский: штрихи к историческому портрету» // <http://www.oldkyiv.org.ua/data/gollandsky.php>. Дата обращения 27.11.2015.

Биографический словарь членов Московского археологического общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. М., 1915. 258 с.

Бороздин И. Н. Поездка в Грецию. Из впечатлений студента-экскурсанта // Курьер, 1903 г., июль-август.

Бороздин И. Н. Студенческая экскурсия в Грецию // Русские ведомости. 1903а. 18 сентября. № 256; 23 сентября. № 261.

Бороздин И. Н. К вопросу о феодализме в России // Известия XIV археологического съезда в Чернигове. 1908.

Бороздин И. Н. Первобытная археология и классические древности на XIV Археологическом съезде в Чернигове // Гермес. 1908а. № 15. С. 399-404.

Бороздин И. Н. Юбилей Восточной комиссии Московского археологического общества // Русское слово, 31 октября 1912 г.

Бороздин И. Н. Херсонес Таврический // Русское слово. 17 августа 1913 г.

Бороздин И. Н. Международный археологический конгресс в Риме // Древности. Т. 24. 1914. С. 276.

Бороздин И. Н. К вопросу о современных направлениях в изучении древней истории // Сб. в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков. 1914а. С. 84-91.

Бороздин И. Н. А. Н. Шварц как член Археологического общества (доклад в МАО 30 марта 1915 г.).

Бороздин И. Н. И. Новосадский. К 30-летию ученой деятельности // Гермес. 1914 г. № 5; Ученые заслуги М. И. Ростовцева // Отчет о 3-м присуждении медалей им. гр. А. С. Уварова. М., 1915а, с. 34-49 (отдельно: М., 1915. 16 с.).

Бороздин И. Н. Значение восточных музеев в СССР // Известия ВЦИК от 31 июля 1924 г.

Бороздин И. Н. Очередные задачи изучения татарской культуры // Вестник просвещения. Казань. 1924а. № 6.

Бороздин И. Н. Д. Н. Анучин и его работы по Востоку // Новый Восток. 1924б. № 5. С. 37-39.

Бороздин И. Н. К предстоящему съезду по изучению Волжско-Камского края // Жизнь национальностей. 1924в. Кн. 1 (6). С. 67-72.

Бороздин И. Н. Современный Татарстан (К пятилетию Татреспублики) // Новый Восток. 1925. № 10/11. С. 116-137.

Бороздин И. Н. Новейшие археологические открытия в Крыму: (Раскопки на Гераклейском полуострове). М.: Науч. Асс. Востоковедения при Ц. И. К. Союза С. С. Р. 1925. 31 с.

Бороздин И. Н. Археологические раскопки в Старом Крыму // «Красный Крым» от 1 сентября 1926 г.

Бороздин И. Н. Некоторые социологические предпосылки изучения древностей юга СССР // ТСС РАНИОН. М. 1926а. Т. 1. С. 143.

Бороздин И. Н. Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, КрымЦИКа и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году // Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М., 1926б.

Бороздин И. Н. Археология и социология: (К изучению древних культур юга СССР) // Новый Восток. 1926в. № 12. С. 202-213.

Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры / Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февр. – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет) // Баку, 1926г. С. 45.

Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926д. № 2.

Бороздин И. Н. Из Отузской старины: (Надгробие шейха Якуба из Конии 729 г. хиджры) // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 24-26.

Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 года // Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М., 1927а. 21 с.

Бороздин И. Н. До вивчення старо-кримських надгробків // Юбилейный сборник в честь акад. Д. И. Багалея. ЗИФВ. АН УССР. 1927б. № 51.

Бороздин И. Н. Ингушетия // Прожектор. 1927в. № 34.

Бороздин И. Н. Два мусульманских памятника в Отузах // Труды секции археологии РАНИОН. 1928. Т. 4. С. 90-92.

Бороздин И. Н. В горной Ингушетии. Отчет об экспедиции // Новый Восток. М. 1928а. Кн. 20-21. С. 309-323.

Бороздин И. Н. Б. В. Фармаковский и его научные труды по Востоку // Новый Восток. 1928б. № 23-24. С. 350-355.

Бороздин И. Н. К юбилею Галимджана Ибрагимова (Писатель и общественный деятель) // ВНОТ. 1928в. № 8. С. 20-22.

Бороздин И. Н. Из научной жизни Татреспублики // Революция и культура. 1928 г. № 16. С. 66-68.

Бороздин И. Н. Пятидесятилетие Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Новый Восток. Кн. 25. Казань, 1929. С. 371-373.

Бороздин И. Н. Из культурной жизни Татреспублики // ВНОТ. 1930. № 9-10. С. 29-31.

Бороздин И. Н. Два татарских надгробия близ городища Иски Казань // МОРРП. Казань. 1930. Вып. 4. С. 58-65.

Бороздин И. Н. Из литературного прошлого // Прожектор. 1932. № 15-16. С. 30-33.

Бороздин И. Н. Из прошлого литературы и общественности // Фронт науки и техники. 1933. № 4-5. С. 109-112.

Бороздин И. Н. Художественная литература Советской Туркмении // За коммунистическое просвещение. 24 июля 1934 г.

Бороздин И. Н. Больше внимания устному народному творчеству // Туркменская искра. 10 мая 1934а.

Бороздин И. Н. Раскопки Геркуланума. Архитектура СССР. 1935. № 1. С. 52-57.

Бороздин И. Н. К изучению древней истории Туркмении. ВДИ. 1946. № 4 (18). С. 159-164.

Бороздин И. Н. Труды Музея истории Азербайджана. ВДИ. 1952. № 1 (39). С. 156-162.

Бороздина П. А. «Жизнь и судьба профессора И. Н. Бороздина». С. 73.

Дульский П. М. Искусство казанских татар / Предисл. и общ. ред. проф. И. Н. Бороздина. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1925 г.

Зуммер В. М. Московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4. С. 126-134.

Иловайский Д. И. Всероссийские археологические съезды // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, 1885-1915. М. 1916. С. 4.

Императорское Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864-1914 гг.) // Под ред. П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2.

Кацауров В. Деятельность Музея // Культура Востока. Сборник Музея восточных культур. М., 1927. С. 38.

Кинохроника I тюркологического съезда <https://www.youtube.com/watch?v=6iTdyjSdULw>
Дата обращения: 15.05.2015.

Отчет о научной работе ГАХН: IX-XII. 1926. Отдел по изучению искусства народов СССР. // Бюллетени ГАХН под ред. ученого секретаря Академии проф. А. А. Сидорова. Вып. 6-7. М., 1927. С. 18.

http://dbs.rub.de/gachn/files/Bulleteni_6-7.pdf

Дата обращения: 16.09.2015.

Против низкопоклонства перед иностранщиной в области древней истории // ВДИ. 1948, № 1 (23). С. 3-11.

Сафонов И. Е., Федосова Н. М. К истории создания одной книги (из переписки П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 20: Эпоха металла Восточной Европы (история исследований, публикации). Воронеж, 2006. С. 54.

Селиванова О. В. «Из переписки академика В. П. Бузескула с профессором И. Н. Борозди-

ным» // Материалы международной конференции «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия» (Москва, 4-7 июня 2013 г.). С. 450-455.

Селиванова О. В., Косырева Е. В. «А правда, что вы нашли много золота в Старом Крыму?». Воспоминания И. Н. Бороздина. 1926 г. // Исторический архив. 2015 г. № 1. С. 54-65.

Ситдииков А. Г., Абдуллин Х. М., Харитонович В. А. Доклад Н. Ф. Калинина на краеведческой конференции 24 октября 1949 г. // Гасырлар Авазы. 2013.

http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2013_1_2/08/06/

Дата обращения: 13.02.2016.

Стрижова Н. Б. Материалы Московского археологического общества в фонде Уваровых (ОПИ ГИМ, ф. 17) // Уваровские чтения-I. Муром, 1990. С. 15.

Стрижова Н. Б. Архив А. С. и П. С. Уваровых в ОПИ ГИМ // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 83-103.

Тункина И. В. Неизданная записка И. Н. Бороздина и Д. Н. Анучина о подготовке истории 50-летия деятельности Московского археологического общества // Боспорские исследования. 2015. XXXI. С. 405-413.

Тураев Б. А., Бороздин И. Н. Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. М. 1915.

Borozdin I. Die neuesten Entdeckungen im Gebiete der Tatarenkultur // Das neue Russland. 1926. № 1-2.

Borozdin I. Impressions de Caucase // Bulletin d'information. М. 1927. № 45-46.

Borozdin I. Von der wissenschaftlichen landeskundlichen Arbeit in Tatarstan // Slavische Rundschau. 1930. № 8.

Borozdin I. La Republique Tartare // La vie economique des Soviets. 1931. № 128.

2.2. БАШКИРОВ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА А. С. БАШКИРОВА

Алексей Степанович Башкиров (19.07.1885 – 1.01.1963), археолог-антиковед, этнограф, музейный деятель, известный специалист по древней и средневековой истории, искусствоведению и архитектуре, один из первопроходцев отечественной палеосейсмологии, доктор исторических наук, профессор. Он был организатором многочисленных археологических и историко-этнографических экспедиций 1920-60-х гг. в Крым, на Северный Кавказ, в Закавказье, Поволжье и Среднюю Азию. Имя А. С. Башкирова часто упоминается в научной литературе в связи с археологическими исследованиями, однако биографических работ, посвященных личности ученого и его научной деятельности, немного (Пятышева, 1963, с. 316-317; Винокуров, 2016, с. 92-117; Войтов, 2003, с. 438; Формозов, 2006, с. 228 и сл.; Ватлин, Канторович, 2001, с. 123-131). Дополнить биографию исследователя позволяют документы, сохранившиеся в архивах¹.

ИСТОКИ. ГОДЫ УЧЕБЫ. ВЫБОР НАУЧНОГО ПУТИ

А. С. Башкиров родился в с. Кукмор Мамдышского уезда Казанской губернии (ныне поселок городского типа в Кукморском районе Республики Татарстан) в семье учителя². Его мать Ольга Петровна, судя по архивным

документам, служила в ведомстве Министерства Государственного призрения (быв. ведомство имп. Марии Федоровны) – сначала в Казанском Родионовском институте благородных девиц (1889-1893), затем в Петербургском Елизаветинском институте (1893-1911). В 1889 г. семья переехала в Санкт-Петербург. Здесь Алексей окончил историко-филологический факультет университета (1908-1913) и одновременно два курса Петербургского археологического института (1910-1913). Получил фундаментальное классическое образование, изучил несколько европейских и древних языков. В период учебы в университете занимался в семинарах Д. В. Айналова (история византийского, романо-германского и древнерусского искусства)³, Б. В. Фармаковского (классическое искусство и южнорусские древности), М. А. Полиевктова (русская история), А. А. Спицына (археология и русская историческая география) и др. В 1914 г. посещал архитектурные классы Академии художеств.

Уже в студенческие годы А. С. Башкиров прошел настоящую полевую археологическую школу в Крыму под руководством приват-доцента Санкт-Петербургского университета Б. В. Фармаковского и директора Херсонесского музея Р. Х. Лепера, участвуя в раскопках античных Ольвии (1911-1912) (рис. 82), Херсонеса (рис. 83) и средневековых пещерных городов Мангуп (Мангуп-Кале) и Тепе-Кермен под Бахчисараем (1910, 1913-1914). О результатах этих раскопок в декабре 1913 г. на заседаниях археологического кружка ПАИ он сделал сообщения «Ольвия в истории и Ольвия в раскопках», «Мангуп-Кале (Крым) в истории и раскопках»⁴.

В эти годы проявились и были замечены его организаторские способности. В частности, он исполнял обязанности помощника Лепера по ведению раскопок в Херсонесе⁵. Алексей Степанович вспоминал, что присутство-

¹ Личный архив А. С. Башкирова хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 598, 315 ед. хр.), личное дело – в ГАРФ (Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 64); ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. Но 30; АРАН. Ф. 478. Оп. 1а. Д. 2).

² В «Личном листке по учету кадров» А. С. Башкиров указал, что его отец из башкир, а мать – русская (АРАН. Ф. 478. Оп. 1а. Д. 2. Л. 1).

³ В семинаре Д. В. Айналова А. С. Башкиров работал над темой «Топография древнего Киева по летописным известиям» (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 1. Л. 11 об).

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 11. Л. 1-3.

⁵ К раскопкам в Херсонесе А. С. Башкиров возвращался неоднократно и в послереволюционный период: в 1919 г. (вел раскоп), в 1924 г. (совместные работы с И. Н. Бороздиным) и позже, в 1940-1960-е гг.

вал при посещении этих раскопок царской семьей: «В 1913 г. 11 августа раскопки Херсонеса посетил его Императорское величество государь император и их Императорские высочества великая княгиня Ольга Александровна и великая княгиня Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна; при сем посещении я имел счастье присутствовать, как помощник заведующего раскопками, и давать пояснение их высочествам, за что получил благодарность»⁶. В 1912 г. под руководством члена Императорской Археологической комиссии и приват-доцента Санкт-Петербургского университета

А. А. Спицына он участвовал в раскопках Ахматского городища в Саратовской губернии⁷ (Длужневская, 2014, с. 15). За работы по изучению саратовских древностей его избрали действительным членом СГУАК.

Однако большая часть исследований А. С. Башкирова тех лет была связана с изучением античных памятников юга России (Аккерман, Березань, Голая Пристань, Алешки, Солоха, Царева Могила), в том числе городищ Тавриды от Севастополя до Керчи. Пополняя свои знания, он детально знакомился с античными собраниями в музеях Петербурга, Москвы, Одессы, Херсона, Николаева, Симферополя, Херсонеса, Ай-Тодора, Феодосии, Керчи, Киева, Варшавы, Пскова, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Казани, Симбирска, Самары, Саратова и др.

Таким образом, уже в студенчестве А. С. Башкиров получил необходимый багаж знаний, опыт и познания в теории и практике раскопок, организации археологических экспедиций, пригодившиеся в последующие годы,

Рис. 82. Ольвия. Фото 1912 г. Участники раскопок в Ольвии. А. С. Башкиров стоит в центре в белом кителе (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 16. Л. 45).

когда он уже сам стал руководителем экспедиций в различных регионах страны. Именно тогда у него сформировался стойкий интерес к древней и средневековой истории, который стимулировал его деятельность в данном направлении и повлиял на выбор исследовательских тем и приоритетов в археологии, в том числе в практической полевой работе.

В эти же годы А. С. Башкиров стал членом Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы (Симферополь). В 1912 г. молодой ученый участвовал в работе Комитета по составлению и изданию путеводителя по Крыму⁸, к созданию которого были привлечены лучшие ученые и краеведы того времени, в том числе Л. С. Вагин, Н. Н. Клепинин, С. А. Мокржецкий и др. В историко-археологическом очерке Крыма [1; 2] впервые для подобных изданий была дана научная характеристика древнего и средневекового периода жизни полуострова. Башкиров довольно подробно – на основе анализа отчетов Императорской Археологической комиссии – оста-

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 1. Л. 11 об.

⁷ Здесь в конце золотоордынской эпохи находился стан хана Ахмата.

⁸ В архиве ученого сохранилась рукопись очерка «Материалы по истории и археологии Крыма» (20.02.1914), написанного для путеводителя по Крыму (Ф. 598. Ед. хр. 157-158).

Рис. 83. Херсонес. Фото 1912 г. Участники раскопок в Херсонесе.
Слева в белой рубашке стоит А. С. Башкиров (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 20. Л. 60).

новился на истории археологических исследований в Крыму, охарактеризовал деятельность известных русских археологов Н. И. Веселовского, Ю. А. Кулаковского и А. С. Уварова, осветил историю Боспорского царства. Очерк сопровождался иллюстрациями, рисунками разрезов курганов, планами пещерных городов и др. О высоком научном уровне и добротности путеводителя свидетельствует хотя бы то, что он был переиздан в дополненном варианте в советские годы [39; 40].

После окончания университета А. С. Башкиров недолго (1.09.1913 – 1.02.1914) состоял преподавателем истории и латинского языка в Петербургской римско-католической гимназии. Однако вскоре (1.02.1914), незадолго до начала мировой войны, по рекомендации университетских учителей Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева, Д. В. Айналова, Н. И. Веселовского Министерство народного просвещения направило его в качестве научного сотрудника (инструктора-археолога-практика) в Русский археологический институт в Константинополе. О лучшем месте для совершенствования знаний по теории и истории искусства и византийской археологии можно было только мечтать. Алексею Башкирову по-

счастливилось участвовать в раскопках Большого дворца византийских императоров (пережившего большой пожар в 1912 г.) и Студийского монастыря. Помимо изучения и обследования памятников Константинополя, ученый выезжал с научными целями в различные области Малоазийской Турции. В частности, в феврале 1914 г. в составе группы сотрудников РАИК он участвовал в археологической экскурсии по южному берегу Мраморного моря (Триглия, Елгми, Куршумлу, Паладарий). Тогда же на Босфоре близ г. Прусы (Брусы) ему уда-

лось познакомиться с древними византийскими монастырями (храм Богородицы Халкопратийской, храм Иоанна Крестителя) и мечетями горного массива Вифинского Олимпа. Раскопкам, которые велись в это время в крупнейшем городе Турции, посвящена его небольшая статья «Археологические находки при земляных работах на участке Абуд-Эфенди в Стамбуле»⁹.

ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТИПЕНДИАТ РАИК

В 1914 г. с началом первой мировой войны Русский археологический институт в Константинополе, просуществовавший почти четверть века, свернул свою деятельность в Османской империи, однако Алексей Степанович, став стипендиатом института, был направлен в трехлетнюю научную заграничную командировку. В 1914-1916 гг. он изучал архитектурные, археологические и историко-художественные памятники Малоазийской Турции, Балканского полуострова, Греции, о. Крит, Италии, Франции, Англии, Скандинавских стран. Эти поездки сыграли важную роль в совершенствовании его образования. В своих путешестви-

⁹ Статья была подготовлена к печати, но не опубликована.

ях Башкиров углубленно изучал европейский опыт полевых работ, античные и средневековые древности, древнегреческое, древнеримское и средневековое искусство и зодчество, собирал материалы по античной строительной технике и технологии, особенно по правилам и приемам антисейсмического строительства. В личном архиве ученого отложился разнообразный материал исследованных памятников (выписки, зарисовки, фотографии, фотокопии документов, планы, иллюстрации из печатных изданий и пр.).

В годы мировой войны, несмотря на трудности передвижения по территории Балканских стран, где он находился около семи месяцев, А. С. Башкиров активно знакомился с археологическими памятниками и музеями Бухареста и Софии. В ноябре 1914 г. в Салониках (ныне греческая Македония) он осмотрел и сфотографировал храмы, башни крепостных стен, арки, античные саркофаги, базилику св. Димитрия (с интерьерами, древними иконами, мозаиками), вскоре утраченную во время войны¹⁰. Башкиров снял копии с тридцати античных надписей на эпиграфических памятниках, оказавшихся вкрапленными в стены городских улиц, и вблизи солунского военного госпиталя. Издание этих надписей Алексей Степанович предоставил известному филологу, эпиграфисту, профессору Московского университета Н. И. Новосадскому (1928)¹¹. Это были эпитафии II–IV вв., преимущественно времени правления Марка Аврелия Антонина (161–180 гг.), важные для понимания особенностей административного устройства античной Македонии и некоторых сторон ее внутренней жизни, воссоздания имен магистратов. Эти сведения не были отражены в других источниках. Надписи содержали также уникальные данные о социальном строе и монетной системе Македонии, генеалогии некоторых римских родов и др. (Шофман, 1964).

Рис. 84. Крит. Фото 1915 г. А. С. Башкиров в греческом национальном костюме (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 301. Л. 32).

В Греции А. С. Башкиров познакомился с памятниками и музеями Афин, Дафнии, Олимпии, Каламаты, Спарты, Коринфа. Древности минойской цивилизации и ахейской Греции – колыбели античного мира – он изучал на островах Крит и Эгины, обращая особое внимание на строительное дело, живопись и скульптуру (рис. 84). В Кноссе осмотрел царский дворец («Лабиринт Минотавра»), познакомился с музеем в Кандии¹². О научных изысканиях

¹⁰ Базилика Св. Димитрия (Дмитрия Солунского) в Салониках погибла во время пожара 1917 г., вновь отстроена в 1949 г. В 1988 г. храм включен в список памятников Всемирного наследия. В архиве А. С. Башкирова сохранились фотографии храма (внешний вид, интерьеры и пр.).

¹¹ Работа А. С. Башкирова «Эпиграфические памятники Салоникского военного госпиталя» была подготовлена к печати, но не опубликована.

¹² По материалам этих изысканий А. С. Башкиров написал статьи «Живопись эгейской культуры по фрагментам Кандийского музея», «Охота на калидонского вепря в древнегреческой скульптуре», «Искусство Эгейды в эпосе Гомера», которые были подготовлены к печати, но не опубликованы. Позже, в 1919 г., в Самарском обществе археологии, истории, этнографии и естествознания ученый выступил с докладом «Новейшие исследования Эванса и Бессарта в области изучения Эгейской культуры» (АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.).

Рис. 85. Москва. Фото 1930 г. Ученики и преподаватели 1 МГУ. Сидят: В. А. Городцов (в центре), А. Я. Брюсов (справа); стоят: А. С. Башкиров (в центре), П. А. Дмитриев (справа) (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 470. Л. 55).

на Балканах молодой ученый сообщал в письмах своему учителю Б. Ф. Фармаковскому¹³. Отчеты с подробностями некоторых его поездок публиковались в журнале «Гермес» [3; 4].

В 1915 г. Алексей Степанович переехал в Италию и более девяти месяцев изучал памятники эпохи Возрождения в Неаполе, Риме, Равенне, Болонье и Флоренции. Совершил многочисленные поездки вглубь страны, осмотрел Помпеи, Амальфи, Соренто, Пушולי, Сан-Доминиано¹⁴ и др. В 1916 г. около десяти месяцев он работал в Париже (Лувр, Национальная библиотека, Сорбонна). В Парижский университет молодого ученого пригласили для чтения лекций по истории русской культуры.

НАУЧНАЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В САМАРЕ

Из заграничной командировки в Россию, уже охваченную революцией, А. С. Башки-

ров возвращался через Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию, где осматривал памятники и музеи Лондона, Христиании (Осло), Стокгольма и Гельсингфорса. С 1.01.1917 по 1.07.1918 г. он состоял магистрантом Петроградского университета, но в 1918 г. был вынужден покинуть голодный и холодный Петроград и переехал в Поволжье. В 1919 г. преподавал на историко-филологическом факультете и кафедре теории и истории искусств Саратовского университета (Малов, 2006, с. 14, 15). Но основная его деятельность была связана с Самарой: в 1919-1923 гг. профессор университета (с 1922 декан педагогического факультета), член-учредитель и председатель Общества ар-

хеологии, истории, этнографии и естествоиспытателей при Самарском университете; состоял в должности заведующего Самарским отделом Главмузея и входил в комитет по заведованию Самарским губернским музеем – сначала как эксперт, затем директор (со 2.02.1921 г.) (Войтов, 2003, с. 438; Кузьминых и др., 2007, с. 20; Винокуров, 2006; Зудина, 2008а, с. 12-90). На историческом факультете университета ученый читал курс искусствоведения Греции и Рима, средних веков и эпохи Возрождения, активно занимался популяризацией древней и средневековой истории.

В эти годы энергия и организаторский талант А. С. Башкирова сыграли большую роль в культурной жизни губернского города и консолидации его краеведческих сил. Под руководством Алексея Степановича при историко-филологическом факультете Самарского университета было создано научное и учебно-вспомогательное учреждение – специальный Семинарий археологии и искусств и при

¹³ Письма А. С. Башкирова к Б. В. Фармаковскому со сведениями о путешествии по Балканскому полуострову см. в: (РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 212).

¹⁴ Работы А. С. Башкирова «Этрусские бронзовые статуэтки Музея Папы Юлия в Риме» и «Византийские мозаичные иконы собора Санта-Марии дель Фьоре во Флоренции» не были опубликованы.

нем библиотека и учебно-показательный музей [7]. В частности, по инициативе и при его личном участии в фонд Семинария из Москвы и Петрограда были вывезены предметы прикладного искусства и художественные полотна западноевропейских художников (частные собрания), книги из дублетного фонда различных учреждений (Российская Академия наук, Российская Академия истории материальной культуры, Российская Академия художеств, Государственный Эрмитаж). В Самару были доставлены ценнейшие книжные собрания по истории искусства и археологии крупнейших петербургских ученых Н. А. Котляревского, С. А. Жебелева, А. А. Бобринского, П. К. Симони и др. Башкиров непосредственно курировал передачу коллекции профессора Петроградского университета К. Д. Чичагова, которая содержала большое количество ценных и редких книг и альбомов по искусству и истории древнего мира, тем самым спасая ее от разграбления и уничтожения¹⁵. Его помощниками по Семинарию стали студенты М. М. Кобылина (впоследствии известный специалист в области античной археологии) и М. К. Каргер (крупнейший специалист по археологии и архитектуре Древней Руси).

Научно-учебная деятельность А. С. Башкирова в Семинарии заключалась в чтении курсов и ведении практических занятия по археологии и искусству. Осенью 1919 г. он читал общий курс по искусству средневековья и эпохи Ренессанса на Западе, вел практические занятия по теме «Итальянская скульптура от Николло Пизано до Микеланджело» и спецкурс с семинаром по южнорусским древностям, включая изучение памятников доисторических, греко-римских и скифо-сарматских. С весны 1920 г. Башкиров начал читать общий курс «Искусство на Западе с XV в.», вел практические занятия по теме «Французская скульптура от эпохи Клауса Слутера до Родена» и продолжил спецкурс по южнорусским древностям. Осенью 1920 г.,

согласно общему курсу, читались лекции по византийскому искусству, велись практические занятия по архитектуре Византии, а весной 1921 г. – по древнерусской архитектуре (в рамках общего курса по русскому искусству). В течение двух семестров 1920/1921 г. Алексей Степанович вел, кроме того, спецкурс «Эгейская культура» и семинар «Греко-римская культура на Юге России»¹⁶. Одновременно в 1919 г. он читал лекции в Самарском педагогическом институте, а с 1920 г. на Высших этнолого-археологических курсах (созданных при СОАИЭЕ) по истории искусств и вел практические занятия по истории искусств и археологии.

Самарский период деятельности профессора А. С. Башкирова совпал с оживлением археологических исследований в Нижнем и Среднем Поволжье. Одна из первых послереволюционных экспедиций, организованных им весной 1919 г., в разгар Гражданской войны, была связана с изучением памятников Волжской Булгарии. Совместно с инженером-геологом П. Н. Ефимовым Башкиров возглавил экспедицию студентов Самарского университета, Губернского музея и СОАИЭЕ для изучения болгарских поселений в Симбирской и Казанской губерниях и, прежде всего, Болгарского городища. Алексей Степанович оказался в числе трех первых исследователей, кому только что созданный научно-методический центр – Археологический подотдел Музейного отдела НКП РСФСР выдал Открытый лист (Городцов, 1985, с. 269). Экспедицией была произведена графическая фиксация, описание, «зондажное» исследование (шурфовка), инструментальная съемка объектов в Болгаре – Четырехугольника, Черной и Белой Палаты, тюрбе, Малого минарета, Большого и Малого городка и валов городских укреплений [35]. В Симбирске и Казани были изучены археологические коллекции губернских музеев. По результатам экспедиции на заседаниях СОАИЭЕ ученый сделал сообщения «Древ-

¹⁵ К. Д. Чичагов вскоре скончался (3.08.1920). Его памяти посвящен некролог А. С. Башкирова (1922, с. 92). В настоящий момент владельческая коллекция Чичагова включена в реестр памятников Самарского Поволжья и хранится в Самарской областной универсальной научной библиотеке.

¹⁶ В архиве А. С. Башкирова сохранились тексты лекций «Византийское искусство», «Греко-римская культура на Юге России» (1920) (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 291-202).

ний город Булгар в русской исторической и археологической литературе», «Тюркские памятники в Поволжье и Приуралье» и др.

Общество археологии, истории, этнографии и естествоиспытателей (А. С. Башкиров был его председателем и одновременно товарищем (заместителем) председателя археологической комиссии) стало тем учреждением, на базе которого в 1920-е годы велось разведочное обследование территории Самарской губернии. Направления работы общества Башкиров изложил на одном из его заседаний (14.12.1919 г.) в докладе «Ближайшие задачи археологических исследований в Самарском крае» (Зудина, 2008а, с. 17).

Принципиальные изменения в подходе к изучению памятников археологии Самарского края наблюдаются с осени 1920 г. после приезда с инспекцией в Самару руководителя Археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР, профессора кафедры первобытной археологии 1 МГУ, одного из лидеров российской археологии тех лет В. А. Городцова¹⁷. Во время пребывания в Самаре Городцов предложил СОАИЭЕ провести систематическое обследование Самарской губернии. Методические указания В. А. Городцова (см. подробнее о них: Кузьминых и др., 2007, с. 20) были едины для всех губерний и областей России: первоочередные разведочные маршруты необходимо было провести в виде 20-верстной полосы; одна из них должна пересечь губернию с запада на восток, другая – с юга на север, причем маршруты необходимо было привязать к течению крупных рек. На заседаниях СОАИЭЕ Башкиров, в частности, предлагал: «...в ближайшее время сосредоточить внимание на детальном изучении района Утки и Майны в непосредственной связи с проведенной уже экскурсией на развалины Болгар. Обследование болгарской культуры, несомненно, имевшей большое влияние в нашем крае, является обязательной задачей нашего Общества» (Зудина, 2008а, с. 22). Сама

Рис. 86. Подмосковье. Фото 1924 г. В. А. Городцов и А. С. Башкиров на раскопках в д. Мякинино под Москвой (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 471. Л. 19).

разработка общего плана обследования региона была поручена П. Н. Ефимову, который предложил три первоочередных маршрута: Северный, Южный и Восточный. План был утвержден в НКП РСФСР и с 1921 г. началось разведочное археологическое обследование губернии.

В архивных материалах А. С. Башкирова отложились документы, связанные с выявлением и изучением в том году археологических па-

¹⁷ Подробности поездки В. А. Городцова осенью 1920 г. по ряду поволжских и приуральских городов (Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Самара, Саратов, Уфа и др.) нашли отражение в его полевых дневниках (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 359. Л. 86-98; Кузьминых, Белозерова, 2014).

¹⁸ Сохранились различные документы раскопок 1921 г. в Самарской губернии: «Археологическая карта части долины р. Самарки», «План места археологических раскопок, произведенных Самарским археологическим обществом в 1921 г. под руководством проф. А. С. Башкирова» и пр. (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 46).

мятников по течению р. Самары под его руководством¹⁸. В реальности открытый лист на археологические работы в бассейне р. Самары был выдан В. В. Гольмстен (Кузьминых и др., 2007. с. 21, 22). Именно отряд под ее руководством в тяжелейших условиях начавшегося в Поволжье голода провел основные исследования. Участие Башкирова в этих работах в отчетных документах экспедиции Гольмстен не подтверждается, но, тем не менее, некоторые общие документы, связанные с обследованием р. Самары, отложились в его архиве. В частности, летом 1921 г. Башкиров со студентами Семинария провел первые масштабные раскопки средневекового муромского Барбашинского могильника около Самары¹⁹, на которые университет ассигновал миллион рублей (в ценах тех лет) (Зудина, 2008б, с. 337). В дальнейшем, после отъезда Алексея Степановича в Москву, археологическое обследование Самарского края в труднейших условиях Гражданской войны и далее на протяжении всех 1920-х гг. было продолжено В. В. Гольмстен и ее учениками (Кузьминых и др., 2007). Осенью 1921 г. Башкирову по направлению от СОАИЭЕ удалось совершить свою первую экспедицию в Туркестан для изучения археологических и историко-художественных памятников Афрасиаба²⁰, Самарканда, Старого Мерва и др.

1920-е ГОДЫ – ВЕРШИНА НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ А. С. БАШКИРОВА

Встреча с В. А. Городцовым сыграла важную роль в жизни и дальнейшей судьбе А. С. Баш-

Рис. 87. Крым. Фото 1924 г. Участники раскопок на Гераклеяском полуострове. Слева сидит А. С. Башкиров (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 23. Л. 2).

кирова. 15 октября 1922 г. он покинул Самару и переехал в Москву²¹. Василий Алексеевич фактически ввел его в круг московской научной элиты. В июне 1922 г. Башкирова избрали на должность профессора педагогического факультета 2 МГУ на кафедру теории истории искусств и археологии. По рекомендации Городцова Башкиров стал преподавать и в Московском университете. На заседании научно-политической секции Государственного ученого совета он утвержден профессором археологического отделения 1 МГУ²², где вел три курса – по истории археологических открытий²³, археологии средневековья и археологии болгарской культуры (спекурс) (рис. 85). Более десяти лет Алексей Степанович читал здесь курсы по античному и средневековому искусству и археологии.

1920-е гг., безусловно, стали вершиной в научной карьере А. С. Башкирова. Его научно-исследовательская работа была связана с ведущими археологическими учреждениями

¹⁹ А. С. Башкиров подготовил к печати статью «Археологические раскопки могильника Барбашинской Поляны ок. Самары летом 1921 г.», которая осталась не опубликованной.

²⁰ В 1921 г. А. С. Башкиров вывез из Афрасиаба коллекцию археологических предметов и передал ее в музей СОАИЭЕ.

²¹ В Москве в этот период А. С. Башкиров жил по адресу: Зубовский бульвар, 15, кв. 3.

²² См.: «Заметки В. А. Городцова по Археологическому отделению Московского университета (1922-1923)» в ОПИ ГИМ (Ф. 431. Ед. хр. 345. Л. 1).

²³ В личном архиве А. С. Башкирова сохранились рукописи лекций «История археологических открытий», «Археология Крыма», читавшихся в 1 МГУ в 1922-1926 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 293. Л. 1-210; Ед. хр. 294. Л. 1-73).

Москвы. Среди возникших в те годы новых центров одним из важнейших стал организованный в 1923 г. Институт археологии и искусствознания при ФОН 1 МГУ (с 1924 г. при РАНИОН). Костяк ИАИ составили главным образом профессор и преподаватели университета, а также их ученики. Башкиров с момента основания института был утвержден действительным членом ИАИ и членом коллегии секции археологии, возглавив в ней кафедру греко-римской истории²⁴. Научные планы секции были весьма амбициозными, но зачастую для того времени не реальными. Так, в 1923 г. обсуждался проект командировки египтолога и востоковеда Ф. В. Баллода, археологов В. А. Городцова и А. С. Башкирова в Турцию, Египет и Грецию для изучения проблемы взаимоотношений древних культур Юга СССР и названных стран; планировалось также участие этих ученых в международном этнологическом-археологическом конгрессе в Каире в 1925 году [11]. Увы, эти поездки не состоялись.

В это же время (с 24.02.1924 г.) начала работать Московская секция РАИМК. В ее археологической комиссии насчитывалось 26 человек; среди них и А. С. Башкиров²⁵. По предложению В. А. Городцова Башкиров также вошел в состав Археологической комиссии научной музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета, став ее членом 28.01.1925 г.²⁶, практически сразу же включившись в обсуждение государственного плана археологических исследований в Европейской части СССР.

Кроме того, он постоянный участник различных научных заседаний в Московском археологическом обществе, Центральном бюро краеведения при Российской Академии наук, Всесоюзной научной ассоциации востоковедения²⁷ и других учреждений.

Музейная деятельность А. С. Башкирова в Москве началась в 1924 г. в Государствен-

ном Историческом музее по рекомендации В. А. Городцова, и вскоре Алексей Степанович возглавил Отделение византийских памятников (1925-1933) (рис. 86). Чуть позже он стал также сотрудником Государственного музея Востока (1926-1935): сначала (с 28.11.1926 г.) – научный консультант Отдела Среднего Востока, с января 1928 г. – член Ученого совета музея.

В эти годы А. С. Башкиров работал в крупнейших востоковедческих центрах страны: с декабря 1922 г. член президиума Комиссии по изучению тюркской культуры при НКП РСФСР, с 1927 г. ученый секретарь Комиссии по изучению татарской культуры. Алексей Степанович стал одним из первых исследователей горских народов Кавказа, которые до 20-х гг. прошлого столетия нечасто были предметом специальных исследований. Эта работа стала осуществляться Комитетом по изучению языков и этнических культур народностей Востока (Берсеневская наб., 18) при Московской секции РАИМК. Одной из задач Комитета было создание алфавитов для ранее бесписьменных народов Северного Кавказа, составление грамматик языков этого обширного региона. Известно, что Башкиров входил в состав Комитета по созданию нового дагестанского алфавита вместе с московскими (Н. Ф. Яковлев, Н. А. Баскаков, Л. И. Жирков) и дагестанскими коллегами (Г. Гаджибеков, О. Омаров), участвовавшими в работе над проектом латинизированного алфавита для народов Дагестана.

В 1926 г. Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока получил новый статус и стал именоваться НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН. А. С. Башкиров входил в коллегию института (1926-1932). В эти годы его крупнейшие специалисты (Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, Е. М. Шиллинг, Б. А. Куфтин, Б. В. Миллер, Е. Г. Пчелина, Г. А. Кокиев и др.) под руководством академика Н. Я. Марра за-

²⁴ См.: «Заметки В. А. Городцова» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 345. Л. 1).

²⁵ Материалы МОГАИМК, в том числе протоколы заседаний, доклады и пр., сохранились в ОПИ ГИМ (Ф. 453. Ед. хр. 93-108).

²⁶ См.: «Протокол № 6 заседания Археологической комиссии научной музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета от 28.01.1925 г.» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1075. Л. 44).

²⁷ В 1922 г. А. С. Башкиров сделал несколько докладов: в МАО – «Археологические памятники Среднего Поволжья»; в ЦБК – «Краеведческая работа Общества археологии, истории, этнографии при Самарском государственном университете», «Жизнь и научная деятельность археолога, историка и этнографа восточной половины Европейской России проф. П. А. Преображенского», «Памяти археолога В. В. Шкорпила»; во ВНАВ – «Культура болгар на Волге в историко-археологической литературе» (АРАН. Ф. 478. Оп. 1а. Д. 2. Л. 6).

Рис. 88. Старый Крым. Фото 1926 г. Медресе. Групповое фото. Крайний справа – А. С. Башкиров, в центре – И. Н. Бороздин (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 30. Л. 33).

нимались изучением лингвистики, истории и этнографии горских народов Кавказа.

Комитет (а затем НИИ этнических и национальных культур) проводили большую полевую экспедиционную работу. В 1923-1927 гг. А. С. Башкиров совершил несколько маршрутных экспедиций на Северный Кавказ. Первая из них пролегла по Чечне, где в 1923 и 1925 гг. он вместе с Н. Ф. Яковлевым и Н. Б. Баклановым изучал язык, фольклор, жилища местного населения. Другой задачей экспедиции был сбор предметов материальной культуры для создававшегося в Чечне музея. Собранные материалы отражали особенности быта и обычаи вайнахов. В 1923 г. они демонстрировались на выставке в Государственном Историческом музее.

Но главной задачей Дагестанской этнолого-лингвистической и художественно-археологической экспедиции, вернее ее археологического отряда под руководством А. С. Башкирова, являлись разведочные поиски и раскопки археологических памятников горного и приморского Дагестана разных исторических эпох (Археологические экспедиции, 1962, с. 23; Лысенко, 2013, с. 141-143). В районе Махач-

калы был зафиксирован ряд исторически известных и археологических памятников, в том числе остатки крепостных сооружений и древних оборонительных стен. Изучались башни, раннехристианские храмы, минареты, жилища населения горного Дагестана; проведено обследование и обмеры оборонительных укреплений Дербента, Белиджинского городища Топрах-кала, Армен-кала, «Кафырский пост», стены «Дагбары». В ауле Дарвач был изучен минарет XIV–XV вв., в районе аула Зиль – руины древней мечети, около селения Геменди зафиксирован древний могильник. На дороге к заводу «Дагестанские Огни», а также в районе се-

лений Мамедкалы и Маджалиса выявлен ряд курганов. В общей сложности удалось осуществить рекогносцировочные раскопки в шести пунктах Дагестана и собрать коллекцию из 130 предметов.

Экспедиция работала также в Кайтаго-Табасаранском округе, главным образом в селениях Кубачи (Археологические экспедиции, 1962, с. 23) и Амузги. Здесь были исследованы остатки древних сооружений, осматривались и изучались надгробные памятники, резные камни, эпитафии, копировались эпиграфические материалы и др. Пристальное внимание было уделено изучению средневекового искусства Дагестана, традиционных художественных ремесел ювелиров, чеканщиков, оружейников, резчиков по камню и дереву, а также других отраслей народного прикладного искусства. Работа экспедиций НИИ этнических и национальных культур фактически стала первым шагом по изучению и осмыслению историко-культурного наследия Чечни и Дагестана в советский период. Памятникам средневековья и этнографической современности (конца XIX – начала XX в.) Дагестана посвящен цикл работ А. С. Башкирова [18; 27; 33; 34; 41; 45; 46].

Рис. 89. Старый Крым. Фото 1925 г. Участники Солхатской экспедиции у мечети-медресе (И. Н. Бороздин третий слева, А. С. Башкиров первый справа) (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 30. Л. 37).

Летом 1925 г. ученый участвовал в раскопках и разведочных работах в Абхазии по приглашению Совнаркома Абхазии и Абхазского научного общества. Обследовались руины старой крепости в юго-западной части Сухума, сохранившие следы римской, византийской и турецкой эпох, городище «Замок Баграта», так называемый Венецианский мост (XII–XV вв.), Великая Абхазская стена, храм на Пицундском мысу, акведук, развалины дворца абхазского правителя и христианский храм в Лыхны, храм Симона Капонита, городище на Иверской горе в районе Псырцхи (Новый Афон) (Археологические экспедиции, 1962, с. 35). Особое внимание было обращено на изучение храмов, фресковой живописи, построек, надгробных памятников. Костяк экспедиции составили местные исследователи: председатель АБНО Г. П. Барач и члены общества В. И. Стражев, М. И. Галашевский, И. А. Лебедь, Л. Бам и Я. Морозов. С краткими результатами исследований А. С. Башкиров познакомил научную общественность Абхазии в докладе в Сухуме в октябре, после окончания полевого сезона (Бгажба, 1967), а также в статье, опубликованной в «Известиях» АБНО [20].

Работы в Абхазии были продолжены и в 1926 году. Особое внимание было обращено на исследование юго-западной башни турецкой крепости в Сухуме и обследование храмов XI–XII вв. в районе Иверской горы, городища византийской поры к югу от Гудауты и руин храмов к северу от этого города (Археологические экспедиции, 1962, с. 43). Археологические изыскания А. С. Башкирова наметили программу будущих широкомасштабных раскопок в Сухумской крепости, Анакопии, Пицунде, Лыхны и в других районах Абхазии в последующие десятилетия. Еще в середине 1920-х гг. Алексей Степанович призывал к созданию Пицундского историко-архитектурного заповедника. Эти планы сбылись лишь через много лет. Результаты многолетних исследований в Абхазии Башкиров планировал опубликовать в начале 1960-х гг. в монографии «Архитектурные памятники Абхазии» (Бгажба, 1967). План этот из-за его преждевременной кончины не был осуществлен. Большая часть документов о работах в Абхазии, в том числе протоколы заседаний, переписка с местными деятелями, заметки, зарисовки, карты, фотографии и др., сохранились в личном архиве ученого.

Рис. 90. Старый Крым. Фото 1925 г. И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров среди участников Солхатской экспедиции (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 29. Л. 32).

В 1924 г. А. С. Башкиров был избран членом правления Российского общества по изучению Крыма и работал в его Московском отделении вплоть до 1930 г., когда общество было закрыто, как и большинство краеведческих общественных организаций страны. Судя по сохранившимся документам, ученый регулярно участвовал в научных собраниях отделения, проходивших в Доме ученых (ул. Кропоткинская, 16). На них обсуждались доклады, посвященные истории и изучению Крыма, экспедиционной работе общества в Крыму и др. Вместе с известными учеными и литераторами (Б. Ф. Добрынин, А. К. Кончевский, И. М. Саркисов-Серазини и др.) Алексей Степанович вошел в состав авторского коллектива по подготовке путеводителя по Крыму – одного из лучших в послереволюционное время [12]. Участвовал он и в деятельности журнала «Крым», публикуя регулярно статьи, посвященные прошлому Крыма [13; 19; 25].

(XV–XVII вв.) и приступили к раскопкам кладбища золотоордынского времени (XIV–XV вв.) Кырк-Азислер в Эски-Юрте у Бахчисарая (Археологические экспедиции, 1962, с. 27). В ходе этой фактически единственной научной экспедиции в Эски-Юрт была составлена общая схема кладбища, предложена типология его погребальных памятников, выявлены аналоги на некрополях того же времени Крыма, Передней Азии и Кавказа. В ходе раскопок из-под земли были извлечены поваленные каменные надгробия с прекрасно сохранившимся резным орнаментом и надписями; старейшее из них датировалось 1316 годом. Судя по единственной публикации и приведенной в ней схеме [16], а также по сохранившимся в архиве Башкирова полевым дневнику и фотографиям каменные надгробия кладбища Кырк-Азислер отличались чрезвычайным разнообразием и многочисленностью, исчисляясь, по меньшей мере, сотнями. Помимо раскопок, документированных чертежами

Археологическая деятельность А. С. Башкирова была многими нитями связана с Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения и его Отделом по изучению культур юга России, Крыма и Кавказа. В сентябре 1924 г. он участвовал в раскопках И. Н. Бороздина (рис. 87) остатков укреплений близ Александриады (IV в. до н. э.) и некрополя римского времени (I в. н. э.) на Гераклейском полуострове²⁸ (Бороздин, 1925). Позднее, той же осенью, Башкиров совместно с заведующим Бахчисарайским музеем-дворцом У. Э. Боданинским при участии крымского исследователя Н. Л. Эрнста осмотрели местность Азис

²⁸ Материалы Гераклейской археологической экспедиции 1924 г. (дневник, опись найденных предметов, фотографии участников и пр.) сохранились в архиве А. С. Башкирова (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 63).

²⁹ См. дневник А. С. Башкирова о работах 1924 г. в Кырк-Азислере (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 25).

Рис. 91. Старый Крым. Фото 1926 г. Двор музейного хранилища. А. С. Башкиров среди участников экспедиции около надгробий (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 34. Л. 67).

и планами, исследователи провели фотосъемку, зарисовку и обмеры надгробий, скопировали надписи на них, а также на саркофагах, склепах, скульптурных фрагментах²⁹. После изучения около трех десятков надгробий были перевезены на кладбище Бахчисарайского Ханского дворца (ныне Бахчисарайский музей), и это спасло их от судьбы прочих многочисленных средневековых крымско-татарских эпиграфических памятников, пошедших в послевоенное время на стройматериалы³⁰.

В 1925-1926 гг. состоялись Солхатская (Старо-Крымская) экспедиция ЦИК и СНК Крымской АССР, ВНАВ и Бахчисарайского музея по изучению средневековых археологических и архитектурных памятников в Бахчисарае, Симферополе, Карасубазаре, Отузе, Солхате (Старом Крыму), Евпатории, Феодосии, Коктебеле, Судаке и др. (Археологические экспедиции, 1962, с. 34). Ее возглавил известный востоковед профессор И. Н. Бороздин (рис. 88-90). Кроме А. С. Башкирова в состав экспедиции входили

ли заведующий художественным отделом Центрального музея Тавриды профессор П. И. Голландский, преподаватель Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе эпиграфист О. Акчокраклы, архитектор Главнауки Б. Н. Засыпкин. Большую помощь в проведении экспедиции оказал Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. В архиве Башкирова сохранился полевой дневник с описанием хода раскопок в Солхате летом 1925 г.³¹ Подробное и обширное описание результатов

работ экспедиции, по сути, основательный ее отчет, отражен в известном труде Усеина Боданинского (1930).

Маршрут экспедиции превысил 500 верст, исследователи посетили 64 населенных пункта Крыма. За 42 дня было собрано около 150 этнографических бытовых предметов и 50 эпиграфических памятников (в виде отдельных рукописей), записано около 1000 текстов образцов народного фольклора, сфотографировано 200 памятников и зарисовано 300. Солхатская экспедиция произвела учет всех памятников Старого Крыма, был составлен генеральный план с нанесением всех существующих остатков древних сооружений, осуществлены зондажные раскопки медресе около мечети Узбека, которые выявили остатки сооружений, дюрбе, надгробий, керамики, бытовых предметов. Разведочные работы были проведены на ряде других памятников золотоордынского периода. В частности, в Бахчисарае и его окрестностях обследованы мечети Аккаш, Хан-Джами,

³⁰ В послевоенное время кладбище было полностью уничтожено. На его месте сейчас простирается заброшенное поле. Сохранилось лишь несколько старых фотографий и десятка два каменных надгробий, перевезенных в Бахчисарайский музей.

³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 35.

Асма-Кую, Бурма-Чешме, Умерша-Эфенди, Сарлы-Чешме.

На кладбище поселка Азис – одного из важных культовых центров крымских татар – были осмотрены и сфотографированы дюрбе (мавзолеи) Бей-Юде-Султан, Ахмед-Бей, Мехмед Герай, Мехмед-Бей, мечеть (она же – текие дервишей) с малым минаретом, некоторые надгробные памятники (т. к. почти вся окружающая их территория была сплошным кладбищем), минареты Азиза Малик-Аштера и др. На кладбище Кыр-Клар (Кырк-Азислер) была продолжена работа по описанию надгробий XIV–XVI вв. и расшифровке эпитафий 146 надгробий и архитектурных фрагментов. Неоценимый вклад в их исследование принадлежит крымско-татарским исследователям Осману Акчокраклы и Биляла Джапарову³². Им удалось расшифровать многие надмогильные надписи в Старом Крыму, Чуфут-Кале, Отузе и выявить корпус татарских тамг в Крыму (Акчокраклы, 1927а; 1927б).

Исследования А. С. Башкирова и его коллег в Эски-Юрте, Старом Крыму и других центрах легли в основу классификации средневековых мусульманских надгробий Крыма (рис. 91, 92). К сожалению, результаты этой работы были изложены лишь в краткой статье [16]. Одним из главных выводов экспедиции стала концепция о значительном влиянии на архитектуру крымских татар в XIV–XVI вв. сельджукского компонента из Малой Азии. Башкиров выделял это влияние как в памятниках монументального зодчества, так и в деталях резного орнаментального декора каменных сооружений. В подтверждение гипотезы приводилось подробное описание солхатской медресе-мечети «времен хана Узбека», датированной 1314 г. В отчете 1926 г. ученый предпринял попытку реконструкции первоначального облика исследованного памятника и привел еще один пример сельджукского влияния в архитектуре – мечеть Куршум-Джами в Старом Крыму, сохранявшую основные архитектурные черты сельджукизма и, вместе с тем, отличавшуюся планировкой от медресе-ме-

Рис. 92. Старый Крым. Фото 1925 г. Медресе. А. С. Башкиров и И. Н. Бородин у захоронения с надгробным камнем (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 29. Л. 39).

чети Узбека. Результаты этих исследований А. С. Башкирова нашли отражение в печати [17; 19; 25].

27 февраля 1927 г. в Музее восточных культур открылась выставка научно-исследовательских работ экспедиции по исследованию татарской культуры в Крыму с демонстрацией археологических экспонатов. На ней были представлены: коллекция золотоордынских и крымско-татарских монет (начиная с XIII в.), образцы керамики (центром производства которой был Солхат), планы и чертежи, выполненные сотрудниками Солхатской экспедиции, а также многочисленные эстампы и фо-

³² В архиве А. С. Башкирова сохранились документы о работах по исследованию надгробных памятников, проведенных в 1926 г. в Старом Крыму. Среди них – фотографии, блокнот с фиксацией надгробий, тетради с зарисовками и расшифровкой надписей, выполненные О. Акчокраклы и Б. Джапаровым (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 34, 36, 37).

Рис. 93. Биляр. Фото 1929 г. А. С. Башкиров руководит раскопками городища (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 57. Л. 23).

тографии надгробий с надписями на арабском и старотатарском языках. В подготовке выставки участвовали А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин при участии студентов В. Н. Чепелева и А. Л. Якобсона (Войтов, 2003, с. 85). С октября 1927 г. Алексей Степанович включился в подготовку материалов для сводной Кавказской выставки. Кроме того, он также обязался подготовить для нее графические материалы по результатам своих исследований в Дагестане и Абхазии (там же, с. 88).

1920-е годы явились также важной вехой в археологическом изучении раннесредневековых памятников Таманского полуострова. Возобновление исследований, прерванных во время революции и Гражданской войны, – безусловно, заслуга профессора А. С. Башкирова. В 1924 г. им проведены археологические разведки средневековых памятников в окрестностях хутора Уташ под Анапой, где был исследован большой христианский некрополь со множеством каменных надгробий. В этих изысканиях (с 1924 г.) принимали участие сотрудники Кубанского научного музея, который в те годы возглавлял педагог, археолог и краевед А. Ф. Лещенко. Алексей Степанович вместе с А. А. Миллером оказывал помощь музею

в проведении различных выставок, подбирая экспонаты из раскопок, делал доклады, развивал связи с местными краеведческими организациями. Материалы, полученные в результате археологических раскопок Башкирова, стали основой создаваемой в Кубанском научном музее археологической коллекции по древней и средневековой культуре кавказских народов.

С целью продолжения археологических исследований в Крыму и на Тамани А. С. Башкиров организовал в 1925 г. инициативную группу по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов [29] и привлек к работе в ней аспирантов Института археологии и искусствознания РАНИОН В. Д. Блаватского, М. М. Кобылину и Л. П. Харко. Летом 1926 г. удалось профинансировать работы Таманской экспедиции из средств Главнауки НКП РСФСР, РАНИОН, 1 МГУ и Краснодарского пединститута. Экспедиция провела масштабные рекогносцировочные поиски по выявлению древностей Керченского и Таманского полуостровов (Археологические экспедиции, 1962, с. 43). В ходе исследований на топографическую карту Тамани было нанесено множество античных памятников, нуждавшихся в охранных раскопках, в том числе Фанагория.

Рис. 94. Биляр. Фото 1929 г. А. С. Башкиров руководит раскопками Билярского городища (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 57. Л. 11).

Башкиров впервые обратил внимание на раннесредневековые памятники региона и зафиксировал их близ Северных садов, в окрестностях г. Темрюк, в районе Титаровского и Кизилташского лиманов, в урочище Кучугуры, к северу от станицы Сенной (городище античных Кеп), у станицы Таманской и в других пунктах [22; 26; 28]. Сотрудники экспедиции оказывали помощь местным музеям в налаживании учета и систематизации памятников археологии и музейных коллекций.

В 1927 г. Таманская экспедиция РАНИОН и 1 МГУ под руководством А. С. Башкирова про-

должила обследование памятников Таманского полуострова и прилегающих территорий [32]. В экспедиции приняли участие студенты-практиканты этнологического факультета 1 МГУ, сотрудники ГИМ и ГМИИ, ученые ряда краснодарских учреждений и местные археологи-краеведы С. Ф. Войцеховский, А. Г. Остроумов, Н. А. Захаров, А. Ф. Лещенко, а также аспиранты Башкирова С. В. Разумовская и Л. П. Харко (Александрова, 2015). Рекогносцировочные работы затронули обширную территорию от Анапы до мыса Тузла. Обследовались городища Фанагория и Семибратнее, несколько десятков древних поселений и курганов. Археологическое обследование (с топографической съемкой, зондажным изучением культурного слоя городищ и поселений, выявлением грунтовых и курганных могильников и др.) сопровождалось геологическим. Важную роль в этих работах играла фотофиксация памятников и материалов раскопок и сборов³³. К сожалению, масштабы проведенных в 1926-1927 гг. исследований на Тамани оказались несоизмеримыми с опубликованными результатами: А. С. Башкирову удалось издать лишь тезисы доклада на Керченской конференции археологов СССР [22], небольшой обзор экспедиционных работ [26], краткий историко-археологический очерк Тамани [28] и информацию о выставке материалов Таманской экспедиции [29].

В 1928 г. А. С. Башкиров стал членом Ученого совета Музея восточных культур. На научных заседаниях совета в рамках обсуждения проектов по изучению тюркской культуры в СССР были заслушаны его доклады: «Задачи тюркской археологии», «Обследование Дагестана летом 1927 г.», «Художественные памятники древнего Солхата», «Археологическое обследование Абхазии осенью 1927 г.», а также сообщение о полевых работах «Летние работы в Билярске, на Тамани и в Хорезме» (Войтов, 2003, с. 88, 91, 106, 108, 125). В тот момент работы ученого в различных регионах СССР были подчинены общей тематической задаче, связанной с плановым изучением торговых и караванных путей, соединявших в древности Сред-

³³ Материалы Таманской экспедиции 1926-1928 гг. (зарисовки, планы, схемы, фотографии, библиографические выписки) отложились в архиве А. С. Башкирова (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 64-76).

нюю Азию с Поволжьем и Крымом (там же, с. 24).

Летом 1928 г. А. С. Башкиров, один из ведущих специалистов по средневековой археологии Поволжья, принял участие в экспедиции по изучению болгаро-татарской культуры, организованной НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН, Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения ЦИК СССР и Академическим центром Татнаркомпроса. В состав экспедиции входили представители научных и краеведческих организаций Казани (Дом татарской культуры, Научное общество татароведения, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Музейный отдел НКП ТССР, Центральный музей ТССР и др.), в том числе археологи Н. Ф. Калинин, Л. И. Вараксина, З. А. Акчурина, географ В. Н. Сементовский. Археологические разведки в Казанском Кремле, а также в районе Старой Казани (Русско-Урматское селище и Камаевское городище) велись под руководством И. Н. Бороздина (1929). А. С. Башкиров провел рекогносцировочные изыскания на Билярском городище и в его округе [36].

В 1929 г. работы Поволжской этнолого-археологической экспедиции по изучению болгаро-татарской культуры, проводимой НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН под руководством А. С. Башкирова³⁴, были продолжены (рис. 93, 94, 95). В них вновь участвовали представители разных организаций ТССР (В. Н. Сементовский, Н. И. Воробьев, Н. Ф. Калинин, Н. Б. Векс-

Рис. 95. Биляр. Фото 1929 г. Участники раскопок Билярского городища и местные жители (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 57. Л. 11).

лин, Н. И. Ашмарин и др.), краеведы, аспиранты и студенты. Раскопки (проводимые вместе с Н. Ф. Калининым) велись на Билярском³⁵, Джукетауском и Болгарском (оборонительные сооружения) городищах. В ходе работ, помимо археологического изучения культурного слоя и выявленных в нем объектов и находок, исследовались строительно-конструктивные и архитектурно-художественные особенности культовых и мемориальных болгарских домонгольских и золотоордынских сооружений, болгарские и болгаро-татарские эпиграфические памятники³⁶. В рамках сотрудничества Академического центра НКП ТССР и Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН удалось издать книгу А. С. Башкирова «Памятники болгаро-татарской культуры на Волге» [35], посвященную изучению оборонительных сооружений Болгара и его главных архитектурных памятников – Четырехугольника, Большого минарета и Белой Палаты, исследованных в 1919 г. экспедицией Самарского

³⁴ В архивных документах одним из руководителей экспедиции указан Ю. В. Готье.

³⁵ См. об оценке исследований А. С. Башкирова на Билярском городище: (Руденко, 2014, с. 73).

³⁶ В архиве ученого сохранились материалы раскопок в Болгаре и Биляре в 1928-1929 гг. – дневники и краткие отчеты, составленные Н. Ф. Калининым, А. И. Некрасовым, А. Рахимом, А. А. Баишевой, А. Хамитом, З. Т. Тагировым, А. К. Буlichem; таблицы находок; планы раскопок, фотографии (ОПИ ГИМ. Ф. 548. Ед. хр. 47-60), а также материалы раскопок в Джукетау – планы, глазомерная съемка, профили валов и рвов, чертежи, выполненные Н. Ф. Калининым и Л. И. Вараксиной (там же. Ед. хр. 61) и рисунки фрагментов билярской керамики (там же. Ед. хр. 62).

университета и губернского музея. Раскопки Башкирова на крупнейших болгарских археологических памятниках стали продолжением дореволюционных исследований, осуществлявшихся Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, но, к сожалению, они стали эпизодом в многогранной деятельности ученого тех лет и не вылились в долгосрочную программу исследований городов Волжской Булгарии.

В 1920-е гг. А. С. Башкиров, признанный специалист по архитектуре, античным и средневековым древностям юга России, принимал активное участие во всех съездах, конференциях, совещаниях и встречах археологов, музейных деятелей, краеведов тех лет: 1 съезде краеведов Черноморского побережья и Западного Кавказа в Сухуми (1924), 2 съезде – в Батуми (1925), 1 Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку (1926). Алексей Степанович входил в московский комитет по организации 1 конференции археологов СССР в Керчи – в честь 100-летия Керченского музея (1926). На самой конференции он выступил с докладом «Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов» [17] в секции тюрко-татарской археологии и «Новости археологических исследований за лето 1926 г. на полуострове Тамани» [22] – в секции ирано-эллинической археологии. В 1927 г. Башкиров был активным участником 1 съезда Российского общества по изучению Крыма, проходившего в Симферополе. В то же время по неясной для нас причине он не смог участвовать во Второй конференции археологов СССР в Херсонесе по случаю столетия херсонесских раскопок³⁷. В адрес конференции от его имени поступила приветственная телеграмма (Вторая, 1927, с. 18).

ГОД «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА». АРЕСТ И ССЫЛКА

1920-е годы были наиболее активными и плодотворными в научной деятельности уче-

ного: А. С. Башкиров опубликовал около 40 статей, ряд брошюр и монографий [6-46]. Однако на рубеже десятилетий положение советских ученых стало резко ухудшаться (Формозов, 2006, с. 204). 1929 год – год «великого перелома» – ознаменовался насильственным внедрением марксизма в научную и преподавательскую сферу, представители «старой» школы в науке, обвиняемые в антимарксизме, буржуазном формализме, расизме, подверглись гонениям. На этом фоне усилилась чистка преподавательского состава вузов и избавление от «буржуазной» профессуры. Краеведение и музееведение, активно развивавшиеся в двадцатые годы, по сути, были ликвидированы или срочно перестраивались на «марксистские рельсы». Непоправимый урон был нанесен высшему гуманитарному образованию. В 1930 г. Башкиров успешно прошел партчистку в 1 МГУ (Войтов, 2003, с. 438) и был назначен заведующим кафедрой археологии историко-философского факультета (Ильиченко, 2004, с. 336), однако уже в 1931 г. кафедра была закрыта.

В Государственном Историческом музее, где работал ученый, также прошли чистка и изгнание «буржуазных» специалистов. 17 сентября 1929 г. с формулировкой «по рационализации работы музея» были уволены многие старейшие сотрудники, в том числе В. А. Городцов. В музее был ликвидирован археологический отдел. Вместо него возник сектор истории развития общественных форм с отделами по отраслям исторического быта. Как свидетельствуют документы научно-ведомственного архива ГИМ в 1929-1933 гг. А. С. Башкиров числился сотрудником отдела быта национальностей (Клюшкина, 2014, с. 274). В эти годы им проведены Северокавказская (1930) и Среднеазиатская (1931) археологические экспедиции. В 1929 г. в составе Куны-Ургенчской экспедиции под руководством А. Я. Якубовского и Н. Б. Бакланова Алексей Степанович участвовал в архитектурно-археологических исследованиях в Куны-Ургенче (Археологические экспедиции, 1962, с. 63). Помимо Ургенча, ему удалось совершить поездки в другие средне-

³⁷ Имя А. С. Башкирова отсутствует в списке членов конференции (Вторая, 1927, с. 6-8).

вековые города Средней Азии: Хорезм, Мерв, Самарканд, Бухару, Термез, Ашхабад и др., в ходе которых было продолжено изучение археологических и архитектурных памятников, разнообразного археологического и этнографического материала в местных музеях. К сожалению, ученый был лишен возможности обработать, обобщить и опубликовать обширный собранный материал; он сохранился в его личном архиве³⁸.

В 1933 г. А. С. Башкирова уволили из Государственного Исторического музея. Вероятно, предвидя такой поворот судьбы, он заручился поддержкой в Научно-исследовательском институте художественной промышленности (1932-1934) и Всесоюзной академии архитектуры (1934). Помимо увольнений началась кампания травли некоторых ученых в печати, напрямую коснувшаяся и Башкирова. Появились провокационные, клеветнические рецензии, в которых говорилось о нем, как о человеке несерьезном, пишущем о чем угодно, всегда плохо и в чуждом для советской науке духе; его критиковали за вредные исходные установки, дилетантизм, антимарксизм и проповедь расизма. А. А. Формозов в этой связи писал: «Так, в хронике “Сообщений ГАИМК” было отмечено, что 19 марта 1931 г. по докладу Башкирова на секции социально-экономических формаций Института народов Советского Востока была принята резолюция: “Доклад т. Башкирова совершенно несостоятелен с точки зрения методологической, страдает не критическим отношением к источникам и представляет собой чисто описательную механическую компиляцию, не дающую раскрытия классовой природы и феодальных отношений Поволжья”» (Формозов, 2006, с. 232).

В 1932 г. в тех же «Сообщениях» появилась написанная в памфлетном стиле статья К. В. Тревер «Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья» о книге Башкирова про резные камни Дагестана [45]. «Так или иначе, в “Сообщениях ГАИМК” говорилось не только о реальных ошибках в книге Башкирова (ведь востоковедом он не был), не только о неудач-

ных стилистических выражениях (вроде вынесенных в заголовок статьи), но и о вещах куда более серьезных. Башкиров — типичный представитель РАНИОН, а там неверно понимали марксизм. Он “чистейшей воды формалист”, не порвавший со своей “классической школой”, пишущий в духе Ростовцева, Фармаковского, П. С. Уваровой и А. А. Бобринского, одним словом, чуждый советской науке человек. Отсюда вполне ясный вывод: “не пора ли подумать о целесообразности дальнейшего развития системы лихих выездов Башкирова в самые разнообразные районы СССР?”. Иначе говоря: не пора ли его убрать?» (Формозов, 2006, с. 232, 233; см. также: Ельницкий, 2014, с. 53, 56).

Несмотря на невзгоды начала 1930-х гг. А. С. Башкиров в этот период вместе с другими ведущими учеными Москвы пытался восстановить разгромленное репрессиями высшее гуманитарное образование, в частности, историко-археологическое и искусствоведческое. Встречи и обсуждения, проходившие в Комиссии по истории техники Дома ученых, а также в 1 МГУ (с В. А. Городцовым, Н. И. Новосадским, И. Н. Бороздиным, А. А. Захаровым и др.), должны были способствовать консолидации археологических кадров страны. Среди прочих обсуждались вопросы о необходимости создания кафедры археологии в МГУ и восстановления на базе университета запрещенных к преподаванию предметов гуманитарного цикла: археологии, этнографии, литературы, языка, искусства. Башкиров участвовал в организации и работе сектора археологии Государственной академии искусствознания (1931-1933) (рис. 96), Московского отделения ГАИМК. Вместе с сотрудниками ГИМ он включился в проект (в дальнейшем нереализованный) по созданию Дворца истории науки и техники (1932-1935) и др.

Подобная активность ученого не могла остаться незамеченной и закономерно привлекла пристальное внимание органов госбезопасности. В январе 1935 г. А. С. Башкиров был арестован органами НКВД и вместе с И. Н. Бороздиным и А. А. Захаровым проходил по

³⁸ В архиве ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Ед. хр. 10) сохранились фотографии памятников, этнографические заметки, доклады, прочитанные на заседаниях ГАИС в 1931 г. («Социально-экономические факторы в технике и искусстве керамики феодальной Средней Азии», «Феодальный город Средней Азии домонгольского времени» и др.), к сожалению, не опубликованные.

Рис. 96. Москва. Фото 17 октября 1931 г. Члены археологического сектора ГАИС: сидят слева направо: неизвестный, Н. И. Новосадский, П. А. Дмитриев, В. А. Городцов, С. В. Киселев, Т. С. Пассек, О. А. Кривцова-Гракова, неизвестный; стоят: О. Н. Бадер, А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, П. С. Рыков, А. С. Башкиров, Г. Ф. Дебец, Л. А. Евтюхова, Н. А. Прокошев, А. Я. Брюсов, А. П. Смирнов (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 470. Л. 53).

сфабрикованному делу о «контрреволюционном заговоре». Помимо контрреволюционной деятельности им вменялись агитация и пропаганда против советской власти, шовинизм и национализм, а Башкирову – еще и пантюркизм за связи с археологами Крыма и Поволжья. Ученый был выслан на три года в Казахстан (Ватлин, Канторович, 2001; Формозов, 2006, с. 228, 230-238, 240-242).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ. ВОЙНА. ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ. РАБОТА В ПРОВИНЦИИ

В 1938 г. Алексей Степанович вернулся из ссылки в Москву, но какой-то заметной роли с этого времени в научной жизни и в археологии уже не играл. Работу он смог найти лишь в Калининском педагогическом институте (1938-1948).

В начале Великой Отечественной войны институт, большая часть студентов и пре-

подавателей которого ушла на фронт, был с октября 1941 по январь 1942 г. эвакуирован в г. Глазов Удмуртской АССР. О жизни А. С. Башкирова в военные годы можно узнать из его письма В. А. Городцову (15.01.1942), в котором он сообщал: «1941 г. был для меня очень тяжелый. В тот момент, когда Вы были больной, я тоже лежал в больнице. В течение семи месяцев, пережив две операции, я был в смертельной опасности. У меня был перитонит, как следствие запущенного гнойного аппендицита. Кроме того, 30 сентября я попал в поезде под обстрел с фашистского самолета на дороге из Калинина в Москву»³⁹.

Так как с октября 1941 г. Калининский пединститут не работал, А. С. Башкиров был эвакуирован Наркомпросом в Казань. В этот период он обращался с просьбой к В. А. Городцову помочь найти работу в Москве. Более подробно о встрече с Башкировым Городцов написал в своем дневнике (8.10.1942): «Ко мне зашел профессор А. С. Башкиров, мой старый приятель <...> он сообщил о своей жизни и о своей болезни. Он последние годы читал и читает лекции в Тверском (Калининском) университете. В Тверь он ездит 2 раза в неделю, а иногда и больше. При частых разъездах по ж[елезной] д[ороге] он испытывал разные злоключения, но самое жуткое – это немецкие бомбежки поездов жел[езной] дороги. Башкирову пришлось испытать несколько немецких налетов на те поезда, в которых он ехал, но бросаемые бомбы с нем[ецких] аэропланов не попадали в вагоны. Исключение было одно. Поезд шел в Москву. Недалеко от Твери несколько аэропланов напало на поезд, и одна бомба попала в вагоны: убитыми оказалось 60 пассажиров и ранено более 100 человек, но вагон, в котором ехал Башкиров, остался цел, хотя в нем оказались

³⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 379. Л. 34.

разбитыми стекла окон. Один осколок стекла скользнул по лбу Башкирова и оставил черту от волос до переносья. Боли Б[ашкиров] почти не почувствовал, но кровь потекла струей. Отклонись на несколько миллиметров в сторону, осколок мог попасть в глаз. Это событие было осенью 1941 года. После этого Б[ашкиров] заболел очень опасно внутренностями и должен был вынести весьма тяжелую операцию»⁴⁰.

В 1942-1948 гг. А. С. Башкиров занимал должность заведующего кафедрой всеобщей истории в Калининском педагогическом институте, читал лекции по древней истории, проводил археологическую практику со студентами в Крыму, вел аспирантов. В июне 1944 г. под его председательством работала историко-археологическая комиссия при Ученом совете НИИ музейной и краеведческой работы НКП РСФСР, созданная для оказания необходимой помощи в деле послевоенного восстановления музеев Крыма (Андросов, 2004).

В 1945 г. А. С. Башкиров защитил докторскую диссертацию на тему «Антисейсизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, юг СССР)», изданную в 1945-1948 гг. в трудах пединститутов Москвы, Калинина и Ярославля [47-52]. Защита еще не реабилитированного ученого⁴¹, вероятно, состоялась, не без активной помощи видных московских археологов В. А. Городцова, А. В. Арциховского, Б. Н. Гракова и В. Д. Блаватского (Формозов, 2006, с. 216). Основой его фундаментальной четырехтомной монографии стали изыскания, начатые еще до революции и продолжавшиеся более четырех десятилетий⁴². В ней рассмотрены технические приемы антисейсмического строительства, их преемственность и развитие, выявлены принципы и методы организации архитектурно-строительной техники конструкций прошлого, дан обзор типов архитектур-

ных построек (в том числе сохранившихся руинированных памятников) и строительных материалов и др. Особое внимание обращено на развитие куполостроения в практике разных стран. Четвертый том монографии практически полностью посвящен антисейсмическим строительным приемам, применявшимся в Ольвии, на Босфоре и в Херсонесе. Разрушительное землетрясение 1927 г. в Крыму, свидетелем которого был Башкиров, также дало массу материалов для его исследований, в том числе для методики определения сейсмических нагрузок построек⁴³. К сожалению, этот главный труд ученого, изданный тиражом всего 300 экземпляров, остался практически неизвестен широкому кругу исследователей.

Как свидетельствуют материалы архива А. С. Башкирова, в последующие годы он продолжил разработку данной темы, активно работая над рукописью книги «Сейсмическая устойчивость исторических памятников Средней Азии и Закавказья». В 1949 г. им была подготовлена и сдана в Государственное издательство архитектуры и градостроительства монография «Очерки по истории архитектурных конструкций Средней Азии и Закавказья». Однако работа над рукописью затянулась на долгие годы, и в итоге книга по разным причинам так и не была опубликована⁴⁴.

В МОСКОВСКОМ И ЯРОСЛАВСКОМ ПЕДИНСТИТУТАХ. РАСКОПКИ ПАТРЕЯ

В 1948 г. А. С. Башкиров перешел на работу в Московский пединститут им. В. П. Потемкина⁴⁵ (в 1948-1949 гг. зав. кафедрой древней истории); здесь он читал спецкурсы по археологии и искусству античности. В последующие годы его педагогическая деятельность была

⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 356. Л. 161 об., 162.

⁴¹ А. С. Башкиров будет реабилитирован только после смерти Сталина, в 1955 г.

⁴² Подготовительный материал к этой работе (выписки, заметки, чертежи, фотографии и др.) сохранился в архиве А. С. Башкирова (ОПИ ГИМ. Ф. 598).

⁴³ Заметки А. С. Башкирова о землетрясении 1927 г. в Крыму, а также фотографии руин архитектурных памятников, храмов, жилищ, застигнутых стихией, сохранились в архиве ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 598).

⁴⁴ В 1953 г. в своей докладной записке в издательство А. С. Башкиров предложил новое название переработанной книги – «Тектоника и конструкция исторической архитектуры Юга СССР: ч. I. Средняя Азия, ч. II. Кавказ», объемом 45 печатных листов. Ее структура и основное содержание изложены в аннотации и плане, приложенных к записке (Ф. 598. Ед. хр. 298).

⁴⁵ С этого времени и до конца жизни А. С. Башкиров жил в Москве по адресу: Большевицкий (с 1993 г. Гусятников) пер., д. 4, кв. 2.

связана также с Ярославским пединститутом им. К. Д. Ушинского (до 1962 г.), где он возглавлял аспирантуру и кафедру всеобщей истории на историческом факультете и вел курсы археологии и истории древнего мира. Спустя почти двадцать лет ученому удалось наконец-то вернуться к своей любимой античной тематике.

В 1948 г. для исследования городища Патрей на Таманском полуострове (один из памятников Боспорского царства) А. С. Башкиров организовал объединенный коллектив из сотрудников и студентов трех московских (им. Ленина, им. Крупской, им. Потемкина), Калининского и Ярославского педагогических институтов и Саратовского университета. Это было, несомненно, новаторское начинание ученого, стремившегося создать свою научную школу и поставить научно-исследовательские работы на Тамани на более прочную финансовую и организационную основу. Подобной практики совместной деятельности по ведению научно-исследовательских работ и педагогическо-преподавательской подготовки в рамках кафедр, изучавших среди прочих дисциплин классическую историю и археологию, в СССР еще не было. Раскопки античного Патрея велись в 1948-1951, 1960, 1961 гг. Отчеты о результатах работ регулярно публиковались, а некоторые вышли уже после смерти ученого [53; 55; 57; 58].

В 1957-1961 гг. исследования и раскопки под руководством А. С. Башкирова велись также в Армении, Грузии, Абхазии. Результаты этих исследований остались неопубликованными. Большой массив материалов сохранился в архиве ученого. К сожалению, крупных работ (кроме отчетов о раскопках) в этот период ему не удалось опубликовать. Известно, что в 1961 г. он был ответственным редактором VI выпуска «Херсонесского сборника». В этом же году совместно с В. П. Пачулиа, начальником Отдела охраны памятников культуры Министерства культуры Абхазской АССР, была подготовлена книга «Лыхны»⁴⁶.

POST SCRIPTUM. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Всю свою жизнь Алексей Степанович Башкиров посвятил любимой археологии и стал яркой фигурой в отечественном антиковедении. Любовь к античным памятникам он пронес через всю жизнь, не прекращая работу по их изучению до конца жизни. Гонения на академическую науку, репрессии 1930-х годов сломали успешно развивавшуюся научную карьеру и, вне всякого сомнения, сказались на судьбе ученого, не позволив в полной мере раскрыться его большому исследовательскому потенциалу. В итоге Башкирову не удалось довести до конца многочисленные задумки и проекты, опубликовать в полном объеме материалы своих экспедиций, не говоря уже об обобщении результатов этих исследований. На протяжении почти пятидесяти лет Алексей Степанович вел кропотливую полевую и кабинетную работу. Она заключалась не только в организации и проведении экспедиций и раскопок. Им проведены поиски, учет и описание многих десятков археологических памятников. Его исследования позволили внести существенный вклад в археологическое изучение Крыма, Тамани, Гераклеяского полуострова, Среднего Поволжья, Северного Кавказа и Средней Азии. Они стали базой не только для собственных работ ученого, но прежде всего его учеников и последователей (Л. П. Харко, В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, А. Л. Якобсон, К. В. Голенко и др.). Большая черновая работа А. С. Башкирова в науке была зачастую первопроходческой. Это и изучение городов и городской культуры Волжской Булгарии, и средневековая история и археология Крыма, Северного Кавказа и Средней Азии, и античные древности Тамани, и главное его дело в науке – антисейсизм древней архитектуры. Эти направления исследований продолжают оставаться актуальными в отечественной археологической науке во многом благодаря трудам А. С. Башкирова, его учеников и последователей.

И. В. БЕЛОЗЕРОВА, С. В. КУЗЬМИНЫХ

⁴⁶ Предполагалась публикация очерка по истории и археологии Лыхны (с рисунками, чертежами, планами, таблицами). Он был издан уже после смерти А. С. Башкирова и без его авторства (Пачулиа, 1964).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Александрова Н. В. Организация археологической работы ГМИИ в 1920-1930-х гг. в переписке Л. Н. Харко (по материалам отдела рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина // РА. 2015. № 3. С. 163-175.

Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. 1927а. Т. 1 (58). С. 5-10.

Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // ИКрымПИ. 1927б. Кн. 1. С. 32-47.

Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // IV Таврические научные чтения [Крым. респуб. краевед. музея] (г. Симферополь, 23 мая 2003 г.): Сб. науч. статей. Симферополь: Тритон, 2004. С. 11-24.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919-1956 гг.): Указатель / Под ред. Н. Н. Воронина, М. А. Тихановой. М.: АН СССР, 1962. 263 с.

Бгажэба О. Х. История изучения средневековых памятников Абхазии // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси: Мицниереба, 1967. С. 115-128.

Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Симферополь: Гос. дворец-музей татар. культуры в Бахчисарае, 1930. 31 с. (Отдел. оттиск из: Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Вып. 2. Симферополь: Крымплан, 1930).

Бороздин И. Н. Новейшие археологические открытия в Крыму: (Раскопки на Гераклейском полуострове). М.: ВНАВ, 1925. 30 с.

Бороздин И. Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановской церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Вып. 3. Казань, 1929. С. 37-40.

Ватлин А. Ю., Канторович А. Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 года) // РА. 2001. № 3. С. 123-131.

Винокуров Н. И. Судьба археолога или археологическая судьба: профессор А. С. Башкиров // Электронный ресурс: <http://artezian.info/aae/?p=558> (30.01.2012).

Винокуров Н. И. Профессор А. С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования // Сборник научных статей. Выпуск XVII. Керчь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Центр археологических исследований БФ «Деметра». 2016. С. 92-117.

Войтов В. Е. Материалы по истории Государственного музея Востока (1918-1950). Люди. Вещи. Дела. М.: ГМВ; СканРус, 2003. 495 с.

Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927 года / Ред. А. Н. Деревницкий, К. Э. Гриневич, Н. Л. Эрнст. Севастополь: Издание Херсонесского музея, 1927. 67 с.

Городцов В. А. Краткий отчет о деятельности Археологической секции Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы за 1918–1922 годы // СА. 1985. № 4. С. 269-271.

Длужневская Г. В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859-1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.

Зудина В. Н. Самарское Общество археологии, истории, этнографии и естествознания: Археологические изыскания // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5: «Золотое десятилетие» самарского краеведения / Сост. Э. Л. Дубман, В. Н. Зудина; науч. ред. Э. Л. Дубман, П. С. Кабытов. Самара: Самарский университет, 2008а. С. 12-93.

Зудина В. Н. Архивное и музейное «строительство», Самарский истпарт: Музейное «строительство» // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5: «Золотое десятилетие» самарского краеведения / Сост. Э. Л. Дубман, В. Н. Зудина; науч. ред. Э. Л. Дубман, П. С. Кабытов. Самара: Самарский университет, 2008б. С. 309-395.

Ельницкий Л. А. Три круга воспоминаний. На паперти храма науки. М.: АГРАФ, 2014. 368 с.

Ильченко Е. В. (сост.). Летопись Московского университета. В 3-х т. Т. 1: 1755-1952. М.: Изд-во МГУ, 2004. 624 с.

[Клюшкина И. В.] (сост.). Отдел археологических памятников Государственного исторического музея: краткая историческая хроника. Часть первая: 1873-1935 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М.: ГИМ, 2014. С. 272-275. (ТГИМ. Вып. 201)

Кузьминых С. В., Белозерова И. В. Василий Алексеевич Городцов и Казань: поездка 1920 года // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 186-202.

Кузьминых С. В., Сафонов И. Е., Сташенков Д. А. Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Лысенко Ю. М. Деятельность археологических экспедиций в Дагестане. 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. Ч. 2. С. 141-143.

Малов Н. М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918-1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Научная книга, 2006. Вып. 4. С. 4-28.

Новосадский Н. И. Неизданные македонские надписи // ТСА РАНИОН. 1928. Т. II. С. 88-99.

Пачулиа В. П. В краю золотого руна: Исторические места и памятники Абхазии / Предисл. В. В. Струве. М.: Вост. лит., 1964. 128 с.

Пятышева Н. В. А. С. Башкиров [1885-1963. Некролог] // СА. 1963. № 3. С. 316-317.

Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Школа, 2014. 768 с.

Формозов А. А. Русские археологи до и после революции. М.: ИА РАН, 1995. 144 с.

Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х годов // РА. 1998. № 3. С. 191-206.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. 2. Македония и Рим. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. 435 с.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА А. С. БАШКИРОВА

1. Башкиров А. С. Историко-археологический очерк Крыма. Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства, 1914. 129 с. (КрымОЕЛП.)

2. Башкиров А. С. Историко-археологический очерк Крыма // Крым: Путеводитель / Под ред. К. Ю. Бумбера. Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства, 1914. С. 156-283.

3. Башкиров А. С. Археологическая поездка по южному берегу Мраморного моря Русского археологического института в Константинополе в феврале 1914 г. (Триглия, Елегми-Куршумлу и Паладарий) // Гермес. 1914. Т. 15, № 11/12. С. 354-362; № 13/14. С. 380-389.

4. Башкиров А. С. Поездка на неизвестное городище на вершине Филадар-Даг: (Мраморное море, залив Gemlik) // Гермес. 1915. Т. 16, № 7/8. С. 191-196; № 9/10. С. 231-239.

5. Башкиров А. С. Рец.: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. 2-е, пересмотр. изд. Киев: Типо-лит. Кульженко, 1914. IV+58 с., 10 л. ил., карт. : ил. // ЖМНП. 1915. Февраль, критика и библиография. С. 395-403.

6. Башкиров А. С. Отчето деятельности социально-исторического факультета Самарского государственного университета // ИСамарГУ. 1922. Вып. 3. С. 74-86.

7. Башкиров А. С. Отчет Семинария археологии и искусств Самарского государственного университета с 20 апреля 1919 по 20 сентября 1921 г. // ИСамарГУ. 1922. Вып. 3. С. 86-92.

8. Башкиров А. С., Ефимов П. Н. Отчет Общества археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете за I год его существования с 2.11.1919 по 2.11.1920 // ИСамарГУ. 1922. Вып. 3. С. 109-115.

9. Башкиров А. С. Прошлое Крыма: исторический эскиз: (Пособие экскурсантам).

М.: Изд. Содружества крымских культурных работников «Чатырдаг», 1923. 38 с., 7 ил., карт. (Серия «Библиотека Крыма»; № 2.)

10. Башкиров А. С. Изучение Самарского края в историко-археологическом, этнографическом и естественном отношении за последние годы // Новый Восток. 1923. № 4. С. 499-501.

11. Башкиров А. С. О деятельности Археологического отделения Научно-исследовательского института археологии и искусствознания в 1923/1924 учебном году // Древний мир. 1924. Вып. 1. С. 40-42.

12. Башкиров А. С. Крым в его прошлом // Крым. Путеводитель / Под общ. ред. И. М. Саркисова-Серазини. М.-Л.: Изд-во «Земля и Фабрика», 1925. С. 35-54.

13. Башкиров А. С. Доисторический человек горного Крыма: (Археологический этюд) // Крым. 1925. № 1. С. 21-22.

14. Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии за лето 1925 года // Второй краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа. Батум, 1925. Постановления и резолюции. Батум, 1925. С. 35-36.

15. Башкиров А. С. Художественно-археологические открытия в Крыму в 1925 г. // Второй краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа. Батум, 1925. Постановления и резолюции. Батум, 1925. С. 44-45.

16. Башкиров А. С., Боданинский У. А. Памятники крымско-татарской старины Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8-9. С. 295-311.

17. Башкиров А. С. Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 гг. // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926. № 2. С. 3.

18. Башкиров А. С. Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Корейш // ТСА РАНИОН. 1926. Т. 1. С. 54-63.

19. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2 (4). С. 108-125.

20. Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Известия Абхазского научного общества. Сухум, 1926. Вып. IV. С. 3-60.

21. Башкиров А. С. Археологические открытия на территории СССР за 1925 г. // Новый Восток. 1926. № 13-14. С. 499-452.

22. Башкиров А. С. Новости археологических исследований за лето 1926 г. на полуострове Тамани. Тезисы доклада // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926. № 5. С. 3-4.

23. Башкиров А. С. Рец.: Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея: (Исторический очерк). Керчь, 1926. 96 с. // Новый Восток. 1926. № 15. С. 353-354.

24. Башкиров А. С. Рец.: Ю. Ю. Марти. Путеводитель по керченским древностям. Керчь: Гос. Керч. археол. музей, 1926. 62 с. // Новый Восток. 1926. № 15. С. 353-354.

25. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1 (3). С. 122-144.

26. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Труды этнографо-археологического музея 1 МГУ. М., 1927. № 3. С. 26-40.

27. Башкиров А. С. Изучение памятников старины // Дагестанский сборник. Махач-Кала, 1927. Т. 3. С. 233-240.

28. Башкиров А. С. Тамань // Новый Восток. 1927. № 16-17. С. 280-289.

29. Башкиров А. С. [1] Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов НИИАиИ. [2] Выставка материалов Таманской экспедиции 1926 г. М.: РАНИОН, 1927. 9 с., 2 ил. (НИИ археологии и искусствознания и Этнологический факультет 1 МГУ.)

30. [Бороздин И. Н., Башкиров А. С.] Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925-1926 гг. М.: Музей восточных культур, 1927. 7 с., 2 ил.

31. Башкиров А. С. Боспорское царство // БСЭ. 1927. Т. 7. Стлб. 227-228.

32. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // ТСА РАНИОН. 1928. Т. III. С. 71-86.

33. Башкиров А. С. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 118-130.

34. Башкиров А. С. Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 4. С. 58-69.

35. *Башкиров А. С.* Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань: Татполиграф, 1928 (обл. 1929). 118 с., 15 табл.

Рец.: Гаффар А. // Татарстан. 1930. № 5. С. 29-30; Корнилов П. Е. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань, 1930. Вып. 4. С. 99-103.

36. *Башкиров А. С.* Экспедиция по изучению болгарско-татарской культуры летом 1928 года: (Краткие отчетные сведения) // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань, 1929. Вып. 3. С. 27-36.

37. *Башкиров А. С.* Очередные проблемы изучения болгаро-татарской культуры // Татарстан. 1929. № 3. С. 26-28 (на тат. яз.).

38. *Башкиров А. С.* Древние и средние века в истории Крыма: (Историко-археологический очерк). Симферополь: КрымГИЗ, 1929. 24 с. (Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы.)

39. *Башкиров А. С.* Древние и средние века в истории Крыма: (Историко-археологический очерк) // Крым. Путеводитель. Изд. 2-е. Симферополь: КрымГИЗ, 1929. С. 171-192. (Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы.)

40. *Башкиров А. С.* Древние и средние века в истории Крыма: (Историко-археологический очерк) // Крым. Путеводитель. Изд. 3-е. Симферополь: КрымГИЗ, 1929. С. 171-192. (Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы.)

41. *Башкиров А. С.* Дагестанское искусство // БСЭ. 1930. Т. 20. Стлб. 166-169.

42. *Башкиров А. С.* Греческие колонии на территории СССР // БСЭ. 1930. Т. 19. Стлб. 290-293.

43. *Башкиров А. С.* Искусственный акрополь Таманского полуострова // Труды Кабинета истории материальной культуры 1 МГУ. М., 1930. Вып. 5. С. 51-59.

44. *Башкиров А. С.* Петрографика Аварии // ТСА РАНИОН. 1930. Т. 5. С. 126-133.

45. *Башкиров А. С.* Искусство Дагестана. Резные камни. М.: РАНИОН, 1931. 118 с., 31 ил., 40 л. ил. (РАНИОН. Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР.)

46. *Башкиров А. С.* Резьба по камню и дереву в Дагестане // Художественная культура Советского Востока. М.-Л., 1931. С. 103-115.

47. *Башкиров А. С.* Антисейсмизм древней архитектуры. Из истории конструкций (Египет, Месопотамия, Иран, Греция, Италия, юг СССР). [Тезисы к докторской диссертации] // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. 1945. Вып. VII. С. 1-25.

48. *Башкиров А. С.* Антисейсмизм древней архитектуры. [I]. 1. Египет // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. 1945. Вып. VII. Прил. 1. С. 1-17.

Рец.: Н. Н. Пикус // ВДИ. 1948. № 2. С. 102-104.

49. *Башкиров А. С.* Антисейсмизм древней архитектуры. [I]. 2. Месопотамия. 3. Иран // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. 1945. Вып. X. С. 3-89.

Рец.: Н. Н. Пикус // ВДИ. 1948. № 2. С. 102-104.

50. *Башкиров А. С.* Антисейсмизм древней архитектуры. [II]. Греция. М., 1949. 338 с. (Уч. зап. Москов. гор. пед. ин-та. Вып. XIII. Вып. 1.)

Рец.: Учитель. газета. 1949. 8 окт.

51. *Башкиров А. С.* Антисейсмизм древней архитектуры. III. Италия. Из истории конструкций. Калинин, 1948. 293 с., 200 ил. (Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. XIV. Вып. 1.)

Рец.: Н. И. Сокольский // ВДИ. 1949. № 2. С. 169-176.

52. *Башкиров А. С.* Антисейсмизм древней архитектуры. IV. Юг СССР. Из истории конструкций. 1. Ольвия. 2. Боспорское государство. 3. Херсонес. Калинин, 1948. 398 с., 200 ил. (Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. XIV, вып. 2.)

53. *Башкиров А. С.* Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 года // Уч. зап. Моск. город. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1949. Т. XIII. Вып. 2. С. 133-156.

54. *Башкиров А. С.* Приложение: Таманский музей // Уч. зап. Моск. город. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1949. Т. XIII. Вып. 2. С. 157-176.

55. *Башкиров А. С.* Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949-1951 гг. (На террито-

рии древнего города Патрея) // Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. XXII. С. 309-382.

56. Башкиров А. С. Историко-археологические задачи в изучении антисейсмических конструкций на базе древней архитектуры южного Кавказа (Армении и Грузии) // XII научная конференция (Ярослав. гос. пед. ин-т). Тез. докл. Ярославль, 1957. С. 36-37.

57. Башкиров А. С., Мурыгина Н. Ф., Никонов И. Е. Отчет о раскопках древнего города Патрея (1961-1962 гг.) // Уч. зап. МГПИ. 1964. № 217. С. 236-249.

58. Башкиров А. С. Из истории Патрея в III-I вв. до н. э. : (По материалам Таманской археологической экспедиции 1949-1951 гг.) // Записки Одесского археологического общества. 1967. Т. 2 (35). С. 90-98.

Литература о А. С. Башкирове: Н. В. Пятыева. А. С. Башкиров [1885-1963. Некролог] // СА. 1963. № 3. С. 316-317; Татарский энциклопедический словарь. Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 1999. С. 67;

А. Ю. Ватлин, А. Р. Канторович. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 года) // РА. 2001. № 3. С. 123-131; Татарская энциклопедия. В 6 т. Т. 1: А-В. Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 2002. С. 324; В. Е. Войтов. Материалы по истории Государственного музея Востока (1918-1950). Люди. Вещи. Дела. М.: ГМВ; СканРус, 2003. С. 47, 70, 73, 85, 88, 91, 92, 106, 108, 125, 438; А. А. Формозов. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. С. 226-243; Н. И. Винокуров. Судьба археолога или археологическая судьба: профессор А. С. Башкиров // Электронный ресурс: <http://artezian.info/aae/?p=558> (30.01.2012); Ю. М. Лысенко. Деятельность археологических экспедиций в Дагестане. 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. Ч. 2. С. 141-143.

2.3. БОДАНИНСКИЙ УСЕИН АБДУРЕФИЕВИЧ

КРАТКИЙ ОБЗОР МУЗЕЙНОЙ И ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Этнографические и археологические исследования мусульманских памятников Крыма неразрывно связаны с именем ученого и художника Усеина Абдурефиевича Боданинского (01.12.1877 – 17.04.1938).

Семья Усеина оказала большое влияние на формирование его личности. Просветительской деятельностью занимались его дед – Асадулла-эфенди и отец – Абдурефи Садлаевич Боданинский, который был преподавателем Симферопольского народного татарского училища, составил первый в Крыму «Русско-татарский букварь для чтения в первоначальных народных школах» (1873 г.), был хорошо знаком с известным просветителем И. Гаспринским (Черкезова, 2003). Не меньшее влияние на У. Боданинского оказал и занимавший активную общественную позицию старший брат Али (1866-1920), в семье которого, после смерти отца, жил и воспитывался Усеин¹.

О месте рождения У. Боданинского точно не известно. По одним данным – деревня Бодана (Бадана, Бадан) Симферопольского уезда (Люди и судьбы, 2004; Урсу, 2004, с. 113), по другим – ул. Татарская в г. Симферополь. Художественные способности Усеина проявились с раннего детства и благодаря содействию татарского общества взаимопомощи, после окончания народной школы – мектеба (1888)

и Симферопольской татарской учительской школы (1889-1896) (Прохоров, 2012, с. 30), он был отправлен в Московское Строгановское художественно-промышленное училище. Здесь, на факультете декоративного отделения (мастерская К. А. Коровина) получил специальность художника по прикладному искусству (Асанова, 2013, с. 138). Деньги на поездку, проживание и учебу были выделены почетным попечителем СТУШ И. Муфтий-заде (Прохоров, 2012, с. 30). После окончания училища в 1905 г. занялся преподавательской деятельностью: преподавал графику (рисование) в Симферопольском семиклассном коммерческом училище по приглашению его директора А. А. Фомина (Эминов, 2013, с. 235-236), а в 1907 г. был приглашен в деревню Лигачево Московской губернии на должность руководителя художественно-промышленной школы филиала Строгановского училища (Козлов, 1999, с. 59). С 1907 по 1909 гг. У. А. Боданинский стажировался в Стамбуле, Париже, Мюнхене и Дрездене, а в 1912 г. изучает живопись эпохи возрождения в Италии (Рим, Венеция, Флоренция, Сиена) (Нагорняк, 2013, с. 170). Еще одна поездка в Турцию была предпринята У. А. Боданинским «с целью набора квалифицированного педагогического состава для татарского населения Крыма» (Эминов, 2013, с. 242).

В 1909 г. У. А. Боданинский был назначен на должность преподавателя вечерних классов рисования, а также заведующим учебной мастерской Московского Строгановского училища. В 1909 г. на Всероссийском конкурсе эскизам мебели, выполненным У. А. Боданинским, была присуждена первая премия (Урсу, 2004, с. 113). С 1911 по 1917 гг. он работал художником-декоратором в Санкт-Петербурге,

¹ Окончив с отличием Симферопольскую татарскую учительскую школу и получив в 1885 г. аттестат на звание учителя начального татарского училища, Али работал конторщиком в редакции бахчисарайской двуязычной газеты «Терджиман», а с 1886 по 1890 гг. учительствовал в татарской народной школе в Армянске. Выпустив первых учеников, он перевелся в крымско-татарскую школу Бахчисарая, но вскоре был изгнан из нее за участие в революционном кружке «Уриет северлер» («Вольнодумцы»), задачей которого было освобождение народа от власти богатых, освобождение женщин, обучение молодежи в европеизированных школах и т. д. (Черкезова, 2003). В течении двух последующих лет он был служащим у графа Мордвинова в Качинском управлении. В 1893 г. переезжает в Симферополь, где занимается литературной деятельностью. Его перу принадлежит перевод «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя, а в соавторстве с Марино и О. Мурасовым – «Пословицы, поговорки и приметы крымских татар», изданные в 1915 г. в 52 выпуске Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии, членом которой он являлся. На свои средства Али издал книги по социологии и открыл библиотеку, в которой были собраны книги по истории и этнографии. До 1917 года Али работал секретарем в государственном управлении «Таврида». В марте 1917 г. Али Боданинский был назначен секретарем Центрального мусульманского исполнительного комитета, позднее – Курултая. На волне национального крымско-татарского движения в 1917 г. в Симферополе, при участии и редакторстве А. Боданинского, была создана газета «Голос татар», где также работал У. Боданинский и О. Акчораклы (Яблоновская, 2004, 174). Осенью 1918 г. Али Боданинский начал заниматься подпольной работой, открыто проявив несогласие с правлением Сулеймана Сулькевича. В 1919 году становится членом РКП(б), работал в составе Крымского совета народных комиссаров, в этом же году пошел воевать с белогвардейцами. Погиб в 1920 г., в местечке Кызыл Яр близ Мелитополя.

Рис. 97. Азис. Фото. 1924 г. Каменный минарет вид с юга.
У. А. Боданинский стоит на ступенях мембера (кафедры)
(ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 25. Л. 2).

где его эскизы интерьеров и золотошвейного ткачества завоевали несколько призовых мест в художественных конкурсах. К этому периоду относятся фотографические снимки декоративных изделий, опубликованные У. Боданинским в ежегодниках Московского архитектурного общества. В Санкт-Петербурге он на условиях найма выполнял заказы по оформлению ряда известных общественных зданий и частных особняков (Козлов, 1999, с. 59). Часть из них – вместе с известным архитектором И. А. Фоминым, младшая сестра которого, Ольга Александровна, стала первой женой У. А. Боданинского (Эминов, 2013, с. 236).

В начале 1916 г. У. А. Боданинский принял решение возвратиться в Бахчисарай и с этого периода большую часть времени проводит в Крыму, изучая историю и материальную куль-

туру крымских татар (Эминов, 2013, с. 236). Уже летом 1916 г. в беседе с известным тюркологом А. Н. Самойловичем, посетившим Бахчисарай, У. А. Боданинским обсуждались вопросы археологического и этнографического изучения Крыма (Мусаева, 2007, с. 22). Полученные знания и опыт, очевидно, требовали своей реализации. Еще в конце XIX – начале XX в. Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК) подняла перед Императорской Археологической комиссией (ИАК) вопрос о создании на территории дворца этнографического и исторического музея, как отделения музея древностей ТУАК, где были бы сосредоточены предметы истории и быта крымских татар. С 1900 по 1908 гг. вопросом организации музея на территории дворца занималась особая научно-художественная комиссия, в особенности, ее члены – академик Н. П. Кондаков, архитекторы Н. П. Краснов и В. А. Фомин. В 1912 г. вопрос об образовании музея поднимался Петербургской Ученой архивной комиссией. По возвращении в Бахчисарай в 1916 г. У. Боданинский становится активным участником и одним из руководителей краеведческого движения, уровень развития которого требовал создания специальной комиссии по изучению исторического наследия крымских татар, состоявшей из представителей этого народа. Предполагалось, что впоследствии эта общность должно объединить усилия с Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы (Нагорняк, 2013, с. 171). 31 марта 1916 г. У. А. Боданинский возглавил созданный по инициативе местных художников, архитекторов и любителей искусства Бахчисарайский отдел (кружок) Петроградского «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины», одной из задач которого было создание в бывшем ханском дворце художественно-исторического музея. Заявление о его создании на имя Таврического губернатора было подано учредителями Бахчисарайского отдела 5 июля 1916 г., однако идея такого музея была воплощена только после Февральской революции 1917 г. Временный крымско-татарский (мусульманский) исполнительный комитет, образованный 25 марта 1917 г., взял дворец под свое управление и охрану, а 25 сентября

Рис. 98. Азис. Фото. 1924 г. У.А. Боданинский (в центре)
у дюрбе Мухамед-Шах-бея (Бейюде-Султан)
(ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д.25. Л. 10).

при поддержке Бахчисарайского отдела «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» и Комиссии по защите памятников назначил У. А. Боданинского временным директором дворца. Приказом Таврического губернского комиссара Н. Н. Богданова от 4 (17) октября 1917 г. за № 57, по согласованию с Временным правительством в Петрограде, У. А. Боданинский был назначен директором первого крымско-татарского национального музея – Бахчисарайского музея тюрко-татарской культуры (Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры, музея-хранилища татарского искусства, истории и этнографии). Эта дата принята датой его основания. Одновременно с музеем для воспитания будущих мастеров на музейных образцах на его территории

создается Татарская художественно-промышленная школа, директором которой стал А. А. Абиев.

В годы революции У. А. Боданинский отстоял дворец от посягательств административных и общественных организаций (для размещения канцелярии Бахчисарайского отдела управления вакуфами, штаба и канцелярии 2-го Крымского конного полка, для заседаний курултая и т. д.). Но в 1918 г. он все же был занят штабом 7-го Егерского полка, разграбившего дворец. В годы Гражданской войны музей продолжает свою деятельность, принимая посетителей и продолжая сборы коллекций.

Благодаря авторитету и энергии У. А. Боданинского, возглавлявшему музей в течение семнадцати лет, Бахчисарайский музей стал крупнейшим в Крыму. С первых дней своей работы в должности директора музея У. А. Боданинский вел активную деятельность по сбору экспонатов, сохранению культурного наследия, а также внес значительный вклад в популяризацию истории и искусства крымских татар. Активная позиция У. Боданинского в деле сохранения памятников была подробно отражена в его докладе «О мерах по защите и сохранению памятников татарского искусства в Крыму», прочитанном 26 сентября 1917 г. на заседании Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета (ВКМИК) (Ефимов, 1994, с. 214). Этот доклад – своеобразная программа деятельности, где помимо описания ремонтов, реставрации и состояния Ханского дворца, Боданинский обратил внимание на особое значение ряда мусульманских памятников Старого Крыма и Бахчисарая, в частности, именно тех, которые впоследствии исследовались при непосредственном его участии и руководстве. С целью их сохранения, У. А. Боданинский предложил создать из представителей Крымского татарского исполнительного комитета комиссию по защите и сохранению татарских памятников искусства и старины в Крыму. В компетенцию комиссии, в том числе, входили такие задачи, как «общее руководство охраной от разрушения и расхищения всего исторического достояния татарского народа»; «регистрация и изучение всех памятников архитектуры, скульптуры и художественной про-

мышленности»; «научная разработка всего обширного исторического материала» и т. д.

Так фактически была заложена идея планомерных исследований мусульманских памятников Бахчисарая, Карасубазара, Старого Крыма, которая в наиболее плодотворный период деятельности У. Боданинского – 1920-е гг. – вылилась в проведение ряда археологических и этнографических экспедиций. Боданинский методично и последовательно шел к осуществлению этой идеи. Занимаясь, главным образом, организацией научной работы музея и активным поиском экспонатов для него, он не забывал и о других, менее известных, чем Ханский дворец, памятниках, стремясь придать их изучению государственную значимость. С этой целью, в 1923 г. им были установлены контакты с Всероссийской Ассоциацией востоковедения, Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР и Российской академией истории материальной культуры, где им был сделан ряд докладов о положении Бахчисарайского дворца-музея и проблемах охраны памятников района. В результате было принято решение изыскать средства на их поддержание, реставрацию и командировки специалистов РАИМК для обследования памятников Старого Крыма и Эски-Юрта (Эминов, 2011, с. 56-57).

В 1921 г. Крымский Революционный комитет объявил собственностью республики и передал музеи и исторические памятники Крыма, в том числе ханские кладбища и дюрбе Бахчисарайского района, Черкес-Кермен, пещерные города Чуфут-Кале, Мангуп, Тепе-Кермен, в распоряжение и подчинение Крымскому областному комитету по делам музеев и охране памятников искусства, старины и быта (Крымский Отдел по делам музеев,

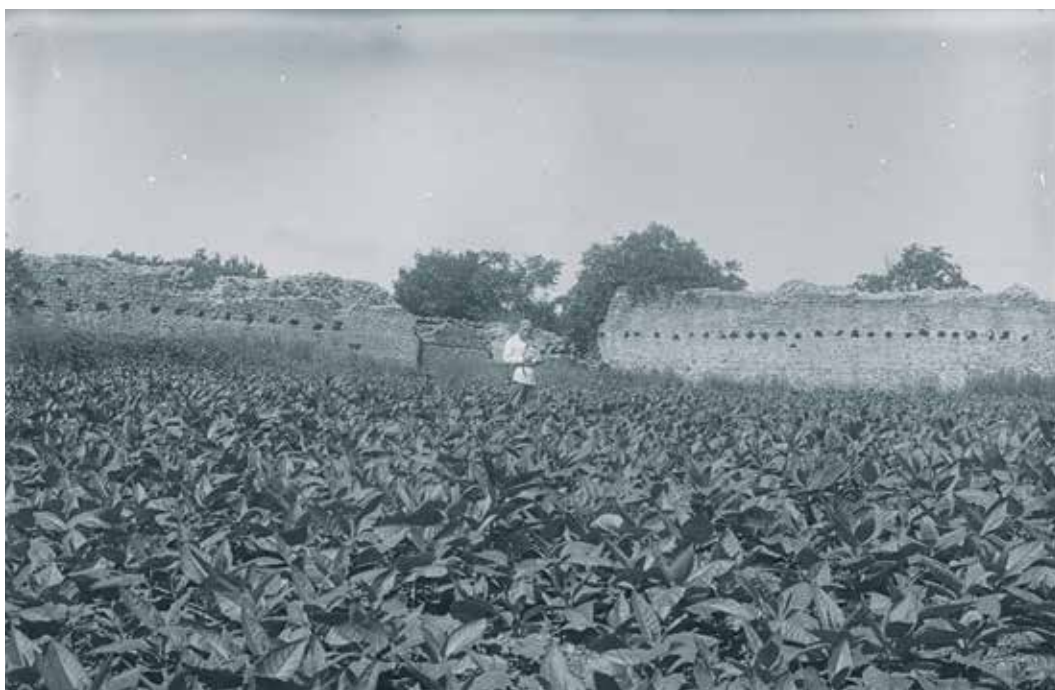

Рис. 99. Старый Крым. Фото. 1925 г. У.А. Боданинский в период раскопок караван-сарая (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 32. Л.36).

или КрымОХРИС), образованному при отделе Народного образования в 1920 г. Филиалами Бахчисарайского музея стали пещерные города, мемориальный музей И. Гаспринского и Коккозский музей. 6 сентября 1922 г., согласно решению Всероссийской конференции, прошедшей в 1921 г. в Москве, ханский дворец был включен в реестр музеев общегосударственного значения, что обеспечило государственную поддержку в деле сохранения и изучения памятников истории и культуры.

В начале 1920-х У. Боданинский был назначен заведующим Бахчисарайским отделением Крымохриса и членом его Ученого совещания (Козлов, 1999, с. 60), в состав которого вошли ученые и деятели культуры Крыма, а также представители крымско-татарской общественности.

В 1922 г. на Первом съезде музейных работников Крыма, У. А. Боданинский выступил с докладом о памятниках Эски-Юрта и предложил организовать экспедицию по выявлению и собиранию исторических памятников. Важной предпосылкой для экспедиций 20-х гг. стала проведенная в г. Севастополе в 1924 г. III Всекрымская конференция музейных работников, где была принята резолюция об

оказании содействия открытию в Бахчисарае Научно-исследовательского института по изучению культуры крымских татар. В короткое время руководимый У. Боданинским Бахчисарайский музей тюрско-татарской культуры превратился в авторитетный научный центр по исследованию крымско-татарской культуры и этнографии (Эминов, 2011, с. 56-57). 20-е годы стали наиболее активным и плодотворным периодом в жизни музея. Велась активная издательская, просветительская, а также экскурсионно-массовая деятельность. Так за 1924 – первую половину 1926 г. музей принял около 8000 посетителей.

Уже в следующем году КрымОХРИС определил ряд следующих задач своей деятельности (Полканов, 1925, с. 73-74): «Пробуждение в народных татарских массах интереса к памятникам своей культуры, выяснение значения их в деле изучения татарской истории, руководство в их охране и собирании, создание инициативных групп из татарской молодежи, вовлечение общекрымской советской общественности в круг этих интересов, привлечение к этому интересному культурному делу широких масс рабочих и учащихся других национальностей и, главное, привлечение к нему сельского и городского учительства». КрымОХРИС возложил свои надежды в деле охраны памятников старины на татарское и русское сельское учительство, призвав его к собиранию материала по изучению духовной культуры: «простая регистрация памятника, зарисовка его или описание, запись случайно услышанной песни, поговорки, описание старинных деревянных и пр. предметов обихода, орудий и т. п., сохранение таких предметов для Музея (часто их хозяева готовы выбросить), – вот вкратце, чем может помочь общему делу каждый сельский учитель». План работ содержал следующие пункты:

«1. Созыв Всекрымского Съезда по татароведению с привлечением к нему представителей других Татарских республик и отдельных ученых специалистов. Съезд должен пробудить инициативу на местах; объединить организационно и идейно работников по татарской культуре, выявить проделанную в этой области работу, установить связь с прочими татарскими республиками в деле изучения истоков татар-

ской культуры, выработать единый план работ.

2. Открытие в Симферополе отделения Всероссийской Ассоциации Востоковедения, что даст возможность связать Крымскую работу с общесоюзной.

3. Создание в Бахчисарае Института Татароведения, как центре татарской культуры, где сохранилось наибольшее количество памятников татарской материальной культуры.

4. Организация совместно с московскими и ленинградскими учеными-татароведами этнографической экспедиции для сбора предметов быта и для изучения духовной культуры.

5. Организации раскопок первой татарской столицы в Крыму Солхат (Старый Крым), которые должны дать несомненно интересный материал для освещения первоначального периода пребывания татар в Крыму.

6. Установление связи и руководство в собирании и изучении материалов татарской культуры, на периферии краеведческими ячейками и отдельными лицами, интересующимися этой культурой».

В начале 20-х гг. в Крыму проводится ряд небольших этнографических экспедиций по сбору предметов быта крымских татар, которые были организованы заведующим КрымОХРИСа Г. А. Бонч-Осмоловским и профессором Б. Ф. Добрыниным (Хлівнюк, 2006, с. 404). Не остался в стороне Бахчисарайский ОХРИС и музей. Первая этнографическая экспедиция была проведена в 1923 г. сотрудником музея О. Акчокраклы в деревнях Ускут, Капсихор, Арпат, Шелен в Восточном Крыму. Так стал применяться новый, экспедиционный метод пополнения коллекций музея. Кроме того, в период 1922-1923 гг. исследуется ряд памятников археологии, в частности кладбище Кырк-Азизлер (Сорок святых), где найдено 30 надгробий XIII–XIV вв., а также дюрбе Мухаммед-шах-бея (Бейюде-Султан) в Азисе, исследование которого было продолжено в марте 1924 г. вместе с Мамутом Курти и А. Таковым (Мусаева, 2007, с. 44) (рис. 98). В феврале 1924 г. У. А. Боданинский, Шейх-заде Мемет Вехби, Мамут Курти и А. Таков обследовали частные дома Бахчисарая, десять из них, представлявших наибольший интерес, были тщательно обмеряны (Асанова, 2009, с. 7-9; Асанова, 2013,

Рис. 100. Степной Крым. Негатив. 1925 г. У.А. Боданинский во время работы этнографической экспедиции (Фонды БИКАМЗ. Ф-590).

с. 139). В дневнике Боданинским сделаны зарисовки общих видов, отдельных архитектурных узлов и деталей построек. В августе-сентябре вместе с О. Акчокраклы был осуществлен ряд поездок по Бахчисарайскому району и Крыму (Бахчисарай–Коккоз–Ай-Петри–Кореиз–Ялта–Алупка–Ливадия–Алушта–Кучук–Узень (Куру-Узень)–Туак–Ускут–Капсихор–Кутлак–Судак–(Таракташ)–Феодосия–Старый Крым), в результате чего был поставлен на учет дом Мурадасыл Муслим в деревне Коккоз (Асанова, 2013, с. 138), подробно изучено кожевенное производство крымских татар на примере одного из цехов, собраны и приняты в дар экспонаты (Мусаева, 2007, с. 54-56).

Под руководством У. А. Боданинского в июне и августе 1924 г. были проведены предварительные разведочные работы на кладбище Кырк-Азизлер (визуальный осмотр территории, фотосъемка общего вида кладбища и отдельных надгробий, зарисовка их фрагментов и эпитафий, записи наблюдений). 25 сентября в музее состоялось научное совещание с участием члена Правления Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР проф. И. Н. Бороздина, представителя КрымОХРИСа и Ученого Совещания при нем профес-

сора Н. Л. Эрнста и У. А. Боданинского. Было решено провести в Эски-Юрте детальные археологические исследования «с применением всех новейших методов археологической науки». Тогда же были предварительно оговорены методика и последовательность проведения будущих исследований, а также ряд подготовительных мероприятий, необходимых для исполнения перед началом земляных работ, в частности топосъемка, составление генерального плана, фотофиксация, учет, описание, обмеры и зарисовки выявленных надгробий (Мусаева, 2007, с. 58-59).

Первые археологические раскопки с участием Бахчисарайского музея (У. Боданинский, О. Акчокраклы) состоялись в октябре 1924 г. Они были проведены совместно с КрымОХРИСом и Научной Ассоциацией Востоковедения ЦИК СССР, а представителем этой крупнейшей в стране авторитетной организации ученых-востоковедов выступил известный археолог-востоковед А. С. Башкиров. Основным объектом исследований стало кладбище Кырк-Азизлер, занимавшее западную часть Эски-Юрта. Работы археологической экспедиции длились 16 дней, со 2 по 17 октября. В состав экспедиции помимо У. Боданинского, О. Акчокраклы, профессора А. С. Башкирова, входили херсонесские фотографы В. П. Павлов и Н. З. Федоров, профессор Н. Л. Эрнст, художница Е. Г. Морозова (Бонч-Осмоловская) (Веймарн, 1979, с. 42), сделавшая, в частности, зарисовки четырех дюрбе в предместье Азиз (рис. 97). Топосъемка велась сотрудником Севастопольского музея краеведения (СМК) Л. Н. Соловьевым и молодыми сотрудниками СМК Е. Веймарном, В. Чепелевым, И. Казминым и Д. Масленниковым (Карлов, 2012, с. 38). Просевшие надгробия извлекали, фотографировали и обмеряли, изготавливали эстампа-

Рис. 101. Каймак. Негатив. 1925 г. У.А.Боданинский за ведением дневника во время работы этнографической экспедиции (Фонды БИКАМЗ. Ф-586).

жи с орнаментированных деталей и надписей. Рисунки надгробий выполнял У. А. Боданинский, он также вел и один из дневников экспедиции. По ходу работ эпитафии подробно разбирались и переводились на русский язык. Кроме У. А. Боданинского и О. Акчокраклы разбор надписей занимались Ахмед Рашид и Шейх Мемет Вехби. Археологически была исследована лишь небольшая часть кладбища – исследован один склеп и две грунтовых могилы под монолитными надгробиями. Все открытые погребения были совершены головой на запад и являлись безинвентарными, содержали только фрагменты деревянных гробов и железные гвозди от них.

Всего в ходе работ было зафиксировано 1000-1100 надгробий, около 30 склепов (Карлов, 2012, с. 37). С 15 по 17 октября в Бахчисарайский музей были перевезено 25 горизонтальных надгробных плит и 12 отдельных памятников XIV–XV вв., все они были выставлены вдоль стен фонтанного дворика Ханского дворца. Итоги исследований в Эски-Юрте были опубликованы в статье А. С. Башкирова и У. А. Боданинского «Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт» (Башкиров,

Боданинский, 1925. с. 291-311).

Кроме исследований Кырк-Азизлера У. Боданинский и О. Акчокраклы в 1924 г. произвели рекогносцировку памятников древней золотоордынской столицы – Солхата (Старый Крым), наметили перспективный план их исследований бахчисарайским музеем (Боданинский, 1930, с. 6).

К полномасштабным археологическим исследованиям Солхата сотрудники Бахчисарайского музея (У. Боданинский, О. Акчокраклы) приступили совместно с Научной Ассоциацией Востоковедения при ЦИКе СССР

уже летом 1925 года. Средства на организацию Научной Экспедиции по изучению татарской культуры были выделены правительством Крымской АССР. Финансирование раскопок Крымнаркомпросом до 1929 г. было ежегодным и составляло 2000 руб. Возглавлял экспедицию член президиума Всероссийской ассоциации востоковедения и Российского общества по изучению истории Крыма (РОПИК) профессор И. Н. Бороздин, участие приняли также профессор А. С. Башкиров, сотрудник Центрального музея Тавриды Н. Л. Эрнст, архитектор П. И. Голландский, художник К. Ф. Богаевский, выполнивший рисунки нескольких сотен памятников архитектуры. Кроме того, в экспедиции приняли участие топографы Здзеховский и Ф. М. Модин, а также трое вузовских практикантов – Б. Джеппаров, А. Абдурахманов и Давидович. «Экспедиция произвела учет всех памятников Старого Крыма, составила генеральный план с нанесением всех существующих руин древних сооружений. Произвела зондажные раскопки на территории «Керван-серай» (рис. 99), дворца караванов и медресе – высшей школы, рядом с известной мечетью Узбека 714 г. (1314 г. н. э.)», – пишет

У. Боданинский (1930, с. 7). Результатами работы экспедиции в Старом Крыму стало обнаружение около 100 орнаментированных надгробий с датами XIII–XVII вв. В таком же составе (рис. 103), но без топографов состоялись археологические исследования и в 1926 г. Были продолжены раскопки медресе (рис. 102), уточнен общий его план, а также произведены разведки городской застройки и оборонительных стен с башнями и рвом в местности «Кяшане».

В 1925 г. в рамках Научной Экспедиции по изучению татарской культуры были продолжены и совместные этнографические исследования. С 25 июля по 10 сентября Бахчисарайским дворцом-музеем при участии Научной Ассоциации Востоковедения по решению Кр. ЦИК и СНК Крымской АССР в течение 42 дней было организовано посещение 63 населенных пунктов (по другим данным – 64 и 55) Степного, Северо-Западного, Центрального и Восточного Крыма (рис. 100). Этнографическая экспедиция собрала обширную коллекцию образцов народной литературы, музыки, бытовых предметов, а также книг, рукописей и др. Изучалось жилье, обряды, костюм, народно-прикладное искусство. Общее руководство «Этнографической группой» осуществлял У. А. Боданинский, на которого были возложены также «искусствоведение, этнография, археология, руководство графической и фотографической фиксацией» (рис. 101). Кроме того, в группу вошел О. Акчокраклы – «историческое и экономическое обследование, запись фольклора, собирание эпиграфических памятников», музыкант Асан Рефатов, который вел «нотную запись памятников устной народной музыки, собирал старинные музыкальные инструменты». Кроме того, в работе экспедиции приняли участие трое практикантов-вузовцев: Аббас Хильми, кото-

рый осуществлял фотографирование, Решид Челебиев, который «вел работы по графической фиксации памятников и записи текстов музыкальных образцов», и Саффет Абдуль-Рагим, записывавший памятники народного эпоса и эпиграфики.

Период проведения этой этнографической экспедиции совпал с сельскохозяйственными работами. Для людей, трудившихся под открытым небом или в хозяйственных помещениях, а иногда для всего населения деревень, были организованы 32 доклада об экспедиции («летучие лекции»). Это были своеобразные праздники, в ходе которых сотрудники экспедиции рассказывали о целях и задачах экспедиции, демонстрировали записи, рисунки и фотографии, рассказывали сказки, пели песни. Таким образом, был собрано 150 этнографических экспонатов, 400 старинных тамг татарских улусов, сделано 130 фотографических снимков, записано около 300 образцов татарской народной литературы, 200 татарских народных песен, приобретено около 130 этнографических предметов, собрано 145 надгробий и т. д. По результатам экспедиции, ее участники: У. Боданинский, О. Акчокраклы, А. Рефатов выступили с сообщениями на заседаниях ТОИАЭ. Ими же был опубликован ряд на-

Рис. 102. Старый Крым. Фото. 1926 г. У.А.Боданинский (крайний слева) в составе среди руководителей экспедиции (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 30. Л.31).

учных работ. Уже с 12 октября 1925 г. У. Боданинский находился в новой экспедиции в Карасубазаре и окрестностях «по кино-фотофиксации этнографических данных» (Мусаева, 2007, с. 130).

Активную экспедиционную деятельность У. А. Боданинский совмещает с музейной работой. В 1923 г. около полугода он занимался организацией и оформлением Крымского павильона на Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве. Основу экспозиции павильона составили предметы из фондов Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры. В этом же году отдельные музейные экспонаты были представлены У. А. Боданинским для Крымского павильона на Первой Всероссийской художественной выставке в Москве (Мусаева, 2007, с. 39). В 1925 г. Бахчисарайский музей принимает участие в международной выставке декоративных искусств и современной художественной промышленности в Париже, где были представлены работы из области современного декоративного искусства, архитектуры и дизайна многих стран мира. На одном из заседаний краеведческого кружка г. Бахчисарая У. А. Боданинский выступил с обращени-

ем о помощи в подготовке выставки. По его рисункам и образцам, хранящимся в Ханском дворце, крымские ремесленники выполнили часть своих работ, и в феврале 1925 г. У. А. Боданинский сдал экспонаты в Крымский выставочный комитет. Из Бахчисарайского музея в Париж были отправлены образцы художественных работ, мужских и женских костюмов, ковры, шитье золотом и т. д. Однако самому У. А. Боданинскому Министерство иностранных дел Франции отказало в визе. На этой выставке крымским вышивкам и чадрам была присуждена бронзовая медаль (Холонина, 2013, с. 122-123).

Памятникоохранная и краеведческая деятельность У. А. Боданинского была особенно востребованной все эти годы. Он был руководителем Областного бюро краеведения, членом Центрального и районного бюро краеведения, Всеукраинской научной Ассоциации Востоковедения. В 1927 г. избран членом-корреспондентом Государственной академии художественных наук, был руководителем Бахчисарайского отделения Российского общества по изучению Крыма, а в 1930 г. был избран членом правления РОПИК, возглавив и его отделение – Бахчисарайский краеведческий кружок. У. А. Боданинский входил в состав Таврического общества истории, археологии, этнографии (ТОИАЭ) (Козлов, 1999, с. 60).

В 1925 г. У. Боданинский, а вслед за ним, в 1926 г., заведующий КрымОХРИСом А. И. Полканов делают в Москве, на заседании Центральных государственных реставрационных мастерских, доклад об угрожающем состоянии памятников Крыма. В 1926 г. в Крым Главнаукой Наркомпроса был командирован известный востоковед, архитектор-реставратор Б. Н. Засыпкин, которому было поруче-

Рис. 103. Старый Крым. Фото. 1926 г. Медресе. Участники археологической экспедиции. У.А.Боданинский в нижнем ряду третий слева) (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 30. Л.40).

чено определить техническое состояние, главным образом, памятников архитектуры крымских татар (Османо́ва, 2007, с. 115). У. Боданинский был главным консультантом в поездке Б. Н. Засыпкина в Бахчисарай, Симферополь, Карасубазар и Старый Крым. Обследования памятников были проведены на высоком уровне: производилась их фотофиксация, обмеры, составлялись описания и акты для постановки на учет. Помимо перечисленной документации, результатом этой совместной работы стал рукописный отчет, план ремонтно-реставрационных работ, а также ряд печатных работ 1926-1927 гг., среди которых следует выделить статьи Б. Н. Засыпкина «Памятники архитектуры крымских татар» (Засыпкин, 1927, с. 113-168), «Обследование памятников архитектуры Крыма» (Засыпкин, 1927, с. 277-278) и статью У. Боданинского «Карасубазарская старина» (Боданинский, 1926; Мусаева, 2007, с. 214-216). Обследованиям Б. Н. Засыпкина были посвящены и доклады на Всесоюзной археологической конференции в Керчи, состоявшейся в сентябре 1926 г., где У. Боданинский был заместителем председателя тюрко-татарской секции, а О. Акчокраклы ее секретарем. Секция приняла решение обратиться в Главнауку РСФСР и Крымский ЦИК для принятия срочных мер по спасению от разрушения памятников татарского искусства.

Однако доклады, сделанные У. А. Боданинским и А. И. Полкановым на заседаниях ЦГРМ в 1925-26 гг., повлекли за собой не только приезд Б. Н. Засыпкина. Весной 1927 г. в Крыму работала крупная экспедиция, возглавляемая руководителем ЦГРМ, художником и искусствоведом И. Э. Грабарем. При обследовании памятников Бахчисарая и Бахчисарайского района экспедицию сопровождал У. Боданинский (Османо́ва, 2007, с. 116; Эминов, 2011, с. 58).

В 1926 г. У. Боданинский становится председателем Ученого совета, созданного при музее для решения вопросов научной и просветительской работы. Ученым секретарем был назначен О. Акчокраклы, в состав вошли также профессор-арабист И. Н. Леманов, заведующий домом-музеем И. Гаспринского А. Л. Муртазаев, зам. директора музея, арабист М. В. Шейх-Заде и геолог А. Рашид.

В 1926-1927 гг. Боданинский ведет активную работу по сохранению памятников, применяя все новые методы для их спасения: добился запрета на демонтаж старых зданий без разрешения специальной комиссии, созданной при отделе коммунального хозяйства, договорился с духовным руководством Бахчисарая о передаче около 200 ковров XVII–XVIII вв. из городских мечетей в музей в обмен на новые ковры. Нестандартные подходы в решении различных вопросов еще раз подтверждают талант исследователя.

В 1926 г. Бахчисарайским музеем совместно с Всесоюзной ассоциацией востоковедения и при поддержке ЦИК Крымской АССР были продолжены и этнографические экспедиции. Работа по сбору фольклора, музыкальных инструментов, обследованию построек велась в Карасубазаре и на Керченском полуострове (Мусаева, 2007, с. 75). Результаты работ были изложены У. А. Боданинским на Всесоюзной археологической конференции в Керчи, где он сделал доклад под названием «Новые материалы по этнографии татар в Крыму», опубликованный в 1926 г. (Боданинский, 1926, с. 6-7). Своим отчетом о масштабной экспедиционной деятельности музея за десятилетие стала большая статья У. Боданинского «Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму», изданная отдельным оттиском в 1930 г. (Боданинский, 1930, с. 3-31).

В 1928 г. У. Боданинский и О. Акчокраклы совместно с Н. Л. Эрнстом и архитектором П. И. Голландским продолжили археологические исследования в Старом Крыму. О. Акчокраклы, осуществлявшим эпиграфическое изучение памятников, производился их сбор, инвентаризация и эстампаж. К работам были привлечены практиканты и молодые краеведы Абдулла Меметов, Борис Маринович, Николай Максютенко. Общее руководство осуществлял У. А. Боданинский, а 10-ю рабочими – сотрудниками «Рабземлеса», уже имевшими опыт археологических раскопок в 1925-1926 гг., руководил Фома Красненко (Ломакин, 2010, с. 34; Ломакин, 2014, с. 48). Были продолжены раскопки медресе, составлен его план, произведены разведки по поиску иных сооружений золотоордынского периода, а в результате

разведочных работ на территории кладбища на Зеленой площади найден целый ряд надгробий второй половины XIV–XV вв. Особое внимание было уделено изучению строительных растворов, обмерам, графической и фотографической фиксации. Было собрано 175 архитектурных и скульптурных фрагментов, использованных населением вторично, в качестве ступенек, скамеек и т. п., а также 124 монеты, большое количество надгробий и архитектурных фрагментов с надписями арабской вязью. Кроме того, были обследованы руины древнего сооружения на усадьбе гр. Штаубер, древняя мечеть в деревне Кара-Коз, произведено предварительное обследование древнего армянского монастыря Сурб-Хач и т. д. (Ломакин, 2010, с. 35).

В июне 1927 г. Крым сотрясло землетрясение. На следующий же день, 27 июня, Боданинским в составе специальной комиссии был составлен акт, в котором были подробно перечислены все разрушения, причиненные бедствием Ханскому Дворцу. С 1-го октября 1927 г., под руководством П. И. Голландского и Б. Н. Засыпкина, в течение года были произведены обширные ремонтно-реставрационные работы мечети XVIII в. Ешиль-Джами в Бахчисарае, мавзолеев Эски-Дюрбе, Джанике-Ханым, Хаджи-Гирея Ханского дворца (библиотечного, конюшенного корпуса, кухни, фасадных флигелей и дымовых труб), бань «Сары-Гузель», усадьбы Фирковича на Чуфут-Кале, древних рядов «Кавафлар-Сырасы».

В 1927 г. О. Акчокраклы и практикантом Б. Джеппаровым были проведены небольшие предварительные работы по выяснению топографии городища Чуфут-Кале и изучению эпиграфического материала (Акчокраклы, 1928, с. 158–172). В 1928 г. экспедиция в составе представителя Централных реставрационных мастерских Б. Н. Засыпкина, У. А. Боданинского, О. Акчокраклы, молодых практикантов Муратова и Аблямитова и шести рабочих исследовала остатки мечети XIV в. на территории пещерного города Чуфут-Кале в Бахчисарае, в результате чего был составлен ее подробный план. Кроме того, были открыты водопровод с источником «Хамам-Чокрак» и фундаменты ханского дворца в урочище «Ашлама-Сарай-

лык» в долине Биюк-Ашлама-Дере под северным обрывом Чуфут-Кале.

В 1929 г. экспедиция на Чуфут-Кале была продолжена (рис. 104). Ее основной состав был расширен за счет практиканта Б. Муратова и стажеров Е. В. Веймарна, В. Н. Чепелева, выполнивших инструментально-топографическую съемку всего городища, а также 7 рабочих во главе с сотрудником по охране памятников Чуфут-Кале тов. Дубинским (Мусаева, 2007, с. 92). В результате были закончены раскопки мечети, в процессе которых найдено множество архитектурных деталей, позволяющих частично реконструировать здание. Важной находкой стали находки мраморных византийских капителей V в. н. э. и архитектурной детали с изображением византийского креста в руинах фонтана у текие Газы-Мансура. На 1930 г. было запланировано продолжение археологических разведок в урочище «Ашлама-Сарайлык» и работ в Старом Крыму.

В 1929 г. продолжают и этнографические экспедиции. У. Боданинский и О. Акчокраклы вместе с музейным фотографом Яновским и архитектором ЦГРМ Б. Н. Засыпкиным, командированным Центральным музеем Восточных культур в Москве, посетили деревни Биюк-Озенбаш и Кучук-Озенбаш «для изучения крестьянских жилищ и ткацкого производства среди женщин (совм. с отд. ОПИК)». По заданию музея Б. Н. Засыпкиным были выполнены планы древних мусульманских памятников (мечетей, дюрбе, медресе и бань).

В феврале 1929 г. У. А. Боданинский (рис. 105), намереваясь продолжить раскопки в Старом Крыму (Ломакин, 2010, с. 36), отправил запрос в Главнауку для получения разрешения на продолжение археологических исследований. В марте письмо было переправлено для отзыва в ГАИМК. Академия была не против выдать открытый лист, но потребовала предоставить археологический и финансовый отчет о работах 1928 г. Лист на проведение работ в 1929 г. был получен. Однако замечания специалистов вызвал дневник раскопок 1928 г. и оттиск статьи о раскопках Чуфут-Кале, присланный в качестве отчета (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 170–187). В июне 1930 г. на основании предоставленных У. А. Бо-

Рис. 104. Чуфут-Кале. Фото 1929 г. У.А. Боданинский во время работы археологической экспедиции (Фонды БИКАМЗ. Ф-683).

данинским материалов, из ГАИМК в сектор науки Народного комиссариата по просвещению было отправлено заключение, в котором указывалось на ряд методических недостатков и упущений, допущенных при раскопках мечети на Чуфут-Кале – «Ввиду Академия считает важным выдачу тов. Боданинскому открытого листа на продолжение работ в текущем году лишь при условии учета сделанных в заключении Академией замечаний» (Ломакин, 2010, с. 37). В переписке ГАИМК с сектором науки указаны и причины, по которым он в 1930 г. был лишен Открытого листа: «допущенные ранее ошибки» и «дефекты в определении территории, подлежащей вскрытию» (Ломакин, 2014, с. 50-51).

Музей последний раз принял официальное участие в археологических экспедициях в июле 1930 г., когда О. Акчокраклы был командирован на археологические раскопки в Старый Крым, затем на Чуфут-Кале, однако эти исследования не состоялись (Эминов, 2011, с. 58). Этнографические экспедиции 30-х гг. были посвящены только собиранию фольклора.

В 1933 г. У. А. Боданинский по согласованию с Государственной Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (Эми-

нов, 2011, с. 58) занимался раскопками башни Кыз-Куле, а также исследовал небольшую часовню и пять вырубных гробниц к востоку от нее, но официально в этих работах Бахчисарайский музей уже не участвовал. Они проводились в рамках Эски-Керменской экспедиции ГАИМК под руководством Н. И. Репникова, Ф. И. Шмита и В. И. Равдоникаса (Желтухина, 2008, с. 358). Этим работам У. А. Боданинский посвятил свою последнюю статью, опубликованную в 1935 г. (Боданинский, 1935, с. 81-88).

В конце 20-х гг. музеям придается агитационная функция, а тех, кто последовательно защищал памятники, стали обвинять в отрыве от дела строительства социализма, буржуазном национализме, и даже в прямой антисоветской деятельности. Практически вся система изучения и охраны памятников Крыма была уничтожена, лишена финансирования и возложена на музеи. С 1927 г. по 1930 г. прекратили деятельность КрымОХРИС, ТОИАЭ, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, в 1931 г. приостановлено издание всех научных журналов, в 1934 г. ликвидированы Центральные государственные реставрационные мастерские (Хлівнюк, 2006, с. 406-407; Османова, 2007, с. 117). Уничтожение памят-

никоохранной системы привело к неконтролируемой распашке земель и застройке населенных пунктов, повлекшими за собой разрушения множества памятников архитектуры и археологии. В реорганизованных экспозициях крымских музеев подлинные экспонаты зачастую подменялись лозунгами, а сами экспозиции стали одной из форм пропагандистской работы (Эминов, 2011, с. 59). В 1930 г. музею вменяется создание отдела советского строительства, а к 1934 г. во дворце были сохранены только историко-бытовой отдел, отделы революции, антирелигиозный и военный. План работы музея на этот год предусматривал пропаганду зажиточной жизни рабочих и колхозников, планировалось создать галерею ударников социалистической промышленности и организовать социалистическое соревнование. Гарем стали показывать как проявление рабской эксплуатации женщин (Желтухина, 2008, с. 359). Ситуация стала улучшаться только к середине 30-х гг., когда в условиях нарастания угрозы войны потребовалось усиление патриотического воспитания и использование в пропагандистских целях исторического прошлого народов СССР.

Культурное наследие, пусть и в усеченной форме вновь оказалось востребованным для политико-просветительских и пропагандистских задач. В несколько новой форме возрождается и система охраны памятников. В 1932 г. вопросы их охраны были отнесены к компетенции и полномочиям Сектора науки Наркомпроса, в этом же году был образован Центральный республиканский (РСФСР) орган охраны памятников, а при Президиуме ВЦИК РСФСР учрежден Комитет по охране исторических памятников, подготовивший постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» (10.08.1933 г.)

Рис. 105. Бахчисарай. Негатив. 1928 г. У.А.Боданинский на территории старого ханского кладбища Саускан (Савускан) у ханского дворца (Фонды БИКАМЗ. Ф-686).

и «Об охране археологических памятников» (10.02.1934 г.). Именно эти постановления несколько стабилизировали ситуацию с нерациональным использованием и уничтожением культурного наследия.

Деятельность У. Боданинского сводилась не только к музейной работе, участию и проведению экспедиций. Профессиональные качества ученого и его большой авторитет подталкивали У. А. Боданинского и к активной общественной деятельности: он избирался в состав Крымского ЦИК первого созыва, Бахчисарайского Районного исполнительного комитета (1921-1923 гг.), Бахчисарайского Горсовета (с 1925 г.), Крымского Центрального исполнительного комитета, был заведующим отделом народного образования в Бахчисарае, членом-корреспондентом Центрального Бюро Краеведения, Всеукраинской научной Ассоциации Востоковедения и других научных организаций и обществ Крыма и СССР (Мусаева, 2007, с. 15).

У. А. Боданинский был всесторонне развитым человеком, применяя свои способности в различных сферах жизнедеятельности. Будучи автором более 20 работ (Арифов, 2010, с. 42, 43), посвященных проблемам истории, археологии и этнографии крымских татар, краеве-

дения и охраны памятников, опубликованных им, начиная с 1916 г., в 1934 г. он планировал издать в Крымгизе свой перевод книги Э. Челеби «Путешествие в Крым», готовил к изданию 75 документов из кадыаскерских книг времени Крымского ханства с географическим и предметным указателем (Желтухина, 2008, с. 361). Кроме того, еще по возвращению из Санкт-Петербурга в 1916 г. У. А. Боданинский преподавал рисунок, им он занимался в свободное время уже будучи директором и заведующим музеем. Орнаменты и виньетки, выполненные им, размещены в путеводителях П. В. Никольского «Бахчисарай» и «Бахчисарай. Чуфут-Кале. Салачик», выпущенных в 1924 г., а его рисунками украшена книга З. Бахаревица и О. Одабаша «Крымско-татарские детские песни» (1926 г.). Кроме того, известно несколько зарисовок и гравюр этнографического характера, выполненных в середине 1920-х гг. («Выделка войлока», «Мастерская медника» и др.) (Червонная, 1995, с. 221; Арифов, 2010, с. 41). Известны и отдельные работы художника – пейзаж «Лунный вечер» (1910), «Пионеры» (1930) (Червонная, 1995, с. 220).

Руками У. А. Боданинского были изготовлены эскизы декораций и костюмов к музыкальной драме «Багъчасарай козьяш чешмеси» («Бахчисарайский фонтан слез»), которая с успехом шла на сцене Крымского государственного татарского театра (1927). В 1930 г. он выступает в роли консультанта постановки пьесы Тархана «Наступление». Будучи членом Союза драматических и музыкальных писателей, У. А. Боданинский участвовал в создании нескольких кинолент, в частности был художником-консультантом первых художественных и документальных фильмов из жизни крымских татар «Алим» (реж. Г. Тасин, 1926), «Ешиль-Ада» (1925-1926 гг.) (Козлов, 1999, с. 60).

В 1927 г. умерла первая жена У. А. Боданинского – Ольга Александровна Боданинская. В 1928 г. второй женой У. А. Боданинского стала фотолаборантка музея Анна Никитична Фомина (Желтухина, 2008, с. 359; Эминов, 2013, 242), хранившая 3660 фотонегативов, на которых, в том числе, были запечатлены результаты экспедиций 20-х гг.

В 1934 г., в отчетном докладе на 17-й областной партийной конференции, к которой У. А. Боданинским была подготовлена выставка, было указано, что в экспозициях Бахчисарайского музея «неуместно демонстрируется противопоставление выборных основ Курултая с тогдашними методами Военно-революционных комитетов» (Желтухина, 2008, с. 360). В подаче материала был усмотрен «националистический уклон» (Эминов, 2011, с. 60). Несмотря на то, что У. Боданинский был готов заменить указанный стенд, согласно приказу Наркомпроса Крымской АССР № 5 от 10.02.1934 г., он был уволен с занимаемой должности. Ушла из музея и его жена, были уволены заместитель директора музея Шейх-Заде Мемет Вехби и хранитель музея И. Я. Нейман. В марте У. А. Боданинский передал дела новому директору Б. И. Файкову и некоторое время жил на территории дворца, затем у бывшего вахтера П. Ф. Гонтаренко, преподавал в ФЗУ, работал художником-оформителем. Тем временем, в 1936 г. из музейной библиотеки, насчитывавшей к тому времени более 2000 книг стали изымать запрещенную литературу (Желтухина, 2008, с. 359, 360).

В 1934 г., У. А. Боданинский вместе с женой переезжает в Москву (по другим данным в 1936 г. (Арифов, 2010, с. 43), где выполняет различные декоративные работы на столичных стройках (Козлов, 1999, с. 60), а позже по вызову уезжает в Тбилиси, где в качестве рядового декоратора занимается оформлением Института Маркса, Энгельса, Ленина (Эминов, 2013, с. 242). В 1937 г. по распоряжению заместителя наркома Фриновского У. А. Боданинский был арестован. Ему было предъявлено обвинение в том, что он с 1918 г. являлся агентом иностранной разведки, был одним из «активных участников контрреволюционной миллифирковской организации в Крыму, вел среди татарского населения пропаганду миллифирковских идей». Ученый был осужден и расстрелян в Симферополе 17 апреля 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР и обвинительному заключению, утверждённому наркомом внутренних дел Крымской АССР, майором госбезопасности Михельсоном и по-

мощником главного прокурора РККА Шульц-Анн, в котором сказано, что Боданинский, использовал «свое служебное положение для популяризации наследия известного основателя пантюркизма в России Гаспринского Исмаила». Вместе с У. А. Боданинским было расстреляно еще 16 деятелей науки и культуры Крымской АССР (Эминов, 2013, с. 242).

А. А. ВОЛОШИНОВ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Арифов А. С. К вопросу о творческом наследии крымоведа Усеина Боданинского // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск II. Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы VII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В. И. Кузищина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2010. С. 40-44.

Асанова У. К. У. А. Боданинский – организатор этнографической деятельности Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в 20-30-е гг. XX в. // Матеріали других Всеукраїнських Зарембівських читань: «Українське пам'яткознавство: Сучасні проблеми та тенденції» / гол. ред. Титова О. М. / Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПІК. Київ, 2009. С. 7-19.

Асанова У. К. Карасубазар в этнографо-экспедиционных исследованиях У. А. Боданинского (1921-1926 гг.) // Мир Бекира Чобан-Заде. Сборник материалов I Крымской международной тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар) 23-25 мая 2012 г. / Сост. : А. Р. Эмиров. Симферополь: НАТА, 2013. С. 138-149.

Башкиров А. С., Боданинский У. А. Памятники крымско-татарской старины: Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8/9. С. 291-311.

Боданинский У. А. Карасубазарская старина // газета «Красный Крым». Симферополь, 1926. 3 сент. (Издана под псевдонимом Усейн Адель-Рефи.)

Боданинский У. Новые материалы по этнографии татар в Крыму: Экспедиция Кр. ЦИКа и СНК по изучению татарской культуры в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 3. С. 6-7.

Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н., Акчокраклы О. Чуфут-Кале: По материалам раскопок 1928-1929 гг. // ИТОИАИЭ. Симферополь, 1929. Т. 3. С. 170-187.

Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Отдельный оттиск из сб. Крымплана «Реконструкция народного хозяйства в Крыму». Выпуск II: Симферополь, 1930. С. 3-31.

Боданинский У. Черкез-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. // Изв. ГАИМК. Вып. 117. М.-Л., 1935. С. 81-88.

Веймарн Е. В. 1979 г. Материалы к археологической карте. Бахчисарайский район. I // Архив ГБУ РК БИКАМЗ. Дело № 42 (15/42). С. 35-46.

Ефимов А. В. Малоизвестные материалы по истории Бахчисарайского музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 213-225.

Желтухина О. А. Последние годы жизни У. А. Боданинского в Бахчисарае // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Выпуск 3. Симферополь. 2008. С. 358-361.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113-168.

Засыпкин Б. Н. Обследование памятников архитектуры Крыма. «Новый Восток», 1927. № 18. С. 277-278.

Карлов С. В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровение древнего Солхата. Материалы международной научно-практической конференции // Под ред. А. Г. Герцена. [Харьков], 2010. С. 35-77.

Козлов В. Ф. Директор музея // Йылдыз. 1996. № 4. С. 112-125.

Козлов В. Ф. Боданинский Усеин Абдурефиевич // Деятели крымско-татарской культуры (1921-1944 гг.): библиографический словарь / гл. ред.-сост. Д. П. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. С. 59-61.

Ломакин Д. А. Бахчисарайский дворец-музей тюрко-татарской культуры и исследование мусульманских памятников XIII–XV веков в Старом Крыму (вторая половина 20-х годов XX века) // Сіверщина в історії України: Зб. наук. пр. К. : Глухів, 2010. Вип. 3. С. 33-38.

Ломакин Д. А. Исследование мусульманских памятников Старого Крыма во второй половине 20-х гг. XX века: новые материалы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 1. С. 48-52.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с. (Социальная история отечественной науки о Востоке). Сетевая версия, 2004. <http://memory.pvost.org/pages/bodaninskij.html>.

Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящий. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2007. 240 с. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 9.)

Нагорняк К. И. Новые документы по истории памятникоохранной деятельности в Крыму: Бахчисарайский отдел Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Праці Центру пам'яткознавства: Збірник наукових праць. 2013. Вип. 23. С. 167-177.

Османова Г. Деятельность Бахчисарайского музея по охране памятников в 1920-1930 гг. // Сб. докладов науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня основания

Бахчисарайского музея. Симферополь, 2007. С. 113-119.

Полканов А. Первоочередная задача КрымОХРИСа. (Педагогическая жизнь Крыма. Орган Народного Комиссариата Просвещения КССР. № 1-2. Янв.-февр. 1925 г. С. 73-74.

Прохоров Д. А. Усеин и Али Боданинские – воспитанники Симферопольской татарской учительской школы // IV научные чтения памяти Усеина Боданинского. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 30.

Урсу Д. П. Боданінський Усеїн Абдурефійович // Енциклопедія сучасної України. К., 2004. Т. 3. С. 113.

Хлівнюк О. Основні напрямки роботи з охорони культурної спадщини в Криму в 20-і рр. XX ст. // Історико-географічні дослідження в Україні. Київ, 2006. № 9. С. 400-408.

Холонина М. А. К истории подготовки СССР ко Всемирной парижской выставке 1925 года // Праці Центру пам'яткознавства, вип. 23. К., 2013.

Червонная С. М. Искусство татарского Крыма / Российская академия художеств. М., 1995. 320 с.

Черкезова Э. О славном роде Боданинских // Голос Крыма. Симферополь, 2003. 9 мая.

Эминов Р. Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив № 2 (24), 2011. С. 48-64.

Эминов Р. Р. Деятельность Фоминых-Боданинских в Бахчисарайском дворце-музее // Документирование театрального наследия: Международная научная конференция: к 90-летию Российской государственной библиотеки искусств: доклады, сообщения, публикации / Рос. гос. б-ка искусств; сост. А. А. Колганова. М. : Новое издательство, 2013. С. 235-245.

Яблоновская Н. В. Проблема культурного возрождения крымских татар и диалога культур на страницах газеты Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета «Голос татар» (1917) // Культура народов Причерноморья. 2004. № 47. С. 174-177.

2.4. АКЧОКРАКЛЫ ОСМАН НУРИ-АСАНОВИЧ

Ученый, искусствовед и писатель Осман Акчокраклы родился в 1879 г. (по другим данным – 1878 г.) в с. Ак-Чокрак (ныне часть Бахчисарая). По одним данным дата его рождения – 3 января, по другим – 20 октября (Урсу, 1996). Отец – Нури Асан – был известен как знаток арабского языка и каллиграф. Осман с достоинством пошел по его стопам. Современники отзывались об О. Акчокраклы как о талантливом педагоге, хорошем каллиграфе, знатке мусульманских почерков. Он украсил орнаментами и цитатами из Корана некоторые мечети Петербурга и Бахчисарая (Урсу, 1999, с. 27; 21; Урсу, 2001, с. 341).

Осман получил начальное образование в медресе Бахчисарая, в 1895-1896 гг. продолжил образование в Константинополе, а в 1908 г., с целью повышения образования посещал Каир. В 1899-1901 гг. О. Акчокраклы преподавал каллиграфию на факультете восточных языков СПбУ, в том числе известному арабисту И. Ю. Крачковскому. В Санкт-Петербурге работал с востоковедом, издателем и каллиграфом бахчисарайцем Ильясом Бораганским. В 1899 г., в его типографии, в виде книги из 45 страниц, было издано первое крупное художественное произведение О. Акчокраклы – повесть «Ненкеджан ханым дюрбеси» («Гробница Ненкеджан ханым»), написанная им в 1898 г. Кроме того, в типографии И. Бораганского издаются выполненные О. Акчокраклы переводы ряда произведений русской литературы на крымско-татарский язык: сборник «Крыловдан он къыссе» («Десять басен Крылова») (1901), произведения А. С. Пушкина – «Бахчисарай-

ский фонтан и Талисман, сочинение Пушкина с переводами на татарский язык крымского наречия Османа Акчокраклы» (1899), изданные на русском и крымско-татарском языках к столетию рождения А. С. Пушкина, комедия Н. В. Гоголя «Женитьба» (1903). В 1900 г. были изданы «Образцы мусульманских писем» и «Каллиграфия ислама», в 1906 г. – «Къырым гъонджелери» («Бутоны Крыма») и т. д. (Урсу, 2001, с. 341-342).

В 1901-1905 гг. О. Акчокраклы служил в армии, а после возвращения в Бахчисарай в течение 1906 г. работал в двуязычной газете «Терджиман» («Переводчик»), принадлежавшей просветителю Исмаилу Гаспринскому. В 1908-1910 гг. О. Акчокраклы работал в Оренбурге редактором журнала «Шура». Перед первой мировой войной жил в Одессе, женился на дочери одесского имама Зоре и вскоре переехал в Бахчисарай (Урсу, 1996), где продолжил работу в «Терджимане» (1910-1916 гг.), одновременно преподавая в духовном училище Зинджирлы-медресе (Урсу, 1999, с. 28).

В 1917 г., как и другие представители крымско-татарской интеллигенции, Осман Акчокраклы занимается общественно-политической деятельностью, становится членом Курултая (1917-1918 гг.), партии «Милли Фир-

Рис. 106. Кырк Азислер. Фото. 1926 г. Раскопки кладбища. На переднем плане стоит О. Н.-А. Акчокраклы (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 29. Л.55-1).

Рис. 107. Степной Крым. Негатив. 1925 г. О. Н.-А. Акчокраклы (в центре кадра) во время работы этнографической экспедиции. Слева на стуле – У. А. Боданинский (Фонды БИКАМЗ. Ф-582).

ка», вместе с Усеином и Али Боданинскими работает в газете «Голос татар» (Яблоновская, 2004, с. 174-175). На страницах этого издания, а также газет «Терджиман» и «Миллет» («Народ») он публикует ряд статей, посвященных литературной критике, а также истории и археологии Крыма. В это же время он преподает черчение и прикладную механику в Татарской художественно-промышленной школе, открытой одновременно с Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры, на его территории (Нагорняк, 2011, с. 174). Работая в музее, занимается систематизацией и изучением рукописного и книжного фонда (Эминов, 2011, с. 55). С 1926 г. О. Акчокраклы становится секретарем Ученого совета, созданного У. Боданинским для решения вопросов научной и просветительской работы музея.

Наиболее плодотворный период деятельности

О. Акчокраклы пришелся на 20-е гг. В 1921 г., после окончания гражданской войны, по инициативе О. Акчокраклы в здании типографии «Терджиман» был открыт Дом-музей крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского. О. Акчокраклы возглавил музей, был первым его хранителем (Эминов, 2011, с. 55). Но уже в 1922 г. ввиду тяжелого материального положения, он был вынужден перевестись в Симферополь, где сменил род деятельности. Проживал в Симферополе в пер. Больничном, д. 4.

Не имея высшего образования, О. Акчокраклы получил скромную должность младшего ассистента и стал лектором восточного факультета Крымского университета (после 1925 г. – Крымский педагогический институт). Здесь он преподавал турецкий язык, историю Востока, восточную каллиграфию и палеографию, а с 1932 г. – крымско-татарский фольклор и этнографию. Кроме того, он читает лекции

Рис. 108. Старый Крым. Фото 1925 г. Караван-Сарай. О. Н.-А. Акчокраклы на переднем плане, с кепкой в руке (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 32. Л.40).

Рис. 109. Старый Крым. Фото. 1926 г. Участок сада, примыкающего к домовладению Чеканова. Исследование на месте предполагаемого дворца Солхата.
О. Н.-А. Акчокраклы (крайний слева) с участниками раскопок
(ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 32. Л.44).

в Киевском и Харьковском университетах, а в 1922-23 гг. преподает краеведение в Тотай-койском (Крымско-татарском) педагогическом техникуме.

В этот период О. Акчокраклы активно занимается научной деятельностью. В 1923 г. он стал членом Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ). Ряд небольших этнографических экспедиций, проведенных в Крыму в начале 20-х гг. с целью сбора предметов быта крымских татар (организованы заведующим КрымОХРИСа Г. А. Бонч-Осмоловским и професором Б. Ф. Добрыниным), не оставили в стороне музей и бахчисарайское отделение КрымОХРИСа, членом которого был О. Акчокраклы. В 1923 г. им была проведена этнографическая экспедиция в Восточном Крыму (деревни Ускут, Капсихор, Арпат, Шелен), а в августе-сентябре 1924 г., вместе с У. А. Боданинским, осуществлен ряд обширных поездок по Бахчисарайскому району и Крыму (Мусаева, 2007, с. 54). Результатами их, помимо сбора экспонатов, стала постановка на учет памятников архитектуры и подробное изучение ко-
жевенного производства крымских татар (Асанова, 2012, с. 140). С этого времени и до 1930 г. О. Акчокраклы и У. Боданинский становятся не только постоянными членами и организатора-

ми ежегодных этнографических и археологических экспедиций (Асанова, 2009, с. 7-14), но и систематически публикуют результаты исследований. Так, в сентябре октябре 1924 г. они приняли участие в первых раскопках, проведенных бахчисарайским музеем, КрымОХРИСом и Научной Ассоциацией Востоковедения ЦИК СССР на территории урочищ Эски-Юрт, Азис и кладбища Кырк-Азизлер (рис. 106). В этом же году У. Боданинский и О. Акчокраклы произвели рекогносцировку памятников Солхата и наметили перспективный план их

Рис. 110. Старый Крым. Бумага, карандаш. 1926 г.
Лист из эпиграфического дневника О. Н.-А. Акчокраклы
(ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 37. Л. 2).

исследований бахчисарайским музеем (Боданинский, 1930, с. 6). Полномасштабные раскопки Солхата ими были проведены летом 1925 г. (рис. 108) в составе Научной экспедиции по изучению татарской культуры, организованной совместно с Научной Ассоциацией Востоковедения при ЦИКе СССР (Боданинский, 1925). В рамках этой экспедиции в июле-сентябре были продолжены и этнографические исследования, основной задачей которых стало всестороннее изучение крымско-татарской культуры. На О. Акчокраклы, как на человека, великолепно знавшего арабский и турецкий языки, было возложено «историческое и экономическое обследование, запись фольклора, собирание эпиграфических памятников». Он принял самое активное участие в проведении экспедиции и обследовал 30 из более чем 60-ти деревень, которые посетили ее члены, им было зафиксировано несколько сотен образцов устного народного творчества, литературы, а также около 400 родовых тамг (рис. 107). По результатам экспедиции 1925 г., О. Акчокраклы выступил с сообщениями на заседаниях ТОИАЭ, а в 1926 г. в Бахчисарае, в виде отдельного издания на татарском языке арабской графикой, была опубликована его работа «Крымда татар тамгарлы». На русском языке она была опубликована в 1927 г. в Известиях Крымского педагогического института под названием «Татарские тамги в Крыму» (Акчокраклы, 1925, с. 32-47). В том же году, в Известиях ТОИАЭ выходит и другая его работа – «Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв.», посвященная изучению 145 надгробий (рис. 112), найденных в Старом Крыму (рис. 109) в результате работ археологической экспедиции 1925-1926 гг. (Акчокраклы, 1927, с. 5-17) (рис. 110, 111, 113).

В 1927 г. О. Акчокраклы и практикантом Б. Джеппаровым были проведены небольшие предварительные работы по выяснению

Рис. 111. Старый Крым. Фото. 1926 г. Медресе. Участники археологической экспедиции. В центре верхнего ряда – О. Н.-А. Акчокраклы. В среднем ряду У. А. Боданинский (крайний сидящий слева) (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 30. Л. 41).

топографии городища Чуфут-Кале и изучению эпиграфического материала. Результатам этих работ посвящена статья «Новое из истории Чуфут-Кале», изданная в Известиях ТОИАЭ в 1928 г. (Акчокраклы, 1928, с. 158-172). А в 1928-1929 гг. экспедицией с участием О. Акчокраклы (рис. 114) были раскопаны остатки мечети XIV в. на Чуфут-Кале (Боданинский, Засыпкин, 1929, с. 170-187; Боданинский, 1930, с. 8-9; Мусаева, 2007, с. 82, 92), был открыт и исследован ряд памятников в ближайшей округе Чуфут-Кале (водопровод с источником «Хаммам-Чокрак», фундаменты ханского дворца в урочище «Ашлама-Сарайлык») (рис. 115). В 1929 г. О. Акчокраклы в Известиях ТОИАЭ была выпущена статья «Эпиграфические находки», посвященная результатам изучения памятников эпиграфики, открытых во время археологических экспедиций 1927-1929 гг. на Чуфут-Кале (Акчокраклы, 1929, с. 183-187). В том же издании была опубликована его работа «Старо-Крымские надписи», посвященная отдельным надписям на 175 памятниках Старого Крыма, найденных во время археологической экспедиции 1928 г. (Акчокраклы 1929, с. 152-159) (рис. 116).

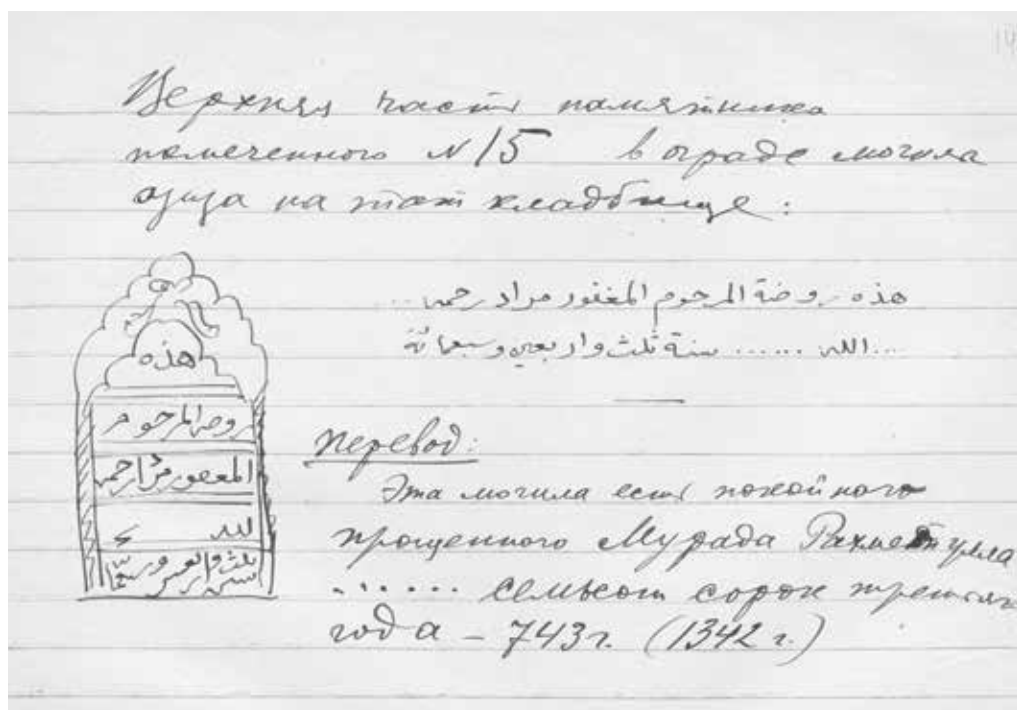

Рис. 112. Старый Крым. Бумага, карандаш. 1926 г. Лист эпиграфического дневника О. Акчокраклы с изображением надгробного камня (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 34. Л.139).

Во время этнографической экспедиции 1929 г. О. Акчокраклы вместе с У. Боданинским, музейным фотографом Яновским и архитектором ЦГРМ Б. Н. Засыпкиным, с целью изучения крестьянских жилищ и женского ткацкого производства посетили деревни Биюк-Озенбаш и Кучук-Озенбаш. Последний раз официальное участие в археологических экспедициях музей принял в июле 1930 г., когда О. Акчокраклы был командирован на археологические раскопки в Старый Крым и на Чуфут-Кале (Эминов, 2011, с. 58) (рис. 117).

Одновременно с работой в этнографических и археологических экспедициях, О. Акчокраклы принимает активное участие в научных конференциях. В частности, он был назначен секретарем тюрко-татарской секции на состоявшейся в сентябре 1926 г. Всесоюзной археологической конференции в Керчи (Ос-

манова, 2007, с. 116). В том же году по командировке КрымЦИК участвовал в Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку, где представил результаты исследований крымских тамг. Кроме того, планировался ряд докладов О. Акчокраклы по истории и археологии на несостоявшемся в 1925 г. Первом Всесоюзном татароведческом съезде (Мусаева, 2007, с. 65-67). В ходе этнографической экспедиции 1925 г. Осман Акчокраклы вместе с Усеином Боданинским обнаружил у старожила села Капсихор рукопись дастана Джан-Мухаммеда-эфенди «Тугай-бей» (1648). Об этом историко-литературном памятнике, посвя-

щенном походу известного полководца, перекопского мурзы Тугай-бея в помощь Богдану Хмельницкому, Акчокраклы в 1929 г. сделал доклад на заседании ТОИАЭ и на II Всеукраинском съезде востоковедов в Харькове (Урсу, 1999, с. 28). Краткое изложение поэмы было

Рис. 113. Отузы. Фото. 1926 г. Участники экспедиции и местные жители. О. Н.-А. Акчокраклы стоит слева у надгобия (ОПИ ГИМ, Ф. 598. Д. 45. Л.23).

Рис. 114. Чуфут-Кале. Фото 1928 г. О. Н.-А. Акчокраклы (стоящий слева) на раскопках мечети во время археологической экспедиции (ГНИМА. ОФ 6079 – 060).

опубликовано в 1930 г. в украинском журнале «Східний світ» (Восточный мир) под названием «Татарська поема Джан-Мухамедова про похід Іслям-Гірея II (III) спільно з Богданом Хмельницьким на Польщу 1648-49 рр.» (Акчокраклы, 1930, с. 163-170). В конце 20-х гг. в журнале «Східний світ» публикуется еще целый ряд статей О. Акчокраклы, в том числе посвященных научно-исследовательской работе в Крыму в 1927-1928 гг. («Короткий огляд науково-дослідчої роботи в Криму протягом 1927-1928 р.», «Науково-дослідча робота по історії матеріальної культури у Криму за 1928 р.»). Благодаря дружеским отношениям с востоковедом-тюркологом, академиком А. Е. Крымским, была опубликована статья «Антологія з кримсько-татарських поетів» в сборнике «Студії з Криму» (Акчокраклы, 1930, с. 191-198). А исследования крымско-татарских и турецких письменных источников посвящены статьи «Татарские документы XV-XIX вв., хранящиеся в Центрархиве Крымской АССР» (1931) и «Крымско-татарские и турецкие исторические документы, вновь поступившие в Крымский Центрархив» (1932), опубликованные в Бюлетене Центрального архивного управления Крым-

ской АССР. В 1933-1934 гг. О. Акчокраклы работал по заказу Научно-исследовательского института национально-культурного строительства над книгой по истории крымско-татарского языка.

В 20-30-е гг. О. Акчокраклы продолжает активную литературную и популяризаторскую деятельность (Керимов, 1998). В 1920 г., в серии номеров газеты «Миллет», была напечатана его монография «Къырым тюрк-татар эдебиятынынъ къыскаджа тарихчеси» («Краткая история крымско-татарской литературы»), к 1924 г. относится написание произведения из 33 глав «Къырымны кучюк бир долашув» («Небольшое путешествие по Крыму»). В 20-е гг. им издается

целый ряд статей на крымско-татарском языке: «По случаю 5 мая – дня печати» («Окъув ишле-

Рис. 115. Чуфут-Кале. Бумага, карандаш. 1928 г. Страница из полевого археологического дневника О. Н.-А. Акчокраклы (ИИМК. Ф. 2. Д. 150/1930. Л. 65).

ри», 1925, № 2, с. 7-14), «Кто был Сеит Абдулла Озенбашлы» («Енъи дюнъя», 1924, 11 января), «Из жизни нашего театра» («Енъи дюнъя», 1923, 5 декабря), «Крымско-татарское типографское дело» («Илери», 1927, № 4, с. 17-23). В 1924-1925 гг. газета «Еъни дунъя» печатает 23 очерка Акчокраклы о городах и селах Крыма, их достопримечательностях истории, археологии, этнографии крымских татар.

О. Акчокраклы, изучавшим древние эпосы «Чора-Батыр» (XVI в.), «Легендарный Эдиге» (XIV-XV в.), «Къопланды-Батыр» (Урсу, 1999, с. 29), удалось применить свои знания крымского фольклора не только к написанию научных статей и популярных очерков. Вместе с композитором А. Рефатовым в 20-е гг. он написал либретто к музыкальной драме «Чора-батыр», повествующей об истории обороны Казани против московского

Рис. 117. Чуфут-Кале. Фото 1929 г. О. Н.-А. Акчокраклы (крайний справа) и участники раскопок мечети во время археологической экспедиции (ГНИМА. ОФ 6079 – 074).

Рис. 116. Чуфут-Кале. Фото 1929 г. О. Н.-А. Акчокраклы за прочтением надписи с датой 746 г. (1346 г.) в кладке северной стены мечети (ГНИМА. ОФ 6079 – 043).

царя Ивана IV Грозного – первой оперы на крымско-татарском языке, а в 1927 г. сделал перевод поэмы А. С. Пушкина для музыкальной драмы «Багъчасарай козьаш чешмеси» («Бахчисарайский фонтан слез») (1927), которая с успехом шла на сцене Крымского государственного татарского театра.

Еще в 1929 г. преподаватель Крымского педагогического института О. Акчокраклы попадает в поле зрения обкома партии и обвиняется в национализме (Урсу, 1996), за что в начале 30-х гг. подвергается травле в печати. В 1934 г. он был уволен из КПИ, некоторое время преподавал географию в комсомольской школе (Люди и судьбы, 2004), затем уехал к сестре в Баку. Здесь, 7.04.1937 г. (по другим сведениям 5.04.), он был арестован и переправлен в Симферополь. Обвинен в пантюркизме, контрреволюционной дея-

тельности (участие в контрреволюционной миллифирковской организации) и шпионаже в пользу английской и турецкой разведок. Выездной сессией Верховной Коллегии Верховного Суда СССР 17.04.1938 г., вместе

с другими видными деятелями крымско-татарской интеллигенции, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. На суде в последнем слове заявил о своей невинности (Урсу, 1996).

А. А. ВОЛОШИНОВ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Асанова У. К. У. А. Боданинский – организатор этнографической деятельности Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в 20-30-е гг. XX в. // Матеріали других Всеукраїнських Зарембівських читань: «Українське пам'яткознавство: Сучасні проблеми та тенденції» / гол. ред. Титова О. М. / Центр пам'яткознавства НАН України та УТОPIK. Київ, 2009. С. 7-19.

Асанова У. К. Карасубазар в этнографо-экспедиционных исследованиях У. А. Боданинского (1921-1926 гг.) // Мир Бекира Чобан-Заде. Сборник материалов I Крымской международной тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар) 23-25 мая 2012 г. / Сост.: А. Р. Эмиров. Симферополь: НАТА, 2013. С. 138-149.

Асватуров А. С. Книги из библиотеки академика А. Н. Самойловича в фонде Отдела национальной литературы РБН. // Российская библиотечная ассоциация. Электронный журнал-препринт, № 5, декабрь, 2003. Доступно по URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag05/1.php?apka=12&id_sec=11

Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму: (Материалы научно-этнографической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму, 1925) // Изв. Крымского педагогического института. 1927. Кн. 1. С. 32-47.

Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ, 1927 г., т. 1, с. 5-17.

Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ, 1928. Т. 2 (59). С. 158-172.

Акчокраклы О. Эпиграфические находки // ИТОИАЭ, 1929. Т. 3. С. 183-187.

Акчокраклы О. Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ, 1929 г., Т. 3 (60). С. 152-159.

Акчокраклы О. Антологія з кримсько-татарських поетів // Студії з Криму. Київ, 1930. С. 191-198.

Акчокраклы О. Татарська поема Джан-Мухамедова про похід Іслям-Гірея II (III) спільно з Богданом Хмельницьким на Польщу 1648-49 рр. // Східний світ. 1930. № 3. С. 163-170.

Боданинский У. Крым много веков назад: Работа этнографической группы научной экспедиции Крым ЦИКа и СНК // Красный Крым. Симферополь, 1925. 23 авг.

Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале: По материалам раскопок 1928-1929 гг. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. 3. С. 170-187.

Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Отдельный оттиск из сб. Крымплана «Реконструкция народного хозяйства в Крыму». Выпуск II: Симферополь, 1930. С. 3-31.

Керимов И. А. Эволюция крымско-татарского художественного слова в конце XIX и начале XX века // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алматы, 1998.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с. (Социальная история отечественной науки о Востоке.) Сетевая версия, 2004.

Доступно по URL: <http://memory.pvost.org/pages/akchok.html>

Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского / Отв. ред. А. А. Непомнящий. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2007. 240 с. (Биобиблиография крымоведения; Вып. 9.)

Нагорняк К. И. Новые документы по истории памятникоохранной деятельности в Крыму: Бахчисарайский отдел Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Праці Центру пам'яткознавства: 36. наук. пр. 2013. Вип. 23. С. 167-177.

Османога Г. Деятельность Бахчисарайского музея по охране памятников в

1920-1930 гг. // Сб. докладов науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня основания Бахчисарайского музея. Симферополь, 2007. С. 113-119.

Урсу Д. П. Расстрелянное поколение крымско-татарских подвижников культуры. Осман Акчокраклы // Голос Крыма. 1996. 15 марта.

Урсу Д. П. Акчокраклы Осман Нури-Асанович // Деятели крымско-татарской культуры (1921-1944): библиографический словарь. Симферополь: Доля, 1999. С. 27-31.

Урсу Д. П. Акчокраклы Осман Нури-Асанович // Енциклопедія сучасної України. К., 2001. С. 341-342.

Яблоновская Н. В. Проблема культурного возрождения крымских татар и диалога культур на страницах газеты Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета «Голос татар» (1917) // Культура народов Причерноморья. 2004. № 47. С. 174-177.

Эминов Р. Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив № 2 (24), 2011. С. 48-64.

2.5. ГОЛЛАНДСКИЙ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

Павел Иванович Голландский (1861-1939) – профессор архитектуры, искусствовед, историк и археолог, реставратор, художник, педагог, один из ярких представителей культуры Крыма 20-х – 30-х гг. XX столетия (рис. 118).

Основные вехи жизни и его разностороннюю деятельность можно проследить по документам, хранящимся в Государственном архиве Республики Крым, архиве Института археологии Крыма РАН, в фондах крымских музеев (Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника, Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, Центрального музея Тавриды), в небольшом количестве – в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины. Среди этих материалов особенно важны автобиография, написанная Павлом Ивановичем в 1938 г. (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 1-13); анкета, заполненная им в 1937 г. как членом Союза советских архитекторов (беспартийный, русский, из простого казачьего сословия; ни в каких политических партиях не состоял; в старой армии и у белых не служил, в Красной армии не состоял; знает языки: русский, украинский, польский, читает по-французски и по-немецки; женат, имеет сына 14 лет; в Союзе архитекторов состоит с 1935 г.) (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 14-14 об.); документ «Деятельность и научные заслуги проф. Голландского П. И. в Крыму», выданный в 1971 г. для пенсионного фонда его вдове крымским отделением Союза советских архитекторов; письмо А. И. Полканова от 25 февраля 1971 г. об увековечении памяти П. И. Голландского (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 18-20; Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 333). Важны также материалы, имеющиеся в архивах Москвы и Киева (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 232. См. также: Хливнюк, 2007; Мусатова, 2007, с. 237). В крымской прессе 1920-х – 1930-х гг. Голландский упоминается в записях поэта и художника Максимилиана Волошина,

Рис. 118. Павел Иванович Голландский. Фото 1910-х гг. (из архива семьи Голландских).

в воспоминаниях художника Николая Барсамова (Купченко, 2007, с. 166, 316; Барсамов, 1971, с. 96). Фотографии, помещенные в данной статье, происходят из частного архива семьи Голландских.

Жизнь и деятельность Голландского кратко освещались в научной и популярной литературе (Сольский, 1940; Шантырь, 1980, с. 4; Непомнящий, 2005, с. 144-145, 319-321, 324-325; 2012, с. 457; 2015, с. 832), более полно – в статье А. А. Антонюк (Антонюк, 2007) и работах Э. Б. Петровой (Петрова, 2012; 2013).

РАННИЕ ГОДЫ. СТАНИЦА АКСАЙСКАЯ

Новочеркасск. Павел Иванович Голландский родился 14 (26) декабря 1861 г. в станице Аксайской Области Войска Донского (ныне

Ростовская обл.). История его рода восходит к временам Петра I, когда на службу в Россию приглашались моряки и кораблестроители из Голландии. Первым представителем династии был корабельный мастер Ян из Заандама, с группой соотечественников поселившийся на Дону. Ян был среди тех, кто создавал военно-морской флот России. Во времена Екатерины II один из его правнуков, не пожелав взять русское имя, на чем настаивала императрица, стал именоваться по национальности своего предка Голландским (Шантырь, 1980, с. 4).

В автобиографии Павел Иванович пишет, что его отец был рядовым казаком, умер в 1865 г. от скоротечной чахотки. Мать с тремя детьми осталась без средств к существованию. Павла, старшего из детей, взял на воспитание его дядя, бывший помощником присяжного поверенного при Новочеркасском окружном суде. Он подготовил мальчика к поступлению в Новочеркасскую гимназию. Павел учился хорошо. Будучи гимназистом третьего класса давал уроки ученикам более младших классов и тем, кто готовился к поступлению в гимназию. Очень увлекался рисованием и занимался им до конца учебы в гимназии, намереваясь поступить в Академию художеств, но из-за того, что, как он пишет, «курс Академии неопределенный и вообще длительный» (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 4), а жить было, в общем, не на что, пришлось расстаться с мечтой. Гимназический курс он закончил в 1884 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (1884-1898 гг.). УЧЕБА И НАЧАЛО ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В том же году Павел поступает на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Но после трех лет учебы в университете переходит на первый курс в Институт гражданских инженеров, где, как он узнал, хорошо было поставлено изучение архитектуры.

По завершении учебы в 1892 г. Павел Голландский работает у известных петербургских архитекторов. Затем недолго в Киеве – в Управлении архитектуры Юго-Западных железных

дорог. С осени 1893-го преподает в Петербурге рисование и черчение по архитектурным формам в Институте путей сообщения. Одновременно работает как архитектор-практик в Управлении Балтийской железной дороги, на Балтийском судостроительном заводе, участвует в реставрации петербургских дворцов.

КИЕВ (1898-1919 гг.). РАСЦВЕТ ТВОРЧЕСТВА

Однако вскоре Павел Иванович был вынужден покинуть столицу. Он переболел воспалением легких, получив его при подготовке к спуску крейсера «Россия», и по рекомендации врачей перебрался в более теплые края. В 1898 г. Голландский переезжает в Киев, где в это время организовывался Политехнический институт. Его рекомендовали ректору института как подходящего руководителя по рисованию, черчению и архитектуре. На пятый год работы он получает степень адъюнкта, с 1910 г. работает в должности профессора кафедры архитектуры. Преподает курсы «Архитектурные формы», «История архитектуры», «Римские классические ордера» (эти курсы были изданы Политехническим институтом). Изучает зодчество эпохи Киевской Руси. Как ученый секретарь Киевского общества истории, археологии и искусства, занимается реставрацией памятников средневековья и археологией: участвует в раскопках у Десятинной церкви, у «Золотых ворот», усадьбы Софийского собора, церкви Спаса на бору, собора в Выдубичах.

Летом, во время каникул, ездит во Францию, Германию, Италию, углубленно изучает западноевропейское зодчество. В 1900 г. его командировуют на всемирную выставку в Париже для изучения архитектурных и инженерных сооружений и для ознакомления с организацией пассажирских вокзалов Парижа, Франкфурта, Кельна. Эти штудии вылились в желание написать книгу по истории архитектурных форм, для которой Голландский делал чертежи и рисунки (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 19-20). К сожалению, книга так и не увидела свет, рукопись потеряна. Часть чертежей хранится в фондах ЦМТ.

Рис. 119. Павел Иванович Голландский с женой и сыном. Фото 1934 г.
(из архива семьи Голландских).

В Киеве Павел Иванович продолжал трудиться и как архитектор-практик: создавал проекты зданий – учебных заведений, магазинов, частных особняков; участвовал в конкурсах на проекты зданий, выступал в роли члена конкурсных комиссий (Сольский, 1940; Сердюк, Мокроусова, 1994; Ковалинский, 2003, с. 58, 61, 118, 213; Мокроусова, 2010; Мокроусова, Кадомська, 2011). Наиболее полно этот период жизни Павла Ивановича отражен в статье Б. П. Сольского, здесь же представлены фотографии нескольких зданий, возведенных по проектам Голландского в Киеве и за его пределами. Среди реализованных его проектов в Киеве – здание для двух начальных школ, выполненное в романо-византийском стиле, внутри украшенное замечательными росписями; здания торговой школы и художественного техникума; богатые особняки для семей Терещенко, Драгомиловых, Уваровых, Ханенко. Голландский занимался также внутренним убранством зданий – размещением мебели, светильников, зеркал, настенных панно, картин. Роскошные дома строил он для известных российских предпринимателей, сахарозаводчиков и меценатов Терещенко в Киеве и за его пределами; а особняк на четыре десятка комнат, возведенный в

1905-1907 гг. по заказу Н. В. Терещенко (жены к тому времени покойного Ф. А. Терещенко) в селе Денешинине Житомирской обл., характеризуется Сольским как «чудесный образец итальянского ренессанса», снабженный великолепными интерьерами, как постройка, созданная архитектором в период наивысшего расцвета его творчества. Ныне здания, построенные по проектам П. И. Голландского или при его участии в Киеве, входят в число памятников

архитектуры, охраняемых государством.

В Киеве Павел Иванович приобрел огромный практический опыт, здесь ему довелось работать с лучшими архитекторами и войти в их число.

В начале 1914 г. он получает блестящее предложение – занять кафедру профессора по истории искусств древнего Востока в Киевском археологическом институте. Но успевает прочитать лишь несколько лекций. Начавшаяся Первая мировая война разрушает все его планы.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ СУДЬБЫ. СЕВАСТОПОЛЬ (1919-1923 гг.)

В годы Гражданской войны Павел Иванович, человек далекий от военного дела и политики, принимает решение покинуть занятый петлюровцами Киев и вернуться в родные края – в Новочеркасск; но из-за неурядиц на транспорте он случайно оказывается в Крыму, в Балаклаве (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 10-10 об.).

Это произошло в 1919 г. Немолодой человек, лишенный средств к существованию, попадает в чужой край, не имея возможности вернуться

ся ни в Новочеркасск, ни в Киев. Благодаря рекомендациям, полученным от нескольких знакомых по Киеву, устраивается на работу в Севастополе – в Славянское товарищество пароходства и торговли. Ему поручают сопровождать груз, перевозившийся на пароходе в Константинополь. И он получает возможность в течение двух месяцев изучать зодчество бывшей столицы Византийской империи, а заодно ближе узнать и турецкую архитектуру.

Но когда стало известно, что Красная армия вступила в Крым, он на случайном пароходе возвращается в Севастополь и уже до конца жизни не покидает полуостров. Спасает от разрушения и разграбления раритеты, возводит новые постройки. Здесь он с присущей ему энергией и любовью к своему делу погружается в изучение архитектуры и искусства народов, населявших Крымский полуостров на протяжении веков и тысячелетий.

В 1920-1923 гг. Голландский работает научным сотрудником в Херсонесском музее (ныне Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»). С устройством на работу ему помог директор музея Лаврентий Алексеевич Моисеев. Жизнь была неустроенная, разразившийся в 1921-1922 гг. голод унес немало жизней, в том числе музейных работников.

В Севастополе Павел Иванович обретает семью. Его жена – Ольга Павловна Голландская (урожд. Пересыпкина). В 1923 г. у них родился сын Олег (рис. 119).

ГОДЫ ЖИЗНИ В СИМФЕРОПОЛЕ (1923-1939 гг.)

В том же 1923 году семья переезжает в Симферополь, с лета 1923 и до 1927 г. Голландский по приглашению Александра Ивановича Полканова работает в Центральном музее Тавриды одновременно в двух должностях: научного хранителя музея и заведующего художественным отделом (картинной галереей). Формирует музейные фонды, создает экспозиции, организовывает выставки, занимается ремонтом здания музея, бывшего до революции домом офицерского собрания 51-го Литовского

полка (ныне здание Симферопольского художественного музея). В 1927 г. музей переехал в здание бывшего Приюта для девочек графини Адлерберг (сейчас в нем располагается Крымский этнографический музей). Во время частых командировок Полканова исполняет его обязанности директора музея (ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 1. Д. 1-2).

Оказавшись в незнакомом Крыму, Павел Иванович довольно скоро был признан знатком его истории и культуры. 18 ноября 1923 г. он становится членом Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), выступает на заседаниях Общества с докладами, предлагает конкретные меры для сбережения и реставрации памятников истории и культуры, сообщает о результатах археологических исследований архитектурных памятников средневекового Солхата, в организации и проведении которых принимал самое активное участие.

Рис. 120. Евпатория. Бумага, карандаш.
П. И. Голландский. Хан Джамии (Фонды ЦМТ. КП-13894).

Рис. 121. Евпатория. Бумага, карандаш. П. И. Голландский.
Старая кофейня у входа во двор Хан Джамии в Евпатории
(Фонды ЦМТ. КП-13894).

Службу в музее Павел Иванович совмещал с работой в Крымском областном комитете по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта (КрымОХРИС), организованном в ноябре 1920 г. при Крымнаробразе и на протяжении почти всех лет его существования (комитет был ликвидирован в апреле 1927 г.) управлявшимся А. И. Полкановым.

П. И. Голландский принял участие в издании подготовленного КрымОХРИСом «Путеводителя по Крыму» наряду с такими известными крымоведами, как У. А. Боданинский, А. И. Маркевич, А. И. Полканов, Н. Л. Эрнст (Путеводитель по Крыму, 1923).

Как работнику КрымОХРИСа, ему приходилось заниматься ревизией и ремонтом зданий крымских музеев, обследованием памятников архитектуры и их охраной. Все это требовало много времени и напряжения сил.

В особенности многотрудной (и драматичной) была работа П. И. Голландского в годы жизни в Севастополе, когда внимание КрымОХРИСа было сосредоточено на изъятии ценностей во дворцах, имениях, на дачах их бывших владельцев.

15 июля 1924 г. заместитель заведующего КрымОХРИСа Я. П. Бирзгал сообщил в ГПУ о злоупотреблениях заведующего музеем Севастопольской обороны Л. А. Моисеева, бывшего также директором Херсонесского музея и возглавлявшим Севастопольское отделение Крымохриса (Севмузохрис). Его обвинили в отсутствии «актов приема... экспонатов и вещей музея» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 138 а. Л. 15). Моисеева и группу работников Севмузохриса, а также связанного с ними по работе Голландского обвинили «в экономической и политической контрреволюции» и арестовали. Им инкриминировали незаконное возвращение прежним владельцам «громadного количества ценного имущества (музейного значения и вообще промышленной ценности), собранного в свое время комиссией по ущемлению – экспроприации буржуазии – и конфискованного на основании существовавших тогда революционных законов». Их обвиняли также в том, что в 1920–1924 гг. не были учтены экспроприированные и находящиеся в музее ценности и не была произведена их инвентаризация, в связи с чем «явилась громадная возможность всевозможных хищений» (ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 52. Л. 34. См. также: Андросов, 2009).

Между тем, возвращение конфискованных вещей – мера вынужденная, так как условия их хранения были абсолютно неподходящими, в результате погибло немало художественных произведений. Целесообразнее было вернуть прежним хозяевам те предметы, которые еще можно было спасти. Возвращение ценностей производилось по соответствующему декрету Совнаркома, по распоряжению музейного отдела Наркомпроса и только потом – по постановлению музейного Комитета (членом которого был Голландский, как и все подследственные) и по распоряжению уполномоченного Севмузохриса. Важно также то, что вещи возвращались их владельцам не в собственность, а во временное пользование.

Следствие длилось 28 месяцев. Дело разбиралось Главным судом Крымской АССР и было

закрыто 25 октября 1926 г. из-за отсутствия состава преступления. Впрочем, Голландский был освобожден из-под ареста еще в конце августа 1924 г., за него поручились Полканов и Бирзгал, ему разрешили вернуться к исполнению своих должностных обязанностей. Очевидно то, что в его работе была большая потребность.

К 1925 г. работа КрымОХРИСа по собиранию художественных ценностей и формированию фондов музеев в основном была завершена, теперь его сотрудникам предстояло заняться выявлением, охраной, ремонтом и реставрацией памятников архитектуры. Понадобились профессионалы. И Голландский назначается архитектором Крымохриса.

Павел Иванович был едва ли не единственным специалистом в Крыму, прошедшим добротную старую школу и имевшим опыт реставрационных работ. Полканов по этому поводу писал: «Большим достижением в деле охраны памятников было включение в штат Крымнаркомпроса с 1926/27 бюджетного года должности архитектора-археолога, на которого было возложено руководство всей научно-технической охраной археологических памятников. На эту должность был приглашен крупный специалист в этой области, архитектор профессор П. И. Голландский, под руководством которого и производились все ремонтные работы. Им в первую очередь было составлено общедоступное руководство по научно-технической охране архитектурных памятников, которое должно было быть издано Крымнаркомпросом» (Полканов, 1928, с. 178). («Руководство», посланное в Москву на рассмотрение Музейного отдела Главнауки, «безнадежно там застряло» и в Крым не вернулось.)

Пока велось следствие по Севохрису и по завершении этого дела П. И. Голландский по всему Крыму обследовал памятники архитектуры, составлял сметы на их ремонт и реставрацию, которые сопровождал чертежами с планами соответствующих построек, консультировал по проведению этих работ и принимал в них

непосредственное участие, организовывал выставки в Центральном музее Тавриды, рисовал для них афиши. А. И. Маркевич замечает: «В организации музея, его выставок, объяснениях и т. п. неустанное участие принимают проф. П. И. Голландский, проф. Н. Л. Эрнст и художник П. И. Крестьянполь» (Маркевич, 1925, с. 61).

Осенью 1923 г. Павел Иванович был командирован в Севастополь «для выяснения необходимости в ремонте современных сооружений при музее и для обследования состояния исторических памятников в Херсонесе». В отчете он обратил внимание на необходимость восстановить «опорные части набережной почти по всему протяжению ее в участке старого музея», устроить ограждения на территории Херсонесского городища и скрупулезно описал работы по спасению так называемого Крестового храма (что на юго-западе Херсонесского городища, на территории некрополя) и его мозаик (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 33-34, 88-90). В феврале 1925 г. совместно с директором и научным сотрудником музея он осматривал в Севастополе здание филиала Херсонесского музея, а в январе 1926 г. – Херсонесское городище. Выводы были

Рис. 122. Карасубазар. Бумага, карандаш. П. И. Голландский. Мельница на Карасу. 6.06.1927 г. (Фонды ЦМТ. КП-13894).

сделаны неутешительные: осмотр городища «дал нам картину постепенного и довольно быстрого разрушения древних памятников от действия стихии и от рук человека»; и далее предлагались меры, которые нужно срочно осуществить для спасения памятников (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 152, 154, 158).

1924-1926 гг. прошли в сплошных командировках: он едет в Алупку для составления сметы на ремонт Воронцовского дворца, а затем для обследования произведенных там «переделок»; в Евпаторию – сначала для «переброски ценностей» в Симферополь, потом для участия в комиссии Крымохриса по обследованию архитектурных памятников города (мечети Хан-Джами, текие дервишей, караимской кенасы, древних городских ворот); в Судак – для участия в экспедиции по изучению состояния памятников города, изготовления чертежей и планов тех участков генуэзской крепости, которые подлежали ремонту и ограждению, для составления сметы на ремонт крепости и организации ремонтных работ, а еще на Голландского было возложено персональное наблюдение за архитектурными памятниками Судака (ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об. – 13, 28 об., 30 об. – 31; Д. 2. Л. 26 об., 38-38 об.; Полканов А., Полканов Ю., 1985, с. 92; Охрана и изучение памятников, 2008, с. 19-23, 27-29, 96, 97, 99, 101, 118-119, 139-140, 146-147, 168-170, 179, 182. См. также материалы в архиве Института археологии Крыма РАН) (рис. 120-125).

Занимался он и обследованием средневековых армянских построек: в Евпатории – церкви, близ Старого Крыма – монастырского комплекса Сурб-Хач (соответствующие материалы имеются в архиве Института археологии Крыма РАН). Составлял сметы на ремонт некоторых помещений в монастыре (см. акт от 24 августа 1926 г. об осмотре и обследовании памятников в Старом Крыму: Мусаева, 2007, с. 149).

Во всех отчетах о поездках, докладах Павел Иванович настаивал на необходимости как

Рис. 123. Карасубазар. Бумага, карандаш. П. И. Голландский. На Карасу. 9.06.1927 г. (Фонды ЦМТ. КП-13894).

можно скорее провести описательную, графическую и фотографическую фиксацию всех архитектурных памятников полуострова, раз нет или не хватает средств на проведение работ по их ремонту и реставрации.

В 1926 г. он принял участие в археологических раскопках на Неаполе Скифском в Симферополе, где работал с Н. Л. Эрнстом и П. А. Двойченко (Филимонов, Храпунов, 1996, с. 244).

Как архитектор и археолог П. И. Голландский нередко выступал в роли консультанта. Вот что, например, писал в своих воспоминаниях хорошо знавший его художник, искусствовед, заведовавший Картинной галереей имени И. К. Айвазовского и Археологическим музеем в Феодосии Николай Степанович Барсамов: «Проект постамента памятника (памятника И. К. Айвазовского работы скульптора Ильи Гинцбурга, установленного в Феодосии у дома художника-мариниста в 1930 г. – Э. П.) мне подсказал... П. И. Голландский. С ним я часто советовался по многим вопросам музейной работы, а также охраны исторических памятников и археологических раскопок, проводившихся мною в Отузах (ныне пгт. Щебетовка. –

Рис. 124. Карасубазар. Бумага, карандаш. П. И. Голландский.
Речка Карасу, у армянской католической церкви. 5.06.1927 г.
(Фонды ЦМТ. КП-13894).

Э. П.) в 1927-1928 годах. Павел Иванович был намного старше меня, а главное – обладал широкой эрудицией, с ним очень приятно и легко работалось» (Барсамов, 1971, с. 96).

В марте-апреле 1926 г. Голландского командировали в Ленинград на съезд архитекторов учреждений Главнауки, а заодно и в Москву по делам музея и «для методической разработки вопроса об охране и реставрации памятников Крыма» (ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 1. Д. 2. Л. 25-25 об.; Охрана и изучение памятников, 2008, с. 98, 99). На совещание при Музейном отделе Главнауки, состоявшемся 9 апреля 1926 г. от КрымОХРИСа был делегирован единственно П. И. Голландский, он делал доклад о положении памятников крымской архитектуры. По докладу было принято постановление: направить «все усилия и средства на охрану и предохранение памятников от разрушения. При руинном состоянии большинства древних памятников необходимо обратить особое внимание на возможно полную их регистрацию и подробное фиксирование путем фотографирования и обмеров... по предпри-

нимаемым в настоящее время работам на ассигнованные средства по Херсонесу, Бахчисараю, Керчи и Судак» совещание указывает на необходимость в срочном порядке привлечь к надзору за ними архитектора П. И. Голландского» (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 101-102, 181).

В «Известиях ТОИАЭ» за 1927 г. была помещена его статья «К вопросу об охране исторических памятников» (Голландский, 1927), содержащая обстоятельный и профессиональный подход к теме. Павел Иванович был убежден в том, что для охраны памятников только административных мер недостаточно, их нужно защищать и от разрушающих сил природы, а для этого следует объединить усилия историков и техников. Музееведы должны знать физические и химические свойства материала, из которого сделан памятник, – это важно для изыскания способов его сохранения.

Памятники необходимо фиксиро-

вать также в чертежах, рисунках, фотографиях (что сам он обязательно делал).

Осенью 1926 г. Павел Иванович назначается научным специалистом по охране памятников старины и искусства при уполномоченном Главнауки в Крыму (оставаясь при этом хранителем ЦМТ). В этой должности, а также как архитектор-археолог Крымнаркомпроса он осуществил в 1927 г. поездки по городам и поселкам полуострова с целью выявления памятников архитектуры, наиболее значимых с точки зрения исторической и художественной и нуждавшихся в охране, ремонте и реставрации.

Во время этих поездок он делал зарисовки привлечших его внимание видов Крыма и произведений зодчества. 19 января 1971 г. альбом с этими зарисовками был передан супругой Павла Ивановича в Крымский областной краеведческий музей (ныне ЦМТ) (ЦМТ. КП-13894; ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 22. Л. 4). Рисунки датированы июнем-августом 1927 г. и июлем 1932 г. Многие из воспроизведенных в альбоме произведений зодчества в те времена находи-

лись в ведении или на учете КрымОХРИСа и Главнауки. Эти зарисовки могли быть и своего рода отчетом о поездках, и материалами для научных разработок Павла Ивановича – ведь он всю жизнь занимался изучением истории архитектурных форм. Но Павел Голландский был еще и художником. Рисунки, сделанные с графической четкостью и тщательной передачей деталей заслуживают внимания как произведения живописи. Этот альбом, а также чертежи и иные рисунки П. И. Голландского из ЦМТ, Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника и семейного архива Голландских опубликованы Э. Б. Петровой в 2013 г. (Петрова, 2013).

В письме А. И. Полканова об увековечении памяти П. И. Голландского говорится, что он «первым в Крыму обследовал все архитектурные и исторические памятники, сделав полные архитектурные обмеры, составил форму специального научного паспорта и инструкцию к нему» (ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 333. Л. 1). Сохранилась его рукопись – «Руководство по технической охране монументальных исторических памятников, их регистрации и фиксации». Текст, к сожалению, остался неопубликованным (рукопись см.: ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 13). А его инструкция «Техническая охрана памятников старины и способы их фиксации» была рекомендована к «напечатанию и распространению» на заседании музейно-археологической комиссии Академического совета Крымнаркомпроса, состоявшемся 26 марта 1927 г. Предполагалось также издать ее в сокращенном виде на крымско-татарском языке (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 108-109).

Работы по охране, ремонту и реставрации памятников протекали, однако, негладко: не хватало специалистов и выделяемых на это средств, отсюда промахи в работе, критика со стороны вышестоящих инстанций. Так, в резолюции, принятой на заседании Музейного отдела Главнауки в апреле 1926 г., говорилось о «полном отсутствии систематической охраны архитектурных памятников Крыма и технического надзора за ними», о производящихся «лишь отдельных ремонтных работах случайного характера» (Охрана и изучение памят-

ников, 2008, с. 11-12, 101-102). (А. И. Полканов считал это заявление несправедливым.)

Практическую деятельность П. И. Голландский сочетал с научной работой. Он был в числе организаторов всесоюзных научных конференций: Керченской в сентябре 1926 г., посвященной 100-летию Керченского музея древностей, и Херсонесской в сентябре 1927 г., созванной по поводу 100-летия раскопок в Херсонесе. На этих конференциях он выступил с докладами, подготовленными на основе материалов археологических раскопок в Старом Крыму («Медресе и мечеть Абдул-Азиса в Солхате») и Херсонесе («О мерах технической охраны памятников Херсонеса») (ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 3; Маркевич, 2005, с. 325; Мацулевич, 1926, с. 283-284; Вторая конференция археологов, 1927, с. 7, 30-34). Оба доклада вызвали оживленное обсуждение, а рассуждения Павла Ивановича по поводу характера архитектурных памятников Солхата – «чрезвычайно интересный научный спор» (Бороздин, 1927, с. 273; Боданинский, 1930, с. 5; Кемаль, 1927, с. 202). Павел Иванович был также непременным участником общекрымских музейных конференций, почти ежегодно проходивших с 1922 по 1930 г.

В ночь с 11 на 12 сентября 1927 г., тогда, когда проходила конференция в Херсонесе, в Крыму произошло разрушительное землетрясение. КрымЦИК назначает П. И. Голландского председателем комиссии по обследованию разрушений, нанесенных стихией, а затем и руководителем исследований по изысканию способов восстановления разрушенных построек. Стихийное бедствие не могло не сказаться на памятниках архитектуры. И Павел Иванович занимается их обследованием, выявляя повреждения. Нужно сказать, повреждения были существенными. Так, например, при обследовании мечети Хан-Джами в Евпатории в октябре 1927 г. он нашел, что «с парадной стороны здания образовались тонкие щели. Внутри мечети в трех пилонах, поддерживающих центральный купол, появились вертикальные разрывы. В средней части пилонов разрывы, видимо, проходят через всю толщу пилонов. Разорваны южные арки. Имеется также очень тонкая (волосная) щель в западном парусе

главного купола. В окнах, врезанных в главный центральный купол, появились тонкие, но видимые снизу щели» (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 185-186).

В Севастополе, как свидетельствуют протоколы заседаний комиссии и другие документы, относящиеся к обследованию и восстановлению пострадавших зданий, особое внимание обращалось на здания и остатки памятников археологии на территории Херсонесского городища; на Южно-бережье – на зданиях санаториев, в основном являвшихся памятниками архитектуры XIX – начала XX в. (здания Алупкинского-

го, Ливадийского и иных дворцов, бывшие дачи «Дельфин», «Амбир», «Камея», «Елена» и другие), больниц, учебных заведений, гостиниц, на культовые постройки, заповедники; в Судаке – на стены и башни генуэзской крепости; в Бахчисарае – на помещения Ханского дворца (см. например: ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 17. Д. 16; Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 288, 341; Оп. 6. Д. 14; Ф. Р-2058. Оп. 4. Д. 942; Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 146. Л. 32–33).

Результатом большой и серьезной работы Павла Ивановича, связанной с изучением последствий землетрясения и поиском способов защиты зданий от стихии, стала серия опубликованных им работ по сейсмологии, в том числе брошюра, в которой освещаются вопросы, относящиеся к специфике строительства крестьянских домов в Крыму, как в сейсмической зоне (см. подборку статей и докладов П. И. Голландского по архитектуре и строительству, в том числе по сейсмологическому

Рис. 125. Карасубазар. Бумага, карандаш. П. И. Голландский. Старая кофейня в Карасубазаре. 1927 г. (Фонды ЦМТ. КП-13894).

строительству в Крыму: ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 1-7; а также: Голландский, 1928).

В 1928 г. П. И. Голландский назначается архитектором в Управление Крымконсервтреста, проектирует и руководит строительством рыбоконсервного завода в Феодосии, реконструкцией консервных заводов в Симферополе и Балаклаве, составляет проект техникума консервной промышленности в Симферополе.

С мая 1931 г. по сентябрь 1938 г. он работает в Крымгоспроекттресте архитектором-проектировщиком, затем руководителем мастерской. Занимается реконструкцией старых построек, проектированием и строительством новых зданий в крымской столице. В сохранившихся документах обычно фигурируют возведенный по его проекту дом-контора «Заготзерно» и исполненные по его чертежам и рисункам внутренние отделочные работы и росписи стен в Доме пионеров.

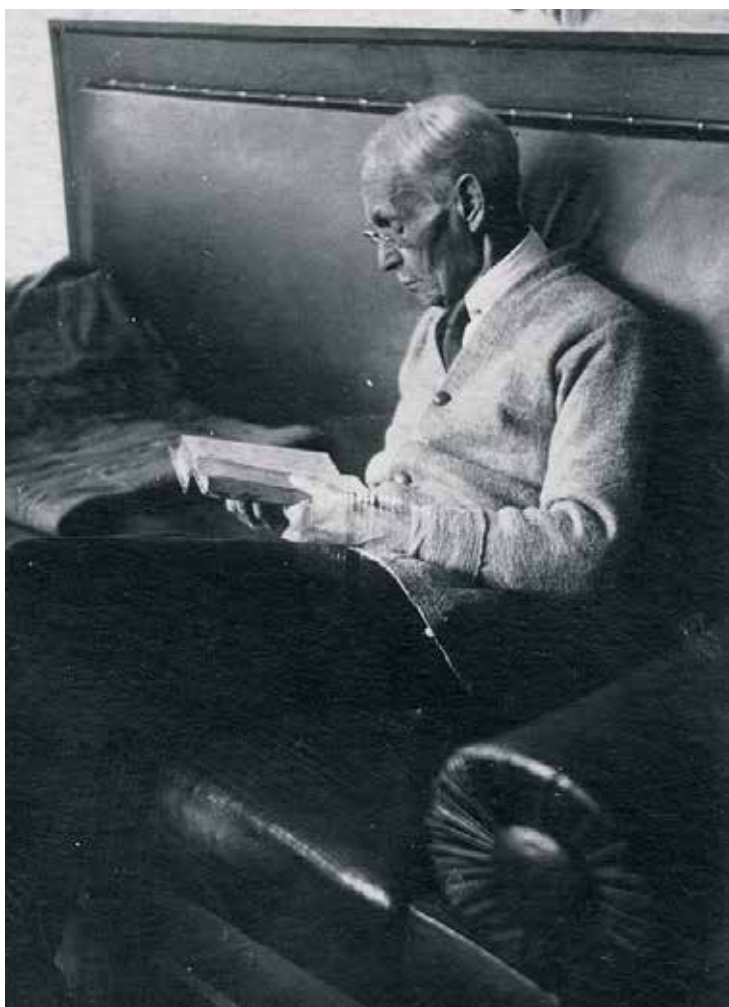

Рис. 126. Павел Иванович Голландский. Фото 1930-х гг. (из архива семьи Голландских).

В 1932 г. Павел Иванович издает книгу «Каменные работы» – практическое руководство, предназначенное для учащихся строительных техникумов, десятников и мастеров-каменщиков (Голландский, 1932). Книга содержит экскурсии в историю вопроса, в ней, например, рассказывается о специфике каменных работ в древнем Египте, микенской Греции, и, что особенно важно, Павел Иванович снабдил ее, как, кстати, и брошюру о строительстве крестьянских домов, собственными чертежами и рисунками.

Работу в Крымгоспроекттресте Голландский совмещал с другими делами – был членом экспертного совета, затем научно-технического совета при Наркомхозе Крымской АССР, руководил Крымским отделением Союза советских архитекторов (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 20; Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 333. Л. 2).

В автобиографии Павел Иванович писал, что научно-педагогическая деятельность в высшем учебно-техническом заведении была его «всегдашней мечтой» (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 5 об. – 6). И в Крыму, несмотря на невероятную загруженность множеством разнообразных дел, он не расстался со своей мечтой. В Крымском университете (ныне Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского), осенью 1925 г. реорганизованном в Симферопольский педагогический институт им. М. В. Фрунзе, Павел Иванович работал в должности приват-доцента. Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, в 1925-1927 гг. он читал лекции по этнографии народов Востока и по изобразительному искусству (Личный состав, 1927, с. 12; Очерки истории Симферопольского университета, 1993, с. 114; Охрана и изучение памятников, 2008, с. 105). Позже преподавал историю архитектуры в Крымском филиале Московского института инженеров коммунального строительства (ныне Московский институт коммунального хозяйства и строительства), а с 1938 г. занимал в нем должность заведующего учебной частью. Помимо того, читал лекции и консультировал в Симферопольском строительном техникуме, а еще на разных курсах, организовывавшихся для строителей.

Павел Иванович Голландский умер 6 февраля 1939 г. на 78-м году жизни, похоронен на городском кладбище в Симферополе, ныне практически полностью разрушенном (рис. 126).

В последние годы П. И. Голландский жил в так называемом Доме специалистов, по адресу: ул. Жуковского, 20 (Самокиша, 11), кв. 25. На нем 24 июня 2011 г. была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1937-1939 годах жил известный архитектор, реставратор, археолог, педагог, профессор Павел Иванович Голландский (1861-1939)» (рис. 127).

РАБОТЫ НА КРЫМСКО-ТАТАРСКИХ ПАМЯТНИКАХ БАХЧИСАРАЯ

Изучением мусульманской архитектуры Голландский занимался на протяжении всех лет

Рис. 127. Симферополь. Фото 2011 г. Мемориальная доска на доме, в котором в 1937-1939 гг. жил П. И. Голландский.

жизни в Крыму. Как архитектор и реставратор он работал в комиссиях и научных экспедициях по обследованию и изучению крымско-татарских памятников.

Еще в 1923 г. ему были поручены ремонтно-реставрационные работы в Бахчисарайском дворце, находившемся в ведении КрымОХРИСа (средства на их проведение выделила Российская академия истории материальной культуры). Предварительно Павел Иванович осмотрел все дворцовые здания и доложил в музейный отдел Главнауки: «Ассигнованная на ремонт дворца сумма в 135 тысяч рублей совзнаками 1923 года... крайне мала не только для капитального ремонта, но и для ежегодного текущего ремонта», рациональнее будет использовать ее

«на приобретение нужного для ремонта материала, а самый ремонт в Бахчисарайском дворце отложить до будущего года» (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 173-176).

Обеспокоило его аварийное состояние Соколиной башни и Зеленой мечети (Ешил-Джами), пришедшей «в такую ветхость, что реставрирование ее представило бы даже опасность для производящих эту работу», а на ее ремонт, считал он, «потребуется сумма, почти равная стоимости такового же нового здания» (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 174). Голландский резонно полагал, что не-

обходимо как можно скорее зафиксировать общий вид мечети и ее отдельные детали, сделать обмеры, чертежи, рисунки, но спасти

Рис. 128. Старый Крым. Фото 1925 г. П. И. Голландский на раскопках так называемой мечети Узбека и медресе. Начало раскопок (из архива семьи Голландских).

Рис. 129. Старый Крым. Фото 1925 г. П. И. Голландский на раскопках так называемой мечети Узбека и медресе в Старом Крыму (из архива семьи Голландских).

эту постройку, по его мнению, уже было невозможно. У. А. Боданинский тогда с ним не согласился, он считал, что мечеть должна быть отреставрирована, хотя на это и понадобятся немалые средства (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 175-176). Денег, однако, не нашлось, а мечеть приходила в упадок, небольшие ремонтные работы в ней производились, но спасти памятник не удалось. (Мечеть окончательно разрушилась уже в послевоенное время, ее остатки были разобраны.)

И все-таки в 20-е годы XX столетия во дворце были проведены ремонтные работы, в том числе в Соколиной башне (Охрана и изучение памятников, 2008, с. 15 сл., 160-161, 178. См. также записку Голландского с описанием

работ в Соколиной башне, адресованную директору Бахчисарайского дворца: ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-1 об.).

Голландский описывал памятники, делал зарисовки, чертежи, планы, составлял многочисленные сметы на ремонт историко-художественных построек Бахчисарая и его окружи, в деталях фиксируя работы, которые необходимо произвести, и стоимость каждой из них. Работа по составлению смет требовала высокой квалификации. Об этом можно судить, например, по сохранившимся в архиве Бахчисарайского музея-заповедника сметам на ремонт двух дюрбе, мечети Ешиль-Джами, Зынджирлы-медресе в Салачике, дюрбе и караимской кенасы на Чуфут-Кале, которые были составлены Голландским в 1926 г. К каждому документу прилагается чертеж с подробным планом соответствующей постройки.

Рис. 130. Старый Крым. Фото 1925 г. П. И. Голландский на раскопках так называемой мечети Узбека и медресе в Старом Крыму (из архива семьи Голландских).

Летом 1935 г. по просьбе дирекции Бахчисарайского дворца-музея Павел Иванович выступил в роли консультанта-архитектора по ремонту Ханского дворца (ГАРК. Ф.Р-3812.Оп.1.Д.14;БИКАМЗ. КП-6530 /К-182). В письме директора Дворца-музея председателю Совнаркома РСФСР от 25 июня 1934 г. говорилось, что ремонтные работы не производились в нем с 1910 г., что предусмотренная на его ремонт сумма в 100 тысяч рублей мала и на нее «необходимый капитальный ремонт не может быть произведен» (БИКАМЗ. НВ-10254). Тем не менее больше денег не дали, в результате проведенные работы, как отмечает в докладной записке Голландский, «далеко не исчерпывают надобности в полном ремонте Ханского дворца и почти совершенно не коснулись его подлинной реставрации» (ГАРК. Ф.Р-3812.Оп.1.Д.14.Л.9).

В создавшихся условиях возможен был лишь частичный ремонт, но непременно с элементами реставрации, так как речь шла об историко-художественном памятнике.

Павел Иванович изучил имевшиеся планы дворца, составленные в разное время, осмотрел дворцовые здания, выяснил, когда и кем были сделаны стенные росписи и только после этого расписал в деталях, со знанием технической стороны дела все необходимые работы, которые должны быть проведены. Примечательно, что он назвал их подготовительными для будущей «архитектурно-художественной реставрации дворцовых зданий». Голландский полагал, что такая реставрация требует длительного «археологического и исторического обследования» с целью выяснения, «какая фаза исторического существования дворца возможна для восстановления, так как многие перестройки, переделки и перекраски во дворце... всякий раз изменяли его внешнее оформление». Он

Рис. 131. П. И. Голландский на обмерах руин мечети Бейбарса в Старом Крыму (из архива семьи Голландских).

также считал, что реставрация дворца на тот период была невозможна «по недостаточности и в иных случаях невозможности добыть... нужных для этого исторических и литературных, а что еще важнее, археологических материалов», имеющиеся во дворце росписи относятся к разному времени, «все эволюции его (дворца. – Э. П.) вида тоже являют собой отпечатки исторических эпох и с этой стороны имеют известную ценность» (ГАРК. Ф.Р-3812.Оп.1.Д.14.Л.6). В соответствии с этим и производились ремонтные работы лишь с некоторыми элементами реставрации.

Через десяток лет после потрясений, связанных с делом о возвращении конфискованных ценностей их прежним владельцам, Голландскому вновь предъявили обвинения, теперь – в «сознательных действиях по уничтожению культурных ценностей» страны (ГАРК. Ф.Р-2865.Оп.2.Д.10.Л.19об.).

23 августа 1936 г. профессором А. П. Удаленковым, архитектором, действительным членом Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), было составлено заключение по проведенным в Бахчисарайском дворце работам (ГАРК. Ф.Р-2865.Оп.2.

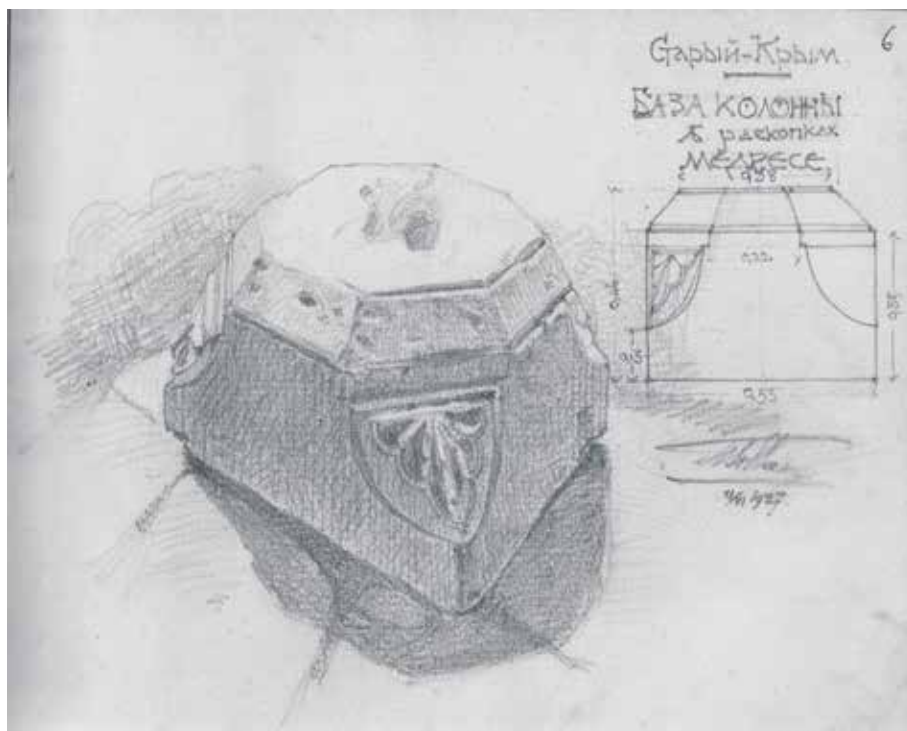

Рис. 132. Старый Крым. Бумага, карандаш. П. И. Голландский.
База колонны из раскопок медресе. 12.06.1927 г.
(Фонды ЦМТ. КП-13894).

Д. 10. Л. 21-23). В нем констатировалось: выделенные средства «употреблены в ущерб этому известному выдающемуся памятнику национальной культуры»; работы производились без предварительной «научно-реставрационной подготовки»; часть росписей уничтожена в процессе штукатурно-малярных работ; малярные работы произведены «технически неверно» и т. п.

27 октября того же года на это заключение Голландский отправляет ответ в Крымнаркомпрос, в администрацию Бахчисарайского дворца-музея и в ГАИМК. Он считает, что Удаленкову «полагалось бы хорошо ознакомиться с самим памятником и узнать, какие, как и почему так, а не иначе, производились работы и в каких условиях проходило все дело», и далее дает пояснения по всем пунктам, отмеченным его оппонентом (ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 10. Л. 24-25 об.). Пояснения квалифицированные и дополнены следующими словами: «Мы хорошо знаем мелкие дефекты собственно в ремонте, но это не относится к реставрации» (ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 10. Л. 25 об.). А ведь Голландский был приглашен

на эти работы только как консультант, в его обязанности не входили постоянный надзор за производившимися работами и дела материального свойства (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 14. Л. 1).

В ноябре 1936 г. в Ленинграде на кафедре реставрации и консервации Института истории феодального общества ГАИМК (ныне Санкт-Петербургское отделение ИА РАН) состоялось заседание, на котором обсуждались вопросы реставрационных (именно так: реставрационных, а не ремонтных) работ в Бахчисарайском дворце, и Павла Ивановича обвинили в некомпетентности, его деятельность назвали «преступлением уголовным и политическим» (ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 10).

Можем ли мы сегодня выступать в роли арбитра и решать, кто прав, а кто виноват, когда речь идет о прошлом, да еще отягощенном идеологией тех времен? Доводы оппонентов Голландского существенны, с ними нельзя не считаться. Но ведь почтенная публика из Ленинграда вела речь о реставрации. Между тем работы, проводившиеся в Ханском дворце, были ремонтными, краткосрочными, недорогими, их выполняли не реставраторы, а простые рабочие, кроме того, в администрации Бахчисарайского музея придерживались мнения, что архитектурно-художественный облик дворца должен соответствовать эпохе ханов, а это означает, что все перестройки и наслоения более позднего времени, сделанные после присоединения Крыма к России, следовало ликвидировать. Видимо, перед Голландским была поставлена именно такая задача. Сам он с подобной постановкой вопроса не был согласен и, кажется, сделал все, что мог в тех условиях, но избежать ошибок, к сожалению, не удалось.

Бахчисарайский дворец – памятник сложный, многослойный. За время своего существования он претерпел немало ремонтов, перестроек, реставраций, которые заметно изменили его первоначальный облик. Тем, кто этим занимался, всегда приходилось решать

нелегкий вопрос о том, какую эпоху или, что правильнее, какие эпохи должно восстановить в его архитектурно-художественном облике. Голландский это понимал. Пояснения, данные им в ответе на заявление Удаленкова, конкретны (чего не увидел или, скорее, не захотел увидеть оппонент) и вполне объясняют обстоятельства дела: выполнить научно обоснованные реставрационные работы дворца в тех условиях было невозможно, да это, как ясно из документов, и не предполагалось. Остается только удивляться тому, что «криминальные выводы», по всей видимости, все же сделаны не были, и Павла Ивановича не арестовали.

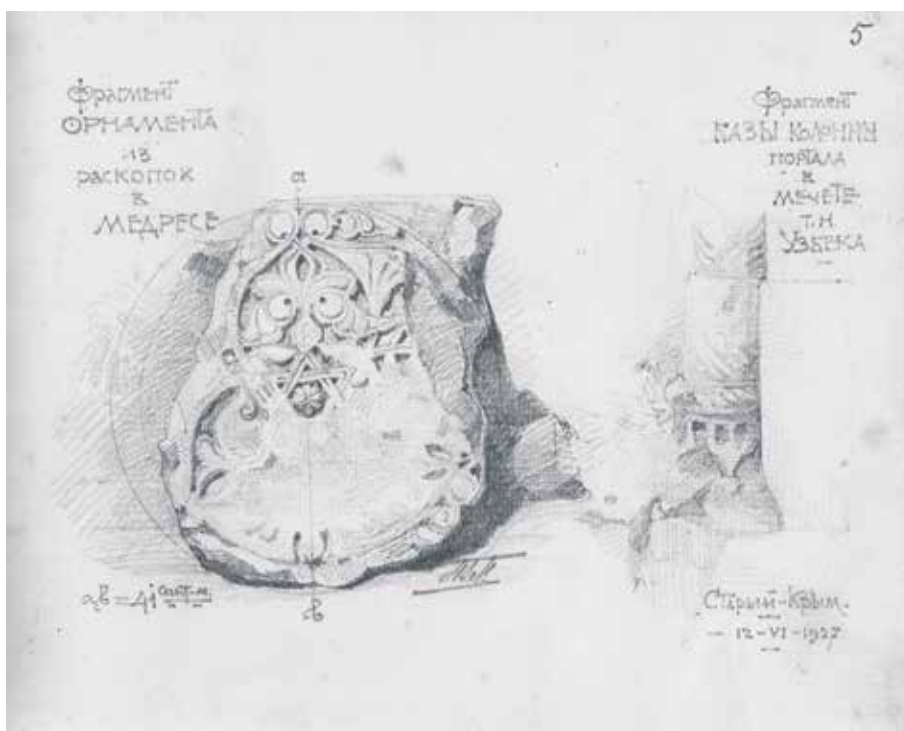

Рис. 133. Старый Крым. Бумага, карандаш. П. И. Голландский. Фрагмент орнамента из раскопок медресе. Фрагмент базы колонны портала в мечети Узбека. 12.06.1927 г. (Фонды ЦМТ. КП-13894).

В СТАРОМ КРЫМУ

Особенно значимой была работа Павла Ивановича в этнографо-археологической экспедиции 1925-1926 гг., организованной Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения совместно с Бахчисарайским музеем при поддержке КрымЦИК, КрымСНК и Крымнаркомпроса. Самое активное участие Павел Иванович принял в археологических разведках и раскопках в Старом Крыму (средневековый Солхат) в 1925-1926 и 1928 гг. И. Н. Бороздин отмечал: «Проблемы солхатской архитектуры на основании данных экспедиции разрабатываются профессором П. И. Голландским» (Бороздин, 1926, с. 23, прим. 1). Павел Иванович делал обмеры, планы, зарисовки наиболее значительных архитектурных сооружений: караван-сарая, мечети Бейбарса, мечети Куршум-Джами (Свинцовой), комплекса мечети Узбека и медресе (рис. 128-131).

В ходе раскопок мечети Узбека и медресе он зарисовал некоторые обнаруженные архитектурные детали, а художник Константин Федорович Богаевский сделал акварели, зафиксировав состояние памятника на то время: здание мечети – в неплохой сохранности, медресе –

живописные руины. (Несколько зарисовок Голландского, хранящихся в архиве Института археологии Крыма РАН, были опубликованы О. И. Домбровским и В. А. Сидоренко: резное надгробие XIV в., база колонны из раскопок медресе, капитель и обрамление портала мечети Узбека (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 32, 36, 44). Когда Богаевский по заданию КрымОХРИСа и как член этнографо-археологической экспедиции делал зарисовки историко-архитектурных памятников Крыма, Павел Иванович был его первым консультантом по архитектурным вопросам (рис. 132-133).

Вскоре после проведенных работ Б. Н. Засыпкин писал: «От древней мечети сохранился лишь портал и часть передней стены до угла с минаретом. Остальные стены бутовой кладки с горизонтальными и продольными деревянными связями являются самого позднейшего происхождения. Потолок поддерживается стрельчатыми арками на колоннах, кои образуют два ряда. Стрельчатые арки приятной формы... и восьмигранные колонны с интересными капителями производят впечатление как будто

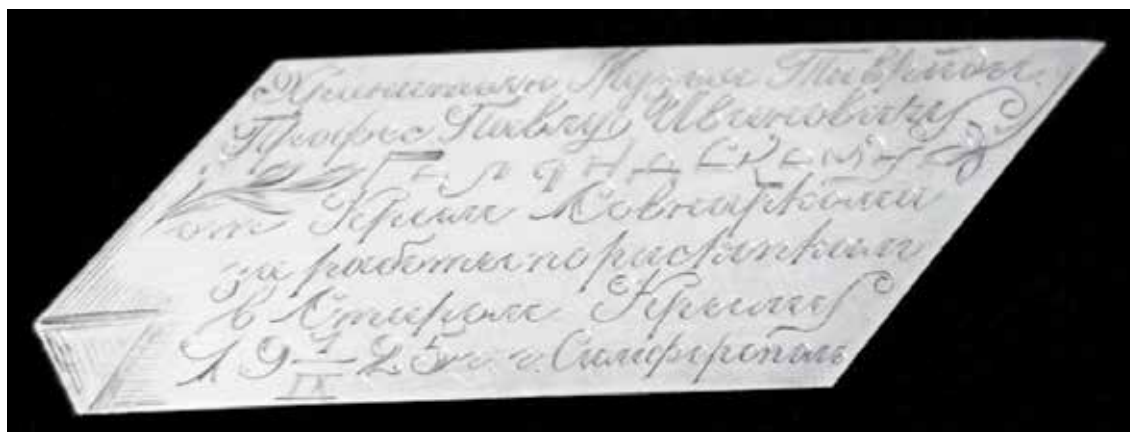

Рис. 134. Золотая пластина на кожаном портфеле, которым П. И. Голландский был награжден за работу в археологической экспедиции в Старом Крыму в 1925 г. Фото 2011 г. (из архива семьи Голландских).

Руководители и участники экспедиции. Голландский П. И.

первоначальной постройки... По некоторым наблюдениям, отмеченным проф. П. И. Голландским, в кладке портала и стены из тесаного камня заметны следы перекладки, что позволяет ему делать предположения о возможности переноса всей передней стенки из другого места. Сопоставление обработки михраба и портала, где наблюдается большая разница как в технике выполнения, так и в транскрипции сельджукских арабесков, говорит за то, что михраб построен значительно позднее»; таким образом, передняя стена мечети и портал – «бесспорно достоверные части даже в случае их перекладки» (Засыпкин, 1927, с. 130-131).

По распоряжению председателя Крымского СНК Голландский был награжден кожаным портфелем с золотой пластиной с надписью «Хранителю Музея Тавриды проф. Павлу Ивановичу Голландскому от Крымсовнаркома за работы по раскопкам в Старом Крыму. 1/IX-1925 г. Симферополь» (пластина хранилась в семье Голландских, с 2011 г. – в фондах ЦМТ) (рис. 134).

С докладами «Архитектурные памятники Солхата: по раскопкам 1925 года» и «Медресе

и мечеть Абдул-Азиса в Солхате» П. И. Голландский выступил на заседании ТОИАЭ 18 октября 1925 г. и 10 октября 1926 г. (Филимонов, 2004, с. 17, 52, 161 слл.).

* * *

Крымский период жизни Павла Ивановича Голландского был невероятно насыщен работой. Трудно представить, как этот

уже немолодой человек смог за два десятилетия сделать так много в деле изучения, сохранения и пропаганды памятников истории и культуры полуострова.

Павел Иванович Голландский принадлежал к цвету российской интеллигенции, был связан деловыми и дружескими узами с умными, талантливыми и образованными людьми – архитекторами и художниками, историками и археологами, инженерами и педагогами – из Ленинграда, Москвы, Киева, Крыма. Он был профессионалом высокого уровня и сохранился в памяти потомков как один из ярких представителей культуры Крыма 20-х – 30-х гг. XX столетия. Лаконичную, но замечательную характеристику получил П. И. Голландский от Правления Союза советских архитекторов: «Всегда отзывчивый, внимательный, он никогда не отказывал в совете или помощи, делясь своим большим опытом и знаниями» (ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 20).

Э. Б. ПЕТРОВА

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андросов С. А. Деятельность Севастопольского комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы: 1920-1924 гг. // ИНК. 2009. № 24. С. 26-34.

Антонюк А. А. Павел Иванович Голландский: штрихи к историческому портрету // ИНК. 2007. № 18. С. 53-62.

Барсамов Н. С. 45 лет в Галерее Айвазовского. Симферополь: Крым, 1971. 288 с.

Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Симферополь, 1930. 31 с.

Бороздин И. Н. Солхат. М., 1926. 32 с.

Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 г. // Новый Восток. М., 1927. № 16/17. С. 256-274.

Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. 10-13 сентября 1927 г. : по случаю столетия херсонесских раскопок (1827-1927) / под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. Севастополь, 1927. 67 с.

Голландский П. И. К вопросу об охране исторических памятников // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1 (58). С. 38-45.

Голландский П. И. Как должно строить в Крыму крестьянские дома, чтобы они не разрушались от землетрясений. Симферополь, 1928. 13 с.

Голландский П. И. Каменные работы: краткое руководство для студентов строительных техникумов, десятников и мастеров-каменщиков. Симферополь: Крымгосиздат, 1932. 85 с.

Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь: Таврия, 1978. 128 с.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. М. ; Л., 1927. № 2 (4). С. 113-168.

Кемаль Я. М. Надпись на портале «Мечети Узбека» в гор. Старом Крыму // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1 (58). С. 202-204.

Ковалинский В. В. Семья Терещенко. Київ: Преса України, 2003. 388 с.

Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества: 1917-1932. СПб.: Алетей; Симферополь: СОНАТ, 2007. 604 с.

Личный состав Крымского педагогического института // Известия КПИ им. М. В. Фрунзе. Симферополь, 1927. Кн. 1. С. 11-12.

Маркевич А. И. Краеведческая работа в Крыму // Крым. М., 1925. № 1. С. 61-63.

Маркевич А. И. Керченская конференция археологов // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 323-326.

Мацулевич Л. А. Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения ГАИМК. Л., 1926. Т. 1. С. 271-286.

Мокроусова О. Г. Павло Альошин – учасник архітектурних конкурсів // Київська старовина. Київ, 2010. № 6. С. 136-160.

Мокроусова О. Г., Кадомська М. А. Палац Терещенків: історія будівництва у листуванні замовників та архітектора // Сіверщина в історії України: зб. наук. праць. Київ; Глухів, 2011. Вип. 4. С. 316-326.

Мусаева У. К. Народный учитель: документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского / под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2007. 240 с.

Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с.

Непомнящий А. А. Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: ИД «Стилос», 2012. 464 с.

Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921-1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с.

Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / автор-составитель А. В. Хливнюк; под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с.

Очерки истории Симферопольского университета: 1918-1993. Симферополь: Таврида, 1993. 415 с.

Петрова Э. Б. Павел Иванович Голландский: страницы жизни в Симферополе // Материалы науч.-практ. конф. «Симферополь на перекрестках истории». Симферополь, 2012. С. 92-114.

Петрова Э. Б. Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея. Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь: Н. Орианда, 2013. 120 с. (Серия «Палитра времени». Вып. 1.)

Полканов А. И. Охрана памятников старины в Крыму за время советской власти // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2 (59). С. 172-180.

Полканов А. И., Полканов Ю. А. Судак: путеводитель. Симферополь: Таврия, 1985. 144 с.

Путеводитель по Крыму / под ред. А. И. Маркевича, А. И. Полканова, Н. Л. Эрнста. Симферополь: изд-е КрымОХРИСа, 1923. 100 с.

Сердюк О., Мокроусова О. Монументальный живопис в інтер'єрах київських особняків та прибуткових будинків доби еклектики та модерну // Родовід. Київ, 1994. Ч. 9. С. 78-87.

Сольський Б. П. Видатний майстер архітектури // Архітектура Радянської України. Київ, 1940. № 11. С. 21-25.

Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии ТУАК и ТОИАЭ (1887-1931 гг.) / 2-е изд. Симферополь: ИД «ЧерноморПРЕСС», 2004. 316 с.

Филимонов С. Б., Храпунов И. Н. Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 242-255.

Хливнюк А. В. Неизвестные страницы памятникоохранительной работы в Крыму в 20-е – начале 30-х гг. XX в. : по материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга // ИНК. 2007. № 17. С. 9-29.

Шантырь С. П. Знаменитая династия // Советский Крым. Симферополь, 1980. 1 ноября. С. 4.

2.6. ЗАСЫПКИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Борис Николаевич Засыпкин, архитектор-реставратор и археолог, считается основоположником методики научной реставрации памятников архитектуры Узбекистана. По словам археолога и востоковеда В. А. Шишкина, «именно им в результате глубокого изучения дошедших до нас памятников были заложены основы истории среднеазиатской архитектуры и ... установленные им принципы ее исследования являются краеугольным камнем и для последующего развития этой отрасли науки» (Биобиблиографические очерки, 1976, с. 253). Это, безусловно, справедливая оценка его трудов. Однако круг интересов Б. Н. Засыпкина был гораздо шире. Он был знатоком и исследователем не только архитектуры Узбекистана, но и древней материальной культуры мусульманского мира в целом, занимался охраной архитектурного наследия Москвы, Центральной России, Крыма, Азербайджана, Дагестана, разрабатывал принципы реставрации и реконструкции памятников архитектуры. Засыпкин был в равной степени практиком и теоретиком, имел собственную позицию в вопросах реставрации памятников. Свои тщательные натурные исследования архитектурных древностей он анализировал и обобщал в научных статьях и докладах, устанавливая авторство и уточняя датировки памятников архитектуры. По практическому вкладу и теоретическому наследию Б. Н. Засыпкина можно считать одной из крупнейших фигур советской реставрационной науки. Тем не менее, до сих пор подробности его биографии были мало известны, за исключением нескольких упоминаний о нем в связи с репрессивным «делом сотрудников ЦГРМ» 1934 г. Думается, он заслуживает более подробного рассказа.

Б. Н. Засыпкин родился в Оренбурге 23 июля 1891 г. (РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 2264. Л. 1)¹.

Его отец служил контролером-механиком телеграфа на станции Челябинск Сибирской железной дороги (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). Еще в школе мальчик начал увлекаться живописью под влиянием учителя рисования. В 1910 г. после окончания Челябинского городского реального училища Борис Засыпкин поступил на художественное отделение Томского технологического института им. Императора Николая II, однако в том же году перевелся в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1916 г. он закончил училище со званием архитектора, получив премию им. В. А. Жуковского за дипломный проект (РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 2264. Л. 1-2). Интерес к реставрации памятников архитектуры возник у Бориса Николаевича в студенческие годы. Уже в первых опытах обследования памятников древности проявился «блестящий научно-исследовательский талант» молодого архитектора (Памятники архитектуры, 2004, с. 189). Тогда же он сформулировал для себя ключевые принципы реставрации, которых старался придерживаться на протяжении всей своей карьеры. Свой подход к изучению памятников архитектуры Засыпкин называл «археологическим», имея в виду не только проведение раскопок, но и глубинное детальное исследование и фиксирование всех мельчайших архитектурных и конструктивных деталей здания от позднейших до самых ранних. Цель реставрации он видел в сохранении «археологического значения» памятника, иными словами его аутентичности (Памятники архитектуры в Советском Союзе, 2004, с. 108).

В 1911-1914 гг. Засыпкин служил в Строительной комиссии Московского дворцового управления и принимал участие в реставрации башен Московского Кремля и церкви Вознесения в селе Коломенском (рис. 135). В Коломенском работы велись под общим руководством И. В. Рильского, а Борис Николаевич проводил натурные исследования. Авторы монографии по истории Вознесенского храма подчеркивают, что «именно Засыпкину принадлежит честь проведения первых научных реставра-

¹ По другим данным, родился в г. Миасский Завод (Кызласова, 1999, л. 392).

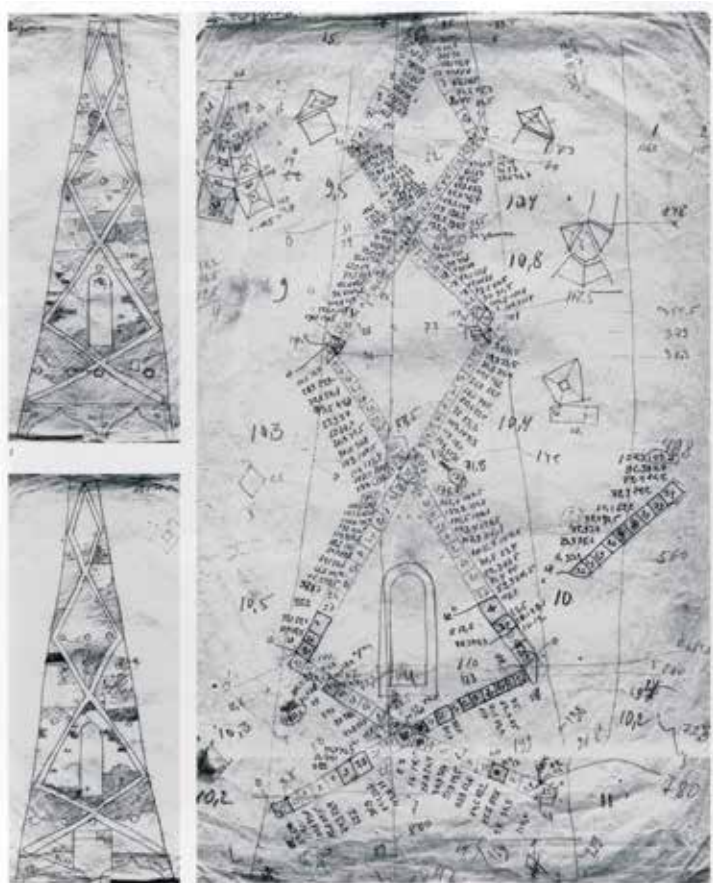

Рис. 135. Б. Н. Засыпкин. Кроки церкви Вознесения в Коломенском. 1913 г. (из частного архива, опубликовано в: Баталов, Беляев, 2013, с. 85).

ционных исследований церкви... Принципиальное значение имеет раскрытие им первоначальных форм западного портала храма». На основе скрупулезно проведенных обмеров он пришел к выводу о значительных ремонтах храма в XVII в. и «намечил круг аналогов ордерных деталей церкви Вознесения в архитектуре Италии», и в 1913 г. сделал доклад в Московском архитектурном обществе (МАО) об установленном им участии итальянских мастеров в создании храма в Коломенском. Уже на этом объекте он указывал на недопустимость замены известкового раствора на цемент при перекладке деталей шатра. В результате из-за позиции Засыпкина реставрационные работы на объекте были приостановлены (Баталов, Беляев, 2013, с. 81-84). В 1915 г. Борис Николаевич поступил в Московскую городскую управу на должность архитектора по исследованию и реставрации Сухаревой башни и был членом Комиссии, руководящей ее реставрацией. Его

работа, как и на церкви Вознесения, явилась примером «особой тонкости и детальности техники исследований» (Памятники архитектуры в дореволюционной России, 2002, с. 452). Он тщательно изучал архивные материалы и сопоставлял их с натурными изысканиями, которые он назвал «раскопками на башне». На основе своих исследований Засыпкину удалось уточнить даты перестроек и восстановить первоначальный вид многих деталей Сухаревой башни.

Не оставляя работы в Москве, Борис Николаевич продолжал образование в Петербурге в Императорской Академии художеств в мастерской архитектора А. Н. Померанцева, однако Октябрьская революция 1917 г. прервала его занятия. Он закончил полный курс, но не успел защитить диплом (РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 2264. Л. 6; ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). После революции Засыпкин на некоторое время перебрался в провинцию. С 1918 по 1919 гг. работал в г. Челябинске в Уездной земской управе, где занимался проектированием и строительством школ, больниц, минералогического курорта «Озеро Горькое», барачного городка для рабочих на станции Тайга, и одновременно преподавал: в Политехникуме архитектуру, а в Реальном училище рисование и черчение (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 21. Л. 2). С 1919 по 1920 гг. Засыпкин работал в Томском подотделе охраны памятников искусства и старины и заведовал подотделом искусства. Им была проведена архитектурная и живописная фиксация старинных деревянных построек Томска. Ее материалы сохранились и служат ценным источником по истории архитектуры города.

В этот период Засыпкин много работал как оформитель зрелищ и театральных постановок. Им были спроектированы сцены с оборудованием театральных залов для Челябинского Реального училища и Дворца труда в Томске; построена разборная сцена для гастрольной поездки по Сибири; осуществлено оформление Томска для торжественных мероприятий и праздников; сделаны эскизы декораций и костюмов Театра студийных постановок: «Шут на троне», «Гибель Надежды», «Снежная ко-

Рис. 136. Б. Н. Засыпкин в Средней Азии. Фото. 1920-е гг.
(из личного фонда Б. Н. Засыпкина: ЦГАРУ. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 1532. Л. 10).

ролева», «Зеленый какаду», «Парижская коммуна», оперы «Тоска» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Д. 229. Л. 2-2 об.). 1921-1922 гг. Борис Николаевич провел в Костроме и Ярославле, где работал в основном как театральный художник, полностью оформив спектакли «Свадьба Фигаро», «Чудесное посещение», «Иуда принц Искариотский» и др. Сохранились его эскизы к спектаклю Театра студийных постановок в Костроме «Снегурочка» А. Н. Островского в постановке А. Д. Попова 1923 г. (РГАЛИ. Ф. 2417. Оп. 1. Д. 20). Однако главным делом Б. Н. Засыпкина оставалась реставрация памятников архитектуры. Как ранее в Томске, в Костроме он некоторое время работал в должности заведующего подотделом охраны памятников искусства и старины губернского отдела по делам музеев, а вскоре начал сотрудничество с отделом по делам музеев, охране памятников искусства и старины Главнауки (Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Народного комиссариата

просвещения РСФСР) в Москве. Специализацией Засыпкина стала реставрация памятников материальной культуры мусульманского мира.

В 1921 г. Музейный отдел Главнауки совместно с Средазкомстарисом² приступил к изучению и реставрации архитектурных шедевров Средней Азии. В 1923 г. по заданию отдела Борис Николаевич Засыпкин отправился в Самарканд для исследования архитектурного наследия и руководства реставрационными работами (рис. 136). Им были подготовлены материалы обследований памятников и рекомендации по их консервации, сделаны научные доклады в Совете Туркомстариса, Музейном отделе Главнауки, Московском архитектурном обществе, Всероссийской научной ассоциации вос-

токоведения. Музейный отдел высоко оценил деятельность Засыпкина в Туркестане. Зам. заведующего отделом Н. Р. Левинсон дал ему такую рекомендацию: «Считаю крайне необходимым зачислить Б. Н. Засыпкина штатным сотрудником, чтобы обеспечить возможность постоянного участия его в работах Музейного отдела. Б. Н. Засыпкин, направленный в 1923 г. в Туркестан, проявил себя с самой лучшей стороны и в значительной степени способствовал планомерному проведению работ по охране исторических сооружений и организации работ по их ремонту» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 22. Д. 373. Л. 3). В результате этой первой экспедиции в Среднюю Азию Борис Николаевич получил место «архитектора по восточной архитектуре» Всероссийской комиссии по делам реставрации (с 1924 г. – Центральные государственные реставрационные мастерские, ЦГРМ) и одновременно был назначен уполномоченным Главнауки в Туркомстарисе. Он сотрудничал в ЦГРМ с 1 мая 1924 до момента

² Среднеазиатский комитет охраны памятников искусства, старины и природы, образован в 1921 г., преобразован в Туркомстарис – Туркестанский комитет охраны памятников искусства, старины и природы в 1924 г.

их закрытия в 1934 г. и был членом специальной комиссии Музейного отдела по среднеазиатским памятникам.

В 1924 г. состоялась следующая научная командировка Засыпкина в Туркестан с целью обследования и изучения древних сооружений. Были произведены обмеры памятников архитектуры Самарканда. В 1924 г. помимо Самарканда он обследовал Бухару, Ташкент, Коканд, Андижан, Узген, Ош и кишлак Мады, где также была сделана фиксация ряда древних построек (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Д. 229. Л. 2 об.). Во время поездки в Бухару Б. Н. Засыпкин и архитектор М. Я. Гинзбург составили подробные акты обследования местных памятников, на основе которых после их возвращения в Москву был разработан план реставрационных работ (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 176). Сезон 1925 г. Засыпкин также провел в Самарканде. Музейный отдел Главнауки направил его в качестве руководителя реставрационных и научно-исследовательских работ и для организации охраны памятников в Средней Азии (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 14. Л. 17). С этого времени Борис Николаевич возглавлял все реставрационные проекты в Самарканде. В состав экспедиции 1925 г. входили инженеры В. А. Красильников и В. Н. Владимиров, художник И. К. Мрочковский и несколько студентов ВХУТЕМАСа. Под руководством Бориса Николаевича были произведены работы по ремонту Медресе Шир-Дора, мавзолея Ак-Сарай, мавзолея Чупан-Ата, мавзолея Шах-и-Зинда. Ученый совет ЦГРМ, отметив большой объем работ, посчитал проведенную в 1925 г. реставрацию «крайне показательной как с научной, так и с популяризаторской стороны» (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 26-27). В 1926 г. Б. Н. выпустил статью с подробным описанием реставрационных работ, сделанных в Самарканде (Засыпкин, 1926, с. 161-178).

В середине 1920-х гг. Главнаука серьезно занялась исследованием памятников материальной культуры крымских татар. Этот научный интерес имел политическую основу. В начале 1920-х гг. правительство большевиков развернуло кампанию коренизации, противопостав-

ляя ее царскому великорусскому шовинизму. Это выражалось в поощрении национальной самоидентификации нерусских народов, развитии национальных кадров, изучении языков, развитии национальной литературы и культуры. Целью коренизации было получить в лице национальностей опору советской власти на местах (Martin, 2001, р. 8-13). В Крыму, после кровавых событий гражданской войны, актуальность мероприятий такого рода для большевиков ощущалась особенно остро. После образования в 1921 г. Автономной Крымской советской социалистической республики советское правительство придавало важное значение экономическому развитию и укреплению национальной и культурной идентичности коренного татарского населения (К провозглашению Крымской республики, № 32/121, 25.10.1921). Подтверждением этому могут служить слова Б. Н. Засыпкина из его статьи 1927 г.: «после столетий упорной борьбы самостоятельность [татарской] нации была утеряна и национальная культура ушла в “народ”, в “землю”, и остатки ее теперь исследуются научными экспедициями в связи с национальным возрождением» (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 522. Л. 1). Большую роль для активизации исследований сыграл Первый Всесоюзный тюркологический съезд, прошедший в мае 1926 г. в Баку, который призвал к систематическому изучению материальной культуры тюркских народов. Масштабные экспедиции 1926-1929 гг. по изучению культурного наследия крымских татар охватили весь Крымский полуостров. Признанный знаток мусульманской архитектуры Б. Н. Засыпкин был их неперенным участником и руководителем, чередуя поездки в Крым с командировками в Среднюю Азию, где продолжал возглавлять реставрационные работы. Первая именно комплексная экспедиция Главнауки по изучению древностей Крыма состоялась в августе 1926 г. Ей предшествовало обсуждение состояния охраны крымских памятников старины на заседаниях Ученого совета ЦГРМ и Музейного отдела Главнауки весной-летом 1926 г. Несколько раз с докладами в Москве выступал уполномоченный Музейного отдела по Крыму А. И. Полканов. Необходимы были срочные

меры охраны памятников не только от разрушений, но и от самовольных раскопок, проводимых некоторыми учеными без разрешения Музейного отдела, и от расхищения предметов археологии и разборки древних зданий на кирпичи местными жителями (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 507. Л. 3-4 об.). По результатам этих совещаний в июне 1926 г. Главнаука приняла решение командировать в Крым специалиста из центра для изучения на месте состояния древних памятников и «инструктирования реставрационных работ». Для этой цели выбрали Б. Н. Засыпкина (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 79 об. – 80). В августе 1926 г. он написал своему другу Владимиру Тимофеевичу Юрезанскому: «Еду в служебную командировку по Крыму. Вспоминаю ваше давнишнее письмо ко мне в Челябинск, где вы делились впечатлениями от моря, будучи где-то на южном берегу Крыма. Я моря настоящего не видел, поэтому кроме всего прочего интересного, меня волнует, как уже давно не волновало, первая встреча моря. ...В Крыму пробуду до 10 сентября и должен объехать все выдающиеся в археологическом отношении местности» (РГАЛИ. Ф. 2529. Оп. 1. Д. 155. Л. 1). Роль Бориса Николаевича заключалась в том, чтобы руководить комиссиями местных музеев по изучению древних памятников и координировать их действия, оказывая методическую помощь. Основной задачей его поездки было исследование памятников материальной культуры крымских татар. За полтора месяца ему удалось обследовать большую часть полуострова. Маршрут включал Симферополь, Бахчисарай, Старый Крым (рис. 137), Судак, Феодосию, Севастополь, Херсонес, Керчь, Евпаторию (рис. 138) (ГНИМА. Ф. 31. Оп. 28. Д. 7. Л. 2-9).

Впечатляет объем научных исследований и ремонтно-реставрационных работ, выполненных Б. Н. Засыпкиным в Крыму за столь короткое время. В первых числах августа комиссия, в которую вошли представитель ЦГРМ Б. Н. Засыпкин, П. И. Голландский, О. Н.-А. Акчокраклы, У. А. Боданинский и представитель Крымохриса Э. Я. Бэр провела детальное обследование архитектурных древностей Старого Крыма. Был составлен список

татарской архитектуры, подлежащих охране, и акты обследования на них. В список вошли:

1. Место руин предполагаемого дворца – в частном владении Софьи Чекановой.
2. Руины мечети в северо-восточном направлении от мечети Узбека.
3. Мусульманский Азис – могила.
4. Курун-Джами – свинцовая мечеть.
5. Мартынов фонтан.
6. Площадь перед фонтаном.
7. Руины в саду Самсона.
8. Кяшене, возвышенное место под горой Агар с раскопанными руинами.
9. Место мечети Мисс-Джами около армянской часовни при въезде в город по шоссе Феодосия-Старый Крым.
10. Армянская часовня святой Анны.
11. Остатки и следы рва, вала и стены с башнями.
12. Руины караимской Кенассы в греческой слободке.
13. Фундаменты часовни в местности Бузлу-Бурун.
14. Столетний тополь у фонтана в греческой слободке.
15. Ограда русской церкви и территория.
16. Мечеть 1314 г. – так называемая мечеть Узбека. Подробно изучена экспедицией 1925 и 1926 г.
17. Раскопки Медресе рядом с ней.
18. Руины Караван-сарая.
19. Георгиевская часовня на горе Таз-Агар-мыш.
20. Остатки древней армянской церкви и кладбища.
21. Надгробная плита.
22. Курган Мамай.
23. Урочище Кемаль-Ата.
24. Урочище Тат-Абас.
25. Азис-Ограма. Часть кладбища.
26. Армянский монастырь Сурб-Хач.

Затем совместная экспедиция Бахчисарайского музея и ЦГРМ в составе Б. Н. Засыпкина, О. А. Акчокраклы и У. А. Боданинского выполнила, по словам Л. Н. Эрнста, «практически полное обследование татарских древностей Крыма, главным образом архитектурных» (Эрнст, 1931, с. 77). У. А. Боданинский отметил, что неохваченными остались два па-

Рис. 137. Парадный портал медресе в Старом Крыму. 1926 г. Фото (из личного фонда Б. Н. Засыпкина: ЦГАРУ. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 1532. Л. 18).

мятника: купольная мечеть в деревне Каймах в 45 верстах от Евпатории, и древнее дюрбе в деревне Кук-Чолпан (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 172). Во время этой же командировки Засыпкин совместно с П. И. Голландским обследовал здание дворца в Алушке, с К. Э. Гриневичем – древние памятники Херсонеса, вместе с А. П. Удаленковым осуществил работы по ремонту Соколиной башни Бахчисарайского дворца, укреплению минарета Гири мечети Ешил-Джами и входов четырех дюрбе в Бахчисарае (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 173).

При изучении и реставрации крымских древностей Борис Николаевич применял свои методы «архитектурно-археологического исследования», которые впервые сформулировал еще в 1910-е гг. и продолжал совершенствовать в Средней Азии. В них он выделял несколько этапов:

– «фиксация (измерительная, графическая, фотографическая и описательная);

– технологическое и техническое исследование, исследование конструкций и архитектурных форм и декора;

– выявление первоначального облика или древнейших частей, раскрытие, анализ полученного материала с привлечением исторического материала и эпизодических данных;

– и наконец синтез: реконструкция и реставрация».

Фиксацию Засыпкин отнюдь не рассматривал как механическое копирование. Напротив, это исследовательский процесс, который путем математических расчетов и статистики определяет

соотношения, пропорции, геометрические законы, производит учет материала, аналогии, закономерные и незакономерные повторения постройки. О том, какую важность архитектор придавал этому этапу, свидетельствуют его кроки, материалы обмеров и отчеты, начиная с самых первых его обследований Вознесенского храма и последующие фиксации, сохранившиеся в музее архитектуры им. Щусева и Центральном государственном архиве Республики Узбекистан³. Не меньшее значение имеют, по мнению автора, технологические и технические исследования – изучение способов производства материалов, технологических процессов, технических приемов возведения сооружений, особенностей конструктивных традиций и зависимости конструкций от местных материалов. Формальный искусствоведческий анализ памятника не может проводиться без учета предшествовавших ему археологических исследований, сопоставления с историческими сведениями и иконографией, с исследованиями других однотипных памят-

³ Кроки ц. Вознесения в Коломенском опубликованы в кн. : Беляев Баталов, с. 84-85. Обмеры крымских памятников см. ГНИМА. Ф. 31. Оп. 28. Дд. 7-9. Обмеры среднеазиатских памятников см. ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 92 и др.

ников, объяснения и объединения всех частей и отклонений от архетипа. Изучение отдельных объектов, технологических особенностей, взаимоотношений строительных традиций позволяет отыскать «общую идею» в казалось бы разрозненных зданиях (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 477. Л. 13). В результате всестороннего анализа памятник должен занять свое определенное место в истории архитектуры. Только после этого можно приступать к его реконструкции, причем реконструкция по Засыпкину вовсе не должна производиться в натуре, а «имеет целью графически изобразить древний вид памятника ... по существу является графическим изображением синтеза» проведенных исследований, «в научных реконструкциях недопустимы домыслы и докомпозиции». Он с большой осторожностью подходил к воссозданиям даже в тех случаях, когда памятник был хорошо документирован, и считал возможной физическую реконструкцию только тогда, когда абсолютно необходимо предотвратить разрушение здания. В таких случаях «реставрационные работы ставят себе целью не затрагивать сохранившихся древних частей уничтожением или

частичной разборкой, новые же доделки делать в соответствии с древними, но вводя знаки и отметки, по которым следующие исследователи могли бы отличить подлинно древние части от восстановленных» (Засыпкин, 1928, с. 208-211). Действительно, в 1925 г. при реставрации медресе Шир-Дор в Самарканде, некоторые части которого грозили обрушением, Засыпкиным было принято решение о восстановлении их в новом материале. При этом кирпич специально маркировался клеймом «С. Р. К. 1925» (Памятники архитектуры в Советском Союзе, 2004, с. 142). Свои принципы реставрации Б. Н. Засыпкин подробно изложил на заседании Ученого совета ЦГРМ в январе 1927 г., а затем опубликовал в сборнике «Вопросы реставрации». Ученый совет принял решение продолжить обсуждение доклада «в виду его важности» с привлечением более широкого круга реставраторов и искусствоведов (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 11). Хотя подход Засыпкина к реконструкции и реставрации имел обобщающий характер, он тем не менее отметил, что его идеи базируются на практике реставрационных работ Бухары и Самарканда. По наблюдению

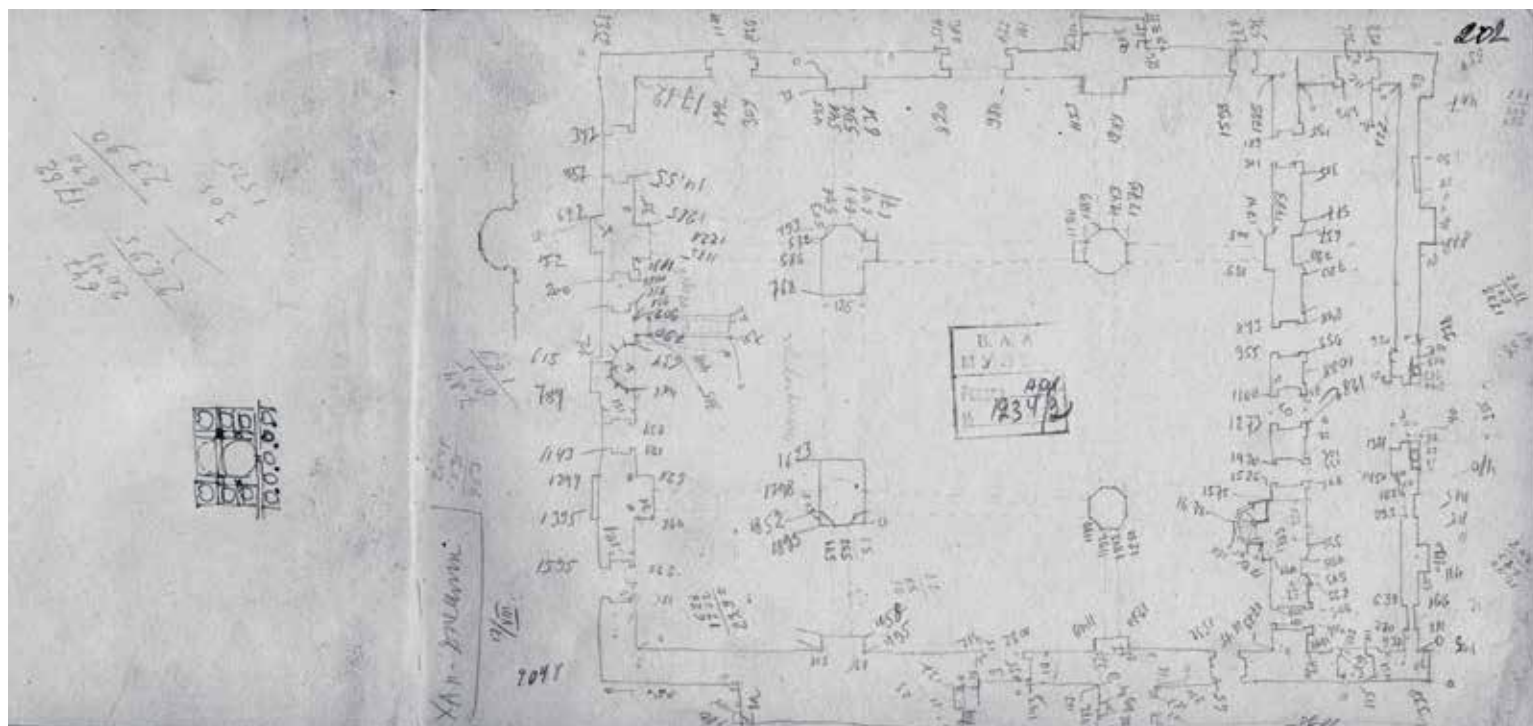

Рис. 138. Б. Н. Засыпкин кроки мечети Хан-Джами в Евпатории. 1926 г. Бумага, карандаш (ГНИМА. Ф. 31. Оп. 28. Д. 9. Л. 20).

А. С. Щенкова, это могло быть связано с тем, что в Центральной России в этот период уже широко практиковались многочисленные воссоздания, фрагментарные и даже целостные, с уничтожением поздних перестроек. Показательным примером может служить реставрация П. Д. Барановским Казанского собора в Москве в 1928 г., где были разобраны дополнения XVIII–XIX вв. и воссозданы формы начала XVII в. (Памятники архитектуры в Советском Союзе, 2004, с. 108). Борис Николаевич же к таким воссозданиям относился скептически. В ранних дискуссиях 1920-х гг. по поводу реставрации церкви Гребневской Божьей матери на Лубянской площади и Зарайской крепости он указывал, что разобранные и восстановленные из современных материалов части лишены «всякого археологического значения», подчеркивая, что «археологическое значение» может иметь только подлинный материал памятника (Памятники архитектуры в Советском Союзе, 2004, с. 108).

После возвращения из первой крымской поездки Б. Н. Засыпкин выступил с рядом докладов, посвященных результатам своих исследований, в частности, о работах по промывке стен Бахчисарайского дворца и обнаруженной там древней живописи, о памятниках Судак и состоянии Генуэзской крепости, об археологических древностях Херсонеса (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 172-173). Главным результатом его работы стал большой доклад об архитектуре крымских татар, который был опубликован в виде статьи в журнале «Крым» (Засыпкин, 1927, с. 113-140). Сделанный им анализ древней архитектуры стал самым полным для своего времени. Он описал и классифицировал архитектурные памятники крымских татар, определил источники влияния на архитектуру, провел научно-обоснованную периодизацию, датировал памятники на основе своей методики. Автор проанализировал характерные типы татарских построек: дюрбе (мавзолеи), мечети, медресе, караван-сарай и бани (хамам). Отмечая, что количество изученных памятников недостаточно, чтобы сделать неоспоримые выводы, он тем не менее смог воссоздать картину развития крымской архитектуры, проследить ее основные этапы

и эволюцию строительных приемов. По мнению Засыпкина, мусульманские памятники несомненно существовали в Крыму и до прихода туда татар в XIII в., хотя ему хотелось бы найти этому «археологическое подтверждение». Не лишенным оснований он считал предположение о том, что с татарами в Крым могли прийти «те мастера, которые работали в Поволжье, особенно в Болгарах». Все же для него наиболее явственным было использование в XIII – первой половине XV вв. сельджукских, византийских и армянских строительных приемов. В особенности большую роль в развитии татарской архитектуры он отводил армянским переселенцам (Засыпкин, 1927, с. 115). После XV в. считал «единодушным» османское влияние, а в более поздних постройках, например мавзолеях Хаджи-Гирея и Диляры Бикеч видел сочетание «чисто мусульманских черт с французским ренессансом, завезенным в XVI веке из Константинополя». XVIII век в мусульманской архитектуре он назвал веком «западных влияний, заслоняющих ... остатки восточных традиций».

В этой же работе Засыпкин выделил два типа крымско-татарских средневековых мечетей: купольные и базиличные. Согласно его классификации, развитие купольного типа на первом этапе (XIV–XV вв.) объяснялась связью с искусством Кавказа, Армении, Сельджукии и отчасти Египта. В качестве примеров он приводил Куршум-Джами в Старом Крыму и мечеть в Судак, причем проводил аналогию с ханской гробницей в Болгарах, сведения о которой почерпнул из опубликованного в 1927 г. сборника по охране, реставрации и ремонту памятников Татарской ССР (Засыпкин, 1927, с. 138-139, 140-142, 146). На более позднем этапе (XVI в.) в купольных мечетях для него очевидны следы османского влияния. Характерными памятниками этого типа автор считал мечети султана Селима в Феодосии, Хан-Джами хана Девлет-Гирея в Евпатории и мечеть в селении Колечь близ Феодосии. На основе анализа архитектурных форм, археологических исследований, сопоставления деталей и изучения древних литературных источников автор уточнил датировки и определил авторство целого ряда зданий. Почти все изученные

им дюрбе Засыпкин относил к XIV и XV вв. О мечети Хан-Джами для Девлет-Герай-Хана в Евпатории (1552 г.) он отзывался восторженно: «Мы невольно приходим к заключению, что столь совершенный образчик архитектуры мог быть построен только большими мастерами; причем те мастера, которые строили мечети Старого Крыма и Судака, выполнить этого не могли», и далее на основе письменных источников доказывал, что мечеть была построена знаменитым османским мастером Ходжой Синаном, автором знаменитой мечети Сулеймана в Константинополе. Ему же приписывал Засыпкин бани султана Сулеймана (сломаны в 1834 г.) и мечеть в Феодосии (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 522. Л. 22-25). Он считал чрезвычайно важным то обстоятельство, что Ходжа Синан был приглашен для строительства мечетей в Крым, поскольку это свидетельствовало об экономическом и политическом расцвете Крымского ханства и его тесных культурных связях с Турцией. «Две ... мечети являются подлинно турецкими, принадлежат блестящему периоду османского искусства и авторству одного из великих мастеров мира. Дальнейшее развитие купольных мечетей пошло под их влиянием, и [объясняет] почему мы имеем преимущественное распространение купольных мечетей в Феодосийском и Евпаторийском районах» (Засыпкин, 1927, с. 138-139, 143). Строительство в Крыму базилических мечетей, к примеру Текие-Хан Джамии и Шор-Джами в Карасубазаре и Ешиль-Джами в Бахчисарае, по Засыпкину связано с присутствием византийских и генуэзских мастеров. При этом он отмечал, что несмотря на использование иноземных приемов все осмотренные им сооружения самобытны, не имеют точных аналогов и «носят свои крымские черты» (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 522. Л. 10-11). Ученый совет ЦГРМ оценил работу Засыпкина в Крыму как имеющую большое

Рис. 139. Чуфут-Кале. Археологи на раскопках. Б. Н. Засыпкин стоит третий справа. У. А. Боданинский – сидит в центре. О. Н.-А. Акчокраклы сидит справа. 1928 г. Негатив (Архив БИКАМЗ. Ф-921).

научное значение. Было решено продолжать начатые им исследования. Борис Николаевич получил задание вместе с Н. Р. Левинсоном и У. А. Боданинским наметить перечень памятников, наиболее нуждающихся в мерах охраны, с расчетом необходимых затрат на следующие годы. Также ему было поручено составить на основе всех актов обследования и смет подробную методическую инструкцию по ремонту и реставрации тюрко-татарских памятников Крыма и представить ее на утверждение Научно-консультационной комиссии (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 172-173).

И Борис Николаевич, и другие участники экспедиции 1926 г. отмечали, что общим впечатлением от всех памятников было «невиданное хищничество местных жителей, которые до сих пор продолжают разбирать древние здания и уносить с кладбища надгробия», проводят хищнические раскопки. Он неоднократно говорил о необходимости принять срочные меры физической охраны древних памятников от разграбления «бандитами-кладоискателя-

ми», хотя бы учредить должность сторожа и огородить территории памятников забором с колючей проволокой (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 1-2 об.; Д. 10. Л. 31).

В апреле 1927 г. Засыпкин вновь в Крыму в составе экспедиции под началом И. Э. Грабаря. В ней также участвовали А. И. Анисимов, Г. О. Чириков и фотограф А. В. Лядов. Их целями были обследование памятников архитектуры и живописи, принятие мер охраны и поддержания памятников, инструктирование местных работников, разработка научно-технических приемов по уходу за памятниками. Экспедиция работала в Симферополе, Бахчисарае, Херсонесе, Феодосии, Судаке, Керчи и Мелитополе (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 154 об.). Лето 1927 г. Засыпкин провел в командировках по Центральной России, а осенью присоединился к Термезской экспедиции в Туркестан Музея восточных культур, которая проехала по маршруту Ташкент – Самарканд – Бухара – Термез – Джар – Курган – Кармине – Шахрисабз – Мерв – Анау – Ашхабад. Закончилось путешествие в Баку. Борис Николаевич ехал как представитель ЦГРМ с поручением контактировать с Средазкомстарисом по вопросам охраны и ознакомиться с ходом реставрационных работ. Сохранился его подробный отчет об исследованиях экспедиции (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 88 об., 92, 120-121 об.).

1928 год Б. Н. Засыпкин снова провел между Крымом и Средней Азией. В селе Узгент он руководил реставрационными работами на южном мавзолее. Были восстановлен купол, часть фасада и мозаичная облицовка, укреплен цоколь. Как отмечает А. С. Щенков, «что особенно интересно, было поставлено на место около 30 упавших архитектурных фрагментов. Таким образом, в среднеазиатскую реставрационную практику был введен метод анастилоза» (Памятники архитектуры в Советском Союзе, 2004, с. 142). В Крыму в 1928 г. Засыпкин вместе с О. Н.-А. Акчоркраклы и У. А. Боданинским начал систематические раскопки на городище Чуфут-Кале у Бахчисарая, рассчитанные на несколько лет (рис. 137). В 1926 г. там были обнаружены остатки мечети. Ле-

том 1927 г. Бахчисарайский музей поручил О. Н.-А. Акчоркраклы исторические изыскания в области татарских древностей и командировал его в Чуфут-Кале для предварительных работ по выяснению общей топографии города и изучения эпиграфического материала. Он нашел самый ценный фрагмент в кладке, позволивший установить дату: 746 г. х. (1346 г.) (Эрнст, 1931, с. 87). В сезоны 1928 и 1929 гг. экспедиция под руководством Б. Н. Засыпкина и У. А. Боданинского закончила работы на развалинах мечети и произвела раскопки вокруг нее, причем среди других находок была обнаружена надпись с мавзолея дочери хана Тохтамыша Джанике-Ханым, считавшаяся исчезнувшей (Эрнст, 1931, с. 90). Любопытно, что стажером у Бориса Николаевича был студент Е. В. Веймарн, впоследствии известный крымский археолог. В 1929 г. студентами-стажерами была произведена инструментально-топографическая съемка с нанесением на план всех пещер, древних сооружений и улиц средневековой части крепости в районе Чуфут-Кале (Боданинский, Засыпкин, 1929, с. 179). Борис Николаевич сделал отчетный доклад о раскопках на собрании Ученого совета ЦГРМ и опубликовал совместно с У. А. Боданинским детальное описание работ в Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии. По аналогии архитектурных форм и декоративных орнаментов авторы статьи датировали мечеть XIV веком. Они пришли к выводу, что остатки городища Чуфут-Кале и развалины мечети представляли исключительную ценность не только как памятник строительного искусства крымских татар, но и как исторический источник. Проведенные археологические исследования местности давали возможность разобраться в сложной истории культурных и экономических взаимоотношений средиземноморских народов с золотоордынским государством, Малой Азией и другими странами Востока. Во время раскопок экспедиция обнаружила мраморные ионическо-византийские капители V–VI вв. Эта находка, равно как и присутствие в Чуфут-Кале и его ближайших окрестностях византийских памятников V–VI вв. и монументальных крепостных стен с аркой до-татарской кладки служили под-

тверждением того, что на месте Чуфут-Кале в древности был город Фуллы. Для точной локализации Фулл Б. Н. Засыпкин считал необходимым продолжать исследования. Раскопки Чуфут-Кале 1928-1929 г. позволили ученым выдвинуть предположение о тесной связи средневековых татарских сооружений с традициями византийской культуры и строительного искусства. Они установили, что строители мечети использовали наиболее ценные и художественные части какого-то разрушающегося к моменту водворения татар византийского храма. В средние века крепость называлась «Кырк-иери» или «Кырк-ору». До перехода к татарам, то есть до 1299 г. крепость «Курк-иери» была в руках аланов. Этот народ принадлежал к сарматскому племени и появился на исторической арене в первые века нашей эры. Основная группа аланов обосновалась в Тавриде. В V–XIV вв. в пределах южной Украины и в Тавриде они играли крупную роль как ближайшие союзники и соседи Херсонеса. По мнению авторов, это объясняло появление в тех местах византийских миссионеров, торговцев, строительные мастеров, выступавших торговыми посредниками между Херсонесом и Киевской Русью. В XVIII в., после занятия Крыма Россией, крепость быстро пришла в упадок и была заброшена (Боданинский, Засыпкин, 1929, с. 179-180).

Возвращаясь из дальних экспедиций, Борис Николаевич немедленно включался в текущую работу ЦГРМ, занимался обследованием и консультировал реставрационные работы древнерусской архитектуры во Владимире, Новгороде, Пскове, Суздале, Рязани, Можайске, Коломне, обмерял памятники Москвы и Подмосковья. Из больших проектов, которые Засыпкин вел в на протяжении 1926-1928 гг., следует отметить исследования, организацию архитектурного отдела и руководство реставрационными работами в музее Новодевичьего монастыря; обследование здания бывших Кадетских корпусов в Лефортове, приспособление зданий Старого монетного двора под типографию (д. 1/3 по Красной площади) и бывшей Синодальной типографии на Никольской улице под архивохранилище. Ему были поручены комплексное обследование архитектурных

памятников Твери, наблюдение за реставрацией Успенского собора и Дворца Олега в Рязани, решение сложных технических вопросов консервации и укрепления Дмитровского собора во Владимире и Голгофской церкви Ново-Иерусалимского монастыря (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 13 об., 14 об., 58, 80, 85, 99-100, 151-151 об., 180. Д. 10. Л. 8, 12 об., 16, 37; Памятники архитектуры в Советском Союзе, 2004, с. 167-168).

Помимо этого, с 1925 г. Засыпкин являлся научным сотрудником секции пространственных искусств Государственной академии художественных наук и научным сотрудником музея Новодевичьего монастыря, хранителем отделения Советского Востока в Музее восточных культур, одновременно преподавал архитектурное проектирование на дневном и вечернем отделениях Московского строительного техникума им. Л. Б. Каменева. Борис Николаевич регулярно участвовал в заседаниях Ученого совета ЦГРМ и представлял отчеты о своих работах, выступал на конференциях, читал популярные лекции. В 1926 г. он участвовал в Керченской конференции археологов, сделал доклад о памятниках архитектуры тюркских народов на конференции при Ассоциации Востоковедения по изучению искусств тюркских народов СССР (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 154). В январе-феврале 1927 г. ЦГРМ организовали цикл лекций «Древнерусское искусство. Красота его памятников и их реставрация». Лекции пользовались таким успехом, что пришлось повторить их в апреле. Лекции прочитали Грабарь, Засыпкин, Барановский, Анисимов, Т. Н. Александрова-Дальних (ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 154). В 1929 г. Борис Николаевич жаловался в Главнауку, что работать приходится семь дней в неделю, и просил освободить от какой-либо из должностей (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 485. Л. 1).

Безусловно, изучение и реставрация мусульманской архитектуры были специализацией Б. Н. Засыпкина. Однако была бы несправедливо недооценивать его роль в охране памятников Москвы и Центральной России. Приведенный выше далеко не полный пере-

чень объектов Бориса Николаевича доказывает, что в области исследования и реставрации древнерусской архитектуры он трудился с не меньшей продуктивностью, чем мусульманской, тем более, что после 1929 г. большая часть тюркологических экспедиций ЦГРМ была свернута. Лишь однажды после этого удалось Борису Николаевичу вернуться к шедеврам мусульманской архитектуры. В 1932 г. он возглавил работы по реставрации Ханского дворца в Баку, а также отвечал за обмеры и составление проекта реставрации, разрабатывал подробные инструкции по реставрационным работам (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 21. Л. 2-2 об. ; ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 525. Л. 16). Вновь Засыпкин проводил скрупулезный анализ сохранившихся архитектурных деталей, пытаясь решить, возможно ли их использование в качестве аналога для восстановления утраченных элементов. По оценке А. С. Щенкова, он и его местные коллеги (И. П. Щеблыкин и др.) опасались привнесения в реставрацию недостоверных форм, поэтому предпочли оставлять архитектурные детали, в которых не были уверены, «открытыми», без декоративной обработки. Следствием

было частичное, фрагментарное восстановление форм дворца (Памятники архитектуры в Советском Союзе, 2004, с. 186-187).

В конце 1920-х гг. политическая ситуация в стране радикально изменилась. 1928 г. историки считают временем основания сталинского тоталитарного режима. Прежняя национальная политика подверглась кардинальному пересмотру: коренизация была свернута, наступил период гонений и судебных процессов против национальной интеллигенции (Martin, 2001, р. 26-27). Был принят курс на так называемую «культурную революцию», которая вылилась в борьбу с любыми проявлениями «буржуазности» в культуре, поход против старой российской интеллигенции, изгнание религии из жизни советского общества (Fitzpatrick, 1974, р. 33-52; 1978, р. 309). В конце 1920-х гг. началось массовое разрушение памятников архитектуры. Было полностью уничтожено краеведческое движение. Подверглась разгрому археологическая наука, прекращено ее преподавание в университетах. Многих археологов репрессировали. Их обвиняли в идеологической подготовке интервенции против СССР и буржуазном национализме (Формозов, 2006, с. 49-62).

В научно-исследовательских организациях проходили многочисленные чистки и увольнения (ГАРФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 2512). В начале 1928 г. был упразднен Музейный отдел Главнауки, а вскоре и сама Главнаука (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 737. Л. 202). Осталась лишь музейная группа из двух человек, в функцию которой не входила охрана памятников архитектуры (Институты управления, 2004, с. 124, 125, 133). В результате к 1930 г. ЦГРМ остались единственным органом охраны и реставрации архитектурного наследия, но программа изучения материальной культуры

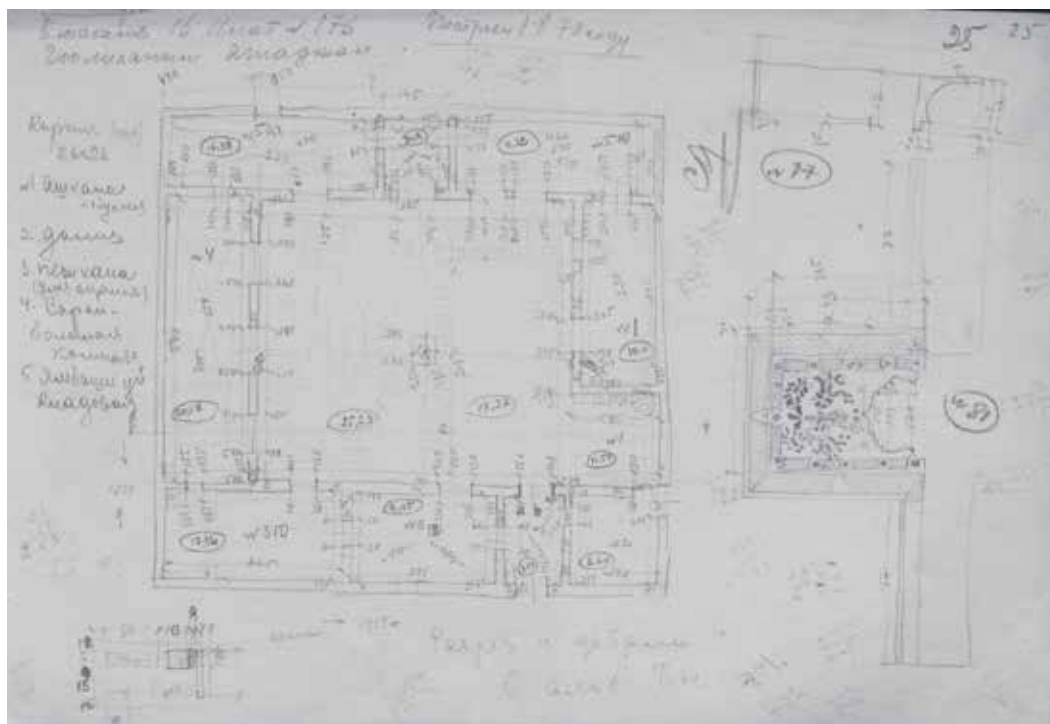

Рис. 140. Б. Н. Засыпкин. Кроки жилого дома в Самарканде. 1940-е гг. Бумага, карандаш (ЦГАРУ. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 92. Л. 25).

Рис. 141. Борис Николаевич Засыпкин. Фото 1950-х гг.
(из личного фонда Б. Н. Засыпкина:
ЦГАРУ. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 1111. Л. 3).

крымских татар была закрыта. Фактически ЦГРМ занимались исключительно фиксацией предназначенных к сносу зданий, главным образом московских, поскольку средства на реставрацию в десятилетие 1930-х гг. государство не выделяло. Отчет ЦГРМ за пятилетку 1928-1933 гг. отмечал значительный объем таких обследований, проведенных в Москве (ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1037. Л. 45). Положение реставраторов было таким же шатким, как и археологов и других ученых. В 1929-1931 гг. в ЦГРМ несколько раз меняли директора, сотрудников обвиняли в контрреволюционной пропаганде. По заключению инспекторской проверки Ленинского райкома ВКП(б) Москвы, «ЦГРМ в момент принятия их ны-

нешним директором тов. Лидаком в феврале 1932 года представляли из себя совершенно разложившуюся, деморализованную организацию, как с точки зрения идеологической и научно-исследовательской, так и производственно-организационной... Мастерские засорены чуждым нам элементом» (ЦГА г. Москвы, ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 157-160). Я. Г. Лидак по-видимому был уволен, и некоторое время Засыпкин исполнял обязанности начальника ЦГРМ (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 21. Л. 2 об.). В январе 1934 г. ОГПУ арестовало группу из пяти художников и искусствоведов – сотрудников ЦГРМ, в которую попал и Борис Николаевич Засыпкин. Их дело известно в литературе как «дело сотрудников ЦГРМ». В вину им ставилась защита памятников старины, предназначенных к сломке, которая классифицировалась как контрреволюционная и националистическая деятельность. Арестованные не скрывали своего отношения к происходящим событиям. Художник-реставратор Д. Ф. Богословский на допросе заявил: «Большевики уничтожают все связанное с прошлым, в том числе и памятники старины, ... чем лишают подрастающее поколение воспитания героикой и пафосом старины, необходимого для привития чувства национальной гордости... Без такого чувства ни одна нация не может существовать и прогрессировать». Заведующий архитектурной секцией ЦГРМ Б. Н. Засыпкин на вопрос следователя: «Почему вы противодействовали сносу этих памятников?» — ответил: «Мы считали эти памятники ценными с точки зрения архитектурной и социальной значимости... Мы считали, что на этих памятниках должна обучаться молодежь». Преступление Засыпкина заключалось в том, что он «не учитывал политического значения намечаемых к разбору объектов и допускал проведение академических заключений». Следствие завершилось быстро. В обвинительном заключении было сказано: «Группа анти-советских научных сотрудников Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), являясь по своим убеждениям националистами, в своей практической работе активно противодействовали мероприятиям сов. правительства по слому и сносу ненужных

памятников старины (церкви, старые усадьбы, часовни, монастыри), которые, по показаниям обвиняемых, должны были воспитывать молодежь в националистическом духе. Для дискредитации Соввласти члены группы фотографировали церкви и монастыри в момент их слома и распространяли фотоснимки, иллюстрируя «варварство большевиков»» (Просим освободить, 1998, с. 183-185). 5 марта 1934 г. арестованные были приговорены к высылке Особым совещанием при коллегии ОГПУ. Засыпкин и его коллега Н. Н. Померанцев отбывали наказание в г. Вельске Архангельской области до января 1937 г. Борис Николаевич вернулся к специальности театрального художника и занимался оформлением спектаклей в городском Доме культуры (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 21. Л. 2 об.; Кызласова, 1999, с. 391-399). Сохранились его эскизы декораций к нескольким спектаклям.

Сразу после освобождения Засыпкин уехал в Узбекистан, был принят на должность архитектора-реставратора при Узкомстарисе (Узбекский комитет охраны памятников культуры и природы) и продолжил изучение древней самаркандской архитектуры (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 25. Л. 1 об. – 2). На основе многолетних исследований Борис Николаевич написал диссертацию «Своды архитектуры Узбекистана» и защитил ее в 1943 г. в Академии художеств СССР, которая находилась в Самарканде в эвакуации (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 30. Л. 1). Во время войны в Самарканд были эвакуированы Академия, художественные вузы Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова. Засыпкин получил возможность общаться с коллегами – архитекторами и художниками. Его самаркандский адрес: Регистан, медресе Тилля-Кори. Там же занимали кельи известный художник В. А. Фаворский с женой, ленинградец, доктор искусствоведения, автор работ по истории искусства Древней Руси А. С. Гущин и др. деятели культуры (Ремпель, 1992, с. 115-116). В апреле 1942 г. Б. Н. Засыпкин был организатором большого совещания по среднеазиатской архитектуре, которое прошло в Самарканде. На совещании присутствовало 96 человек: поездом из Чимкента прибыли эвакуированные члены Ака-

демии архитектуры СССР; были приглашены местные работники, преподаватели художественных институтов, архитектурного факультета Ленинградской академии художеств. Среди участников были А. Г. Мордвинов, братья В. А. и А. А. Веснины, Г. П. Гольц. Совещание открыл Президент Академии архитектуры В. А. Веснин 22 мая 1942 г., с приветственным словом от имени Союза советских художников выступил С. В. Герасимов (РГАЭ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-7). Совещание длилось пять дней и включало большую культурную программу. Борис Николаевич сделал два доклада, проводил экскурсии для архитекторов. Братья В. А. и А. А. Веснины, Г. П. Гольц, были поражены совершенством архитектурных форм мечети Биби-Ханум и Шах-и-Зинда (Ремпель, 1992, с. 118). Несомненно, совещание было большим событием в культурной жизни Самарканда и имело положительные последствия для охраны его уникальных памятников.

В 1943 г. узбекское правительство приняло решение о полной реставрации выдающегося самаркандского памятника – мавзолея Гур-Эмир. Возглавил ее Б. Н. Засыпкин. Он продолжил исследования, начатые им в 1926-1927 гг. и установил, что верхняя часть купола была покрыта глазурованной черепицей, а остальная поверхность – изразцовой мозаикой бирюзового, синего и желтого цветов. Был сделан проект полного восстановления изразцового покрытия (Памятники архитектуры в Советском Союзе, 2004, с. 459). Уникальные работы по восстановлению облицовки были выполнены старейшими самаркандскими мастерами-реставраторами А. Умаровым, М. Кнусовым и др. под руководством Б. Н. Засыпкина. За этот многолетний труд им объявили благодарность. В отчете Управления по делам архитектуры Уз. ССР за 1949 г. отмечено: «Руководитель научных работ кандидат архитектурных наук т. Засыпкин. Его работа общеизвестна. Касаясь конкретно работ по мавзолею Гур-Эмир, следует отметить его непосредственное участие... Практически т. Засыпкин в части ремонтно-реставрационных работ дал много ценных указаний, касающихся научных определений и технологии самого производства работ... Работы, проведенные

тов. Засыпкиным ... по существу легли в основание всей положительной работы, проведенной по облицовке купола. Тов. Засыпкин руководил коллективом технических работников и практически осуществлял контроль за выполнением работ по реставрации мавзолея на всех стадиях с научной стороны» (РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 135. Л. 24-25, 41).

В 1944 г. Узкомстарис был ликвидирован по причине образования республиканского управления по делам архитектуры при Совете министров Узбекской ССР. Борис Николаевич был переведен в Ташкент руководителем научной тематики, затем стал руководителем научных работ СНРМ (Специальной научно-реставрационной мастерской). Уезжать из Самарканда ему не хотелось: «В связи с реорганизацией Узкомстариса намечен мой перевод в Ташкент ... Прошу оставить меня работать в Самарканде ... Основные работы будут производиться в Самарканде и лучше мне жить поближе к памятникам» (рис. 140) (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 485. Л. 2). После Великой отечественной войны Борис Николаевич стал часто бывать в Москве в командировках и вновь выступать с докладами о своих исследованиях, на обсуждениях проектов восстановления выдающихся архитектурных памятников Узбекистана: ансамбля Шах-и-Зинд, медресе Улугбека в Бухаре и Гиждуване, мавзолея Гур-Эмир (РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 13, 34, 37, 133, 134 и др.). Он был включен в состав Ученого совета Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР (ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 2406. Оп. 1. Д. 539. Л. 9). Имя Засыпкина часто встречается в протоколах и стенограммах Ученого совета ГУОП (Главного управления охраны памятников при Комитете по делам архитектуры СССР) за 1940-е гг. Начальник ГУОП Ш. Е. Ратия отмечал: «Нужно признать, что Узбекистан стоит в первых шеренгах по охране памятников и это его первенство нужно отнести в основном за счет его научного руко-

водителя Б. Н. Засыпкина. Во всем, что там делается, чувствуется стремление, желание, любовь и преданность тов. Засыпкина» (РГАЭ. Ф. 9588. Оп. 1. Д. 16. Л. 136-137). По словам хорошо знавших его коллег, исключительная преданность делу науки и глубокое знание архитектуры сочетались в Борисе Николаевиче с большой скромностью, доброжелательностью, готовностью поделиться своими знаниями и опытом (Прибыткова, 1957, с. 190).

Далеко не полный обзор практической деятельности, научных трудов и реставрационных принципов Бориса Николаевича Засыпкина свидетельствует о том, что он был выдающимся архитектором-реставратором, а его методы научной реставрации остаются актуальными и сегодня (рис. 141). Роль Засыпкина в восстановлении архитектурных шедевров Средней Азии известна и не вызывает сомнений. Менее изученной была до сих пор его деятельность в Крыму. Исследования материальной культуры крымских татар проводились в 1920-е гг., а их пик пришелся на 1926-1929 гг. После этого все работы были прекращены и в советское время более не возобновлялись. Именно в этот короткий период 1926-1929 гг. Б. Н. Засыпкин был фактическим координатором и руководителем исследовательских экспедиций местных музеев. Им были проведены тщательные натурные исследования, археологические раскопки, анализ конструктивных и стилевых особенностей древних строений, написаны обобщающие труды по истории памятников татарской архитектуры, многие из которых в настоящее время утрачены. Кроме того, ему, как самому авторитетному специалисту по мусульманской архитектуре, было поручено составлять рекомендации и осуществлять методическое руководство реставрационными работами древней крымской архитектуры. Таким образом, Борис Николаевич Засыпкин без преувеличения был и остается одной из важнейших фигур в области изучения материальной культуры крымских татар.

М. А. ДОБРОНОВСКАЯ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баталов А. Л., Беляев Л. А. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. М.: МГОМЗ, 2013. С. 81-84.

Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана / Сост. Лунин Б. В. В 2-х тт. Т. 1. Ташкент, 1976.

Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928-1929 гг.) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III (60). Под ред. Н. А. Эрнста. Симферополь, 1929.

Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации // Вопросы реставрации. Вып. I. Москва: ЦГРМ, 1926 г. С. 161-178.

Засыпкин Н. Б. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации // Вопросы реставрации. Сборник ЦГРМ. II. Москва: Издание ЦГРМ, 1928. С. 208-211.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. Москва-Ленинград: Госиздат. 1927. № 2 (4). С. 113-140.

Институты управления культурой в период становления. 1917-1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы / Федеральное архивное агентство, РГАСПИ, РГАЛИ, ГА РФ. М.: РОССПЭН, 2004.

Кпровозглашению Крымской республики // Жизнь национальностей. № 32/121. 25.10.1921.

Кызласова И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси, 1920-1930-е годы: По материалам архивов: дисс. ... док. исторических наук: 07.00.09. Москва, 1999.

Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектур. реставрации: [Монография] /

[А. Л. Баталов, Т. В. Вятчанина, И. И. Комарова и др.]; Под общ. ред. А. С. Щенкова; Рос. акад. архитектуры и строит. наук. Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства. М.: ТЕРРА-Кн. клуб (ТРКК), 2002.

Памятники архитектуры в Советском Союзе: очерки истории архитектур. реставрации / [В. Беридзе и др.]; под общ. ред. А. С. Щенкова; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства. Москва: Памятники ист. мысли, 2004.

Прибыткова А. М. «Б. Н. Засыпкин (некролог)» // Архитектурное наследство. М., 1957. Вып. 8. С. 189-190.

Просим освободить из тюремного заключения: письма в защиту репрессированных / [сост.: В. Гончаров, В. Нехотин]. М.: Современ. писатель, 1998.

Ремпель Л. И. Мои современники (20-е – 80-е годы). Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1992. С. 115-116.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006.

Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921-1930) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1930 г. Т. IV. Симферополь, 1931. С. 77.

Cultural Revolution in Russia, 1928-1931 / ed. by Sheila Fitzpatrick. Bloomington: Indiana University Press, 1978.

Martin, Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

Fitzpatrick. Cultural Revolution in Russia 1928-32. // Journal of Contemporary History. Vol. 9, No. 1 (Jan., 1974). P. 33-52.

2.7. КАЛИНИН НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Ф. КАЛИНИНА В СОСТАВЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ ГОРОДОВ В 1928-1929 гг.

Значение историко-археологических исследований Н. Ф. Калинина на территории Татарстана неоспоримо. Археологические исследования Н. Ф. Калинина в 1928-1937 гг. ознаменовали собой начало планомерных исследований булгаро-татарских городов, в т. ч. Казани, Иски Казани, Болгара, Билярска, Джукетау и др. Им осуществлены сборы археологического материала, сделаны первые попытки классифицировать и систематизировать вещевой материал. Во второй половине 1920-х гг. создаются реальные условия для ведения археологических раскопок.

Вместе с тем, Н. Ф. Калинин начинает заниматься целенаправленной археологической деятельностью на территории Татарстана

еще с 1926 г. Однако первые его исследования булгарских памятников были больше связаны с разведочными работами и изысканиями в области эпиграфики. В 1927-1928 гг. он, совместно с А. М. Тамбовцевым, проводит разведочные работы на берегу рек Волги и Свияги. В 1928-1929 гг. ученым проводилось исследование надгробий булгарского и татарского времени.

В 1928-1929 гг. научными учреждениями Казани (Домом татарской культуры, Обществом татароведения, Обществом археологии и этнографии Казанского университета и Центральным музеем ТАССР) была организована совместная Археологическая экспедиция по изучению булгаро-татарских городов, средневековых памятников Татарии, где роль Н. Ф. Калинина становится существенно заметной. Работа экспедиции предварительно готовилась самим Н. Ф. Калининым. Был образован особый комитет, в работе которого, наряду с такими учеными из Москвы, как А. С. Башкиров, профессор И. Н. Бороздин, участвовали исследователи из Казани. Кроме самого Н. Ф. Калинина в состав комитета от Казани вошли З. А. Акчурина, В. В. Егеров, З. Тагиров, П. Корнилов, Г. Хусаинов, Валексина. Булгарский отряд возглавил А. С. Башкиров, Казанский – И. Н. Бороздин (Архив ИЯЛИ. Д. 298. Л. 15-16).

На заседании Комиссии по организации археологических изысканий летом 1928 г. на территории ТАССР Н. Ф. Калинин (в качестве секретаря) вошел в руководящее Бюро по научно-техническому проведению археологических изысканий наряду с А. С. Башкировым, В. Ф. Смолиным, В. В. Егеровым. Здесь же были запланированы археологические изыскания в Казанском кремле и Иски Казани, а также в Билярске, на территории Чистопольского и Спасского кантонов (НА РТ. Д. 43. Л. 225).

В том же году Н. Ф. Калинин активно участвовал в обследо-

Рис. 142. Казань. Фото. 1910-е гг. Учащиеся Первой императорской мужской гимназии. В верхнем ряду по центру Н. Ф. Калинин (НМ РТ. Вр. No 607).

вании городищ и археологических объектов болгарской культуры. Так, 17-27 июня 1928 г. А. С. Башкиров, один из ведущих специалистов по средневековой археологии Поволжья, планировал широкие исследования крупнейших болгарских археологических памятников – Джукетауского и Билярского городищ. В состав его отряда входили представители нескольких научных и краеведческих организаций Казани. В числе участников были Н. Ф. Калинин и З. А. Акчурина (Руденко, 2008, л. 41).

В 1928 г. наряду с раскопками на Билярском и Джукетауском городищах экспедиция начала археологическое изучение Казанского кремля (3-11 июля). К северу и востоку от Благовещенского собора под руководством профессора И. Н. Бороздина была заложена серия шурфов, один из которых расширили до размеров раскопа. Эти раскопки, как признавался позднее И. Н. Бороздин, для истории древней Казани «почти ничего не дали». Другого мнения был Н. Ф. Калинин, которого совершенно не удовлетворяла методика исследований, он с досадой констатировал: «Методы меня не удовлетворяли: шурфовка и штыки, не увязанные со слоями – много из-за этого потеряно» (Архив ИЯЛИ. Д. 298. Л. 15-16).

Он отмечал, что во всех шурфах прослеживалась довольно четкая стратиграфия культурных отложений с остатками древних сооружений. Нижний слой «немалой толщины», содержащий булгаро-татарскую керамику, Н. Ф. Калинин датировал временем Казанского ханства. Кроме того, в одном из шурфов, заложенном на краю холма за Благовещенским собором, были вскрыты руины белокаменной крепостной стены, время строительства которой было определено, предположительно, как XVII в. Как было установлено позднее, ее основание (т. е. нижняя часть) относится к более раннему времени – концу XII – началу XIII вв. (Ситдииков, 2000, с. 22-40).

Вскрытая площадь составила за два года около 100 кв. м при мощности слоя от 50 см до 4 м (Архив ИЯЛИ. Д. 203. Л. 224; Д. 290. Л. 7). Судя по сохранившимся чертежам, напластования, сложившиеся в булгаро-татарский период, т. е. до середины XVI в., перекрывались сверху углистой прослойкой пожара 1552 г. и по-

Рис. 143. Казань. Бумага, машинопись. 1926 г.
Карточки по учету исследования ученых ТССР
(НА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 49. Л. 42).

гребной почвой, поверх которой лежали слои (мощностью в среднем до 2 м), сформировавшиеся уже позднее.

Слои булгаро-татарского времени были представлены практически во всех шурфах «на глубине 1,5-3 м, а в шурфах по линии север-юг – на гораздо меньшей глубине, иногда всего в 25-45 см». В верхних горизонтах слоя в незначительном количестве встречен материал, связанный с русским населением (Архив ИЯЛИ. Д. 289. Л. 120; Д. 293. Л. 44).

На глубине 360-370 см фиксировался нижний горизонт. Он состоял из «черной, тем-

но-коричневой почвы с кусочками извести» и с редкими находками фрагментов гончарной керамики (Халиков, 1983, с. 118). Судя по описанию Н. Ф. Калинина, этот древнейший горизонт вполне сопоставим с V домонгольским слоем сегодняшней стратиграфической шкалы Казанского кремля. Это подтверждается и новейшими исследованиями в этом районе. Наличие известнякового мусора в домонгольском слое в раскопках увязывается со строительством древнейших белокаменных укреплений. Участок этой стены, расположенный по восточному краю Кремлевского холма, был выявлен в раскопе 1928 г. В 1970 г. эта стена изучалась Л. С. Шавохиным, в 1995 – А. Г. Мухамадиевым, в 1997-1998 гг. – А. Г. Ситдиковым (Ситдиков, 2006, с. 15).

В раскопах 1928 г. впервые была обнаружена и датирована периодом Казанского ханства обожженная глиняная обмазка, представляющая собой небольшие плитки-кирпичи прямоугольной или квадратной формы с ровными сглаженными краями. Назначение и характер применения обмазок-плиток до сих пор не установлены. Возможно, они связаны с внешней обкладкой глинобитных печей.

Массовый керамический материал из шурфов послужил Н. Ф. Калинину основой для создания классификации булгаро-татарской глиняной посуды (Архив ИЯЛИ. Д. 291. Л. 58, 116). В его классификации интересна пятая группа, представляющая собой посуду «бу-ро-красную, с большим количеством песка в глине, неровной поверхностью, среднего обжига». Н. Ф. Калинин указывал, что в Болгаре такая керамика «встречается в домонгольский, реже золотоордынский период». Шестую группу, состоявшую из «коричневой лощеной керамики», как отметил автор раскопок, в Болгаре находят «преимущественно в домонгольских слоях». На основе анализа керамического материала Н. Ф. Калинин сделал, тем не менее, парадоксальный вывод о возникновении булгарского поселения на кремлевском холме не раньше середины XIV в., объяснив присутствие в слое домонгольских материалов «странным» сохранением здесь архаичных традиций (Архив ИЯЛИ. Д. 202. Л. 225-227).

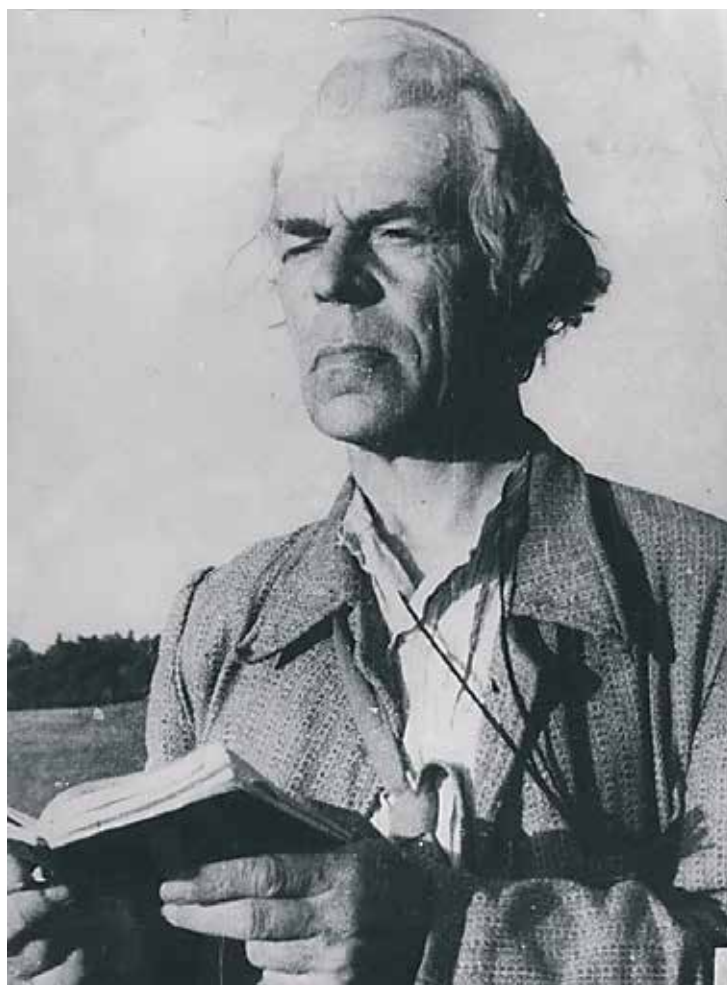

Рис. 144. Казань. Фото. Без даты. Н. Ф. Калинин (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 18. Л. 8).

В 1928 г. под руководством И. Н. Бороздина проводились небольшие раскопки к югу от алтаря церкви Киприана и Устины. В ходе работ были обнаружен каменный водосток из известняковых плит раннерусского времени и остатки рва периода Казанского ханства, вытянутого по линии восток-запад. Аналогичный ров под водосток был выявлен на этой же линии Н. Ф. Калининым в 1947 г. (Архив ИЯЛИ. Д. 296. Л. 67) Углубление рва фиксировалось и в траншее, вырытой с восточной стороны Преображенских ворот в 2001 г. (Ситдиков, 2006, с. 16).

Интересные материалы были получены в шурфах 1929 г. у южной стены башни Сююмбике. На глубине 140-150 см от современной поверхности был выявлен слой ханского периода, стратиграфически разделенный на три горизонта. В основании нижнего, древней-

Рис. 145. Казань. Фото 1947 г. Участники археологических исследований в Казанском кремле в 1947 г. Т. А. Хлебникова, Н. Ф. Калинин, К. Булатова, З. А. Акчурина (Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 296. Л. 17).

шего горизонта наряду с фрагментами немногочисленной болгарской керамики был обнаружен железный топор, часто встречаемый в средневековых памятниках XII – первой половины XIII вв. (Хузин, Ситдилов, 1996, с. 309-310) По данным Н. Ф. Калинина, котлован башни прорезал все культурные слои до глубины 200 см, в том числе и 12-ый, «содержащий следы культуры татарской эпохи» (Архив ИЯЛИ. Д. 291. Л. 3).

В 1929 г. продолжились и раскопы, начатые в предыдущем году. На этот раз был расширен шурф 8 предшествующего года, расположенный восточнее Благовещенского собора. Перпендикулярно к нему по линии север-юг было заложено еще 5 шурфов. В плане стратиграфических наблюдений интересен шурф 5 с описанием прослоек 5-10, где слои 9-10 были

определены татарским временем. «Штыки 6-13 прорезали шесть прослоек дерева, промежутки между которыми заполнены мусором с большим количеством костей животных. Поверхность настилов неровная волнистая» (Архив ИЯЛИ. Д. 291. Л. 141). Аналогичная стратиграфическая картина наблюдалась в раскопе IX 1997 г., заложенном в районе этого шурфа. Здесь на всю ширину раскопа (6 м) были прослежены остатки деревянного настила мостовой, вытянутого по линии север-юг. Очевидно, предполагают исследователи, тогда же Н. Ф. Калининым были выявлены остатки уличной мостовой. Данный объект, по мнению А. Г. Ситдикова, сопоставим с упоминаемым в Писцовых книгах «переулком к Благовещенью», идущим от Воскресенских ворот (Ситдилов, 2006, с. 16).

В том же году шурф был заложен и у западной стены бывшей Дворцовой церкви. В нем была выявлена «сложенная из рваного известняка на глине» кладка фундамента церкви и прослежена интересная стратиграфия засыпи котлована фундамента. В верхней части котлована прорезал III слой и хронологически был связан со слоями второй половины XVI–XVII вв. Под ним лежал более древний фундамент, имевший совершенно иной характер кладки, которая «резко отличалась от русского образца и была близка к болгарским известковым кладкам» (Архив ИЯЛИ. Д. 202. Л. 230). На основе сделанных наблюдений Н. Ф. Калинин предполагал, что нижняя кладка в семь рядов является фундаментом локализуемой в этом районе мечети Нур-Али. Именно на это открытие Н. Ф. Калинина ссылаются до сих пор все исследователи, упоминая о постройке Дворцовой церкви на месте исторически известной мечети Нур-Али (Хузин, 2011, с. 141). Оригинальна интерпретация А. Х. Халикова, полагавшего, что фундамент – это остатки ранней белокаменной болгарской стены (Халиков, 1983, с. 120).

В раскопках у Дворцовой церкви были обнаружены остатки мусульманского кладбища с погребениями, нарушенными в период строительства «мечети» (Архив ИЯЛИ. Д. 202. Л. 230), а также погребения XVII–XVIII вв., зафиксированные и в ходе наблюде-

Рис. 146. Казань. Фото 1951 г. Н. Ф. Калинин с учениками (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 1).

ний 1934 г. (Архив ИЯЛИ. Д. 296. Л. 110). Как затем было отмечено исследователями, «мусульманские» погребения, возможно, связаны с выявленными здесь позднее ханскими мавзолеями (Халиков, 1997, с. 22-49).

В 1948 г. проводились наблюдения в саду Губернаторского дворца у памятника В. И. Ленину (Архив ИЯЛИ. Д. 298. Л. 15-16). В ходе работ подтвердились наблюдения 1928-1929 гг.: здесь отсутствовали слои XVI–XVIII вв., скрытые в середине XIX в. В IV болгаро-татарском слое мощностью 45-55 см выделялись три горизонта. Керамический материал из слоя был представлен красной, коричневой и темно-серой посудой с характерным лощением. Найдены также образцы поливной и грубой лепной кера-

мики с дресвой (Архив ИЯЛИ. Д. 297. Л. 6).

Археологические раскопки 1928-1929 гг.

Н. И. Бороздина и Н. Ф. Калинина в Казанском кремле, как и археологическая экспедиция А. С. Башкирова в Билярске, были запланированы и профинансированы стараниями организованного 11 августа 1920 г. Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Академцентре Наркомата просвещения. На страницах печатного органа отдела – «Материалы по охране, ремонту и ре-

Рис. 147. Казань. Фото 1950-х гг. Н. Ф. Калинин готовится к выезду в экспедицию (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 18. Л. 13).

ставрации памятников ТССР» печатались статьи как информационного, так и полемиического характера. В этих работах принимали участие многие из последующей археологической «команды» Н. Ф. Калинина и А. П. Смирнова (Корнилов, 1930, с. 11).

«Осведомительный бюллетень» (№ 2) центрального совета Общества изучения Татарстана (на правах рукописи) 18 декабря 1929 г. сообщал о раскопках в июле 1929 г. ОИТ совместно с Отделом по делам музеев и охраны памятников старины и природы при Академическом центре Татнаркомпроса (у башни Сююмбике и Дворцовой церкви). Собранный материал, главным образом керамический, остатки костей и пр., были переданы в собрание Центрального музея. Кроме Н. Ф. Калинина в работах участвовали З. А. Акчурина, Г. Хусаинов, Н. Спиридонов и частично П. Корнилов (руководитель И. Н. Бороздин) (НА РТ. Д. 42. Л. 83 об.).

На протяжении всей жизни особо почитаемым объектом исследований Н. Ф. Калинина оставалась Казань, особенно архитектурные памятники Казанского кремля, связанные с крупными историческими лицами. Археологические исследования Казанского кремля в 1920-1930-х гг. позволили установить наличие культурных напластований, отложившихся, по крайней мере, в XIII–XIV вв., и изучить некоторые закономерности их отложения в различных его районах. В ходе проведенных работ удалось обозначить примерные границы ханской Казани и локализовать несколько некрополей булгаро-татарского и русского времени. Впервые была сделана попытка систематизировать массовый керамический материал. Важным в анализе этого материала является факт присутствия на территории кремля домонгольской керамики. Результаты исследований этого периода создали основу для дальнейшего изучения археологии Казанского кремля и города в целом.

Приехавший в Казань в августе 1929 г. член Государственной Академии истории материальной культуры профессор К. К. Романов писал об исключительном интересе в исследовании Болгарского городища как памятника мирового значения. Также уделял внимание и

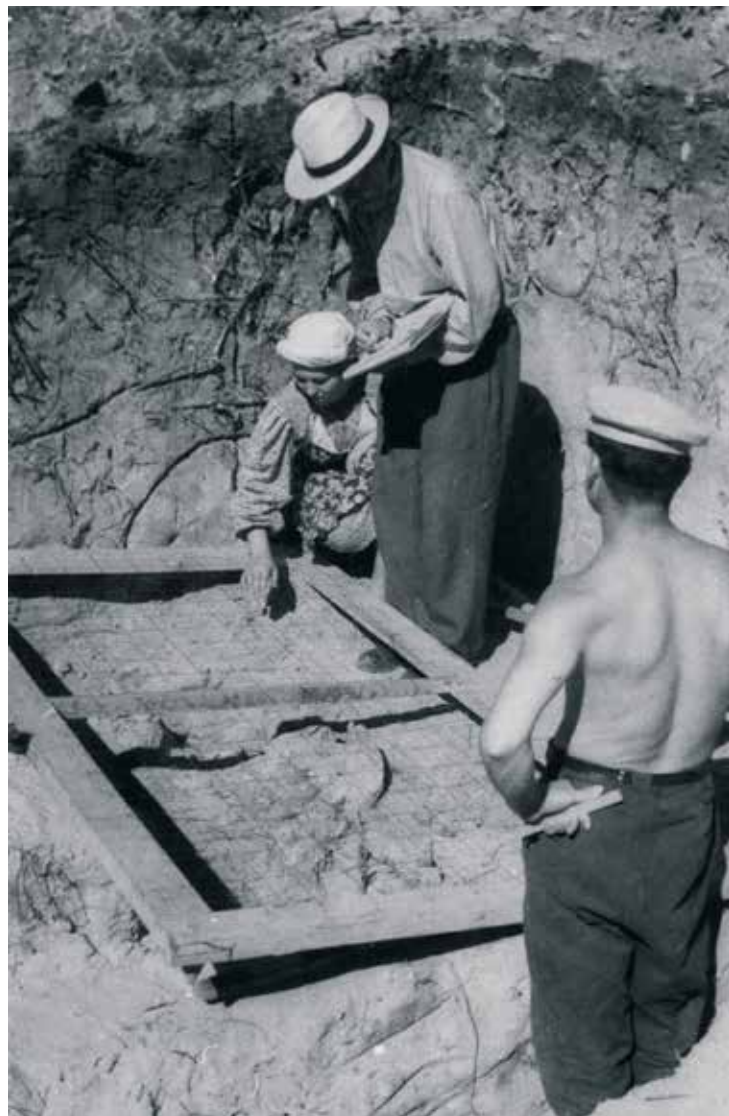

Рис. 148. Казань. Фото 1951 г.
Н. Ф. Калинин на Атабаевской стоянке
(НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 9. Л. 5).

восхищение памятникам Казанского кремля, говорил о необходимости их сохранения и изучения (НА РТ. Д. 43. Л. 39).

На совещании работников Археологической экспедиции в Казанском кремле и Музейного отдела Наркомпроса 30 июля 1929 г. детальный отчет раскопок за 1928-1929 гг. был поручен Н. Ф. Калинин. Ученый также взялся за составление сметы на дополнительную обработку материалов (НА РТ. Д. 40. Л. 70).

В августе 1929 г. М. Г. Худяковым совместно с Н. Ф. Калинин, в его бытность заведующим историко-археологическим отделом, были произведены археологические работы с целью «изыскания в области дотюркских культур

Рис. 152. Казань. Фото 1953 г. Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов, Н. И. Воробьев на раскопках в Казанском кремле (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 11. Л. 78а).

нашего края». Первым был обследован район «Старостекольного завода» вблизи и к западу от Казанского железнодорожного вокзала. Еще в 1892 г. здесь В. И. Заусайловым были обнаружены погребения «позднепьяноборского типа», отнесенные к IV–VI вв. н. э. Требовалось более детальное изучение находки. В первых шести траншеях были обнаружены следы неолитической стоянки, найдено несколько кремневых орудий. Вместе с тем «следов пьяноборской культуры здесь обнаружено не было». Следующие три траншеи также «не дали желаемых результатов». Были найдены лишь следы деятельности стекольного завода, действовавшего в 1830-1840 гг. В последней траншее (№ 6) самым нижним культурным слоем оказался слой XVI в.

Следующим пунктом археологических работ стало с. Борисково. На основании изученных прежних находок на этом месте (1890 г.) здесь предполагался «финский могильник конца I тысячелетия н. э.» Несмотря на то, что место прежних находок удалось установить вполне точно, ни одна из двенадцати траншей, заложенных здесь, не дали положительных результатов (НА РТ. Д. 42. Л. 201-202).

В целом, в 1920-1930-е гг. исследователи древней истории края стали уделять много внимания вопросам социально-экономического развития и происхождения народов. Изучением истории края стали заниматься не только местные организации, но и ведущие центральные научно-исследовательские учреждения. В 1925 г. В. Ф. Смолин продолжил раскопки «Шолома». В конце 1920-х гг. Н. Ф. Калинин обследовал некоторые городища I тыс. н. э. в Правобережье Волги (Старостин, 1967, с. 4-5).

Согласно отчету Центрального музея ТАССР за 1928-1929 гг., одна из важнейших работ отдела, возглавляемого Н. Ф. Калининым, – прием коллекций из музея Общества археологии и этнографии при Казанском университете, из археологических экспедиций и других поступлений. Проводится кропотливая работа по записи, классификации и магазинированию новых поступлений. За отчетный период от М. Г. Худякова в дар был принят план болгарского городища (НА РТ. Д. 109. Л. 18). В связи с тесными взаимоотношениями Центрального музея с ОАИЭ необходимо отметить, что с 1928 г. до прекращения деятельности в 1930 г. он являлся научным секретарем секции археологии и искусства Общества (Архив ИЯЛИ. Д. 25. Л. 3).

Другой текст отчета археологического отдела Центрального музея ТАССР за 1928-1929 гг. посвящен непосредственно археологическим работам. В частности, говорится, что раскопки М. Г. Худякова и Н. Ф. Калинина на «Стекольном» у Казани позволили выявить кремневые предметы неолитической стоянки, керамику XVI–XVIII вв. и образцы стекольного производства 1830-1840 гг. Сообщается об археологической разведке у д. Борисково (поиски пьяноборской культуры и финского могильника X века). В связи с этими и другими

Рис. 153. Татарское Ходяшево. Фото 1955 г. Н. Ф. Калинин у надгробного памятника (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 13. Л. 3).

работами перечисляются доклады и печатные работы Н. Ф. Калинина. Среди них доклады: «Раскопки в Казанском кремле в 1928 году» (доклад в ОАИЭ при КГУ на юбилейном собрании в январе 1929 г.), «Разведки в урочище «Чеглы-Кул» близ с. Мордвинских Каратаев» (доклад в секции Археологии и искусства ОАИЭ КГУ), «Болгарская керамика» (доклад в Обществе татароведения). Отмечены следующие печатные работы в разных изданиях: 1) «Бытовые предметы Волжско-Камской Болгарии» (в Каталоге выставки Болгарских древностей, изд-во ДТК, Казань, 1929); 2) «Казань XVIII века» (Известия ОАИЭ, т. XXXIV, № 3-4); 3) «Как

организовать кружок краеведения» (в журнале «Просвещение и труд», № 2, Казань, 1929); 4) «Прошлое крестьян нашего края» (Казань, 1929 г.); 5) I глава в «Спутнике туриста в Казани» (изд-во Дома татарской культуры) (НА РТ. Д. 109. Л. 107-108).

Н. Ф. Калинин успешно совмещал музейную деятельность с археологическими раскопками, результаты которых неизменно становились достоянием музея. В 1929 г. в собрание фондов Центрального музея ТАССР им был передан собранный материал, найденный в ходе раскопок у башни Сююмбике и Дворцовой

Рис. 154. Татарстан. Фото 1955 г. Н. Ф. Калинин за снятием эстампажа с надгробного памятника (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 13. Л. 4).

Рис. 155. Казань. Фото 1950-е гг. Н. Ф. Калинин у здания ИЯЛИ КФАН СССР (НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 8. Оп. 7. Д. 18. Л. 9).

церкви, главным образом керамический, остатки костей и пр. Раскопки были организованы ОИТ совместно с Отделом по делам музеев и охраны памятников старины и природы при Академическом центре Татаркомпроса (НА РТ. Д. 42. Л. 83 об.).

Н. Ф. Калинин отчетливо понимал значение результатов археологической экспедиции 1928-1929 гг. и важность своей деятельности в ее составе. В 1947 г. в своей автобиографии он напишет: «Принял участие в следующих экспедициях: В 1928 г. – г. Билярск – Болгарская культура, раскопки. В 1928 г. Казанский кремль – раскопки. Работал членом экспедиции. В 1929 г. – тоже. 1929 г. – экспедиция Антропологического института Московского университета. Елабужский район. Первобытное общество. Болгарская культура. Работал руководителем отряда» (Архив ИЯЛИ. Д. 9. Л. 53). Эти исследования навсегда останут-

ся в научной биографии Н. Ф. Калинина и в истории археологической науки. В дальнейшем во всех характеристиках и выписках из трудовой биографии останутся записи, что «им открыты исторические памятники эпохи первобытного общества, проведены многочисленные раскопки на Булгарском городище, Билярске, на городище Джукетау у Чистополя и т. д.» (характеристика 1940-х гг.) (Архив ИЯЛИ. Д. 9. Л. 40).

Таким образом, мы можем констатировать, что совместная Археологическая экспедиция 1928-1929 гг. добилась значительных успехов

в изучении булгарских городищ Татарстана и территории Казанского кремля. В результате были вскрыты новые культурные слои, обнаружен богатый археологический материал. Н. Ф. Калинин был не только одним из организаторов этой экспедиции, но и активно участвовал в ее деятельности. Кроме того им проводилась кропотливая работа по записи, классификации и магазинированию новых поступлений, передача вещевых материалов в музей. Н. Ф. Калинин был поручен и детальный отчет раскопок за 1928-1929 гг.

В целом с исследованиями, начатыми Н. Ф. Калининым в 1920-х гг. XX в., связан один из динамичных и плодотворных периодов археологического изучения края. С этого времени и до последних дней своей жизни Н. Ф. Калинин был инициатором и активным участником в организации многочисленных археологических экспедиций.

А. Г. СИТДИКОВ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Института языка, литературы и искусства (Архив ИЯЛИ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 202.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 203.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 289.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 290.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 291.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 293.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 296.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 297.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 298.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 3. Д. 9.

Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 3. Д. 25.

Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авт. коммент. Ф. Ш. Хузин, А. Г. Ситдилов. Казань, 1996. 448 с.

Корнилов П. Е. Работа отдела в 1929 году // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. IV. Казань, 1930. С. 4-11.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42.

НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 43.

НА РТ. Ф. Р-2021. Оп. 1. Д. 109.

Руденко К. А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2008. 264 с.

Ситдилов А. Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 288 с.

Ситдилов А. Г. Оборонительные укрепления древней Казани // СКВР. 2000. С. 22-40.

Старостин П. Н. Именьковские племена Нижнего Прикамья / Автореф. канд. дис. Йошкар-Ола, 1967. 18 с.

Халиков А. Х. История археологического изучения г. Казани / Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С. 111-138.

Халиков А. Х. Остатки ханских мавзолеев в Казанском кремле (по материалам 1977 года) // МКК. 1997. С. 22-49.

Хузин Ф. Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань, 2011. С. 467.

Калинин Н. Ф. Спасская башня Казанского Кремля. Историко-археологический очерк. Казань, 1926. 68 с.; 5 л. илл.

Калинин Н. Ф. Археологические наблюдения на улицах Казани. (Материалы к «биографии» г. Казани) // ИОАИЭ. 1927. Т. XXXIII, вып. 4. С. 33-38, 1 л. илл.

Калинин Н. Ф. Где был дворец казанских ханов? // ВНОТ. 1927, № 6. С. 81-96; 2 л. чертеж.

Калинин Н. Ф. Казань 18-го века. (По неизданным картографическим и иконографическим материалам) // ИОАИЭ. 1929. Т. XXXIV, вып. 3-4. С. 119-130.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с. (ИЯЛИ КФАН СССР).

Корнилов П. Е. Работа отдела в 1929 году // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. IV. Казань, 1930. С. 4-11.

Руденко К. А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2008. 264 с.

Ситдилов А. Г. Калинин Н. Ф. – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение болгарских городов. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 1999. С. 41-62.

Ситдилов А. Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 288 с.

Ситдилов А. Г. Оборонительные укрепления древней Казани // СКВР. 2000. С. 22-40.

Старостин П. Н. Именьковские племена Нижнего Прикамья / Автореф. канд. дис. Йошкар-Ола, 1967. 18 с.

Старостин П. Н., Ситдилов А. Г. Калинин Николай Филиппович (1888-1959) // Жить историей. 60 лет историческому факультету Казанского университета. Изд-во «Хэтер», 1999. С. 132-138.

Халиков А. Х. История археологического изучения г. Казани / Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С. 111-138.

Халиков А. Х. Остатки ханских мавзолеев в Казанском кремле (по материалам 1977 года) // МКК. 1997. С. 22-49.

Хузин Ф. Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань, 2011. С. 467.

2.8. ЭРНСТ НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧ

Предки ученого-крымоведа со стороны отца переселились в Украину из Германии в начале XIX века. Дед Николая Львовича со стороны отца с 1815 года работал на помещичьих суконных фабриках в Волынской, Киевской и Полтавской губерниях. Его отец – Людвиг, так и не получив школьного образования, мальчиком служил приказчиком в киевских торговых фирмах, а позже стал сотрудником страхового общества «Надежда» (НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 18, 26). По социальному положению он считался купцом второй гильдии. В Глухове Людвиг Эрнст имел в собственности небольшую фабрику по производству веревок (Білокінь, 2006, с. 12). Дед со стороны матери – Даниил-Николай Николаевич Неезе – родился в 1818 году в Риге. В 1854 году Совет киевского Университета Святого Владимира избрал его ученым аптекарем со званием адъюнкт-профессора (Білокінь, 2006, с. 12). Мать Н. Л. Эрнста, Кристина, получила домашнее образование (НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 18-21). В семье Эрнстов было шестеро детей. Дочери Евгения (родилась около 1877 г.), Елена (родилась около 1880 г.), сын Георгий (родился около 1883 г.), дочь Вера (около 1887 г.). Самым младшим был брат Теодор-Рихард (родился в 1891 г.). Николай Львович родился 23 сентября 1889 года (именно эту дату он указывал в собственноручно заполненных анкетах) в Киеве (СПФАРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 80).

В 1900 году семья потеряла отца. Им пришлось переехать в Глухов, чтобы следить за состоянием дел на фабрике. Эти обязанности легли на плечи матери (Білокінь, 2006, с. 13-14). В Глухове – известном украинском культурном центре – Николай обучался в гимназии, которую окончил в 1907 году с золотой медалью.

Вместе с братом Федором Николай участвовал в нелегальном «Союзе учащихся города Глухова». Писали статьи в самиздатовских журналах Союза, составляли «петиции». Про

то, что у братьев дома хранится нелегальная литература, жандармы узнали агентурным путем. 16 мая 1908 года в доме, где проживала семья Эрнст, был произведен обыск. Интересующие визитеров гектографированные переплеты брошюр и журналов «Луч», «Начало», «Свобода», «Удар» с программой РСДРП, «Устав Союза учащихся г. Глухова, утвержденный первым делегатским собранием» были найдены. Так как основная часть бумаг была выявлена в письменном столе именно Николая, уже уехавшего в это время на учебу в Берлин, Федор объяснил следствию, что «Брат мой Николай теперь поселился в Германии на постоянное жительство и в Россию не приезжает» (Білокінь, 2006, с. 17-18). Тогда дело против братьев Эрнст было прекращено «за отсутствием в исследуемом событии состава преступного деяния» (Білокінь, 2006, с. 18). Участием в революционном ученическом движении Н. Л. Эрнст объяснял в дальнейшем невозможность поступить в «русский университет» (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 29-30).

Не имея достаточно средств для продолжения образования сыновей в России, семья вынуждена была согласиться с предложением дяди – известного киевского врача-окулиста Эрнста Николаевича Неезе (1850-1930), который предложил финансовую помощь братьям Николаю и Федору для получения высшего образования. Однако он выдвинул обязательное условие о том, что учиться они будут в Германии. С 1907 года Николай обучался в Германии. Сначала год в Марбургском, следующий год в Мюнхенском университетах, а с 1909 по 1911 годы являлся студентом Берлинского университета, где изучал историю на историческом отделении философского факультета. В дальнейшем, в анкетах он указывал только Берлинский университет, как основной вуз, который закончил (СПФАРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 83 об.). Он специализировался на семинаре по истории Восточной Европы. Студенту посчастливилось слушать лекции таких блестящих историков как Ганс Дельбрюк, Эдуард Майер, Теодор Шиманн.

В эти годы вместе с братом Теодором, который после окончания гимназии также стал

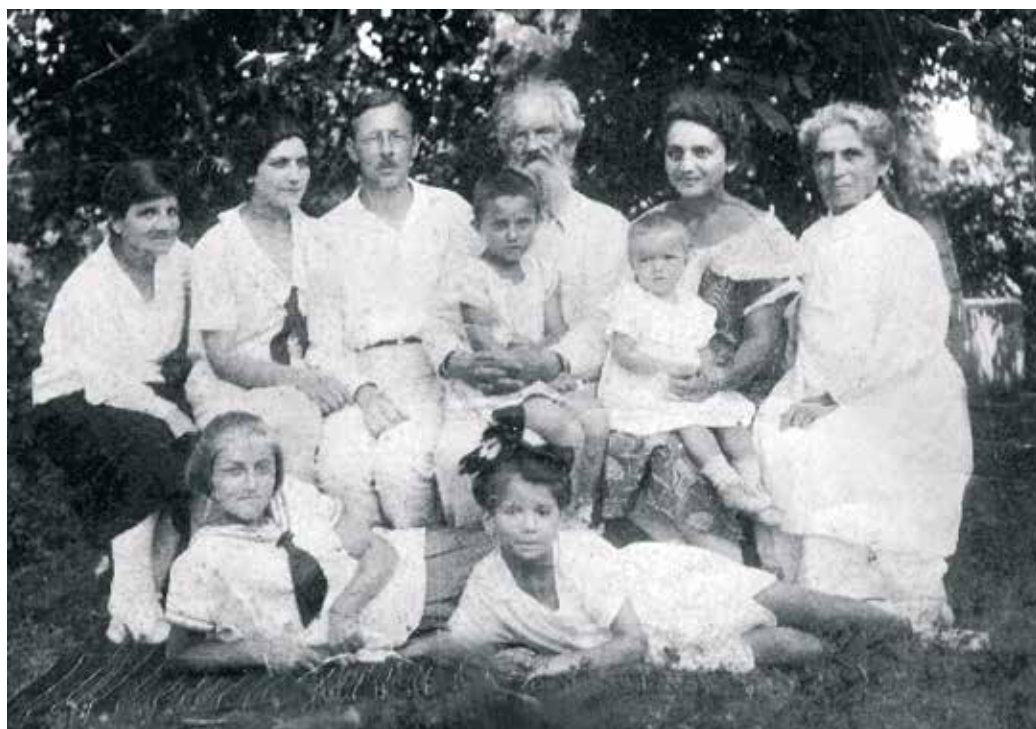

Рис. 156. Алушта. Фото 20-х гг. XX века. Н. Л. Эрнст (сидит третий слева) и семья Олтаржевских (личный архив М. С. Соболевой).

студентом этого же факультета, они объехали множество европейских старинных городов, познакомились с всемирно известными музейными коллекциями Германии и Австрии (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 32). Выпускной диссертацией Николая (1911 год) стало исследование «*Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Ivan III und Vasilij III*» («Отношение Москвы к крымским татарам при Иване III и Василии III»). При подготовке этой работы Н. Л. Эрнсту понадобилась карта нижнего течения Днепра. Заведовавший семинаром по истории Восточной Европы профессор Теодор Шиманн порекомендовал студенту обратиться в библиотеку Германского генерального штаба, куда тот и отправился для научных разысканий (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 32).

Теодор Шиманн снабдил талантливого выпускника, возвращавшегося на родину, рекомендательными письмами к профессорам Университета Святого Владимира в Киеве Митрофану Викторовичу Довнар-Запольскому, Владимиру Степановичу Иконникову и Тимофею Дмитриевичу Флоринскому, где просил своих российских коллег оказать молодому че-

ловеку содействие в устройстве на работу и в дальнейшем научном развитии. Т. Шиманн знал этих ученых лично, неоднократно встречался с ними при своих посещениях России, переписывался. Уже после отъезда Н. Л. Эрнста из Германии, в 1912 году, в берлинском научном издании была напечатана его статья «Первые набеги крымских татар на Южную Россию» (Ernst, 1912, с. 1-58).

В 1911 году, сразу по окончании университетского курса, Николай Львович переехал в Киев. Здесь он поступил в аспирантуру. В качестве аспиранта под руководством профессоров М. В. Довнар-Запольского

В. С. Иконникова, Т. Д. Флоринского молодой специалист проводил семинарские занятия для студентов историко-филологического и юридического факультетов по проблемам возникновения Древнерусского государства, своду законов «Русская Правда». В это время Николай – активный участник Исторического общества Нестора Летописца (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 33).

Николай вместе с братом Федором, который в сентябре 1910 года перевелся в Университет Святого Владимира, стали активными членами Студенческого историко-этнографического кружка, работавшего при университете. Этим своеобразным студенческим семинаром руководил М. В. Довнар-Запольский. На заседаниях заслушивались наиболее удачные, по мнению профессора, доклады, которые в последствии публиковались в специальном ежегоднике – «Сборнике статей». В третьем томе «Сборника» были опубликованы тезисы дипломной работы Н. Л. Эрнста. Соответствующий доклад «Первые набеги крымских татар на Украину» был прочитан им на заседании кружка 2 марта 1912 года (Эрнст, Первые набеги, с. 25-26).

Рис. 157. Николай Львович Эрнст. Фото 30-х гг. XX века (Музей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского).

Автор утверждал, что со времени монгольского нашествия набеги на Украину не прекращались. Они продолжались и после «приобретения» Украины Литвой. Однако организованными, систематическими, приведшими к настоящему народному бедствию, эти набеги стали только после обретения Крымским ханством независимости. Н. Л. Эрнст попытался обрисовать причины «неизбежной» военной агрессивности Крымского ханства, подоплеку которой он видел в экономическом состоянии Крымской орды: «эпидемии скота, степные пожары, недостаток подножного корма осенью и зимой» становились причиной частого голода. Молодой историк утверждал, что при Менгли-Гирее своеволие его подданных, выражавшееся в несанкционированных набегах, приобретало все большие размеры и в результате стало неуправляемым, «непредвиденным бедствием Украины». Историк подробно

остановился на характеристике татарских войн, организации походов, их маршрутов, ходе работорговли (Эрнст, Первые набеги, с. 25-26).

В дальнейшем, работая по указанному профессором М. В. Довнар-Запольским новому направлению, Николай Львович занялся изучением прошлого Путивля – города, расположенного в непосредственной близости от Глухова. В «Юбилейном сборнике статей» Студенческого историко-этнографического кружка, посвященного М. В. Довнар-Запольскому, Николай Львович опубликовал статью «Путивль и его посад в первой половине XVII-го века» (Эрнст, Путивль, с. 57-79). Основным источником для него стали писцовые книги 1626-1627 и 1628-1629 годов. Автор отмечал, что обозначая земельные владения монастырей и церквей Путивля, писец «ограничивается почти исключительно перечислением бортных уходов, рыбных ловель и бобровых гонов». Эти материалы дали возможность автору сделать заключение о развитии народного хозяйства уезда (Эрнст, Путивль, с. 57-79).

Владимир Степанович Иконников, являвшийся председателем библиотечного комитета Университета Св. Владимира, порекомендовал молодого немца директору библиотеки вуза В. А. Кордту, благодаря чему Николай Львович получил должность библиотекаря в Университете Св. Владимира. Так судьба привела Николая Львовича на библиотечное поприще, которому он отдался со всей душой, как истинный ценитель культуры.

Результатом научной и библиотечной деятельности Н. Л. Эрнста в киевский период, общения с профессорами-славистами и специалистом по истории Великого Княжества Литовского М. В. Довнар-Запольским стало исследование «Библиотека графов Хрептовичей: к передаче ее Университету Св. Владимира», опубликованное в петроградском периодическом издании «Русский библиофил» (Эрнст, Библиотека графов Хрептовичей, с. 16-21). Статья посвящена одному из крупнейших собраний университетской библиотеки – коллекции древнего и влиятельного литовского рода Графа Литавора Хрептовича. Автор раскрыл обстоятельства передачи библиоте-

ки, поведал краткую историю рода Хрептовичей, в том числе раскрыл жизненный путь основателя библиотеки Иоахима Хрептовича, историю пополнения родового собрания, его судьбу после смерти хозяина. Также представлено характеристику состава собрания (полная коллекция польских изданий, греческие и латинские классики в оригиналах и переводах, классическая французская и итальянская литература). Николай Львович выделил наиболее ценные рукописи и старопечатные книги, среди которых – «Острожская Библия», дневники Марии Мнишек, письма Богдана Хмельницкого. По данным Н. Л. Эрнста, в Университет Св. Владимира было передано около 4500 названий документов из собрания Хрептовичей (Мищук, 2009, с. 85-86, 159).

Начало Первой мировой войны прервало деятельность Николая Львовича в киевском университете. Хотя Эрнсты еще до начала Первой мировой войны – в октябре 1913 года – подавали прошение про переход в российское подданство, получить его до вступления в войну Российской империи они не успели. 7 августа 1914 года братьев Николая и Федора Эрнстов как граждан Германии арестовали. До 23 августа их держали в Киеве в «дворцовом участке», а затем выслали на проживание в организованном в селе Куртамыш под Томском в лагере для немцев. Позже Николай проживал в Оренбургской губернии под Верхне-Уральском (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 46). Из Киева были высланы все представители семьи Эрнст, даже его престарелая мать. Они смогли вернуться в Киев только в августе 1917 года (Білокінь, 2006, с. 29), приняли присягу на верность России и ее Временному правительству. Начало революционной неразберихи в Киеве, организация Украинской Центральной рады, заявления нового украинского правительства об автономии повлияли на решение Николая Львовича не оставаться на Украине.

В ссылке среди немцев с ностальгией звучали имена соотечественников, которые остались в столицах, добились признания российских властей, достигли значительных высот на научном поприще. Среди иных, для Николая Эрнста безусловно знакомым было имя Эр-

неста Львовича (Леопольдовича) Радлова, работавшего в столичной Императорской Публичной библиотеке. Найдя в ссылке общих знакомых Н. Л. Эрнст рассчитывал обратиться к нему с рекомендациями от них и просьбой об устройстве на работу в Библиотеку. Так судьба свела Николая Львовича с крупным ученым той эпохи, который в сложный период лихолетья помог ему выжить.

В августе 1917 года Николай Львович Эрнст направил письмо в Петроград Э. Л. Радлову, где спрашивал о возможности устроиться служащим в Российскую Публичную библиотеку. Отправленное им 23 августа 1917 года официально в Совет Библиотеки прошение оставалось длительное время без ответа. Э. Л. Радлов, которому Николай Львович переслал рекомендательные письма, не мог сразу помочь ему с трудоустройством. Выбранный директором на общем собрании коллектива он только с марта 1918 года был утвержден Наркоматом просвещения (Непомнящий, Николай Эрнст, с. 140-147). Лишь 6 апреля 1918 года (по другим данным с 8 апреля) Николай Львович был принят сотрудником читального зала Библиотеки (РНБ ОАД. Ф. 2. Оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения. Л. 27, № 16).

В холодных и полутемных залах отделения «Rossica» Николай Львович занимался каталогизацией новых поступлений сочинений о России, изданных на западноевропейских языках. Работа в Библиотеке давала ему возможность избегать мобилизаций на различные общественные работы для «нетрудовых элементов», получать паек, предназначенный для «советских служащих», а также свидетельство о «лояльности» в отношении к новой власти.

Окончание трудового поприща Н. Л. Эрнста в Петрограде было внезапным и непосредственно связано с политической ситуацией на Украине. На Украине произошел государственный переворот – к власти пришел Павел Скоропадский. 12 июня в 1918 года между Советской Россией и Украиной был подписан мирный договор, согласно которому Россия признала независимость Украинского государства. Кроме того, были приняты постановления о прекращении военных действий на фронтах, взаимной эвакуации граждан – россиян в

Россию, а украинцев в Украину, об обмене консульскими представительствами. Н. Л. Эрнсту импонировали перспективы союза правительства П. Скоропадского с германскими властями, как и значительное немецкое присутствие в Украине. Николай Львович обратился в Украинское генеральное консульство в Петрограде, где 14 сентября 1918 года получил удостоверение № 5667 для выезда в Украину.

Согласно книге приказов Библиотеки на заседании Малого Комитета Библиотеки было принято решение об увольнении Н. Л. Эрнста «в связи с распоряжением властей о выезде его на Украину как украинского гражданина» (Непомнящий, Невідомі сторінки, с. 96-102). В служебной документации библиотеки выявлены разночтения

в дате окончательного увольнения Николая Львовича (Михеева, 1999, с. 652). Наиболее позднее из встречающихся распоряжений о его увольнении из Российской Публичной библиотеки с 1 ноября 1918 года датировано 20 декабря (Михеева, 1999, с. 652).

Николай Львович вернулся в Киев периода Гетманата Павла Скоропадского и значительного немецкого политического влияния и военного присутствия в Украине. Вениамин Александрович Кордт подробно рассказал своему коллеге об учреждении в Крыму, где также в это время господствовали немцы, филиального отделения Университета Св. Владимира и порекомендовал Н. Л. Эрнсту продолжить научную и книговедческую деятельность в филиальном отделении Университета Св. Владимира, открытом в Симферополе (РНБ ОАД. Ф. 2. Оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения. Л. 45, № 59). В. А. Кордт снабдил решившегося на переезд Николая Львовича рекомендательными письмами.

Николай Львович попал в Крым в октябре 1918 года – период власти здесь немецких оккупационных войск и поставленного ими кра-

Рис. 158. Фото. Паспортная книжка Таврического университета, выданная Николаю Львовичу Эрнсту. 1918 г. С припиской 1920 г. (ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1, д. 25).

евого правительства Матвея (Мацея) Сулькевича (1865-1920), когда только открылся Таврический университет. Одной из причин, способствовавших к переезду Н. Л. Эрнста в новый, но хорошо знакомый по историческим источникам и литературе край, было то, что он хорошо был знаком с ректором Таврического университета Романом Ивановичем Гельвигом по довоенным годам в Киеве. В Университете Св. Владимира профессор Р. И. Гельвиг преподавал анатомию. Роман Иванович тепло встретил своего старого знакомого по университетской библиотеке. А письмо В. А. Кордта, безусловно, способствовало принятию решения о назначении Н. Л. Эрнста заведующим Академической библиотекой нового вуза.

Как заведующий Академической библиотекой Н. Л. Эрнст в эти годы много сделал для пополнения ее незначительных еще тогда фондов бесценными книжными богатствами, оставленными во дворцах и дачах Южного берега Крыма знатью. Эти собрания реквизировались новыми властями. Значительная их часть разбиралась жителями окрестных сел для растопки печей, просто уничтожалась. В это

время Николай Львович постоянно вынужден был ездить в Красноармейск (так была переименована тогда Ялта), где на спецскладе и созданной там Объединенной библиотеке подбирал литературу для университета и вез ее в Симферополь.

С этой деятельностью ученого связана одна из его первых известных крымских публикаций в газете «Таврический голос». 26 июля он сообщал о проведенной в Ялте выставке реквизированных ценностей из бывших имений знати (Эрнст, Спасенные сокровища искусства). Еще одна его публикация 1919 года – статья в однодневной газете, изданной в связи с годовщиной Таврического университета, где он рассказал о немецких студенческих традициях (Эрнст, Немецкие студенческие традиции). Именно благодаря деятельности Н. Л. Эрнста в библиотеку Таврического университета была передана часть книг из Алупкинско-го майората семьи Воронцовых (периодика XVIII, издание по точным наукам, истории). Заведующий добился и передачи университету книг коллекции А. И. Казначеева – бывшего таврического губернатора, которая была изъята у его наследников.

Это было сложное в политическом плане, голодное, во многом опасное время, когда приходилось реализовывать себя в разных сферах, чтобы выжить. Молодой энергичный немец быстро влился в круг местной интеллектуальной элиты. Одновременно с работой в университетской библиотеке он получил должность приват-доцента, а вскоре – профессора сразу на двух кафедрах вуза: российской истории и немецкого языка.

В конце 1920 года Николай Львович, благодаря протекции первого руководителя КрымОХРИСа Г. А. Бонч-Осмоловского, поступил также на работу заведующим в Центральный музей Тавриды. Базой создания первого универсального музейного учреждения Крыма – Центрального музея Тавриды, возникшего благодаря инициативе КрымОХРИСа, стали коллекции Естественно-исторического музея Таврического губернского земства (основан в 1899 г.) и Археологического музея Таврической ученой архивной комиссии (основан в 1887 г.) (Непомнящий, К биографии, с. 90-93).

8 мая 1921 года в помещении бывшего Общества взаимного кредита состоялось открытие Центрального музея Тавриды. На Н. Л. Эрнста легла вся тяжелая ноша организации нового музея. В Отделе письменных источников Государственного Исторического музея Российской Федерации нами выявленный интересный документ, относящийся к этому периоду жизни ученого. Это написанная Н. Л. Эрнстом справка «О возникновении и состоянии Центрального музея Тавриды в Симферополе» (Государственный исторический музей, Отдел письменных источников. Ф. 50. Оп. 1. Д. 995. Л. 1-2). В этом подготовленном для Главнауки Наркомата просвещения РСФСР описании дана общая характеристика фондов и экспозиций, штата музея. Прослужив заведующим музеем до конца 1922 года, Николай Львович был переведен на должность заведующего Археологическим отделом этого учреждения (СПФАРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 83).

С первых дней своего появления в Крыму Н. Л. Эрнст с увлечением занялся и изучением местных древностей, археологическими разысканиями. Он активно включился в подвижническую деятельность местной интеллигенции по охране культурного наследия. В ноябре 1920 года при отделе было создано Ученое Совещание, призванное обеспечивать научное руководство работой КрымОХРИСа по изучению, систематизации и охране памятников истории и культуры (Непомнящий, Новые документы, с. 146-152).

В это время Николай Львович активно добивался выделения Центральному музею Тавриды помещения, чтобы свести воедино разбросанные в разных зданиях коллекции, которые в большинстве своем из-за отсутствия помещения не могли выставляться и просто были складированы. Благодаря энергии директора новым адресом учреждения стала Долгоруковская улица – помещение бывшего Офицерского собрания, которое после установления Советской власти использовалось как военный комиссариат и, конечно, не отвечало всем требованиям музейного учреждения. 8 ноября 1922 года, после долгих задержек, состоялся переезд музея. Фонды Центрального музея Тавриды тогда насчитывали около девяти ты-

сяч экспонатов, библиотечные собрания Естественно-исторического музея и библиотека «Таврика» – более 7000 томов (Хливнюк, 2008, с. 51).

Важной составной работы краеведа с 1923 года стали многочисленные выставки, которые устраивались неоднократно каждый год по случаю годовщины Октября, партконференций, съездов Советов, колхозников-ударников. Николая Львовича раздражала обстановка постоянной «спешности, неразберихи, неумелости» (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 88-89), которая сопровождала подготовительные работы. Всю организационную часть, он старался брать на себя с целью наибольшей эффективности работы. Сам ходил по предприятиям, учреждениям, изучал и подбирал материал для экспозиций, делал фотографии, грузил и переносил экспонаты.

Информация о событиях 1924 года дошла до нас в четырех письмах Н. Л. Эрнста к брату Федору. В послании от 21 мая 1924 года он сообщал: «Дома писал понемногу, да все вещи, которых нельзя напечатать. Никак не могу пересилить себя и писать разную плоскую популярщину для экскурсантов, а это теперь единственный товар в спросе. Читал спорадически лекции, регулярно в Университете не читал – раздражает атмосфера» (НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56. Л. 9 об.). В это время выходит несколько научно-популярных работ ученого. В 1923 году Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины и искусства издал «Путеводитель по Крыму», который редактировали три знаковые фигуры крымского краеведения той поры – А. И. Маркевич, А. И. Полканов и Н. Л. Эрнст (Путеводитель по Крыму: Симферополь – Бахчисарай – Севастополь – Южный берег, 100 с.). Последний также был и среди авторов, состав которых гарантированно способствовал успеху справочника. Спустя два года свет увидело второе издание путеводителя. Редакторы остались те же, а разделы, написанные ранее Н. Л. Эрнстом передали А. С. Башкирову, И. Н. Бороздину и К. Э. Гриневичу. Состав авторов расширили, включив туда наиболее сильных крымоведов (Путеводитель по Крыму, 268 с.; Решеткин, с. 96-97; Зимин, с. 95-96).

В 1924 году Крым посетила группа немецких ученых, членов Германского общества сближения с СССР – аграрники, географы, экономисты. Группой руководил сотрудник немецкого посольства в Москве Аугаген (курировал вопросы закупок сельскохозяйственных товаров). Николаю Львовичу, как свободно владевшему немецким, было поручено проведение для них экскурсий (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 89).

Н. Л. Эрнст принял участие в работе сразу трех секций Конференции археологов СССР в Керчи в 1926 году. На заседании «Доисторической секции» он выступил с сообщением «Раскопки Центрального музея Тавриды в области доистории 1921-26» (Эрнст, Раскопки Центрального музея, с. 2). На «Средневековой секции» его выступление было обозначено как «Эски-Кермен и пещерные города Крыма» (Эрнст, Эски-Кермен, с. 5-6). Однако особенный резонанс (Маркевич, 1927, с. 319-321) вызвал его доклад о «железных дверях» Бахчисарайского ханского дворца (Эрнст, «Железные двери», с. 5-6).

Удачный опыт проведения Всесоюзной конференции археологов в Керчи сподвиг крымоведов на съезд в следующем 1927 году в Херсонесе 10-13 сентября. В самой конференции Николай Львович, не занимавшийся непосредственно изучением древностей Херсонеса, принял участие с оговоркой. Вот, что он сообщал специальной запиской в оргкомитет: «Принося искреннюю благодарность за приглашение меня на празднование юбилея Херсонесских раскопок и на Совещание, сообщая, что я принял участие в Совещании и, если будут читаться доклады не относящиеся непосредственно к Херсонесу, то прочитаю доклад под заглавием «Неаполь Скифский». Приеду я с женой. С искренним приветом, Н. Эрнст» (Государственный заповедник «Херсонес Таврический», научный архив. Д. 266. Л. 74).

К открытию конференции Н. Л. Эрнст опубликовал в севастопольской газете «Маяк Коммуны» небольшую заметку о проведенных им совместно с Г. А. Бонч-Осмоловским исследованиях Сюреньской пещеры и раскопках у деревни Уркуста. Совместно с К. Э. Грине-

вичем и А. Н. Деревицким Н. Л. Эрнст вошел в редакционную коллегию сборника трудов Конференции, которые первоначально собирались издать в полном объеме. Однако землетрясения, произошедшие в Крыму, как раз в дни конференции (в ночь с 11 на 12 сентября) потребовало перераспределения средств в крымском бюджете. Смогли издать лишь сборник тезисов (Вторая конференция археологов, 67 с.).

Доклад Николая Львовича, заслушанный 12 сентября, был посвящен столетию начала первых раскопок на Неаполе Скифском. Археолог остановился на разновременных исследованиях памятника Ф. Дюбуа де Монпере, А. С. Уварова, Х. П. Ящуржинского, Н. И. Веселовского и собственных раскопках (Эрнст, Неаполь Скифский, с. 23-28). Доклад вызвал бурное обсуждение. В прениях приняли участие К. Э. Гриневич, А. Н. Кантипалов, Н. Е. Макаренко, Н. И. Новосадский, С. Ф. Платонов. Была принята резолюция о необходимости продолжения археологического исследования Неаполя (Вторая конференция археологов, с. 28).

В это же время началось сотрудничество Николая Львовича в Крымской комиссии Государственной академии истории материальной культуры, которую возглавлял Дмитрий Власьевич Айналов (1862-1939). Д. В. Айналов в 1919 году работал заслуженным ординарным профессором кафедры теории и истории искусства Таврического университета и хорошо знал тогдашнего директора Академической библиотеки вуза Н. Л. Эрнста. Перед нами протоколы заседания Комиссии от 26 января 1928 года. 17 часов. Председатель – К. К. Романов (в связи с болезнью Д. В. Айналов), секретарь – М. А. Тиханова-Клименко. Также присутствуют Н. Б. Бакланов, Н. В. Измайлова, И. А. Орбели. По рекомендации Д. В. Айналова К. К. Романов внес предложение, «согласно постановления Крымской Комиссии (совещания) ГАИМК привлекать к работе Комиссии местных крымских деятелей – избрать в члены Комиссии заведующего Археологическим отделом Центрального музея Тавриды и действительного члена Московской секции ГАИМК Н. Л. Эрнста» (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2.

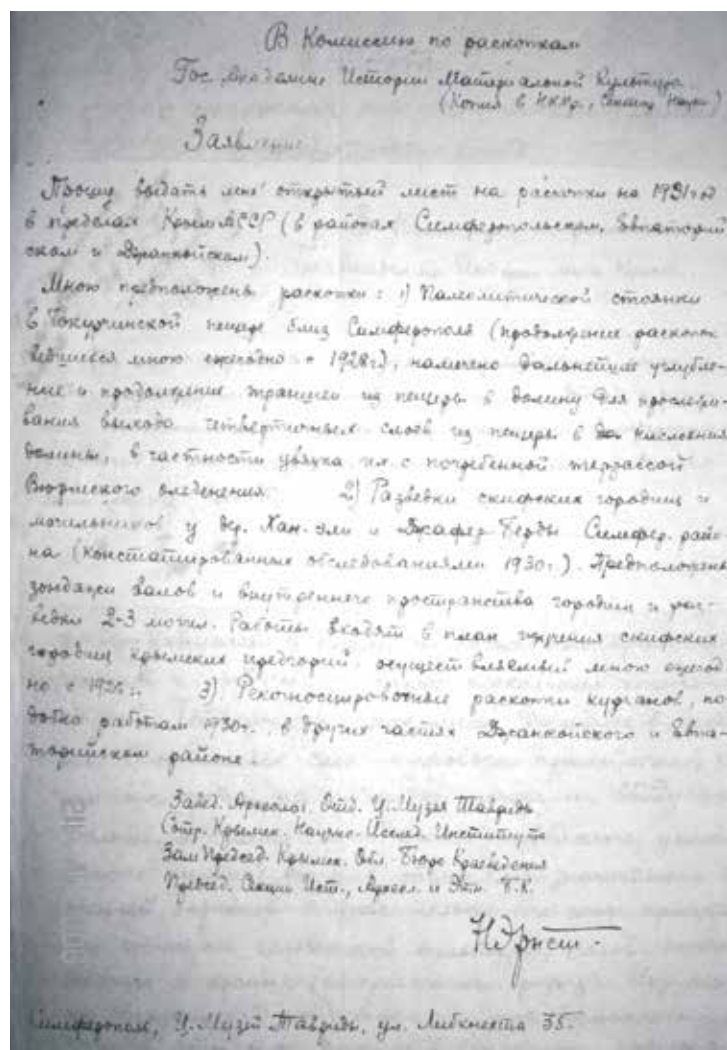

Рис. 159. Симферополь. Бумага, чернила. 1931 г. Письмо Н. Л. Эрнста в Комиссию по раскопкам. Автограф (ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 792/1931. Л. 1).

Оп. 1 (1928 г.). Д. 37. Л. 10). При проведении закрытого голосования Н. Л. Эрнст был избран единогласно. На следующем заседании Крымской комиссии 16 февраля (председатель Д. В. Айналов, присутствуют: М. А. Тиханова-Клименко (секретарь), В. В. Бартольд, Г. И. Боровка, Н. В. Измайлова, Г. И. Котов, И. А. Орбели, Е. О. Прушевская, К. К. Романов, Е. Ч. Скржинская, А. П. Смирнов, А. Ю. Якубовский) было заслушано «заявление члена Комиссии Н. Л. Эрнста от 30 января 1928 года с просьбой принять к протоколу заседаний следующие резолюции.

1) К заседанию с докладом «Эски-Кермен и пещерные города Крыма»: Заслушав доклад Н. Л. Эрнста об Эски-Кермене и пещерных городах Крыма, Крымская Комиссия, прини-

мая во внимание чрезвычайное научное значение памятников Эски-Кермена, постановила: 1. просить Правление Академии обратиться к Главнауке РСФСР и КрымНаркомпросу с указанием на крайнюю необходимость установления охраны этих памятников в виде 1) ограждение городища в тех местах, где имеется на него доступ и в особенности ограждение 3-х пещерных храмов с остатками византийской живописи при помощи установки запирающихся калиток во входах, 2) учреждение должности сторожа памятников Эски-Кермена с местожительством его в деревне Черкес-Кермен.

Считать необходимым продолжение докладчиком его работ по изучению Эски-Кермена, т. е. дальнейшей фиксации его памятников в виде обмеров и фотографирования, а также зондажных разведок на территории городища и его некрополя.

2) К заседанию с докладом «Неаполь Скифский».

Заслушав доклад Н. Л. Эрнста о Неаполе Скифском, Комиссия, принимая во внимание большое научное значение симферопольского городища, постановила: 1. просить Правление Академии обратиться к Главнауке РСФСР, КрымНаркомпросу и Центральному Музею Тавриды с указанием на необходимость продолжения научной охраны этого городища и недопустимость снятия его с учета.

Считать необходимым продолжение докладчиком его работа по изучению этого городища и его Некрополя, а также других пунктов с памятниками той же культуры в Крыму.

Постановлено: 1) поддержать просьбу Н. Л. Эрнста. 2) просить Правление Академии сообщить означенные резолюции Главнауке, КрымНаркомпросу, Центральному Музею Тавриды и Бахчисарайскому Дворцу Музею» (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Л. 19-19 об.).

Из неопубликованных трудов Н. Л. Эрнста, выявленных нами в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, написанных в 1928 году, назовем уже упомянутый на Крымской комиссии доклад «Неаполь-Скифский» (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Л. 6-8 об.), специально подготовленный для Государственной

академии истории материальной культуры «Обзор археологических раскопок и разведок, производящихся в Крыму в 1928 г.» (ИИМК РАН НА РО. Оп. 1 (1929 г.). Д. 150. Л. 3-3 об.), «Отчет о раскопках медресе у мечети т. н. Узбека в г. Старом Крыму (Солхате) в 1928 году» (ИИМК РАН НА РО. Оп. 1 (1929 г.). Д. 164. Л. 17-19 об.).

В начале 1928 года Николай Львович женился на Софии Николаевне Олтаржевской – представительнице фамилии известного алуштинского просветителя, народного учителя Алуштинской школы Тихомировых, почетного гражданина Алушты Николая Ивановича Олтаржевского. Его дом был культурным центром Алушты (Попова, 2002, с. 130-137; Соболева, 2002, с. 237-241).

С самых первых дней появления в Крыму Н. Л. Эрнст увлекся изучением памятников материальной культуры. Уже в 1921 году совместно с Г. А. Бонч-Осмоловским Н. Л. Эрнст проводил археологические исследования поселения раннего железного века у пещеры Кизил-Коба Симферопольского района. Обнаруженный здесь археологический материал впоследствии был выделен как Кизил-Кобинская археологическая культура, соотносимая в современных исследованиях с этнической историей тавров.

В 1923 году Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Забнин, Н. Л. Эрнст и Ф. А. Фиельструп начали раскопки в районе деревни Тав-Кипчак Симферопольского района (В археологическом обществе, с. 6; Эрнст, Летопись, с. 14). С 5 по 11 июня того же года Николай Львович находился в деревне Лимены под Алушкой, где обследовал самовольные раскопки, произведенные местными жителями с целью поиска драгоценностей (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1923 г.). Д. 88. Л. 2). Сохранился составленный им отчет о командировке (машинопись с собственноручной подписью) (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1923 г.). Д. 88. Л. 2-3 об.).

С 1923 года Г. А. Бонч-Осмоловский совместно с Н. Л. Эрнстом на базе практики студентов географического факультета Ленинградского государственного университета при финансировании Русского музея и Главнауки Наркомпроса РСФСР начали систематиче-

ские исследования доисторических культур Крымского полуострова. С 1923 по 1926 год ученые осмотрели свыше 80 пещер и открытых стоянок. «Благоприятные результаты были получены в 8-ми пунктах» (Бонч-Осмоловский, Остатки, стб. 59-66; Эрнст, Археологическое открытие, с. 2). По мнению археологов, наиболее древними следами человека не только в Крыму, но и в СССР оказались культура пещеры Киик-Коба, расположенная около села Кипчак в предгорной части Крыма (долина реки Зуя, в 25 верстах на восток от Симферополя).

Газета «Красный Крым» в августе 1924 года подробно освещала ход раскопок Н. Л. Эрнста близ деревни Бахчи-Эли, где было обнаружено скифское погребение (Археологические раскопки у Симферополя, с. 5).

О своих археологических «подвигах» Николай Львович постоянно информировал родных. 23 октября 1924 года он сообщал в Киев брату Федору Людвиговичу: «КрымСовнарком потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым (Пятышева, 1963, с. 316-317; Формозов, 2004, с. 205-206, 227-244; СПФАРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 48. Л. 8-12; Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 64). Раскапывали древнее татарское кладбище около станции. Выкапывали старые ушедшие в землю надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими и прекрасными надписями. Датированы концом XIV – началом XV века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересный по строительной конструкции» (НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56. Л. 13-13 об.).

В археологический сезон 1924 года Н. Л. Эрнст также изучал городище у деревни Ягмурча у Симферополя (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1924 г.). Д. 110. Л. 1). Сохранился его неопубликованный доклад «Городище у дер. Ягмурча у Симферополя» (автограф) (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1924 г.). Д. 110. Л. 1-3). Летом Николай Львович во гла-

ве собственной экспедиции, организованной Центральным музеем Тавриды при содействии КрымОХРИСа, копал курганы в окрестностях крымской столицы (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1924 г.). Д. 109. Л. 8). Удалось выявить написанный Н. Л. Эрнстом карандашом «Дневник раскопок курганов у Симферополя летом 1924 г.» с фотографиями находок и участников исследования (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1924 г.). Д. 109. Л. 8-34), машинописный отчет о работах с подписью Н. Л. Эрнста (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1924 г.). Д. 109. Л. 4-7) и «Опись коллекции древностей из раскопок Центрального музея Тавриды, г. Симферополь летом 1924 г.» (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1924 г.). Д. 109. Л. 41-42).

В сезон 1924 года Николай Львович также традиционно не преминул поучаствовать в исследованиях своего ленинградского друга Г. А. Бонч-Осмоловского, который изучал древности пещер Кизил-Коба и Кош-Коба (Эрнст, Раскопки древнейших культур, с. 3). Согласно плану исследований КрымОХРИСа по изучению культуры крымских татар были также проведены раскопки кладбища XIV–XV века в Бахчисарае (Эрнст, Раскопки татарских древностей, с. 4).

По «Плану раскопок Симферопольского Центрального музея крымоведения» на 1925 год (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1925 г.). Д. 116. Д. 2-2 об.) Николай Львович продолжал исследования курганов в окрестностях Симферополя. В газете «Красный Крым» он поместил информацию об этих раскопках, проведенных экспедицией Центрального музея Тавриды под его руководством, в частности – в районе Бахчи-Эли – Красная горка (Эрнст, Археологические раскопки у дер. Красная Горка, с. 3). Сохранились «Дневник раскопки кургана у Симферополя в 1925 г.» (автограф) (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1925 г.). Д. 116. Л. 11-25) и отчет о произведенных работах (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1925 г.). Д. 116. Л. 9-10). Кроме запланированных раскопок ученый занялся в 1925 году обследованием остатков укрепления Кыз-Кермен. О них в Центральный музей Тавриды сообщил краевед Е. Вавилов, который «набрел на это место» и настоятельно рекомендовал музей-

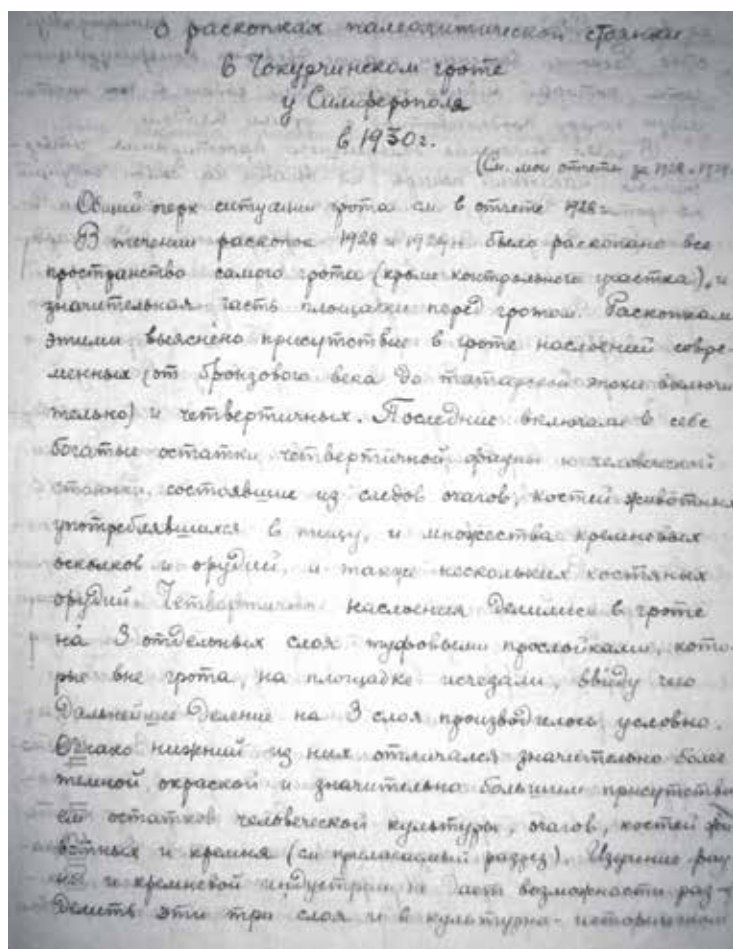

Рис. 160. Неопубликованная работа Н. Л. Эрнста о раскопках в Чоккурчинской пещере (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 143/1930 г. Л. 6-28).

щикам провести там охранные мероприятия (Эрнст, Кыз-Кермен, с. 2).

В 1925 году в Крым приехали московские профессора по кафедре антропологии МГУ Виктор Валерианович Бунак (1891-1979) (одновременно – директор Антропологического института) и Борис Сергеевич Жуков (1892-1933) – специалисты по первобытной археологии, с которыми Н. Л. Эрнст был к этому времени уже знаком. В качестве членов комиссии Главнауки Наркомпроса РСФСР они должны были ознакомиться с раскопками в пещере у Тав-Кипчака близ села Зуя, которыми руководил Г. А. Бонч-Осмоловский и участвовал Н. Л. Эрнст. С того времени между учеными завязалось тесное сотрудничество. В том же году Николай Львович приезжал к Б. С. Жукову в Москву в Антропологический музей МГУ, с отчетами о находках в Крыму.

Б. С. Жуков неоднократно после этого бывал в Крыму, проводил здесь раскопки: летом 1927 года (совместно с О. Н. Бадером) (ИИМКРАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 113. Л. 1-141; Д. 115. Л. 1-31), летом 1928 года на Яйле (Анциферов, 1928, с. 210; ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 153. Л. 1-29), в заливе Ласпи и на Ай-Тодоре (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 153. Л. 1), летом 1929 года в рамках Черноморской палеоэтнологической экспедиции (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.), Д. 188. Л. 1-11). В этих же исследованиях постоянно участвовал Н. Л. Эрнст (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 133-134).

Совместные раскопки 1926 года, проведенные Г. А. Бонч-Осмоловским и Н. Л. Эрнстом в Биюк-Сюрени Бахчисарайского района, широко освещались в научной периодике тех лет (Археологические раскопки в Крыму, с. 4; Археологические раскопки в 1926 г. в СССР, с. 219-236). Собранные там памятники эпохи палеолита были переданы в московские и ленинградские музеи. В этом же году Н. Л. Эрнст провел исследования византийских склепов у деревни Склея в Байдарской долине и городища Неаполис (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1926 г.). Д. 149. Л. 5-8), которые принесли комплекс ценных находок, переданных в Центральный музей Тавриды. Археологу удалось проследить на Неаполе участок южной оборонительной стены с воротами, остатками каменных построек и полужемлянок, хозяйственные ямы. Для материальной культуры Неаполя, по его мнению, была характерно смесь как местных (скифских и таврских), так и греческих, и римских элементов. Основным результатом работ стала первая стратификация культурных отложений городища и формирование понятия «неапольская культура» (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1926 г.). Д. 198. Л. 1-3; Колтухов, 2004, с. 49-50).

Согласно «Плану археологических раскопок и разведок Центрального музея Тавриды на 1927 год» 22-23 апреля были проведены археологические разведки у деревни Топчи-кой (ИИМКРАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 146. Л. 2-2 об.). 13-15 июня Н. Л. Эрнст занимался обследованием случайных и самоволь-

ных раскопок погребальных склепов у колонии Нейзац (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 146. Д. 11 план; Исследование могильника Нейзац, 2011, 274 с.). Уже осенью – 2-6 октября – были продолжены археологические разведки погребальных склепов на Неаполе (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 146. Л. 13-13 об.).

В археологический сезон 1927 года Н. Л. Эрнст принял участие в руководимой Г. А. Бонч-Осмоловским Крымской экспедиции Зоологического музея АН СССР. Основным занятием ученых было окончить исследования стоянки Кукрек вблизи села Кипчак и скалистого навеса Сюрень I у реки Бельбек, раскопки которого начаты были в 1926 году (К возобновлению раскопок в Сюреньской пещере, 1927, с. 2). По указанию Н. Л. Эрнста проводилась и разведка окрестностей. Под его руководством студентами С. Н. Бибиковым, Е. К. Борисевичем и Е. В. Жировым вблизи Сюреньской башни был открыт новый пещерный монастырь, до того времени неизвестный. Николай Львович занимался его исследованием (Бонч-Осмоловский, Предварительные данные, с. 42; ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 146).

Согласно «Плану археологических исследований Центрального музея Тавриды в 1928 г.», Н. Л. Эрнст намеревался продолжить разведки на территории Бахчисарайского, Джанкойского и Карасубазарского районов и раскопки на Неаполе, для чего просил выдать Открытый лист (ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 134, л. 3).

1928 год ознаменовался крупной научной экспедицией по изучению археологических памятников крымско-татарской культуры, инициатором проведения которой стал Совнарком Крымской АССР. В течение второй половины лета Николай Львович совместно с О. Н.-А. Акчокраклы и У. А. Боданинским работал по программе Государственного музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Н. Л. Эрнст руководил работами по расчистке медресе около мечети Узбека в Старом Крыму. В исследовании также приняли участие архитектор П. И. Голландский, стажер Меметов, а также «молодые краеведы» Н. Мяксютенко

и Б. Маринович. Работы проводились трудами десяти сотрудником Союза «Рабземлес», «приобретших определенную квалификацию на раскопках предыдущих городов» (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 164. Л. 4 об.). В ходе работ был выяснен в полной мере план здания, собраны значительные коллекции монет, обломков гончарной фаянсовой посуды, архитектурных, скульптурных и эпиграфических фрагментов XIII–XIV в. Экспедиция финансировалась по линии Наркомата просвещения Крымской АССР. Расходы составили 1500 рублей (Мусаева, 2007, 240 с.).

В августе 1928 года Н. Л. Эрнстом совместно с О. Н.-А. Акчокраклы и У. А. Боданинским была продолжена работа по фиксации, изучению и реставрации памятников крымско-татарской старины в районах Карасубазара и Солхата. Сохранились акты «Об осмотре исторических памятников города Кара-Су-Базара» от 8 августа и Старого Крыма – от 10 августа 1928 года. Согласно первому документу «обнаружено, что древние памятники этого города брошены на произвол судьбы, смотритель памятников города сокращен с марта месяца, и в городе происходят невиданные вандализмы.

Особая комиссия по Госфондам в лице своего карасубазарского уполномоченного гр(ажданина) Судакевича совместно с начальником райгормилиции гр(ажданином) Ибраимовым успели за это время разобрать в городе минареты старинных мечетей: а) Курман-Али, б) Кара-Халиль и в) Шах-Мурат. Притом, разбор происходит без ведома инспектуры по делам музеев, без всякой предварительной фиксации, без обмеров, без описания. Минареты эти никому не мешали, стояли очень крепко, являя собою известное техническое достижение области антисейсмического строительства, которое нам необходимо изучать, и методы старого строительства применять в области нашего крымского современного строительства. Система постройки минаретов в настоящее время служит весьма интересной и неизученной проблемой: большинство минаретов имеют или круглый, или многогранный план, строятся на дубовых сваях, каждое кольцо кладки укрепляется рядом железных скоб, отверстия между ними и каменными блоками

заливались свинцом. В центре минарета проходит каменная винтовая лестница со стержнем, который от самого низа до площадки укреплялся железными штырями по вертикали. Таким образом, весь массив минарета представляет собою монолит, покоящийся на упругом основании в виде свай. Минареты в Крыму пережили десятки сильных землетрясений и стоят все как ясные доказательства преимуществ определенных методов антисейсмического строительства. Разбирать же без толку и без пользы для государства такие памятники, по решению совершенно не компетентных представителей местных властей, является актом вредным для государства в смысле культурном, техническом и даже экономическом потому, что никаких материальных выгод это дело не несет, а теряем мы гораздо больше.

Кроме того, замечено нами интенсивное разрушение «Каравансарая и <нрзб-Таш-Хан», малого «Таш-Хан» и минарета Тор-Джами, где покрытие было сорвано ветром» (Охрана и изучение памятников истории, 2008, с. 129-130).

Члены экспедиции, к которым в Старом Крыму присоединился П. И. Голландский, отметили, что «Откопанные массивы здания с архитектурными профилями в верхней части по швам промазаны жирной глиной с примесью резаной соломы, чем предохранены успешно от разрушения. Дурбе-мавзолей в С.-3. Угол территории перекрыт деревянным сооружением с двухскатной крышей для предохранения этой части здания от вод. Края всех траншей сильно осыпались, так что верхние обрезы отступили от нижних на 0,51-1,00 м. Расчищенные части, как например, плиточный пол, покрыты землей, мусором, сорной травой и бурьяном, также как и поверхность нерасчищенной части памятника. Вдоль всей расчищенной части восточной стены на небольшом расстоянии от нее вне здания навалена целая гора мусора из раскопок около 2,00 м высотой. Вся территория раскопок ограждена колючей проволокой с калиткой в восточной части, но калитка не запирается. В Ю.-3. углу линия ограждения расстроена. На остатках стен и сводов свежих разрушений нами не усмотрено.

Для фиксации общего состояния памятника сняты 7 фотографий 13 x 18 см.

Для начала раскопочных работ постановили:

1. Восстановить разбивку территории на двухметровые участки согласно имеющемуся в распоряжении экспедиции плану.

2. Для работ использовать сохранившиеся у зрителя древностей Э. Я. Бэра старое оборудование экспедиции 1926 г.

3. Изготовить отсутствующие необходимые предметы, как-то колки, сита, грохота и пр.

4. Вести раскопку по квадратам с разделением на слои или горизонты с отдельной регистрацией всех находок по квадратам и слоям.

5. Все вертикальные промеры вести инструментально (при помощи нивелира) от условной нулевой горизонтали, намеченной обмерами проф. П. И. Голландского в 1926 г.

На работу взято через профсоюз Рабземлед 10 человек. Кроме того, приглашены практиканты: Меметов Абдулла, чл. ВЛКСМ, слушатель Техникума Кустпрома ВСНХ в Бахчисарае и молодой местный краевед Николай Максютенко. Все указанные рабочие и практиканты принимали уже участие в раскопках 1925-1926 гг. в Старом Крыму и имеют некоторый опыт в производстве этих работ.

Коллективная командировка членов Экспедиции была зарегистрирована в Старо-Крымском местном совете.

К работам приступали имея на руках телеграфное разрешение начальника Главнауки РСФСР, полученное 5/VIII с. г. на основании сделанной Бахчисарайским музеем заявки» (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 164. Л. 20-20 об.).

В 1928 и 1929 годах Н. Л. Эрнст трудился в качестве «действительного члена» в Крымском научно-исследовательском институте, который функционировал при местном пединституте. На средства Главнауки, выделенных этому учреждению, П. А. Двойченко и Н. Л. Эрнст занимались раскопками реликтовых гротов и останков ископаемых слонов в Крыму (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 220. Л. 2.).

Письмо Н. Л. Эрнста в Главнауку с просьбой о выдаче открытого листа на раскопки в

1929 году датировано 25 февраля этого года (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 134. Л. 5). Этот археологический период был для ученого не менее интенсивным (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 150. Л. 1-4).

Говоря об археологических исследованиях Н. Л. Эрнста в Крыму нельзя не обойти вниманием конфликт вокруг Эски-Кермена, который возник между Николаем Львовичем и известным археологом Н. И. Репниковым. Н. Л. Эрнст начал эпизодические исследования на плато Эски-Кермена еще в 1921 году (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 97. Л. 1). В 1923-1926 гг. работы на памятнике проводил Севастопольский музей краеведения (Архив Межшкольного краеведческого музея г. Севастополя. Ф. «Севастопольский музей краеведения». Оп. 1. Д. 65: Нодель Л. С. Севастопольский музей краеведения: к 65-летию со дня основания. Л. 2). С 1927 года Центральные государственные реставрационные мастерские совместно с Главнаукой Наркомата просвещения РСФСР организовали специальную Эски-Керменскую экспедицию, во главе которой был поставлен Н. И. Репников. В 1928 году в ходе работ были обнаружены следы крупного поселения с остатками крепостной стены.

Как заведующий археологическим отделом Центрального музея Таврида Н. Л. Эрнст обратился в курирующее научные исследования учреждение – Главнауку Наркомпроса РСФСР с разъяснениями о том, что Эски-Кермен разрабатывает его экспедиция. Главнаука, в свою очередь, в апреле 1927 года обратилась с официальным письмом в Государственную академию истории и материальной культуры, где предлагалось Н. И. Репникову предоставить для исследований только Мангуп и Сюрень, а изучение Эски-Кермена закрепить за Н. Л. Эрнстом (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 153. Л. 3). Однако Н. И. Репников в специальной записке от 9 мая, отправленной в Академию, резко выступил против такого разделения «полномочий» (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 153. Л. 4). В борьбу за право изучать памятник был втянут и Наркомпрос Крымской АССР. За Н. Л. Эрнста вступился нарком просвещения Крыма Усеин Вели

Балич, который отстаивал право на исследование памятника экспедицией Центрального музея Тавриды (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 153. Л. 5, 8).

Н. Л. Эрнст специально ездил в Ленинград, в ГАИМК, где 16 февраля 1928 года выступил на заседании Крымской комиссии с докладом «Эски-Кермен и пещерные города Крыма», где предлагались меры по охране памятника (ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 134. Л. 1-1 об.).

Не сидел сложа руки и Н. И. Репников. В феврале 1929 года в Москве было проведено совместное заседание Центральных государственных реставрационных мастерских и Московского отделения Общества по изучению Крыма по вопросу «изучения пребывания готов в Крыму». С докладами выступили А. И. Анисимов, Ю. В. Готье, Н. И. Репников. К заседанию была открыта выставка из материалов экспедиций Н. И. Репникова. Историк отождествлял Эски-Кермен с Доросом – столицей Крымской Готии. Н. Л. Эрнст же считал эту версию ошибочной и связывал Дорос с Мангупом. В марте 1929 года Комиссия по истории знаний, Византийская и Археографическая комиссии АН СССР провели совместное заседание по «вопросу об открытии в Эски-Кермен (Крыму) готского города». Были заслушаны доклады А. И. Анисимова «Росписи Эски-Кермена», В. А. Брига «Изучение готской культуры в русской историографии», Б. Н. Вишневого «Антропологический материал Эски-Кермена», Н. И. Репникова «Эски-Кермен в свете археологических работ 1928 года» (Тункина, 2008, с. 249-250).

Между тем, при содействии С. П. Платонова энергично готовилась совместная германско-советская советская экспедиция по изучению памятников Эски-Кермена. Перед ее началом Н. Л. Эрнст опубликовал в «Красном Крыму» информацию «Готские раскопки и исследования в Крыму» (Эрнст, Готские раскопки, с. 2), где подвел итог изучению «пещерных городов» и обозначил ближайшие перспективы продолжения работ.

23 сентября 1929 года, сообщая С. Ф. Платонову нюансы визита немецких археологов на Эски-Кермен, А. И. Маркевич заметил, что

«Эрнст и Репников вели себя корректно в кругу гостей-немцев». Он добавил: «Это было нелегко». При этом рассказал о своей роли в увещевании обоих не выносить конфликт на суд иностранцев «ради достоинства науки» (РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3487. Л. 21 об.; Непомнящий, «Пока оберегаем и спасаем...», с. 138-165).

В 30-х годах, в связи с усилением борьбы на идеологическом фронте, была значительно усилена лекционно-пропагандистская работа. Н. Л. Эрнст выступал много, в различных городах, перед разными социальными аудиториями. Он показал в последствии на допросах: «Такие лекции на курортах я читал главным образом в промежутки 1933-1937 гг. преимущественно в Алуште, Кучук-Ламбате, Ялте, Гаспре, Алушке и особенно в Евпатории. В Евпаторию я ездил для этой цели летом 1936 и 1937 гг. каждую шестидневку и читал подобные лекции во многих санаториях, взрослых, детских, а также для педагогов-руководителей детских санаториев. «...В 1936 и 1937 гг. ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий) проводило курсы для переподготовки своих экскурсоводов, к коим присоединялись также экскурсоводы музеев. На этих курсах, проводившихся в экскурсбазах в Симферополе, Ялте и Севастополе, я читал экскурсоводам обширные циклы лекций по истории Крыма. ...Читал в 1936 г. лекции в Симферополе для преподавателей-историков школ 2-й ступени по истории Крыма» (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 312).

По просьбе Крымского радиокомитета Н. Л. Эрнст выступил по местному радио с циклом бесед по истории Крыма с древнейших времен (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 313). Вот эти обзоры и привлекли внимание бдительных коллег Эрнста. Особенное возмущение вызвал материал о периоде «римского владычества» в Крыму. Созданная экспертная комиссия гневно заклеила «профашистскую направленность» лекции, после чего их дальнейшее чтение по крымскому радио было прекращено. Этот факт оказался не таким безобидным, как мог изначально предполагать Николай Львович. В Центральном музее Крымской АССР директором

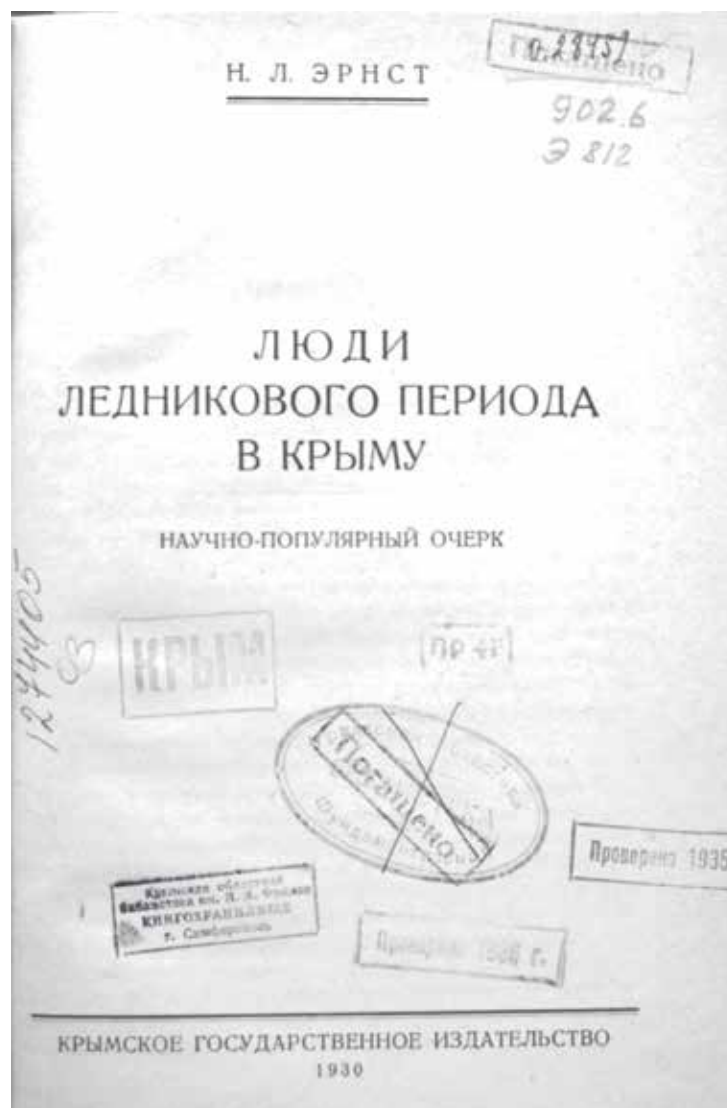

Рис. 161. Обложка книги Н. Л. Эрнста «Люди ледникового периода в Крыму» (Симферополь, 1930).

этого учреждения А. И. Коллабук экстренно и, очевидно, по указанию свыше, было собрано научно-методическое совещание, которое оперативно обсудило текст изъятой из радиокомитета «лекции Эрнста, которую он собирался читать». В решении этого собрания значилось, что «методический совет считает невозможным дальнейшее пребывание Эрнста на музейном фронте» (Непомнящий, Профессор Николай Эрнст, с. 318). В июне 1937 году Николай Львович в результате описанных событий был уволен из Центрального музея Крымской АССР за фашистскую пропаганду. Только в конце лета ему удалось поступить на работу в Симферопольскую картинную галерею. Однако трудовой стаж его там был недол-

гим. Уже в конце осени директор картинной галереи Зинин уволил его как неблагонадежного элемента.

Уже 15 февраля 1938 года было подписано постановление об избрании меры пресечения и предъявлении (объявления) Н. Л. Эрнсту обвинения в шпионаже «в пользу одного иностранного государства». На суде над Николаем Львовичем кроме двух других обвиняемых, проходивших по общему с ним делу – Э. Я. Бэра и С.-Д. В. Туцевича присутствовали и «эксперты», обнаружившие в научном наследии Н. Л. Эрнста проявления профашистских идей: научный сотрудник Центрального музея Крымской АССР В. А. Аббасов, директор музея А. И. Коллабук, сотрудник С. Н. Чукин, доцент Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе Ф. С. Загородских, преподаватели вуза А. Г. Максимович, А. С. Рабинович, Феличкин.

Особое совещание при НКВД определило наказание Н. Л. Эрнсту – 8 лет исправительно-трудовых лагерей, считая началом отбытия этого срока день его ареста – 15 февраля 1938 года. Н. Л. Эрнст отбывал наказание в Унжинском исправительно-трудовом лагере (Горьковская область) (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 26. Л. 4). Крымский ученый осваивал профессию лесоруба. Однако состояние здоровья не позволило использовать его в этом качестве долго. И тогда Николай Львович работал истопником, ассенизатором, медбратом (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 26. Л. 5).

После отбытия срока заключения в 1948 году Н. Л. Эрнст не мог сразу вернуться домой. Он находился в статусе спецпоселенца. Его супруга в это время предпринимала отчаянные попытки доказать беспочвенность обвинений мужа и добиться его реабилитации. София Николаевна обращалась ко многим бывшим сослуживцам Н. Л. Эрнста, кого ми-

новала суровая волна политических репрессий и выживших в кровавые годы Второй мировой войны. Откликнулись известные ученые – профессора И. И. Пузанов и Е. Ф. Скворцов. Хватило гражданского мужества поддержать своего бывшего коллегу по Таврическому университету и совместной работе в Центрархиве Крыма крупнейшему советскому историку Борису Дмитриевичу Грекову.

Как спецпоселенец Николай Львович проживал в городе Прокопьевске Кемеровской области. Однако спокойное его там пребывание было недолгим. 11 апреля 1949 года Прокопьевским отделом Министерства государственной безопасности он был вновь арестован за восхваление образа жизни в Германии (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 21. Л. 4). Согласно постановлению Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР от 14 сентября 1949 года «Эрнста Николая Львовича за подозрительные по шпионажу связи и антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, считая срок с 11 апреля 1949 года» (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). Местом отбывания наказания был определен Озерный лагерь (Озерлаг) (Тайшет, Иркутской области), где Эрнст служил библиотекарем (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-1 об.).

Утром 20 марта 1956 года Николай Львович получил документ о снятии с него статуса спецпоселенца и о разрешении вернуться в Крым. Не выдержав эмоционального перенапряжения, он скончался от инфаркта.

Научное наследие профессора Н. Л. Эрнста сегодня востребовано учеными различных направлений крымоведения. Переизданные его труды используются практически во всех работах, связанных с историей Средневекового Крыма и истории крымоведческих исследований.

А. А. НЕПОМНЯЩИЙ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анциферов Н. П. Особенности краеведческого движения в Крыму // Краеведение. 1928. Т. 5, № 4. С. 210.

Археологические раскопки // Красный Крым. 1924. № 188(1104). 17 августа. С. 5; № 192(1110). 22 августа. С. 5.

Археологические раскопки в 1926 г. в СССР // Краеведение. 1927. № 2. С. 219-236.

Археологические раскопки в Крыму // Известия ЦИК СССР. 1926. № 159(2790). 14 июля. С. 4.

Археологические раскопки у Симферополя // Красный Крым. 1924. № 183(1101). 12 августа. С. 5.

Архив Межшкольного краеведческого музея г. Севастополя. Ф. «Севастопольский музей краеведения». Оп. 1. Д. 65: Нодель Л. С. Севастопольский музей краеведения: к 65-летию со дня основания, л. 2.

Білокінь С. І. В обороні української спадщини: Історик мистецтва Федір Ернст / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2006. С. 12-14, 29.

Бонч-Осмоловский Г. А. Остатки древне-палеолитического человека в Крыму // Природа. 1926. № 5/6. Стб. 59-66.

Бонч-Осмоловский Г. А. Предварительные данные о раскопках Крымской экспедиции Зоологического музея Академии наук СССР в 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. Севастополь, 1927. С. 42.

В археологическом обществе // Красный Крым. 1923. № 290(915). 25 декабря. С. 6.

Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. Севастополь, 1927. 67 с.

Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 26. Л. 4, 5.

ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-1 об.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 64.

Государственный заповедник «Херсонес Таврический», научный архив. Д. 266. Л. 74.

Государственный исторический музей, Отдел письменных источников. Ф. 50. Оп. 1. Д. 995. Л. 1-2.

Зимин Н. [П.] Путеводители по Крыму // Крым. 1925. № 1. С. 95-96.

Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел (далее – ИИМК РАН НА РО). Ф. 2. Оп. 1 (1923 г.). Д. 88. Л. 2-3 об.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1924 г.). Д. 110. Л. 1-3.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1924 г.). Д. 109. Л. 4-7, 8-34, 41-42.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1925 г.). Д. 116. Л. 2-2 об., 9-25.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1926 г.). Д. 149. Л. 5-8.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1926 г.). Д. 198. Л. 1-3.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 113. Л. 1-141.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 115. Л. 1-31.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 146. Л. 2-2 об., 9-10. Л. 11 план, 13-13 об.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 153. Л. 3, 4, 5, 8.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 37. Л. 10, 6-8 об., 19-19 об.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 134. Л. 3, 5.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 153. Л. 1-29.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 97. Л. 1.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 134. Л. 1-1 об.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 150. Л. 1-4.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 164. Л. 4 об., 17-19 об., 20-20 об.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 188. Л. 1-11.

ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 220. Л. 2.

Исследование могильника Нейзац: сб. науч. ст. / под ред., предисл. И. Н. Храпунова, Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь: Доля, 2011. 274 с.

К возобновлению раскопок в Сюреньской пещере // Красный Крым. 1927. № 147(1967). 30 июня. С. 2.

Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии: очерки истории изучения варварско-

го населения Степного и Предгорного Крыма (VII в до н. э. – VII н. э.) / Крымский филиал Ин-та археологии НАН Украины. Симферополь: Сонат, 2004. С. 49-50.

Маркевич А. И. Керченская конференция археологов // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова = Seminarium Kondakovianum. Прага, 1927. Т. 1. С. 319-321.

Мищук С. М. Збирання так наукове описування рукописно-книжкової спадщини України (друга половина XIX – 30-ті роки XX ст.) // Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. Київ, 2009. С. 85-86, 159.

Михеева Г. В. Эрнст Николай Львович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 2: Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, 1918-1930. С. 652.

Мусаева У. К. Народный учитель: документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского / под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2007. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 9.)

Национальные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рыльского НАН Украины (г. Киев) (далее – НАФР-ФИИФЭ). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 18-21, 26.

НАФРФИИФЭ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 56. Л. 9 об., 13-13 об.

Непомнящий А. А. К биографии первого директора Центрального музея Тавриды Николая Эрнста // Український технічний музей: історія, досвід, перспективи: матер. 8-ї Всеукр. наук.-практ. конф., 26-28 трав. 2011 р., смт. Ворзель / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. Київ, 2011. С. 90-93.

Непомнящий А. А. Невідомі сторінки репресованого краєзнавства: до біографії Миколи Ернста // Чорноморський літопис. 2010. № 1. С. 96-102.

Непомнящий А. А. Николай Эрнст и Российская Публичная библиотека: неизвестная страница биографии крымоведа // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2010. Т. 23(62), № 1. С. 140-147.

Непомнящий А. А. Новые документы по истории краеведения в Крыму из архивов Санкт-Петербурга и Москвы // Историческое наследие Крыма. 2005. № 10. С. 146-152.

Непомнящий А. А. «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. 2006. № 16. С. 138-165.

Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стилос, 2012. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15). С. 29-30, 32, 33, 46, 88-89, 133-134, 312.

Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. Симферополь, 2008. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 11). С. 129-130.

Попова Л. Н. Старый альбом: к 100-летию преобразования Алушты в город. Ч. 1. Симферополь: Таврия, 2002. С. 130-137.

Путеводитель по Крыму / Крымский обл. комитет по делам музеев и охране памятников старины искусства; под ред. А. И. Маркевича, А. И. Полканова, Н. Л. Эрнста; Очерк революционного движения под ред. В. Камшицкого. В составлении путеводителя принимали участие: У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, П. И. Голландский, К. Э. Гриневич, И. Р. Гелис, А. Г. Коренев, А. И. Маркевич, Ю. Ю. Марти, А. С. Моисеев, П. В. Никольский, А. И. Полканов, И. А. Роджеро, Г. Я. Росселевич, Н. Л. Эрнст. 2-е изд. : испр. и доп. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. 268 с., ил.

Путеводитель по Крыму: Симферополь – Бахчисарай – Севастополь – Южный берег / под ред. А. И. Маркевича, А. И. Полканова, Н. Л. Эрнста; при участии У. Боданинского, П. И. Голландского, А. Г. Коренева, А. И. Маркевича, А. С. Моисеева, А. И. Полканова, Н. О. Тихого, Н. Л. Эрнста; Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины и искусства. Симферополь, 1923. 100 с. + карта.

Пятышева Н. А. С. Башкиров // Советская археология. 1963. № 3. С. 316-317.

Решеткин М. [Рецензия] // Крым. 1925. № 1. С. 96-97.

Российская национальная библиотека, отдел архивных документов (г. Санкт-Петербург).

бург) (далее – РНБ ОАД). Ф. 2. Оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения. Л. 27, № 16.

РНБ ОАД. Ф. 2. Оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения, л. 45, № 59.

Российская национальная библиотека, отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 585. Оп. 1. Д. 3487. Л. 21 об., 313, 318.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) (далее – СПФАРАН). Ф. 155. Оп. 2. Д. 794. Л. 80, 83-83 об.

СПФАРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 48. Л. 8-12.

Соболева М. С. Из семейных воспоминаний // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 237-241.

Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всесоюзного Археологического съезда в Суздале / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров: в 3-х т. Москва, 2008. Т. 3. С. 249-250.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. Москва: Знак, 2004. С. 205-206, 227-244.

Хливнюк А. В. Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и народного быта (КрымОХРИС) и памятникоохранительная работа // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / авт.-сост. А. В. Хливнюк; подред., вступ. ст. А. А. Непомнящего; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. Симферополь, 2008. (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 11). С. 51.

Эрнст Н. [Л.] Археологическое открытие в Крыму // Красный Крым. 1923. № 257. 16 ноября. С. 2.

Эрнст Н. [Л.] Археологические раскопки у дер. Красная Горка // Красный Крым. 1925. № 243(1461). 22 октября. С. 3.

Эрнст Н. Библиотека графов Хрептовичей: К передаче ее Университету Св. Владимира // Русский библиофил. 1914. № 6. Октябрь. С. 16-21.

Эрнст Н. [Л.] Готские раскопки и исследования в Крыму // Красный Крым. 1929. № 118. 29 мая. С. 2.

Эрнст Н. Л. «Железные двери» Бахчисарайского ханского дворца и архитектор в[еликого] кн[язя] Ивана III фрязин Алевиз Новый // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 6. 10 сентября. С. 5-6.

Эрнст Н. [Л.] Кыз-Кермен, девичья крепость // Красный Крым. 1925. № 276(1494). 2 декабря. С. 2.

Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921-1930). Симферополь, 1931. С. 14.

Эрнст Н. Л. Неаполь Скифский: к столетию со времени первых раскопок // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. Севастополь, 1927. С. 23-28.

Эрнст Н. Л. Немецкие студенческие традиции // Vivat Akademia!: однодневная газета, посвященная первой годовщине Таврического университета. 1919. № 1. 1 октября.

Эрнст Н. Л. Первые набеги крымских татар на Украину // Сборник статей / Студенческий историко-этнографический кружок при имп. Университете Св. Владимира под руководством профессора М. В. Довнар-Запольского. Киев, 1914. Вып. 3. С. 25-26.

Эрнст Н. Л. Путивль и его посад в первой половине XVII-го века // Юбилейный сборник статей / Студенческий историко-этнографический кружок при имп. Университете Св. Владимира под руководством профессора М. В. Довнар-Запольского. Киев, 1914. С. 57-79.

Эрнст Н. [Л.] Раскопки древнейших культур Крыма // Красный Крым. 1924. № 232(1150). 8 октября. – С. 3.

Эрнст Н. [Л.] Раскопки татарских древностей в Бахчисарае: Кладбище XIV-XV веков // Красный Крым. 1924. № 245(11163). 23 октября. С. 4.

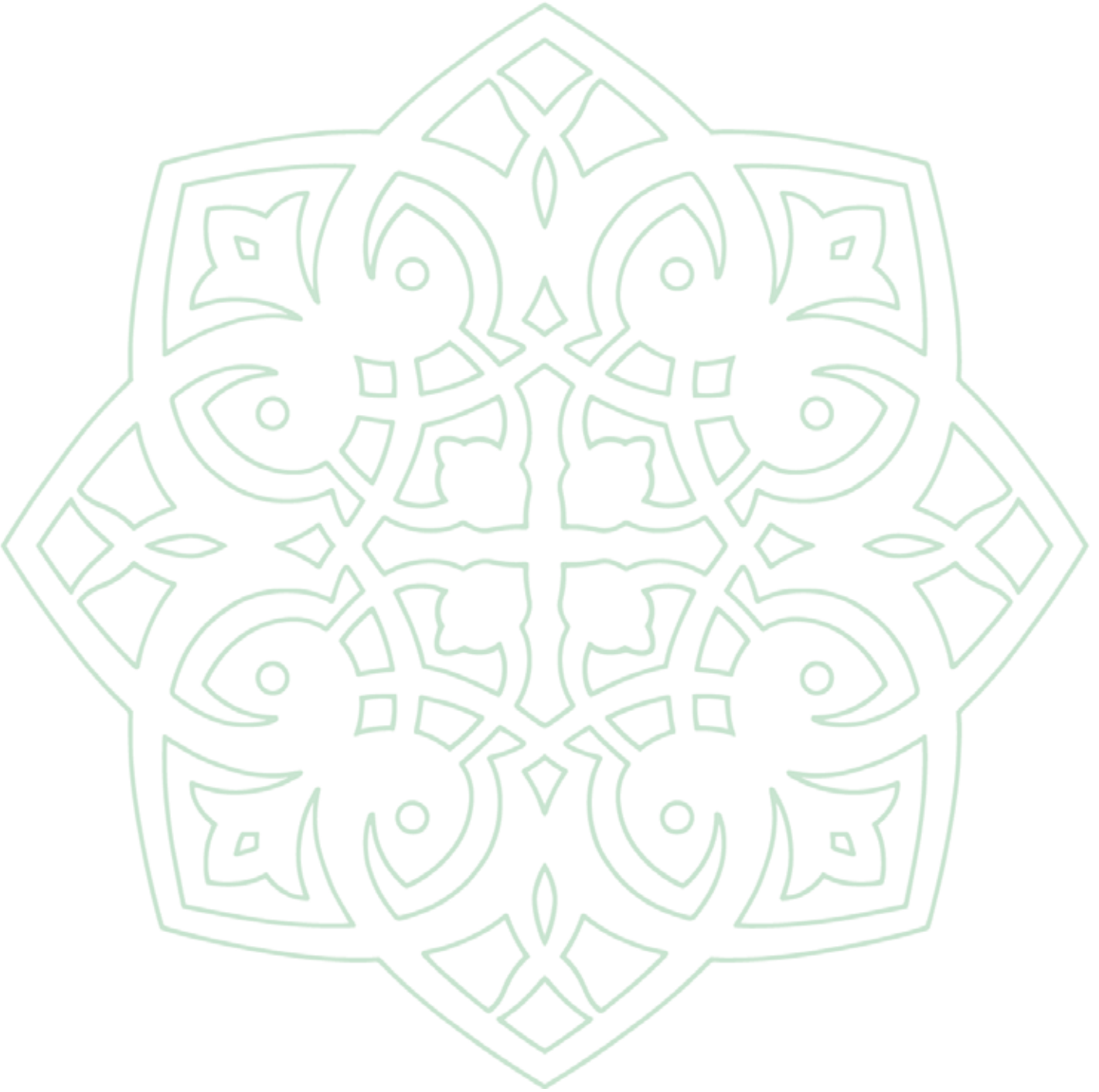
Эрнст Н. Л. Раскопки Центрального музея Тавриды в области доистории 1921-26 гг. // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 4. 8 сентября. С. 2.

Эрнст Н. Л. Спасенные сокровища искусства // Таврический голос. 1919. № 5(155). 26 июля.

Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма: [тезисы] // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 5. 9 сентября. С. 5-6.

Скифское погребение у Бахчи-Эли // Красный Крым. 1924. № 188(1104). 17 августа. С. 5.

Ernst N. Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // Zietschrift für Osteuropäische Geschichte. Berlin, 1912. Bd. 3, h. 1. S. 1-58.

Глава 3

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БОЛГАРА И КРЫМА

3.1. ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ БОЛГАРА

ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА БОЛГАРА

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представленный труд касается шести наиболее сохранившихся к середине 1950-х годов наземных остатков каменных сооружений на территории городища, принадлежавшего в прошлом, как известно, столице Волжской Болгарии под названием, согласно русским летописцам, «Великие Болгары». Это руины Четырехугольника, Никольской церкви, Монастырского погребя, Ханской усыпальницы, Малого минарета и Черной палаты, получившие свои условные наименования в литературных источниках сообразно их внешнему виду, позднему использованию или известному по преданиям древнему назначению к указанному времени и восходит начало данной работы, когда ее автором в бытность научным руководителем Казанской специальной научно-реставрационной производственной

мастерской (КСНРПМ) осуществлялись обмеры, зарисовки, натурные и архивные исследования вверенных ему памятников. В те годы реставрируемые руины являлись чуть ли не единственными наземно сохранившимися источниками, таящими в себе возможность раскрытия и музейной демонстрации художественно-стилистических и строительно-технических особенностей монументальной каменной архитектуры эпохи существования древнейшего государства Восточной Европы. Осознание величайшей историко-культурной ценности памятников обязывало к соблюдению максимально внимательного и глубоко научного подхода к их изучению, что определило методику поэтапного исследования и вывода памятников из состояния крайней ветхости; постепенного раскрытия их от позднейших строительных наслоений и культурных напластований ниже земной поверхности в целях установления характера всевозможных перестроек, точного времени возникновения и первоначального типического облика, очень важного в решении проблемы архитектурного наследия Татарстана. Поэтому начатые предварительные исследования переросли к концу 1950-х годов в неотложные защитно-ремонтные работы по выведению памятников вначале из угрожающего аварийного состояния, сопровождавшиеся производством зондирования наземных участков поздних пере-

Рис. 162. Панорама центральной части Болгарского заповедника. Сверху хорошо видны архитектурные доминанты Болгарского городища: центральный комплекс в составе Соборной мечети с минаретом и двумя мавзолеями. К югу от него – Малый минарет и Ханская усыпальница.

строек и ремонтных заплаток руин. При этом были вскрыты значительные несоответствия данных натурных исследований с показаниями авторов ряда ранних описаний и поверхностных исследований памятников. Натурные исследования показали, что сведения о болгарских памятниках носят самый разноречивый характер, основанный на результатах лишь зрительного осмотра и сравнительного анализа главным образом их позднейших, уже искаженных обликов с приблизительно схожими восточными аналогиями. Противоречивость не способствовала ясному представлению специфики архитектуры волжских болгар и былого назначения ее сохранившихся руин, не говоря уже о вопросах их датировки. Отсутствие убедительных сведений тормозило и начало планируемых реставрационных работ, которые не могли производиться без научно обоснованного раскрытия первоначальной, хотя бы приблизительно, объемно-планировочной структуры памятников. Важным звеном в этом являлось раскрытие от позднейших культурных напластований подземных частей руин,

что требовало археологической расчистки от земли больших площадей со следами возможных пристроев и различных других находок вокруг древних руин. Археологические раскопки должны были вестись непосредственно перед началом самих консервационных и фрагментарно-реставрационных работ, причем с участием специалистов самой высокой квалификации, ибо ошибки по столь значимым памятникам были бы непростительны. Для этого необходимо было согласование в самых высших органах по охране памятников архитектуры научно аргументированного «эскизного проекта реставрации» данных объектов с обоснованием необходимости дальнейших, более основательных архитектурно-археологических исследований, методики производства соответствующих строительных мер применительно к специфике болгарских руин. Для получения одобрения высших инстанций на реализацию этих мер автором был представлен в 1964 г. в Научно-методический совет Министерства культуры СССР «эскизный проект консервации и фрагментарной рестав-

рации «Четырехугольника», предусматривающий в начальной стадии своего производства совместное архитектурное и археологическое доисследование подземных частей памятника. После одобрения проекта и получения разрешения к реализации, с привлечением ведущих археологов из Института археологии АН СССР и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, летом того же года на Болгарском городище, в то время еще не являвшемся заповедником, начались полное раскрытие, всестороннее исследование и одновременная консервация остатков древних частей руин Четырехугольника. Аналогичные работы стали проводиться с 1964-1965 гг. по Никольской церкви, Монастырскому погребу, Черной палате, Ханской усыпальнице и Малому минарету. Данные археологических вскрытий всех шести руин, произведенных под общим руководством профессора А. П. Смирнова, с участием Т. А. Хлебниковой, А. С. Воскресенского и ряда других научных специалистов, внесли полную ясность в понимание изначального назначения и времени создания памятников, явились значительным научным вкладом в дело изучения архитектурного наследия волжских болгар. Они использовались автором архитектурных исследований как при графической реконструкции утраченного облика памятников, так и в процессе производства самих консервационно-реставрационных работ. Последние осуществлялись совместно группой специалистов проектного и производственного отделов КСНРПМ с 1964 по начало 1970-х годов, затем, с некоторыми перерывами, до начала 1980-х годов.

Полезным материалом при реконструкции утраченного облика рассматриваемых памятников явились древние письменно-иконографические источники и труды некоторых исследователей XVIII – середины XX столетия. Относительно древнейшими из исторических сведений являются записки дьяка Андрея Михайлова (Невоструев, 1871, с. 526-528), отводившего в начале XVIII в. земли на территории бывшего города для православного Успенского монастыря и давшего первое описание городищ и его развалин в пределах центральной части его территории. Во второй поло-

вине XVIII в. (1768 г.) Болгарскому городищу уделял внимание П. С. Паллас (Паллас, 1809, с. 183-196), в XIX в. (хронологически) – И. Лепехин (Лепехин, 1771, с. 265-283), Ф. Х. Эрдман (Эрдман, 1825), А. Шмит (Шмит, 1832), П. П. Свиныин (Свиныин, 1839), Кафтанников (Кавелин, 1846; Кавелин, 1847, с. 41-65), Второв (Второв, 1840), И. Березин (Березин, 1852), А. Ф. Риттих (Риттих, 1952, с. 34-46), С. М. Шпилевский (Шпилевский, 1877, с. 193-298), указания на которых приводятся ниже, в соответствующих разделах текста.

Касаясь специальных археологических исследований, следует отметить, что в 1892 г. комиссия под руководством И. Н. Смирнова, в составе К. А. Фирсова, И. А. Износкова, Ф. Г. Мищенко, произвела раскопки в зоне Четырехугольника (Экскурсии, раскопки и случайные находки: раскопка «Четырехугольника» в с. Болгарах и экскурсия к Вотьякам, 1892, с. 447). Данные о результатах этих работ были опубликованы А. А. Штукенбергом в «Отчете археологической комиссии за 1892 год» (Отчет Императорской археологической комиссии, 1894, с. 67-69). В 1914-1916 гг. была проведена археологическая кампания под руководством С. И. Покровского, при участии Н. Крелленберга (Крелленберг, 1919), М. Г. Худякова (Худяков, 1921) и В. Ф. Смолина (Смолин, 1926), также в зоне Четырехугольника. В 1919 г. была организована экспедиция Самарским государственным университетом под руководством А. С. Башкирова (Башкиров, 1928), при участии П. Н. Ефимова и С. И. Преображенского, по зондажному археологическому исследованию и фиксации ряда памятников. Это была первая научная экспедиция за годы советской власти. С 1938 г., с перерывом на время Великой Отечественной войны, до 1957 г. включительно на городище работала объединенная археологическая экспедиция, возглавлявшаяся Институтом археологии Академии наук СССР (до 1961 г. – Институт истории материальной культуры АН СССР). В этой экспедиции принимали участие Государственный музей ТАССР, Государственный исторический музей и Казанский филиал АН СССР. Результаты исследований опубликованы в ряде изданий: Краткие сообщения ИИМК АН СССР.

Рис. 163. Аэрофотосъемка Болгарского городища.
Приближены: а) Малый минарет и Ханская
усыпальница; б) Соборная мечеть с минаретом,
Северный и Восточный мавзолеи, Успенская церковь
XVIII в.

Вып. 6, 13, 17, 21, 27, 33, 44, 50, 55, 62; Вестник АН СССР. № 4, 10, 11; Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I–IV; в издании Государственного музея ТАССР, в книге Л. П. Смирнова «Волжские булгары» (Смирнов, 1951) и в популярной книге «По следам древних культур» (М., 1964).

Наряду с указанными работами археологического плана проводились и архитектурные исследования памятников городища, опубликованные в сборнике «Булгары – Черная палата» (Казань, 1951) и в статье В. В. Егеревы «Архитектура города Болгара» (МИА, № 61. М., 1958).

Освещение результатов данного исследования и реставрации велось автором с 1958 г., со времени производства последних из предварительных ремонтно-консервационных работ по ликвидации руин из аварийного состояния. Вначале в форме докладов на совещании-семинаре «Охрана памятников культуры

восточной зоны РСФСР», проведенном Министерством культуры РСФСР и Министерством культуры ТАССР в 1959 г. в г. Казани, и совещании-семинаре «Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР», организованном Министерством культуры УССР и Научно-методическим советом Министерства культуры СССР в 1966 г. в Херсоне. Сообщения по этой теме делались также на научной конференции Казанского строительного института и в государственном музее ТАССР. Позднее результаты этих работ легли в основу разработки ряда научных статей, брошюр и диссертаций, указанных в примечаниях к последующим разделам настоящей публикации.

ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК (СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ)

Руины под этим названием располагаются в центральной части городища рядом с доминирующей в панораме застройки села Болгары Успенской церковью – главным храмом одноименного монастыря, созданного в начале XVIII в. Здесь же рядом располагаются еще две средневековые руины периода Волжской Болгарии – Никольская церковь и Монастырский погреб, приобретшие свои русские названия соответственно характеру позднейшего использования их под культовые и хозяйственные нужды этого монастыря. Судя по всему, к возникновению на территории размещения болгарских руин православного монастыря восходит образование и самого села, заселенного в основном русскими, в застройке которого встречаются старые одноэтажные кирпичные дома в стиле той же древнерусской узорчатой архитектуры, что и сама Успенская церковь. Последняя, за исключением ее относительно поздней колокольни XIX в., является типичным образцом русского провинциального культового зодчества своего времени и тоже состоит на государственной охране как памятник истории и культуры. Исключительно благоприятное ландшафтно-градостроительное расположение указывает на важность участка, где размещается исследуемый

Четырехугольник.

Состояние памятника до исследования. Четырехугольник, или, как окончательно установлено в результате архитектурно-археологических исследований 1964-1966 гг. (Айдаров, Воскресенский, 1969), руины бывшей Соборной мечети, является самым крупным по размерам в плане монументальным каменным сооружением городища периода существования его как столичного города Великие Болгары. Руины представляли собой остатки оснований периметральных каменных стен подквадратного очертания в плане, сохранившихся над землей главным образом по четырем углам бывшего сооружения в виде трехчетвертных овальных в плане выступов высотой от 2 до 4 м и частично по сторонам в виде нижних рядов каменной панцирной кладки. Наибольшая часть руин покрывалась культурным слоем земли, поверхность которой прорезалась кирпичной оградой церковного двора. Подквадратный план руин образовывал слабо выраженную трапецеидальную форму, обращенную широкой стороной на юг, с отклонением его перпендикулярной оси к западу на 15 градусов, в сторону Киблы. Три из отмеченных угловых выступов стен имели остатки наружной туфовой облицовки в виде уширяющейся несколькими выступами книзу многогранной поверхности, а четвертый сохранился в виде бесформенной бутовой кладки без наружной облицовки. Вдоль промежуточных стен прослеживались основания бывших проемов и наружные прямоугольные выступы, напоминающие остатки контрфорсов (рис. 181).

Состояние памятника отражено на планах начала XX в. у Б. В. Крелленберга, П. С. Палласа, Ф. Х. Эрмана, Кафтанникова, А. Дюранда (ГИМ). В них показано почти полное очертание периметрального контура стен, за исключением северо-восточной части, где над

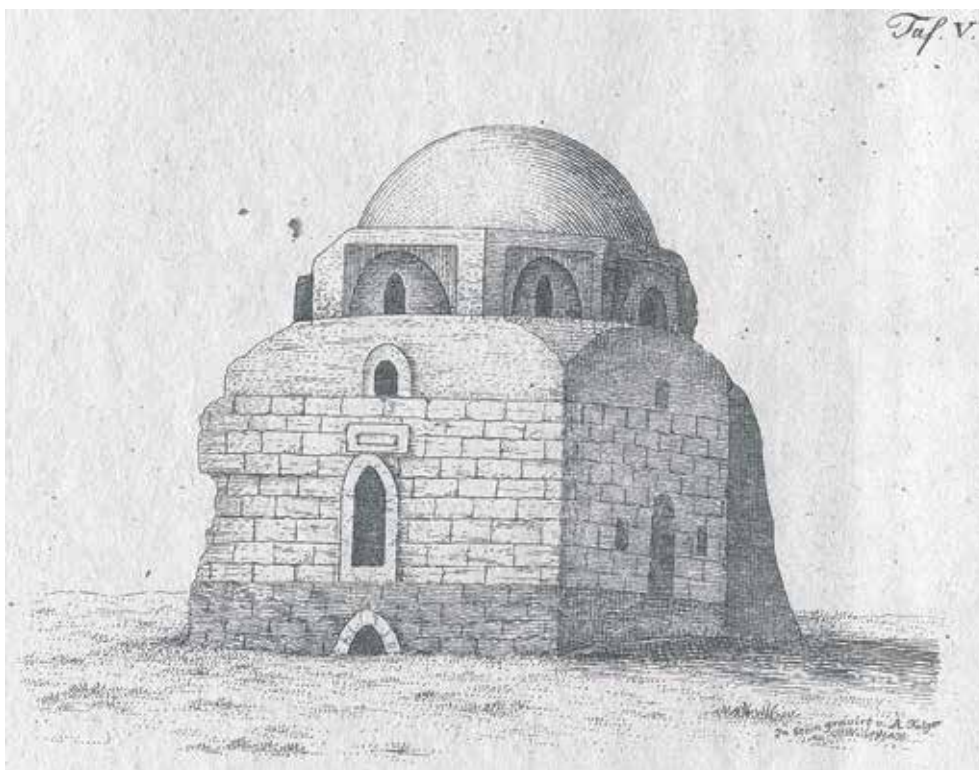

Рис. 164. Эрдман Ф. Х. Руины Болгара. Рисунки из «Die Ruinen Bulgars», 1820 г. (А, Б, В, Г, Д, Е)
А) Черная палата.

земной поверхностью выделяется только верх указанной забутки четвертого углового выступа. При этом три стены (северная, восточная и западная) показаны с центральными входными проемами со следами внутренних тамбуров, по бокам восточного и западного входов на фасадах имеются прямоугольные выступы, принимавшиеся исследователями за контрфорсы стен, за ними, ближе к углам здания, – оконные проемы (на восточной стене обозначено лишь южное окно, так как северная часть ее основания не сохранилась). На южном фасаде прямоугольных выступов три, и средний из них располагается по продольной оси плана. На северном фасаде с западной стороны от входа обозначены два прямоугольных выступа – малый, непосредственно у входа, и большой. На планах отмечены и несколько (на разных чертежах по-разному) уцелевших базовых оснований бывших опор внутреннего помещения.

Анализ историко-литературных и иконографических материалов. К 1712 г., ко времени создания Успенского монастыря, относится наиболее раннее из сохранившихся сведений

о данных руинах. В «Выписи с межевых книг на землю Успенского монастыря» этого года говорится: «Да на том городичем месте, в окопе (внутренний город с остатками бывшего обвалования. – С. А.), где наперед был тот царев дом, древняго каменного строения, по четырем углам четыре палаты круглых (несколько возвышающиеся основания стены указанных угловых выступов Четырехугольника. – С. А.), в знак малого городка, мерою полата от полаты по осмнадцати сажен, вышины те палаты по полуторы сажени, а внутри тех палат, по одним стенам тринадцать, а по другим пятнадцать сажен... Да всходный столп (несохранившийся Большой минарет. – С. А.), которого еще и ныне в вышину одиннадцать сажен, а по сказке татарского Ахуна Кадыр-Мамета, что-де меж тех палат была мусульманской веры большая мизгит». Из «Выписи... 1712 года» следует, что руины являются остатками мечети («мизгита») и представляли собой тогда примерно ту же картину, что и в 1960-х годах, за исключением Большого минарета («всходного столпа»), высотой «одиннадцать сажен» (около 24 м). Правда, точное местоположение минарета, известного по позднейшей литературе под названием «Большой минарет» (относительно сохранившегося на другом участке Малого минарета), не указывается.

Сведения второй половины XVIII – начала XIX в. характеризуют руины так же кратко и обобщенно, без указания конкретного места Большого минарета. Приведем древнейшие из них.

П. С. Паллас: «... есть в неправильном четвероугольнике развалины большого каменного здания с толстыми углами, которое, может быть, представляло большую мечеть. Сие здание состоит из неровных худо отесанных, но весьма плотно складенных известковых диких и гипсовых камней, которые уповательно бра ны в гористом берегу Волги... Знатнейшая из оных башня, или мизгир (Большой минарет. – С. А.), сделана из отесанных камней несколько выше 12 сажен по такому образцу и пропорции, как она представлена на шестой таблице под буквою «А», ныне еще цела стоит. На оную всходят по круглой лестнице о 72 ступенях, из коих каждая в Парижский фут вышиною. Сию

лестницу совершенно починили, и башню покрыли деревянного крышею, на которой внутри находится новая Арапская надпись. Двери в башню сделаны на полуденной (южной) стороне, и видны в стене большие железные крючья, на которых дверь висела. В степах башни оставлены небольшие скважины, в которые свет проходит, и потому видно ходить по лестнице. ...Башня стоит в северо-западном углу ... четвероугольника». П. С. Палласом указаны примерные координаты несохранившегося минарета (северо-западный угол), его высота («несколько выше» 26 м), количество внутренних ступеней высотой каждая в «Парижский фут», местоположение входа и прочие данные. Сохранился и упомянутый им рисунок минарета, не представленный в данной публикации ввиду крайней схематичности.

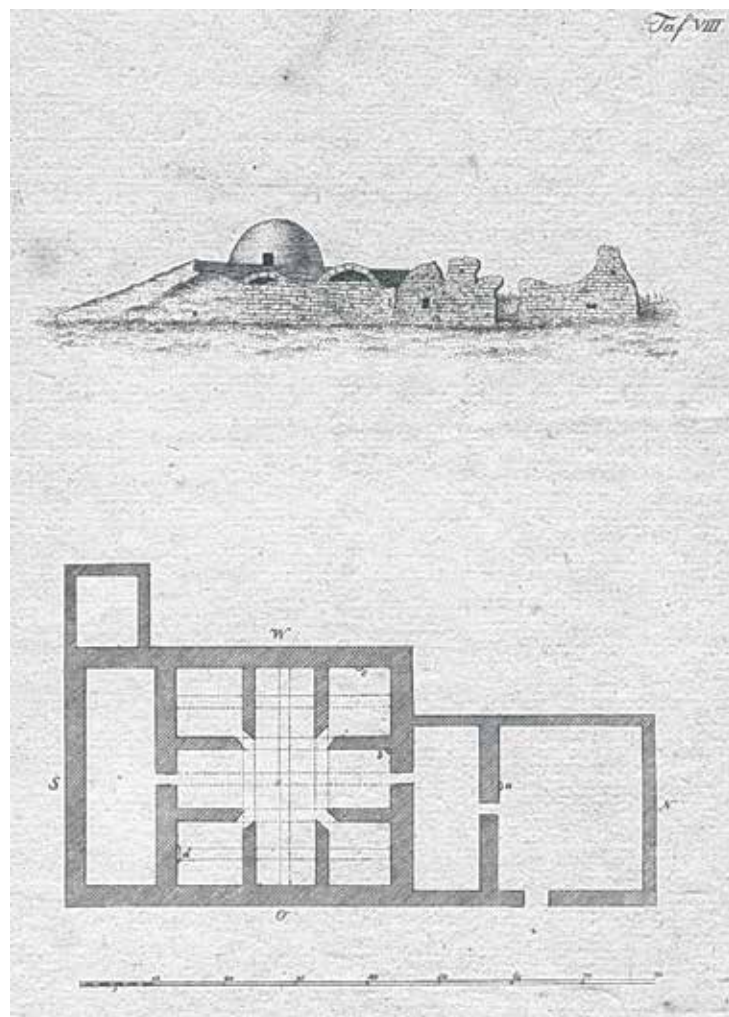

Рис. 165. Эрдман Ф. Х. Руины Болгара. Рисунки из «Die Ruinen Bulgars», 1820 г. (А, Б, В, Г, Д, Е)
Б) Красная палата.

И. Лепехин: «Еще четыре большие башни, коим мера: первой в окружности 7 сажен с половиною, вышины 2 сажени. Второй в окружности 8 сажен с половиною, высота 2 сажени. Третьей в окружности 12 сажен, вышины 2 сажени с полуаршином. Четвертой в окружности 6 сажен с половиною, вышины 1 сажень. Между оными башнями развалившимся двум стенам в длину по 13, да другим двум по 11 сажен. ... Столбу (минарету), от первой башни на одну сажень отстоящему, в окружности по фундаменту 12 сажен, вышины столько же». У И. Лепехина более подробные сведения даны по минарету, отстоящему от угловой (северо-западной, по П. С. Палласу) башни на 1 сажень и составляющему по периметру цоколя длину 12 сажен, что также примерно согласуется с вышеуказанными планами: минарет располагался на втором, более широком прямоугольном выступе северной стены, западнее от северного входа в мечеть. Высота сохранившейся части минарета указана почти такая же, как у П. С. Палласа.

На обмерном плане А. Шмита минарет указан прямо на северной стене Четырехугольника, примерно на расстоянии 1 сажени от северо-западной башни. Им представлен также схематичный обмерный рисунок Б. минарета.

Таким образом, казалось бы, что, согласно древнейшим источникам, ясно определяются бывшее назначение руин – служить мечетью – и местоположение ее минарета (рис. 172).

Однако ряд исследователей трактуют и назначение руин, и местоположение минарета по-иному. П. П. Свинын: «... нет никакого сомнения, что на сем месте был укрепленный замок, обнесенный толстыми стенами, кои по всем углам имели низкие башни... В подкрепление предположения, что в сем замке было жилище Султана или Хана, археолог увидит еще следы дворца, об огромности коего свидетельствуют остатки фундамента, имеющего до 80 футов в длину и ширину, углы также оканчивались башнями различной фигуры и величины». По сведениям А. Ф. Риттиха, «башня» (минарет) стояла «в середине развалин и развалилась в 1841 году... Самое же строение (Четырехугольник), в середине которого стояла эта башня, занимает площадь в 640 кв. фут.». Весь

комплекс руин он принимает за «ханский дворец» с минаретом и вместе с тем за укрепленное место, «последнее убежище по взятии города». По мнению археологической комиссии 1892 г., памятник «ближе всего напоминает собой остатки медресе».

И, наконец, А. С. Башкиров в 1926 г. отмечал следующее: «Большинство исследователей болгарских памятников ставят Большой минарет в близкую конструктивную связь с Четырехугольником. Существование Б. минарета в конструктивной связи с Четырехугольником на том месте, на котором его указывают, начиная со Шмита, совершенно разрушает строго выдержанный цельный план всего здания. Уничтожается весь фасад определенного стиля и совершенно не вяжется существование его на месте, где должен быть западный пилон килевидной арки портала... В нашем распоряжении небольшой, но чрезвычайно интересный материал, который заставляет думать о том, что место Большого минарета должно быть не там, где его фиксируют хотя бы Шмит и в последнее время Крелленберг... Мы не осмеливаемся настаивать на этом... пока не докажут нам это тщательные археологические изыскания, но приведем те известия исследователей – очевидцев Б. минарета, которые вызывают недоумения неясностью, неточностью, а может быть, и той действительностью, в которой находились памятники. Указания Палласа, Эрдмана, Свинына, Кафтанникова, неизвестной анонимной гравюры 20-х годов XIX столетия Государственного Исторического музея № 166, Риттиха и др. о том, что двери башни сделаны на «полуденной стороне», считаем первым признаком, который вызывает недоумение: если дверь была с юга и с юга же стена Четырехугольника, то любопытно, как связывались эти два, исключаящие друг друга, факта; невозможно, чтобы Минарет, хотя бы и в цоколе, был слит со стеной. Уже от цоколя он шел к конусу, и, таким образом, между ним и стеной, уже снизу, ширилось пространство... Серьезным указанием мог служить план Шмита; но, во-первых, неточность его в деталях плана мы уже отметили, а, во-вторых, рисунок Кафтанникова (Айдаров, 1968) нас заставляет еще больше усомниться в точности Шмита. Мы

Рис. 166. Эрдман Ф. Х. Руины Болгара. Рисунки из «Die Ruinen Bulgars», 1820 г. (А, Б, В, Г, Д, Е)
В) Большой минарет и Соборная мечеть.

уже указывали в описании рисунка Кафтанникова некоторые основные детали, и, как бы ни хотелось быть осторожными, мы все-таки обращаем на него сугубое внимание. Рисунок с натуры дает нам указание на то, что часть руин к юго-востоку от него, а от зрителя направо, является частью северо-западного угла (неверно, т. к. в действительности это часть юго-западного угла. – С. А.) Четырехугольника, руины за Б. минаретом – руины так называемого б. «Монастырского Погребца», и, таким образом, Б. минарет, по Кафтанникову, стоит «обок» Четырехугольника, к северо-западу от его северо-западного гранного минарета (угловые гранные выступы руин А. С. Башкировым наверно принимаются за основания четырех минаретов. – С. А.). Данное местоположение Б. минарета (основано на неверной расшифровке рисунка Кафтанникова. – С. А.)

вполне разумно и уместно, в таком его положении и Четырехугольник сохраняет целиком весь свой художественно-архитектурный ансамбль, и, прежде всего, в фасаде; а Б. минарет еще больше выигрывает и в своей цельности, и монументальности» (Башкиров, 1928, с. 66-76).

Из приведенных сообщений, начиная с П. П. Свинына, видно, что назначение руин и точное местонахождение стоявшего где-то на этом месте высокой башни Четырехугольника, называемого Большим минаретом, долгое время оставались под вопросом и служили объектом различных толкований. Так, П. П. Свинын, А. Ф. Риттих и Второв принимают руины за бывший укрепленный замок или царский дворец. По предположению археологической комиссии в составе И. Н. Смирнова, И. А. Фирсова, И. А. Износкова и Ф. Г. Мищенко, занимавшихся раскопками руин в 1892 г., памятник «ближе всего напоминает собой остатки медресе». По татарским преданиям¹, указанному мнению П. С. Палласа, а также мнениям Кафтанникова, И. Березина, В. Ф. Смолина, И. Г. Худякова, А. С. Башкирова, А. П. Смирнова (Смирнов, 1948), В. В. Егерев (Егерев, 1958, с. 377) и др., руины причисляются к остаткам Соборной мечети. Ошибочное мнение А. С. Башкирова относительно местоположения минарета мечети основано, как видно из его текста, на неверной расшифровке рисунка Кафтанникова и предвзятом представлении некоего «определенного стиля», согласно которому северный фасад бывшей мечети якобы должен быть только симметричным относительно оси главного portalного входа. Это мнение получило отражение и на обмерном плане Бехтерова и Шельнова, приведенном в книге А. С. Башкирова, где северо-восточная часть памятника, скрытая под культурным слоем, показана условным пунктиром симметрично северо-западной части. А. С. Башкировым, а позднее Н. Ф. Калининым (История Татарской АССР, 1955)² даны соответствующие этому плану неверные реконструкции руин (у перво-

¹ На указания татарского ахуна Кадыр-Мамета ссылается А. Михайлов, см.: «Выпись... 1712 г.»

² Реконструкция Н. Ф. Калинина исполнена художником В. Л. Лаптевым на картине, хранящейся в Государственном музее РТ и опубликованной в «Истории Татарской АССР» (Казань, 1955. Т. 1).

го – письменно, у второго – изобразительно) в виде плоско перекрытой мечети с несоответствующей нашему обмерному плану гипертрофированной по размерам стрельчато-арочной порталной нишей – «пештаком» на северном фасаде и четырьмя высокими угловыми минаретами. Отдельно стоящий минарет примерно такой же высоты, как угловые, у И. Ф. Калинина располагается по А. С. Башкирову, у западного фасада мечети, рядом с северо-западным минаретом.

Совершенно иначе представляется первоначальный облик мечети В. В. Егеревым (Егеров, 1958, с. 378-379): с базиликальным поперечным разрезом, не типичным для восточных мечетей, в котором три центральных нефа завышены относительно двух боковых благодаря второму световому ярусу с часто расставленными оконными проемами. Большой минарет располагается на северном фасаде над существующим западнее от входа большим прямоугольным выступом, главный вход – в глубине небольшой порталной ниши со стрельчатой аркой, угловые выступы мечети трактуются в виде невысоких «крепких контрфорсов», но не минаретов.

Суждения исследователей расходились и относительно расстановки внутренних опор сооружения: если по мнению комиссии 1892 г. опоры располагались в шести рядах по шесть колонн, то по мнению комиссии 1915 г. они составляли четыре ряда по пять колонн в ряду (Смолин, 1926). Степень достоверности указанных гипотез могла быть проверена лишь более основательным натурным исследованием памятника путем раскрытия от позднейших культурных наслоений.

Из графических материалов наиболее ценным в оценке назначения и характера сооружения являются сохранившиеся чертежи А. Шмита (Шмит, 1832) (рис. 173) и рисунки второй половины XVIII – первой половины XIX в.³ Большого минарета, упавшего в 1841 г. Как видно по изображениям, Большой минарет имел значительное сходство с существующим на другом участке городища Малым минаретом и отличался от последнего главным образом большей высотой (рис. 171). Кубовидное основание его с помощью угловых срезов и невысокого восьмигранного яруса плавно переходило в несколько сужающийся кверху ци-

линдрический ствол, на котором возвышался меньший по сечению ярус невысокого круглого барабана с обходной галереей (рис. 180).

Натурное исследование. Результаты натурных исследований подтвердили мнение о принадлежности руин к остаткам Соборной мечети. Время закладки фундаментов храма А. П. Смирновым было определено первыми годами золотоордынского периода, непосредственно после нашествия Батыя. В его археологическом заключении констатируется: «... тяжелое экономическое положение государства не позволило довести постройку до кон-

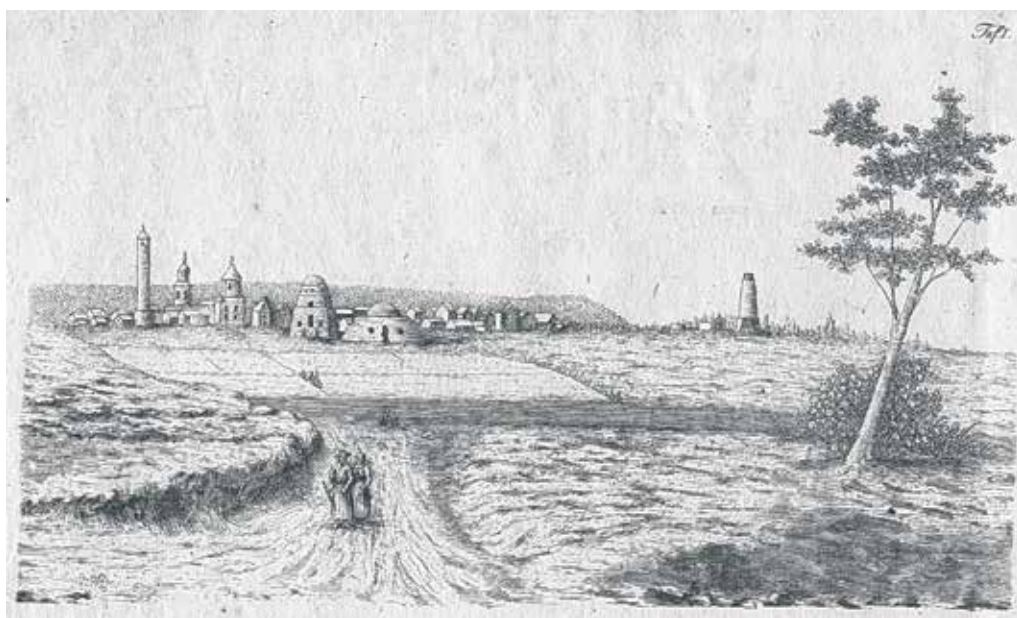

Рис. 167. Эрдман Ф. Х. Руины Болгара. Рисунки из «Die Ruinen Bulgars», 1820 г. (А, Б, В, Г, Д, Е)

Г) Вид на памятники со стороны проезда в городском валу.

³ Приведены в указанных сочинениях П. С. Палласа, Ф. Х. Эрдмана, Кафтаникова. Кроме того, в Гос. историческом музее в Москве имеются акварельный рисунок под заголовком «Общий вид на развалины Болгар» и гравюра того же вида художника А. Дюранда. Сохранились в различных музеях России и более схематичные изображения (Айдаров, 1968).

ца. Выложенный фундамент был заброшен, а на всей этой территории продолжали жить горожане. Только в 60-х годах XIII в., а вернее в конце XIII в., строительство было продолжено. Кладка стен, по-видимому, относится к самому концу XIII в. или к рубежу XIII–XIV вв. В начале XIV в. были построены башни. Разница во времени между постройками стен и башен незначительна. К этому времени относится нижний пол. Когда был положен второй пол (деревянный), решить нельзя. Не ранее конца 30-х годов XIV в. была вымощена площадь» (Воскресенский, Смирнов, 1966, с. 257). Это заключение легло в основу хронологии соответствующих периодов строительства и последующих реконструкций храма, выявленных автором в итоге архитектурных исследований значительного ряда собственных зондажей и дополнительных шурфов.

Археологическое вскрытие было начато с северо-восточной части руин, над которой существовал небольшой холмик, некогда образовавшийся после разборки располагавшихся здесь поздней церковной сторожки и кирпичной ограды. Результаты показали, что восточная стена на этом участке разрушена почти до основания, на глубину до 1,8 м ниже уровня пола бывшего помещения мечети. Разрушена и южная часть северо-восточного углового выступа, или, как правильнее его называть, основания бывшей угловой башни, сохранившегося намного хуже оснований трех остальных угловых башен. На северном фасаде основание бывшего входного проема с левой стороны под культурным слоем оказалось обрамленным таким же внешним выступом, как и справа, соединенным с последним в основании, примерно на уровне бывшего пола внутреннего помещения, общей горизонтальной предпорожной площадкой. Связь этих выступов в основании указывает на большую веро-

Рис. 168. Эрдман Ф. Х. Руины Болгара. Рисунки из «Die Ruinen Bulgars», 1820 г. (А, Б, В, Г, Д, Е)

Д) Малый минарет и Ханская усыпальница.

ятность их соединения и сверху, над входным проемом, в виде стрельчато-арочной порталльной ниши, весьма распространенной на Востоке в мусульманской культовой архитектуре XIII–XIV вв. На восточной половине северного фасада не было обнаружено того огромного прямоугольного выступа, который дублировал бы симметрично выступ, имеющийся на западной половине, как на указанном обмерном плане Бехтерова и Шельнова. На этом месте выявлен обычный небольшой прямоугольный контрфорс, перевязанный с кладкой стен мечети, как на других ее фасадах. Таким образом, северная стена бывшего храма имела асимметричную композицию, заложенную с самого начала строительства. А это обстоятельство, подкрепленное тем, что фундамент западного большого прямоугольного выступа северной стены заложен глубже фундаментов самих стен мечети и составляет 2,7 м, при сечении в плане 5,3 x 5,3 м, указывает на расположение именно над этим выступом бывшего Большого минарета, размер основания которого в поперечнике составлял 5,3 м⁴. Как видно из приведенных исторических сведений, точное местоположение Большого минарета долгое время счи-

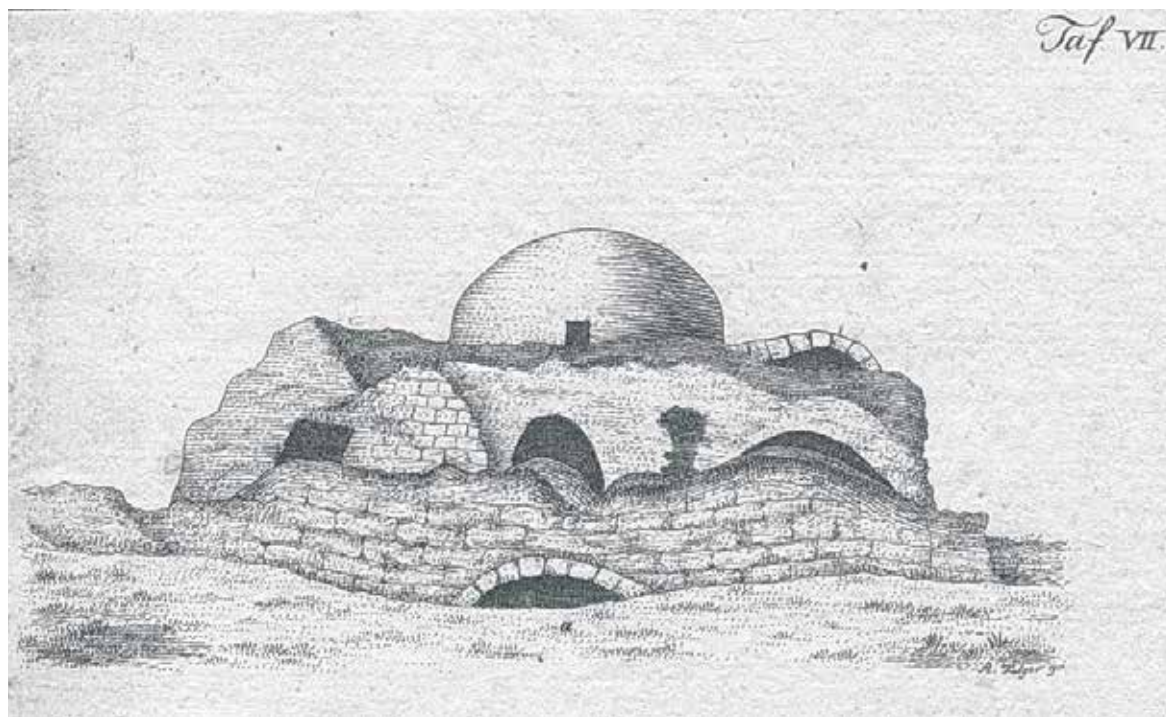

Рис. 169. Эрдман Ф. Х. Руины Болгара. Рисунки из «Die Ruinen Bulgars», 1820 г.
(А, Б, В, Г, Д, Е)
Е) Белая палата.

талось спорным. У А. Ф. Риттиха, например, посетившего Болгары вскоре после падения Большого минарета, он значится стоящим в середине внутренней площадки памятника, по типу центральной башни — донжона, благодаря чему он причисляет руины к остаткам укрепленного ханского дворца. Утверждению же мнения о принадлежности сохранившегося основания Большого минарета к «правому пилону огромного портала (А. С. Башкиров, Н. Ф. Калинин) способствовало, с одной стороны, неверное предположение о симметричности всей композиции памятника и преждевременное (без подтверждения археологическим исследованием данного участка) сопоставление его плана с восточными аналогиями более позднего происхождения, чем болгарская мечеть; с другой стороны, при постановке минарета на указанном прямоугольном выступе (на своем месте) авторам странным казалось то, что вход в минарет, располагаемый на всех древних изображениях и по всем ранним письменным сведениям в нижнем ярусе с южной

стороны, вплотную примыкал к северной стене самого храма. А это казалось авторам абсурдным по причине того, что они не учитывали возможность расположения входа в минарет несколько выше предполагаемого ими места. Следующее мнение, близкое к реальному, основывалось на рассказах очевидцев о местонахождении Большого минарета до разрушения на сохранившемся прямоугольном выступе к западу от портала.

Поэтому В. В. Егоров и располагает Большой минарет в своей реконструкции на этом месте, но для устранения противоречия с указанным сомнением в отношении примыкания его входа вплотную к стене храма отодвигает минарет немного к северу, создав между ними проход. В действительности же, как показало археологическое вскрытие, прямоугольный выступ стены не имеет столь большого выноса к северу: его квадратная форма в плане в точности соответствует, как указывалось, габаритам исчезнувшего минарета. Кроме того, Большой минарет, упавший в 1841 г. якобы от подрыва кладочискателей, на что указывают те же «старожилы» (Кавелин, 1846) и некоторые исследователи (Крелленберг, 1919), должен был сохранить свое основание без следов каких-либо трещин или отклонения в упавшую северо-восточную, как указывается, сторону. Однако, как показали исследования, таких следов не наблюдается: кладка основания минарета выполнена в перевязку со стеной храма и между ними нет даже трещины. Таким образом, установленное по

⁴ Этот размер указывается также в «Выписи... 1712 г.», на чертежах А. Шмита и в других источниках.

Рис. 170. Титульный лист альбома «Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры в 1827 г. архитектором А. Шмитом». 1832 г.

результатам вскрытия древнее местоположение Большого минарета не должно связываться с сомнением В. В. Егерева о возможности примыкания его входа вплотную к фасадной плоскости мечети (Березин, 1852). Это сомнение легко устранимо при весьма логичном допущении, что вход располагался с этой же стороны, немного выше – на уровне молитвенного зала, и что перед ним существовала ниша в стене самой мечети, связывающая вход с пространством внутреннего помещения мечети. Определенным подтверждением тому служит отсутствие осадочного шва между основанием минарета и северной стеной храма, указывающее на то, что нижний ярус минарета с южной стороны первоначально соединялся с северной стеной мечети в единую монолитную клад-

ку. Он выделился в отдельный четырехгранный нижний ярус (с арочным проемом, первоначально располагавшиеся в глубине указанной ниши) лишь после разрушения северной стены храма почти до уровня пола молитвенного зала и, возможно, последующего незначительного ремонта места бывшей стыковки четырехгранника с этой стеной. Отсутствие же наклона фундамента и цоколя минарета в какую-либо сторону свидетельствует о том, что последний не «упал», а обрушился, возможно, несколько наклонившись.

В процессе дальнейших раскопок руины были вскрыты по всему периметру основания стен как с наружной (почти везде до низа фундамента), так и с внутренней стороны, что позволило произвести тщательный архитектурный обмер сохранившегося памятника. Внутренний профиль стен, скрытый в подпольной части, вскрывался фрагментарно на трех участках: два – у восточного и западного входных проемов, один – у восточной стены, с противоположной стороны его южного контрфорса. Результаты исследований показали, что стены имеют две различные системы кладки, не связанные друг с другом перевязкой, кладку периметральных стен с прямоугольными выступами контрфорсов (включая минарет и вынос северного порталного входа) и кладку четырех угловых многогранных оснований башнеобразных выступов, огибающих углы периметральных стен мечети. Вертикальный шов между двумя системами кладки неосадочный: угловые выступы нависают над горизонтальными уступами стен храма над расширенным цокольным основанием, свидетельствуя о пристройке башен позднее возведения стен самого храма. Это нашло и археологическое подтверждение: выброс грунта от котлована фундаментов башен лежит чуть выше слоя выброса от котлована стен храма. Рассмотрим поочередно обе хронологические системы.

Стены храма в основании имеют два уширения – цокольное и фундаментное, из которых горизонтальные уступы над последним наблюдаются одновременно в наружных и внутренних профилях стены. Ввиду небольшого общего уклона холмистого участка под мечетью в комплексе с соседними двумя

Рис. 171. Ханская усыпальница и Малый Минарет.
Рисунок Г. Г. и Н. Г. Чернецовых. 1838 г.

сооружениями к югу и юго-западу линии фундаментных выступов, постепенно возвышаясь уступами к северу, на северном фасаде сливаются с цокольным выступом. Первоначальный дневной уровень почвы пролегает чуть ниже цокольного выступа на северном фасаде и немного ниже (на 70-80 см) в южной части западного фасада, занимая промежуточное положение между этими высотами на других фасадах. Сам цокольный выступ огибает фасады также на разных уровнях, но в пределах 70-80 см ниже пола внутреннего помещения. Контрфорсы этих (надцокольных) стен, продолжающих кладку ранее заложенных контрфорсов, имеют меньший вынос вперед, но еще сохраняют на данном высотном уровне различие в размерах выносов от фасадных плоскостей, как отмечалось, соответственно уклону рельефа местности (чем ниже рельеф, тем больше вынос вперед и книзу. Их кладка отличается от кладки ранее заложенных контрфорсных выступов цокольной части более тщательным отесыванием блоков, наружная поверхность которых представляет собой более правильный прямоугольник. Это хорошо заметно на западных контрфорсах, сохранив-

шихся до настоящего времени на относительно большую высоту.

Стены, цоколи и фундаменты мечети обоих периодов выполнены из местного и известкового камня и состоят из двух рядов облицовки, проходящих по внутреннему и наружному контурам стен, и промежуточного бутового заполнения (так называемая панцирная кладка). Раствор известково-песчаный, более чистый в облицовке и с примесью крошек кирпича, камня, угля и кусочков незагипсованной извести в забутке. В результате многовекового подсоса влаги из грунта раствор в облицовке цоколей и фундаментов потерял связующие свойства и представляет собой рыхлую массу глинистого песка со следами оставшейся извести. Сравнительно лучше сохранился раствор на швах кладки фундамента и цоколя южного фасада, где местами заметны даже следы известковой затирки наружной поверхности цоколя. Особенностью стен второго периода, расположенных над цокольной частью храма, является опять же разнохарактерность кладки нижних рядов и верхних, лежащих на несколько рядов выше уровня пола внутреннего помещения. Причем граница между ними пролегает не строго горизонтально, а колеблется в пределах трех-четырех рядов выше пола. Разница наблюдается, во-первых, в самих облицовочных блоках, имеющих в верхних рядах более округлую форму в сравнении с относительно продолговатой формой камней нижележащей кладки, во-вторых, более выражено, в растворе кладок. Известково-песчаный раствор верхней кладки намного прочнее, очень твердый, трудно поддается ломке и крошению. Эта высокая прочность объясняется иным количественным и качественным составом: в виде примеси в него включается большее количество очень мелкой каменной (очевидно, предварительно просеянной) крошки из особой, должно быть гипсовой, породы камня, имеющего жилистую структуру и разноцветные оттенки (розовый, желтый, коричневый, серый, белый). При этом в растворе отсутствуют крошки незагипсованной извести, почти не встречается примесь обожженной глиняной и угольной крошки,

Рис. 172. Бехзад Кемаледдин. Строительство мечети. XV–XVI вв. [http://www.benua.su/Гератская школа](http://www.benua.su/Гератская_школа).

как в растворе нижележащей кладки. В забутке же этот раствор имеет относительно большую добавку песка и примесь угольной и очень мало обожженной глиняной крошки. Последняя могла попасть в раствор в качестве случайного включения глины при обжиге известняка. По цвету песчаной добавки раствор забутки в ряде мест приобретает различные оттенки. Химический анализ растворов, взятых выше и ниже указанной границы, также относит их к двум различным составам. В пределах верхней кладки на высокопрочном растворе сохранились основания оконных и дверных проемов, а также верхние ряды кладки сохранившихся частей контрфорсов.

Различие верхних и нижних рядов кладки стен исследуемого здания, казалось бы, не является единственным в постройках Болгарского городища. Использование более слабого раствора в фундаментах и прочного

раствора в кладке надземной, оголенной части стен обнаружено было при исследовании и соседних памятников – Никольской церкви (ныне именуется Восточным мавзолеем данного соборного комплекса), Монастырского погребца (ныне именуется Северным мавзолеем этого же комплекса), Черной палаты (ныне именуется Ханским судилищем), относящихся, по данным археологических исследований А. П. Смирнова, ко времени после окончательного завершения строительства рассматриваемой Соборной мечети (первая половина и середина XIV в.). Таким образом, одновременное использование разного качества растворов в одном здании казалось на первый взгляд характерным приемом для болгарских построек. Но, тем не менее, возможность использования в Соборной мечети двух совершенно разных по химическому и петрографическому составу растворов в один строительный период вызывает сомнение. Во-первых, потому, что граница между кладками на разных растворах пролегает не непосредственно над фундаментной кладкой или даже над кладкой его вышележащего цокольного выступа, а гораздо выше последнего и дневного уровня в целом и неравномерно по горизонтальному уровню кладки, в пределах нескольких ее рядов, т. е. с перепадами. Во-вторых, как отмечалось, имеется разница в самих блоках облицовки. В-третьих, растворы верхних рядов кладки выступов оснований Большого минарета и северного портала (эти основания сохранились на ту же высоту, что и стены храма), расположенных выше разделительной границы между нижними и верхними рядами кладки стен храма, сохраняют обычный известковый, относительно слабый раствор (как и в своих нижних рядах, включая цоколь и фундамент), в то время как примыкающие к ним стены храма в своих верхних рядах на том же уровне выложены на высокопрочном растворе, хотя, казалось бы, разделительная граница не должна была обойти такую ответственную часть кладки, как стена высокого минарета. Эти сомнения могут быть устранены лишь при условии относительно позднего происхождения верхних рядов кладки основания стен на ином, более прочном растворе, что подтверждается

следующим обстоятельством. Нижний четырехгранный ярус Большого минарета, как отмечалось, имел вход с южной стороны, прилегающей вплотную к фасадной плоскости северной стены храма. Такое, казавшееся ряду исследователей абсурдным, «несоответствие» могло иметь место, как отмечалось, лишь в том случае, если стена храма, перевязанная в своих нижних частях до рассматриваемой разделительной границы с кладкой основания минарета, в свое время разбиралась до уровня этой разделительной границы и возводилась заново на более прочном растворе, при котором первоначальная перевязка стены с вертикальной кладкой входного яруса минарета была нарушена неизбежным появлением разделительного шва между кладками минарета (возведенного в первоначальный период на слабом растворе и не подвергавшегося впоследствии реконструкции) и заново возведенной наружной ограждающей стеной храма. Это лишний раз подтверждает, что в толще этой новой стены храма были устроены, как и первоначально, проход или ниша перед входным проемом в минарет. После разрушения заново возведенной стены храма до сохранившегося до нас уровня (до отметки, чуть превышающей границу с кладкой первоначальной стены), включая проход ко входному проему в стене самого минарета, южный фасад минарета оголился почти до самого низа, обнажив свой вход. Таким он и зафиксирован на древних рисунках до своего падения в 1841 г. Поэтому на уровне сегодняшнего разрушения мечети мы и обнаруживаем два вида раствора, присутствующего лишь в ограждающей стене молитвенного зала. Все это указывает на реконструкцию храма, исключая его минарет, произведенную почти до самого низа его стен с применением более совершенной технологии изготовления раствора кладки.

Таким образом, детальное архитектурное обследование остатков стен Четырехугольника, бывшей мечети, позволяет установить

наличие двух строительных периодов в его первоначальном возведении и одной реконструкции в период его последующего существования, археологически датируемых с 60-х годов до конца XIII в. или рубежом XIII–XIV вв. Если к первому строительному периоду можно отнести закладку фундамента мечети до верха цокольного выступа (включая основания минарета, порталного главного входа и контрфорсов), то ко второму периоду, продолженному с некоторым разрывом от первого, следует отнести продолжение кладки самих стен храма с внутренними опорами в первоначальной модульной системе и завершение его строительства, за исключением угловых выступов. К последующей реконструкции относится перекладка стен молитвенного зала мечети, замена, как следует из последующего анализа (см. ниже), его внутренних опор по новой модульной системе и созданию четырех угловых выступов с использованием не только высокопрочного раствора, но и нового строительного материала для внутренних опор и облицовки фасадов угловых выступов – местного известкового туфа, продукта отложения на дне озер.

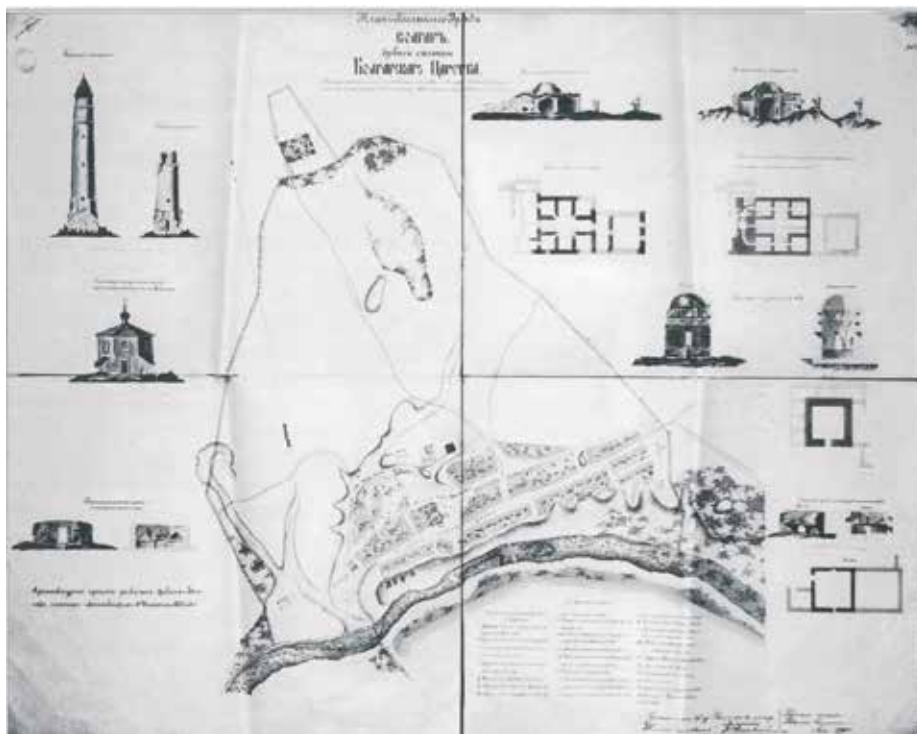

Рис. 173. План Болгара и архитектурные рисунки болгарских памятников. А. Шмит. 1827 г.

Дальнейшим исследованием установлено следующее. Обкладка сохранившихся оснований входных и оконных проемов в стенах храма, возведенных, по всей очевидности, во второй строительный период, а также наружные углы стен, сохранившиеся за пристроенными угловыми выступами, выполнены из крупных и тщательно отесанных каменных блоков без следов штукатурки. На их поверхностях, первоначально белившихся известковым раствором, заметны следы обработки металлическим предметом – зубчаткой. Эти поверхности очень напоминают аналогично обработанные поверхности закавказских и крымских каменных построек. С кладкой самих стен, выполненной из мелких грубо обработанных камней, они перевязываются благодаря укладке крупных блоков в вертикальной рядовке в виде зубчатой штрабы. Угловые блоки стен хорошо заметны были у юго-восточного выступа, где два блока периметральных стен располагались выше забутки сохранившегося выступа. На других углах над угловыми выступами, куда врезались наружные углы периметральных стен молитвенного шва храма, четко обозначались только углубления их лож в виде плоско обработанных горизонтальных поверхностей нижележащих блоков. Такая же система кладки наружных плоскостей стен из относительно мелких туфовых камней, фланкируемых на углах крупными известково-каменными блоками, встречается на фасадах восьмигранного яруса соседней Никольской церкви, являвшейся первоначально мавзолеем с восточной стороны исследуемой мечети. Сходство с последней в системе кладки (см. ниже), возведенной в 30-х годах XIV в. (Воскресенский, Смирнов, 1966, с. 257) указывает на возможность реконструкции стен мечети в один общий строительный период с созданием мавзолея.

Углы стен храма конструктивно усиливались также закладкой в толщу забутовки дубовых связей.

Так, в толще западной стены (на изломе возвышения ее кладки у южного угла) и северной стены (на изломе такого же возвышения у западного угла) при исследовании обнаружены были два отверстия диаметром около 25 см, расположенные горизонтально на высоте около 1,5 м от уровня пола и идущие по направлению углов. Предположение о возможности сообщения их в углах с отверстием смежной стены привело к выявлению, путем зондирования, аналогичного отверстия на той же высоте в западной стене на изломе у северного угла, которое должно было стыковаться с отверстием в северной стене. Как показал зондаж этого угла, оба отверстия сообщались, но располагались со смещением относительно друг друга по вертикали на 3-5 см. На их стыке в каналах сохранились остатки сгнившего дерева, а сами стенки каналов, представлявшие собой в сечении неправильную окружность, сохранили следы обмазки известковым раствором. Судя по всему, здесь была закладка двух бревен диаметром около 25 см, скрепленных друг с другом обычной врубкой. У юго-западного угла перекрестного продолжения канала вдоль западной стены на вертикальном изломе южной стены не было обнаружено

Рис. 174. Консервация и реставрация Соборной мечети. Фото 1973 г.

ввиду того, что этот излом здесь отстоит от угла на большем расстоянии (около 4 м), чем предыдущие изломы (около 3 м). Это говорит об установке деревянных связей не по всему периметру стен, а только в ее углах и длине закладных бревен, составляющих приблизительно 3 м. Дерево играло конструктивную роль и в основании стен: под их фундаментами выявлены были дубовые сваи диаметром 7-12 см, длиной 70-80 см, забитые в материковый грунт на расстоянии 20-25 см друг от друга в целях его уплотнения. Тщательная кладка углов храма, с закладкой в них дубовых связей, свидетельствует также о том, что первоначально стены не нуждались в угловых контрфорсах. Во всяком случае, до пристройки при реконструкции угловых выступов стены на этих участках не имели контрфорсных выступов. Это было установлено зондированием основания наиболее разрушенного северо-восточного выступа: траншея, прорубленная в его монолитной толще вдоль поверхности западного фасада над цокольным выступом до его угла, не обнаружила древнего контрфорса. Одновременно на стыке стен у этого угла наблюдался небольшой уклон вниз горизонтальных рядов кладки восточной и северной стен мечети. Незначительное отклонение в северо-восточную сторону имеет и сам выступ. Это указывает на сложную деформацию – одновременное оседание угла храма с северо-восточным выступом и отклонение восточной стены храма наружу, очевидно, от действия распорных усилий бывших аркад (см. ниже) над опорами внутри молитвенного зала.

Поверхность каменных стен и снаружи и изнутри была оштукатурена известково-песчаным раствором с той же примесью мелкой каменной крошки, как и в растворе кладки третьего строительного периода. Не штукатурились только те части фасадов, которые имели резной декор по относительно ровной поверхности прямоугольных каменных блоков, а также блоки, которые обрамляли проемы

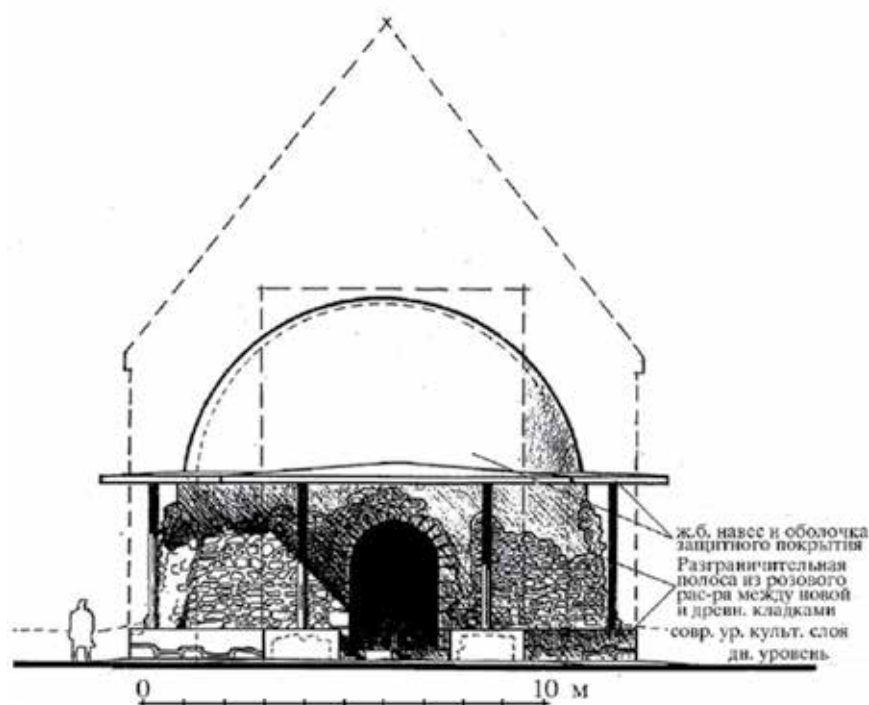

Рис. 175. А) Проект консервации и фрагмент реставрации южного фасада Монастырского погреба по первоначальному облику, реализованный во второй половине 1960 – начале 1970-х гг.

входов и окон с резным декором. Последние, как указывалось, покрывались лишь известковой побелкой. Следы внутренней штукатурки частично сохранились на юго-западном углу и у западного входного проема, а четкие следы наружной штукатурки были обнаружены лишь при зондировании кладки угловых выступов – оснований бывших северо-восточной и юго-западной башен, за которыми они сохранились на поверхности периметральных стен. Следы наружной штукатурки выявились также в двух декоративных нишах, основания которых были обнаружены при обследовании западного фасада. Как показали зондажи, пятигранные ниши располагались по бокам входа, чуть ниже уровня пола, и были в свое время заложены такой же по характеру кладкой на высокопрочном растворе, как и стены самой ниши. Закладка ниш указывает на реконструкцию фасада, могущую произойти только после возведения стен с нишами, т. е. уже в четвертый строительный период, когда, вероятно, были пристроены и башни (начало XIV в.). На цоколе юго-восточной башни также были обнаружены следы штукатурки. Таким

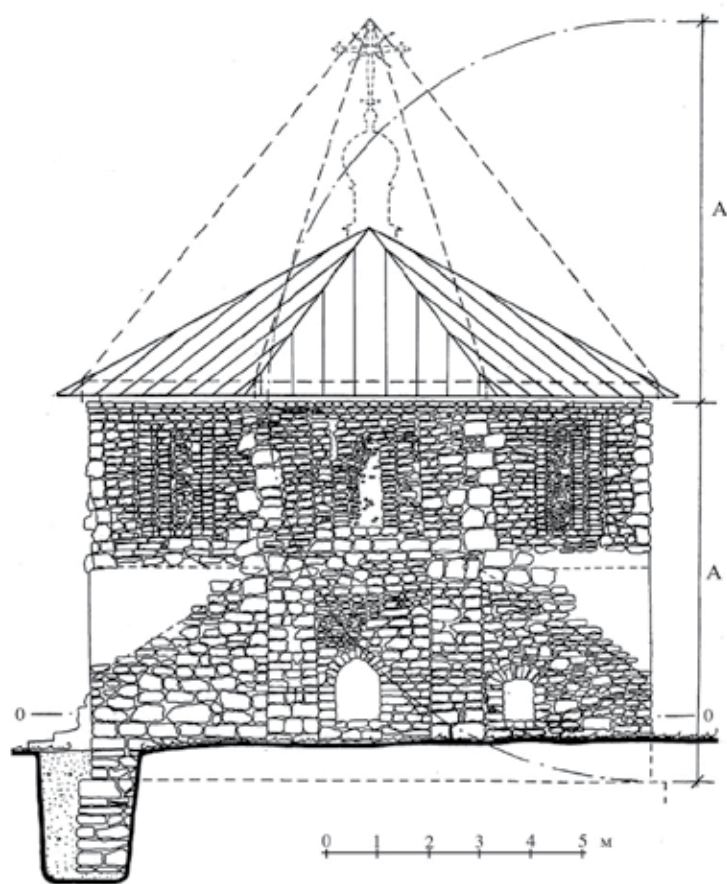

Рис. 176. Б) Никольская церковь (Восточный мавзолей). Пропорциональный анализ высоты позднейшего завершения памятника на обмерном чертеже восточного фасада.

образом, выявлена была наружная штукатурка двух последних периодов – третьего (в нишах и на углах стен) и четвертого (на цоколе башни). Они произведены в два слоя. Первый слой, выравнивающий поверхность грубой кладки, нанесен из относительно менее прочного раствора; второй, наружный слой имеет твердую структуру, легко отслаивающуюся от первого слоя монолитными кусочками толщиной в среднем до 4 см (третий период) и до 2 см (четвертый период). Снаружи штукатурки имеют ровную шероховатую поверхность без следов покраски. Наружный слой третьего периода сохранился до нас благодаря прижатию его позднейшей кладкой углового выступа. Поэтому за пределами угловых выступов оснований бывших башен и указанных ниш второй слой штукатурки нигде на фасадах не встречается, кроме бесчисленного множества

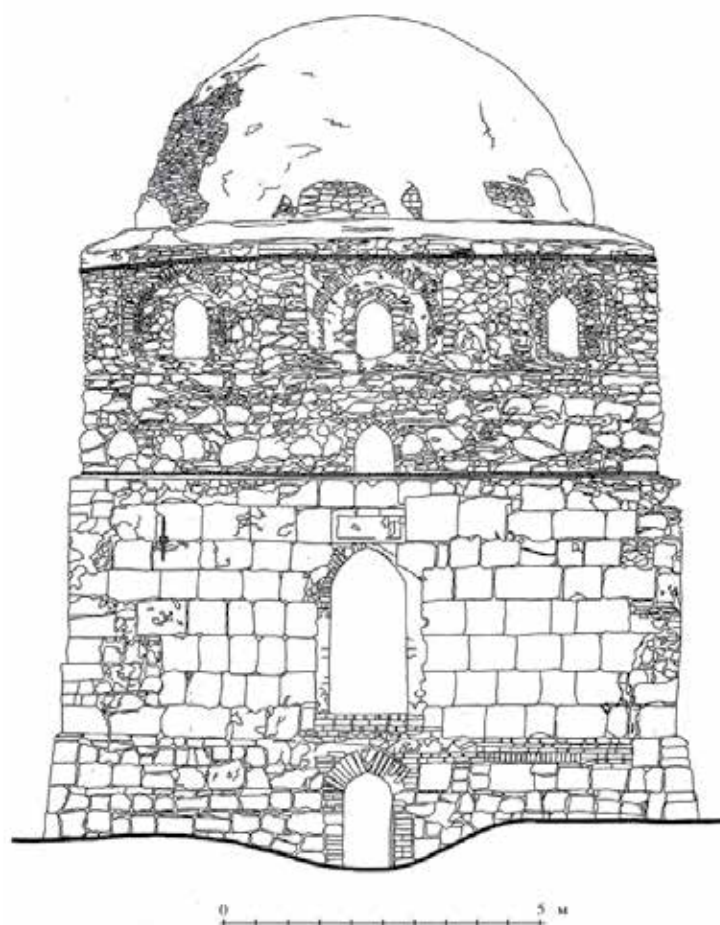

Рис. 177. В) Черная палата. Обмер северного фасада в конце 1950-х гг.

находок в виде расколотых плиток в культурном слое. Местами на стенах заметны следы белого налета от первого, затирочного или подготовительного слоя штукатурки, которые лучше всего просматриваются под культурным наслоением на южном фасаде у мест примыкания бывших юго-восточной и юго-западной башен. Здесь слой сохранился непосредственно над выступом цоколя, захватив и его поверхность. Следы затирки прослеживаются и на цоколе южных стен над уровнем древней дневной поверхности. Контуры налета известны сохранились на некоторых резных и фигурных блоках обрамления отмеченных проемов, свидетельствуя о том, что при штукатурке основной массы стен эти тщательно вытесанные детали просто белились.

Интересной деталью являются сохранившиеся на своих местах крупные горизонтально

уложенные порожные блоки всех трех входных проемов. По краям блоков, с внутренней стороны от самих порожных выступов, обнаружены были высеченные квадратные (10 x 10 см) углубления (2 см) и вставленные в некоторые из них чугунные пластинки квадратной формы в плане и с круглым (Д – 2 см), сужающимся книзу углублением (до 1,5 см) в центре для вставки головки вращающегося упора дверной створки. Следовательно, исчезнувшие двери созданы были без деревянной коробки, а сами створки дверей могли быть также металлическими. Чугунные пластинки толщиной до 2 см заклинены были в квадратных углублениях расплавленным оловом. Блоки же оснований оконных проемов, располагавшиеся на уровне дверных порожных блоков, на своих первоначальных местах не сохранились, а боковые стенки самих проемов выделяются обкладкой, как уже отмечалось, из крупных аккуратно отесанных прямоугольных блоков, как на дверных проемах. О существовании некогда подоконных блоков можно судить по следам известкового раствора (с каменной крошкой), которым залита вся нижняя плоскость бывшего юго-западного оконного проема, с отпечатком ложа выпавшего подоконного блока. Такие блоки

удалось обнаружить среди завала камней в культурном слое под проемами только юго-западного и юго-восточного окон. Они были близки по размерам указанных дверных порожных блоков с такими же боковыми углублениями изнутри для чугунных пластинок. Стало быть, окна изнутри тоже имели закрывающиеся металлические створки.

Судя по 20 старым зарисовкам⁵ и фотоснимкам⁶, оконные и дверные проемы в древности на фасадной плоскости обрамлялись профилированной каменной кладкой из крупных блоков с орнаментальной резьбой. Несколько таких деталей со следами профиля и резьбы было обнаружено и извлечено из кладки поздней ремонтной облицовки юго-восточной башни. Принадлежность одного из них к очень низкому (на уровне соседнего дверного порога) подоконнику юго-западного окна была установлена путем прикладки их ко всем предполагаемым участкам. После графической реконструкции еле заметных следов орнаментальной резьбы другого проема выявилось сходство их мотивов с орнаментом одного из некогда реконструированных В. И. Корсунцевым проемов (место и назначение проемов автором не указаны). Это помогло связать два найденных блока в одно композиционное звено с ранее найденным подоконным блоком от юго-западного окна и удостовериться в правильности установки их на свои первоначальные места.

Аналогичным путем, но пользуясь вышеуказанными фотоснимками, было найдено местоположение правого орнаментированного блока от западного входа. Характер блока показывает, что художественная трактовка обрамления входа была иной, чем окна. Она не совпадает и с рисунком В. И. Корсунцева по реконструкции второго неизвестного проема Четырехугольника и тем самым указывает на то, что реконструкция В. И. Корсунцевым второго проема относится не к входному, а к одному из следующих оконных проемов, которые

Рис. 178. Фрагмент блока с резным орнаментом. Известняк. XIV вв. Болгарское городище. БГИИМЗ.

⁵ Сохранилось несколько набросков художника Т. Н. Сафронова, исполненные в 1892 г. (архив КСНРПМ) и рисунки реконструкции низа двух неизвестных по местоположению на руинах проемов и детали главного портала, использованные художником В. И. Корсунцевым (Казан. музейный вестн. № 5-6). Приведены в рукописной монографии автора исследования (Айдаров, 1968).

⁶ Снимки начала XX в., выполненные неизвестным фотографом (архив КСНРПМ). Приведено в рукописной монографии автора исследования (Айдаров, 1968).

Рис. 179. Соборная мечеть и Большой минарет. Вид с востока.
Фото после реставрационных работ начала 2000-х гг.

декоративно оформлялись, по всей очевидности, по-разному. От схемы реконструкции В. И. Корсунцевым второго проема найден был один блок, представляющий собой лишь часть орнаментального профиля. Точное местоположение его установить не удалось, так как блок этот, судя по его профилировке, располагался в несохранившейся верхней угловой части декоративного обрамления окна, свидетельствуя о том, что верхнее окаймление окна было не арочным, а прямоугольным. Это обстоятельство также представляет интерес для опыта реконструкции боковых фасадов сооружения. Не определено пока точное местоположение и ряда других резных блоков и известковых стальных вставок, найденных у северного портала. Эти детали в настоящее время выставлены в экспозиции местного музея.

Касаясь северного портала, можно отметить, что выявленный восточный пилон его сохранился на один ряд выше западного, возвышавшегося от уровня предпорожней площадки на высоту одного ряда крупных тщательно отесанных облицовочных блоков. На восточном пилоне отмеченный вышележа-

щий второй внутренний (лежащий ближе к оси портала) ряд облицовочных блоков имеет значительный отступ к западу, обнажая свою широкую горизонтальную поверхность, служившую, судя по всему, сиденьем. Внутренние блоки западного пилона также очень широки и тоже, очевидно, предназначались для бокового сиденья в преддверной зоне портала. Такие выносные порталы с внутренними боковыми сиденьями довольно часто встречаются в восточной культовой архитектуре сельджукского периода. Над такими сиденьями на боковой внутренней поверхности пилонов обычно располагаются небольшие нишки пятигранной формы в плане, украшенные сверху резными пальметками, вписанными в по-

лукупол стрельчатого арочного завершения. На данном участке болгарского памятника следов таких нишек не обнаружено ввиду малой высоты сохранившейся части пилона. Но указанное стрельчато-арочное завершение с вписанными в полукупол пальметками было обнаружено в культурном слое возле Четырехугольника еще раньше данного исследования и хранится в экспозиции местного музея. Таким завершением оформлялись, возможно, и вышеуказанные нишки (пятигранные в плане), обнаруженные на западном фасаде здания. В портале же вдоль сидений у подножий тянутся невысокие (8-10 см) квадратные выступы, служившие, очевидно, опорами для укладки тесового настила перед входом. Кладка самого пола портала сверху двукратно затерта прочным раствором, отличающимся по цвету. Северная граница пола под обмазочными слоями выложена из более крупных тесаных блоков, немного выступающих (2-3 см) за плоскость северного фасада портала. Возможно, под ними когда-то располагались такие же аккуратно отесанные блоки предлежащих ступеней, отсутствующие на всех трех фасадах,

несмотря на значительное возвышение входных проемов. В культурном слое не были обнаружены остатки и деревянных ступенчатых входов. О существовании некогда каменных (или деревянных, что менее вероятно) ступеней согласно исследованиям 1960-х годов можно судить лишь по следам щебеночно-известковой вымостки площади перед главным фасадом здания: у самого портала она огибает свободную от вымостки прямоугольную площадку размером 220 x 76 см. Блоки ступеней могли быть разобраны при строительстве соседей Успенской церкви, основание которой выложено из остатков древних каменных построек и могильных эпитафических плит.

Тщательному обследованию была подвергнута центральная часть южной стены у места

предполагаемой алтарной ниши храма. Несмотря на разрушение этой части почти до уровня пола, а в восточной половине даже ниже пола на 7-30 см, здесь была выявлена особенность, позволяющая утверждать существование ниши михраба. Дело в том, что кладка, сохранившаяся в западной половине южной стены на высоту одного ряда (7-20 см), на расстоянии около 1,4 м до продольной оси помещения и оси предполагаемой ниши обрывается в виде дугообразного очертания в плане, которое, начинаясь перпендикулярно внутренней плоскости стены, образует начало неправильного полуокруга коробового очертания, направленного в толще забутки стены почти до наружных облицовочных блоков. При этом внутренний облицовочный камень на месте начала закругления

Рис. 180. Большой минарет после восстановления. Фото начала 2000-х гг.

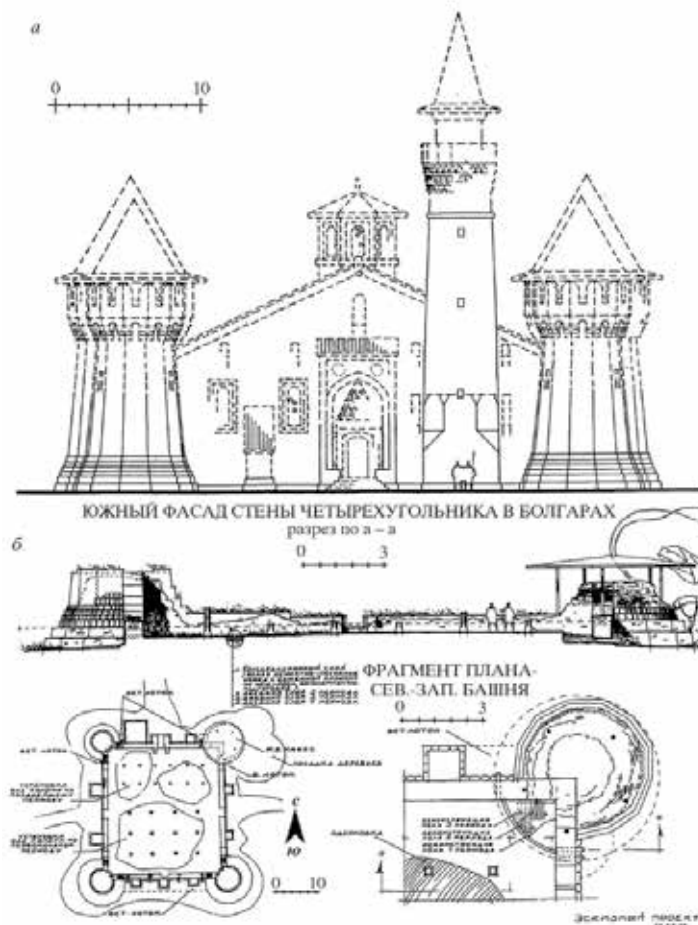

Рис. 181. Соборная мечеть по итогам исследования середины 1950-1960-х гг.

А) Утраченный облик с пристроенными башнями. Опыт научной реконструкции главного фасада на начало XIV в.;

Б) Проект консервации и фрагментарной реставрации, реализованный в 1960-1970-х гг.

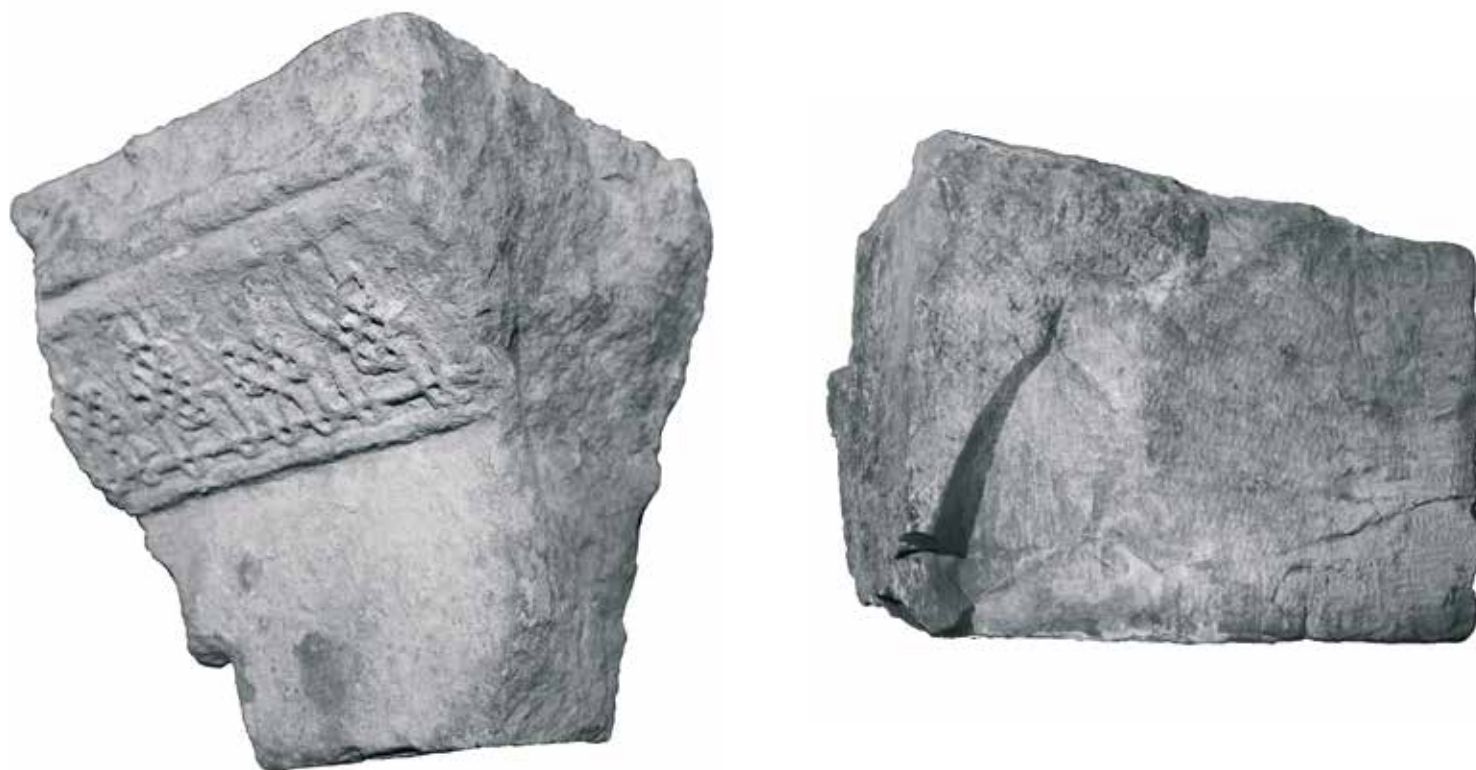

Рис. 182. Строительные блоки оформления Соборной мечети. Известняк. Вторая половина XIII–XIV вв. Болгарское городище. БГИАМЗ.

уложен на ребро и своей длинной стороной не вдоль, а перпендикулярно плоскости стены, что отличает его расположение от расположения остальных камней этого ряда, имеющих более крупные размеры и форму, близкую к неправильному квадрату в плане. За этим крайним облицовочным блоком два камня забутки своим местонахождением определяют указанную овальную границу, которая отделяет забутованную неровную в горизонтальной плоскости часть кладки от относительно гладкой поверхности, расположенной внутри очертания над нижележащей (на 6–8 см ниже уровня пола) кладкой. А эта ровная поверхность напоминает ложе укладки крупного тесаного блока, непосредственно образующего облицовку более узкой михрабной ниши, в плане полукруглой или, что вероятнее, многогранной, по типу пятигранных ниш на западном фасаде. Углубление ниши, конечно, ослабляло конструктивно южную стену. Попыткой компенсировать это ослабление, очевидно, и объясняется, в некоторой мере, устройство среднего контрфорса, отсутствующего на других фасадах и имеюще-

го несколько большую (на 35 см) ширину относительно двух боковых контрфорсов южной стены. В восточной архитектуре прием усиления стены у места расположения михрабной ниши фасадным выступом имеет широкое распространение. Как и у некоторых восточных мечетей, тема михрабной ниши в болгарском храме служит лейтмотивом – подчеркивается повтором таких же нишек и на трех «садах»: большой нишей главного портала и маленькими на боковых стенках пилонов этого портала и по сторонам западного и, по всей вероятности, восточного входов. В археологическом раскопе в зоне михраба был обнаружен в культурном слое кусочек мелкодекорированного резного камня, профилированного как фрагмент арочной кривой, немного выступавшей (на 4–6 см) с наружных краев от плоскости стены внутрь помещения. Возможно, он принадлежал к контурному обрамлению михрабной ниши. Этот камень тоже хранится в экспозиции болгарского музея (рис. 178, 182).

Археологическим вскрытием пола и нижележащей субструкции до материка установле-

Рис. 183. «Чертово» городище близ Елабуги. XII в.
Репродукция с картины худ. Ф. Халикова (Фиринат Халиков, с. 26).

но наличие многих слоев. Они располагаются в следующей последовательности (сверху вниз):

1) культурный слой с растительностью – 5-10 см;

2) твердая обмазочная корка известкового раствора с каменной крошкой, растрескавшаяся на мелкие куски и имеющая заметный прогиб между основаниями опор и стенами здания – 0,5-1,0 см;

3) выравнивающая песчано-земляная подсыпка с остатками сгоревшего деревянного настила по лагам, уложенным в строгом порядке по направлению восток-запад, и прослеженная лишь в углублениях прогибов (в местах незначительного прогиба – у стен и оснований опор второй слой лежит непосредственно на четвертом слое) – до 15 см;

4) твердая обмазочная корка известкового раствора с каменной крошкой (по составу одинаков со вторым слоем), растрескавшаяся и имеющая еще больший прогиб – 1-1,5 см;

5) утрамбованное бутощепебеночное основание под известково-песчаной заливкой – до 25 см;

6) песчаная выравнивающая подготовка – около 14 см;

7) культурный слой, перемешанный с известью – около 15 см;

8) галечно-песчаное основание под известковой заливкой – около 10 см;

9) песчаная выравнивающая подготовка – около 9 см;

10) слой со строительным известково-песчаным раствором – около 14 см (Воскресенский, Смирнов, 1966, с. 246);

11) утрамбованная глина – около 30 см;

12) культурный слой золотоордынского периода со следами двух строительных прослоек, образовавшихся

при кладке стен здания (у верхней границы культурного слоя) и их фундаментов и цоколей (у нижней границы слоя), и двумя найденными монетами, позволяющими датировать вышележащую субструкцию 60-ми годами XIII в.;

13) слой пожарища 1236 г.;

14) культурный слой домонгольского периода;

15) материк⁷.

Согласно показаниям золотоордынского слоя, закладка фундаментов (и цоколей) производилась вскоре после нашествия 1236 г., а возведение стен (второй период) и укладка нижних слоев субструкции пола – в 60-х годах XIII в. К слоям 60-х годов XIII в. можно отнести ту часть субструкции, которая лежит под 7-м слоем, образовавшимся, очевидно, в результате некоторого промежутка времени между вторым строительным периодом и укладкой вышележащей субструкции для устройства нового пола, появившегося в третий период. И действительно, нижние слои с 8-го по 11-й пред-

⁷ В указанной статье имеются в виду прослойки на раскопе X.

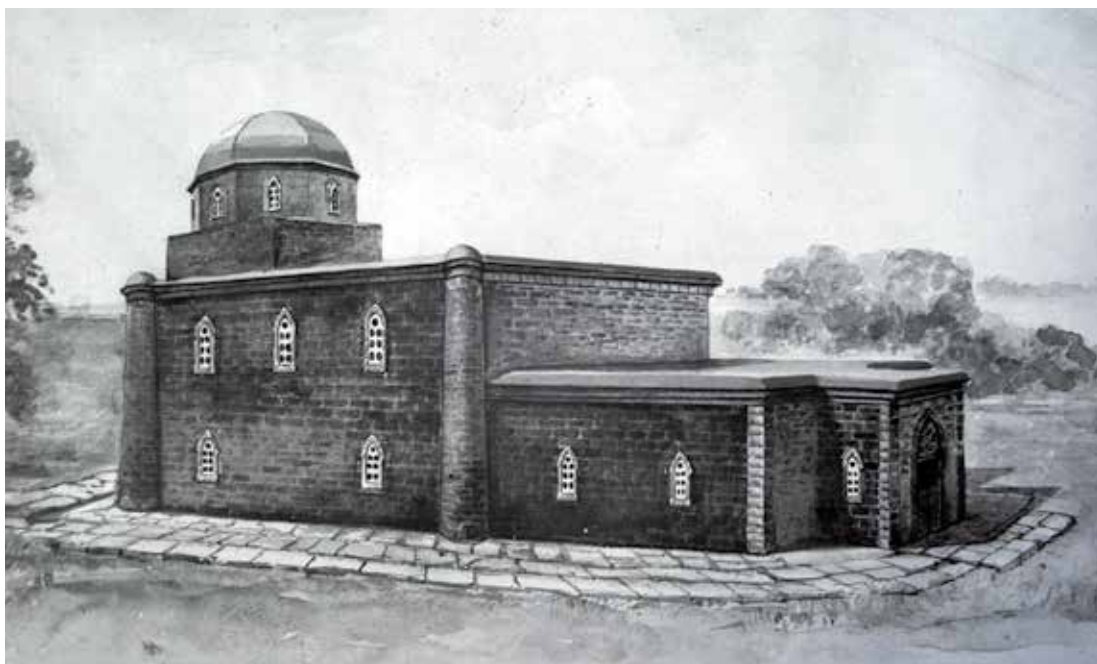

Рис. 184. Здание в Суваре – один из образцов болгарского домостроительства в домонгольское время. Вариант реконструкции.

ставляют собой последовательную и законченную подготовительную основу для укладки первого деревянного пола, а вышележащие, с 6-го по 4-й, составляют такую же основу для укладки деревянного настила уже второго пола, могущего возникнуть лишь во время 3-го строительного периода, когда появился высокопрочный раствор с каменной крошкой, ибо из такого раствора состоит обмазочная корка (4-й слой) этого пола. Следы сгоревшего деревянного настила второго пола сохранились в 3-м слое субструкции, среди выравнивающей подсыпки для следующего, третьего пола. Третий, самый верхний пол также имел деревянный настил. На существование его над верхней обмазочной коркой (2-м слоем) указывают завышения (на 7-10 см) над уровнем последних нижней отметки дверных проемов (помимо порога) и выступов, оставшихся после разборки первоначальных опор (см. ниже): разница в отметках могла появиться лишь после исчезновения верхнего деревянного настила по лагам, располагавшегося на уровне основания дверных проемов и скрадывавшего тем самым указанные выступы. Таким образом, установ-

ливаются три слоя пола, соответствующие трем периодам в строительстве стен. Второй пол связан с кладкой стен третьего периода, расположенных, как отмечалось, выше существующего уровня пола и отличающихся не только составом раствора, но и непосредственным слиянием обмазочной корки пола (4-й слой) с внутренней штукатуркой этих стен у места их стыкования. Третий, верхний пол связан со временем возведения более поздних тамбуров, лежащих на затирочном слое второго пола

и примыкающих непосредственно к штукатурке стен третьего периода. Затирочный слой верхнего пола огибает стенки тамбуров и обрывается у штукатурки стен, большой разрыв в отметках первого и второго полов можно объяснить желанием авторов третьего строительного периода поднять уровень пола докладкой новой субструкции в связи со значительным накоплением вокруг здания культурного слоя за время с 30-х годов по конец XIII в. Наличие трех полов указывает на функционирование мечети в промежутках между тремя последними строительными периодами.

На внутренней площадке руин сохранилось несколько баз от каменных опор перекрытия зала мечети, имевших восьмигранное сечение. Часть баз и ствол одной из колонн сохранились внутри Черной палаты, перенесенные туда в свое время, очевидно, для хранения⁸. Сравнение баз друг с другом показывает наличие нескольких различных по форме и размерам сечения типов опор. Частично это согласуется с первыми результатами археологических раскопок, когда после вскрытия под полом фундаментов пяти опор пришли к предвари-

⁸ На принадлежность их к Соборной мечети указывают В. Ф. Смолин и А. С. Башкиров.

тельному заключению о существовании двух строительных периодов в устройстве опор перекрытия – первоначального, с расстановкой опор по четыре в пяти поперечных рядах и последующего, с расстановкой по шесть колонн в шести рядах. Но поскольку было вскрыто лишь несколько фундаментов, мысль о возможности существования и иной, более сложной композиции в расстановке опор, еще не устранялась. Этому способствовали две причины. Во-первых, над поздним известковым слоем пола наряду с базами поздних колонн возвышались, как было сказано, и выступы квадратных оснований более ранних первоначальных опор, что практически, казалось бы, не должно иметь места, так как при поздней расстановке выступы старых опор должны были быть разобраны до поверхности пола (возможность существования деревянного настила по лагам над этой поверхностью тогда еще не была установлена). Во-вторых, при допущении возможности существования некогда большого светового или купольного отверстия в потолке, размер которого превышал бы модульный шаг поздних опор, некоторые колонны из позднего ритма опор могли отсутствовать, нарушая предполагаемую расстановку из 36 колонн, как, например, в Соборной мечети в Хиве (Воронина, 1958, с. 148) или в мечети Хасана в Рабате (Веймарн, Каптерева, Подольский, 1960, с. 151). Для устранения этих сомнений в следующий сезон (1966 г.) были заложены мной лично, с разрешения археологов, шурфы у каждого предпо-

лагаемого местоположения колонн по системе 4 x 5 и 6 x 6. Подобная разбивка в основе совпала с действительной. Были обнаружены все 20 фундаментов первоначальной планировки (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф) и большинство фундаментов позднейшей расстановки (3, 7, 9, 10, 11, 16, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 35, 36), за исключением трех, существование которых не вызывало сомнений (1, 2, 4, 5, 6, 8, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 22, 29, 32). Но наряду с выявлением искомым 56 фундаментов двух периодов были обнаружены еще 10 фундаментов опор (I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X), усложнявших общую композицию расстановки. Рассмотрим их в хронологической последовательности. Фундаменты 20 опор начальной планировки сложены аккуратной кладкой из крупных слегка подтесанных камней на обычном известково-песчаном растворе с редкой крошкой обожженной глины и угля, как и раствор облицовки стен первых двух периодов. В плане фундаменты близки к неправильному прямоугольнику с размерами сторон около 100-130 см. Только над двумя фундаментами (М, П) сохранились прямоугольные в сечении (85 x 92 и 92 x 92 см) надстройки оснований опор высотой 35 и 45 см, отличающиеся высокой техникой исполнения на таком же по составу растворе, что и нижележащая кладка фундаментов. Надстройки эти имеют вид цоколей опор и состоят из тщательно отесанных зубчаткой блоков с четкими вертикальными гранями. Слой обмазочной корки второ-

Рис. 185. Соборная мечеть в Биле после консервации.

го пола подходит к основанию этих цоколей, располагаясь над выступами их фундаментов, а корка третьего, верхнего пола – немного выше, выявляя верхнюю горизонтальную площадку цоколей на 5-10 см выше. Таким образом, полностью сохранились только два цоколя бывших опор. Первоначально они могли быть и выше, более четко выделяясь над поверхностью деревянного настила пола по лагам. Что касается характера вышележащей части опор, то, судя по находкам в культурном слое небольших каменных блоков, напоминающих угловую часть опоры с тонкой (диаметром около 12 см) трехчетвертной круглой колонкой, она могла иметь форму квадратных в плане столбов с указанными угловыми колонками. Цокольные основания других опор первоначальной планировки или полуразрушены и только частично выступают из-под известкового слоя верхнего, позднего пола (Г, Д, Е, Ж, З, Н, О, Р, С, Ф), из которых только у Г и З заметны следы прямоугольного очертания, или вовсе не уцелели: на месте их лож на растворяном слое прослеживались отпечатки тщательно вытесанных блоков, частично закрывавшиеся обмазочными слоями второго или третьего пола (А, Б, В, И, К, Л, Т, У). Фундаменты этих опор не вскрывались до самого основания, так как это влекло нарушение слоев пола, а исследование их ограничивалось установлением лишь их наличия и местоположения. Поэтому некоторые пунктирные границы фундаментов на обмерном плане⁹ нанесены условно, без указания точных размеров. Налегание же известкового слоя верхнего пола, как отмечалось, на разрушенные части рассмотренных цоколей свидетельствует о том, что в поздний период они не функционировали и были скрыты под настилом верхнего деревянного пола.

Таким образом, время закладки фундаментов опор первой планировки, судя по составу раствора и характеру покрытия их обмазочными слоями двух верхних полов, следует отнести к первым двум строительным периодам. По стратиграфии грунта на археологическом раскопе

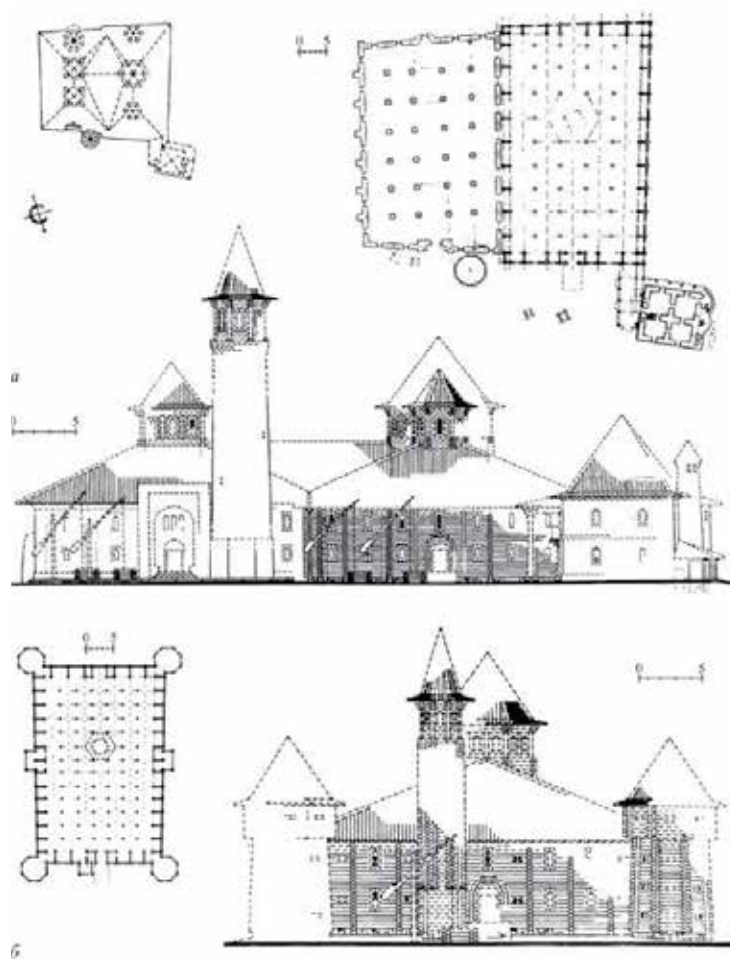

Рис. 186. Айдаров С. С. Опыт реконструкции Соборной мечети Биллярского городища. 1980-е гг.

А) Планы и главный фасад по периоду после первой реконструкции здания в середине X в.;

Б) Планы и главный фасад по периоду первоначального строительства в начале X в.

вдоль поперечной оси здания, включающей четыре фундамента (И, К, Л, М), можно допустить, что часть фундаментов были заложены в первый период, вместе с фундаментами и цоколями самих стен здания. Раствор цокольной надстройки фундаментов опор указывает на принадлежность их также к первым двум периодам, а значительное возвышение их кладки над субструкцией первого, нижнего пола и относительно высокое качество тески зубчаткой – на то, что они являлись видимой частью первоначальных опор, а именно основаниями квадратных в сечении столбов размером порядка

⁹ Архитектурные обмеры исследуемых памятников производились в разные годы совместно с периодически сменявшимися сотрудниками КСНРПМ Л. Деминим, В. Мальковской, В. Петрухиным, В. Семеновым, Г. Христофоровой, З. Шайдуллиным, М. Шаймардановым и студентами КГАСА Ф. Зиганшиной, С. Сизовой и др.

90 x 90 см, возведенных во второй строительный период.

Среди 30 фундаментов первоначальных опор один (Б) имеет свою особенность: он вдвое уширен в поперечном, западном направлении и может служить основанием одновременно двух впритык установленных опор. Вдвое уширенными в том же направлении, но с промежуточными швами кладки и разницей в растворах, являются и пять фундаментов первого западного ряда опор (VI-А, VII-Д, VIII-И, IX-Н, X-С). Причем напротив этого сдвоенного ряда непосредственно к западной стене интерьера примыкают еще пять фундаментов (I, II, III, IV, V) на том же растворе, что и западные половины пяти упомянутых сдвоенных фундаментов (VI-А, VII-Д, VIII-И, IX-Н, X-С). Их известковый раствор имеет частую примесь каменной крошки, как растворы стен третьего и четвертого периодов, а кладка состоит почти из таких же по размерам (чуть меньше) и форме камней, как у предыдущих фундаментов. Углубленный шурф на участке VI-А показывает, что кладка фундамента VI налегает на кладку фундамента А, свидетельствуя тем самым о позднейшем происхождении нерпой. Фундаменты опор, примыкающие к западной стене (I, II, III, IV, V), имеют разграничительный шов как со стеной (второго периода, так как она расположена ниже уровня верхнего пола), так и с ее цокольной частью (первого периода), на которой, собственно, и лежат фундаменты опор ввиду ее большого выступа в сторону помещения (65-70 см), повисая лишь на 5-10 см. Поэтому пристенные фундаменты опор заглублены лишь на 60-70 см, в то время как противолежащие опоры этого ряда (VI, VII, VIII, IX, X) имеют ту же глубину залегания, что и фундаменты первых двух строительных периодов (на 260 см ниже слоя верхнего пола). Появление 10 западных фундаментов (1-X) можно отнести к следующему периоду после закладки фундаментов первых двух строительных периодов, но до появления позднейшей планировки опор из шести рядов по шесть, так как западные фундаменты подчинены пяти рядам первоначальной расстановки опор. Об этом свидетельствуют и проемы западной стены, которые могли возникнуть

только после ликвидации заслонявших их пристенных опор первой планировки. Таким образом, из двух позднейших строительных периодов кладку 10 западных фундаментов опор следует отнести к предпоследнему, третьему периоду. Они появились вместе со стенами на прочном растворе, очевидно, в качестве опор антресолей, дополняя первоначальную планировку опор, и были ликвидированы вместе с последними в связи с созданием оконных и дверных проемов в боковых стенах и общей реконструкцией внутренней планировки мечети в последний, четвертый период.

Взаимосвязь позднейшей расстановки 36 опор с проемами, появившимися в четвертый строительный период, очевидна: соответственно боковым входам выделен поперечный осевой проход между колоннами, а конструктивное ослабление стен этими проемами компенсировано уменьшением распора арок благодаря более частой расстановке несущих их колонн. Боковые проемы и новая планировка опор являются результатом единой реконструкции.

Фундаменты позднейших колонн, за исключением трех (№ 1, 3, 4), выполнены относительно небрежно: представляют собой заброску котлована глубиной до 2 м мелким камнем и кусками затвердевшего раствора с каменной крошкой от забутки и штукатурки более ранних стен, среди которых попадались (№ 4, 5, 10) крупные осколки тесаных деталей колонн и стен, лежащие в случайном наклонном положении. Пространство между такой заброской заполнено песком и тощим известковым раствором с примесью каменной крошки. Поэтому в местах бывших раскопов они легко осыпались и исчезли, сохранив остатки уже в перемешанном грунте (№ 34 и частично 33). Сохранившиеся фундаменты имеют неправильную форму в плане, над некоторыми из них в культурном слое были обнаружены базы бывших колонн (№ 10, 26) или их остатки (№ 16). Такие фундаменты глубже не вскрывались, ибо наличие их не вызывало сомнения. Существование некоторых фундаментов (№ 6, 18, 22) было определено и без производства шурфов, по наличию баз, сохранившихся над фундаментами в культурном слое. Часть

Рис. 187. Установка шатрового покрытия во время реставрационных работ на Восточном мавзолее. Вид с колокольни Успенской церкви.
Фото начала 1970-х гг.

фундаментов (№ 2, 8, 12, 13, 14, 15, 17, 20, 29, 32), располагавшихся под хорошо сохранившимся обмазочным слоем верхнего пола, также не вскрывались, так как существование их подтверждалось вскрытием соседних, связанных с ними в единую симметричную систему. Вскрытие производилось лишь сверху. Полная глубина залегания была выявлена только у фундамента под № 27 (с западной стороны, где имелся старый перекоп). Своеобразием и особой прочностью отличаются фундаменты под № 1, 3, 4. Они прочно залиты жирным раствором с каменной крошкой, и два из них (№ 3, 4) имеют в плане более удлиненную форму, распространяющуюся в направлении главного входа (очертание полностью не выявилось). Их кладка по прочности раствора ближе к кладке фундаментов опор третьего строительного периода. Поэтому возможно, что при расстановке позднейших колонн были использованы в качестве их фундаментов основания и более ранних опор, какими могут быть фундаменты под № 1, 3, 4.

Итак, в создании опор здания мы имеем два капитальных строительных периода и один

промежуточный, когда к первоначальной планировке были добавлены опоры антресолей, располагавшихся вдоль западной стены и, возможно, западной половины северной стены. Помимо 10 выявленных фундаментов, опоры антресолей могли располагаться и над западной половиной фундамента В, и над фундаментами № 1, 3, 4. Аналогичный пример расположения антресолей с западной стороны мечети имеется, кстати, в колонной мечети Бахчисарайского дворца в Крыму. Очевидно, они служили для размещения женского состава молящихся.

Помимо баз над фундаментами (№ 1, 4, 5, 6, 10, 16, 18, 22, 26), на внутренней территории памятника вне исследованных шурфов обнаружено еще восемь баз, располагавшихся в культурном слое. Еще три базы и два блока от восьмигранных стволов колонн этого же памятника хранились, как уже указывалось, в Черной палате. В итоге выявлено 20 баз. Их особенностью является то, что они отличаются друг от друга размерами, формой и качеством обработки. Среди них нет даже двух одинаковых. Например, база над фундаментом № 10 имеет в плане прямоугольную форму размером 33 x 36 см; углы ее верхнего прямоугольника скошены для перехода в восьмигранник. База над фундаментом № 25 в плане составляет 61 x 58 см, выше имеет уступчатый переход на чуть меньший четырехгранник, переходящий наклонными плоскостями, скошенными по углам, в восьмигранник с поперечным размером 35 см. База над фундаментом № 22, сечением и плане 42 x 38 см, имеет кубовидную форму с мало скошенными верхними углами для перехода в восьмигранник ствола колонны. Базы над фундаментами № 1 и 6 в плане квадратные, размером сторон 50 и 40 см, скосами вертикальных

ребер в верхнем сечении образуют восьмиугольник.

К позднему строительному периоду относятся также остатки пристройки внутренних тамбуров, построенных изнутри бывшего многоопорного зала ко всем трем входным проемам, а также кладка четырех указанных угловых выступов оснований многогранных трехчетвертных в плане бывших башен. Остатки стенок тамбуров не имеют фундаментов, располагаются прямо на обмазочном слое второго (среднего) пола и примыкают с боков входных проемов к ранней штукатурке стен храма, сохранившейся только за кладкой этих стенок. На обмерном плане отмечены остатки стенок только северного тамбура, сохранившего по одному нижнему ряду кладки боковых стенок. Стенки двух других тамбуров были вдвое тоньше первого, следы их еле заметны на обмазочном слое второго пола в виде остатков раствора с выемками от укладки грубообработанных камней нижнего ряда кладки всех трех стенок П-образного пристроя. Основания угловых башен на таком же прочном растворе, как и кладка стен третьего и четвертого строительных периодов. Разграничительный шов между периметральными стенами и основаниями башен, а также налегание кладки вторых на цокольный выступ первых, ясно указывают на появление последних после возведения стен третьего периода и позволяют отнести их к реконструкции в позднейший период. В сравнении со стенами третьего периода башни исполнены в более совершенной технике. Для облицовки их выше двух цокольных уширений использован, как частично отмечалось, местный сероватый и ноздреватый туф в виде хорошо отесанных прямоугольных квадратных блоков, пригнанных почти вплотную друг к другу с еле заметными швами. Тонкая пригонка произведена без ущерба прочности кладки облицовки, так как изнутри боковые поверхности блоков скошены вовнутрь, благодаря чему связаны толстым растворным швом, – прием, характерный для строительной техники Закавказья, в частности Армении, еще VI–VII вв. (Всеобщая история архитектуры, 1966, с. 201). Внутри башни монолитные – заполнены крупным бутлом, уложенным постелисто, и залиты

Рис. 188. Большой минарет. Вид со стороны Северного мавзолея. Фото начала 2000-х гг.

известково-песчаным раствором с более крупной каменной крошкой и редкой примесью крошек обожженной глины и угля. Как показал упомянутый выше зондаж северо-восточной башни, произведенный вдоль восточной периметральной стены храма, в нижних частях забутка основания бывшей башни менее прочная, с более редкой каменной крошкой и с большим составом крошек обожженной глины и угля. Грани бывших башен книзу расширяются и в основании образуют несколько надцокольных уступов. Сами цоколи выложены из грубообработанных камней и были оштукатурены таким же по составу раствором, как и стены храма. Следы штукатурки, как уже отмечалось, сохранились в обоих цокольных выступах юго-западной башни у мест примыкания

Рис. 189. Традиционный татарский дом в середине XX в. Казахстан (http://www.vkoem.kz/images/stories/content/LBK/etnograficheskii_kompleks/zhilischa_narodov_malochislennyh_jetnograpp_VKO/tatarskaja_usadba/1.jpg).

их к западной стене здания. Глубина заложения фундаментов башен примерно одинакова с заложением фундаментов стен, она колеблется в пределах 220-240 см. Под ними, так же как под периметральными стенами, обнаружены деревянные сваи. Северные башни отличаются от южных чуть меньшими размерами по диаметру и соответственно меньшим количеством граней и надцокольных уступов. Если диаметр оснований южных 11-гранных башен равен 10 м, то северных 10-гранных башен – 8 м. Ввиду расположения их на более низком уровне земли на южных башнях по шесть горизонтальных уступов, на северных – по пять. На различии башен, очевидно, сказывались неровный рельеф местности и трактовка фасадов здания. Так, две северные симметричные башни, расположенные на высокой части рельефа по бокам главного фасада с Большим минаретом и выносным порталом, имеют, соразмерно расчлененным небольшим объемам этого фасада, меньшие размеры, а две южные башни, расположенные в пониженной части местности по углам несколько более протяженных и высоких фасадов, представляющих собой относительно более крупные нерасчлененные

поверхности, решены крупнее. В этом, как и некоторых других приемах, сказывается высокий профессионализм создателей сооружения.

Существуют две гипотезы о первоначальном облике храма: по реконструкции А. С. Башкирова и Н. Ф. Калинина угловые выступы являются основаниями высоких минаретов, по реконструкции В. В. Егерев – контрфорсами некоего базиликального сооружения. Вероятность первой гипотезы совершенно справедливо отвергается В. В. Егеревым как по конструктивным, так и по функциональным соображениям: «... в контрфорсы (угловые выступы) врезаны внутренние углы зала, по-

этому минареты были бы сдвинуты кнаружи, центрирование их было бы нарушено и вызвало бы неизбежный крен. Если предположить устройство угловых минаретов, то становится непонятным наличие у северной стены мечети пятого минарета, стоящего рядом с угловым (на расстоянии 2 м), что с архитектурной точки зрения совершенно недопустимо» (Егеров, 1958, с. 377). С этим доводом, пожалуй, согласились бы и сами авторы первой гипотезы, если бы знали о точном местоположении Большого минарета, ибо их предположение основано на допущении, что он располагался отдельно от мечети и не входил в объем четырех минаретного храма. Завершение пятью минаретами функционально могло иметь место только при громадных по площади дворовых мечетях, как, например, известные средневековые мечети Мекки и Медины, позволяющих расстановку минаретов на достаточном отдалении друг от друга. А в качестве же чисто декоративного приема высокие угловые минареты в архитектуре восточных мечетей появляются сравнительно позже создания болгарской мечети. В Болгарах угловые башни в плане превышают размер Большого минарета и композицион-

но доминируют над всеми остальными элементами храма, свидетельствуя о том, что они несут не подчиненно-декоративную, а весьма определенную функциональную нагрузку. Вероятность второй гипотезы, высказанной В. В. Егеревым, также подвергается сомнению. Служить контрфорсами угловые выступы могли лишь косвенно, выполняя иную, более важную функцию, ибо для конструктивной роли достаточно было сделать

их примерно такими же по размерам, как существующие прямоугольные контрфорсы, хотя особой необходимости в усилении углов при направленности распорных усилий аркад в продольном и поперечном направлениях и не было. Противных аргументов по определению назначения угловых выступов мы не встретим только при признании за ними главным образом оборонительной функции. Их назначение – служить крепостными башнями на случай нападения неприятеля – подтверждается соответствующими аналогиями как в местной архитектуре (мечеть X в. на Билярском городище и мечеть-крепость XII в., на Чертовом городище близ Елабуги), так и в зарубежной (мечеть Мутаваккиля IX в. и Самарре близ Багдада). Традиция в создании укрепленной мечети могла сохраниться у волжских болгар со времени официального принятия ими мусульманской религии в 922 г., когда по просьбе болгарского царя багдадским

Рис. 190. Юрты тюркского (слева) и монгольского (справа) типов – один из источников болгарского домостроительства (по Руденко С. И. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 176).

Халифом были присланы первые проповедники Ислама и строители мусульманских культовых и крепостных сооружений (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939). Монолитность изнутри, особая прочность нештукатуренной облицовки, многогранность, уширение стен книзу и внушительность объемов угловых выступов свойственны крепостным сооружениям. Ступенчатое расширение низа башни, могущее служить хорошим приспособлением для рекошетирования сбрасываемых сверху каменных ядер, дает основание предполагать существование вверху башен, под завершающими их боевыми зубцами, машикуль, широко распространенных в то время в крепостных постройках Средней Азии, Закавказья, Крыма, в странах Центрального Востока¹⁰. Все это говорит о том, что башни болгарской укрепленной мечети соответствовали общему уровню развития военного искусства XIII–XIV вв. и могли противостоять орудиям метательной

¹⁰ Стены и башни крепости Кишессу в Мидии (VIII в. до н. э.), замка Тигнис (IX–X вв.) и монастыря Ечьмиадзина в Армении, замков Апшерона в Азербайджане (XIII–XIV вв.), боевые башни Чечено-Ингушетии (XII–XVII вв.), стены и башни г. Йезда в Иране (XII–XIV вв.), Самарканда в Узбекистане (XV в.), башни с уширенным основанием крепостей Судака и Чембало в Крыму (XV в.) и др. Иллюстрации сооружений приведены в монографии автора (Айдаров, 1990).

Рис. 191. Консервация фундамента здания «караван-сарая» в Биляре.

артиллерии и стенобитным машинам. Косвенное указание на это мы находим в сообщении татарского писателя XVI в. Хюсам-Эддина Булгарского о том, что при взятии города Булгара золотоордынский хан, «приказав разбить каменные укрепления унпием (тараном), бросил их на дно Волги» (История Татарии в документах и материалах, 1937, с. 43).

Реконструкция мечети была завершена в конце 30-х – начале 40-х годов XIV в. ликвидацией располагавшихся вокруг деревянных построек и вымосткой прилегающей территории (Воскресенский, Смирнов, 1966, с. 257). Раскрытие пространства вокруг храма отвечало фортификационным требованиям – созданию экспланады у крепостных башен и противопожарным мерам – удалению от окружающей деревянной застройки города.

В итоге натурного исследования остатков бывшей Соборной мечети устанавливается следующая последовательность в ее строительстве.

Первый период (30-е – начало 40-х годов XIII в.) – начало строительства: закладка основания стен до высоты цокольного выступа и части фундаментов опор первой планировки.

Второй период (60-е годы XIII в.) – кладка стен выше цоколя, завершение кладки фундаментов опор и постановка на них квадратных в сечении столбов первой планировки, укладка субструкции нижнего пола, возведение Большого минарета и завершение строительства в первоначальном виде.

Третий период (конец XIII – начало XIV в.) – первая реконструкция после сильного разрушения, вызванного, вероятнее всего, пожаром: кладка новых стен выше уровня пола на более прочном растворе с каменной крошкой (на микробетоне), поднятие субструкции для нового (среднего) пола, устройство антресолей вдоль западной и частично северной стены храма. Возможно, в этот период столбы опор были заменены восьмигранными колоннами толщиной 48-50 см, что позволялось при новом составе раствора кладки.

Четвертый период (начало 40-х годов XIV в.) – вторая реконструкция после очередного пожара: устройство оконных и дверных проемов в боковых стенах, пристройка тамбуров и угловых башен, перепланировка внутренних опор, укладка нового пола, закладка наружных декоративных ниш, а также благо-

устройство прилегавшей территории путем ликвидации деревянных построек и создание тем самым экспланады, строительство двух каменных мавзолеев (поминальных мечетей) перед северным и восточным фасадами здания (исследование их см. ниже) с вымосткой пространств между ними. Имеется большая вероятность включения в этот ансамбль и других несохранившихся каменных построек, одна из которых, например, могла располагаться на месте существующей Успенской церкви, другая – на месте разобранного в 1950-х годах старого кирпичного здания, разместившегося напротив западного фасада Соборной мечети.

Аналогии и опыт реконструкции утраченного типического облика памятника.

Как показывают результаты натурных исследований, обнаруживается большая стилистическая общность архитектуры болгарского сооружения с архитектурой культовых зданий стран Ближнего и Среднего Востока, где господствующей религией был ислам. Единство канонизированных принципов объемно-планировочной организации культовых зданий в этих странах, способствовавшее распространению общности в их архитектуре, коснулось и Волжской Болгарии. В то же время при наличии общих черт архитектура каждой страны восточного мира была связана со своими местными культурными традициями и обладала чертами локального своеобразия. Эта двойственность – сочетание общего и частного – была закономерна для сооружений исламского культа. Приобщившаяся к культуре стран мусульманского Востока сравнительно позже (начало X в.), Волжская Болгария восприняла архитектурные типы культовых зданий, с одной стороны, уже в сложившемся в период Арабского халифата VII–IX вв. виде, с другой – имея совершенно иные, северные природно-климатические условия, своеобразие культурные традиции и возможности строительной техники. Отпечаток этого на архитектуре исследуемого памятника выразился в том, что он независимо от принадлежности к определенному типу восточных мечетей не имеет идентичного сходства ни с одним из известных архитектурных памятников восточного мира, обнаруживая главным образом фраг-

ментарную и общетипологическую аналогию с некоторыми из них. То есть, несмотря на общность, он имеет свою индивидуальность, позволяющую говорить о наличии определенных черт и местной архитектурной школы.

Из четырех распространенных типов восточных мечетей в классификации автора данного исследования (Айдаров, 1968) болгарская мечеть относится ко второму типу, к типу зальных мечетей. В этой типологической группе она принадлежит к подгруппе с несколько рядными внутренними опорами и одним асимметрично встроенным минаретом. Среди множества восточных мечетей на первое место по совокупности аналогичных признаков можно поставить мечети Узбека в Солхате (Крым) (рис. 205, 206) и Султана Алаеддина в Конии (Турция) (Массон, Пугаченкова, 1950, с. 89). Эти два памятника ближе остальных стоят к болгарскому и по хронологическому признаку. Мечеть Узбека в Солхате построена в 1314 г., что примерно совпадает с периодами первой и второй реконструкции болгарского храма (конец XIII – начало XIV в.), когда прямоугольные столбы его внутренних опор были заменены восьмиугольными колоннами, почти идентичными по размерам и форме солхатским. Большое сходство с солхатской мечетью обнаруживается также в двух резных и одной лепной сталактитовой деталях, обнаруженных в культурном слое недалеко от порталной ниши болгарской мечети. Это обстоятельство важно для выяснения первоначального места обнаруженных деталей и реконструкции входа болгарской Соборной мечети. Мечеть Султана Алаеддина в Конии была основана в начале XIII в. Но рассматриваемая нами ее зальная часть с 44 колоннами, несущими шесть рядов аркад, с трапециевидным планом, чуть расширяющимся к югу (как у болгарской мечети), и с минаретом, расположенным у северного входа, является результатом несколько более поздней реконструкции, которую, по аналогии с другими постройками можно отнести ко второй половине XIII – началу XIV в. Из всего этого следует, что первоначальный облик исследуемой Соборной мечети без угловых башен принадлежал к подгруппе восточных зальных колонных

Рис. 192. Консервация и реставрация Соборной мечети. Вид на южный фасад со стороны юго-запада. На втором плане – здание Восточного мавзолея. Фото 1973 г.

мечетей с одним асимметрично встроенным минаретом. Помимо двух рассмотренных мечетей в Крыму и Турции, одним из наиболее ранних сохранившихся примеров этого типа храма является также мечеть Ануче в Ани (Закавказье, XII в.) (Арутюнян, Сафарян, 1951, табл. 100). Позднейший облик Соборной мечети с угловыми башнями, поскольку возник он в результате реконструкции, понятно, не может быть отнесен к рассматриваемой подгруппе. По наличию крепостных башен он может иметь аналогии лишь по фрагментарному сходству нововозведенных частей с родственными элементами в культовых и крепостных постройках ближайших стран мусульманского Востока. Как отмечалось, сам принцип постановки крепостных башен на углах мечети в Волжской Болгарии имел место еще в домонгольский период (первоначальный деревянный облик мечети на Билярском городище (рис. 186), каменная крепость-мечеть на Чертовом городище) и мог быть занесен туда еще выше указанными представителями из Арабского халифата – зодчими в составе багдадского посольства, прибывшего в начале X в. для «обучения волжских болгар строи-

тельству культовых и крепостных сооружений». В этом отношении соответствующим по хронологии прототипом и аналогом полукрепостного облика нашего храма может служить мечеть Мутаваккиля в Самарре под Багдадом (IX в.) (рис. 201). В позднейшей восточной архитектуре мы не встречаем сохранившихся образцов такого типа мечетей с непосредственно примыкающими крепостными башнями (рис. 203).

Имеются примеры укрепления окружающими крепостными стенами лишь целых комплексов сооружений культового назначения. К ним принадлежат: комплекс, состоящий из мечетей и мавзолеев, того же Султана Алаеддина в Ионии (Массон, Пугаченкова, 1950) и культовый комплекс Ханеги на реке Пирсагат в Азербайджане (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963, с. 75-80) состоящие из мечети, усыпальницы, минарета и других построек (рис. 223).

Кстати, болгарская мечеть при позднейшей реконструкции также образовала комплекс с двумя мавзолеем и, возможно, другими, несохранившимися постройками. И в этом отношении, по градостроительной ситуации, указанные памятники также входят в число относительно близких аналогий (рис. 204).

Все они образовались реконструктивно вокруг доминирующего минарета, каждый применительно к своим местным условиям, в силу чего не могли иметь визуальную схожую композицию.

Аналогия с рассмотренными крымским, турецким и закавказскими сооружениями, относительно близкими по времени возник-

новения, простирается шире. Так, например, угловые башни болгарской мечети родственны башням азербайджанских донжонов¹¹ в отношении общих размеров, утонению кверху, монолитности нижнего яруса и расположению входа на 2-м ярусе, тщательности кладки на высокопрочном известковом растворе с добавлением каменной крошки. Сам Большой минарет (как, впрочем, и Малый) по тяжести пропорций и трактовке форм также носит черты, роднящие его с крепостными башнями, и близок к типу ранних азербайджанских минаретов. К последним относятся: минарет мечети Мухаммеда в Баку (XI в.), минарет близ Шамхора (XII в.), минарет той же Ханеги на реке Пирсагат (середина XIII в.), минарет в селении Шихово (XIV в.), мечети в Дербенде (XIV в.), Джума-мечеть в Бакинской крепости (XV в.) и др. (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963). Главное отличие болгарских минаретов от азербайджанского типа – характер шатрового завершения, в чем они роднятся больше с крымскими и турецкими (малоазиатскими сельджукскими).

По четкости выделения обеих осей в принципе прямоугольного плана и по центральному выносному portalу на главном фасаде, фланкированным угловыми башнями, болгарская мечеть родственна укрепленным караван-сараям Рабат-и-Малик в Узбекистане (XI в.) и Дая-Хатын в Туркмении (XI в.) – древнейшим полукрепостным гражданско-культовым сооружениям Средней Азии, а так же позднейшим тимуридским мечетям и медресе (Всеобщая история архитектуры, 1966), угловые башни которых ко времени их создания приобрели уже декоративную функцию. Болгарское сооружение с угловыми башнями крепостного назначения в данном ряду

среднеазиатских построек является промежуточным звеном архитектурной эволюции, подтверждающим существующее мнение о генетической связи порталных мечетей, на углах фланкированных башенками, с формами более ранней крепостной архитектуры (рис. 203).

Значительное расширение основания угловых башен исследуемой мечети напоминает также мощный пахсовый цоколь крепостных башенных сооружений Средней Азии более ранних периодов, хотя у болгарских оно трактовано не с общим уклоном, а ступенчато, соответственно каменному строительному материалу.

В итоге сравнительного анализа, устанавливается, что по материалу кладки, техническим и декоративным приемам болгарская Соборная мечеть ближе к каменным постройкам Закавказья, Крыма, Малой Азии, Северной Месопотамии. В то же время в архитектуре данной мечети, особенно в ее позднейшем облике, нашли отражение объемно-компози-

Рис. 193. Северный мавзолей. XIV в.
А) До реставрационных работ в 1950-е гг.

¹¹ Донжоны замков Апшерона в селениях: Мардакян (XIII–XIV вв.), Нардаран (XIV в.), Римана (XIV в.).

ционные черты, присущие постройкам Средней Азии в основном золотоордынского периода, а также местные традиционные приемы (см. реконструкции Соборной мечети и крепости-мечети в Билярском и Чертовом городищах). В целом архитектура исследуемого памятника составляет своеобразную стилистическую ветвь восточного зодчества, сложившегося в относительно пограничном с указанными странами географическом регионе Поволжья в золотоордынский период развития (рис. 200, 207).

Рис. 194. Северный мавзолей. XIV в.
Б) После реставрации и консервации 1970-х гг. Вид с юго-востока.

НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ (ВОСТОЧНЫЙ МАВЗОЛЕЙ КОМПЛЕКСА СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ)

Состояние памятника до исследования. Свое странное название мусульманское культовое сооружение, являвшееся усыпальницей типа монументального каменного мавзолея, приобрело после приспособления его разрушенных остатков в конце XVII – начале XVIII в. под церковь Св. Николая. Последняя была упразднена в 1732 г. в связи с постройкой по соседству новой Успенской церкви, существующей и поныне. С тех пор исследуемый памятник использовался под нужды основанного здесь Успенского монастыря, а позже, после перевода монастыря в 1764 г. в г. Чебоксары, находился в запустении. Известно, однако, что в 1899 г. он был отремонтирован. В плане здание квадратное, со средними размерами сторон 10,5 x 10,5 м. Внутреннее помещение покрыто сферическим сводом, который опирается на невысокий изнутри восьмигранный ярус, переходящий благодаря пирамидальным tromps в нижний прямоугольный ярус – чет-

верик. Внутреннее членение отражено снаружи: с помощью угловых надтрюмповых срезов нижний четверик так же плавно переходит в верхний восьмерик (рис. 209).

Существовавшее над зданием до 1965 г. завершение – низкая восьмискатная железная кровля по деревянным стропилам – позднее. Наружный восьмерик декорирован по центру сторон, за исключением южной, неглубокими уступчатыми прямоугольными нишками, в которые вписано по оси еще по одной стрельчато-арочной нишке с овальным очертанием в плане. С западной стороны нижнего четверика по центру располагается прямоугольный проем входа, с трех остальных сторон – примерно такие же по величине стрельчато-арочные окна. На восточном фасаде справа от центрального окна имеется еще одно маленькое окошечко с коробовым очертанием верха; по бокам центрального окна выступают два прямоугольных контрфорса высотой до уровня второго яруса, поддерживающие заметно покосившуюся в эту сторону стену. Внутреннее помещение сохранило следы штукатурки, на углах его установлены акустические голосни-

ки в виде утопленных в кладку шарообразных керамических сосудов с узким горловым отверстием. В центре чердачного пространства располагаются стойки деревянных опор, покоящиеся на общем цилиндрическом кирпичном возвышении над древним каменным сводом. Центральные опоры несли (до повреждения от урагана 1965 г.) тяжесть наклонных стропил и церковной главки с железным крестом и глухим деревянным барабаном, обитым листовым железом.

В 1965 г. главка была устранена в целях предотвращения дальнейшего роста существующей распорной деформации памятника. Стены здания облицованы из отесанных и грубоотесанных (в основном в нижних частях) блоков двух пород – известняка и местного известкового туфа.

Анализ историко-литературных сведений. Сооружение упоминается у тех же авторов, которые оставили сведения по Четырехугольнику. Наиболее ранним является «Выпись с межевых книг» по Успенскому монастырю, составленная в 1712 г. Л. Михайловым, где сказано: «Да возле тех четырех палат (несколько возвышавшихся угловых выступов руин Со-

борной мечети. – С. А.) пятая круглая, в которой ныне назначена Никольская церковь; а мерою та палата длины и ширины по четыре сажени без полуаршина, вышины четырех сажень». П. С. Паллас и А. Шмит предполагают, что эта палата в древности являлась мечетью, Кафтанников и Второв принимают ее за кладовую, И. Березин и большинство исследователей называют ее молельней. В. Ф. Смолин указывает на необходимость установления назначения постройки путем более детального обследования. Любопытны указания Кафтанникова и Второва на то, что первоначально постройка не имела оконных проемов, а вход располагался не с западной стороны, а с южной, через «полукруглую дверь», впоследствии переделанную в оконный проем; при переделывании помещения под церковь были сделаны еще два окна с восточной стороны и одно с северной. Указывается также, что внутри здания имеются иконостас, престол и деревянный пол; над сводом – деревянная крыша. И. Березин предполагает, что первоначально внутреннее помещение освещалось только через отверстие в куполе, ныне якобы заделанное. В. В. Егоров обращает внимание на надгробный

камень, выявленный внутри здания при ремонте 1888-1890 гг. Надпись на камне, лежащем над сводом склепа, гласит о том, что здесь погребена «Сабар-Ильчи, дочь князя Бураша, умершая 4 июня 1291 г.» (Катанов, 1905, с. 263-268).

Из графических материалов относительно лучшими и ценными являются схематичные обмерные чертежи А. Шмита (план, фасад, разрез) и рисунки в публикациях Кафтанникова и Ф. Х. Эрдмана.

Натурное исследование. Древние части стен представляют собой кладку, состоящую

Рис. 195. Северный мавзолей. XIV в.
В) После консервации начала 2000-х гг.

Рис. 196. Ханская усыпальница. XIV в. Вид с запада. На переднем плане реставрированный фундамент Большого западного мавзолея.

из двух рядов облицовки из мелких отесанных туфовых камней и промежуточной забутки (рис. 176).

Наружные углы восьмигранного яруса сооружения закреплены более крупными туфовыми блоками, перевязанными с мелкими туфовыми блоками зубчатой штрабой в вертикальной порядовке. Такими же крупными блоками, по всей очевидности, были закреплены и наружные углы нижнего четырехгранного яруса сооружения, кладка которого нарушена поздними ремонтными хаотичными облицовками из грубоотесанных разномерных известковых камней вперемешку с туфовыми на известковом и цементном растворах. Древний известково-песчаный раствор отличается содержанием в своем составе мел-

кодробленной каменной крошки, примеси угольной крошки, а также большой прочностью; в забутке и кладке фундамента древних стен каменная крошка включена вперемешку с крошкой обожженной глины. Из крупных, тщательно пригнанных друг к другу блоков, выполнена обкладка южного оконного проема. Раствор ее такой же, как у облицовки древних стен (с каменной крошкой), но с некоторым потемнением с поверхности, должно быть, от дыма. Низ этого окна – подоконник – представляет собой позднюю заклад-

ку из мелкого камня (не туфа) на обычном известковом растворе без каменной крошки, с частой примесью крошек незагасившейся из-

Рис. 197. Южный фасад Ханской усыпальницы до реставрационных работ. Фото 1950-х гг.

Рис. 198. Вид с западной стороны на руины комплекса Ханской усыпальницы и фасада его центрального сооружения. Фото после археологического раскрытия в 1968-1969 гг.

вести и очень редкой крошкой угля и обожженной глины, попавшей в раствор при обжиге известняка. Вертикальный шов между закладкой подоконника и боковыми стенками проема уходит вниз, в толщу культурного наслоения. Все это согласуется с мнением авторов XIX в. (Кафтанникова, Второва), что вход в здание первоначально располагался с южного фасада. Существующий южный, частично заложенный стрельчато-арочный проем и являлся древним входом бывшего мавзолея. Остальные проемы нижнего четверика перестроены целиком в пределах поздней кладки из каменных блоков (вперемешку с туфовыми, попавшими от разборки ранней кладки в этих местах), имеющих в обкладке проемов меньшие размеры, чем блоки древнего южного проема, и отесанных в другой, более грубой технике. Раствор кладки вокруг этих проемов обычный известковый, с темно-коричневым оттенком. О позднем происхождении их свидетельствуют также несовпадение осей центрального восточного и северного окон с осями расположенных над ними ниш восьмигранного яруса, иная кривизна арочных завершений и идентичность их кладки облицовке западного, явно позднейше-

го, прямоугольного входного проема, устроенного при закладке южного проема. К позднему времени относятся также восточные контрфорсы: их кладка состоит из грубоотесанных известковых камней, не перевязанных с туфовой облицовкой стены, и выполнена на обычном известковом растворе, более светлом по тону, чем раствор обкладки поздних оконных проемов. Но выступы контрфорсов появились до устройства су-

ществующих окон: поздняя кладка с окнами простирается только до выступов и образует здесь вертикальный разграничительный шов с древней туфовой облицовкой фасада, сохранившейся за контрфорсами. Фасады восьмерика декорированы нишками, за исключением южного, бывшего входного фасада, где ниша отсутствует, а сама облицовка этой стороны памятника примерно с половины высоты восьмигранного яруса до основания нижнего в средней части носит характер грубой вырубki бывшего выступа. Предварительное сравнение исследуемого сооружения с мавзолеями Средней Азии, Закавказья, Крыма и других регионов восточного мира XIII–XIV вв. приводит к предположению о возможности существования здесь первоначально порталной ниши. Разведывательный неглубокий шурф, произведенный еще в 1965 г., вскрыл у основания южной стены следы двух пилонов – остатков боковых стен порталной ниши, примыкающей к древнему входу. Это подтвердило гипотезу тех авторов, которые усматривали в этом здании усыпальницу (мавзолей). В 1966 г. на этом месте археологами были заложены два глубоких раскопа: один – по оси здания, другой – у

юго-восточного угла мавзолея. Результаты показали, что южный портал, шириной около 5 м, отступает от стены на 2,5 м. Раствор кладки двух сохранившихся рядов надфундаментной кладки пилонов из хорошо отесанных крупных каменных блоков (как в обкладке южного проема) портала известковый, с примесью каменной и частично угольной крошки. В забутке каменная крошка встречается пополам с крошкой обожженной глины и с незначительной частью крошек незагасившейся извести. Раствор фундаментов портала и стен у юго-восточного угла здания отличается от раствора самих стен и портала более низким качеством (меньшей твердостью), желтоватым оттенком, наличием большого количества крошек незагасившейся извести и меньшим количеством каменной и обожженной глиняной крошки, что вполне естественно для подземной части кладки. Примерно такой же состав, как раствор фундаментов, имеет раствор вымостки мелким камнем территории между усыпальницей и руинами соседней Соборной мечети. Уровень вымостки расположен чуть выше первоначального дневного уровня, что указывает на несколько

более позднее происхождение ее относительно времени возведения самого здания. По археологическому заключению, создание мавзолея относится к началу XIV в., ко времени завершения реконструкции Соборной мечети; вымостка, объединившая эти здания, появилась в конце 30-х годов XIV в. (Воскресенский, Смирнов, 1966, с. 257). Некоторое несовпадение археологической даты с датой (1291 г.), указанной на найденной внутри мавзолея могильной плите, видимо, можно объяснить тем, что строительство усыпальницы было начато спустя некоторое время после самого захоронения. Как показали археологические раскопки, мавзолей построен на территории кладбища, переставшего функционировать после завершения строительства этого мемориального сооружения (Бачинский, 1939), рассчитанного, по всей вероятности (об этом свидетельствуют раскопки 1990-х годов), не на одно захоронение.

На фасадах мавзолея поверхность туфовых блоков стесана недостаточно ровно, гораздо грубее, чем у туфовых блоков облицовки башен Соборной мечети, которые, как выяснилось,

не штукатурились. Эта разница указывает на то, что поверхность стен мавзолея могла быть оштукатуренной. И действительно, остатки штукатурки сохранились в углублениях прямоугольных и вписанных в них стрельчато-арочных нишах восьмерика. Ее состав примерно такой же, как у раствора древней облицовки. У завершения стен восьмерика по бокам фасадных сторон имеется по одному подквадратному углублению, большинство которых сквозные, сообщаются с чердачным пространством. Исследование

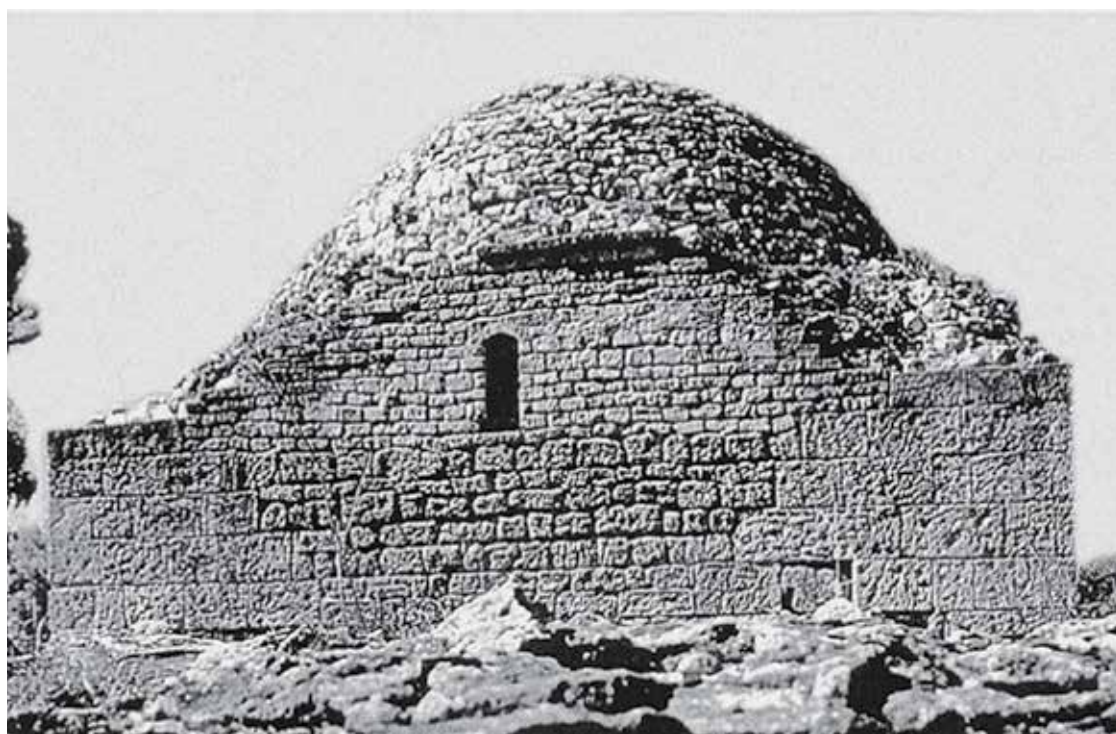

Рис. 199. Восточный фасад центрального сооружения комплекса Ханской усыпальницы после завершения работ по консервации и фрагментарной реставрации.

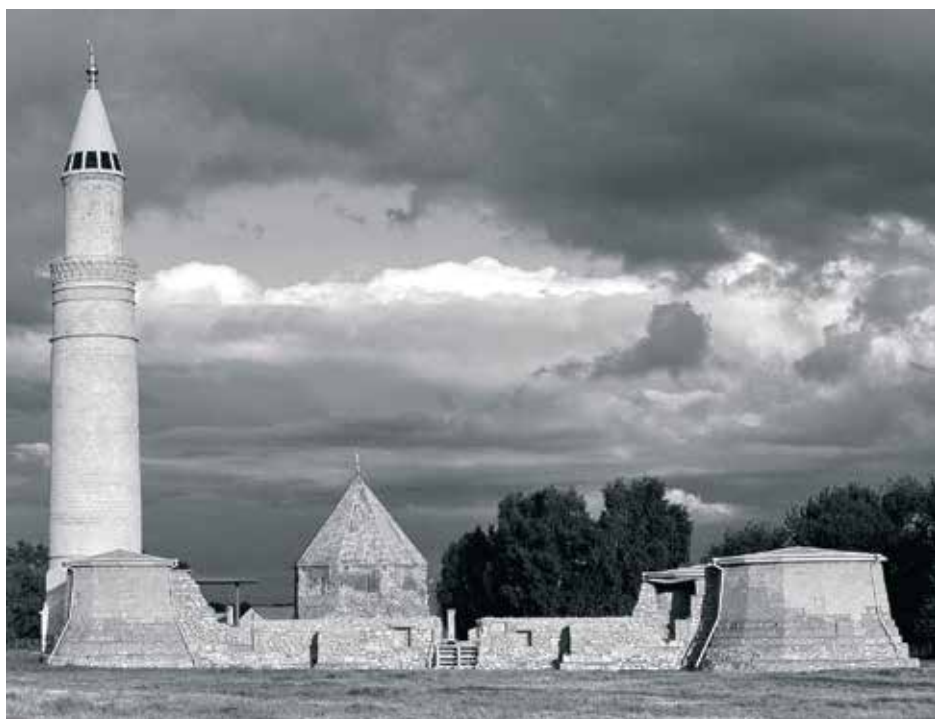

Рис. 200. Соборная мечеть и Большой минарет со стороны восточного фасада. Фото после консервационных работ начала 2000-х гг.

одного из них (северного на восточном фасаде) показало, что в толще кладки стен отверстие закруглено в виде неправильной окружности в сечении таким же прочным раствором, как раствор кладки самих стен. С поверхности раствор закопчен дымом, а на изломе белый. Как видно, для устройства отверстия при возведении стен в кладку закладывались бревна диаметром около 20 см для строительных лесов. Изнутри здание облицовано такими же мелкими туфовыми блоками на известковом растворе, с каменной крошкой. На фоне потемневшей древней кладки резко выделяются обкладки поздних оконных и дверных проемов, которые внутри усыпальницы выполнены из крупномерного кирпича в расчете на покрытие штукатурной обмазкой. По характеру примыкания к ним древней кладки чувствуется, что первоначально на месте поздних окон располагались проемы более низких окон по оси каждой стороны интерьера, за исключением южной. Особенно четко это прослеживается на северной стене, где за пределами кирпичной обкладки позднего проема видно несколько клинчатых туфовых блоков арочного завершения бывшего окна. Судя по всему, древние

окна располагались по двум центральным осям с трех сторон здания. Внутри помещения, особенно в нижних частях стен, имеется множество поздних ремонтных заплаток из камня разных пород на обычном известковом и цементном растворах. В относительно хорошем состоянии сохранился купол, сложенный целиком из аккуратно пригнанных туфовых блоков. Следов верхнего отверстия в куполе, о существовании которого предполагал И. Березин, не обнаружено. Внутренняя штукатурка сохранилась фрагментарно главным образом на поверхности купола и восьмигранного яруса. Деревянный пол и иконостас, упоминаемые Кафтанниковым и другими исследователями XIX в., утрачены. Пол земляной, очевидно неоднократно перекопанный местными жителя-

ми в поисках костей для существовавшего на территории городища в XIX в. селитряного завода. Во всяком случае, пол очень рыхлый: местами лом при ударе легко уходит в землю.

Большой интерес представляют стены бывшего мавзолея внутри чердачного пространства. Первоначальные стены на уровне чердака надстроены более узкой по толщине поздней кладкой из камней на обычном известковом растворе. Под этой надстройкой были выявлены три ряда древней кладки, возвышающиеся над чердачным полом до 50 см. Последние изнутри облицованы туфовыми блоками таким образом, что углы восьмигранника заметно нависают внутрь, теряяверху четкость тупого угла. Кладка вышележащего ряда здесь незначительно нависает над нижележащим. Если коснуться метровой линейкой внутренней поверхности всех трех рядов кладки этих углов, то выявляется общий уклон их внутрь, направленный на вершину более высокого пирамидального чердачного пространства. Это указывает на существование некогда шатрового восьмигранного каменного (туфового) завершения мавзолея. Поскольку угол между плоскостью основания и ребром пирамиды боль-

ше, чем угол между первым и апофемой (осевой линией бокового треугольника) пирамиды, то и распорное усилие каменного шатра в этих углах превышало такое же усилие вдоль плоской стороны гранного шатра. Конструктивно это и компенсировалось утолщением древней кладки в углах чердачного пространства.

В итоге проведенного исследования устанавливается, что первоначально, в начале XIV в., данный памятник представлял собой шатровый мавзолей с выносным порталом в виде приводимой реконструкции.

Аналогии памятника. Первоначальный облик исследуемого памятника в сопоставлении с обширным кругом мемориальных построек стран мусульманского Востока принадлежал к весьма распространенному типу шатровых мавзолеев с выносным порталом (рис. 211).

Хронологически и отчасти композиционно близкими аналогиями являются следующие мавзолеи: Байтак в Казахстане (XI–XII вв.) (рис. 210), Фахреддина-Рази в Хорезме (XII в.), Юсуфа, сына Кусейира, в Азербайджане (XII в.) (рис. 212) (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963), безымянной в комплексе уже отмеченной выше мечети Султана Алаеддина в Кании (XIII в.) (Сарре, 1910, рис. 179), Сеидов в Амоле (XIII–XIV вв.) (Массон, Пугаченкова, 1950), безымянный в Куме (XIII–XIV вв.) (Массон, Пугаченкова, 1950) и др. На этих примерах можно проследить, что шатер в целях уменьшения распора строится очень крутым, составляя около 60–65 градусов. Родственные мотивы срезки наружных надтроповых углов четве-

Рис. 201. Мечеть Мутавакиля в Самарре близ Багдада (Арабский халифат, IX в.). Фото начала XX в. – один из фрагментарных аналогов Четырехугольника – Соборной мечети Болгара.

рика болгарского мавзолея можно видеть в таких ранних беспортально-шатровых образцах, как мавзолеи Гунбад-е-Сурх в Марате (XII в.) (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963), Назир-ул-Хак в Амоле (XV–XVI вв.) (Массон, Пугаченкова, 1950), Гюлистан в Азербайджане (XIII в.) (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963), Большой в Ахлате (XIII в.) (Массон, Пугаченкова, 1950) и др. (Диц, 1915).

Что касается портала, то композиция портално-шатрового типа мавзолеев специфична, по словам известных исследователей восточной архитектуры, «только для Средней Азии и нигде в других странах не встречается». Генетические корни их прослеживаются в погребальных обычаях и обрядах северных среднеазиатских народностей в Киргизии, Казахстане, на юге России, в Приволжье, Сибири. Это не могло не оказать определенного воздействия и на архитектуру волжских болгар, имевших этническое родство с указанными народностями (Хлебникова, 1970, с. 61, 62, 66).

В болгарском мавзолее портал выносной: выделен объемным элементом, пристроенным

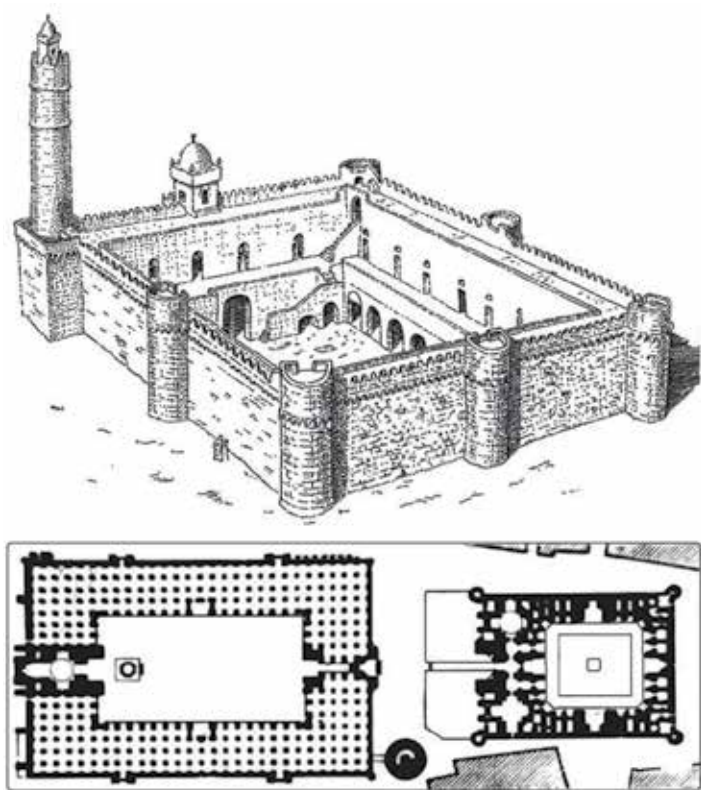

Рис. 202. Фрагментарные аналоги Соборной мечети.
А) Крепость-мечеть в Сусе (Тунис, IX в.).
Б) Мечеть Калян в Бухаре с медресе напротив
(Средняя Азия, XII–XVI вв.).

к главному фасаду. Вынесение портала в мавзолеем строительстве Средней Азии наблюдается примерно в одно время с возведением исследуемого памятника. Это видно на примере портално-шатровых мавзолеев Хорезма¹² – Наджм-ед-дина Кубра и Тюрабек-Ханым в Куня-Ургенче (рис. 208), построенных при привлечении Кутлук Тимура (1321-1333) (Бачинский, 1939, с. 71), и портално-купольных мавзолеев Киргизии – Южный и Восточный в Касане (Засыпкин, 1930, с. 62-73). С этими постройками болгарский памятник имеет еще большее типологическое (Хорезм) и планировочное (Касан) родство, хотя при детальном рассмотрении между ними наблюдается и резко выраженное различие, указывающее на

локальную вариацию портално-шатрового типа мавзолея в Болгарах. По технике исполнения и фрагментарному сходству он близок к каменным постройкам Закавказья, Крыма, Малой Азии. Так, например, родственные мотивы срезки наружных надтрюмповых углов четверика болгарского мавзолея можно видеть в указанных беспортально-шатровых образцах – в мавзолее Гюлистан в Азербайджане и Большом Ахлатском мавзолее в древней Армении (вторая половина XIII в.). Последний имеет некоторую общность с нашим памятником и в части декора второго яруса фасада арочными нишками. Портально-шатровых мавзолеев в этих странах мы не встречаем, а порталы в купольных мавзолеех наблюдаем в постройках более позднего времени, чем болгарский памятник. Из них следует особо отметить крымский мавзолей Мухаммед-Шах-бея (вторая половина XIV в.) (Засыпкин, 1927, с. 129). Он аналогичен болгарскому не только в планировке и выносном порталном решении входа, но и в расчленении основного объема здания на наружный четверик и восьмерик идентичным срезом углов над трюмпами.

Но при всем этом ближайшей аналогией болгарского памятника является башкирский мавзолей Кэшэнэ у селения Чишма (Калимуллин, 1956, с. 13-33). Очевидно, это не случайно, так как в раннем средневековье башкиры находились в подчинении волжских болгар и под воздействием их культуры. Это позволяет рассматривать мавзолей Кэшэнэ, расположенный в западной части Башкирии, как проявление болгарской архитектурной школы, не лишенной, возможно, и некоторого местного своеобразия (рис. 216, 217).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в основе объемно-планировочной структуры исследуемого памятника лежит типичная ячейка, распространенная в большинстве стран восточного мусульманского мира. По детальным признакам он принадлежит к местной архитектурной школе, составляющей своеобразную ветвь восточной мусульманской архитектуры в условиях региона Среднего По-

¹² Изображения аналогичных памятников и их деталей в архитектуре других стран приведены в рукописных монографиях автора (Айдаров, 1968).

Рис. 203. Бывшая мечеть XII–XIII в. в поселке Мертола (Португалия) – близкий аналог Соборной мечети в Болгаре.
А) Внешний вид.

волжья, одним из наглядных подтверждений чему служит то, что из всей совокупности существующих аналогий, представленных в данной работе, лишь частично, наибольшее сходство с болгарским мавзолеем имеет только башкирский памятник, принадлежащий к той же архитектурно-строительной школе.

МОНАСТЫРСКИЙ ПОГРЕБ (СЕВЕРНЫЙ МАВЗОЛЕЙ КОМПЛЕКСА СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ) (рис. 193, 194)

Состояние памятника до исследования. Данные руины сохранились с нечетким очертанием наружных стен изнутри квадратного в основании помещения, аналогичного нижней части интерьера Никольской церкви. Нижняя часть наружных стен выполнена очень неровно из грубо сколотых небольших камней и напоминает забутку между облицовочными кладками толстых стен, из которых наружная облицовка не сохранилась. Забутка произведена из камней разных пород и на различных по составу известковых растворах. Верхняя часть

стен снаружи хаотично, а изнутри плавно, благодаря пирамидальным tromпам, переходит в восьмиграннык, выполненный из грубо отесанных блоков, представляя внутреннюю часть некогда более толстых стен, утративших внешнюю облицовку и частично промежуточную забутку между ними. В южной стене имеется арочный проем входа, обложенный крупными тесаными блоками, а внутри помещения по центру каждой из остальных

стен заметны закладки камнем трех небольших оконных проемов со стрельчато-арочными завершениями и обкладкой тесаными камнями более крупных размеров, чем камни поверхности самих стен. На поверхности внутренних стен заметны также следы бывшей штукатурки, а по бокам каждой стороны восьмерика – голосники, как в Никольской церкви. Относительно последней, помещение Монастырского погреба имеет меньшую высоту подкупольной части, но несколько более крупные размеры в плане. Над руинами — низкое восьмискатное бесчердачное покрытие в виде железной кровли по деревянным стропилам, выполненным в 1889 г. для защиты памятника от атмосферных осадков (рис. 193).

Анализ историко-литературных сведений. В упомянутой выше «Выписи... 1712 года» указывается на мемориальное назначение постройки и на несколько больший размер ее в плане относительно Никольской церкви: «Да посторон тех палат еще палата четвероугольная, в которой есть и каменя кладбищныя с татарскою надписью, длиною и шириною по четыре сажени с аршином». Упомянутым Каф-

танниковым указывается, что снаружи здание сверху «имеет осьмиугольный вид; палата эта, как заметно, была со сводом, который теперь уже обвалился, ... вход в палатку с юга, через полукруглую дверь, и окошек нет, кроме фальшивых внутри». Далее отмечается, что «близ дверей снаружи по обе стороны видны признаки бывших галерей... Во время существования здесь монастыря палатка эта служила ему вместо погребца». Такие же примерно сведения и у упомянутого Второва. А. И. Березин полагает, что здание служило усыпальницей. Что касается Ф. Х. Эрдмана и некоторых других авторов, то они указывают на неправильную «круглую» форму здания в плане, переходящую в восьмиугольник. Совершенно по-иному описывает этот памятник В. В. Егоров: «... этот памятник, в отличие от других, снаружи сохраняет на всю свою высоту кубическую форму, а восьмигранный подкупольный переход виден лишь внутри постройки, как это явствует из чертежа, снятого архитектором А. Шмитом с натуры в 1827 г.». Противоречие с указаниями большинства предшествующих авторов относительно наружной формы руин кроется в неверной расшифровке В. В. Егоровым схематичного изображения А. Шмитом фасада памятника: представление о «кубичности» наружной формы может создаться лишь в случае, если не обращать внимание на обозначение на руинах теней, которые на чертеже А. Шмита очерчены не резко и потому остались в данном случае незамеченными. Исходя из вытекающей отсюда неверной предпосылки, В. В. Егоров предположительно ставит памятник в один ряд с другими «кубовидными» постройками: «... этот тип усыпальниц в дальнейшем, по-видимому, получил очень большое распространение, начиная от Болгара, в котором усыпальница такого вида воспроизведена у Паласа (имеется в виду Ханская усыпальница. – С. А.), и кончая в Касимове». Относительно остатков кладки

при входе в здание, не сохранившихся до нас, Н. В. Егоров и В. Ф. Смолин соглашались с мнением Кафтанникова о принадлежности их к бывшим галереям.

Помимо схематичных обмеров фасада, плана и разреза здания, выполненных Л. Шмитом, встречаются схематичные рисунки руин в описаниях Ф. Х. Эрдмана, Кафтанникова и других авторов, дающих менее наглядное представление о памятнике.

Натурное исследование. Как указывалось, фасады памятника утратили ясность выражения внутренней объемно-планировочной структуры. Натурным исследованием, связанным с выявлением и устранением поздних каменных докладок на фасадах, устанавливается, что их кладка действительно представляет собой промежуточную забутку между сохранившейся внутренней и несохранившейся наружной облицовками. Поздние ремонтные докладки произведены были снаружи до высоты, немного превышающей сохранившееся внутри основание разрушенного первоначального купола. Таким образом, существующая в верхних частях наружной кладки облицовка, хаотично переходящая в очень низкий восьмерик, не связана в единую, первоначально

Рис. 204. Б) Интерьер <http://en.wikipedia.org/wiki/Mértola>.

заложенную систему с внутренней туфовой облицовкой и представляет собой позднюю накладку для закрепления верха разрушающихся стен и устройства горизонтально ровной подготовительной основы для укладки мауэрлата защитной железной кровли по деревянному каркасу. Камни поздней кладки по цветовому оттенку (холодно-серому), структуре (более плотной) и обработке (грубой) близки к обкладке позднейших каменных проемов соседней Никольской церкви. При докладке по центру каждой стороны позднего восьмирика под самым мауэрлатом оставлены щелевидные световые проемы, заложенные позднее более грубой каменной кладкой. Раствор кладки наружного позднего восьмирика обычный известковый, в то время как раствор древней забутки включает большое количество мелкой каменной крошки и по составу одинаков с растворами кладок стен Никольской церкви и позднего периода Четырехугольника. Как и у последних, забутка данного памятника состоит из небольших неровно сколотых кусков камня и туфа. Существование утраченной наружной облицовки было установлено разведывательным шурфом у юго-восточного угла здания еще в 1960 г. В 1966 г. Т. А. Хлебниковой у юго-восточного угла мавзолея был заложен археологический раскоп, подтвердивший наличие наружной облицовки на высоту 3-4 рядов над древним фундаментом (рис. 220). При мысленном подъеме наружной облицовки и по очертанию ее древней забутки параллельно внутреннему четверику и восьмирику, а затем еще выше, параллельно предполагаемому надкупольному чердачному пространству, легко представить снаружи ту же композиционную форму, которую имеет первоначальный облик

Рис. 205. Мечеть Узбека в Солхате (Крым, 1314 г.)
http://islam-today.ru/islam_v_mire/mecet-na-monetah/.

Никольской церкви. Изнутри на поверхности древнего восьмирика в одном месте (над юго-западным тропом, у голосника) были обнаружены особенно четкие следы древней штукатурки. С трех сторон, помимо входной, раскрыты были под указанной поздней каменной закладкой древние оконные проемы, имеющие стрельчато-арочное завершение и обложенные более крупными тесаными блоками из обычного известкового камня на всю глубину стен (рис. 219). Размеры их значительно меньше размеров поздних окон Никольской церкви и, возможно, такие же, как и более ранние. Интерьеры обоих памятников идентичны по форме, отличаясь лишь размерами.

Входной проем Монастырского погреба расположен не строго по оси здания, он смещен, как и противолежащий северный оконный проем, к востоку. Небольшое смещение относительно осей имеют и остальные окна здания. Такое же незначительное смещение входа к востоку имеет и Никольская церковь. Кроме того, входные арки обоих памятников выложены из равномерных блоков, среди которых встречаются и каменные и туфовые, тщательно

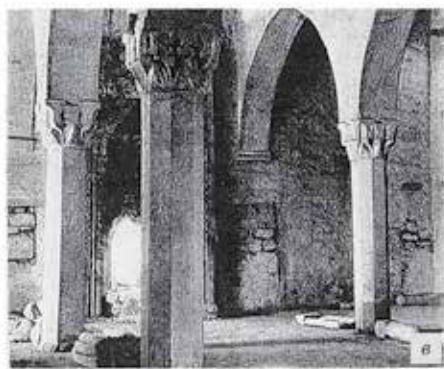
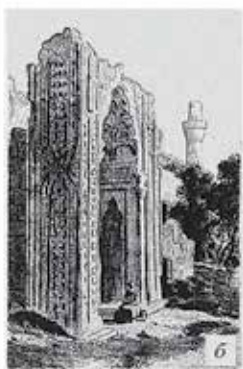

Рис. 206. Мечеть Узбека в Солхате (Крым, 1314 г.) – ближайший аналог Соборной мечети в Болгаре по принадлежности к зальному типу мечетей с несколькорядными опорами, скатной кровлей, выносным порталом, большей схожести ряда деталей, близости времени возведения:
а, б) фасад;
в) фрагмент интерьера.

обработанные в швах зубчатым инструментом (зубчаткой). В обоих камень имеет одинаковую структуру и теплый оттенок. Все это согласуется с мнением археологов о возведении памятников в один строительный период. Однако кривая входной арки Монастырского погреба не соответствует характеру стрельчатых завершений всех остальных древних проемов, она ближе к полуциркульному очертанию. Это навело на мысль о возможности позднейшей переделки входной арки, утратившей первоначальную толщину до ширины лишь одного ряда вертикальной кладки вдоль плоскости внутренней облицовки. Детальный осмотр показал, что замковый и соседние с ним блоки с западной стороны состоят из туфового камня и связаны с древней забуткой южной стены од-

ним и тем же раствором. При этом сам замковый блок имеет внизу углубленный вырез вершины бывшей стрельчатой арки. С восточной же стороны арки из туфового камня в связке с одинаковым раствором с древней забуткой стены находятся лишь два нижних блока арки (на участке ее пяты), остальные, расположенные выше и ближе к замковому блоку, состоят из инородного известкового камня, связываясь с забуткой более позднего происхождения на обычном известковом растворе. Как показали дальнейшие наблюдения, нижние блоки боковых стенок проема располагаются на своих прежних местах: отвес, опущенный от центра замкового блока, делит проем поровну (разница 1 см). При поздней докладке разрушенной сверху восточной части арки последняя отклонилась немного от своего первоначального положения, изменив очертание симметрии с западной половиной. При строгом соответствии западному очертанию кривая имела бы стрельчатое завершение.

«Признаки бывших галерей», о которых упоминают Кафтанников и другие исследователи, обнаружены были «снаружи по обе стороны» входа. Это два небольших выступа в забутке, визуально четко выявившиеся после устранения поздней докладки. Они выдвинуты от фасадной плоскости стен на 60-70 см и уходят вниз, в толщу культурного слоя. В данном районе в 1966 г. Т. А. Хлебниковой у памятника были заложены два раскопа: один – вдоль южного входа, другой – вокруг юго-восточного угла памятника. При этом в культурном слое обозначились очертания фундаментов и часть основания стен двух пилонов бывшего выносного портала, а также наружные границы стен и фундаментов самого здания. В результате их обследования выяснилось, что по бокам бывшего портала располагалась вымостка, имевшая глубокую подготовительную основу из бута ввиду понижения этого участка площади перед Соборной мечетью. По заключению археолога, вымостка у исследуемого памятника сообщалась почти на одном уровне с вымосткой перед противостоящей мечетью, что было отражено в реконструкции планировки комплекса Соборной мечети. Выявленные в культурном слое 3-4 ряда кладки основания на-

Рис. 207. Реконструкция Соборной мечети в Болгаре.
Вид с северо-востока с аксонометрическим разрезом.

ружной облицовки стен состояли из неровных камней грубой тески, на углах здания более крупных (в среднем 65 x 45 x 20 см), в промежутках между углами чуть меньших. Из таких же примерно по размерам, но более грубо сколотых камней состоит фундамент, выступающая за фасадную плоскость местами до 60 см. Их глубина 220-230 см. На самом нижнем ряду наружной облицовки стен сохранились следы известковой затирки, которая, огибаясь, переходит к обмазке горизонтальной поверхности выступающего фундамента. В раскопе выявлено также большое количество обломков осыпавшейся штукатурки, лежавшей, по мнению археолога, на слое погрома города Болгара Федором Пестрым в 1431 г.

В результате натурного исследования устанавливается следующее. Предположение большинства упомянутых авторов о мемориальном назначении памятника в прошлом не вызывает сомнения. Мавзолей расположен напротив главного фасада мечети и ориентирован своим входом на ее минарет, первоначально представлял собой прямоугольное в плане сооружение с внутренним квадратным помещением, освещенным тремя небольшими окнами, и полусферическим куполом; в целом был

аналогичен соседнему мавзолею, расположенному перед боковым фасадом той же мечети, отличающийся от него более крупными размерами в плане. Если в том мавзолее размеры помещения изнутри составляют 8,5 x 8,5 м, то здесь – 9,5 x 9,5 м. Соответственно увеличена и толщина стен, там – 1,3 м, здесь – 1,7 м. В исследуемом мавзолее намного шире и входной проем с порталом. По наружному очертанию портал имеет ширину 6,5 м (там – 5 м) и отступ от южного фасада 4,5 м (там – 2,5 м). У обоих порталы облицованы тщательно отесанными блоками и не имеют следов штукатурки, что указывает на вероятность декорирования их главных фасадов резными профилями и орнаментами, как большинство

их восточных аналогий. По всей очевидности, мавзолей напротив главного, северного фасада Соборной мечети более значимый и соответственно имел наиболее представительное оформление, чем мавзолей напротив бокового, восточного фасада той же мечети. Аналогии первоначального облика обоих памятников общие (рис. 221).

ХАНСКАЯ УСЫПАЛЬНИЦА

Состояние до исследования. Несмотря на мемориальное назначение, как и два рассмотренных выше мавзолея, данный памятник имеет несколько меньшие размеры в плане (снаружи 8,5 x 8,5 м) и значительно уступает по высоте (рис. 229). По объемно-планировочной организации внутреннего помещения он имеет близкую к ним схему: нижний четверик посредством пирамидальных тромпов переходит в восьмерик, а выше – в круглое основание несохранившегося свода. Как и руины Монастырского погребца, этот памятник защищен позднейшей восьмискатной бесчердачной легкой крышей с железным покрытием, но на фасадах его не наблюдаются признаки второго

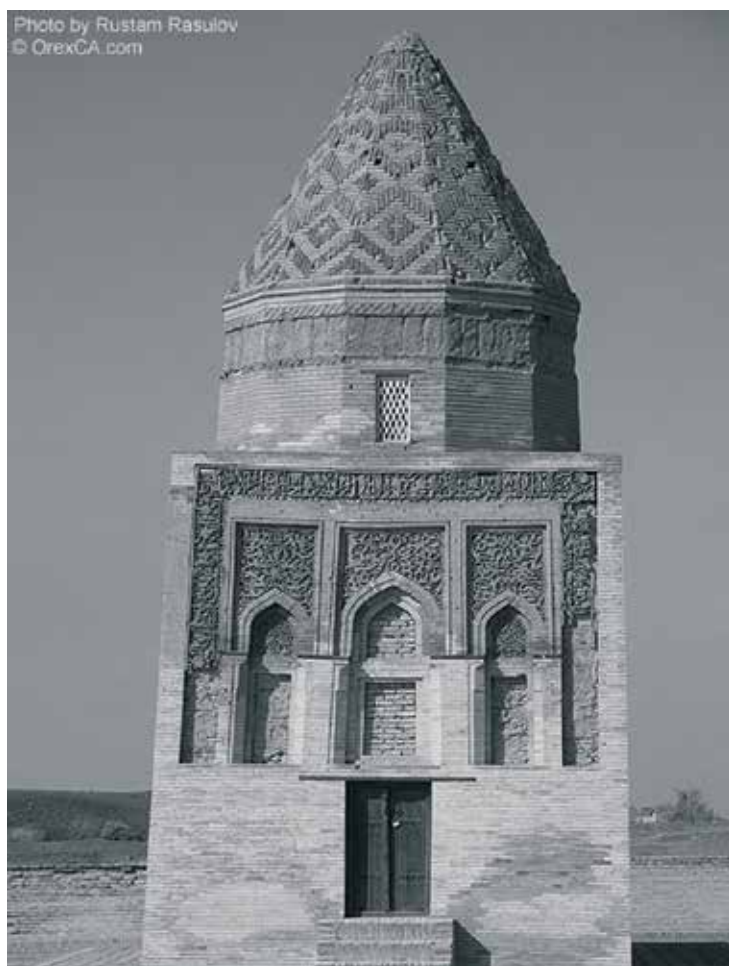

Рис. 208. Мавзолей Турабек-ханум, XII–XIV вв.
Куня-Ургенч, Туркменистан.
<http://www.advantour.com/rus/turkmenistan/kunya-urgench.htm>.

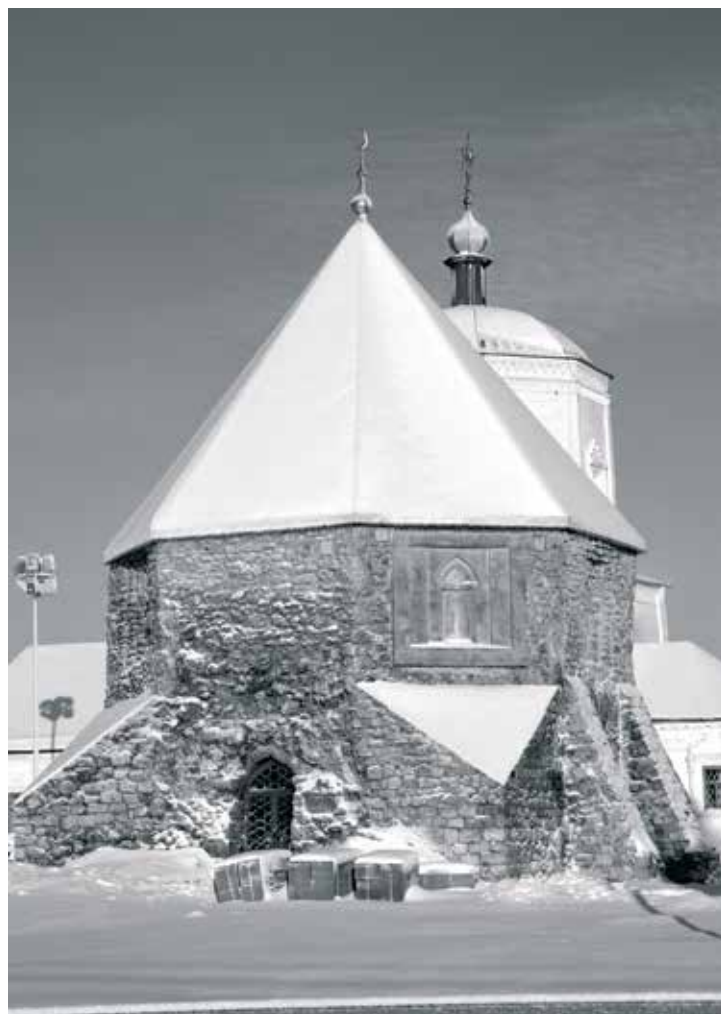

Рис. 209. Восточный мавзолей. XIV в.
Вид с юго-восточной стороны.

восьмигранного яруса (рис. 197). Плоскости фасадов поднимаются выше внутреннего переходного восьмигранника до самого основания бывшего свода (существовавшие на углах фасадов скосы – результат разрушения кладки в процессе ремонтных работ). Внутренний восьмигранный ярус расположен ниже, чем у предыдущих мавзолеев, поэтому оконные проемы здесь прорезают стены не нижнего яруса, а верхнего, восьмигранного, располагаясь по центру северного, западного и восточного фасадов, за исключением плохо сохранившегося южного. Сами оконные проемы снаружи уже, чем изнутри, и сверху завершаются не аркой, а треугольным срезом, образуемым двумя наклонными блоками или одним фигурным. Внутри окна расширяются благодаря скосу их боковых, верхних и нижних стенок. Наруж-

ная и внутренняя плоскости северной и западной стен облицованы кладкой из аккуратно отесанных туфовых и обычных известковых камней, не обнаруживая следов штукатурки. Южная и отчасти восточная стены состоят из разновременной кладки, имеют проломы, закрытые тонкой деревянной стенкой с дверью с южной стороны. Рядом с руинами сохранились следы очертаний оснований стен двух бывших пристроев – маленького квадратного в плане помещения у южной стороны западного фасада и такого же по размерам помещения со стороны восточного фасада. Чуть западнее руин заметны следы очертания стен еще одного такого же по размерам квадратного в плане сооружения (рис. 227, 198, 199).

Анализ историко-литературных и иконографических сведений. Состояние руин в

1712 г. А. Михайловым фиксируется следующим образом: «У того столпа (у Малого минарета. – С. А.) две мечети четверугольные, без сводов, мерою те мечети длины и ширины по три сажени, в том числе у одной мечети три двери, четыре окна четверугольных, у той же мечети приделок без своду длины и ширины по сажени, вход в одни двери без окон, у другой мечети три стены целых, на тех стенах по окну четверугольных, у четвертой стены половина до своду вывалилась. Вышина те полаты по две сажени». Согласно данному указанию, в начале XVIII в. в этом комплексе еще сохранялись стены от двух построек, называемых мечетями, одна из которых являлась маленьким пристроением квадратной формы в плане, а вторая, расположенная отдельно, сохранялась еще с тремя стенами. Из исследователей XIX в. наиболее подробные сведения дает Кафтанников: «... в 60-ти шагах от второго столпа (Малого минарета. – С. А.) есть два четырехугольных здания, которые прежде были соединены между собой. В этом соединении есть остатки каменной лестницы, ведущей в землю, как бы в погреб или под здание, но как теперь вход засыпан мусором, то и нельзя узнать, куда именно вела эта лестница. Длина и ширина первого здания около четырех саженей, верх второго яруса внутри осьмиугольный. Заметно, что здание имело свод; в южной и западной сторонах небольшие полукруглые двери: первая в середине и над нею небольшое окно, другая близ северо-восточного (вероятнее северо-западного. – С. А.) угла и еще окно посередине северной стены. У восточной стены снаружи приметно основание четырехугольного здания. Кажется, оно только примыкало к первому и не имело с ним никакого сообщения. Второе здание от первого в расстоянии двух с половиною саженей, в основании продолговато-четырехугольное, а кверху – осьмиугольное. Северная и восточная стены совершенно разрушены. К востоку от этих двух палат еще заметны признаки трех зданий различной величины. Татарские бытописатели и изустные предания говорят, что здесь было царское или ханское кладбище, где погребено десять святых мусульман, а видимые здания – надгробный памятник умершим... На этом кладбище, где одна

из палат, построенная над прахом какого-то болгарского хана, и до сих пор называется ханскою, кроме палат, были прежде разбросаны во множестве надгробные камни с надписями из аль-корана и с означением имен правоверных». Таким образом, по сведениям Кафтанникова, эти постройки являлись не мечетями, а усыпальницами и одна из нескольких из них на данной территории, являвшейся кладбищем, называлась ханскою. Однако И. Березин все же считает их остатками некой соборной мечети, исходя из ориентации входа сохранившейся «палаты» по направлению юго-запад. Расхождение с Кафтанниковым в отношении назначения и оконных проемов центральной «палаты» имеется и в сообщении Второва: «... входы с южной и западной сторон через полукруглые двери. Палата освещается только двумя небольшими окнами, находящимися в тех же стенах, где двери (фрагментарно сохранившееся и еще не выявленное до данного исследования восточное окно не указывается. – С. А.) ... по предположению некоторых путешественников это развалины мечети, вблизи которой находящаяся башня служила минаретом».

В сообщении Ф. Х. Эрдмана уточняются некоторые размеры: «... 1) на северо-запад (от Малого минарета. – С. А.) в 60-ти футах стены четверугольного здания 22 фута длины и ширины, на верху оно имеет восьмиугольную форму, прежде, конечно, был свод; 2) на западной стороне от южного угла этого здания видно основание другого маленького четырехугольного здания в 8 футов, которое, кажется, не имело никакого сообщения с первым; 3) 14 футов далее на запад, параллельно первому, четырехугольное здание, у которого северная и восточная стороны разрушены». П. С. Палласом дается лишь очень краткое сообщение об этом комплексе, предполагающее, что здесь «находилась принадлежащая к сей Пашне (Малому минарету. – С. А.) мечеть». Большинство остальных исследователей указывают на кладбище, располагавшееся вокруг Малого минарета.

Из иконографических источников наибольшую ценность имеют обмерные чертежи А. Шмита (планы, фасады и разрезы) и схематичный рисунок Кафтанникова под названи-

ем «Две палатки у 2-го столпа». Особую ценность в раскрытии древнего назначения руин представляют результаты проведенных здесь в 1914 г. археологических раскопок, сообщение о которых имеется у В. Ф. Смолина и некоторых других авторов. Раскопами подтвердилось расположение кладбища около Малого минарета, а также мемориальное, некропольное назначение самих руин. В. Ф. Смолиным отмечается, что внутри древних построек при раскопах было «открыто 31 погребение, из которых 3 обнаружены в центральном здании, 8 – внутри восточного здания, 7 – внутри западного здания и остальные – вблизи и вне упомянутых зданий... Особый интерес представляли погребения внутри западного здания. Здесь вдоль западной стены было расположено пять могил. Над тремя средними были устроены особые кирпичные надгробия наподобие голубцов, сложенные каждое из двух горизонтальных рядов кирпичных плит, лежащих один на другом. Сверху надгробия, по-видимому, были оштукатурены... Эпоха постройки зданий до известной степени определяется по сохранившимся признакам, где надписи, а главным образом орнаменты, имеющие большое сходство с самар-

кандскими, уводят нас к концу XIV в. Кроме того, в западной стене центральной развалины изнутри можно заметить заделанный камень – кусок надмогильной плиты с куфической надписью (в опрокинутом положении), причем на этом куске как раз имеется дата: 709 г. гиджры, что относится к XIV в. новой эры». В этом же источнике указывается, что древняя кирпичная ремонтная кладка в южной и восточной стенах сохранившейся центральной палатки устроена в 1884 г.; дверной проем около северного угла западной стены центрального здания «раскопками не подтвердилось»; внутри центральное здание было «красиво оштукатурено»; следы которой до сих пор заметны; вход в трехстенную маленькую пристройку к центральному зданию предполагается с северной стороны. По находкам многочисленных кусочков цветной керамики В. Ф. Смолиным предполагается, что некоторые части здания «были отделаны поливными изразцами, покрытыми арабесками с чрезвычайно разнообразным орнаментом, как геометрическим, так и цветочным, перемежающимся с куфическим письмом». Относительно западной, ныне несохранившейся большой постройки указывается, что теперь

«нет возможности установить, в какой стене была дверь. Высота и характер архитектуры этого здания были аналогичны центральному». Говорится и о восточном пристрое: «... в северной стене (пристрое) отмечаются два выступа, какие обычно встречаются в арабской архитектуре и служат для дверей или представляют собой основание арки... Открытые следы штукатурки указывают на то, что здание было оштукатурено снаружи и внутри. А кроме того, внутри оно было украшено лепными работами из гипса. Все три здания были квадратные, имея по стене около 8,5 м. Постройка этих зданий происходила в разное время. Первым по времени было, очевидно, построено центральное здание с малым пристроем, а за-

Рис. 210. Мавзолей Абат-Байтак. Казахстан. XIII в.
<http://kazakhstan.travel/attractions/attraction/181>.

тем к нему (возможно, что также в разное время) были пристроены два других».

К другому выводу относительно времени возведения центральной постройки Ханской усыпальницы приходит В. В. Егерев: «... по стилистическим и конструктивным признакам правильнее считать, что строительство ханской усыпальницы производилось в два срока. ...Первоначально была возведена одновременно с Малым минаретом в начале XIII в., а потом, по-видимому после разрушения, была возобновлена примерно в конце того же века или в начале XIV в.». К интересному заключению приходит он относительно трактовки углов усыпальницы: «... обследование кладки над тромпами, дает основание считать, что внутренняя поверхность тромпа отвечает внешнему двускатному покрытию угла, очень распространенному в армянской архитектуре». Таким образом, В. В. Егерев считает, что в верхней части четверик памятника переходил в восьмигранник косыми двускатными срезами и что «эта усыпальница в основном идентична предыдущей, использованной под церковь» (Никольскую. – С. А.). Ценным иконографическим источником являются обмерные рисунки А. Шмит, способствовавшие снятию ряда неясных вопросов, возникающих из противоречивых мнений приведенных авторов.

Натурное исследование. Как и рассмотренные выше мавзолеи, здание бывшей Ханской усыпальницы своим поздним кирпичным входом, устроенным при данной реставрации, ориентировано в сторону Мекки (Киблы): ось здания имеет отклонение от южного направления к западу на 15 градусов. Раствор древней кладки по составу одинаков с распорами стен Соборной мечети третьего и четвертого строительных периодов (конец XIII – начало XIV вв.) и двух мавзолеев при нем. Объемно-композиционная структура здания также близка к последним, но в то же время имеет принципиальное отличие, вытекающее из следующих факторов. Во-первых, усыпальница имеет меньшие размеры в плане: ширина сторон внутреннего помещения составляет около 670 см, толщина стен – 110 см. Во-вторых, оконные проемы ее располагаются не на уровне нижнего четверика, как у указанных

Рис. 211. Мавзолей хорезмшаха Ала ад-Дин Текеша в Ургенче. XIII в.

http://budclub.ru/d/dolgaja_g_a/turkmenistan7.shtml.

мавзолеев, а на самом восьмигранном ярусе, между угловыми пирамидальными тромпами, благодаря чему второй ярус воспринимается как одно целое с нижним четвериком. Это отразилось на наружном облике, где мы не видим до самого основания купола членения на ярусы (рис. 196, 228).

Невысокое здание усыпальницы представляет собой один четырехгранный ярус, отражающий относительно единое внутреннее пространство до основания купольного покрытия. Попытки найти следы бывших угловых скосов, в предположении о возможности существования хотя бы очень низкого наружного восьмерика, не увенчались успехом: над пирамидальными тромпами забутка стен не имеет соответствующего углового среза, поднимается выше параллельно прямому углу четверика, облицовка которого в самых верхних частях не сохранилась. Забутка верха углов четверика и

сама древняя наружная облицовка лучше всего просматриваются на северном фасаде, находящемся в относительно лучшей сохранности. Облицовка его завершает угол наружного четверика до уровня верха внутреннего восьмерика, в то время как на Никольской церкви скосы углов начинаются с уровня низа внутреннего восьмерика. Таким образом, снаружи центральное сооружение Ханской усыпальницы до самого основания купола представляло собой единый нерасчлененный четырехгранник. О существовании в прошлом внутреннего купола можно догадаться по остаткам основания сферического свода, который идентичен основанию сохранившегося свода Никольской церкви. Судя по всему, снаружи свод был защищен посводным покрытием в виде облицовочных плит, уложенных плашмя. Наиболее логичной с внешней формой такого покрытия является четырехдольный сомкнутый свод, плавно переходящий закруглениями в основании в пологое покрытие над карнизным выступом фасадов. Аналогичную форму завершения представляло здание, которое располагалось в древности на той же территории в 130 м юго-западнее. Оно зарисовано было еще в 1768 г. П. С. Палласом в указанном его труде (рис. 231). На его рисунке здание отражает в принципе ту же объемно-пространственную структуру, что и исследуемый памятник, отличаясь от него лишь наличием межъярусного членения. Темное пятнышко, видимое в центре его свода, обозначает, возможно, место существовавшего разрушения. Он имеет один арочный вход без окна на главном фасаде и окно на втором ярусе бокового и, по всей очевидности, на двух остальных фасадах, как в описаниях исследователями XIX в. центрального здания комплекса Ханской усыпальницы. При такой форме покрытия наибольшая конструктивная нагрузка сосредоточивается в угловых частях стен, где над тропками нависает относительно больший массив кладки, создающий дополнительную внецентренную нагрузку на прилегающие стены в диагональном направлении. Отсюда становится понятным, почему углы стен Ханской усыпальницы закреплены особой кладкой из крупных блоков, общая ступенчатая конфигурация которых расширяется

в основании к центру фасада, соответственно увеличению момента распорной силы купола. Это видно на хорошо сохранившихся участках древней облицовки северного и западного фасадов. Древние облицовочные блоки этих фасадов, крупные в угловых частях и мелкие в остальных, тщательно отесаны из однородного материала – туфового камня – и сложены на характерном растворе с каменной крошкой. Следов штукатурки на фасадах не обнаружено. Складывается впечатление, что достижение столь ровной, почти идеальной поверхности первоначальных фасадов и вызывалось желанием оставить их без штукатурки.

В целом результаты натурного исследования показывают, что Ханская усыпальница имела внешнюю объемно-пространственную структуру, совершенно отличную от таковой

Рис. 212. Гробница Юсифа ибн Кусейра в Нахичевани.

мавзолеев при Соборной мечети (рис. 233). Это подтверждается и обмерными чертежами А. Шмита, и рисунком Кафтанникова. У обоих даны изображения южного фасада руин вместе с остатками стен западной постройки. Причем обмеры А. Шмита более точно фиксируют пропорции и характер кладки руин. У обоих фасады идентичны в отношении существования карнизной полочки, отграничивающей стены четверика от вышележащей кровельной части; центрального окна, подобного сохранившимся окнам на северном и западном фасадах; входного проема под этим окном и такого же завершения карнизной полочкой стен соседнего западного здания. На более раннем изображении Кафтанникова отмечены также остатки стен западного пристроя Ханской усыпальницы, высота которых доходит почти до уровня низа оконного проема. Зато у А. Шмита нашла частичное отражение система облицовки фасада здания двумя типами блоков, как на сохранившемся северном фасаде, а также ряд других существенных деталей. В частности, им представлен поперечный разрез усыпальницы (левое верхнее изображение), где нанесены оконные проемы второго яруса, в том числе и окно на восточной полуразрушенной стене. Следы последнего удалось обнаружить и при натурном исследовании восточной стены: в забутке сохранился блок от левой половины верхнего наклонного завершения окна. На том же поперечном разрезе А. Шмита, а также на плане здания нанесен входной проем в западной стене. В натуре этот проем обнаружить не удалось ввиду очень тщательной заделки этой части стены позднейшей кладкой, не позволяющей установить очертание древнего проема. Окно же в западной стене располагается по центру фасада, а не над угловым проемом. В схематичных обмерах А. Шмита допущена неточность в планировках зданий, расположенных с востока и запада от Ханской усыпальницы, планы которых обозначены не черным, а серым цветом. Эта неточность объясняется тем, что во время его схематичных обмеров стены этих построек уже не существовали (за исключением юго-западной части западного сооружения) и их планировки нанесены условно, по догадке, без натурных замеров. Схе-

матичность четко вскрылась после детального археологического обследования всего прилегающего участка и производства подробных архитектурных обмеров выявленных при этом следов стен. Сопоставление двух обмеров показывает, что А. Шмитом допущена неточность прежде всего в отношении планировки западной постройки, которая в действительности оказалась не продолговатой, а квадратной, как все остальные постройки комплекса, а по размерам такой же, как сама Ханская усыпальница и ее восточная пристройка. Продолговатому изображению А. Шмитом этого здания способствовал, очевидно, проем от разрушения в южной стене, который он принял за центральное окно. На рисунке Кафтанникова этот проем расположен не под карнизной тягой, как у А. Шмита, а значительно ниже, что указывает на образование этого проема от разрушения. Тем более, что на чертеже А. Шмита этот проем на фасаде и разрезе не имеет черт, которые характерны для окна соседней усыпальницы (его углового завершения, скосов боковых стенок и подоконника, осевого расположения между тромпами), и напоминает скорее след от разрушения, хотя на плане и нанесен с четвертными выступами. Условное изображение на чертеже А. Шмита имеет также малый западный пристрой к Ханской усыпальнице. В действительности он имеет чуть меньшие размеры, а его стена немного (30 см) западает севернее юго-западного угла усыпальницы. Сохранившиеся нижние ряды пристроя (на уровне земли) имеют перевязку с кладкой усыпальницы, а вышележащая кладка этой части стены усыпальницы более поздняя. Судя по рисунку Кафтанникова, высота пристроя доходила почти до основания оконного проема западной стены усыпальницы. Толщина стен пристроя составляет 60-70 см, а кладка состоит из туфовой облицовки и внутренней забутки из туфа и известкового камня на таком же растворе, что и стены самой усыпальницы. Все это указывает на то, что пристрой возводился одновременно или вскоре после завершения строительства усыпальницы. Восточный же пристрой Ханской усыпальницы А. Шмитом обозначен лишь в пределах трех стен. В действительности четвертая стена при-

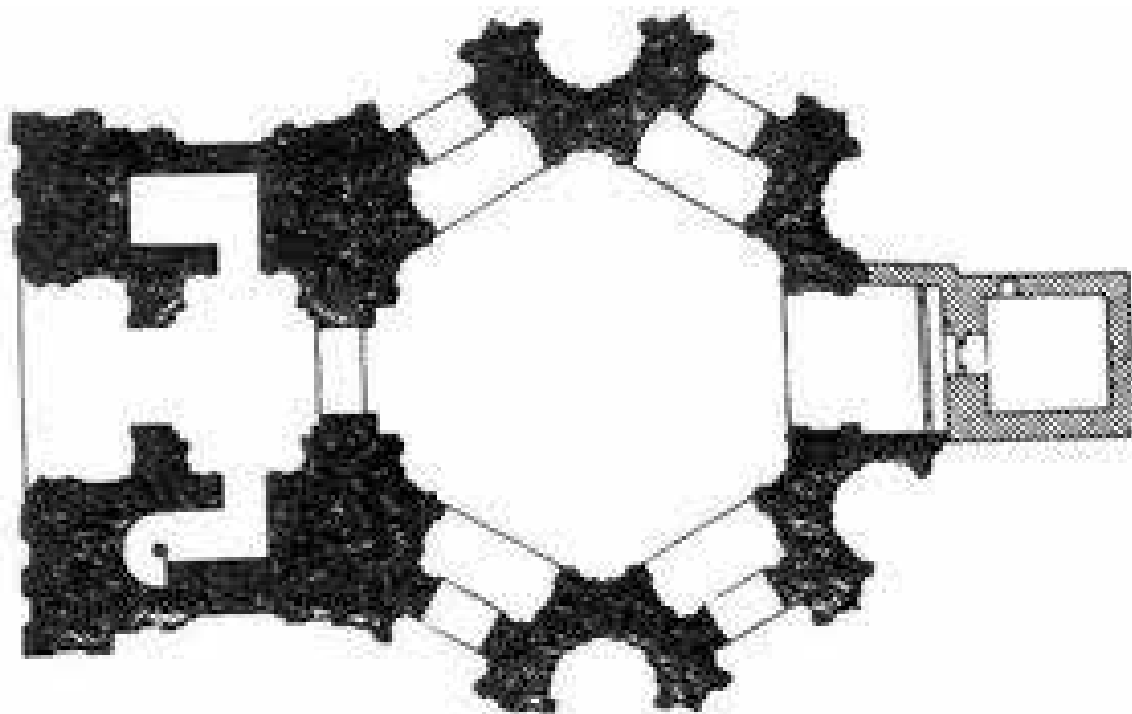

Рис. 213. План мавзолея Суфи Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче. Вторая половина XIV в.
<http://arx.novosibdom.ru/node/1623>.

стройка прилежала вплотную к самой усыпальнице, заслоняя тем самым ее центральное окно в этой части, что свидетельствует о возникновении пристроя позже строительства усыпальницы. С северной стороны этого пристроя выявлены основания двух бывших пилонов, фланкировавших некогда центральный вход. Судя по планировке и толщине стен, пристрой имел ту же объемно-планировочную структуру, что и усыпальница, за исключением выносного порталного входа. Кладка основания пристроя каменная, как и самого здания, расположенного к западу от Ханской усыпальницы.

По результатам раскопок 1914 г. (см. вышеприведенное сообщение В. Ф. Смолина) можно считать бесспорным вопрос о мемориальном назначении этого комплекса. Перед нами ряд однотипных усыпальниц, каких на территории этого кладбища, по сообщениям авторов прошлого века, было немало. Одна из них, возможно наиболее значительная, называлась Ханской и была зарисована в 1832 г. Кафтанниковым под названием «Палатка, называемая Ханской» (зарисована в стадии сильного разрушения, не позволяющей установить объемно-планировочную структуру какого-либо сооружения). Скорее всего, это была не та

усыпальница, которая нами исследуется. Изучаемые нами руины под названием «Ханская усыпальница» в группе с остатками западных построек также были зарисованы Кафтанниковым, но под названием «Две палатки у 2-го столпа» (схематичность рисунка также не раскрывает дополнительных сведений). Следовательно, рассматриваемый нами бывший комплекс представляет собой группу обычных рядовых усыпальниц, а название «Ханская» перешло к наиболее сохранившейся из них после исчезновения других, из которых лишь одна, возможно, действительно была ханской и еще сохранялась в 1832 г. в зарисовке Кафтанникова под названием «Палатка, называемая Ханской». Судя по всему, она отражает более позднюю стадию разрушения того самого вышеупомянутого здания, которое было зафиксировано П. С. Палласом в 1768 г., т. е. на 64 года раньше Кафтанникова. На вероятность этой гипотезы указывает отсутствие в литературных источниках изображений каких-либо других полуразрушенных сооружений в районе кладбища у Малого минарета.

Принципиальная однотипность всех рассмотренных построек, изображенных на участке кладбища у Малого минарета, позволя-

ет допустить идентичность и их входных проемов. Поэтому о характере входа в исследуемую нами Ханскую усыпальницу можно судить (с большой долей вероятности) по зданию, изображенному П. С. Палласом: входной проем располагался по центральной оси фасада (как и окна), имел небольшие размеры и завершался аркой. Последняя, должно быть, имела небольшую стрельчатость, характерную для стиля болгарских построек и не отмеченную П. С. Палласом ввиду условности перспективного изображения всего здания (подобную же неточность он допустил при изображении Черной палаты относительно сохранившихся стрельчато-арочных проемов второго и третьего ярусов). На вопрос, на каком фасаде исследуемого здания располагался этот вход, отвечают, прежде всего рисунки Кафтанникова и А. Шмита, на которых центральное расположение имеет южный проем, находящийся под окном. Правда, у Кафтанникова этот проем имеет вид пролома в стене, а у А. Шмита – разрушенного прямоугольного проема. Другой проем в первом ярусе памятника, указанный на чертежах А. Шмита и в описаниях некоторых приведенных авторов в северо-западном углу здания, как отмечалось, в натуре заложен ремонтной кладкой, по-видимому, потому, что представлял собой если и входной проем, то проломленный позднее, без четко выраженного порога и ступеньки перед ним, как у южного входа (см. ниже). Первоначальное создание здесь проема, под опорой трюма, было бы нецелесообразно и по конструктивным соображениям. Более того, отсутствие следов входа в основании этого участка стены было подтверждено, по сообщению В. Ф. Смолина, раскопками 1914 г. Что касается южного фасада, то очевидность расположения входа по его центру подтверждалась закладкой разведочного шурфа глубиной до основания фундамента. На вскрытом основании стены были обнаружены следы проема в сохранившейся здесь древней туфовой облицовке из тщательно отесанных блоков. Были выявлены также следы от укладки крупных продолговатых блоков двух предпорожных ступеней. Нижнюю ступень с трех сторон огибала отмостка из щебеночной подготовки на известковом раство-

ре с мелкой каменной крошкой. На отмостке четко отмечались размеры нижнего блока (134 x 20 x 30 см). Второй, такой же по длине и высоте, блок, примыкавший к указанному на том же уровне, выступал на 9 см из-под вышележащей порожной кладки. Над обоими блоками располагался блок верхней ступени, примыкавший вплотную к порожной кладке.

Глубина заложения фундамента Ханской усыпальницы в этом месте, а также на юго-восточном углу составляет 145 см. Сопоставление глубин заложения фундаментов Ханской усыпальницы, Никольской церкви (190 см) и Монастырского погреба (220 см) показывает, что они выражают примерную пропорциональность высотам этих построек, что лишний раз подтверждает верность нашего вывода в части древней формы покрытия исследуемого памятника.

С предположением В. Ф. Смолина об отделке некоторых частей стен изнутри поливными изразцами трудно согласиться, так как остатки найденных в Болгарах фрагментов цветной керамики (см. рис. 41), в том числе и на территории исследуемого памятника, по характеру мелкомасштабного рисунка более соответ-

Рис. 214. Мавзолей династии Суфи Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче. Вторая половина XIV в.
<http://arx.novosibdom.ru/node/1623>.

ствуют отделке небольших надгробий, кирпичные остатки которых были выявлены, как указывалось, при раскопах 1914 г. Найденные при этих раскопах фрагменты поливных изразцов, вероятнее всего, и принадлежали вскрытым надгробиям. Надгробия с облицовкой цветной поливной керамикой были широко распространены в странах Востока рассматриваемого периода (конец XIII–XIV в.). Мотивы их рисунков и характер изготовления указывают скорее не на местное производство, а на привоз из Сарая, Самарканда или других городов Средней Азии, с изразцами которых наблюдается большое сходство.

Время строительства самой усыпальницы можно отнести к периоду между концом XIII в. и 1361 г., когда город, после разгрома его Булат Тимуром быстро клонился к упадку. Мнение В. Ф. Смолина о строительстве Ханской усыпальницы в конце XIV в., основанное на надписи на куске надмогильной каменной плиты (в опрокинутом положении), обнаруженном в облицовке западной стены, ошибочное, так как первоначальная внутренняя облицовка здания, как и снаружи, целиком состояла из особо тщательно пригнанных блоков, создающих впечатление идеально ровной и однородной кладки, а многочисленные заплаты из бута и кусочков от надмогильных плит являются поздними ремонтными включениями на ином растворе. Начальная же дата строительства усыпальницы едва ли может быть отнесена ко времени ранее конца XIII в. потому, что прием кладки из туфового камня на высокопрочном растворе с мелкой каменной крошкой входит в употребление в Болгарах при строительстве главного соборного храма только в период его реконструкции в конце

Рис. 215. Мавзолей Мумине-хатун. Нахичивань. XII в.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Архитектура_Азербайджана.

XIII – начале XIV в. Первоначальные стены и минарет Соборной мечети, возведенные в 60–70-х годах XIII в., еще не знали такого приема. А от более раннего, домонгольского, периода на территории Болгар вообще не обнаружены пока каменные постройки. По мнению археологов, производивших раскопки в ряде мест древней части города, в культурных слоях домонгольского периода не встречаются даже следы строительного мусора от каменных сооружений. Район же Малого минарета в домонгольский период еще не входил в черту города.

В итоге натурного исследования окончательно устанавливается следующее. В первоначальном виде относительно сохранившаяся часть руин представляла собой центрально-купольное беспортальное сооружение, защищенное снаружи, с большой долей вероятности, надкупольным покрытием в виде четырехскатного сомкнутого свода. Наружный четырехугольный объем здания не повторял членения внутреннего помещения на четверик и восьмерик, а трактовался цельным подкубовидным объемом с овальным кровельным завершением. Главный вход в усыпальницу в один из ранних периодов существования памятника распола-

гался по центру южной стены (со стороны Киблы, как и в мавзолеях Соборной мечети), окопные же проемы – по осям всех четырех стен; снаружи и изнутри стены были облицованы туфовыми блоками на таком же растворе, как и ранее рассмотренные мавзолеи в центральной части города. Особо тщательная наружная облицовка Ханской усыпальницы оставалась без штукатурки и представляла собой сочетание двух типов облицовочных блоков, ясно выражавших конфигурацией своей кладки распределение конструктивных усилий в стенах, несущих распорную нагрузку свода. Рядом со зданием располагались еще две усыпальницы подобной же формы в плане (за исключением порталного выноса относительно позднего восточного пристроя), возведенные в основном из тех же строительных материалов. Время возведения всего комплекса относится к периоду наивысшего расцвета города (начало – середина XIV в.), когда он назывался Великими Болгарами (рис. 230).

Все это было подтверждено в значительной мере археологическими раскопками, проводившимися перед производством и после данного исследования, консервации и фрагментарной реставрации памятника. Раскопки производились под руководством А. П. Смирнова в начале 1970-х годов. Результаты их были зафиксированы на плане архитектурного обмера, где обозначались контуры и более позднего планировочного развития комплекса, происшедшего, судя по относительной небрежности исполнения обнаруженной кладки рваных фундаментов, уже после указанного разгрома города Великие Болгары в 1361 г. Следы реконструкции обнаружены в виде грубо выполненных фундаментов неглубокого заложения между Ханской усыпальницей и постройкой к западу от нее. Оба здания были объединены созданием между ними двух соединительных стен и образованием тем са-

Рис. 216. Мавзолей Кэшэнэ в с. Чишма (Башкирия) XIV в. – ближайший аналог первоначального облика Восточного мавзолея в Болгаре.

мым дополнительного помещения с порталным входом с северной стороны. При этом выявлено, что первоначально западная усыпальница являлась отапливаемым помещением с круглой сводчатой печью в северо-западном углу и развитой системой подпольных дымовых каналов, расположенных выше указанных захоронений. Печь отапливалась снаружи, где с северной стороны западной стены найдена поздняя арочная ниша с квадратным отверстием в ней для топки печи. При раскопках были выявлены следы порога еще одного входа в Ханскую усыпальницу, расположенного по центру северного фасада и заложенного очень аккуратной кладкой из такого же материала, как и сами стены, очевидно, еще в ранний период существования здания, до или после закладки южного входа, также относившегося к раннему периоду существования памятника. Поскольку при раскрытии северного входа обнажились хорошо сохранившиеся части его боковых стен и даже следы арочного перекрытия, при консервации памятника фрагментарной реставрации был подвергнут именно этот вход, сохранившийся лучше, чем южный.

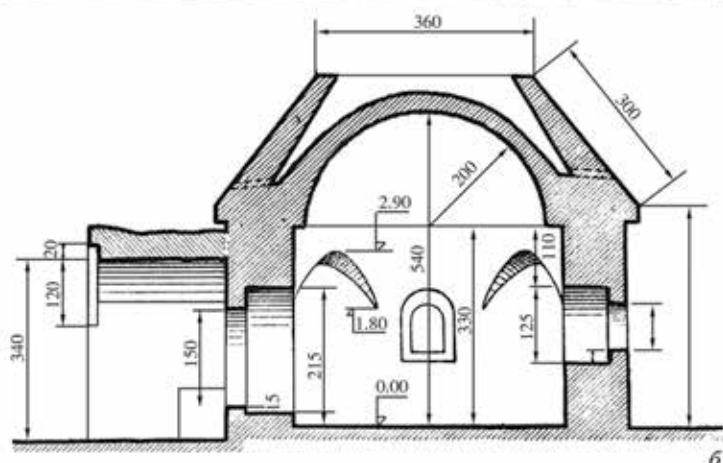

Рис. 217. Мавзолей Кэшэнэ
в с. Чишма (Башкирия) XIV в.:

А) боковой фасад,

Б) продольный разрез по обмерам Б. Г. Калимуллина
в середине 1950-х гг.

Аналогии. Архитектура Ханской усыпальницы – сохранившегося среднего здания рассмотренного комплекса у Малого минарета – принадлежит к локальному варианту весьма распространенного типа кубических мавзолеев в восточных мусульманских странах. Восточной аналогией болгарского памятника по форме покрытия является усыпальница «Малый восьмерик» в Эски-Юрте (Азисе) на территории Крыма, относящаяся ко времени не ранее второй половины XIV в. (Якобсон, 1964). Наиболее близкой аналогией в типологическом и одновременно территориальном отношении служит мавзолей Хусейн-бека в Башкирии (Калимуллин, 1956) (рис. 232) и, возможно, мавзолей в Касимове, не сохранивший своего завершения (Айдаров, 1968).

МАЛЫЙ МИНАРЕТ

Состояние памятника до исследования. Малый минарет имеет родственную рассмотренным мавзолеям и усыпальницам структуру внешнего объемного построения: нижнее квадратное в плане основание столпа путем треугольных скосов переходит в восьмигранный переходный ярус, который подобными же, но более мелкими скосами (в данном случае внешними, а не внутренними) переходит в круглое основание вышележащего яруса (рис. 222, 223). Над цилиндрическим, несколько сужающимся кверху стволом минарета располагается невысокий барабан верхнего яруса с конической железной кровлей по деревянным стропилам. На верхний ярус минарета изнутри нижнего яруса ведет каменная винтовая лестница в 45 ступеней, продолжающаяся и выше, в чердачное помещение под конической кровлей. Стены изнутри и снаружи облицованы тщательно отесанными туфовыми и известковыми блоками, позднейшей кирпичной и каменной кладкой и частично оштукатурены (изнутри и снаружи верхнего цилиндрического яруса). С северной стороны нижнего четырехгранного яруса располагается вход в лестничное помещение, с западной стороны на том же уровне – арочная ниша со следами декоративной резьбы по камню и позднейших разрушений и ремонтов.

Историко-литературные и иконографические источники. «Всходный столп вышины семь сажен, кругом восемь сажен» – так говорится в указанной «Выписи... 1712 г.». Из других указанных источников И. Березин отмечает «заметное сходство» его с Большим минаретом. Второв указывает, что ветхий минарет «пожертвованиями татар недавно исправлен и принял красивую форму. Он покрыт железною крышею, оканчивающеюся шпилем с луною. Сверх того около верхнего отступа сделаны перила». В. Ф. Смолин указывает: «... современные крыша, лестница из дерева... результат ремонта 1884 г.». В. В. Егоров время возведения минарета относит к началу XIII в., В. Ф. Смолин – ко второй половине XIV в., В. П. Денике на основе художественно-стилистического анализа орнаментальной компо-

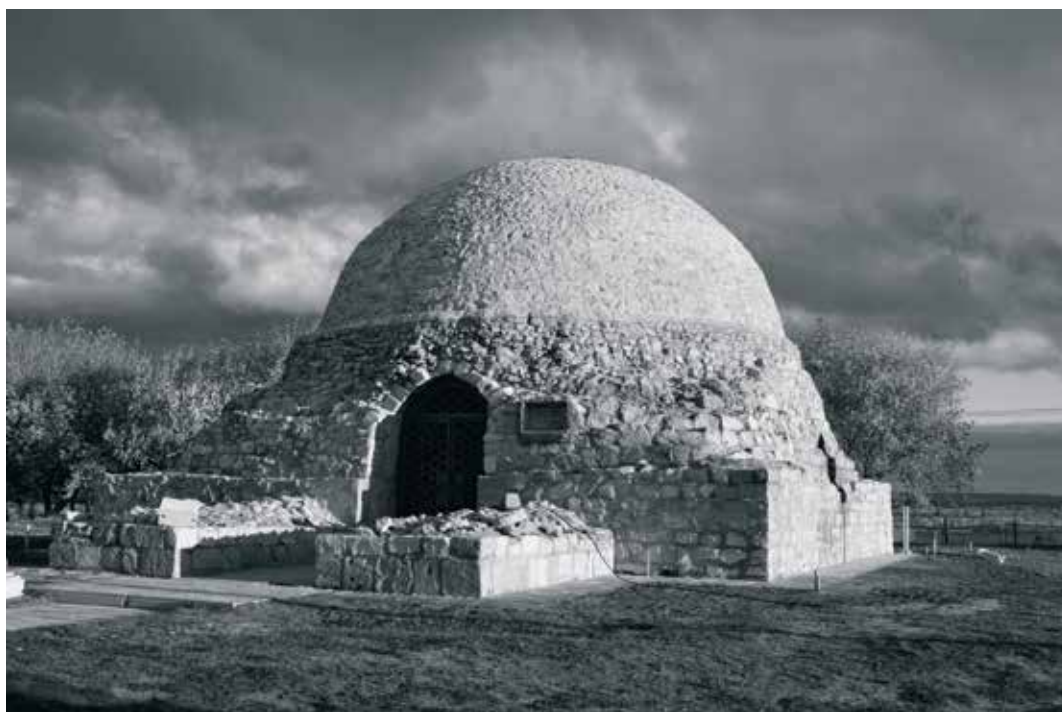

Рис. 218. Северный мавзолей. XIV в. Фото после консервационных работ начала 2000-х гг.

зиции каменной резьбы минарета приходит к мысли, что памятник относится к домонгольской эпохе (Денике, 1928, с. 5-9).

Графические изображения минарета даны у Ф. Х. Эрдмана, А. Шмита, Кафтанникова. Имеется рисунок орнаментальной резьбы над нишей минарета, выполненный В. И. Корсунцевым. Этот рисунок очень ценен, так как часть плиты с резьбой (в центральной части) вывалилась и восстановление ее орнамента и характера кривой самой арки ниши возможно только по копии Н. И. Корсунцева.

Натурное исследование. Постройка хорошо сохранилась среди исследуемых руинированных памятников городища. Наружная штукатурная затирка минарета целиком поздняя, следы древней штукатурки сохранились только на внутренних поверхностях стен. Сама кладка представляет собой наружную и внутреннюю облицовку из тщательно отесанных (особенно снаружи) блоков известкового туфа, а в местах резных деталей (обрамления ниши входного проема, верхних скошенных углов восьмерика, карниза) – из камня, заполненную бутом из тех же пород камня на прочном известково-песчаном растворе с мелкой каменной крошкой,

из обожженной глины и угля, т. е. по системе кладки сооружение идентично вышеисследованным мавзолеям, Ханской усыпальнице и угловым башням Соборной мечети, возведенным в начале XIV в. И Малый минарет действительно построен в большом сходстве по общей объемной композиции с Большим минаретом, отличаясь от него значительно меньшей высотой, более прочным раствором кладки и, по-видимому, иной трактовкой деталей: оформлением входа, созданием ниши и, возможно, другими несохранившимися элементами. Глубина заложения фундамента

также различается: если там она составляет 2,7 м, то здесь – 2 м. Различие имеется и в расположении входов: там – с южной стороны, здесь – с северной. Квадратное основание Малого минарета ориентировано точно по странам света. На юг обращен выход на верхнюю обходную галерею, на запад – ниша. Как было установлено археологическим обследованием А. П. Смирнова, с глухих сторон нижнего яруса к минарету не примыкали какие-либо строения и он является отдельно стоящим на месте захоронения, согласно преданиям, «святых болгар». Располагаясь над более возвышенной частью территории кладбища, он служил функционально необходимым элементом целого ряда усыпальниц – своего рода поминальных мечетей.

К утраченным элементам Малого минарета относятся: первоначальная высота верхнего цилиндрического яруса (винтовая лестница в нем обрывается на уровне пола бывшего чердачного пространства) и вышележащее завершение, бывшее (судя по монолитному наполнению, а не по пустотности этого цилиндра) конусным каменным, с небольшим чердачным пространством, поскольку ступени ведут

вверх; многие детали карнизного завершения нижнего цилиндрического яруса с парапетным ограждением обходной галереи, фрагменты декоративных обрамлений входного проема и ниши, часть других резных блоков на фасадах и первоначальная створка двери на минарет. Натурное исследование позволило вскрыть часть этих утрат и установить общий композиционно-стилистический строй первоначального облика минарета. Верхний барабан не был полым, так как центральный монолитный остов с винтовым лестничным проходом поднимается и обрывается выше уровня площадки выхода на обходную галерею над карнизом нижнего барабана, а потому не нуждался в купольном покрытии, он был конусно-шатровым и, вероятнее всего, монолитным каменным с винтовой лестницей на чердачное пространство. Облицовка верха малого барабана в значительной части представляет собой позднюю ремонтную кладку из камня, туфа и кирпича. Но среди них имеется один завершающий кладку карнизный блок, вытесанный из камня. Возможно, он и принадлежал к несохранившемуся вышележащему карнизному завершению этого яруса. О принадлежности его к первоначальной кладке можно судить по тому, что он уложен длинной стороной радиально и равен по размеру (37 см) толщине наружной стены вдоль лестничного прохода внутри барабана. Высота блока 20 см, лицевая поверхность его в виде полочки с незначительным закруглением нижней грани выступает от поверхности нижележащей облицовки на 4 см. При обследовании кладки верхнего ряда выступающего карниза нижнего барабана под налетом поздней известковой затирки были обнаружены два типа резных блоков с вырезами с лицевой стороны в виде арочной ниши и в виде сплошной вертикальной выемки без арочного завершения. Выявлено было всего пять таких блоков, изготовленных из туфа и камня. Идентичность их горизонтальных профилей указывала на большую вероятность размещения их в прошлом, до первой реконструкции после разрушения, не в горизонтальной, а в вертикальной компоновке по единой оси и лицевой плоскости, а также на изначально иную композиционную трактовку карниза в целом, форму которо-

го установить пока не удалось. Поэтому при консервации руин карниз был подвергнут не окончательной реставрации, как и ряд других частей минарета, подлежащих переделке или доделке в случае выявления более подробных сведений о первоначальном или вторичном, реконструктивном облике памятника. Древнее парапетное ограждение над карнизом нижнего цилиндрического яруса утрачено так же бесследно. Судя по аналогиям, оно могло бы быть каменным или деревянным. В целях безопасной эксплуатации памятника при демонстрации перед туристами отсутствующее ограждение галереи могло быть восполнено в виде нарочито упрощенной, не вызывающей ложного сходства с первоначальным, ограждением простейшей металлической решетки, имитирующей утраченную часть лишь композиционно. В случае создания здесь глухого огражде-

Рис. 219. Фрагмент западного фасада Северного мавзолея после консервации и фрагмент реставрации. Начало 1970-х гг.

ния последнее скрадывало бы видимость снизу значительной части и без того низкого, не полностью сохранившегося цилиндра верхнего яруса. Углы верхних срезов восьмигранного яруса первоначально были украшены резными шестилистниками, сохранившимися под слоем поздней известковой затирки только над двумя северными гранями. Расчистка растворной затирки вокруг входа в минарет показала, что замковый камень входной арки, а также ряд других вышележащих блоков подвергались перекладке. Они установлены небрежно, без соблюдения первоначального композиционного строя, вероятно, после вышеотмеченного события 1361 г. Изначально входная арка имела стрельчатое завершение и вписывалась в богато декорированную резьбой чуть углубленную надарочную нишу с прямоугольным завершением. От первоначального декора здесь сохранился только мотив бокового нижнего обрамления. Выше проема этот мотив разветвлялся в пределах указанной ниши и включал в свою композицию два орнаментальных круга, расположенные симметрично относительно оси входа. В пределах той же ниши над композицией с кругами размещалась, по всей вероятности, надпись соответствующего изречения из Корана. Общекомпозиционную аналогию со входом имеет декоративное оформление ниши на западном фасаде: над такой же в бывшем стрельчатой аркой глубоко утопленной малой ниши располагаются два круглых орнамента, вписанные в сплошную орнаментальную плоскость. Последние располагаются в пределах более крупной чуть утопленной ниши, имеющей сверху не прямоугольное, как над входом (очертание, возникшее после перекладки разрушенной облицовки), а стрельчато-арочное завершение, как в прошлом и малая ниша (рис. 225). Выше этой арки, под поздней растворной затиркой были выявлены следы еще одной слабо выраженной прямоугольной ниши, очерченной только над кривой верхней арки (левая часть ее не сохранилась). Таким образом, западная ниша представляла собой композицию из трех утопленных одна в другую ниш. При этом арка малой ниши опирается с каждой из симметричных сторон на два тщательно пригнанных друг к другу почти

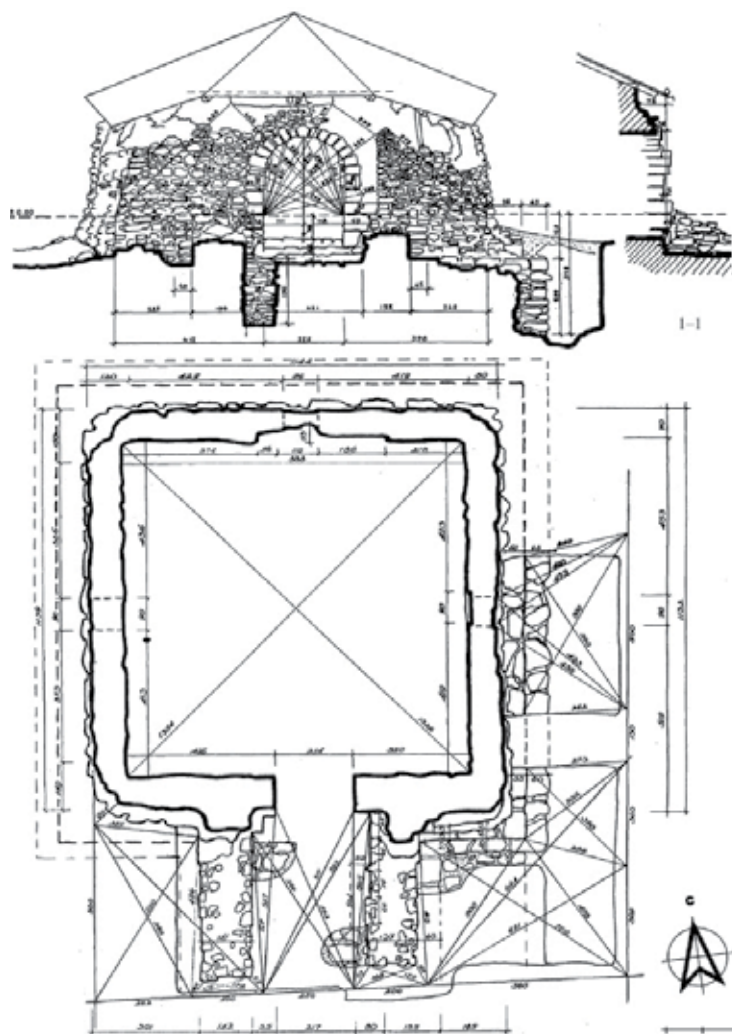

Рис. 220. Обмер южного фасада и плана в процессе Северного мавзолея археологического раскрытия основания стен с порталным выступом в середине 1960-х гг.

вплотную блока. Левая сторона такой кладки в верхней части немного выдвинута вперед, а в правой опоре внизу имеется вырез, отсутствующий в левой опоре. Это указывает на то, что нижняя часть ниши подвергалась определенной перекладке и возможной переделке. Для фрагментарной реконструкции орнамента средней ниши был использован выше отмеченный рисунок Д. И. Корсунцева, зафиксировавшего ее при раскрытии от поздней кирпичной закладки.

Аналогии. Орнаментальные мотивы Малого минарета очень близки к восточным и в то же время своеобразны в деталях композиционной трактовки. По технике тонкого исполнения из камня, по характеру переплетения растительного орнамента с плетеным геометрическим и

по сходству многих мотивов самого орнамента они наиболее близки к армянским хачкарам XIII–XIV вв. и к некоторым декоративным деталям в оформлении порталов, капителей и прочих фрагментов их каменных сооружений (Айдаров, 1968). Мотивы орнаментов позволяют проследить и их более глубокие генетические корни, уводящие к самарским (Месопотамия) резным стукам IX в. и другим ранним декорам Ближнего и Среднего Востока. Трехкратно расчлененная ниша в своем генезисе также восходит к древнейшим прототипам, одним из которых может служить михраб мечети в Мешхеде, созданный еще в период проникновения ислама в Среднюю Азию и Волжскую Болгарию (IX–X вв.). В последнем случае, выполненном в резном стуке, имеется родство и в компоновке двух круглых элементов в тимпане над стрельчатой аркой. Аналогия с подобными восточными нишами позволяет определить наиболее вероятное композиционное место и других утраченных элементов в декоре ниши. Так, например, можно допустить, что над сохранившейся резной орнаментацией вокруг малой ниши, под аркой средней ниши располагалась первоначально надпись из священного

Корана, а снизу существующая орнаментальная плоскость с надарочным профилем малой ниши могла опираться на два, возможно не сохранившихся, импоста, покоящиеся в этом случае (при втором варианте реконструкции ниши) на несущих их резных вертикальных опорах.

По общему объемно-композиционному строю Малый минарет относится к местному варианту распространенного типа каменных минаретов, расчлененных на нижний четверик, переходный восьмерик и два верхних цилиндрических яруса. Такие минареты создавались главным образом в северных странах Ближнего Востока, в Закавказье и Крыму (см. рис. 58). К ним относятся, например, минареты: Шамхорский (XII в.), в селе Карабаглар (XII–XIV вв.), ханеги на реке Пирсагат (XIII в.) в Азербайджане (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963), отдельно стоящий в северном Ираке (дата не установлена) и Киек-медресе в Сивасе (XIII в.) в Турции (Диц, 1915) (рис. 226). Последний ближе к Малому минарету по характеру шатрового завершения верхнего яруса, в то время как минареты в других странах завершались купольным покрытием.

Шатровое завершение имели также мечети Крыма, относящиеся к несколько иной типологической группе (минареты мечети Узбека в Солхате и мечети Бахчисарайского дворцового комплекса) (Якобсон, 1964).

ЧЕРНАЯ ПАЛАТА (СУДНАЯ ПАЛАТА)

Состояние до исследования. Квадратное в плане здание снаружи и соответственно изнутри расчленено на четыре яруса. На высоком цокольном этаже – нижнем четверике с наклонными

Рис. 221. Мавзолей Джанике-ханым, дочери золотоордынского князя Тохтамыша. Крым, XV в. <http://def.livejournal.com/21704.html>.

Рис. 222. Малый минарет. XIV в.

наружными плоскостями покоятся два верхних четверика и вышележащий восьмерик, завершенный полусферическим сводом (рис. 177, 234-236). Верхний восьмерик является переходным ярусом между вторым и четвертым ярусами: изнутри он имеет по углам арочные тромповые переходы в верхний восьмерик. Все ярусы, за исключением цокольного, имеют по оси каждой стороны по стрельчато-арочному проему. На цокольном ярусе лишь один проем по оси северной стены. На восьмерике окна снаружи утоплены в прямоугольные ниши. Внутри здание имело когда-то богатое оформление, выполненное по штукатурке: сохранились следы трехчетвертных восьмигранных колонок со своеобразными капителями, стрельчатых арок архивольтов над оконными проемами, розеток в тимпанах оконных ниш,

сталактитов в сферических углублениях тромп и под выступами круглого основания купола над углами восьмигранного яруса, профилированных межъярусных карнизов и прочих элементов оформления. Стены нижнего яруса значительно выступают внутрь помещения, указывая на то, что в древности здание разделялось на два этажа деревянным перекрытием над указанным выступом. Каменный купол имеет в вершине отверстие неправильной формы и ввиду ветхости сохранившейся части покоится на подведенных в 20-х годах деревянных кружалах и стойках на всю высоту внутреннего пространства. Кладка стен произведена из известкового камня и туфа. Снаружи и изнутри выделяется множество ремонтных заплаток из камня и кирпича на разных по составу растворах. Верх восьмерика и основание третьего яруса снаружи стянуты поздними оброчами из полосового железа на болтах, а внутри, вдоль южной и восточной стен, под карнизом второго яруса протянуты металлические связи с выпуском из анкерных креплений на фасады. При позднейших ремонтах (1955-1957 гг.) над куполом была возведена защитная железобетонная оболочка.

Историко-литературные и иконографические сведения. В указанной «Выписи... 1712 года» сказано: «... за окопом (за внутренним городом, в пределах внешнего города. – С. А.) палата снизу четвероугольная, мерою все стены по три сажени без полуаршина, – знатно была о двух жильях, с исподи вход в одни двери, в верхнем жилье шестеры двери, вверх до сводов осьмигранная; в той палате в нижнем ярусе (имеется в виду третий ярус. – С. А.) четыре окна четырехугольные, в верхнем ярусе восемь окон круглых (арочных. – С. А.), вверху свода окно круглое. Круг тое палаты приделы без сводов ветхие: с одной стороны с приходу от монастыря на правой стороне два придела длины по две сажени, ширины по сажени, на левой стороне той же палаты один придел длины пять сажен с аршином, поперек сажень с аршином». П. С. Паллас отмечает: «... называют оное судейским домом; да и я не имею причины почестъ за что-нибудь иное.» Наиболее подробное описание, как и по предыдущим памятникам, дает Кафтанников: «... высота всего здания в 6

с половиною сажень, включая купол, в середине которого сделано круглое отверстие. Ярусы внутри, кажется, не отделялись между собою, кроме нижнего, над которым приметны гнезда для переколадин пола; наружные стены, кроме нижнего яруса, были покрыты толстою штука-туркою. Северная и южная стены второго яруса снаружи обложены тесаным камнем... По предположению некоторых, этот этаж (первый. — С. А.) служил тюрьмою или подвалом. Должно думать, самая яма была прежде несравненно глубже на южной и западной (второй ярус. — С. А.), по бокам дверей по небольшому окошку, а над северною дверью с наружной стороны вделана каменная доска, на которой, кажется, судя по признакам, была какая-нибудь надпись... Во втором ярусе четыре полукруглые двери, по середине каждой стены... Внутренние стены трех ярусов, кроме нижнего, оштукатурены, украшены лепною работою и над южною дверью, сверх лепного украшения, убраны разноцветными муравлеными плитами... Наконец, над самым этим ярусом (над верхним) еще не разрушившийся купол, с отверстием в середине. Снаружи... галерея. Внутри этой галереи сделаны отделения или комнаты различной величины... Кажется, галерея эта служила для входа в двери второго яруса, но для входа в нее снаружи нет лестницы, так же как не видно и особенного схода внутрь».

Ф. Х. Эрдман и П. П. Свинын также считают здание судейским домом, а И. Березин отвергает это мнение: «... палата есть не что иное, как одна из лучших Болгарских мечетей. Расположение здания переднюю частью на юго-запад (к Мекке) указывает его назначение, а название Судной палатой принадлежит к числу новейших, и притом ложных, толкований. Единственный вход был с северо-восточной стороны; прямо против входа внутри находился «михраб» – указание Меккинской стороны – с разными украшениями и ниши квадратные или полукруглая». Примыкавшие к мечети постройки И. Березин считает помещениями для служителей мечети или вспомогательными помещениями медресе. О разноцветных муравленых плитах, о которых упоминает Кафтанников, он говорит: «... но я не мог их открыть и сомневаюсь в их существовании».

В. В. Егереv утверждает: «... назначение Черной Палаты долгое время считалось спорным, и только после детального изучения окончательно установлено, что сооружению присущи типичные черты строительства мусульманских усыпальниц... По обычаю того времени здание мавзолея стало потом расширяться за счет пристроек, примыкавших к нему с трех сторон, за исключением лицевой. Позднее возникновение пристроек доказывается тем, что они не составляют органического целого с Черной Палатой, кстати сказать, названной так явно по резкому контрасту темной облицовки стен сооружения с соседним зданием – Белой Палатой, сложенной из белого известняка. При самом тщательном обследовании нижней части мавзолея не обнаруживается конструктивной связи его с пристройками; наклон цокольного этажа также указывает на обособленное положение сооружения». Время строительства памятника В. В. Егереv относит к дозолотоордынскому

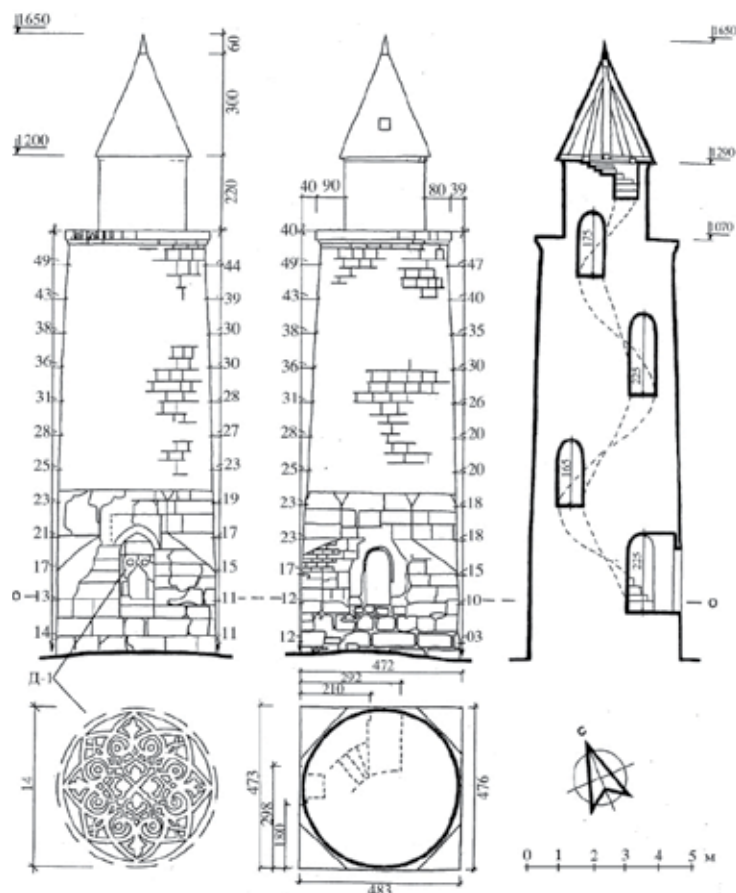

Рис. 223. Архитектурный обмер Малого минарета
в середине 1950-х гг.

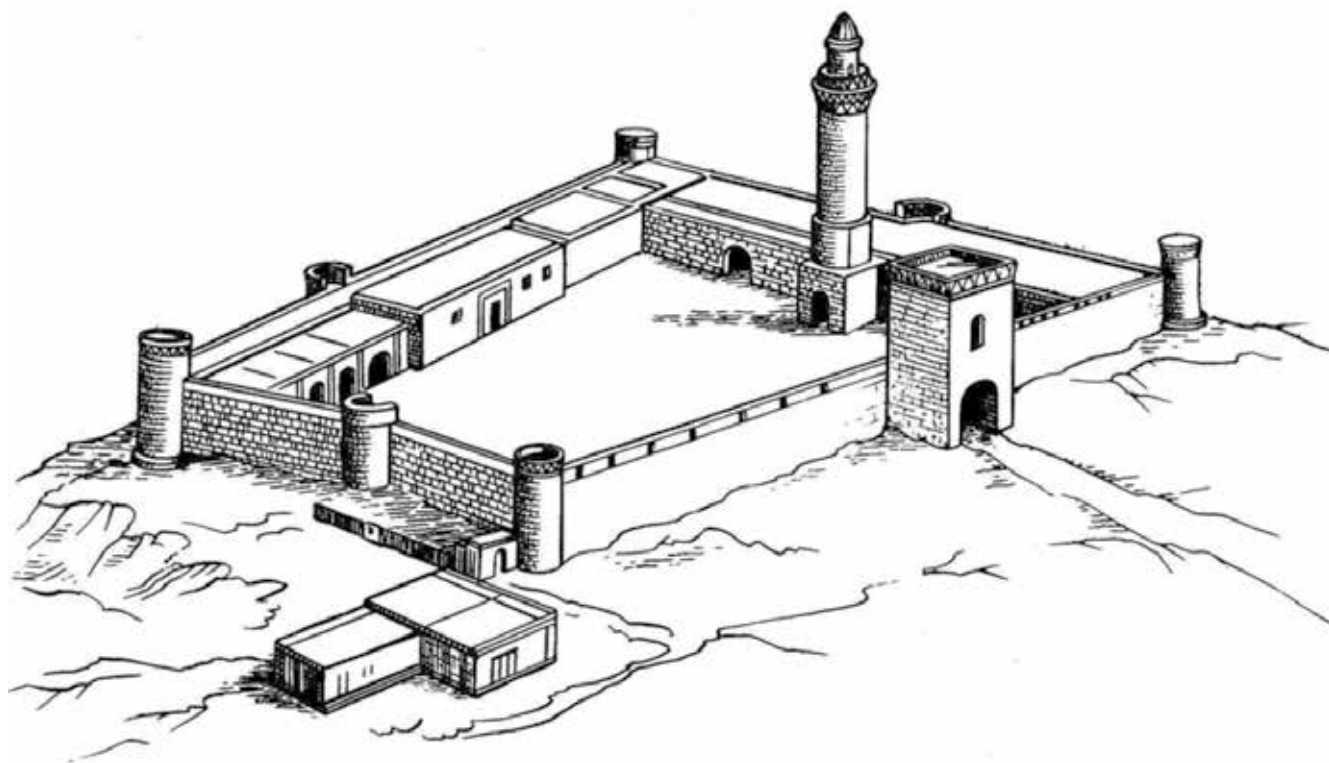

Рис. 224. Ханега на реке Пирсагат. XII–XIV вв. Общий вид. Реконструкция.
http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/3509/ханега.

му периоду – XII–XIII вв., а А. П. Смирнов – к золотоордынскому.

Иконографические источники встречаются в указанных трудах П. С. Палласа, Ф. Х. Эрдмана, А. Шмита, Кафтанникова и других авторов позднейшего времени (рис. 238).

Натурное исследование. По объемно-планировочной структуре Черная палата имеет определенное родство с вышерассмотренными памятниками. Помимо этого, она построена в том же техническом исполнении, относящемся к началу и середине XIV в. Внутренние стены Черной палаты облицованы небольшими туфовыми блоками, более крупными в нижнем и мелкими в верхних ярусах. Внутренние стены нижнего яруса (высота 2,2 м) сохранили следы нетолстой штукатурной обмазки из древнего раствора с мелкой каменной крошкой, стены вышележащих трех ярусов были оштукатурены таким же раствором и сохранили фрагменты лепных архитектурных деталей, составляющих в совокупном представлении нераздельную

композиционную систему декоративной отделки высокого трехсветного подкупольного помещения второго, надцокольного этажа. Высота купольного зала 9,5 м, сторона квадратного основания около 7 м. От нижнего этажа зал отделяется широким горизонтальным уступом (около 15 см), рассчитанным для опирания настила деревянного пола. Разница между отметками уступа и низами боковых проемов южной стены 30 см.

Наиболее крупным участком одной из поздних ремонтных кладок в интерьере являлась середина южной стены обоих нижних ярусов, где имела до реставрации большая арочная ниша недревнего происхождения. Границы разрушений охватывали площадь всей этой ниши, включая кирпичное обрамление вокруг нее, вплоть до двух угловых проемов второго яруса. Как показал зондаж, последние располагаются на месте ранних проемов: под штукатуркой выявлены туфовые блоки стрельчатой арки и боковой стенки (со стороны углов

помещения) древних немного более высоких и чуть сдвинутых к углу помещения проемов. Высота выявленных боковых проемов, симметричных оси южной стены, составляет 145 см, ширина – 57 см. О характере центральной части южной стены до разрушения можно судить по рисункам П. С. Палласа (1768 г.), Дунина (из коллекции Кафтанникова в его описании, 1832 г.), А. Шмита (1827 г.) и по фотографии Ф. Риттиха (1870 г.), показывающим различные стадии разрушения этой стены до ремонтной закладки в виде арочной ниши (рис. 71). Они свидетельствуют о том, что центральная часть южной стены на втором ярусе изнутри трактовалась идентично другим стенам. Правда, на отдельных рисунках допущены неточности, вводившие в заблуждение некоторых исследователей. Например, на рисунке А. Шмита по бокам центрального разрушенного проема показаны парные пилястры, расположенные под такими же пилястрами (с капителями и базами) третьего яруса. Как показала тщательная натурная проверка, на третьем ярусе вместо пилястр располагаются вертикальные части прямоугольных обрамлений оконных и троповых ниш. Следов пилястр на втором ярусе также не было обнаружено ни на одной из сторон. Они отсутствуют и на рисунке Дунина, где центральная арка второго яруса южной стены вписана в прямоугольную нишу, что имеет место сейчас в натуре под проемами трех остальных стен интерьера. Таким образом, первоначальный облик интерьера Черной палаты может быть реконструирован полностью, исходя из наличия сохранившихся фрагментов лепных украшений по штукатурке, ранее исполненного рисунка Д. И. Корсунцева и обмерных чертежей Р. М. Муртазина, исполненных в 1938 г. (рис. 66).

Пол нижнего яруса здания состоит из трех слоев: верхней толстой корки (3-4 см) известково-песчаного раствора с каменной крошкой, слоя мелкого бута под заливкой менее прочным раствором и выравнивающей грунт песчаной подготовки. Общая толщина слоев 50 см. Входной проем в северной стене нижнего четверика состоит из поздней кирпичной обкладки, оштукатуренной со стороны интерьера. Зондаж поздней штукатурки позволил выя-

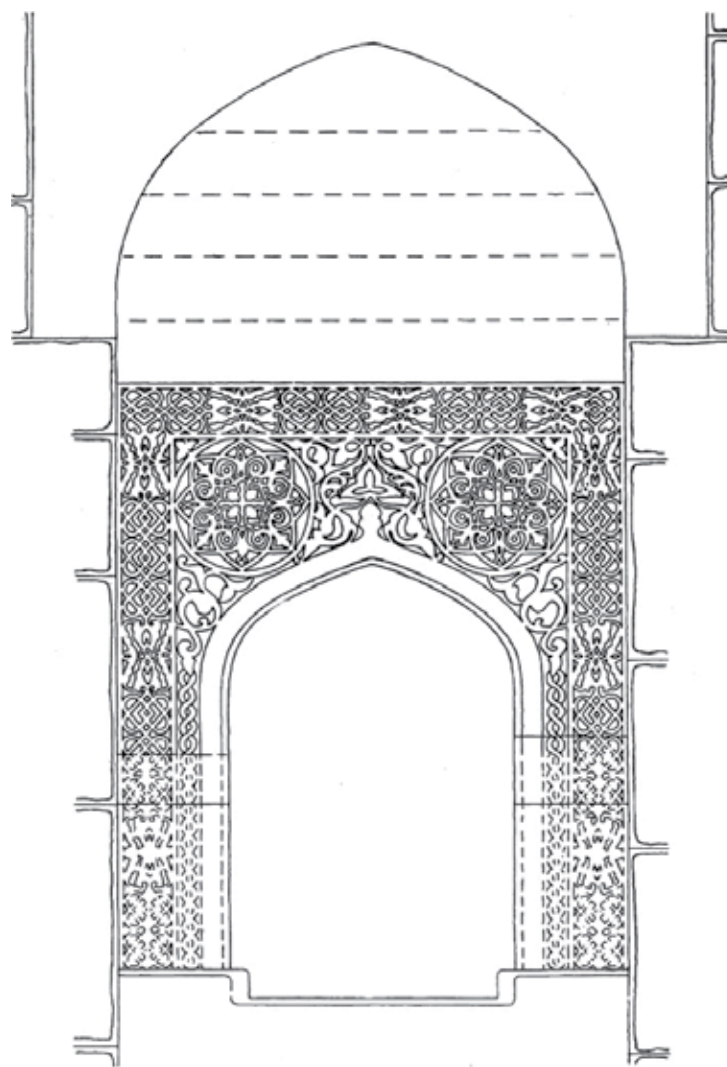

Рис. 225. Вариант реконструкции узора ниши Малого минарета.

вить три туфовых блока, обрамлявшие некогда клинчатую кладку более раннего входа. Кроме того, внизу кирпичная кладка нового обрамления уложена частично на верхний слой древнего пола, пролежавшего на том же уровне над порогом первоначального проема. Все это указывает на то, что вход в цокольном ярусе сложен из кирпича по следам разрушенного проема. По размерам этот проем близок к боковым проемам второго яруса южной стены, возможно первоначально являвшимся проходными, а не оконными проемами.

Исследование купола показало, что его кривизна в сечении составляет не полуциркулярную, а несколько более пологую, коробовую трехцентровую кривую. Толщина купола со-

Рис. 226. Минареты Киек-медресе в Сивасе. Турция, XIII в. <http://www.putevoditel.nakurorte.ru/892-sivas.html>.

ставляет в замке 20 см, в основании 30-35 см и состоит из туфовых блоков, скрепленных древним прочным раствором. Верхнее отверстие имеет неправильное овально-ломанное очертание и носит характер разрушения от постоянного скопления влаги на почти горизонтальной поверхности полого сверху купола, находившегося длительное время под открытым небом. Своей сохранностью в остальных частях столь тонкий купол (относительно стен здания) обязан лишь большой прочности раствора с мелкой каменной крошкой, напоминающего окостеневший материал. Конструктивный анализ в сопоставлении с предшествующими постройками Болгара показывает, что стены наружного восьмигран-

ника Черной палаты подверглись наибольшему разрушению от распорных сил купола не случайно, сохранившись к моменту натурного исследования благодаря указанному железному обручу, установленному в 1927 г. Надежное конструктивное равновесие купольной системы Черной палаты могло быть создано во время изначального возведения купола только при наличии большой нагрузки на стены отмеченного восьмигранника от вышележащей кладки, частично компенсирующей распорное усилие основания купола. Именно таким путем создан баланс равновесия конструктивных усилий в здании Никольской церкви, благодаря чему его верхняя часть дошла до нашего времени, не имея значительных распорных трещин. Здесь же такое балансирование требовалось с большей необходимостью, так как основание купола значительно приподнято над тропками (из-за устройства светового яруса благодаря оконным проемам) и тем самым устранена возможность передачи части распорной нагрузки на углы нижнего четверика. Следовательно, под куполом Черной палаты с неизбежностью должно было существовать второе наружное каменное покрытие. Необходимость тяжеловесного наружного покрытия, возможно с чердачным пространством, как в Никольской церкви, определяется, помимо конструктивных причин, и необходимостью защиты внутреннего очень пологого и тонкого свода от воздействия атмосферных осадков, т. е. по климатическим причинам. Таким покрытием, придающим статическую устойчивость нижележащему восьмиграннику, могло быть, например, покрытие, аналогичное завершению той же Никольской церкви, где стены восьмигранника поднимаются немного выше основания купола и переходят в кладку более тонких, но весомых каменных стен шатрового покрытия. Для проверки данной гипотезы был произведен зондаж над верхним срезом восьмигранника на уровне основания купола Черной палаты. Вскрытие показало, что существующее завершение стен восьмигранника снаружи поднималось действительно выше. От древней кладки сохранились только остатки туфовой забутки, возвышающиеся над позднейшей облицовкой самой верхней части фасада восьмигранника на

25-30 см. Кладка забутки на прочном древнем растворе прерывается в виде неровной штрабной поверхности, свидетельствуя, что кладка продолжалась выше. Но до какой высоты она поднималась, установить точно сейчас невозможно. На обмерном чертеже А. Шмита, зафиксировавшем одну из стадий разрушения памятника, кладка над нишей фасадного восьмерика возвышается на четыре ряда и прерывается неровным, уступчатым срезом. Четыре ряда кладки составляют уже вдвое большую высоту относительно сохранившейся, приближаясь по размеру к ширине вертикальной части прямоугольного обрамления указанной ниши, как в интерьере, где окно нижнего яруса восьмигранника также обрамлено прямоугольной рамкой постоянной ширины. Возможно, как и в интерьере, над прямоугольным обрамлением ниши фасада располагалась еще карнизная полочка, функционально необходимая для отвода дождевой воды. Указанный зондаж показал также, что кладка основания купола снаружи не перевязана с кладкой завершения восьмигранника, а отделена обмазкой древним раствором до самой пяты. Кладка же завершения восьмигранника произведена не по окружно-

сти, а параллельно сторонам восьмигранника. Последнее говорит в пользу предположения о завершении восьмигранника шатром или восьмицольным сомкнутым сводом с чердачным помещением. Подтверждением этому, в некотором смысле, может служить большое распространение подобного типа покрытий в XIII–XIV вв. в сооружениях стран мусульманского Востока (см. ниже). Наиболее вероятная высота наружного восьмигранника может быть определена, с некоторой долей условности, путем сравнительного пропорционального анализа наружных и внутренних членений здания и выявления общих закономерностей геометрического построения в соответствии с другими реконструируемыми частями здания.

Обследование наружной облицовки Черной палаты показало наличие большого числа ремонтных заделок на всех ярусах. Судя по материалу кладки, они производились в разные времена. Древняя туфовая облицовка фасадов состоит из двух типов блоков: относительно грубоотесанных блоков средних и малых размеров и тщательно отесанных и пригнанных друг к другу крупных квадратов. Последние не были рассчитаны под штукатурку, так как следов древней известковой обмазки на них не обнаружено даже в порах лицевой поверхности. Из блоков первого типа облицованы древние части двух верхних ярусов. Следы древней подштукатурной обмазки в них сохранились в тимпанах ниш восьмерика. На обмерном фасаде А. Шмита северное окно верхнего четверика имеет закладку, прорезанную круглыми отверстиями для вставки стекол. Остатки такой закладки с круглыми отверстиями были обнаружены в культурном слое при археологических раскопах 1966 г. под руководством А. П. Смирнова. Закладка представляет собой плиту с отверстиями, отлитую из известково-песчаного раствора. Одна сторона такой плиты имеет декоративную отделку: вокруг кру-

Рис. 227. Малый минарет и руины Ханской усыпальницы. Фото 1894 г. Альбом «Волга от Истока до Каспия». М, 1903.

глых отверстий описаны шестиугольные тяги, связанные одна с другой в виде плетеного геометрического узора.

На поверхности фасадов двух верхних ярусов следов примыкания пристроев не обнаружено. Фасады самого нижнего четверика – цокольного яруса – целиком состоят из поздней наклонной облицовки. Следов древнего раствора в швах их кладки не обнаружено. Облицовка состоит из разных пород камня и кирпича, среди которых встречается много блоков и от древних разрушенных облицовок, причем один из таких блоков сохранил даже профилированную деталь. Фасады среднего, основного яруса четверика представляют собой сложную картину и требуют рассмотрения каждого по отдельности, так как они имеют следы не только разнородных кладок, но и примыкания стен древних пристроев, причем примерно совпадающих с их расположением на обмерном плане А. Шмита и рисунке П. С. Палласа.

Северный фасад второго яруса. Этот фасад почти целиком облицован из древних крупных блоков с тонко пригнанными швами. Исключение составляют поздняя кирпичная обкладка центрального проема и углы фасада, где между крупными блоками встречаются заполнения из древних блоков первого типа мелких туфовых блоков на том же растворе. На обоих углах имеются и следы поздних перекладок на обычном известковом растворе: на левом – целиком на всю высоту, на правом – частично, главным образом внизу. На обмерном фасаде А. Шмита представлены разрушенными оба угла второго яруса целиком, без показа мелкой кладки древних углов. Очевидно, А. Шмит принял последнюю за позднюю заделку. В действительности же оба угла состоят из смешанной кладки из

Рис. 228. Северный фасад Ханской усыпальницы после консервационных работ начала 2000-х гг. На втором плане – Малый минарет.

крупных и мелких древних блоков, и в правой части эта кладка сохранилась до самого угла. Видимо, неоштукатуренная плоскость северного фасада на углах в древности трактовалась по-иному: в этих местах имелось примыкание поперечных стенок некоего северного или двух боковых (восточного и западного) пристроев. На обмерном плане А. Шмита пристрой условно обозначены только с боков, со стороны восточного и западного фасадов. На исследуемом ярусе фасада у него мы видим ныне утраченную профилированную обкладку центрального проема на месте существующей поздней кирпичной кладки. Проем завершался не стрельчатой; а дугообразной (сегментной) кривой. Блок облицовки под замковой частью прежней кривой утрачен, и это место заменено поздней кирпичной обкладкой в виде не сегментной, а стрельчатой арки (очевидно, в попытке воссоздать при ремонте этой стены аналогию с другими проемами). Над замковой частью арки входа сохранилась древняя прямоугольная нишка, вытесанная в едином каменном блоке и изображенная на чертеже А. Шмита. В нишке, возможно, размещалась надпись, а ее наличие только на этом, отно-

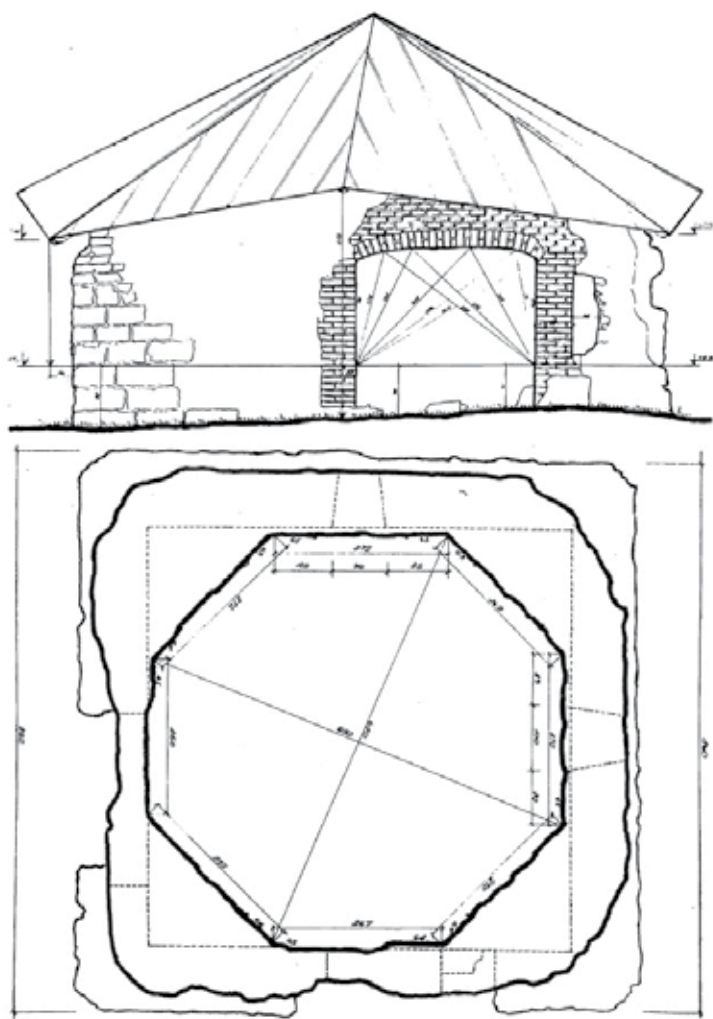

Рис. 229. Обмер Ханской усыпальницы в состоянии до реставрационных работ. Южный фасад и план.

сительно более богато оформленном фасаде, указывает на возможность размещения с этой стороны, с уровня второго яруса, главного входа в помещение и, следовательно, на существование перед этим входом несохранившегося северного пристроя.

Западный фасад второго яруса. Эта сторона имеет следы древнего раствора только с боков фасада, где кладка углов состоит из древних мелких блоков, напоминающих остатки вырубки стен пристроя с западной стороны, как на отмеченном плане А. Шмита. Ближе к центру на фасаде прослеживаются следы облицовки из древних крупных квадров, перевязанных с кладкой угловых мелких блоков в виде вертикальной штрабы. Это указывает на то, что фасад между стенками угловых пристроев был облицован целиком из таких же плит, не

имеющих следов штукатурного налета, как на северной стороне. К моменту данного исследования центральная часть фасада имела также значительные следы позднейших ремонтов – представляла собой разнородную кладку на обычном известковом, смешанном известково-цементном и цементном растворах.

Южный фасад второго яруса. Древняя кладка здесь сохранилась лишь в боковых верхних частях фасада, без следов вырубки, и состоит только из мелких блоков, рассчитанных под штукатурку. Нижняя граница древней облицовки пролегает выше (на 15-20 см) уровня низа боковых проемов и совпадает с уровнем горизонтального уступа на втором ярусе восточного фасада. Выше этой границы древняя облицовка фасада сохранилась в пределах между его углами и боковыми проемами, огибая кирпичную обкладку последних и поднимаясь кверху с некоторым наклоном к центру. У мест примыкания ее к кирпичной обкладке боковых проемов заметны были следы клинчатой кладки более древних арок (по пять блоков с каждой стороны). Они свидетельствуют о том, что боковые проемы фасада не являются результатом поздней реконструкции, как считают некоторые упомянутые исследователи (И. Березин и др.), и позволяют установить размер первоначальных проемов (высота 145 см, ширина 57 см).

Как и в интерьере, низы поздних проемов на втором ярусе южной стены совпадают с основанием древних и располагаются на 20-25 см выше оснований центральных проемов каждой стены этого яруса. Следов вырубки примыкавших вертикальных стен южного пристроя, согласно плану А. Шмита и рисунку П. С. Палласа, на втором ярусе фасада найти не удалось ввиду позднего характера кладки всей центральной части стены. По рисунку П. С. Палласа известно, что в центре фасада располагался такой же проем, как и с восточной стороны, а на уровне низа боковых проемов существовали цилиндрические своды над двумя боковыми помещениями первого этажа южного пристроя. Под центральным же проемом на рисунке отсутствуют следы сводов. Очевидно, здесь располагалась деревянная лестничная площадка наружного пристроя, так

как остатков бывших каменных ступеней здесь при раскопе не обнаружено.

Восточный фасад второго яруса. Почти вся поверхность фасада представляет собой древнюю кладку из мелких неровных блоков со следами наружной штукатурки. Заплатки от ремонтных кладок заметны лишь на углах фасада, появились они, по всей вероятности, при выравнивании мест примыкания стен разрушенного пристроя, согласно плану А. Шмита. Следов же от примыкания предполагаемых, соответственно тому же плану, двух средних поперечных стенок пристроя на фасаде не замечено. Тщательное обследование этих мест показало, что эти поперечные стенки не поднимались выше первого яруса, как и изображено на рисунке П. С. Палласа. На уровне около 40 см выше центрального проема пролегает упомянутый горизонтальный уступ вдоль всего восточного фасада. Ниже уступа кладка древняя (исключая мелкие заплатки), но неровная; раствор швов здесь не доходит до наружной поверхности кладки, где отсутствуют и следы древней штукатурной обмазки. Все это создает впечатление вырубки примыкавших здесь продольных цилиндрических сводов трех нижних помещений пристроя. На рисунке П. С. Палласа остатки такого свода на этом же уровне показаны только на южном фасаде: они опираются на горизонтальный выступ немного уширенной здесь стены. Вероятно, таким же горизонтальным выступом, образованным после вырубки цилиндрических сводов, и является существующий уступ на восточном фасаде (нижележащий выступ наклонного цоколя, как отмечалось, представляет собой позднюю кладку). Если над сводами нижних помещений восточного пристроя имелся пол располагавшегося над ним верхнего помещения, то его уровень и должен примерно совпасть с уступом в нижней части второго яруса восточного фасада. Низ центрального проема в пределах до уровня этого уступа также не имеет следов четкой обкладки и состоит из поздней выравнивающей кладки. На схематичном рисунке П. С. Палласа низ проема и уровень уступа совпадают, а сам уступ показан ниже существующих границ. В естественном виде низ проема опущен еще ниже, соответственно низу

цокольного выступа изнутри помещения, на который, как отмечалось, опирался накат деревянного пола высотой около 30 см. Понижение низа проема снаружи было произведено, очевидно, уже после исчезновения внутреннего пола, во время одного из ремонтов, в целях уравнивания отметок всех центральных проемов второго яруса. Это видно из сравнения восточного проема с северным, верх которого, имевший вид дугообразной арки, был приподнят в виде стрельчатого завершения до высоты восточного проема, в то время как низ последнего был опущен до уровня северного проема. Таким образом, высоты обоих этих проемов первоначально тоже были почти равны, но только располагались проемы на разных уровнях ввиду разных горизонтальных отметок примыкавших

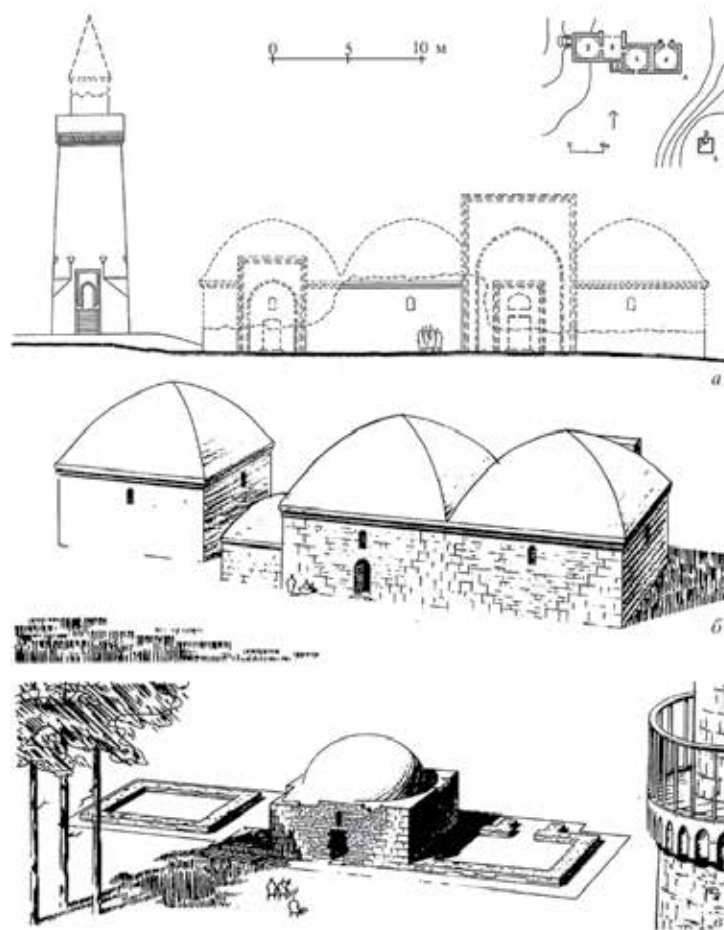

Рис. 230. Ханская усыпальница в комплексе с бывшими пристроями:

- а) опыт реконструкции северного фасада по позднему периоду функционирования (после разгрома города в 1361 г.);
- б) реконструкция общего вида с юго-восточной стороны (до событий 1361 г.).

к ним полов пристроев. Если, например, проем северного фасада, облицованного крупными плитами и рассчитанного на экстерьерное восприятие с открытой наружу площадки над предполагаемым северным пристроем, служил наружным входом в помещение второго яруса, то проем восточного фасада, оштукатуренного изначально и служившего ввиду этого некогда стеной замкнутого помещения на уровне второго яруса восточного пристроя, являлся дверным проемом между внутренними помещениями, расположенными на разных уровнях с разницей в одну или две ступени. На уровне бывшего внутреннего деревянного пола центрального зала располагаются низы двух боковых проемов южного фасада. Вероятно, на этом же уровне располагался низ и восточного проема со стороны существующего фасада.

Итак, обследование восточного фасада второго яруса приводит к заключению, что пристрой с этой стороны имел сводчатое покрытие над помещением первого этажа, а уровень пола помещения второго этажа располагался в пределах 40-45 см выше существующего низа центрального проема фасада. Помещение второго этажа располагалось вдоль всего восточного фасада, не разделяясь на три секции, как в нижнем ярусе. Изнутри оно было оштукатурено. Завершение же проема восточного фасада сохранилось в своей первоначальной стрельчато-арочной форме, располагаясь на 40-45 см выше проема северного фасада и имея примерно одинаковую с ним высоту. Судя по отметке низа облицовки второго яруса северного фасада крупными блоками, уровень пола предполагаемого входного пристроя с этой стороны располагался на 25-30 см ниже существующего порога входа. Тем самым разница в отметках полов второго яруса северного и восточного пристроев составляла 65-75 см.

Для проверки правильности результатов приведенного обследования, определения более точных границ пристроев и характера перевязки их стен со стенами основного помещения и установления даты первоначального строительства памятника летом 1966 г. вокруг

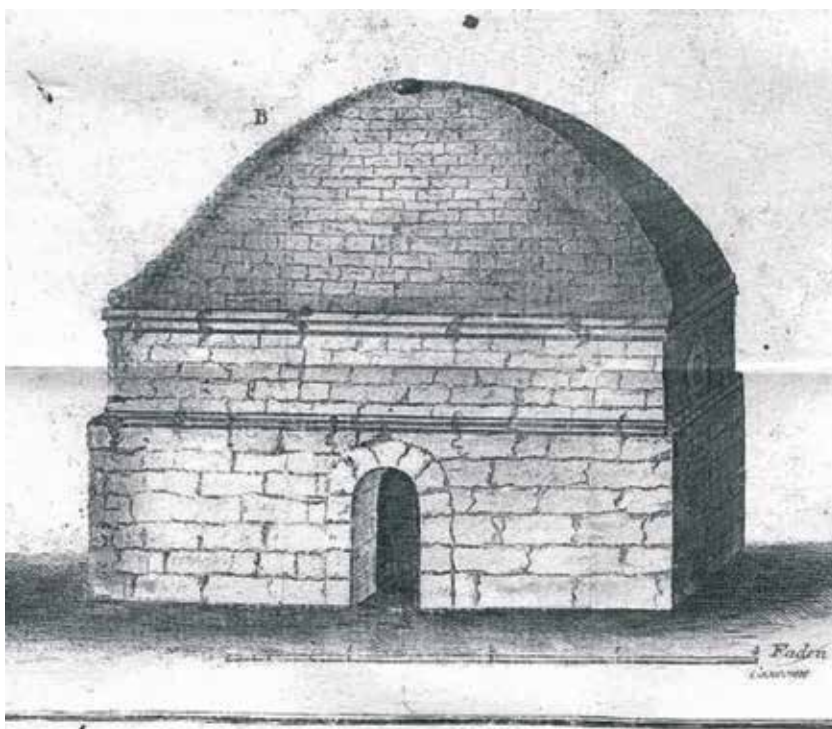

Рис. 231. Несохранившаяся усыпальница в районе Малого минарета. Рисунок из сочинений П. С. Палласа. 1768 г.

Черной палаты был заложен археологический раскоп под руководством А. П. Смирнова, вскрывший основания окружавших пристроев (рис. 72). В итоге время первоначального строительства памятника было определено серединой XIV в. Эта дата согласуется и с результатами историко-архитектурных исследований, относящими время возможного появления сооружения по строительно-техническим и типологическим признакам к периоду между завершением строительства комплекса с Соборной мечетью (30-е годы XIV в.) и разрушением города в 1361 г. Это согласуется также с результатами сравнительного анализа памятника с аналогичными типами сооружений в странах мусульманского Востока (см. ниже).

Одновременно с археологическим вскрытием автором велось архитектурное исследование подземной части памятника производством ряда необходимых дополнительных шурфов и зондажей в кладке фундаментов его цокольного яруса. Последние подтвердили поздний характер всей цокольной облицовки, которая покоилась на самостоятельном фундаменте из мелкого разнородного бука на известковом растворе XIX в. На зондируемых участ-

Рис. 232. Мавзолей Хусейн-бека под Уфой (Башкирия, XIV в.) – один из ближайших аналогов Ханской усыпальницы.

ках западного, восточного и южного фасадов за кладкой поздних фундаментов цокольного яруса выявлены были фрагменты древних фундаментов, перевязанных с фундаментами пристроев в единую первоначальную систему. Они показали ошибочность заключения И. В. Егерева, что «при самом тщательном обследовании нижней части мавзолея не обнаруживается конструктивной связи его с пристройками». Пристрой со всех четырех сторон составляет органическое целое с первоначальным обликом Черной палаты. Археологическим заключением отвергается также мнение В. В. Егерева, что здание являлось мавзолеем. Кроме того, раскопки вскрыли часть новых пристроев, не отмеченных на плане А. Шмита: они окружали здание со всех четырех сторон. Это был не пристрой, а изначальные двухъярусные крытые галереи с небольшими помещениями, чередовавшиеся на верхнем ярусе, по всей очевидности, с открытыми наружу лоджиями на северном и западном фасадах, в местах, где существовала облицовка стен основного объема неоштукатуренными квадратными блоками, зрительно воспринимаемыми с отдаленных

расстояний. В северной части западного фасада основного объема над примыкающим фундаментом галереи сохранился нижний ряд кладки поперечной стены ее нижнего яруса из относительно древних небольших блоков со следами штукатурной обмазки. Стенка не имеет надфундаментного уступа, поэтому ее штукатурная обмазка как бы нависает над плоскостью кладки фундамента. На том же уровне начинается кладка стен основного объема здания. Последняя также имеет такие же следы штукатурной затирки, но ее фундамент на 10 см выступает вперед. Высота фундамента основного объема в этой части составляет 1,8 м, а фундамента галереи – 1,1 м. Аналогичную картину мы встречаем на таком же (симметричном первому) углу проти-

воположного фасада. Здесь у сохранившегося основания стенки (два ряда кладки) имеется слой штукатурки, переходящий в горизонтальный слой обмазки пола из такого же твердого раствора с мелкой каменной крошкой. Под обмазкой –бутощевеночная подсыпка (25-30 см) с заливкой известково-песчаным раствором. Уровень этого пола совпадает с обрезом фундамента основного объема здания. Кладка П-образного ответвления в северо-западном углу галереи произведена несколько позже возведения здания с галереями. На это указывают более крупная крошка камня в растворе и отсутствие в нем крошек обожженной глины и угля, а также сама кладка из более мелкого туфа. Кроме того, П-образное ответвление имеет неглубокий фундамент (25-30 см) только под широкой западной частью. Восточная часть его несколько налегала на кладку стен галереи, не имея перевязки с ней. Боковые стенки ответвления представляют собой два параллельных обрамления бывшего лестничного подъема, постепенно возвышавшегося некогда в сторону галереи, но сильно осевшие из-за отсутствия под восточной частью ответвления необходи-

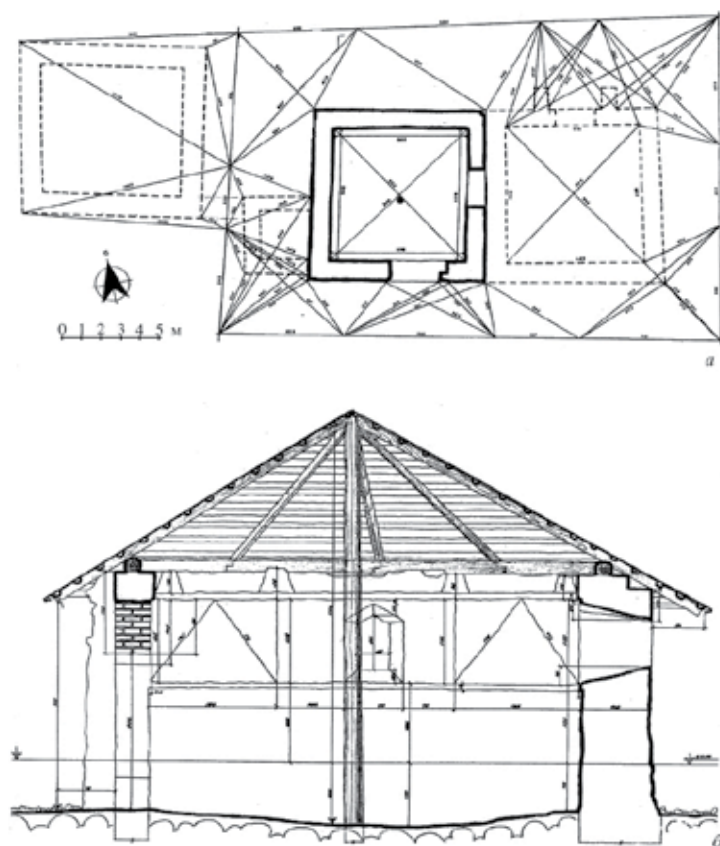

Рис. 233. Ханская усыпальница:

а) архитектурный обмер археологического раскрытия комплекса несохранившихся сооружений, пристроенных в различные годы к сохранившимся руинам (работы конца 1960-х – начала 1970-х гг.);
б) обмер разреза сохранившейся части комплекса по оси юг-север с видом на западную стену интерьера.

мой глубины фундамента. Очевидно, над стенками была значительная нагрузка от каменных блоков ступеней, опиравшихся с двух сторон на них. Боковые наружные поверхности стенок ответвления сохранили следы штукатурки. Первоначально лестница на этом месте могла быть деревянной, как предполагаемые лестницы на южном фасаде. Что касается двух выступов стен галереи перед лестничным подъемом, то такие же выступы мы встречали перед главным входом в Соборную мечеть, перед входами в два мавзолея и перед восточным пристроем к Ханской усыпальнице, где они являлись остатками порталных ниш. Аналогичную картину в плане мы имеем и здесь, у подъема на северную часть галереи, являвшейся, очевидно, более парадной, чем остальные части.

Любопытной деталью является канал, обнаруженный на уровне основания галереи в середине ее восточной стороны. Канал имеет квадратное сечение (около 30 x 30 см) и пролегает с небольшим, но заметным равномерным уклоном по направлению центрального объема. Прорезая стену четверика, он выходит вовнутрь цокольного яруса главного объема на уровне чуть ниже уровня пола и не распространяется дальше от восточной стены. Судя по всему, этот канал предназначался для ввода гончарных водопроводных труб, находимых на территории городища. Известно, что они состояли «из коротких отрезков в 25-40 см, имея в диаметре 10-13 см. Такие трубы обычно пролегли под мостовой в ложе, образованной двумя параллельными рядами камней» (Смирнов, 1951, с. 200-203). Аналогичное устройство мы видим и в Черной палате, так как при обследовании в глубине канала под стеной был обнаружен осколок гончарной трубы. Зигзагообразное направление его внутри галереи объясняется стремлением строителей обогнуть поперечную стенку первого яруса пристроя, располагавшегося, вероятно, на пути наружной водопроводной линии. Кстати, квадратное отверстие в восточной стене нижнего яруса палаты обозначено и у П. С. Палласа.

В результате исследования становится ясной первоначальная объемно-планировочная структура памятника. Наличие с южной стороны главного зала трех входных проемов, из которых боковые сообщались с помещениями пристроев, а центральный с наружным пространством, свидетельствует о том, что здание не могло являться культовым сооружением: иначе с этой стороны располагалась бы михрабная ниша. А водопроводный ввод внутрь главного объема указывает на то, что здание не могло являться и мавзолеем. Помещения в цокольной части галереи с очень толстыми стенами при небольшой площади внутреннего пространства и отсутствии отопления не являлись местом для жилья. Их возможное назначение лучше всего согласуется с сообщениями некоторых из вышеуказанных авторов (П. С. Паллас, Ф. Х. Эрдман, Кафтанников) о местных преданиях, относящих здание Черной палаты к ханскому судилищу.

Удивительно то, что с таким назначением, казавшимся несовместимым с позднейшей объемно-планировочной структурой памятника, согласуется и вся остальная часть выявленного исследованием древнего облика памятника (рис. 239, 240). Определяется это резким контрастом пышно декорированного и хорошо освещенного дневным светом просторного купольного зала второго яруса, могущего служить залом суда, с мрачными, тесными и сырыми помещениями под галереями, являвшимися, скорее всего, камерами для временного содержания подсудимых. Это соответствие заставляет отнести к сообщению о таком назначении памятника как достоверному факту. Особый интерес в этом отношении представляет следующее объяснение функции здания 80-летним муллой из деревни Большая Елга, записанное в 1832 г. Кафтанниковым. «Первое название (судейская палата) есть ее настоящее, потому что в этой самой палате царствовавшие в Болгарах ханы производили суд над виновными подданными в совете трех судей, избранных из среды народных старейшин. Уважаемые по их добродетельным делам и по превосходству разума, судьи эти, как первосвященники, управляли народом; совету и приго-

вору их были все прислушны, даже и самый хан не всегда дерзал противиться их воле: слова их были законом и волею Аллаха. Когда надо было производить суд, то каждый из судей входил в палату особенною дверью; почему их и было четыре, сообразно четырем частям света. В западный (портальный вход. – С. А.) всегда входил хан из своего дворца, который находился близ самой палаты. Второе название (Черная палата) она получила уже впоследствии, от загорания дымом во время пожара, а именно со времен нашествия Тамерлана (Булак Тимура в 1361 г.)». С выявленной планировкой это согласуется следующим образом. Главный вход – «ханский» – в здание действительно ведет с западной стороны (со стороны лестницы, ведущей на относительно более представительную северную галерею с главным южным входом и надписью над ним). Напротив этого входа, с южной стороны, располагается другой, несколько более скромный вход для народных старейшин. Войдя в зал, двое из трех старейшин могли в целях соблюдения указанного порядка выйти через боковые служебные проемы южной стены и, пройдя боковые галереи, войти вновь в зал судилища каждый через свою дверь в западной и восточной стенах зала.

Так это происходило в действительности или нет, утверждать трудно. Но, во всяком случае, согласованность с сообщением предания имеется, а об ошибочности иных трактовок назначения памятника мы убедились при натурном обследовании.

Аналогии. Центральное подкупольное ядро Черной палаты обнаруживает общее сходство с обширным кругом восточных сооружений рассматриваемого времени как светского, так и культового назначения. В то же время ячейка болгарского памятника обладает признаками, позволяющими заключить ее в определенные хронологические рамки развития подобного типа сооружений в странах Востока.

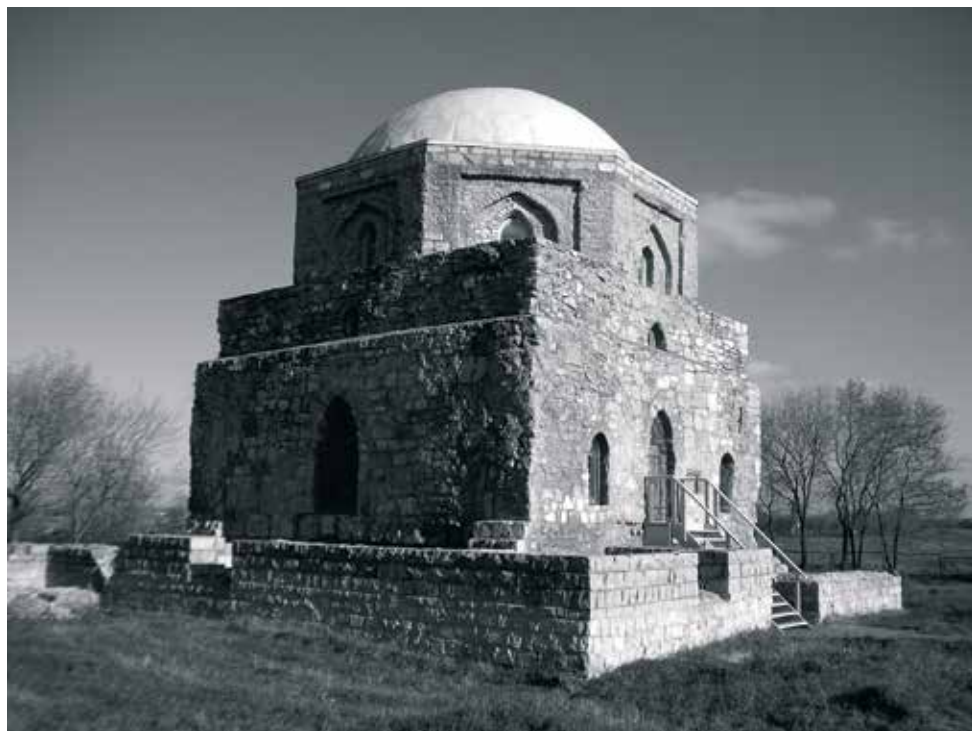

Рис. 234. Черная палата. Середина XIV в. Вид с юго-востока.

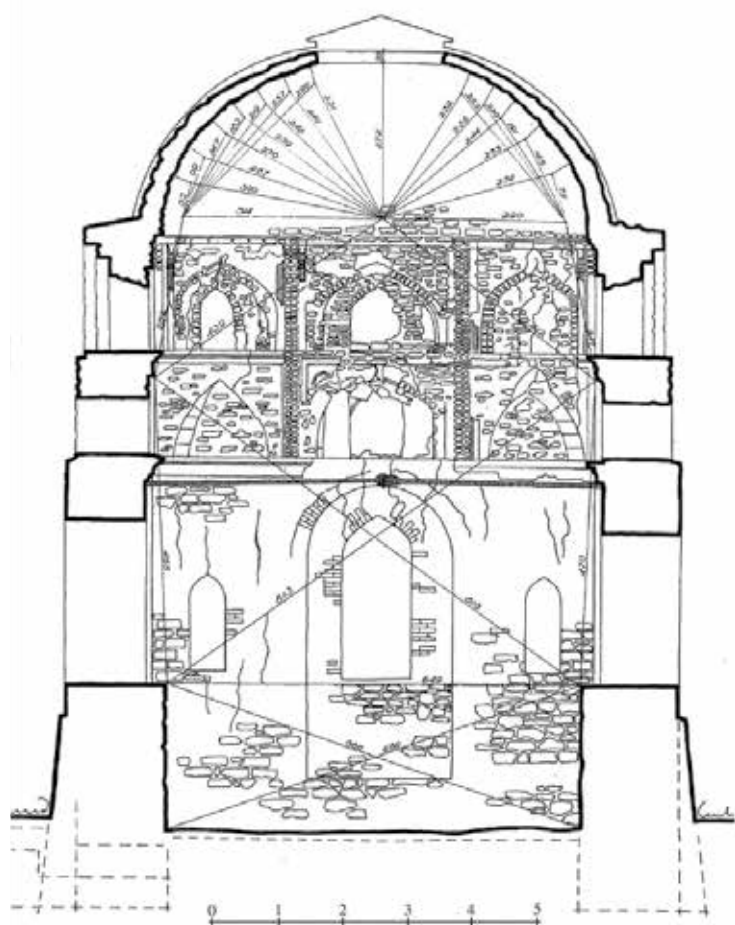

Рис. 235. Черная палата. Обмер разреза по оси восток-запад с видом на южную сторону интерьера. Конец 1950-х гг.

Такими признаками являются самостоятельный надтрюмповый ярус как световой барабан и наружное надсводное покрытие с промежуточным пространством. Сочетание обоих признаков сближает болгарскую ячейку (без галерейного окружения) нагляднее всего со среднеазиатскими, относящимися к середине и второй половине XIV в., а именно с ячейками мавзолеев Тюркбек-ханым в Куня-Ургенче, Ширин-бика-ака в ансамбле Шах-и-Зинда и др. Прогрессивное для своего времени место Черной палаты, как носителя такого типа ячейки наглядно наблюдается в сопоставлении с хронологическим рядом однокупольных мавзолеев ансамбля Шах-и-Зинда в Самарканде, показывающих эволюцию формирования в них надтрюмпового яруса и надсводного покрытия (Массон, Пугаченкова, 1950, с. 79, 80; Ноткин, 1961, с. 181). Это ряд ячеек, образующих объемно-пространственную структуру

восьми мавзолеев (1 – Ходжа-Ахмеда, XIV в.; 2 – Турканака, 1372 г.; 3 – Туглу-Текин, 1375 г.; 4 – Эмир-заде, 1386 г.; 5 – Неизвестного, 1396 г.; 6 – Ширин-бика-ака, начало XV в.; 7 – Туман-ака, 1405 г.; 8 – Казы-заде-Руми, 30-е годы XV в.), в котором относительно ближайшее родство с Черной палатой обнаруживают ячейки мавзолеев Неизвестного и Туман-ака, создававшихся в близкое с ней, но чуть позднее время. В обоих из них впервые в этом ряду появляются надтрюмповые ярусы, но еще не превратившиеся в световые барабаны, как в болгарской ячейке. Последнее указывает на некоторое преимущество ячейки болгарского памятника над двумя самаркандскими, а главное – на отражение ею самой прогрессивной для своей эпохи объемно-пространственной структуры в архитектуре стран Центрального Востока. Родство со среднеазиатскими постройками в Черной палате обнаруживается и в приеме строительной техники, в том, что ту-

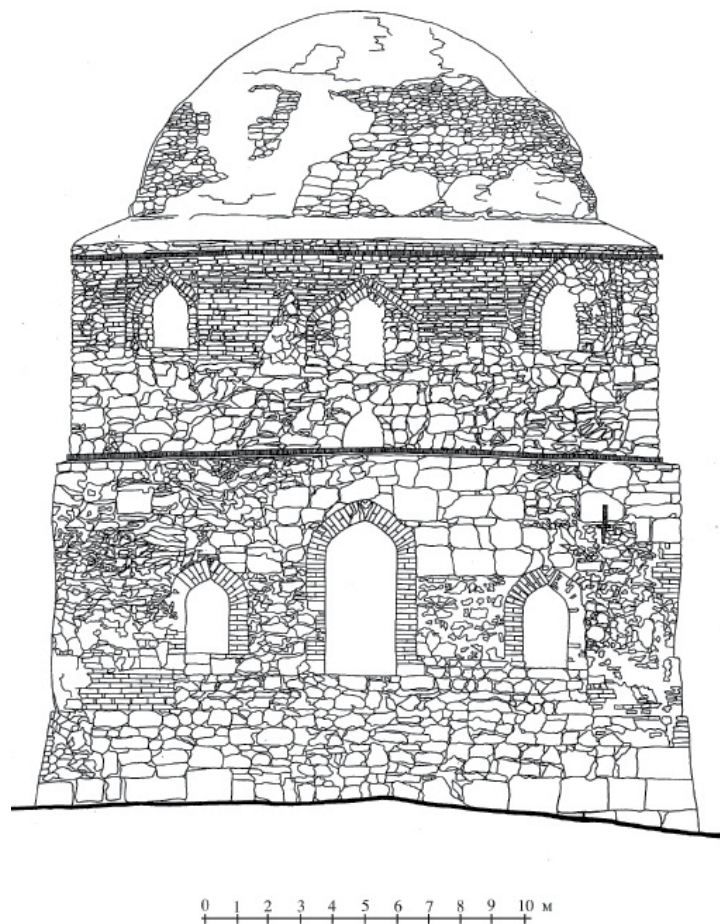

Рис. 236. Черная палата. Обмер южного фасада. Конец 1950-х гг.

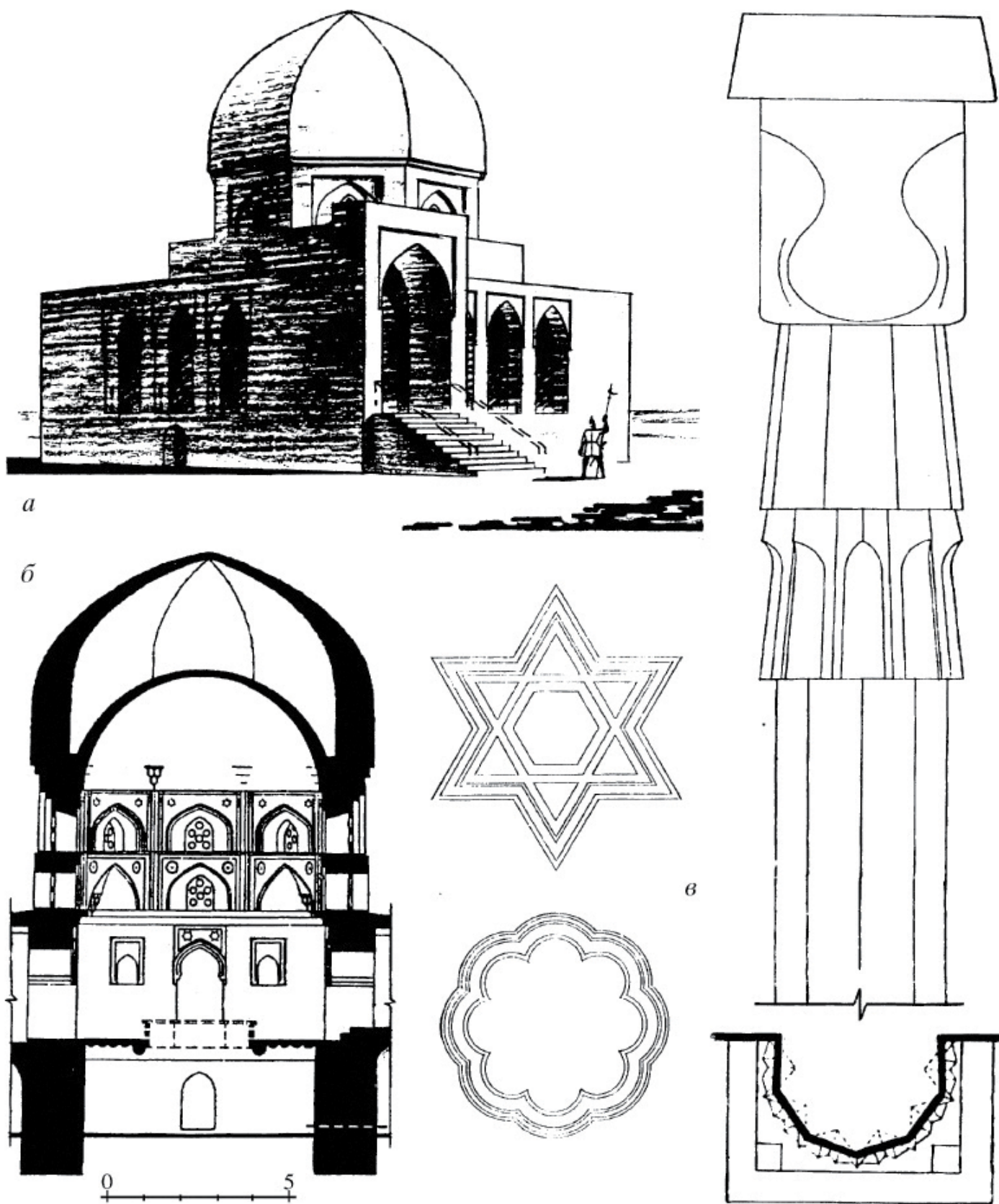

Рис. 237. Опыт реконструкции первоначального облика Черной палаты.
а) общий вид с северо-западной стороны; б) разрез по оси запад-восток с показом северной стены интерьера;
в) элементы декора интерьера по обмерам Р. М. Муртазина в 1938 г.

фовые блоки внутренней и частично наружной облицовки вытесаны по форме и размерам, близким к кирпичным. Особенно близки штукатурные детали – капители приставных колонок, розетки, заключенные в тимпанах ниш над проемами, трюмпы в виде половины сомкнутого свода, характер исполнения сталактит. Сталактитовые переходы осуществлены не целиком в штукатурке (чисто декоративно, как найденные отлитые блоки у северного портала Соборной мечети) и не в вытеске целиком из камня, как принято в каменных постройках Закавказья и Крыма, а предварительным напуском трех рядов диагонально заделанных блоков (по размерам близких к кирпичным) в приеме «ячеисто-сталактитового паруса». Этот прием отмечается в Средней Азии, в Хазаринской мечети, еще в VIII–IX вв. Широкое распространение он получил в среднеазиатских постройках XIV в. – мавзолеях Гумбез Манэса, среднем из группы Касана, Хасан-и-Саурани близ городища Ваенган в Хорезме, Наджмеддина-Кубра в Куня Ургенче, Сейид Алаеддина в Хиве, Хазрети-имам в Шахрисябзе и др. Таким образом, Черная палата по структуре и художественной трактовке центральной ячейки стоит ближе всего к среднеазиатской архитектуре. В этой связи важно отметить, что в архитектуре Средней Азии наружное шатровое (коническое или пирамидальное) покрытие венчает только мавзолеи. Эта закономерность, возможно, распространялась и на постройки других мусульманских стран рассматриваемого времени, в том числе и Волжской Болгарии. В этом случае Черная палата должна была завершаться не шатром, а альтернативным восьми-дольным сомкнутым сводом.

При реконструкции первоначального облика Черной палаты с его галереями и порталным входом перед нами предстает аналогичный тип здания в Баку (Азербайджан), известный под названием «Диван-хане». Оба памятника – двухэтажные, имеют порталный вход на окружающие централь-

ную ячейку крытые и открытые галереи, в центральной части крыты двойным сводом – внутренним сферическим и внешним сомкнутым. Как и Диван-хане, Черная палата входит в ансамбль ханского дворца. Особенно примечательно то, что оба они являются, по преданиям, зданиями ханского судилища. Как и в Черной палате, низкое помещение первого яруса центральной ячейки Диван-хане ближе всего соответствует назначению места размещения подсудимых во время производства суда на втором ярусе. Для визуального общения судей с подсудимыми в разделяющем их междуярусном перекрытии в зале Диван-хане имеется небольшой проем. Ханское судилище в Баку построено в XV в., примерно на столетие позже Черной палаты, а потому, вероятно; в более изысканных формах.

РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

В реставрационной деятельности существует два научных метода поддержания разрушенных архитектурных памятников – консервация и реставрация. Для правильного выбора того или другого и разработки по выбранному методу конкретных практических мер требовалось ясное представление об особенностях каждого из них. Это побудило автора исследования и реставрации болгарских памятников обратиться к опыту отечественной реставрационной практики: с одной стороны, к предпосылочным суждениям, которые имели место в 1965 г. на совещании Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР по вопросам консервации каменной кладки¹³, с другой – к высказываниям некоторых основоположников отечественной научной реставрации (Покрышкин, 1916; Грабарь, 1926). Одним из них, И. Э. Грабарем, отмечалось, что «в понятии «реставрация» необходимо различать два момента – момент ремонта и момент восста-

¹³ В докладе известного в стране архитектора В. И. Федорова (автора реставрации ряда памятников Московского Кремля тех лет) «Некоторые вопросы методики консервации каменной кладки» были отражены современные меры, используемые при консервации архитектурных памятников. Соответствующую реакцию доклад имел в выступлениях не менее популярных специалистов по реставрации памятников архитектуры С. Л. Агафонова, Г. В. Алферовой, В. Я. Либсон, П. Н. Максимова, Е. В. Михайловского. (Сборник совещания Научно-методического совета по охране памятников архитектуры МК СССР, 1965.)

новления». Восстановление, по его мнению, «есть, с одной стороны, удаление позднейших наслоений, накопившихся на памятнике в течение столетий, иначе говоря, есть его раскрытие, а с другой стороны, оно есть восполнение недостаточных в нем частей», а под ремонтом им подразумевалось «максимальное обеспечение сохранности памятника». Главная цель научно поставленной реставрации, пишет он в 1926 г., заключается в максимальном обеспечении сохранности памятника (Грабарь, 1936). Все остальные действия, связанные с понятием «реставрация», он считает подсобными либо второстепенными. Таким образом, указание И. Э. Грабаря на два момента в реставрации в современной формулировке следует понимать так: реставрация есть сохранение плюс восстановление, подразумевая под сохранением инженерно-техническое укрепление и защиту памятника от дальнейшего разрушения. При этом главным из двух слагаемых является первое, а второе используется лишь в том случае, если оно вызывается необходимостью защиты памятника от дальнейшего разрушения, не

являясь самоцелью, могущей привести к дезинформации о первоначальном облике памятника из-за желания восстановить во что бы то ни стало, не имея на то достаточно аргументированной документации. В международной практике такая осторожная форма реставрации приобрела название «консервация», что в латинском переводе означает «сохранение». Это название укрепилось и в советской реставрационной практике 1930-х годов. «Главная цель реставрации, – пишет И. Э. Грабарь уже в 1932 г., – есть консервация памятника». Относительно восстановительного момента он говорил, что «научная реставрация допускает восстановление утраченных частей в архитектуре только в случаях, когда имеются неоспоримые доказательства как самого их существования в прошлом, так и формы их» (Грабарь, 1926, с. 10-11)¹⁴. Этому мнению придерживались и другие основоположники научной реставрации. Например, тенденцию к консервации как к ведущему научно-методическому направлению в реставрационной деятельности можно видеть в высказывании известного в стране

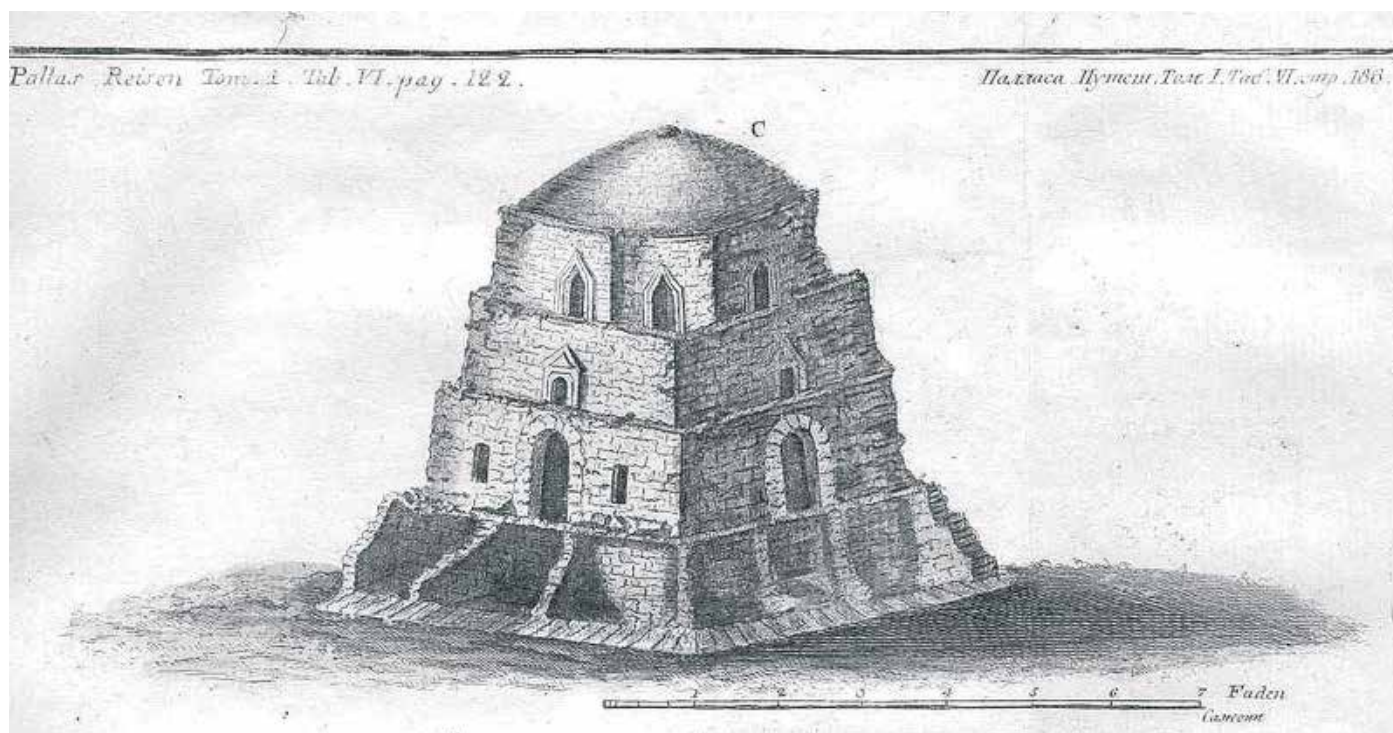

Рис. 238. Черная палата. Юго-восточный вид. Из сочинений П. С. Палласа. 1768 г.

¹⁴ Натурные консервационно-реставрационные работы по Черной палате осуществлялись под совместным надзором с архитектором Р. В. Биляловым в 1980-х гг.

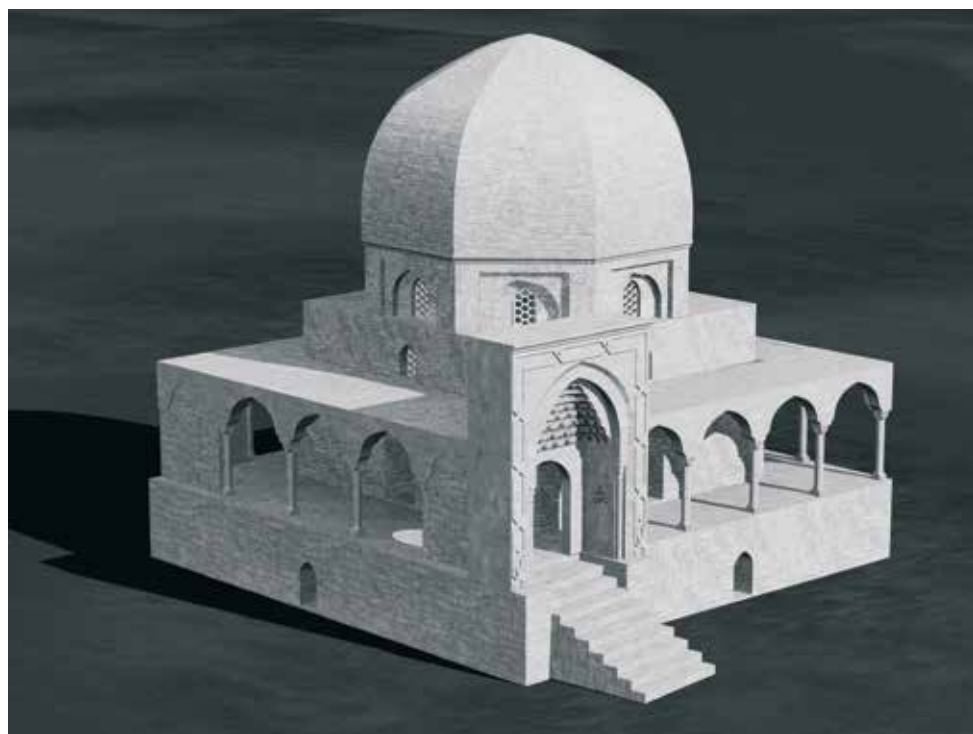

Рис. 239. Реконструкция Черной палаты. Вид с северо-запада.

архитектора-реставратора П. П. Покрышкина еще в 1916 г. : «... многие неудачные опыты реставрации памятников старины и искусства привели наконец специалистов к выводу, что следует всемерно избегать «реставрирования» и ограничиваться лишь простым осторожным ремонтом... первоначальное или вообще интересное в памятниках не всегда открывается в целости (в достоверности во всех своих аспектах. – С. А.), – в этих случаях поневоле возникают вопросы частичной реставрации». В данном высказывании мы видим стремление сохранить и укрепить памятник, не только устранив его разрушения, но и выявив по возможности при этом «интересное» в нем, т. е. производя «частичную» или фрагментарную реставрацию.

Беря все эти указания за предпосылочную основу, мы приняли для болгарских памятников метод консервации с фрагментарной реставрацией тех их частей, которые способствовали бы лучшей сохранности памятников при дальнейшем использовании в качестве остатков архитектурного наследия Волжской Болгарии (рис. 174, 187, 192). Применение этого метода определялось отсутствием ис-

черпывающих данных о формах и размерах несохранившихся элементов наших памятников. Результаты исследований позволяли воссоздать лишь графические реконструкции их утраченного облика, приведенные в иллюстративном разделе данной публикации и являющиеся наглядным выражением научной гипотезы. Этот метод получил конкретную практическую разработку вначале по отношению к руинам Соборной мечети, после чего такие же в принципе меры были использованы по отношению ко всем остальным памятникам. Они выражаются в производстве следующих видов работ после предварительного натурно-разведочного и архивного исследования сохранившегося облика памятника.

Рис. 240. Реконструкция Черной палаты. Вид южного фасада.

1. Раскрытие от позднейших наслоений наземных и подземных частей руин в сопровождении тщательного натурного и историко-архитектурного исследования, с производством зондажей, шурфов и археологических раскопок до основания фундаментов с привлечением для последних опытных специалистов-археологов, тщательных архитектурных

обмеров, зарисовок, фотофиксации и разработкой опыта графической реконструкции по возможности полного утраченного облика памятника.

2. Укрепление, согласно предварительно разработанному после стадии раскрытия проекту консервации памятника, по обеспечению конструктивной устойчивости раскрытых элементов руин. Достигается это такими мерами, как инъекция трещин и промазка соответствующим раствором выветрившихся швов кладки древних стен, восполнение утраченных мест кладки стен в пределах сохранившейся высоты памятника, докладка древних стен на несколько рядов кладки выше (фрагментарная реставрация) в целях предохранения их от возможности растаскивания, дальнейшего разрушения и т. д. Фрагментарно-реставрационное укрепление производилось специально на новом, известково-цементном растворе, позволяющем отличить будущим исследователям произведенные консервационные работы от первоначальных.

3. Профилактика по предупреждению разрушения памятника от агрессивных воздействий природы – воды, колебаний температуры выше и ниже нуля, химических реакций и пр. К числу профилактических мер относились, например, покрытие поверхности расчищенного и укрепленного пола Четырехугольника жидким стеклом в два слоя и засыпка сверху слоем (10-12 см) гранитного гравия. Последняя рассчитана была на постепенное отложение в нем вредных для камня силикатов при капиллярном подсосе и испарении почвенной влаги, а также на периодическую замену этого зараженного слоя (с вывозом его за пределы городища и закопкой в землю) через каждые 5-6 лет новой подсыпкой тем же гравием (к сожалению, эта мера ни разу не соблюдалась охранителями памятника). Сюда же входили обработка поверхности древней каменной кладки руин гидрофобизирующей жидкостью (абиетатом натрия и мылонафтом) ГКЖ-94, защищающей камень от увлажнения осадками и повышающей его морозостойкость; устройство над угловыми башенными выступами Четырехугольника и над консервированными руинами Монастырского погребя железобетонных

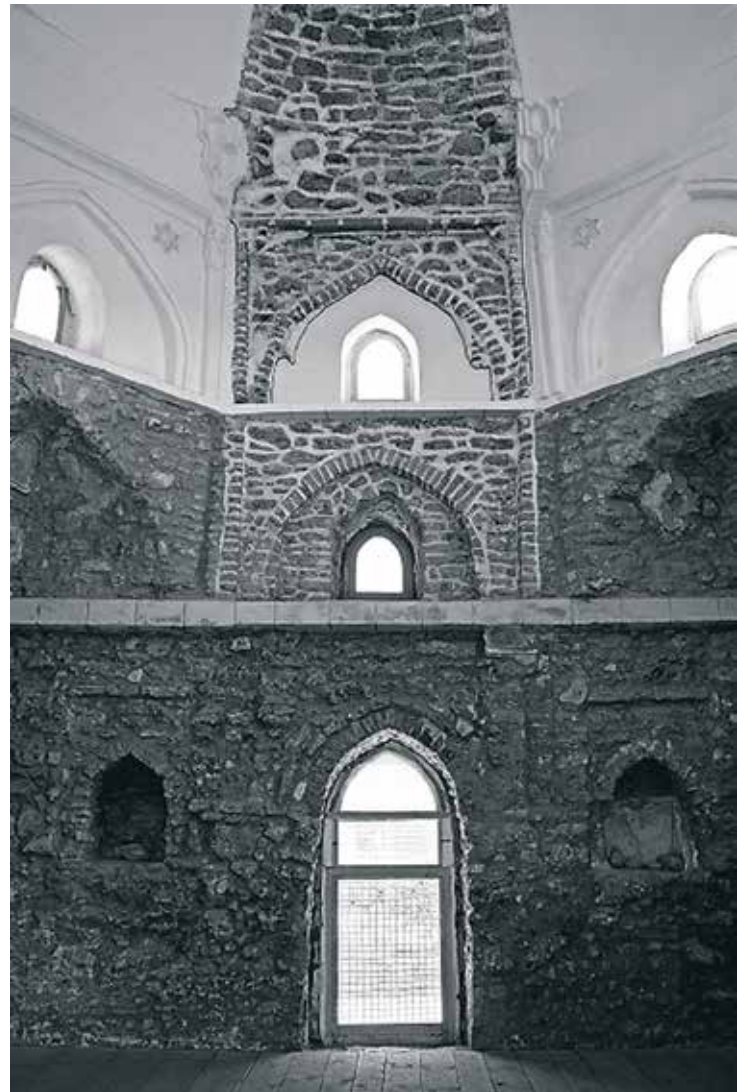

Рис. 241. Интерьер Черной палаты после частичной реставрации начала 2000-х гг.

навесов, предохраняющих участки древней забутки, оставленные для демонстрации перед последующими исследователями, от инсоляции и дождевых осадков (рис. 175).

4. Анастилоз, связанный с установкой выпавших, но сохранившихся элементов руин на свое прежнее место. Анастилозу подвергнуты были некоторые профилированные и резные орнаментированные блоки фасадов и интерьера, включая основание южного окна западного фасада Четырехугольника; сборка таких блоков и установка на внутренней площади того же памятника одной из утраченных восьмигранных колонн и ряда баз от таких же колонн и т. д.

5. Благоустройство руин и их прилегающей территории, связанное с созданием благопри-

ятных условий для музейной демонстрации руин и подчеркиванием их живописно-художественной привлекательности. К числу этих мер относились разборка жилого дома, примыкавшего к юго-западному угловому выступу руин Четырехугольника, создание ограды вокруг прилегающей территории всех памятников, посадка деревьев, устройство цветочных клумб и т. д. По самому Четырехугольнику создана была разновысотная кладка его наружных стен и угловых выступов с последующим искусственным озеленением их горизонтальных поверхностей по водонепроницаемому железобетонному лотку с организованным стоком излишней дождевой воды (рис. 179). Благоустройству с посадкой деревьев и ограждением подвергнуты были территории и остальных памятников.

Фрагментарная реставрация руин производилась в органическом единстве с указанными процессами укрепления и анастилоза, являющимися составным элементом и чисто реставрационной меры. По Четырехугольнику, например, при повышении стен и башенных выступов на несколько защитных рядов между древней и реставрационной кладками создавался разделительный шов в виде визуальной ощутимой ленты розового цвета, достигаемого благодаря включению в новый раствор из белого цемента частой примеси красной кирпичной крошки. Извилистая розовая лента, заметная лишь при внимательном обзоре памятника, создана была по всему наружному и внутреннему периметру стен и позволяла зрителю легко отличить подлинные части руин от фрагментов защитно-реставрационной кладки. Фрагментарной реставрации подвергнуты были и туфовые облицовки оснований трех угловых выступов на высоту их сохранившейся древней забутки. Для отличия их от подлинной облицовки реставрационная облицовка производилась из искусственных, цементно-бетонных блоков с лицевой поверхностью из частой примеси туфовой крошки и с внутренней алюминиевой арматурой для крепления с забуткой. На некоторых таких блоках создавались метки «65» и «66», обозначающие год производства консервации (1965 и 1966 гг.). Четвертый угловой выступ памятника остав-

лен был без реставрационной облицовки в целях возможного обозрения или изучения древней забутки последующими исследователями. Небезынтересно отметить, что при сборке блоков единственно сохранившейся восьмигранной колонны Четырехугольника ее капитель привезена была из фондов Государственного Исторического музея на Красной площади в Москве, куда она была передана в 1914 г. архитектором А. С. Башкировым после обнаружения ее на территории городища в печи для обжига извести (во второй половине XIX в. на территории городища существовал завод по пережогу древнего камня руин в известь). Фрагментарной реставрации (из бетона на белом цементе) на Четырехугольнике подвергнута была также нижняя часть южного окна на западном фасаде, декорированная фигурным обрамлением с геометрическим орнаментом.

На Никольской церкви фрагментарной реставрации были подвергнуты: основания бывших порталных пилонов, южный входной проем, западный оконный проем, форма некогда каменного шатрового покрытия в виде железной кровли по деревянным стропилам с покраской под цвет сохранившейся древней облицовки фасадов. От использования для реставрации этого шатра каменного материала воздержались ввиду неустановленности точной высотной отметки шатра, а также в целях предохранения стен руинированного памятника от большой нагрузки. На Монастырском погребке фрагментарная реставрация осуществлялась путем создания защитного сферического купола в виде железобетонной оболочки толщиной 10-15 см, предохраняющей одновременно внутренние стены от излишней инсоляции и атмосферных осадков; раскрытия поздней закладки трех окон и воссоздания утраченной стрельчато-арочной формы входного проема. Снаружи на этом памятнике восстановлено также утраченное очертание основания наружных стен с созданием по всему периметру облицовочной кладки из древнего камня (анастилоз), включая основания двух пилонов бывшего порталного выступа перед входом (рис. 218). На Ханской усыпальнице восстановлены были поч-

ти целиком утраченные южная и восточная стены с оконными проемами, входной проем северной стены, сферический купол, основания стен западного и восточного пристроев, основание отдельно стоящего западного сооружения с арочной нишей и топочным отверстием перед внутренним круглым очертанием бывшей полусферической печи и прочие, менее значительные элементы. На Черной палате фрагментарной реставрации подвергнуты были основания окружавших галерей и интерьер основного подкупольного помещения (рис. 241). Практическая реализация проектов консервации и фрагментарной реставрации памятников, включая их предварительный аварийный ремонт, в конце 1950-х – начале 1960-х годов, производилась коллективом рабочих и служащих Казанской специальной научно-реставрационной производственной мастерской (КСНРПМ), последовательно с ее директорами В. И. Мочаловым, И. П. Шатовым и поныне руководимая Н. З. Юсуповым. В работах тех лет участвовало немало специалистов различных профессий, среди которых следует особо отметить мастеров-каменщиков М. Халитова, братьев А. П. и М. П. Крюковых, прораба А. И. Иванова, архитекторов Р. В. Билялова, В. В. Мальковскую, В. С. Петрухина, инженеров Л. С. Демина, Г. П. Рылова, В. Д. Семенову, В. В. Чумакову и М. Х. Шаймарданова. Нельзя не отметить также большую моральную поддержку и отчасти организационную помощь производству данных исследований и реставраций, оказанную старожилем села Болгары, учителем местной школы В. М. Королевым, много лет бескорыстно и самоотверженно трудившимся на посту директора созданного им в первые послереволюционные годы Болгарского музея (тогда еще не заповедника) по поручению самого И. Э. Грабаря, в ту пору руководившего делом охраны и пропаганды памятников культуры России.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, МЕСТО И РОЛЬ БОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ В АРХИТЕКТУРЕ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Как констатируется в сводных работах по истории Татарстана почти всех последних изданий, начиная с 1955 г., из союза племен волжско-камских болгар к началу X в. складывается первое раннефеодальное государственное образование народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья – Волжская Болгария¹⁵. Временем его окончательного становления следует считать 922 г., когда произошло официальное принятие ислама, одной из наиболее распространенных форм мировоззрения феодального общества. В борьбе за политическую независимость страны и более прочное объединение княжеств своего государства болгарский царь Алмуш опирается на поддержку сильнейшей и высокоцивилизованной в то время мировой державы – Арабского халифата, номинально подчинившись его халифу Муктадиру и приняв мусульманство (История Татарской АССР, 1955). По сообщению Ибн-Фадлана, в 919-920 гг. Алмуш посылает к Муктадиру посольство с просьбой прислать «кого-нибудь, кто научил бы их вере и религиозным обрядам», специалистов «для постройки мечети и ... сооружения минбара (кафедры), с которого он мог бы призывать для поклонения богу народ со своей страны,» а также для того, чтобы они «могли бы поставить ему крепость, в которой он защитил бы себя от нападения враждебных князей» (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939). По свидетельству того же современника тех лет, в 922 г. из Багдада прибывает ответное посольство, в составе которого, помимо самого Ибн-Фадлана (духовного представителя), находилось 3 тыс. всадников (официальные лица с войском) и 2 тыс. пеших. В составе этого посольства могли

¹⁵ Объединение племенных групп региона в составе этого государства происходило, как видно, неравномерно, т. к. некоторые из них сохранили полусамостоятельность развития и сформировались впоследствии в современные нации: мари, мордва, удмурты, чуваш. Из населения Волжской Болгарии, вошедшего впоследствии в состав основного населения Казанского ханства, сложилась нация казанские татары (История Татарской АССР, 1955). Последняя содержит в той или иной мере, ввиду длительного исторического формирования в тесном контакте с соседним населением пограничных регионов Евразии, и другие этнические элементы – славянские (Смирнов, 1948), кипчакские, ногайские, башкирские, западносибирские.

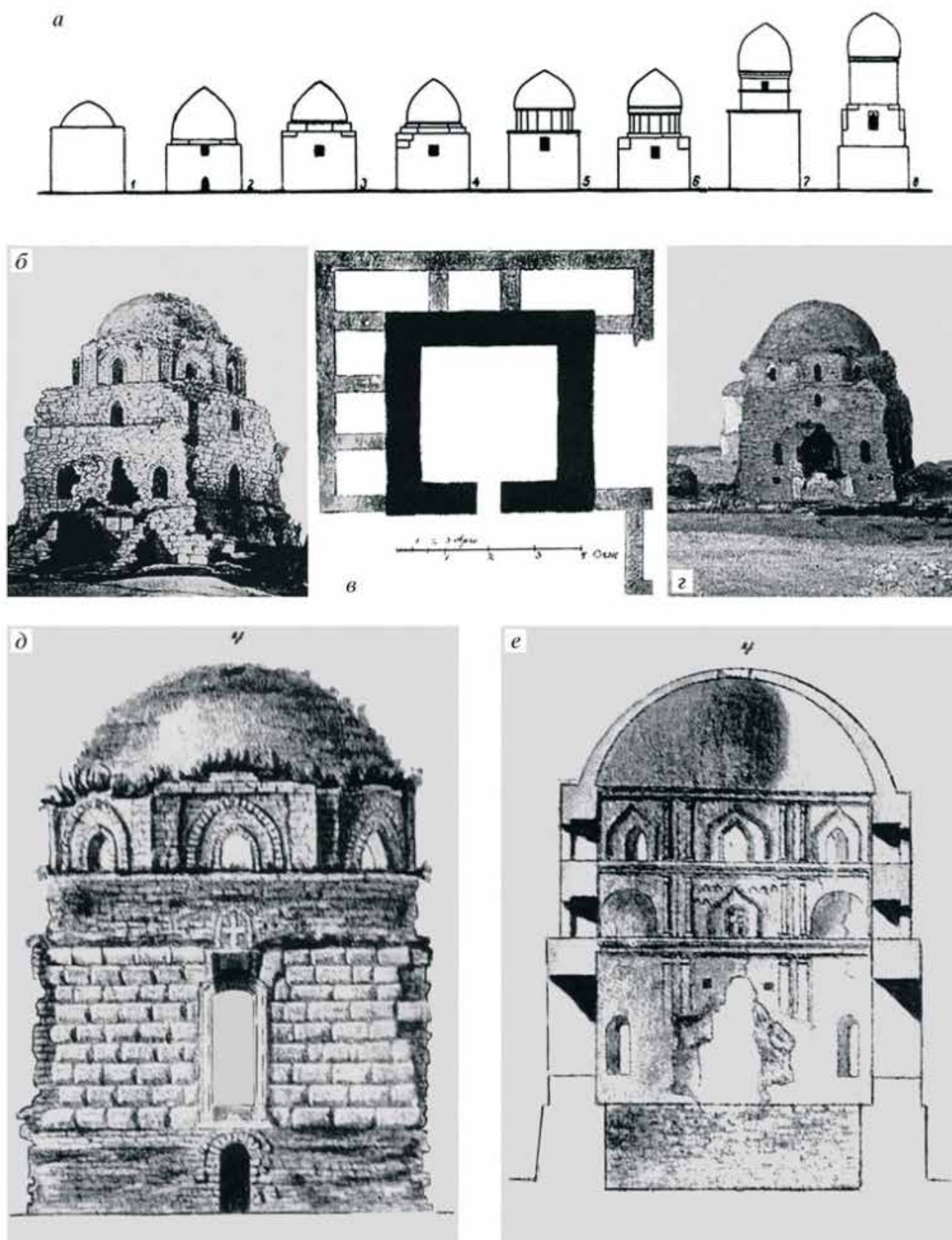

Рис. 242. Иконографические источники о Черной палате:
 а) эволюция верхних световых ярусов однокупольных мавзолеев Шахи-Зинда в Самарканде в хронологическом ряду с середины XIV в. до 30-х гг. XV в.;
 б) рисунок неизвестного художника второй половины XVIII в.; в) обмерный план А. Шмита, 1827 г.;
 г) рисунок художника А. К. Саврасова, 1872 г.; д, е) обмеры А. Шмита.

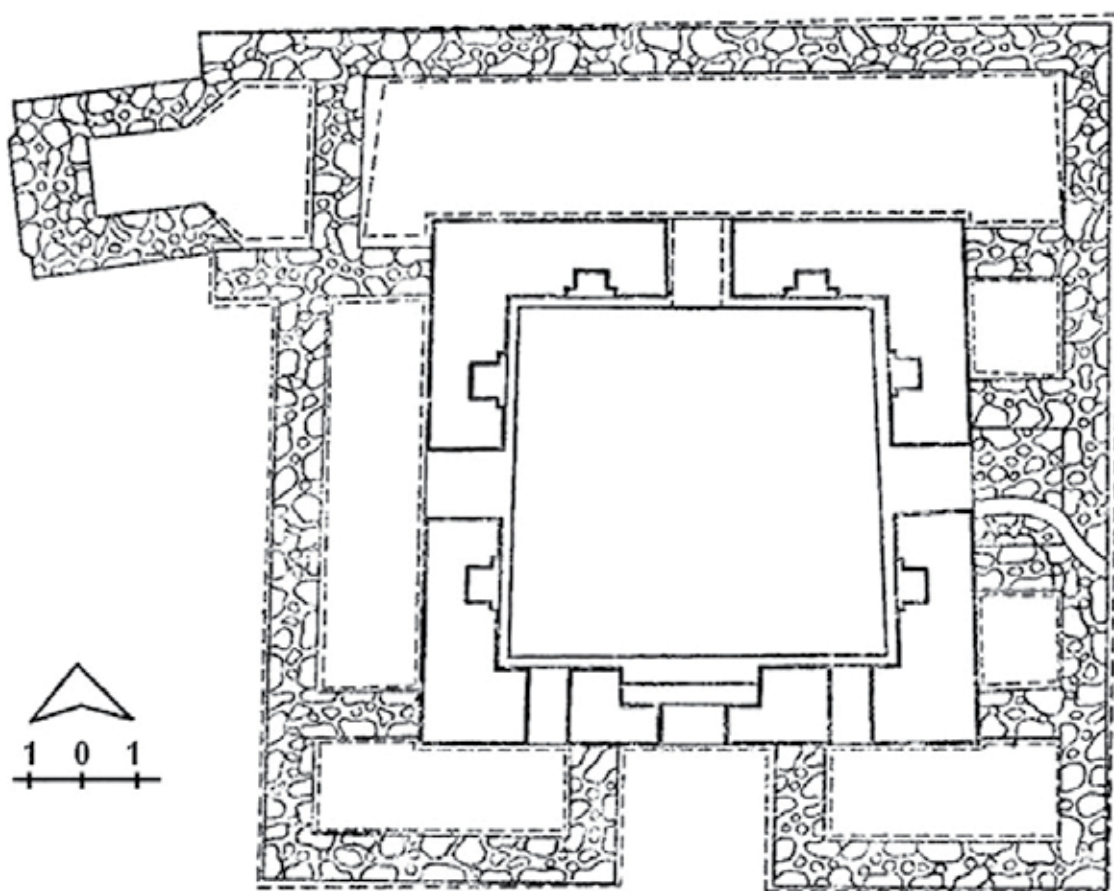

Рис. 243. План центральной ячейки Черной палаты с очертанием фундаментов обходных галерей.

быть и зодчие, и ремесленники – специалисты по строительству запрашиваемой мечети и крепости. Указывается также путь следования каравана с посольством – он пролегал через территорию Средней Азии и башкирские земли, входившие, очевидно, в круг тесного торгового и культурно-политического общения с Волжской Болгарией. Известно, что и в последующее время, с потерей Арабским халифатом своего политического значения, тесные экономические и культурные связи Волжская Болгария продолжает поддерживать с государствами Средней Азии, в частности с Саманидским, с народами Закавказья и с Ираном. Наивысшего экономического расцвета Волжская Болгария достигает, как отмечается всеми исследователями, в XII – начале XIII в., когда столицей государства являлся Великий город, распола-

гавшийся на месте существующего Билярского городища. После основательного разрушения в 1236 г. от монгольского нашествия в середине XIII – середине XIV в. Волжская Болгария достигает нового экономического подъема, в связи с чем на ее территории, немного севернее, возникает новая столица под наименованием «Великие Болгары»¹⁶ с множеством монументальных каменных сооружений, в том числе с исследованными памятниками. Вышеотмеченная политическая и культурно-идеологическая связь Волжской Болгарии с мусульманским миром Центрального Востока и раскрывает их стилистическую сущность.

Помимо рассмотренных памятников, к числу наземно сохранившихся каменных руин Болгарского городища принадлежат так называемые Белая палата и Малый городок, предва-

¹⁶ Под названием с эпитетом «Великий» отмечаются как первая, так и вторая столицы Волжской Болгарии в Ростовской и Воскресенской летописях (Смирнов, 1951).

рительно изученные автором данной работы в 1980-х годах, уже после натурного исследования и реставрации первой группы из шести наземно более выделявшихся руин (Айдаров, 1990). К остаткам монументальных каменных сооружений Волжской Болгарии относятся также подземные находки при археологических раскопках, производившихся в 1970-х годах на территории Билярского городища под общим руководством А. Х. Халикова (с участием археолога Р. Ф. Шарифуллина и других специалистов, включая автора данного исследования). Это остатки комплекса билярской Соборной мечети и здания караван-сарая, созданных и подвергавшихся перестройкам в течение X–XII вв. (Айдаров, 1976, с. 101–112) (рис. 185, 191). Этот ряд монументальных каменных сооружений дополняют подземные остатки так называемого Дома феодала XII в. в бывшем болгарском городе Суваре, исследованные А. П. Смирновым в 1930-х годах (Смирнов, 1951, с. 246–255) (рис. 184), руинированная башня на Чертовом городище близ современного города Елабуги, представляющая собой, как показали совместные архитектурно-археологические исследования с А. Х. Халиковым в 1993 г., лишь угловую часть восьмибашенной крепости-мечети XII в. (рис. 183). Много подземных остатков кирпично-каменных сооружений на Билярском, Болгарском и других городищах периода существования Волжской Болгарии, еще не подвергшихся полному архитектурно-археологическому исследованию и не получивших должного освещения в литературе. Но все из исследованных памятников рассматриваемого типа являются постройками, созданными по типологическим и фрагментарным признакам в основном в стилистических приемах стран мусульманского Востока (рис. 188, 213, 214, 215).

Однако далеко не все сооружения Волжской Болгарии создавались в превалирующем восточном стиле. По археологическим остат-

кам массовой застройки ее поселений установлена типологическая характеристика¹⁷, свидетельствующая о прочных связях техники домостроения с местными традициями доболгарского периода. Господствующими типами жилища являлись деревянный сруб со скатным покрытием и каркасно-плетеные мазанки с их хозяйственными постройками того же типа (рис. 189).

Они были не единственными, а сочетались с юртами (плетеными или войлочными), располагавшимися, судя по известной специфике их использования у других полукочевых и кочевых народов, как отдельными группами в круговой планировочной системе (Майдар, Пюрвеев, 1980), так и в системе деревянной усадьбы в качестве сезонного летнего или стационарного круглогодичного (за исключением очень холодных зимних дней, не столь продолжительных в местных климатических условиях) жилища¹⁸. Юрты чередовались с шатрами, достигавшими у феодальной знати иногда очень крупных размеров, для проведения многолюдных церемоний общественного характера (рис. 190) (Воробьев, 1953). Немаловажным фактором в поисках стилевой определенности болгарской архитектуры является также учет природно-географической, этнокультурной и торгово-экономической общности с соседней Русью, о чем свидетельствует немало историко-литературных источников. Это отразилось на родстве строительно-технических и объемно-планировочных приемов массовой болгарской и русской деревянной застройки, принципов создания рядовых городов на несколько возвышенной местности с трехчастным зонированием на цитадель, посад и пригород некоторых мотивов декоративно-прикладного искусства.

Преемственность с болгарским периодом развития четко прослеживается и в культуре Казанского ханства. Она характерна для письменности на основе арабского алфавита, лите-

¹⁷ По позднейшей типологической классификации жилищ домонгольской Болгарии, относящейся в определенной мере, надо полагать, и к последующему периоду, выделяются: землянки, полуземлянки, наземные дома (срубные 1–3-х камерные, каркасно-плетеные, глинобитно-саманные) и юрты (Хузин, 1976, с. 72–78).

¹⁸ По сведениям письменных источников, волжские болгары жили в юртах, а деревянные постройки служили их зимними жилищами (Эль-Балхи, Ибн-Фадлан, Эль-Андалуси и др.). По сообщению Ибн-Фадлана шатер болгарского царя вмещал 2 тыс. душ и увешан был изнутри армянскими коврами.

ратуры, фольклора, музыки, различных видов промышленного производства, декоративно-прикладного искусства и, конечно, для архитектуры. Более того, многие культурные традиции населения Казанского ханства, включая архитектурные, восходящие в своем генезисе к культуре волжских болгар, имели преемственное развитие и в эпоху присоединения его к России. Об этом решительно констатирует автор фундаментального труда по исследованию материальной культуры казанских татар Н. И. Воробьев, указывая, что болгарская культура в процессе исторического развития «без резких скачков переходит сначала в древнетатарскую, а затем в современную татарскую». Если некоторый скачок в действительности и был, то он касался в первую очередь архитектуры, в общей стилиевой направленности которой отмеченная общность с русской народной деревянной архитектурой перерастает в господствующий стилиевой компонент, охватывающий и монументальное каменное зодчество. При этом прежние стилиевые компоненты вовсе не исчезают. Они продолжают развитие в той или иной мере активности, сознательно или подсознательно, вплоть до позднейшего периода. Но наряду с ними получает постепенно сильное проявление, через трансформацию в некоторые направления как местного, так и русского зодчества, еще интернациональный компонент, средствами которого являются, например, декоративные стрельчато-арочные формы некогда восточной, а позднее западноевропейской готической архитектуры, приемы и формы тоже западноевропейской ордерной архитектуры, некоторые декоративные приемы и орнаментальные мотивы восточной архитектуры, принципы и ряд декоративных черт модернизма, многие достижения научно-технического прогресса в разных странах и другие успехи, распространившиеся и превратившиеся постепенно во всеобщее, международное явление.

Обобщение всего этого историко-архитектурного материала в более полном охвате сведений о развитии евроазиатской по происхождению российской материально-духовной

культуры в целом приводит к заключению, что общая стилистическая направленность болгаро-казанского зодчества в целом, включая российский и советский периоды развития, базировалась на постоянном сочетании и частичном взаимодействии (с эпохи раннего средневековья – начала формирования нации казанских татар) следующих пяти основных генетико-стилистических компонентов:

- местный региональный, охватывающий традиции народного деревянного зодчества и складывавшийся испокон веков в рамках стилистического единства с древними традициями народов всей лесо-лесостепной полосы Восточной Европы, восходящего в своем генезисе к эпохе мезолита (Айдаров, 1998, с. 33) и развивающегося по настоящее время;

- евразийский степной, традиции которого (включая декоративно-художественные) складывались тысячелетиями у кочевых народов, обитавших в полосе смежных географических регионов Северного Причерноморья, Приазовья, Нижнего Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири, включая южную безлесную зону Татарстана. Этот компонент с типичными для него юртами и шатрами (мобильными и стационарными) получил широкое распространение в местном регионе в связи с массовым проникновением в VII–IX вв. тюркоязычных болгарских племен;

- центрально-восточный, связанный с принятием оседло-кочевым населением Волжской Болгарии религии ислама, а вместе с ней профессиональных навыков по созданию монументальных каменных и деревянных сооружений культового, светского и крепостного назначения;

- европейско-русский, трансформировавшийся в профессиональный русский компонент и начавший особенно активно проявляться в средневожском регионе после присоединения населения Казанского ханства к России;

- интернациональный, отдельные черты которого прослеживаются во всех указанных компонентах, выступая одновременно и как международные (приемы создания сооружений со скатным покрытием, стрельчатой и

полуциркульной арки, классического ордера, зданий в стилях барокко, модерн и т. д.) (Айдаров, 1990).

В рамках приведенной покомпонентной классификации четко определяются место и роль исследованных памятников в истории архитектуры Татарстана. Они являются документальным хронологическим звеном в цепи непрерывного поэтапного развития традиций восточного стилового компонента местного архитектурного наследия, без которого было бы невозможно построение научно обоснованной теории о преемственном развитии национально-регионального своеобразия в современной архитектуре Татарстана и отча-

сти других суверенных республик и областей Среднего Поволжья (Айдаров, 1998) – теории, способствующей решению одной из глобальных и сложнейших проблем современности в условиях надвигающейся экологической катастрофы в социально-культурной сфере, связанной с исчезновением самобытного духовного наследия и безудержным ростом космополитизма в многонациональной мировой культуре. И это помимо огромной ценности их просто как памятников истории и культуры, наглядно и эмоционально отражающих характер проявления в условиях восточноевропейского средневековья прогрессивных традиций стран мусульманского Востока.

С. С. АЙДАРОВ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Айдаров С. С., Воскресенский А. С. Консервация руин Соборной мечети в Болгарах: (Тезисы) // Сообщ. науч. метод. совета М-ва культуры СССР. М., 1969. Вып. IV. С. 58-62.

Айдаров С. С. Научные предпосылки реставрации архитектурных памятников Татарии (Великие Болгары): Автореф. дис. ... канд. архитектуры. Казань, 1968.

Айдаров С. С. Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре. // Исследования Великого города / Отв. ред. В. В. Семенов. М.: Наука, 1976. С. 101-112.

Айдаров С. С. Монументальные каменные сооружения Волжской Болгарии и Казанского ханства: (Опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности): Автореф. дис. ... д-ра архитектуры. М., 1990.

Айдаров С. С. Теория и практика становления национально-региональной школы в архитектуре Татарстана // Вестник волжского регионального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук. Нижний Новгород, 1998. № 2.

Арутюнян В. М., Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М.: Госстройиздат, 1951. 244 с.

Башкиров А. С. Памятники Булгаро-Татарской культуры на Волге. Казань, 1929. 118 с.

Бачинский Н. М. Архитектурные памятники Туркмении. М.; Ашхабад: Изд-е Акад. архит. СССР и Туркменского Государственного науч.-иссл. ин-та истории, 1939. Вып. 1. 123 с.

Березин И. Н. Булгар на Волге // Учен. зап. Казан, ун-та. 1852. Кн. III. С. 74-160.

Веймарн Б., Каптерева Т., Подольский А. Искусство арабских народов. (Средневековый период). Очерки истории и теории изобразительных искусств. М.: Искусство, 1960. 199 с.

Воробьев Н. И. Казанские татары: (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953.

Воронина В. Колонны Соборной мечети в Хиве // Архитектурное наследство. М., 1958. №11. С. 145-180.

Воскресенский А. С., Смирнов А. П. Археологическое исследование Соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах // СА. 1966. № 1. С. 244-257.

Всеобщая история архитектуры. Т. 3: Архитектура Восточной Европы. Средние века / Отв. ред. Ю. С. Яралов. Л., М.: Издательство литературы по строительству, 1966. 687 с.

Второв Н. Памятники древности в Казанской губернии // Журн. М-ва внутр. дел. 1840. Вып. 37. № XIII.

Грабарь И. Э. Андрей Рублев. Ч. 1. Реставрация в свете современной науки // Вопросы реставрации. М., 1926. С. 79-85.

Грабарь И. Э. Реставрация // Энциклопедический словарь Гранат. М., 1936. Т. 36. Ч. 1. С. 559-561.

Денике В. П. Орнаментация минарета «Малого столпа» в Болгарах // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань, 1928. Вып. 2. С. 5-9.

Диц Е. Искусство исламских народов. Берлин, 1915. На нем. яз.

Егеров В. В. Архитектура города Болгара // МИА. № 61. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 360-391.

Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Ферганы // Труды секции истории искусств РАНИОН. Т. 5. М., 1930. С. 62-73.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113-168.

История Татарии в документах и материалах. М.: Государственное Социально-экономическое издательство, 1937. 532 с.

История Татарской АССР. Т. 1. Казань: Татар. кн. изд-во, 1955. 550 с.

Кавелин Л. Болгары (Археологическое описание столицы Волжской Болгарии) // Иллюстрация, 1846. №4. С. 51-54; №5. С. 68-71.

Кавелин Л. Древние Болгары (Из бумаг Кафтанникова) // Библиотека для чтения. СПб.: Изд-во Карла Крайя, 1847. Т. LXXXII. Отд. III. Науки и художества. С. 41-65.

Калимуллин Б. Г. Архитектурные памятники Башкирии. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1956. 35 с.

Катанов Н. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // ИОАИЭ. 1905. Т. XXI. Вып. 3. С. 263-268.

Крелленберг Б. Е. Раскопки «Четырехугольника» в Болгарах в 1915 г. // ИОАИЭ. Казань, 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 89-95.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб.: Императорская Академия наук, 1771. 537 с.

Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.

Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. «Гумбез Манаса» (Киргизское зодчество. XIV в.) // Памятники архитектуры народов СССР. М.: Госстройиздат, 1950. 144 с.

Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда. Т. 2. / Ред. А. С. Уваров. М.: Синодальная типография, 1871. С. 521-595.

Ножкин И. М. Развитие структуры однокупольного сооружения XIV – нач. XV вв. в ансамбле Шахи-Зинда // Архитектурное наследство. М., 1961. № 13.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Императорская Академия наук, 1809. 657 с.

Покрышкин П. П. Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства. Псков: Типография Псковского губернского Правления, 1916.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий / Ред. И. Ю. Крачковского. М.-Л.: АН СССР, 1939. 228 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 г. СПб.: Типография главного управления уделов. 1894, 173 с.

Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч. 1. Казань, 1870. 109 с.

Сарре Ф. Памятники персидского искусства. Берлин, 1910. На нем. яз.

Сборник совещания Научно-методического совета по охране памятников архитектуры МК СССР. М., 1965.

Свиньин П. П. Развалины гор. Болгар // Картины России и быт разноплеменных ее на-

родов. СПб.: Типография Н. Греча, 1839. Ч. 1. 388 с.

Смирнов А. П. Русский элемент в культуре волжских болгар // Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой музейной работы. М.: Типография «Красный печатник», 1948. С. 93-110.

Смирнов А. П. Волжские Булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX / Ред. С. П. Толстов. М.: Издательство ГИМ, 1951. 295 с.

Смолин В. Ф. По развалинам древнего Болгара: Спутник экскурсанта. Обзор развалин древнего города. Казань: 1-я гостип. «Красный печатник», 1926. 87 с.

Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.

Хлебникова Т. А. Археологические исследования мавзолеев города Великие Болгары в 1960 г. // Поволжье в средние века / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 57-67.

Худяков М. Г. Развалины Великого города // Казанский музейный вестник 1921. № 1-2. С. 78-83.

Хузин Ф. Ш. Из истории изучения болгарского жилища домонгольского периода // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 72-78.

Шмит А. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры в 1827 г. архитектором Шмитом. М, 1832. 15 грав. л.: тит. л., 13 л. ил., 1 л. план.

Шпилевский С. М. Древние города и другие Булгаро-Татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877. 620 с.

Экскурсии, раскопки и случайные находки: раскопка «Четырехугольника» в с. Болгарах и экскурсия к Вотьякам // Изв. О-ва археол., истории и этнографии при Казан. ун-те. 1892. Т. X. Вып. 4. С. 447-448.

Эрдман Ф. Х. Ознакомительное путешествие по России. Лейпциг, 1825. На нем. яз. С. 280-305.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истоки материальной культуры. М.-Л.: Наука, 1964. 232 с.

3.2. МЕМОРИАЛЬНАЯ ЭПИГРАФИКА ГОРОДА БОЛГАРА

В Каталоге собраны воедино все надмогильные камни (эпиграфические памятники), обнаруженные на территории Болгарского городища. В фонде Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника хранятся, включая фрагменты и заготовки, более 180 памятников. Несколько эпитафий из Болгар хранятся в Национальном музее Республики Татарстан, Казанском (Приволжском) Федеральном университете. В первой части Каталога выбраны наиболее полно сохранившиеся эпитафии.

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

Единый принцип описания эпиграфических памятников отсутствует. Г. В. Юсупов в описании памятника включает такие параметры: местонахождение, размеры, фото, арабо-графический текст, построчный перевод надписи на русский язык и ссылку на литературу. В дополнение к этому Ф. С. Хакимзянов включает транскрипцию надписи и примечание, где указываются все вспомогательные знаки. Они очень важны для расшифровки надписи памятников «II стиля».

Надо отметить еще два вида описания памятников для татарских эпитафий XVII–XX столетий. В. М. Усманов в своих работах использует графическое изображение надписи и чтение кириллицей. Описание памятника И. Г. Хадиева и Р. Ф. Марданова в серии «Татарская эпиграфика» включает: фото, чтение, размеры, нумерацию, означающую местонахождение и порядковый №, год установки памятника и имя похороненного.

Наше описание несколько отличается от вышеуказанных описаний и включает фондовый шифр, материал, дату, размеры памятника. Сначала указывается толщина, далее ширина, после высота (длина) памятника. Далее опи-

сывается язык, шрифт, форма верхней части, указывается наличие бордюрного орнамента. Отдельно описывается надписи или орнамент на оборотной и на боковой стороне эпитафия, а также сохранность эпитафий и, если установлено, место обнаружения памятника.

ТРАНСКРИПЦИОННЫЙ АЛФАВИТ

a	ا
ä	آ
B	ب
Č	چ
D	د
f	ف
G	ع
H	ه
X	ح
I	ي
J	ئ
K	ك
L	ل
M	م
N	ن
O	وا
P	پ
R	ر
S	س
Š	ش
T	ت
U	و
W	و
Z	ز
Ž	ج

В арабской части текста использовано шрифт «арабский Египет». Буква «ي» использовано во всех случаях, независимо от того, есть двоеточие или нет. Если есть точки над или под буквами, соответственно, пишется буквы «ج» и «خ», если точка отсутствует, используется буква «ح». Это касается и букв «ص» «ع» «ف» «ط». Буква «ش» используется только в том случае, если над буквой имеется три точки. Буква «ة» используется только в том случае, если над «ه» имеется двоеточие. Это касается и букв «ق» «ت».

Другие вспомогательные знаки даются в примечаниях, где римская цифра означает строку текста, а арабская порядковый номер слова с правой стороны. Ташдид-знак удвоения согласного не выделяется.

Вспомогательные знаки в Каталоге представлены наиболее полно. Наличие или отсутствие их в других изданиях, где имеются вспомогательные знаки (Rona-Tas – Fodor S., 1973; Хакимзянов 1978,1987; Юсупов, 1960), не оговаривается.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

Калинин Н. Ф. Альбом по болгаро-татарской эпиграфике (составитель). Казань, 1942 // Научный архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 62-64.

Ардашев И. А. Развалины Болгара и древние Болгары по описанию англичанина Э. П. Турнерелли. Казань, 1901, с. 22-23.

Атлас Tartarica Казань – Москва – Санкт-Петербург. 2005.

Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша // ИОАИЭ. Казань, 1902. Т. 18, вып. 1-3.

Березин И. Н. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета. Книга III. Казань. 1852.

Броссе. Об армянских надписях в Болгарах // ИОАИЭ, 1862.

Дина Валеева. Художественная резьба в архитектуре и эпиграфике золотоордынских болгар // Татарская археология, № 1 (2), Казань, 1998, с. 88-98.

Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. Москва, «Советский художник», 1990.

Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам Музея болгарской цивилизации. Авторы текста А. Г. Ситдинов, Д. Г. Бугров, И. Л. Измайлов, Д. Г. Мухаметшин. Казань: ООО «Мастер-Граф», 2014. 84 с.

Заляй Л. К. К вопросу о происхождении татар (по материалам языка) // Происхождении казанских татар. Казань, 1948. С. 81-89.

История Татарской АССР. Казань, 1955.

Калачев П. В. Донесение подполковника

Свечина о древностях, найденных им в Болгарах // Сборник археологического института. – СПб., 1879. Книга II.

Калинин Н. Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождении казанских татар. Казань, 1948. С. 96-104.

Калинин Н. Ф. Булгаро-татарские эпиграфические памятники как исторический источник. // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. Казань, 1956. С. 25-31.

Катанов Н. Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // Казанский музейный вестник. Казань, 1921. № 1, 2.

Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. Ч. 1.

Малов С. Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. М.-Л., 1947. Вып. I. С. 38-45.

Малов С. Е. Булгарская и татарская эпиграфика // ЭВ. М.-Л., 1948. Вып. II. С. 41-48.

Мухаметшин Д. Г. О новых эпиграфических памятниках Болгарского городища. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань: Издательство АН СССР. Казанский филиал, 1976. с. 60-71.

Мухаметшин Д. Г. Об орнаментике эпиграфических памятников города Болгара. // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 103-110.

Мухаметшин Д. Г. Молитва на камне. // Казань №11-12, 2002. С. 64-70.

Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Болгара. Казань: Таткнигоиздат, 1987. 128 с.

Смолин В. Ф. По развалинам древнего Болгара, Издание Госиздата Т. С. С. Р., 1921, с. 68-69.

Великий Булгар. Литературная часть и научное руководство: Равиль Фахрутдинов. Казань, 1997.

Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Отчет эпиграфического отряда Билярской археологической экспедиции. Казань, 1973 // Архив сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР.

Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. Москва, 1978. 205 с.

Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники г. Булгара // Источниковедение и история тюркских языков. Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Казань, 1978. С. 21-36.

Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. Москва : «Наука», 1987, 191 с.

Эрдман. О надгробных памятниках в Болгарах. – Заволжский муравей. 1832, №1346. Кн. 21, 23.

Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960.

Юсупов Г. В. 1962. Полевой дневник №2; // Научный архив ИЯЛИ ф. 8, оп. 1, д. 62-64.

Юсупов Г. В. 1967. Полевой дневник №2 // Научный архив ИЯЛИ ф. 8, оп. 1, д. 62-64.

Юсупов Г. В. Эпиграфические памятники Болгарского городища. «Научный архив Института археологии РАН», ф. Р-2, ед. хр. 2015.

Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Таткнигоиздат, 1963. 579 б.

Р. Фәхретдинов. Кичке азан. Казан, Татарстан китап нәшрияте, 1997, 223 с.

Ravil Fakhrutdinov. History of the Tatars. Kazan, Magarif Publishing House, 2004. 135 с.

F. S. Hakimzjnov. New Volga Bulgarian inscriptions. // Akta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XL (1), 173-177 (1986).

Khalikov A. H. and Muhametshin J. G. Unpublished Volga Bulgarian inscriptions. // Akta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XXXI (1), pp. 107-125 (1977).

Klaproth M. Notice et explication des inscriptions de Bolghari. Nouveau Journal Asiatique. Paris. 1831. Tome VIII.

Rona-Tas – Fodor S. Epigraphica Bulgarica: A volgai bolgar-torok feliratok // Studia Uralo-Altaica. Szeged, 1973.

Veliyeb R. M., Muhammetsin C. A. Buyuk Bolgar – bolgar – tatar uygarlicinin aniti, Ankara, 2000, 191 с. ил.

ВВЕДЕНИЕ

Татарские эпиграфические памятники XIII–XIV вв. представляют собой уникальные источники по истории болгарского и татарского народов. Они воплотили в себе ряд преимуществ письменных и вещественных источников. Как вещественные (археологические) они оригинальны и не имеют в себе позднейших наслоений, как письменные дают разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера.

У современного татарского народа для обозначения надгробных камней общепринятым термином является название «кабр-таш» – «надгробный камень». «Кабр-таш» – собирательный термин. На самих памятниках данный термин зафиксирован в форме «это могила» повсеместно как на памятниках XIII–XIV вв., так и на эпитафиях XVII–XIX вв. Традиционно данный термин сохраняется и в XX столетии. По мусульманским канонам установление

определенного знака на могиле не поощрялось. Поэтому на эпитафиях, написанных на арабском, иногда и на татарском языках, сам термин завуалирован в словосочетаниях «марказ» («гробница») – для погребенных мужского пола и «сад» – для женских погребений. Данный термин характерен и для других регионов, где проживают тюркоязычные народы. В Самарканде и его окрестностях надгробная плита называется «кабр-таш» (Поляков, Черемных, 1975, с. 264). А крымские татары вертикально стоящие надгробные камни называют «кабр-таш» (Червонная, 1997, с. 10).

На татарском разговорном языке сохранились названия «ташбилге» – каменный знак, «тораташ» – каменное изваяние, «сынташ» – каменная баба, диалектное обозначение «таш башбата» (Материалы, с. 83, № 180). В диалекте нохратских татар сохранилось обозначение «тегермен башбата» (Материалы, №181). Рядом с надгробными камнями на Тат. Бурнаевском и Иски-Казанском кладбищах нами были зафиксированы фрагменты болгарских жернов.

На многих болгарских эпиграфических памятниках название памятника отмечено термином «зиарат» – место погребения. В современном татарском языке «зиярат» – кладбище.

На эпитафиях XIII–XIV вв. широко распространен термин «балук» – надмогильный знак, памятник. Данное слово можно сопоставить с протоболгарским словом «белюх» (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 15). Термин «балук» возрождается на эпитафиях XVII–XVIII веков в форме «балук» (Н. Ура, Чишма), «билге» (Максабаш), «билик» (Тура).

На памятнике из Болгар (№ 115) зафиксирован оригинальный термин «галямат» – знак. Памятник написан полностью на арабском языке, дата отсутствует. По своему оформлению и палеографии надписи памятник датируется концом XIII в.

На одной из эпитафий из Болгар (Юсупов, 1960, табл. 38) зафиксирован термин «алп битик» – большая надпись. Данный памятник отличается своим вертикальным расположением строк.

На штампе оборотной стороны памятников 30–40-х гг. XVI в. название памятника выражено термином «лауха», который продолжает бытовать и в XVII–XVIII вв.

Установление надмогильных памятников для мусульман не входит в число обязательных элементов похоронно-поминального комплекса, который включает обмывание, обряжение умершего, рытье могилы, отдельные требования к поведению живых в данной ситуации. Все остальные обряды похоронно-поминального комплекса, в том числе установление надмогильного памятника, связано с этнической историей народа и в целом воспринимается как мусульманская (Татары, 2001, с. 362). Об этом пишут и С. П. Поляков, и А. И. Черемных: «Ортодоксальный ислам с осуждением относится к сооружению над могилой какого-либо надгробия. Тем не менее, население долины Заравшана в течение веков существования здесь ислама продолжало сооружать надгробные памятники. Это закономерность, свойственная всему исламскому миру. Возникший в глубокой древности обычай отмечать каким-либо образом могилу родственника или

соплеменника сохранился до наших дней» (Поляков, Черемных, 1975, с. 277).

Возникновение традиции установления камней в Среднем Поволжье и Приуралье исследователи единодушно связывают с проникновением и распространением мусульманской религии. Многочисленные факты материалов Аравии, Кавказа, Средней Азии, где имеются эпитафии более раннего периода, позволяют говорить в пользу такого мнения.

С. М. Червонная происхождения эпиграфических камней – надгробий определенного архитектурного типа (вертикально поставленная каменная стела с остроконечным, стесанным в форме арки или обретающем стилизованную фигурную форму завершения) – связывает не столько с исламским культом, сколько с художественными традициями тюркского мира, особенно интенсивно распространявшимися в Восточной Европе в период монгольских завоеваний (Червонная, 1997, с. 111).

Крупный татарский археограф и эпиграфист М. И. Ахметзянов происхождения традиции установления эпиграфических памятников у татар связывает с древними тюрками. Традиция установления надгробных камней у болгар «идет от древних тюрков, через более поздних караханидских татар. Эти татары, пришедшие с войсками Бату хана, распространяли данный обычай на Волге, Кавказе, в Крыму, где и ныне частично сохранились эпиграфические памятники» (Ахметзянов, 1998, с. 118).

Ислам является одним из факторов возникновения традиций установления надмогильных камней, однако между этими двумя явлениями нет прямой связи. Массовая установка эпиграфических памятников возникает намного позднее принятия ислама. Материалы Северного Кавказа показывают, что между проникновением ислама и появлением мусульманских эпиграфических памятников существует хронологический разрыв, достигающий до 200–300 лет.

Многие из кладбищ огорожены небольшим валом и рвом. Большеатряское имеет 4 площадки разной высоты, огороженные земляным валом. Их можно рассматривать как семейные места захоронения феодалов. Подобные явления, по-видимому, имели место в эпоху

Казанского ханства и в более поздние времена. Имеются исторические сведения, указывающие на захоронение некоторых казанских ханов в особо почитаемых мусульманами местах – Болгарах и Билярске.

В возникновении и распространении традиции установления надмогильных эпиграфических (арабографических) памятников нельзя исключать и этнические факторы. Принадлежность эпиграфических памятников на территории Среднего Поволжья и Приуралья болгарскому, позднее татарскому народу – установленный факт. Однако, среди болгарских племен современники, кроме собственно болгар, отмечают сувар, нохрат, берсула, эсгель, темтюзи, сабакуля, баранджар и другие. В то же время в сложении народности волжских болгар, позднее казанских татар определенную роль сыграли местные финно-угорские племена, кипчаки и другие тюркоязычные племена, в том числе караханийские татары. Даже при одинаковом мусульманском обряде захоронения и трафаретном тексте эпитафий весь этот сложный процесс в какой-то мере должен был отражаться на болгарских эпиграфических памятниках. Г. В. Юсупов возникновение двух стилей и двуязычие болгарских надгробий связывал с двумя главными компонентами Булгарского государства болгар и тюрок (см. приложение).

На возникновение и развитие эпиграфики в Волжской Булгарии не чувствуется влияния Средней Азии, Крыма и Кавказа. Близость орнамента и стиля болгарских эпитафий к орнаментам восточных архитектурных памятников нужно рассматривать как общее влияние культурных центров мусульманского Востока на периферийные районы, какими являлись Болгар в XIII–XIV вв. и Казань в XV–XVI вв. Более ранние мусульманские надмогильные памятники Средней Азии, Кавказа и Кухистана, по типу и композиции текста, не могут служить предметом подражания для болгарских эпитафий. С памятниками Дагестана их связывает палеографическое сходство отдельных букв при написании простым куфическим почерком. Вероятнее всего, общим примером для тех и других были эпиграфические памятники Аравийского полуострова (Мухаметшин, 2008, с. 19).

История исследования памятников Болгарского городища освещена в работах С. М. Шпилевского (Шпилевский, 1877), Н. И. Ашмарина (Ашмарин, 1902), С. И. Порфирьева (Порфирьев, 1922), Г. В. Юсупова (Юсупов, 1960), А. Рона-Таша и И. Фодора (Рона-Таш, Фодор, 1973), Р. Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1975), Ф. С. Хакимзянова (Хакимзянов, 1978, 1987).

Впервые на болгарские эпитафии обратил внимание Петр I. Во время посещения Болгарского городища в мае 1722 года по его приказу были описаны и переведены на русский язык 47 мусульманских и 3 армянских эпитафий. Мусульманские эпитафии были переведены ахунотом Кадыр-Мухаммадом Сунчелевым и переводчиком Юсуфом Ижбулатовым при активном участии Д. Кантимира. Позднее с этого списка была снята копия, вероятно для подполковника Н. Савенкова и геодезиста И. Крапивина, которая поступила в архив Министерства внутренних дел (ЦГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Ед. хр. 4/4).

Русский перевод этих памятников (46 из 47) впервые был опубликован И. Лепехиным (Лепехин, 1771). В основу издания лег список, переписанный Н. Озерецковским в 1768 году. В 1831 году все 47 надписей были опубликованы известным немецким ориенталистом Г. Ю. Клапротом (Клапрот, 1831). По сравнению с И. Лепехиным у Г. Ю. Клапрота встречается 2 новые надписи – № 19, № 28. Он отмечает, что копии, представленные ему, сделаны кем-то, совершенно не знающим языка и письма надписей; армянские надписи представлялись неразборчивыми. У Г. Ю. Клапрота надписи расположены в хронологическом порядке. Часто встречающиеся в надписях выражения «тарих джиа ти джур» он переводит как 623 год. Он заявляет, что «надписи не представляют никакой даты (обозначение года), кроме хронограммы на арабском языке», числовое значение которого 623 г. хиджры, или 1226 год христианского летоисчисления (Шпилевский, 1877, с. 242).

Надо сказать, что переписчиками надписей еще в 1722 году данное выражение было переведено так же. Видимо, предполагая, что после слова «тарих» логически напрашивается

дата, они просто сложили числовые значения последующих двух слов. Эта же дата стоит у И. Лепехина. После Г. Ю. Клапрота она была принята П. Эрдманом и И. Березиным.

В 1832 году казанский ученый-востоковед П. Ф. Эрдман на основании текста, напечатанного Г. Ю. Клапротом, представил новый перевод эпитафий на русском языке, заявляя, «что он позволил некоторые поправки, к коим мог бы еще присовокупить и другие, если бы подлинники находились в его руках» (Эрдман, 1832, № 21). Через 19 лет И. Березин вновь перевел на русский язык эти надписи. Основой служил текст Ю. Клапрота. Сравнивая переводы Г. Ю. Клапрота и И. Лепехина, И. Березин говорит, что «переводы надписей сделаны мною буквально, некоторые надписи переведены у И. Лепехина верно, но в других переводчик отступил от тюркской конструкции, которая здесь в первобытной простоте и безыскусственности» (Березин, 1852, с. 145). Большинство памятников, зафиксированные при Петре I и явившиеся объектом изучения Г. Ю. Клапрота, И. Березина и др., не сохранились до наших дней. Часть из них была использована в хозяйственных целях во время строительства церкви Успения в Болгарах в тридцатые годы XVIII века и колокольни церкви Успения в середине XIX века, многие утеряны.

В 1768 году Болгарское городище посетил П. С. Паллас (Паллас, 1773). Им были подробно описаны каменные постройки Булгара и его надмогильные памятники. Хотя и не было открыто новых памятников, но экспедиция дала интересные результаты. Известные надмогильные памятники были топографически связаны с определенной территорией города, с древними кладбищами или отдельными сохранившимися зданиями-мавзолеями.

Во время строительства новой колокольни в середине XIX века в фундаменте были использованы эпитафии, уже осмотренные и эстампированные известным востоковедом И. Березиным в 1846 г. Так, например, попала под колокольню эпитафия «золотых дел мастера Шахидуллы» и др.

И. Н. Березин опубликовал тексты и русский перевод эпитафий, снятых при Петре I (Березин, 1852). В тексте и в переводе он

сделал некоторые поправки, однако, они существенно не отличаются от предыдущих переводов. Кроме надписей, снятых при Петре I, он приводит ряд надписей, обнаруженных им во время посещения Болгарского городища в 1846 году. Им было осмотрено на месте 36 надписей, из которых только 10 находились в списках Петра I. И. Н. Березиным были сняты эстампажи эпиграфических памятников. Кроме того, им было опубликовано 6 памятников, зафиксированных в Болгарах Н. А. Толмачевым.

Н. А. Толмачев представил в Восточное отделение общества снимки, выполненные типографским способом, девяти арабских и двух армянских надписей из Болгар, шесть из которых опубликованы И. Березиным.

С. М. Шпилевский в своей работе «Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии» зарегистрировал более 100 (включая и памятники из Болгар) эпитафий из 44 пунктов Казанской губернии. 18 эпитафий им были переведены на русский язык. Книга С. М. Шпилевского представляет собой итог более чем столетней работы по сбору и выявлению эпиграфических памятников. Наиболее изученным регионом оказались ближайшие к Казани районы Предволжья и Заказанья, но наименее – Закамье, самая густонаселенная в прошлом область Волжской Булгарии.

Х. Фаизханов впервые дал краткое, но емкое описание памятников, включающей размеры (ширина, высота, толщина), каллиграфию, орнамента верхней части, оформление бордюра и сохранность (Фаизханов, 1863). Особое внимание он уделял языку памятников, объяснению непонятных болгарских слов и дат. Толкование терминов: «йувари» – как военный муж, «суйарлы» – как сургал – впоследствии было принято всеми учеными. Но главная заслуга Х. Фаизханова состоит в расшифровке слов «джиати джур», выражающих дату и часто встречающихся в болгарских эпитафиях, отождествляя это с татарским выражением «жити юз» (семьсот).

В своей работе «Булгары и чувашы» Н. И. Ашмарин использует значительный источниковедческий материал: 93 надписи из разных мест

Казанской губернии. Многие из них были известны из работ И. Березина и Х. Фаизханова, но часть эпитафий публикуются впервые.

И. А. Износковым (Износков, 1893), Н. Ф. Катановым (Катанов, 1905, 1921) были также опубликованы несколько камней из Болгар.

С конца 20-х годов XX века начался новый этап в изучении эпиграфических памятников – комплексный. Начало ему было положено в программного характера статье П. Е. Корнилова (Корнилов, 1929(1)). Он писал: «До сих пор это изучение протекало исключительно по линии лингвистики. Изучение надгробных памятников, как памятников материальной культуры, не имело места до сих пор, но нам хорошо известно из личных наблюдений, что последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства: в форме самих памятников мы можем кое-что подчеркнуть для понимания архитектурных деталей прошлого. Изучение надписей дает материалы лингвистического и историко-бытового характера» (там же, с. 2). Им был разработан ряд конкретных мероприятий по сбору, изучению и хранению эпиграфических памятников. П. Е. Корнилов, отмечая абсолютную неизученность вопроса, орнаментацию болгарских памятников сводит к десяти схемам, объединенных одной общей композицией круга. По его мнению, «эта орнаментика не культурное достояние какой-либо исторической эпохи того или иного народа, а большое явление общечеловеческой культуры на заре пробуждения художественного оформления» (Корнилов, 1929(2), с. 55).

В 1941-1942 гг. надгробные камни Болгара изучались комиссией по болгаро-татарской эпиграфике при ИЯЛИ КФАН СССР под председательством Н. Ф. Калинина при участии А. Б. Булатова, Л. З. Залялетдинова и С. Е. Малова. Ими были обнаружены еще неизвестные, неопубликованные памятники. В итоге были созданы три тома «Альбома болгаро-татарской эпиграфики», состоящие из фотографий 253 памятников с комментариями и научной транскрипцией (Альбом БТЭ). Значительное число этих памятников – болгаро-татарские надгробные надписи.

Н. Ф. Калинин болгарские памятники разделяет на 2 стиля. К первому стилю он отнес памятники, отличающиеся большой величиной, тщательной отделкой, богатым художественным оформлением, с применением рельефного шрифта «сульс». Текст памятников этого стиля довольно большой, достигающий 14-16 строк, язык арабский или тюркский, близкий современному татарскому языку с многочисленными арабскими фразами. Второй стиль отличается малыми размерами, с врезанным шрифтом «куфи», коротким текстом из 4-6 строк без эпитетов и родословий. По мнению Н. Ф. Калинина, памятники первого стиля встречаются на Болгарском городище и в некоторых крупных центрах Волжской Булгарии. Они относятся к «верхушке феодального общества, преимущественно даже столичного, в значительной степени арабизированного и пользовавшегося литературным языком того времени, каковым для Нижнего и Среднего Поволжья XIII–XIV вв. может считаться тюрко-кипчакский язык с сильными элементами арабизма» (Калинин, 1948, с. 104).

Среди остального населения болгарского государства был слой, стоящий ниже по социальной лестнице – купцы, ремесленники, менее знатные феодалы. Язык их был другой, менее затронутый влиянием литературы и арабской образованности. Памятниками письменности этого населения и являются широко распространенные в Татарии эпитафии второго стиля, с «чувашизмами и с упрощенной куфической традиционной графикой». Таким образом, в представляемых здесь болгарских лингвистических памятниках мы можем различать, по крайней мере, два диалекта и установить генетическую связь болгар с казанскими татарами; что особенно ярко проявляется из сравнения памятников I стиля с казанскими памятниками того же характера, относящихся к XV–XVI вв. Н. Ф. Калинин пришел к важному выводу об одновременном существовании двух стилей, о преемственной связи памятников I стиля XIII–XIV вв. с памятниками более позднего времени. I и II стили, по мнению Н. Ф. Калинина, составляют два диалекта одного болгарского языка и языковые особенности обоих стилей свойственны современно-

му казанско-татарскому языку (Мухаметшин, 2008, с. 11).

Начатую Н. Ф. Калининым работу продолжил крупный татарский эпиграфист и этнограф Гарун Валеевич Юсупов. В ходе исследований с 1946 по 1957 гг. он посетил 28 районов Татарии, Урмарский район Чувашии и 12 районов Республики Башкортостан с охватом около 150 населенных пунктов. Только в Татарстане было исследовано 60 болгаро-татарских кладбищ и изучено до 200 надгробий, из них 40 относятся к XIII–XIV вв. Выявленные в экспедициях материалы нашли отражение в его публикациях. Г. В. Юсупов дал отличную от Н. Ф. Калинина классификацию эпиграфических памятников с XIII века по XIX век включительно. В основу своей классификации он положил хронологический принцип, подчинив ему типологический и языковой принципы. Последние принципы имеют отношение только к памятникам XIII–XIV вв.

Им эпитафии, написанные полностью на арабском языке, не выделяются в отдельный стиль. Они по оформлению, орнаментации и шрифту ничем не отличаются от памятников I-го стиля болгарского периода и от других памятников соответствующих стилей. В болгарскую эпоху он выделяет отличающиеся друг от друга два стиля эпиграфических памятников: I стиль – надписи, исполненные рельефным шрифтом сульс на «новоболгарском» и арабском языках. II стиль – характеризуется куфическим шрифтом и исполнением текста на «древнеболгарском» языке (Юсупов, 1960, с. 38–39).

В 1964–1967 гг. Г. Юсупов продолжил сплошное обследование Закамья, в том числе эпитафий Болгарского городища (см. приложение).

Если во второй половине XIV в. устанавливается единый язык эпитафий – татарский с включением некоторых канонических компонентов на арабском языке, то язык эпитафий II группы XIII – I половины XIV вв. до сегодняшнего дня остается предметом острых дискуссий. Отдельные исследователи считают язык эпитафий специальным языком, употребляющимся для ритуальных целей (Г. В. Юсупов, 1960), не исключается возможность его употребления ранее и в коммуникационных

целях (Ф. С. Хакимзянов, 1978, 1987). Часть языковедов считают язык болгарских эпитафий живым разговорным языком, и связывает язык эпитафий с определенным их носителем – чувашами (Н. И. Ашмарин, 1902, И. А. Андреев, 1956). А. Г. Мухамадиев (1980) полагает, что в языке болгарских эпитафий отражается хазарский язык.

С источниковедческой точки зрения ценны работы О. Прицака, опубликовавшего 10, А. Рона-Таша и И. Фодора, опубликовавших 84 болгарских эпиграфических памятника с комментариями и индексами болгарских слов.

Еще в 20-е годы XX века была сделана попытка включить эпиграфические памятники в историю искусства Татарстана (Корнилов, 1929). Богатая декорировка, различные орнаментальные мотивы эпитафий являются ценными источниками для изучения художественной пластики, изобразительного искусства волжских болгар и казанских татар, что нашло отражение в работах Ф. Х. Валеева. Он классифицирует эпитафии только по их художественному оформлению, не учитывая другие стороны стиля, языка, каллиграфии и др. По характеру декорировки болгарские памятники он разделяет на два типа: первый тип, характеризующийся «определенной массивностью, сравнительно большой шириной и закругленностью углов», и второй тип прямоугольной формы с килевидной или стрельчатой аркой. По своему происхождению первый тип Ф. Х. Валеев связывает с периферией, а второй – с городом Болгаром и некоторыми княжескими резиденциями (Валеев, 1975, с. 159). На основе изучения орнаментации эпитафий Ф. Х. Валеев вслед за Г. В. Юсуповым в материалах второй половины XVI по XIX вв. видит повторение отдельных элементов болгарских и казанских эпитафий (там же, с. 95).

Во второй половине 80-х гг. XX столетия Я. Ф. Кузьмин-Юманади и М. З. Закиев (1993) высказали мысль об изготовлении памятников второй группы (II стиля) месельманами, т. е. чувашами, принявшими ислам. Таким образом, объясняется наличие «чувашизмов» на болгарских эпитафиях.

В 70-е гг. XX в. над изучением болгарских эпиграфических памятников активно начал

работать Ф. С. Хакимзянов. Им было опубликовано 2 монографии, более десяти работ по болгарской эпиграфике (Хакимзянов, 1978, 1987 и др.). Во время полевых исследований Ф. С. Хакимзяновым был открыт и опубликован ряд новых памятников. Им была опубликовано 12 эпитафий с Болгарского городища.

В 1998 году появилась статья М. Ахметзянова «О судьбе болгарского языка», в которой автор классифицирует болгарские эпиграфические памятники чисто географически. Территорию распространения эпитафий XIII–XIV вв. он делит на 3 части: Закамье, Горная сторона и Заказанье. В Закамье им выделяется 4 административные зоны: Болгарский, Джукетауский, Билярский и Междуречье Ык – Агидель.

М. Ахметзяновым привлечены только полностью сохранившиеся памятники в количестве 161 единиц из свыше 400 известных. По его таблице видно, что наиболее ранние памятники написаны не на «болгарском» языке, и памятники с «болгарским» языком составляют не 90 процентов всех памятников, как ранее предполагалось, а значительно меньше (Ахметзянов, 1998, с. 102). Татароязычные памятники в основном происходят из Болгар и его ближайшей округи, а также из восточных районов. М. Ахметзянов считает язык текстов болгарских эпитафий живым языком и пишет, что «анализ текстов показывает ход интенсивного исчезновения болгарского языка, начиная с конца XIII в.» (там же, с. 113).

Орнаментика, художественное оформление эпиграфических памятников в той или иной мере отражено в работах С. А. Червонной, Д. К. Валеевой и Г. Ф. Сулеймановой.

Д. К. Валеева считает, что в I половине XIV в. искусство резьбы по камню достигает наивысшего расцвета. Это видно на каллиграфии надписи, прекрасной орнаментации и по внешнему оформлению эпитафий. Во второй половине XIV в. искусство резьбы по камню

приходит к постепенному угасанию из-за изменившейся исторической обстановки в Золотой Орде (Валеева, 1998, с. 94). По ее мнению, падение высокого стиля отмечается во всем. В каллиграфии чаще встречается не «чистый» почерк, а «полу», в изображении орнаментов – небрежность, узоры делаются не до конца.

С. А. Червонная рассматривает эпиграфические памятники в развитии с последней четверти XIII в. вплоть до начала XX столетия как «особый феномен художественной культуры, возникший на основе синтеза искусств: архитектуры, резьбы по камню и каллиграфии» (Червонная, 1987, с. 108). Она не видит разрыва связи между эпитафиями Волжской Булгарии и Казанского ханства. «Между эпиграфическими надгробиями Казанского ханства и Волжской Булгарии золотоордынского периода существует тесная, непосредственная связь, очевидная и в композиции, и в элементах орнаментального декора, и в приемах резьбы, и в языке, что последовательность, преемственность в этом виде болгаро-татарского искусства от XIII–XIV вв. к XV и XVI векам не вызывает никаких сомнений» (Червонная, 1987, с. 149).

Определенную лепту в изучение и публикацию болгарских эпиграфических памятников внес и автор этих строк. Д. Г. Мухаметшиным были опубликованы новые эпиграфические памятники Болгара (1976) и совместно с А. Х. Халиковым памятники Болгара и Биляра (1977). Автором были впервые выделены региональные особенности болгарских эпитафий (1981, 1989). Отдельные статьи были посвящены вопросам резьбы по камню (1988), орнаментике эпитафий (1977), социальной терминологии (1994) и топонимике болгарских эпитафий (1997). Более подробно эти вопросы изложены в совместной монографии с Ф. С. Хакимзяновым «Эпиграфические памятники Болгара» (1987).

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

Калинин Н. Ф. Альбом по болгаро-татарской эпиграфике (составитель). Казань, 1942 // Научный архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 62-64.

Андреев Н. А. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных памятников // Ученые записки НИИЯЛИ. 1956. Вып. 14.

Ардашев И. А. Развалины Болгара и древние Болгары по описанию англичанина Э. П. Турнерелли. Казань, 1901, с. 22-23.

Атлас Tartarica. Казань – Москва – Санкт-Петербург. 2005.

Ашмарин Н. И. Болгары и чувашы // ИОАИЭ. Казань, 1902. Т. 18. Вып. 1-3.

Березин И. Н. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета. Книга III. Казань, 1852.

Броссе. Об армянских надписях в Болгарах // ИОАИЭ, 1862.

Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. 216 с.

Дина Валеева. Художественная резьба в архитектуре и эпиграфике золотоордынских болгар // Татарская археология, № 1 (2), Казань, 1998. С. 88-98.

Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. Г. Декоративно – прикладное искусство казанских татар. Москва, «Советский художник», 1990.

Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам Музея болгарской цивилизации. Авторы текста А. Г. Ситдинов, Д. Г. Бугров, И. Л. Измайлов, Д. Г. Мухаметшин. Казань: ООО «Мастер-Граф», 2014. 84 с.

Закиев М. З., Кузьмин-Юманади Я. Ф. Волжские Болгары и их потомки. Казань, 1993. 160 с.

Заляй Л. К. К вопросу о происхождении татар (по материалам языка) // Происхождении казанских татар. Казань, 1948. С. 81-89.

Износков И. А. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // ИОАИЭ. Казань, 1893.

Т. II. Вып. 3. Отдельный оттиск.

История Татарской АССР. Казань, 1955.

Калачев П. В. Донесение подполковника Свечина о древностях, найденных им в Болгарах // Сборник археологического института. СПб., 1879. Книга II.

Калинин Н. Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождении казанских татар. Казань, 1948. С. 96-104.

Калинин Н. Ф. Булгаро-татарские эпиграфические памятники как исторический источник. // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. Казань, 1956. С. 25-31.

Катанов Н. Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // ИОАИЭ. Казань, 1905. Т. 21, вып. 3. С. 1-8.

Катанов Н. Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // Казанский музейный вестник. Казань, 1921. № 1, 2.

Корнилов П. Е. К орнаментике болгаро-татарского резного камня // МОРРП ТАССР. Казань, 1929. Вып. 3. С. 53-55.

Корнилов П. Е. К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи // МОРРП ТАССР. Казань, 1929. Вып. 3. С. 1-4.

Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. Ч. 1.

Малов С. Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. М.-Л., 1947. Вып. I. С. 38-45.

Малов С. Е. Булгарская и татарская эпиграфика // ЭВ. М.-Л., 1948. Вып. II. С. 41-48.

Мухаметшин Д. Г. О новых эпиграфических памятниках Болгарского городища. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань: Издательство АН СССР. Казанский филиал, 1976, с. 60-71.

Мухаметшин Д. Г. Об орнаментике эпиграфических памятников города Болгара. // Древности Волго-Камья. Казань, 1977, с. 103-110.

Мухаметшин Д. Г. Молитва на камне. // Казань, № 11-12, 2002. С. 64-70.

Мухаметшин Д. Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия «Археоло-

логия евразийских степей». Выпуск 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 132 с. илл.

Мухаметшин Д. Г. Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Таткнигоиздат, 1987, 128 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1773.

Порфирьев С. И. К истории сборника болгарских надписей // ИОАИЭ. Казань, 1922. Т. XXXI. Вып. 4. С. 41-44.

Смолин В. Ф. По развалинам древнего Булгара, Издание Госиздата Т. С. С. Р. 1921, с. 68-69.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. 218 с.

Великий Булгар. Литературная часть и научное руководство: Равиль Фахрутдинов. Казань, 1997.

Фаизханов Х. Три надгробных болгарских надписи. Известия Археологического общества. СПб., 1863. Т. IV. С. 396-404.

Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Хакимзянов Ф. С. Отчет эпиграфического отряда Билярской археологической экспедиции. Казань, 1973 // Архив сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР.

Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. Москва, 1978. 205 с.

Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники г. Булгара // Источниковедение и история тюркских языков. Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Казань, 1978. с. 21-36.

Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. Москва, «Наука», 1987, 191 с.

История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М.: Искусство, 1987, 352 с.

Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, 585 с.

Эрдман. О надгробных памятниках в Болгарах. Заволжский муравей, 1832, №1346. Кн. 21, 23.

Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960.

Юсупов Г. В. 1962. Полевой дневник №2 // Научный архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 62-64.

Юсупов Г. В. 1967. Полевой дневник №2 // Научный архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 62-64.

Юсупов Г. В. Эпиграфические памятники Болгарского городища. «Научный архив Института археологии РАН». Ф. Р-2. Ед. хр. 2015.

Борынгы татар әдәбияты. Казан: Таткнигоиздат, 1963. 579 б.

Фәхретдинов Р. Кичке азан. Казан, Татарстан китап нәшрияте, 1997, 223 с.

Ravil Fakhroutdinov. History of the Tatars. Kazan, Magarif Publising House, 2004, 135 p.

Hakimzjnov F. S. Nev Volga Bulgarian inscriptions. // Akta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XL (1), 173-177 (1986).

Khalikov A. H. and Muhametshin J. G. – Unpublished Volga Bulgarian inscriptions. // Akta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XXXI (1), pp. 107-125 (1977).

Klaproth M. Notice et explication des inscriptions de Bolghari. Nouveau Journal Asiatique. Paris. 1831. Tome VIII.

Rona-Tas – Fodor S. Epigraphica Bulgarica: A volgai bolgar-torok feliratok // Studia Uralo-Altaica. Szeged, 1973.

Veliyeb R. M., Muhammetsin C. A. Buyuk Bolgar – bolgar – татар уыгарлицинин анити, Ankara, 2000, 191 с. ил.

Рис. 244. Эпитафия Алп ходжи 708 г. х.

1. ОФ. 65-76/76 ЭПГ. Рис. 244.

Материал: известняк.

Дата: 708 г. х. – 1308/1309 г.

Описание: размер 20 x 57 x 146. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная с плечиками, в тимпане кораническая формула, бордюр – рельефная полоса. На боковых частях и оборотной стороне орнамента или надписи не имеется. На камне имеется номер «№ 3». Разломан пополам. Обнаружено во время ремонта церкви Успения в 1980 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список № 23.
2. Лепехин, с. 277.
3. Клапрот, 1831, с. 97-102.
4. Эрдман, 1832, с. 21.
5. Березин, 1852, VII.
6. Ардашев, 1901, № 2.
7. Ашмарин, 1902, с. 73.
8. Валеев, Мухаметшин, 2000. Фото №123.
9. Nakimzjnov, 1986, рис. 1, с. 174 (фото, текст, чтение, перевод на английский язык).

ТЕКСТ

1. الحكم اله
2. هو الحي الازلي لا يموت
3. وكل حي سواء سيموت
4. علماسمز سوار مسجد سمر
5. عمارة طننا اكل خيرائل
6. لوي بركاتل موز سوار يال
7. تامعالي علي حواجه اول اترح
8. حواجه اول ابو بكر حواجه
9. اول الب حواجه بلويك
10. دنيازان كوحروي تاريخ جيا
11. ت جور سسيكر حال حمادي الاو
12. لي ايخ جرم اكش كوان ات

Примечание: II-1 дамма над «о», фатха над «у», II-2 фатха над «х», II-3 кесра под «з», II-4 дамма над «у», III-1 фатха над «у», дамма над «и и», III-2 фатха над «х», тенвин кесры под «и», III-3 три точки под «с», фатха над «у», дамма над «о», III-4 фатха над «и и с», три точки под «с и м и», IV-1 дамма над «е», фатха над «и и л», IV-2 фатха над «и и с», IV-3 кесра под «ж», точка под «д», фатха над «и и с», три точки под «с», V-1 фатха над «и и е», точка под «и и с», V-2 фатха над «и и з», точка под «з», V-3 фатха над «а», кесра под «к», V-4 фатха над «и и х», дамма над «л», VI-1 фатха над «а», дамма над «у», VI-2 фатха над «и и б», дамма над «и и л», точка под «р», VI-3 дамма над «с», фатха над «у», точка под «р», VI-4 фатха над «и», кесра под «л», VII-1 фатха над «е», кесра под «х», VII-2 фатха над «е», кесра под «и», VII-3 фатха над «и и х», VII-4 кесра под «л», VII-5 фатха над «р», VIII-1 дамма над «х», фатха над «и и х», VIII-2 фатха над «а», кесра под «л», VIII-3 фатха над «и и б», дамма над «б», фатха над «и и б»,

точка под « ر », VIII-4 фатха над « خ и ج », IX-1 кесра под « ل », IX-2 фатха над « ا », кесра под « ل », сукун над « ب », IX-3 дамма над « خ », фатха над « ج », IX-4 фатха над « ب », сукун над « و и ك », X-1 точка под « د », фатха над « ر и ي », точка под « ر », X-2 дамма над « ر и ك », фатха над « و », точка под « ر », X-3 фатха над « خ и ت », кесра и точка под « ر », X-4 кесра под « ج », XI-1 кесра под « ت », XI-2 дамма над « ج », XI-3 фатха над « س », три точки под « س », точка под « ر », XI-4 фатха над « ح », XI-5 дамма над « ح », кесра под « ي », XII-1 фатха над « ل », XII-2 фатха над « ا », кесра под « ي », XII-3 кесра под « م و ر и ج », точка под « ر », XII-4 кесра под « ش », XII-5 дамма над « ك », фатха под « و », XII-6 фатха над « ا », кесра под « ت ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi
2. huwä-l-hajji-l-lazi lä jamütü
3. wa küllü hajjin säwahu sajamütü
4. Golämasämnä säwar mäszidsämnä
5. gämarät tonan äkile xäjratlū
6. älüwi bäräkatlū mün Suwar jali
7. tamgačī Gali xuža oulī Ätrāž
8. xuža oulī Äbübakir xuža
9. oulī Alip xuža bälüikü
10. dönjaraṇ küžrüwi tarixa žiati
11. žür säkir žal žümädi-l-äüali
12. aixī žijrem äkiši köän ati.

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха
2. Он живой, который не умирает,
3. все живущее, кроме него, умрет.
4. Почитатель ученых, мечетей
5. строивший, множество подаяний вер-
6. шитель, благодетельный наш, сборщик пода-
- тей
7. области Суар Али ходжа, (его) сын Атрач
8. ходжа, (его) сын Абу-Бакр ходжа, (его)
9. сын Алп ходжа, (его) памятник.
10. Из мира переселился по летоисчислению
- семь-
11. сот восьмого года, джумади I
12. месяца, двадцать второго дня было.

TRANSLATION

1. The judgment of Allah
2. He is the living one, who does not die
3. and all living ones, with exception of Him, die
4. Who loved the scholars, built
5. mosques, who was gracious,
6. benefactor, from the clan of Mun – Suvar
7. son of Ali – hoia, son of Atrac
8. hoja, son of Abubekr hoja
9. Alp hoja's tomb monument,
10. He departed from the world according to the
- date se
11. ven hundred eight year, the month of ju
12. mada I, the day the twenty second it was.

Рис. 245. Эпитафия Шамар Малики 742 г. х.

2. ОФ. 65-74/74 ЭПГ. Рис. 245.

Материал: серый известняк

Дата: 742 г. х. – 1341/1342 г.

Описание: размер 30 x 78 x 242. Язык арабский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная с полукруглой аркой и с плечиками. В тимпане кораническая формула, между тимпаном и основным текстом рельефная полоса. На боковых частях надпись шрифтом сульс рельефный. Разломан пополам. Памятник обнаружен во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список № 21.
2. Лепехин, 1771, 277, № 21.
3. Клапрот, 1831, № 47 (текст и перевод на французский язык).
4. Эрдман, 1832, 1357, № 47 (текст и перевод).
5. Березин, 1852, № XLVII, 117 и 123 (текст и перевод).
6. Калачев, 1879, 92 (перевод).
7. Юсупов, № 2, 1965.
8. Юсупов, 1967, 14-15 (текст и перевод).
9. Хакимзянов, 1974, № 6 (фото, текст, транскрипция и перевод).
10. Хакимзянов, 1987, № 9 (фото, текст и перевод).
11. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 99 (фото).
12. Фахрутдинов, 1997, с. 17 (фото).

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت و كل حي سيموت
2. هذه روضه المستورة المجطاه المطهرة
3. الطهفة الشريفة شمر ملك بنت جعفر اعا
4. الا فركنحي اللهم ارحمها رحمة واسعة
5. ولكرمها بالعفو العفرة قدس الله
6. وحها وحير صرحها توفيت الي رحمه الله
7. تعلي في اخر شهر رمضان سنة اسن واربعين
8. و سبعماه رحمه اول مومين قا كم بر فاتحا اوج احلاس
9. سورسن اوقسا

Примечание: II-1 фатха над « о », III-1 фатха над « ط », III-2 фатха над « ش », точка под « ر », III-3 фатха над « س », точка под « ر », III-6 фатха над « ح », IV-1 кесра под « ر », V-1 фатха над « و », V-2 фатха над « ع », VI-1 дамма над « ر », точка под « ر », кесра под « ح », фатха над « о », VI-2 фатха над « خ », VI-3 фатха над « о », VI-4 дамма над « ت », VII-1 фатха над, дамма под « ع », VII-3 точка под « ر », VII-4 фатха над, три точки под « س », VIII-1 фатха над « م », VIII-2 дамма над « و », IX-1 три точки под « س », точка под « ر ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hūwā-l-xājjī-l-lazi lā jamūtū wa kullu xajjin sajamutu
2. hazihi rauzatu-l-māstūrāti-l-mūžāmillāti-l-mutahhirāti
3. -t-tajjifāti-š-šārifāti Šamar-mālikā bintū Žāgfar-aga

4. Al-Afrikänči. Allahum ärhämuha räxmätän wasigätän
5. wä äkrämuha bi-l-gaffi, wä-l-maüfiräti qaddis Allahu
6. ruhaha... wä sarhuha. Tuwaffiät ilä räxmätu-l-lahi
7. täjalä... fi axïr šährin ramazan sännäti isnä wä ärbäginä
8. wä säbgimiätin. Räxmät oul mü'minqa kem ber Fatiha üč Ihlas
9. süräsin oqïsa

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет
2. этот сад целомудренной, непорочной, совершавший омовение, прекрасной,
3. благородной Шамар малики, дочь Джафар-ага
4. Ал – Африканчи. Аллах, помилуй ее милостью неизмеримой
5. и почти ее оставлением грехов и прощением. Да
6. освятит Аллах душу ее. Отошла к милости

7. всевышнего в конце месяца рамазана года семьсот сорок второго
8. спасибо тому правоверному, кто один раз Фатиху, три раза суру Ихлас
9. прочтет

ТЕКСТ ЛЕВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ

کورامن ساسو لا لمومنات ادمدين مرحوم کاس س

ТРАНСКРИПЦИЯ

kürämen ...

ПЕРЕВОД

вижу мир ...

ТЕКСТ ПРАВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ

نلار كجتي ايملي تقیما انجار قموع بو اولم سعتي انعار

ПЕРЕВОД

словно звуки курая, час смерти к нам придет.

ЛИТЕРАТУРА

Борынгы..., 1963, с. 65.

Рис. 246. Эпитафия Илчи Имел 684 г. х.

3. ОФ. 65-51/51 ЭПГ. Рис. 246.

Материал: белый известняк.

Дата: 684 г. х. – 1285/1286 г.

Описание: размер 20 х 60 х 154. Язык арабский, шрифт сульс рельефный, форма верхней части прямоугольная с плечиками, в тимпане кораническая формула. Бордюр – орнамент третьего типа. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Состоит из двух частей. Памятник обнаружен во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Khalikov and Muhametshin, 1977, с. 117.
2. Мухаметшин, 1976, № 8, рис. 5.

ТЕКСТ

1. هوا الحي الذي لا يموت
2. هذه روضه المحدره
3. المستوره الشريفه الكريمه
4. الماس العاو اللمر
5. المعفر الي
6. رحمه الله و عفرانه
7. الحي امل بنت اسماعيل بن
8. محمود بن منصقر البلعاري
9. توفيت اله دس عسر شهر ربيع
10. الاول من سهور
11. سنه 684

Примечание: II-1 фатха над « о », II-2 фатха над « р », III-1 фатха над « р », IV-1 фатха над « е », IV-2 фатха над « е », V-3 фатха над « и », VIII-2 дамма над « с ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwā-l-hājji-l-lāzi la jāmutu
2. hazihi raudatu-l- āl-māxdārati
3. l-māstūrāti l-sarfati āl-kārimāti
4. āl-manijati āl-ānijati āl-alimati āl-
5. rākiati āl-
6. rāxmätü-l-lahi wā gafranihi
7. ilči Emel bint Ismāgil ibn
8. Māxmūd ibn Mansur al-Bolgari
9. Tuwaffijjat-l-lahi sadisa min sahri rabigü-
10. l-āwwāli min suhuri
11. sānāti 684

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает.
2. этот сад благодравной,
3. целомудренной, благородной, щедрой
4. измученной, смиренной, ученой, единствен-
- ной, кто
5. стоя на камнях и повергнув себя
6. к милости Аллаха и его прошение
7. илчи Имел дочь Исмагила, сына
8. Махмуда, сына Мансура Болгари
9. умерла десятого месяца раби
10. I ом
11. 684 году

TRANSLATION

1. He is the living one who does not die
2. This is the garden of the one who is warning,
3. the virtous, the noble, the gene(rous),
4. thetortured (?), the humb(le), the learned (?), the one who
5. kneels down and prostrates herself, the one who deceased (?) in
6. the mercy of God and his Isma'il the son of
7. Ilči Emil (?) the daughter of Isma'il the son of
8. Mahmud the son of Mansur al-Buldari
9. She died on the sixteenth of the month of Rabi
10. al-awwal from among the month of the
11. year 684

4. ОФ. 65-47/47 ЭПГ. Рис. 247.

Материал: белый известняк.

Дата: 697 г. х. – 1297/1298 г.

Описание: размер 20 x 62 x 158. Форма верхней части, вероятно, полукруглая со сквозными плечиками, язык арабский, шрифт сульс рельефный. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Состоит из двух частей. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

Березин, 1852, № 52 (только часть эпитафия с датой).

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. هذا مرقد الشيخ الكبير
3. المعظم محمد علما
4. مر المر مقوي ال
5. عا
6. ار او اصل
7. ال
8. ...
9. حما دي الحر
10. شهر
11. 697

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l
2. Haza marqadu äš-saix ä-l-käbiri
3. ä-l-muzafar
- 4 – 8 . . .
9. žumadi-äl-axir
10. ... suhur
11. 697

ПЕРЕВОД

1. Он живой ...
2. это гробница шейха великого
3. победоносного ...
- 4-8. ...
9. джумади II
10. ... году
11. 697

Рис. 247. Эпитафия шейха (?) 697 г. х.

Рис. 248. Эпитафия Али 699 г. х.

5. ОФ. 65-48/48 ЭПГ. Рис. 248.

Материал: серый известняк.

Дата: 699 г. х. – 1299/1300 г.

Описание: размер 20 х 56 х 176. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный, форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой и с плечиками. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Khalikov and Muhametshin, 1977, с. 122-125 (текст, транскрипция, перевод на английский язык).
2. Хакимзянов, 1978, табл. № 1 (текст, транскрипция, перевод, примечания).
3. Хакимзянов, 1978а, с. 32-35 (текст, транскрипция, перевод, разбор отдельных слов).

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. ممل اول اول
3. علي زيارة الله رحمه
4. عليه رحمه واسعه فاني
5. دنيا دان باقي اجرت رحلت
6. طنروي محرم ايح وان
7. الطس كوان تاريخ
8. الط حور وان طحر
9. حال ات الموت
10. باب و كل
11. الناس داخله

Примечание: III-1 фатха над «ع», IV-1 фатха над «ع», кесра под «о», IV-3 фатха над «و», V-1 дамма над «д», фатха над «и», V-2 фатха над «б», V-3 фатха над «а и ч», точка под «р», VI-1 фатха над «т», VI-2 дамма над «м», фатха над «ч», сукун над «м», VI-3 фатха над «а», кесра под «и», VI-4 фатха над «о», VIII-1 кесра под «т», VIII-3 дамма над «т и р», точка под «т и р», VIII-5 дамма над «т», IX-2 фатха над «а», IX-3 дамма над «т», X-1 дамма над «н», X-2 фатха над «о», X-2 дамма над «л», XI-1 три точки под «с», XI-2 дамма над «о».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-häjjī-l-läzi lä jämutu
2. Mamli oulī ... oulī
3. Gali ziarati räxmätü-l-lahi
4. gälājha räxmätän wasigätän
5. dönjaraṇ baki axirätä rixlä
6. tonrī möxärräm ajxī on
7. altīsī küän tarix
8. altī žür toxur uan toxur
9. žal ati. Al-mäütü
10. babun wä küllü-n-nasi
11. dāxilühü

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. Мамли (его) сын ... (его) сын
3. Али место погребения. Да будет милость Аллаха
4. над ним милостью обширною. Из тленного
5. мира в мир вечности пересел-
6. лился: месяца мухаррам шесть-
7. надцатого дня (было), по летоисчислению
8. шестьсот девяносто девятого
9. года было. Смерть –
10. есть дверь и все люди
11. войдут в нее

6. ОФ. 65-57/57 ЭПГ. Рис. 249.

Материал: серый известняк.

Дата: 707 г. х. – 1307/1308 г.

Описание: размер 24 x 62 x 127. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная с плечиками, в тимпане кораническая формула, бордюр – рельефные линии. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Отсутствует нижняя часть памятника, составлено из 6 фрагментов. Памятник обнаружен по частям в районе Черной палаты и сельского кладбища в 1973-1975 гг., ранее хранился внутри Черной палаты.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом БТЭ, № 229 (перевод)

ТЕКСТ

1. لا يموت هو الح
2. بلار يال ار
3. اول
4. وا
5. رحمه ليهار
6. حمه واسعه ني دنياران
7. بقي رحلة طنروي
8. تاريخ جيات جور حيا
9. تش جال ربع الاخ
10. جيار
11. ...

Примечание: II-1 дамма над « б », фатха над « и », кесра под « л », III-1 фатха над « а », кесра

Рис. 249. Эпитафия Ахмада 707 г. х.

под « л », III-2 фатха над « а », IV-1 фатха над « о », V-1 тенвин фатхи над « о », V-2 фатха над « и о », V-3 фатха над « р », точка под « р », VI-1 фатха над « м », VI-2 кесра и три точки под « с », тенвин фатхи над и точка под « г », VI-4 дамма над « д », фатха над и точка под « р », VII-1 фатха над « б », VII-2 дамма под « ч », кесра над « л », VII-3 фатха над « т », точка под « и т », VIII-1 фатха над « ч и т », точка под « р », VIII-3 дамма над « о », IX-1 фатха над

« ش », IX-2 фатха над « ج », IX-3 дамма над « ع »,
X-1 фатха над « ي ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-xä
2. Bular jail ar
3. oulī Äxmäd ...
4. wä ...
5. räxmätän ... gäläjhi rä
6. xmätän wasigtän ... dönjaraṇ
7. baki ... rixlät tonrui
8. tarixa žiati žür žia
9. tiš žal rabigu-l-axirä
10. žiarmi ...
11. ...

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой... не умирает
2. Буляра области ар ...
3. сын Ахмад ... дочь
4. ...
5. Да будет милость ... (Аллаха) над ней
6. милостью обширной. Из мира (тленного)
7. в мир вечности переселился
8. по летоисчислению семьсот сед-
9. мого года месяца раби-ул-ахир
10. двадцатого ...
11. ...

Рис. 250. Эпитафия Хасана Самарканди 690 г. х.

7. ОФ. 65-70/70 ЭПГ. Рис. 250.

Материал: белый известняк.

Дата 690 г. х. – 1291 г.

Описание: размер 20 x 62 x 190. Язык арабский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная с врезанной стрельчатой аркой с плечиками, в тимпане кораническая формула. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Состоит из пяти частей. Памятник обнаружен во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список 10 (чтение, перевод даты и имени погребенного).
2. Клапрот, 1831 (чтение, перевод даты и имени погребенного).
3. Эрдман, 1832 (чтение, перевод даты и имени погребенного).
4. Березин, 1852, № XXXII. Нижняя часть – 7-9 строки.
5. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 23 (фото, фрагмент).

ТЕКСТ

1. هو الحي الازي لا يموت
2. هذا مرقد الاعبد لا عل الاعز
3. الاكرم الا محد الاسرف طر حل
4. الشرف العبد عبلعير
5. مر علي بن التد السريف العلو الله عشر المستمن
6. السحبون الله
7. د رسول زنده غير التبول
8. مرمعرلر الحسن السمرقندي ممرسيعا الله
9. توفيت سنه في او احر رحب سنه تسعين و سبعمايه

Примечание: I-1 фатха над « و », II-1 фатха над « ه », VI-1 фатха над « ح и س », VII-3 кесра под « ع », VII-4 дамма над « و », VIII-2 дамма над « ح », VIII-3 фатха над « س ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hüwä-l-xajji-l-lazi la jāmütü
2. Hazihi markasi il-l-gabd
3. ...
4. ...
5. Mirgali bin al... Lotfullah
6. ...
7. ...
8. Al-Xäsän Sämärkandī
9. tuwaffi ... axirā räžāp sānnāti täsgin wä säbgimiätin

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. это гробница ... почтенного
3. знаменитейшего, светлейшего
4. ... великого
5. Мир Али (его сын) ... Лотфулла
6. ...
7. ... расул
8. Хасана Самарканди ...
9. умер в году, в конце раджаба, года шестисот девяностого

Рис. 251. Эпитафия Абдуллы ал-Болгари.

8. ОФ. 65-1/1 ЭПГ. Рис. 251.

Материал: белый известняк.

Дата: не сохранился.

Описание: размер 16 x 59 x 77, язык арабский, шрифт – куфи врезанный, форма верхней части полукруглая. Бордюр – рельефная полоса. На оборотной и на боковых сторонах надписи и орнамента не имеется. Памятник фрагментирован: отсутствуют верхняя и нижняя части. Эпитафия обнаружена на южной части городища в 300 м к северу от вала в 1967 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kalikow and Muhametshin, 1977, с. 121 (текст, транскрипция, перевод на английский язык).
2. Хакимзянов, 1978а, с. 35-36, (текст, транскрипция, перевод, разбор отдельных слов).
3. Юсупов, 1967, № 2.

ТЕКСТ

1. الحى
2. آلتاً ...
3. الصد الظلوم ...
4. رحمة ربه الطيف الى ...
5. يوارى غبداله
6. تا به عاح البلعاري
7. رحمه الله برحمة
8. ...

Примечание: I-1 фатха над « а », II-1 фатха над « а » и над « т », III-1 точка над « ط », IV-1 двоеточие над « ي », IV-2 фатха над « м и р », кесра под « е », под « р » точка, IV-3 фатха над « л и р », кесра под « ط », дамма над « ф », точки под « р и б и ط », V-1 фатха над « е и о », по точке под « е и б », V-2 кесра над « р », VI-1 фатха над « е и т », над « е » точка и сукун, VI-2 кесра над « г », точка под « р », VII-1 фатха над « м », дамма над « о », VIII-1 точка над « у ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. I-hajji
2. al-ta
3. al (ma?) zlum al-h (...)
4. ila rahmati rabbihi I-latifi
5. Abdullah Jūāri (...)
6. Tabgač āl-Bulgari
7. (rahima) hu-l-lāhi birahmatin
8. (...) uh

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой ...
2. ...
3. Смиранный
4. к милости Всевышнего
5. Абдулла йувари
6. ал-Болгари
7. милость Аллаха милостью

Рис. 252. Эпитафия Урум Алп 709 г. х.

9. ОФ. 65-56/56 ЭПГ. Рис. 252.

Материал: серый известняк.

Дата: 709 г. х. – 1309/1310 г.

Описание: размер 19 x 52 x 155. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный, форма верхней части прямоугольная с плечиками, в тимпане кораническая формула. Между тимпаном и основным текстом «виноградная лоза», бордюр – рельефная полоса. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орна-

мента не имеется. Эпитафия разломана на две части. Памятник обнаружен на южной части городища в 300 м к северу от вала на пашне у мавзолея в 1973 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухаметшин, 1976, № 9, рис. 6 (перевод).
2. Khalikov and Muhametshin, 1977, с. 115 (текст, транскрипция, перевод на английский).
3. Хакимзянов, 1978, табл. № 3 (текст, транскрипция, перевод).
4. Хакимзянов, 1978а, с. 25-32 (текст, транскрипция, перевод, разбор отдельных слов).
5. Meyer, 1988, t. 1 (фото).
6. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 63 (фото, текст, перевод).
7. Мухаметшин, 2002 (фото).
8. Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с. 40.
9. Farhroudinov, 2004, с. 79 (фото).
10. Атлас Tartarica, 2005, с. 625 (фото).

ТЕКСТ

1. هوا الحي الذي لا يموت
2. وكل حي سيموت
3. اوراز اول ورم النب
4. بلويك رحمة الله عليه
5. رحمة واسعة دنياران
6. سفر طنروي تاريخ
7. حيات حور طحر حال
8. رجب ايخ ونم كوان
9. ات الموت باب
10. و كل الناس
11. داخله

Примечание: I-1 дамма над « о », I-2 фатха над « ч », I-3 кесра под « и », I-4 фатха над « и », дамма над « о », II-1 фатха над « о », дамма над « л и к », II-2 фатха над « ч », тенвин кесра под « и », II-3 фатха над « с и и », дамма над « т и м », III-1 фатха над « а и р », сукун над « о », точка под « р », III-2 фатха над « а », кесра под « л », III-3 дамма над « о и », сукун над « м », точка под « р », III-4 кесра под « л », сукун над « б », IV-1 фатха над « б », дамма над « и о », IV-2 фатха над « и м », дамма над « о », IV-3 фатха над « л и л », кесра под « о », IV-4 фатха над « е и л », V-1 фатха над « и м », тенвин фатха над « е », V-2 фатха над « а », тенвин фатха над « е », V-3 дамма над « д », фатха над « р », VI-1 фат-

ха над « ف و س », сукун над « ر », три точки под « س », точка под « ر », VI-2 фатха над « ط », сукун над « ر », дамма над « و », точка под « ط », VI-3 фатха над « خ و ت », точка и кесра под « ر », VII-1 фатха над « ي », кесра под « ت », VII-2 дамма над « و », точка под « ر », VII-3 точка под « ط », дамма над « خ », VIII-1 тенвин фатха над « ر », фатха над « ج », сукун над « ب », VIII-2 фатха над « ا », сукун над « ج », кесра под « ج », VIII-3 фатха над « و », кесра под « ن », VIII-4 дамма над « ك », фатха над « و », IX-1 фатха над « ا », IX-2 фатха над « م », XI-1 точка под « د ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-hajji-l-lazi lä jämütü
2. wä küllü hajjin säjämütü
3. Ouraz oulī Urum Alp
4. bälükü. Rähmätü-l-lahi gäläjhi
5. rähmätän wasigätän. Dönjara
6. säfär tonrui tarixa
7. žiati žür toxur žal
8. räžäp ajxī onim köän
9. ati. Äl-mäütü babun
10. wä küllü -n-nasi
11. dahilühu

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. а все живущее умрет
3. Ураз (его) сын Урум-Алп (его)
4. памятник. Да будет милость Аллаха над ним
5. милостью обширною. Из мира
6. ушел: по летоисчислению
7. семьсот девятого года
8. раджаба месяца десятого дня
9. было. Смерть – врата
10. и все люди
11. войдут в нее

TRANSLATION

1. He is the living one who does not die
2. and all the living one will die
3. Äwrän's son Alīb's
4. monument (is) this. The mercy of Gold be upon him
5. with mercy abundant. From this world
6. the journey he finished. In date
7. sevenhundred ninth year
8. month of Rajab, the tenth day
9. it was. Death is a gate
10. and all of the people
11. are entering it

Рис. 253. Эпитафия Сиражи ал-Болгари.

ствуется нижняя часть. Тимпан орнаментирован двумя сердцевидными фигурками с отростками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухаметшин, 1977, рис. 4.
2. Юсупов, 1967, № 2.

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. وكل حي سيموت
3. الحكم الله العلي الكبير
4. الموت باب و كل الناس داخله
5. با سعر
6. سنه
7. للم عمل معر
8. كام
9. سر احي البلعاري

Примечание: III-1 дамма над « м », III-2 фатха над « а », кесра под « и о », IV-1 дамма над « т », IV-2 дамма над « н », IV-3 дамма над « к ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-hajji-l-läzi lä jāmütü
2. wä küllü häjjin säjümütü
3. Alxökmü-l-lahi gäljij-l-käbiri
4. Al-mäüti babun wa küllü-n-nasi daxilühü
- 5-8 ...
9. Siraži al-Bolgari

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. все живущее умрет.
3. Суд принадлежит Аллаху всевышнему, великому
4. смерть – врата, и все люди войдут в них
- 5-8. ...
9. Сиражи ал-Болгари

10. ОФ. 65-3/3 ЭПГ. Рис. 253.

Материал: белый известняк.

Дата: не сохранился.

Описание: размер 20 x 60 x 117. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой, с плечиками, в тимпане кораническая формула. Арка отделена от основного текста рельефной полосой, на боковых частях и оборотной стороне надписи и орнамента не имеется. Отсут-

Рис. 254. Эпитафия дочери Али йувари 694 г. х.

11. ОФ. 65-4/4 ЭПГ. Рис. 254.

Материал: известняк.

Дата: 694 г. х. – 1294/1295 г.

Описание: размер 24 x 53 x 113. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный, форма верхней части прямоугольная с вырезанной стрельчатой аркой с плечиками. В тимпане восьми лепестковая розетка с символом свастики, бордюр – орнамент 3-го типа, на боковых частях и обратной стороне надписи и орнамент не имеется. Отсутствует нижняя часть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом БТЭ, № 230.
2. Юсупов, 1956, рис. 1.
3. Юсупов, 1960, таб. 5 (текст, перевод).
4. Rona-Tas – Fodor, 1973, № 5 (текст, транскрипция, перевод на венгерский язык, примечания).
5. Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с. 40 (фото).
6. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 95 (фото).
7. Атлас Tartarica, 2005, с. 625 (фото).

ТЕКСТ

1. كل نفس زايقة الموت ثم
2. الينا ترجعون علي يوارى هير
3. حوم نينه بلويك رحمة الله
4. عليها رحمة واسعة
5. دنياران باقي احرة
6. بطوي
7. هجرة ران الط حور طحوروان
8. تواوم جال جمادي الاحر

Примечание: I-1 дамма над «ك и ل», I-2 фатха над «ن», три точки под «س», II-1 фатха над «ل», II-2 точка под «ر», II-3 фатха над «ع», кесра под «ي», II-4 фатха над «و», III-1 дамма над «و», III-3 дамма над «ك», III-5 кесра, дамма над «ه», IV-1 фатха над «ه», VII-1 фатха над «ر», VII-4 дамма над «ط», точка под «ر», VIII-2 фатха над «ا».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Küllü näfsin zaiqatu-l-mäüti şümmä
2. ilajna täržägunä Gäli juwari hir
3. xum ... bälükü rähmätü-l-lahi
4. gäläjha rähmätan wasigätän
5. dönjaran bakij axirät
6. batuwi
7. hižräträn altı žür toxur wan
8. tuätäm žal žumadi-l-axirä

ПЕРЕВОД

1. Каждая душа вкусит смерть, после
2. вы вернетесь к нам. Али йувари (его) дочь
3. хум... памятник. Да будет милость Аллаха
4. над ней милостью обширною.
5. Из мира в мир вечности
6. ушел
7. по хиджры шестьсот девяносто
8. четвертого года, джумади II

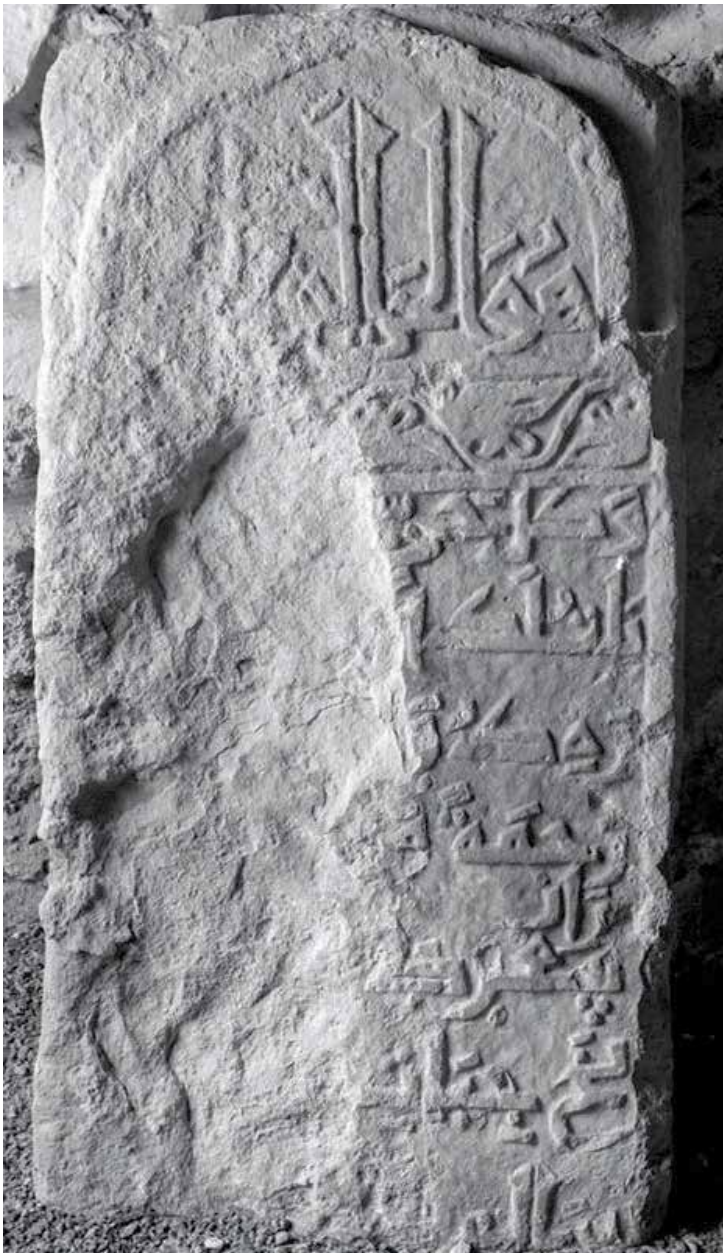

Рис. 255. Эпитафия сына Балтулака 705 г. х.

12. ОФ. 65-6/6 ЭПГ. Рис. 255.

Материал: серый известняк.

Дата: 705 г. х. – 1305/1306 г.

Описание: размер 22 x 50 x 98. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный, форма верхней части скошенная со стрельчатой аркой с плечиками. В тимпане кораническая формула, между тимпаном и основным текстом орнамент мотива виноградной лозы. На боковых частях надпись – куфи рельефный. На оборотной стороне орнамент в виде круга и надпись в шесть строк мелким шрифтом куфи врезанный. Отсутствует нижняя часть, левая сторона отбита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом БТЭ, № 16, 55, 231, 232, 233.
2. Юсупов, 1961, таб. 39 (текст, перевод).
3. Юсупов, 1962, № 2.

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. و كل حي سيموت
3. بئلك اول زيا
4. رةي رحمة الله عليه
5. رحمة و اسعه دنيا
6. ران سفر طنروي تار
7. يح حيات جور
8. بياالم

Примечание: I-1 дамма над «о», фатха над «у», I-2 фатха над «х», I-3 фатха над «л», II-1 фатха над «о», дамма над «л», II-2 III-1 дамма над «л», фатха над «л», сукун над «к», IV-1 дамма над «к», IV-2 фатха над и точка под «р», V-1 фатха над «м», тенвин фатхи над «е», V-2 фатха над «о», VI-2 три точки под «с», фатха над «ф», точка под «р», VII-2 фатха над «и», кесра под «т и ч».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-häjjī-l-läzi lä jāmütü
2. wä küllü häjjin säjamutu
3. Bälütläk oulī ... zīa
4. ratī. Rāhmätü-l-lahi gäläja
5. rāhmätän wasigätän dönja
6. ran safar tonrui tar
7. ixa žiati žür
8. bialim

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает,
2. все живущее умрет
3. Балталука сын ... (его) место
4. погребения. Да будет милость бога над ним
5. милостью обширной. Из мира (этого)
6. переселился. По лето
7. исчислению в семьсот
8. пятом...

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

ТЕКСТ

1. رصم كل وحي بير كم
2. الا حمد و ح قل حو

3. بل الله رحمه
4. ثم و لا جيز قر
5. ك حارسم بر ل
6. حملسن

Примечание: диакрические значки отсутствуют.

ПЕРЕВОД

1. Кто ...
2. ...
3. милость бога милостью

ПРАВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА ТЕКСТ

اصبر صلي اهزالها لا يموت الا با

ТРАНСКРИПЦИЯ

sabar sālāt alhaza-l-lha la jamütü il-lä bi

Самый терпеливый к опасностям здешней жизни – не умирает без ранее определенного здесь срока.

ЛЕВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА ТЕКСТ

الموت ياتيک الحبر و القبر ص

Al-mautu jatic al-xäbär wa al-kabri s...

Смерть тебя возвестит о сроке, а могила есть предел деяний.

Не опубликован.

Рис. 256. Эпитафия Садр ад Дина аш-Ширвани.
Без даты.

13. ОФ. 747-101/101 ЭПГ. Рис. 256.

Материал: известняк.

Дата: без даты.

Описание: размер 19 x 47 x 130. Язык арабский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой и с

плечиками. В тимпане кораническая формула. Текст состоит из 7 строк. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на южной стороне фундамента – первый камень с запада. Левая боковая сторона обрублена. На камне врезан номер «№ 24».

ЛИТЕРАТУРА

1. Список № 4.
2. Березин, 1852, XXIX, с. 123-124, № 11.
3. Альбом БТЭ, № 219.
4. Юсупов, 1967, № 2.
5. Фахрутдинов, 1997а, с. 99 (фото).

ТЕКСТ

1. هو الجي الذي لا يموت
2. هذا مرقز الشيخ الامام الاحل
3. العابد الزاهد فقيه
4. صدر الدين الشيرواني
5. رحمه الله بالرحمه والغفران
6. سكنه حامع الجنان
7. و جويه

Примечание: I-2 фатха над «ح», I-4 дамма над «т», II-1 фатха над «о», II-2 фатха над «ق», II-5 фатха над «х», III-2 точка под «д», IV-2 кесра под «ш», V-3 точка под «р», V-4 фатха над «у», VI-2 фатха над «х», VII-1 фатха над «у», сукун над «ж».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-xäjj-i-l-läzi lä-jämütü
2. ... äš-šäix
3. ä-l-gabid ä-l-zahid fakihä
4. Sadretdin äš-Širwani
5. raxmätü-l-lahi biraxmätän wä-l-gafränä
6. säkintähä bi-žämig-l-žännäti ...
7. wä žüjäh

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. Это гробница шейха, имама, весьма возвеличившего (ученого),
3. Соблюдавшего обряды, святого, наставника в закон
4. Садр-ад Дина аш – Ширвани.
5. Да будет милость Аллаха ему, и простить (его)
6. и вселит его в рай
7. по милости своей.

Рис. 257. Эпитафия Сабар илчи, дочери Бураш бека 690 г. х.

14. Материал известняк. Рис. 257.

Дата: 690 г. х. – 1291г.

Описание: размер 18 x 70 x 285. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Между основным текстом и тимпаном мотив виноградной розы. Бордюр орнамент 3-го типа. Язык арабский, шрифт сульс рельефный.

Эпитафия установлена в стену хранилища библиотеки КГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Износков, 1893, с. 278-280.
2. Катанов, 1905, с. 263-268.
3. Ахмаров, 1908, с. 128.
4. Юсупов, 1960, табл. 4.
5. Rona-Tas – Fodor, 1973, № 4.
6. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 11 (фото).

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت و كل حي سسيموت
2. هزه روصه السيدة الستيرة الصالحة
3. الصايمة السينة الكريمة المستورة
4. الحدره المطهرة الركعة الساعدة
5. فاتجة الجيرات نتجية السعاد
6. منيع الكرامات تاج النسافي
7. العالمين صبر ايلجي بنت بوراش بك
8. قدس الله روحها و نور صريجها
9. اللهم ارحمها رحمة واسعة توفي
10. الي رحمة الله تعالى في الربع
11. من شهر جمادي الاحري سنة
12. تسعين و
13. ستمايه

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hüwä-l-xäjji-l-lazi lä jāmütü wä küllü xajjin säjämütü
2. hazihi raudatu-l-sajjidati-l-satirati-l-slihati-
3. -lsaimati-l-sainati-l-kärimäti-l-mästüräti-
4. - l-muhaddirati-l-mutahhiräti- l-räkigati-l-sažidati
5. fatihati-l-haurati natižati-l-sagadati
6. mahbagi-l- kārāmāti taži-l-nisa fi
7. -l-galamina Sabar ilči bint Buraš beg
8. qaddasa-lāhu ruhahä wä näwwärä sarihaha-
9. -l-lāhumma-rāhmha rāhmātān wasigātān tuwuffijat
10. ilä rāhmätü-l-lahi tagälä fi-l-räbigi
11. min šähri žumädi-l-axirä sännäti
12. tasgin wä
13. sittimäjä

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
2. Этот сад госпожи не порочной, благочестивой,
3. соблюдавшей посты, заботливой, щедрой, целомудренной
4. благонравной, совершавшей омовения, поклоны поясные и земные
5. начало добрых дел, производительницы счастливых дел,
6. источника милостей, венца женщин в

7. обоих мирах, Сабар илчи, дочери Бураш бека.
8. Да сделает Аллах единую душу ее святою, да осветит могилу ее.
9. Боже мой, помилуй ее милостью неизмеримою. Она отдалась
10. милости Аллаха единого, всевышнего четвертого числа
11. месяца джумади-II в году
12. девяносто
13. шестисотого.

Рис. 258. Эпитафия Мамук бин Беркай 691 г. х.

15. ОФ. 747-102/102 ЭПГ. Рис. 258.
Материал: белый известняк.
Дата: 691 г. х. – 1291/1292 г.

Описание: размер 24 x 50 x 190. Язык арабский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части полукруглая со сквозными плечиками. В

тимпане кораническая формула. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на южной стороне фундамента – второй камень с запада. Правая боковая сторона обрублена. На камне врезан номер «№ 25».

ЛИТЕРАТУРА

1. Список № 6.
2. Березин, 1852, с. 124. № 12; с. III, XXXIII.
3. Ардашев, 1901, № 1.
4. Альбом БТЭ, № 220.
5. Юсупов, 1962 № 2; 1967, № 2.

ТЕКСТ

1. هوالجي الزبي لا يموت
2. و كل جي سيموت سواء
3. . . . الشيخ الكبير الا حل
4. ... الا محد لا س ف المحترم
5. ... لمو بن الاعر فهر العلي
6. ... العلفرت
7. ... ابيا و ابو بكر المعروف
8. ر ماموق بن بركاي سنقي
9. ثر الاو جعل الجس عسواه و لعمل
10. و العفران واسكنه بجميع
11. الحنان توفي ال رحمه الله تعالى سنه احد
12. تسعين و ستمايه

Примечание: II-2 три точки под «س», II-3 фатха над «ا», III-1 фатха над «ش», кесра под «ي», III-3 фатха над «ح», IV-2 фатха над «ت», VI-1 фатха над «ع», дамма над «ت», VII-1 фатха над «و», VIII-1 дамма над «و», VIII-2 фатха над «ك», VIII-4 фатха над и три точки под «س», IX-1 дамма над «ل», IX-2 фатха над «ح и ع», сукун

над «ل», IX-3 фатха над «ج», IX-4 фатха над «و и م», дамма над «ا», X-2 сукун над «ك», кесра под «ي», X-3 фатха над «ع», XI-4 фатха над «ل и ع и ت», XI-5 фатха над «س», XI-6 фатха над «ع и ت», XII-1 кесра под «ع и ت».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hūwā-l-xājji-l-lazi lā jāmūtū
2. wā küllū xajjin sājamūtū sāwahu
3. ... aš-šaix -l-kābir ilā-žālli
4. ilā-māhdi -l-möhtäräm
5. -l-gali
6. ...
7. ... Äbü-Bäker -l-magruf
8. Mämük bin Birkäi sanqi
9. ...
10. wā-l-gaffränä wā säkintähä bi-žämig-
11. -l-žännäti tuwuffijat ilä rāhmätü-l-lahi tagälä sännäti axadi
12. tasgin wā sittimäjä

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой, который не умирает
2. все живущее умрет, исключая его.
3. (Этот мавзолей) аш – шейха, великого, весьма возвеличившего
4. ...праведного... уважаемого
5. ... великого
7. ... Абу-Бекр, так называемый,
8. ... Мамук бин Беркай
9. и ...
10. да простит его Аллах да вселит в селение
11. райское. Предался милосердию Аллаха, в году первом
12. девяносто шестисотого

Рис. 259. Эпитафия 734 г. х.

16. ОФ. 747-103/103 ЭПГ. Рис. 259.

Материал: известняк.

Дата: 734 г. х. – 1333/1334 г.

Описание: размер 24 x 61 x 271. Язык татарский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой и с плечиками. В тимпане кораническая формула. Между тимпаном и основным текстом орнамент – мотив виноградной лозы. Бордюры – рельефная полоса. На правой боковой стороне имеется надпись шрифтом рельефный сульс. На оборотной стороне надписи или орнамент не имеется. Левая боковая сторона обрублена. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на северной стороне фундамента – второй камень с запада. На камне врезан номер «№ 11».

ЛИТЕРАТУРА

1. Список № 34.
2. Лепехин, 1771, с. 279, № 34.
3. Klaproth, 1831, № 28.
4. Эрдман, 1832, 1346, № 28.
5. Березин, 1952, с. 126. № 21; с. 109, № XXVIII.
6. Калачев, 1879, с. 94.
7. Альбом БТЭ, № 214.
8. Юсупов, 1950, № 1; 1962. № 2; 1963а, 2; 1967. № 2.
9. Хакимзянов, 1878а, 12; 1987, № 8.

ТЕКСТ

1. و كل حي سيموت هو الجي الذي لا يموت
2. يكتلار كوركى كوكل لار او
3. الوي سعد تلغ علمالار
4. الارني شفقت برلا اسراغان
5. او علي حواحه او علي
6. قرق ياشندا
7. رحمتي
8. دنيا لاردين اعرف قلب احرت سراينا
9. اولانعا ندا ربيع لاجر ايننك اون سكرندا
10. تاريخ يتي يوز اوتوز تورث دا يردي
11. رحمه اول مومين قا كم بر فاتحا او ح
12. احلا س سورسين اوقيسا

Примечание: I-1 дамма над « ۛ », I-2 фатха над « ۛ », II-1 фатха над « ل », II-3 точка под « ر », III-2 фатха над « ۛ و ۛ », IV-1 фатха над « ل », точка под « ر », V-2 фатха над « ج », VI-1 точка под « ر », VII-1 точка под « ر », кесра под « ح ».

VIII-1 точка под и дамма над « د », точка под « ر », сукун над « ن », VIII-2 сукун над « ع », точка под « ر », VIII-3 сукун над « ب », VIII-4 фатха над « ا », сукун над « ت », VIII-5 фатха над « س », IX-1 дамма над « و », фатха над « د и ع », сукун над « ن », IX-4 фатха над « ا », X-1 фатха над « ت », X-2 кесра под « ي », X-3 дамма над « و и و », X-5 дамма над « و », фатха над « ت », XI-1 фатха над « ح и ر », точка под « ر », XI-2 дамма над « و », XI-3 дамма над « م », фатха над « ق », XI-4 кесра под « ك », XI-5 фатха над « ف », XII-1 точка под « ر », три точки под « س », XII-2 фатха над « س ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hūwā-l-xājjī-l-lazi lā jāmutū wā küllü häjjin sājamutu
2. Jegetler körke köñeller özüge
3. golāmalärne
4. larni šāfkat berlä asragan
5. uglı xoža oglı...
6. kīrīk jāšindä...
7. rāhmäte
8. dönjadin ägraf qilip axirät sarajinda

9. ulanjanda rabigü-l-axira ajinin on segisndä
10. tarix jeti jüs otus tördä erdi
11. rāhmät ol muminqa kem ber Fatiha uç
12. ihlas sūrāsen oqisa

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает, а все живущее умрет
2. Краса молодцов, сердцевина сердец ...
3. дающий подаяния... ученые ...
4. с сочувствием их содержавший ...
5. его сын ходжа ...
6. в сорок лет ...
7. да будет милость Аллаха
8. добрые дела совершив, из мира временного загробный дворец
9. когда достиг, раби II месяца восемнадцатое,
10. по летоисчислению в семьсот тридцать четвертом было.
11. Спасибо тому правоверному, кто один (раз) Фатиху, три (раза)
12. суру Ихлас прочтет.

Рис. 260. Эпитафия Райзу дочери Хасана 719 г. х.

17. ОФ. 747-104/104 ЭПГ. Рис. 260.

Материал: известняк.

Дата: 719 г. х. – 1319/1320 г.

Описание: размер 20 x 58 x 132. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная с врезанной стрельчатой аркой с плечиками. В тимпане кораническая формула. Бордюр – рельефная полоса. На бо-

ковых частях и оборотной стороне надписи или орнамент не имеется. На нижней части лицевой стороны тамга. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на южной стороне фундамента – четвертый камень с запада. Эпитафия изъята из фундамента церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

Березин, с. 125, №15.

Ашмарин, с. 78.

Юсупов, 1950, № 1; 1962, № 2; 1967, № 2.

ТЕКСТ

1. هو الجي الذي لا يموت
2. و كل حي سواه سيموت
3. امانت خواجه اول حسن
4. هير ريصه بلوي خواجه
5. ك رحمة الله عليه رحمه
6. واسعه وفات بلظوي تار
7. يح جيات جور وان ظجر
8. جال ربي الحر
9. كوان ات كم
10. بر طرس ريصه رح
11. الحمد وح قل هو الله
12. وليل الله رحمه
13. بلطرم و الحلد
14. حلد عسن

Примечание: I-1 дамма над « о », фатха над « у », I-2 фатха над « ч », дамма над « и », I-4 фатха над « и », дамма над « о », II-1 фатха над « о », дамма над « л и к », II-2 фатха над « ч », кесра под « и », тенвин фатхи над « и », II-3 три точки под « с », фатха над « о », II-4 фатха над « с и », дамма над « м », три точки под « с », III-2 фатха над « и а и ж », IV-1 фатха над « о и х », IV-2 точка под « р », IV-3 фатха над « р », дамма над « в », V-1 дамма над « э », V-2 фатха над « о », V-3 фатха над « е », V-4 фатха над « м », тенвин фатхи над « о », VI-1 фатха над « о », три точки под « с », VI-2 фатха над « о », VI-3 фатха над « п и б », VI-4 фатха над « т », точка под « р », VII-1 фатха над « ч », VII-2 кесра под « ж и т », VII-5 дамма над « ч », точка под « р », VIII-1 фатха над « ж », VIII-2 фатха над « р », IX-1 дамма над « к », фатха над « о », X-1 точка под « р », XI-2 фатха над « о », XI-3 дамма над « қ », XI-4 дамма над « о », XII-1 фатха над « о », XII-2

фатха над « ه », XII-3 над « م و ر », XIII-1 фатха над « م و ر و ب », XIII-2 фатха над « و ح و », кесра под « ل », XIV-1 фатха над « ن ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l -xajji-l-lazi la jamutu
2. wä küllü hajjin säwahu säjamutu
3. Amät xoža ouli Xäsän
4. xoža xiri Räisu bälui
5. kü räxmätü-l-lahi gäläjhi raxmätän
6. wäsigätän wafat boltui ta
7. rix žiati žür oun toxur
8. žal rabi-l-axir ...
9. küän ati kim ...
10. ber... Räisu rux...
- 11... uč kul-huallahu
12. wä lil-l- Allahu räxmät
13. tintirimma wä-l-žälin
14. ...

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает,
2. а все живущее умрет.
3. Амад ходжа (его) сын Хасан
4. ходжа (его) дочь Райзу памяту
5. ник. Да будет милость Аллаха над ней милостью
6. обширною. Умерла по летоисчислению
7. семьсот девятнадцатого
8. года, месяца раби ал – ахир
9. дня было. Кто
10. в память души (покойной) Райзу
11. Альхам Кулхуаллах прочтет (откровение),
12. благословение Аллаха
- 13-14. будет и увековечен.

Рис. 261. Эпитафия Пулу, сына Алпа 718 г. х.

Рис. 262. Обратная сторона эпитафии №18.

18. ОФ. 747-105/105 ЭПГ. Рис. 261; 262.

Материал: известняк.

Дата: 718 г. х. – 1318/1319 г.

Описание: размер 19 x 60 x 152. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная. На оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на южной стороне фундамента – пятый камень с запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин, 1852, с. 125, 16.
2. Альбом БТЭ, № 223.
3. Юсупов, 1950; 1962, № 2.

ТЕКСТ

1. ...اول لب اول بول زيا.
2. ...ره ك رحمة الله عليه رحمه.
3. واس)عه وفات بلظوي (.

Рис. 263. Левая боковая сторона эпитафии No18.

4. (تار) یح جیات جور وان
5. (سک) ر حال صفر ایخ
6. اشن ات

Примечание: I-1 кесра под « ل », I-2 фатха над « ا », сукун под « ب », I-3 фатха над « ا », кесра под « ل », I-4 дамма над « ل и ب », I-5 фатха над « ي », II-1 дамма над « ك », II-2 тенвин фатхи над « ر », точка под « ر », кесра под « ح », фатха над « م », II-3 фатха над « ل », II-4 точка под « ع », кесра под « و », II-5 фатха над и точка под « ر », фатха над « م », тенвин фатхи над « ة », III-1 фатха над и точка под « ب », III-3 фатха над « ب », точка под « ط », IV-2 кесра под « ج », фатха над « ي », IV-3 дамма над « ح », точка под « ر », IV-4 фатха над « و », V-1 точка под « ر », V-2 фатха над « ص », точка под « ر », V-3 фатха над « ا », VI-1 кесра под « ا », фатха над « ن ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. ...oul Alip oul Pulu sia
2. ...ku rāxmätü-l-lahi gälājhi raxmätän
3. wäsigätän wafat boltui
4. tarix žiati žür oun
5. säkir žal säfär aix
6. išne ati

ПЕРЕВОД

1. (его) сын Алп, (его) сын Пулу (его) место погребения. Да будет милость Аллаха над ним милостью
3. широкою. Умер
4. по летоисчислению семьсот
5. восемнадцатого года сафара месяца
6. было

ЛЕВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА. ФОТО 263.

1. الموت یاتیک الحبر
2. و القبر صندوق العمل

Примечание: I-1 фатха над « م », I-2 фатха над « ك », I-3 фатха над « ح », II-1 фатха над « و и ق », II-2 точка под « ص », II-3 фатха над « ع и م », точка под « ع ».

ПЕРЕВОД

1. Смерть тебе известить ...
2. а могила есть предел деяний.

Рис. 264. Обратная сторона эпитафии No 19. 720 г. х.

19. ОФ. 747-106/106 ЭПГ. Рис. 264.

Материал: серый известняк.

Дата: 720 г. х. – 1320/1321 г.

Описание: размер 22 x 55 x 130. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой и с плечиками. В тимпане кораническая формула. Между текстом и тимпаном орнаментальная полоса из мотива виноградной лозы. На боковых частях надпись шрифтом куфи рельефный. Обратная сторона. В тимпане четырех лепестковая розетка. Текст, шрифтом куфи врезаемый, состоит из 10 строк, язык болгарский.

Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на южной стороне фундамента – третий камень с запада

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин, 1852, с. 124, № 13.
2. Альбом БТЭ, № 221а.
3. Юсупов, 1950, № 1; 1962, № 2; 1967, № 2.

ТЕКСТ ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЫ

1. و كل حي سواه سيموت هو الجي الذي لا يموت
2. شهر يوارى اول عالم
3. واري ال عالو مر
4. طابه عل مايغر
5. جيرم سكر حلو جر
6. شهد بلار حوم حسام
7. بلويك رحمه اله عليه
8. رحمه واسعه وفات بلطوي
9. تاريخ جيات حور حيرم
10. حه
11. ...
12. قفد دان شهيد

Примечание: I-3 три точки под «س», фатха над «و», II-2 фатха над «و», точка под «ر», II-4 фатха над «ع», кесра под «ل», III-1 фатха над «و», III-2 кесра под «ل», III-3 фатха над «ع», III-4 фатха над «ر», IV-1 точка под «ط», кесра под «ب», IV-2 фатха над «ع», точка под «ر», IV-3 фатха над «ر و ي ق», кесра под «ل», V-2 точка под «ر», V-3 фатха над «ح», кесра под «ل», дамма над «و», V-4 дамма над «ج», VI-1 точка под «د», VI-2 точка под и дамма над «ب», VI-3 дамма над «ح», VI-4 дамма над «ح», три точки под и фатха над «س», VII-1 дамма над «ك», VII-3 фатха над «ع», VIII-2 точка под «ع», VIII-3 фатха над «و», IX-4 точка под «ح», XII-2 точка под «د».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwā-l -xajji-l-lazi la jamutu wā küllü hajjin säwahu säjamutu
2. (M)eşer juari ouli Galim
3. juari ouli galimä
4. ...
5. žierem säkir žäliwu žür
6. šāhid Bülär xum Xusam
7. bälüikü räxmätü-l-lahi gälājhi
8. raxmätän wäsigätän wafat baltui

9. ... žiati žür žiärim
12. šähid

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает, а все живущее умрет.
2. Мещер йуари (его) сын Галим
3. ... йуари (его) сын ... ученых
4. воспитавший
5. в двадцати восьми лет
6. мученический умершего Буляр хум Хусам
7. памятник. Да будет милость Аллаха ему
8. милостью обширную. Умер по летоис-
9. числению семьсот двадцатого
10. ...
11. ...
12. мученический умер.

ТЕКСТ ОБОРОТНОЙ СТОРОНЫ. ФОТО 248.

1. الكم اله العلي الك
2. كم كر يار ة رك
3. (ك حوم شهيد ب) ولار
4. وجن بير الحمد و
5. قلهاوالله احد و لي
6. الله رحمه بلطرم و
7. حلن ججيد و هل كج
8. رسم برل حولشن
9. مد مات ع
10. فقد مات كجبها

Примечание: II-1 сукун над « м », II-2 дамма над « к », точка под « р », II-3 точка под « р », II-4 фатха над « р », III-1 дамма над « к », III-2 дамма над « х », III-3 точка под « д », III-4 фатха над « б », IV-1 дамма над « о », IV-2 точка под « р », IV-3 дамма над и точка под « д », IV-4 фатха над « о », V-2 дамма над « о », фатха над « о », V-4 точка под « д », VI-3 точка под « р », фатха под « м », дамма над « о », VII-3 дамма над « и м », фатха над « л », VII-4 дамма над « к », VIII-1 три точки под « с », VIII-2 точка под « р », VIII-3 фатха над « н », IX-1 точка под « д ».

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ПЕРЕВОД

1. Верховный суд принадлежит Аллаху великому всевышнему
2. Кто покойного ...
3. хум мученический умершего
4. для один (раз) Альхам (три раза)
5. Кулхуаллах (прочтет)
6. благословение Аллаха
7. будет и увековечен.
8. много усердия ...
9. ...
10. ...

Рис. 265. Эпитафия Азнябль ал-Болгари 699 г. х.

20. ОФ. 747-107/107 ЭПГ. Рис. 265.

Материал: серый известняк.

Дата: 699 г. х. – 1299/1300 г.

Описание: размер 21 x 55 x 186. Язык арабский, шрифт сульс рельефный, простой. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой и с плечиками. Бордюр рельефная полоса. На боковых сторонах ромбический орнамент. На оборотной стороне текст шрифтом куфи вре-занный в четыре строки. Памятник при стро-ительстве церкви Успения был установлен на северной стороне фундамента – третий ка-мень с запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин, 1852, с. 127, № 22.
2. Малов, 1948, с. 44.
3. Альбом БТЭ, № 215.
4. Юсупов, 1962, № 2.

ТЕКСТ

1. هوالجي الزبي لا يموت
2. هذا مرقد ال الجال
3. الع ال الا
4. حاي ابن اصنب لا
5. البلعاري اللهم رحمة
6. رحمة واسعة توفيت
7. الي رحمة الله تعالى
8. من شهر دو القعدة سنة
9. تسيع تسعين
10. و ستمايا

Примечание: II-1 фатха над « о », IV-3 фатха над « н и », V-1 фатха над « г », точка под « р », V-2 дамма над « о », V-3 дамма над « о », VI-1 тенвин фатхи над « о », VI-2 фатха над « е », VII-3 фатха над « л », кесра под « е », VIII-1 кесра под « м », VIII-3 фатха над « қ », сукун над « д », IX-1 три точки под « с », IX-3 три точки под « с ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l -xajji-l-lazi la jamutu
2. Haza märqadü
3. ...
4. ...xaj ibn Asnäblä
5. äI-Bolgari I-lähumma-rähmha
6. rähmätän wasigätän tuwuffijat
7. ilä rähmätü-l-lahi tagälä
8. min šähri sännäti

9. tasig wä tasgin wä
10. sittimäjä

ПЕРЕВОД

1. Он, живой, который не умирает,
2. это гробница ...
3. ...
4. хай сын Азнябль
5. ал-Болгари. Боже мой, помилуй его
6. милостью обширную. Отошла
7. к милости Аллаха всевышнего
8. в месяце зулькагъда в году
9. 10. шестьсот девяносто девятого

21. ОФ. 747 - 108/108 ЭПГ. Рис. 266.

Материал: белый известняк.

Дата: 711 г. х. – 1311/1312 г.

Описание: размер 21 x 66 x 220. Язык арабский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой и с плечиками. Бордюр рельефная полоса. В тимпане – кораническая формула. Между тимпаном и основным текстом орнаментальный мотив – виноградная лоза. На боковых сторонах ромбический орнамент. На оборотной стороне – розетка. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на северной стороне фундамента – четвертый камень с запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список № 18.
2. Лепехин, 1771, с. 279, № 34.
3. Klaproth, 1831, № 28.
4. Эрдман, 1832, 1346, № 28.
5. Березин, 1852, с. 116, 117, 127.
6. Калачев, 1879, с. 94.
7. Катанов, 1921, с. 4.
8. Смолин, 1921, с. 68-69.
9. Альбом БТЭ, № 216.
10. Калинин, 1948, с. 97-98.
11. Юсупов, 1950, №1; 1951, с. 93-94; 1960, т. 10; 1962, №2; 1967, №2.
12. История, 1955, с. 87.
13. Хакимзянов, 1973, с. 7; 1987, № 2.
14. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 21, 74 (фото, перевод).

Рис. 266. Эпитафия Фатимы илчи, дочери Айуба 711 г. х.

15. Валеева, 1998, с. 97 (фото).
16. Фахрутдинов, 1997, с. 13 (текст).
17. Фахрутдинов, 2006, с. 85 (фото, описание).

ТЕКСТ

1. هو الجي الذي لا يموت
2. هذه روضة الشابة
3. الستارة لعفيفة
4. الصالحة الصابرة الصائمة
5. فاطمه الحي بنت ايوب ابن مجك ابن
6. يونس البلعاري اللهم ارحمها
7. رحمه واسعه توفي الي رحمه الله تعالى
8. يكرمي اكي ياشندا وفات بولدي
9. ربيع الاحر عرسندا مجحرتقا يتي
10. يوز اون بيردا

Примечание: I-1 дамма над « о », I-3 дамма над « м », II-2 точка под « р », II-3 фатха над « ш », III-1 фатха над « р и с », точка под « р », III-2 фатха над « ф и е », IV-3 фатха над « м », V-1 фатха над « ф », VI-1 дамма над « и », VI-3 дамма над « о », VII-1 точка под « р », IX-3 три точки под « с ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hūwā-l-xājjī-l-lazi la jāmutū
2. hazihi raudatu-š-šabati

3. -s-sattirati-l-gafifāti
4. s-salihati-s-sabirāti-s-saimati
5. Fatijma-ilči bint Ajup ibn Mäčkä ibn
6. Junus äI-Bolgari. Allāhum ārhāmuha
7. rāhmātān wasigātān tuwuffijāt ilā rāhmātū-l-lahi tagälā
8. Jegerme tki jāšindā wafat boldi
9. rabigū-l-axirā gorräsendā hižrätqa jeti
10. jüz on berdä

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает.
2. Этот сад юной девицы,
3. скромной, целомудренной,
4. благочестивой, терпеливой постницы
5. Фатимы-ильчи, дочери Айуба, сына Мухаммада, сына
6. Юнуса аль-Булгари. Боже мой, помилуй ее
7. милостью широкою. Отошла к милости Аллаха Всевышнего
8. в двадцатидвухлетнем возрасте.
9. в новолуние раби-II. По хиджре в семь-
10. сот одиннадцатом.

Рис. 267. Эпитафия Каухэр 730 г. х.

22. ОФ. 747-110/110 ЭПГ. Рис. 267.

Материал: серый известняк.

Дата: 730 г. х. – 1329/1330 г.

Описание: размер 21 x 60 x 174. Язык арабский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Бордюр – рельефная полоса. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на северной стороне фундамента – пятый камень с запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин, 1852, с. 128, № 24.
2. Ашмарин, 1902, с. 86.
3. Альбом БТЭ, № 213.
4. Малов, 1948, с. 46.
5. Юсупов, 1962, № 2.
6. Юсупов, 1967, № 2.
7. Хакимзянов, 1978, № 13.
8. Rona-Tas – Fodor, 1973, № XIV.
9. Мухаметшин, Хакимзянов 1987, с. 112, 113 (фото, текст частично).

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. مون بلربال ار احمد
3. يوارى اول يوسف يوا
4. ري هير عفيفه زاهده
5. كوهر بلويكي رحمة
6. الله عليها رحمة واسعة تار
7. يح جيات جور ووطر جال
8. ربيع الاول بالبح كوان ات

Примечание: I-1 дамма над «о», фатха над «у», I-2 фатха над «и и ч», I-4 фатха над «и и л», дамма над «м», II-1 дамма над «м», фатха над «у», II-2 дамма над «б», сукун над «р», II-3 фатха над «и», кесра под «л», II-4 фатха над «а», точка под «р», II-5 фатха над «и и а», сукун под «ч», точка под «д», III-1 дамма над «и», фатха над «у», кесра и точка под «р», III-2 фатха над «а», кесра под «л», III-3 дамма над «и и с», три точки под «с», III-4 дамма над «и», фатха над «у», IV-1 точка и кесра под «р», IV-2 кесра под «о», IV-3 фатха над «ф и г», IV-4 фатха над «д и з», кесра под «о», V-1 дамма над «к», фатха над «о», V-2 фатха над «б», дамма над «и и к», V-3 фатха над «р», сукун над и дамма под «ч», дамма над «ة», VI-1 фатха над «и и о», кесра под «и», VI-2 фатха над «и и о», VI-3 фатха над «и и м», сукун над «ч», тенвин фатхи над «ة», VI-4 фатха над «и и г», три точки под «с», тенвин фатхи над «ة», VII-1 сукун над «и», фатха над «ч», VII-2 кесра под «т», VII-3 дамма над «у», точка под «р», VIII-1 фатха над и точка под «р» фатха над «г», VIII-2 фатха над «и и а», VIII-4 фатха над «у», VIII-5 фатха над «а».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwa-l -xajji-l-lazi la jamutu
2. Mün-Bülär jali är Äxmäd
3. jöri oulī Jusuf jö-
4. ri hiri gäfifätün , zahidätün
5. Kūhär bälüikü. Rāxmätü-l-
6. lahi gälājhi rāxmätän wasigätän tar-
7. ix žiati žūr wotur žal
8. rabigü-l-awwāli ajxī belinč küän ati

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает.
2. Мун области Буляр ар - Ахмад
3. йуари (его) сын, Йусуф йуари, (его)
4. дочь, добродетельная, набожная
5. Каухэр (ее) памятник. Да будет милость
6. Аллаха над ней милостью обширною. По
- лето-
7. исчислению семьсот тридцатого года
8. месяца раби I пятого дня было.

Рис. 268. Эпитафия Ахмада хаджи 710 г. х.

23. ОФ. 747-111/111 ЭПГ. Рис. 268.

Материал: известняк.

Дата: 710 г. х. – 1310/1311 г.

Описание: размер 25 x 57 x 250, язык арабский, шрифт – сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная с полукруглой аркой. Бордюр рельефная полоса. В тимпане кораническая формула. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на северной стороне фундамента – первый камень с востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список № 35.
2. Березин, № XLV.
3. Юсупов, 1964, № 2; 1967, №2.

ТЕКСТ

1. هو الجي الذي لا يموت و كل جس سيموت
2. هذا مرقد الكبير الكرم
3. الا عز الا حص الكرم الامجد
4. (الا شريف و) مر بن المقوي)
5. الصعفا احمد جاجي بن مومن كويك
6. ابن موحسو بسان البلعاري
7. اللهم رحمها رحمة واسعة و اكرمه
8. بالعفو والمغفر في التاسع و
9. العشرين من شهر الله حمادي الاحر
10. سنه عشرين من و سبعماية

Примечание: I-1 дамма над « о », II-2 точка под « ر », VI-2 точка под « ر », фатха над « ط », VI-3 сукун над « غ », точка под « ر », VII-1 дамма над « о », VII-4 фатха над « ع », VIII-1 фатха над « ع », VIII-2 кесра под « ف », IX-3 точка под « د », X-1 три точки под « س ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hūwä-l-xäjjī-l-lazi la jāmütü wä küllü hajjin
säwahu säjamutu
2. Haza märqadü ... äl-kāram –l-žälle
3. l-gazze-l-... bi-l-kārim-l-mähdi
4. äl-šārif märbi-l-gülämä mäkuwi
5. –l-sāgifä Axmäd xāži bin mu'min Kūjāk
6. iben muxšu Bazan äl-Bolgari
7. āllahumma-rāhimha rāhmätän wasigätän wä
äkrāmuha
8. bi-l-gaffi, wä-l- gaffirätän fi-l-tasig wä
9. gošrin min šāhrin žomadi-l-axīr
10. sānnāti gošrin wä sābgimiätin.

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает, а все живущее умрет!
2. Это гробница эмира почитаемого
3. могущественного, достойного почестей,
4. благородного, воспитателя ученых, подпора
5. слабых Ахмада-хаджи, сына Мумин Куяка,
6. сын мухши Базан ал-Болгари.
7. Боже помилуй его милостью обширную и почитанием,
8. чти же его своим благодеянием. Двадцать
9. девятого дня благословенного Аллахом месяца джумади-II
10. года семьсот десятого.

Рис. 269. Эпитафия Джалу 713 г. х.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. هوالجي الزي
2. سلخي اول
3. خان اول اج
4. اول
5. الط حير
6. حمه اوسعه و
7. وفات بلطوي تاريخ
8. حيات حوز وان وحم
9. حال ات

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-häjji-l-läzi
2. Salxi oul
3. xan oul...
4. oul
5. ...
6. ... xmätän Allaxi
7. wafat boltui tarixa
8. žiati žür uon wöžim
9. žal ati

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. Салхи, (его) сын Джалур
3. (его) сын
4. (его) сын
5. Джалу
6. милостью обширной.
7. Смерть наступила по летосчислению
8. семьсот тринадцатого
9. года было.

24. ОФ. 747-112/112 ЭПГ. Рис. 269.

Материал: серый известняк.

Дата: 713 г. х. – 1313/1314 г.

Описание: размер 20 x 54 x 154. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части полукруглая со стрельчатой аркой и с плечиками. В тимпане восьми лепестковая розетка. Бордюр рельефная полоса. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Памятник изъят из фундамента церкви Успения в 1992 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. الحكم اله العلي الكبير
2. حسن يواري اول شيخ
3. هير ايح بلويك
4. ك رحمه اله
5. عليها رحمة وا
6. سعه وفات بلطو
7. تاريخ جيات حو
8. ر ون جياتش جال
9. رمطان ايخ ونم
10. كوان ات اله ر
11. حمة طنطر
12. م جولشن

Примечание: I-4 кесра под «и», II-1 фатха над «с и», три точки под «с», II-2 фатха над «о», точка под «р», II-3 фатха над «а», кесра над «л», III-1 кесра под «о», точка под «р», III-2 фатха над «а», сукун над «х», III-3 фатха над «б», дамма над «о», IV-1 дамма над «к», IV-2 фатха над «и и о», IV-3 кесра под «л», V-1 точка под «е», дамма над «о», V-2 фатха над «и и», тенвин фатхи над «э», V-3 фатха над «о», VI-1 три точки под «с», точка под «е», фатха над «е», VI-2 фатха над «и о», VI-3 фатха над «б», точка под «и и», дамма над «т», VII-1 фатха над «и х», кесра и точка под «р», VII-2 кесра под «ж», фатха над «и», VIII-1 точка под «р», VIII-2 фатха над «о», VIII-3 кесра под «ш и ж», фатха над «и», VIII-4 фатха над «ж», IX-1 фатха над «и и о», IX-2 кесра под «и», IX-3 фатха над «о», кесра под «н», X-1 дамма над «к», фатха над «о», X-2 фатха над «а», X-3 фатха над «и и л», XI-1 фатха над «м», XI-2 точка под «т», кесра и точка под «т», XII-1 фатха над «м», XII-2 дамма над «н», кесра под «л», фатха над «н».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi –l-galijji-l-kabiri
2. Xäsän juari uli šäix
3. hiri Ajix bälüi
4. kü räxmätü-l-lahi
5. gäläjhi räxmätän wa
6. sigätän wafat boltu
7. tarix žiati žür
8. uon žiatiši žal

Рис. 270. Эпитафия Айих, дочери Шайха 717 г. х.

25. ОФ. 747-113/113 ЭПГ. Рис. 270.

Материал: белый известняк.

Дата: 717 г. х. – 1317/1318 г.

Описание: размер 19 x 49 x 145. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой и с плечиками. В тимпане восьми лепестковая розетка. Бордюр – рельефная полоса. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Эпитафия изъята из фундамента церкви Успения в 1992 году.

9. ramazan aixi uon belim
10. kuan ati Allaxi rä
11. xmatän tintir
12. ima žujlišna

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха великого, всевышнего.
2. Хасан йувари, (его) сын Шаих,
3. (его) дочь Айих, (ее) памятник.

4. Да будет милость Аллаха
5. над ней милостью
6. обширною. Смерть наступила
7. по летоисчислению семьсот
8. семнадцатого года,
9. месяца рамазан, десятого
10. дня было. Милость
11. Аллаха не
12. иссякнет.

Рис. 271. Эпитафия Йунус ал-Сувари 686 г. х.

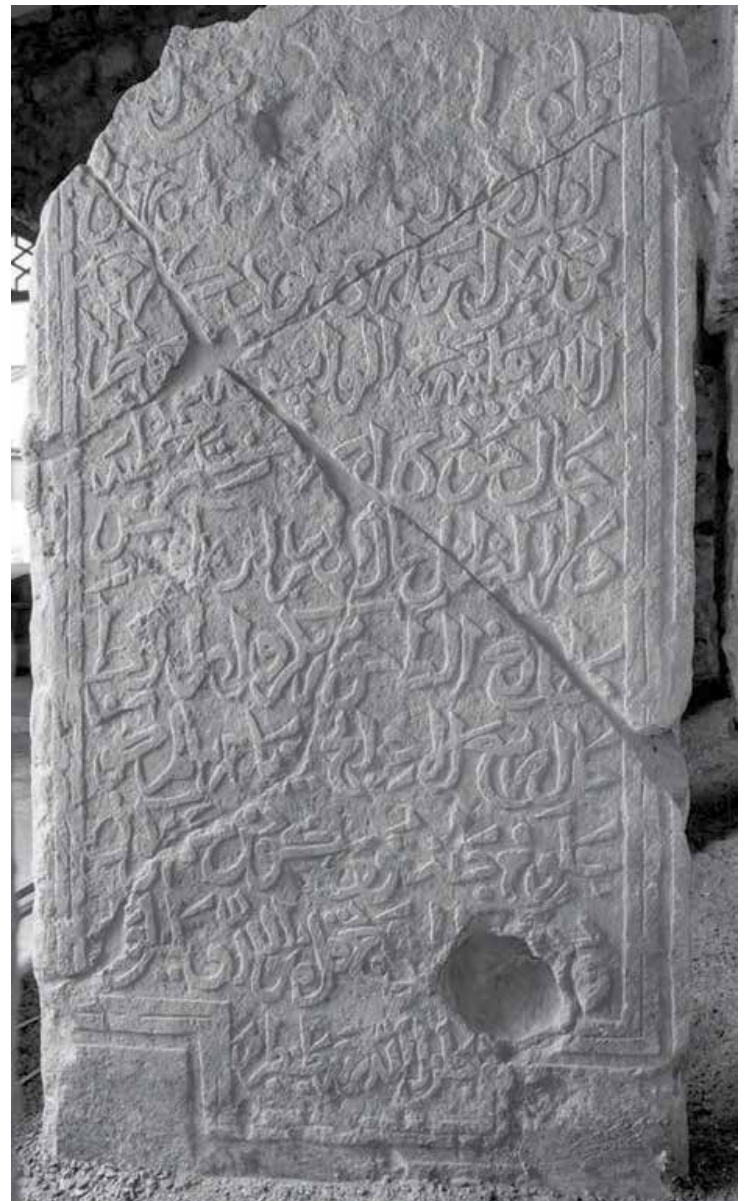

Рис. 272. Обратная сторона эпитафии No 26.

26. ОФ. 747-114/114 ЭПГ. Рис. 271.

Материал: белый известняк.

Дата: 686 г. х. – 1287/1288 г.

Описание: размер 15 x 66 x 140. Язык арабский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части не определяется. Бордюр рельефная полоса. На боковых частях надписи или орнамента не имеется.

Оборотная сторона. Язык болгарский, шрифт простой рельефный. Бордюр орнамент третьего типа.

ЛИТЕРАТУРА

Фахрутдинов, 1997, с. 23 (часть фото).

ТЕКСТ ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЫ

1. هوالح
2. هذا مرقد ال هد مزلوم العلماء مشايخ و محلي .
3. عبد جي هزمسفير الطابو يونس فقير بن محمود بن
4. مر ف الله توفي
5. وافات حد عا
6. عفر و عفرنه رحمة الله
7. حمسو و سمنين في ربيعولاحرسنه ست سمانون و ستمايه

Примечание: II-4 дамма над «ع», III-4 фатха над «س», III-6 дамма над «ي», сукун над «с».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwa-l –xājji...
2. Haza mārqaḍū āl-mazlum āl-gul āmā-š- šāix wā ...
3. gabiḍ...-l-musaffir...lunus fakir bin Maxmud bin
4. ...
5. ... wafat
6. raxmātū-l-lahi gafār wā-l-gafrānā fi
7. xāmsun wā sāttin fi rabigūl-axir sānnāti sittā sāmanum wā sittimijāt

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой ...
2. это гробница ... смиренного шейха ученых и ...
3. поклонник ... это путник ... Йунус факир Махмуд (его) сын
4. ... Аллах (отошел)
- 5.
6. милости Аллаха ... в
7. двадцать пятого дня месяца раби-II года шестьсот восемьдесят шестого.

ТЕКСТ ОБОРОТНОЙ СТОРОНЫ. РИС. 272.

1. هوالح
2. تاح الد اسيف
3. اول ده اول محمود اول
4. يونس لسواري بلويك رحمه

5. الله عليه حمر الول سعر وطي
6. جال حوح ارسيفت خطير
7. ولرالظل حال ودنيالر كواننحين
8. طاريخ الط حور سكر وان الط
9. حال ربيع الاحر ايح حيارم با لم كون
10. جلوخ حلتوي كون كم كون
11. بر فتيجا وح قل حو الله و ليل لوا
12. يلن الله رحمه طنطرم

Примечание: II-1 фатха над «т», II-2 фатха над «с», IV-1 дамма над «и», IV-2 фатха над «л», IV-4 фатха над «м», V-2 фатха над «е», сукун над «и», V-4 три точки под «с», фатха над «ф», V-4 фатха над «у», VI-1 фатха над «ж», VI-2 фатха над «х», дамма над «у», VI-3 кесра под «и», фатха над «т», VI-4 фатха над «р», VII-1 фатха над «у», кесра под «и», VIII-1 фатха над «т», IX-1 фатха над «ж», кесра «л», X-1 фатха над «ж», кесра под «у», X-2 фатха над «ж», дамма над «у», X-4 дамма над «к», XI-1 дамма над «у», XI-3 дамма над «т», XII-4 фатха над «м», точка под «и».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwa-l –xājji...
2. taž-ad-din seif...
3. oul... Maxmud oul
4. Junus al-Suwari bālūkū rāxmātū-
5. l-lahi gālājji xāmār ālūl sigār wātui
6. žal ...
7. wa žal dūnjalar quānčīn
8. tarix alti žūr sākirwan altī
9. žal rabig-āl-axir aixī žiarmi bialim kūn
10. žalux žaltuwi kūn kam kūn
11. ber Fatixa uč kul-huallah wā lijla l-lu
12. –Allah rāxmāt tintirimma

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой ...
2. Тадж ад-Дин защитник (религии) ...
3. (его) сын ... (его) сын...Махмуд (его) сын
4. Йунус ал-Сувар (его) памятник. Да будет милость
5. Аллаха ему.
6. Год,
7. год
8. По летоисчислению шестьсот восемьдесят шестом
9. году месяца раби II двадцать пятого дня,
10. дня жертвоприношений, дня крови (было).
11. (Тому кто) один (раз) Фатиха, три (раза) Кулхуаллах и ночью
12. умоляет (то ему) будет милость Аллаха.

Рис. 273. Эпитафия Ильяс Болгари. Без даты.

27. ОФ. 747-115/115 ЭПГ. Рис. 273.

Материал: известняк.

Дата: конец XIII века.

Описание: размер 18 x 66 x 130. Язык арабский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части полукруглая со сквозными плечиками. Бордюр орнамент третьего типа. В тимпане – кораническая формула. Текст состоит из 20 строк. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Памятник обнаружен при ремонте церкви Успения.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. ار الساعه
2. الا ولوار الله
3. والا
4. والد
5. هذه علامه ماه ان
6. قعان الطاب السح
7. فد وه الحلفا
8. الهق لا علي المنافي و العبد واله عا
9. والمفاخر مفتي الاصي الحصنه
10. قاموع الدعة الي اله حامد ح اله لا
11. سلام و المسلمان ي
12. كليم اله موسي يواري بن العالم التقي
13. الباقي الزهد محمد يواري الياس البلعاري
14. قدس الله ارواح الها جق محمد واله اجم
15. الناس عز نو مهم موقت تان
16. لم نحج كاسه مسع ان
17. ولن نجا اجد من كاسه لنجا
18. بينا المسطفي في الد بن سلطان
19. سقي الاله نموب النصل روميه
20. ديار في و ر الحمد صوب
21. ال ا ح ال بان ب
22. ...

Примечание: IX-1 фатха над « ф », XII-3 точка под « р », XIII-2 точка под « д », XIII-6 точка под « р », XIV-3 точка под « р », XV-1 фатха над « а и », XV-4 дамма над « м », XVII-3 точка под « д », XVIII-4 точка под « д », XIX-1 фатха над « с ».

ПЕРЕВОД

- 1.
2. Аллах
- 3.
- 4.
5. Это знак
- 6.
- 7.
8. великий праведник
9. ... муфти уммы
- 10.
- 11.
12. набожный Муса йувари (его) сын ученый, набожный
13. вечный, воздерживающего Мухаммад йувари (его) сын Ильяс ал-Болгари
14. да осветить Аллах душу (его)
15. человек
16. не блестить
17. спасение
18. дом избранного султана религии
19. Да оросить Аллах могилу покойного и их родителей
20. Аллах возвеличить
- 21.
- 22.

Рис. 274. Эпитафия Джанду 716 г. х.

28. ОФ. 747-116/116 ЭПГ. Рис. 274.

Материал: известняк.

Дата: 716 г. х. – 1316/1317 г.

Описание: размер 20 x 51 x 115. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная с вырезанной полукруглой аркой с плечиками. В тимпане – кораническая формула. Бордюр орнамент третьего типа. На боковых сторонах рельефная надпись шрифтом куфи. На оборотной стороне 12-лепестковая розетка, в кругу и мелькая, врезанная надпись в 4 строки.

Рис. 275. Обратная сторона эпитафии No 28.

ЛИТЕРАТУРА

Юсупов, 1962, № 22; 1967, № 2.

ТЕКСТ

1. هو الجي الزي لا يموت
2. و كل حي
3. المشاك اول الب
4. هير حوم رحل
5. بلويك رحمه الله
6. عليها (رحمه) واسعه
7. وفات بلكو تاريخ
8. حيات حور ون
9. الط حال ات
10. مجرم ايح كوان
11. حيات كوان
12. ات

Примечание: I-1 дамма над « о », фатха над « у », I-2 фатха над « ч », I-4 фатха над « л », I-5 фатха над « и », дамма над « м », II-1 фатха над « у », II-2 дамма над « к », II-3 фатха над « х », III-1 фатха над « ш и а », дамма над « м », сукун над « к », IV-1 кесра под « о », IV-3 дамма « д ». V-1 фатха над « б », дамма над « к », V-2 тенвин фатхи над « о », V-3 кесра под « о », VI-1 фатха над « л и е », VI-2 тенвин фатхи над « о », VI-3

Рис. 276. Левая боковая сторона эпитафии No 28.
Рис. 277. Правая боковая сторона эпитафии No 28.

фатха над « و », VII-1 фатха над « و », VII-2 дамма над « ك », VII-3 фатха над « ج », X-1 дамма над « م », фатха над « ج », точка под « ر », X-3 дамма над « ك », XI-1 фатха над « ا », XII-1 фатха над « ا ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwa-l -xajji-l-lazi la jamutu
2. wä küllü hajjin ...
3. Almušak ouli Alip
4. hir hum ...Rahel
5. bāluik rāhmātu-l-lahi
6. gälājha (rāxmätän) wä asigätän
7. wafat bolti tarixa
8. žiati žür oun

9. alti žal ati
10. muxarram aixi ... kuan
11. žiati kuan
12. ati

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой, который не умирает
2. и все живущее умрет.
3. Альмушак (его) сын Алп
4. (его) дочь – хум ... Джанду
5. (ее) памятник. Да будет милость Аллаха
6. ей милостью обширную
7. Умерла по летоисчислению
8. семьсот шесть-
9. надцаго года было.
10. Месяца мухаррам ... дня,
11. седьмого дня
12. было.

Обратная сторона в верхней части камня, мелкая врезанная надпись в четыре строки, ниже розетка. Рис. 275.

ЛЕВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА. РИС. 276.

1. الموت ياتيک الحبر
2. والقبر صندوق العمل

ПЕРЕВОД

1. Смерть тебе известить о сроке,
2. а могила есть предел деяний

ПРАВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА. РИС. 277.

1. اصبر علي اهو الحا
2. الموت الا با الا حل

ПЕРЕВОД

1. Самый терпеливый к опасностям здешней жизни
2. не умирает без ранее определенного срока.

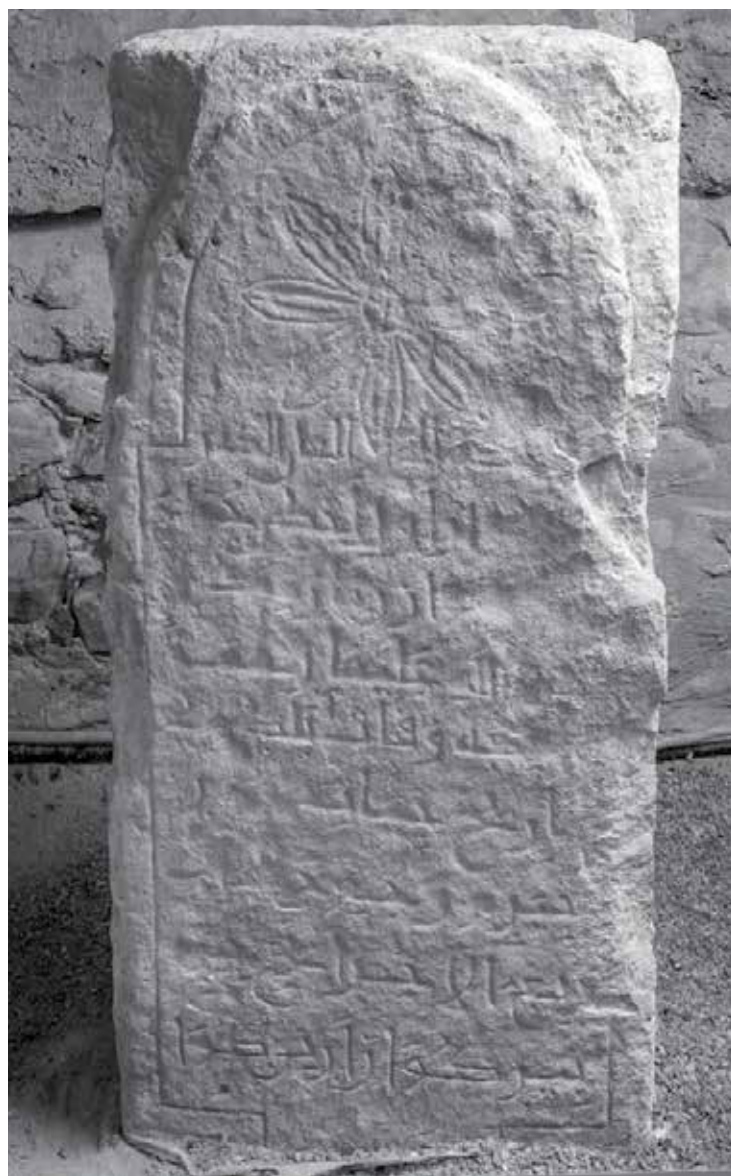

Рис. 278. Эпитафия Лахти ходжи 723 г. х.

29. ОФ. 147-144/144 ЭПГ. Рис. 278.

Материал: серый известняк.

Дата: 723 г. х. – 1323 г.

Описание: размер 20 х 60 х 190. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане восьми лепестковая розетка. Бордюр – две черты. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Памятник при строительстве церкви Успения был установлен на южной стороне фундамента – седьмой камень с востока.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом, № 227.

Юсупов, 1967, № 2.

ТЕКСТ

1. الحكم الله العلي الكبير
2. ... وان اول لحكي حواحه
3. ... ان زياره ك
4. ... الله عليها رحمة
5. ... واسعه وفات بلکوي
6. تاريخ جيات حور
7. جبرم وجم حال ات
8. ربيع الاخر ايج حيرم
9. بير کوان ارني کوا
10. ن ات

Примечание: II-1 фатха над « و », II-2 фатха над « ا », кесра под « ل », II-3 фатха над « ل », II-4 дамма над « ح », фатха над « ح », III-1 фатха над « و », III-2 фатха над « ر и ي », кесра под « ة », дамма над « ك », IV-1 фатха над « ل », кесра под « ة », IV-2 фатха над « ل и و », точка под « ع », IV-3 тенвин фатхи над « ة », V-1 фатха над « ع », точка под « ع », V-2 фатха над « و и ف », V-3 фатха над « ب », точка под « ط », VI-2 фатха над « ي », кесра под « ت », VI-3 дамма над « و », точка под « ر », VII-1 точка под « ر », VII-2 фатха над « و », кесра под « ج », VII-3 фатха над « ح », VIII-1 точка под « ع », дамма над « ع », кесра под « خ », точка под « ر », VIII-2 фатха над « ا », VIII-3 кесра под « ي », VIII-4 точка под « ر », IX-1 точка под « ر », IX-2 дамма над « ك », фатха над « و », IX-3 фатха над « ا », кесра под « ن », IX-4 дамма над « ك », фатха над « و », X-2 фатха над « ا », кесра под « ت ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Āl-xökmü li-l-lahi-l-galijji-l-kabiri
- 2... wan oul Laxti xoža
- 3.... an ziarati
4. ...-lahi gälājha rāxmätān
5. ...gätān wafat boltī
6. tarix žiati žūr
7. žirim öčim žal ati
8. rabigu-l-axir aixi žirim
9. bir küān arni küä
10. n ati

ПЕРЕВОД

1. Верховный суд принадлежит Аллаху, всевышнему, великому.
2. Ван, (его) сын Лахти ходжа
3. место погребения.

4. Да будет милость Аллаха, милостью
5. обширною. Наступление смерти
6. по летосчислению семьсот
7. двадцать третьего года было.
8. Месяца раби ал-ахир, двадцать
9. первого дня, день пятницы
10. было.

Рис. 279. Эпитафия Гайши, дочери Санджаза 719 г. х.

30. ОФ. 147-149/149 ЭПГ. Рис. 279.
 Материал: белый известняк, размер 20 x 62 x 77.
 Дата: 719 г. х. 1319/1320 г.
 Описание: фрагмент нижний части камня.
 Язык арабский, шрифт сульс рельефный. На
 нижней левой части камня восьми-лепестко-
 вая розетка. На левой боковой части – надпись
 шрифтом сульс рельефный. Обнаружено во
 время ремонта церкви Успения осенью 2003 г.
 Сохранились VII-IX строки.

ЛИТЕРАТУРА

Петр, XLIV.
 Березин, № 3.

ТЕКСТ. ДОПОЛНЕНО ПО ПЕТРОВСКОМУ СПИСКУ

1. هوالحي الذي لا يموت
2. هذا روثة السلطنة الشريفة
3. الجملة الطهرة الستورة
4. عاشوره بنت سنجر الهما
5. رحمها رحمة واسعة توفيت
6. الي رحمة الله تعالى في
7. اربع عشرين شهر رمضان
8. سنة تسع
9. عشر سبعمائة

Примечание: VII-1 точка под « ر », VII-2 точка под
 « ر », VII-4 точка под « ر », VIII-1 сукун над « ع », IX-1 фатха над « ي ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hüwa-l -xäjji-l-lazi la jamutü
2. häzihi raudatü-l-sultanati-l-sarifati-
3. -l-žämälätü-l-täxäratü-l- sätürätü
4. Gašürä banat Sanžaz ällahumma-
5. -rähimha rähmätän wasigätän tuwaffijjat
6. -l-ilä rähmätü-l-lahi tägalä fi
7. rabgin gušrin šähri ramasan
8. sänäti tassig
9. gušrinä säbgimiätin.

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой, который не умирает
2. этот сад султанской благородной
3. прекрасной, совершавшей омовения чистой
4. Гайша, дочь Санджаз. Милосердие (Аллаха)
5. ей обширным милосердием. Отошла
6. к милости Аллаха Всевышнего
7. четырнадцатого месяца рамазан
8. в году семьсот
9. девятнадцатого.

ТЕКСТ ЛЕВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ

1. والقبر صندوق العمل

Примечание: 1 фатха над « ق », дамма над « ل ».

Рис. 280. Эпитафия Бахаиж 718 г. х.

31. ОФ. 65-50/50 ЭПГ. Рис. 280.

Материал: известняк.

Дата: 718 г. х. – 1318/1319 г.

Описание: размер 20 х 60 х 143. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная с плечиками, в тимпане восьми лепестковая розетка, между тимпаном и основным текстом мотив виноградной лозы. На оборотной стороне круговой орнамент и надпись из четырех строк шрифтом куфи врезанный. Фрагментирован.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин, 1852, № 27.
2. Ашмарин, 1902, с. 86.

ТЕКСТ

1. الحكم الله العلي الكبير
2. مون بلار يال ار اول
3. يا هير بحايچ زياره
4. رحمه الله عليها رحمه
5. واسعه دنياران سفر طنروي
6. تاريخ حيات حور ون
7. صكر جال سول
8. كوان ات
9. جيران

Примечание: III-2 фатха над «ح», IV-1 тенвин фатхи над «о», IV-3 фатха над «ع», IV-4 фатха над «о», V-1 три точки под «ط», фатха над «ع», V-2 фатха над «ي и ر и ا», точка под «ر», V-3 фатха над «ف», V-4 точка под «ط и ر», фатха над «ر», VI-1 фатха над «خ и ت», дамма над «ر и خ», VI-2 фатха над «ي», кесра под «ت», VI-3 фатха над «و», VI-4 фатха над «و», VII-1 фатха над «ص», точка под «ر», VII-2 фатха над «ج», VII-3 фатха и дамма над «س», фатха над «و», VIII-1 дамма над «ك», VIII-2 фатха над «ا», кесра под «ت», IX-1 точка под «ر».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Āl-xökmü li-l-lahi-l-galijji-l-kabiri
2. ... mun bular jail ar ... oulī
3. ... hiri Bahaiža ziarati
4. rāhmātu-l-lahi gälājha rāxmātān
5. wasigātān dōnjaran sāfār tonrui
6. tarix žiati žür uan
7. sikir žal šāwwāl ...
8. ... küān ati
9. ... žirana

ПЕРЕВОД

1. Верховный суд принадлежит Аллаху всевышнему, великому
2. ... мун области Буляр ар ... сын
3. ... дочь Бахаижа, место погребения
4. да будет милость Аллаха над ней милостью
5. обширной. Из мира (этого) переселилась
6. по летоисчислению семьсот восем-
7. надцатого года шаввала ...
8. ... дня было
9. ... соседями.

ТЕКСТ ОБОРОТНОЙ СТОРОНЫ

1. كم كيار بر
2. صر اا بحا ح
3. (يل الله رحمه (بل طر
4. م الحار حن

Примечание: II-2 фатха над « ي », III -1 фатха над « ي ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Qim bir
- 2.... Bahaiža
3. I-lahi räxmät baltirim
4. ma l-ž

ПЕРЕВОД

1. Кто ... один (раз)
2. ... Бахайжа ...
3. ... да будет милость Аллаха ...
4. и много...

Рис. 281. Эпитафия с поэтическими эпитетами.

Рис. 282. Левая боковая сторона эпитафии No 38.

Рис. 283. Правая боковая сторона эпитафии No 38.

32. ОФ. 747-117/117 ЭПГ. Рис. 281.

Материал: известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 22 x 71 x 152. Язык арабский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой с плечиками. В тимпане – кораническая формула. Между тимпаном и основным текстом орнаментальный мотив виноградной лозы. На боковых частях надпись, шрифтом сульс рельефный (рис. 282; 283). На оборотной стороне текст шрифтом куфи рельефный. Изъято из фундамента церкви Успения в 1992 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. هو الجي الذي لا يموت و كل حي سيموت
2. يكتلار كوركى كو

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwa-l -xajji-l-lazi la jamutu wä küllü hajjin sajamütü
2. Jegetlär körke kü...

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой, который не умирает и все живущее умрет.
2. Краса молодцов, сердцевина сердец ...

ОБРАТНАЯ СТОРОНА. ТЕКСТ.

1. الحكم الله العلي الكبير
2. بواوه خوم
3. ز يارة
4. ة الله ليه
5. ة
6. ر

Примечание: II-1 фатха над « ا и ب », II-2 фатха над « ج », III-1 кесра под « ز и ة », фатха над « ي и ر », точка под « ر », IV-1 фатха над « ة », IV-2 фатха над « ل », кесра под « ة », IV-3 фатха над « ل и ع », V-1 фатха над « ة ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi –l-galijji-l-kabiri
2. bu ... hum
3. zijarati
4. Allahu

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха великого, всевышнего.
2. ... хум
3. место погребения
4. милость Аллаха ему
5. ... обширную

Рис. 284. Эпитафия Мухаммада сына Ахадж.

33. ОФ. 747-85/85 ЭПГ. Рис. 284.

Материал: серый известняк.

Дата: без даты, конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 17 x 43 x 82. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная с полукруглой аркой и с плечиками. Нижняя часть разломана. Памятник обнаружен при раскопках Белой палаты в июле 1981 г.

ЛИТЕРАТУРА

Хакимзянов (чтение) в отчете Р. Ф. Шарифуллина.

Валеев, Мухаметшин, 2000, фото № 120.

ТЕКСТ

1. الحكم الله العلي الكبير
2. اخج اول محمد
3. باويك رحمه الله
4. عليه رحمة واسعه

Примечание: I-4 точка под « ر », II-3 точка под « د », IV-1 точка под « ع », IV-2 точка под « ر », IV-3 три точки под « س », точка под « ع ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi –l-galijji-l-kabiri
2. Axaž oulī Möxämmäd
3. bälükü rahmatü-l-lahi
4. galäjhi rahmätän wasigatän

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха великого, всевышнего
2. Ахадж, (его) сын Мухаммад,
3. (его) памятник. Да будет милость Аллаха
4. над ним милостью обширной.

Рис. 285. Эпитафия Албар сына Халудж 720 г. х.

34. ОФ. 747-86/86 ЭПГ. Рис. 285.

Материал: известняк.

Дата: 720 г. х. – 1320 г.

Описание: размер 17 x 46 x 89. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная с полукруглой аркой. В тимпане шести лепестковая розетка. На оборотной стороне и боковых сторонах надписи или орнамента не имеется. Обнаружено при раскопках Белой палаты в июле 1981 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хакимзянов, 1987, № 28 (фото, текст и перевод).

2. Хакимзянов (чтение), отчет Р. Ф. Шарифулина.

3. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 74-75 (текст, перевод).

4. Валеев, Мухаметшин, 2000, фото № 120.

ТЕКСТ

1. الحكم لله العلي الكبير

2. البر اول حلوح زيا

3. ره ك وفات بلطوي

4. تاريخ حيات حور

5. حيارمنش جال محرم

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi –l-galijji-l-kabiri

2. Albär oulī Hälüž zija-

3. rati kü. Wafat bolṭī

4. tarix žiati žür

5. žirmisi žal möhäräm

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха великого, всевышнего.

2. Халудж, (его) сын Албар, (его) место

3. погребения. Скончался

4. по летоисчислению семьсот

5. двадцатого года, мухаррам.

Рис. 286. Эпитафия 725 г. х.

35. ОФ. 747-118/118 ЭПГ. Рис. 286.

Материал: известняк.

Дата: 725 г. х. – 1324/1325 г.

Описание: размер 22 х 67 х 135. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная с полукруглой аркой. Бордюр – рельефная полоса. На боковых частях надписи или орнамента не имеется. На оборотной стороне восьми лепестковая розетка.

Изъято из фундамента церкви Успения в 1992 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. ول
2. لويك
3. عليه رحمة واسعه

4. دنياران سفر طنروي

5. تاريخ جياتي جور

6. حيرم بيلم حال سفر

7. ايخ جياتس ت

Примечание: III-1 фатха над и точка под «ع», III-2 фатха над «م и ر», IV-1 фатха над «ي», IV-2 фатха над и три точки под «س», точка под «ر», VI-1 точка под «ر», VII-1 фатха над «ا», кесра под «ج», дамма над «ي», VII-2 кесра под «ج», фатха над «ي».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. oul
2. baluik
3. gäläjhi räxmätän wasigätän.
4. dunjaraṇ sāfär tinrui
5. tarix žiati žür
6. žirmi biälim žal sāfär
7. aihī žiatiš ... ati

ПЕРЕВОД

1. (его) сын
2. памятник
3. ... ему милостью обширную
4. Из мира переселился
5. по летоисчислению семьсот
6. двадцать пятого (года са) фара
7. месяца седьмого ... Было.

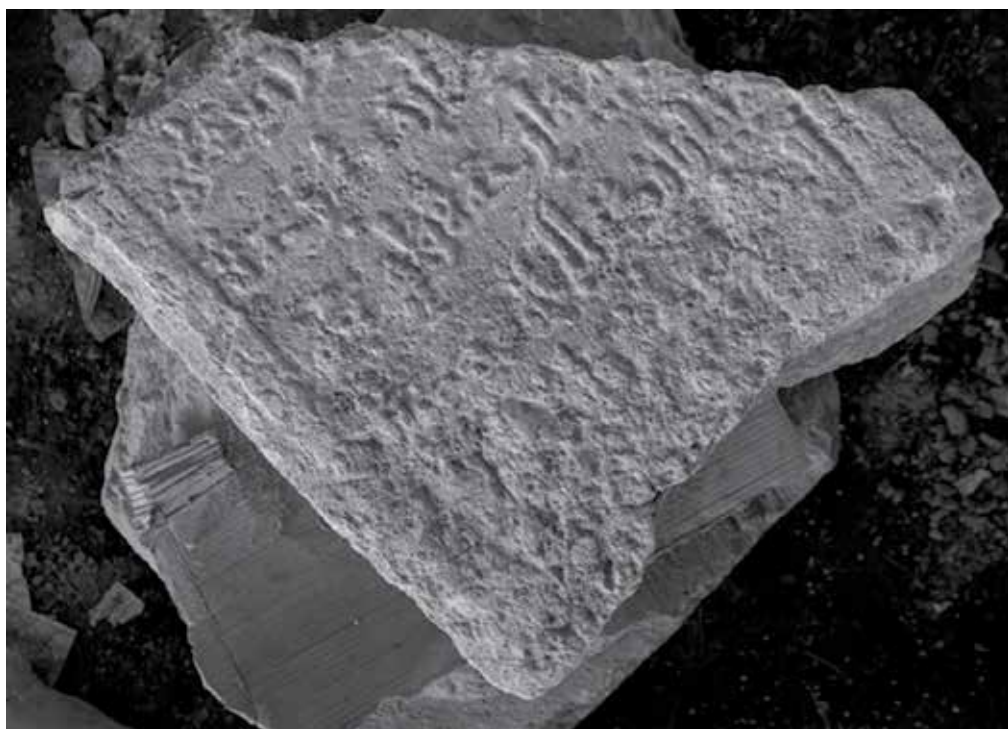

Рис. 287. Эпитафия 690 г. х.

36. ОФ. 747-119/119 ЭПГ. Рис. 287.

Материал: известняк.

Дата: 690 г. х. – 1291г.

Описание: размеры 17 x 50 x 82, фрагментировано. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Бордюры – рельефный валик. На оборотной стороне надпись куфи врезанный. Изъято из фундамента церкви Успения в 1992 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. بوز بعقرم
2. زيارة ك رحمه
3. عليها رحمة واسعه
4. دنياران كوالح هيجرة
5. الط حور طحروان حال ات

Примечание: I-1 фатха над « و », I-2 фатха над « ع », дамма над « ر », II-1 кесра под « ز », фатха над « ر », дамма над « ك », II-2 фатха над « م и ر », тенвин фатхи над « ة », III-1 точка под « ع », фатха над « ه », III-2 фатха над « م и ر », точка под « ر », III-3 фатха над « و ع », три точки под « س », IV-1 точка под « د », IV-2 дамма над « ك », IV-3 кесра под « ه », дамма над « ة », V-1 фатха над « ا ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. un Băgkorim
2. ziarati răxmätü
3. gäläjhi răxmätän wasigätän.
4. dunjaran küälič hižrät
5. alti žür tuhurwan žal ati

ПЕРЕВОД

1. ... ун Багъкарум?
2. место погребения. Милость
- ...
3. ей милостью обширную.
4. Из мира переселился по хиджры
5. шестьсот девяностого года было.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА

1. لم بج
2. ولم
3. اللو طفر مر اله بن
4. سهر الاله بصود الفص روح
5. ورا بر فتيها اوح حمد

ПЕРЕВОД

- 1.
- 2.
3. переселение
4. ...духу
5. один (раз) Фатиха, три (раза) Ихлас?

Рис. 288. Эпитафия Рамазана, сына Ахмада 727 г. х.

37. ОФ. 65-17/17 ЭПГ. Рис. 288.

Материал: серый известняк.

Дата: 727 г. х. – 1326/1327 г.

Описание: размер 12 x 30 x 48. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой и с плечиками. В тимпане кораническая формула. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Памятник фрагментирован: верхняя часть обнаружен внутри

Черной палаты во время реставрации в июле 1975 г., нижняя часть в декабре 1981 года после расчистки мусора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом БТЭ, № 248, 333.
2. Малов, 1947, с. 41, рис. 6, 7.
3. Юсупов, 1965, №2.
4. Rona-Tas – Fodor, 1973, № 43 (текст, транскрипция, перевод на венгерский язык, примечания).

ТЕКСТ

1. الحمالة
2. علي اول احمد ول
3. رمضان زيارك
4. رحمه الله عليه ر
5. حمه واسعه تاريخ
6. حاتي حور حيرم
7. جاتي حال ات

Примечание: I-1 фатха над « а », дамма под « х », сукун над « л », дамма над « х », сукун над « м », I-2 фатха над « а », кесра под « о », II-1 фатха над « е », II-2 фатха над « а », кесра под « л », II-3 фатха над « а », сукун над « х », фатха над « м », II-4 фатха над « о », кесра под « л », III-1 фатха над « р », тенвин фатхи над « т », сукун над « н », III-2 фатха над « и », IV-1 фатха над « и », IV-2 кесра под « о », IV-3 фатха над « л », кесра под « о », точка под « е », IV-4 фатха над « р », V-1 сукун над « х », фатха над « м », тенвин фатхи над « о », V-2 фатха над « о », три точки под « с », точка под « е », фатха над « е », V-3 фатха над « т », точка и кесра под « р », VI-1 фатха над и кесра под « х », кесра под « и », VI-2 дамма над « х », сукун над « р », VI-3 кесра под « х », точка под « р », VII-1 кесра под « и », VII-2 фатха над « л », VII-3 фатха над « а », кесра под « т ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi
2. Gali oul'i Äxmäd oul'i
3. Ramadan bälükü.
4. Rāxmätü-l-lahi gälājhim
5. rāxmätän wasigätän. Tarix
6. žiati žür žirmi
7. žiati žal ati

ПЕРЕВОД

1. Верховный суд принадлежит Аллаху
2. Али, (его) сын Ахмад, (его) сына
3. Рамазана место погребения
4. Да будет милость бога над ним
5. милостью обширную. По летоисчислению
6. семьсот двадцать
7. седьмого года было.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. الحكم الله العالي
2. حنچ مو د سه
3. زیارة لك رحمة الله
4. عليها رحمه و اسعه
5. دنیاران سفر طنری تاریخ
6. طحوروانم حال الط حور
7. ا ح

Примечание: I-1 дамма над «м и х», I-2 фатха над «л», кесра под «л и о», I-3 фатха над «е», кесра под «и», II-1 дамма над «х», фатха над «м», II-2 дамма над «м», фатха над «о», кесра под «д», II-3 фатха над «с», три точки под «с», III-1 фатха над «и и и», кесра под «е», III-2 фатха над «м и р», точка под «р», дамма над «е», III-3 фатха над «л», кесра под «о», IV-1 точка под «е», фатха над «е», IV-2 фатха над «м и р», точка под «р», тенвин фатхи над «е», IV-3 фатха над «о», кесра и три точки под «с», точка под «е», тенвин фатхи над «е», V-1 дамма над «д», фатха над «и и и», точка под «р», V-2 фатха над «с и ф», три точки под «с», точка под «р», V-3 дамма над «р», точка под «р», V-4 фатха над «х и т», точка под «р», VI-1 дамма над «х и т», точки под «р и т», VI-2 фатха над «о», дамма над «н», VI-5 дамма над «х», VII-1 кесра между «а и х».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi äl-galijji ...
2. Hunža müäzin ...
3. Ziarati räxmätü-l-lahi
4. gälajhi räxmätän wasigätän
5. dünjarañ säfär tonrui tarixa
6. toxur uanem žal alti žur
7. aži

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха великого, всевышнего
2. Хунджа муэзин ...
3. место погребения, да будет Аллаха над ней
4. милостью обширную,
5. из мира (бренного) ушел по летоисчислению
6. девяностом году, шестисотом
7. было.

Рис. 289. Эпитафия Хунджа муэзина 690 г. х.

38. ОФ. 65-25/25 ЭПГ. Рис. 289.

Материал: серый известняк.

Дата: 690 г. х. – 1290 г.

Описание: размер 24 х 52 х 120. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части не определяется. Бордюр – рельефная полоса. На оборотной стороне и на боковых частях надписи или орнамента не имеется.

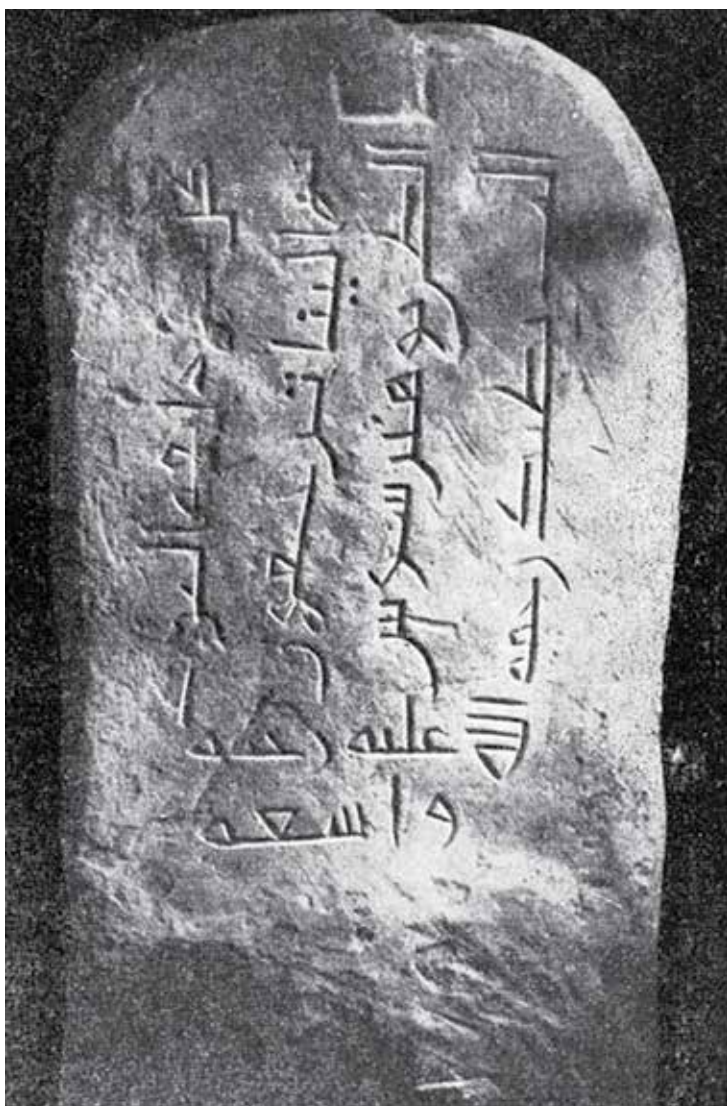

Рис. 290. Эпитафия Сус дочери Алтын бу. Без даты.

39. ОФ. 65-29/29 ЭПГ. Рис. 290.

Материал: белый известняк.

Дата: даты нет, конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 12 x 45 x 77. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный, форма верхней части полукруглая. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Расположение строк надписи вертикальное. Фрагментирован.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малов, 1947, с. 47-48.
2. Альбом БТЭ, № 240.
3. Юсупов, 1961, табл. 38 (фото, текст, перевод).
4. Rona-Tas – Fodor, 1973, № 33 (текст, транскрипция, перевод на венгерский язык, примечания).
5. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 78 (фото).

ТЕКСТ

1. كل نفسين زايقه الموت
2. ثم الينا ترجعون
3. الطن بو هير سوس
4. الب بطيك رحمة الله
5. عليه رحمة
6. واسعة

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Küllü näfsün zaikatü-l-mäüti
2. sümmä ilājna taržägunä
3. Altın bu hiri Sūs
4. älib bitik. Rāxmätü-l-lahi
5. gälajhi rāxmätän
6. wasigätän

ПЕРЕВОД

1. Каждая душа вкусит смерть
2. после вы к нам вернетесь
3. дочь Алтын-бу Сус, (ее)
4. большая надпись. Да будет милость бога
5. над ней милостью
6. обширной.

Рис. 291. Эпитафия Мухаммада, сына Галау. Без даты.

40. ОФ. 65-32/32 ЭПГ. Рис. 291.

Материал: белый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 12 x 54 x 68. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный, форма верхней части полукруглая. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухаметшин, 1976, № 1 (фото, текст, перевод).
2. Khalikov and Muhametshin, 1977, № III (фото, текст, транскрипция, перевод на английский язык).

ТЕКСТ

1. كل نفسين زايقه الموت
2. ثم الينا ترجعون علو
3. اول محمد بلو

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Küllü nafsın zaiqatü-l-m...
2. ...ilājna turžagunä Galau
3. oulī Mūxämmäd balükü

TRANSLATION

1. Every soul will taste death
2. afterwards you will be returned to us Galau's
3. son Muhammad's monument

ПЕРЕВОД

1. Всякая душа вкусит смерть
2. после вы вернетесь к нам. Галау, (его) сын Мухаммад, (его) памятник.

Рис. 292. Эпитафия Гали.

Рис. 293. Орнамент боковой стороны эпитафия No 41.

41. ОФ. 150/150 ЭПГ. Рис. 292.

Материал: серый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 22 x 70 x 248. Язык татарский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. На левой боковой стороне круговой орнамент (рис. 293), на правой стороне надписи или орнамента отсутствует. Изъято из фундамента осенью 2003 года.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. هوا سيموت

2. هز

3. ...

4. بېك مك قاي الا عا
5. او علي علي اقا او علي مر ني
6. كان
7. الله
8. دعا ليا رحمه الله
9. رحمة اول ومن قا فاتجا هل
10. سورسين اوقسا

Примечание: IX-1 фатха над « ة », X-1 три точки под « س و س ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwa... sajamütü
2. hazahî
3. ...
4. bik...
5. ugli...Gali ... ugli
6. ...

7. I-Ilahi
8. räxmätü-l-lahi...
9. räxmät ol müminka... fatiha ...
10. sūräsın okısa

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой ... не умирает
2. этот
3. ...
4. бек ... кай и им
5. сын Гали – ака (его) сын
6. ...
7. Аллах
8. ... ему милостью обширной
9. спасибо тому правоверному, кто один (раз)
- Фатиха три (раза) Кулхуаллах
10. суры прочтет.

Рис. 294. Эпитафия Халим муалим 719 г. х.

42. ОФ. 151/151 ЭПГ. Рис. 294.

Материал: белый известняк.

Дата: 719 г. х. – 1319/1320 г.

Описание: размер 22 x 59 x 222. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Изъято из фундамента в 2003 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. هو الجي الذي لا يموت
2. و كل حي سواء سيموت
3. سبطم ر اول ك اول
4. مجسر اول ك ري

5. هلم ه ام ه اعام
6. ا زيارك رجمه اله عليه
7. رحمة واسعه وفات بلطوي
8. تاريخ حيات جور ون
9. طخر جال ات سفر
10. ايح بيالم كوان
11. ات اللهم الرجم العا
12. طيين

Примечание: I-1 дамма над «о», фатха над «у», I-2 фатха над «х», I-3 фатха над «и», I-4 фатха над «л», I-5 фатха над «и», дамма над «у», III-1 дамма над «т», III-3 фатха над «а», кесра под «у», IV-1 фатха над «м», IV-2 фатха над «а», кесра под «л», V-1 фатха над «о», V-2 дамма над «м», фатха над «о», кесра под «л», V-3 фатха над «е», кесра под «л», VI-1 кесра под «з», фатха над «и», дамма над «к», VI-2 фатха над «мир», VI-4 фатха над «и и е», кесра под «и», VII-1 фатха над «мир», VII-2 фатха над «и и е», кесра под «с», VII-3 фатха над «у», VII-4 дамма над «у», VIII-1 фатха над «т», точка под «р», VIII-2 фатха над «и», VIII-4 фатха над «у», IX-1 кесра под «х», точка под «р», IX-2 фатха над «ж», IX-3 фатха над «а», IX-4 фатха над «ф», X-1 фатха над «а», кесра под «и», X-2 фатха над «и», кесра под «л», X-3 дамма над «к», XI-1 кесра под «т», XI-2 фатха над «и и л о и», XI-3 фатха над «х», кесра под «х», точка под «р», XI-4 фатха над «е», XII-1 кесра под «з».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwa-l -xajji-l-lazi la jamutu
2. wā küllü hajjin sajamütü
- 3... ouli... ouli
4. Mahsir ouli . .
5. halim mugallim ...al-galim
6. ziaratiru räxmätü-l-lahi gäläjhi
7. rähmätän wasigätän
8. tarixa žiati žür oun
9. toxir žal ati safar
10. aixi bialim kuan
11. ati Al-lahima raxim al-ga
12. sabin

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. и все живущее умрет.

3. (его) сын ... сын
4. Махсир (его) сын
5. Халим муалим ал-алим
6. место погребения. Да будет милость Аллаха ему
7. милостью обширную смерть наступила
8. по летосчислению семьсот девять-
9. надцатого года было. Сафара
10. месяца пятого дня
11. было. Да будет милость Аллаха
12. от страданий.

Описание: размер 20 x 40 x 120. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане восьми лепестковая розетка. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Изъято из фундамента в 2003 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. الحكم الله العلي الكبير
2. لمحله د اول يول
3. هير حاجي خطن
4. بلويك رحمه
5. الله عليها رحمه
6. واسعه

Примечание: II-1 фатха над « ل и م и » , кесра под « ل » , точка под « د » , II-2 фатха над « ا » , кесра под « ل » , II-3 дамма над « ي и ل » , фатха над « و » , III-1 кесра под « и р » , точка под « ر » , III-2 фатха над « ح » , кесра под « ج » , III-3 фатха над « خ » , кесра и точка под « ط » .

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi-l-gali-l-kabiri
2. Lämxiğalid oul Jaulu
3. hiri Xadži xatun
4. bälükü rāxmätü
5. -l-lahi gälājhi rāhmätän
6. wasigätän

ПЕРЕВОД

1. Верховный суд принадлежит Аллаху, всевышнему, великому.
2. Лямхгалияд? (его) сын Йаулу
3. (его) дочь Хаджи хатын
4. (ее) памятник.
5. Да будет милость Аллаха, милостью
6. обширную.

Рис. 295. Эпитафия Хаджи хатун. Без даты.

43. ОФ. 152/152 ЭПГ. Рис. 295.
Материал: белый известняк.
Дата: даты нет.

Рис. 296. Эпитафия Джах, сына Йакуба.

44. Материал: серый известняк. Рис. 296.

Дата утеряна.

Описание: размер 23 x 62,5 x 225. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане восьми лепестковая розетка, между основным текстом и тимпаном мотив виноградной розы. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Эпитафия утеряна.

ЛИТЕРАТУРА

Юсупов, 1960, табл. 7.

Rona-Tas – Fodor, 1973, № 7.

ТЕКСТ

0. الكم الله العلي الكبير
1. هو الحي الذي لا يموت
2. و كل حي سسيموت
3. تركمان محمد اول يعقوب
4. هير حوم جاح حط
5. زيارتك رحمة الله عليها
6. رحمة و اسعة
7. ترور تاريخ
8. ...
9. سبعان ايح تواتم كوان ات
10. الموت باب و كل الناس
11. داخله و ياليت

Примечание: у Г. В. Юсупова нет первой строки. II-1 фатха над « و », II-2 фатха над « ح », III-1 дамма над « ت », фатха над « م », IV-2 дамма над « ح », XI-2 фатха над « ي ي ي ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

0. Äl-xökmü li-l-lahi-l-gali-l-kabiri
1. Huwa-l -xajji-l-lazi la jamutu
2. wä küllü hajjin sajamütü
3. Türükmän Muxammad ouli Jaqub
4. hir hum Xaži hat
5. ziaratiru räxmätü-l-lahi gäläjhi
6. rähmätän wasigätän
7. torur tarix
8. ...
9. šagban aixi tuätim kön äti.
10. Al-mäütü babun wä küllü-n-nasi
11. dāxilühü wä ja läyta

ПЕРЕВОД

0. Суд Аллаха великого, всевышнего.
1. Он живой, который не умирает,

2. все живущее умрет.
3. Торкман Мухаммад, (его) сын Йакуб, (его)
4. хум Джах,
5. ее место погребения. Да будет милость
6. Аллаха (над ней)
7. по летосчислению
8. ...
9. шабана месяца (четвертого) дня (было).
10. Смерть – врата, и (все люди)
11. войдут в нее

45. ОФ. 157/157 ЭПГ.

Материал: известняк.

Дата: 716 г. х. – 1316 г.

Описание: размер. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части не определяется. Бордюр – рельефная полоса. На боковых частях и на оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Изъято из фундамента церкви Успения.

НЕ ОПУБЛИКОВАН.

ТЕКСТ

1. بلويك رحمه الله رج د
2. عليه احمه واسعه د نيара
3. ن سفر طنروي تاريخ حي
4. جور ون الطش حال اج
5. جماديل اخر اليج وان سكر
6. كوان اج كجي
7. ارني كون اج

Примечание: I-1 сукун над « ج », кесра под « د », I-2 дамма над « ك », I-3 дамма над « ه », II-1 точка под « ع », II-2 сукун над « ح », фатха над « م », II-3 фатха над « ا », три точки под « س », точка под « ع », сукун над « ه », II-4 дамма над « د », III-2 фатха над и три точки под « س », точка под « ر », III-3 дамма над и точка под « ك », точка под « ر », III-4 кесра и точка под « ر », III-5 кесра под « ح », IV-1 точка под « ر », IV-2 сукун над « ن », IV-3 точка под « ط », IV-4 фатха над « ج », IV-5 фатха над « ا », V-1 дамма над « ج », фатха над « م », точка под и кесра « د », тенвин фатхи над « ي », V-2 сукун над « ج », фатха над и точка под « ر », V-3 фатха над « ا », кесра под « ي », V-4 тенвин фатхи над « و », V-5 три точки под « س ».

точка под « ر », VI-1 дамма над « ك », фатха над « و и », VII-1 дамма над « ن », VII-3 фатха над « ا ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. bälükü. Rāxmätü-l-lahi
2. gälājhi rāhmätän wasigätän dönja
3. ran säfär tonrui tarixa ži...
4. žür oun altiš žal ači
5. žumadi-l-axir aix oun säkir
6. kuan ači kiči
7. arni kuan ači

ПЕРЕВОД

1. ... памятник да будет милость Аллаха
2. ему милостью обширную из мира (этого)
3. переселился по летоисчислению семь-
4. сот шестнадцатого года было
5. месяца джумами – II восемнадцатого
6. дня было четверг
7. было.

Рис. 297. Эпитафия 727 г. х.

46. ОФ. 747-120/120 ЭПГ. Рис. 297.

Материал: известняк.

Дата: 727 г. х. – 1326/1327 г.

Описание: размер 20 x 52 x 122. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная. Бордюр – рельефная полоса. На боковых сторонах имеется надпись шрифтом куфи врезанный. На оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Изъято из фундамента церкви Успения в 1992 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. زيار
2. اله عليه رحمة واسعه
3. وفات بلکوي تاريخ
4. خيرم

5. جياتش صفر ايخ

6. کوان ات

Примечание: I-1 фатха над « ي », точка под « ر », II-2 фатха над « ر и م и ة », точка под « ر », II-3 фатха над « و и ع », три точки под « س », III-2 дамма над « و », III-3 точка под « ر », IV-1 точка под « ر », V-1 кесра под « ت », V-2 фатха над « ص », « ا », точка под « ر », V-3 фатха над « ا ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. zjaräti
2. -l-lahi gäläjhi rähmätän wasigätän
3. wafat balkui tarixa
4. žirmi
5. žiatış ... safar aixa
6. kuan ati

ПЕРЕВОД

1. ... место погребения ...
2. милость Аллаха ему милостью обширную
3. умер по летоисчислению
4. ... двадцать
5. седьмого ... Месяца сафар
6. ... дня было.

ПРАВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА. РИС. 298.

الموت ياتيك الحبر و القبر صندوق العمل

Примечание: 4 фатха над « ق », точка под « ر », 5 фатха над « ص ».

ПЕРЕВОД

Смерть тебе известить о сроке, а могила есть предел деяний.

ЛЕВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА. РИС. 299.

هجا الح لا يموت لا

ПЕРЕВОД

...
...терпеливый к опасностям здешней жизни не умирает без ...

Рис. 298. Правая боковая сторона эпитафия No 46.

Рис. 299. Левая боковая сторона эпитафия No 46.

Рис. 300. Эпитафия 711 г. х.

47. ОФ. 747-121/121 ЭПГ. Рис. 300.
Материал: белый известняк.
Дата: 711 г. х. – 1311/1312 г.
Описание: размер 22 x 54 x 110. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части не определяется. На боковых сторонах надпись в две строки шрифтом куфи рельефный. На оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Изъято из фундамента церкви Успения в 1992 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. احرة رحله طنروي
2. ريح حيات جور ون
3. بير جال صفر ايح و
4. نم كوان ات
5. المعروف جاريح ور
6. نب بلويك

Примечание: I-1 фатха над « р », I-2 кесра под « х », I-3 точка под « т », II-1 точка под « р », фатха под « х », II-2 кесра под « ж », II-3 дамма над « у », II-4 фатха над « у », III-1 кесра под « р », III-3 фатха над « ф и в », точка под « р и в », V-1 точки под « р и е », V-2 фатха над « ж », точка под « р », V-3 дамма над « у », VI-1 фатха над « б ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. axirät rixlät tonruï
2. (ta)rix žiati žür un
3. bir žal säfär aixī ua
4. nīm küän ati
5. äl-mägruf Zarix or
6. nab bälükü.

ПЕРЕВОД

1. Мир иной отправился
2. по летоисчислению семьсот один
3. надцатый год месяца сафар
4. десятого дня было.
5. Так называемого Джарух Вур-
6. наба надмогильный знак.

ПРАВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА

1. سه سلطا
2. وي الد بدر

Примечание: II-2 точка под « д ».

ЛЕВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА

1. قط قوبان
2. سع و شناز

Примечание: I-2 фатха над « қ », II-2 фатха над « у ».

Рис. 301. Эпитафия Балхис, дочери Мусы.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. موسي هير بلحس
3. بلوك رحمة
4. الله عليها رحمة
5. واسعه

Примечание: II-1 фатха над « ي », II-3 дамма под « ح », IV-3 фатха над « م ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwa-l -xajji-l-lazi la jamutu
2. Musa hiri Balhis
3. bälükü. Rāxmätü-l-
4. lahi gälajhi rāxmätän
5. wasigätän

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. Муса, (его) дочь Балхис
3. памятник. Да будет
4. милость Аллаха, над ней милостью
5. обширною.

48. ОФ. 747-122/122 ЭПГ. Рис. 301.

Материал: белый известняк.

Дата: даты нет, конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 22 x 49 x 119. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная. Бордюр врезанный и рельефная полоса. На оборотной стороне и боковых сторонах надписи или орнамента не имеется. Изъято из фундамента церкви Успения в 10 апреля 1994 года.

Рис. 302. Эпитафия Булымшак бек, сына Буляртая.
724 г. х.

49. ОФ. 747-123/123 ЭПГ. Рис. 302.

Материал: известняк.

Дата: 724 г. х. – 1324 г.

Описание: размер 21 x 55 x 210. Язык татарский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Бордюр – рельеф-

ная полоса. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список, № 7.
2. Лепехин, 1771, № 7.
3. Klaprot, 1831, с. 483-506, № 26.
4. Эрдман, 1832, № 26.
5. Березин, 1852, с. 145.
6. Калачев, 1879, с. 90.
7. Татар, 1923, с. 52.
8. Альбом, № 213.
9. Калинин, 1956.
10. Юсупов, 1962, № 2; 1963; 1967, № 2.
11. Хакимзянов, 1987, № 6.
12. Борынгы, с. 65 (текст).

ТЕКСТ

1. هوالجي الزبي لا يموت
2. هزا مرقد لاميرلحرن اسكرم
3. المظفر اقا
4. لن س لي
5. يلرني برلا قوسفان
6. سليمان قرقك اولي بلمشن
7. بولارتاي ابن بلمشاق بك زياراتي ترور
8. تنكرعه حل عدلا و شتي ماحي صحا
9. مسرور قلب كوثر شرابي برلا قاندورسن
10. امر رب العلمن وفاتي رجب ابي اخرندا اردي
11. تاريخ يتي يوز
12. يكرمي تورندا

Примечание: II-2 точка под « ر », II-4 точка под « د », II-5 точка под « ر », III -1 точка под « ر », V-1 точка под « ر », VI-1 фатха над « ل », VI-2 дамма над « و », VI-3 дамма над « و », кесра под « ل », VII-1 фатха над « و », точка под « ر », VII-3 дамма над « ب », фатха над « ش », VII-4 фатха над « ر », VII-5 точка под « ر », VIII-1 точка под « ر », VIII-2 фатха над « ح », сукун над « ل », VIII-3 фатха над « ع », точка под « د », IX-3 точка под « ر », IX-4 точка под « ر », IX-5 точка под « ر », X-2 точка под « ر », X-4 точка под « ر », X-5 точка под « ر », XI-1 точка под « ر », XII-1 точка под « ر », XII-2 точка под « ر ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-hajji-l-läzi la jamutu
wä küllü häjjin säjamutu
2. Haza märqadü äl-ämîr ...

3. Al-muzaffar
4. ...
5. İlärni ...
6. Söläjman Korkuk ouli Balimšan...
7. Bülärtaj ibn Bülemšaq bek ziyaräte turur
8. Täñrigä ...
9. mäsrür qılıp, Käüsär šärabe berlä qandursun
10. Ämrü rabi-l-galäminän. Wafatı räžäp ajı axırında erdi
11. Tarix jeti jüz
12. jekerme türtdä

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает, а все живущее умрет

2. Это гробница эмира ...
3. победоносного
4. ...
5. их ...
6. Сулайман Коркук (его) сын Балымшан ...
7. Буляртай (его) сын Булымшак бек (его) место погребения
8. Тангре ...
9. обрадовав, да напоит напитком Кевсара
1. повеление господи миров. Его смерть произошла в конце раджаба месяца
2. по летоисчислению в семьсот
3. двадцать четвертом.

Рис. 303. Эпитафия Шахидуллы сына Мусы 717 г. х.

50. ОФ. 65-124/124 ЭПГ. Рис. 303.

Материал: белый известняк.

Дата: 717 г. х. – 1317/1318 г.

Описание: размер 20 x 60 x 96. Язык татарский, шрифт сульс рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Бордюр – рельефная полоса. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин, 1852, с. 119-120.
2. Татар, 1923, с. 52.

3. Альбом, № 213.
4. Калинин, 1948, с. 103.
5. Заляй, 1948, с. 156 (текст).
6. История, 1955, с. 103.
7. Юсупов, 1960, табл. 15; 1962, № 2; 1963; 1967, № 2.
8. Хакимзянов, 1974, 1987, № 5.
9. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 82-83 (фото, текст, перевод).
10. Борынгы, с. 65 (текст).
11. Хакимзянов, 1987, с. 98-99 (фото, текст, транскрипция, перевод, примечания).

ТЕКСТ

1. هو الجي الذي لا يموت
2. يكتلار كوركى كونكل لار اوزكى
3. عالم لارني اعر لاعان يتم تول
4. او كسوزلارني اسراعان موسي او علي
5. التونجي شهيد الله زيارت ترور
6. رحمه قيلسون في ربيع الاحرنك اورتاسندا
7. تاريخ قا 717

Примечание: I-1 дамма над « о », II-3 фатха над « л », III-1 точка под « р », III-2 точка под « р », IV-2 три точки под « с », IV-3 дамма над « м », V-3 точка под « р », V-4 точка под « р », VI-1 точка под « р », VI-4 точка под « р », VI-5 точка под « р », кесра под « н », VI-6 фатха над « т ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hüwä-l -xäjji-l-lazi lä jamutü
2. Jegetlär körke, könellär özage,
3. Galimnärne ayirlagan, jätim, tul
4. Öksüzlärne asragan Musa ogli
5. Altunci Sahidulla zijaräte turur
6. Tängre Tägalä rähmät qilsun. Amin. Rabi-gu-l-äwwälne ortasi.
7. Tarihqa 717.

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает!
2. Красы молодцов, сердцевина сердец,
3. уважавшего ученых, одиноких, вдовых,
4. сирот кормившего Муса, (его) сын
5. золотых дел мастера Шахидуллы место погребения.
6. Пусть всевышний Тангре окажет милость! Аминь! В середине месяца рабиел – ауваль,
7. по летосчислению в 717.

Рис. 304. Эпитафия Джаулет, дочери Мухшу.

51. ОФ. 65-75/75 ЭПГ. Рис. 304.

Материал: серый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 22 х 61 х 224. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный, форма верхней части прямоугольная с плечиками. В тимпане кораническая формула, между тимпаном и основным текстом орнамент 3-го типа, бордюр – врезанная и рельефная полосы. На оборотной стороне шести лепестковая розетка. Памятник обнаружен во время ремонта церкви Успения, нижняя часть находится под фундаментом церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 104 (фото).
2. Валеева-Сулейманова, Шагеева 1990, с. 42 (фото).
3. Валеев, Мухаметшин, 2000, фото № 120.
4. Атлас Tartarica, 2005, с. 625 (фото).

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. الجمد اول موحش
3. المومنين هير حولت
4. زيارت رحمة الله عليها
5. رحمة و اسعه بان ب
6. ورك

Примечание: I-1 дамма над « о », I-3 кесра под « и », I-4 дамма над « м », II-1 фатха над « и », II-2 фатха над « о », кесра под « л », II-3 дамма над « м », сукун над « ч », дамма над « ш », III-1 фатха над « а », дамма над « м », кесра под « м », сукун над « н », III-2 кесра под « о », III-3 сукун над « и », фатха над « л », IV-1 фатха над « р », дамма над « н », IV-2 фатха над « и », сукун над и дамма под « ч », IV-4 фатха над « г », V-1 фатха над « р », сукун над « ч », V-2 фатха над « о », кесра под « с », V-3 фатха над « и », дамма над « б », VI-1 дамма над « о », сукун над « и ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-xajji-l-läzi la jamütü
2. ... Äxmäd oul'i
3. Älmü'min hiri ...
4. zjaräti rähmätü-l-lahi gäläjhi
5. rähmätän wasigätän wafatî...

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. ... Ахмад, (его) сын Мухшу
3. Мусульманин, (его) дочь Джаулет
4. место погребения. Да будет милость Аллаха над ней
5. (из мира) милостью обширною
6. (переселилась).

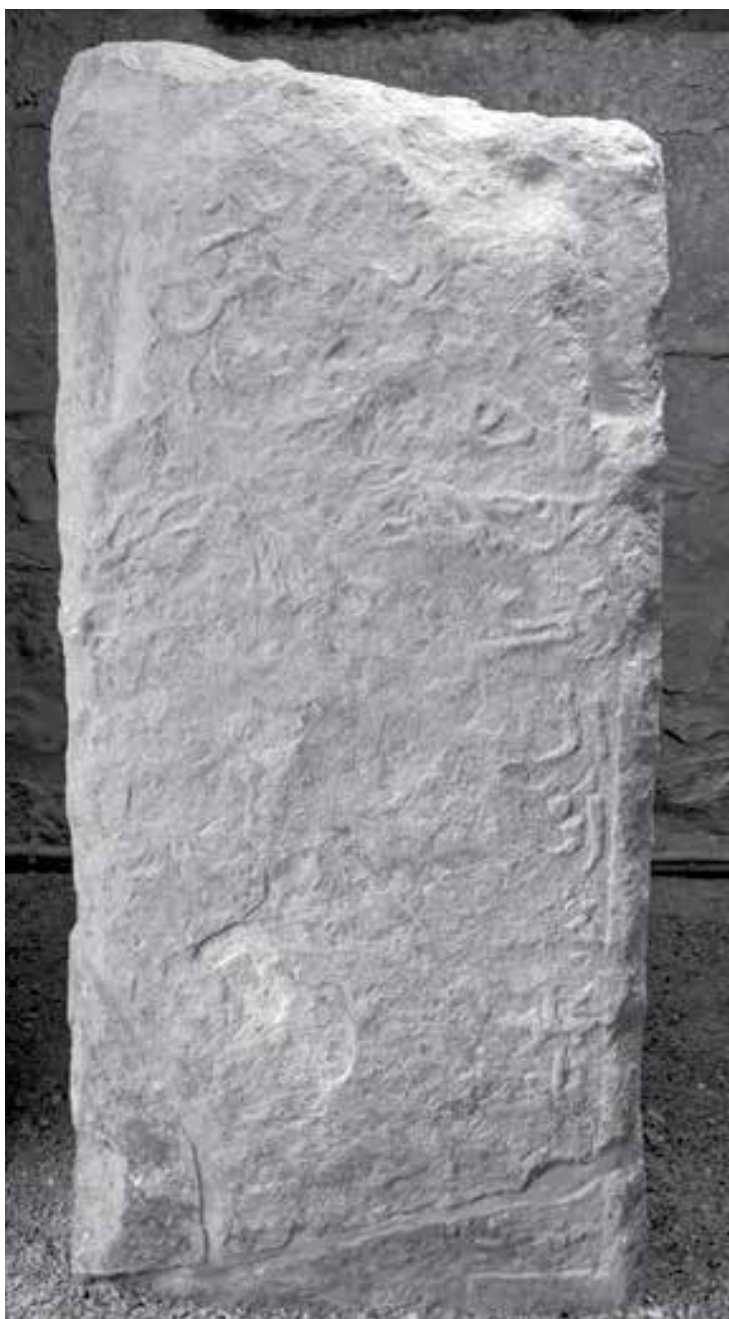

Рис. 305. Эпитафия с рельефной надписью.

52. ОФ. 65-60/60 ЭПГ. Рис. 305.

Материал: серый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 20 x 58 x 196. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная с полукруглой аркой и с плечиками. Между тимпаном и основным текстом мотив виноградной лозы. На оборотной стороне круговой орнамент и четырех строчная врезанная надпись. На боковых частях надпись шрифтом простой сульс. Памятник обнаружен во время ремонта церкви Успения в 1974 году.

Рис. 306. Правая боковая сторона эпитафии No 52.

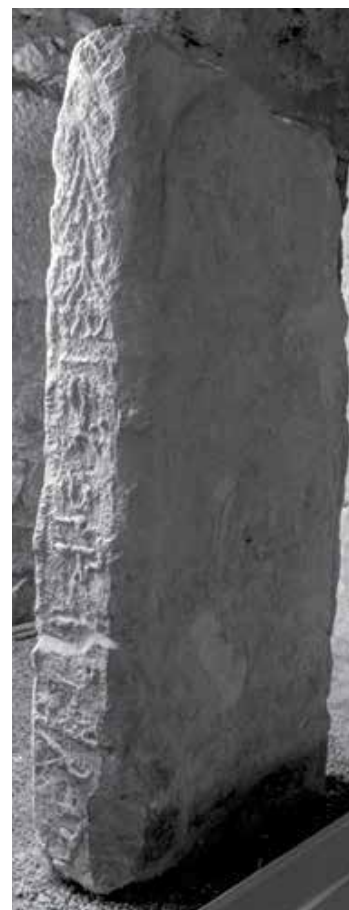

Рис. 307. Левая боковая сторона эпитафии No 52.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухаметшин, 1976, № 11, с. 69-70, рис. 10, 11.

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. و كل ...
3. ار ...
4. اول ...
5. ط ر ه ...
6. علي ...
7. فا ...
8. حليه ...
9. حال ...
10. كوان ات

Примечание: VI-1 фатха над «ع», IX-1 фатха над «ح».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-hajji-l-lazi lä jamutu
2. wä küllü ...
3. ...

4. ... oul'i ...
5. ...
- 6-8. ...
9. ... žal
10. kun ati

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой, который не умирает
2. все живущее умрет
3. ...
4. ... сын ...
5. ...
6. ... над ним
- 7-8. ...
9. ... год
1. дня было

ТЕКСТ ОБОРОТНОЙ СТОРОНЫ.

1. كل

ПЕРЕВОД

кто?

ТЕКСТ ПРАВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ. РИС. 306.

الموت ياتيك الجبر و القبر صندوق العمل

Примечание: I-2 фатха над « ك », I-3 точка под « ب », I-4 точка под « ر », I-5 фатха над « ص », сукун над « ن », точка под « د и ص », I-6 фатха над « ع и م », точка под « ع ».

ПЕРЕВОД

Смерть тебе возвести о сроке, а могила есть предел деяний.

ТЕКСТ ЛЕВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ. РИС. 307.

اصبر علي احوالها لا بص الا با لا جل

Примечание: I-1 точка под « ر », I-2 фатха над « ع », I-3 фатха над « و », I-5 кесра под « ب », фатха над « ج ».

ПЕРЕВОД

Самый терпеливый к опасностям здешней жизни – не умирает без...

Рис. 308. Эпитафия Мухаммада.

53. ОФ. 812-128/128 ЭПГ. Рис. 308.

Материал: известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 20 x 48 x 97. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части прямоугольная. В тимпане восьми лепестковая розетка. Бордюр – рельефная полоса. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Изъято из фундамента церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

Юсупов, 1967, № 2.

ТЕКСТ

1. هوالجي الذي لا يموت
2. اد حال اول محمد اول
3. يله بلويك رحمه الله
4. عليها رحمه واسعه
5. تاريخ
6. حما
7. الك ر

Примечание: II-1 дамма над « د », кесра под « ح », II-2 дамма над « و », II-3 точка под « د », II-4 дамма над « و ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-hajji-l-läzi la jamutu
2. ... ouli Muxammad ouli
3. baluik rähmätü-l-lahi
4. gäläjhi rähmätän wasigätän
5. tarixa
6. čuma
7. ...

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. ... (его) сын Мухаммад, (его) сын
3. ... (его) памятник. Да будет милость Аллаха
4. ей милостью обширную
5. по летоисчислению
6. ...

Рис. 309. Верхняя часть эпитафии.

виноградной лозы, бордюр – рельефная линия. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Надпись стерта. Памятник разломан на две части. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. اق هر
3. مول
4. س
5. لع
- 6.

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-häjji-l-läzi lä jamutu
2. Haza qabr
3. ...

ПЕРЕВОД

1. Он (Аллах) живой, который не умирает
2. это могила
3. ...

54. ОФ. 65-46/46 ЭПГ. Рис. 309.

Материал: серый известняк.

Дата: дата не сохранился.

Описание: размер 18 x 50 x 150. Язык болгарский, шрифт сульс рельефный, форма верхней части прямоугольная с полукруглой аркой и с плечиками. В тимпане кораническая формула, между тимпаном и основным текстом мотив

Рис. 310. Эпитафия Хаджи 719 г. х.

55. ОФ. 65-69/69 ЭПГ. Рис. 310.

Материал: белый известняк.

Дата: 719 г. х. – 1319/1320 г.

Описание: размер 18 x 50 x 85. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный, форма верхней части не определяется, бордюр – рельефная полоса. На боковых частях надпись шрифтом куфи врезанный. Отсутствует верхняя часть. Эпитафия обнаружена во время ремонта церкви Успения.

1. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 109 (фото).

ТЕКСТ

1. حاج بلوك رحمه
2. الله عليه رحمه وا
3. سعه وفات بلطو
4. رمطان ايح وان بيا
5. لم كوان تاريخ حيا
6. تي حور وان طحر حال

Примечание: I-1 дамма под «ح», кесра под «ج», I-3 точка под «ر», II-1 фатха над «ل», кесра под «و», II-2 фатха над «ع», кесра под «و», II-3 фатха над «ر», точка под «ر», дамма под «ح», III-1 три точки под «س», точка под «ع», V-3 точка под «ر», VI-2 дамма над «و».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Xaži bälükü räxmätü-
2. I-lahi gäläjhi räxmätän wä
3. sigätän wafat boltui
4. ramazan ajixi on biläim
5. küän tarixa žia-
6. ti žür on toxur žal

ПЕРЕВОД

1. Хаджи (его) памятник. Да будет милость
2. Аллаха над ним милостью
3. обширною. Умер
4. в месяце рамазан пятнадца
5. того дня, по летоисчислению семь-
6. сот девятнадцатого года

ТЕКСТ НАДПИСИ ПРАВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ

بر و القبر صندوق العمل

ТРАНСКРИПЦИЯ

bir wa äl-kabir sanduka al-gamäl

ПЕРЕВОД

... могила есть предел деяний

ТЕКСТ НАДПИСИ ЛЕВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ

ها لا يموت الا با الا حل

ТРАНСКРИПЦИЯ

hä lä jamütü-l-la bi-ila žal

ПЕРЕВОД

Самый терпеливый к опасностям здешней жизни не умирает без (ранее) определенного (срока).

Рис. 311. Эпитафия 721 г. х.

56. ОФ. 65-5/5 ЭПГ. Рис. 311.

Материал: известняк.

Дата: 721 г. х. – 1321 г.

Описание: размер 24 х 42 х 66. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный, форма верхней части не известна. Бордюр рельефная полоса, на боковых частях надпись – куфи рельефный. На оборотной стороне надписи и орнамента не имеется. Сохранился два фрагмента. Памятник обнаружен во время археологических раскопок у Соборной мечети в 1964 г. Шифр нижней части – Б. № 1127.

ЛИТЕРАТУРА

Юсупов, 1964, № 1.

ТЕКСТ

1. رحمه الله عا
2. و اس
3. ...
4. جور
5. حيرم بير جا
6. ربيع الاول اي
7. وان كوا

Примечание: I-1 фатха над « м », II-1 фатха над « о », IV-1 фатха над « ж », V-3 фатха над « ж », VI-1 точка под « р », дамма над « е », VI-2 фатха над « и л », VII-1 фатха над « о », VII-2 дамма над « к », фатха над « о ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Rāhmätü-l-lahi gä...
2. wasigätän
3. ...
4. žur
5. žiarmi bir žal
6. rabigül-äuwäl ajixī
7. ... oun küän

ПЕРЕВОД

1. Да будет милость Аллаха над...
2. обширною. ...
3. ...
4. сот...
5. двадцать первого года
6. месяц раби I
7. ... десятого дня

ПРАВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА

ТЕКСТ

1. ياتيك الحبر ت
2. العمل بر صندوق

Примечание: I-3 точка под « р », дамма над « р », II-1 точка под « р », II-2 дамма над « р », дамма над « д », II-3 фатха над « е и м ».

ТРАНСКРИПЦИЯ:

- 1...iatik al-xäbär
- 2...sanduka al-gamäl

ПЕРЕВОД

1. ... известит о сроке
2. ... предел деяний

Рис. 312. Эпитафия с врезанной надписью.

57. ОФ. 65-7/7 ЭПГ. Рис. 312.

Материал: серый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 15 x 40 x 71. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный, форма верхней части не определяется, в тимпане кораническая формула. Бордюр рельефная линия. На боковых частях и оборотной стороне надписи и орнамента не имеется.

ЛИТЕРАТУРА

Юсупов, 1962, № 2.

ТЕКСТ

1. ثم اليٰنا ترجعون

2. ا

3. اول

4. ويك رحمة الله عليه

5. رحمة واسعه

Примечание: I-2 кесра под « а », III-1 фатха над « а », IV-1 дамма над « у », IV-2 фатха над « м », дамма над « о », IV-3 фатха над « л », кесра под « о », V-1 точка под « г », кесра под « о », V-2 фатха над « м и р », тенвин фатхи над « э », V-3 три точки под « с », фатха над « у », кесра под « с », тенвин фатхи над « г ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. sūmmā ilajna täržägunä

2. ...

3. oulī

4. ... ükü rāhmätü-l-lahi gäläja

5. rāhmätän wasigätän

ПЕРЕВОД

1. после вы к нам вернетесь

2.

3. ... сын

4. памятник. Да будет милость Аллаха над ним

5. милостью обширною.

Рис. 313. Эпитафия Хаджи-мелик.

Рис. 314. Обратная сторона эпитафии No 58.

58. ОФ. 65 – 11/11 ЭПГ. Рис. 313.

Материал: серый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 18 x 34 x 66. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части, предположительно, прямоугольная с аркой и с плечиками. Бордюр рельефная полоса. На оборотной стороне надпись в пять строк шрифтом куфи врезанный и розетка в кругу. Вынут из фундамента церкви Успения со стороны колокольни. Сохранность частичная: нет верхней, левой боковой и нижней части памятника.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. محمد خو
2. اول رماك هي
3. خاج ملك ز
4. ك رجمة اللة

Примечание: I-1 дамма над « м », фатха над « х », (дамма ?) под « х », ташдид над « м », сукун над « д », I-2 дамма над « х », II-1 фатха над « и », II-2 фатха над « м и р », сукун над « к », II-3 кесра под « о », III-1 фатха над « х », (дамма ?) под « х », кесра под « х », III-2 фатха над « м », сукун над « к », IV-1 дамма над « к », IV-2 фатха над « и р », (дамма ?) под « х », IV-3 фатха над « л » и кесра под « о ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Muxammad hu(m)...
2. ouli Ramak hir
3. Xaži-Malik z...
4. k rāhmätü –l-lahu ...

ПЕРЕВОД

1. Мухаммад хум,
2. (его) сын Рамак, (его) дочь
3. Хаджи – Мелик, (ее) место погре-
4. бения. Да будет милость Аллаха

ТЕКСТ ОБОРОТНОЙ СТОРОНЫ.

РИС. 314.

1. رماك خوم خاج
2. مل ك وحن بير الخمد
3. وح قلهاواله و ليل
4. اله رخمة بلطرم
5. ح لم حين

Примечание: I-1 сукун над « ك », I-2 дамма над « м », I-3 фатха над « ч », (дамма ?) под « ч »,

кесра под « ж », II-2 дамма над « с и ч », II-4 точка под « д », фатха над « ч », (дамма ?) под « ч », III-1 дамма над « о », III-2 фатха над « и о », IV-1 фатха над « о », IV-2 фатха над « р », IV-3 точки под « и б », фатха над « и б », V-2 фатха над « ч », тенвин фатхи над « и ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Ramak hum Xaži-
2. Mälik üčün bir älxämid
3. üč kulhu-l-lahu wä-lil-
4. allahu rāhmät baltirima
5. (ž)ulimhain

ПЕРЕВОД

1. (Кто для) Рамак хум Хаджи
2. Мелик один раз Алхам,
3. три раза Кулхуаллах (прочтет)
4. милости Аллаха
5. достигнет.

Рис. 315. Эпитафия 728 г. х.

59. ОФ. 65-16/16 ЭПГ. Рис. 315.

Материал: известняк.

Дата: 728 г. х. – 1327/1328 г.

Описание: размер 20 х 45 х 28. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части не определяется. Бордюр – рельефная линия. Сохранилась текст в 3 строки. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Сохранность частичная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом БТЭ, № 247.
2. Малов, 1947, с. 48.
3. Юсупов, 1965, № 2.
4. Rona-Tas – Fodor, 1973, с. 130, № 44 (текст, транскрипция, перевод на венгерский язык, примечания).

ТЕКСТ

1. واس
2. تاريخ جات جور جرم
3. سكر جال دوالقعد ايخ
4. ون سكر كوان ات

Примечание: II-1 фатха над « ت », точка и кесра под « ر », II-2 фатха над « ج », кесра под « ت », II-3 дамма над « ج », точка под « ر », II-4 точка под « ر », III-1 фатха над « س », точка под « ر », III-2 фатха над « ج », III-4 фатха над « ا », IV-1 фатха над « و », IV-2 фатха над « س », точка под « ر », IV-3 дамма над « ك », IV-4 кесра под « ت ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. tarix žiati žür žiarmi
2. säkir žal zu-l-qagida aixi
3. wan säkir küän ati.

ПЕРЕВОД

1. По летоисчислению в семьсот двадцать
2. восьмом году, месяца зуалькагда
3. восемнадцатого дня было.

Рис. 316. Эпитафия Хусейна сына Балкуш.

60. ОФ. 65-22/22 ЭПГ. Фото 316.

Материал: известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 18 x 44 x 55. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный, форма верхней части прямоугольная с вырезанной аркой. В тимпане шести лепестковая розетка, бордюр – рельефная и врезанная полосы. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Отсутствует нижняя часть. Из старых собраний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом БТЭ, № 67.
2. Юсупов, 1965, № 2.

ТЕКСТ

1. الكم اله بلکش
2. اول حسين بلو
3. ك ر

Примечание: I-3 фатха над « ب », дамма над « ك », II-1 фатха над « ا », II-2 дамма над « ح », фатха над « س ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi Balkuš
2. oul'i Xusäin bälü-
3. kü r(äxmätän)

ПЕРЕВОД

1. Верховный суд принадлежит Аллаху,
2. Балкуш (его) сын Хусейн памят-
3. ник
3. памятник ...
4. милости ...
5. Аллаха ... мир вечности ...
6. девять ...

Рис. 317. Эпитафия с врезанной надписью.

61. ОФ. 65-34/34 ЭПГ. Рис. 317.

Материал: белый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 18 x 57 x 50. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Форма верхней части не определяется. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Отсутствует верхняя и нижняя часть. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

Мухаметшин, 1976, №3 (текст, перевод).

ТЕКСТ

1. ورر
2. عر هير
3. ككي
4. ارحمه
5. الحرث
6. طخر

Примечание: II-1 фатха над и точка под «ع», III-1 фатха над «ي», VI-1 дамма над «ج».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. mǎüti
2. hiri
3. bǎlükü
4. rǎxmätän
5. axirätä
6. toxur

ПЕРЕВОД

1. Смерть, после ...
2. дочь ...
3. памятник ...
4. милости ...
5. Аллаха ... мир вечности ...
6. девять ...

ТРАНСКРИПЦИЯ
küllü

ПЕРЕВОД
каждая ...

Рис. 318. Эпитафия с розеткой.

62. ОФ. 65-42/42 ЭПГ. Рис. 318.

Материал: серый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 20 x 43 x 54. Шрифт куфи рельефный, форма верхней части стрельчатая, в тимпане восьми лепестковая розетка с мотивом свастики, бордюр – орнамент 3-го типа. На оборотной стороне восьми лепестковая розетка с мотивом «коловрата». Сохранилась верхняя часть. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

Мухаметшин, 1977, рис. 2. №№ 1, 2.

ТЕКСТ

كل

Рис. 319. Эпитафия Мухаммада 749 г. х.

63. 65-58/58 ЭПГ. Рис. 319.

Дата: 749 г. х. 1348 г.

Описание: размер 20 х 58 х 80. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный, форма верхней части прямоугольная с плечиками. Между тимпаном и основным текстом широкая полоса, бордюр – рельефная полоса. На боковых частях надпись шрифтом куфи врезанный. Сохранность частичная, отсутствует нижняя часть. Памятник обнаружен за аэродромом в 1974 г., задет плугом.

ЛИТЕРАТУРА

Мухаметшин, 1976, № 10, рис. №№ 7, 8, 9 (текст и перевод).

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. رمضان
3. محمد

Примечание: I-1 дамма над « о », I-2 фатха над « х », III-1 дамма над « м ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Huwä-l-haji-l-
2. ramazan ...
3. Muhammad

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает
2. рамазан ...
3. Мухаммад ...

НАДПИСЬ ЛЕВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ.
РИС. 304.

ТЕКСТ

حياتي حور حرح طح ح

Примечание: I-1 кесра под « т и х », фатха над « и », I-2 дамма над « о », I-3 кесра под « ж », I-4 дамма над « х », сукун над « р », I-5 фатха над « х »,

ТРАНСКРИПЦИЯ

žiatī žūr xirx toxur ž...

ПЕРЕВОД

Семьсот сорок девятом г (оду)

НАДПИСЬ ПРАВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ.
ФОТО 305.

ТЕКСТ

محرم

Примечание: I-1 дамма над « м », сукун над « м ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

muharram

ПЕРЕВОД

мухаррам

Рис. 320. Левая боковая сторона эпитафии No 63.

Рис. 321. Правая боковая сторона эпитафии No 63.

64. ОФ. 65-65/65 ЭПГ.

Материал: серый известняк.

Дата: 720 г. х. – 1320 г.

Описание: размер 17 х 41 х 63. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный, форма верхней части прямоугольная с вырезанной стрельчатой аркой и с плечиками. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Памятник фрагментирован: сохранилась верхняя и нижняя части памятника. Обнаружено внутри Черной палаты в 1976 г.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом БТЭ, № 234 (перевод трехстрочной надписи на русский язык).

ТЕКСТ

1-2.

3. حيات حور حيرم

4. حال شولي ايح الطس كو

5. ن ات

ТРАНСКРИПЦИЯ

1- 2

3. žiati žür žiarmi

4. žal šāwwal aixī āltiš ku

5. an ati

ПЕРЕВОД

1-2. ...

3. семьсот двадцатого

4. года, шавваля месяца, шестого

5. дня было.

65. ОФ. 65-71/71 ЭПГ.

Материал: серый известняк.

Дата: 700 г. х.

Описание: размер 20 х 60 х 100. Язык арабский, шрифт сульс рельефный, форма верхней части не определяется, бордюр – мотив виноградной лозы в сочетании с орнаментом 3-го типа. На боковых частях ромбический орнамент. Отсутствует верхняя часть. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список № 37.

2. Березин, 1852, № XXXV.

ТЕКСТ

زولقده سبعماه

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. zülkagda säbgamajä

ПЕРЕВОД

1. Зуалькадда, года семисотого.

Рис. 322. Эпитафия с рельефной надписью.

66. ОФ. 65-73/73 ЭПГ. Рис. 322.

Материал: известняк.

Дата: 705 г. х. – 1305/1306 г.

Описание: размер 22 x 27 x 35. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части не определяется, бордюр – рельефная полоса. На боковых частях надпись шрифтом куфи рельефный. На оборотной стороне четырехстрочная надпись шрифтом куфи врезанный. Бордюр – рельефная линия. Фрагмент обнаружен во время ремонта колокольни церкви Успения.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. جور بيال
2. يع ونم
3. مه الله
4. واس

Примечание: I-1 дамма над « و », I-2 кесра под « ل », II-2 фатха над « و ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. (... tarix žiati) žūr bialim
2. (žal) ... ajxī wanim
3. (kuān āti) rāxmātān Аллах
4. wāsigatān

ПЕРЕВОД

1. ... сот пятого
2. ... месяца десятого
3. ... Да будет милость Аллаха
4. ... обширную.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА.

ТЕКСТ

1. الموت
2. القبر ط
3. عا

Примечание: II-1 фатха над « ق ».

ПЕРЕВОД

1. ... смерть
2. ... чаша
3. ...

ЛЕВАЯ БОКОВАЯ СТОРОНА

لار وهاوا

Рис. 323. Эпитафия 719 г. х.

67. ОФ. 65-77/77 ЭПГ. Рис. 323.

Материал: серый известняк.

Дата: 719 г. х. – 1319/1320 г.

Описание: размер 20 х 44 х 52. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части не определяется. На боковых частях и оборотной стороне орнамента или надписи не имеется. Отсутствует верхняя и нижняя часть. Памятник обнаружен во время ремонта колокольни церкви Успения 15 июня 1980 г.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. اسعه وفات ب
2. تاريخ حيات جور ون
3. طهر حال حمادي
4. الا جحر ايح جرم سكر
5. كوان ارني كوان
6. ات مع
7. حيرا نه

Примечание: I-2 фатха над «و», II-1 точка под «ر», II-2 фатха над «ي», кесра под «ج и ت», II-3 дамма над «ر», точка под «ر», II-4 фатха над «و», III-1 дамма над «ك», кесра под «ح», точка под «ر», III-3 дамма над «ح», фатха над «م», кесра и точка под «د», IV-3 кесра под «ج и ر», точка под «ر», IV-4 фатха над «س», кесра и точка «ر», V-1 дамма над «ك», фатха над «و», V-2 точка под «ر», V-3 дамма над «ك», фатха над «ن و», VI-1 фатха над «ا», VI-2 фатха под «ع».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. wasigätän wafatī
2. tarix žiati žür on
3. toxur žal žümädi-äl-
4. axīrā ajixī žirmi säkir
5. kön arni kön
6. atī māga
7. žijranä

ПЕРЕВОД

1. обширную, умер
2. по летоисчислению семьсот
3. девятнадцатого года, джумади
4. II месяца, двадцать восьмого
5. дня, в понедельник
6. было,
7. с соседями.

Рис. 324. Эпитафия с рельефной надписью.

68. ОФ. 747-90/90 ЭПГ. Рис. 324.

Материал: белый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 19 x 24 x 53. Язык арабский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Между тимпаном и основным текстом рельефная полоса. На боковых частях и на оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Сохранилась верхняя часть левой стороны эпитафия. Памятник обнаружен при раскопках Белой палаты в июле 1981 г.

ЛИТЕРАТУРА

Мухаметшин, Хакимзянов 1987, с. 55 (фото, фрагмент).

ТЕКСТ

1. زي لا يموت

2. ين سيموت

Примечание: II-1 фатха над « ي », II-2 фатха над « ي и س », дамма над « م », три точки под « س ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. ... lä jāmütü

2. ... in sājamütü

ПЕРЕВОД

1. ... который не умирает

2. ... (жи)вое умрет.

Рис. 325. Эпитафия Ахмада.

69. ОФ. 747-92/92 ЭПГ. Рис. 325.

Материал: известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 23 x 59 x 65. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Между основным текстом и тимпаном мотив виноградной лозы. Сохранилась три строки текста. На боковых сторонах ромбический орнамент и надпись шрифтом куфи рельефный. Эпитафия обнаружена при раскопках Белой палаты в июле 1981 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 37 (фото).
2. Валеева–Сулейманова, Шагеева, 1990, с. 42 (фото).

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. و كل حي سيموت
3. اركد مر يال ار احمد

Примечание: II-1 фатха над « و », дамма над « ل и ك », II-2 фатха над дамма под « ح », кесра под « ي », II-3 фатха над « ي и س », дамма над « م », III-1 фатха над « م и ك », III-2 фатха над « ح », тенвин фатха над « ه ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hüwä-l-xäjj-i-l-läzi lä jāmütü
2. wä küllü xäjjin säjämütü
3. Ar kadmar? jali ar Axmäd

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает,
2. а все живущее умрет
3. области ар Кадмар? ар Ахмад.

ТЕКСТ ПРАВОЙ БОКОВОЙ СТОРОНЫ

1. سحاز من الع
2. و ثهر الو

Примечание: I-1 три точки под « س », сукун под « ح и س », фатха над « ح », I-2 фатха над « ص », II-1 фатха над « و », II-2 фатха над « م и ث », точка под « ر ».

Рис. 326. Эпитафия с рельефной надписью.

70. ОФ. 747-100/100 ЭПГ. Рис. 326.

Материал: известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 19 x 52 x 24. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Сохранилась три строки текста. Бордюр – рельефная полоса. Форма верхней части не определяется. На боковых сторонах надпись шрифтом куфи рельефный. Извлечено из фундамента церкви Успения в октябре 1981 года.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. بلويك رحمه
2. الله عليها رحمه وا
3. سعه وافات بل

Примечание: I-1 дамма над «ك и و», I-2 фатха над «م и ر», II-1 кесра под «о», II-2 фатха над «ع и о», точка под «ع», II-3 фатха над «م и ر», точка под «ر», III-1 фатха над «ع», III-2 фатха над «و», III-3 фатха над «ب», дамма над «ي и ط».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. ... bälükü räxmätü
2. -l-lahi gäläjhi räxmätän wä-
3. sigätän wafat bal ...

ПЕРЕВОД

1. ... надмогильный знак. Да будет
2. милость Аллаха над ним милостью
3. обширною умер ...

Рис. 327. Эпитафия 600-е г. х.

71. ОФ. 65-24/24 ЭПГ. Рис. 327.

Материал: серый известняк.

Дата: 6xx г. х. – 12xx г.

Описание: размер 12 x 34 x 64. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный, форма верхней части не определяется. На боковых частях и обратной стороне надписи или орнамента не имеется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом БТЭ, № 239.
2. Хакимзянов, 1973, № 12 (фото, текст, перевод).
3. Хакимзянов, 1987, № 1 (фото, текст, транскрипция, перевод, примечания).

ТЕКСТ

1. ي الد ين ز
2. يارت رحمه الله
3. عليه رحمه واسعه
4. وفا ه بلكو الط يور

Примечание: I-1 точка под « ر », I-2 сукун под « ح », II-1 сукун под « ع », II-3 фатха над « و и ع ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. ... ad-din zi-
2. jarate rāxmātū-l-lahi
3. gālājhi rāxmātān wāsigātān
4. wāfat balqui altī žūr

ПЕРЕВОД

1. ... Ад-Дин место
2. погребения да будет милость Аллаха
3. над ним милостью обширной
4. Скончался в шестьсот ...

72. ОФ. 161/161 ЭПГ.

Материал: белый известняк.

Дата: 7?? г. х.

Описание: середина эпитафия размером 20 x 52 x 32. Шрифт врезанный куфи. Сохранилась часть надписи из четырех строк. Обнаружено в 1991 г.

ТЕКСТ

1. اول
2. بلويك رحمه الله
3. عليها رحمه واسعه وفات
4. بلطوي تاريخ حيات حور

ТРАНСКРИПЦИЯ

- 1...
2. bālūkū rāxmātū-l-lahi
3. gālājhi rāxmātān wāsigātān wāfat
4. baltui tarix žiati žūr

ПЕРЕВОД

1. ... сын
2. памятник да будет милость Аллаха
3. над ней милостью обширной смерть
4. наступила по летоисчислению семьсот.

Рис. 328. Эпитафия Рабиги.

73. ОФ. 65-8/8 ЭПГ. Рис. 328.

Материал: серый известняк.

Дата: конец XIII – начало XIV вв.

Описание: размер 15 x 34 x 29. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный, форма верхней части не определяется. На боковых частях и оборотной стороне надписи или орнамента не имеется. Сохранилась середина эпитафия. Памятник обнаружен во время археологических раскопок в 1967 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. ل هير ح حسين
2. اري هير ريعا
3. سلم
4. الله

Примечание: I-3 три точки под «س», II-2 точка «ر», II-3 точка под «ع».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. l hir Xusain
2. juari hiri Rabiga

3. ...

4. l-lahi

ПЕРЕВОД

1. дочь ... Хусейн
2. йувари (его) дочь Ра-бига
3. ...
4. милость Аллаха

Рис. 329. Эпитафия с двусторонней надписью.

74. ОФ. 65-12/12 ЭПГ. Рис. 329.
Материал: известняк.
Дата: конец XIII – начало XIV вв.
Описание: размер 23 x 30 x 25. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Текст в 3 стро-

Рис. 330. Обратная сторона эпитафии No 74.

ки. Фрагмент. На оборотной стороне надпись в 4 строки шрифтом куфи врезанный.

ЛИТЕРАТУРА

Юсупов, № 2, 1965, № 26.
Толмачев, 1887, № 3.

ТЕКСТ

1. رانه ب
2. يممين و المس
3. نون و المومنا

Примечание: I-1 точка под «ر».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. (mag žaj)ränä
2. (mu')imin wä almus...
3. nun wä-l-mümna

ПЕРЕВОД

1. С соседями
2. мусульман и мусульманок
3. ... и всех верующих

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА. РИС. 330.

ТЕКСТ

1. كوان ات
2. و كل النس
3. ة و ياليت شع
4. مالا

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. (kü) än
2. wä küllü-n-näsi
3. ... at wa jalit sa...
4. malda

ПЕРЕВОД

1. ... дня было ...
2. ... каждая душа ...
3. ...
4. ...

3. حوماديل احمر ايخ ك
4. كوان اح

Примечание: I-1 фатха над «س», точка под «ر», I-2 точка под «ر», кесра под «و», I-3 кесра под «ر», I-4 кесра под «ح», II-1 точка под «ر», II-2 точка под «ر», II-3 фатха над «ا», точка под «ط», кесра под «ش», II-4 фатха над «ج», II-5 кесра под «ا», III-1 дамма над «ج», точка под «د», III-2 фатха над «ا», точка под «ر», III-3 кесра под «ي», IV-1 дамма над «ك».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. säfär küčrui tarix ž
2. žür (ž)rim altiš žal äxi
3. žümadi-l-axir aix
4. küän äči

ПЕРЕВОД

1. переселился по летоисчислению се (мьсот)
2. двадцать шестого года было
3. джумади второго
4. дня было.

Рис. 331. Эпитафия 726 г. х.

75. ОФ. 812-136/136 ЭПГ. Рис. 331.

Материал: известняк.

Дата: 726 г. х. – 1335/1336 г.

Описание: размер 17 х 42 х 48. Форма верхней части не определяется. Язык болгарский, шрифт куфи. Вынут из фундамента церкви Успения в 2003 году.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. سفر كجروي تاريخ ح
2. حور رم الطش جال اج

Рис. 332. Эпитафия (6)71 г. х.

76. ОФ. 65-37/37 ЭПГ. Рис. 332.

Материал: белый известняк.

Дата: (6)71 г. х. – 1272/1273 г.

Описание: размер 21 x 55 x 143. Язык арабский, шрифт сульс рельефный, форма верхней части полукруглая без арки, с плечиками, бордюр – орнамент третьего типа. На оборотной стороне и боковых частях надписи или орнамента не имеется. Фрагментировано: сохранилась 3 части. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

ЛИТЕРАТУРА.

Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 23 (фото, фрагмент).

ТЕКСТ.

1. ...
2. هذا مرقد
3. الكرم
- 4-9. ...
10. عفر الله
11. سنة احد و سبعين

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. ...
2. xəza märqadu
3. al-kāram
- 4-9. ...
10. gafur Allahu
11. sānnāti al-äxid wä säbgimiätin

ПЕРЕВОД

1. ...
2. это гробница
3. щедрого
- 4-9. ...
10. да помилует Аллах
11. в году один семьдесят (шестисотого).

Рис. 333. Заготовка эпитафии.

77. ОФ. 812-138/138 ЭПГ. Рис. 333.

Материал: серый известняк.

Дата:

Описание: размер 25 x 60 x 135. Заготовка. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

Рис. 334. Заготовка эпитафии.

78. ОФ. 812-139/139 ЭПГ. Рис. 334.

Материал: серый известняк.

Дата:

Описание: размер 23 x 34 x 69. Заготовка. Обнаружено во время ремонта церкви Успения.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

Рис. 335. Эпитафия Бэтик дочери Имама.

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Küllü näfsün sajjıqatü-l-mä
2. täržägunä Imam
3. ...r hiri Bötik
4. baltirimma

ПЕРЕВОД

1. Каждая душа вкусить смерть
2. ... вернетесь к нам Имам
3. ... (его) дочь Бэтик ...
4. да будет милость.

79. ОФ. 162/162 ЭПГ. Рис. 335.

Материал: белый известняк.

Дата: без даты.

Описание: размер 7 x 33 x 44. Текст с вертикальным расположением строк. Шрифт простой врезанный. Имеет примитивную подтреугольную арку. На боковых частях и на обратной стороне надписи или орнамента не имеется. Находится в экспозиции Музея Болгарской цивилизации.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. كل نفس زايقه المو
2. ترجعون امام
3. ر هر بطك
4. بلطرم

Примечание: вспомогательных знаков не имеется.

Рис. 336. Эпитафия 702 г. х.

80. ОФ. 163/163 ЭПГ. Рис. 336.

Материал: белый известняк.

Дата: 702 г. х.

Описание: сохранилась нижняя часть камня. Шрифт сульс простой. На боковых частях и на обратной стороне надписи или орнамента не имеется.

НЕ ОПУБЛИКОВАН

ТЕКСТ

1. عسر من سهر دو القعد
2. سنت اثنين
3. و سبعمايه

Примечание: I-3 точка под «ع», II-1 фатха над «س», III-1 точка под «ع».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. min šährin zülkagda
2. sännäti isnä
3. wä säbgimiätin

ПЕРЕВОД

1. ... В месяце зюлькагда
2. года второго
3. семисотого.

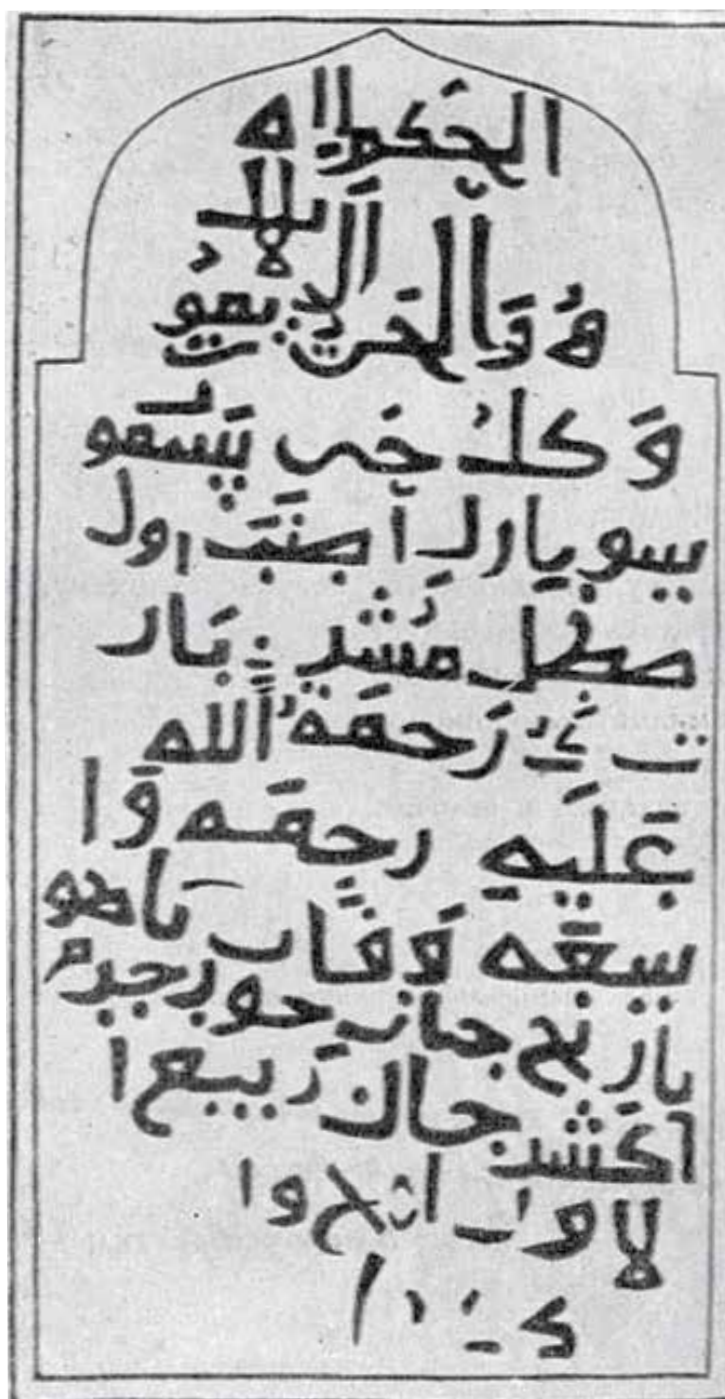

Рис. 337. Эпитафия Сатылмыш, сына Азняба. 722 г. х.

81. Материал: известняк. Рис. 337.

Дата: 722 г. х. – 1322 г.

Описание: размер? Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Язык болгарский, шрифт куфи рельефный. Эпитафия утеряна.

ЛИТЕРАТУРА

Березин, 1852, с. 118-119.

Фаизханов, 1863, с. 403-404.

Ашмарин, 1902, с. 85.

Ахмаров, 1908, с. 128.

Альбом БТЭ, № 252.

Юсупов, 1960, табл. 17 (фото, текст, перевод).

Rona-Tas – Fodor, 1973, № 13 (текст, транскрипция, перевод (венгерский), примечание).

ТЕКСТ

1. الحكم الله
2. هو الحي الذي لا يموت
3. و كل حي سيموت
4. سوارل اصناب اول
5. صطلمش زيار
6. ت ك رحمه الله
7. عليه رحمه وا
8. سعه وفات بلطوي
9. تاريخ حيات حور حرم
10. اكش حال ربيع ا
11. لاول ايح وا
12. كوان ات

Примечание: I-1 фатха над и дамма под « х », II-1 дамма над « о », фатха над « у », II-2 фатха над « ч », дамма над « и », II-4 дамма над « м », III-1 фатха над « у », дамма над « л », III-2 фатха над « ч », кесра под « и », III-3 фатха над и три точки под « с », IV-1 три точки под « с », кесра под « л », IV-2 фатха над « н », точка под « в », V-1 кесра под « т », дамма над « л », V-2 фатха над « и », VI-1 дамма над « т », кесра под « и », VI-2 фатха над « м и р », дамма над « о », VII-1 фатха над « и и г », кесра под « о », VII-2 фатха над « м », VII-3 фатха над « у », VIII-1 три точки под « с », VIII-2 фатха над « в и о », VIII-3 фатха над « б », IX-1 кесра под « р », IX-2 кесра под « т », X-1 фатха над « а », XII-1 дамма над « к ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Äl-xökmü li-l-lahi
2. Hüwä-l-xajji-l-läzi lä jāmütü
3. wä küllü xajjin säjämütü
4. sujarli Asnab auli
5. Satilmuš ziara
6. ti räxmätü-l-lahi
7. gäläjhi räxmätän wä
8. sigätän wäfat balgui
9. tarix žiati žür žirim
10. äkiš žal rabig-l-

11. auwäl aix wan
12. küän äti

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха.
2. Он живой, который не умирает,
3. все живущее умрет.
4. Суйарли Азнаб, (его) сын

5. Сатылмыш, его место погре-
6. беня. Да будет милость
7. Аллаха над ним, милостью обшир-
8. ною. Смерть совершилась
9. по летосчислению в семьсот двадцать
10. втором году, раби
11. ал – аувал месяца
12. (дня было).

Рис. 338. Эпитафия 690 г. х.

4. وانم جال شعبان ايح بلنج
5. كوان ات الله رحمة
6. طنظرم حوالج

Примечание: II-1 фатха над « ا », кесра под « ح », точка под « ر », II-2 фатха над « ب », дамма над « ط », точка под « و и ط », II-3 фатха над « ر », сукун над « ة », III-1 сукун над « ن », III-2 кесра и точка под « ط », III-3 дамма над « ج », точка под « ر », III-4 дамма над « ط », фатха над « و », точка под « ر и ط », IV-1 фатха над « و », кесра под « ن », IV-2 фатха над « ج », IV-3 точка под « ع », сукун над « ب », IV-4 сукун над « ي », кесра под « خ », V-1 дамма над « ك », фатха над « و », сукун над « ن », V-2 кесра под « ت », V-3 сукун над « ة », V-4 фатха над « م и ر », точка под « ر », VI-1 фатха над « م и ط », сукун над « ن и ر », VI-2 дамма над « ح », фатха над « ي ».

82. Материал: известняк. Рис. 338.

Дата: 690 г. х. – 1291 г.

Описание: размер 17 x 28 x 38. Форма верхней части не определяется. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Хранится в НМРТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. История, 1937, с. 26.
2. Альбом БТЭ, № 11.
3. Калинин, 1947, с. 100-101.
4. Юсупов, 1960, табл. 3 (фото, текст, перевод).
5. Rona-Tas – Fodor, 1973, № 3 (текст, транскрипция, перевод (венгерский), примечание).
6. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 33 (фото).

ТЕКСТ

1. ...
2. احرة بطوي هجرة
3. ران الط جور طحور

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. ...
2. ahirät batuwi hižrät
3. rän alti žur tuxur
4. wanim žal šagban aix belinž
5. kön ati allah rāhmät
6. tantirima žujlič

ПЕРЕВОД

- 1.
2. (ушел) на тот свет по хиджре
3. в шестьсот девяностом
4. году, в месяц шаабана пятого
- 5, 6. дня было. Да будет милость Аллаха.

Рис. 339. Маломерная эпитафия.

Примечание: I-1 дамма над « м и ч », I-2 сукун над « о », II-1 фатха над « м », кесра под « л », II-2 фатха над « а », III-1 дамма под « г », III-2 фатха над « б », дамма над « и и к ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. äI-hükmü li-l-lahi
2. Mämlī aulī
3. Gali bälüikü

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха.
2. Мамли, (его) сын
3. Али, (его) памятник.

83. Материал: известняк. Рис. 339.

Дата: без даты.

Описание: размер 16,5 x 38 x 50. Форма верхней части полукруглая со стрельчатой аркой с плечиками. В тимпане кораническая формула. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Хранится в НМРТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом БТЭ, № 8.
2. Калинин, 1947, с. 99.
3. Юсупов, 1960, табл. 42 (фото, текст, перевод)
4. Rona-Tas – Fodor, 1973, № 37 (текст, транскрипция, перевод (венгерский), примечание).
5. Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 89 (фото).

ТЕКСТ

1. الحكم الله
2. ممل اول
3. علي بلويك

Рис. 340. Эпитафия 687 г. х.

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. hižrätärn alti
2. žür säkir wan žiatiš
3. žal... kön ati

ПЕРЕВОД

1. ... по хиджре шесть-
2. сот восемьдесят седьмого
3. года, дня (было).

84. 171. Материал: известняк. Рис. 340.

Дата: 687 г. х. – 1288 г.

Описание: размер 17 x 42 x 50. Форма верхней части не определяется. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Бордюр рельефная полоса. На нижней части стилизованное изображение птицы. Хранится в НМРТ.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом БТЭ, № 9.

Калинин, 1947, с. 99-100.

Юсупов, 1960, табл. 6 (фото, текст, перевод).

Rona-Tas – Fodor, 1973, № 6 (текст, транскрипция, перевод (венгерский), примечание).

ТЕКСТ

1. هجرة ران الط
2. جور سكر وان جياتش
3. حال كزان ات

Примечание: II-2 фатха над «و» и «س», кесра под «ك», II-3 фатха над «ي», III-1 фатха над «ل», III-2 дамма над «ك».

85. Материал: серый известняк.

Дата: Без даты.

Описание: размер 16 x 43 x 86. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Хранится в НМРТ.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом БТЭ, № 10.

Юсупов, 1960, табл. 43 (фото, текст, перевод).

Rona-Tas – Fodor, 1973, № 38 (текст, транскрипция, перевод (венгерский), примечание).

Червонная, 1983, с. 8, фото.

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. بكمنج هير
3. سبيت بلويك
4. رحمه الله عليها
5. رحمه واسعه

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hüwä-l-xajji-l-lazi la jāmütü
2. Bikmānež hiri
3. Zubeyte bālikü
4. rāxmätü-l-lahi gälājhi
5. rāxmätän wäsigätän

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает,
2. Бакманжал?, (его) дочь
3. Собайта, (ее) памятник.
4. Да будет милость Аллаха над ней
5. милостью обширною.

86. Материал: серый известняк.

Дата: 7??г. х. – 13??г.

Описание: размер ? x 71 x 160. Форма верхней части прямоугольная со стрельчатой аркой. В тимпане кораническая формула. Язык болгарский, шрифт куфи врезанный. Вделано в стену на лестничной площадке в главном здании КГУ.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом БТЭ, № 88.

ТЕКСТ

1. هو الحي الذي لا يموت
2. ...
3. اول بلويك
4. رحمه الله
5. عليها
6. تاريخ
7. جيات

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Hüwä-l-xajji-l-lāzi lā-jāmütü
2. ...
3. āwli bāluik
4. rāxmätü-l-lahi
5. gälājhi
6. tarih
7. žiati

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает,
2. ...
3. (его) сын памятник
4. Да будет милость Аллаха над ним
5. милостью обширною.
6. По летосчислению
7. семьсот.

Рис. 341. Эпитафия Мухаммада 700-е г. х.

ТЕКСТ

1. الحكم الله ياكزج
2. يواري اول مجمد
3. يواري
4. ور بلويك ر
5. حمة الله عليها رحمة
6. واسعه تاريخ حيا
7. ت جور
8. يح ون كن ات

Примечание: I-3 дамма над « و », IV-1 дамма над « و », IV-2 дамма над « و и ك », V-1 фатха над « م », VI-1 три точки под « س », точка под « ع », VI-2 фатха над « ت », VII-1 кесра под « ت », VII-2 дамма над « ج », VIII-2 фатха над « و ».

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. Al-xökmü li-l-lahi Jakuč
2. juari ouli Muxämmäd
3. juari ...
- 4.... bäluiк
5. räxmätü-l-lahi gäläjhi räxmätän
6. wäsigätän tarix žiati
7. žür ...
8. aix wan küän ati

ПЕРЕВОД

1. Суд Аллаха.
2. йувари, (его) сын Мухаммад
3. йувари ...
4. ... памятник. Да будет милость Аллаха над ним
5. милостью обширною.
6. По летосчислению
7. семьсот ...
8. месяца десять дней было.

87. Материал: серый известняк. Рис. 341.

Дата: 7?? г. х. – 13?? г.

Описание: размер? Форма верхней части не определяется. В тимпане восьми лепестковая розетка. Язык болгарский, шрифт куфи вре-
занный. Обнаружено в 1957 году, опублико-
вано по фотографии А. П. Смирнова. Эпитафия
утеряна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юсупов, 1967, с. 9.
2. Хакимзянов, 1978, табл. 28 (фото, текст, пе-
ревод, транскрипция, примечание).

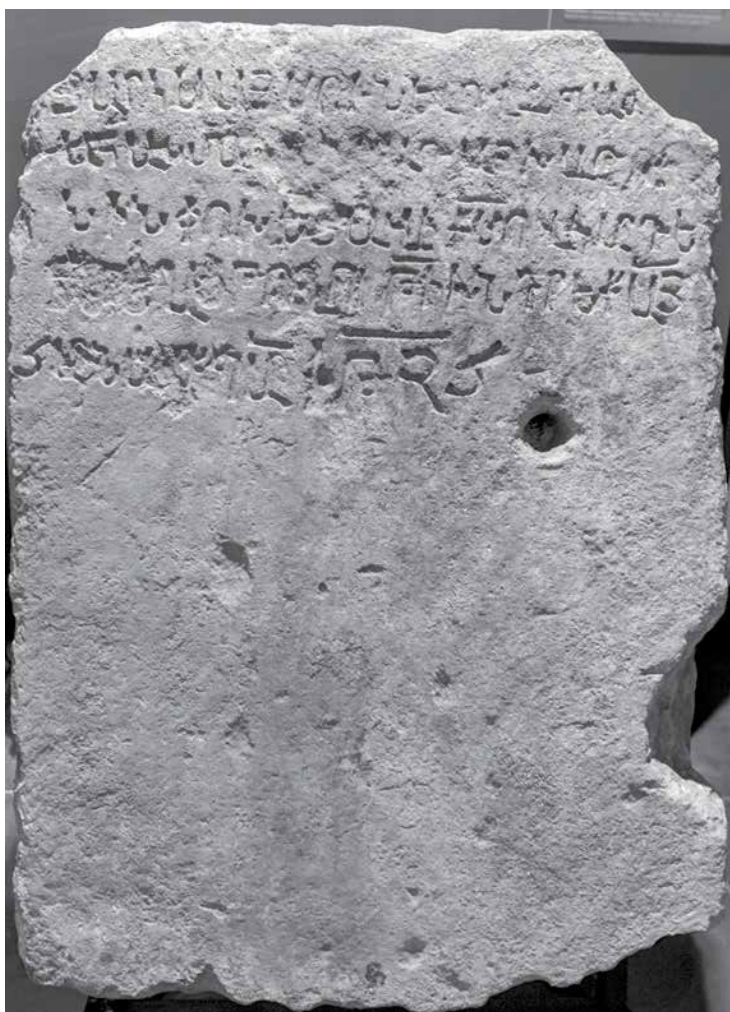

Рис. 342. Армянская эпитафия 1321 г.

88. Армянская эпитафия. Рис. 342.

Материал: серый известняк.

Дата: 1321 г.

Описание: размер 24 x 70 x 96. Надпись простой врезанный состоит из пяти строк. На боковых частях и на обратной стороне надписи или орнамента не имеется. Находится в экспозиции Музея Болгарской цивилизации.

Текст по Березину: гробъ этот заключает честное тело Сары госпожи, которая перешла ко Христу. Вы, которые прочитаете это, просите у Бога прощения грехов ея. ...господин Аванъ. Год 770.

ЛИТЕРАТУРА

Броссе, 1862.

И. Н. Березин, 1852.

С. М. Шпилевский, 1877, с. 253.

Встреча в Болгаре, с. 74. Фото.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Машинописный текст статьи Г. В. Юсупова «Эпиграфические памятники Болгарского городища» хранится в Институте археологии РАН Ф. Р-2. Д. 2015.

В статье 20 машинописных страниц плюс три страницы копии с Петровского списка. Арабо-графический и латино-графический тексты написано от руки. В тексте много исправлений. Ссылки на литературу и небольшие комментарии сделано постранично. При перепечатке для удобства они мною были внесены в основной текст. У Г. В. Юсупова нечитаемая часть текста обозначено многоточием, разрушенная, но читаемая часть текста обозначено квадратными скобками (у меня обычные скобки).

Г. В. ЮСУПОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

Эпиграфика Болгарского городища в основном состоит из мусульманских надгробий XIII–XIV вв., исполненных на арабском и болгарском языках, причем последний представлен двумя разновидностями древнеболгарским и новоболгарским языками. Ныне в свете новых археологических данных стало возможным наиболее достоверно объяснить это явление существованием на болгарской территории в основном двух тюркских компонентов: пришедших из Приазовья болгар и тюрок, проникших на Среднюю волгу из пределов Средней Азии и Западной Сибири. Археологически это подтверждается наличием соответственно Б. Тарханского и Танкеевского могильников VIII–X вв. и им подобных других памятников. Каких-либо других значительных эпиграфических памятников не приходится отмечать. Однако, помимо надписей на мелких вещах и обломках керамики, известны фрагменты строительных надписей на изразцах и камне.

Изучению этих памятников и история исследования их посвящена большая литература, и нет возможности здесь из-за ограниченности размера данной статьи сделать сводку.

Поэтому ограничимся лишь освещением некоторых ее сторон, в основном, того нового, что сделано за последнее время. Это, в первую очередь, обнаружение в архиве московской копии с известного списка болгарских надписей, составленного при Петре в 1722 г., сгоревшего в пожаре 1815 г. в Казани. Снятие копии с указанных эпитафий было началом изучения болгарской эпиграфики, почему событие это высоко оценено академиком И. Ю. Крачковским, который писал: «Значение сохранившихся на Востоке традиций Петр сумел оценить для чисто научных предприятий, тоже впервые осуществленных при нем» (Крачковский, 1950, с. 41).

Он же писал: «Инициатива исследования восточных надписей в России принадлежит Петру I... ему мы более обязаны... сам Петр I в 1722 г., когда его проницательные взоры были прикованы к Востоку, обратил внимание на надписи в Булгаре и приказал их списать казанскому губернатору» (Крачковский, 1949, с. 272).

Поэтому было бы ошибкой считать явление это в ту пору случайным увлечением. По приказу Петра I впервые были списаны и переведены 50 текстов надгробий с Болгарского городища ахунотом Кадыр-Мухаммедом, сыном Сюнчелеевым и слободским переводчиком Юсуфом Ижбулатовым. С этого списка переводы на русский язык трех армянских и 47 мусульманских эпитафий были приведены в «Донесении подполковника Свечина о древностях, найденных им в Булгарах», что было им впоследствии опубликовано (Сборник). После они были опубликованы и Лепехиным (Лепехин 1771, с. 271–283).

Следующая публикация их была сделана Ю. Клапротом (Клапрот 1831), для чего в 1805 г. через графа И. Потоцкого была снята копия с указанного списка, находившегося в Казанском губернском архиве. По поводу этой копии П. Ф. Эрдман в своей публикации 1832 г. упомянул вслед за Клапротом: «По сей, впрочем, весьма дурно сделанной копии, хранящейся теперь в государственном архиве в Москве последний (т. е. Клапрот Г. Ю.) составил свои подлинники на татарском и арабском языках и к ним перевод на французском» (Эрдман, с. 1219).

Таким образом, ныне обнаруженная Московская копия есть копия с Казанского списка оригинала, составленного по приказу Петра I. Последняя публикация этих текстов в XIX в. была сделана И. Березиным, с публикации Ю. Клапрота (Березин, 1852, с. 100-145). Документ этот представляет из себя 17 стандартных листов (21 x 32) с текстами исполненных черными чернилами 50 эпитафий и переводом их на русский язык. Первые три надписи армянские, остальные 47 болгарские эпитафии I и II стилей, исполненных скорописью. На каждом листе отпечаток печати «Библиотека Московского Главного архива Министерства иностранных дел». Список этот был передан в ЦГАДА в числе Главного Московского архива Министерства иностранных дел в 1925 г. Потому, естественно, С. Е. Малов не мог, «будучи в 1929 г. специально командирован для этого в Москву, от Туркологического кабинета АН СССР, получить за не разысканием в б. (бывшем. – Д. М.) Архиве Министерства иностранных дел Московский список сборника болгарских надписей времен Петра I» (Малов 1947, с. 38). Стало ясным ныне, что Свечин в своем переводе текстов, имея в руках Казанский список, отметил имена первых переводчиков (Сюнчелеев и др.), а также имеющиеся боковые пометки хронологического порядка, например: сбоку помечено «оному камню 460 лет», сбоку помечено «оному камню 557 лет», так для каждого текста. Ничего этого мы не видим на Московском списке, что лишний раз свидетельствует о позднем его происхождении. Поэтому, естественно, Ю. Клапрот не знал из представленной ему копии имен переводчиков, что видно из его слов. «В самом деле, когда я сам возвратился из Кяхты в СПб, гр. (граф. – Д. М.) Потоцкий передал мне желаемую копию. К несчастью, она была сделана кем-то, совершенно не знающим языков и письма надписей. Только с большим трудом и после усидчивого труда я достиг до возможности прочитать арабские и турецкие надписи» (цитируется по С. М. Шпилевскому). Из вышеприведенных слов П. Ф. Эрдмана была видна та же оценка качества списка. Кроме того, он отметил как «весьма дурной перевод» и перевод, помещенный в публикации

И. Лепехина (Эрдман. Указанное соч., с. 1219). То же самое повторил слепо в своем труде Н. И. Ашмарин, не видя совершенно саму копию (Ашмарин, 1902, с. 68). Однако, едва ли можно с этим согласиться. Палеографически список вполне читаемый, за исключением упрощенности в отдельных местах, тексты их вполне понятны, но есть в них пропуски, сокращения, неправильные чтения отдельных слов. Непонятны были переписчикам и слова даты эпитафии II стиля, которые были разгаданы много позже Х. Фаизхановым. Эти недостатки были неизбежны, ибо строгой научности в подходе к текстам со стороны переписчиков мы не вправе требовать. Некоторые уцелевшие ныне эпитафии из списка дают возможность сравнить их и оценить, по существу, труд переписчика. Например, сопоставление эпитафии № 18 (по списку) с публикацией ее (находящейся ныне в фундаменте церкви) Н. Ф. Катановым указывает на незначительность погрешностей (Катанов, 1921, с. 54-55). Хочется сказать, что переписчик Кадыр-Мухаммед сын Сюнчелеев был в какой-то мере искушенным в чтении указанных эпитафий. Еще за десять лет до списания их его имя упоминается дяком Андреем Михайловым в его «Выписи с Менеевых книг, составленной в 1712 г. ...», где встречаются предания, записанные со слов татарского ахуна Кадыр-Мемета (Дмитриев, 1889, с. 6). Предания эти относились к сохранившимся болгарским зданиям. Очень возможно, что он имел какое-то отношение к Булгарскому городищу, мог быть хранителем, подобно тому, как о себе сообщает татарский поэт XVI в. Мухаммедьяр (Древнетат. литература, с. 359). О жительстве там другого поэта-суфия XVII в. по имени Мяуля Колый нам также известно из его же произведения. Согласно их сообщениям, казанцы жили у Казанских ворот Булгара. Очевидно, с падением Булгара как столицы, жизнь там, хотя и не ключом била, но у мавзолеев его по сложившейся традиции продолжали жить духовные люди, дервиши. Быть может, ранним свидетельством этого являются вскрытые в 1966 г. экспедицией ТАССР А. П. Смирнова помещения (худжры) вокруг Черной палаты. Это была своего рода «охрана» (как сами эти поэты называют)

святынь предков. С другой стороны, это была доходная статья духовенства, кормившегося там за счет памятников. А их было много, ибо это помимо культурного, экономического был и духовный центр. «Мне сообщили, – пишет А. Дмитриев, – что в Болгары ездят на поклонение не одни казанские татары, но и жители многих, иногда отдаленных губерний, и даже приезжали азиатские» (Дмитриев, 1889, с. 3). Естественно, такой наплыв паломников требовал наличия персонала духовного обслуживания. Подобного рода персонал там был до недавнего времени (Древнетатарская литература, с. 282). Таким являлся и Кадыр-Мухаммед сын Сюнчелеев XVIII в. Сегодня мы должны отдать себе отчет, что благодаря только составленному им списку, пусть и с погрешностями, имеем представление о тех эпитафиях, которых нам время не сохранило в целости. Однако, в изданиях Клапрота, Эрдмана и Березина впоследствии также вкрались разночтения, в основном, из-за неправильного чтения списка Клапротом. Есть и у него пропуски имен. В одном случае пропущено подряд два имени (№ 27 списка). Есть случай приписки слов к дате (№ 29). Неточностей этих достаточно много, что видно из приводимой таблицы. Но прежде этого пару слов о кладбищах Болгара.

Все эпиграфические памятники Болгара, по-видимому, были сосредоточены на кладбище у Малого Минарета, где находятся и остатки «Ханской усыпальницы». Это было кладбище болгарской знати, где, возможно, даже хоронили представителей феодальной верхушки и из периферии. В преданиях оно называется «ханским». Одним из атрибутов его, по-видимому, был Малый Минарет, что принято считать остатком мечети. Однако, Али Рахимом была высказана о нем мысль как о «женаза минарасы», буквально «панихидный минарет», служивший для оповещения населения о предстоящих похоронах, что было в обычае у татар (Али-Рахим, 1914). Едва ли на другом большом кладбище Болгара – кладбище рядовых (Бабий бугор) – могли быть хорошо отделанные палеографически стильные эпитафии. Что касается судьбы многих этих эпитафий, то значительная часть их бесследно пропала. Многие были использованы как строительный

материал для строительства церкви в 30-х годах XVIII в. Здесь ими выложена часть пола, амвон. Многие использованы для облицовки фундамента церкви.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ЧТЕНИЯ ЭПИТАФИЙ

По списку 38 الا جل بالا نوار و الا سار

По Эрдману الا حد بالا نوار في الا برار

По Клапроту XVI الا جل بالا نوار في الا برار

(Поскольку у Березина повторение Клапрота, написание его здесь не приводится).

.....
По списку 39 اسما عيل رحمة الله تعالى عشر في شعبان سنة في
الله

По Эрдману 43 اسما يل رحمة الله تعالى عشر شعبان سنة
السابع

По Клапроту XVIII اسما يل رحمة الله تعالى عشر شعبان سنة
السابع

.....
По списку 43 ايح

По Эрдману 8

По Клапроту VIII ابي

.....
По списку 44 رحمة الله تعالى

По Эрдману 17 رحمة تعالى

По Клапроту XVII رحمة تعالى

.....
По списку 45 وفات بلكو

По Эрдману 19 وفاتي بلكو

По Клапроту XIX وفاتي بلكوسى

.....
По списку 46 احمت اسما عيل ايح

По Эрдману 20 احمد اسما يل اي

По Клапроту XX احمت اسما يل اي

.....
По списку 47 شهم حواجه بلكوسى

По Эрдману 21 شهم حواجه يوسف بلكوسى

По Клапроту XXI شهم حواجه يوسف بلكوسى

.....
По списку 49 ووكر جلبى حواجه احمد زنارتى

По Эрдману 23 ووكر جلبى اول حواجه احمد زنارتى

По Клапроту XXIII ووكر جلبى اول حواجه احمد زنارتى

.....
По списку 50 امش

По Эрдману 24 ا رمش

По Клапроту XXIV ا رمش

.....
 حنرالو ارس حسن يوارئ اول اترج يوارئ اول 24 По списку
 محمد

По Эрדману حنرالو ارس حسن يوارئ محمد
 По Клапроту IX محمد

.....
 По списку 8 ممك
 По Эрдману 1 فل
 По Клапроту II فل

.....
 По списку 9 محمد
 По Эрдману 2 محمد

.....
 По списку 17 المطهرة العابدة
 По Эрдману 31 المطه
 По Клапроту XXXI المطهرة

.....
 По списку 18 يونس
 По Эрдману 46 يوسف
 По Клапроту XLVI يوسف

.....
 По списку 20 اللطفه المستورت
 По Эрдману 44 السلطنة الستو
 По Клапроту XLIV السلطنة المستورت

.....
 По списку 26 وفاتئ بولمش تارئخفا
 По Эрдману 27 وفاتئ بولمش تارئختا
 По Клапроту XXVII وفاتئ بولمش تارئختا

.....
 По списку 27 محمود
 По Эрдману 11 محمد
 По Клапроту XI محمد

.....
 По списку 28 الحكم الله العلى
 По Эрдману 14 الحكم الله تعالى
 По Клапроту XIV الحكم الله

.....
 По списку 29 حيات حور
 По Эрдману 36 حيات حمس و سبعمائو
 По Клапроту XXXVI حبات حمس و سبعمائو

.....
 По списку 31 رحمة الله تعالى عليه
 По Эрдману 13 رحمة الله عليه
 По Клапроту XIII رحمة الله عليه

.....
 По списку 32 سا جد تاريحقا يكرمي اوجد ايردي
 По Эрдману 25 سا جدة تاريحتا يكرمي اوجد ايردي
 По Клапроту XXV سا جده تاريحتا يكرمي اوجد ايردي

По списку 33 بجا مع فيعين
 По Эрдману 37 محا مع في شهر
 По Клапроту XXXIV محا مع في شهر

.....
 По списку 35 مومن مو حسن بطان
 По Эрдману 45 مومق مومن حسن نطار
 По Клапроту XIV مومق مو حسين نطار

.....
 По списку 36 هذا الحامس
 По Эрдману 37 هو الحمس
 По Клапроту XXXVII هو الحمس

.....
 По списку 42 و كل حي سواه سيموت رحمة الله تعالى رحمة و ا
 По Эрдману 16 و كل حي سيموت رحمة الله تعالى عليه رحمة
 واسعة
 По Клапроту XVI و كل حي سيموت رحمة الله تعالى عليه رحمة
 واسعة

.....
 По списку 34 رحمت اول مومينقي بر فاتحه اوح احلاص
 سور هسين اوقسه
 По Эрдману 28 رحمت اول مومينقد بر فاتحه اوح احلاص سورة
 مستمين اوقرا
 По Клапроту XXVIII رحمت اول مومينقد بر فاتحه اوح احلاص
 سورة مستمين اوقرا

.....
 По списку 41 و المعفرة ببض و حمها يوم الساعة في الحادر در
 العشرون من شهر
 По Эрдману 42 و المعفرة في الاحد و عشرين من شهر
 По Клапроту XIII من شهر و المعفرة في الاحد و عشرين

.....
 По списку 23 سوار يالي حواجه علي حواجه اول اترج
 По Эрдману 7 سوار يالي حواجه اول علي حواجه اول اترج
 По Клапроту VII الحكم الله سوار يالي حواجه اول علي حواجه
 اول اترج

Профессор П. Ф. Эрдман полностью повто-
 рил публикацию Клапрота. И. Березин же, от-
 нсясь критически к публикации Клапрота, в
 сравнении с публикацией И. Лепехина многие
 расхождения (и пропуски) со списком отра-
 жает в сносках своего труда. Хотя он и не ви-
 дел списка эпитафий, но, судя по Лепехину и
 ориентируясь в общей традиции болгарской
 эпиграфики, вполне представлял себе, на-
 сколько были искажены тексты у Клапрота.
 Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить-
 ся к сноскам в его труде. Однако, приводя тек-
 сты, он в то же время строго придерживался
 публикации Клапрота. Лишь в одном И. Бере-
 зин не прав – в поправках древнеболгарских

числительных, **حيات جور**, которые в то время не были правильно поняты, их ошибочно принимали за монограммы. Поэтому только остались незамеченными им слова даты древне-булгарских числительных эпитафий № 23 (по Березину VIII, с. 103), расположенные не по порядку, из-за непонятности переписчику.

سكر جال جما دي الاول تاريخ حيات جور
вместо
تاريخ حيات جور سكر جال جما دي الاول

После всего сказанного считаю уместным дать некоторые тексты эпитафий Булгарского городища (фото этой эпитафии получено было от профессора А. П. Смирнова. За это, а также и другие факты содействия в этом отношении выражаю ему свою признательность).

1. الحكم الله ياكوج
2. يوارى اول محمد
3. يوارى
4. حوم بلويك ر
5. حمة الله تاريخ حيات
6. ئ حور رجب
7. ايح ون بر ات
8. عليه رحمة و اسيعه

1. Верховный суд принадлежит богу. Иакуч.
2. Ювари сын Мухаммед
3. Ювари
4. ... памятник, да будет
5. милость бога над ней милостью
6. обширного. По летоисчислению в семь
7. сот... раджабе
8. месяце одиннадцатого было.

Эпитафия из фундамента церкви, по-разному прочитанная рядом исследователей и не вошедшая в список. И. Березин дает чтение только одной половины текста ее, ибо другая была в земле (Березин, с. 128). Н. И. Ашмарин поправил несколько слов из даты ее (Ашмарин, с. 86). В 1948 г. по фотоснимку дал публикацию С. Е. Малов (Малов, 1948, с. 46). Еще раньше был он зафиксирован Эпиграфической комиссией при Институте языка, литературы и истории КФАН СССР (в составе: Н. Ф. Калинина (председатель), С. Е. Малова, Л. З. Заляя, А. Б. Булатова).

ЧТЕНИЕ И. БЕРЕЗИНА

1. الزى لا
- ال اراحي...
- سع فوا
4. فيفه زاهده
5. ك ر حمة ا
6. حة و اسعة
7. حو و وطد جار
8. عو .

ЧТЕНИЕ ПРОФ. С. Е. МАЛОВА (ПЕРВЫЕ ДВЕ СТРОКИ ОН ОСТАВИЛ БЕЗ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

1. هو الحى الذى لا يموت
2. مون بلر حالاي احي
3. يوارى ايليو سف دا
4. ري هير عفيفه زاهده
5. طهر رحمة
6. الله عليها رحمة و اسعة تار
7. ريح حيات جور ووطر جال
8. ربيع الاول ايح

ЧТЕНИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1. هو الحى الذى لا يموت
2. مورباى حالالى يوسف
3. يوارى اولى يوسف يوار
4. دي هير عفيفه زاهده
5. بلويكى رحمة
6. الله عا رحمة واسعة
7. تاريخ حيات جور ووطر جال
8. يتى دا ربيع الاول

Перевод: Афифия Загиде, дочь Юсуфа Ювара, жена Мур - бая, Сын Юсуфа Ювара.
дата: Раби 730 года Хиджра.

ЧТЕНИЕ МОЕ

1. هو الحى الذى لا يموت
2. مون بلره بلم ار احمد
3. يوارى اول يوسف يوا
4. ري هير عفيفه زاهده

5. كوهر بلويكي رحمة
6. الله عليها رحمة و اسعة تار
7. يح حيات جور ووطر جال
8. ربيع الاول ايح تورار

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который не умирает.
2. Мин-Булярского Балимарца Мухаммеда.
3. Ювари сына Юсуфа Юва-
4. рия дочь Гафифэ-Захиде
5. Кохра, (ее) памятник, да будет милость бо-
6. га над ней милостью обширного. По лето-
7. счислению в семьсот тридцатом году
8. в Раби I месяце.

Основная ошибка в чтении других произо-
шла из-за непонимания значения слов Мон -
Буляр и Балимар, о чем скажем ниже.

Среди эпитафий I стиля много случаев, ког-
да весь текст исполнен на арабском языке, но
очень мало (всего было известно два случая:
Юсупов, 1960, табл. 12, 15), исполненных цели-
ком на ново-булгарском языке, близком к язы-
ку казанских татар. В последнее время нам уда-
лось находящихся в фундаменте церкви еще
одну такую. Сильная обветшалость ее не при-
влекала интереса к публикации, ибо она труд-
но читаема. В списке она значится по № 34.

ТЕКСТ ПО СПИСКУ

1. هوالحي الذي لا يموت
2. ربيع الاحر اينك اون سكزند تاريح يتي يوز
3. اوتوز تورندا اردي رحمة اول مومن قا
4. بر فاتحه اوح احلاس سوره سين اوقسا

ТЕКСТ ПО КЛАПРОТУ

1. هوالحي الذي لا يموت
2. ربيع الاحر اينك اون سكزند تاريح يتي يوز اون تورندا اردي
3. رحمة اول مومن قا بر فاتحه اوح احلاس سورمست سين اوقرا

ЧТЕНИЕ И. БЕРЕЗИНА (УКАЗ. СОЧ., СТР. 109-XXVIII, 125)

1. عليه سر عليه رحمة واسعة
2. ن دا ربيع الا حر اي نيك اون
3. ي يوز اوتوز تورندا
4. ه مومين بر فاتيح ا ور

ЧТЕНИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (АЛЬБОМ БУЛГАРО- ТАТАРСКОЙ ЭПИГРАФИКИ, № 214)

1. هوالحي الذي لا يموت
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...
6. ...
7. ...
8. ...
9. ربيع الاحر اينك اون سكزند
10. تاريح يتي يوز اوتوز تورندا اردي
11. رحمة اول مومن قل جر فاتي ارواحلدر
12. مستسين اوقوا

Как видно, чтение это является повторени-
ем Клапрота с ошибочным добавлением в кон-
це текста слова مستسين

ЧТЕНИЕ МОЕ:

1. هوالحي الذي لا يموت
2. يكتلار كوركى كونك اوزكى عالمالار
3. الارني حير
4. لارني شفقت بر لا اسراعان
5. او علي
6. قرق ياشنده
7. حمتي
8. ب فدين اعرا ض قليب احرت سراي نا
9. اولانعاندا ربيع الاحر اينك اوليندا
10. تاريح يتي يوز اوتوز تورندا اردي
11. رحمة اول مومن قا كم بر فاتحه اوح
12. قبر يسين اوقي سا

1. Он живой, который не умирает.
2. Краса молодцов /сердце сердец/, Ученых.

3. ... и им / благодействовавший/
4. их содержавший своей милостью
5. сын
6. сорока ле/т/
7. милостью
8. отрешившись от мира дворец конечной жизни
9. обрета в месяц Раби-II в на/чале/,
10. по летосчислению в семьсот тридцать четвертом /было/
11. да будет милость тому правоверному, который прочтет молитву-однажды суру вступительную (فاتحه), трижды суру чистого поведения (احلاس).
12. на могиле его.

В 1964 г. экспедицией профессора А. П. Смирнова в северо-западной части фундамента церкви была вскрыта эпитафия I стиля, находящаяся в списке под № 21.

ТЕКСТ ПО СПИСКУ (ТАБЛ. 2)

1. هو الحي الذي لا يموت
2. هزه روصه المستورة المجمله المطهرة الطيفة
3. الشريفه شمر ملك بنت جعفر اعا اللهم ارحمها
4. رحمة و اسعة والكرمها بالغ و العفوة قدس الله تعالى
5. روحها توفيت الي رحمه الله ا تعل في الحشر شهر رمضان
6. سنه اثني و اربعين و سبعمائة

ЧТЕНИЕ МОЕ

1. هو الحي الذي لا يموت و كل حي سيموت
2. هزه روصه المجطاه المطهرة
3. الطهفة الشريفه شمار ملك بنت جعفر اعا
4. الا فري كنجي اللهم ارحمها رحمة و اسعة
5. و اكرمها بالعفو العفوة قدس الله
6. روحها و صرنحها توفيت الي رحمه الله
7. تعلي في شهر رمضان سنة اسني و اربعين
8. رحمه اول مومين قا فاتحا
9. سورسن اوقسا

1. Он живой, который не умирает и все живущее умрет
2. этот сад... прекрасной, чистой. милой, благородной Шамар-мелик, дочери Джафар-Ага
4. Ал-Африканджи. Боже мой, помилуй ее милостью своей [милостью широкой/,

5. Чти же ее своим благодеянием. Да сделай бог единый святою
6. ее душу и ее могилу. Предалась
7. милости бога всевышнего в ... месяце рамазана, года семьсот сорок втором,
8. милость тому правоверному, вступительную
9. суру который прочет.

В свое время И. Березин, помимо копии, отметил, будучи в Болгарах, саму эпитафию в фундаменте церкви «с западной стороны влево от церковных дверей», наполовину выступающую из-под земли (Березин, с. 117, 123). После этого она оказалась совершенно занесенной землей. Только в 1965 г. была вскрыта Археологической экспедицией профессора А. П. Смирнова.

ПО СПИСКУ № 35 (ТАБЛ. 3)

1. هو الحي الذي لا يموت
2. هزه روصه الكبير الكرم
3. الا عز الا حص الكرم الامد
4. الا شريف و مر بن المقوي
5. الصعفا احمد جاجي بن مومن كويك
6. ابن موحشي بسان البلعاري
7. اللهم رحمها رحمة واسعة و اكرمه
8. بالعفو والمغفر في التاسع و
9. العشرين من شهر الله الاحر
10. سنه عشرين من و سبعمائة

ПЕРЕВОД

1. Он живой, который ...
2. Эта великая могила ... почитаемого...
3. Могущественного, особенного, почетного, достойного почестей,
4. Благородного и воспитателя ..., опоры
5. Слабых Ахмад-хаджи, сын Му, мин Куяк,
6. Сын Мухши Базан ал-Булгари
7. Боже помилуй (его) милостью обширного и почитанием
8. Чти же его своим благодеянием. Двад-
9. цать девятого благословенного богом месяца (в конце)
- Года семьсот двадцатого.

В завершение несколько слов об этнонимах, встречающихся в эпитафиях. В этом отношении они являются важным источником для изучения этнического состава Булгарского государства (чему посвящена наша работа «Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник к вопросу этногенеза казанских татар», сокращенный вариант которой был прочитан на юбилейной сессии, посвященной 50-летию Великого Октября, Казанского института языка, литературы и истории АН СССР в октябре 1967 г.).

Нами в булгаро-татарских эпитафиях зафиксированы следующие этнонимы: катый, табын, мин, балимар, татар, куюк (куяк), арым (урюм), суван, сувар, болгар, туркмен, ашлы, мухшы, ар(ары), буляр, кердар (корди), абак (афак), и др. Естественно, наиболее часто встречаются этнонимы болгар, сувар – основные племенные образования Булгарии. В то же время все указанные этнонимы выражены в топонимике ТАССР, что свидетельствует о не случайности их в эпитафиях. В приведенных текстах зафиксированы следующие этнонимы: بلغار (болгар), الافركانجي (ал-Африкенджи), موحشي (мухши), كويك (куяк), بسان (базан), مون بلر (мон-буляр), بالم اره (балимар).

Этноним «африканджи» очень заманчиво сопоставлять с названием континента, однако по-арабски это произносится اعر نيفره.

Возникает и такое предположение – не образовано ли это слово с окончанием نحس суффиксом профессии, персидским افرع – житье, африканджи – литейщик. Интересен предпоследний текст, содержащий четыре этнонимических термина: Ахмад-хаджи, сын Муми куюк, сын Мухшы Базан ал-Болгари. Ахмад и Мумин здесь собственные имена. Куюк – этноним. В виде «коек» этого названия много в топонимике и гидронимике ТАССР. «Кюйек» как этноним имеет место среди тюркских народов – у алтайцев, киргизов, казахов, тувинцев. Нам самим пришлось зафиксировать его в селе Куюки Алексеевского р-на как этноним. Этнонимический характер его вытекает из наличия у татар такого названия джиена, а джиен – это пережиток родоплеменной организации татар. «Мухшы», употребленное в качестве собственного имени, что нередко на-

блюдается в булгарских эпитафиях, является известным этнонимом. Как собственное имя, он трижды зафиксирован в эпитафиях XIV в. Факт этот, помимо археологических (в работах А. П. Смирнова (с. 66), А. М. Ефимовой (с. 150), А. Х. Халикова) и этнографических данных (в работе Р. Г. Мухаметовой), говорит о тесных этнических взаимоотношениях тюрок края с мордвой. Насколько глубоко зашли эти взаимоотношения, говорит факт наличия в Заказанье и на севере Правобережья Волги названия джиена «Мухшы-тау». Все это говорит о сильной степени отторжения мокши.

Что касается بسان «базан», то значение его может быть объяснено по-разному. «Базан» в говоре ульяновских мишарей «речка», «овраг», «суходол». База – левый приток р. Белой в пределах Сев. зап. Башкирии, «Бузан» – упоминается в письме хазарского царя, река на западной границе Хазарии (Коковцев 1932, с. 132). Л. Н. Гумилев с этой рекой отождествляет «Дон» (Гумилев, 1966, с. 18). В описании Болгарского городища И. Савенкова в XVIII в. упоминается «озеро еган Базан» (Шпилевский, с. 574). Название это Н. И. Ашмарин склонен толковать, исходя из чувашского «васан» – лощина и «йохан» – текущий (йух, йох – течь), т. е. проточная ложбина (Ашмарин, с. 52-53). В татарских селах нами зафиксированы родоплеменного характера термины «бази» и «пазый» (бэзи нэселе, пазыйиыклар – роды бази, пазый). Подобно этому название «базан» носило одно из родовых подразделений башкир (Кузеев, с. 5). Согласно же А. И. Ярхо – база – название улуса сагайцев (Ярхо, с. 19). Возможно, оно связывалось с известным летописным «басов». Таким образом, этнический характер его не оставляет сомнения.

В «Мон-болэр балимар» – два этнонима. Первый Мән-Буляр – двойной этноним, переводимый «Минский Буляр», т. е. мы имеем здесь общетюркский этноним «мин». Подобные этнонимы имеются у башкир – ногай – мин, кыркеле-мин и др. Согласно объяснению Р. Г. Кузеева двойных этнонимов, первый из них обозначает племя, а второй – род (Кузеев, с. 69). Что касается «Балимар», то, очевидно, здесь мы имеем название родового подразде-

ления, в частности, осколок летописного Балымат, центром которого, возможно, было городище у с. Балымер. И подобный топоним не единственный в ТАССР.

Балым, как этноним, известен и из летописи: «... улусы татарские... жители великие реки Камские и Уфа и прочих рек разноразличные кохары и балыми...». После всего этого не остается сомнения в этническом характере «балимэр» и на нашей эпитафии.

Известна популярность ранее в нашем крае имени святого Белым-хаджа (Маулен-Хозя), Балым-Газя, якобы похороненного на мусульманском кладбище Биляра «Хужалар-тавы» у татар и почитаемого местным населением: татарами и православными – русскими, чувашами, мари, мордвой и удмуртами. Татары ходят сюда по средам, а православные в день 9-й пятницы. Причем, последние почитают святой ключ, который после завоевания края православным духовенством объявлен «святым» в угоду колонизаторской политике самодержавия, т. е. мусульманский культ был использован православным духовенством. Однако, по словам его исследователя, татарского поэта XVII в., Мияля Коляя, Балым-ходжа жил в Болгаре и похоронен там же (Древнетатарская литература, стр. 482). Есть версия, что он выходец из Средней Азии (Саади, с. 155).

Описывая болгарское кладбище у Билярска, Н. П. Рычков отмечает: «Сие кладбище называют здешние жители «Балын-гус» (Рычков, 1770, с. 21).

В своей книге Н. И. Ашмарин излагает о нем так: «В дошедшем до нас отрывке из одной татарской челобитной 1677 г. имя... Балын-гузя и о нем в ней сочинена басня, называющая его царем басурманского булымерского города за Камой-рекой» (Ашмарин, с. 20).

Из выписи 1624-26 гг. (Симбирский сборник) Н. И. Золотницкий приводит, наряду с Балын-газя – «князь болгарского города Булымера (Малымера) или Балымата, похороненный

татарским ханом Сафагиреем близ Билярска на горе Балын-гуз», имя Балонгоз – Ногаев – «Буртас подобный татарин (Золотницкий, с. 156).

Мы не пытаемся сопоставлять это имя с именем из нашей эпитафии, для этого нет достаточных оснований, было бы преждевременно и утверждать, что это болгарский проповедник. Однако это очень популярное ранее в крае имя как мусульманского «святого». Популярность его, скорее всего, явление, позднее связанное с появлением на этом месте, у Билярска, православной «святыни», потеснившей мусульманского «святого». Общеизвестно обожествление той или иной личности – явление, связанное с социальными причинами, усилением классового гнета, когда угнетенные массы обращаются за помощью к земным богам – «святым», не дождавшись ее от небесного. И потому ошибочно, лишь только на основе популярности среди чуваш этого имени строить из этого аргумент к болгарскому происхождению чуваш (Денисов, с. 64). Популярность его среди всех почти народов края – это, прежде всего, результат усиления классового гнета русского самодержавия не только в сфере экономики, но и в духовной жизни. Массовое насильственное крещение – вот что вызвало паломничество народа к мусульманскому «святому», в протест против духовного угнетения православным царем ранее бывших под властью мусульманского Булгарского государства широких в этническом отношении некрещеных масс. Вот причина усиления культа мусульманских святых вообще в крае, особенно в XVI и XVIII вв., когда крещение сопровождалось массовым разрушением мечетей и других мусульманских святынь. И неудивителен потому огромный масштаб паломничества сюда с жертвоприношениями в честь Балын-хожда.

Таковы, в основном, некоторые данные об эпитафических памятниках Булгарского городища – столицы волжских болгар.

(Подпись от руки): декабрь 1967 г. Кандидат исторических наук Г. Юсупов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. Казань, 1902.

Али Рахим. Развалины Болгара. // «Ан», 1914. № 15.

Березин И. Булгар на Волге. // Ученые записки Казанского университета, 1852. С. 100-145.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Дмитриев. Древний Булгар и татарские о нем предания. Известия Об-ва АИЭ. Т. VII, Казань, 1889.

Древнетатарская литература. Казань, 1963, с. 359 (на тат. яз.).

Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре. МИА-80, М., 1960.

Золотницкий Н. И. Алфавитный список исторических инородческих имен, встречающихся в исторических и юридических актах и служащих к объяснению названий населенных местностей Казанской губернии. Труды IV археологического съезда, т. I.

Катанов Н. Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Казанский музейный вестник, 1921, №1-2.

Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка IX в., Л., 1932.

Крачковский И. Ю. Эпиграфика на арабском языке в России до 1880-х гг. // Сб. «Советское востоковедение» VI, М.-Л., 1949.

Крачковский И. Ю. Очерки истории русской арабистики. М.-Л., 1950.

Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957.

Klaproth M. Notice et explication des inscriptions de Bolghari. Nouveau Journal Asiatique. Paris. 1831. Tome VIII.

Ленехин Н. Дневные записки путешествия. Т. I, Спб., 1771.

Малов С. Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпиграфика Востока, I, М.-Л., 1947, с. 38.

Рычков Н. П. Журнал и дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769, СПб, 1770.

Саади А. Новый материал по истории татарской литературы древней эпохи. // Вестник науч. об-ва татароведения, 1927, № 7.

Сборник Археологического ин-та. Спб, 1879, книга вторая, с. 86-96. Само донесение, оказавшееся в ЦГАДА в 1964 г. было обнаружено сотрудником Мар. НИИ Г. Н. Айплатовым.

Симбирский сборник, т. II, 1870.

Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951.

Сюнчелеев К. Л., Ижбулатов, Васильев.

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Эрдман П. Ф. О надгробных надписях в Болгарах. // «Заволжский муравей», т. III, кн., 21, 1832.

Ярхо А. И. Алтае-саянские тюрки. Абакан, 1947.

3.3. АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО КРЫМА

АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО КРЫМА

Нападения татар на Сугдею в 1223 и 1238 гг. положили начало монгольскому завоеванию и превращению Таврики в одну из основных областей Золотой Орды, после 1443 г. ставшей самостоятельным государственным образованием – Крымским ханством. Важной цивилизационной составляющей данного исторического процесса, отчасти ему предшествовавшей, является оседание на полуострове, преимущественно в Восточном Крыму, при разных обстоятельствах значительного количества малоазийского населения (Смирнов, 2005, с. 53-68). Незадолго до монгольского вторжения в результате похода Хусам-ад-дина Чобан-бея, сельджуками в 1217 г. был захвачен и определенное время удерживался Судак (Мыц, 1999, с. 185-186), а позднее, около 1265 г.,

золотоордынский хан Берке (1254-1266) пожаловал иконийскому султану Изз-ад-дин Кейкаусу «в икта Солхад и Сутак», которыми тот владел в течение почти пятнадцати лет и затем перед смертью (677 г. х. = 1278/79 г.) передал в наследство сыну Гияс ад-дину Масуду (Золотая Орда, 2003, с. 262-263). Хотя данных о топографии расселения анатолийских тюрок в Юго-Восточном Крыму нет, достоверным считается, что вслед за низложенным султаном сюда пришли не только воины-всадники, но и члены их семей, а сами румийцы были поселены вне городов (Крамаровский, 2014в, с. 7). Соотносимые с ними архитектурные памятники пока не известны, но именно в этой части полуострова, включавшей в себя также район современного с. Щебетовка (бывш. Отузы), позднее наиболее ярко проявил себя в архитектурном декоре и каменной пластике художественный стиль, условно называемый сельджукским (Айбабина, 2001, с. 157-179).

Правление Берке (652-665 г. х. = 1254/55-1266/67), первого правоверного хана Золотой орды, было отмечено появлением в Солхате, административном центре региона, и первой мусульманской общины с квартальной мечетью

1263 г., построенной выходцем из Бухары (Книга путешествия, 1999, с. 83). Затем около 1288 г., во время царствования Туданменгу (681-686 г. х. = 1282/83-1278/88) и сменившего его Тулабуги (686-690 г. х. = 1278/88-1291), там же при участии египетских мастеров, направленных султаном Эльмелик-Эльмансуром, возводится еще одна мечеть (Золотая Орда, 2003, с. 167-168), но лишь с приходом к власти Узбека (1313-1342) ислам превращается в государственную религию, а культовое строительство приобретает массовый характер. Наряду с неизвестными здесь ранее мечетями и дюрбе архитектурную среду Таврики разнообразили дру-

Рис. 343. Т. н. мечеть Узбека в г. Старый Крым. Общий вид с северо-востока. Фото И. Ф. Барщевского. 1888-1889 гг. (ГНИМА. Но МПА-1620).

Рис. 344. Северный фасад т. н. мечети Узбека в г. Старый Крым. Общий вид с севера. Фото из архива А. Л. Бертъе-Делагарда. Конец XIX в. (ЦМТ. Симферополь).

гие новые для нее объекты – медресе, караван-сарай и хаммам. В религиозной жизни региона заметное место заняли также суфийские шейхи, как следствие, распространение получили текие и азиы (Абдульвапов, 2006).

Во многом роковым для крымской культуры стал поход Ногая против сторонников Токты в 1298/99 гг. (Мыц, 1997, с. 65-67), который завершился разрушением и последовавшим затем угасанием главного византийского центра Таврики – Херсона, прежнего законодателя архитектурной моды. Одновременно с ним основательно пострадал, по сути прекратив свое существование, целый ряд крепостей и населенных пунктов региона, среди которых был еще один город – Эски-Кермен (Якобсон, 1959, с. 232, 233; Мыц, 1991, с. 73). Должно будет пройти немало времени, чтобы эту потерю не ранее второй половины XIV в. смог начать постепенно восполнять православный Мангуп, впоследствии столица влиятельного государственного образования в Юго-Запад-

ном Крыму – т. н. княжества Феодоро, которое управлялось местными аутентами, имевшими родственные связи с Палеологами и Великими Комнинами (Мыц, 2009, с. 154-155). Архитектура феодоритов в целом сохранила византийские традиции, обогатив их региональными особенностями, характерными для кавказского, малоазийского и ближневосточного зодчества.

Во второй половине XIII–XIV вв. Крым стал убежищем для армян, особенно городских жителей, массово покидавших родину, спасаясь сначала от монголов, а затем персов и

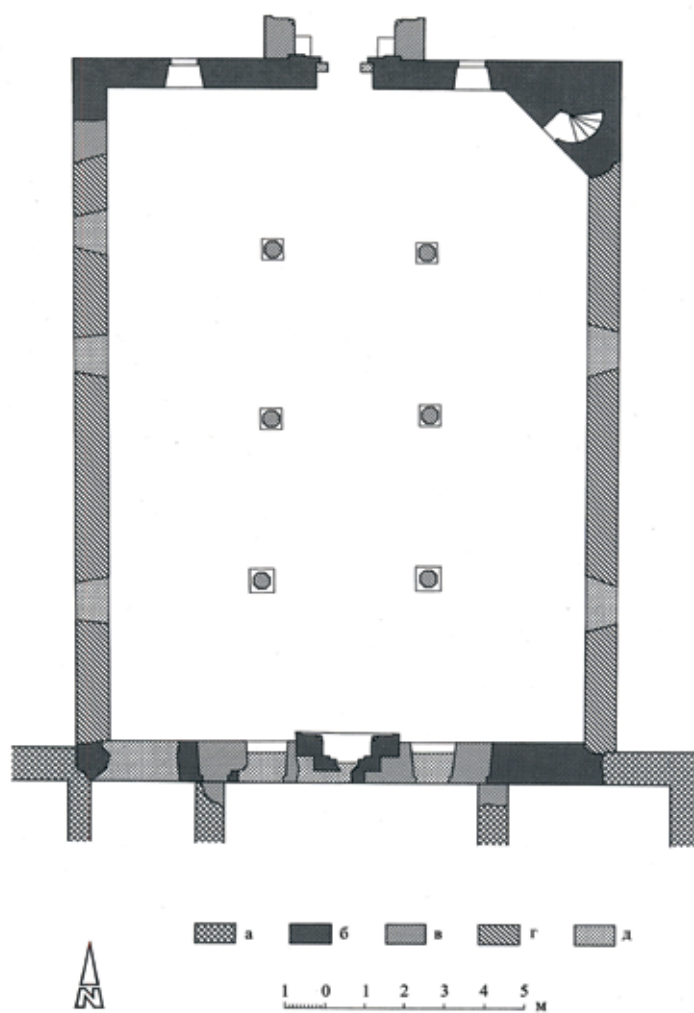

Рис. 345. План т. н. мечети Узбека в г. Старый Крым. Картограмма строительных периодов. Условные обозначения кладок: а – медресе, б – первого строительного периода, б – второго строительного периода, г – третьего строительного периода, д – современных ремонтных дополнений (по Кирилко, 2009, рис. 2).

Рис. 346. Портал крымской мечети Узбека. Общий вид с севера. Автор неизвестен. 1925 г. (БИКАМЗ. Но Ф-77).

туркменских племен. Они обосновались преимущественно в восточной части полуострова, отчасти на золотоордынских территориях, заняв вскоре видное положение в торгово-ремесленной, политической и культурной жизни края. Армянская монументальная архитектура в Крыму обычно следовала родным образцам, хотя и в несколько упрощенном виде, и с теми неизбежными отклонениями, которые были обусловлены применением местных строительных материалов и существованием определенных локальных традиций. Достаточно представительным было также непосредственное участие армянских мастеров в строительной деятельности других этнических групп и конфессий (Якобсон, 1956; 1964; Микаелян, 1971).

Исключительное значение для формирования архитектурной среды Таврики имело ос-

воение крымского побережья венецианцами и лигурийцами. Если попытки первых закрепиться на территории полуострова архитектурными объектами пока никак не обозначены, то генуэзское присутствие в регионе является достаточно весомым и представительным.

В 70-х годах XIII в. была основана Каффа – крупнейший город Северного Причерноморья, главная генуэзская фактория, административный и экономический центр Генуэзской Газарии (Balard, 1978, р. 118). Архитектура начального периода ее существования, от возникновения до 1308 г., когда генуэзцы под давлением татар были вынуждены временно оставить город, в настоящее время в связи с отсутствием каких-либо графических и археологических материалов практически неизвестна. Более или менее предметно о строительной деятельности лигурийцев в Крыму можно судить, лишь начиная с возрождения покинутого ранее поселения, которое осуществлялось в соответствии с нормативными документами – детальным планом восстановления Каффы (Ordo de Caffa) от 18 марта 1316 г. и инструкциями, данными консулу 30 августа 1316 г. Помимо Каффы в XIV–XV вв. генуэзцами на побережье был возведен или основательно реконструирован целый ряд укреплений: Сугдея, Воспоро, Тассили, Луста, Гурзуф, Ялита, Чембало. Латинский этнический компонент привнес в архитектуру региона неизвестные здесь ранее планировочные идеи и формы, передовые фортификационные разработки, органично объединил строительные усилия и проявление культурных традиций греческой, армянской, иудейской и тюркской частей населения (Бочаров, 2000, с. 9-11, 20).

Граница между собственно золотоордынскими землями, располагавшимися преимущественно в степных районах полуострова, и в той или иной степени подвластной им территорией, принадлежавшей генуэзцам и феодалам, условно проходила по горным хребтам и р. Кача, естественным образом отделявшим южное побережье и нагорье от равнинной зоны (Егоров, 1985, с. 46, 56, 87-88; Крамаровский, 2009в, с. 436-448). Формирование архитектурной среды крымского улуса государства Джучи происходило в тесном взаимодействии

всех, обуславливавших его характер, этнических, политических и культурных факторов.

Основные стилевые направления, на начальном этапе определявшие развитие и становление главного компонента строительной культуры региона, а именно, мусульманского зодчества, получили свое воплощение в трех наиболее ранних культовых объектах Солхата¹.

Древнейшая из крымских мечетей находилась в центральной части города, рядом с рынком, и была возведена по приказанию Бея-Хаджи Умара эль-Бухари в месяце зю-ль-када 661 г. х. (= 1262/63 гг.). Данные о конструктивных, архитектурных и декоративных особенностях сооружения неизвестны (Челеби, 2008, с. 168). В самой Золотой Орде, расположенной на окраине мусульманского мира, первые культовые здания, вероятно, начали возводиться также во второй половине XIII в., при хане Берке (1257-1266), который был правоверным и способствовал городскому строительству (Зиливинская, 1998, с. 18).

Сооружение данной мечети именно выходцем из Бухары, возможно, обусловлено тем, что, по свидетельству Ибн Халдуна, Берке принял ислам от жившего там Шемседдина Эльбахерзи, после чего «отправил к нему грамоту с представлением ему полной свободы делать в прочих его владениях все, что пожелает» (Золотая Орда, 2003, с. 170). Примечательно, но и позднее, судя по отдельным историческим эпизодам, золотоордынский Крым продолжал испытывать влияние бухарских духовных наставников и проповедников ислама (Абдулвапов, 2006, с. 141, 142, 143, 146). Есть основание предполагать, что возведение одной из первых крымских мечетей было осуществлено при непосредственном участии мастеров из Средней Азии и, возможно, с использованием характерных для данного региона архитектурных форм и конструкций.

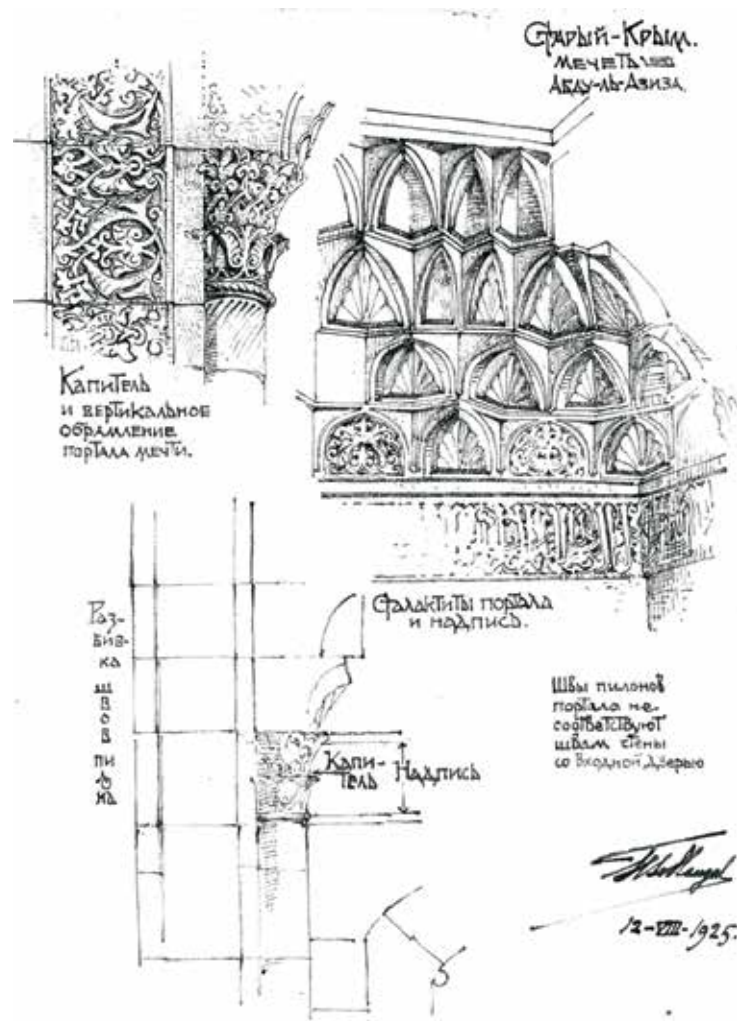

Рис. 347. Виды архитектурных и декоративных деталей портала мечети. Рисунок П. И. Голландского. 1925 г. (по Кирилко, 2015в, рис. 11).

Вторая культовая постройка Солхата, появление которой обычно связывается с деятельностью одновременно нескольких египетских правителей, также известна исключительно по письменным источникам и до сих пор не локализована. Ал-Макризи сообщает: «В 687 году [1287/88 г.] султан отправил к Берке [чит. : Берковичам] дорогой подарок и более 2000 динаров, предназначавшихся для постройки мечети в Крыму, на которой должны были быть

¹ Имелась, по меньшей мере, еще одна ранняя постройка, но что она собой представляла, совершенно неизвестно. О ее существовании свидетельствует найденная на территории г. Старый Крым плита неправильной формы из чисто белого мрамора, на лицевую поверхность которой нанесена арабская надпись. Эпиграфический источник сообщает о восстановлении какой-то мечети в 709 г. х. (= 1309 г.), связывая его с именем Шемс-эд-дина, сына Рамана (Рамаза?) (Маркевич, 1892, с. 128-129). И. Ю. Крачковский, сравнив находку с надписью мечети Узбека, относящейся приблизительно к тому же времени, сомневается в выводах А. И. Маркевича и считает: «Самая форма надписи позволяет думать, что она является или простым упражнением мастера или была забракована заказчиком и никогда не служила в качестве строительной» (Крачковский, 1924, с. 667). Даже если это и так, то содержание надписи в любом случае свидетельствует о намерении запечатлеть конкретное событие – ремонт некой мечети в 1309 г.

начертаны титулы султана; он послал [также] своего каменотеса, для иссечения их [титулов] и для расписания их красками» (Золотая Орда, 2003, с. 194). Согласно второму свидетельству, Ибн ал-Фората, «отправлено множество разных припасов для мечети, которая строилась в Крыму [Солгате], ценою в 2000 динаров. На этой мечети были начертаны прозвища султана Эльмелик-Эльмансура. Был также послан ... каменщик-каменосек, для иссечения на упомянутой мечети султанских титулов. Посланы были с ними [послами] масляные краски» (Золотая Орда, 2003, с. 167-168). Событие произошло после 13 шевваля 686 г. х. (= 21 ноября 1287 г.), а, следовательно, в пункте назначения делегация оказалась не ранее начала 1288 г. Отправка каменотеса, красок и разных припасов, по сути, свидетельствуют о завершающем этапе возведения здания. Помимо упомянутого мастера, достаточно большой представляется вероятность участия в строительных работах и других египетских специалистов.

Ибн Баттута, посетивший Крым в 734 г. х., сообщает, как о действующей, «соборной мечети, построенной в этом городе Эльмелик-Эннасыром» (Золотая Орда, 2003, с. 126). Опираясь на данную информацию, В. А. Сидоренко считает, что в 1287 г. мечеть начал строить египетский султан ал-Мансур Сайф ад-дин Кала'ун ал-Алфи (1280-1290), а достраивал уже ал-Мелик ан-Насыр ад-Дин Мухаммед (Сидоренко, 1988, с. 116), но подобное развитие событий, учитывая содержание первых двух источников, маловероятно. Поскольку визит Ибн Баттуты приходится на время правления последнего (1292-1341), речь может идти либо о характерном для восточной литературной традиции восхвалении действующего правителя², либо о возведенной при нем, скорее всего, в 1314 г., совершенно иной мечети – достойной того, чтобы привлечь внимание путешественника и быть отмеченной таким образом.

Со временем свидетельства летописцев обросли подробностями, отсутствующими в

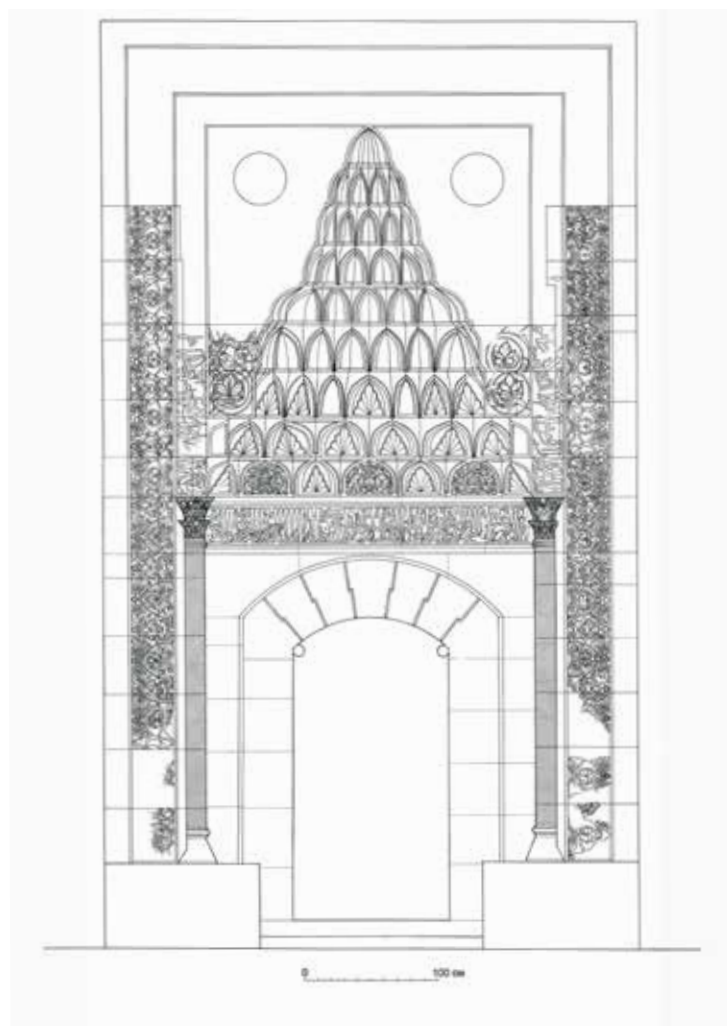

Рис. 348. Портал крымской мечети Узбека. Общий вид с севера. Реконструкция (по Кирилко, 2015б, рис. 13).

первоисточниках. С легкой руки Дегиня (Ios. de Guignes), в 1756 г. сообщившего о том, что «султан Бейбарс, государь Египта, желая увековечить свое имя и прославить место рождения, с дозволения хана Кыпчакского построил в Крыму великолепную мечеть, коей стены были покрыты мрамором, а верх порфиром» (Кеппен, 1837, с. 340-341), вымышленные им детали убранства здания в дальнейшем стали обязательным атрибутом при описании памятника для многих исследователей и краеведов (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 34; Старокадомская, 1974, с. 166). Данные сведения весь-

² Соотносимо с тем, как Эвлия Челеби, посетивший Эски Кырым в 1666-1667 гг. – при Гераях, описывая тарих Улу-джами, соответственно расширяет и имя правителя: «Построил это здание благословенной мечети в дни правления великого хана Мухаммеда Узбек Герай-хана» (Челеби, 2008, с. 167). Причем, в самой надписи на портале ни одним из известных к настоящему времени ее переводов патроним Герай даже не упоминается (Бороздин, 1926, с. 24).

ма скептически оценил еще А. Л. Бертье-Делагард, отметив, в частности, что выполнить облицовку потолка порфиром «физически не возможно» (Бертье-Делагард, 1920, с. 100). В наше время Е. В. Крикун, посвятивший изучению крымско-татарской архитектуры монографию, дополнил уже неоднократно адаптированную информацию новыми нюансами: «В 1277 г. высокий египтянин-кипчак, помня свои корни, послал «землякам» через хана Берке 2000 динаров «для постройки мечети в Крыму». Подготовительные работы тянулись долго: завозили мрамор, порфир, другие материалы, тесали, пилили, шлифовали, полировали... И лишь в 1287-1288 гг. мечеть Бейбарса «в Крыму» была построена. Стены ее были облицованы мрамором, потолок – порфиром» (Крикун, 1998, с. 11). На самом деле, достоверных свидетельств о возведении мечети в Крыму египетским султаном Бейбарсом (1260-1277) нет, следовательно, речь может идти лишь о здании, появившемся благодаря Эльмелик-Эльмансуру (1280-1290).

Третья культовая постройка Солхата, мечеть золотоордынского хана Узбека (1313-1342), представлена фрагментарно – порталом с датированной надписью и отдельными, предположительно, первоначально принадлежавшими ей архитектурными деталями, прежде всего, михрабом и минаретом, а также, возможно, аркадой, которые были вторично использованы при восстановлении здания на новом месте в конце XV – начале XVI вв. (рис. 343-349) (Кирилко, 2009б, с. 192-196; рис. 2; 2015в, с. 524-550, рис. 14).

Посвящение над входом сообщает: «Слава Богу за Его благодеяния, и да благословит Бог Мухаммеда и преемников его! Повелено было воздвигнуть эту благословенную мечеть в дни царствования великого хана, Мухаммед-Узбек-хана – да продлит Бог владычество его! – рабу ничтожному, нуждающемуся, уповающему на милосердие Господа своего и на всепрощение Его, Абду-ль-Азиз-бен-Ибрагиму Аль-арбели, в год 714 лунный» (Смирнов, 1887, с. 281).

Упоминание в надписи портала имени конкретного правителя обусловило закрепление за данной постройкой названия «мечеть Узбе-

ка», а сама она была отождествлена с первой мечетью этого хана, известной по сообщениям арабских историков (Смирнов, 2005, с. 107). На самом деле ее появление здесь, на окраине Золотой Орды, следует считать заслугой, видимо, не столько хана Узбека (1313-1342), но, прежде всего, главного инициатора его восшествия на престол и обращения в ислам, а также наиболее преданного из эмиров – Кутлук-Тимура, бывшего тогда, по свидетельству Ибн Халдуна, наместником «в землях Румских» (Золотая Орда, 2003, с. 178), откуда тот вполне мог направить для участия в работах опытного архитектора, а само строительство обеспечить необходимыми мастерами и материалами.

В свое время М. Г. Сафаргалиев, ссылаясь на неверно интерпретированный им письменный источник (сведения Ибн ал-Фората о деятельности Эльмелик-Эльмансура), в качестве

Рис. 349. Михраб т. н. мечети Узбека в г. Старый Крым. Общий вид с севера. Фото И. Ф. Барщевского. 1888-1889 гг. (ГНИМА. No МРА-1623).

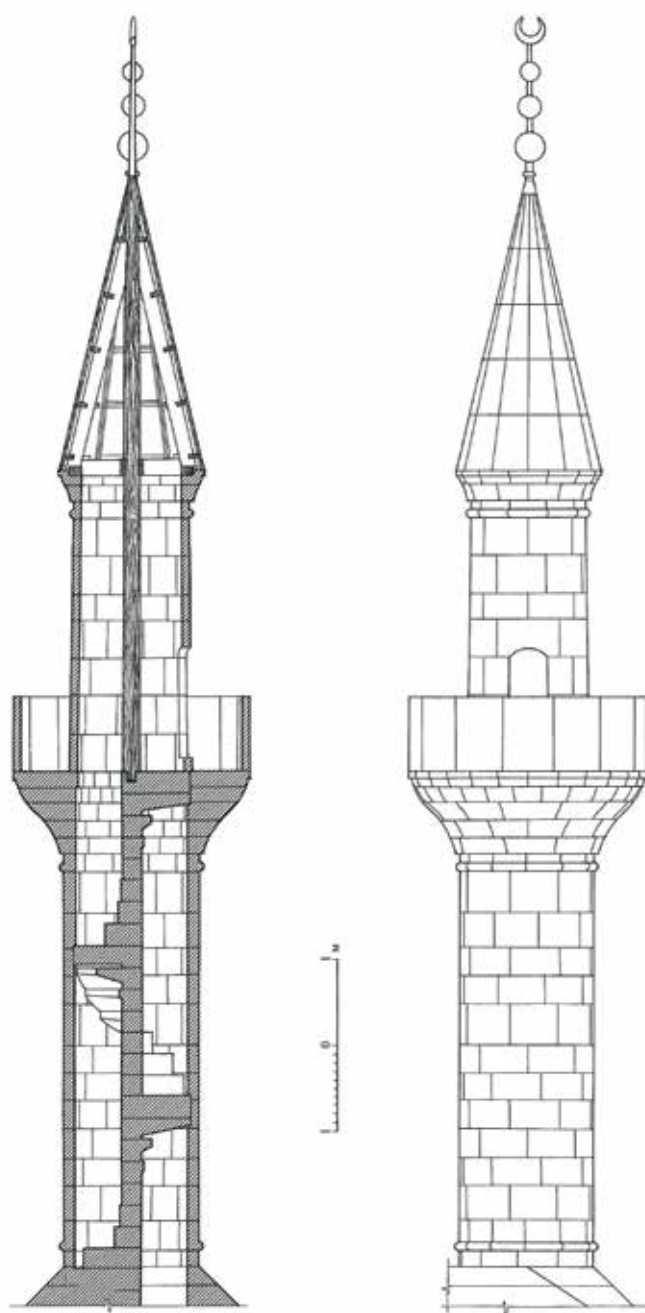

Рис. 350. Реконструкция минарета т. н. мечети Узбека в г. Старый Крым: 1 – разрез по оси С.-Ю., 2 – южный фасад (по Кирилко, 2015в, рис. 29).

подтверждения слабого развития местного ремесла отметил как исторический факт то, что «при постройке Узбеком мечети в городе Солхате в 1313 г. строительный материал, а также и мастера были привезены сюда из Египта» (Сафаргалиев, 1996, с. 357), чем, по сути, не сильно погрешил против истины.

Еще более оригинальную версию, совершенно фантазийную, по крайней мере, мало-

вероятную, предложил В. А. Сидоренко. По его мнению, «имя строителя, сообщаемое в надписи над дверным проемом, могло принадлежать тому мастеру-камнерезу, которого согласно свидетельств арабоязычных авторов, в 1287 г. прислал в Крым для «иссечения надписей» египетский султан Эль-Мелик ан-Насыр вместе с необходимыми для строительства материалами и 2000 динаров на постройку мечети..., окончание строительства которой могло приходиться на начальные годы правления хана Мухаммеда Узбека». При этом автора идеи совершенно не смущает то обстоятельство, что резчику (вероятнее всего, каллиграфу) пришлось ровно четверть века дожидаться возможности выполнить поручение султана, как, впрочем, и то, что одновременно сам исследователь считает: «Наряду с архитектурной конструкцией купольной постройки второстепенные детали орнаментики позволяют предполагать причастность строителя мечети Узбека к конийской архитектурной школе» (Сидоренко, 2014, с. 92).

Портал представляет собой прямоугольное в плане монументальное сооружение, немного выступавшее за плоскость стены здания (рис. 345-348). Его основные размеры: ширина – 4,05 м, вынос – 1,03-1,06 м, реконструируемая высота – около 7 м. Входная ниша с боков ограждена массивными пилонами толщиной 0,77 м и завершалась сталактитовым полукуполом, частично утраченным еще до установки на новом месте, но затем, при реконструкции XVI в., восполненным стрельчатой аркой. Первоначальная конха была девятиярусной, в средней зоне перекрытия образует трехмерную геометрическую фигуру с симметрией вращения шестого порядка. Дверной проем завершается арочной перемычкой из семи клинчатых блоков с уступами на стыках. Боковые поверхности портала ровные, спереди и внутри он богато декорирован изысканной резьбой по камню – растительным орнаментом и арабской вязью. Входная ниша на внешних углах украшена обработанными под жгут трехчетвертными круглыми в сечении колонками с изящными двухъярусными капителями, на уровне которых, по ее внутреннему обводу, расположена посвятельная над-

пись. Стилиевые особенности и архитектоника сооружения свидетельствуют о влиянии художественной традиции, сложившейся в Центральной Анатолии в период сельджукских эмиратов (Кирилко, 2015б).

Михраб представляет собой двойную нишу с прямоугольным наличником, каждый из уступов которой завершался сталактитовой конхой (рис. 349). Его общие размеры: ширина – 2,58 м, высота – 4,88 м, глубина – 0,98 м. За плоскость стены он выступает на 0,20-0,25 м. Внутренняя выемка в плане пятигранная с октагональной основой, внешняя – прямоугольная. Наружные края обоих сводов на углах поддерживались трехчетвертными колонками с рифленой наискось, под жгут, поверхностью. Передние опоры имели двухъярусные капители и базы в виде ламп, которые являются характерными для архитектурного декора золотоордынского Крыма, дальние – отличаются упрощенными формами. Лицевая поверхность михраба с боков и сверху обрамлена арабской вязью. Внутренняя часть композиции украшена сложным растительным орнаментом с симметрично расположенными медальонами и акцентирована коранической надписью. Сооружение было увенчано тремя каменными навершиями.

Портал и михраб мечети являются произведениями сельджукского декоративного искусства (Башкиров, 1926, с. 111-116). Обе сполы относятся к анатолийскому типу, находят аналогии в резном камне памятников архитектуры северной части Центральной Анатолии (Крамаровский, 1990, с. 125). Поскольку «наблюдается большая разница, как в

технике выполнения, так и в транскрипции сельджукских арабесков», Б. Н. Засыпкин считает, что михраб построен значительно позднее портала (Засыпкин, 1927, с. 131). Со ссылкой на обмеры и графический анализ данные детали М. Г. Крамаровским определены как подлинные элементы первоначального здания 1314 г. (Крамаровский, 2005, с. 115). В восстановленной мечети михраб и портал появились не одновременно, а, значит, прежде они могли либо принадлежать разным строениям, либо изымались из развалин для повторного использования поочередно (Кирилко, 2009б, с. 189-190, 197-198, рис. 2; 2015в, с. 524-550, рис. 14).

Минарет, внешний вид которого известен по архивным фотографиям (рис. 343, 344)³, хронологически и стилистически соотносим с мечетью, построенной в конце XV в. и подвергнувшейся капитальному ремонту в 1512-1513 гг. (Кирилко, 2015в, с. 524-550). Был ли он таким до перемещения, в настоящий момент однозначно судить сложно, но, видимо,

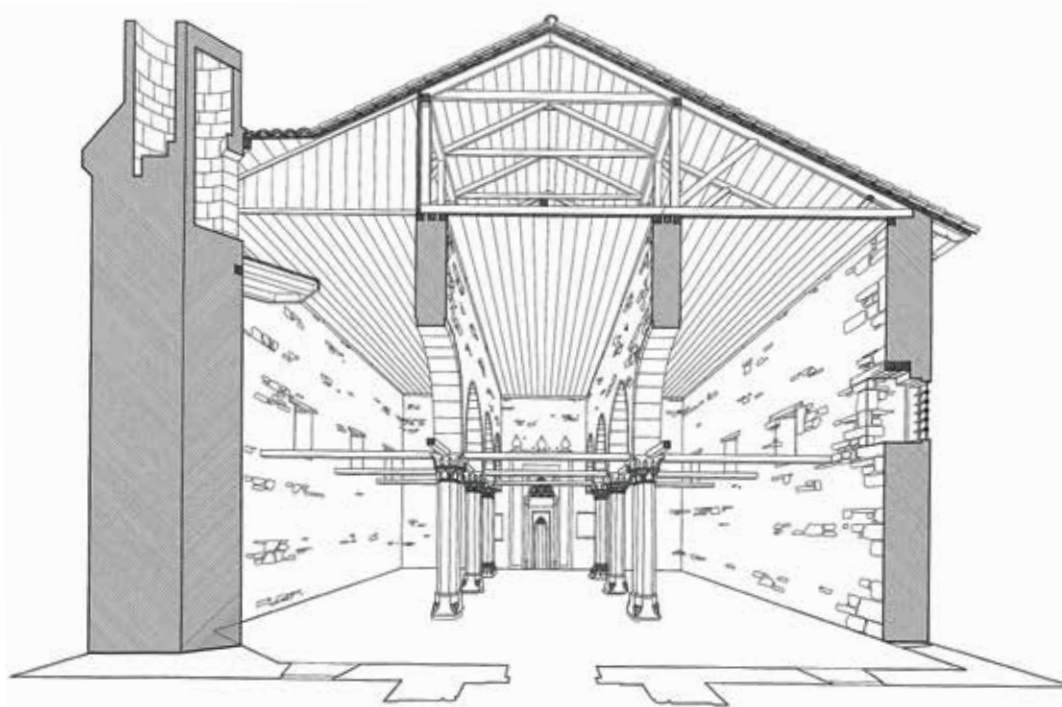

Рис. 351. Реконструкция внутреннего пространства т. н. мечети Узбека в г. Старый Крым. Второй строительный период (по Кирилко, 2015б, рис. 46).

³ К началу работ экспедиции, на рубеже XIX–XX вв., его утраченное завершение было заменено деревянным шерфе.

нет, поскольку в верхней части отложений культурного слоя, представлявших собой скопление строительного мусора, у его подножия при археологических раскопках и реставрационных работах были найдены многочисленные детали от другого шерфе – остатки стального карниза и резного парапета с надписью. Стилиевые характеристики обнаруженных фрагментов завершения минарета и портала между собой соотносимы, следовательно, ранее оба они вполне могли принадлежать одному строению – собственно, первоначальной мечети Узбека 1314 г. Еще более близкой аналогией им являются детали декоративного оформления внешних поверхностей монументального пиштака, обрамлявшего вход в расположенное по соседству медресе 733 г. х. (= 1432/33 гг.). Остается невыясненным, были ли использованы эти остатки минарета на новом месте при возведении данного здания или, возможно, так и остались лежать у его стен не реализованным строительным припасом.

Подножие минарета снаружи выполнено из тщательно обработанных блоков известняка вторичного использования, тыльная сторона кладки бутовая с внешними деревянными поясами. На высоте около 6,80 м от уровня земли основание оканчивалось немного выступавшим за плоскость стены пирамидальным объемом, срезанную вершину которого венчал круглый в сечении минарет. Вход устроен в скошенной части основания, со стороны помещения, в 6,45 м от пола⁴. Судя по тому, что остатки плит перекрытия над ним образуют консоль (Кирилко, 2015в, рис. 24-27), мечеть, которой прежде принадлежал данный минарет, вполне могла завершаться сводом (куполом).

Ствол минарета цилиндрический с каменной винтовой лестницей внутри (рис. 350,

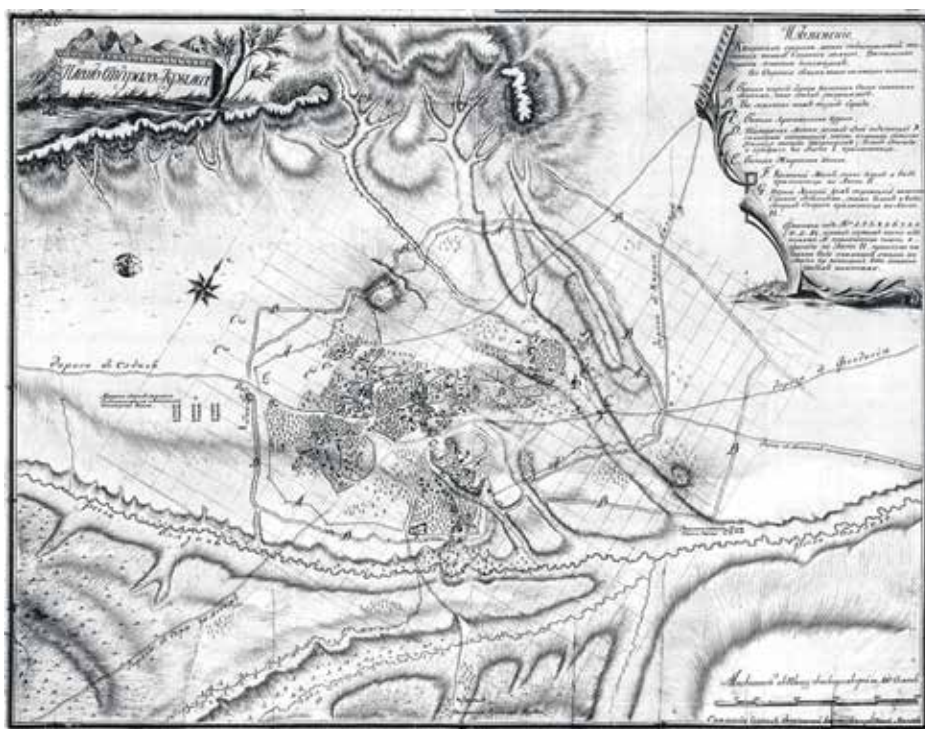

Рис. 352. План Старого Крыма. Снимал и чертил Иван Лютов. Около 1783 г. (РГВИА. Ф. 846 ВУА. No 22608).

351). В нижней и верхней части он опоясан декоративными валиками. Конструкция выполнена из тщательно обработанных блоков и плит известняка, уложенных рядами высотой 0,20-0,40 м. Между собой камни соединены железными скрепами с заливкой гнезд свинцом. Площадка, башенка и парапет шерфе в плане круглые, находятся на высоте 14,25 м от уровня земли. Карниз, поддерживавший балкончик, массивный с криволинейным профилем и гладкой лицевой поверхностью. Он завершался плоским ободком, заподлицо с которым установлено ограждение. Выход на площадку расположен с южной стороны. Основные диаметры сооружения: ствола – 1,56 м, шерфе – 2,75 м, башенки – 1,43 м. Общая реконструируемая высота минарета составляла около 23 м.

Внутреннее пространство здания разделено на три продольных нефа двумя одинаковыми каменными аркадами с четырьмя стрельчатыми пролетами (рис. 351). Переемы двуцен-

⁴ Подобное расположение входа – на значительной высоте от пола, под самым перекрытием, – является характерной особенностью всех известных минаретов Солхата. Данное архитектурное решение имело, прежде всего, конструктивную основу, поскольку позволяло обеспечить подножию, равно как углу здания необходимую массивность и прочность, не ослабляя его пустотами, что, в свою очередь, было немаловажным при ограниченной мощности фундаментов.

тровые, по своим очертаниям соотносимы со сводчатыми конструкциями сирийского типа (Шуази, 1937, с. 109, рис. 82). В качестве промежуточных опор использованы восьмигранные в сечении колонны (по три в каждой) с кубовидными капителями и базами, украшенными сталактитами. Пяты крайних арок на стыке со стеной поддерживались профилированными кронштейнами. Базы колонн между собой отличались формой. Первые две, расположенные перед михрабом, выделяются усложненной пластикой⁵. Остальные четыре базы – обычного вида однообразные: три из них – одинаковые, одна (средняя в восточной аркаде) – имела более массивные пропорции. Все капители однотипные. Из них две, крайняя пара у входа, отличаются от остальных деталями – отсутствием декора на дугах угловых срезов нижнего яруса сталактитов. Поверхность капителей и верх колонн дополнительно были

украшены растительным орнаментом, нанесенным на поверхность камня черным пигментом. Остатки подобной росписи местами отмечены также и на михрабе, что позволяет предполагать одновременность ее появления, при ремонте 1512-1513 гг. (Кирилко, 2015в, с. 538, рис. 34, 35).

Как выглядела первоначальная мечеть Узбека, использованная в качестве донора, достоверных данных нет⁶. В настоящий момент известно, по меньшей мере, три попытки хотя бы частично реконструировать архитектуру здания.

О. И. Домбровский и В. А. Сидоренко, исходя из наличия аркад и утраты завершения портала, представляют себе строение в виде базилики с верхним светом над средним пролетом, прямоугольный короб которого со всех сторон был пронизан окнами (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 45, 47). С ними солидарны А. В. Гаврилов и В. В. Майко (Гаврилов, Майко, 2014, с. 120).

На подобной версии настаивает также М. Г. Крамаровский, считающий, что в первоначальном варианте аркада центрального нефа мечети «должна была поддерживать систему деревянных (?) стропил высокого фонаря, перекрытого двускатной крышей», упраздненной на новом месте после переноса конструкции (Крамаровский, 2005, с. 114; 2014б, с. 209). Им же предпринимается довольно неудачная попытка реконструировать отдельные элементы строения, в частности, портал (Крамаровский, 2005, с. 114-116), которая сопровождается многочисленными, вызывающими недоумение, оплошностями (Кирилко, 2015б, с. 254-259; 2015в, с. 522-523, 538). Выводы М. Г. Крамаровского полностью поддерживает Э. Д. Зиливинская (Зиливинская, 2014а, с. 30-31; 2014б, с. 54-55; 2014в, с. 176-177), дополнившая его

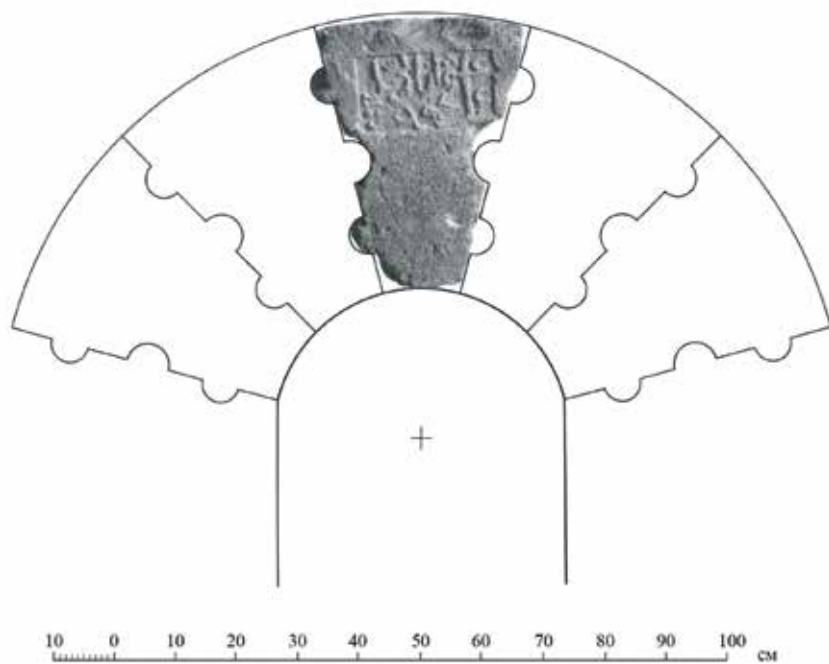

Рис. 353. Арка неизвестного крымского сооружения с надписью на замковом камне «Ахуд ибн Осман аль-Ирбили». Реконструкция (по Кирилко, 2013, рис. 4).

⁵ В сопоставлении с мечетью Сарая (Селитренного городища в Астраханской области) данное обстоятельство позволило Э. Д. Зиливинской сделать вывод о том, что «для мусульманского культового зодчества весьма характерно более пышное оформление колонн перед михрабом» (Зиливинская, 1998, с. 24).

⁶ До сих пор не локализована и сама постройка. Судя по плану И. Лютова (рис. 352), первоначальная мечеть Узбека могла находиться на пересечении двух линий координатной сетки (широтной – отмечена цифрой 13, меридиональной – 9), где изображены руины большого прямоугольного здания, четко ориентированного на юг.

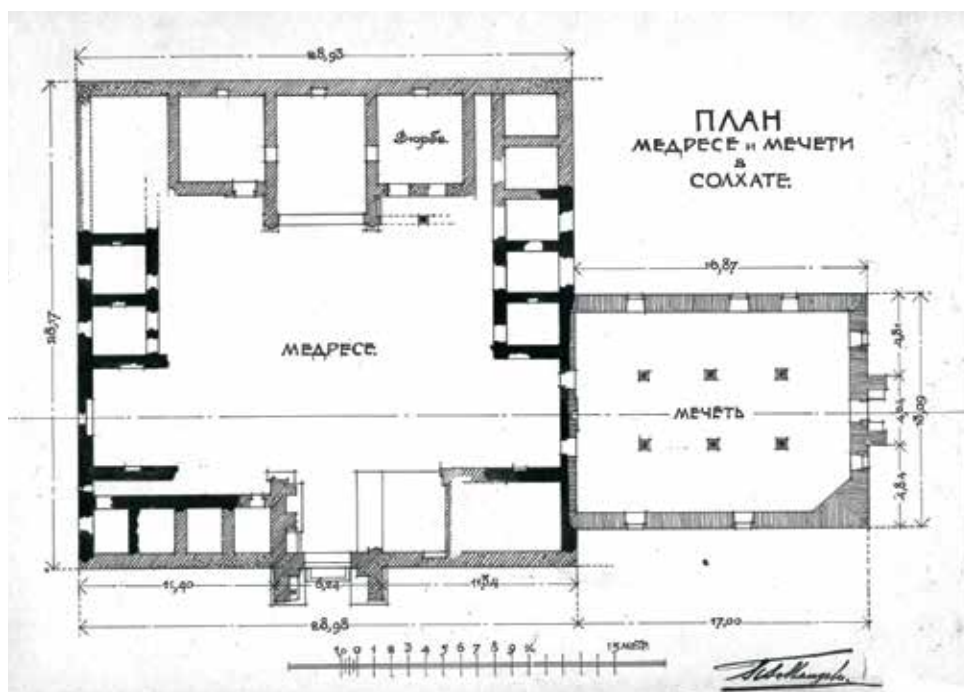

Рис. 354. «План медресе и мечети в Солхате».
Чертеж П. И. Голландского. 1926 г. (по Кирилко, 2011, рис. 8).

наблюдения собственными ошибками (Кирилко, 20156, с. 259-260).

В контексте изучения архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма, весьма оригинальный вариант реконструкции данной постройки ввел в научный оборот В. А. Сидоренко. Основываясь на сведениях Эвлии Челеби (в интерпретации А. П. Григорьева), якобы сообщавшего о том, что в середине XVII в. мечеть Узбека уже не имела купола⁷, он предположил: «Возможно, ко времени преобразования ее в соборную и относится сохранившаяся планировка с двускатным перекрытием, заменившим обрушившийся купол» (Сидоренко, 1988, с. 118, рис. 1: 2). Свои размышления исследователь иллюстрирует графической реконструкцией плана здания с купольным завершением, которое выглядит совершенно нелепым, поскольку несущие стены мечети были слишком тонкими и слабыми (сложены на глине с незначительной примесью извести), чтобы могли выдержать подобную нагрузку, а ее аркады при этом являются цельным сооружением (Кирилко, 20096, с. 195, рис. 2).

Тем не менее, несмотря на данное обстоятельство, впоследствии В. А. Сидоренко развил эту идею дальше, предполагая своими выводами обосновать воссоздание при реставрации истинного облика постройки. Он по-прежнему уверен в своей правоте и продолжает настаивать на том, что мечеть, к которой примыкает медресе, первоначально была купольной, убедительным свидетельством чему якобы служат уцелевшие фрагментарно остатки здания. По его мнению, нынешнее стропильное перекрытие, заменившее некогда обрушенную купольную конструкцию, «опирается на шесть колонн, две сохранились на своих местах, где несли на себе арочную опору северной стороны купола, а четыре новые колонны, отличающиеся

резьбой капителей, были установлены с новым перекрытием. От арочной опоры сохранилась консоль в стене мечети (? – В. К.). От основания купола нет деталей (sic! – В. К.), но сохранившаяся высота оригинальных колонн и расположение консоли позволяют уверенно реконструировать высоту арок и купола, переход к которому от углов осуществлялся, как и в других мечетях сельджукского стиля, сталактитами, подобными используемым в конструкции перехода от восьмигранника к квадрату в капителях колонн, в резьбе полусводов ниш михраба и портала-пиштака этой мечети» (Сидоренко, 2014, с. 91).

Чтобы обосновать свой вывод, исследователь ссылается на материалы археологических раскопок М. Г. Крамаровского, которыми якобы «более отчетливо выявлены существенные различия в конструкциях пят-фундаментов первоначальных и дополнительных колонн» (Сидоренко, 2014, с. 91). В качестве дополнительного аргумента он привлекает также и свидетельство турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби о старокрымской Улу-джами,

⁷ В опубликованных переводах источника эта информация отсутствует (Книга путешествия, 1999, с. 83; Челеби, 2008, с. 167).

почему-то ошибочно называя ту при этом «малая» мечеть. В. А. Сидоренко в целом придерживается перевода Е. В. Бахревского (Книга путешествия, 1999, с. 83), но местами его существенно переиначивает, предложив собственное толкование отдельных пассажей, позволяющих легализировать свои умозаключения: «внутри этой благородной мечети установлены четыре (?) высоких колонны, у нее перестроенный свод (в переводе Е. В. Бахревского – «разукрашенный потолок»), она крыта черепицей и имеет кыбловую дверь. От кыбловой двери до михраба в длину – 200 аяков, а в ширину – 150 аяков» (Сидоренко, 2014, с. 93). Следует вывод: «Упоминание кыбловой двери, ведущей из помещения на минарет, занимает неслучайное место в контексте, поскольку такое архитектурное решение связано с купольной архитектурой» (Сидоренко, 2014, с. 93). Однако кыбловая дверь никак не могла вести на минарет, поскольку находится напротив михраба на сакральной оси мечети, и уж тем более никоим образом не обуславливает появление купола.

В. А. Сидоренко считает, что мечеть Узбека сохранила свое первоначальное местоположение, по крайней мере, резное и «изначально приставное (? – В. К.)» обрамление михраба, вероятно, не перемещалось, а выявленную раскопками разницу в глубине закладки фундаментов здания и портала, он объясняет, ссылаясь на исследования П. И. Голландского, архитектурной особенностью памятника, в частности, отмечаемой тем на бахчисарайских постройках, которым якобы также «свойственно двучастное распределение нагрузок» на субструкцию (Сидоренко, 2014, с. 92).

По мнению В. А. Сидоренко, введенный им в научный оборот еще четверть века назад чертеж с графической реконструкцией плана (Сидоренко, 1988, с. 118, рис. 1: 2), в настоящий момент является самым веским аргументом в пользу непререкаемости его гипотезы: «Опубликованный план мечети с реконструируемым в центре абсолютного квадрата купольной окружности попал в публикацию энциклопедического характера, что свидетельствует о признании такой реконструкции исследователями» (Сидоренко, 2014, с. 91).

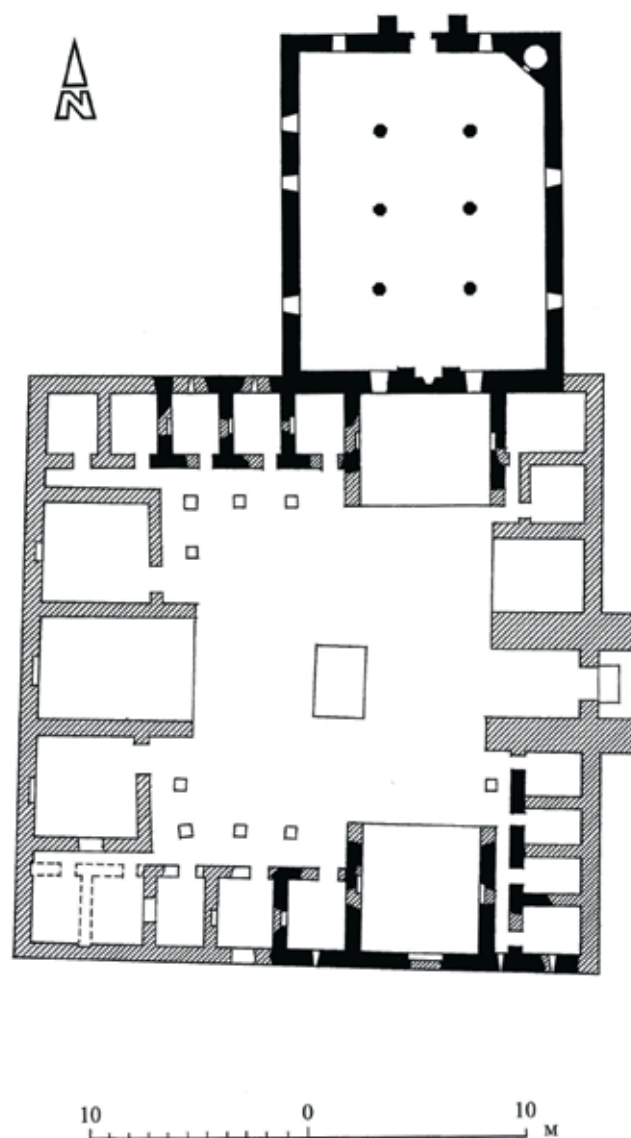

Рис. 355. План крымских медресе и мечети. Сплошной заливкой обозначены стены строений, сохранившихся на всю высоту, штриховкой – нижние части кладок (по Кирилко, 2009, рис. 1).

Что подразумевается под публикацией «энциклопедического характера», не совсем понятно, но, надо полагать, имеется в виду всеобъемлющий научный труд А. И. Айбабина о городах и степи Крыма в XIII–XIV вв., где в качестве иллюстрации действительно используется упомянутый план. Причем, сама реконструкция там никак не комментируется и даже не упоминается, а сообщение о мечети сопровождается несколько странным описанием здания, явно не претендующим на высокую оценку качества информации: «деревянное двускатное перекрытие опирается на две пары

Рис. 356. «В Старом Крыму. Остатки школы». Портал солхатского медресе. Вид с юго-востока. Акварель М. М. Иванова. 1783 г. (ГРМ. No P-30072).

восьмигранных колон, соединенных стрельчатыми арками и порталом, украшенным резным растительным декором» (Айбабин, 2003, с. 287, табл. 16: 2).

Иные, «энциклопедического характера», публикации мне неизвестны. Однако даже если они и имеются, данное обстоятельство особо не меняет сути дела, ибо репродуцирование иллюстрации еще не является доказательством истинности научного суждения, а уже тем более безоговорочным основанием для совершенно шокирующего, по сути, программного утверждения автора идеи: «Достоверная (sic! – В. К.) реконструкция здания мечети Узбека в Старом Крыму предоставляет редкую возможность реставрации этой уникальной купольной постройки в ее первоначальном виде» (Сидоренко, 2014, с. 93).

Выводы В. А. Сидоренко предельно ретроградны. По крайней мере, исследователь в своей работе абсолютно не учитывает материалы реставрационных исследований по строитель-

ной периодизации и архитектонике здания мечети (рис. 345), в частности, полностью исключивших даже саму вероятность купольного перекрытия здесь, как, впрочем, и то, михраб якобы находится на своем первоначальном месте (Кирилко, 1991; 2009б, с. 190, рис. 2).

Ошибка всех известных к настоящему времени попыток реконструкции первоначального здания мечети Узбека общая и заключается в том, что воссоздание облика сооружения исследователями осуществляется, исходя из архитектоники постройки рубежа XV–XVI вв.⁸, которая якобы неизбежно должна была следовать прототипу (Крамаровский, 2012, с. 207), но, вероятнее всего, его не повторяла, ибо обуславливалась исключительно потенци-

альными возможностями строителей и ассортиментом кладочного материала вторичного использования.

Еще одно строение, предположительно, этого же времени, представлено единственной, но весьма выразительной, архитектурной деталью – спolieй, которая была получена в ходе ремонтно-реставрационных работ при разборке поздних наслоений т. н. мечети Узбека. Имеется ввиду замковый камень с резной двустрочной надписью «Ахунд ибн Осман аль-Ирбили» (чтение А. А. Иванова) на лицевой стороне (рис. 353). Он был найден в кладке западной стены мечети, соотносимой с третьим, последним, строительным периодом здания. Настоящее уточнение необходимо, поскольку во всех без исключения публикациях автора археологических раскопок памятника место обнаружения данной архитектурной детали обычно указывается произвольно, но непременно в одном контексте с расположенным по соседству мавзолеем (Крамаровский, 1989,

⁸ В этом плане весьма показательны выводы О. Асланапа, согласно которым «мечеть Узбека своим удлинённым трехнефным планом продолжает традицию анатолийских мечетей периодов Сельджуков и бейликов, однако имеет отличия – восьмигранные колонны и двускатная крыша на деревянных стропилах отличаются от сводчатых и купольных перекрытий» (Крамаровский, 2012, с. 215–216).

с. 150; 1990, с. 125; 1994, с. 164-165; 1995, с. 30; 1997, с. 104; 2005, с. 115, 207; кат. № 211; 2012, с. 215, рис. 57; 2014а, с. 145; 2014в, с. 10). Неоднократно предпринимаемые М. Г. Крамаровским попытки фальсифицировать происхождение артефакта (Кирилко, 2013, с. 88-89; 2015в, с. 551)⁹, несмотря на заманчивость обусловившей их идеи, не совсем продуктивны, поскольку, по его же собственному мнению, упомянутое дюрбе упрощенно повторяет структуру среднеазиатских позднесредневековых усыпальниц, тогда как форма замкового камня с профилировкой боковых поверхностей является характерной для малоазийской архитектурной традиции. Примечательно и то, что в самом первом, информационном, сообщении о результатах археологического изучения данного мавзолея замковый камень с надписью, будучи несомненным раритетом, странным образом (хотя, и по вполне понятным причинам) даже не упоминается (Крамаровский, 1987,

с. 131-132). Исказив сведения об истинном месте обнаружения артефакта, М. Г. Крамаровский, по сути, устранил предпосылки для какой-либо иной интерпретации находки, кроме одной единственной – своей собственной, причем, отнюдь не бесспорной.

Судя по форме и приведенным в каталоге размерам замкового камня, реконструируемый пролет арки составлял всего 46,0-48,0 см. Следовательно, данная архитектурная деталь могла принадлежать либо световому проему (например, окну в портале), либо входу в минарет. Впрочем, возможна и немного иная реконструкция первоначального сооружения – в виде трехлопастной арки, нередко применявшейся в средневековом зодчестве Малой Азии в качестве обрамления для различного рода посвятительных надписей. Тогда, соответственно, увеличатся и размеры внутреннего пространства, но даже в этом случае вероятность принадлежности детали упомянутому мавзолею вряд ли возрастет.

Единственная относительно неплохо сохранившая свой первоначальный вид крымская постройка времени правления золотоордынского хана Узбека также находится в бывшей столице улуса и представляет собой руинированное здание средневекового мусульманского университета. Медресе построено по инициативе Инджи-бей Хатун – дочери эмира эмиров и бея Кыл-Буруна, которая, вероятнее всего, была супругой ханского наместника Толуктумура. Дату его возведения, по свидетельству Эвлии Челеби, в свое время указывал утраченный впоследствии тарих над входом в здание – 733 г. х. (= 1332/33 гг.) (Челеби, 2008, с. 167).

Медресе представляет собой почти квадратное в плане здание с внутренним двором (рис. 354, 355). Фасадами оно четко ориентировано по сторонам света. Размеры строения (уменьшаются к западу и северу): ширина – 28,70-29,50 м, длина – 27,95-29,25 м, высота – 6,5-8,50 м. Тол-

Рис. 357. «В Старом Крыму. Остатки школы». Внутренний дворик солхатского медресе. Вид с юга. Акварель М. М. Иванова. 1783 г. (ГРМ. No P-30073).

⁹ Несмотря на то, что вопрос о недостоверности опубликованных сведений уже поднят (Кирилко, 2013, с. 88-89), манипулирование научной информацией данным исследователем, которое длится уже почти два десятилетия, к сожалению, по-прежнему продолжается (Крамаровский, 2014а, с. 145; 2014в, с. 10).

щина стен – 0,80-0,82 м. Площадь двора – $14,40 \times 15,93 = 229,4$ кв. м. Вход – один, вел с востока. Снаружи он оформлен монументальным порталом сельджукского типа, с внутренней стороны к нему примыкала расчлененная нишами глубокая экседра (рис. 356, 357). Медресе имело три больших айвана. Один из них расположен на оси входа в западной части строения, два других – у северной и южной стен, в восточной половине здания. Между ними, вдоль коридоров, размещены худжры и, возможно, административная зона – две комнаты с прихожей и малый айван. Двор был обрамлен арочной колоннадой, соединявшей края экседр. Основные опоры аркады восьмигранные со сталактитовыми базами и капителями, ее углы поддерживались квадратными в сечении столпами. К западному айвану с боков примыкали большие помещения для проведения занятий в ненастную погоду. Одно из них, северное, позднее было приспособлено под дюрбе основательницы медресе (Бороздин, 1926, с. 28-29). В интерьере мавзолея использовались майоликовые изразцы, украшенные арабесками в виде звезд и плетенок с растительными побегами. Все помещения, галереи и экседры завершались сводами, покрытыми сверху хоросаном. Внешние формы здания монументальные со ступенчатым силуэтом стен. Главный и дворовые фасады были украшены профилированными наличниками и карнизами. Все богатство декоративного убранства строения было сосредоточено в оформлении портала, в настоящее время почти полностью утраченного. Остальные фасадные поверхности стен были ровными и лишь несколько оживлялись водосточными желобами, а также ритмично расположенными узкими окнами худжр и коридоров (Кирилко, 2011).

Планировочная структура солхатского медресе предельно функциональна и отвечает требованиям дифференцирования учеников по уровню подготовки, которое традиционно применялось в подобных заведениях (Ихсаноглу, 2006, с. 271). По своей объемно-пространственной организации оно может быть отнесено к дворовым, 4-х айванным сооружениям с галерейно-секционной структурой периметральной застройки двора и определено как

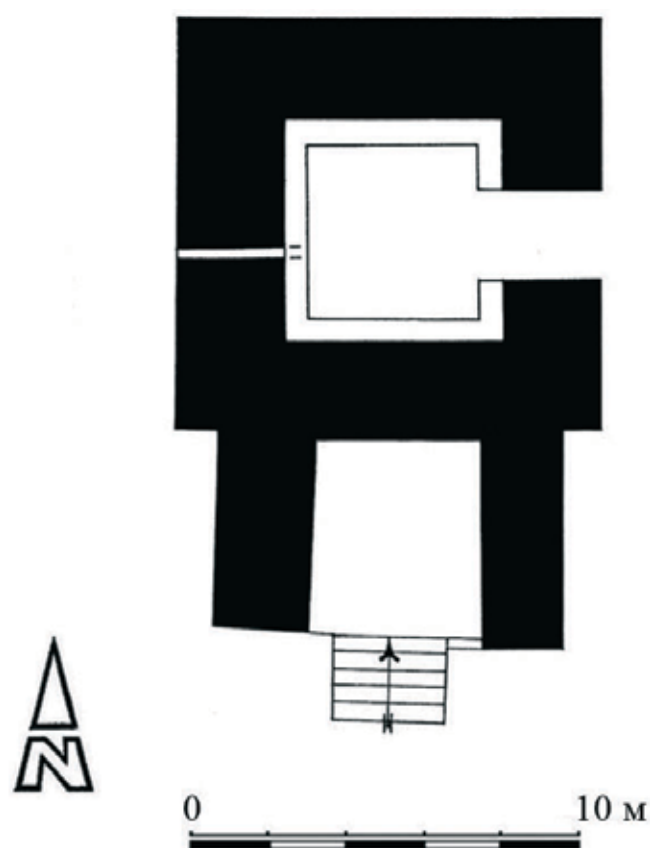

Рис. 358. Безымянный крымский мавзолей на склоне г. Агармыш. План усыпальницы (по Кирилко, 2013, рис. 7: 3).

принадлежащее к восточному варианту анатолийско-сельджукского типа (Сющук, 1999, с. 122-123), истоки которого берут свое начало в иранском культовом зодчестве.

По мнению П. И. Голландского, медресе возведено греческими мастерами из Малой Азии, представляющими византийскую архитектурную школу (Голландский, 1925, с. 10-11, 14-15, 17-18, 20). А. И. Маркевич считает, что «оно сооружено египетскими мастерами мамлюкской эпохи, по египетским образцам и приемам» (Маркевич, 2005, с. 321). Стилиевые характеристики и региональные особенности здания, обозначенные другими исследователями, обычно не выходят за рамки традиционной версии о сельджукском происхождении постройки (Башкиров, 1926, с. 122-124; Сидоренко, 1988, с. 124-127).

Анализ плана медресе, его архитектурного декора, конструктивных особенностей и поперезки портала и михраба мечети 714 г. х., сопоставление меток на облицовочных блоках по-

зволили М. Г. Крамаровскому прийти к выводу об анатолийской строительной артели, работающей в Солхате в первой половине XIV в. Причем, судя по характерным деталям архитектурного декора, наиболее существенным при формировании новой для Таврики традиции оказался вклад Амасьи. По мнению исследователя, пилоны парадных экседр здания имеют сложную профилировку, восходящую по абрису к стилистике позднего эллинизма, сам же прием типичен для строительного дела Малой Азии XII–XIII вв. Установлено, что, по существу, план солхатского университета повторяет с небольшими изменениями планировку Бюрюсийе медресе (The Būrūciye Medrese) в Сивасе, датированное 1271–72 гг., а угловые срезы баз в виде стилизованного аканта являются деталью, которая находит аналогии в резном камне Конии (Крамаровский, 1984, с. 282; 1990, с. 126–127).

В последнее время научный оборот пополнился несколькими компилятивными, составленными главным образом на основе избранных публикаций А. С. Башкирова и М. Г. Крамаровского, описаниями солхатского медресе, которые, по сути, не добавили ничего нового, но способствуют дальнейшему тиражированию содержащихся там многочисленных ошибок и неточностей (Сющук, 1999, 122–123; Зиливинская 2013, с. 110–114, рис. 8; 2014а, с. 61–63, 67, рис. 29: 1; 70: 1, 3; 71: 1, 2, 4; Гаврилов, Майко, 2014, с. 122, 123, 127).

В Крыму времени правления хана Узбека возведение мечетей осуществлялось и за пределами собственно золотоордынских владений на территории полуострова. Вне всякого сомнения, они имелись даже в генуэзской Каффе, где, судя по различного рода историческим событиям, преимущественно более поздним, образовалась значительная тюркская диаспора. Известно, что около 1333 г. в одной из них останавливался Ибн Баттута, но о самой постройке он, описывая город, практически ничего

не сообщает (Золотая Орда, 2003). Ею вполне могла быть мечеть Джефенди, расположенная в северной части пригорода, неподалеку от дороги на Солхат (Бочаров, 2015, с. 183, рис. 1). Любопытной представляется деталь, которую поведал испугавшийся звона колоколов марокканский путешественник: «я приказал товарищам моим взойти на башню, прочитать Коран, помянуть Аллаха и совершить призыв к молитве». Поскольку ближайшие крепостные постройки того времени находились достаточно далеко от места события, видимо, имелось в виду некое башнеобразное сооружение при мечети, в качестве минарета предназначавшееся для оглашения азана.

Завершение эпохи Узбека в мусульманской архитектуре Крыма отмечено монументальным мемориальным сооружением – безымянным дюрбе на окраине Солхата, которое появилось уже при преемниках хана, во время правления его сына Джанибека (1342–1357). Предположительно, мавзолей был построен около середины XIV в., став в 1346/47 гг., когда в городе свирепствовала чума, последним прибежищем для наиболее «почтенных (почитаемых? – В. К.)» граждан мусульманской

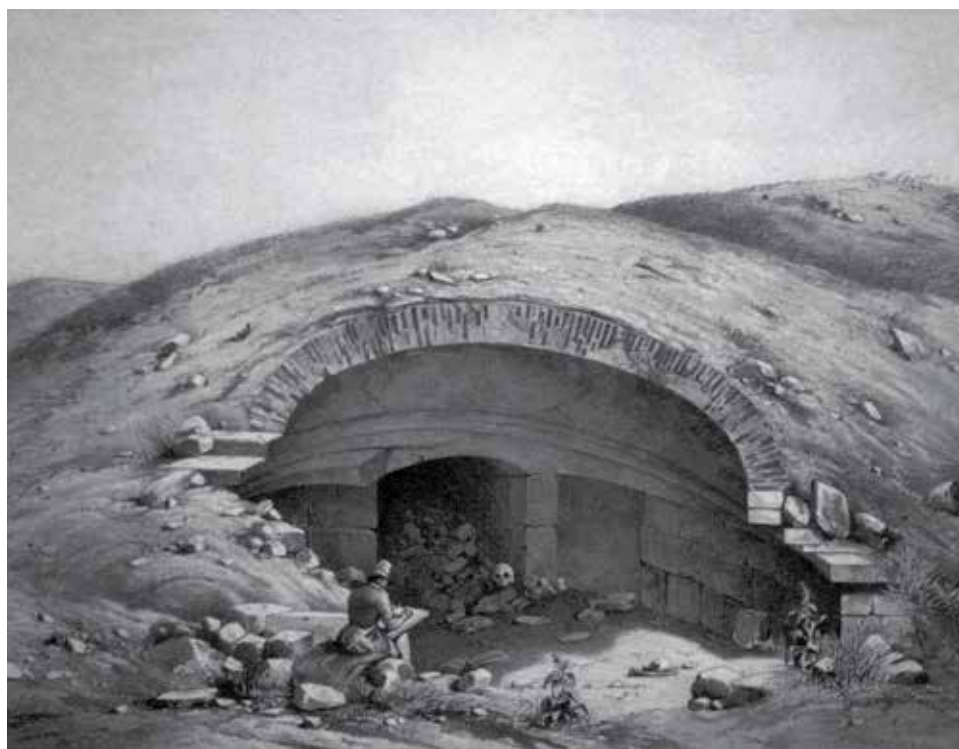

Рис. 359. Руины склепа с плинфовым сводом в Старом Крыму. Литография М. Вебеля. Конец 1840-х гг. (по Мальгиной, 2006, No 242).

Рис. 360. Гробница дочери Тохтамыша. Литография М. Вебеля. Конец 1840-х гг. (по Мальгиной, 2006, No 240).

общины (Крамаровский, 1994, с. 164). На основании научных отчетов М. Г. Крамаровского о раскопках памятника, Э. Д. Зиливинская датирует здание 50-60 гг. XIV в. (Зиливинская, 2014а, с. 133).

Дюрбе сохранилось на уровне нижних кладок и представляет собой квадратное в плане строение с сильно выступавшим наружу прямоугольным пештаком (рис. 358). Размеры здания: основного объема – 10,7 х 10,7 м, усыпальницы – 4,5 х 4,5 м, поминального помещения – 6,0 х 5,9 м, внешние ширина и вынос входного айвана – соответственно, 9,0 и 5,0 м. Толщина: стен – около 2,5 м, пилонов – 2,35 и 2,15 м. Вход был расположен с юга, имел парадное крыльцо с пятью ступенями. Доступ в

усыпальницу осуществлялся с восточной стороны, просвет проема – 1,25 м¹⁰. В западной стене склепа находится вентиляционное отверстие. Пол погребальной камеры выстлан плоским кирпичом. Для стилевой интерпретации объекта особое значение приобретают выявленные раскопками декоративные детали. В заполнении внутреннего пространства основного помещения здания найдены обломки поливных изразцов из кашина с полихромной росписью под глазурью и легким рельефом, которые имеют аналогии в золотоордынском материале Поволжья XIII–XIV вв. Вторая группа декоративных изделий представлена фрагментированными изразцами бирюзового цвета из хорошо обожженной красной глины. Они были обнаружены по всему раскопу и за его пределами, что, вероятно, указывает на их использование в декоре экстерьера, предположительно, для облицовки купола дюрбе. По мнению М. Г. Крамаровского, данное строение принадлежит к типу однокупольных мавзолеев, упрощенно повторяющих структуру среднеазиатских позднесредневековых усыпальниц (Крамаровский, 1994, с. 163-165).

Пытаясь выяснить происхождение и типологию золотоордынских мемориальных построек, Э. Д. Зиливинская предлагает собственное видение архитектоники данного сооружения, получившее свое выражение в закодированном виде (IB36*С+): группа – однокамерные мавзолеи, отдел – кубические (призматические) в основании, подотдел – квадратные (прямоугольные, близкие к квадрату), тип – порталные, подтип – выступающий портал, вид – не расшифрован (Зиливинская, 2014а, с. 163, 167; табл. 1, 3: 69). Она считает, что подобных мавзолеев в Золотой Орде «довольно много», а портал солхатского дюрбе представляет собой переходную форму и мог завершаться аркой «большого пролета и высоты», основанием которой служили очень массивные пилоны. По мнению исследовательницы, большая часть зданий этого типа имела шатровое покрытие. При этом, указывая на сходство крымских усыпальниц с

¹⁰ Согласно выводу Э. Д. Зиливинской, пользовавшейся материалами археологических раскопок, вовнутрь склепа «можно было попасть через специальный коридор, который начинался в 2,3 м к востоку от восточной стены и проходил через нее. Ширина коридора составляла 1,25 м, общая длина – 4,8 м» (Зиливинская, 2014а, с. 133). Надо полагать, имеется в виду выемка в материковом грунте или скале перед входом в усыпальницу, посредством которой производились захоронения.

анатолийскими и азербайджанскими башенными мавзолеями, Э. Д. Зиливинская предполагает, что «в прошлом они также были перекрыты шатрами», правда, наряду с безымянной гробницей на гребне юго-восточного отрога г. Малый Агармыш (середины XIV в.) причисляет к тем в качестве золотоордынских две достаточно поздние, времени Крымского ханства, постройки – бахчисарайские Эски-Дюрбе XVII–XVIII в. и дюрбе Мухаммед-Шах-бея конца XVIII в. (Зиливинская, 2014а, с. 152-153), даты которых определены археологическими раскопками (Сейдалиев, 2014, с. 69; Кирилко, 2009а, с. 463). Как следствие, ссылаясь на консультацию Э. Д. Зиливинской по вопросам типологии мавзолея, М. Г. Крамаровский в обновленной интерпретации памятника уже не упоминает среднеазиатские параллели, но утверждает, что здание было величественным и имело шатровое перекрытие (Крамаровский, 2012, с. 220).

Безусловно, в золотоордынском Крыму предполагается существование и других мемориальных сооружений, отчасти уцелевших (рис. 359), но достоверные сведения о них неизвестны. С определенной долей условности к их числу принадлежит, возможно, последнее подобное строение эпохи – дюрбе Джаныке Ханым, дочери Тохтамыша, умершей в 1437 г. и похороненной на Кырк-Ере, которое обычно датируется началом XVI в. (рис. 360, 361) (Герцен, Могаричев, 1993, с. 58-65), хотя бытуют и иные, столь же априорные, версии относительно времени его возведения, с хронологическими рамками в пределах XIV–XV вв. (Боданинский, 1927, с. 197-198; Засыпкин, 1927, с. 125-126; Зиливинская, 2014а, с. 135; Волошинов, Волошинова, 2014, с. 66-73).

В мусульманской архитектуре Крыма второй половины XIV в. культовые постройки представлены прямоугольными в плане мечетями с продольной ориентацией здания

двух типов – базиличными и купольными. Внутреннее пространство первых делилось на три нефа стрельчатыми аркадами, использовавшими в качестве опор каменные восьмигранные колонны со сталактитовыми базами и капителями. Перекрытие сооружения, предположительно, было стропильным на два ската со щипцовым завершением торцов. Постройки второго типа состояли из двух смежных помещений, разделенных между собой трехпролетной аркадой на прямоугольных в сечении столпах, завершались каменными сводами и куполом. Вход в здание один. Как правило, он вел с севера и выделялся монументальным порталом сельджукского типа – со скамейчатым цоколем и нишами в пилонах либо обычным массивным обрамлением, с небольшим выносом наличника. Имеются примеры расположения дверного проема сбоку, с восточной либо западной стороны строения, что обуславливалось особенностями рельефа и градостроительной ситуацией. Михраб устанавливался на продольной оси здания (обычно – напротив входа) в южной стене, мог проявляться снаружи в виде полукруглого выступа. Минареты золотоордынских мечетей Таврики встроены. Их монолитные основания занимали се-

ДЮРБЕ ДЖАНИКЕ-ХАНЫМ В ЧУФУТ КАЛЕ.

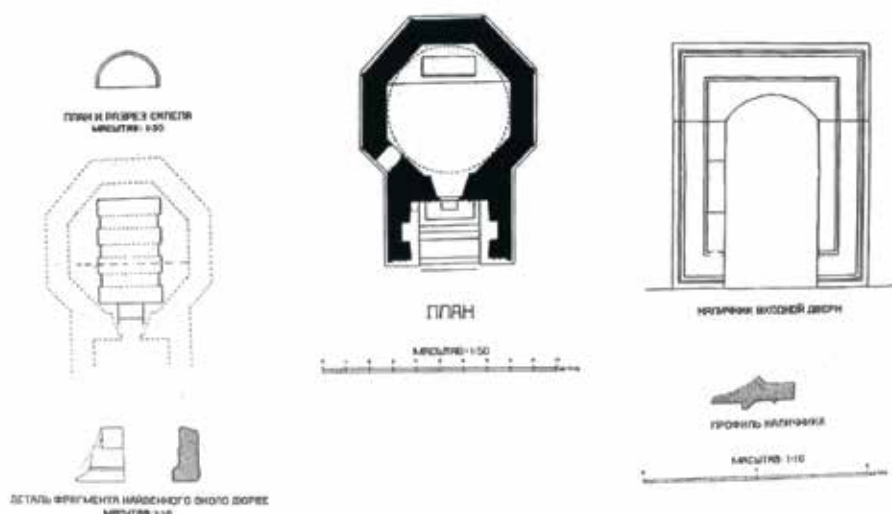

Рис. 361. Дюрбе Джанике-Ханым в Чуфут-Кале. Планы и отдельные детали (по Волошинову, Волошиновой, 2014, с. 72).

веро-западный либо северо-восточный угол здания. Окна главного фасада размещались по сторонам от двери в один или два яруса. Предположительно, подобным образом внутреннее пространство освещалось и от михраба. Отдельные строения имели также небольшой оконный проем в портале, над входом. Основное место в убранстве мечетей занимала высокохудожественная резьба по камню. Архитектурные формы строений и их декор указывают на связи Солхата с Анатолией.

Показательным примером базиличных культовых строений этого времени является мечеть на ул. Красноармейской (более известна под условным названием «мечеть Бейбарса»), которая находится в 80-100 м к северо-востоку от солхатского медресе (рис. 362). Согласно данным стратиграфии дата сооружения определена концом XIII – началом XIV вв. (Крамаровский, 1981, с. 266), но с учетом нумизматического материала мечеть датируется началом правления Тохтамыша (1376-1395) и отнесена к 1382-1385 гг. (Крамаровский, 1989, с. 149; 2005, с. 116). Размеры здания – 19,20 x 16,83 м. Судя по особенностям плана, его объем оказался «буквально втиснутым в уже сложившуюся застройку» (Крамаровский, 1987, с. 132), что вполне могло обусловить определенное усложнение конфигурации сооружения – излом восточной стены и сужение помещения с западной стороны в южном направлении. Вход в здание вел с севера, был обрамлен монументальным порталом с небольшим окошком над дверным проемом. По обе стороны от него двумя ярусами расположены окна. Предположительно, подобным образом помещение освещалось с южного фасада. Продольные стены мечети были сплошными, хотя наличие двух больших вывалов кладки с западного бока, посередине и в южной половине сооружения, допускает вероятность существования там в свое время оконных проемов. Михраб расположен на продольной оси помещения, напротив входа. Кладка южной стены в этом месте снаружи образует характерный полукруглый выступ. Массивное подножие минарета занимало северо-восточный угол строения.

Поскольку при археологическом изучении строения не было найдено ни одного резного

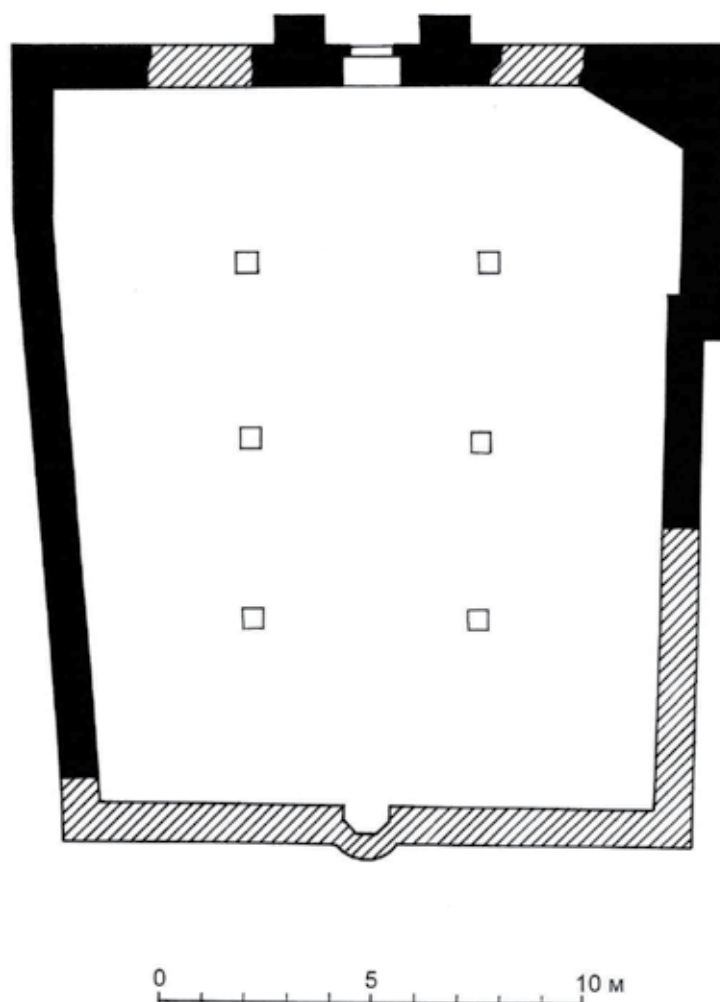

Рис. 362. Т. н. мечеть Бейбарса в г. Старый Крым. План (по Кирилко, 2013, рис. 1: 4).

камня от портала и михраба, автор раскопок высказал «мысль о целенаправленном изъятии их (деталей декора. – В. К.) для вторичного использования» (Крамаровский, 1981, с. 266), которая в научном обороте со временем неожиданно обрела качества факта – «М. Г. Крамаровский выяснил, что этот портал (т. н. мечети Узбека. – В. К.) вначале украшал мечеть базиличного типа, раскопанную на улице Красноармейской» (Айбабин, 2003, с. 287). Подобной идентификации помимо датировки не меньше противоречит существенная разница в размерах и особенно архитектонике обрамления входа обоих сооружений. В частности, т. н. мечеть Бейбарса имела окно над дверным проемом, отсутствующее в портале другого, отождествляемого с ней, здания.

Спорными являются и некоторые иные опубликованные архитектурные наблю-

дения исследователя. Так, М. Г. Крамаровским в ходе археологических раскопок данной постройки были выявлены отпечатки баз опор на поверхности фундаментов и определены шаг колоннады – 4,10 м, а также ширина крайних пролетов(?) аркады: северных – 4,20 м, южных – 3,70 м, что в свою очередь, исходя из вывода о совпадении габаритов, позволило ему «предположить в ней первоначальную «Мечеть Узбека» (Крамаровский, 1987, с. 132)¹¹. Однако, те же величины подобной аркады, появившейся после ремонта, в т. н. мечети Узбека равны, соответственно, 3,93-4,28 м, 3,72 м и 3,74 м, а, значит, речь может идти о вторичном использовании лишь отдельных архитектурных деталей, происходивших из соседней руины – преимущественно, штучных изделий: баз, колонн и капителей¹², но никак не обуславливает идентификацию последней в качестве мечети Узбека. Примечательно то, что кронштейны крайних арок обоих зданий, один из которых в т. н. мечети Бейбарса представлен *in situ* (рис. 363), между собой различаются формой и профилировкой. В научный оборот введено также ошибочное свидетельство Э. Д. Зиливинской о восьмигранных базах мечети (Зиливинская 2014а, с. 31; 2014б, с. 55; 2014в, с. 175), не подтверждаемое ни материалами раскопок, ни реальными остатками сооружения. Дезинформацией является и опубликованное недавно иное сообщение, согласно которому якобы «шаг опорных столбов составил 7,1 м» (Гаврилов, Майко, 2014, с. 138).

Судя по архитектонике и сполиям (Акчокраклы, 1928, с. 172-178), к базиличному типу могла принадлежать также кырк-ерская мечеть

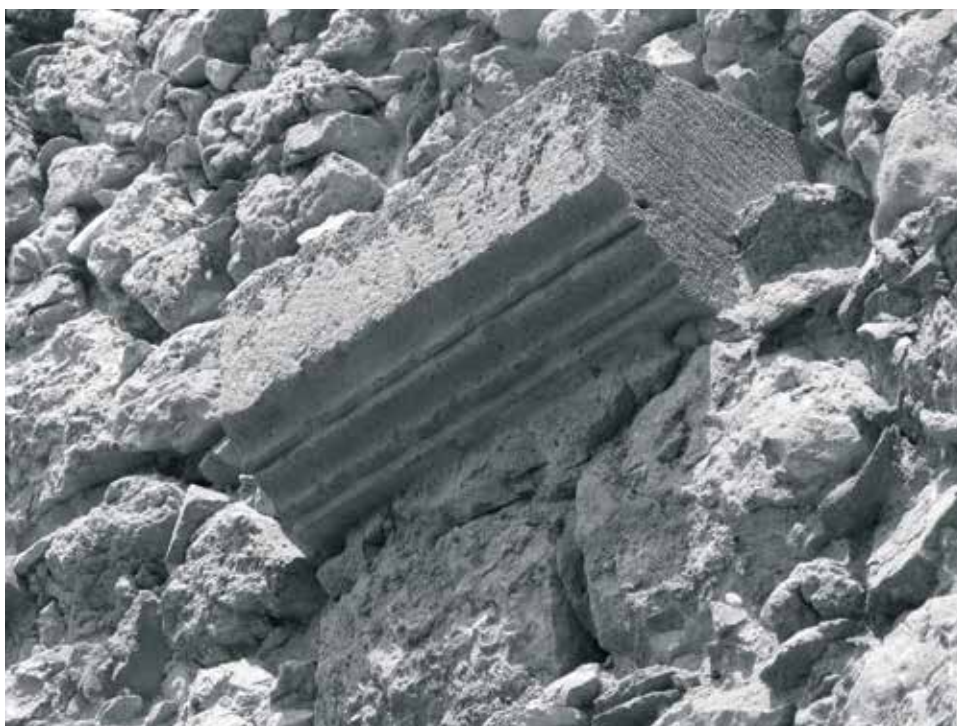

Рис. 363. Кронштейн восточной аркады в т. н. мечети Бейбарса. Вид с юго-востока, снизу. Фото автора.

(рис. 364, 365) – как поздняя постройка XV в., так и предшествовавшее ей сооружение, датируемое лапидарным источником 1346 г. По крайней мере, Эвлия Челеби, сообщая о возведении Хаджи Гераем в 859 г. х. (= 1454/55 г.) на Чуфут-Кале соборной мечети, особо обратил внимание на то, что та была «старинной архитектуры» (Челеби, 2008, с. 83). Вторично использованные при ее строительстве многочисленные архитектурные и декоративные детали от шерфе минарета, михраба и орнаментальной порезки соотносимы с традициями сельджукской художественной культуры (Айбабина, 2001, с. 176).

Выразительным примером купольных культовых сооружений золотоордынского Крыма является солхатская Куршум-Джами, сохранившаяся до уровня нижней части перекрытия (рис. 366). М. Г. Крамаровский, со ссылкой на свидетельство Эвлии Челеби (в интерпретации

¹¹ Надо полагать, не без сомнения, давшего о себе знать позднее (Крамаровский, 2005. с. 116).

¹² В этой связи небезынтересным представляется то обстоятельство, что в своем описании достопримечательностей Эски Кырма Эвлия Челеби даже словом не обмолвился о находившейся в непосредственной близости от мечети и медресе Узбека, не менее монументальной, «мечети Бейбарса», которая, надо полагать, к тому времени полностью утратила все архитектурные детали и превратилась в обезличившуюся безымянную руину.

¹³ Согласно переводу А. П. Григорьева, бывшая дервишская обитель перестроена в квартальную мечеть 15 марта 1398 г. (Григорьев, 1974, с. 27).

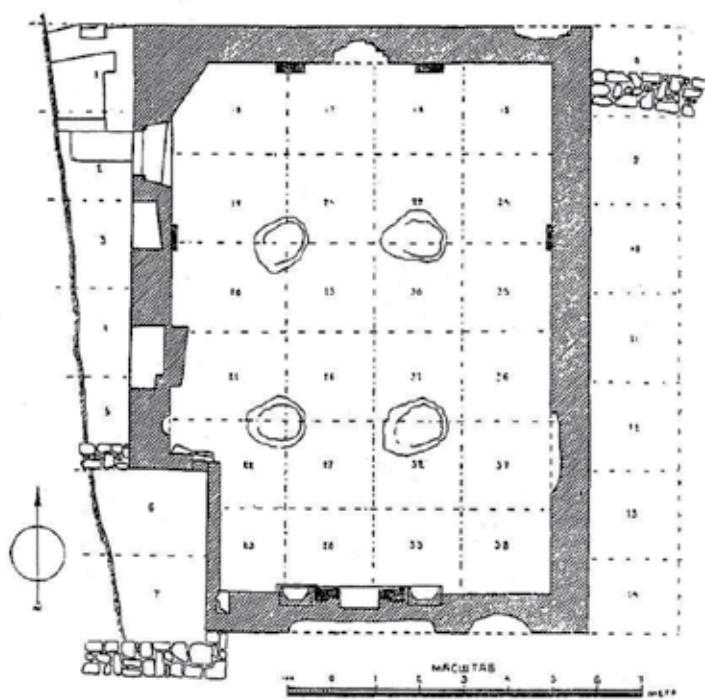

Рис. 364. План развалин мечети на Чуфут-Кале по раскопкам 1928-1929 гг. (по Боданинскому, Засыпкину, 1929, рис. 2).

А. П. Григорьева), датирует ее концом XV в. и считает, что первоначально это была «дервишская обитель, построенная, очевидно, при хане Тимур-Кутлуге (1394-1400), перестроена в мечеть в 1398 г.» (Крамаровский, 1989, с. 149)¹³. Позднее, обстоятельства и время возведения данного здания тем же исследователем с указанием того же источника подверглись уточнению: «Куршум-Джами была построена в 1395 г. как дервишская обитель текие благодаря благотворительной деятельности внуки правителя города Кутлуг Тимура Бай Буглы Хатун», а «в 1398 г. здание текие было обращено в квартальную мечеть и получило новую облицовку михрабной ниши» (Крамаровский, 2005, с. 116). Окончательная версия этой строительной истории выглядит следующим образом: «Одна из последних крупных мечетей, вероятно, построена в годы короткого периода восстановления золотоордынского единства при хане Токтамыше (1381-1395). В смутное время после тимуровского погрома 1395 года, когда многие общественные сооружения ле-

жали в руинах, на благотворительные средства одной из богатейших семей города в 1396 году был построен странноприимный дом для дервишей – текие. Позже текие переделано в мечеть получившую название «Куршун Джами» («Свинцовой») (Крамаровский, 2014а, с. 144). Обе, довольно конкретно обозначенные, даты, надо полагать, небесспорны, поскольку в новых переводах источника они не упоминаются вовсе (даже в качестве примечаний либо предположения). По крайней мере, ни в одном из двух последних его изданий их нет. Эвлия Челеби действительно связывает возведение текие с именем Бай Буглы-хатун, но по времени оно им соотнесено с правлением некоего сына Тахир-бей-хана и точной хронологической характеристикой не сопровождается. Мечеть же, обычно отождествляемая с Куршум-Джами, имеет совсем иную дату, о которой однозначно сообщает тарих: «Построил здание этого храма с Божией помощью шейх по имени Али, Али эль-Бекри, да освятит Бог покровительствующее ему созвездие. Было это в году восемьсот двадцать пятом (= 1421/22 гг.), в дни месяца джумада уль-ахыра». Сама постройка Эвлией Челеби представлена следующим образом: «Она достойна стать большой соборной мечетью. Эта большая мечеть крыта рубиново-красной черепицей¹⁴, выложена из камня и обладает огромным куполом» (Книга путешествия, 1999, с. 83; Челеби, 2008, с. 168). Вероятнее всего, культовое здание, которое упомянуто турецким путешественником в контексте с дервишской обителью и, возможно, ей принадлежавшее, судя по содержанию строительной надписи и его плановой схеме, изначально возводилось в качестве мечети. Хотя, безусловно, смущает отсутствие в нем четко выраженного первоначального михраба, поскольку в трех стенах, южной и обеих боковых, основного зала на осях помещения имелись лишь однотипные прямоугольные с уступами в сечении небольшие, возвышавшиеся над полом, ниши (Засыпкин, 1927, с. 134). Впоследствии, при ремонте, одна из них, которая находилась со стороны Каабы на высоте около 1,20 м, была

¹⁴ Данная информация несколько противоречит нынешнему названию мечети – Куршум-Джами, которое предполагает использование в завершении здания свинцовой кровли, ко времени посещения города турецким путешественником уже утраченной либо появившейся позднее.

заслонена массивным, пристроенным к ней спереди, каменным выступом с пятигранной выемкой посередине, собственно, михрабом, что, по сути, позволило превратить здание в полноценную мечеть.

Куршум-Джами представляет собой прямоугольную в плане постройку с монументальным порталом и пятью массивными контрфорсами, с боков (по два) и сзади (один) противодействовавших распору купола (рис. 25: 1, 4)¹⁵. Размеры мечети – 12,5 x 17,7 м. Она состоит из двух помещений, разделенных между собой трехпролетной аркадой. Основная, южная, часть здания была перекрыта сферическим куполом на тропях тройной пирамидальной формы¹⁶. Примыкающий к ней с севера трехчастный притвор завершался стрельчатыми сводами. Портал имел скамейчатый цоколь, возможно, ниши в пилонах и окно над входом. В качестве выразительной особенности Кур-

шум-Джами следует выделить конструкцию купольного перекрытия здания, тропы которого сложены в *opus mixtum* – кладке с источками в античном (римском) и византийском зодчестве.

По мнению Э. Д. Зиливинской, именно превращением теки в мечеть, вероятно, объясняется «не совсем обычная для подобных сооружений планировка» Куршум-Джами (Зиливинская, 1998, с. 29). Данный вывод, по меньшей мере, субъективен, поскольку в Крыму известна еще одна аналогичная постройка – мечеть Судакской крепости (рис. 351: 2, 3), о существовании которой та знает, более того, считает ее очень близкой по планировке и размерам (Зиливинская, 1998, с. 34; 2011, с. 25; 2014б, с. 32-34). Причем, тождество обоих строений проявляется не столько в этом, но, главным образом, в конструкции перекрытия – использовании тропов пирамидальной

формы, которые в судакском строении отличались лишь более сложной пластикой (пятикратным изломом) гофрированной поверхности и техникой кладки (Засыпкин, 1927, с. 134-138, черт. 8-10). Сама мечеть была возведена накануне захвата Судака генуэзцами в 1365 г., оставшись местами недостроенной (Бертье-Делагард, 1918, с. 20-23, прим.; Джанов, 2005, с. 667), а впоследствии новыми владельцами города была приспособлена для новых нужд – в качестве либо христианского храма, либо общественного сооружения. Имеются также совершенно иные версии хронологии, как впрочем, и предполагаемого назначения памятника (Опочинская, 1986, с. 261-265; Кирилко, 2014б, с. 412-413). В частности, О. И. Домбровский называет постройку присутственной залой («домом консульства») и отно-

Рис. 365. Архитектурные фрагменты, найденные во время раскопок 1928 г. на территории чифут-калинской мечети (по Боданинскому, Засыпкину, 1929, рис. 3).

¹⁵ Из научного оборота непременно должен быть исключен опубликованный недавно (Зиливинская, 1998, с. 29, рис. 10) совершенно безобразный план данной мечети, который существенно искажает представление о здании. Ошибочными являются также сопровождающие его сведения о том, что помещение с михрабом было «увенчано куполом на парусах», а остатки минарета сохранились «в северо-восточном углу» строения, тогда как в конструкции перекрытия использованы тропы, а подножие минарета находилось с западной стороны. К сожалению, часть упомянутой дезинформации уже успешно укоренилась и присутствует во всех новых изданиях ее автора (Зиливинская, 2009, с. 366; 2011, с. 24; 2014а: 31; 2014б: 55, 56; 2014б, с. 177; Кирилко, 2014а, с. 222-223; 2015б, с. 259-260).

¹⁶ По мнению Б. Н. Засыпкина, прототипом данной конструкции может служить завершение гробницы в Никее, где переход к восьмиграннику осуществлен при помощи пирамидального двухъярусного тропы, но в более чистом виде он представлен в ханской усыпальнице в Болгарах (Засыпкин, 1927, с. 137-138; Шуази, 1927, с. 97, рис. 71А).

сит ее к XV в., среди возможных вариантов отдавая предпочтение 1473 г. (Домбровский, 2005, с. 618-620). И. А. Баранов интерпретирует здание как ратушу общины (*logia communis*) и датирует его 1450 г. Капитальный ремонт и появление нового, купольного, перекрытия он связывает с турецким владычеством после 1475 г., однако при этом наиболее близкой аналогией для капителей внутренних опор мечети считает известняковый карниз, обнаруженный во время раскопок местного католического кафедрала св. Девы Марии, возведенного не позднее 1384 г. (Баранов, 2005, с. 632, 635, 651). Согласно выводам В. А. Сидоренко, данная постройка является типичной по планировке и архитектуре «джами сельджукско-анатолийского типа», а ее михраб представляет собой верхушку резного портала, прежде принадлежавшего внешнему оформлению входа католической или армяно-католической церкви и затем вторично использованного в новом качестве, после османского завоевания региона (Сидоренко, 1988, с. 119). А. В. Джанов связывает приспособление недостроенной мечети под храм с созданием в этой части Солдайи, за пределами основной территории города, францисканского монастыря (Джанов, 2005, с. 667-668). По мнению А. Г. Еманова, здание изначально было католическим собором, построенным в 1423 г. по велению солдайского епископа Джироламо Каталано (Еманов, 2015, с. 43-44).

Судакская мечеть выделяется неординарной архитектурой, самобытность которой во многом была обусловлена особенностями рельефа (рис. 368, 369). Она расположена на покатом склоне, состоит из двух прямоугольных в плане объемов с общей стеной, имеет Г-образную конфигурацию, массивный цоколь и

Рис. 366. Руины северной стены крымской Куршум-Джами. Вид с юга.
Автор неизвестен (Архив ИАК РАН).

четкую меридиональную ориентацию, задаваемую михрабом. Внутреннее пространство основной части здания посредством трехпролетной аркады с пилястрами по краям и двумя промежуточными опорами в виде столпов разделено на два смежных компартимента разной величины. Южный из них равносторонний, перекрыт уплощенным куполом на пирамидальных тромпах, северный – завершался тремя продольно расположенными сводами. Дверной проем один, находится сбоку, в восточной стене у самой аркады, ведет непосредственно в купольный зал. Северо-восточный угол здания занят массивным подножием минарета, вход в который расположен в меньшем помещении на уровне пола. Характерной особенностью мечети является наличие открытой снаружи галереи с арочным ограждением на столпах, примыкавшей к зданию сбоку, с восточной стороны, причем фундаменты обоих объемов между собой не разделяются и были возведены одновременно (Фронджуло, 2005, с. 626).

Необычным представляется ассиметричное, со смещением, попарное расположение четырех окон на северном фасаде мечети,

равно как, не имеют близких аналогий богато декорированные изысканной порезкой каменные наличники двух проемов восточной стены, предположительно, появившихся позднее на месте первоначальных ниш. Капители внутренних опор украшены рельефным орнаментом в виде сталактитов и стилизованных лепестков лотоса, причем, отделка их боковых граней почти повсеместно осталась незавершенной – полностью закончена только одна деталь. Разметка подобного декора нанесена также на поверхность отдельных блоков наличника входа в мечеть. Раскопками установлено, что субструкция михраба, образующего снаружи полукруглый выступ, и подножие минарета перевязаны со смежными кладками (Фронджуло, 2005, с. 627, 628), хотя, по мнению другого исследователя памятника, они между собой отличаются составом раствора и, следовательно, разновременные (Баранов, 2005, с. 650). Размеры здания – 10,9 x 14,5 м. Толщина стен – 1,02-1,05 м. Внутренняя ширина основного объема – 8,83 м (Опочинская, 1986, с. 263,

рис. 8; Баранов, 2005, с. 632-653; Джанов, 2005, с. 659-666; Домбровский, 2005, 612-620; Фронджуло, 2005, с. 621-631).

Свой первоначальный вид михраб сохранил только в верхней части, представляет собой монументальное, незначительно выступавшее из плоскости стены, каменное сооружение прямоугольной формы (рис. 370). Он сложен из чисто тесаных блоков известняка, по внешнему краю украшен профилированной рамкой и предельно стилизованной сельджукской цепью с объемной геометрической розеткой посередине, на соединении звеньев, остальное пространство внутри которых заполнено изысканной резной плетенкой из растительного орнамента. Сверху наличник увенчан трехчастным сталактитовым карнизом, а его ниша завершалась пятиярусной ячеистой конхой с основанием в виде половины квадрата (Баранов, 2005, с. 642-643; Джанов, 2005, с. 662-664).

С мечетью хронологически и стилистически соотносим фрагмент портала, вторично использованный в качестве сполы при сооружении современного фонтана (1900 г.), расположенного рядом с крепостью, неподалеку от главных ее ворот (рис. 419). Деталь представляет собой нижнюю часть монументального наличника, который украшен сельджукской цепью с розетками и растительным орнаментом, следуя художественным традициям средневековой архитектуры Малой Азии. Богато декорированное обрамление дверного проема, вероятнее всего, прежде принадлежало значительной по своим размерам неизвестной постройке второй половины XIV в. или первой половины XV в. (Бертье-Делагард, 1918, с. 21; Айбабина, 2001, с. 169, табл. LIX). По мнению отдельных исследователей, первоначально оно украшало вход именно в эту мечеть (Лопушинская, 1991, с. 65, рис. 45, 47), что не бесспорно (Джанов, 2005, с. 664-665).

Мечети в Судакской крепости могла принадлежать каменная емкость для воды, находившаяся рядом со зданием. Постройка представляла собой полностью заглубленную в землю круглую в плане цистерну. Диаметр резервуара – 4,75 м. Сооружение завершалось куполом, который начинается на высоте 1 м от уровня пола. В строение вел узкий лаз с дверным про-

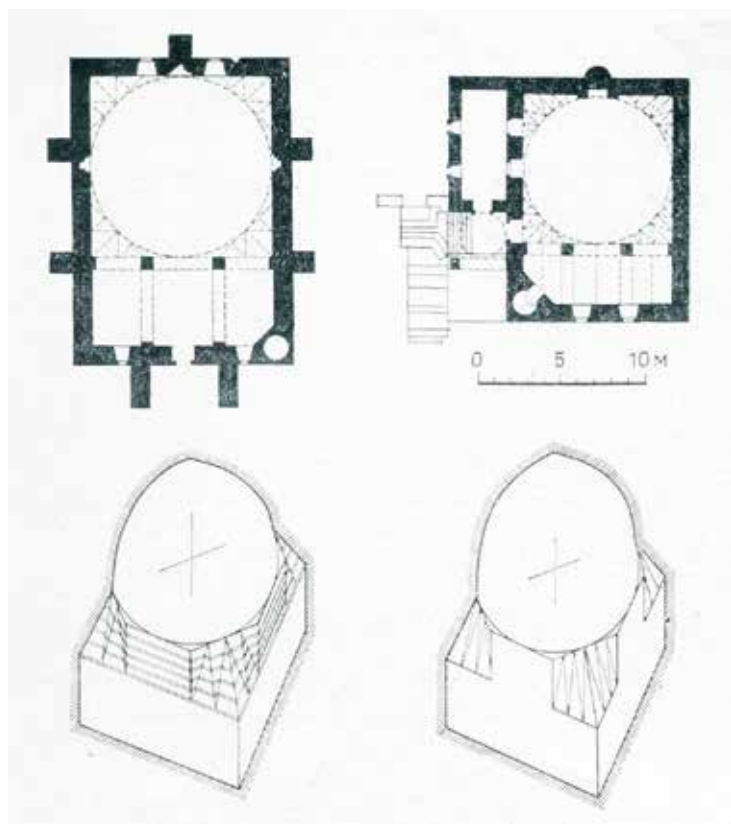

Рис. 367. Крымская Куршум-Джами и мечеть в Судакской крепости. Планы и реконструкция тропов. (по Засыпкину, 1927, черт. 8-10).

Рис. 368. Мечеть в Судакской крепости. Рисунок В. Руссен. 1843-1849 гг. (по Мальгиной, 2006, No 295).

емом и каменной лестницей, доходившей до дна цистерны. Все кладки здания и покрытие пола выполнены из песчаника на цемяночном растворе. Емкость заполнялась привозной водой, которая с каменного корыта поступала вовнутрь сооружения через керамическую трубу в куполе, расположенную на расстоянии 2 м от пола (Лопушинская, 1991, с. 96, рис. 69, 70). Своей архитектурой данная по-

стройка во многом тождественна сардобе мечети Халифа Худойдод в Бухаре (Кочедамов, 1957, с. 178, рис. 21) и, надо полагать, имела аналогичное предназначение.

К 1358 г. принадлежат две периферийные постройки, о которых сообщают эпиграфические источники, частично дополняемые строительными остатками.

Посвятительной надписью с датой 760 г. х. на арабском языке отмечено появление малой архитектурной формы в Отузах (вероятнее всего, колодца) которая была возведена по указанию великого эмира Кутлуг-Тимур-бека местным жителем по имени Идрис, сыном

шейха Хаджи Яхьи сына Мухаммеда Иракского, спустя несколько лет в эпитафии 763 г. х. (= 1361 г.) названного мучеником. Особенности арабской каллиграфии не исключают вероятности того, что в надписи сообщается о каком-то пограничном объекте – стене или воротах (Акчокраклы, 1927, с. 9, 17). В отличие от О. Н.-А. Акчокраклы и А. Я. Якубовского, отождествлявших «ве-

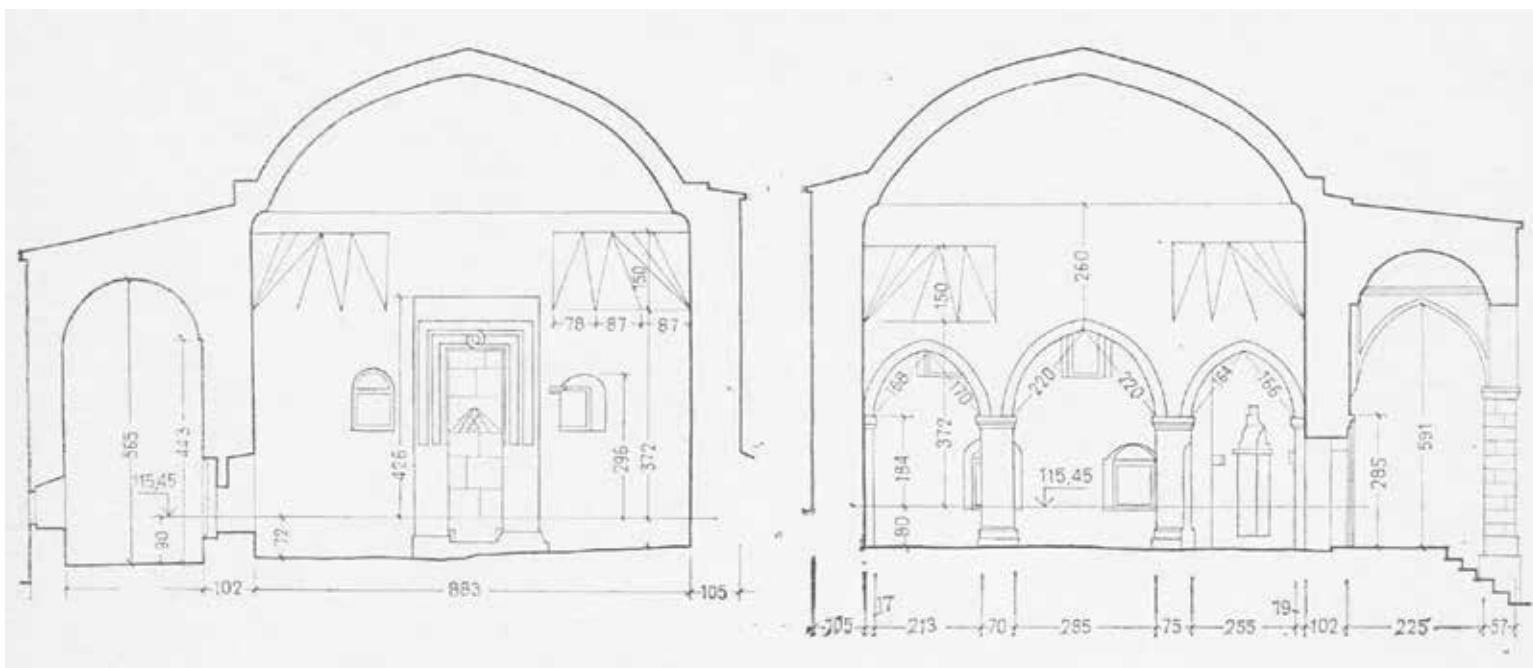

Рис. 369. Мечеть в Судакской крепости. Продольный и поперечный разрезы здания (по Опочинской, 1986, рис. 8).

ликого эмира Кутлуг-Тимур-бека» отузской надписи с хорезмийским наместником Узбека Кутлук-Тимуром, М. Г. Сафаргалиев, ссылаясь на свидетельство персидского историка Мирхонда о смерти того в Хорезме в 736 г. х. (1335-1336 гг.), считает, что в данном случае речь, несомненно, идет о сыне Тулук-Тимура, сменившего на этом посту отца (Сафаргалиев, 1996, с. 341).

Еще об одном здании того же времени сообщает арабская надпись располагавшаяся над главным, северным, входом в мечеть Шейх-Кой (совр. с. Давыдово Симферопольского района), в настоящий момент полностью разрушенную: «Сын султана Гыяс-эд-Дина / Бирди-Бикхан, да будет вечным царство его / «Построено это здание для хафизов (знающих коран / наизусть) в дни правления великого эмира / Кутлуг-Темур-бека, сына Туляк-Тимур- / Бека, сына Хаджи ... (?)». Дата постройки находилась отдельно, над боковым, западным, входом: «15-го дня благословенного месяца Шаабана 760 г. (1358 г.)» (Акъчокъракълы, 2006, с. 253-254).

Само здание мечети было кубовидным с высоким восьмигранным барабаном и сферическим куполом на парусах, минарет пристроен снаружи у северо-западного угла. Михраб сооружения представляет собой скругленную на стыках плоскостей семигранную в плане нишу с конхой из четырех рядов сталактитов, которая с боков и сверху обрамлена профилированным наличником, орнаментированным сельджукской цепью (рис. 371, 372). Внешние края ниши украшены трехчетвертными колонками с двухъярусными капителями, декорированными изысканной порезкой в виде растительных побегов и стилизованных листьев. Свой первоначальный облик сохранила только восточная деталь. Парная ей, западная, капитель является предельно упрощенным новоделом. Уцелевшее изделие имеет стилевые параллели в орнаментике архитектурного убранства солхатских мечети Узбека 1314 г. и медресе Инджи-бей Хатун 1333 г., но отличается более компактной формой и почти тождественно капители, использованной в портале церкви армянского монастыря Сурб Хач, также датируемой 1358 г. (Кирилко, 20146, с. 409, 410, 411). Концы зве-

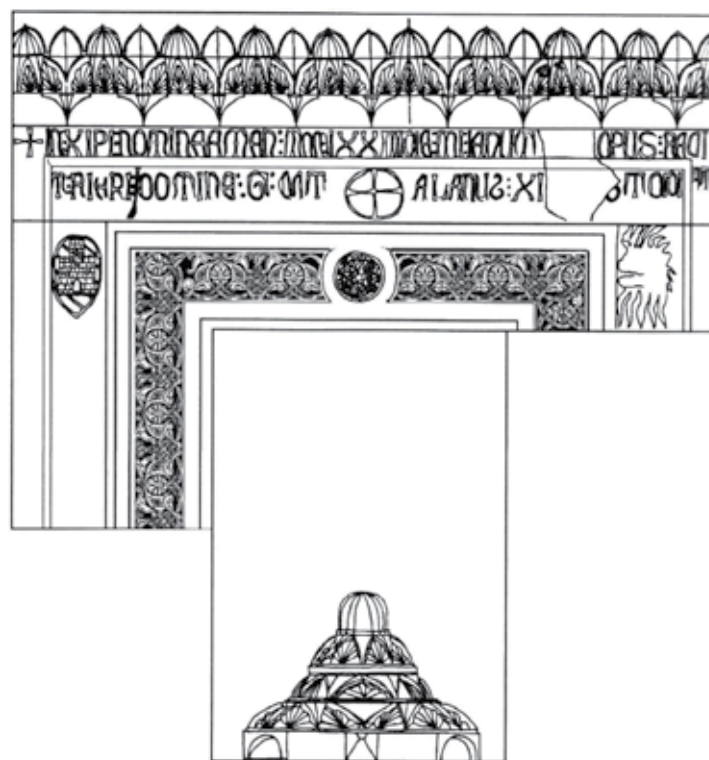

Рис. 370. Михраб мечети в Судакской крепости. Уцелевший фрагмент верхней части сооружения (по Джанову, 2005, рис. 12).

ньев сельджукской цепи округлые, на соединении украшены рельефной шестиконечной розеткой в виде плетенки, ближайшей аналогией которой являются подобные декоративные детали фронтона кивория из раскопок в каффинской церкви св. Иоанна Богослова (Айбабина, 2001, рис. 35:1; 36:6).

Судя по материалам археографических источников и натурного изучения строительных остатков памятника, мечеть в Шейх-Кой представляет собой постройку османского времени, при возведении которой вторично использовались архитектурные детали от более раннего, золотоордынского, строения, пока не поддающегося точной локализации. Михраб является споліей. Он имеет характерные для сельджукской декоративной пластики черты и уверенно может быть датирован 1358 г. Его первоначальные формы сильно искажены вследствие небрежной и неумелой перекладки конхи, которой данное сооружение подверглось непосредственно при возведении стены. К числу споліей следует отнести также посвятельные надписи и фрагменты портала. Бли-

Рис. 371. Михраб мечети в Шейх-Кой. Вид с севера. Фото автора. 2012 г.

жайшие аналогии самому зданию датируются XVI–XVII вв. Шейх-Кой может быть отождествлен с селением Азизлер, где в свое время находилось место паломничества Баба Ядиляр (Кирилко, Бочаров, 2015; Кирилко, 2016).

Нарративные источники сообщают еще об одной мечети средневекового Солхата эпохи расцвета – Муск-Джами, которая точно не датирована и до сих пор не локализована, хотя известно, что она находилась «у внутренней стороны Кефенских ворот Крымской крепости» (Книга путешествия, 1999, с. 84). Согласно легенде в изложении Э. Челеби, ее распорядился построить некий очень богатый местный купец, пожертвовавший для подтверждения своего имущественного статуса десятью кантарами пряностей. Легенда интересна технологическими деталями, как то, упоминанием рытья фундаментов и использования при возведении стен известкового раствора и глины, а также грязевого замеса с мускусом и амброй

(Книга путешествия, 1999, с. 84). Немного иную интерпретацию данная история получила у Сейид Мухаммед Риза, но и она подтверждает применение глины в качестве вяжущего для кладки (Смирнов, 2005, с. 98).

Строительные традиции золотоордынского Крыма вполне определенно проявились также в гражданской архитектуре региона, представленной в основном предельно лаконичными свидетельствами источников и фрагментарными остатками отдельных сооружений. Весьма показательно сообщение арабского географа Умар ибн ал-Варди, отметившего, что Солхат – «большой город, где имеются базары, мечети, гостиницы, бани» (Поляк, 1964, с. 50).

Относительно достоверной реконструкции поддается одно такое здание – т. н. караван-сарай на южной окраине Солхата, иногда трактуемое также как дворец Ширинских (Тункина, 2011, с. 58). Строение имело вид пятигранного в плане (прямоугольник со срезанным северо-западным краем) монументального сооружения фортификационного типа – с мощными внешними стенами и несколькими (по свидетельству П. И. Кеппена, четыремя) выступавшими наружу квадратными в основании башнями (Тункина, 2011, с. 60) – двумя на северо-восточной стороне, по одной – с юго-востока и с запада (рис. 336, 357). Ориентация ограды диагональная. Внутри оно представляло собой мощный камнем («из слабо обработанного известняка») большой двор с фонтаном в центре и двухъярусными постройками с галереями по периметру (Бороздин, 1926, с. 17–22). По свидетельству старожилов, «ворота находились на юго-западном углу¹⁷ здания

¹⁷ Что вполне логично, ибо с юго-восточной стороны, которая в настоящее время на поверхности земли не прослеживается, двор примыкал к крепостной стене города. А. В. Гаврилов и В. В. Майко пришли к выводу о том, что сооружение имело одни ворота, очевидно, в южной стене, ссылаясь при этом на исследования И. В. Тункиной, которая, тем не менее, о точном местоположении входа ничего не сообщает. Более того, они считают, что, «возможно, здесь находилась резиденция генуэзского консула и склады для привозимых товаров», принадлежавших европейским купцам, которые таким образом были вынуждены защищать свое имущество и жизнь от различного рода посягательств (Гаврилов, Майко, 2014, с. 152). В экспликации к плану И. Лютова строение представлено как «Первый ханский дом окруженный стеной с башнями» (РГВИА. Ф. 846 ВУА. № 22608).

и были украшены резными косяками». Косвенным подтверждением того, что вход мог быть выделен богато декорированным порталом, является найденный в свое время неподалеку от объекта «огромный, в сажень или более, камень, весь испещренный резьбой» (Смирнов, 1886, с. 283).

Важное место в структуре средневекового города занимали бани, которые в архитектуре золотоордынского Крыма представлены единичными, плохо сохранившимися, сооружениями трех основных типов: крупной общественной постройкой в Сугдее, квартальной – в Солхате и частной – в Керчи (Майко, 2014, с. 62-64).

Солхатская баня находилась в Георгиевской балке, в районе расселения мусульманской общины города. Раскопками выявлены кладки нижней части прямоугольного в плане компактного каменного здания удлиненной, вытянутой меридионально, формы (рис. 358) (Гаврилов, Майко, 2014, с. 170-177). Сооружение могло иметь пристройки и служебные навесы. Общие размеры основного объема – 15,50 x 6,50 м. Толщина стен – 0,78-0,90 м. Наземная часть бани состояла, по меньшей мере, из четырех помещений, расположенных последовательно, сообразно с постепенным нарастанием температуры внутреннего пространства. Два из них, средние, были квадратными в плане и, вероятнее всего, завершались куполами, в отличие от крайних сводчатых. На уровне субструкции между собой они сообщались двумя щелевидными проемами в поперечной стене, обеспечивавшими ток горячего воздуха под полом от топки по направлению к входу. Подобные сквозные отверстия в кладке подножия имелись также в других местах – два с южной стороны, где находилось отопительное сооружение и каменная емкость для горячей воды, и одно с запада, предполагая наличие там некой обогреваемой снизу пристройки. Усилению тяги, равно как, регулированию температуры внутри помещений способствовали четыре вертикальных канала из керамических труб, расположенных по одному в продольных

стенах обоих средних залов здания¹⁸. Полы были каменными, поддерживались опорами из плинфы. Подпольная жаровая система завершалась горизонтальным вытяжным дымоходом ломаной конфигурации, который находился в северной части здания под первым, самым прохладным, помещением и перемещал остывший воздух за пределы бани. Вода разводилась и удалялась керамическими трубопроводами, проложенными внутри и снаружи здания.

На основании материалов археологических раскопок время возведения здания отнесено к первой половине XIV в., а его разрушение произошло во второй половине того же века. Исходя из размеров, исследователи памятника считают, что данная баня принадлежала одному из городских кварталов или являлась частным сооружением, расположенным на

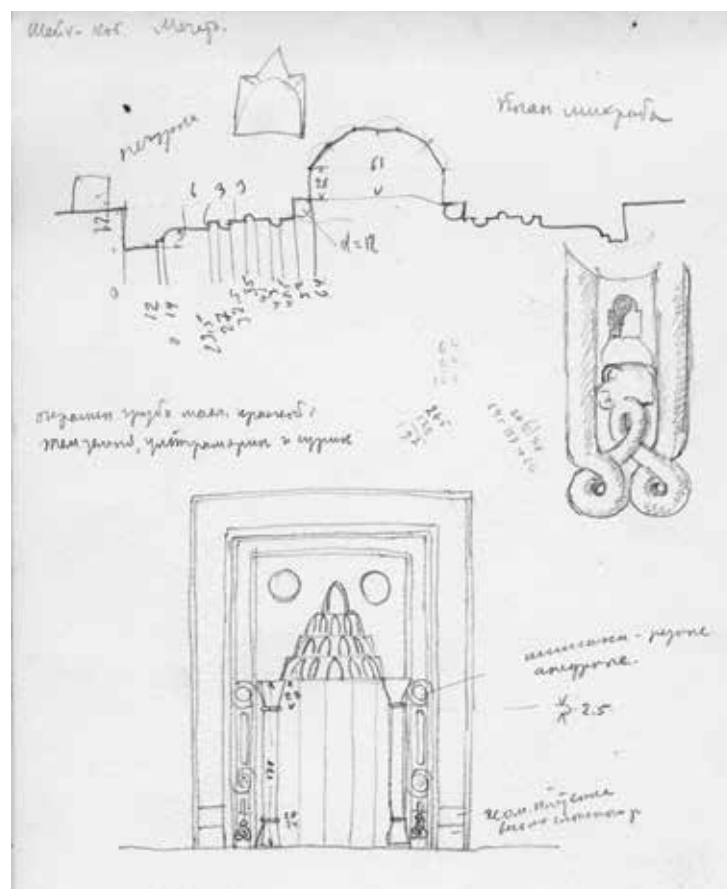

Рис. 372. Михраб мечети в Шейх-Кой. План, вид и фрагменты деталей. Кроки. Автор неизвестен. 1928 г. (по Кирилло, 2016, рис. 2).

¹⁸ Автором раскопок памятника они ошибочно интерпретированы как «остатки керамических труб, вероятно, для разводки воды в толще стен» (Гаврилов, Майко, 2014, с. 173).

территории усадьбы (Гаврилов, Майко, 2014, с. 170-175).

Сведения о других объектах гражданской архитектуры города крайне скудны. Известно лишь несколько письменных свидетельств, повествующих непосредственно о жилых сооружениях столицы крымского улуса. Судя по бытовавшим в XIV в. названиям одного из кварталов Солхата, населенного армянами («Верхний участок с землекрытыми жилищами», «Чхбнис»), для массовой застройки, по меньшей мере, этой части города были характерны грунтовые кровли и турлучная конструкция стен (Кирилко, 2008, с. 37, прим. 1), тяготеющие к малоазийской и кавказской строительным культурам. Позднее, в третьей четверти XVII в., Эвлия Челеби сообщает об усадебных зданиях «с верхним и нижним этажами, каменной кладки и крытых черепицей» (Книга путешествия, 1999, с. 82), соотносимых с домами понтийского типа, разносторонне представленных в Малой Азии, Средиземноморье и на Балканах. Городской пейзаж Солхата, который, по мнению М. Г. Крамаровского, «не отличался высокой плотностью застройки», также дополняли юрты, упоминаемые Перо Тафуром при посещении Крыма в 30-х годах XV в. (Крамаровский, 1989, с. 144).

Характерной особенностью градостроительной структуры золотоордынского Солхата второй половины XIV в. является наличие оборонительных сооружений, что несколько противоречит устоявшемуся мнению, согласно которому для тюрко-монгольской кочевнической традиции городские стены были неприемлемыми – как признак слабости (Крамаровский, 2009а, с. 567). Тем не менее, данное явление не беспрецедентно, о чем свидетельствуют близкие по времени примеры Сарая ал-Джедид и Хаджитархана (Мыц, 2009, с. 41).

Ведущий исследователь памятника М. Г. Крамаровский считает, что оборонительный комплекс

Солхата возникает в период между 1362 и 1380 гг., состоял из двух разномасштабных этапов (Крамаровский, 2012, с. 226-227).

Наиболее ранние фортификационные объекты города датируются письменными источниками 1363 г. и представляют собой обвалованные земляные рвы. По свидетельству Степаноса, сына Натера, в Солхате предпринято усиление городской территории, сопровождавшееся уничтожением жилой застройки: «И в сие время бытует смута возмущения из-за плотских мироправителей, ибо не существует главы-царя, кто установит мир (и), по Господнему слову, не допустит разделения царства, из-за чего начальник этого города [Сулхат] режет яму, роет ров вокруг города, и много домов с основ разваливает, и разруха – нечислимая, и каждый опасается» (Саргсян, 2004а, с. 152; Свод, 2008, с. 43, 152-153, № 71; Мыц, 2009, с. 41; Крамаровский, 2012, с. 221). Спешное сооружение рва вокруг основной части города было осуществлено в целях защиты Солхата от литовской угрозы по решению наместника крымского улуса, которым в то время был Кутлуг-Тимур (Мыц, 2009, с. 39-41), либо Кутлуг-Буга (Крамаровский, 2012, с. 222-223).

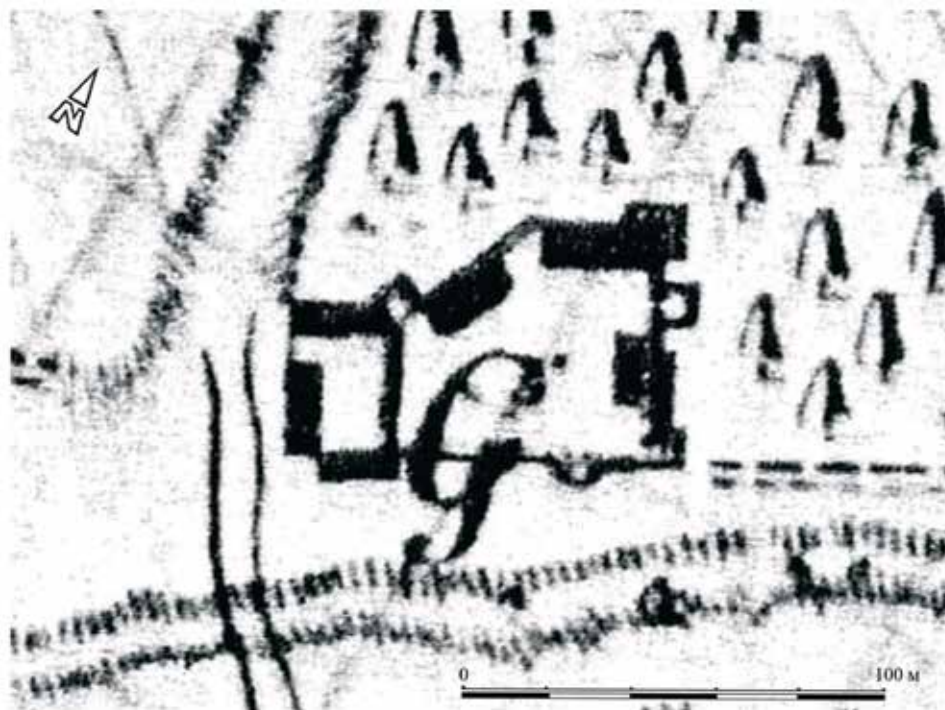

Рис. 373. Т. н. караван-сарай в г. Старый Крым. Фрагмент плана города. Чертеж И. Лютова. Около 1783 г. (по Кирилко, 2013, рис. 7: 4).

Ров обрамлял территорию города по всему периметру и имел замкнутый контур (рис. 352). На отдельных местах в его конфигурацию органично включены природные образования – балки и овраги. А. В. Гаврилов и В. В. Майко сообщают о зафиксированных ими остатках четырех разновременных рвов и валов, но данную информацию они особо не детализируют, а хронологическое многообразие упомянутых сооружений не обосновывают (Гаврилов, Майко, 2014, с. 97). В частности, помимо основного сооружения исследователями упоминаются античные рвы, которые позже, «во время военной опасности», заставшие их татары углубили и продлили, а также «дополнительные рвы», появившиеся в 70-80 годах XIV в. в связи с феодальными усобицами внутри Золотой Орды (Гаврилов, Майко, 2014, с. 27, 36, 101). Поскольку с восточной и западной сторон земляные преграды дублируются, действительно, есть основание их считать разновременными, связывая появление внутренних с возведением оборонительных стен, с которыми они имеют одинаковое начертание. Согласно плану И. Лютова, расстояние между ними на северном участке составляло от 40 до 120 м, на восточном – от 15-20 до 65 м, южном – от 20 до 120 м, западном – от 45 до 150 м (Крамаровский, 2012, с. 402-403, прим. 772).

Внешние, первоначальные, рвы имели трапециевидный в сечении профиль с немного выпуклыми посередине бортами, относительно крутыми у основания и выполаживающимися ближе к поверхности (рис. 375). Дно ровное плоское. Ширина сооружения: в верхней части – 9,00-9,20 м, в нижней – 3,10 м. Его глубина – 1,90-2,40 м. Уклон napольной стороны выемки составляет 45-70°, с внутреннего края – 25-55°. Вал сохранился на высоту 0,70 м, прослежено три слоя насыпи (Гаврилов, Майко, 2014, с. 99-101)¹⁹.

По мнению М. Г. Крамаровского, окончательное решение о возведении второго, каменного, оборонительного пояса Солхата пришло

беклярбеку Мамаю в короткий период конца 1374 – начала 1375 гг. и могло быть связано с отвоеванием в 1375 г. у генуэзцев Сугдеи с восемнадцатью поселениями южного побережья Крыма (Крамаровский, 2012, с. 224). А. П. Григорьев считал, что строительство крепостной ограды заняло пять лет, продолжалось с 1375 г. до осени 1380 г. – времени смерти Мамаю (Григорьев, 2010, с. 116).

Согласно плану города, выполненного И. Лютовым около 1783 г. (рис. 352), крепостной полигон имел сложную конфигурацию, хорошо соотнесенную с рельефом местности, а его периметр достигает 6734 м (в первоначальной версии – 6,2 км), что вполне сопоставимо с данными Эвлии Челеби, в 1666 г. насчитавшего при обходе оборонительных стен 17 тысяч шагов (Крамаровский, 1989, с. 144; 2012, с. 224-225). По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, протяженность ограды составляет шесть, а земляных укреплений около восьми верст (Бертье-Делагард, 1920, с. 100). На исследованных раскопках участка толщина сооружения равна 1,15-1,20 м (Бороздин, 1927, с. 266; Гаврилов, Майко, 2014, с. 106, 111), хотя, по утверждению М. Г. Крамаровского, она была «не менее 2,5 м» (Крамаровский, 2012, с. 225), что несколько сомнительно. Кладка крепостной ограды трехслойная двухлицевая на известковом растворе. Внешние участки конструкции сложены из относительно крупного ломаного камня, внутреннее пространство заполнено мелким и средним бутом, местами с использованием глины (Гаврилов, Майко, 2014, с. 67, 106, 108, 109). Высота нижнего ряда кладки – 0,50 м. Фасадные поверхности сооружения ровные.

Ссылаясь на свидетельство Эвлии Челеби, согласно которому городские стены «были сложены из гладко отесанных каменных блоков», М. Г. Крамаровский пришел к выводу: «под этим следует понимать, что обработке подверглись камни лицевого панциря, как это можно и сейчас видеть на примере кладок фасада медресе Солхата» и попытался найти под-

¹⁹ Для сравнения, перепад высот земляных золотоордынских оборонительных сооружений (от дна рва до вершины вала) Нижнего Поволжья, по времени соотносимых с Великой замятней 60-70-х годов XIV в., в Увее составляет около 5 м, а на Водянском и Царевском городищах не превышает 3 м (Ильина, 2015, с. 227, 231).

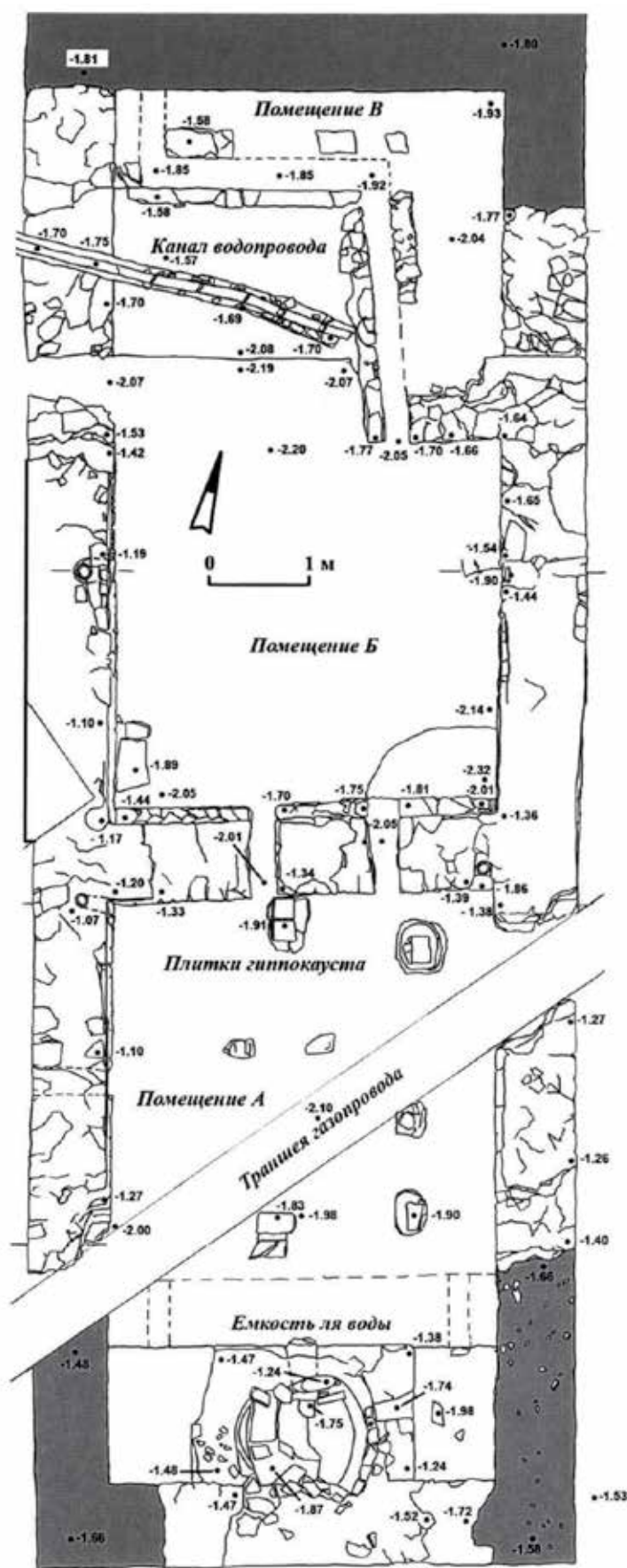

Рис. 374. Баня в Георгиевской балке г. Старый Крым.
План (по Гаврилову, Майко, 2014, с. 171).

тверждение в материалах археологических исследований, хотя ни одного подобного участка данного сооружения – ни в целом виде, ни в разрушенном состоянии, судя по опубликованным материалам, раскопками не выявлено (Крамаровский, 2012, с. 224, илл. 103; Гаврилов, Майко, 2014, с. 67, 108, 109). Более того, вопреки последнему, исследователь считает, что по аналогии с анатолийскими примерами «лицевые поверхности облицовывались квадратами пиленого привозного песчаника, обработанного зубаткой», а, судя по находкам сколов резных камней, которые, на мой взгляд, вполне могли принадлежать находившемуся поблизости мавзолею, «лицевые кладки стен Солхата содержали декоративные вставки из того же привозного известняка. В этом («отделка стен из мраморизированного известняка более мягкой породой светло-серого песчаника») он видит местную строительную традицию, получившую в Солхате свое выражение при возведении стен крупных общественных сооружений (Крамаровский, 2012, с. 225), что, а именно, гармоничное сочетание двух разных по тональности, цвету и прочности пород строительного камня, действительно применено при оформлении фасадов медресе Инджи-бей Хатун (Кирилко, 2011, с. 165-166).

По мнению А. В. Гаврилова и В. В. Майко, на исследованных участках оборонительная стена Солхата больше походила на простую «крепкую ограду», имела высоту, «по-видимому, около четырех метров» и по своим характеристикам вполне соответствовала свидетельству Иосафату Барбаро, в середине XV в. сообщавшего, что «у них (татар. – В. К.) два обнесенных стенами места (Соргат и Керкиарди. – В. К.), но не сильных» (Гаврилов, Майко, 2014, с. 113; Барбаро и Контарини, 1971, с. 15). Другой крайностью является вывод М. Г. Крамаровского, считающего, что «стены достигали по высоте 10 м, а башни до 15 м» (Крамаровский, 2012, с. 226). В этой связи достаточно любопытным представляется размышление А. Л. Бертье-Делагарда о совсем разрушившихся к концу XVIII в. оборонительных сооружениях, которое дало ему, военному инженеру и ученому, основание констатировать: «это могло случиться только с очень слабыми стена-

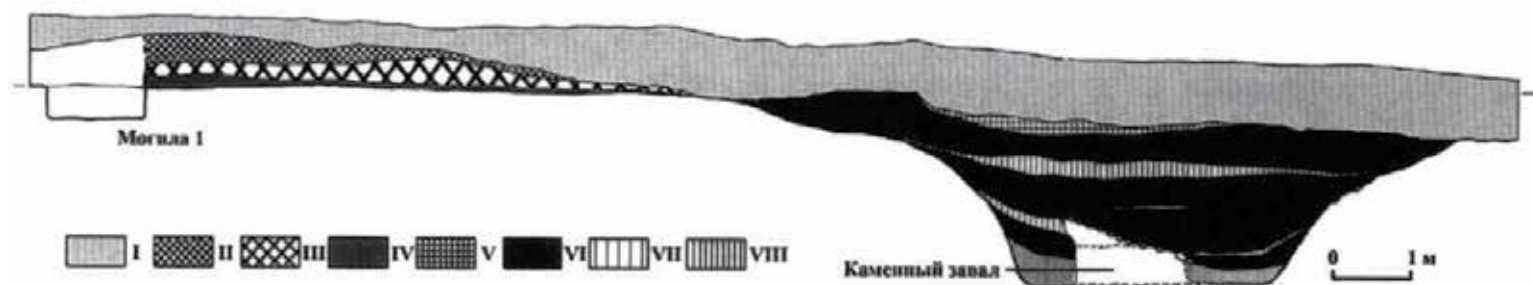

Рис. 375. Средневековый ров Солхата. План и разрез исследованного раскопками участка.
(По Гаврилову, Майко, 2014, с. 101.)

ми» (Бертье-Делагард, 1920, с. 101). Хотя, надо полагать, не все столь однозначно, если учитывать сведения иных средневековых очевидцев, в качестве шпионов под прикрытием предметно и заинтересованно оценивавших военный потенциал городской фортификации. Польский посол М. Броневский, посетивший Эски-Крым в XVI в., характеризовал его как «город с крепостью, окруженную древнею высокою и толстою стеною» (Описание Крыма, 1867, с. 346), а спустя век еще более лестно о достоинствах крепостных построек бывшей столи-

цы улуса отозвался турецкий путешественник Эвлия Челеби, отметив, в частности, что те были сложены «из отесанного и полированного камня» (Книга путешествия, 1999, с. 81).

Снаружи по всему контуру оборонительная стена была усилена прямоугольными в плане башнями со стороной около 10 м, общее число которых, по мнению М. Г. Крамаровского, «по-видимому, достигало шестидесяти пяти», а расстояние между ними составляло 75-100 м. Свои, несколько идеализированные, выводы он делает, «исходя из шага междубашенного

пространства и общей величины периметра» (Крамаровский, 2012, с. 225; 2014а, с. 138-139, илл. 2-3). Тем не менее, на плане Ивана Лютова пунктиром изображено всего 28 башен, что более правдоподобно (рис. 352). И не только потому, что данный чертеж отличается предельной точностью и достоверностью, но данное количество обуславливается логичностью их размещения, хотя при этом полукруглая в плане форма самих сооружений вызывает определенные сомнения. В большинстве своем башни были угловыми, находились на выступавших наружу изломах крепостного полигона, и только в одном месте, на исключительно

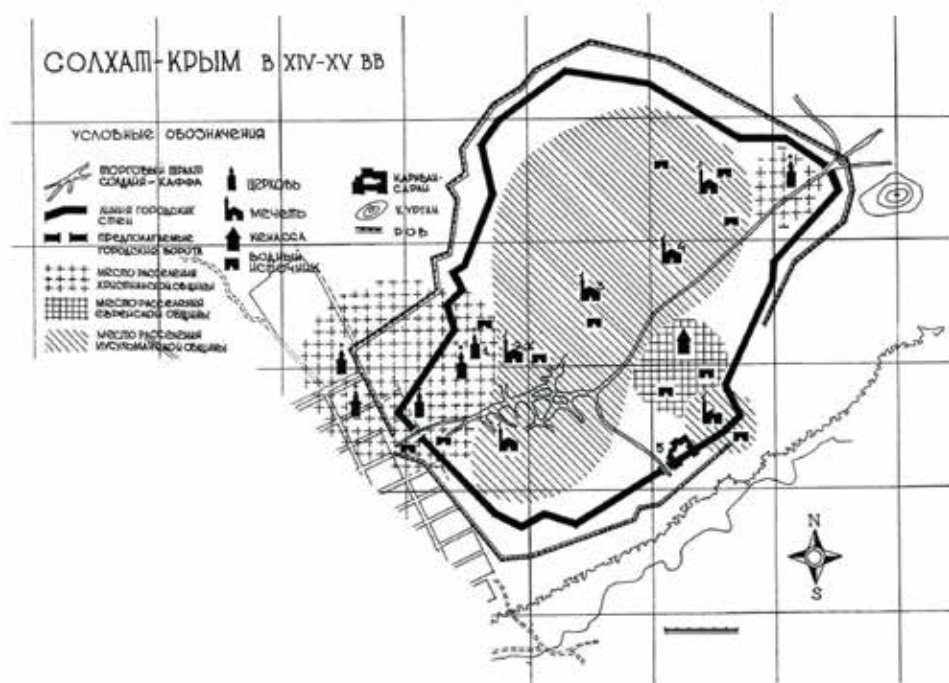

Рис. 376. План-схема Солхата-Крыма (по Крамаровскому, 1989, рис. 2).

ответственном, каффинском, направлении, появляются часто расположенные, с шагом 75-100 м, промежуточные башни. Примечательно то, что последними насыщается не самый приступный участок ограды, венчавший гребень юго-восточного отрога г. Малый Агармыш, но в стратегическом плане наиболее презентабельный, ибо он, возвышаясь над относительно ровной напольной территорией, позволял воздействовать на противника психологически и даже на значительном удалении от города наглядно демонстрировать мощь (довольно сомнительную, учитывая мизерную толщину стен) оборонительных сооружений²⁰. По крайней мере, находившиеся неподалеку от него главные, северо-западные, крепостные ворота были защищены значительно хуже.

Доступ в город обеспечивало три первостепенных входа, располагавшиеся на магистралях, соединявших Солхат с основными населенными пунктами региона. Безусловно, имелись также менее важные въезды и различного рода калитки.

Наиболее значимыми были Каффинские ворота. В частности, они известны по упоминанию Э. Челеби в связи с локализацией городских мечетей, а также отдельных, синхронных им, событий (Книга путешествий, 1999, с. 83, 84). К ним вело две дороги – из Карасубазара и Каффы. План самого сооружения в схематическом виде изображен на чертеже И. Лютова (рис. 352). Строение представляло собой большую полукруглую надвратную башню или барбакан и находилось на вынесенном наружу изломе крепостной ограды, куртины которой в этом месте сведены под углом 125°.

С противоположного края города, на въезде со стороны Судака, также должны были

Рис. 377. Армянский храм на въезде в г. Старый Крым. Вид с юго-запада. Акварель М. М. Иванова. 1783 г. (ГРМ. Шк А 69/III. Р-30071).

иметься капитальные крепостные ворота. Постройка не сохранилась, но с ней соотносимы впоследствии утраченные находки отдельных архитектурно-конструктивных деталей, среди которых особо выделялся «довольно крупный замковый камень» (Гаврилов, Майко, 2014, с. 112).

Южные крепостные ворота находились рядом с караван-сараям, защищали доступ в город со стороны Отуз. О самом сооружении неизвестно ничего.

Крепость имела цитадель, которая располагалась на северной окраине города и занимала вершину холма Ногайлы Оглу оба (Бертые-Делагард, 1920, с. 103, прим. 2). Судя по чертежу И. Лютова (рис. 352), обособленная часть территории представляла собой трапециевидную в плане площадку с замкнутым периметром оборонительных стен, усиленного несколькими башнями.

Достаточно любопытными представляются введенные в научный оборот технологические характеристики крепостных сооружений

²⁰ Принимая во внимание ассортимент снаряжения карательной экспедиции Карло Ломеллини (Колли, 1913, с. 118), фортификационные сооружения Солхата оставались обороноспособными и позднее, в 30-х годах XV в., когда генуэзцы собирались их штурмовать с помощью осадных лестниц и пушек.

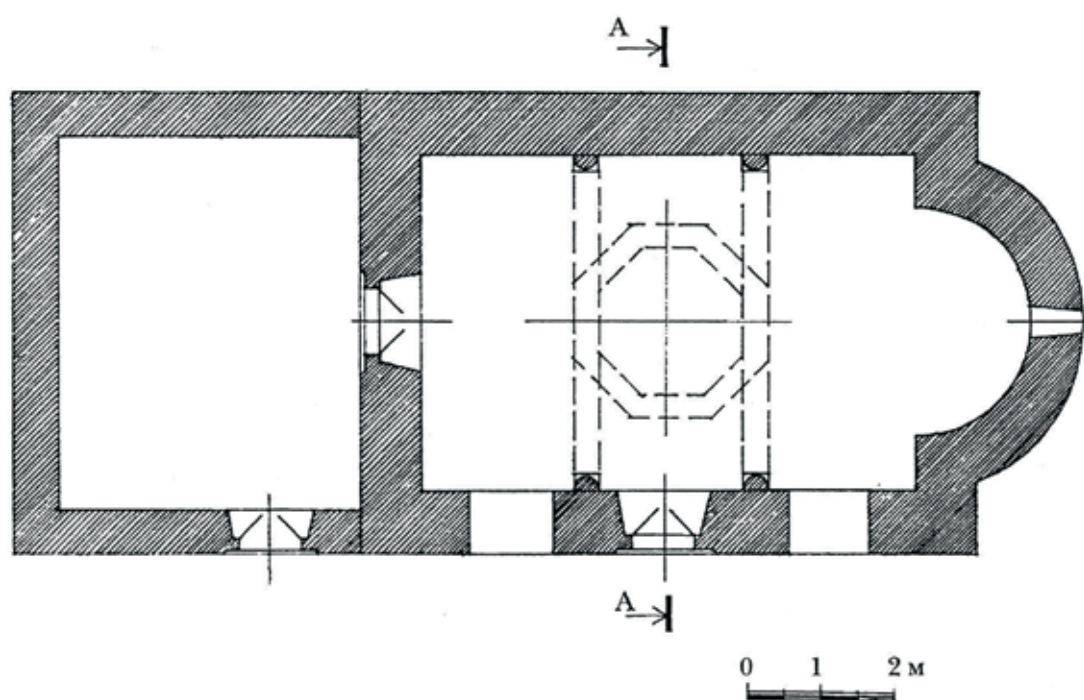

Рис. 378. Храм по ул. П. Осипенко в г. Старый Крым. План. Реконструкция перекрытия (по Крамаровскому, 2004, ил. 1).

города и обусловленные ими выводы. По мнению А. П. Григорьева, захват татарами 18 селений южного бережного Крыма в 1375 г. послужил толчком к использованию строительных возможностей мастеров-каменотесов из округи Судак для создания полноценного оборонительного пояса Солхата. Свою гипотезу исследователь обосновывает двумя априорными допущениями. Согласно первому, технологией каменного промысла владело лишь местное население Судакской долины – греки и армяне. Во-вторых, при возведении стен Солхата якобы использовался судакский строительный камень, доставлявшийся морем за 60 км в Каффу, а оттуда на телегах (дневным перегоним свыше 20 км) к Солхату (Григорьев, 2010, с. 113-116). Подобная реконструкция ситуации, особенно учитывая предполагаемый маршрут транспортировки кладочного материала, по сути, через территорию потенциального противника, не имеет опоры ни в местных реалиях, ни в геологии Восточного Крыма, ни в источниках, сохранивших отдельные сведения о жизни города (Крамаровский, 2012, с. 226).

М. Г. Крамаровский вполне убедительно считает возведение оборонительных стен го-

рода следствием противостояния Солхата и Каффы. В отличие от ранних земляных защитных сооружений, носивших «импровизационный характер», появившийся позднее крепостной ансамбль, «основанный на системе регулярной фортификации, обладал чертами столичной генерализации, рассчитанной на продолжительное время». Предполагая сдерживание генуэзской экспансии, он был призван уравновесить военную мощь Каффы, а дополнительно имел большой,

но оказавшийся не востребовавшимся, политический потенциал. Согласно расчетам исследователя, в период строительства было перемещено до 220 000 куб. м скальной породы и грунта, а в самом процессе приняло участие около двух тысяч трудоспособных мужчин, что составило 28,5% горожан, и «какое-то количество сельчан из окружающих деревень». По мнению М. Г. Крамаровского, предполагаемые объемы выполненных работ дают «все основания полагать, что строительство стен подорвало экономику города и всего Крыма, находящегося в затяжном финансовом кризисе из-за сужения налоговой базы». Как следствие, «грандиозная строительная программа Мама в Солхате, оптимистически рассчитанная на десятилетия вперед, лишь усугубила положение темника, приведя его к полной катастрофе», завершившейся гибелью того в 1380 г. (Крамаровский, 2012, с. 226-228).

Весьма удачное местоположение столицы золотоордынского Крыма – в защищенной с боков возвышенностями горной долине, на оживленном торговом тракте, в значительной степени изначально определило планировочную структуру поселения. Дорога, разделяя

город на две неравные доли, является его главной градообразующей осью, вдоль которой в качестве основных доминант размещены мечети (рис. 376). Не менее важным фактором, оказавшим влияние на формирование архитектурной среды, стал этнический состав и вероисповедание жителей Солхата, селившихся зонально по конфессиональному признаку. Наибольшую территорию, практически всю центральную часть, занимала мусульманская община. Христианские кварталы находились на окраине, при въезде со стороны Солдайи и Каффы. Между главным трактом и его ответвлением на Отузы компактно располагалось еврейское поселение (Крамаровский, 1989, с. 145-150, рис. 2). В нескольких документах 1290-х годов также упомянуты жители «генуэзского Солхата». М. Г. Крамаровский предполагает, что латинский квартал города находился неподалеку от дороги на Каффу, между застройками исламской и иудейской общин. Комплексу генуэзского подворья принадлежала башня, «увенчанная характерной для XIV в. крышей смотровой площадки с мерлонами на

консолях», которую изобразил на своем акварельном рисунке Жак Бальтазар де Траверс (Крамаровский, 2009б, с. 393-394).

Несмотря на то, что городская территория поддается относительно четкому зонированию, сами религиозные общины Солхата ни этнически, ни исповедально не были едиными, в частности, «христианские кварталы знали представителей нескольких конфессий – ортодоксально православной (византийской), несторианской, греко-католической, католической и армяно-григорианской» (Крамаровский, 2014а, с. 139).

В свое время А. Л. Якобсон, пытаясь дать обзор армянской средневековой архитектуры Таврики, констатировал, что при значительном удельном весе армянского населения в Крыму, притом сосредоточившегося в городах, следовало бы ожидать обилия памятников материальной культуры, начиная с XIII в. – если не массового вещественного материала, то монументального, т. е. архитектурного, чего в действительности не наблюдается (Якобсон, 1956, с. 169). В частности, относительно Сол-

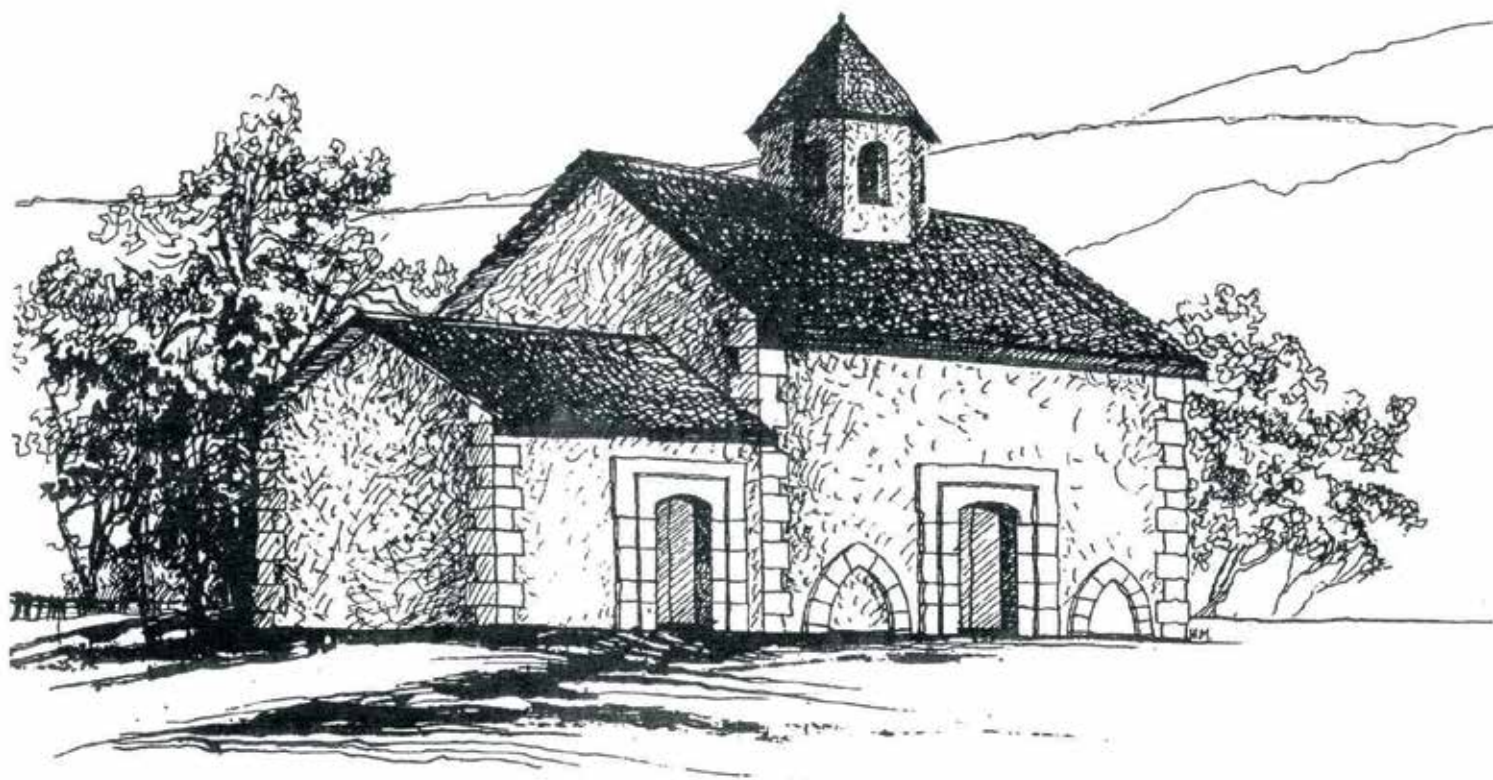

Рис. 379. Храм по ул. П. Осипенко в г. Старый Крым. Вид со стороны юго-западного фасада. Реконструкция (по Крамаровскому, 2004, ил. 4).

хата он утверждает: «В самом Старом Крыму армянских построек не сохранилось» и сообщает лишь о монастыре Сурб Хач, расположенном за пределами города (Якобсон, 1956, с. 169, 171, 173-181). Спустя почти полстолетия ему вторит в своих выводах и современная исследовательница архитектуры региона Э. Д. Зиливинская, которая считает, что «армянские церкви на территории города не найдены», а лишь известны два армянских монастыря золотоордынского времени в окрестностях Солхата (Зиливинская, 2014а, с. 85).

Места компактного проживания армян на территории средневекового Солхата-Крыма пока определены лишь условно. М. Г. Крамаровский, посвятивший его исторической топографии и населению специальное исследование, со ссылкой на В. А. Микаеляна считает, что в XIV в. армянская колония, вероятно, занимала несколько кварталов, один из которых назывался «Верин (верхний) охетнер»²¹. Они находятся в северо-западном секторе городища, где, в частности, в районе современной ул. 12 апреля на глубине около 2 м, в слое с керамикой XIV в., археологическими раскопками было обнаружено богато декорированное надгробие армянского мальчика с датой 1363 г. и остатки заготовок резных деталей из камня (Крамаровский, 1983, с. 53; 1989, с. 146-147).

О пяти кварталах «греческих и армянских неверных» Эски Кырыма, не детализируя сведения, сообщает Эвлия Челеби, посетивший город в 1666 г. (Книга путешествия, 1999, с. 82). Точно так же И. Лютов, около 1783 г. составивший подробный план г. Старого Крыма (рис. 352), культовые постройки христиан, не определяя их конфессиональную принадлежность, обозначил в легенде к чертежу как «Бывшие христианские церкви» (ЦГВИА. Ф. 846 ВУА. Д. 22608).

В 20-х годах XIX в. архимандрит Минай Медици (Минас Бжишкян) выполнил описание армянских древностей Таврического

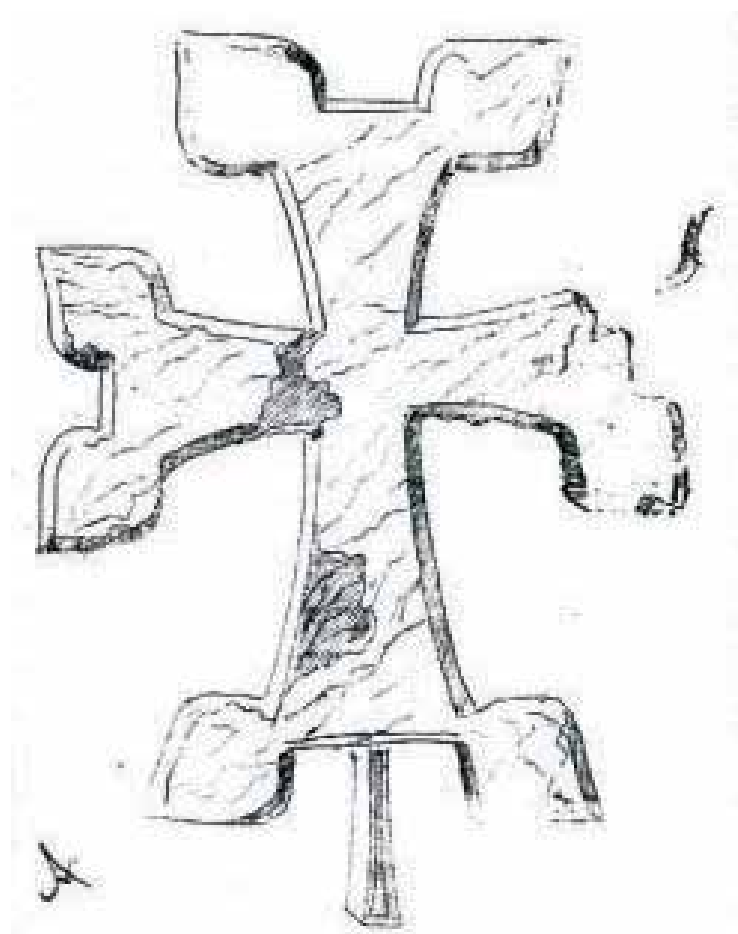

Рис. 380. Хачкар. Случайная находка в г. Старый Крым (по Маркевичу, 1888, с. 67).

полуострова, уделив особое место памятникам Старого Крыма. При этом, со ссылкой на не названные конкретно свидетельства армянских историков (указанные в примечании как «Сведения историков о приходе Армян в Крым»), он отметил, что армяне составляли некогда значительную часть населения Старого Крыма, а дома их, по его собственному наблюдению, «были хорошо построены и отличались богатством». Архимандрит повествует о шести храмах города и одном надгробном памятнике армянского кладбища, детально рассматривает архитектуру монастыря Сурб Хач (Минай Медици, 1877, с. 446).

²¹ В письменных источниках XIV в. встречаются также другие варианты названия квартала – «Верхние земляные жилища», «Верхний, армянами населенный участок», «Верхний участок с землекрытыми жилищами» и «Чхбнис». Слово «хохетнер» буквально означает «земляные жилища», оно применимо также к террасной застройке склонов. По мнению Т. Э. Саргсян и М. В. Петросяна, топоним «Чхбнис», который состоит из армянских корней «чивх» (ветвь) и «бнивс» (жилища), якобы «указывает на ответвленную, многонаправленную структуру средневекового армянского участка города Сурхат-Крым» (Саргсян, Петросян, 2008, с. 32-33), что несколько надуманно. По сути, все известные названия квартала, будучи взаимно дополняемыми, всего-навсего лишь четко отражают наиболее характерные черты архитектурного облика этой части населенного пункта – расположение на возвышенном месте, грунтовые кровли и турлучную конструкцию стен.

Сведения М. Медици имеют исключительную ценность для локализации и топографической идентификации армянских храмов Старого Крыма, хотя и не содержат необходимой информации о времени их появления, равно как, и детальной архитектурной характеристики, исключая, пожалуй, лишь довольно точное описание построек Сурб Хача, исходя из которого, можно сделать вывод о достоверности его свидетельств.

Сначала, перечисляя попутно сохранившиеся мечети, архимандрит сообщает о развалинах двух армянских церквей при въезде в город (со стороны Судака), «которые, можно полагать по остаткам, были покрыты куполами, и имели отдельные притворы и дворы, по обычаю всех древних армянских церквей» (Минай Медици, 1877, с. 446). Абсолютно те же объекты, дополнив их другими ориентирами, в частности, отметил и П. С. Паллас, посетивший Эски-Крым еще в 1793-1794 гг.: «Первые развалины, лежащие у дороги, – две татарские мечети. Сейчас за ними следует обновленное здание фонтана с сильным и великолепным источником, <...> затем следует армянская церковь, представляющая собой род параллелепипеда, над которым возвышается восьмиугольный купол; внутри, с восточной стороны, – выдающаяся вперед ниша для алтаря, а с западного конца – притвор, состоящий из двух отделений». Учитывая последовательность описания строений и то, что после храма сразу отмечены развалины полковых казарм (обозначенные на плане И. Лютова как «Мазанки в коих Зимовали Екатеринославской и днепровской Пикинерные Полки»), надо полагать, П. С. Паллас перемещался по дороге в западном направлении. Второй, уцелев-

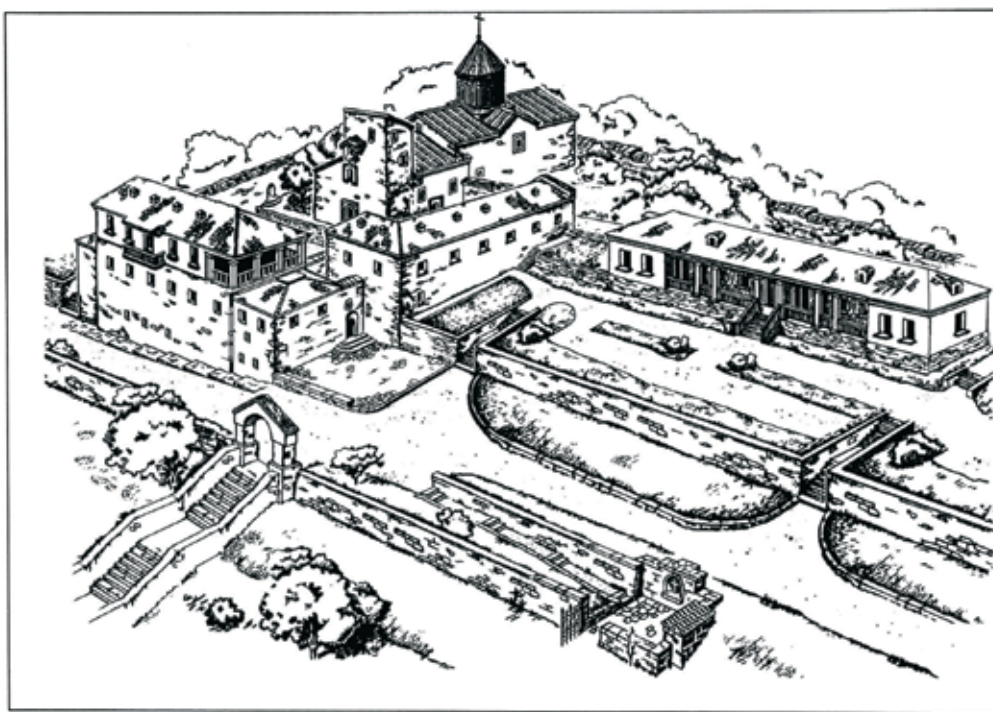

Рис. 381. Монастырь Сурб-Хач. Вид с юго-запада. Реконструкция (по Саргсян, Петросяну, 2008, рис. 1).

ший, храм Старого Крыма он считал греческим (Паллас, 1999, с. 115).

Далее в своем описании М. Медици сообщает: «В той же самой равнине, к северу от города, видны следы стен и еще двух других армянских церквей: одной во имя св. Иоана Предтечи, а другой во имя св. Стефана» (Минай Медици, 1877, с. 446).

Затем он отметил еще одну церковь, которую, видимо, застал в сильно руинированном состоянии: «Между множеством армянских церквей и часовен, которые существовали некогда на этой равнине, местность которых теперь можно означить по одним только грудам камней, существовала и церковь св. Григория, просветителя Армении, не далеко от нынешнего базара²². Она имела в длину 7 саж. и 2 арш. а в ширину 3 саж. 1 арш. На остатках некоторых колонн видно изсеченное изображение Креста и армянская надпись: «Святой Сергей» (Минай Медици, 1877, с. 446). Судя по относительно большим размерам здания (16,40 x 7,10 м)²³,

²² Достаточно большой представляется вероятность того, что на его месте в свое время находилась рыночная площадь (торговая зона) армянской части средневекового города.

²³ Для сравнения размеры некоторых других армянских храмов Таврики: св. Знамения в монастыре Сурб-Хач – 14,8 x 9,7 м; св. Иоанна Предтечи в Каффе – 5,0 x 3,5 м; св. Ильи в Бахчи-Ели – 18,0 x 8,3(8,5) м.

упоминанию колонн (если, конечно, те не принадлежали другому строению – собственно, церкви св. Сергия), посвящению и расположению, храм св. Григория, вероятнее всего, был главным культовым сооружением города, а в его в архитектуре (видимо, гавита) применялись отдельно стоящие опоры. Важной деталью является то, что на плане города это строение, единственное из всех представленных И. Лютовым, изображено с полукруглой апсидой и действительно выделяется своей величиной. По свидетельству А. И. Маркевича, посетившего г. Старый Крым в июне 1892 г. – вскоре после разборки руин на камень «в недавнее время», сведения о данном объекте весьма противоречивые: «Близ базарной площади кладбище с плитами без надписей. Здесь же остатки постройки – говорят, армянской церкви, но вернее – татарской мечети» (Маркевич, 1892, с. 125).

Бесспорной локализации поддается лишь шестой по счету храм, упомянутый М. Медици: «Церковь Пресвятой Девы Заступни-

цы, Чархапан, уважаемая Армянами и по настоящее время, стоит у городского моста, довольно древней постройки. Развалины этой церкви сохранились лучше нежели прочих церквей» (Минай Медици, 1877, с. 446-447). На плане И. Лютова в указанном месте отмечен всего один единственный культовый объект, отнесенный топографом к категории «Бывшие христианские церкви» (рис. 352). Дополнительную информацию о расположении данного строения и его некоторых архитектурно-конструктивных деталях сообщает А. И. Маркевич: «В юго-восточной части города, со стороны урочища Тамай-ваза, находятся развалины древней храмовой постройки, обращенной на восток. Уцелела правая боковая стена, с признаками ниши внутри. Сохранились остатки свода. Камень кладен на извести. Вокруг кладбище. Все старые могильные плиты без надписей; новые памятники – с надписями армянскими» (Маркевич, 1892, с. 125). По мнению Т. Э. Саргсян, церковь Аствацацин Чархапан (св. Заступницы Богородицы) представляла собой главную святыню армянского монастыря Кимчак (Саргсян, 2004б, с. 20).

Таким образом, на данном этапе исследований относительно определенно можно судить о локализации шести армянских храмов города, хотя, вне всякого сомнения, их количество было больше. По крайней мере, по мнению В. А. Микаеляна, посвятившего изучению армянских поселений Крыма специальное исследование, согласно данным памятных записей манускриптов и свидетельств путешественников в Солхате XIV–XV вв. насчитывалось четыре монастыря и девять церквей, возведенных армянами (Микаелян, 1971, с. 109; Корхмазян, 1978, с. 13, 96). С определенной долей условности к их числу может быть отнесено также строение, которое отмечено А. И. Маркевичем неподалеку от последней локализованной постройки: «Вблизи развалины другого храма, также обращенного на восток; и здесь сохранилась одна боковая стена с уцелевшей входной дверью и остатками сверху ее узкого окна. Вокруг кладбище; плиты без надписей» (Маркевич, 1892, с. 125). Упомянутые исследователем проемы, расположенные в продольной стене один над другим, дают основание

Рис. 382. Монастырь Сурб-Хач. План (по Саргсян, Петросяну, 2008, рис. 2).

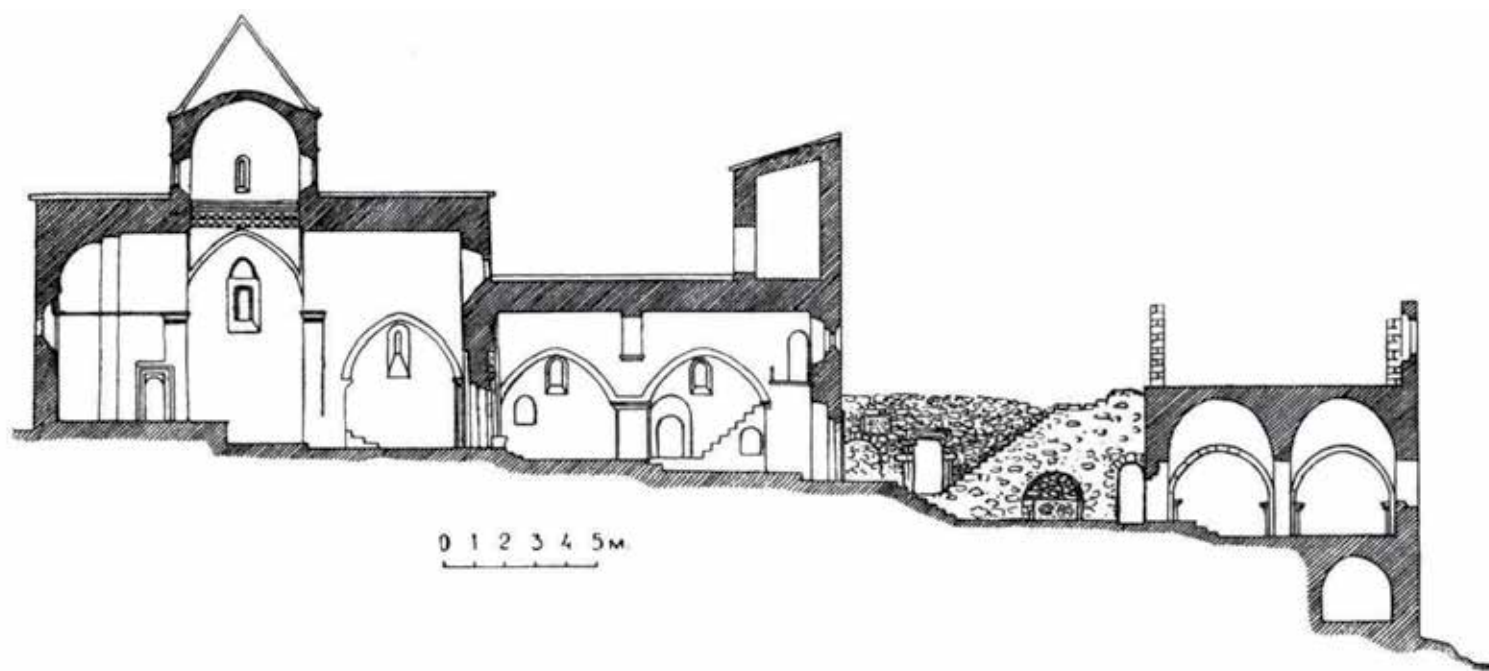

Рис. 383. Храм Сурб Ншан. Продольный разрез (по Якобсону, 1956, рис. 2).

предполагать сводчато-купольное перекрытие здания, более характерное для армянской архитектуры региона.

Известно, как выглядел один из храмов, о которых сообщают П. С. Паллас, М. Медици и И. Лютов. В 1783 г. его запечатлел художник М. М. Иванов (рис. 377) (ГРМ. Шк А 69/III. Р-30071). Позднее, в 1797 г., на основе данного эскиза им была создана большая акварельная картина с тем же видом (ГРМ. Шк А 69/V. Р-5870). Сравнивая другие крымские работы мастера с изображенными на них строениями, можно утверждать, что М. М. Иванов зарекомендовал себя, как хороший и добросовестный художник, который всегда старался предельно точно перенести на бумагу все наиболее характерные черты зданий и местности и только в студийных работах он допускал незначительный полет фантазии, предполагавший улучшение композиции²⁴. Следовательно, не доверять его пленэрным рисункам нет никаких оснований. Судя по наличию к югу от строения дороги, ведущей в восточном направлении, и минарета с конической кровлей башенки на заднем

плане, на акварели представлен храм, располагавшийся на въезде в город.

М. М. Иванов изобразил прямоугольное в плане купольное здание со сводчатым перекрытием и шипцовым завершением стен, средокрестие которого на пересечение коньков венчал каменный восьмигранный барабан с пирамидальным верхом. Вход расположен с южной стороны, на поперечной оси церкви. Рваные очертания вывала дверного проема дают основание утверждать, что кладка храма была бутовой. Углы строения и барабан сложены из чисто тесаных блоков известняка. Кровля каменная. Каждый из двух представленных на рисунке фасадов церкви в верхней части сооружения, на уровне низа шипца, посередине имел узкое щелевидное окно с прямоугольным наличником. Широкая профилированная рамка, слегка выступавшая из плоскости стены, украшала также вход в здание. На барабане изображен только один оконный проем – с южной стороны, остальные грани глухие. С запада к храму примыкает большой притвор с двускатной кровлей²⁵. Вход в пристройку рас-

²⁴ В качестве примера весьма показательны его акварельные рисунки с изображением медресе в Старом Крыму и крепости в Инкермане, достоверность и точность которых подтвердили другие иконографические материалы, равно как, натурные исследования самих памятников (Кирилло, 2001б, с. 305; 2011, с. 127, 158-159, 162-163, 167, 183, 194-195, рис. 3-6).

²⁵ По свидетельству П. С. Палласа, церковь имела «притвор, состоящий из двух отделений» (Паллас, 1999, с. 115). Возможно, речь идет о двустолпном гавите.

положен с юга, на акварели имеет вид вывала в стене. Рядом с ним, с восточной стороны, устроено прямоугольное окно. Художником отмечены также наиболее поврежденные места здания – утрата верхней части северо-западного угла и обоих дверных проемов.

Апсиду на рисунке не видно. Поскольку по отношению к картинной плоскости церковь развернута боковым фасадом под углом около 40°, подобное могло быть в том случае, если ее алтарное полукружие выступало наружу незначительно либо полностью скрыто внутри основного объема²⁶. Данная деталь, а также

остальные архитектурные формы строения, изображенного художником – прежде всего, каменная пирамидальная кровля купола на восьмигранном барабане, наличие двух входов и обширный притвор с западной стороны являются характерными для армянского зодчества.

Завершение храма, запечатленное акварелью М. М. Иванова, для средневековой архитектуры Таврики несколько необычно и пока точных аналогий среди известных построек региона не имеет. Тем не менее, подобные крыши нередко применялись на территории Армении, как правило, в строениях с квадратным планом. Весьма показателен пример Санаина, где представлено сразу три таких сооружения – колокольня, гавит и книгохранилище, которые при относительном внешнем сходстве между собой разительно отличались конструктивным решением перекрытия – по сути, основными вариантами, использовавшимися в армянском средневековом зодчестве (Халпахчян, 1973, с. 39, 40, 42-47, 52-53, табл. 1, 3, 10, 49, 63-67, 83, 85).

Истинная архитектура храма однозначно может быть определена только после его археологического изучения. На данном этапе исследований с учетом результатов графического анализа рисунка допустимо предположить, что ближайшей параллелью ему является церковь св. Иоанна Предтечи в Каффе (1348 г.), плановая схема которой вполне позволяет осуществить подобное завершение здания.

Храм на территории бывшего табачного склада по ул. П. Осипенко – единственное христианское культовое сооружение средневекового города, руины которого сохранились до настоящего времени.

Помимо И. Лютова, отметившего объект на плане, и соотнесенных с ним свидетельств М. Медици о данном строении некоторые сведения сообщает также А. И. Маркевич, осмотревший его в июне 1892 г.: «Вблизи нынешней армянской церкви развалины храма с притвором, алтарным закруглением и боковой дверью с окнами по сторонам. Длина храма внутри 13 шагов, ширина 6 шагов. Говорят, что это остатки греческой церкви св. Георгия, но другие

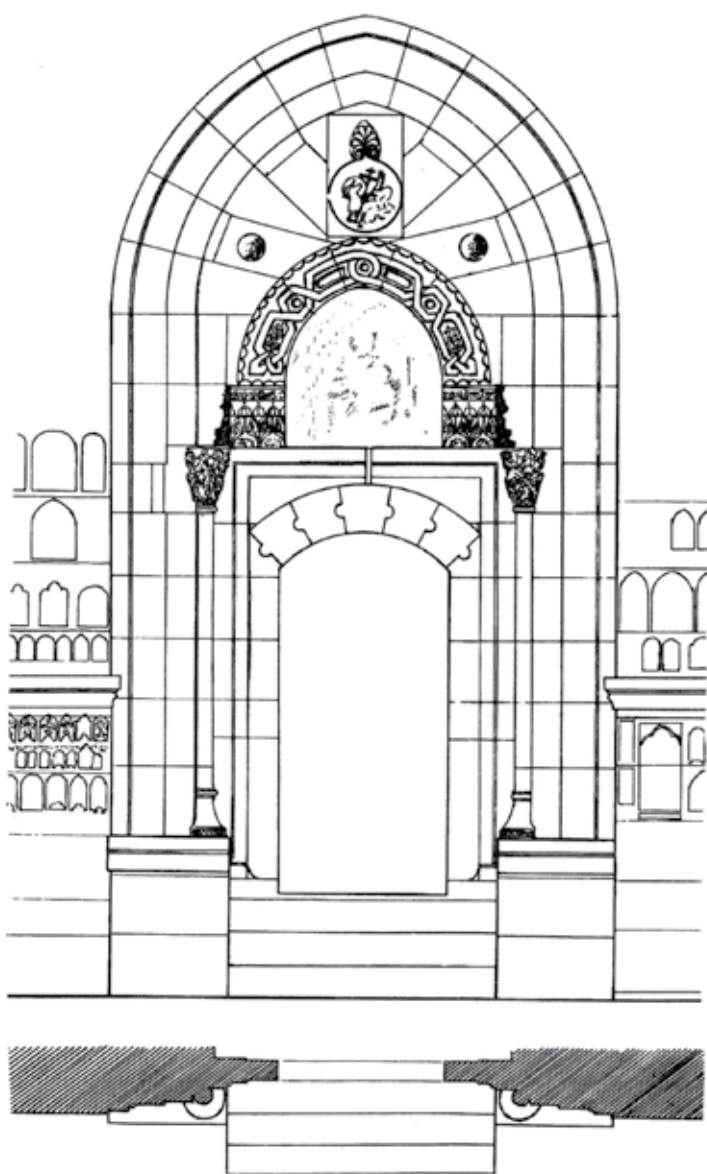

Рис. 384. Портал храма Сурб Ншан в монастыре Сурб Хач (по Сидоренко, 1988, рис. 3).

²⁶ В интерпретации П. С. Палласа: «внутри, с восточной стороны, – выдающаяся вперед ниша для алтаря» (Паллас, 1999, с. 115).

уверяют, что на окружающем эту развалину кладбище еще недавно были плиты с армянскими надписями. В настоящее время только на одной плите заметны три полустертые буквы, но их разобрать невозможно» (Маркевич, 1892, с. 125).

В 1968 г. остатки храма были обследованы группой специалистов в составе А. Мнацканяна, Э. Корхмазян, Н. Салько и Ю. Таманяна, которыми на основании плана, характера кладки и других, не обозначенных конкретно, признаков руины декларативно отнесены к армянской архитектуре. Более того, последним из перечисленных исследователей дополнительно отмечено, что планово-пространственная композиция, с выступающей из общего объема здания алтарной апсидой, кладка стен из рваного камня характерны для ранних памятников армянского зодчества Крыма (Якобсон, Таманян, 1990, с. 48, 49).

В 1986 и 1997 гг. Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского осуществила архитектурно-археологическое изучение храма. Раскопками была вскрыта внутренняя часть строения

до уровня древнего пола, расчищены кладка и пол разрушенного западного притвора, исследовано состояние фундаментов и могильник с южной, восточной и северной сторон. Кропотливое, но совершенно сумбурное, описание выявленных строительных остатков и размышления по их поводу, а также графическая реконструкция здания опубликованы. Остается только сожалеть, что при этом в научный оборот не введены упомянутый в статье «полный архитектурно-археологический обмер руин», стратиграфии, да и, собственно, основные находки, отсутствие которых не позволяет в полной мере оценить обоснованность выводов (Крамаровский, 2004, с. 68-76; 2014, ил. 12, 14).

Храм представляет собой каменное строение с прямоугольным в плане наосом и выступающей наружу полукруглой апсидой (рис. 378). Он имел два входа – в южной и западной стенах, располагавшиеся точно на осях здания. По обе стороны от бокового дверного проема в нижней части кладки, на уровне пола, размещены аркосолии. Сохранились остатки двух подпружных арок сводчатого перекрытия, которые поддерживались полукруглыми в сечении пилястрами. Опоры имеют четко выраженную кубовидную базу с угловыми срезами, завершались низкой и широкой профилированной капителью. Конструктивная составляющая данной архитектурной детали явно уступает ее декоративным качествам. Алтарь освещался щелевидным окном в апсиде. С западной стороны к храму, без перевязки кладок, заподлицо с боковыми стенами примыкает большой притвор. Вход в пристройку вел с юга. Кладка стен трехслойная двухлицевая, выполнена из бута разной величины на известковом растворе. Углы здания, обрамление проемов, пилястры и, частично, перекрытие сложены из тщательно обработанных блоков известняка. Внутренние размеры: притвора – 5,1 х 4,1 м, наоса – 4,55 х 6,75 м, алтарного полукружия – 3,2 х 1,6 м. Толщина стен – соответственно, 0,60 м, 0,87 м и 0,65 м. Ширина южного входа – 0,85 м, его высота – 1,84 м. Просвет западного проема – 0,82 м. Раскопки позволили М. Г. Крамаровскому датировать солхатский храм серединой XIV – началом

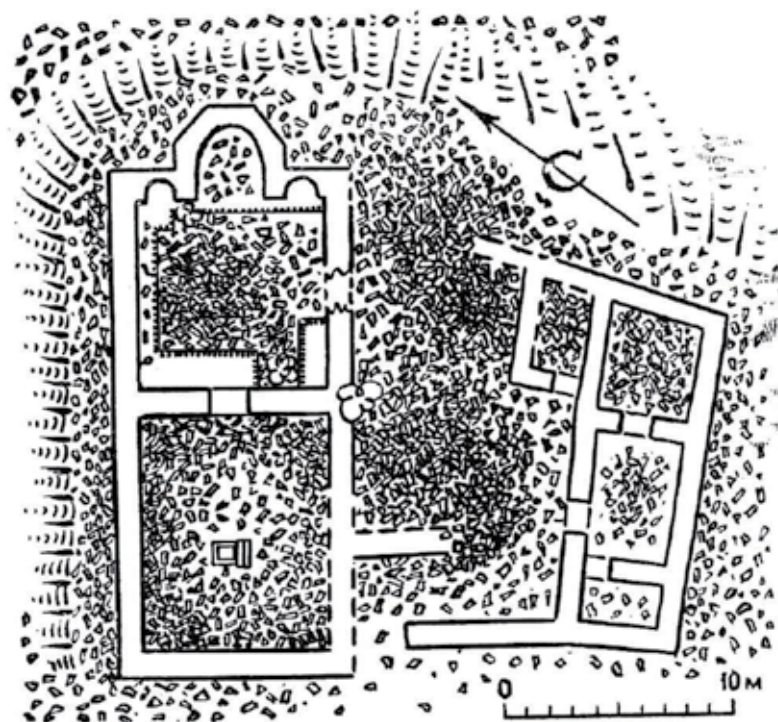

Рис. 385. Монастырь Сурб Степанос в окрестностях Солхата. План (по Домбровскому, Сидоренко, 1978).

XV вв. и установить, что при возведении его стенами были перекрыты отдельные безынвентарные могилы некрополя (Крамаровский, 2004, с. 73, 76).

Л. А. Беляевым, руководившим археологическими работами на памятнике в 1986 г., данное сооружение интерпретировано как «армянская церковь» и отнесено к числу объектов, построенных в XIV–XV вв. «беженцами из Армении от нашествия Тамерлана» (Беляев, 2000, с. 221, 246, прим. 109). Армянским считает это строение также Т. Э. Саргсян, отождествляя его с храмом св. Иоанна Предтечи (Саргсян, 2004б, с. 21).

Автор раскопок М. Г. Крамаровский конфессиональную принадлежность храма однозначно не определяет, но ограничивается исключительно лишь различного рода посылками на признаки, которые якобы характерны только для византийской архитектуры. В частности, окна в барабане им восстанавливаются «согласно византийской практике» и «по аналогии с храмами крымско-византийского круга памятников», хотя восьмигранные гладкостенные барабаны более свойственны как раз кавказскому, прежде всего, армянскому зодчеству. Здание он ошибочно считает базиликой, присоединяясь к числу поклонников данного терминологического нонсенса: «Эти маленькие бесстолпные, однефные церкви обычно называют базиликами, и они представляют собой устойчивый, хорошо приспособившийся к возможностям провинциального строительства и нуждам периферии тип храма, возникший в Византии в VII–IX вв., широко распространившийся в X–XII вв.» По мнению М. Г. Крамаровского, пилястры храма «позволяют поставить его в один ряд с балканскими памятниками: церквями во Врачевищице и храмом в Брякове (Сербия)», а сам он «являет собой некое промежуточное звено между памятниками Балкан и Крыма». Исследователь считает, что здание было перекрыто коробовым сводом на подпружных арках, поддерживавших также восьмигранный каменный ба-

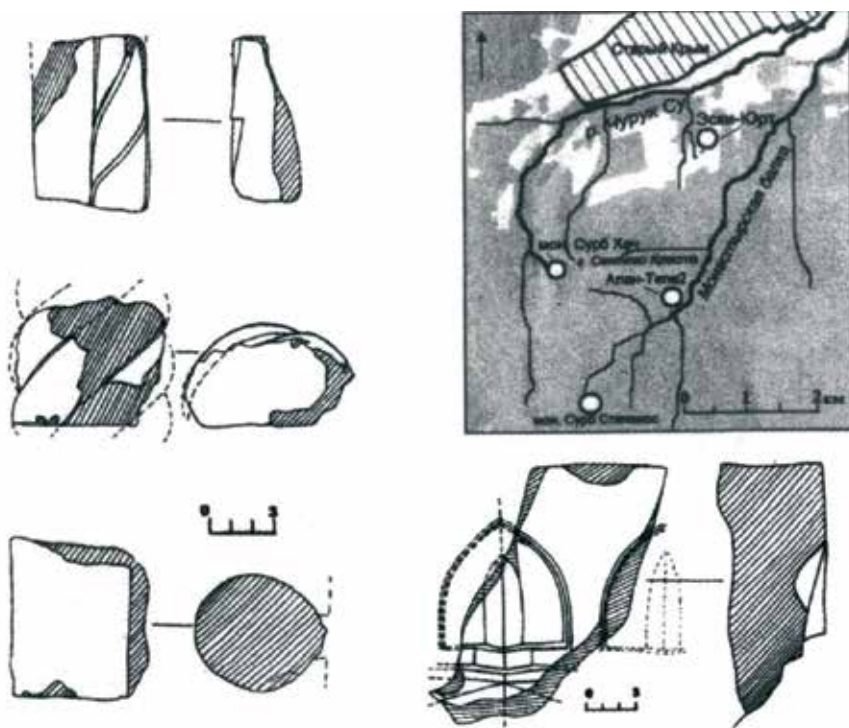

Рис. 386. Архитектурные детали из раскопок армянского храма в Эски-Юрте (по Байбуртскому, Тимиргазину, 2008, рис. 79).

рабан с шатровой крышей и восемью окнами (Крамаровский, 2004, с. 73–75, рис. 1–4).

Основные недостатки графической реконструкции строения (рис. 379), введенной в научный оборот М. Г. Крамаровским, следующие: для сводов и арок этого времени более характерен не полукруглый (коробовый), а стрельчатый профиль сооружения; всего две подпружные арки и разорванный посередине (незамкнутый) свод является крайне плохой (слабой) опорой для каменного барабана, пусть даже и без купольного завершения, непонятно почему уступившего место деревянному перекрытию; искажены пропорции внутреннего пространства; ниши аркоселей на чертежах изображены в виде сквозных проемов, а на рисунке перспективы их арки (впрочем, как и обрамление входа) не должны выступать из плоскости стены подобно наличнику; на плане несоразмерны сечение пилястр и ширина подпружных арок; при сводчатом перекрытии особой необходимости в стропильных конструкциях кровли нет; скат крыши слишком крутой для желобчатой черепицы, сечения стен наоса и барабана на плане и разрезе между собой существенно различаются пропорциями.

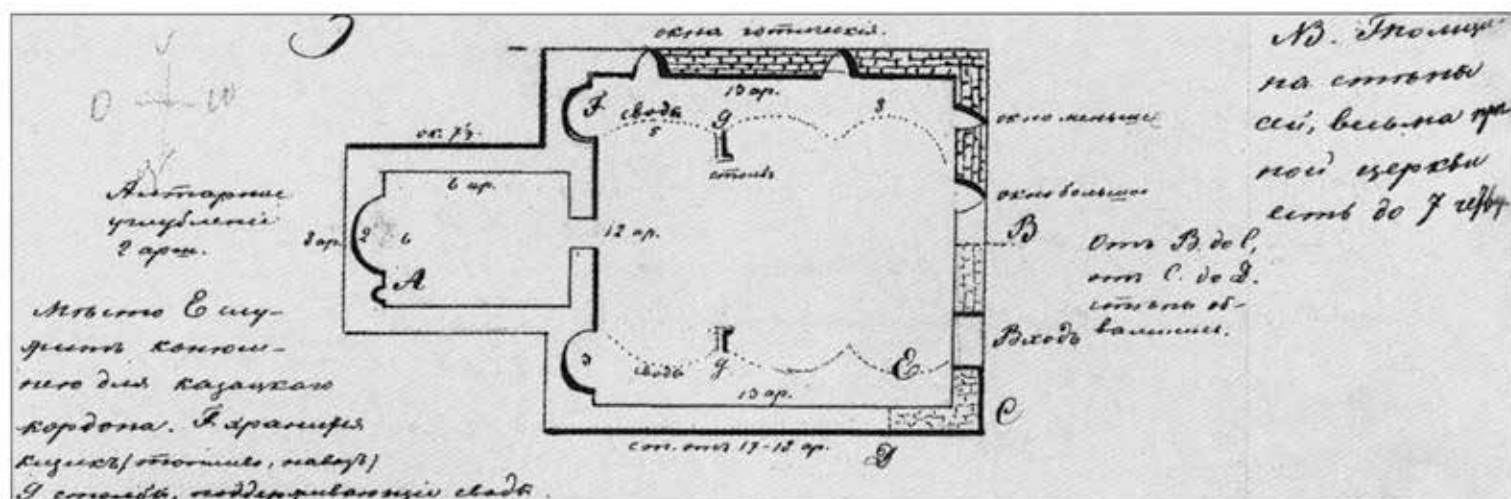

Рис. 387. Армянский храм в Двоякорной бухте. Обмер П. И. Кеппена. 1833 г. (по Тункиной, 2011, рис. 85).

А. В. Гаврилов и В. В. Майко уверенно называют данную постройку церковью Успения Божьей Матери, хотя в части того, что касается ее конфессиональной принадлежности, определиться с выбором – армянская или греческая затрудняются. Сам храм они трактуют, как «маленькую однокамерную, одноапсидную базилику, построенную во второй половине XIV – начале XV вв.», надо полагать, позаимствовав дату и небесспорную терминологию касательно определения типа здания у М. Г. Крамаровского, но без ссылки на одного (Гаврилов, Майко, 2014, с. 160, 162, 164).

Э. Д. Зиливинская считает, что данная церковь была часовней и в свое время находилась в греческом квартале. При этом она ссылается на работы М. Г. Крамаровского (Зиливинская, 2014а, с. 85), хотя тот нигде, ни в одном из своих научных трудов, подобным образом этническую принадлежность района не трактует, но определяет его исключительно как «место расселения христианской общины» (Крамаровский, 1989, рис. 2). Подменив понятия, она тем самым исказила локализацию строения и храм, который мог быть армянским по многим признакам (Кирилко, 2008, с. 41-43), в сущности, относит к числу православных. Э. Д. Зиливинская также допускает ошибку, утверждая, что к основному объему строения «примыкала полукруглая апсида, диаметр которой равен ширине здания» (Зиливинская, 2014а, с. 85), поскольку, на самом деле, подобное здесь не-

возможно, ибо алтарный выступ с обоих боков выделен плечами шириной около 1 м. Свою информацию о постройке, в конечном итоге идентифицированной ею как «греческая церковь», она иллюстрирует уточненной реконструкцией южного фасада авторства М. Г. Крамаровского, после корректировки утратившей барабан с пирамидальным завершением (Зиливинская, 2014а, рис. 94).

Наиболее выразительные черты архитектуры данного строения, прежде всего, наличие двух входов и гавита дают основание считать его все-таки армянским храмом. Здание имело традиционное сводчатое перекрытие на подпружных арках, относительно пологую двускатную кровлю и внешне, исключая детали, почти не отличалось от многих других подобных церквей средневекового Крыма. Аналогии полукруглым пилястрам наоса пока известны лишь на двух относительно близких по времени памятниках полуострова – храме Ай-Андрей около с. Генеральского и надвратной церкви (1459 г.) Фунского замка. Последняя параллель интересна еще тем, что в одной из стен (южной) здания при его закладке также сооружен аркосолий, а само оно было возведено при непосредственном участии армянских мастеров (Кирилко, 2005, с. 159-161, 182, рис. 15-17, 21, 119-122, 126). Подобные опоры подпружных арок достаточно характерны для средневекового зодчества Армении, где представлены многочисленными примерами таких

пилястр – в трапезных, гавитах и различного рода галереях (Халпахчян, 1971, рис. 87, 93, 94, 101, 102, 120-134, 172-175).

Армянским, вероятнее всего, церковным постройкам города принадлежат и несколько выразительных лапидарных находок.

Об одной из них сообщает А. И. Маркевич: «на главной улице, у дома Памбухчиева, выкопан большой, почти четырехугольный камень, с высеченным на нем крестом оригинальной формы (рис. 380). По словам местных жителей, на том месте в земле есть большой фундамент, вероятно, церкви, еще не расчищенной. «... судя по форме, крест на камне, о котором идет речь, не греческий а армянский или гегуэзский» (Маркевич, 1888, с. 67-68). Выводы исследователя об этнической принадлежности находки не лишены оснований. В несколько упрощенном виде рельеф действительно воспроизводит традиционную для хачкаров региона форму креста, представленную самыми различными вариантами XIV–XVIII вв. (Айбабина, 2001, с. 62-98).

Вторая находка современная, происходит из района Красной площади города – выявлена случайно в ограде хлебокомбината. Она представляет собой обломок архитравной плиты наличника с однострочной армянской надписью на фаске. Деталь имеет форму характерную для обрамления дверных проемов армянских храмов города и вполне могла принадлежать одному из подобных строений – вероятнее всего, церкви Успения Божьей Матери, которая в свое время находилась неподалеку (Кирилко, 2008, с. 43, рис. 5).

В золотоордынском Крыму особо славился и почитался монастырь Сурб Хач близ Солхата, в течение нескольких веков служивший местным престолом Армянской Апостольской Церкви (Саргсян, Петросян, 2008, с. 4). Он расположен на расстоянии около 3 км к юго-западу от города в лесистой долине западного склона горы Святого Креста, протяженные отроги которой на высоте 470-520 м над уровнем моря формируют естественную котловину, открытую на северо-запад узким ущельем. В современном состоянии обитель представляет собой позднесредневековый архитектурный ансамбль (рис. 381-382), возник-

ший вокруг храма 1358 г. на месте обветшавших первоначальных строений, планировка и состав которых на данном этапе исследований достоверному определению не поддаются (Якобсон, 1956, с. 173-181; Домбровский, Сидоренко, 1978; Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 6-66; Саргсян, Петросян, 2008; Кирилко, 20146, с. 411). Сама монастырская церковь возведена в честь Святого Знамени (Сурб Ншан) и была призвана увековечить память об одноименном духовном центре армян в Себастии (Саргсян, Петросян, 2008, с. 24-25). В несколько упрощенной редакции она воспроизводит тип крестовокупольного прямоугольного в плане храма с приделами (хоранами) в четырех углах (рис. 382, 383). Размеры строения – 9,6 x 13,9 м. Вход с запада, ведет из гавита, украшен богато декорированным наличником. Внешний облик здания имел строгие и монументальные черты.

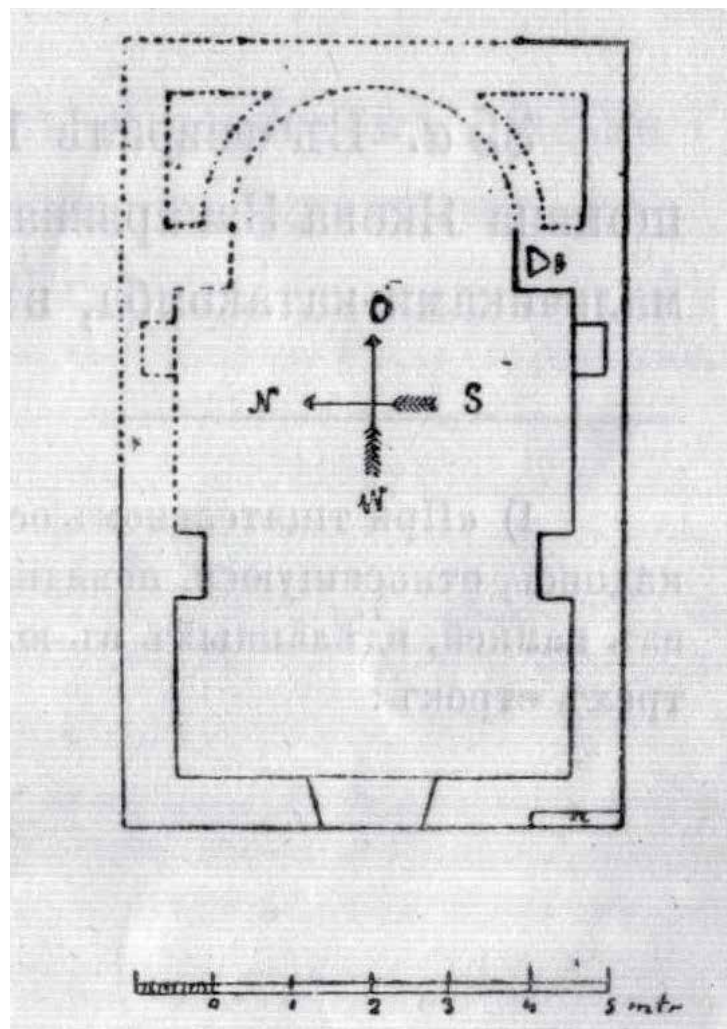

Рис. 388. Храм св. Георгия в окрестностях Судака. План (по Латышеву, 1896, с. 129).

ментальные формы. Тектоника внутреннего пространства снаружи почти не прослеживается. Апсида из плоскости не выступала, что, впрочем, для культовой архитектуры крымских армян является скорее исключением, чем правилом. Хораны также внешне никак не выделены, а ветви креста приобрели вид треугольных щипцов, слегка возвышавшихся над краем боковых стен. Со всех сторон здания, на осях, размещены одиночные, высоко поднятые над уровнем пола, окна. Кровля храма двускатная по стрельчатым сводам, средокрестие венчал купол на круглом внутри и двенадцатигранном снаружи барабане, украшенном филёнками с арочным завершением и профилированной плетенкой-обрамлением, поддерживаемой круглыми полуколоннами на углах. Достаточно большой представляется вероятность того, что последний, судя по используемому в его посвяtitельной надписи позднесредневековому шрифту «цахкагир», появился при ремонте монастыря, осуществленному в 1751 г. архиепископом Адамом (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 89, 106, 108). Здание было крыто каменной черепицей.

На рубеже XIV–XV вв. к храму спереди был пристроен гавит (Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 64; Саргсян, Петросян, 2008, с. 35). Он представляет собой трехнефную сводчатую постройку прямоугольной в плане формы, по отношению к продольной оси основного объема расположен симметрично, немного выступая с обоих боков. Его внутреннее пространство разделено двухпролетными аркадами с промежуточными опорами в виде каменных столпов. В притвор вело два входа – с западной и южной сторон. Строение освещалось высоко расположенными окнами: спереди – одним, в каждом из боковых фасадов – двумя. Размеры строения – 10,31 x 8,82 м. По мнению О. Х. Халпахчьяна, здание принадлежит к типу двухколонных гавитов, который был создан в Крыму и получил распространение в строительной практике крымских армян (Халпахчьян, 1957, с. 22; 1991, с. 51; 1996, с. 41–42). Характерной особенностью данного притвора является наличие над его юго-западным углом прямоугольной в плане башни, обеспечивавшей доступ на крышу и, возможно, использо-

вавшейся в качестве колокольни (Якобсон, 1956, с. 179) либо дозорного пункта (Халпахчьян, 1991, с. 51).

Храм с пристроенным к нему гавитом располагается на довольно покато́м участке склона. Здание возведено с учетом ощутимого понижения рельефа, образуя в нескольких местах обоих помещений четко выраженные уступы, органично погашавшие перепады уровней пола (рис. 381, 383). Остальные, первоначальные, сооружения монастырского комплекса, вероятнее всего, также, подобно сменившим их постройкам, были размещены с западной и южной сторон церкви, отмеченными соответствующими входами в притвор, что позволяло не только рационально организовать примыкающую к ней территорию, но также усилить ее доминирующее положение.

В декоративном убранстве храма повсеместно применяются резные архитектурные детали. Капители опор, отдельные кронштейны сводов и карниз в основании купола украшены рядами мелких сталактитов. Ниша с купелью для крещения перекрыта пятиярусной ячеистой конхой с прямоугольным в плане основанием. Она оформлена профилированным наличником с трехчетвертными колонками и тремя медальонами с пальметтами (посередине – целым, по краям – в виде половинок) в верхней части обрамления. Примечательно, что подобные фигуры немного ранее были использованы также на мусульманском памятнике региона – в резной орнаментике михраба солхатской мечети Узбека 1314 г. (Якобсон, 1956, с. 177, рис. 5), и имели, видимо, одинаковое символическое значение.

Особо выделяется богатое декоративное убранство входа в наос, представлявшего собой портал, обращенный в гавит (рис. 384). Дверной проем перекрыт сегментной аркой с полукруглыми выступами-замками на боковых гранях клиньев и заключен в двойной профилированный наличник. Внутренняя часть обрамления – прямоугольная и слегка заглублена в кладку, внешняя – со стрельчатым завершением, по краю выровнена с поверхностью стены, а снизу опирается на немного выступавший наружу цоколь. Между ними, по обе стороны от входа, расположены трехчетвертные ко-

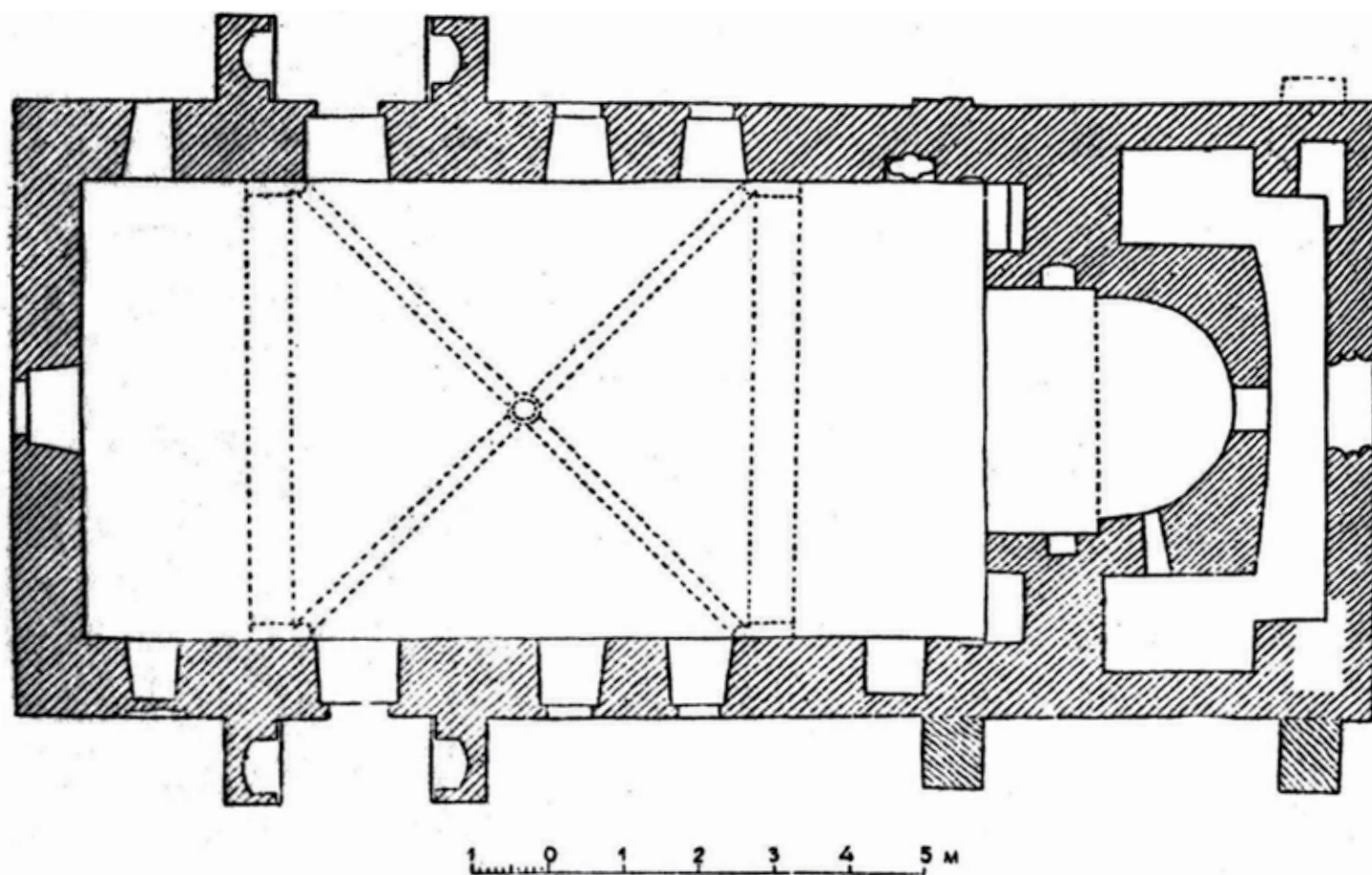

Рис. 389. Храм св. Спасителя в армянском монастыре близ Бахчи-Эли. План (по Якобсону, 1964, с. 230-231, рис. 1).

лонки с конусовидными базами и двухъярусными капителями, полностью покрытыми резным растительным орнаментом. Разгрузочная арка поддерживается двумя кронштейнами со сталактитовыми уступами, а сама она снаружи декорирована сельджукской цепью. Над ней, на обрамленной внешней части наличника плоскости, посередине находится увенчанный пальметтой круглый медальон с рельефным изображением агнца с лабарумом, чуть ниже которого, по бокам, размещены полусферические шишки с порезкой в виде мелкой плетенки. Нишу тимпана занимает живописный образ Богоматери с младенцем. Все элементы резного убранства портала являются обычными в армянской и сельджукской архитектурной декорировке XIII–XIV вв. (Якобсон, 1956, с. 177-179). Поскольку колонки обрамления никакой нагрузки не несут, а над ними в кладке сохранилась вторая, дублирующая основную, пара капителей, тщательно выровненных спереди заподлицо с поверхностью наличника,

есть основание считать, что первоначальный вид сооружения в верхней части был утрачен во время значительной перестройки середины XVIII в. (Сидоренко, 1988, с. 122, рис. 3).

Совершенно иную архитектуру демонстрирует еще один местный армянский монастырский храм – Сурб Степанос, сильно руинированные остатки кладок которого высотой всего 0,50-1,30 м также находятся в окрестностях Солхата, на расстоянии 6 км от города и в 3 км к югу от Сурб Хача. Обитель размещена в поясе буковых лесов на природной террасе, ограниченной с севера и запада склоном горы, а с юга небольшим обводненным оврагом, что обуславливает прохладный и влажный климат в урочище. Время ее появления предварительно датировано второй третью XIV в., а сама она могла предшествовать храму Сурб Ншан (Бабаян, 1997, с. 37; Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 68-80).

Церковь монастыря Сурб Степанос представляет собой почти квадратное в плане трех-

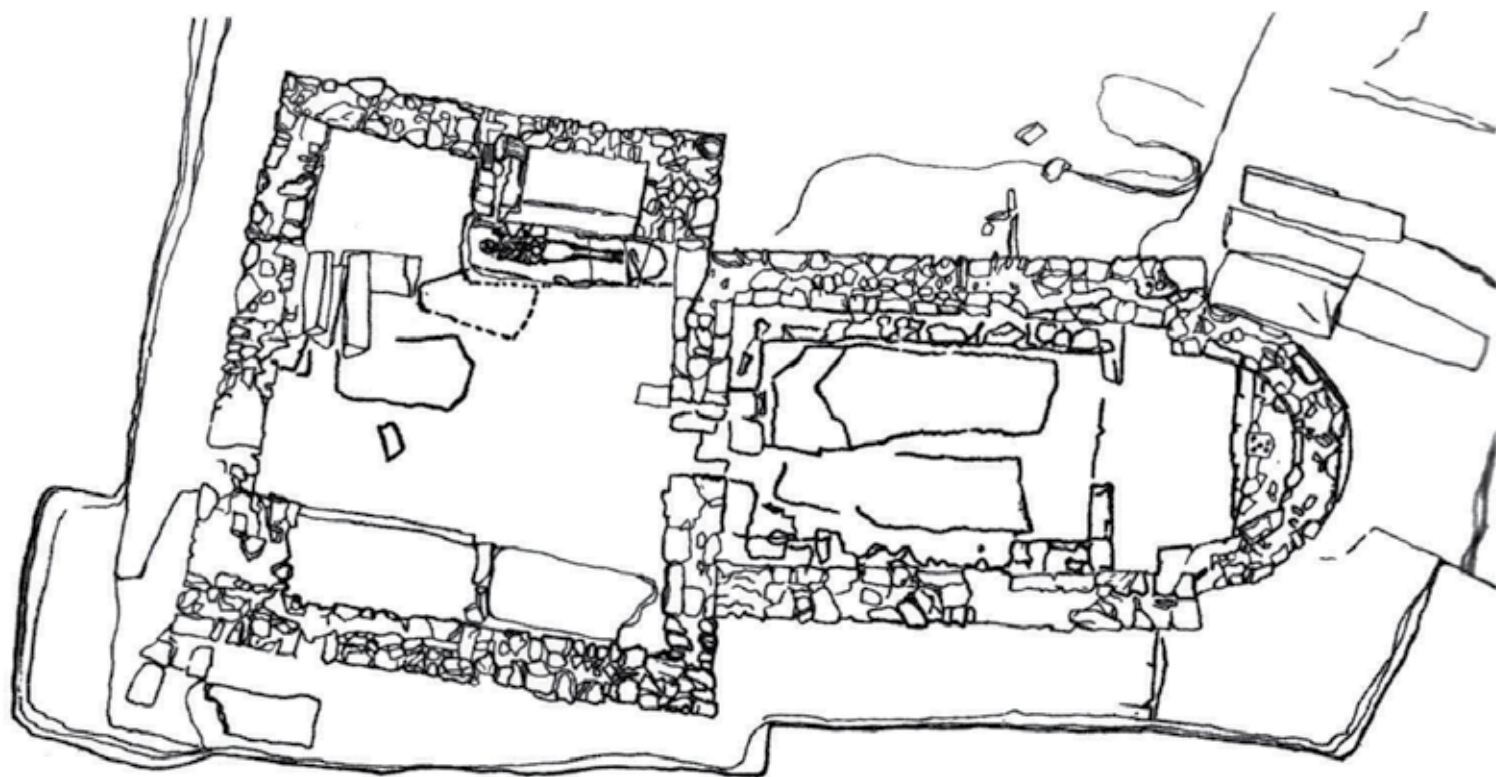

Рис. 390. Армянский храм рядом куртиной XV Судакской крепости. План (по Майко, Джанову, 2015, рис. 173).

нефное строение с пятигранной снаружи и округлой внутри апсидой на продольной оси наоса, форма которой в определенной мере следует традициям раннесредневековой армянской архитектуры (рис. 385). Оба боковых пролета также завершались конхами в восточной стене, но меньшей величины и на фасаде не выступавшими. Размеры здания: ширина – около 10 м, длина – 11 м, вынос апсиды – 1,9 м, толщина кладок – 0,75-1,10 м. Строение могло быть купольным с двумя свободно стоящими опорами в виде восьмигранных колонн, имевших уступчатые сталактитовые базы, хотя обычно считается, что оно представляло собой трехнефную сводчатую базилику с двускатной кровлей (Бабаян, 1997, с. 37; Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 78-79). Храм имел, по меньшей мере, два входа, один – на продольной оси, вел из гавита, второй – устроен сбоку, в северной стене. Отдельные исследователи памятника предполагают, что еще один дверной проем был расположен также с южной стороны, кладка которой сейчас почти полностью утрачена (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 110; Бабаян, Корхмазян, 2000, с. 39, рис. 68: а). Ал-

тарное полукружие приподнято над уровнем пола примерно на 0,50 м. Кровля здания была каменной. Внутри и снаружи церковь была украшена резными архитектурными деталями с профилированными поверхностями, сталактитами и сельджукской цепью, дополнительную нарядность ей придавали многочисленные рельефные хачкары, самый ранний из которых датирован 1331 г. (Бабаян, 1997, с. 37).

Гавит в плане прямоугольный, примыкал к храму заподлицо с боковыми стенами. По мнению О. Х. Халпахчьяна, он принадлежит к типу четырехколонных (ни одна из опор раскопками не выявлена) с расположенными продольно сводчатыми нефами, мог иметь дверной проем в южной стене и три окна в западной (Халпахчьян, 1991, с. 50). Размеры здания – 12,0 x 10,2 м. Характерной особенностью пристройки является колодец в юго-западной части помещения, что дало основание отдельным исследователям трактовать то, как монастырский дворик позднего времени (Домбровский, Сидоренко, 1978). Территория обители, расположенная к юго-востоку от храма, где находились служебные, жилые и хозяйственные постройки, прак-

тически не исследована (Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 75).

Армянской была и церковь поселения Эски-Юрт на правом берегу р. Чурук-Су, возникшего не позже первой половины – середины XIV в. в восточной части обширной котловины, замкнутой со всех сторон возвышенностями и северными склонами горы Святого Креста. По своим размерам (около 10 x 22 м) она близка к храмам в монастырях Сурб Хач и Сурб Степанос, имела пол из крупных плит плотного известняка, а в ее декоративном убранстве использовались резные каменные детали, представленные фрагментами хачкаров, профилированного наличника оконного или дверного проема, колонки с орнаментом в виде плетеного жгута и сталактитового плафона (рис. 386) (Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 82-85, рис. 79: 13-16; 81). Сам Эски-Юрт отождествляем с летописным Казаратом, где, согласно свидетельству документов, в 1330 г. наряду с Каффой и Солхатом преимущественно осели армянские переселенцы, вышедшие из Аксарая (Айвазовский, 1867, с. 552, 554; Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 89-91).

К числу армянских, возможно, принадлежала еще одна церковь, остатки которой в виде руин каменного строения прямоугольной формы (размером около 6 x 9 м) с фрагментированным престолом в восточной части выявлены на поселении Алан-Тепе 2, расположенного в 3,5 км от города на склонах лесистой котловины, образованной восточными отрогами горы Святого Креста. Ближайшие аналогии престолу имеются в храме монастыря Сурб Хач (Байбуртский, Тимиргазин, 2008, с. 86-88).

Архитектура других армянских построек Солхата и его ближайших окрестностей пока остается малоизученной. Единичными исследованными памятниками она представлена и на остальной территории золотоордынских владений в Крыму, а также на сопредельных землях, прежде (определенное время) принадлежавших татарам, но затем занятых генуэзцами и феодоритами (Якобсон, 1956; Бочаров, 2012, с. 109-110).

Наиболее ярким примером из числа последних является монастырский храм с гавитом в Двужакорной бухте, сохранившихся в виде руин

высотой 1,04-3,10 м (Айбабина, Бочаров, 2001, с. 1-24; Бочаров, 2011, с. 142). Вероятнее всего, он был возведен в первой половине XIV в., до того, как данная местность вошла в сельскую округу генуэзской Каффы, чему, в частности, предшествовало несколько неудачных попыток венецианцев обустроить здесь свое торговое поселение (Айбабина, Бочаров, 2001, с. 42; Бочаров, 2011, с. 142; 2015а), что в свою очередь позволило основателям обители не только избежать католического соседства, но, в определенной мере, уберечь характерные архитектурные формы армянского зодчества от ассимиляции. Структура самого монастыря и состав всех остальных сооружений комплекса на данном этапе исследований памятника неизвестны.

Здание церкви компактное с полностью прямоугольным в плане внешним абрисом, алтарное полукружие из плоскости стены не выступало (рис. 387). Наос завершался стрельчатым сводом с двумя подпружными арками, поддерживаемых пилястрами. Фасадные поверхности ровные нерасчлененные. Вход –

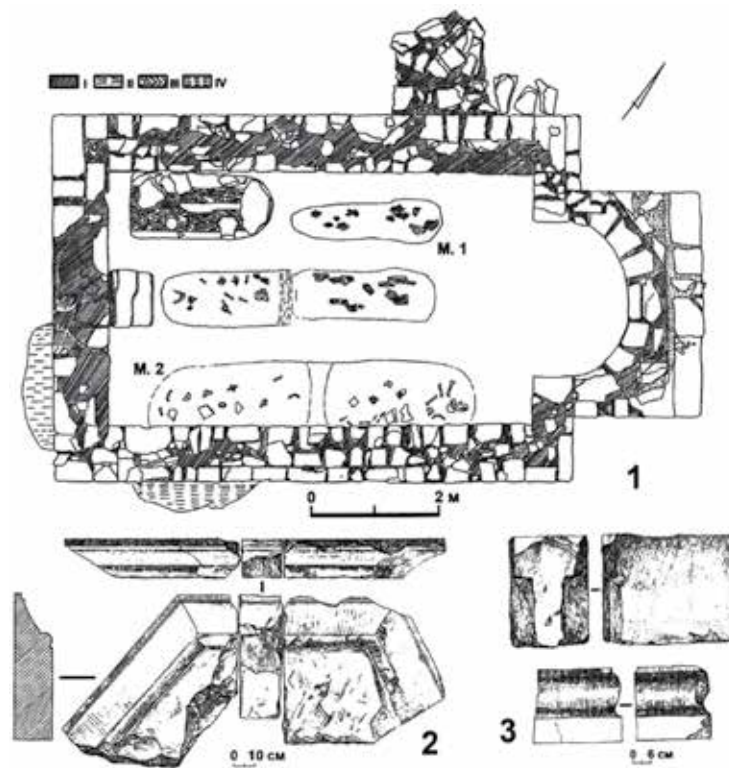

Рис. 391. Армянский храм на мысе Ай-Фока близ с. Морское. План и архитектурные детали (по Майко, Джанову, 2015, рис. 30, 31).

Рис. 392. Церковь на восточном склоне г. Сююрю-Кая. Вид с юга.
Рисунок В. Руссен. 1843-1849 гг. (по Мальгиной, 2006, No 304).

один, вел с запада, расположен на продольной оси строения, украшен профилированным наличником. Сведений об окнах нет. Крыша здания была двускатной с каменной кровлей (Айбабина, Бочаров, 2001, с. 5-7).

Гавит примыкает к храму спереди, с западной стороны. Он также имеет прямоугольную в плане форму и аналогичные пропорции, но отличается большими размерами. По отношению к менее широкому наосу притвор расположен симметрично. Равномерно выступая наружу с боков, он охватывает церковь на углах, вследствие чего внутри помещения там появляются глубокие ниши (южная – в виде полукруглой конхи, северная – в нижней части прямоугольная)²⁷, которые могли принадлежать хоранам. Строение относится к типу двухколонных гавитов. Его внутреннее пространство разделено на три продольных нефа двумя аркадами с одной промежуточной опорой в виде прямоугольного в сечении столпа. С восточной стороны каждая из них поддерживается пилястрой, с западной – удлиненным, пилонообразным, выступом стены. В гавит вело два входа – с юга и запада. Наличник переднего дверного проема был богато декорирован резьбой по камню в сельджукском

стиле с использованием характерных орнаментальных мотивов классического облика (Айбабина, 2001, с. 118-119, рис. 38-39, 69). Обрамление бокового входа в притвор полностью утрачено и пока реконструкции не поддается. Кладки гавита и храма на стыках между собой перевязаны, что свидетельствует об их одновременности. Пол обоих сооружений плотный земляной, покрыт глиняной обмазкой зеленого цвета. Размеры: храма – 8,20 x 6,40 м, гавита – 11,40 x 9,00 м. Толщина стен – 0,90-1,06 м (Айбабина, Бочаров, 2001, с. 3-43, рис. 4).

Еще один храм (рис. 388), также монастырский и во многом подобный (отличие состоит в

количестве входов и подпружных арок свода) церковному строению армянской обители в Двукорной бухте, в свое время находился неподалеку от Солдайи, которая до 1365 г. принадлежала золотоордынским правителям. Строение соотнесено с именем св. Георгия, не датировано, предполагается, что возведено гегуэзцами. Сооружение известно тем, что на лицевой поверхности крупного блока песчаника, расположенного в самом низу передней стены здания, нанесено граффити нескольких крестов и надписи на греческом языке (Латышев, 1896, с. 129-130). Однако, судя по местонахождению данной детали, она, вероятнее всего, была обычной спolieй и оказалась там при вторичном использовании, если, конечно, не считать ее специально подготовленным краеугольным (закладным) камнем. Компактный план храма и полностью скрытое внутри алтарное полукружие свидетельствуют об армянских истоках архитектоники строения.

Армянское зодчество средневековой Таврики представляет собой достаточно специфическое явление. Его своеобразие состоит в том, что сохранение стилевых характеристик и устоявшихся традиций присуще лишь единичным памятникам, а адаптация первичных архи-

²⁷ По свидетельству П. И. Кеппена, они обе имели циркульные очертания (Тункина, 2011, рис. 85).

тектурных идей и форм к крымской среде чаще всего сопровождалась потерей определенной доли их этнической идентичности (Якобсон, 1956, с. 166-191; 1964, с. 230-235; Корхмазян, 1978, с. 95-112; Кирилко, 2001а, с. 1085-1088). Синкретизм исходных и местных компонентов, значительные заимствования и неизбежная ассимиляция обусловили создание целого ряда сооружений, армянские корни которых нередко поддаются выделению только после проведения углубленных исследований.

Весьма показателен пример храма свв. Архангелов Гавриила и Михаила в соседней с золотоордынским Солхатом генуэзской Каффе, получивший совершенно необычную для зодчества Армении трактовку архитектурных форм. Здание возведено в 1408 г. (Якобсон, 1956, с. 185-191; Кирилко, 2014б, с. 417). Его плановая и пространственная структура состоит из двух основных частей, обе с относительно прямоугольной конфигурацией и одинаковой ширины – базиликального наоса и увенчанного куполом высокого, но очень узкого трехдельного трансепта. Вход с запада. С восточной стороны храм завершался тремя низкими абсидами, выступавшими из плоскости стены. Внешние очертания центральной апсиды – округлые, боковых – прямые, со срезанными углами. Здание имеет вид монолитного, многоступенчатого объема с нерасчлененной поверхностью стен. Фасады почти полностью лишены окон и какого-либо декоративного убранства. Как не парадоксально, но в этом армянском храме нет ни одной собственно армянской черты, что, предположительно, обуславливалось его конфессиональной принадлежностью. Судя по характерным для генуэзской архитектуры формам и расположению строения в черте города, он мог быть католической церковью армянской общины (Якобсон, 1956, с. 190-191).

Проникновение строительных традиций западноевропейской культуры в местное армянское зодчество довольно отчетливо прослеживается также в храме св. Спасителя, входившем в комплекс монастыря близ Бах-

чи-Ели, располагавшегося на территории, которая и в золотоордынское время, и позднее, в период Крымского ханства, принадлежала татарам (рис. 389). Здание традиционно, а priori, датируется XIV вв. (Якобсон, 1964, с. 230-231; Зиливинская, 2014а, с. 87), однако, учитывая использование при возведении его стен в качестве голосников позднесредневековых кувшинов, оно должно быть отнесено, по меньшей мере, к самому концу XV в. (после 1475 г.) или, вероятнее всего, XVI–XVII вв.²⁸ и, следовательно, инородное влияние было опосредованным, возможно, остаточного характера. Церковь обители представляет собой прямоугольное в плане сооружение под двускатной каменной кровлей, огражденной сплошным парапетом с водометами. В западной части строения с трех сторон в храм вели обрамленные порталами входы с декоративным убранством и форма-

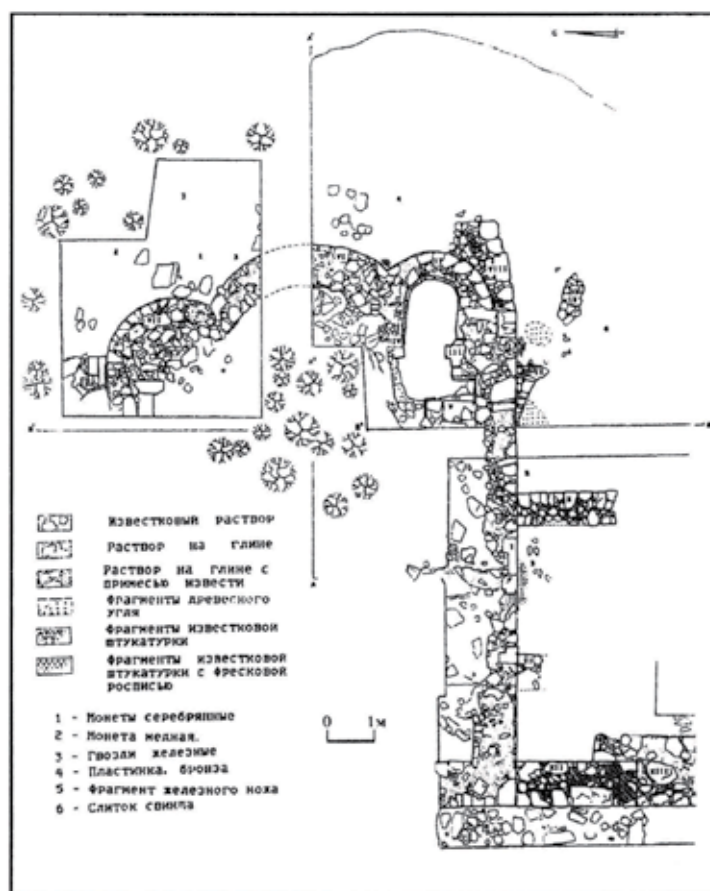

Рис. 393. Церковь на восточном склоне г. Сюрю-Кая. План (по Туру, 1999, рис. 1).

²⁸ По мнению Е. А. Айбабиной, в регионе после 1602 г. происходит оживление строительной деятельности, которое возникает вследствие очередного пополнения населения полуострова за счет армян, вынуждаемых к переселению движением джелалиев (Айбабина, 2004, с. 6-7).

ми, тяготеющими к малоазийским культурным традициям. Алтарь с вимой полностью скрыты внутри здания, но от восточной стены их отделял узкий проход, соединявший примыкающие к апсиде помещения в углах церкви, одно из которых, северное, имело выход на крышу. Вход в сам коридор расположен в центре алтарного полукружия. Своеобразна конструкция перекрытия наоса: подпружными арками на кронштейнах он разделен на три неравные части, из которых средняя, квадратная в плане, завершалась крестовым сводом с гуртами, передняя и задняя – стрельчатыми сводами. Особую выразительность храму придают многочисленные рельефы на евангельские темы, размещенные на стене по сторонам от апсиды. Некоторые изображения имеют иконографию, характерную для западноевропейского искусства.

Внутренний скульптурный декор обычен и для ряда других памятников армянского церковного зодчества региона (Айбабина, 2004, с. 6-16), причем, свойствен исключительно культовым постройкам Генуэзской Газарии и пока не известен на крымских землях, принадлежавших Золотой Орде. Данное обстоятельство могло обуславливаться как особенностями вероисповедания и религиозными запретами в титульных конфессиях соответствующих территорий, так и местными, устоявшимися и взаимно приемлемыми, художественными традициями. В частности, целая рельефная композиция представлена в конхе алтарной ниши храма св. Иоанна Предтечи в Каффе. Там, над небольшим окном, помещено погрудное изображение Христа, по сторонам от которого, ниже, располагались такие же фигуры апостолов. Иллюстрируя сцену евхаристии, мастер наделил персонажей индивидуальными чертами и непринужденными позами людей, ведущих оживленную беседу. Иконографические типы апостолов с поднятой для благословения правой рукой и свитком в другой характерны для армянского искусства этого времени. Центральную композицию дополняли еще два рельефа на восточной стене, фланкирующих алтарное полукружие. С южной стороны находится объемное изображение св. Иоанна Крестителя в омофоре, а с северной – св. Георгия с поднятой левой рукой и в развевающемся

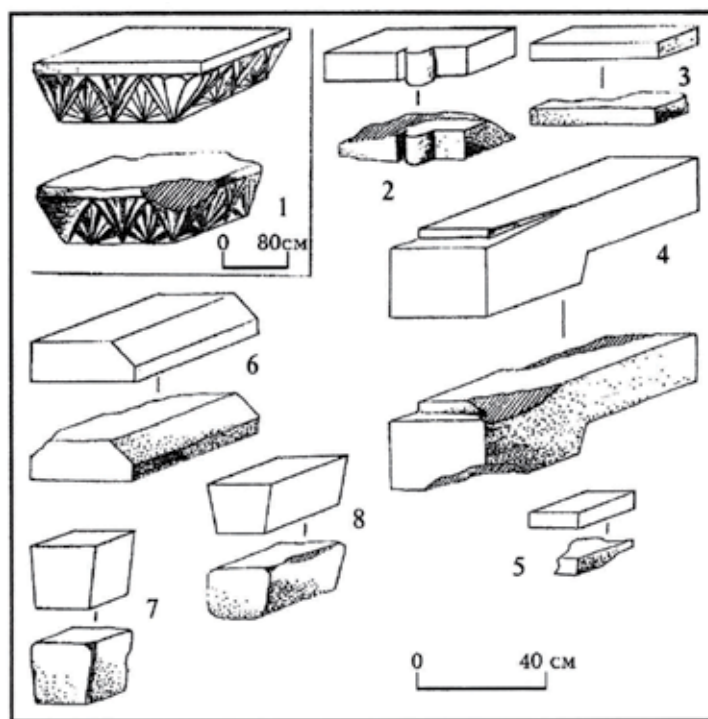

Рис. 394. Церковь на восточном склоне г. Сюрю-Кая. Архитектурные детали (по Туру, 1999, рис. 6).

хитоне. Обе фигуры представлены в полный рост, их головы с нимбами слегка повернуты к алтарю (Якобсон, 1956, с. 181-185; рис. 10-11).

Скульптурное убранство могли иметь даже небольшие церковные сооружения, такие как, например, армянский храм св. Стефана одного из окраинных кварталов Каффы, датируемый первой половиной XV в. (Айбабина, Бочаров, 1997, с. 223). Он представлял собой прямоугольное в плане здание с выступающим наружу алтарным полукружием, двумя входами – спереди и сбоку, и примыкавшим с западной стороны гавитом. Внешние размеры наоса: ширина – 5,90 м, длина – 7,65 м, вынос апсиды – 2,75 м. Величина притвора и его архитектоника неизвестны. Археологическими раскопками руин постройки наряду с резными архитектурными деталями из камня и обломками хачкаров обнаружены, в частности, два фрагмента с ликами святых и единственная в своем роде для крымского искусства фигура крылатого льва. По мнению исследователей данного храма, характерной особенностью всех известных рельефов местных армянских церквей является то, что они обычно устанавливались внутри строений, в отличие от принятой в материко-

вой Армении традиции помещать их на порталах и фасадных поверхностях стен. При этом крымские произведения даже при наличии параллелей выполнены более реалистично и объемно, что отчасти сближает их с памятниками балканского и итальянского происхождения. Декоративному убранству армянских храмов Каффы, несмотря на стремление следовать своим, выработанным на родине, художественным традициям, равно как попыткам соединить разнородные орнаментальные мотивы и пластику, свойственна некоторая потеря чувства меры в использовании архитектурных резных деталей и разновеликой скульптуры, не всегда сочетающихся между собой (Айбабина, Бочаров, 1997, с. 213-215, 218-223).

Художественную культуру крымских армян золотоордынского времени убедительно представляют также единичные, чудом сохранившиеся, произведения средневековой резьбы по дереву. Это – две двухстворчатые двери 1330 и 1371 гг., принадлежавшие церкви св. Сергия в Каффе. Автором второй из них является мастер Шкофоршах (Корхмазян, 1978, с. 109-110; Халпахчян, 1984, с. 140). Лицевые поверхности дверных полотен украшены пышным растительным орнаментом, заключенным в чередующиеся восьмиконечные звезды и кресты. Достаточно большой представляется вероятность того, что подобные деревянные изделия одновременно использовались и в мечетях золотоордынского Крыма, по крайней мере, многочисленные, тождественные, образцы декоративного убранства входов в относительно синхронных им сельджукских постройках Малой Азии этому не противоречат (Гордлевский, 1941, с. 104-105; Райс, 2004, рис. 66-68).

Наряду с инородными, западноевропейского типа, влияниями, обусловивших определенные архитектурные метамор-

фозы в местном церковном зодчестве, следует отметить еще одно из существенных проявлений локальной ассимиляции – ставшие обычными для армянских храмов региона выступающие наружу, как у православных строений, алтарные полукружия апсид (Якобсон, Таманян, 1990; Айбабина, Бочаров, 1997, с. 211-233).

В дополнение к рассмотренным христианским постройкам Солхата и Каффы золотоордынского времени не менее показательными для крымских памятников такого рода являются небольшая церковь классического облика, расположенная рядом с куртиной XV Судакской крепости, и ближайшие ей, местные, архитектурные параллели (рис. 390). Храм, возможно, в качестве часовни был возведен на предшествовавшем ему некрополе во второй половине XIII – первой половине XIV вв. Позднее, в первой четверти XV в. (Майко, Фарбей, 2008, с. 62), либо, согласно выводам автора раскопок, в XVI–XVII в. (Баранов, 1990, с. 12), он подвергся капитальному ремонту. В ходе реконструкции здания полностью преобразуется внутреннее пространство церкви и пристраивается гавит, что, в частности, позволяет связать данное сооружение

Рис. 395. Храм в Шурю. Рисунок М. Вебеля. Конец 1840-х гг. (по Мальгиной, 2006, No 239).

с деятельностью армянской общины города. В своем первоначальном виде храм представлял собой прямоугольное в плане строение с полукруглой внутри и пятигранной (в основании – половина правильного десятиугольника) снаружи апсидой, обычной для синхронной ему православной архитектуры полуострова (Паршина, 1988, рис. 8). Практически такую же форму алтарного выступа имеет еще одна судакская постройка – церковь Двенадцати апостолов, в возведении которой могли принимать участие армянские мастера, причем, ее этническая принадлежность, равно как, и дата возведения окончательно не установлены (Лопушинская, 1991, с. 91-93; Якобсон, Таманян, 1990, с. 50).

Там же, в портовом районе города, находятся руины второго подобного храма, но с полностью полукруглой в плане апсидой, при археологическом изучении некрополя которого, в перекрытии могилы, обнаружен хачкар (Майко, Фарбей, 2008, с. 62, рис. 8). По мнению автора раскопок, сама постройка была «типичной одностолбчатой часовней, возведенной армянскими зодчими в XIV в.» (Баранов, 1994, с. 14). Характерной особенностью архитектоники здания является прямоугольное

подножие апсиды, ближайшая параллель которому представлена в одном из разрушенных сооружений обители на мысе Ай-Фока (рис. 391), интерпретируемой исследователем памятника как «небольшой армянский монастырь с одностолбчатой церковью, аналогичной храмам Солдайи XIV в.» (Баранов, 1990, с. 24-26, 33; 1991, с. 23-24). Алтарный выступ того также имеет подобную платформу, но отличается пятигранной конфигурацией своих внешних очертаний в плане, основу которых составляет половина правильного октогона. Сама конструкция отдаленно напоминает цоколи раннесредневековых храмов Армении (Халпахчян, 1966, рис. 5), демонстрируя адаптацию традиционной архитектоники в новой культурной среде. С теми же истоками, предположительно, соотносима и своеобразная форма уцелевшего карниза апсиды, который снизу профилирован трехчетвертным валом, по периметру отделявшим поверхность стены от выноса кровли.

К числу армянских храмов региона, претерпевших ощутимые стилевые метаморфозы, следует отнести также монументальную церковь на восточном склоне г. Сюрю-Кая, которая, несомненно, была доминантой средневекового поселения либо

крупного монастырского комплекса (рис. 392). Когда она возведена, достоверно неизвестно, но, возможно, именно ее упоминает памятная запись на евангелии 1346 г., сообщившая: «В нынешний год построен (храм) Святой Богородицы близ монастыря Святого Авксента, рукою рабуна Аветиса Хотачарака и иерея Абрахама» (Свод, 2008, с. 38, 82, № 19). По крайней мере, архитектура здания этому не противоречит. Храм – крестовокупольный, трехапсидный, без нартекса. Наос церкви в плане имеет вид близкой к квадрату прямоугольной трапеции, восточная сторона которой немного скошена (развернута к северу) и завер-

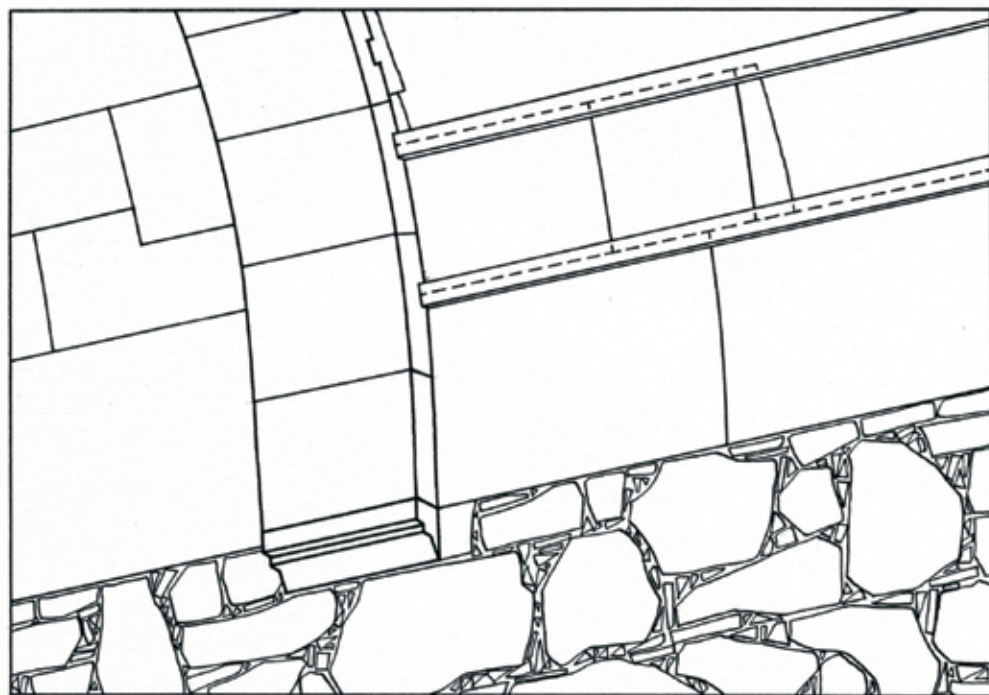

Рис. 396. Сводчатое перекрытие храма на территории поселения Чобан-Куле. Реконструкция (по Кирилко, Мыцу, 2004, рис. 27: 1).

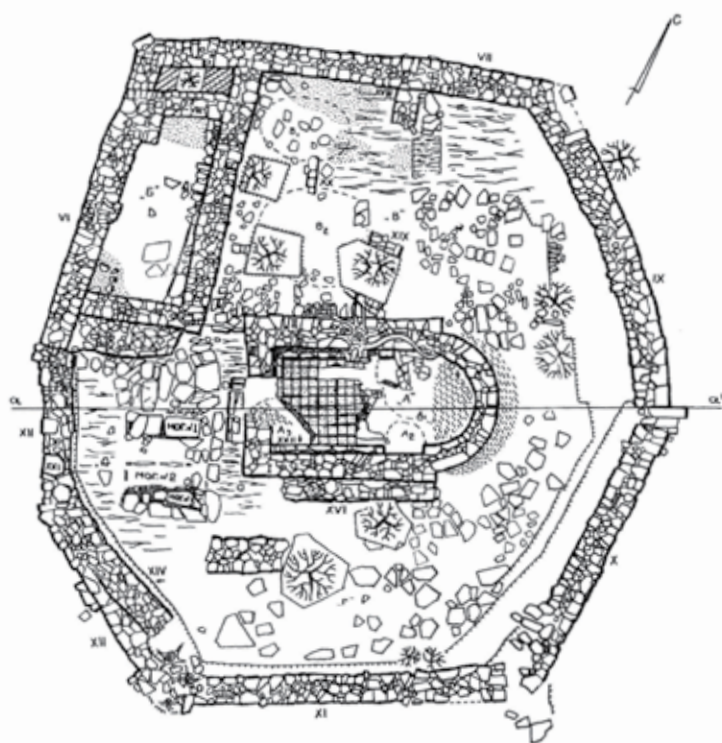

Рис. 397. Христианский монастырь на южном склоне г. Перчем вблизи Судака. План (по Баранову, Тур, 1997, рис. 31).

шалась алтарными полукружиями разной величины (среднее – большее, боковые – меньшие, относительно одинаковые) с циркульными снаружи и криволинейными внутри очертаниями (рис. 393). Общие размеры строения: длина – 12 м, ширина – 8,1 м. Вход в здание, единственный из числа известных, располагался с южной стороны, на поперечной оси наоса. Просвет дверного проема – 1,10 м (Тур, 1999, с. 235-239). Несмотря на то, что в свое время П. И. Кеппен внутри церкви видел армянские надписи «изсеченные в стене подле олтаря» (Кеппен, 1837, с. 20; Тункина, 2011, с. 69, рис. 90, 91), а архитектурные детали интерьера были украшены резным сталактитовым декором (рис. 394), остатки храма, частично выявленные в результате недавних археологических исследований и сопоставленные с культовыми постройками Херсонеса, Горного и Южнобережного Крыма, дали автору раскопок памятника основание для вывода о том, что «в данном строении не прослеживаются особенностей армянской церковной архитектуры», но «подобный архитектурный стиль характерен для византийских традиций» и

«был широко распространен в средневековой Таврике» (Тур, 1999, с. 238). В контексте возникшей дилеммы, на мой взгляд, помимо упомянутых, веских, свидетельств о национальности прихожан храма достаточно любопытной и немаловажной представляется кладка, примыкавшая снаружи к южной апсиде и ее плечу заподлицо с боковой стеной здания, которая могла принадлежать утраченному впоследствии подножию сооружения, аналогичному платформам ряда армянских церквей судакского региона.

Пример культовой постройки на восточном склоне г. Сюрюю-Кая, адаптированные к местным условиям архитектурные формы которой в равной степени одинаково затрудняют выбор одного из двух возможных и отчасти взаимоисключающих вариантов происхождения ее строителей, по сути, тождествен ситуации, возникшей с конфессиональной идентификацией единственной относительно неплохо сохранившейся и практически полностью изученной раскопками христианской церкви Солхата, также спорной до сих пор (Крамаровский, 2004, с. 73-75; 2012, с. 67; Кирилко, 2008, с. 41-43; Зиливинская, 2014, с. 85; Гаврилов, Майко, 2014, с. 160, 162, 164).

Достоверных сведений о православной архитектуре золотоордынской столицы Крыма на данном этапе исследований нет. Какой она могла быть, в определенной мере позволяет судить зодчество соседней Каффы – главного города Генуэзской Газарии, сопоставимого с Солхатом по статусу и этническому составу населения. Документально подтверждено, что в XIV в. там существовало тринадцать храмов, принадлежавших греческой общине, причем, известны контурные планы всех построек, а три из них сохранились до наших дней и исследованы раскопками (Айбабина, Бочаров, 2002, с. 159-168).

Только две православные церкви Каффы, которые отмечены в письменных источниках второй половины XIV в. и схематично изображены на топографических картах города конца XVIII в., выделяются усложненной архитектурной (Айбабина, Бочаров, 2002, с. 159, 168, рис. 2). Одна, посвященная Введению во храм Богородицы, имела четко выраженный тран-

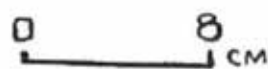
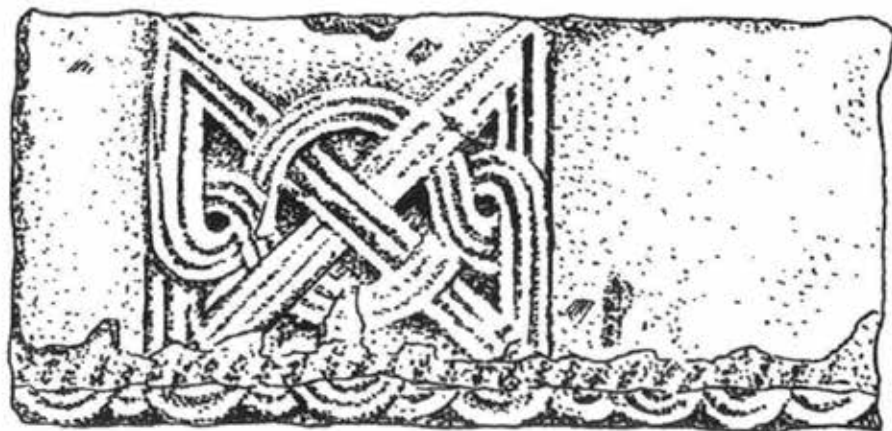

Рис. 398. Архитектурные детали из раскопок христианского монастыря на южном склоне г. Перчем вблизи Судака (по Баранову, Туру, 1997, рис. 32: 12, 13).

септ и, возможно, соотносима с западноевропейской культовой архитектурой, вторая – свв. Апостолов (?), вероятнее всего, была крестовокупольной с обширным нартексом. Все остальные известные храмы греческой общины однообразные и, отличаясь между собой величиной, пропорциями и наличием пристроек, принадлежат к одному из самых распространенных в средневековом мире типу христианских церковных построек, представленному многочисленными вариантами (Иоаннисян, 2013, с. 64-116). Для аналогичных крымских памятников обычными являются относительно небольшие размеры, прямоугольная в плане форма наоса с усредненным отношением длины к ширине как 5:3, один вход – спереди или сбоку, а также выступавшая наружу полукруглая или граненая апсида. Перекрытие основного объема строения стропильное либо сводчатое, алтарное полукружие завершалось конхой. Практически обязательным было расположение окон на продольной оси здания над входом, в верхней части щипца, и в апсиде, а отдельные постройки дополнительно освещались также с боков. На территории Крымского полуострова подобные сооружения начинают появляться еще в раннее средневековье, однако получили массовое распространение главным образом после IX в. и возводились до самого позднего времени в качестве

крепостных, монастырских, квартальных, усадебных (домашних молелен) и кладбищенских храмов. Они могли несколько различаться пропорциями, отдельными архитектурно-конструктивными деталями и декоративным убранством, но основа плановой схемы при этом, как правило, остается неизменной (Кеппен, 1837, с. 15-20; Бертье-Делагард, 1907, с. 30-31; Гайдукевич, 1953, с. 299-315; Веймарн и др., 1974, рис. 2, 3; Домбровский, 1974, с. 36-37; Лосицкий, 1990, с. 36-37, 46; Фирсов, 1990, с. 90-91, 229, 386, 403-404, 414-416; Яшаева, 1996, с. 146-151; Баранов, Тур, 1997, с. 46-50, рис. 1; Джанов, 1997, с. 223-226; Романчук, 2000, с. 234-243; Адаксина, 2002, с. 7-9, 13, 21-22, рис. 5-22, 143; Айбабина, Бочаров, 2002; Лысенко, Тесленко, 2002; Бочаров, 2004; 2015а, с. 54-62, 92-93, рис. 11; Дьячков, 2004; Кирилко, Мыц, 2004, с. 214-217; Тесленко, Лысенко, 2004; Кирилко, 2010; 2015а, с. 17-62; Адаксина, Мыц, 2008, с. 11-21, рис. 81-131; Адаксина, Мыц, Ушаков, 2010, с. 46-54, 59-60, рис. 152-189).

Среди специфических региональных особенностей, которые присущи каффинским постройкам данного типа, равно как, другим подобным, из числа известных, греческим храмам Юго-Восточного Крыма, так или иначе соотносимых с золотоордынскими территориями и землями, в свое время принадлежавшими либо подвластными Солхату, можно выде-

лить, по меньшей мере, две характерные черты, безусловно, имевшие византийские корни, но претерпевшие локальные качественные изменения, надо полагать, не без влияния местных мастеров армянского происхождения.

Во-первых, практически всегда вход в церковь располагается с западной стороны четко на продольной оси здания, иногда допускается его незначительное смещение по отношению к той при устройстве рядом окна. Дверной проем нередко был обрамлен профилированным каменным наличником и завершался разгрузочной аркой на кронштейнах с глубоким глухим тимпаном, поверхность которого могла иметь роспись. На периферии, по мере удаления от городской среды и основных культурных центров, убранство входа упрощается и уступает место обычной облицовочной кладке из чисто тесаных блоков известняка или капсельского ракушечника, либо вообще ограничивается относительно более тщательной пригонкой бутового камня (рис. 395). В одной из таких построек, храме поселения у подножия Чобан-Куле, в качестве порога применен даже толстый брус можжевельника, причем, остальная часть обрамления проема осталась каменной (Кирилло, Мыц, 2004, с. 214, рис. 24-25).

Во-вторых, завершение наоса было сводчатым стрельчатого профиля с подпружными арками, которые могли опираться как на пилястры, так и, преимущественно, на выступавшие из плоскости стены кронштейны. При этом такая конструкция имела многофункциональное назначение, ибо позволяла не только усилить перекрытие и обеспечить ему антисейсмическую

устойчивость, но во время строительных работ эффективно использовалась в качестве своеобразных кружал (рис. 396)²⁹. Более того, подпружные арки создавали выразительное членение относительно небогатого убранством интерьера храма, которое обычно ограничивалось росписью алтарной конхи и церковным инвентарем (Айбабина, Бочаров, 2002, рис. 13, 14; Кирилло, Мыц, 2004, с. 214-216, рис. 27).

По сравнению с православными храмами гегуэзской Каффы аналогичные постройки золотоордынской Сугдеи – византийского города, подвластного Солхату, насколько можно судить по единичным, из числа известных сейчас, и исключительно слабо исследованным сооружениям (Джанов, 1997, с. 223), отмечены определенной архаичностью архитектурных форм, более соотносимыми с классическими образцами культового зодчества средневекового Херсонеса.

Среди судакских памятников особое внимание привлекает небольшой христианский монастырь на южном склоне г. Перчем (рис. 397), прежде всего, своими миниатюрными раз-

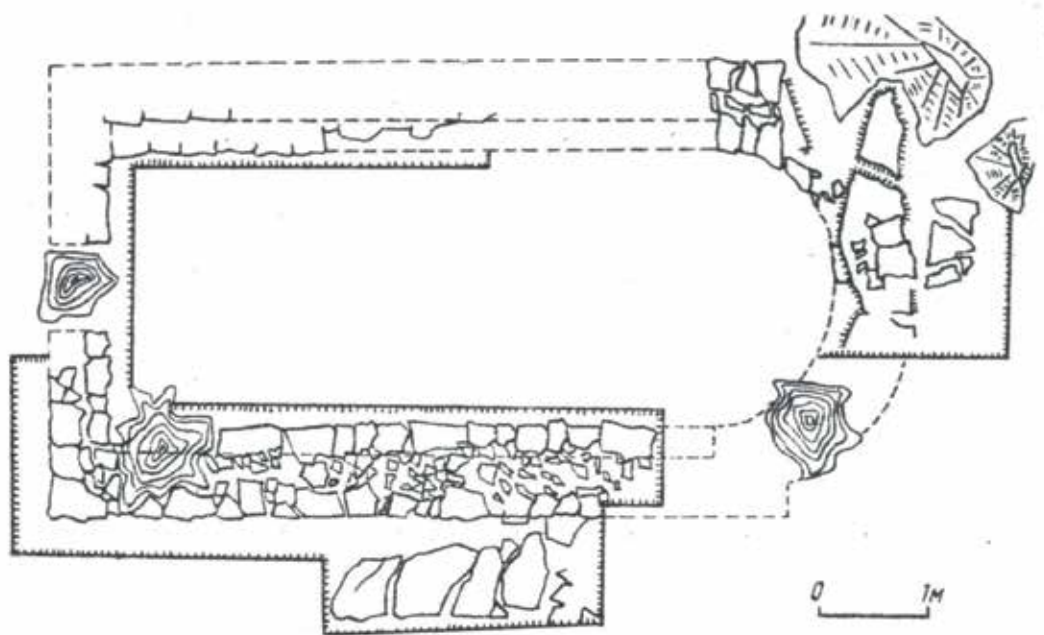

Рис. 399. Храм Хачла-Каясы. План (по Паршиной, 1968а, рис. 2).

²⁹ Применение подобного, довольно своеобразного, технологического приема достоверно подтверждается, по меньшей мере, на двух средневековых памятниках региона – в православном храме поселения рядом с Чобан-Куле и армянской церкви Спасителя в монастыре на окраине Бахчи-Ели.

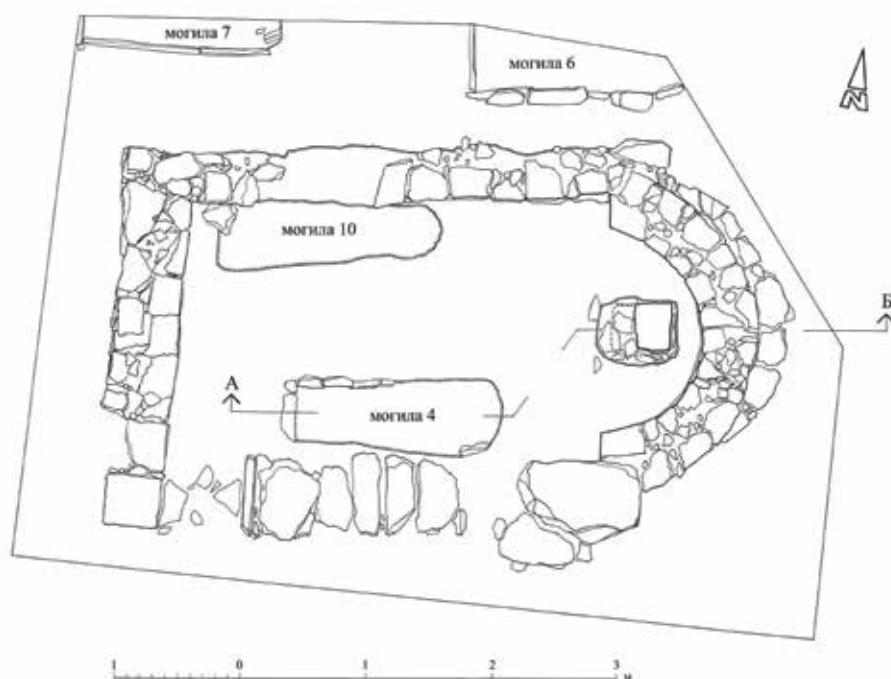

Рис. 400. Храм на территории некрополя Фуны (по Кирилко, 2010, рис. 2).

мерами и компактной планировкой, а также тем, что его руины почти полностью удалось вскрыть археологическими раскопками (Баранов, Тур, 1997, с. 46-50). Остатки обители находятся в 1,5 км к северо-западу от крепости, на вершине возвышенности, расположенной между двумя глубокими балками с источниками воды. Монастырская ограда каменная, в плане семигранная с наружными контрфорсами на углах. Конфигурация стены симметрична относительно продольной оси комплекса, которая в качестве медианы соединяла северо-восточный угол с юго-западной стороной сооружения, где находились ворота. На этой же линии, посередине огражденной территории и точно напротив входа в монастырь, расположен храм – строение с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой. Церковь возведена из необработанных камней сланца и песчаника на глине, внутри и снаружи была полностью оштукатурена известковым раствором, имела сводчатое (коробовое) перекрытие с подпружной аркой в центре нефа. Первоначальный пол наоса был устлан

квадратной керамической плиткой, впоследствии, после перестройки, его сменило каменное мощение. В декоративном убранстве храма наряду с фресковой росписью алтарной конхи использовались также резные архитектурные детали из известняка, представленные фрагментом наличника, украшенного геометрическим орнаментом-плетенкой, и замковым камнем с рельефным изображением процветшего креста (рис. 398). Поверхность двора выровнена грунтовой подсыпкой, местами покрыта плитами сланца. Служебные и хозяйственные строения монастыря находились в северо-западном углу комплекса, имели отдельный вход, располагавшийся непосредственно у передней стены храма, вблизи угла. Общие размеры церкви: 4,0 x 6,25 м. Ширина

дверного проема – 0,9 м. Толщина стен – 0,7 м. Протяженность ограды – 53,25 м, площадь обители – 215 м². Анализ архитектуры и керамического материала дал авторам раскопок памятника «право предположить», что основание монастыря связано с эмиграцией иконопочитателей и относится к VIII в., а наиболее активный период его существования приходится на XIII–XV вв., причем, сам храм исследователями никак не датирован (Баранов, Тур, 1997, с. 50). Принимая во внимание наличие явных признаков обновления отдельных сооружений и весьма несложную, двухэтапную, строительную историю объекта, получившую свое отражение в стратиграфии, равно как, довольно странное количество могил погоста – всего трех, слишком малое для столь продолжительного функционирования обители, есть основание считать, что окончательный, известный сейчас, облик комплекса, вероятнее всего, сформировался в золотоордынское, либо предельно близкое к нему, время.

Внутри крымского ареала распространения малых одноапсидных храмов с прямоугольным

³⁰ В исследованиях Д. Уинфилда и Дж. Уэнрайта тождественная схема плана также считается типовой композицией для многочисленных подобных храмов Понта XIII–XV вв. (Иоаннисян, 2013, с. 82-83, ил. 16).

в плане наосом, охватывавшего значительную территорию региона, особо выделяется относительно большая группа южнобережных церквей православной Таврики XIV в., где кроме сооружений с традиционной архитектурой, по сути, типовых строений, имевших вход со стороны главного фасада (рис. 399)³⁰, практически одномоментно массовое применение получили здания, дверной проем которых располагался сбоку, непосредственно у передней стены (рис. 400) (Паршина, 1968б, с. 65-70, рис. 1; Фирсов, 1990, рис. 20, 72; Адаксина, 2002, с. 7-9, рис. 5; Бочаров, 2004, рис. 7-12; Лысенко, Тесленко, 2002, рис. 2; Кирилко, 2010б, с. 311-322, рис. 2, 10). Характерным для них является также использование сводов с подпружными арками и обработанного известкового туфа в кладке конструкции перекрытий. Размещением входа с юга (в единичных примерах – с севера), лишь иногда обуславливаемого особенностями рельефа либо планировкой ком-

плекса, они отличаются от остальных местных, более раннего времени и отдельных синхронных им, построек (Паршина, 1968а, с. 60-61, рис. 2; Домбровский, 1974, рис. 17, 20; Фирсов, 1990, рис. 148; Тесленко, Лысенко, 2004, рис. 3, 7), но, отчасти, сопоставимы с херсонскими часовнями и усадебными молельнями, доступ к которым нередко зависел от топографии участка, определявшей место для двери (Якобсон, 1950, рис. 3, 7, 41; Романчук, 1986, рис. 8, 10, 49; 2000, рис. 29-32, 50-57, 61), равно как с несколькими церквями XIII-XIV вв. из округа Ялты – Массандры, Ореанды, Фороса и Исар-Каи (Махнева, 1968, с. 53-54; Паршина, 1968б, с. 65-70, рис. 1; Домбровский, 1968, с. 70-74; 1974, с. 35-37, рис. 21; Мыц, 1987, с. 231-233, рис. 3; Фирсов, 1990, с. 401-404, рис. 143, 144).

Точные причины данного феномена неизвестны, но, по мнению В. Л. Мыца, достаточно большой представляется вероятность того, что появление в Крыму летом 1365 г. орды Мамай, сопровождавшееся насильственной мобилизацией населения в войско хана Абдуллаха и погромами, вполне могло вызвать массовое бегство жителей Херсона и его окрестностей в труднодоступные горные районы над морем, где беженцами затем были основаны монастыри и построены новые храмы. Однако, поскольку на эти, в свое время им принадлежавшие, территории (округа Эллис и Кинсанус) распространялась власть митрополитов Сугдеи и Готии, впоследствии, в течение 1382-1390 гг., данное обстоятельство стало поводом для ожесточенных споров между херсонским, готским и сугдейским иерархами за право сбора каноникона с жителей южнобережных поселений (Байер, 1995, с. 65-76; Лысенко, Тесленко, 2002, с. 71; Мыц, 2009, с. 42). То, что в конечном итоге митрополиту Херсона все-таки удалось закрепить за своей епархией Кинсанус и окрестные деревни – Фуну, Аланию, Алушту, Лампадо-Партениты и Сикиту с Хрихарем (Древние акты, 1867, с. 465-466, ССCLXX; Якобсон, 1950, с. 41; Байер, 1995, с. 72), в пределах которых сосредоточена основная часть упомянутых памятников, косвенно свидетельствует не только о правомерности его претензий, но и действительно возможных истоках происхождения архитектурных форм. Соглас-

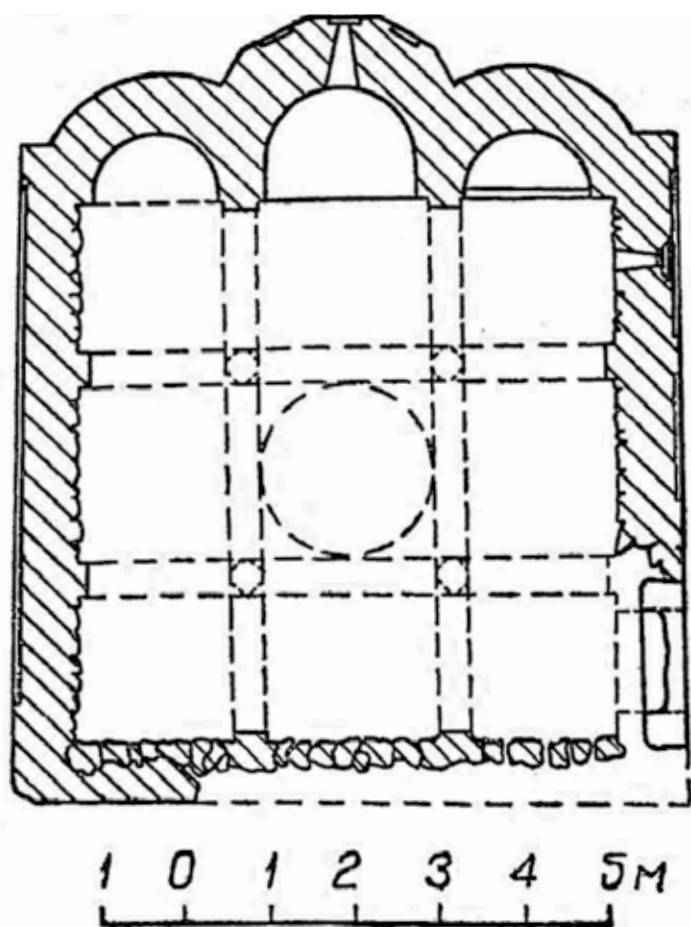

Рис. 401. Храм св. Троицы в с. Лаки. План (по Якобсону, 1934, рис. 1).

Рис. 402. Храм св. Троицы в с. Лаки. Вид с северо-запада (по Чернышу, 2013, рис. 13).

но Акту патриарха Макария, датированного августом 1390 г., на границах области Сугдеи «и церкви и келии воздвиг» херсонский митрополит Василий, преемник Игнатия, возглавлявшего кафедру с 1365 г., причем, произошло это не позднее октября 1368 г. (Древние акты, 1867, с. 469, СССРХІХ; Байер, 1995, с. 69, 72).

С малыми православными храмами Кинсануса, в определенной мере, а именно, характерным размещением входа у передней стены сбоку, сопоставима одна из необычных, отчасти, ключевых христианских построек юго-западной части полуострова – церковь св. Троицы близ с. Лаки. При этом сама она разительно отличается своей архитектурой и принадлежит к совершенно иному типу культовых зданий, а контексте местного зодчества золотоордынского времени занимает особое место.

Лакский храм – крестовокупольный с квадратным в плане наосом и четырьмя свободно стоящими внутренними опорами в виде колонн, трехапсидный, без нартекса (рис. 401–402). Его интерьер разделен устоями на близкие, практически одинаковые, по величине ячейки, из которых средние, расположенные на продольной и поперечной осях здания, лишь

немного были крупнее угловых, чуть выше и просторнее. Восточная часть строения завершалась тремя алтарными конхами с циркульными внутри очертаниями, причем, при незначительной разнице в ширине центральное сооружение выделялось главным образом большей глубиной и высотой. Снаружи апсиды между собой отличались формой: средняя была пятигранной (в основании – половина правильного двенадцатиугольника) и выступала над остальными, боковые имели цилиндрическую поверхность. Вход в церковь один, расположен с южной стороны, непосредственно у западной стены. Внутреннее пространство храма освещалось высоко поднятыми над уровнем пола щелевидными окнами в наосе и

средней апсиде, часть света попадала через отверстия в барабане купола. Размеры строения – 6,45 x 6,35 м. Ширина дверного проема – около 0,90 м.

Фасады здания, а также основные конструктивные детали интерьера – пилястры, арки, внутренние опоры и полукупола апсид, выполнены из гладко отесанных и хорошо пригнанных блоков известняка. Тильные, со стороны помещения, части кладки стен сложены из бутового камня на известковом растворе, были оштукатурены. Специфическую форму имеют стволы колонн, ближайшая аналогия которым на территории Крыма пока известна только в одном месте – в храме армянского монастыря Сурб Степанос, находившегося вблизи Солхата (Байбуртский, Тимиргазин, 2008, рис. 65). Они в сечении почти полностью восьмигранные, однако, на краях посредством четырех слегка выступавших дуговидных срезов образуют переход к квадратному основанию призм, придавая тем самым концам детали некое подобие одинаковых базы и капители. Фусты были цельными, хотя судя по найденному в переложенном состоянии фрагменту одного из них, имевшего тщательно выровненный ок-

тагональный торец (Черныш, 2013), отдельные опоры могли состоять из нескольких частей. Каждая колонна поставлена на массивный цоколь со ступенчатым профилем. Сверху ее венчал украшенный резным орнаментом импост, который, в свою очередь, вместе с аналогичными капителями остальных внутренних устоев и кронштейнами пилястр поддерживал подпружные арки каменных перекрытий здания. Угловые компартименты наоса завершались куполами, средние ячейки были сводчатыми, над центральной частью помещения, предположительно, возвышался купол на высоком цилиндрическом барабане.

Фасады здания увенчаны карнизом, который, судя по уцелевшим *in situ* фрагментам, повсеместно находился на одном уровне, что предполагает устройство над основным объемом строения четырехскатной кровли. Следовательно, конструкции перекрытия снаружи никак не проявлялись. Поверхность южной стены украшена тремя довольно мелкими (глубиной всего 4 см) прямоугольными нишами с арочным завершением. При этом разделявшие их лопатки не совпадают в осях с внутренними пилястрами, поддерживавшими подпружные арки сводов здания, в результате чего аркатура приобретает исключительно декоративное значение. Противоположный, второй боковой, фасад мог иметь всего одну подобную, но только полностью прямоугольную, нишу, занимавшую почти всю его поверхность. Как строение выглядело с западной стороны, неизвестно. Аналогично стенам наоса оформлена и алтарная часть храма. Все три апсиды сверху, также на одном уровне, увенчаны собственным сплошным карнизом, а средняя из них дополнительно украшена тремя одинаковыми арочными нишами. Незначительное разнообразие внешнему убранству храма придавали лишь слабопрофилированное обрамление оконных проемов и, возможно, полностью утраченный к настоящему времени наличник входа, о форме которого пока можно только догадываться.

Храм традиционно датируется концом XIII – началом XIV вв., а его *terminus ante quem* определяет поминальная надпись 1310 г., нанесенная непосредственно на стену здания (Латышев, 1898, с. 233-238; Якобсон, 1934, с. 108; 1950, с. 249; 1964, с. 98; Зиливинская, 2014а, с. 76). Согласно выводам А. Л. Якобсона, изучавшего остатки строения незадолго до их окончательного разрушения и посвятившего памятнику специальное исследование, здание носит специфически провинциальный характер, а данный тип храма не свойствен столичному строительству, но является господствующим в зодчестве греко-восточных областей Византии, прежде всего, на территории Малой Азии. Аналогии восьмигранной колонне и орнаменту капителей лакского храма он обнаружил среди архитектурных фрагментов из Трапезунта, известных ему по фотоматериалам Трапезунтской экспедиции Академии наук 1917 г., а подобные, правда, в большинстве своем с более изящным уступчатым профилем, декоративные ниши

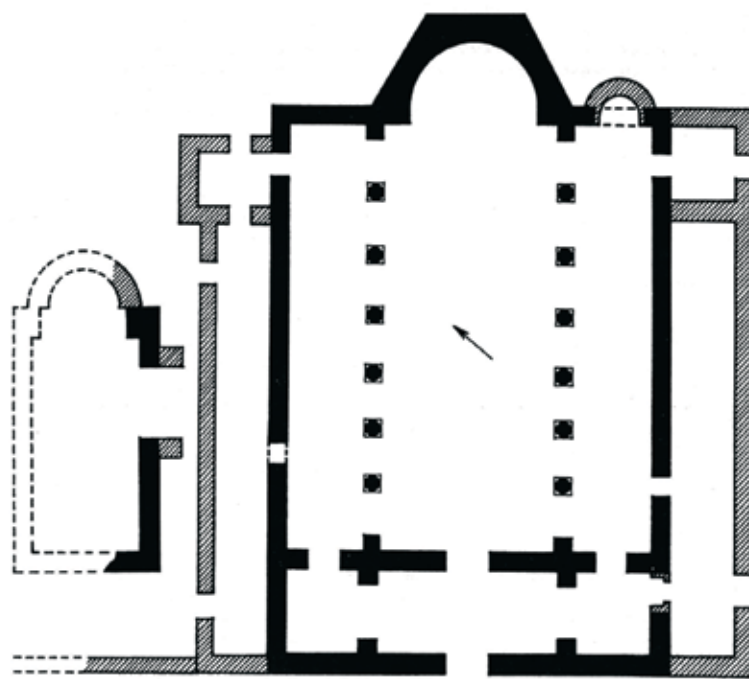

Рис. 403. Большая базилика Мангула. План (по Кирилко, 1997, рис. 2: 2).

³¹ Наиболее близкой аналогией в части формы и внешнего декора апсиды, а также кладки фасадных поверхностей является т. н. базилика Леонтия в Херсоне, датируемая вместе с лакским храмом одинаково – XII-XIII вв. (Гайдукевич, 1953, с. 312, рис. 2, 3, 10).

фасадов отметил в херсонских крестовокупольных церквях XII-XIII вв., имевших идентичную технику кладки³¹. По мнению исследователя, появление столь необычного строения здесь было обусловлено теснейшими связями Крыма и Малой Азии, равно как, прямой политической зависимостью Херсонеса и всей прилегающей к нему области от Трапезунтской империи (Якобсон, 1934, с. 107, 108, прим. 3, 4). Достаточно большой представляется и вероятность существования в районе верховьев р. Кача метохии ставропигиального Сумелийского монастыря Пресвятой Богородицы, в подчинении которого находились храм св. Троицы в Лаках и окрестная территория, что также могло сказаться на архитектурном облике здания (Спиридонов, 1928, с. 99-102; Черныш, 2013).

В контексте настоящего исследования и попытках выяснить культурные истоки зодчества золотоордынского Крыма существенное значение приобретают отдельные компоненты лакской церкви, не имеющие параллелей в соседнем византийском Херсоне, изначально бывшего законодателем архитектурной моды в регионе. Особую ценность данному памятнику придает то, что он является самым ранним крымским строением, в котором применены восьмигранные колонны с кубовидными сталактитовыми базами и капителями, вскоре ставшими обычными в юго-восточной части полуострова, прежде всего, непосредственно на землях, принадлежавших Солхату, причем, в постройках разных конфессий.

В Юго-Западном Крыму традиции малоазийской и, отчасти, армянской средневековой архитектуры (со свойственными им подобными конструктивными деталями) наиболее полноценно представлены на территории православного государственного образования Феодоро, правители которого в свое время, по меньшей мере, до конца XIV в. признавали власть золотоордынских ханов, что нашло отражение в содержании одной из строительных надписей, где упоминается Тохтамыш (Малицкий, 1933; Мыц, 2009). Самыми яркими и показательными памятниками его столицы являются три главные постройки второй половины 20-х годов XV в. – Большая

базилика, дворец Алексея и октагональный храм.

Архитектоника данной базилики и полученные в результате раскопок многочисленные элементы разнообразного архитектурного декора позволяют выделить три явно выраженных строительных периода, отмеченных существенными изменениями объемно-плановой структуры и декоративного убранства, в полной мере отразивших сложный процесс становления и развития традиций византийского зодчества на Мангупе. В сопоставлении с историческими условиями, в которых складывалась архитектурная среда города, они могут быть датированы, соответственно, VI в. – началом VII в., рубежом IX-X вв. и первой половиной XV в. (Кирилло, 1997, с. 92; Бармина, 2008, с. 305-313).

Первоначально храм представлял собой большое прямоугольное в плане здание классического базиликального типа со стропильным перекрытием (рис. 403). Его размеры: общая

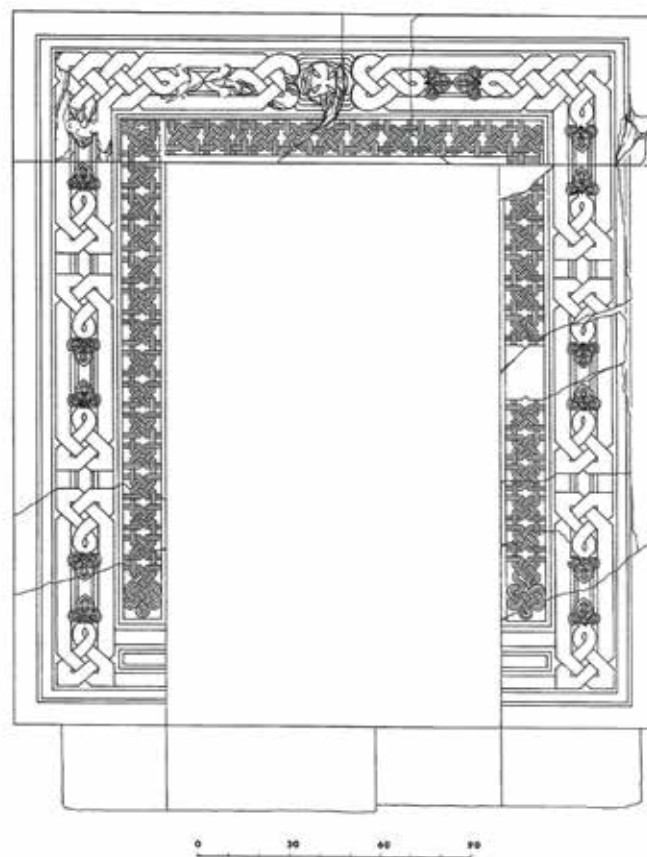

Рис. 404. Южный вход в Большую базилику Мангупа. Реконструкция наличника (по Кирилло 2005б, рис. 1).

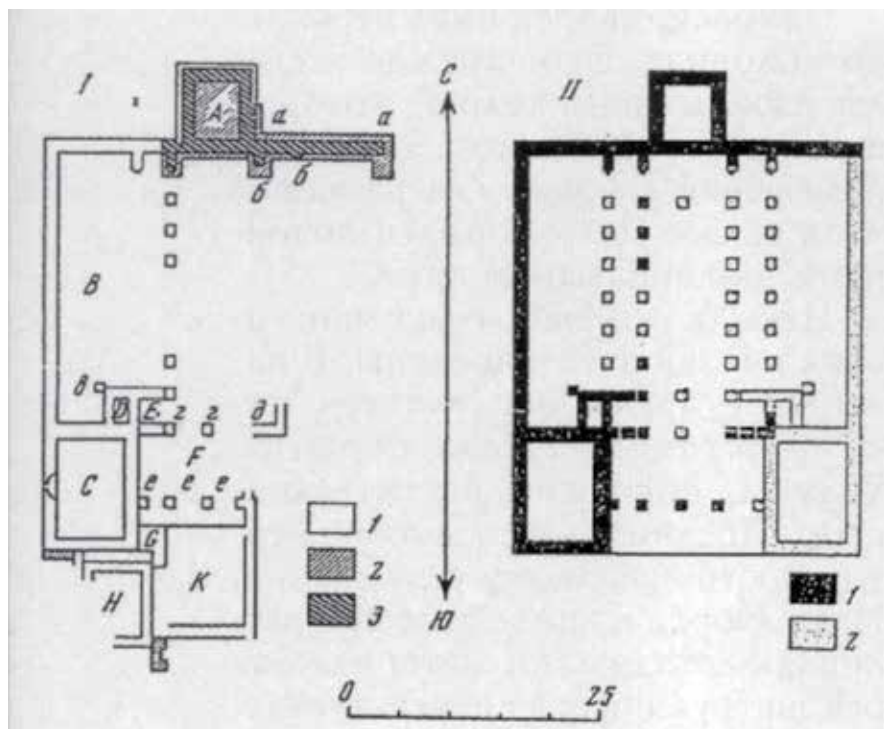

Рис. 405. Дворец Алексея на Мангупе. Реконструкция плана (по Сурову, 1972).

длина – 30,6 м, ширина – 19 м, толщина стен – 0,9 м. Церковь была трехнефной, одноапсидной, с нартексом. Главный вход расположен с западной стороны, на центральной оси строения. В южной и северной стенах размещены второстепенные дверные проемы. Сведений об окнах нет. Деление внутреннего пространства базилики на нефы выполнено двумя шестиколонными аркадами. Подобно основному объему, нартекс также состоит из трех частей, каждая из которых имела самостоятельный вход в соответствующий пролет наоса. С восточной стороны храм завершался большой полукруглой внутри и трехгранной (в основании – половина правильного шестиугольника) снаружи апсидой. Здание сложено из крупных, тщательно обработанных и плотно пригнанных блоков известняка на прочном известковом растворе. Фасады массивные, нерасчлененные, вероятнее всего, почти без декора. Основное убранство базилики сосредоточено внутри строения. Важнейшим архитектурно-художественным элементом ее интерьера были декоративные мраморы проконнесского происхождения, фрески, а также мозаичные покрытия пола, композиция которых обычна

для византийской архитектурной пластики и монументальной орнаментики VI–XII вв., что наряду с архитектурной конструкцией сооружения, находит самые близкие параллели в одновременных храмах соседнего Херсона (Кирилко, 1997, с. 92-94).

Ремонт феодоритского времени полностью преобразовал внутреннее пространство базилики. Самым существенным обновлением стала замена первоначальных опор на восьмигранные в сечении колонны (Якобсон, 1940, с. 211; Тиханова, 1953, с. 339). Капитальной реконструкции подвергся также южный неф храма. С восточной стороны к нему пристроили полукруглую апсиду с циркульными внутренними и внешними очертаниями, сложенную из тщательно обработанных блоков известняка средней величины. Ее алтарная преграда была выполнена «из гладких каменных плит с двумя

восьмигранными же колонками, которые наверху посредством углов, обделанных в виде сталактитов (как турецкие колонны), переходят в четырехгранные капители» (Лепер, 1913, с. 149). Южный вход в нартекс получил изысканное обрамление в виде известнякового наличника, украшенного резными плетенками с использованием орнаментального мотива «сельджукская цепь» (рис. 404). Декоративное убранство дверного проема выделяется необычной композицией и своеобразной трактовкой отдельных деталей, при этом основные его элементы являются традиционными для региональной архитектурной пластики XIV–XV вв. (Кирилко, 2005, с. 260-272).

Резиденция феодоритского правителя Алексея находится недалеко, на расстоянии около 100 м к юго-востоку, от базилики. Дворец возведен в 1425 г., представляет собой уникальный образец гражданской монументальной архитектуры Крыма (Малицкий, 1933, с. 33-35; Якобсон, 1953, с. 390-418; Суров, 1972, с. 96-97; Герцен, Наumenко, 2010, с. 387-419). Судя по сохранившимся остаткам, здание отличалось импозантным видом, имело четко акцентированный главный фасад и с некото-

рой редакцией воспроизводило объемно-плановую структуру раннесредневековых сирийских базилик с башнями по краям нартекса (рис. 405). В качестве внутренних опор здесь также использованы восьмигранные в сечении колонны с кубовидными базами, имевшими скругленные скосы сталактитового типа на углах. По мнению А. Л. Якобсона, их капители могли быть украшены специфическим рельефным декором, орнаментальный мотив которого в виде растительного побега и пальметты с характерным глазком является типичным для сельджукского искусства и хорошо известен на постройках золотоордынского Солхата, а также его окрестностей, датируемых первой половиной – серединой XIV в. (Якобсон, 1953, с. 416-417, рис. 33).

Проникновение строительных традиций Малой Азии, Кавказа и Ближнего Востока в православное зодчество средневекового Крыма проявилось не только в успешном заимствовании отдельных конструктивных элементов и самобытной каменной порезки, но и в непосредственном использовании классических архитектурных композиций, наряду с дворцом получивших свое воплощение в еще одном уникальном для региона сооружении – мангупском октагоне, датированном 1427 г. (Мыц, Кирилло, 2001, с. 354-375).

Внешние очертания храма в плане восьмигранные, слегка вытянуты в продольном направлении (рис. 406). Конфигурация внутреннего пространства здания имеет вид равноконечного креста с полукруглой восточной ветвью. Вход один, вел с запада. Дверной проем был перекрыт архитравной плитой, украшенной геральдическими эмблемами и строительной надписью с датой. Перед ним возвышался четырехстолпный портик, который мог использоваться в качестве паперти либо колокольни. Основание скальное. Стены сложены из крупных, чисто отесанных блоков известняка, внутри были заполнены разномерным бутом на прочном известково-песчаном растворе. Пригонка камней облицовки тщательная. Архитектоника здания предполагает купольное завершение храма. Размеры основного объема строения: ширина – 8,00 м, длина – 8,50 м, реконструируемая высота – около 15 м.

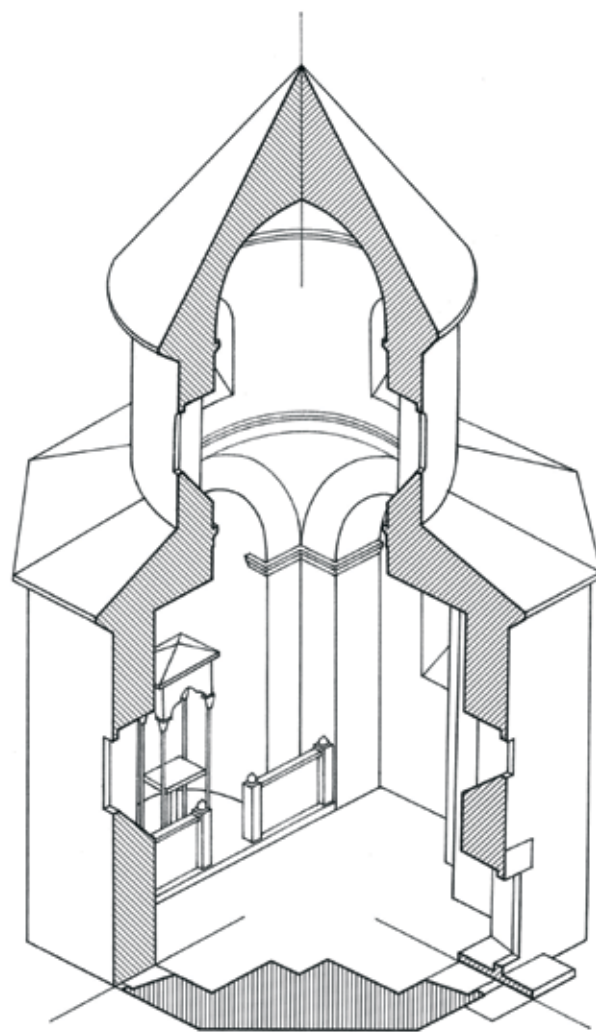

Рис. 406. Октагональный храм Мангупа. Реконструкция (по Кирилло, 2010, рис. 4).

Толщина стен – 0,90 м. Сторона подкупольного квадрата равна 3,70 м. Просвет входа – 0,70 м. Ширина подножия портика – 4,00 м, его длина – 3,40 м. Опоры сооружения в нижней части квадратные, толщиной 0,70 м. Расстояние между ними – 1,80-1,90 м (Мыц, Кирилло, 2001, 354-375; Герцен, Науменко, 2009, с. 421-466; 2010, с. 227-253; Кирилло, 2010а, с. 103-120; Корзюк, 2012, с. 33-36).

Архитектоника данной церкви так или иначе генетически связана с малыми центрическими храмами Закавказья и, шире, христианского Востока, для которых октагональные сооружения, наряду с шестигранными в плане объектами, стали начальным звеном эволюции, поскольку простота построения и осо-

бые свойства используемых ими геометрических фигур позволяли легко переходить к более сложным комбинациям с равносторонним многоугольным (последовательное увеличение числа граней в конечном итоге приводило к очертаниям внешнего контура, практически совпадающего с окружностью), циркульным либо звездчатым абрисом объемов, в свою очередь, наполняя семантику здания глубоким смысловым содержанием. Композиционно она во многом сопоставима с купольными ротондами средневековой Армении, что, в частности, также обуславливает ее реконструкцию в формах, характерных именно для армянского зодчества (Мыц, Кирилло, 2001, с. 365-367). Имеются и иные версии истоков необычного облика мангупского октагона. Автор одной из них, А. Г. Герцен, связывает появление столь уникального для церковной архитектуры Таврики сооружения с бесосновательно предполагаемым им распространением в XIV–XV вв. местных мавзолеев татарской знати, имевших в плане вид восьмигранника. По его мнению, «типовой проект» такого строения по заказу правителя Феодоро мог быть приспособлен под христианский храм (Герцен, 1990, с. 144), что маловероятно, хотя опосредованное влияние мусульманских мемориальных построек, но только Малой Азии, допустимо (Кирилло, Мыц, 2001, с. 359-361). Воздействие исламской культуры на архитектуру мангупского храма в том виде, как его обозначил А. Г. Герцен, вряд ли возможно и должно трактоваться исключительно как проявление общих закономерностей в развитии средневековой архитектуры (Кирилло, Мыц, 2001, с. 361; Герцен, Науменко, 2009, с. 451). Согласно новой гипотезе А. Г. Герцена, предложенной им совместно с В. Е. Науменко, формы октагональной церкви Мангупского городища имеют византийское, более того, столичное происхождение, хорошо вписываясь в общий контекст истории Феодоро, правителям которого в течение 1424-1425 гг. удалось заключить два важнейших династических союза с императорами Византийской и Трапезунтской империй. При этом ее авторы апеллируют к научным исследованиям В. П. Степаненко, авторитетного

специалиста в данной области (Герцен, Науменко, 2009, с. 453-454), хотя сам тот считает совершенно иначе: «Поиски византийских аналогий мангупской октагональной церкви, если датировать ее XIV–XV вв., малопродуктивны, так как данный тип сооружения более присущ армянским церквям и малоазийским постройкам сельджукского периода» (Степаненко, 2010, с. 122, прим. 4).

В отличие от Феодоро, во главе которого стояли аутенты с греческими и, возможно, адыгскими корнями, а население исповедовало преимущественно христианство, влияние малоазийских строительных традиций на православную архитектуру золотоордынского Солхата и его окрестностей, где власть принадлежала тюркской администрации, хотя и вероятно, но вряд ли было столь же ощутимым, ибо оно определялось правовым положением Церкви и отношением к ней правителей.

Полноценных сведений о состоянии веротерпимости в столице крымского улуса нет (Крамаровский, 2013, с. 559-574). Однако известно, что в конце XIII в. случился конфликт францисканцев с наместником, который, не желая слушать звон колоколов, изгнал проповедников из города. Проблему удалось решить не без вмешательства жены Ногая (Хаутала, 2012, с. 37-38). Судя по греческим документам, произвол солхатских правителей неоднократно пришлось познать также верующим соседней Сугдеи. 8 августа 1322 г., захватив город, Толактемир и гонец золотоордынского хана Узбека по имени Караболат «спустили все колокола и сняли иконы и кресты и отомкнули ворота» (Могаричев и др., 2009, с. 290, № 147), а один из храмов обратили в мечеть (Устав, 1863, с. 831, прим. 118). Спустя полгода, 26 января 1323 г. там произошло новое уничтожение православных святынь – «безбожные агаряне скрыли божественную и священную икону Спасителя нашего Иисуса Христа, которая на царских воротах богоспасаемого города Сугдаи» (Могаричев и др., 2009, с. 290, № 148). 25 апреля 1327 г. Сугдея подверглась очередному нападению татар, которые «захватили крепость, святую Софию Сугдаи и Святого Стефана и Святую Варвару по имени Агачбашлы» (Могаричев и др., 2009, с. 291, № 153). Извест-

но также, что по приказанию Топлактемира тогда были сожжены девять икон из числа чтимых (Могаричев и др., 2009, с. 292, с. № 165).

В определенной безопасности находились лишь христианские храмы Каффы, защищенные от самоуправства соседей мощными крепостными стенами. По крайней мере, в 1386 г. при неудавшейся попытке наместником Солхата преодолеть генуэзскую оборону разорению подверглись только те монастыри и церкви, которые располагались за пределами городской ограды (Свод, 2008, с. 42-43, 188, № 103; Кирилло 2014б, с. 415).

Исследовательница культового зодчества Золотой Орды Э. Д. Зиливинская, особо не колеблясь и не выделяя в отдельную категорию православные постройки, утверждает: «Без сомнения, в Солхате было «несколько (возможно, несколько десятков) христианских храмов» (Зиливинская, 2014а, с. 85), но и обе обозначенные ею крайности маловероятны. Количество армянских культовых сооружений, известных в XIV–XV вв., более или менее точно определимо – четыре монастыря и девять церквей (Микаелян, 1971, 109; Корхмязян, 1978, с. 96; Кирилло, 2008, с. 38), о постройках иных конфессий приходится судить лишь предположительно. Вероятнее всего, греческая община золотоордынской столицы Крыма была малочисленней армянской и в отличие от той вряд ли могла рассчитывать на благожелательное отношение к ней со стороны местной власти, неоднократно подвергавшей сугдейских верян притеснениям на религиозной почве. Следовательно, нет особых оснований предполагать появление в Солхате и его ближайших окрестностях крупных православных храмов с усложненной архитектурой, а городской пастве для удовлетворения духовных потребностей вполне хватило бы нескольких, не более трех, относительно невзрачных церквей обычного облика – в виде прямоугольной в плане типовой постройки с выступавшей полукруглой апсидой. Видимо, особой выразительностью не отличалась и культовая архитектура латинской общины города, также не испытывавшей явной благосклонности власть имущих, известно только о существовании здесь францисканского монастыря и скриптория при нем

(Крамаровский, 1989, с. 147; 2012, с. 70). Конкретных сведений о каких-либо иных католических сооружениях золотоордынского Крыма нет.

Зодчество еврейского квартала Солхата представлено единственной частично уцелевшей прямоугольной в плане капитальной постройкой, которая до сих пор идентифицируется неоднозначно – как кенасса-синагога, ибо ее конфессиональная принадлежность достоверно не установлена. Здание в плане прямоугольное, вытянуто продольно с четкой меридиональной ориентацией. Вход был расположен у северо-восточного угла. Кроме главной ниши в южной стене, имелась также «довольно длинная и высоко расположенная в западной стене» еще одна выемка (рис. 407). В кладку помещены кувшины, выполнявшие роль акустических резонаторов. Сведений о декоративном убранстве здания нет, но по аналогии с синхронной тому каффинской синагогой, дверной проем которой украшен резным каменным наличником с использованием орнаментального мотива «сельджукская цепь», подобным образом мог быть оформлен и вход солхатского строения. Размеры сооружения: ширина – 18 шагов, длина – 22 шага, что приблизительно составляет 13 x 16 м (Смирнов, 1887, с. 284; Крамаровский, 1989, с. 147-148; 2012, с. 72-73; Гаврилов, Майко, 2014, с. 148-149). Иные иудейские постройки на землях, подвластных Солхату, пока не известны.

В целом архитектурный облик золотоордынского Крыма во многом был подобен тому, что приходилось наблюдать путешественникам и в других местах государства Джучи, разнясь при этом отдельными более или менее выраженными региональными чертами (Крамаровский, 2009, с. 582, 585, 586). Наряду с местными строительными традициями своеобразие ему придавало влияние культуры ближайших соседей, которые имели к тому времени вполне установившееся искусство и школу мастеров (Засыпкин, 1927, с. 130).

Важнейшей составляющей частью золотоордынской архитектуры Крыма, во многом определявшей ее самобытность, является весомый малоазийский (сельджукский) компонент. Первоначально основными носителями

новых для региона архитектурных форм были анатолийские строительные артели и отдельные иноземные мастера, нисбы которых, по меньшей мере, двоих – Абдуль-Азиза и Ахуда указывают на происхождение из районов Северной Месопотамии (аль-Ирбили). Достаточно вероятным, что в отдельных случаях подтверждается письменными источниками, является прибытие специалистов непосредственно из Египта и, возможно, Средней Азии. Причем, если на начальном этапе заказчики могли рассчитывать главным образом на приезжих зодчих, владевших необходимыми знаниями о новых типах сооружений, то со временем их, несомненно, сменили местные умельцы, преимущественно, армяне, весьма искусные в строительном деле и обработке камня. Показателен пример монастыря Сурб Хач близ Солхата, резной декор и отдельные архитектурные детали которого (сегментные арки проемов, сталактитовые конхи) подобны тем, что применялись в относительно одновременных исламских постройках соседнего с ним города и имеют общее происхождение.

В зодчестве мусульманского Крыма представлены, как минимум, две архитектурно-строительные школы, одна из которых связана с анатолийской традицией, а другая – собственно золотоордынская – с культурой поволжских столиц, куда, как и в другие районы государства от Булгар до Северного Кавказа, этот стиль приходит из Средней Азии (Крамаровский, 1997, с. 104). Причем, если первая проявляется повсеместно и практически во всем, то вторая присутствует лишь в отдельных ее компонентах, таких как мавзолеи и майоликовый архитектурный декор.

При выяснении соотношения общего и особенного в архитектуре разных регионов Улуса Джучи важным является наблюдение М. Г. Крамаровского, согласно которому масштабы империи и разнообразие ландшафтных, исторических и цивилизационных особенностей предшествующих (надо полагать, и не только) эпох не могли не повлиять на формирование различий в облике городов и культурных провинций, складывающихся вокруг них, что, в свою очередь, позволяет избежать

Рис. 407. Иудейский храм (т. н. «Еврейская школа») Солхата. Вид с северо-восточной стороны. Фото В. Д. Смирнова. 1886 г. (ИИМК. Ф. ИАК. Q 380. 19, I 125708. Кол. 190/7921).

в дальнейшем явной идеализации отдельных положений в целом правильных, его же, итоговых выводов: «Расцвет золотоордынских городов приходится на эпоху ханов Узбека и Джанибека (1313-1357 гг.), во время правления которых в Хорезме, Крыму и на Северном Кавказе были созданы лучшие произведения исламской архитектуры Золотой Орды. С 1360 г. проявляются первые признаки «сползания» к затяжному кризису, закончившемуся военно-политической катастрофой 1395 г., после которой вместе с заказчиками исчезают и наметившиеся, было, локальные архитектурные завоевания» (Крамаровский, 2009, с. 586). Последнее утверждение не бесспорно. Во-первых, Крым вполне мог избежать вторжения Тимура, равно как, позднее, и Едигея (Мыц, 2009, с. 45-63). Во-вторых, не приостановилось и культовое строительство. По свидетельству Эвлии Челеби, только в начале XV в. в столице крымского улуса появилось, по меньшей мере, две мечети – Эль-Хаджи Мухаммеда у Кефинских ворот (месяцреджебе 807 г. х. = 1404/05 гг.) и Али эль-Бекри рядом с текие Тахир-бея (месяц джумада уль-ахыра 825 г. х. = 1421/22 гг.) (Книга путешествия, 1999, с. 83). В-третьих, несмотря даже на дальнейшее осязаемое изменение политической ситуации в регионе – возникновение относительно самостоятельного Крымского ханства и его включение впоследствии в состав Османской Порты, в результате чего «на смену левантийской то-

лерантности пришла монокультура османской идеи» (Крамаровский, 1997, с. 105-106), нет ни малейших оснований для довольно категоричного вывода о полной утрате характерных особенностей культурного наследия, обозначенных как исчезнувшие «локальные архитектурные завоевания». Сельджукские строительные традиции, которые изначально были определяющими для золотоордынской архитектуры Крыма, оказались весьма устойчивыми и в новых условиях, что в той или иной степени получило свое выражение на самых разных по времени мемориальных строениях Бахчисарая – от раннего мавзолея Хаджи-Гирея (1501 г.) до поздней усыпальницы Бей-Юде-Султан (около 1778 г.), а также в предельно корректном отношении к сполиям, использованных при восстановлении солхатской мечети Узбека (1512/13 гг.). Упомянутые сооружения появились уже в период доминирования османской строительной культуры.

Золотоордынская составляющая с сельджукской основой и осязательно дополнившие ее компоненты западно-европейской, ближневосточной, армянской и византийской строительных культур в совокупности привели к образованию в XIV-XV вв. на землях крымского улуса государства Джучи самобытной архитектуры, отличавшейся предельной выразительностью и представляющую собой достаточно синкретическое, сугубо региональное, художественное явление.

В. П. КИРИАКО

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адаксина С. Б. Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002. 116 с.

Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году. Санкт-Петербург; Симферополь: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008. 215 с.

Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. Санкт-Петербург; Симферополь: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. 303 с.

Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001. 280 с.

Айбабина Е. А. Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма // Чепурина И. В. (ред.). ИНК. № 5. Симферополь, 2004. С. 6–16.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ. Т. 57(82). Москва: «Индрик», 1997. С. 211–233.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях Каффы в 1998 и 2000 годах / Архив ИАК РАН. Инв. № 619. Папка 1018. Симферополь, 2001. 131 с. 115 рис.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Греческие церкви средневековой Каффы // Юрочкин В. Ю. (ред.-сост.). Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). Киев: Стилос, 2002. С. 159–168.

Айбабин А. И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь: Таврия, 2003. С. 277–306.

Айвазовский Г. Заметки о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867. С. 550–555.

Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Катунин Ю. А. (отв. ред.). Культура народов Причерноморья. № 79. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2006. С. 140–149.

Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Т. 1(58). Симферополь, 1927. С. 5–18.

Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. Т. 2(59). Симферополь, 1928. С. 158–172.

Акчокраклы О. Н. 1928 сенеси ичинде кырымда фенний ве тарихий экспедициялар // Керимов И. (отв. ред.). Эсерлер топламы / Акъмесджит: Таврия, 2006. С. 252–256.

Бабаян Ф. С. Об археологических исследованиях средневековых монастырей Сурб Хач и Сурб Стефанос // Кутайсов В. А. (отв. ред.). АИК. 1994 год. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 36–37.

Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. Ереван, 2000.

Байбуртский А. М., Тимиргазин А. Д. Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. 180 с.: ил.

Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Могаричев Ю. М. (отв. ред.). АДСВ: Византия и средневековый Крым. Вып. 27. Симферополь: Таврия, 1995. С. 65–76.

Баранов И. А. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на мысе Ай-Фока в 1989 г. / Архив ИА НАНУ. Симферополь, 1990.

Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на мысе Ай-Фока близ пос. Морское в 1990 г. / Архив ИА НАНУ. Симферополь, 1991.

Баранов И. А., Майко В. В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости, портовой части Сугдеи, и на южных склонах г. Перчем в 1993 году / Архив ИА НАНУ. Симферополь, 1994.

Баранов И. А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Куковальская Н. М.

(предс. ред. сов.). Сугдейский сборник. Вып. II. Киев; Судак: ИД «Академперіодика», 2005. С. 632-653.

Баранов И. А., Тур В. Г. Средневековый монастырь на г. Перчем // Кутайсов В. А. (отв. ред.). АИК. 1994 год. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 46-50.

Барбаро и Контарини, 1971 – Барбаро и Контарини о России // К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подготовка текста, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. Ленинград: Наука, 1971. 274 с.

Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики // Залесская В. Н. (науч. ред.). Труды Государственного Эрмитажа. XLII. Византия в контексте мировой культуры: К 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк (1906-1984). Материалы конференции. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008. С. 305-313.

Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. № 2. Москва, 1926. С. 108-125.

Беляев Л. А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 575 с.

Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная ограда // ИАК. № 21. Санкт-Петербург, 1907. С. 1-172.

Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. № 55. Симферополь, 1918. С. 1-44.

Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. № 57. Симферополь, 1920. С. 1-135.

Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928-29 гг.) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. № 3. С. 170-178.

Боданинский У. Татарские «Дурбе»-мавзолей в Крыму (Из истории искусства крымских татар) // ИТОИАЭ. № 1(58). Симферополь, 1927. С. 185-191.

Боданинский У. А. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. // ИГАИМК. № 117. 1935. С. 81-87.

Бороздин И. Н. Солхат (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассо-

циации Востоковедения Союза ССР в 1925 г.). Отдельный оттиск. Москва: Издание Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. 1926.

Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 года) // Новый Восток. № 16-17. Москва, 1927. С. 256-274.

Бочаров С. Г. Историческая топография Каффы (конец XIII – 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2000. 21 с.

Бочаров С. Г. Описание средневековых храмов региона Алушты в архивных материалах П. И. Кеппена // Мыц В. Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 2004. С. 43-57.

Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Кампанья Каффы) // Васильев Д. В., Зеленева Ю. А., Ситдинов А. Г. (ред.). Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова. Казань: Институт истории им Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 137-145.

Бочаров С. Г. Генуэзский замок Калиера // Бочаров С. Г., Ситдинов А. Г. (отв. ред.). Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 47-97.

Бочаров С. Г. Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа // ПА. № 4. Казань, 2015. С. 172-188.

Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорев М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Бибилов С. Н. (отв. ред.). Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123-139.

Волошинов А., Волошинова Т. Мавзолей прекрасной Джанике // Полежаев А. (гл. ред.). Восточная коллекция. № 4(59). Москва: ФГБУ «Российская государственная библиотека», 2014. С. 66-73.

Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.

Гайдукевич В. Ф. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия // МИА. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 299-315.

Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Айбабин А. И. (ред. -сост.). МАИЭТ. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1990. С. 87-166, 242-271.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997-1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // Степаненко В. П. (отв. ред.). АДСВ. Вып. 39. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009. С. 423-466.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // Залесская В. Н. (науч. ред.). Труды Государственного Эрмитажа: LI: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906-1984). Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013. С. 387-419.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Адаменко Е. А. (ред.). Труды Государственного Эрмитажа: LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII веков: Материалы международного семинара 17-21 ноября 2009 года. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 227-253.

Голландский П. И. Солхатские медресе и мечеть Абду-ль-Азиза и особенности их архитектурных форм и техники / Научный архив ИАК РАН. Симферополь, 1925. Папка № 7.

Гордлевский Вл. Государство Сельджукидов Малой Азии. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1941. 200 с.

Григорьев А. П. «Книга путешествия Эвлии Челеби» – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. III. Ленинград, 1974. С. 19-28.

Григорьев А. П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Трепавлов В. В., Миргалеев И. М. (ред.). Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 107-118.

Джанов А. В. Часовня-евктерий XIII в. в портовой части Судеи // V міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Київ, 22-24 квітня 1997 року: Наукові матеріали. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 1997. С. 223-226.

Джанов А. В. «Храм с аркадой» в Судак // Куковальская Н. М. (предс. ред. сов.). Судейский сборник. Вып. II. Киев; Судак: ИД «Академперіодика», 2005. С. 654-669.

Домбровский О. И. Средневековый храм в Масандре // Толочко П. П. (отв. ред.). Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев: Наукова думка, 1968. С. 70-74.

Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Бибииков С. Н. (отв. ред.). Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5-56.

Домбровский О. И. Средневековое купольное здание Судакской крепости // Куковальская Н. М. (предс. ред. сов.). Судейский сборник. Вып. II. Киев; Судак: ИД «Академперіодика», 2005. С. 612-620.

Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь: Таврия, 1978. 128 с.

Древние акты константинопольского патриархата, относящиеся к новороссийскому краю. Архимандрит Антонин (пер.). // ЗООИД. Т. 6. 1867. С. 445-473.

Дьячков С. В. «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Мыц В. Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 2004. С. 246-255.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2(4). Москва; Ленинград: Госиздат, 1927. С. 113-168.

Зиливинская Э. Д. Мечети Золотой Орды (Общие принципы планировки) // Зеленеев Ю. А. (ред.). Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1998. С. 16-37.

Зиливинская Э. Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. 253 с.

Зиливинская Э. Д. Архитектура благочестия в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным). В: Степаненко В. П., Юрченко А. Г. (ред.-сост.). От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. Москва: Изд. дом. Марджани, 2013. С. 95-133.

Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014а. 448 с., ил.

Зиливинская Э. Д. Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды // Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С. (ред.). Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14-18 октября 2014 г. Симферополь: СПД Музафаров Г. Н., 2014б. С. 54-61.

Зиливинская Э. Д. Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды // Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С., Абдульвапов Н. (ред.). Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14-18 октября 2014 г. Симферополь: ЧП «Издательство «Тарпан», 2014в. С. 175-193.

Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена. Т. 1. Москва, 2003. 448 с.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. Москва: Наука, 1985. 246 с.

Еманов А. Г. Дж. Каталано из Солдайи первой четверти XV века: эпиграфический экзерсис // Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 39-46.

Иоаннисян О. М. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // Залеская В. Н. (науч. ред.). Труды Государственного Эрмитажа LXIX. Византия в контексте мировой культуры: сборник научных трудов, посвященный памяти Алисы Владимировны Банк (1906-1984). Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013. С. 64-116.

Ильина О. А. Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья // Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015б. С. 207-241.

Ихсаноглу Э. Османские учебные и научные институты // Ихсаноглу Э. (ред.) История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 2. / пер. В. Б. Феоновой, под ред. М. С. Мейера. Москва: Восточная литература, 2006. С. 263-372.

Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1837. 409 с.

Кирилко В. П. К вопросу о времени строительства так называемой мечети Узбека в г. Старом Крыму // Миронец Л. Н. (ред.). Проблемы истории Крыма. Вып. 2. Тезисы докладов научной конференции, 23-28 сентября. Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати. С. 32-34.

Кирилко В. П. Византийская архитектура Мангуша // Мыц В. Л. (гл. ред.). Археология Крыма. Том I / 1. Симферополь: Южногородские ведомости, 1997. С. 89-97.

Кирилко В. П. Архитектура, мозаика та монументальний живопис // Історія української культури: В 5 т. / НАН України. Т. 1: Історія культури давнього населення України / Під

ред. П. П. Толочка. Київ: Наукова думка, 2001а. С. 1078-1099.

Кирилко В. П. Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV–XV вв.) // Степаненко В. П. (отв. ред.). АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001б. С. 283-308.

Кирилко В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423-1475 гг.). Киев: ИД «Стилос», 2005а. 269 с.

Кирилко В. П. Южный вход большой Мангупской базилики // Степаненко В. П. (отв. ред.). АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2005б. С. 260-272.

Кирилко В. П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Байбуртский А. М. (отв. ред.). Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. С. 37-43.

Кирилко В. П. Археологическое изучение мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // STRATUM plus: 2005-2009. № 6. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2009а. С. 439-466.

Кирилко В. П. Строительная история крымской мечети Узбека (по материалам реставрационных исследований) // Горбенко А. А. (отв. ред.). Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2009б. С. 187-200.

Кирилко В. П. О времени строительства мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источников) // STRATUM plus: 2010. Вып. 6. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2010а. С. 103-120.

Кирилко В. П. Фунская часовня № 1 // Зайцев Ю. П., Пуздровский А. Е. (отв. ред.). Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 22. Донецк: «Донбасс», 2010б. С. 311-322.

Кирилко В. П. Солхатское медресе // Stratum plus: 2011. № 6. Санкт-Петербург; Ки-

шинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2011. С. 125-210.

Кирилко В. П. Золотоордынская архитектура Крыма (общее и особенное) // Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума. Казань: Отечество, 2013. С. 84-99.

Кирилко В. П. Реставрация мечети Узбека в Старом Крыму (заметки на полях тезисов) // Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С., Абдульвапов Н. (ред.). Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14-18 октября 2014 г. Симферополь: ЧП «Издательство «Тарпан», 2014в. С. 214-233.

Кирилко В. П. Строительная летопись Таврики второй половины XIII – третьей четверти XV веков // Майко В. В. (отв. ред.). История и археология Крыма. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 406-434.

Кирилко В. П. Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма // Тесленко И. Б., Мусин А. Е. (ред.-сост.). Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Археологический альманах, № 32. Киев: ИД «Антиквар», 2015. С. 17-62.

Кирилко В. П. Портал крымской мечети Узбека // Stratum plus. № 6. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Stratum Plus, 2015. С. 253-274.

Кирилко В. П. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму // Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. (отв. ред.). Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015б. С. 509-558.

Кирилко В. П., Мыц В. Л. Октагональный храм Мангупа // Степаненко В. П. (отв. ред.). АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 354-375.

Кирилко В. П., Мыц В. Л. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992-1993 гг.) // Мыц В. Л. (гл. ред.). «О древно-

стях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 2004. С. 205-245.

Кирилко В. П., Бочаров С. Г. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-Кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 4/2. Казань, 2015. С. 111-116.

Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). Бахревский Е. В. (пер. и комм.). Симферополь: ДАР, 1999. 141 с.

Колли Л. П. Хаджи-Гирей-хан и его политика // ИТУАК. № 55. Симферополь, 1913. С. 99-139.

Корзюк Д. В. Октагональный храм Мангупского городища: анализ архитектурно-планировочного решения // Науменко В. Е. (ред.-сост.). I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г.). Бахчисарай: ЧП «Предприятие «Феникс», 2012. С. 33-36.

Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма (XIV-XVII вв.). Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1978. 134 с.

Кочедамов В. И. Городские водоемы Бухары и Самарканда / В. И. Кочедамов // Воронина В., Халпахьян О., Яралов Ю. (ред.). Архитектурное наследство. № 8. Москва: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1957. С. 165-186.

Крамаровский М. Г. Работы на городище Солхата // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). АО 1980 года. Москва: Наука, 1981. С. 265.

Крамаровский М. Г. Полевой сезон 1981 года: Старокрымская (золотоордынская) экспедиция // СГЭ. XLVIII. Ленинград, 1983. С. 53.

Крамаровский М. Г. Работы на городище средневекового Солхата // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). АО 1982 года. Москва: Наука, 1984. С. 280-282.

Крамаровский М. Г. Исследование трех архитектурных объектов на территории средневекового Солхата // Задачи советской архео-

логии в свете решений XXVII съезда КПСС. Всесоюзная научная конференция, Суздаль, 1987: тезисы докл. Москва, 1987. С. 131-132.

Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. // Смирнова Г. И. (науч. ред.). Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Ленинград, Государственный Эрмитаж, 1989. С. 141-157.

Крамаровский М. Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры. Всесоюзная научная конференция, Суздаль, 1987: тезисы докл. Москва, 1990. С. 124-127.

Крамаровский М. Г. Исследование средневекового Солхата // Кутайсов В. А. (отв. ред.). АИК. 1993 год. Симферополь: Таврия, 1994. С. 163-166.

Крамаровский М. Г. Мавзолеи и зияреты средневекового Солхата // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. VIII научные Сюзюмовские чтения, 25 августа – 3 сентября 1995 г., Севастополь: тезисы докл. Екатеринбург, 1995. С. 28-30.

Крамаровский М. Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. № 1. Казань, 1997. С. 101-106.

Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым: XIII-XV вв. // Айбабин А. И., Зинько В. Н. (ред.-сост.). МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 505-532.

Крамаровский М. Г. Средневековая базилика на городище Солхата // Залесская В. Н. (науч. ред.). Византия в контексте мировой истории. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. С. 68-76.

Крамаровский М. Г. Золотая Орда как цивилизация // Пиотровский М. Б. (общ. ред.). Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. Санкт-Петербург: Славия, 2005.

Крамаровский М. Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // Хамидуллин Б., Измаилов И. (ред.). История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Маржани АН РТ, 2009а. С. 567-589.

Крамаровский М. Католические общины // Хамидуллин Б., Измайлов И. (ред.). История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Маржани АН РТ, 2009б. С. 393-395.

Крамаровский М. Крым в системе административного устройства Золотой Орды // Хамидуллин Б., Измайлов И. (ред.). История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Маржани АН РТ, 2009в. С. 436-448.

Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2012. 496 с., 90 илл., 48 с. цв. илл.

Крамаровский М. Г. Солхат: Аллах и Мессия в культуре крымской улицы XIV в. // Маштакова А. Г., Притула А. Д. (отв. ред.). Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Т. 6 (XII). Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа; Москва: «Индрик», 2013. С. 559-574.

Крамаровский М. Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // Алексеев А. Ю., Бутягин А. М. (науч. ред.). Экспедиции. Археология в Эрмитаже. Санкт-Петербург: АО «Славия», 2014. С. 138-153.

Крамаровский М. Г. Комплекс мечети и медресе Солхата: актуальные проблемы изучения и сохранения // Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С., Абдульвапов Н. (ред.). Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека, Симферополь, 14-18 октября 2014 г. Симферополь: ЧП «Издательство «Тарпан», 2014. С. 205-213.

Крамаровский М. Г. Крым и Румский султанат во 2-ой пол. XIII – XIV вв. // Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С., Абдульвапов Н. (ред.). Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека, Симферополь, 14-18 октября

2014 г. Симферополь: ЧП «Издательство «Тарпан», 2014. С. 5-17.

Крачковский И. Ю. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской Академии наук. Сер. 6. 1924. Т. 18. С. 662-670.

Крикун Е. В. Памятники крымско-татарской архитектуры (XIII–XX вв.). Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 112 с., ил.

Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1896. 143 с., 13 табл.

Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. Т. 21. Одесса, 1898. С. 225-254.

Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году // ИАК. Вып. 47. Санкт-Петербург, 1913. С. 73-79, 146-154.

Лопушинская Е. И. Крепость в Судак. Киев: «Будивельнык», 1991. 104 с.

Лосицький Ю. Г. До питання еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. № 2. Київ, Наукова думка, 1990. С. 33-47.

Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Рудницкая В. Г., Тесленко И. Б. (сост.). Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 59-88.

Майко, 2014 – Бани Крыма времени Узбека (на примере Солхата, Сугдеи и Боспора) // Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С. (ред.). Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14-18 октября 2014 г. Симферополь: СПД Музафаров Г. Н., 2014. С. 62-64.

Майко В. В., Фарбей А. М. Армянские памятники средневекового Судака // Байбуртский А. М. (отв. ред.). Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. С. 60-65.

Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. Вып. 71. Ленинград, 1933. С. 3-45.

Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX века: Каталог литографий из собрания

Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь: СОНАТ, 2006.

Маркевич А. И. Поездка в г. Старый Крым // ИТУАК. № 6. Симферополь, 1888. С. 64-77.

Маркевич А. И. Старо-Крымские древности // ИТУАК. № 17. Симферополь, 1892. С. 124-129.

Маркевич А. И. Археологические исследования и раскопки в Крыму // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 317-321.

Махнева О. А. Средневековые памятники на побережье от Ласпи до Голубого залива // Толочко П. П. (отв. ред.). Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев: Наукова думка, 1968. С. 53-57.

Микаелян В. Средневековый Крым и армяне // Литературная Армения. № 10. Ереван, 1971. С. 106-117.

[*Минай Медици*] Армянские древности Таврического полуострова. Перевод Х. Кушнерева // ЗООИД. Т. X. 1877. С. 441-451.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: «АнтикВА», 2009. 334 с.

Мыц В. Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. № 2. Москва, 1987. С. 228-245.

Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 164 с.

Мыц В. Л. О дате гибели византийского Херсона 1278 г. // Византия и Крым. Симферополь, 1997. С. 65-67.

Мыц В. Л. К датировке похода эмира Хусам-аддина Чобана на Судак // АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург, 1999. С. 176-186.

Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Мыц В. Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. (отв. ред.). Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 99-123.

Описание Крыма (Tartariae description) Мартина Броневского // ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867. С. 333-367.

Опочинская А. И. Судакская крепость // Халпахчян О. Х. (гл. ред.). Архитектурное наследство. № 34. Москва: Стройиздат, 1986. С. 255-265.

Паршина Е. А. Средневековые памятники на побережье от Голубого залива до Ялты // Толочко П. П. (отв. ред.). Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев: Наукова думка, 1968а. С. 57-64.

Паршина Е. А. Средневековый храм в Ореанде // Толочко П. П. (отв. ред.). Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев: Наукова думка, 1968б. С. 65-70.

Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Бибилов С. Н. (отв. ред.). ААИК. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36-59.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. Москва: Наука, 1999. 246 с.

Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Тверитинова А. С. (отв. ред.). Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Москва: Наука, 1964. С. 29-66.

Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной комиссии: Заседание 5-го сентября 1903 года // ИТУАК. № 35. 1903. С. 55-56.

Райс Т. Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. Милова О. И. (пер.). Москва: ЗАО «Центрполиграф», 2004. 238 с.

Романчук А. И. Херсонес XII-XIV вв. Историческая топография. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1986. 192 с.

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 390 с.

Саргсян Т. Э. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян // Чепурина И. В. (ред.). ИНК. № 8. 2004. С. 148-157.

Саргсян Т. Э. История одного хачкара // Чепурина И. В. (ред.). ИНК. № 5. 2004. С. 17-23.

Саргсян Т. Э., Петросян М. Крым: Монастырь Сурб Хач. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. 144 с. : илл.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // Муслимов И. Б. (сост.). На стыке континентов и цивилизаций (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). Москва: Инсан, 1996. С. 277–526.

Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Составление, русский перевод, введение и примечания Т. Э. Саргсян. Симферополь: СОНАТ, 2008. 312 с.

Сейдалиев Э. Культовые памятники Крыма золотоордынского периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С. (ред.). Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь: СПД Музафаров Г. Н., 2014. С. 65–71.

Сидоренко В. А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Бибиков С. Н. (отв. ред.). ААИК. Киев: Наукова думка, 1988. С. 115–128.

Сидоренко В. А. Мечеть Узбека по материалам архитектурно-археологических исследований 1978 г. // Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С. (ред.). Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь: СПД Музафаров Г. Н., 2014. С. 91–93.

Смирнов В. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // ЗВОИРАО. Т. 1. Санкт-Петербург, 1887. С. 273–302.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. I. Москва: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. 544 с.

Степаненко В. П. Малая Азия и Крым в XIV веке // Герцен А. Г. (науч. ред.). Откровения древнего Солхата. Материалы Международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников». [Харьков], 2010. С. 119–124.

Старокадомская М. К. Солхат и Каффа в XIII–XIV вв. // Бибиков С. Н. (отв. ред.). Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 162–173.

Спиридонов Д. С. Заметки из истории эллинизма в Крыму // ИТОИАЭ. Т. 2(59). Симферополь, 1928. С. 93–102.

Суров Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. Вып. 129. Москва: Наука, 1972. С. 96–99.

Сющук Ю. Г. Крымские медресе: типологическая атрибуция, структурные связи // Ралев А. Б. (отв. ред.). Проблемы теории и истории архитектуры Украины. Вып. 1. Одесса: ОГАСА, 1999. С. 121–125.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // Мыц В. Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 2004. С. 260–296.

Тиханова М. А. Базилика // МИА. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 334–389.

Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1971 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с., ил.

Тур В. Г. Археологические исследования средневекового христианского храма на горе Сююрю-Кая (Карадаг) // Vita antiqua. № 2. Київ, 1999. С. 235–239.

Устав для генуэзских владений на Черном море изданный в Генуе в 1449 году / Юргевич В. Н. (пер. и комм.). // ЗООИД. Т. 5. Одесса, 1863. С. 629–837.

Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 472 с.

Фронджуло М. А. Раскопки «Храма с аркадой» Судакской крепости (1969–1975 гг.) // Куковальская Н. М. (предс. ред. сов.). Сугдей-

ский сборник. Вып. II. Киев; Судак: ИД «Академперіодика», 2005. С. 621-631.

Халпахчян О. Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957. 128 с.

Халпахчян О. Х. Архитектура Армении // Яралов Ю. С. (отв. ред.). ВИА. Т. 3. Ленинград; Москва: Издательство литературы по строительству, 1966. С. 197-299.

Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении (Жилые и общественные здания). Москва: Издательство литературы по строительству, 1971. 248 с.

Халпахчян О. Х. Санаин. Архитектурный ансамбль Армении X–XIII веков. Москва: Искусство, 1973. 88 с., 122 ил.

Халпахчян О. Х. Резное дерево Армении // Халпахчян О. Х. (ред.). Архитектурное наследство. Вып. 32. Москва: Стройиздат, 1984. С. 125-144.

Халпахчян О. Х. Архитектура притворов армянских храмов Крыма // Миронец Л. Н. (ред.). Проблемы истории Крыма. Тезисы докл. науч. конф. Вып. 2. Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати, 1991. С. 50-52.

Халпахчян О. Х. Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму // Габриелян О. (отв. ред.) Сурб-Хач. № 1. Симферополь: ИД «АМЕНА», 1996. С. 4-12, 38-44.

Хаутала Р. Исламизация татар, согласно латинским источникам конца XIII – 1-ой пол. XIV в. // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 18-72.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Пер., вступ. статья и ком. Е. В. Бахревского. Симферополь, «Доля», 2008. 272 с.

Шуази О. История архитектуры. Т. 2. Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1937. 696 с.

Черныш С. Н. В поисках затерянного храма. Часть 1. Лаки и Керменчик. (https://www.google.com/url?sa=i&rct=j&q=&esrc=s&source=images&cd=&cad=rja&uact=8&ved=0CA YQjB1qFQoTCJz5o_KLxscCFceYcgodc7QDP Q&url=http%3A%2F%2Fseminaria.crimea.ua

%2F2013%2F11%2F06%2Fv-poiskah-zateryannogo-hrama-chast-i-laki-kermenchik.html&ei=71jdVdzFEMexygPz6I7oAw&psig=AFQjCNFjOu3EBi-agHzu6cSKntRU0DSFwg&ust=1440655978556123 – Дата обращения 26.08.2015).

Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Церковь близ сел. Лака // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 11-12. Ленинград: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 97-110.

Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. № 6. Москва, 1940. С. 205-226.

Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // Артамонов М. И. (отв. ред.). МИА. № 17. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. 256 с., 40 табл.

Якобсон А. Л. Дворец // МИА. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 390-418.

Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. Т. VIII. 1956. С. 166-191.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // Банк А. В. (отв. ред.). МИА. № 63. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1959. 364 с.

Якобсон А. Л. Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму // ИФЖ. № 4. Ереван, 1964. С. 230-235.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 232 с.

Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. Ереван: Айастан, 1990. 63 с.

Яшаева Т. Ю. Раскопки позднесредневекового христианского скита на мысе Виноградный // Могаричев Ю. М., Храпунов И. Н. (ред.-сост.). Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь: Таврич, 1996. С. 146-151, 271-281.

Balard M. La Romanie Génoise (XII – début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. 1008 p.

3.4. АРХИВ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ КРЫМА

Фотодокументы, отложившиеся в фонде О. Акчокраклы, предоставляют уникальную возможность ознакомиться с мусульманскими эпиграфическими памятниками Крыма. Чтение и перевод большей части из них были опубликованы в работах О. Акчокраклы и нескольких других исследователей в 1920-х гг. Пока неизвестно, сколько из этих памятников сохранилось до наших дней и в каком они состоянии. Как бы то ни было, исследование крымской мусульманской эпиграфики сегодня невозможно без обращения к этим фотографиям и работам О. Акчокраклы и его коллег.

Свертывание краеведческих исследований в конце 20 – начале 30-х гг. XX в., массовые репрессии 1930-х гг. и начавшаяся война приостановили процесс изучения крымско-мусульманской эпиграфики, а осуществленная в 1944 г. депортация крымско-татарского народа нанесла мощный удар по крымоведению. Последствия этого удара до конца не преодолены и поныне.

В СССР научное изучение мусульманских письменных памятников Крыма, в том числе эпиграфики, оживилось в эпоху перестройки и последующие годы (Иванов, 1989; Червонная, 1997; Зайцев, 2008; Зайцев, 2009). В настоящее время свой вклад в изучение крымской эпиграфики вносят Н. Р. Абдульвапов, Э. Э. Абибуллаева, Н. М. Акчурина-Муфтиева, Д. Ю. Алядинова, О. Е. Гайворонский, А. В. Красножон, Ш. А. Эмруллаев и другие (Абдульвапов, 2013; Абибуллаева, Эмруллаев, 2012; 2013; Акчурина-Муфтиева, 2007; Алядинова, Красножон, 2012; Алядинова, 2013; Гайворонский, 2006; Гончаров, Зайцев, 2014).

Внимание О. Акчокраклы и других исследователей крымских мусульманских эпиграфических памятников 1920-х гг. в основном было сосредоточено на изучении золотоордын-

ского периода истории Крыма (XIII – первая половина XV вв.). Об этом красноречиво говорят опубликованные ими работы (Башкиров, Боданинский, 1925; Бороздин, 1926; 1927а; 1927б; Боданинский, 1927; Якуб-Кемаль, 1927; Акчокраклы, 1927; 1928; 1929а; 1929б; Боданинский, Засыпкин, 1929). Очевидно, именно поэтому мусульманская эпиграфика начиная со второй половины XV в. в собрании фотографий О. Акчокраклы представлена лишь единичными фотографиями.

Эпиграфические памятники, нашедшие отражение в фотографиях из собрания О. Акчокраклы, по своему назначению делятся на два основных типа: надгробные надписи (эпитафии) (на имеющихся фотографиях они составляют большинство) и надписи на деталях архитектурных сооружений.

Несмотря на внешнюю схожесть некоторых крымских мусульманских надгробий с мусульманскими надгробиями Среднего Поволжья конца XIII–XVI вв., отличий между ними намного больше.

Прежде всего, крымские мусульманские надгробия характеризуются большим разнообразием форм (описание форм крымских мусульманских надгробий см.: (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 296 и сл.; Акчокраклы, 1927, с. 7-8). Не все из них при этом имели надписи (Иванов, 1989, с. 25).

На многих крымских мусульманских погребениях камень с надписью ставился и у изголовья, и у изножья могилы (см., например, КАТ. 767). Крымским вертикальным надгробиям золотоордынского периода было присуще различие форм для мужских и женских погребений: плоские со стрельчатым или килевидным верхом принадлежали женщинам, круглые или восьмигранные с фигурным верхом – мужчинам (Акчокраклы, 1929а, с. 152-153). Исследователи усматривают аналогии надгробиям Крыма с таковыми в Иране, Мавераннахре, Кавказе и пр. (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 296).

Текст подавляющего большинства дошедших до нас крымских надгробий XIII–XIV вв. написан на арабском языке, тогда как в эпитафиях из Среднего Поволжья преобладают тюркоязычные тексты.

Из представленных на фотографиях надгробий выделяется 3 надгробия второй половины XVII–XVIII вв., выполненных в «османском» стиле, выделяющиеся своей формой и исполнением от более ранних крымских надгробий (см. фото кат. 378, кат. 647, кат. 648). Эпитафии на них написаны на османско-турецком языке. В связи с вышесказанным их можно отнести к памятникам османской культуры (или ее крымской разновидности).

*

В приведенной расшифровке надписей мы старались максимально точно следовать наличию/отсутствию диакритических знаков в оригинальном тексте. Цифрами обозначены номера строк. Даты лунной хиджры переведены на даты по григорианскому летосчислению. Неразборчивые места отмечены отточиями, предполагаемое чтение заключено в квадратные скобки.

КАТ. 953

Вверху: часть стены, сложенной из каменных блоков, с надписью на одном из блоков:

تاریخ (1) Даты
١٢٣٧ (2) 1237 (=1821-22).

Очевидно, это строительная надпись, указывающая дату постройки или починки данного сооружения.

Внизу: верхняя часть мужского столбообразного надгробия с навершием в форме чалмы и восьмиконечной звездой на основной части надгробия.

Схожая по начертанию восьмиконечная звезда встречается на мусульманских надгробиях из других регионов мира, в частности – на женском надгробии из Наджрана (Саудовская Аравия), датированном 579 годом хиджры (ياسر اسماعيل عبد السلام، عبد العزيز منسى العمرى، 2012، ص. 37)، لوحة 5).

КАТ. 378

Группа из двух горизонтальных надгробий и

одного фрагмента надгробия в форме многогранного столба.

Левое надгробие.

Имеет форму параллелепипеда, вершина выполнена в форме пятилопастной арки с килевидной вершиной. Надпись выполнена рельефно, крупным насхом:

هذا قبر (1) Это могила
المرحوم سح (2) покойного шейха
بهاو الدين (3) Баха ад-Дина
قارا اسحاق (4) Кара-Исхака

Правое надгробие.

Имеет форму параллелепипеда, сужающегося книзу, вершина имеет форму килевидной арки. Надпись выполнена рельефно, изящным насхом, на османско-турецком языке:

مَوْلانا مفتى على *نقل شاني (1) Мевлана муфтий Али Накл-Шани (?),
(2) обращение к нему за фетвой – признак милости [Божьей].

مرحوم و مغفور كفه مفتيسى
(3-4) за упокой души покойного и прощенного, ученейшего из ученых эфенди,

رسول الله روحيجون الله رضا سيجون فاتحه سنه ١٠٨١

(5) за упокой души Посланника Аллаха, угождая Аллаху [да будет прочтена сура] «Фатиха». Год 1081 (=1670-71).

Внизу фотографии перпендикулярно двум предыдущим надгробиям лежит фрагмент (верхняя часть) надгробия в форме многогранного столба с рельефной надписью насхом, на котором удалось разобрать одно слово:

...المرحوم... (1) ...покойный...

КАТ. 647

Горизонтальное надгробие в форме длинного узкого прямоугольного параллелепипеда с навершием в форме чалмы (?). Надпись выполнена рельефно, изящным насхом с элементами сульса, на османско-турецком или османизированном татарском языке:

مرحوم (1) Покойный
و مغفور له (2) и прощенный

*ی اش لفن؟

*2 В ориг. اءاعلا (؟) .

ابو بكر سكر (sic) 3) Абу Бекр в восемьдесят
طقوز تاريخينه (4) девятом году,
اينك اون ذالحجه (sic) 5) в месяц зуль-хиджжа пят-
بشنده واقع اولمشدر (6) надцатого [числа это]
случилось (=28.01.1679 г.).
روحنه فاتحه (7) «Фатиха» за упокой души его!
سنه ١٠٨٩ (8) Год 1089

КАТ. 648

Горизонтальное надгробие в форме паралле-
лепипеда, в нижней части имеющего конусо-
видное сужение, с уплощенным навершием на
конусовидной шейке, содержащей изображе-
ние ожерелья с монистами. Надпись выпол-
нена рельефно, изящным насхом, на осман-
ско-турецком языке:

(1) Не насытилась
жизнью на этом свете одна красавица,
(2) горели с
утра до вечера в огне тоски ее оставшиеся
[родственники] (?);
(3) испив в
юности чашу смерти в тот месяц,
(4) отправилась
она в мир вечный, когда закончился срок [ее
земной жизни].
مرحومه ام كلثوم بنت محمد افندی
(5-6) [Да будет прочтена сура]
«Фатиха» за упокой ее души. Покойная Умм
Кульсум, дочь Мухаммед-эфенди.
سنه ١١٧٤ (7) Год 1174 (=1760-61).

КАТ. 885

Надгробие в форме невысокого четырехгран-
ного столба с навершием в форме фески (усе-
ченного конуса). Надпись выполнена рельеф-
но, крупным сульсом, на османско-турецком
языке:

مرحوم محمد افندی روحنون فاتحه
سنه ١٠٩٣ (1) [Да будет прочтена сура] «Фа-
тиха» за упокой души покойного Мухаммед-
эфенди.
Год 1093 (= 1682).

КАТ. 81

Два надгробия на фоне каменной стены.
Левое надгробие в форме высокого округлого
столба с навершием в форме ровной полусфе-
ры. Надпись выполнена рельефно, крупным

красивым сульсом, на арабском языке:

(1) Возшел (?) покойный,
прощенный,
السعيد الشهيد الى رحمة الله
تعالى احمد بك بن ا
(2-3) счастливый, мученик
за веру Ахмед-бек, сын ... к милости Аллаха
Всевышнего
(4) в первую декаду джумада
первого в
يوم الجمعة سنه خمس و ستين و تسعماية
(5) пятницу года девятьсот шестьдесят пятого
(= 19-28.02.1558)

Правое надгробие в форме параллелепипеда, в
нижней части имеющего сужение, с наверши-
ем в форме османского мужского головного
убора. Надпись в 7 строк выполнена рельефно,
изящным сульсом. С большой степенью уве-
ренности удалось разобрать имя погребенно-
го: «кятиб (писец) Осман, сын Э[ш]екджи», с
определенными сомнениями – дату погребе-
ния: 120[4] г. х = 1789-1790 г. н. э.

КАТ. 943

Надгробие в форме прямоугольного паралле-
лепипеда с отколовшейся вершиной, сохра-
нившимся основанием, вделанное в каменную
(каменно-саманную?) стену. Надпись выпол-
нена рельефно, крупным грубоватым сульсом,
на арабском языке:

(1) Это могила
هذه روضه
(2) Ходжа-
خواجه
(3) Махмуда, сына
محمود بن
(4) ...
في ...
(5) Даты
التاريخ
(6) Года
سنه
(7) 916 (=1510-11)
٩١٦

КАТ. 376

Группа из 6 надгробий в форме круглых стол-
бов с навершиями в форме ребристой полус-
феры. Все надгробия с надписями, выполнен-
ными рельефным сульсом. Удалось прочитать:
Первое слева надгробие, надпись под навер-
шием:

(1) Йа'куб ад-Дури (ад-Дав-
ри?) (?) ...
... يعقوب الدوري ؟ ...

Третье слева надгробие, надпись под наверши-
ем:

هذه ... الله تعالى (1) Это ... Аллаха Всевышнего

Пятое слева надгробие, надпись в полуовале, на арабском языке:

هذا قبر (1) Это могила
...المغفور... (2) ...прощенного...
... بن حسن ؟ (3) ...сына Хасана (?)
عثمان (4) ... [сына?] Осман[a]

Шестое слева надгробие:

[1] [هذا قبر] (1) [Это могила]
(2) ...
(3) ...

أخي محمود بن (4) Ахи Махмуда сына
أخي مصطفى (5) Ахи Мустафы

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 12, № 41)
(чтение и перевод).

КАТ. 413

Сундукообразное горизонтальное надгробие с двускатной вершиной и рельефной надписью, выполненной грубым сульсом или насхом. Удалось разобрать два слова:

... شهر رمضان ... (1) ...месяца Рамазана...

Ввиду малого объема разобранного текста вопрос его публикации ранее остается открытым. Опубликовано несколько крымских надгробий, содержащих это словосочетание (Акчокраклы, 1927, с. 13, № 85; Акчокраклы, 1927, с. 14, № 89; Акчокраклы, 1929а, с. 156, № 188; Акчокраклы, 1929б, с. 185).

КАТ. 47

Сундукообразное горизонтальное надгробие с двускатной вершиной, двумя «рогами» и рельефной надписью, выполненной грубым сульсом. Удалось разобрать начало:

...التاريخ في شهر رمضان [سنه] سنتين (1) Даты месяца Рамазана [года] ...шестидесятого...

КАТ. 52

Сундукообразное горизонтальное надгробие с двускатной вершиной и верхом в форме стрельчатой арки. На снятом на фото торце содержится рельефную надпись сульсом:

هذه الروضة (1) Это могила
(2) ...

[علي شيخ] ابن اوروس (3) [Али-шейха,] сына Уру-
са...

КАТ. 390

Обломки горизонтальных надгробий, два нижних фрагмента содержат рельефные надписи на арабском языке, выполненные сульсом.

Верхний фрагмент:

... ربك ذو الجلال والاکرام وارضاه و جعل (1) ...лик
Господа твоего, обладателя величия и благоде-
яния. Да исполнит [Бог] желание его и сдела-
ет...

Верхний фрагмент:

...الفنا والاخرة دار البقا صدق رسول الله قال النبي (1) ... есть
тленный, тот мир есть вечный. Правду сказал
Посланник Божий. Сказал пророк ...

КАТ. 103

Надгробие в форме параллелепипеда с верхом в форме семилопастной арки, содержит рельефную надпись крупным сульсом на арабском языке:

هذه (1) Это
القبر (2) Могила
أحی بنت (3) Таджи, дочери
أحی هارون ؟ (4) хаджи Харуна (?)

КАТ. 908

Обломок надгробия в форме прямоугольного параллелепипеда, вделанный в каменную (каменно-саманную?) стену. Содержит рельефную надпись крупным грубоватым сульсом на арабском языке:

المرحوم و المغفور (1) Покойный и прощенный
... فراحمد بن (2) Кара-[А]хмед, сын ...
(3) ...

КАТ. 386

Группа из 8 обломков надгробий разной конфигурации. Семь из них содержат рельефные надписи, выполненные сульсом, на арабском языке.

Первый справа верхний фрагмент:

هذه التربة (1) Это могила
(2) ...

Первый фрагмент слева:

القسطمونی ... (1) ...эль-Кастамуни...

Первый справа верхний фрагмент:

اربعتن و سبعمانه ... (1) ...семьсот сорок ...

КАТ. 389

Группа из 6 надгробий в форме многогранных столбов с навершиями разной формы. Пять из них содержат рельефные надписи, выполненные сульсом.

Первое справа надгробие (надпись на арабском языке):

لروضه المرحوم المغفور ... (1) [Это] могила покойного и прощенного...

КАТ. 643

Надгробие в форме круглого столба. Надпись выполнена рельефно, крупным сульсом, на арабском языке:

(1) В восемьсот двадцать шестом (=1422-23) году

Публикации: (Акчокраклы, 1928, с. 165 (текст), с. 166, рис. 6 (фото)).

КАТ. 900

Сундукообразное горизонтальное надгробие с двускатной вершиной, одним «рогом» и рельефной надписью, выполненной сульсом, на арабском языке:

و اولو العلم قائما بالقسط لا اله الا هو العزيز الحكيم

(1) ...и обладающие знанием, которые стойки в справедливости: нет божества, кроме Него, великого, мудрого!

قال النبي عليه السلام صدق الله العظيم وصدق رسوله الكريم

(2) Сказал Пророк – да будет над ним мир! – правдив Аллах великий и правдив посланник Его благородный.

Публикации: (Акчокраклы, 1928, с. 169 (текст), с. 172, рис. 14 (фото)).

КАТ. 44

Торцевая часть сундукообразного горизонтального надгробия с двускатной вершиной и рельефной надписью, выполненной грубым сульсом (первые две строки на арабском языке, последняя – на тюркí):

فى شهر ربيع (1) Месяца Реби

الاول تاريخ (2) первого даты

سكر بوز اون (3) восемьсот десятого [года] (8.07 – 5.08.1407).

Публикации: (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 308, надгробие по описи № 6 (перевод); Иванов, 1989, с. 28 (транслитерация и перевод)).

КАТ. 75

Частично поврежденная торцевая часть сундукообразного горизонтального надгробия с двускатной вершиной и рельефной надписью, выполненной грубым сульсом (две последние строки – на золотоордынско-тюркском («старотатарском») языке):

تاريخ ... (1) Даты ...

دى ... (2) ...

سكر بوز اون (3) восемьсот две-

ايكى ايردى (4) надцатого было (= 16.5.1409 – 5.05.1410).

В левом нижнем углу фотографии надпись '1239', в левом верхнем углу – '684', в правом верхнем углу – '37'.

КАТ. 80

Обломок прямоугольной каменной плиты с надписью, выполненной сульсом, на арабском языке:

...هذه روضة الملكة المعظمة جانكه خانم بنت الخاق... المعظ

(1) Гробница великой царицы Джанике-ханым, дочери хак[ана] велик[ого] [...]

و قد توفيت فى شهر رمضان الواقع فى عام احد و اربعين و ثمانمائة

(2) скончалась в месяце рамазан восемьсот сорок первого года (= 26.02 – 27.03.1438)

В правом нижнем углу фотографии – зеркально перевернутая надпись '1378'.

Публикации: (Акчокраклы, 19296, с. 183 (упоминание), с. 184, илл. 18 (фото), с. 185, надпись № 2 (чтение и перевод)).

КАТ. 76

Сундукообразное горизонтальное надгробие с двускатной вершиной и рельефной надписью, выполненной на скате. Надпись разобрать не удалось. Боковая часть надгробия покрыта рельефным плетеным узором, изголовье надгробия сделано в форме мавзолея кубической формы с верхом в виде чалмы.

В правом нижнем углу фотографии – зеркально перевернутая надпись '1376'.
Публикации: (Боданинский, Засыпкин, 1929, с. 182, илл. 16 (фото)).

КАТ. 77

Вертикальное надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда с полукруглой вершиной и рельефной надписью, выполненной крупным сульсом, на арабском языке:

- هذه روضه (1) Это могила
الشهيد المغفور (2) мученика за веру, прощенного
حاحى بيك (3) Хаджи-бика,
بن حسن فريمي (4) сына Хасана Кырыми
التاريخ ٧٧٠ (5) Год 770 (=1368-69)
(777? = 1375-76)

Публикации: (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 307 (перевод), с. 309, рис. № 8, а (фото); Иванов, 1989, с. 27 (перевод)).

КАТ. 58

Вертикальное надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда с вершиной в форме килевидной арки и рельефной надписью, расположенной вокруг изображения горящей лампы. Надпись выполнена крупным сульсом, на арабском языке:

- هذه الروصه (1) Это могила
المرحومة (sic) (2) покойного
سيف الدين (3) Сейф эд-Дина,
بن غازي (4) сына Гази

Публикации: (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 308 (перевод), с. 309, рис. № 8, а (фото); Иванов, 1989, с. 28 (транслитерация и перевод)).

КАТ. 63

Вертикальное надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда с вершиной в форме стрельчатой арки и рельефной надписью, выполненной крупным сульсом, на арабском языке:

- وَ كَانَ (1) И было
ذلك في (2) это
التاريخ (3) даты
سنة تسع
[بمانمايه] (4-5) восемьсот девятого [года]
(= 1406-7).

Публикации: (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 308 (перевод); Иванов, 1989, с. 28 (транслитерация и перевод)).

КАТ. 65

Вертикальное надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда с вершиной в форме стрельчатой арки и рельефной надписью, выполненной крупным сульсом, на арабском языке:

- هذه روضه (1) Это могила
المرحومة السيدة (2) покойной госпожи (?)
الصالحه حسنه خاون (3) благочестивой Хасе-не-хатун,
ست الامام المحقق مولانا (4) дочери имама, искателя Истины, мевлана
نيس الدين السماعي [?] (5) [Э]нис эд-Дина эс-Семаи.

В правом нижнем углу фотографии – зеркально перевернутая надпись '1112'.

Публикации: (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 306 (перевод); Иванов, 1989, с. 27 (упоминание)).

КАТ. 62

Обломок надгробия в форме прямоугольного параллелепипеда с вершиной в форме равнобедренного треугольника и рельефной надписью, выполненной крупным сульсом, на арабском языке:

- في شهر جمادي (1) В месяц джумада
الاولى التا (2) первого да-
ريخ لسنة تسع
و تسعون (3-4) ты года ?99

Публикации: (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 306 (перевод); Иванов, 1989, с. 27 (перевод)).

КАТ. 73

Сундукообразное горизонтальное надгробие с двускатной вершиной и рельефной надписью, выполненной крупным сульсом (первая строка – на арабском, вторая строка – на персидском языке):

- قال النبي صلى الله عليه و على آله و سلم الموت كاس و كل الناس
(1) Сказал пророк – да благословит Аллах его и род его и приветствует! – «Смерть – чаша, и все люди...»

- روزی کی برکذری بر سر خاک بهشت *مكن بر دور زیارتی
(2) День, когда ты ступишь на землю рая...

В левом верхнем углу фотографии – зеркально перевернутая надпись '1102'.

Публикации: (Иванов, 1989, с. 27-28 (перевод)).

КАТ. 73

Сундукообразное горизонтальное надгробие с двускатной вершиной и рельефной надписью, выполненной крупным сульсом (первая строка – на арабском, вторая строка – на персидском языке):

شاربها والقبر باب و كل الناس داخلها

صلى على النبی الرحمة*

* (1) [«...изопыют] из нее» и «Могила – дверь и все люди войдут в нее». Да благословит [Аллах] пророка [Мухаммеда своей] милостью (?)

دا[نم که بخاک درت سلیمانم بای بر پسر خاک فرموس]

(2) Узнал я, что на прах твоих врат (?)...

В верхних углах фотографии – зеркально перевернутая надпись '1103'.

Публикации: (Иванов, 1989, с. 27-28 (перевод)).

КАТ. 57

Вертикальное надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда с вершиной в форме равнобедренного треугольника и рельефной арабско-тюркской надписью, выполненной сульсом (установлено с торца сундукообразного горизонтального надгробия):

الناريح (1) Даты

فی شهر حمادي (2) месяца джумада

اولی سکر نوز (3) первого восьмьсот

اون انکی (4) двенадцатого [года] (=11.09-10.10.1409).

Публикации: (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 308 (перевод); Иванов, 1989, с. 29 (перевод)).

КАТ. 876

Зеркально перевернутое изображение обломков (верхних частей) 2 надгробий в форме многогранных столбов. Правое надгробие с плоским навершием в верхней части опоясано нешироким плетеным узором. Левое надгробие с подполусферическим навершием опоясано рельефной надписью в 1 строку, выполненную сульсом:

... فی تاریخ (1) Даты...

На надгробии имеются зеркально перевернутые цифры 'XII' и '157'.

Текст и перевод левого надгробия, возможно, опубликованы.

КАТ. 355

Обломок (верхняя часть) вертикального надгробия в форме прямоугольного параллелепипеда с навершием в форме стрельчатой арки и рельефной надписью, выполненной сульсом, на арабском языке:

هذا قبر (1) Это могила

بنک سلو بب ملک

(2) Бенгсылу, дочери Малика
Публикации: (Акчокраклы, 1929а, с. 156, № 160 (чтение и перевод)).

КАТ. 356

2 надгробия в форме многогранных столбов с навершиями в форме ребристого купола или остроконечной шапки. В верхней части каждое надгробие опоясано рельефной надписью в 1 строку, выполненную сульсом. Разобрать надписи не удалось.

В нижней части левого надгробия надпись '198'. В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '334'.

Текст и перевод левого надгробия, возможно, опубликованы.

Публикации: (Акчокраклы, 1929а, с. 154, рис. 5 (фото)).

КАТ. 357

Зеркально перевернутое изображение обломка (верхней части) надгробия в форме многогранного столба с навершием в форме подконусовидного купола или шапки. В верхней части надгробие опоясано рельефной надписью в 1 строку, выполненную сульсом. Разобрать надпись не удалось.

В нижней части надгробия зеркально перевернутая надпись '206' (?).

Текст и перевод надгробия, возможно, опубликованы.

Публикации: (Акчокраклы, 1929а, с. 154, рис. 4 (фото)).

Обломок (верхняя часть) вертикального надгробия в форме прямоугольного параллелепипеда с навершием в форме стрельчатой арки и рельефной надписью, выполненной сульсом, на арабском языке:

هذا قبر (1) Это могила

بارام بىك بنت توقتمور (2) Байрам-бик, дочери Ток-Тимура

В нижней левой части надгробия надпись '152'. В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '1000'.

Публикации: Акчокраклы О. Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. Т. 3 (60). Симферополь, 1929. С. 153, рис. 3; с. 155, № 152 (чтение и перевод).

КАТ. 795

Надгробный комплекс, состоящий из горизонтального основания и двух вделанных в него вертикальных надгробий в форме прямоугольного параллелепипеда (у изголовья и изножья могилы) с навершиями в форме многолопастной арки. На лицевой стороне дальнего от места фотосъемки надгробия имеется рельефная надпись, выполненная сульсом, на арабском языке:

[هذه قبر المرحومة] (1) [Это] могила покойной (2) ...

На оборотной стороне ближнего к месту фотосъемки надгробия рельефно выполненный шестилепестковый цветок, вписанный в окружность.

Публикации: (Акчокраклы, 1929а, с. 153, рис. 3 (фото)).

КАТ. 447

Вертикальное надгробие надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда с навершием в форме стрельчатой или килевидной арки и рельефной надписью в две строки, выполненной сульсом, разобрать которую не удалось.

В нижней части надгробия надпись '203'. В левом верхнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '666'.

Публикации: (Акчокраклы, 1929а, с. 157, № 203 (2)).

КАТ. 372

Сундукообразное горизонтальное надгробие с двускатной вершиной и рельефной надписью, выполненной сульсом, на тюрк:

اجل بير كون سنكا كور كلانن ايجيسار (4) ايكان نى بيكى بولغاي مي خود نقاسي

(1) В один из дней смертный час напоит (?) тебя розовой водой (?) смерти. Что [тобой] сделано, останется ли что-нибудь из твоих деяний?

На заднем плане у стены поставлены мусульманские надгробия и фрагменты надгробий различных форм, имеющиеся надписи на которых разобрать не удалось.

В левом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '359'.

Публикации: (Акчокраклы, 1929, с. 158, № 295 (3) (чтение и перевод)).

КАТ. 363

Надгробие в форме круглого столба с подполусферическим навершием. Содержит рельефную надпись, выполненную сульсом, на арабском языке:

(1) Это могила (2) покойного и прощенного (3) ахи Махмуд сын (4) ахи Мустафы

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '349'.

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 6 (фото); с. 12, № 41 (чтение и перевод)).

КАТ. 381

Справа – чаша фонтана (?) в форме ребристого полукруга.

Слева – надгробие в форме круглого столба с подполусферическим навершием. В верхней части надгробие опоясано рельефной надписью, выполненной сульсом, на арабском языке:

هذا قبر المرحوم المنجم اوريوس خواجه بن حسن

(1) Это могила покойного, прощенного астролога Урус-Ходжи, сына Хасана

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 7 (описание), с. 8 (фото), с. 13, № 57 (чтение и перевод); Бороздин, 1927, с. 269, рис. 9 (фото и описание)).

КАТ. 377

Двор одноэтажного здания, обнесенный колючей проволокой, на котором расставлены мусульманские надгробия и фрагменты надгробий различных форм, имеющиеся надписи на которых разобрать не удалось.

В левом верхнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '276', в правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '363'.

КАТ. 379

Мусульманские надгробия и их фрагменты различных форм, имеющиеся надписи на которых разобрать не удалось. На заднем плане – стена. В левом верхнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '750', в правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '367'.

КАТ. 362

Два вертикальных мусульманских надгробия надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда с отбитым верхом.

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '350'.

Левое надгробие.

Надпись выполнена четким красивым сульсом, на арабском языке:

- [هذا القبر] (1) [Это могила]
 المرحوم المغفور (2) покойного, прощенного,
 المحتاج الى رحمة الله (3) уповающего на милость Бога
 تعالى يعقوب بن مسعود (4) Всевышнего, Я'куба, сына Мес'уда.

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 12, № 39 (чтение и перевод)).

Правое надгробие.

Надпись выполнена грубоватым сульсом, на тюркѹ:

- نندا بلغا (1) (М)есяца, года
 ... يوز سكران يتي سند (2) 687 г. (=1288 г.)

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 12, № 47 (чтение и перевод)).

КАТ. 361

Фрагмент надписи, выполненной четким красивым сульсом, на арабском языке:

- ... يراى خان بن غياث... الد (1) ... и ... ирай хан, сын Гияс эд...

Публикации: (Акчокраклы, 1928, с. 166 (чтение и перевод); Боданинский, Засыпкин, 1929, с. 181, илл. 15 (фото); Акчокраклы, 19296, с. 183 (упоминание), 185, № 1 (чтение и перевод)).

КАТ. 911

Снимок торца и фрагмента боковой части сундукообразного горизонтального надгробия с двускатной вершиной (с торца имеющего вид стрельчатой арки) и рельефной надписью, выполненной сульсом, на арабском языке.

С торца:

- هذه روضة (1) Это могила
 الملكة المعظمة (2) великой царицы
 حانكه حاتم بنت توقمس خان (3) Ханеке (Джанеке?) - ханым, дочери Токтамыш-хана

С боковой стороны:

- [Неразборчиво] (1)
 [لال والاكرام] (2) [...Обладателя ве]личия и мощи

Публикации: (Акчокраклы, 1928, с. 163, рис. 4 (фото), с. 164 (чтение и перевод), с. 165 (чтение и перевод), с. 165, рис. 5 (прорисовка надписи с торцевой стороны надгробия)).

КАТ. 374

Группа надгробий и обломков надгробий в форме многогранных столбов с навершиями разной формы. Некоторые надгробия содержат рельефные арабографичные надписи, разобрать которые не удалось. Часть надгробий из этой группы имеется на снимке кат. 359.

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '429'.

КАТ. 359

6 надгробий и обломков надгробий в форме многогранных столбов с навершиями разной формы. Некоторые надгробия содержат рельефные арабографичные надписи, разобрать которые не удалось. Часть надгробий из этой группы имеется на снимке кат. 375.

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '395'.

КАТ. 375

Заготовки (целые и обломки) 3 надгробий в форме прямоугольных параллелепипедов. На первом слева изображен горящий светильник, на среднем – две симметрично поставленных свечи на подсвечниках. на первом справа – контуры светильника.

В левом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '431', в правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '31'.

КАТ. 383

Обломки (верхняя часть) 2 надгробий в форме многогранных столбов с навершиями в виде головного убора (?). На первом слева видна рельефная арабографичная надпись, разобрать которую не удалось.

В левом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '748', в правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '369'.

КАТ. 391

Обломки надгробий и орнаментированных и/или содержащие рельефные арабографичные надписи каменных блоков на фоне саманной или оштукатуренной стены здания.

Первый справа верхний фрагмент: обломок верхней части вертикального надгробия в форме стрельчатой арки с надписью на арабском языке:

كل من عليها فان (1) Все на ней (земле) тленны

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 13, № 83 (чтение и перевод).

Третий слева верхний фрагмент: обломок надгробия с надписью на арабском языке:

في تاريخ (1) Даты

محرم سنة ثلاث (2) месяца мухаррама ??3 года

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 10, № 10 (чтение и перевод).

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '435'.

КАТ. 446

Два надгробия.

Левое надгробие в форме округлого столба с навершием в форме ровной полусферы. Надпись выполнена рельефно, сульсом, на арабском языке:

هذا قبر المرحوم المنصور منجم اوريوس خواجه بن حسن

(1) Могила покойного астролога Урус-Ходжи, сына Хасана

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 7 (описание), с. 8 (фото), с. 13, № 57 (чтение и перевод); Бороздин, 1927, с. 269, рис. 9 (фото и описание).

Правое надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда, с верхом в форме семилопастной арки. Надпись выполнена рельефно, сульсом, на арабском языке:

هذا قبر المرحومة (1) Это могила покойной

قتلو ملك بنت موسى (2) Кутлу-Мелек, дочери Мусы

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 8 (фото); с. 15, № 115 (чтение и перевод).

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутые надписи '1387' и '861'.

КАТ. 392

Надгробия и обломки надгробий, содержащие рельефные арабографичные надписи на фоне саманной или оштукатуренной стены здания и входной двери в здание.

Первое слева вертикальное надгробие в форме параллелепипеда с верхней частью в форме многолопастной арки с надписью, выполненной крупным сульсом, на арабском языке:

هذه الروضة المرحومة (1) Это могила покойной

زليخة بنت حاجي حسن (2) Зулейхи, дочери Хаджи Хасана

القرمي (3) ал-Кырыми

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 10, № 6 (чтение и перевод).

Второе слева вертикальное надгробие в форме параллелепипеда с верхней частью в форме многолопастной арки (частично поврежденной) с надписью, выполненной крупным сульсом, на арабском языке:

هذا قبر عائشه (1) Это могила Аиши-

خاتون بنت عبدالله (2) хатун, дочери Абдуллаха.

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 14, № 107 (чтение и перевод).

Третье слева: обломок вертикального надгробия в форме параллелепипеда с надписью, выполненной крупным сульсом, на арабском языке:

لسنة ثلاث ستين و سبعمائه (1-2) ...года семьсот шестьдесят третьего (= 1361-1362)

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 14, № 106 (чтение и перевод)).

Первое справа верхнее: обломок вертикального надгробия в форме параллелепипеда с верхней частью в форме стрельчатой арки с

надписью, выполненной крупным сульсом, на арабском языке:

و سبعين و سبعائه تاريخ سنة خمس (1-2) Даты года
семьсот семьдесят пятого (= 1373-1374)

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 14, № 103
(чтение и перевод)).

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '437'.

КАТ. 398

Два надгробия на фоне деревянной двустворчатой двери входа в здание.

Левое надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда с верхом в форме стрельчатой арки (слегка поврежденным). Надпись выполнена рельефно, сульсом, на арабском языке:

تاريخ (1) Даты
شوال سنة احد (2-3) [месяца] шавваль года семьсот

ستين و سبعائه (=15.08-12.09.1360)

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 15, № 116
(чтение и перевод)).

Правое надгробие в форме прямоугольного параллелепипеда, с верхом в форме семилопастной арки. Надпись выполнена рельефно, сульсом, на арабском языке:

هذا قبر المرحومة (1) Это могила покойной
قتلو ملك بنت موسى (2) Кутлу-Мелек, дочери Мусы

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 8 (фото),
с. 15, № 115 (чтение и перевод)).

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '351'.

КАТ. 393

Заготовки 2 вертикальных надгробий в форме прямоугольных параллелепипедов. На первом слева изображен горящий светильник, на среднем – две симметрично поставленных свечи на подсвечниках, между которыми изображен горящий светильник.

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '439'.

КАТ. 399

3 фрагмента орнаментированной каменной плиты (плит?) с рельефными арабскими над-

писями. Лежат на мощеном камнем дворе перед саманной или оштукатуренной стеной.

Левый нижний фрагмент:

والارض و لا يؤده حفظهما و هو العلى العظيم شهيد

(1) *...и землю, и не тяготит Его охрана их, – поистине, Он высокий, великий! Свидетельствует [Аллах]...

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 15, № 117
(чтение и пояснение) (?).

Правый фрагмент:

يولو (?) ...йулу (1) – да осветит
Аллах его могилу!

الموت كل س و كل الننا (2) Смерть – чаша, и все
лю[ди] изопьют из нее]

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 15, № 121
(чтение)).

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '380'.

КАТ. 399

Фрагмент каменной плиты с рельефной арабской надписью и фрагмента (основания?) ребристой каменной колонны. Лежат перед входной дверью в здание и саманной или оштукатуренной стеной.

Надпись на фрагменте плиты:

اقم الصلوة لدلوك ال (1) Выполняй молитву при
склонении...

Публикации: (Акчокраклы, 1927, с. 7 (зарисовка),
с. 15, № 120 (чтение)).

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '359' или '352'.

КАТ. 930

Фрагмент каменной стены. Некоторые блоки со следами скульптурной обработки.

Публикации: (Акчокраклы, 1928, с. 169, рис. 10
(фото)).

КАТ. 898

Блок каменной стены с арабской надписью :

سنة ست و اربعين و سبعائه (1) Года семьсот со-
рок шестого (= 1345-1346).

Публикации: (Акчокраклы, 1928, с. 170, рис. 11
(фото, текст и перевод в аннотации к фото),
с. 171, рис. 12 (фото), рис. 13 (прорисовка);
Боданинский, Засыпкин, 1929, с. 177, илл. 9
(фото)).

КАТ. 61

Боковая часть вертикального каменного знака (т. н. «рога»), обозначающего изголовье или изножье погребения, в верхней части которого изображен тигр или барс с поднятым хвостом, идущий вправо. Верхняя часть знака имеет вид ребристого купола или куполообразного головного убора.

КАТ. 370

Расколота на две части продолговатая узкая каменная плита с растительным и геометрическим орнаментом, прислоненная к стене из (сырцового?) кирпича.

Надгробие в форме круглого столба, поставленное на ребристую колонну, поставленную на кубическое основание. Слева – обломок ребристой колонны.

КАТ. 767

Два надгробия (одно в виде круглого, другое – многогранного столба), установленных у изголовья и изножья погребения.

В правом нижнем углу снимка зеркально перевернутая надпись '385'.

И. А. МУСТАКИМОВ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдульвапов Н. Р.* О некоторых эпиграфических находках последнего времени в Крыму, касающихся периодов Золотой Орды и Крымского ханства // V научные чтения памяти У. Боданинского 23-27 октября 2013 г. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Симферополь: КРУ Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2013. С. 7-8.

2. *Абибуллаева Э. Э., Эмруллаев Ш. А.* Символика надгробных камней: сравнительный анализ материалов мусульманских кладбищ Бахчисарая и Турции XVII–XIX вв. // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2012. Т. 25. № 2. С. 3-11.

3. *Акчокраклы О. Н.-А.* Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 5-17.

4. *Акчокраклы О. Н.-А.* Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2. С. 158-172.

5. *Акчокраклы О. Н.-А.* Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 152-159.

6. *Акчокраклы О. Н.-А.* Эпиграфические находки // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 183-187.

7. *Акчурина-Муфтиева Н.* Каменная пластика. Крымско-татарские надгробия XIII–XIX ст. // Qasevet. 2007. № 32. С. 22-29.

8. *Алядинова Д. Ю., Красножон А. В.* Чаша с арабской надписью из Судака // STRATUM plus. 2012. № 6. С. 347-356.

9. *Алядинова Д. Ю.* Предварительные итоги исследования позднесредневекового комплекса «Газы-Мансур» в 2012 г. // V научные чтения памяти У. Боданинского 23-27 октября 2013 г. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Симферополь: КРУ Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2013. С. 13-14.

10. *Башкиров А. С., Боданинский У. А.* Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // НВ. 1925. № 8-9. С. 295-311.

11. *Боданинский У. А.* Татарские «дурбе»-мавзолеи в Крыму. (Из истории искусства крымских татар) // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 195-201.

12. Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928-29 гг.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 170-183.

13. Бороздин И. Н. Солхат. (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, КрымЦИКа и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 г.) // НВ. 1926. № 13-14. С. 271-301.

14. Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму. (Работы археологической экспедиции 1926 г.) // НВ. 1927. № 16-17. С. 256-274.

15. Бороздин И. Н. Из Отузской старины. (Надгробие шейха Якуба из Конии 729 г. хиджры) // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 24-26.

16. Гайворонский О. Е. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце: Схема и каталог памятников. Симферополь: ДОЛЯ, 2006. 64 с.

17. Гончаров Е. Ю., Зайцев И. В. Баршын-кенттен Ескіжұртқа: мавляна Ахмад бин Махмуд әл-Барджинлыгы // Әлімсак. 2014. № 5. С. 24-27.

18. Зайцев И. В. Три заметки к эпиграфике крымских Гиреев // ЭВ. 2008. Т. XXVII. С. 147-152.

19. Зайцев И. В. Крымские ханы в ссылке на Родосе // ВК. Лето 2009. № 2. С. 96-101.

20. Иванов А. А. Надписи из Эски-юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1989. С. 24-31.

21. Червонная С. М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // ТА. 1997. № 1. С. 111-134.

22. Эмруллаев Ш. А. К проблеме сохранения и изучения памятников золотоордынского периода кладбища Кырк-Азизлер // V научные чтения памяти У. Боданинского 23-27 октября 2013 г. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Симферополь: КРУ Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2013. С. 77.

23. Якуб-Кемаль Я. М. Надпись на портале мечети Узбека в Старом Крыму // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 202-204.

24. ياسر اسماعيل عبد السلام، عبد العزيز منسى العمرى. نقوش شاهدة غير منشورة من نجران (ق 8-14/هـ 12-14م) // ابجديات العدد السابع. 2012.

3.5. МУСУЛЬМАНСКАЯ КАМЕННАЯ РЕЗЬБА КРЫМА

НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ И ОБРАЗЦЫ МУСУЛЬМАНСКОЙ КАМЕННОЙ РЕЗЬБЫ КРЫМА

Созданию архитектурной среды на Крымском полуострове в период средневековья сопутствовало появление богатого декоративного компонента в виде резных элементов конструкции и архитектурных деталей мечетей и медресе, дворцовых построек, храмов, бань, городских рыночных аркад, мавзолеев и надгробий. Особую часть этого наследия представляет каменная резьба мусульманских построек, связанных, прежде всего, с активностью золотоордынской администрации, а впоследствии, с деятельностью правителей Крымского ханства, с творческим потенциалом мусульманского населения. Искусной резьбой декорируются порталы и михрабы, украшаются ребра боковых граней дюрбе, базы и капители колонн, навершия и плоскости надгробий, с пышным растительным орнаментом и графически замысловатым бесконечным ковром гириха соседствует кружевная вязь арабской каллиграфии. Воспринимая этот весь комплекс декора как единое стилевое явление, имеющее, правда, свои характеристики и хронологические этапы, необходимо говорить о том, что его изучение оформилось как самостоятельное направление. В его исследовании возникают вопросы периодизации, датировки этапов развития, время изготовления отдельных памятников, стилевые особенности и оригинальность комплексов и их элементов, места распространения, топография золотоордынских и появление новых поселений в период Крымского ханства. Все эти стороны яркого явления мусульманской каменной резьбы в той или иной степени рассматриваются в целом ряде работ, отличаясь разным подходом и сте-

пенью изученности проблем, которые касаются установления дат объектов и географии поселений. Обе эти темы напрямую увязаны с археологическим изучением, именно оно дает возможность наиболее корректно установить время возникновения памятников, а, следовательно, и этапы распространения мусульманской резьбы на полуострове.

Возникновению мусульманских построек Крыма в период средневековья, связанное с важными политическими процессами на полуострове, посвящено множество работ исторического и историко-источниковедческого характера. Несомненно, что именно с мусульманским строительством в Солхате, которое начинается с постройки квартальной мечети в 1263 г. выходцем из Бухары (Григорьев, 1974, с. 26; Книга путешествия, 1999, с. 83)¹, начинается развиваться мусульманский камнерезный декор. По сведениям Эвлии Челеби, мечеть была действовавшей во время его путешествия по полуострову в 1666-67 гг., но об архитектуре и декоре ее ничего не указывается. Соборную мечеть воздвиг в 1287 г. египетский султан ал-Мансур Сайф ад-Дин Кала'ун ал-Альфи (Сидоренко, 1988, с. 116). М. Г. Крамаровский пишет, что исламская община в Крыме-Солхате «сформировалась уже к последней трети XIII века» (Крамаровский, 2014, с. 67). Таким образом, уже в 60-е годы XIII в. в Солхате строятся первые мечети, идет процесс исламизации населения. Как видно из этих очень кратких сведений источников, первоначальное мусульманское строительство связано с появлением на полуострове среднеазиатского исламского контингента, а также с религиозно-политической инициативой египетских султанов. Близ Солхата-Крыма, в Судакe, на крутом склоне горы, возможно в первой половине XIV в. строится мечеть, впоследствии, во второй половине века перестроенная в католический храм. Дата возведения мечети является спорной – от XIII в. до середины XIV в. (Айбабина, 2001, с. 167-168). Однако, из сохранившихся мечетей юго-восточного региона, то есть, района раннего и интенсивного золо-

¹ Бахревский Е. В. в примечании к переводу источника пишет о том, что эта, «...древнейшая из известных мечетей в Крыму», построена в 1262/63 гг.

Рис. 408. Деталь орнамента портала мечети хана Узбека 1314 г. Солхат.

тоордынского заселения Крыма, она является примером первоначального мусульманского строительства и, соответственно, образцом первого этапа исламской каменной пластики на полуострове. Более скромная, но близкая по орнаментике солхатской мечети хана Узбека 1314 г. резьба украшает михраб и капители внутренних столбов судакской мечети (Сидоренко, 1988, с. 126, рис. 4: 6; Айбабина, 2001, с. 166-167, рис. 73: 10). В мечети хана Узбека (рис. 408, 409), единственной из мусульманских архитектурных построек столицы Крымского улуса, сохранились образцы растительной декоративной резьбы (портал и михраб) (Айбабина, 2001, с. 166-167, рис. 73: 4-8). Большое количество образцов подобной орнаментации находим на надгробиях мусульманских кладбищ Солхата-Крыма. Несколь-

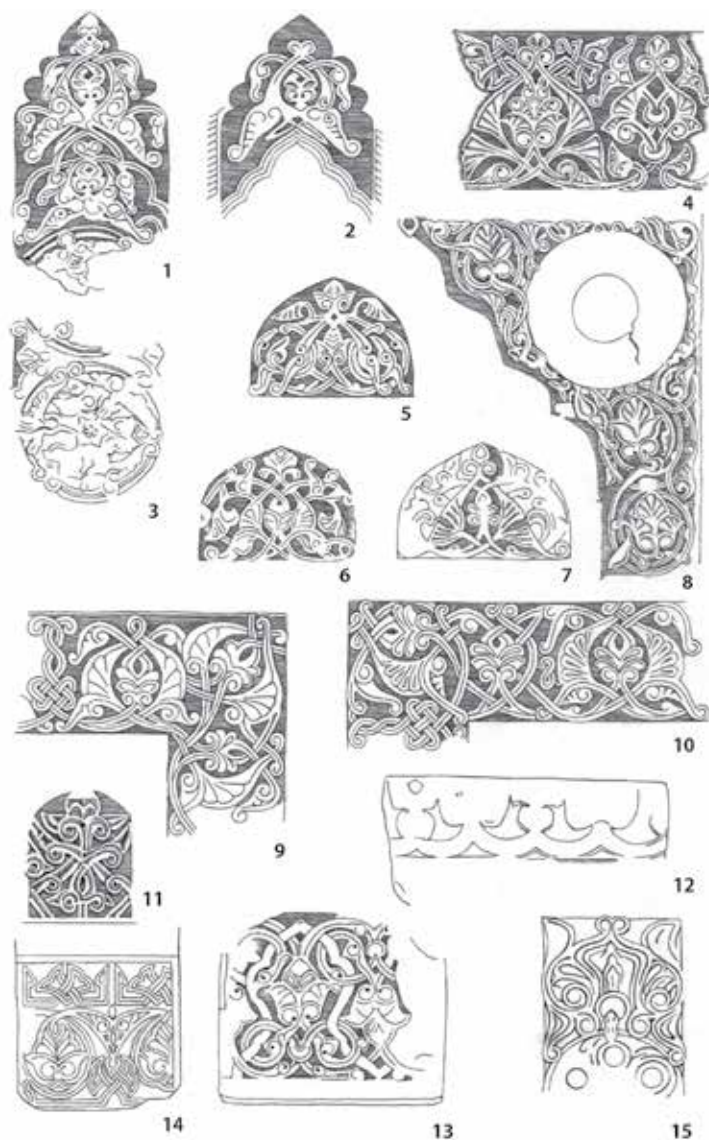

Рис. 409. Растительные мотивы сельджукской орнаментики памятников Крыма. 1, 2, 3 – надгробие первая половина XIV в. (по И. Н. Бороздину), г. Старый Крым. 4-8 – орнаменты резьбы мечети Узбека 1314 г., г. Старый Крым: 4 – обрамление портала; 5, 6, 7 – нижний пояс сталактитовой конхи портала; 8 – резьба михраба (по А. С. Башкирову). 9 – портал церкви Иоанна Предтечи, г. Феодосия. 10 – обрамление михраба Судакской мечети. 11 – надгробие, Чуфут-Кале (нач. XVI в. ?). 12-13 – детали из кладки мечети 1346 г. на Чуфут-Кале. 14 – резная деталь из Чуфут-Кале (по М. Г. Крамаровскому). 15 – надгробие XVI в., г. Старый Крым (по А. С. Башкирову). Рис. Д. И. Неяченко.

ко примеров резьбы сохранилось в кладке мечети Чуфут-Кале 1346 г. (рис. 410, 411), вероятно, использованных в строительстве при ее возобновлении в XV в. (Акчокраклы, 1928, с. 157-158; Айбабина, 2001, с. 169-170, рис. 73: 12-13). К этому же, первоначальному этапу развития мусульманской орнамен-

Рис. 410. Деталь сталактитовой конхи из мечети 1346 г. на Чуфут-Кале.

тики относятся надгробия середины XIV в. (рис. 412) из Каффы (Айбабина, 2001, с. 135-136, рис. 53, 54).

Необходимо уточнить, какие признаки определяют мусульманский резной декор первоначального этапа его развития на Крымском полуострове.

Как неоднократно отмечалось в работах, посвященных архитектурно-археологическому изучению крымских мусульманских средневековых памятников, резьба, примененная в их декорировании, свое происхождение ведет от сельджукской стилистики малоазийских мечетей и медресе, караван-сараяв, бань, дюрбе (Башкиров, Боданинский, 1925; Бороздин, 1926; 1927, 1928; Боданинский, Засыпкин, 1929; Крамаровский, 1987; 1990; 1994; 1997). Если определить время появления сельджукской стилистики на полуостро-

ве, то оно совпадает с периодом первоначального строительства мечетей и других культовых и мемориальных сооружений и ограничивается 30-ми гг. XV в., то есть временем падения «престижа» Крыма-Солхата, как центра золотоордынских владений на полуострове (Сидоренко, 1988, с. 117). К этому периоду в политико-административном, хозяйственно-экономическом развитии Крыма происходят фундаментальные изменения в политической структуре Золотой Орды, процесс дезинтеграции, охвативший государство, приводит к появлению в 1443 году на месте Крымского улуса независимого ханства. Принадлежавшее с 1299 г. или, более вероятно, со времени Джанибека, с середины XIV в. (Герцен, Мога-

ричев, 1993, с. 54-58) беям Яшлавским, одному из наиболее знатных родов, генеалогически связанному с Чингизидами, бывшее аланское горное «княжество» с центром в Кырк-Оре (Чуфут-Кале) становится ядром нового го-

Рис. 411. Резные детали из кладки мечети 1346 г. на Чуфут-Кале (фото 90-х гг. XX в.).

сударственного образования. В 1449 г. в Кырк-Ор из Солхата переносится резиденция крымского хана, просуществовавшая там до первой трети XVI в. (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 8-10). В этот же период происходит заселение равнинной местности на запад от Чуфут-Кале, там возникает первое татарское поселение в Юго-Западном Крыму – Эски-Юрт, формируется некрополь Азиз, заполняясь с течением времени мавзолеями, выстроенными в разных стилях, и традиционными надгробиями с резной орнаментикой и кораническими надписями.

Перенесение столичного центра сопровождается оживленным строительством в местности Салачик, расположенной к западу от Чуфут-Кале, в непосредственной близости от крепости. Происходит формирование инфраструктуры административного и, одновременно, мусульманского, общественно-религиозного комплекса. Здесь строится дворец Ашлама Сарай, возникает ханский некрополь XVI–XVIII вв. с мавзолеем Хаджи Гирея, построенным в 1501 г. его сыном Менгли I Гирем. В Салачике постепенно вырастает новый для крымского градостроительства ансамбль сооружений, состоящий из мечети, медресе, бани, других общественных зданий – кюллие. Образцом для создания цельной градостроительной системы в урочище Салачик послужило синхронное по времени и аналогичное по составу общественно-религиозных сооружений кюллие Стамбула (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 12-13). Ориентировка на столичную османскую систему организации городской территории, на образцы резного декора (о чем мы будем говорить ниже) говорит о турецком влиянии в сфере религиозной практики, о многообразных творческих, социальных контактах.

Среди сохранившихся построек первого этапа своей орнаментикой выделяется дюрбе Джаныке ханым, дочери Тохтамыш, «великой государыни» на городище Чуфут-Кале, скончавшейся в 1437 г. (Герцен, Могаричев, 1993, с. 59). В мавзолее Хаджи Гирея в Салачике проявились новые тенденции развития декора, в котором излюбленные сельджукские мотивы дополнены стилизованным натуралистичным

Рис. 412. Надгробная стела с изображением лампы, подсвечников, розеток и надписью 1348 г. из Каффы.

цветочным узором. От разрушенного дворца Ашлама Сарай сохранился пышный каменный портал, сооруженный в 1503 г. итальянским архитектором Алевизом Новым (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 12). В дальнейшем эта тенденция использования в одном памятнике, архитектурном сооружении или надгробии одновременно сельджукских узоров и появление натуралистичных рисунков или барочных форм орнаментики в мусульманском камнерезном искусстве Крыма сохраняется.

В 1532 г. строится новый ханский дворец – Бахчи Сарай. В декоративном оформлении построек этого репрезентативного ансамбля каменный резной декор занимает значительное место. Резные детали встречаются в конструкции фонтанов, ханской бани, надгробий ханского кладбища, мавзолеев. В итальянском портале Алевиза Нового использованы му-

сультманские орнаментальные мотивы, органично включенные талантливым мастером в архитектуру этого монументального элемента. В декорировании приемных залов и жилых строений дворца применялась деревянная резьба потолков, художественная роспись дверных и настенных панелей, изразцовое покрытие стен. В небольших постройках, например, мавзолеях, проявляется стремление к созданию более гармоничной архитектурной формы, с ориентировкой на османские образцы, где разнообразное пышное декорирование уступает место более строгому ограниченному применению резьбы.

Изучение декора архитектурных деталей мусульманских строений и надгробий XVII–XVIII вв. говорит об отражении в художественной культуре полуострова общих тенденций развития османского искусства.

Рис. 413. Капитель с пальметным декором из портала медресе 1332/1333 гг. Солхат.

Появление в каменной резьбе стиля «турецкого барокко» со стилизованным и одновременно реалистическим, даже натуралистическим цветочным декором, было следствием появления нового художественного подхода и отразилось, прежде всего, в архитектурном декоре официального строительства. Такие мотивы как кипарисы, цветы в вазах, пышный розовый куст, изображенные реалистично тюльпаны, гиацинты, лилии, цветы груши находят прямые аналогии в декоре памятников Стамбула, что свидетельствует о широком внедрении в Крым столичных образцов османского искусства. Однако, сельджукские мотивы, органично вошедшие в камнерезную практику золотоордынского населения полуострова (также как и армянского, греческого), продолжают использоваться в дальнейшем.

Мусульманское камнерезное искусство периода XIII в. – конца XVIII в. переживает значительную трансформацию, связанную с историко-культурным развитием региона: первый этап длится с 60-х гг. XIII в. до 30-х годов XV в., второй завершается с падением Крымского ханства. В дальнейшем развитие декоративной традиции осуществляется в сфере прикладного искусства и ремесла: ювелирном мастерстве, национальной вышивке.

Резьба мусульманских памятников различна по качеству: более совершенные художественные образцы связаны с городским строительством, надгробия и дюрбе – с элитарным происхождением, в массовом же порядке изготавливались более грубые ремесленные образцы. Из столичных центров: Солхата, Чуфут-Кале, Салачика, Бахчи Сарая происходят памятники высокохудожественного камнерезного ремесла. Периферийные районы крымских золотоордынских земель и более поздних татарских поселений в строительной практике мало применяли камнерезный декор (примером может служить Колечь-мечеть в современном Кировском районе). Простыми, в основном, без орнаментов и надписей высекались надгробия степных и горных некрополей.

Рис. 414. Михраб Судакской мечети: пальметный орнамент, сталактитово-пальметный карниз, латинские эмблемы и надпись, сталактитовая конха ниши.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕКОР ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА

Контакты с сельджукским Румом по линии развития мусульманской общины Солхата устанавливаются, вероятно, уже в начальный период ее существования. Как сообщают источники, в 1332-33 гг. женой правителя Солхата Инджи-бек-хатун основывается медресе, для возведения которой были приглашены строители из Анатолии (Крамаровский, 1997, с. 103). В течение первой половины XIV в. в городе возникает целый ряд мусульманских построек, среди которых мечеть, построенная в 1314 г. От нее сохранился перенесенный в здание мечети, возведенной позднее, в XV в., на другом месте портал с надписью и михраб. Эти детали конструкции первоначальной мечети хана Узбека 1314 г. (имя золотоордынского хана и дата постройки мечети указаны в надписи на портале) представляют собой эталонные для камнерезной пластики полуострова XIV-XV вв. образцы сельджукской стилистики (рис. 409: 6-13). Рассматривая целый ряд построек Сол-

хата, а также множество происходящих с городской территории артефактов, М. Г. Крамаровский устанавливает следы существовавших в столице Крымского улуса двух строительных традиций – азиатской и золотоордынской, связанной с городскими центрами поволжских столиц. Такая связь, например, прослеживается в архитектуре мавзолея XV в., подобного исследованному им в Болгаре (Крамаровский, 1997, с. 104).

Влияние Анатолии на развитие камнерезного искусства проявляется не только в декоре архитектуры полуострова, и не только в мусульманской. Камнерезный декор армянских построек Крыма XIV-XV вв. и пластика мемориальных памятников не избегают, как это хорошо известно, сельджукского культурного воздействия, оказываемого на них в силу соседского территориального расположения и многообразных связей. В Солхате и в

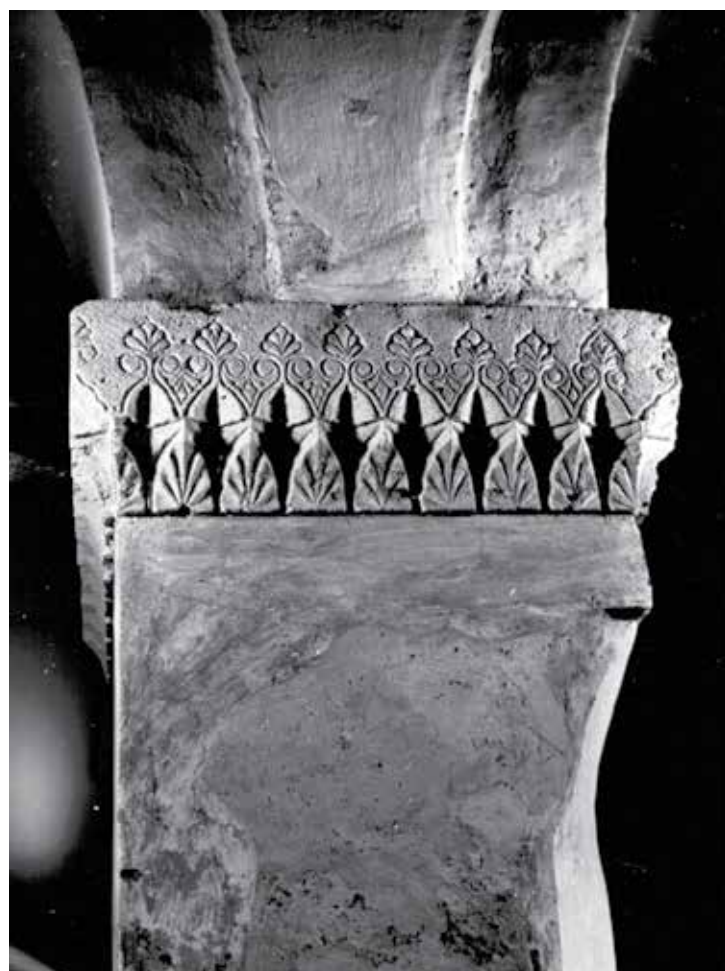

Рис. 415. Сталактитово-пальметный декор капители столба аркады Судакской мечети.

Рис. 416. Обрамление окна Судакской мечети.

его окрестностях строятся армянские храмы, украшенные сельджукской цепью розетками, сталактитовым декором, пальметным орнаментом. Армянская община полуострова, в силу своей торговой активности имела давние и длительные контакты с малоазийскими центрами, развивала эту орнаментику в своем изобразительном искусстве и была одним из проводников этой стилистики на полуострове.

Сила анатолийской архитектурной и декоративной традиции сказывается и в памятниках малых архитектурных форм – в надгробиях татарского населения. С процессом оседлости золотоордынского населения, который был, вероятно, довольно длительным и начинавшимся в степной зоне полуострова, в северной, восточной и юго-восточной части Крыма, приводит к образованию поселений сельского типа. География распространения, так же как и временные этапы образования сельских поселений, – вопрос, изученный крайне слабо. Видимо, места наибольшей концентрации оседлого населения первоначально образо-

вывались вокруг крупных золотоордынских центров – столице золотоордынской администрации Солхате и пункте на пути караванной торговли Карасубазаре.

Татарский городской посад раскинулся у северо-западной окраины портовой Каффы (Бочаров, 1998, с. 93, табл. 2), контролируя направление торговой магистрали, идущей вглубь полуострова.

Золотоордынское поселение XIV–XV вв., состоявшее из отдельных усадеб, находилось в 3 км от города, вблизи от дороги из Каффы на Солхат, в пойме р. Байбуги (Айбабина, 2005, с. 229–246).

Сельское поселение II половины XIV – начала XVI в. с остатками жилых построек и жилищно-производственного комплекса, располагавшееся в низине, у искусственного водоема было обнаружено в 3 км к северо-востоку от Солхата (Крамаровский, 1999, с. 25; 2000, с. 34; 2002, с. 178).

Процесс образования золотоордынских поселений сопровождался строительством мусульманских культовых сооружений, вокруг которых возникали некрополи. Как городские, так и сельские некрополи, археологические объекты, позволяющие изучить камнерезную пластику золотоордынских (и более поздних, крымско-татарских) надгробий, к сожалению, сохранились крайне плохо. Несколько другая ситуация была в начале XX в. В этот период на изучении особенностей архитектуры золотоордынского периода, в том числе и каменной пластики, было сосредоточено внимание нескольких экспедиций. В 1925–26 гг. проводила работы археологическая экспедиция под руководством члена президиума научной Ассоциации Востоковедения СССР проф. И. Н. Бороздина в г. Старый Крым, которая положила начало изучению архитектуры и орнаментики мусульманских построек и некрополей полуострова. Целью экспедиции стало всестороннее научное изучение остатков материальной культуры татарского народа в золотоордынское время и в период Крымского ханства. Вскрытые раскопками, на свет явились столичные по художественному и техническому уровню архитектурные постройки, открыт богатый материал надгробий.

Рис. 417. Плита с гербом ГENUИ, пальметным орнаментом и надписью о постройке родника. XIV в. Каффа.

По итогам и в процессе исследования было опубликовано ряд работ, которые на долгие годы стали отправной точкой многих исследовательских направлений крымского средневековья. Все эти статьи в той или иной мере касались вопроса изучения топографии Солхата и могильников, городской архитектуры, орнаментации и эпиграфики архитектурной и надгробной каменной резьбы (историографический очерк, посвященный средневековой каменной пластике Крыма см. в работе: Айбабина, 2001, с. 18-31). Как показывают современные, проведенные в 70-х гг. XX в. – начале 2000-х гг. археологические раскопки, исследование памятников этой группы было продолжено и приоритет в нем принадлежит многолетнему труду экспедиции Гос. Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского, который тематически продолжил, но на новом научном уровне изучение материальной культуры Старого Крыма и его окрестностей.

В работах иных исследователей крымского средневековья, каким бы памятникам они не были посвящены (Мангуп, Судак, Каффа, Алушта, Фуна), постоянно присутствует компонент исследования тематики золотоордынского времени и периода Крымского ханства. И, как это часто случается в научном процессе, в связи с этим открываются новые перспективы и назревают ранее неизвестные проблемы источниковедческого и исторического плана. На данном этапе оказалось необходимым вновь обратиться к полученным ранее материалам, включив в этот контекст сделанные за этот период находки, попытаться рассмотреть ряд вопросов культурно-исторического развития средневекового Крыма.

В связи с предложенной тематикой можно определить некоторые интересные задачи в изучении источниковедческого материала крымских городов и сельских поселений обозначенного времени. Например, решенным является вопрос об исторической преемственности зо-

Рис. 418. Строительная плита с именем консула Джованни ди Скаффа 1342 г. с пальметтным декором. Каффа.

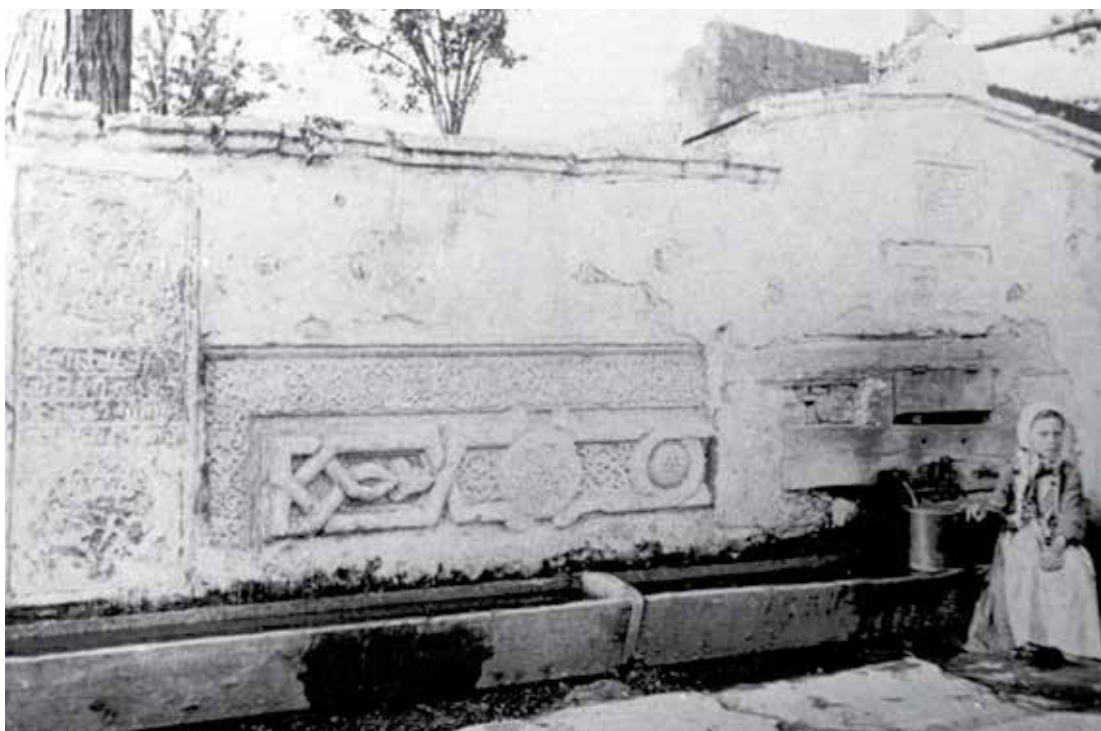

Рис. 419. Плита портала с сельджукскими мотивами в стене фонтана в пос. Уютное, Судак (фото начала XX в.).

лотоордынской и крымско-татарской культуры периода Крымского ханства, тем более, что она обеспечена и этнически и конфессионально. Но важным является исследование некоторых звеньев процесса культурного развития, переформатирования стилевых направлений в искусстве. Подобные задачи невозможно решить, не опираясь на изучение археологического, камнерезного, архитектурного материала.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР

Резной декор сохранившихся средневековых построек XIV–XV вв., архитектурные детали и фрагменты, находимые в большом количестве в процессе изучения и реконструкции архитектурных сооружений, в результате археологических исследований территории Солхата, Каффы, Чуфут-Кале, других населенных мест, позволяют говорить о применении целого ряда мотивов сельджукской стилистики на территории восточного, юго-восточного и юго-западного районов полуострова. Орнамента городских строений служила канон и образцом для распространения при-

емов орнаментации в искусстве средневекового населения Крыма. Многочислены примеры использования сходных элементов декора, будь то сталактитовая резьба порталов и михрабов, или пальметки капителей, розетки с растительным и геометрическим декором, плетенки, гирих, орнамент выщегося побега с мотивами пальметты, двудольного листа, сельджукской цепи. Многообразие вариантов, соединение разнотипных элементов, но и создание определенных композиционных схем в орнаментации архи-

тектурных деталей и надгробий является характерным для крымского средневековья (рис. 408, 409, 411, 414, 429, 436). Крым, усвоивший в своей культуре стилистические приемы византийского и сельджукского искусства, был территорией существования непрерывной традиции местного ремесла (Крамаровский, 1994, с. 136). В камнерезном искусстве, юго-восточная часть полуострова, больше связанная с Кавказом и территорией Южного Причерноморья, проявила себя именно в золотоордынский период.

Малоазиатский художественный стиль укоренился вместе с освоением полуострова массами тюркского населения и началом распространения мусульманства в этом регионе. Появление первых архитектурных ансамблей было связано с непосредственным участием малоазиатских и, вероятно, среднеазиатских мастеров в их постройке. На крымской почве происходило усвоение привнесенных методов и приемов при условии, что восприятие их золотоордынским населением было подготовлено общностью культурных традиций. В постройках Солхата в первой половине и середине XIV в., т. е. в первоначальной мечети хана Узбека и медрес-

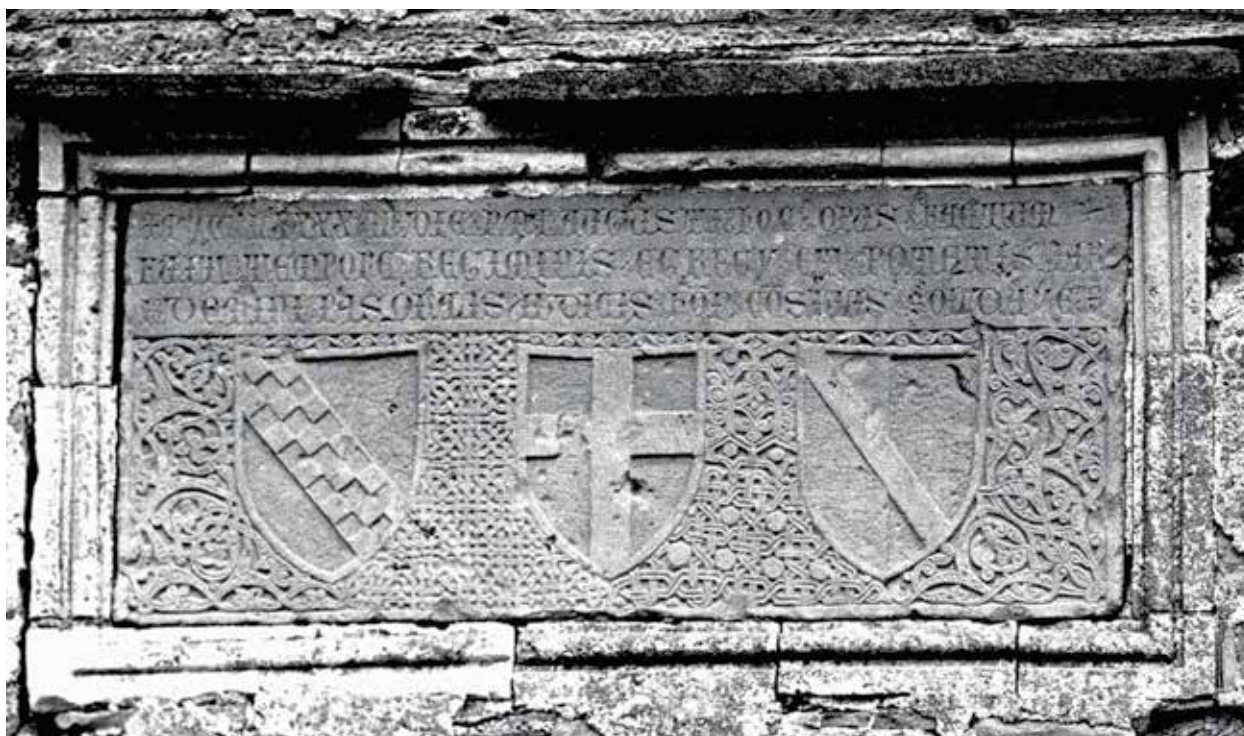

Рис. 420. Строительная плита с пальметтным и геометрическим узорами латинской надписью башни Джудиче 1392 г. Судакской крепости.

се Инжибек-хатун 1332-1333 гг. малоазийский декор присутствует в своем чистом виде, как, вероятно, и в других постройках этого периода, отличающегося интенсивным строительством, например, мечети на Чуфут-Кале 1346 г. (рис. 410, 411). Как уже отмечалось, на полуострове существовала и другая, так же связанная с Южным Причерноморьем и Кавказом, мощная культурная линия армянского строительства и декоративного искусства (Айбабина, 2001). Сельджукскую орнаментику использовали и при изготовлении латинских официальных надписей, в гражданском строительстве генуэзской Каффы (рис. 417, 418), Судака (рис. 419, 420), а также позднее, в XV в., в центрах государственного образования горной Таврики – Мангупе (рис. 421, 422) (Айбабина, 2001, с. 32-55, рис 1: 3, 6; 3, 4, 6-8, 74-76; 69-72; таб. I, VIII). В период, когда стилистика распространилась на территории Крыма, сельджукским декором украшалась буквально каждая общественная или культовая постройка – фонтан, дворец, крепость, храм. Конечно, орнаментика, попавшая на полуостров, не использовала всего орнаментального ассортимента Коньи, Сиваса или Амасьи. К тому же, с течением вре-

мени и под влиянием вкуса местных мастеров, сельджукский стиль испытывает некоторые трансформации. Однако именно архитектурный декор Юго-Восточного Крыма остается эталоном для воспроизведения малоазийских элементов на территории полуострова.

В архитектуре мусульманских построек орнаментации порталов и михрабов придавалось первостепенное значение. Профилированными рамами и декором украшались окна, в медресе – входы, большие айваны, столбы и колонны внутренних дворов. Караван-сарай, бани и жилые строения декорировались не столь пышно, но сельджукскую цепь, базы столбов со срезанными углами и украшенными пальметной резьбой, нишки с коническим или килевидным сталактитовым верхом можно встретить часто. В дюрбе, как в культовой, общественно значимой постройке, также выделялись архитектурно и декоративно порталы, декорировались и другие детали.

Ключевыми памятниками для развития сельджукской орнаментики были первоначальные мусульманские постройки Солхата. Благодаря сохранившимся сооружениям начала XIV в. в Солхате, которые в свое время,

наряду с другими, были призваны превратить центр улуса в мусульманский город, во время правления хана Узбека (1313-1342) ставший местом пребывания золотоордынского двора (Степаненко, 2010, с. 120), можно судить о его архитектуре. Мечеть Узбека 1314 г. и медресе Инжибек-хатун 1333-32 г. позволяют оценить в какой-то мере качество и активность строительной деятельности в этот период. Сопоставимость орнаментального декора мечети хана Узбека с малоазийскими, конийскими аналогами доказательно обоснована В. А. Сидоренко (Сидоренко, 1988, с. 124-126, рис. 4). Процесс исследования портала мечети, орнаментированного элементами, сохранившимися от первоначальной постройки, продолжается в его конструктивно-декоративном аспекте (Кирилло, 2009б; 2015). Портал-пиштак имеет характерное для сельджукских мечетей и медресе оформление входного проема, завершенного нишей с верхом в форме сталактитовой конхи, в данном случае не имеющей своего острокопечного завершения. Конха трактована рядом сталактитов, нижний ряд – в виде трех килевидных арочек с пальметным рисунком (рис. 409: 5-7). Внешние боковые стороны портала декорированы широкой полосой расти-

тельного орнамента (рис. 408, 409: 4), состоящего из пальметты, окруженной копьевидными переплетенными листьями с глазком на концах (Сидоренко, 1988, с. 126, рис. 4: 6; Айбабина, 2001, с. 166-167). В узор органично вплетен элемент псевдокуфического орнамента, подобный эпиграфический мотив украшает деталь, найденную в 1928 г. на Чуфут-Кале (рис. 409: 14). В орнаментации резьбы михраба мечети Узбека, в рисунке, заполняющем пространство между сталактитовой конхой и прямоугольной рамой подобная пальметта представлена в нескольких вариациях и помещена внутри двойного завитка растительного побега. С помощью копьевидного листа мотив пальметы развивается во все стороны, в первом случае, в декоре мечети, образуя повторяющиеся в строгой последовательности элементы, во втором, на михрабе, – располагаясь среди вьющихся побегов произвольно. Отметим разницу в рисунке декора портала и михраба мечети: пальметты – в михрабе с веерообразными элементами, в резьбе портала – с глазками, лист в михрабе больше напоминает полупальметту, в резьбе портала он двух видов: копьевидный веерный, двойной и в форме полупальметты (рис. 409: 4, 8). Разница заключается и в ином

художественном подходе: растительный узор михраба создается более мягкими, кругляющимися линиями. Интересно сопоставить это наблюдение с мнением архитектора, который считает, что портал-пиштак и обрамление михраба могли принадлежать разным памятникам, поскольку при возобновлении мечети Узбека они были установлены не одновременно (Кирилло, 2009б, с. 189-190, 197-198).

Пальметта в еще одном варианте представлена на капителях $\frac{3}{4}$ коло-

Рис. 421. Портал мангупского донжона. Первая половина XV в.

Рис. 422. Орнаментированная деталь надгробия (пальметный декор) в кладке портала Мангупского донжона (фото 90-х гг. XX в.).

нок со жгутом, фланкирующих нишу портала мечети Узбека (Кирилко, 2011, рис. 70). Капители двухъярусные, покрыты дробным пальметным узором, на фоне которого выделяется скульптурно высеченные пальметты верхнего и нижнего яруса. Каждая деталь отделена от других и как бы «налеплена» на поверхность капители. Сочетание крупных объемных элементов на фоне невысокого рельефа характеризует резьбу ряда памятников Сельджукидов Рума. Из раскопок медресе происходит капитель боковой ниши портала (Бороздин, 1926, с. 31, рис. 15; Кирилко, 2011, с. 166-167; с. 211, рис. 68). Эта двухъярусная капитель со скульптурно выполненными пальметтами, подобно капителям портала мечети

Рис. 423. Архитектурная деталь, происходящая из медресе с мотивом «узла счастья» (по М. Г. Крамаровскому).

Узбека, по мнению В. П. Кирилко, – одна из немногих найденных при археологическом исследовании медресе деталей, которые можно с уверенностью соотнести с порталом медресе (рис. 413).

Множество примеров и вариантов пальметного узора, существующих в крымском архитектурном декоре, в том числе не мусульманского происхождения, в орнаментации надгробий XIV–XV вв. из Солхата, Азиза, де-

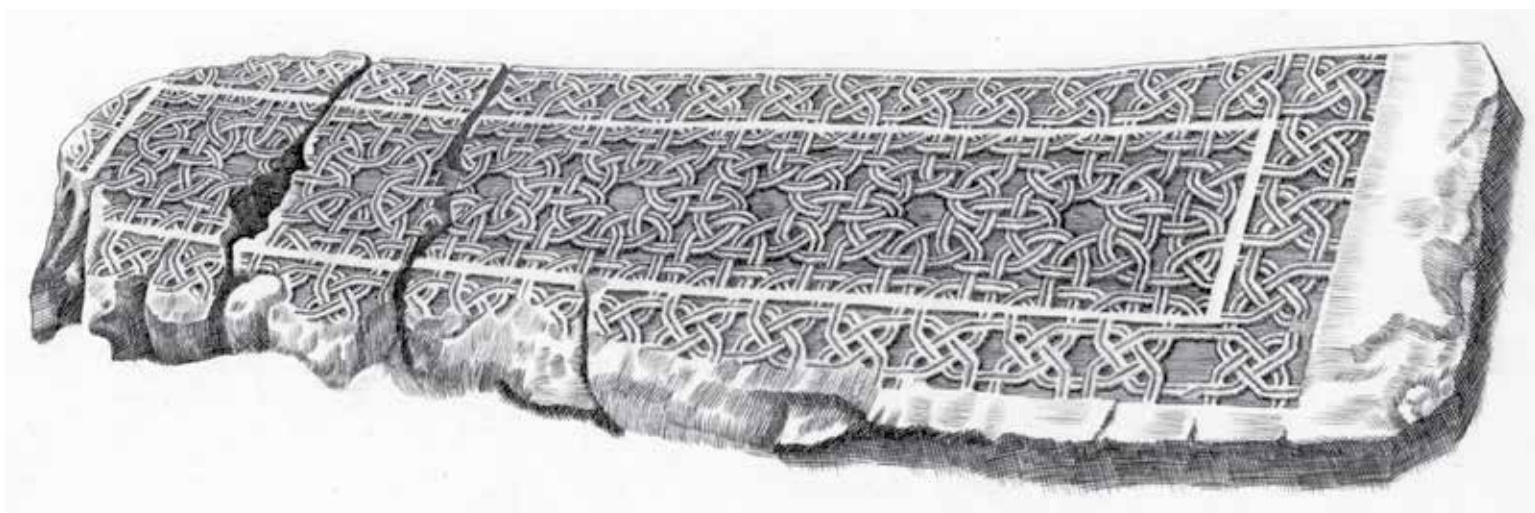

Рис. 424. Надгробие с резным геометрическим орнаментом из некрополя у Мангупской базилики (раскопки 1912 г. Р. Х. Лепера). Рис. Д. И. Неяченко.

лают этот мотив, вероятно, самым популярным в средневековой крымской резьбе. Сохраняя свою форму, пальметта, соединенная из двух полупальметт, сопровождаемая копьевидным листом и переплетающимися побегами, или в виде одиночного элемента в резьбе крымских памятников имеет много вариантов (Айбабина, 2001, с. 164-168). Образец этого орнамента в солхатской мечети один из самых совершенных.

В архитектурной резьбе Солхата, также как и в надгробных памятниках используются узлы сложного плетения, хорошо сочетающиеся с растительным декором пальметт. Одним из самых распространенных является «узел счастья» геометрических прямолинейных, овальных и даже округлых форм. Большинство способов применения этого орнамента связано с акцентированием продольных или квадратных поверхностей – в орнаментации боковых сторон порталов и оконных рам, продольного корпуса надгробий. В сочетании с арабесковым пальметтным декором выступает как средство графической организации стихийного растительного орнамента.

Геометрической формы «узел счастья» с развивающимся из него пальметтным орнаментом (рис. 423), известен по нескольким спoliaм, вероятно, происходящим из медресе (Кирилко, 2011, с. 181, рис. 81; Крамаровский, 2005, с. 13-172). Орнамент нанесен с помощью выборки фона. Крупные детали рисунка выпол-

Рис. 425. Резьба геральдической плиты с надписью 1425 г. из раскопок на Мангупе (1912 г., Р. Х. Лепер). Рис. Д. И. Неяченко.

нены из широких, уплощенных непроработанных полос также как и элементы растительного мотива – полупальметты. Узлы геометрического характера, в орнаменте связываются с узлами, образованными овальными элементами. Правый край полосы орнамента (если рассматривать его как вертикальный) образует узор характера псевдокуфической надписи. Некоторое искажение линий рисунка не лишает его выразительности. Сплошии вторичного использования, найдены близ медресе, а так же в развале кладок сооружений XVI–XVIII в., как строительный материал.

М. Г. Крамаровский связывает этот декор с порталом медресе 1332–33 гг. (Крамаровский, 2009, с. 462). Крупная замысловатой формы резьба, хотя и выполненная несколько упрощенно, выглядит выразительно, что необходимо для украшения портала презентабельной постройки, или михраба мусульманского университета (Кирилко, 2011, с. 181), а место ее в архитектурном комплексе медресе будет определено, вероятно, в ходе будущих исследований. Орнамент с целым набором узлов: с двойным овальным, простым геометрическим и округлым высечен на надгробии из некрополя Мангупской базилики (рис. 424), раскопанной Р. Лепером в 1912 г. (Айбабина, 2001, с. 169, рис. 75). Мангупские образцы выполнены в другой технике, с помощью двойной профильной линии и связаны декором плиты с геральдическим и пальметным мотивами, с надписью, датированной 1425 г. (рис. 425) (Айбабина, 2001, с. 171, рис. 76).

Мотив пальметты остается популярным и в декоративной пластике Крымского ханства,

Рис. 426. Розетки и надпись на портале дюрбе Мухаммед-Шах-бея нач. XV (?) в.

проявляясь чаще как один из элементов или второстепенный элемент резьбы дюрбе и надгробий.

Орнаментация мавзолеев-дюрбе, если не говорить о двух постройках – дюрбе хана Хаджи Гирея и Ненекеджан-ханым, не отличается богатством. Скромной резьбой украшены мавзолей Мухаммед-Шах-бея, его портал с двумя розетками с геометрической звездообразной вязью и сталактитовой нишей, и Эски-дюрбе с тремя розетками на портале, одна из которых имеет наклон вперед, рассчитанный на рассмотрение строения снизу (рис. 426, 427). Богатый, роскошный декор мавзолея хана Хаджи Гирея, скрупулезно исследованный в недавнее время, в процессе комплексного изучения этого памятника (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010), являет собой пример художественной резьбы нового направления в татарской орнаментике Крыма (рис. 429–432).

Атрибуция памятника не вызывает вопросов в связи с сохранившейся закладной надписью 1501 г.: «Это благородное, прекрасное тюрбе счастья приказал соорудить величайший

² Точная дата по лунному календарю хиджры – 20 февраля – 21 марта 1501 г. прочтена В. Н. Тимченко.

Рис. 427. Деталь портала Эски дюрбе с розетками. XVII в.

Рис. 428. База колонны с изображением пальметты из Солхата.

хан и знаменитый хакан, властелин мира, Менгли Герай, сын Хаджи Герай хана, в благословенном месяце шаввале 907 г.» (Тимченко, 2010, с. 147)². Помимо строительной надписи на обрамлении входа в дюрбе имеется одно ленточное и, по два, расположенных внутри каждой из порталных ниш, в круглых медальонах священные изречения (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 37-38, рис. 49; Тимченко, 2010, 147-148, рис. 4). Портал мавзолея, архитектурно выделен и покрыт панелями орнаментального резного растительного декора,

основу которого составляет сочетание цветов с переплетениями заостренного двудольного листа. Резные поля сплошь покрывают фасад и боковые ниши портала. Тонкой резьбой в виде жгута, плетенки и даже цепи украшены ребра боковых граней центрического, граненого мавзолея. Особенно примечателен потолок портала, сложенный несколькими ярусами и имеющий вид кессона из рядов мукарн с розеточными подквадратными элементами (рис. 430). Рядами мукарн завершаются боковые порталные ниши, их декоративные полуколонны с простыми (восточная ниша) и пальметными (западная ниша) капителями имеют сложный геометрический узор. Растительный орнамент, покрывающий большими полями и широкими полосами прямые поверхности, организован в самостоятельные сектора, например, выделенные тонкой полоской архитектурные формы в виде надгробной килевидной трехлопастной вверху стелы, либо сформирован как звезда с восемью лучами-листьями и цветами, или высечен орнаментальным пояском с пальметными медальонами. Особенно выделяются мотивы симметричного, роскошного розового куста и виньетки над входом (рис. 431). Фасад портала оформлен сельджукской цепи

из витого жгута. Нижний узел сельджукской цепи, обводящей входную дверь в дюрбе (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, рис. 86), имеет петлеобразную форму, как на портале мавзолея Ненекеджан-ханым (см. ниже). К досконально разобранному стилю декоративной резьбы дюрбе Хаджи Гирея можно добавить, что розетки, заполненные каллиграфией, а чаще всего геометрическим или цветочно-лиственным орнаментом, располагаются по сторонам сталактитовых конх в верхней

части и крымских, и сельджукских порталов и михрабов. Отсутствие таких розеток на фасаде дюрбе хана Хаджи Гирея, как и незавершенность сельджукской цепи в первоначальном виде портала, вероятно, говорит о некотором отступлении от сельджукских принципов. В резьбе капителей нишевых пилостр применен пальметный орнамент, сильно схематизированный, потерявший свою первоначальную форму. Впрочем, крымскую резьбу отличает не только большое разнообразие используемых для декорирования архитектуры или надгробий мотивов, но и свобода в их применении, выразившаяся в сочетании всевозможных элементов в пределах одного памятника. Если говорить о технической стороне резьбы дюрбе, то можно отметить, что рельеф ее низкий, почти без проработки, выполнен способом выборки фона, за исключением крупных деталей – цепей, мукарнасов. Новая ренессансная стилистика проявляется и в использовании натуралистического изображения цветов, в строгом следовании определенной композиции рисунка.

Дюрбе Хаджи Гирея, в котором было погребено 18 персон (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 94) придавалось значение священного ме-

Рис. 429. Дюрбе Хаджи Гирея 1501 г. Салачик, Бахчисарай (фото 90-х гг. XX в.).

ста, возникшего близ комплекса первоначального ханского дворца. Возведение мавзолея, помимо соблюденного Менгли I Гиреем обычая ставить дюрбе на могиле отца (Гайворонский, 2006, с. 5), согласовалось с идеей создания символов утверждающегося государства. Традиционный декор мавзолея, сочетавшийся с новыми элементами в орнаментике, соответствующими духу времени, придает ему роскошный вид, подчеркивает его династическую принадлежность.

Мавзолей Ненекеджан-ханым, строительство которого осуществлялось, вероятно, в два этапа, украшен порталом с сельджукской цепью и полосами геометрической плетенки с использованием подпрямоугольных и овальных элементов, протянутых по внешнему краю входных пилонов (рис. 433-435). В резной орнаментации дюрбе присутствуют традиционные мотивы и новые, связанные с османским строительством. Мотивом геометрической плетенки с овальными и прямоугольными звеньями декорирована архитектурная деталь из Солхата (рис. 436) (Гаврилов, Майко, 2014, рис. на с. 100), которая по характеру пальметного рисунка относится к первой пол. XIV в.

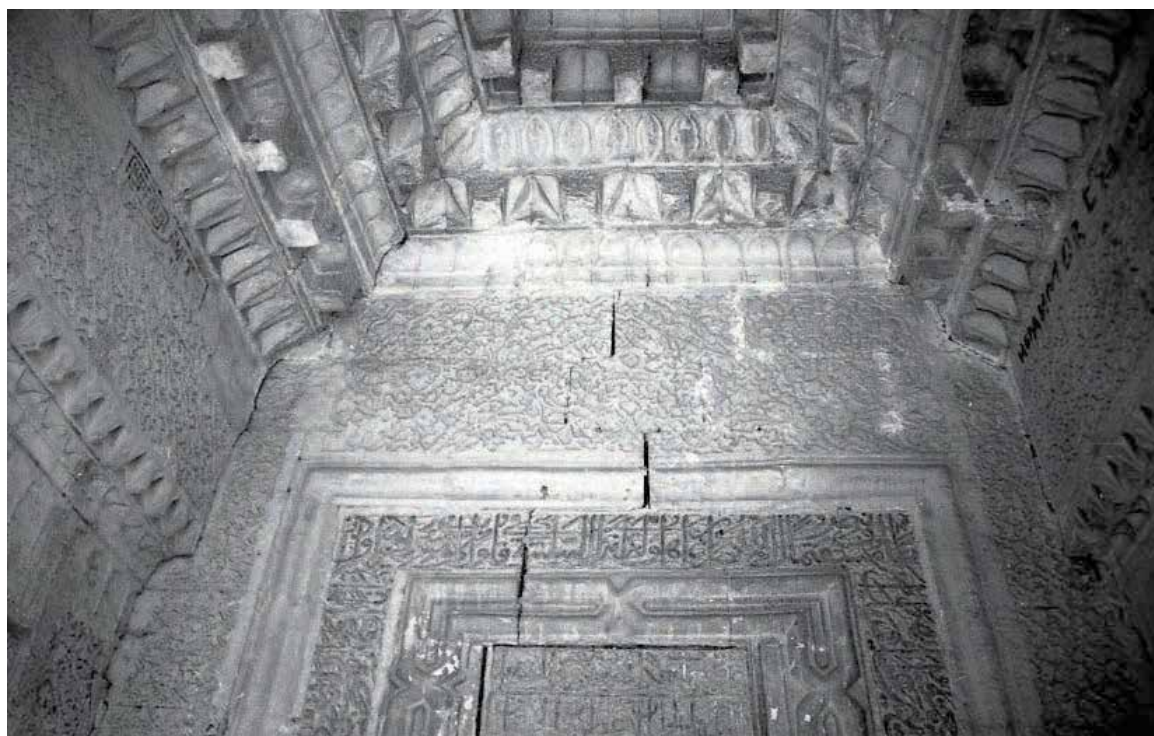

Рис. 430. Кессонный потолок портала дюрбе Хаджи-Гирея.

Обращает на себя внимание геометрический рисунок узлов цепи, нижний и находящийся в центральной части (рис. 434, 435). Особенно интересен нижний узел из двух «перевязанных» выпуклых полос, заканчивающихся пальметным мотивом. Эти элементы скульптурно выделены на профилированной поверхности пилонов. Прием декорирования очень крупными, рельефными элементами, выделенными на арабесковом поле или гладкой кладке из тесаного камня, встречается в сельджукских архитектурных орнаментах, а в таких постройках, как медресе Гек в Амасье 1245 г., медресе Индже Минаре в Конье 1258 г. или медресе Чифте в Сивасе (два последних строения принадлежат одному зодчему) этот принцип осуществлен особенно ярко (Райс, 2004, с. 209-211, 216, фото 8, 14). И хотя дюрбе не сравнимо с этими постройками по масштабу, тенденция эта видна и в каменной резьбе Крыма. Не вдаваясь в строительную историю этого памятника, можно отметить, что в орнаментации портала дюрбе проявляются черты, свойственные более позднему стилю: высокий рельеф в сочетании с профилем плоскости пилон, выраженным выкружкой и валиком, в отличие от плоско

обработанных поверхностей построек XIV–XV вв. Малочисленность сохранившихся примеров не позволяет считать это предположение более определенным.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАДГРОБИЙ СОЛХАТА

Прежде, чем перейти к рассмотрению материала, напомним историю обнаружения большой группы памятников камнерезно-

го искусства, происходящих из Солхата (рис. 437-443). Необходимо отметить, что параллельно с изучением архитектуры экспедицией под руководством И. Н. Бороздина, одного из самых представительных ансамблей Солхата, медресе 1332/1333 гг., раскопок караван-сарая, в 1925-1926 гг. и 1928 г. велись исследования некрополя Зеленой площади. Руководство этими работами осуществлял Осман-Нури Акчокраклы, востоковед, эпиграфист, этнограф, при участии других членов экспедиции Ассоциации Востоковедения – художника, историка-крымоведа, одного из организаторов археологических экспедиций, исследовавших могильники Кырк-Азизлер, Эски-Юрт, в Солхате, Чуфут-Кале У. А. Боданинского, художника, профессора архитектуры П. И. Голланского и историка, археолога Н. Л. Эрнста (Ломакин, 2015, с. 79-108). Все участники экспедиции к тому времени были опытными исследователями, занимавшимися изучением крымской проблематики, участвовавшими в организации системы охраны памятников древности.

На территории города к концу XVIII в. существовало 13 некрополей, отмеченных на

плане составленным Иваном Лютовым около 1783 г., большая часть которых содержала погребения XIV–XV вв. (Гаврилов, Майко, 2014, с. 22, 54). К началу раскопок кладбище на Зеленой площади было давно заброшено и, как пишет О. Акчокраклы, «...большинство надгробий оказалось в земле; кое-где виднелись на поверхности земли небольшие части стел» (Акчокраклы, 1928, с. 152). На старокрымском некрополе на Зеленой площади и в других местах города в 1925–26 гг. было обнаружено 145 единиц памятников, в 1928 г. – 175, из них с надписями на арабском языке – 65, часть – на старо-тюркском. Из этой коллекции датированных надгробий оказалось 15. Все относятся ко времени первоначального этапа существования могильника – к XIII – I половине XIV в. Два памятника датированы XIII в. – 1273 г. и 1288 гг. Из наиболее ранних, относящихся к началу XIV в., своей орнаментикой, в которой используется мотив косого (или «бегущего») меандра привлекает внимание надгробие 709 г. х. (=1310 г.) (Бороздин, 1926, с. 9) (кат. № 437). Великолепный образец резьбы – двурогое надгробие, датированное 776 г. х.

(=1371 г.), орнаментировано геометрической плетенкой и пятилепестковой пальметтой с переплетенными растительными побегами, образующими ряд медальонов. Надпись на этом надгробии выполнена на джагатайском наречии, что является довольно редким. Тщательно исполненный, замысловатый, прекрасного рисунка декор выделяет этот памятник даже среди той массы резных камней, которыми так характерен Солхат (Башкиров, 1926, с. 124, рис. 19; 1927, с. 138) (кат. № 419–421).

Исследователи средневековых памятников Солхата отмечают высокие художественный уровень резьбы и качество технического исполнения, оригинальность орнаментики раскопанных надгробий. На большинстве надгробий орнамент и эпиграфика выполнены в низком рельефе, с выборкой фона. Орнамент, в отличие от рисунка архитектурных деталей, как правило, схематичен, с проработкой лишь по контуру. Объемную передачу имеют розетки, сталактиты-мукарны, являющиеся не только декоративными, но и конструктивными элементами, и резьба верхней чалмообразной части надгробий-столбиков. О. Акчокраклы была предложена предварительная систематизация этих надгробий по форме, характеру декора, расположению орнаментальных и эпиграфических частей, вероятно, основанная, прежде всего, на прочтении эпиграфики. По форме они разделяются следующим образом:

- плоские со стрельчатым или килевидным верхом (женские);

- круглые, или восьмигранные с фигурным верхом, в виде остроконечной шапки разнообразных форм (мужские).

Конкретизируя эту несколько обобщенную классификацию, можно добавить несколько разновидностей памятников. Стелы в некоторых случаях имеют пятилопастное завершение (имитация розетки), иногда даже прямое, что приближает их к форме надгробий, особенно распространенных в средневековых некрополях Восточной Анатолии. Великолепным по тонкости и изысканности орнаментики является стела с пальметтным орнаментом на обеих его сторонах, состоящим из симметричной замысловатой виньетки и двух круглых розеток, в виде окружностей заполненных такими

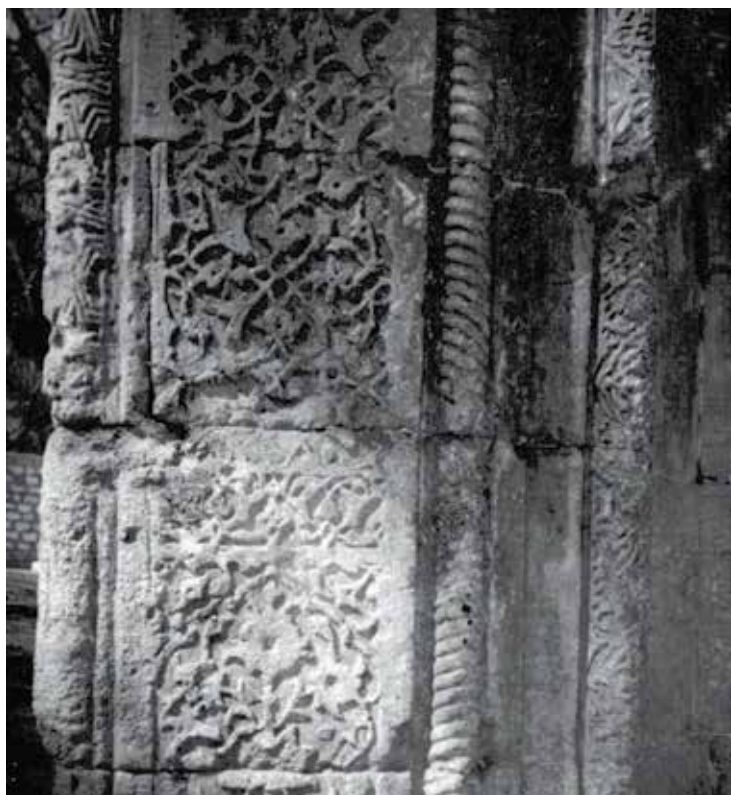

Рис. 431. Декор западного пилона портала дюрбе Хаджи-Гирея (фото 90-х гг. XX в.).

Рис. 432. Верхняя часть западной ниши портала дюрбе Хаджи Гирея.

же пальметами и переплетенными гибкими усиками полупальметт с глазком (рис. 409: 1, 2; 424) (кат. № 388; 435). Судя по надписи, это надгробие некоего Мурада Рахматуллы датируется 743 г. х. (=1312 г.). Ближайшая аналогия его резьбы – знаменитый орнаментальный декор портала и михраба мечети Узбека 1314 г. (Бороздин, 1926, с. 11, рис. 5; Башкиров, 1927, с. 136). Кстати сказать, стела – мужского захоронения и не подпадает под систематизацию О. Акчокраклы.

Еще одна разновидность стел – с украшением верхней части полурозеткой с округлыми «лепестками», также как в резьбе верхней части более позднего по времени «Золотого фонтана» Бахчисарайского дворца. Надгробие имело недатированную надпись и принадлежало Айше-хатун, дочери Абдуллы (кат. № 384, 2-е слева). Розетка прочерчена тон-

кой врезной линией, текст располагается внутри заглубленного обрамления фигурной килевидной формы. На обратной стороне этого надгробия высечено изображение горящей лампы (об элементах декора см. ниже). Надгробие было опубликовано (Башкиров, 1927, с. 140, рис. 13). Характер композиционного размещения надписи и орнамента на стелах, происходящих из солхатских некрополей разнообразен, здесь не наблюдается никакой системы,

кроме параметров самого памятника.

Из некрополей Солхата происходят стелы с килевидным или с 3-х, 5-и лопастным завершением с изображением горящих ламп и подсвечников (рис. 442). Лампы вы-

Рис. 433. Дюрбе Ненкеджан-ханым 1437 г. Чуфут-Кале.

сечены в верхней половине стелы (или на внешней вертикальной плоскости двурогого надгробия), на дюрбеобразном столбике (кат. № 360; 361; 375; 417; 443). На двух надгробиях рисунок выполнен тонкой врезной линией. Лампа с округлым туловом, имеет конусообразные горло и поддон, подвешена на двух цепях, крепящихся на небольшой пальметке. Подобную форму имеют все изображения ламп. На двух надгробиях, происходящих из Солхатского некрополя, тулово ламп украшено розетками – в форме цветка (Башкиров, 1927, рис. 15: а, б) (кат. № 375). Подсвечники с высокими свечами расположены по бокам лампы. Среди стел с лампами (лампадами – по А. С. Башкирову) примечательна одна с полукруглым верхом, на одной стороне ее изображена полурозетка, занимающая фронтон, под ней арабская надпись. На другой – весьма схематичный рисунок горящей лампы с неуклюже изображенными, в виде дуг подвесными цепочками. Орнамент прочерчен линией, прост и ассиметричен. Это надгробие Айше-хатуна, дочери Абдуллы (Башкиров, 1927, с. 140, рис. 13). Одна из стел – с датированной надписью 832 г. х. (= 1478 г.). Лампа изображена на столбовидном надгробии, которое по мнению А. С. Башкирова, является моделью дюрбе (Башкиров, 1927, с. 141, рис. 15: в) (см. также кат. № 389; 443). Надгробие имеет восьмигранную форму, завершенную купольным «барабаном». На гранях высечены стрельчатые узкие арки, изображение лампы внутри такой арки приняло необычную вытянутую форму. Внутри тулова помещена восьмилепестковая розетка, а под лампой – кисточка. Стела с изображением двух подсвечников с высокими горящими свечами, датированная 763 г. х. (= 1362 г.) по надписи на другой стороне, дает еще один тип светильника.

Стелы с лампой встречаются среди памятников могильника Эски-Юрта. Из Каффы происходит стела с трехлопастным верхом и рельефным изображением горящей лампы с высоким коническим горлом и низким поддоном (рис. 412). По сторонам лампы – подсвечники с высокими свечами и розетки без орнамента. Светильник крепится на пальметте с двумя симметричными полупальметками. Рельеф грубоватый, плоский, без проработки

деталей. На обратной стороне – арабская надпись «шабан, 749 г. х.» (= 25.10 – 22.11.1348 г.) (Айбабина, 2001, с. 135, рис. 53). Обобщенный, весьма схематичный рисунок ламп и подсвечников затрудняет поиски аналогий и установление типологии этого распространенного на мусульманском Востоке предмета. А. С. Башкиров находит их в изделиях и на изображениях Фатимидского Египта (Башкиров, 1927, с. 142). Изображение светильников, как и сам светильник, связаны с погребальным культом: пламя свечи (ламп) указывает путь в рай, в вечность.

В орнаментике золотоордынской каменной резьбы, особенно в погребальных памятниках, декоративное начало тесно переплетается

Рис. 434. Деталь портала дюрбе Ненкеджан-Ханым. Чуфут-Кале.

Рис. 435. Сельджукская цепь портала дюрбе Ненекеджан-ханым. Чуфут-Кале.

с культовым значением (рис. 439). Геометрический мотив звезды Давида, состоящий из двух перекрещенных равносторонних треугольников, обычно, в силу своей центрической композиционной основы, располагается на рельефном круге. Такими кругами-символами декорированы фасады порталов, боковые ниши, они наносятся на корпус и стелу надгробия. Звезда Давида как элемент узла сельджукской цепи может быть украшена внутри звездочкой.

Звезда Давида может быть расположена на полосе растительного пальметного декора. (кат. № 370) Интересна композиция со звездой Давида на круге, помещенном на порталном каменном блоке (?). Каждый конец звез-

ды завершен глазком, из них прорастают узкие перекрещенные ланцетовидные листья. Растительные элементы образуют вокруг звезды Давида ажурный орнамент, она служит ему как сердцевина цветка. В этой геометрическо-растительной композиции звезде придано значение центра орнамента (кат. № 956). Подобная розетка, но с иным, звездчатым центром, который образуют переходящие друг в друга пальметные элементы, также служила деталью архитектурного декора (кат. № 895). Композиционная завершенность символа звезды Давида привлекает резчиков по камню, керамистов, ювелиров, изготовителей тканей. Мотиву звезды Давида родственно расположенные на круге звездчатые композиции, всевозможные геометрические плетенки, которые выстраиваются из прямых перекрещенных под разными углами линий. Изображение звезды Давида, распространенное в средневековой символике многих народов Востока, в декоре культовых мусульманских построек и надгробий традиционно связано с молитвой, обращенной к Богу. Декоративная сторона гексаграммы, лаконичного, выразительного геометрического мотива также обеспечило ему большую популярность.

Остановливаясь на форме памятников в виде столбиков (рис. 443), А. С. Башкиров выделяет из них дюрбеобразные, то есть, как бы являющиеся моделью восьмигранного дюрбе с гранями-сторонами, с разделкой их нишами и выделенным округлым верхом, имитирующим купол мавзолея (Башкиров, 1927, с. 141, рис. 5) (кат. № 386). Столбики небольшого диаметра имитируют форму минарета. Эти надгробия многообразны по форме и декоративному оформлению, а также размерам, в частности, по диаметру. Завершения их бывают покрыты витыми округлыми в сечении гранями, придающими сходство с закрученной чалмой, разделенными продольно, гладкими, с тонким врезным орнаментом и вовсе без него. Орнаментация – розетками, пальметным рисунком, фигурными нишками на гранях, поперечными полосками, подчеркивающими форму. Так же как и в стелах, в их формах и декоре нет строгих правил композиционного расположения орнамента и надписи: опоясывающей или на-

Рис. 436. Архитектурная деталь с пальметным и геометрическим плетеным декором из Солхата.

носящейся вдоль на поверхность в верхней части столбика.

Следует рассмотреть также т. н. двурогие надгробия, сделанные из монолита, с прямоугольным цоколем-пьедесталом, призматическим корпусом, завершенным двускатным верхом и двумя стелами на торцовых сторонах. Разнообразие придают формы головной и нижней стел с килевидным, как правило, верхом, головные стелы часто выполнены в виде четырехгранного дюрбе с куполом. Уникальный памятник был раскопан экспедицией на Зеленой площади в Солхате: двурогое надгробие с плоской плитой и двумя килевидными стелами (рис. 437). Внутренняя часть надгробия, обычно призматической формы, здесь низкая и выделяется из поверхности плиты невысоким двускатным бордюром с заглубленными краями. Надпись на стеле нанесена с внутренней стороны, внешняя сторона другой стелы орнаментирована розеткой. Погребение женское (Акчокраклы, 1929, рис. 3) (кат. № 795).

Опираясь на свой опыт исследования артефактов золотоордынского времени в Крыму, О. Акчокраклы сообщает, что такой формы

Рис. 437. Раскопки надгробия некрополя на Зеленой площади. Солхат.

надгробия устанавливались в течение всего XIV века (вероятно, начиная с конца XIII в.) на всех золотоордынских могильниках Старого Крыма (Акчокраклы, 1929, с. 152). Анализируя надписи, произведенные шрифтом «сулюс», автор отмечает их арабский и в, некоторых случаях, старотюркский язык джагатайского наречия, а также, наряду с «мусульманско-арабскими», турецкие и другие имена ряда погребенных, указывающие на малоазийские, армянские, персидские и среднеазиатские нисбы погребенных по месту их происхождения. Среди имен на надгробиях встречаются и тюркские: Кутлуг, Урус, Бейрам, Буджук. О. Акчокраклы считает раннесредневековый сулюс приближенным по характеру начертания к сельджукскому письму (Бороздін, 1927, с. 471-472). Это позволяет составить представление о многовекторности связей мусульманского Солхата с обширным миром, вклю-

Рис. 438. Деталь надгробия с пальметным узором из Солхата.

ченным в ареал средневековой торговли и переселенческого движения в XIII–XIV вв., о составе населения столицы улуса в этот период. Вероятно, богатое разнообразие форм и орнаментации надгробных памятников Солхата определялось не только мусульманским канонном, но и вкусами заказчиков, происходивших из целого ряда регионов, на почве Солхата включенных в общую систему культурного обмена. Надгробные памятники Солхата, благодаря своим композиционно-декоративным характеристикам, отражают сложность и суть этих историко-культурных процессов.

Обнаруженные в Солхате в ходе экспедиционных исследований памятники каменной резьбы были собраны в музей, организованный для этой цели в г. Старый Крым, часть находок была передана в Бахчисарайский музей.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕКОР НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ НЕКРОПОЛЯ КЫРК-АЗИЗЛЕР НА ТЕРРИТОРИИ УРОЧИЩА ЭСКИ-ЮРТ

В начале XV в. или несколько ранее в 4 км на запад от крепости Чуфут-Кале, на равнин-

ном пространстве возникает поселение, впоследствии получившее название Эски-Юрт (ныне находится в черте города Бахчисарая). Время появления здесь первых поселенцев не установлено, поскольку его территория не исследовалась (в настоящее время в основном застроена). Сформировавшееся у поселения вокруг места почитания Малик Аштера, по преданию первого распространителя ислама в Золотой Орде и Крыму, кладбище Азиз было некрополем крымских ханов и ханской родни. Об этом свидетельствуют сохранившиеся на территории Азиза дюрбе начала XV–XVII вв. (Гайворонский, 2006, с. 8-9, 47). Время постройки мавзолеев Азиза, их всего сохранилось четыре, восстанавливаются предположительно:

«дюрбе Мехмеда II Герая» (вторая половина XVI – первая треть XVII вв.), семейная усыпальница хана, в которой захоронены останки его сыновей Саадета II Герая и Шердана Герая, а также внука Мехмеда III Герая (Гайворонский, 2006, с. 8, 47);

«дюрбе Ахмед-бея» – XIV–XV вв.;

«дюрбе Мехмед-бея» – XVI в.

Кроме этих построек на Азизе сохранился малый минарет XV–XVII вв. Эти дюрбе

группируются в западной части некрополя. На некотором отдалении располагается дюрбе Бей-Юде-Султан (мавзолей Мухаммед-Шах-бея) – конца XVIII в. (Кирилко, 2009а, с. 439-466). С течением времени территория Азиза утратила свои надгробия, хотя на поверхности земли рядом с постройками мавзолеев еще просматриваются камни кладок или поврежденных, заплывших грунтом надгробий.

Первое исследование района Эски-Юрт проводилось осенью 1924 г. комиссией, возглавляемой И. Н. Бороздиным, при участии А. С. Башкирова и У. А. Боданинского, сотрудников Бахчисарайского музея. В западной части Эски-Юрта, на невысоком плато находится урочище Кырк-Азизлер – местонахождение одноименного могильника. До начала проведения археологических работ здесь, на возвышенности, были видны целые и разбитые многочисленные надгробия. Раскопанные экспедицией памятники исследователи могильника систематизировали, выявили несколько типов и разновидностей погребальных сооружений, определив их по форме, орнаментальному декору, характеру и датировке надписей (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 295-311). Всего экспедицией было обнаружено до 1000-1100 надгробий, около 30 склепов и три грунтовые могилы (Карлов, 2010, с. 37). По эпиграфическому материалу, надписям надгробий, могильник датируется второй пол. XIV – нач. XV в. (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 311). Ряд памятников, обнаруженных раскопками на кладбище Кырк-Азизлер, хранятся в Бахчисарайском музее, некоторые из них поставлены на Ханском кладбище Бахчисарайского дворца – мезарлыке (Гайворонский, 2006, с. 39, рис. AI, AII, BII, DI, DII, DIV, DVIII, DIX).

Основную массу надгробий кладбища Кырк-Азизлер составили двурогие памятники двух основных типов, каждый из которых имеет несколько вариантов. Ис-

следователи, определив хронологическую последовательность их изготовления, выявили наиболее ранние – монолитные с невысоким широким цоколем-плитой и возвышающейся в центре плиты по всей ее длине «гробовидной» вершиной с двускатным верхом, на одной из тыльных сторон которой иногда выбивалась неглубокая ниша для лампы или приношений (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 296-297) (кат. № 48; 67). На верхней части плиты сделаны два ряда круглых ямок, не совсем ясного назначения, ими, как считают, отмечали десятилетия жизни погребенного. Такого рода надгробия располагались на южной окраине могильника. Исследователи Кырк-Азизлера определяют близкие и более отдаленные аналогии по форме памятников – Персия, Средняя Азия (Бухара), Кавказ.

Следующий тип – двурогие монолитные надгробия на высоком цоколе, «гробовидные», с двускатным верхом (Башкиров, Боданинский, 1925, рис. 4-7). Они орнаментированы и снабжены надписями, часто нанесенными в нескольких местах – на вершине, на боковых стелах, причем с обеих, внутренней и внешней сторон. Стелы килевидные, некоторые утол-

Рис. 439. Детали с изображением гексаграммы, геометрическим и пальметным декором. Из раскопок Солхата.

щены, с врезной полосой по верху. Редкий вариант представляет собой такая плита со сбитыми «рогами» и сложнопрофилированным цоколем-постаментом со скоцией и трехчетвертным валиком. На нижней, прилегающей к земле, стороне высечен «ионийский» карниз, мотив, который применен в декоре портала Ненекеджан-ханым на Чуфут-Кале, дворца Мангупа (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 8, рис. 4) (кат. № 60). Орнамент представляет собой вариант сельджукской цепи, довольно часто встречающейся в архитектурной орнаментике средневековых построек и в архитектуре малых форм (Айбабина, 2001, с. 157-164, рис. 68-72). Трудно говорить о времени возникновения этого вида орнамента, но в XIV–XV вв. и последующих веках он используется в декоре самых разных строений. Благодаря своей лаконичности, крупным выразительным деталям на гладком фоне наличника, сельджукская цепь

Рис. 440. Надгробие из раскопок в Солхате.

Рис. 441. Архитектурная деталь (?) с пальметтным декором из Солхата.

как бы увеличивала проем в размерах, придавала portalу более представительный вид. В данном случае форма цоколя, архитекtonика надгробия, сочетание профильных элементов указывают на вторичное использование споллии с сельджукской цепью, происходящей из какого-то репрезентативного сооружения – дворца или, скорее, храма. Сложный в техническом исполнении орнамент, нанесенный к тому же в нижней, не основной части надгробия, вряд ли был высечен специально для погребального памятника. К тому же, мотив сельджукской цепи в таком варианте пока является единичным в декорировании золотоордынских и крымско-татарских надгробных памятников.

Орнамент плиты имеет четкую профилировку. В сельджукской резьбе во многих памятниках прослеживается стремление к выделению какого-либо одного мотива на фоне

Рис. 442. Стелы с изображением ламп и подсвечников из раскопок в Солхате.

Рис. 443. Столбовидные надгробия из некрополей Солхата у мечети хана Узбека (фото 2012 г.).

более плоского орнамента или гладкого поля. Орнаментальный мотив или эпиграфический узел, рельефно возвышаясь на фоне более низкого дробного рисунчатого поля арабески, отбрасывает глубокую тень создавая эффект сказочной роскоши (Конья, Амасья). Такой подход мы видим в декоре малоазийских сельджукских построек.

Вариантом вышеназванного типа надгробий являются более высокие и узкие, на высоком цоколе. Эти надгробия богато орнаментированы: на сторонах «рогов», даже на их вершине, на корпусе высекались розетки, гексаграмма, изображения висящей лампы; поверхности стел-«рогов», скаты вершины корпуса покрывались надписями.

Развитие формы надгробий Кырк-Азизлера можно проследить благодаря изменению формы «рога» и превращению одного из них, восточного, находящегося в головной части плиты, в мусульманский мавзолей. Один из двух «рогов», приобретает вид призмы со скошенными углами граней, 8-гранником «барабана» и куполообразным верхом. Соединение этого дюрбеобразного элемента с двускатным верхом корпуса плиты создает образ мусульманского

культового сооружения, модели мечети или медресе с примыкающей к ней постройкой-мавзолеем (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 306-307). Ряд надгробий, принимающих архитектурные формы, декорированы с особой тщательностью. Архитектонику базиличного медресе памятники приобретают благодаря передаче формы и декора (кат. № 49; 55; 70). Поверхности корпуса и вертикальных объемов обработаны в виде килевидных нишек-окон, геометрических узоров («узел счастья»), имитирующих орнаментацию порталов (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 302-303, рис. 6, 7). Отвлекаясь от строгой передачи форм мечети или базиличного медресе, но в целом сохраняя композицию этого типа надгробия, камнерез нано-

Рис. 444. Фрагмент мраморного надгробия XVII–XVIII вв. из Каффы.

сит на поверхность корпуса и вертикальных частей растительные мотивы – полосы пальметт, плетеный орнамент. Некоторые детали декора приобретают скульптурную форму: на надгробии, одна из боковых сторон которого изготовлена в форме модели дюрбе, увенчанного чалмой, на передней стенке изображена лампа с расширяющимся горлом и высоким

Рис. 445. Боковая деталь мраморного надгробия XVII–XVIII вв. из Каффы.

поддоном (Башкиров, Боданинский, 1925, рис. 7) (кат. № 76). Преобразование формы, которая прослеживается в надгробиях некрополя Кырк-Азизлер от простых монолитных подтреугольных, до сложных, имитирующих архитектуру мечетей, медресе и мавзолеев, приводит к еще одному типу – узкого длинного ящика «сандук» с двускатным стрельчатым коньком (кат. № 54; 56; 73).

Помимо двурогих надгробий (по форме и декору выделяют до 8 вариантов), на некрополе Кырк-Азизлер находились столбовидные памятники, которые имеют множество разновидностей. Форма и декоративные элементы варьируются в разных сочетаниях. Навершия приобретают формы чалмы, тюбетейки, шапки. Форма чалмообразного навершия надгробия в дальнейшем сохраняется, получает большое распространение. Столбовидные памятники могильника декорируются разнообразной резьбой с традиционными мотивами и эпиграфическими надписями (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 307–308, рис. 8).

Культовый семантический смысл архитектурной формы погребального сооружения понятен. Символика орнаментации надгробий некрополя Эски-Юрта представляет большой интерес и является предметом специально-

Рис. 446. Декоративные элементы орнаментики турецких изразцов и блюда XVI–XVII вв. (по Ю. А. Миллеру). Рис. Д. И. Неяченко.

го культурно-исторического изучения (Валева-Сулейманова, 2016, с. 18-26). Как видно, разнообразие форм надгробий, их декор, даже пределах одного могильника, может указывать на целый ряд особенностей религиозной жизни общины, отражая всю ее сложность. Особенность археологического изучения некрополя Кырк-Азизлер состоит в том, что он является своего рода «закрытым комплексом», позволяющем проводить исследование на датированных памятниках 2-й половины XIV – начала XV в. (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 311). В связи с этим, изучение резного декора надгробий могильника приобретает значение своего рода определителя для исследования

камнерезного искусства золотоордынского времени и периода Крымского ханства.

НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ НЕКРОПОЛЯ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Из многочисленных некрополей, некогда существовавших на пространстве от Чуфут-Кале до территории Эски-Юрта, своими орнаментированными надгробными памятниками выделяется некрополь Бахчисарайского дворца, здесь всего насчитывается 106 монументов (Гайворонский, 2006, с. 18). Часть из них составляют памятники, кладбища Кырк-Азизлер в окрестностях Эски-Юрта, привезенные в 1924 г. археологической экспедицией У. А. Боданинского. Считается, что некрополь Кырк-Азизлер возник в XIV–XV вв. Поэтому важно рассмотреть формы и декор этих надгробий, по времени близких к первоначальному этапу развития мусульманской орнаментики.

Надгробия в целом монолитные с призматическим верхом и двумя торцовыми стенками («рогами»), известняковые. Торцовые стенки имеют разнообразную форму – дюрбе, медресе, плоских стел со стрельчатым или килевидным завершением; в большинстве случаев они имеют широкий невысокий постамент по периметру надгробия.

Декор этих памятников состоит из мотивов, имеющих прямое отношение к сельджукской орнаментике: геометрический орнамент, мукарны, лампы, также изображение голубей, кентавров. Геометрический плетеный орнамент располагается на боковых гранях памятника, лампы украшают торцовые стрельчатой формы стороны, там же размещается вязь поминальных и коранических надписей. Эпитафии на арабском и турецком языке нанесены также на боковые грани и двускатную верхнюю грань надгробий.

Основными формами надгробных памятников, которые составляют большую часть надгробий ханского кладбища, являются следующие:

- ящики с двумя стелами, продолжающими торцовые стороны, главным образом, мраморные;

- известняковые (реже мраморные) ящики с двумя вставленными в головной и нижней части могилы стелами; такие надгробия составлялись из четырех плит, иногда были монолитными; в ряде случаев в торцовых стенках делались для стел специальные гнезда;

- цельный саркофаг, имеющий прямоугольное основание и призматическое навершие, повторяющий форму деревянного; стелы вставлены в «крышу» саркофага в специальные гнезда (памятник является единственным на некрополе).

О. Гайворонский приводит фотоснимки плит надгробных памятников из дюрбе Мехмеда II Герая и Девлета Герая-султана из ханского кладбища в Бахчисарайском дворце (Гайворонский, 2006, с. 9, рис. 5, 6). Мраморные плиты являются боковыми сторонами надгробия традиционной формы, состоящего из прямоугольного основания, открытого сверху с возвышающимися треугольными боковыми сторонами. Декор плит идентичен. На торцовых мраморных плитах прямоугольной формы с выступающими карнизами и треугольным навершием изображены вазы на тонких ножках с цветущими растениями вокруг многолепестковой розетки, наложенной на круг. Орнамент рельефный, сердцевина розетки в виде выпуклого остролистого цветка. Между лепестками внешнего ряда высечены мелкие треугольные листочки. Тонкие стебли растущих кустиков лилии извиваются и наклоняют головки цветков с двух сторон к розетке. Цветы изображены реалистично и ботанически подробно (на надгробной плите Девлет Герая-султана более стилизованы). Вазы слегка наклонены наружу, что придает декоративному рисунку некоторую объемность и живость. Рельеф изображений четкий, поверхность плиты тщательно обработана, рельеф слегка сглажен (см. также № 72; 74).

Форма надгробия, открытого сверху, предполагает заполнение его небесной очищающей влагой, а декор боковых сторон подчеркивает это предназначение. Архитектура и декор находятся в единстве. Символически это можно сравнить с устройством открытых дюрбе в виде ротонды или четырехгранной, прямоугольной «беседки» с аркадой и открытым

Рис. 447. Деталь портала Алевиза Нового в Бахчисарайском дворце.

верхом, позволяющем дождю «омывать могилу» (Гайворонский, 2006, с. 17).

Плиты аналогичной формы, с полностью повторяющимся рисунком рельефного декора находятся в коллекции Феодосийского музея древностей (рис. 444, 445) (Айбабина, 2001, с. 139-142, рис. 60-63, табл. LII, 1-3, LIV, 1). Происхождение плит не известно. По размерам и толщине плит они соответствуют надгробным памятникам, происходящим из Эски-Юрта. Мраморное надгробие Девлет Герая-султана

датировано 1632/33 гг. Плиты с идентичным декором были найдены при раскопках мечети Баезида Вели в Азове, датируют их периодом правления султана, т. е. 1481-1512 гг. (Волков, 1990, с. 141-146, рис. 5, 6).

Подобный цветочный рисунок встречается и на более поздних памятниках ханского кладбища в Бахчисарае, относящихся к первой половине XVIII в. Можно говорить о долговременной традиции украшения боковых плоскостей надгробий знатных персон рельефными розетками с кустами или букетами в вазах, существовавшей до середины XVIII в. Со временем, т. е. с начала XVIII в. натуралистичный цветочный декор, напоминающий о ренессансном реалистическом подходе к изображению природы, как более архаичный, сменяется мотивами, присущими стилистике барокко (рис. 446-448). В декоре надгробий ханского кладбища в Бахчисарайском дворце, на боковых панелях их прямоугольных оснований появляются бордюры из стилизованных листьев аканта на верхнем карнизе. С двух сторон вокруг розеток, которые, в основном, сохраняют свою форму, высекаются медальоны, заполненные акантовым рисунком, «жемчужинами». В некоторых случаях, вместо розеток на рельефном круге появляется гексаграмма – «звезда Давида», но в центре круга, внутри «звезды» также изображается распустившийся цветок с выпуклой сердцевинкой. Такую форму розетки мы видим на торце надгробия Бахадыр Герай-султана 1763/64 гг. (Гайворонский, 2006, с. 25, 26, А01). Цветочные мотивы в вазах преобразуются в пышные розовые кусты. Этой орнаментикой передается образ райского сада, «цветникарая», куда попадают души праведников.

Художественный подход и оригинальная трактовка мотивов отличает декор вышеуказанного надгробия Бахадыр Герай-султана и Селим II Герай-хана 1748 г. (Гайворонский, 2006, с. 25, 27, А05). Мраморное надгробие Бахадыр Герай-султана по классификации О. Гайворонского первого типа, имеющее форму прямоугольного ящика, составленного из четырех плит, с двумя стелами на торцовых сторонах, находится рядом с современным входом на территорию ханского кладбища, недалеко от дюрбе Девлета Герая (северное

Рис. 448. Деталь фонтана со стилизованным растительным и полосой плетеного орнамента в Посольском дворике Бахчисарайского дворца, конец XVIII в.

дюрбе). Судя по надписи, могила принадлежит ребенку, сыну хана. Стелы памятника высокие, одна, прямоугольная с надписью и навершием в виде искусно завернутой чалмы. Другая, расширяющаяся, треугольная вверху. На поверхности боковых сторон прямоугольного основания высечены медальоны с розетками между ними. Гексаграмма «звезды Давида» на торцовой розетке высечена рельефными линиями, а верхний край торца обработан выгнутыми акантовыми листьями. Поверхность стелы покрыта сплошным рельефным рисунком, основу которого составляет изображенный во всю высоту стелы пирамидальный кипарис, вырастающий из прямоугольного «ящика» с рифлеными стенками; из него же, по сторонам кипариса, произрастают две виноградные лозы с листьями и гроздьями. Лозы искусно оплетают кипарис, образуя своим плетением три круга.

Все элементы рисунка образуют полную симметрию. Этот нарочитый порядок расположения побегов смягчается тонкостью рисунка, выполненного с большим художественным мастерством. Кружевной растительный орнамент стелы находится в противоречии с геометрией розетки и сплошными плоскостями медальонов. Однако именно он выделяет памятник среди ряда подобных надгробий.

Памятник Селима II Герай-хана, принадлежащий к тому же типу мраморных надгробий в форме ящиков, имеет несколько отличную форму стел: одна – традиционно прямоугольная с чалмообразным навершием и надписью (кроме надгробной надписи на могиле высечены еще две эпитафии), другая – в виде граненого, расширяющегося кверху столбика с шишечкой. Интересен декор торцевой стороны, построенный по традиционной схеме: большая розетка с букетами по сторонам. Необычен рельефный рисунок букетов и внутренней части розетки: крупные розы в высоких колбовидных вазах и симметричный мотив из акантовых листьев с выпуклым цветком в центре. Эту композицию венчает рельефная полоса из листьев над верхним карнизом плиты. Иностранной выглядит бахрома с геометрическими элементами и плоский пальметный орнамент в верхней части стелы. Граненая стела также украшена стилизованной старинной пальметтой.

В декоре обоих надгробий, выполненных примерно в одно время, видна попытка соединить мотивы близкие стилистике барокко с традиционными, известными с золотоордынского времени сельджукскими мотивами.

Барочная стилистика с ее набором выразительных эмоциональных средств как нельзя полно выражает идею мусульманского рая, но также отражает аристократичность, избранность, высокую степень праведности членов рода Гиреев, ханских вельмож. Подобные па-

мятники принадлежали владыкам и их приближенным, они должны были отличаться красотой, также как погребенные под ними – самими высокими духовными качествами. Это подчеркивается и надгробными эпитафиями, нанесенными на головной и нижней стелах памятников (Бахчесарайские арабские и турецкие надписи, 1850, с. 429-578). Эпитафии, выполнены пластическим почерком «сулье», который находится в полной гармонии с орнаментикой надгробий, таково требование мусульманского, так называемого халифатского канона художественного ремесла, целью которого было единство норм изобразительности с нормами каллиграфии (Валеева-Сулейманова, 2016, с. 19).

Надгробия ханского кладбища отражают аристократическую традицию исламского татарского искусства Крыма. К образцу высокого художественного стиля классического мусульманского искусства относятся и мавзолеи дюрбе. Архитектура этих мемориальных сооружений, сохранившихся, в основном, в столичном центре Крымского ханства Бахчисарае и его ближайшем пункте – Салачике, разнообразна. Дюрбе выполняло функцию родового склепа или места священного погребения почитаемого религиозного деятеля, служило центром формирования некрополя и, вместе с мечетью, его архитектурной доминантой. Таковым являлся, например, несохранившийся дюрбе святого шейха Кемаль-ата на холме, находящемся на юго-восточной окраине Солхата («Книга путешествия», 1999, с. 84). Вокруг мавзолея святого появился некрополь³. Архитектуре дюрбе придавались изящные формы, они декорировались резными порталами, надписями и мозаикой. Средневековая каменная резьба мусульманских памятников Крыма, архитектурных сооружений, некрополей прошла несколько этапов своего развития, она отличается типологическим разнообразием, богатством художественных идей и совершенством форм.

Е. А. АЙБАБИНА

³ Раскопки на холме проводились Старо-Крымской экспедицией Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского в 1994-98 гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

«Книга путешествия». Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.) // Перев. и коммент. Е. В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.

Айбабина Е. А. Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии // Поливная керамика средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сб. науч. трудов. Том I / Отв. ред. Мыц В. Л. Киев: Изд. дом «Стилос», 2005. С. 229-246.

Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков. Симферополь: Сонат, 2001. 279 с.

Акчокраклы О. Старо-Крымские надписи (По раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. 1929. Том III (60). С. 152-159.

Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. 1928. Т. II (59). С. 158-172.

Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. 1850. Т. 2. С. 429-578.

Башкиров А., Боданинский У. Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8-9. С. 295-311.

Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. № 2. М., 1926. С. 108-124.

Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1(3). С. 122-144.

Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928-29 гг.) // ИТОИАЭ. 1929. Том III (60). С. 170-187.

Бороздин И. Н. Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году / Научн. Ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1926. 32 с.

Бороздин І. М. До вивчення старо-кримських надгробків // Записки Історико-археологічного відділу АН УРСР. К., 1927. С. 471-475: Ювілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія.

Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: Работы археологической экспедиции 1926 года // Научн.

ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1927. 21 с.

Бороздин И. Н. Два мусульманских памятника в Отузах // Труды секции археологии / Ин-т археологии и искусствознания. М., 1928. Т. 4. С. 90-93.

Бочаров С. Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII – II пол. XV вв.) // Труды Исторического факультета МГУ «Причерноморье в Средние века». Вып. 3 / Отв. ред. С. П. Карпов. М.-СПб.: Алетейя, 1998. С. 82-124.

Валеева-Сулейманова Г. Ф. Искусство Золотой Орды как часть исламской цивилизации // Золотоордынская цивилизация. 2016. Вып. 2. С. 18-26.

Волков И. В. Гостевая церковь – мечеть Баязида Вели в Азове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. / Азов, Ростовской обл., 1990. С. 141-146.

Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с., цв. ил.

Гаврилюк Н. А., Ибрагимова А. М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003-2008 гг.). Киев-Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.

Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале // Археологические памятники Крыма. Симферополь: «Таврия», 1993. 128 с.

Григорьев А. П. «Книга путешествий» Эвлия Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974. Вып. 3. С. 19-28.

Карлов С. В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата: матер. Междунар. научн.-практич. конф. «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: Итоги и перспективы исследования, проблемы

сохранения памятников» / Под ред. А. Г. Герцена. [Харьков]: Прага, 2010. С. 35-76.

Крамаровский М. Г. Золотоордынский город Сохат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. 1997. № 1. С. 101-106.

Крамаровский М. Г. Исследование трех архитектурных объектов на территории средневекового Солхата // Задачи советской археологии в свете решений XVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987. С. 131-132.

Крамаровский М. Г. Ибн Батута о тюркском исламе // Золотоордынское обозрение. Казань. 2014. № 1(3). С. 64-74.

Крамаровский М. Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура: каталог выставки / Под ред. М. Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2005. С. 13-172.

Крамаровский М. Г. Мангупская находка: сельджукские отражения в Крыму и на Кавказе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь, 2009. С. 457-478.

Крамаровский М. Г. Материалы Старокрымской археологической экспедиции / Гос. Эрмитаж. СПб.: Лема, 2002. Вып. 1: «Раскопки в Старом Крыму в 1998-2000». 183 с.

Крамаровский М. Г. Нейзацкий клад. Крым и Малая Азия в XIV в. // Византия и Ближний Восток / Отв. ред. В. С. Шандровская. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1994. 163 с.

Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской археологической экспедиции в 1998 году // Отчетная археологическая сессия за 1998 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 24-28.

Крамаровский М. Г. Работы Золотоордынской экспедиции в 1999 году // Отчетная археологическая сессия за 1999 год: тез. Докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 30-34.

Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа: сб. науч. трудов / Гос. Эрмитаж; под ред.

Г. И. Смирнова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 141-157.

Крамаровский М. Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции (Суздаль, 1991 г.). М., 1990. С. 124-127.

Кирилло В. П. Археологическое изучение мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum plus. Вып. 6. СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест: ВАИШ, 2009а. С. 439-466.

Кирилло В. П. Строительная история крымской мечети Узбека: По материалам реставрационных исследований // Донские древности / Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; Институт археологии РАН. Вып. 10: Матер. IV Междунар. конф., посв. памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», Азов, 28 сент. – 3 окт. 2008 г. Азов: Из-во Азовского муз.-заповед., 2009б. С. 187-200.

Кирилло В. П. Солхатское медресе // Stratum plus. 2011. № 6. С. 125-210.

Кирилло В. П. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму // Stratum plus. Спецвыпуск; «Генуэзская Газария и Золотая Орда / АН республики Татарстан; НАН Украины; Ун-т Высшая антропологическая школа; под ред. С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдикова. Казань – Симферополь – Кишинев, 2015. С. 509-558. (Серия: Археологические источники Восточной Европы»).

Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII-XV вв.: история изучения, современное состояние / Под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.

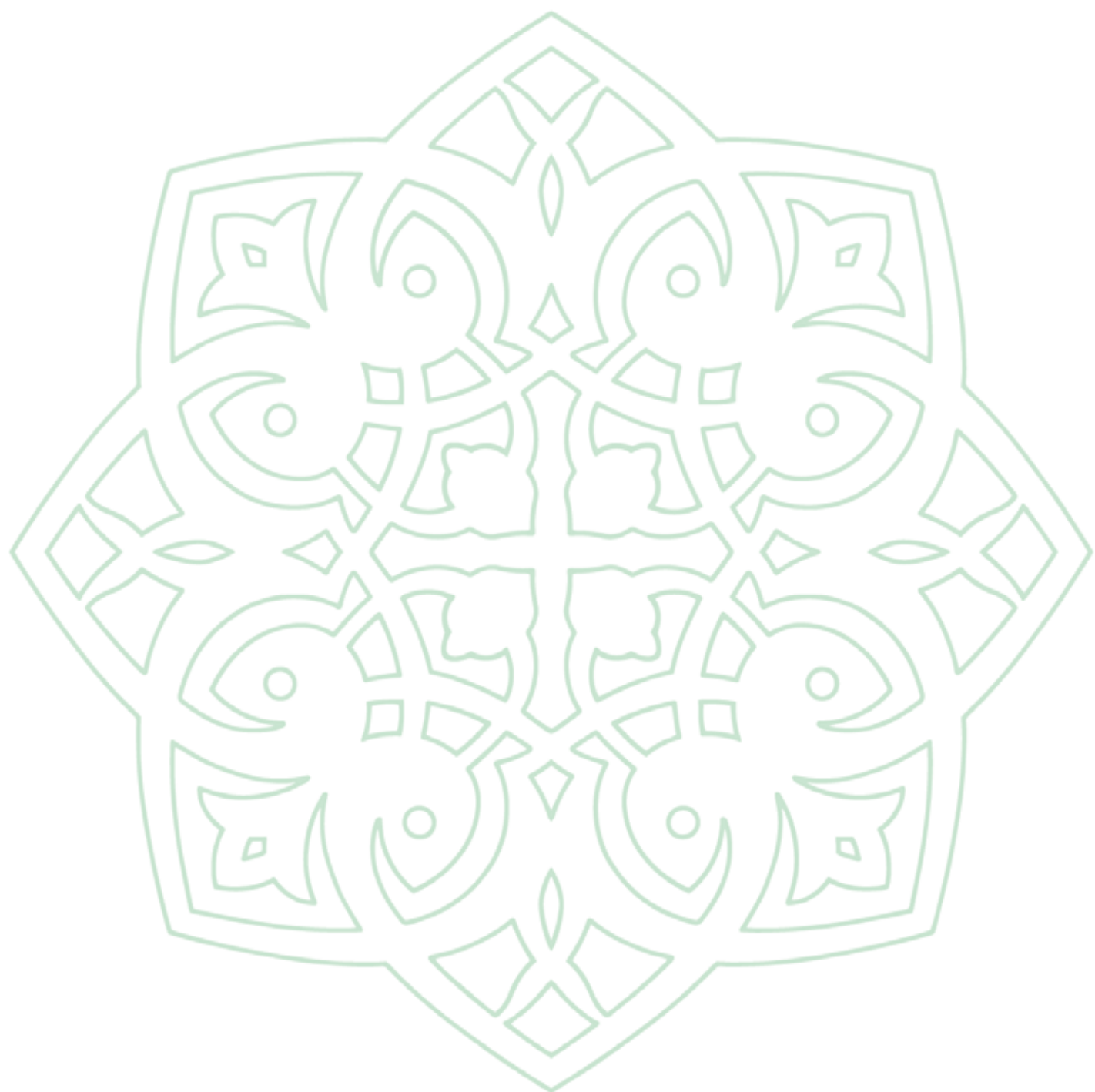
Райс Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 238 с.

Сидоренко В. А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Отв. ред. С. Н. Бибииков. Киев: «Наукова думка», 1988. С. 115-128.

Степаненко В. П. Малая Азия и Крым в XIV веке // Откровения древнего Солхата: матер. Междунар. научн.-практич. конф. «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: Итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников» / Под ред. А. Г. Герцена. [Харьков]: Прага, 2010. С. 119-124.

Тимченко В. Н. Надписи мезара и портала Тюрбе хана Хаджи Герая // Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003-2008 гг.). / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Киев-Запорожье: Дикое Поле, 2010. С. 146-152.

Глава 4

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАТАРСТАНЕ И КРЫМУ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВНЫХ СОБРАНИЯХ РОССИИ

4.1. ОБЗОР НАУЧНОГО АРХИВНОГО ФОНДА АРХЕОЛОГА А. С. БАШКИРОВА ИЗ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится научный архивный фонд одного из крупнейших отечественных археологов, антиковеда и медеевиста, доктора исторических наук, профессора А. С. Башкирова (Ф. 598), поступивший в ОПИ ГИМ в 2013 г. В нем содержатся 315 единиц хранения за 1823-1962 гг. По всей вероятности, в ОПИ ГИМ поступил не весь архив ученого, так как в нем практически отсутствуют или содержатся в небольшом количестве многие документы: личные, служебные, биографические, семейные. Частично сохранились документы научно-исследовательской и педагогической деятельности. Наибольшая часть архива – это материалы археологических и историко-этнографических экспедиций, проведенных им на протяжении 1920-60-х гг. в Крыму, на Северном Кавказе, в Закавказье, Поволжье и Средней Азии. В целом документы архива А. С. Башкирова являются важней-

шим источником, характеризующим развитие отечественной археологии в первой половине XX века (1910-1960-е гг.).

Архив А. С. Башкирова состоит из следующих разделов: 1) личные документы; 2) материалы научной деятельности; 3) документы археологических экспедиций; 4) подготовительные материалы к научным трудам; 5) материалы преподавательской деятельности; 6) переписка; 7) изобразительные материалы; 8) материалы разных лиц, отложившиеся в архиве; 8) научные работы разных авторов; 9) карты; 10) коллекция печатных изданий.

Личные материалы А. С. Башкирова фактически представлены только двумя документами. Это трудовой список (неполный) (1927 г.) и билет члена Грузинского Общества охраны памятников культуры, выданный А. С. Башкирову в 1961 г. (Ед. хр. 1).

Небольшой раздел занимают материалы творческого характера: печатные, машинописные и рукописные научные статьи А. С. Башкирова. Известно, что ученый начал научно-исследовательскую работу еще в студенческие годы, но в архиве сохранились лишь статьи, написанные им в 1920-1960-е гг. (Ед. хр. 2). В основном, это работы по отечественной археологии и проблемам музейного дела. Многие из них публиковались в журналах «Крым» и «Новый Восток» и фактически являются

отчетами о проделанной археологической работе. Например, это оттиски статей: «Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года» // Труды Этнографо-археологического музея I МГУ, № 3. М., 1927; «Тамань» // Новый Восток. 1927. № 8; «Художественные памятники Солхата» // Крым. 1927. № 1 (3); «Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 года: (Краткие отчетные сведения)» // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Ч. 3. Казань, 1929.

Рукопись неопубликованной статьи А. С. Башкирова «Что такое лабиринт: (этюд из религиозных символов)» [1930-е гг.] посвящена орнаментальному оформлению жилищ различных народностей и их искусствоведческому анализу (Ед. хр. 3). В этом же разделе хранятся машинопись статьи «Город в экспозиции исторического отдела краеведческого музея» и наброски рукописи «Город феодального общества», датированные предположительно 1930-1940 гг. (Ед. хр. 4-5).

Особенно необходимо выделить блок неопубликованных машинописных работ ученого 1950-1960-х гг., посвященных архитектурным памятникам Армении и Абхазии: «Малый храм в Артике», «Кармавор в Аштараке», «Малая крестово-купольная церковь Степаноса в Амбате около Артика», «Малая церковь Нерсеса Камсаракана в Талине», «Кафедрал Талина (ктитора Нерсеса Камсаракана)», «Кавказ и Византия в памятниках Пицунды» (Ед. хр. 6-9).

В этом же разделе хранятся рукописи докладов А. С. Башкирова. Текст самого раннего из них посвящен исследованию Кубани и Таманского полуострова (1926). Большая часть докладов была прочитана ученым на заседаниях Института археологии и искусствознания РАНИОН в начале 1930-х гг. по темам: «Феодальный город Средней Азии домонгольского времени», «Феодальный город Поволжья», «Социально-экономические факторы в технике и искусстве керамики феодальной Средней Азии», «Хозяйство и общество фатьяновской культуры». Текст доклада «Фатьяновская культура Верхнего Поволжья» был прочитан на заседании в ЯГПИ 26.01.1954 г. Сохранились также тезисы докла-

да «Византийские традиции в памятниках Северного и Западного Кавказа» (19.10.1944 г.) (Ед. хр. 11).

Основу архива составляют материалы археологических экспедиций А. С. Башкирова за более чем полвека (1910-1962 гг.). Наиболее ранние из них относятся к студенческим годам, когда Алексей Башкиров участвовал под руководством Б. В. Фармаковского и Р. Х. Лепера в раскопках античной Ольвии (1911-1912), Херсонеса, исследованиях средневекового пещерного города Мангуп-Кале (1910, 1913-1914) (Ед. хр. 12-20, 24). Это фотографии раскопок, членов экспедиции, археологических предметов, в том числе хранящихся в Херсонском и Херсонесском городских музеях.

К послереволюционному периоду относятся документы археологических исследований в Нижнем и Среднем Поволжье. Это материалы, связанные с выявлением и изучением археологических памятников в Самарской губернии летом 1921 г. (Ед. хр. 46). Среди них «План места раскопок, произведенных Самарским археологическим обществом под руководством А. С. Башкирова», археологическая карта части долины р. Самарки, зарисовки предметов, в том числе фрагментов керамики (из раскопок дюны Захар-Калма, сосуда из детского погребения близ с. Покровка и др.), приложенные к отчету В. В. Гольмстен по обследованию долины р. Самарки в 1921 г.

Первая из послереволюционных экспедиций, организованных А. С. Башкировым весной 1919 г., была связана с изучением одного из столичных городов Волжской Булгарии – Болгара (Ед. хр. 47). В архиве отложился небольшой блок документов: чертежи, планы, фотографии, зарисовки архитектурных памятников (Четырехугольника, Черной и Белой Палаты, тюрбе, Малого минарета, Большого и Малого городка, валов городских укреплений и др.), рисунки фрагментов керамики, выполненные участниками экспедиции (Г. Прокофьевым, А. Васильевой, И. Пехтеревым).

Экспедиции по изучению болгаро-татарской культуры продолжились в 1928-1929 гг. (Ед. хр. 48-62). В архиве ученого сохранились материалы исследований в Болгаре и Биляре. Это дневники и краткие отчеты, составленные

участниками экспедиции Н. Ф. Калинин, А. А. Некрасовым, А. Рахимом, А. А. Баишевой, А. Хамитом, З. Ш. Тагировым, А. К. Буlichem. В ходе работ в Казанском Кремле, Старой Казани, усадьбе ТатЦИКа делались обмеры. В частности, среди документов сохранились чертежи «Линия раскопок в усадьбе Наркомпроса (к востоку от собора)», «Линия раскопок в усадьбе ТатЦИКа (к северу от собора)» (по обмерам, составленным в 1928 г. Н. Ф. Калинин и Л. И. Вараксиной).

Так как в 1928-1929 гг. отряд под руководством А. С. Башкирова осуществлял реконсцировочные изыскания в Биляре и его окрестностях, то большая часть документов относится к исследованиям этого крупнейшего болгарского города. Среди рабочих материалов сохранились, например, рукописи «Внутренний вал Билярского городища (с планом и 4 профилями)», «План части здания, открытого в Билярске у внутреннего вала», «План части здания при "форте № 2" Билярского городища», «Список археологических находок на вале Билярского городища». Участниками экспедиции делались зарисовки находок из кости, железа, бронзы, стекла, а также фрагментов билярской керамики. Сохранилась также «Опись предметам, добытым исследовательской группой "Экспедиции по изучению татаро-болгарской культуры" при шурфовке кольца городищ у д. Никольский Баран в округе Билярска» (25.06.1928 г.), «Таблица предметов, найденных экспедицией в Биляре в 1929 г.».

Большую практическую работу вели члены экспедиции Л. И. Вараксина и Н. Ф. Калинин (глазомерная съемка, нивелировка, составление планов и чертежей и пр.). В архиве сохранились выполненные ими планы и чертежи, профили валов и рвов Джукетауского, Никольско-Баранского, Камаевского (Иски-Казанского) городищ, Русско-Урматского селища и пр.

Участниками экспедиции (в том числе А. С. Башкировым) регулярно велась фото-съемка, поэтому в архиве имеются многочисленные фотографии раскопок в Биляре, окрестностей и видов городища, различных достопримечательностей (тюрбе, медресе-мечети и др.), надгробных памятников, участни-

ков раскопок, находок (водопровода, канала центрального отопления, водосточных труб, мельничных жерновов).

Важную информацию о ходе и итогах экспедиции содержат такие документы, как «Объяснительная записка в коллегия НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР РАНИОН о выполнении Поволжской этнолого-археологической экспедиции по изучению болгаро-татарской культуры, производимой Институтом народов Востока РАНИОН совместно с Академическим центром НКП ТССР летом 1929 г.», «Акт о передаче предметов Поволжской экспедиции в Центральный музей ТССР (26 января 1929 г.)», «Отношение НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН в Президиум РАНИОНа» с ходатайством об ассигновании средств на экспедицию (13.03.1929 г.) и др.

В этом комплекте документов отложились также черновые записи А. С. Башкирова: «Памятники болгаро-татарской культуры на Волге» на французском языке и «Казанский городской музей. Археологический музей при Казанском университете» (1928 г.). Раскопкам в Болгаре посвящена заметка «Болгары до Золотой орды» З. Тагирова в газете «Красная Татария» (№ 139 от 17.06.1928 г.). Помимо этого в архиве находится большой подготовительный материал: копии иллюстраций памятников, планов и находок в Болгаре и Биляре из различных печатных изданий.

Небольшое количество документов отражает работу Гераклейской археологической экспедиции ВНАВ в 1924 г. под руководством И. Н. Бороздина при участии А. С. Башкирова и директора Херсонесского археологического музея, заведующего Севастопольским Охрисом К. Э. Гриневича (Ед. хр. 23, 63). В ходе экспедиции велись раскопки остатков укреплений близ Александриады (IV в. до н. э.) и некрополя римского времени (I в. н. э.), находившихся на Гераклейском полуострове. В архиве отложились дневники А. С. Башкирова и К. Э. Гриневича с описанием экспедиционных работ, опись найденных предметов, фотографии раскопок, их участников и др.

К этому же времени относятся материалы исследований в Крыму в Эски-Юрте около

Бахчисарая летом 1924 г. (Ед. хр. 25-26). Среди них – чертежи, планы, зарисовки памятников, в том числе чертеж «Мертвой долины», выполненный студентами В. Н. Чепелевым и Е. В. Веймарном; план дюрбе в Азизе; дневник А. С. Башкирова с описанием работ, проводившихся в Кырк-Азизлере летом 1924 г. и др. Участники экспедиции проводили фотофиксацию достопримечательностей и памятников: мечетей, башен, минаретов, дюрбе, Ханского дворца, различных жилых домов и построек, а также надгробных памятников XVI–XVII вв. в Азизе, Кырк-Азизлере и пр.

Большой блок документов содержат сведения о научной экспедиции в Солхат в 1925-1926 гг. (Ед. хр. 27-39). Среди них особый интерес представляют полевой дневник А. С. Башкирова с описанием хода раскопок и исследований, табель работ, планы и чертежи (в том числе чертеж продольного разреза главной траншеи при раскопках медресе, план развалин предполагаемого караван-сарая), многочисленные фотографии архитектурных памятников, включая мечети Куршум-Джами («Свинцовая мечеть»), Мюск-Джами («Мускусная мечеть»), Бейбарса, Колеч-мечеть, медресе-мечеть хана Узбека, караван-сарая, монастырского комплекса Сурб Хач, оборонительных городских валов и находок (древнего водопровода и других памятников и сооружений, около которых запечатлены участники экспедиции: И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, П. И. Голландский, О. Акчокраклы, Б. Джапаров и пр.). Среди фотографий выделяется снимок участников экскурсии татарской художественно-промышленной школы на раскопках в Эски-Юрте (1925 г.), фото с рисунка П. И. Голландского «Старый Крым. Руины древней мечети «Бейбарс» (1925 г.).

В ходе экспедиции ее участники регулярно составляли списки памятников Крыма, подлежащих учету и охране. Среди них «Список архитектурных памятников Крыма» (1926), «Список памятников старины Старого Крыма взятых на учет» (8.08.1926 г.), «Списки находок в Старом Крыму в 1926 г.», «Хронологическая таблица мусульманских памятников в Старом Крыму (Солхат), найденных во время экспедиции 1925-1926 гг.» (составлена О. Акчокраклы

27.08.1926), «План г. Солхата с указанием памятников древности» (составлена П. И. Голландским), перечень памятников Эски-Крыма (составлен А. С. Башкировым). Большой интерес представляет документация о ходе исследований: переписка КрымОХРИСа и Ассоциации востоковедения ВЦИК СССР, выписки из протоколов заседаний, сметы расходов на раскопки в Солхате, в том числе «Смета на отпуск средств на оборудование и подготовку работ экспедиции по научному изучению культуры крымских татар из ассигнованных СНК СССР сумм» и пр.

Особенно важно отметить материалы по исследованию надгробных памятников и архитектурных фрагментов, проведенных экспедицией в 1926 г. в Солхате, Отузах, Чуфут-Кале и др. Среди них фотографии, блокнот с фиксацией надгробий, тетради с зарисовками и расшифровкой эпитафий 146 надгробий, чертежи архитектурных фрагментов, выполненные крымско-татарскими исследователями О. Акчокраклы и Б. Джапаровым.

Во время экспедиции 1925-1926 гг. проводились раскопки, разведки, осматривались памятники и музеи различных городов Крыма (Судака, Феодосии, Коктебеля, Карасубазара, Карагоза, Ай-Тодора, Харакса, Нимфея, Алушты и др.) (Ед. хр. 40-45), что нашло отражение в многочисленных фотографиях, сделанных участниками экспедиции.

Наибольший объем занимают материалы по исследованию памятников Тамани (Фанагория, Патрей) в 1928-1962 г. (Ед. хр. 64-99). Среди них дневники, рабочие карты с обозначением объектов и маршрутов экспедиции (принадлежащие А. С. Башкирову, Е. В. Веймарну), зарисовки достопримечательностей, надгробных памятников, эпиграфические материалы, рисунки и фотографии памятников из Таманского и Темрюкского музеев, зарисовки находок на хуторах Уташ, Суворово-Черкесская, Капустин, Старая Титоровка, обмеры памятников и др.

Отдельно выделены материалы исследований в Керчи, которые велись И. Н. Бороздиным и А. С. Башкировым в 1925 г. (Ед. хр. 78), экспедиций 1930-1940-х гг., в том числе фотографии раскопок Керченской археологи-

ческой экспедиции ГАИМК в 1933 г. и участников экспедиций тех лет (А. С. Башкирова, Е. В. Веймарна, В. Н. Чепелева, В. Д. Блаватского, Л. Н. Харко и др).

Часть документов отражает исследование памятников Херсонеса в 1940-1961 гг. (Ед. хр. 100-105). Среди них фотографии, рисунки, планы, чертежи и пр.

В архиве отложились материалы по истории исследований в Абхазии в 1925-1926, 1958-1961 гг. (Ед. хр. 106-118).

В 1925-1926 гг. ученый участвовал в раскопках и разведочных работах в Абхазии по приглашению Совнаркома Абхазии и Абхазского научного общества (АБНО). Обследовались руины старой крепости в юго-западной части Сухума, сохранившие следы римской, византийской и турецкой эпох, городище «Замок Баграта», так называемый Венецианский мост (XII-XV вв.), Великая Абхазская стена, храм на Пицундском мысу, акведук, развалины дворца абхазского правителя и христианский храм в Лыхны, храм Симона Капонита, городище на Иверской горе в районе Псырцхи (Новый Афон). Эти работы отражены в различных архивных документах: протоколах заседаний, переписке с местными деятелями, заметках, зарисовках, картах, а также в дневниках А. С. Башкирова. Они дают представление об исследованиях и маршрутах поездок по различным городам и селениям. Важная информация содержится в таких документах, как научный отчет «Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.», протоколы заседаний Совета АБНО, докладные записки А. С. Башкирова в АБНО «К вопросу о положении памятников прошлого человека и природы на Пицундском мысу в связи с общим положением мыса и работами Бзыб-строга», его записке о продолжении изысканий по изучению памятников древности в Абхазии (1926 г.). Здесь же сохранились повестка заседания Кавказской секции НИИ этнических и национальных культур народов Востока (с докладом Башкирова «Рельефы Анухвы в Абхазии» (3.12.1925 г.), доклад А. С. Башкирова «Археологические исследования в Абхазии летом 1926 г.». Фотографии запечатлели многих местных исследователей –

Г. П. Барача, В. И. Стражева, М. И. Галашевского и др., группу женской абхазской школы лыхнинской общины (1926 г.). Сохранилась вырезка из газеты «Трудовая Абхазия» (№ 103-1431 за 11.05.1926 г.) с заметкой В. И. Стражева «Два дня в бронзовом веке».

Среди материалов экспедиций и командировок в Армению (1949, 1957-1960) сохранились в основном фотографии и дневники А. С. Башкирова.

В 1923-1927 гг. А. С. Башкиров совершил несколько маршрутных экспедиций на Северный Кавказ. Наибольшее количество документов связано с экспедицией в Дагестан (Ед. хр. 119-128). Отложившиеся материалы (фотографии, зарисовки, фотокопии планов памятников и пр.) отражают работу экспедиции по обследованию памятников в многочисленных дагестанских селах и аулах (Гименди, Ратлух, Тарки, Кула, Рагуч, Согратль, Чох, Хушни, Ураки, Хунзаха, Суревненд, Купи, Кубачи, Ицари, Кала-Корейши и пр.), где изучались остатки древних сооружений, надгробные памятники, резные камни, эпитафии, эпиграфические материалы и др. Фотографии зафиксировали также древние памятники Дербента (оборонительные укрепления, монастыри, кладбища, надгробные памятники). В архиве сохранился протокол заседания скульптурной подсекции Секции пространственных искусств ГАХН с докладом А. С. Башкирова «Скульптурные памятники аула Кубачи» (15.02.1925 г.). Обращает на себя внимание несколько альбомов с рисунками художника Л. Л. Квятковского, сделанными в 1927 г. во время Дагестанской экспедиции.

В архиве отложились также материалы некоторых экспедиций А. С. Башкирова в Среднюю Азию (Узбекистан, Таджикистан, Туркмению) в 1929-1931 гг. (Ед. хр. 129-146). Так, в составе Среднеазиатской экспедиции ему удалось совершить поездки во многие средневековые города: Куня-Ургенч, Хорезм, Мерв, Самарканд, Бухару, Термез, Ашхабад и др., в которых было продолжено изучение археологических и архитектурных памятников, разнообразного археологического и этнографического материала в местных музеях. В результате этих поездок в архиве был собран

обширный материал, включая ценнейшие записи участников исследований: дневник раскопок А. А. Марущенко на городище Куня-Ургенч (28.07 – 6.08.1929 г.), блокнот с записями А. С. Башкирова о ходе исследований (1931 г.). Особый интерес представляют чертежи, планы, зарисовки, выполненные членами экспедиции. Это, например акварельные рисунки и зарисовки архитектурных деталей мечетей Самарканда, Ходжента, а также фрагментов керамики из раскопок в Мерве (Е. Пятницкой); чертеж макета мавзолея Хаджа-Абди-Дарун в Самарканде (архитектор Б. Засыпкин), план мавзолея-мазара Имама Пахррази (чертеж И. Герасимова) и пр. В ходе обследований изучались коллекции различных музеев. В архиве сохранилось описание керамики из Самаркандского государственного музея (1931). Среди большого иллюстративного материала можно отметить фотографии многочисленных памятников и достопримечательностей (мавзолеев, минаретов, городищ, караван-сараяв) не только городов, но и небольших селений и кишлаков; делались снимки городских улиц, рынков, кустарных мастерских, а также членов экспедиции. Фотографии, например, запечатлели ход раскопок близ Старого Мерва, Новой Нисы (парфянский город в долине) и Старой Нисы (царской крепости) и пр.

Здесь же хранятся тезисы докладов, сделанных на основе изучения среднеазиатских памятников: А. Хакимовым «Архитектурные памятники г. Бухары», А. С. Башкировым «Из созданий Мухаммеда сына Атсыза в Мерве (Мавзолей Санджара)» и пр.

Большой интерес представляют дневники А. С. Башкирова, ведшиеся им во время командировок в Грузию (1957-1960), Абхазию (1959) (Ед. хр. 152-155), которые завершают раздел архива, связанный с археологическими раскопками ученого.

Среди материалов научной деятельности отложилось отдельные документы, отразившие участие А. С. Башкирова в различных съездах, конференциях, совещаниях археологов, музейных деятелей, краеведов 1920-х гг. Это документы (членские билеты, бюллетени) II съезда деятелей по краеведению в Батуми

в 1925 г. (Ед. хр. 106), Керченской археологической конференции в 1926 г. (Ед. хр. 156).

Отдельный раздел в архиве ученого занимают подготовительные материалы к его научным работам: архивные и библиографические выписки, заметки, вырезки из печатных изданий, фотографии, зарисовки (Ед. хр. 157-290). Они содержат сведения о многих нерезализованных проектах, сохранившихся лишь в его черновиках. Здесь, например, отложилась наиболее ранняя из его работ – черновая рукопись очерка «Материалы по истории и археологии Крыма» для путеводителя по Крыму (20.02.1914 г.). Большой подготовительный материал дает представление об интересах и занятиях ученого в разные годы. Здесь находятся выписки и библиография по истории византийского искусства и архитектуре, по истории Крымского ханства и Золотой Орды, по теме «Ирано-финские отношения на территории финского мира до Северного Кавказа» – проблематике, занимавшей ученого в 1920-1930-е гг. Записи «Культура клада Джукетау», «История и архитектура гг. Тверь-Торжок» были написаны им в 1940-х гг. К 1950-м гг. относятся выписки и черновые заметки «Пушкин и Крым», «Очередные вопросы изучения средневековых и античных культур Таманского полуострова и Нижнего Прикубанья. Перспективы изучения Тьмутаракани», «Летопись археологических изысканий на Таманском полуострове. К истории Тьмутараканского государства». К периоду исследований в Абхазии относятся сохранившиеся наброски проспектов работ «Абхазия в памятниках древней культуры» и «Абхазия в памятниках древней техники и искусства», вероятно, готовящихся к изданию.

Большую часть этого раздела занимают материалы, собранные Башкировым для своей докторской диссертации «Антисейсмизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, Юг СССР)», изданную в четырех выпусках в «Ученых записках КГПИ» в 1945-1948 гг. Это архивные и библиографические выписки, фотокопии иллюстраций, фотографии архитектурных памятников (реконструкций, планов, карт) – храмов, пирамид, крепостей, дворцов, мавзолеев, жилых построек; планов

городских кварталов; археологических раскопок, руин памятников, гробниц, надгробных памятников, крепостных стен в Египте, Месопотамии, Иране, Греции, на Крите, в Италии и др. Продолжением этой работы должна была стать монография «Антисейсмические конструкции (из истории архитектуры Средней Азии и Кавказа», над которой ученый работал в 1950-е гг., но которую ему не удалось завершить. В архиве по этой теме сохранился также большой подготовительный материал, особенно по истории и архитектуре Армении и Грузии.

Часть документов отражает многолетнюю преподавательскую деятельность А. С. Башкирова (Ед. хр. 291-296). Сохранились рукописи лекций «Византийское искусство», «Греко-римская культура на Юге России», читаемые им перед слушателями Семинария Самарского государственного университета (1920 г.). На археологическом отделении 1 МГУ он читал курсы лекций «Археологические открытия» (1922-1923 гг.) и «Археология Крыма» (1925-1926 гг.). Сохранилась также лекция «История Верхнего Поволжья и Волго-Окского края» (1954 г.). В этом же разделе имеются машинописные и рукописные работы студентов А. С. Башкирова по 1 МГУ, написанные в 1920-е гг.: Некрасова Е. «Краткое описание хранящихся в Эрмитаже античных перстней, найденных на Таманском полуострове», «Византийские мраморные рельефы, найденные в Херсонесе и хранящиеся в Эрмитаже»; Червяков Г. И. «Ткани и эмали» (по памятникам Отдела византийских памятников ГИМ); также по материалам ГИМ и Румянцевского музея написана работа Н. Розановой по этнографии.

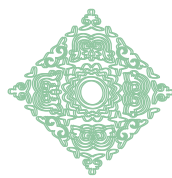
Большой интерес представляет переписка А. С. Башкирова с разными лицами и организациями (Ед. хр. 297-298). Сохранились письма к А. С. Башкирову от: К. В. Говенко (1 п. за 1956 г.), С. Ф. Войцеховского (2 п. за 1928, 1930 гг.), В. В. Егеревы (1 п. за 1928 г.), А. А. Марущенко (1 п. за 1929 г.), Д. И. Нечкина (1 п. 1929 г.), В. И. Стражева (1 п. за 1926 г.), М. М. Трапша (1 п. 1961 г.), Ю. Ульянова (1 п. за 1960 г.), В. В. Филатова (1 п. 1953 г.), Л. П. Харко (1 п. за [1920-е гг.]), Р. О. Шмерлинг (2 п. 1955, 1956 гг.).

Здесь же хранится переписка с различными издательствами по поводу публикаций А. С. Башкирова. Особый интерес представляет переписка с Государственным издательством архитектуры и строительства о публикации монографии А. С. Башкирова «История антисейсмизма архитектуры Юга России. Ч. 1. Средняя Азия» (1951). Сохранилась также докладная записка А. С. Башкирова (30.09.1953 г.) в Госстройиздат о своей книге «Тектоника и план книги “Тектоника и конструкции исторической архитектуры Юга СССР”». Т. 1. Средняя Азия. Т. 2. Кавказ» (приложены аннотация и план книги). Письмо А. С. Башкирова и В. П. Пачулии в абхазское издательство с кратким изложением содержания очерка по истории и археологии Лыхны (с рисунками, чертежами, планами, таблицами) (14.10.1961 г.) дает представление об этой планируемой публикации ученого, но изданной лишь после его смерти.

В архиве хранится блок фотографий, сделанных А. С. Башкировым в разные периоды жизни (Ед. хр. 299-303). Наиболее ранние фотографии были сделаны им в 1914-1915 гг. во время заграничной командировки и содержат снимки памятников Константинополя, различных городов Малоазийской Турции, Греции, о. Крита, Македонии (виды городов, крепостных стен, монастырей, дюрбе, мечетей и пр.). Сохранилось несколько фотографий А. С. Башкирова: среди участников Кубанской экспедиции (1926 г.), членов экзаменационной комиссии и среди преподавателей и студентов [1950-е гг.] и пр.

Раздел материалов разных лиц содержит лишь два документа, принадлежавших О. П. Башкировой (матери А. С. Башкирова) (Ед. хр. 304). Это заявление О. П. Башкировой, заведующей кухней воспитанниц Петроградского Елизаветинского института в Делегатский совет Министерства государственного призрения (1918 г.) и почтовая карточка с письмом О. П. Башкировой от семьи Башкировых (?) (23.05.1915 г.).

В одном из разделов отложилась небольшая подборка научных работ разных авторов (брошюры и оттиски) (Ед. хр. 304): В. В. Арендта, В. Д. Блаватского, И. Н. Борозди-

на, К. В. Голенко, Ю. С. Крушкола, Ю. Ю. Марти, Н. П. Розановой, М. И. Ростовцева, В. В. Шлеева, А. Л. Якобсона. В этом же разделе хранятся машинописные тексты статей, присланных Башкирову для ознакомления и, возможно, для рецензирования: П. Д. Барановского «Средневековая архитектура Северо-Западного Кавказа. Аланские памятники X–XIII вв. в Зеленчуке, Хумаре, Сентах» (1950 г.), Д. В. Шелова «Разведка на городище у хутора Ильичевка» (б. д.), А. Л. Якобсона «Монументальные памятники средневековья в Крыму» (б. д.) и рукопись Ю. Ю. Марти «К 100-летию юбилею Керченского музея» (1926 г.).

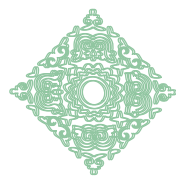
Небольшой раздел занимает картографическая коллекция (1851–1957 гг.), включающая карты районов Поволжья, Северного Кавказа, Таманского полуострова и Средней Азии (Ед. хр. 313).

В последнем разделе архива хранится небольшая коллекция печатных изданий (Ед. хр. 314–315), в том числе путеводители, рекламные проспекты и пр. Среди них про-

спект Музея восточных культур «Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии (1924–1926 г.)», рекламный проспект лекций профессора А. П. Калитинского в «Семинариуме Кондаковиум» (1929 г.), путеводитель геологических экскурсий Воронежского пленума Советской секции INQUA (22–29.05.1941 г.) и пр.

Документы архива А. С. Башкирова дают представление о вкладе ученого в исследование археологического наследия и изучение историко-архитектурных памятников Крыма, Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья и Средней Азии, о его кропотливой полевой и кабинетной работе, долгое время остававшейся практически неизвестной широкому кругу исследователей. Введение этих материалов в научный оборот даст возможность узнать подробности изучения объектов культурного наследия предшествующими поколениями российских ученых.

И. В. БЕЛОЗЕРОВА

4.2. ОБЗОР ФОНДА ГРАФИКИ МУЗЕЯ АРХИТЕКТУРЫ ИМ. А. В. ЩУСЕВА ПО АРХИТЕКТУРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР И ТАТАРСТАНА 1920-х – 1930-х гг.

Музей архитектуры, созданный в 1935 г. и входящий в систему Академии архитектуры СССР, был призван стать центром сохранения и изучения архитектуры и строительного искусства народов мира. Конечно, приоритетным был показ и изучение всеобъемлющей картины русского зодчества XI–XX вв., но значительное внимание уделялось и изучению архитектуры республик Советского Союза.

С первых же лет своего существования Музей архитектуры, помимо традиционных видов деятельности (комплектование и хранение музейных фондов, экспозиционная и выставочная работа, проведение экскурсий и лекций), стал центром по охране и реставрации памятников архитектуры Советского Союза, во многом приняв на себя функции соответствующего государственного органа – Комиссии по охране памятников искусства и старины. Это стало особенно актуально после закрытия в 1934 г. Центральных Государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), которые занимались не только реставрацией конкретных сооружений, но и вели учет и регистрацию памятников, проводили серьезную научную работу по их обследованию, выполняли охранные функции. Фонд ЦГРМ, поступивший одним из первых в 1935 г., положил начало формированию разнообразных коллекций молодого Музея архитектуры – графики, фототеки, научного архива. В составе фонда ЦГРМ были материалы по памятникам архитектуры крымских татар, выполненные в 1926 г. архитектором и реставратором Б. Н. Засыпкиным, который по заданию Главнауки руководил комиссиями по изучению древних памятников местных музеев, координировал их действия, отказывал методическую помощь. Летом 1926 г. Засыпкин – признанный знаток мусульманской архитектуры – обследовал множество древних памятников ма-

териальной культуры татарского Крыма. Его обмерные чертежи и альбомы кроков находились в собрании ЦГРМ, а после их закрытия поступили в Музей архитектуры. В основном они относятся к крупным культовым, общественным и погребальным сооружениям – мечетям, медресе, мавзолеям, а также к ансамблю Бахчисарайского дворца, материалы по жилым домам крымских татар отсутствуют. Хранящиеся в Музее архитектуры обмерные чертежи Б. Н. Засыпкина представляют собой две серии с планами (редко – с аксонометрическими разрезами) памятников. Одна серия выполнена в мелком масштабе на тушевой глянцевой кальке; вторая представляет собой большие листы карандашной матовой кальки, на которых иногда помещаются обмеры двух разных памятников. Отдельные обмеры, выполненные на бумаге, имеют пометки о формате и масштабировании изображений, что свидетельствует об их выполнении для печати. На некоторых чертежах имеются штампы ЦГРМ. Альбомы с подробными кроками позволяют по дням установить маршрут и объем работ Засыпкина, поскольку многие чертежи датированы. Кроки являются бесценным источником для реставраторов и исследователей, поскольку содержат тщательные, с множеством цифр, обмеры фрагментов и деталей, которые не были вычерчены на белых чертежах, а также заметки и комментарии автора.

Самый большой корпус материалов по памятникам архитектуры крымских татар, хранящийся в Музее архитектуры, относится к концу 1930-х гг. В это время музей выполнял многие функции закрытых в 1934 г. Центральных Государственных реставрационных мастерских: обследовал памятники, составлял на них паспорта, давал рекомендации по их ремонту и использованию, а также вел учет и регистрацию памятников архитектуры не только в России, но и в союзных республиках. В 1934–1935 гг. Музей по заданию Всесоюзной Академии архитектуры составил «Список памятников архитектуры на территории СССР, подлежащих государственной охране в законодательном порядке», который включал и подробный перечень археологических и архитектурных памятников Крымской АССР и Татарской

АССР¹. В последующие годы музей продолжил научно-методическую работу в этом направлении: в 1935 г. появился «Список памятников архитектуры высшей, 1-й и 2-й категории», в котором максимальное количество древних татарских памятников Крыма и Татарии в целях защиты от сноса и безжалостной эксплуатации были отнесены к высшей категории².

По многим памятникам мирового значения музей вел исследовательские работы, обмеры, фотофиксацию и научный надзор за реставрационным процессом. Для проведения этих работ в структуре музея был создан специальный отдел по изучению и научной фиксации памятников архитектуры – так называемая Обмерная группа Музея архитектуры, которой сначала руководил известный архитектор-реставратор и подвижник в деле сохранения памятников Д. П. Сухов, позже – архитектор-реставратор Н. Н. Соболев³. В основу работы этого отдела был положен соответствующий раздел Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1933 г. «О фиксации памятников архитектуры». Обмерная группа музея имела постоянный костяк, но часто возникала необходимость принимать специалистов по договору. Так, в 1938 г. был заключен договор с архитекторами Т. Б. Рапопорт и Л. С. Залесской на обследование и обмеры народного жилища крымских татар. Для Рапопорт это задание лежало в русле ее научной работы – в том же 1938 г. в Московском архитектурном институте она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Крымский татарский жилой дом». Рапопорт и Залесская обследовали жилище крымских татар в более чем двадцати населенных пунктах в трех районах Крыма – Степном, Южнобережном и Предгорном, они выполнили обмеры и описания жилых усадеб и отдельных строений⁴.

Помимо научной составляющей, работа Т. Б. Рапопорт и Л. С. Залесской имела для Музея архитектуры и иную ценность – их велико-

лепные чертежи должны были демонстрироваться на готовящейся выставке «Архитектура народов СССР». Все обмеры имеют экспозиционный вид, выполнены представительно, на хорошей бумаге (иногда с филигранями Гознака), отличаются высоким графическим и каллиграфическим мастерством.

В Докладе-отчете о научно-исследовательской работе Музея архитектуры за 1938 г. говорилось: «Исходя из основного задания показа материалов по темам “История архитектуры народов СССР” и “Теория и практика советской архитектуры”, Музей вел комплектование своих фондов в соответствии с этими двумя основными темами. Комплектование это шло по линии изготовления экспонатов главным образом, а не приобретения готовых»⁵. Выполненные Т. Б. Рапопорт и Л. С. Залесской обмеры домов крымских татар, названные «характерными жилыми домами колхозников», в этом отчете представлялись как «наиболее ценные материалы, которыми пополнились фонды Музея в 1938 году».

В 1939 г. готовящаяся в музее выставка получила название «Народное творчество в архитектуре СССР», и графические материалы Рапопорт и Залесской как можно больше соответствовали именно этому аспекту изучения и показа в музее самобытной архитектуры народов СССР. Конечно, подготовка такой монументальной выставки шла медленно, а пока музей решил провести серию небольших выставок по народному жилищу союзных республик. Открывала эту серию в феврале 1939 г. именно «выставка собранных материалов, характеризующих народное творчество в архитектуре Крымской АССР»⁶, доклад по этой теме прочитала автор обмерных чертежей Р. Б. Рапопорт. Вслед за этой выставкой последовали аналогичные, экспонаты к которым выполняли уже другие авторы, – по Кабардино-Балкарии, Северной и Южной Осетии, Грузии, Карелии.

¹ ГНИМА. Архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 52-59, 92-93.

² ГНИМА. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. Л. 36-40, 115-119.

³ ГНИМА. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 10-12.

⁴ Рапопорт Т. Б. Описание обмерных чертежей крымского татарского жилища. – ГНИМА. Архив. Ф. 31. Оп. 28. Д. 10.

⁵ ГНИМА. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁶ ГНИМА. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

В это же время Музей архитектуры посылал в Крым и другого специалиста, работающего по договору в Обмерной группе музея, – это был студент Московского архитектурного института Р. А. Якубов (впоследствии известный архитектор, активно работавший в области гидроэнергетики), который в 1937 г. ездил в Крым, где обмерял и зарисовывал жилые дома крымских татар.

Для будущей выставки музей получал графические материалы также из Кабинета истории и теории архитектуры Всесоюзной Академии архитектуры – научно-исследовательского подразделения, в котором наряду с изучением разных периодов архитектуры, основанной на использовании классического ордера, большое внимание уделялось изучению зодчества народов мира, лежащего вне этой архитектурной традиции. Среди них – обмерные чертежи замечательного памятника средневекового Бахчисарая – мавзолея Эски-Дюрбе, выполненные И. Г. Гайнутдиновым и Н. Г. Уманским во время учебы в Институте аспирантуры ВИА – в 1938 г. В качестве учебных пособий эти обмеры были приняты в Кабинет истории и теории архитектуры, а вскоре переданы в Музей архитектуры для выставки по архитектуре народов СССР. Возможно, эта студенческая работа повлияла на научные интересы будущего известного татарского архитектора И. Г. Гайнутдинова, который в последние годы жизни, отойдя от активной проектной деятельности, вновь вернулся к изучению памятников татарской архитектуры и написал несколько статей по жилищу казанских татар.

В конце 1930-х гг. Музей архитектуры готовил не только выставку, но и собирал материалы для учебника «История архитектуры народов СССР», издание которого приостановилось в связи с началом войны. С этой целью в 1939 г. были приобретены обмерные чертежи Р. М. Муртазина (впоследствии известного татарского архитектора и педагога)

по Черной палате городища Великие Булгары. Муртазин выполнил их в 1938 г. во время работы в экспедиции в Великие Булгары Института истории материальной культуры АН СССР, которая состоялась при участии Государственного Исторического музея и Центрального музея ТАССР. В 1951 г. эти обмеры Р. М. Муртазина были опубликованы Татарским отделением Союза архитекторов СССР в увраже «Булгары. Черная палата» с целью привлечь внимание к проблеме охранных работ на древних памятниках городища и утвердить за ним статус археологического заповедника.

Блок графических материалов по памятникам Крыма 1940-х гг. сложился без прямого участия Музея архитектуры в их создании. Они поступили в музей из собрания Главного управления охраны памятников. Это обмерные чертежи и акварельные рисунки памятников Феодосии архитектора А. П. Уткина 1945 г. (в конце 1930-х гг. Уткин постоянно работал на обследовании разных памятников в составе Обмерной группы Музея архитектуры). Большую ценность представляет комплекс обмерных чертежей Генуэзской крепости в Судак, выполненных членами экспедиции Отдела охраны и реставрации памятников Комитета по делам архитектуры при СНК СССР в 1946 г. Руководителем бригады был В. Ф. Маркузон, главным архитектором – А. И. Опочинская, под руководством которых работали студенты Московского архитектурного института Р. Я. Закарьян, М. Ф. Коробова, Л. А. Эренбург. Этот коллектив обмерил и выполнил чертежи всех сооружений крепости, а также впервые произвел теодолитную съемку генерального плана крепости с показом горизонталей. У А. И. Опочинской впоследствии было множество публикаций по памятникам архитектуры Крыма, в том числе статья о Судакской крепости, в которой частично опубликованы выполненные экспедицией обмерные чертежи⁷.

Т. А. ДУДИНА

⁷ Опочинская А. И. Судакская крепость // Архитектурное наследство. № 34. М., 1986. С. 255-265.

4.3. ФОТОМАТЕРИАЛЫ ИЗ КРЫМСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1920-х ГОДОВ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АРХИТЕКТУРЫ ИМ. А. В. ЩУСЕВА

Собрание Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева включает в себя примерно пятую часть фиксационных материалов, собранных в Крыму во время научных экспедиций 1920-х гг., в том числе большой массив фотоматериалов. Фотографический фонд Музея архитектуры состоит как из негативов, так и фотоотпечатков, не имеющих негативов в собрании музея.

Архитектурная специфика музея была определена при его создании в 1934 году как музея при Всероссийской Академии архитектуры (ВАА). Сразу после открытия музея его фонды стали пополняться материалами, имевшими отношение к архитектуре, из других музеев и институтов, а также из архитектурных фондов и архивов упраздненных организаций. Так, в Музей архитектуры было передано обширное собрание фотоматериалов из Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), закрытых в 1933 г.¹

Из инвентарных книг известно, что из ЦГРМ в Музей архитектуры поступило несколько коллекций негативов, в том числе «Крым»². Также известно, что из ЦГРМ были переданы и фотоотпечатки без негативов – в Музее архитектуры подобные фотографии называются уникальными. Практически все эти фотоматериалы содержат фиксационную съемку, производившуюся во время археологических, этнографических и реставрационных экспедиций 1920-х гг. В основном они представляют собой однотипные серебряные отпечатки небольшого размера (17 x 12 см и 11 x 8 см) с хорошо выстроенной композицией и затемненными краями. Такое техническое исполнение отпечатков – печать не очень высокого уровня, с сильным серебрением по краям – в целом ха-

рактерно для 1920-х гг. Вероятно, это связано с общим экономическим состоянием страны в то время и дефицитом качественных материалов. Тем более, не надо забывать, что эти фотографии создавались не ради фотоискусства – они нужны были прежде всего как рабочий материал для историков архитектуры, археологов и реставраторов. Подтверждением этому служат некоторые уникальные отпечатки с изображением стен, башен и церкви Двенадцати апостолов Генуэзской крепости в Судак, на которых чернилами от руки дорисованы недостающие завершения, утраченные фрагменты, подрисованы обмеры. По всей видимости, эта визуальная реконструкция принадлежит сотрудникам ЦГРМ, так как на данных фотографиях стоят штампы и отметки именно этой организации.

Также в собрании фотофонда Музея архитектуры находятся снимки, сделанные в тех же экспедициях, но поступившие в музей из библиотеки Бахчисарайского музея. Вероятно, это произошло из-за принципиального перераспределения художественного наследия и фондов провинциальных музейных собраний в 1930-е гг. В число этих снимков (речь идет об уникальных фотографиях, на оборотах которых сохранились соответствующие штампы) входят материалы раскопок мечети в Чуфут-Кале в 1928 году. На них зафиксированы каменные блоки, вынутые из кладки или обнаруженные возле стен.

Стоит отметить, что не на всех снимках присутствует маркировка прежних собраний, в которые они входили до передачи в Музей архитектуры. Но, исходя из тематики, художественно-композиционных качеств фотографий и, наконец, формата и оформления (с полями или без, качество бумаги и т. п.) выделяются отдельные серии, которые даже при частичной маркировке можно отнести к одному источнику поступления.

Наиболее ценными экспонатами в любой коллекции являются снимки с атрибутированным авторством. Таких снимков среди данных материалов 1920-х гг. немного, но два имени

¹ Акт передачи фотоматериалов из ЦГРМ в Музей при ВАА No 19 от 14.04.1934 года.

² Все поступившие из ЦГРМ негативы были записаны в Музее архитектуры в одну коллекцию – Первую.

все-таки известны. Первое имя – Б. Н. Засыпкина, архитектора, члена ЦГРМ и председателя РОПИК.

Предположительно, его авторству принадлежит несколько снимков из Чуфут-Кале: мавзолеей Джанике-Ханым и фонтан Газы-Мансур. Объединяет эти фотоотпечатки их чуть увеличенный (на 1 см) по сравнению с остальными фотографиями формат: примерно 17х12 см. Также все они имеют штамп библиотеки Бахчисарайского музея. Второе имя – А. Н. Баданинской. В отличие от Б. Н. Засыпкина, она маркировала свои отпечатки (небольшие серии снимков пещерного монастыря Качи-Кален и дома Мурадасыл-Муслюм в с. Коккозы) авторским штампом: «Фото А. Н. Баданинской, Дворец-Музей». Дополнительно эти снимки помечены штампом библиотеки самого Бахчисарайского Дворца-музея.

Упомянутый выше и запечатленный Б. Н. Засыпкиным мавзолеей Джанике-Ханым еще до исследований 1920-х гг. привлекал к себе внимание реставраторов и фотографов. Так, в собрании Музея архитектуры хранится уникальный альбуминовый отпечаток фотографа И. И. Семенова. Снимок датируется 1880-ми

годами, но не позднее 1888 г., так как в этот год во время реставрационно-реконструкционных работ была восстановлена арка над порталом мавзолея, которая на снимке И. И. Семенова отсутствует. Судя по штампу на паспарту, фотография поступила в Музей архитектуры из Литературного музея в Москве.

Таким образом, фотографическое собрание Музея архитектуры содержит уникальный материал по средневековой архитектуре Крыма, собранный сотрудниками разных музеев и научных организаций и позднее переданный в музей при Академии архитектуры. На сегодняшний день коллекция безнегативных отпечатков по дореволюционной архитектуре Крыма включает примерно 600 единиц хранения, из которых большую часть составляют именно снимки из крымских экспедиций 1920-х гг. Упомянутая выше коллекция негативов, поступившая в Музей архитектуры из ЦГРМ, включает в себя 352 единицы хранения и практически целиком состоит из фотографий, сделанных в 1920-е гг. сотрудниками реставрационных мастерских во время их крымских экспедиций.

Н. В. ПИМЕНОВА-РОМАШОВА

4.4. ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА И. Н. БОРОЗДИНА В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В фонде 2181 содержатся 1343 единицы хранения за 1858-2014 гг. Среди материалов фонда представлены научные труды, биографические документы, документы о деятельности И. Н. Бороздина, фотографии, переписка, документы его супруги П. А. Бороздиной, семьи сестры Ильи Николаевича – Т. Н. Козьминой-Бороздиной, документы других лиц.

Первый раздел «Научные труды и другие творческие материалы» состоит из шести подразделов: «Научные и общественно-политические работы, доклады», «Лекции», «Рецензии и отзывы на труды других лиц», «Предисловия и послесловия к трудам других лиц», «Воспоминания» и «Рабочие материалы к научным трудам». В течение всей жизни Ильи Николаевича активно участвовал в различных конференциях, съездах, научных сессиях; сохранилось большое количество черновиков его докладов, выступлений. Тематика этих материалов разнообразна и позволяет проследить широту его научных интересов и эрудиции.

Среди документов присутствуют статьи, доклады и брошюры: «А. Н. Шварц как член Археологического общества» (1915), «Русская археология в 1918-1920 гг.» (1921), «Прошлое Афганистана в свете новейших научных открытий» (1923) «Из Кавказских впечатлений» (1927), «Из Отузской старины» (1927), «Конференция археологов СССР в Херсонесе» (1927), «Памяти профессора Б. В. Фармаковского» (1928), «Страница из истории Московского археологического общества» (1929), «Культурно-социальное строительство национальных республик и областей РСФСР» (1929), «В Татарстане» (1930), «К изучению человека на Востоке» (1930), «Художественная литература Советской Туркмении», «Геркуланум» (1935), «Академик Б. А. Тураев и русская наука» (1947); лекции, читанные в Военно-Педагогическом институте, Военно-Хозяйственной Академии, Академии Генштаба, Институте журналистики, Институте восто-

коведения, Государственном Педагогическом институте им. Бубнова, АГПИ, ВГУ; рецензии и отзывы на труды Н. П. Павлова-Сильванского, Л. Фарба, Н. А. Морозова, Т. Лоуренса, П. Скосырева, С. А. Вязигина, А. М. Чачикова, В. Д. Блаватского, на учебные пособия и журналы.

Второй раздел «Биографические документы» имеет 9 подразделов: «Личные документы», «Записные книжки, блокноты», «Документы об учебе», «Юбилейно-поздравительные документы», «Имущественно-бытовые документы», «Статьи о Бороздине И. Н.», «Документы о Бороздине И. Н.», «Фотографии», «Фотографии других лиц».

Среди биографических документов имеются свидетельство об окончании Московского университета, членские билеты и удостоверения члена различных научных обществ, визитные карточки, справки с различных мест работы, делегатские билеты и мандаты, аттестат профессора, трудовая и пенсионные книжки, пропуска, профсоюзный билет, удостоверения к медалям; документы об аресте и реабилитации; записные книжки и блокноты, которые Бороздин вел практически на протяжении всей жизни; юбилейно-поздравительная корреспонденция; документы о библиотеке и архиве И. Н. Бороздина; статьи о И. Н. Бороздине; характеристики на И. Н. Бороздина В. П. Волгина, Ю. В. Готье, В. И. Пичеты и др.; библиография печатных трудов И. Н. Бороздина; статьи и заметки о роде и усадьбе Бороздиных, изображение герба; некрологи, письма с соболезнованиями; приглашения на научные чтения памяти И. Н. Бороздина, материалы об увековечении памяти И. Н. Бороздина и др.

Безусловно, фонд интересен представленными в нем фотографическими материалами; это отдельные фотопортреты И. Н. Бороздина и групповые снимки: с членами семьи, с участниками I египтологического съезда, с членами ВНАВ, с участниками раскопок на Гераклеяском полуострове, Отузах, Старом Крыму, Казани и Костенках, с преподавателями и студентами АГПИ, ВГУ; фотографии, связанные с археологической, этнографической, редакторской деятельностью И. Н. Бороздина в ВОКС, ВНАВ, в журнале «Новый

Восток» и пр., а также присланные его знакомыми историками для иллюстрации своей деятельности.

Среди фотографий других лиц интересны изображения Андрея Белого, У. А. Боданинского, П. И. Голландского, Н. К. Гудзия, М. М. Ковалевского, М. К. Любавского, Л. М. Савелова, А. С. и П. С. Уваровых, Ф. И. Успенского, Б. В. Фармаковского, А. С. Шофмана и др. Многие фотографии любопытны тем, что содержат дарственные надписи.

Третий раздел «Документы о деятельности И. Н. Бороздина» содержит документы, сформировавшиеся в результате преподавательской, археологической, редакторской, археографической, публикаторской, музейной, научно-общественной деятельности. В разделе содержатся: протоколы и стенограммы заседаний, справки, удостоверения, отчеты о командировках, пригласительные билеты и программы, документы, касающиеся раскопок на Гераклейском полуострове, в Старом Крыму, Казани, Русском Урмате, тексты и тезисы организационных докладов и выступлений, научно-организационная переписка с издательствами и редакциями и др. Безусловно, весьма ценны документы археологических экспедиций. Это, например, фрагменты дневника археологических разведок возле села Русский (Старый) Урмат и план расположения шурфов, составленные Л. Вараксиной, и отчет о работе А. К. [Тулича?], списки найденных при раскопках в Солхате монет с расшифровками надписей, список и хронологическая таблица найденных мусульманских эпиграфических памятников, блокноты с подробными дневниковыми записями И. Н. Бороздина о ходе раскопок, чертежи с раскопок в казанском кремле, подписанные Н. Ф. Калинин.

Четвертый раздел «Переписка Бороздина И. Н.» весьма информативен с точки зрения коммуникативных связей фондообразователя. Он состоит из двух подразделов и сформирован по корреспондентскому признаку. Первый подраздел – это письма (копии и черновики) И. Н. Бороздина Арсеньеву К. К., Витязеву Ф. И., Дружинину В. Г., Калинин Н. Ф., Карееву Н. И., Павлову-Сильванскому Н. П., Пичете В. И., Розанову В. В. и др.

Второй – это письма Бороздину И. Н. от 359 корреспондентов, среди которых Арне Т., Бартольд В. В. (Зайцев И. В., 2013, т. 2, с. 58-63; Селиванова О. В., 2014, т. 2, с. 66-69), Бенешевич В. Н., Богаевский Б. Л., Бузескул В. П., Вавилов Н. И., Вейцковский И. И., Воробьев Н. И., Гарданов В. К., Герасимов М. М., Гудзий Н. К., Державин Н. С., Дунаевский В. А., Ибрагимов Г. Г., Крачковский И. Ю., Лунин Б. В., Маркевич А. И., Марр Н. Я., Миллер П. Н., Оттокар Н. П., Пальмов Н. Н., Рогачев А. Н., Ростовцев М. И., Сидоров А. А., Смолин В. Ф., Стороженко Н. И., Тарле Е. В., Тураев Б. А., (Сафонов И. Е., Федосова Н. М., 2014, т. 4, с. 131-171), Чуковский К. И., Шмидт А. В. и др. Наиболее полно сохранились письма от П. И. Борисковского (61 п. за 1946-1959 гг.), К. Э. Гриневича (37 п., 1 т. за 1927-1959 гг.), П. С. Уваровой (23 п. за 1913-1917 гг.) (Сафонов И. Е., Федосова Н. М., 2006, с. 50-68) и Б. В. Фармаковского (39 п. за 1911-1927 гг.). Переписка характеризует обстановку исторического периода, а также позволяет более подробно восстановить биографии фондообразователя и его корреспондентов.

Так, например, В. Ф. Смолин в письмах делился тяжелым положением, отсутствием хлеба и проблемами со здоровьем в марте 1922 г., а в [1926] г. уже с воодушевлением писал о подготовке «Спутника экскурсанта по развалинам г. Булгара», описании находок в Чистопольском кургане, о планах на будущее: «Организую Археологический Кабинет. Веду агитацию (читаю лекции и веду беседы со студентами, учащимися и др[угими] культурн[ыми] работниками: землемеры, лесники, геодезисты, статистики и т. д.) за проведение нынешним летом по учету археологически[их] памятников и по охране их. Для реализации этого предприятия составил целый ряд инструкций. Некоторые инструкции Акад[емический] Центр (теперь т. Ибрагимов) желает размножить типографским способом Собираюсь приступить к составлению карточного каталога древностей ТССР, Чувобласти, Мариобласти, Вотобласти, а также составить археол[огическую] карту этого района. Обещают отпустить средства» (АРАН. Д. 1089. Л. 2-2 об.).

Н. Ф. Калинин писал, что приятно вспоминать совместные раскопки 1928 г., ставшие для него «исходным пунктом дальнейших многолетних работ по изучению истории Кремля», а также о том, что все материалы этих раскопок хранятся в коллекциях Государственного музея Татарской АССР, и хранятся «не мертвым грузом» (АРАН. Д. 948. Л. 4), а использованы им в диссертации по истории Казани (Калинин Н. Ф.). В письме от 26 октября 1958 г. он писал о том, что монография по истории Казани в 1957 г. закончена и готовится к публикации, и «имя Ильи Николаевича занимает в ней подобающее место» (АРАН. Д. 948. Л. 4 об.).

Письма от Е. А. Пахомова содержат интересные факты об археологических раскопках в Азербайджане: «по-прежнему идут большие раскопки в Мингечауре, дающие все новые и новые материалы. В настоящее время раскапывается главным образом городище на излучине р. Куры. Культурный слой на нем достигает 5-6 и более метров, но работа сосредоточена пока на верхних слоях и общая стратиграфия еще не выяснена. Попутно вскрыто вне этого городища много катакомбных погребений, несколько напоминающих салтовские, относящихся к III-V и более поздним векам». Также он рассказывает о работе Г. И. Ионе, И. Джафар-заде, Н. В. Минкович, о подготовке публикации мингечаурских материалов, сборе наскальных изображений, о планируемых экспедициях (АРАН. Д. 1036).

Пятый раздел «Материалы родственников Бороздина И. Н.» включает два подраздела: документы супруги И. Н. Бороздина – Полины Андреевны Бороздиной и документы Юлии Владимировны Бороздиной – матери И. Н. Бороздина, египтолога Тамары Николаевны Козьминой-Бороздиной – сестры, историка Козьмина Бориса Павловича – свояка.

В шестой раздел включены документы других лиц: труды (как опубликованные, так и не опубликованные) Баллода Ф. В., Бартольда В. В., Виноградова П. Г., Городцова В. А., Денике Б. П., Егеревы В. В., Некрасова А. И., Плетнера О. В., Стржиговского Й., Успенского Ф. И., Франк-Каменецкого И. Г., Штерна Э. Р. и др.

ПУБЛИКАЦИИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ АВТОРОМ ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА 2181

Селиванова О. В. Из переписки академика В. П. Бузескула с профессором И. Н. Бороздиным // Материалы международной конференции «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия» (Москва, 4-7 июня 2013 г.). С. 450-455.

Селиванова О. В. Илья Николаевич Бороздин // Московская энциклопедия. М., 2013. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 6. «А-Я». С. 137.

Селиванова О. В. Личный фонд профессора И. Н. Бороздина в Архиве РАН // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива РАН. Материалы научной конференции с международным участием (С.-Петербург, 23-25 апреля 2013 г.), 2013. С. 363-36.

Селиванова О. В. Источники по истории отечественной археологии из личного фонда профессора И. Н. Бороздина: материалы к реконструкции биографии // Сборник материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов «Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени Кlio-2014». М., 2014. С. 362-365.

Селиванова О. В. Переписка академика В. В. Бартольда и профессора И. Н. Бороздина // Восточный архив. 2014 г. № 2 (30). С. 66-69.

Селиванова О. В. Личный архив профессора И. Н. Бороздина: реконструкция биографии // Материалы международной научно-практической конференции «Документ. Архив. Информационное общество» (Москва. РГГУ, 26 сентября 2013 г.). М., 2014 г. С. 484-491.

Мастера российской историографии: И. Н. Бороздин (1883-1959) // Исторический архив. 2014 г. № 6. С. 56-72.

Селиванова О. В. Эпистолярное наследие русских ученых как источник для исторической биографии: поисковые возможности личного архива И. Н. Бороздина // Сборник материалов V международной конференции молодых ученых и специалистов «Исторические доку-

менты и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени Клио-2015». М., 2015. С. 315-318.

Селиванова О. В. «Горячо поздравляю тебя с долгожданным великим днем – днем нашей победы!» Письма с Карельского фронта М. Б. Козьмина. 1943-1945 гг. // Исторический архив. 2015 г. № 3. С. 40-61.

Цыпкина А. Г., Селиванова О. В. «Трапезундский фронт 1916 г. глазами ученого-византиниста Ф. И. Успенского» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2 (20). С. 113-128.

Селиванова О. В., Косырева Е. В. «А правда, что вы нашли много золота в Старом Крыму?». Воспоминания И. Н. Бороздина. 1926 г. // Исторический архив. 2015 г. № 1. С. 54-65.

Некрасов А. И. Татарская культура в древнерусском быту. XV–XVI вв. (Публикацию подготовили Е. В. Косырева, О. В. Селиванова, И. В. Зайцев) // Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа. Составитель И. В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 274-291.

В печати: *Селиванова О. В.* И. Н. Бороздин – историограф (по документам личного фонда) // Материалы конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А. А. Зимина.

Публикаторская работа профессора И. Н. Бороздина (по материалам личного фонда) // Материалы Научной конференции с международным участием «Археография в XXI веке: люди, идеи, публикации». (Москва. РГГУ. РГАСПИ. АРАН. Археографическая комиссия РАН. ВГБИЛ им. М. И. Рудомино. 21, 24 октября 2014 г.).

О. В. СЕЛИВАНОВА

4.5. МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАТАРСТАНЕ И КРЫМУ, ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

К деятельности экспедиции по изучению татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1924-1929 гг. в Архиве Института истории материальной культуры относятся тринадцать дел.

Фонд 2. Опись 1, 1924. Дело 107. 17 л. Отчеты и переписка об археологических работах Н. Л. Эрнста, Ю. Ю. Марти и А. И. Маркевича в Керчи и Симферопольском округе. В деле содержится протокол заседания Ученого совещания при Заведующем КрымОХРИСом о планах археологических работ в республике, которое состоялось 28 марта 1924 года.

Фонд 2. Опись 1, 1924. Дело 111. 24 л. Краткий предварительный отчет профессора 1-го МГУ Башкирова А. И. по научно-исследовательской командировке на Северный Кавказ и в Крым предоставленной Главнаука Наркомпроса (командировочный лист за № 7285) по запросу НИИ Археологии и Искусствознания и Факультета ОН МГУ через Правление Московского Государственного университета, Москва, 1924 год, 8 декабря. Помимо самого отчета в материалах дела содержится переписка с различными государственными учреждениями, касающаяся проведения археологических работ 1924 г. в Крыму.

Фонд 2. Опись 1, 1925. Дело 178. 40 л. Раскопки А. С. Башкирова на Гераклеяском полуострове и в Абхазии. Дело содержит заявки в Главнауку на открытые листы от 9 июня 1925 г. для разных ученых, в том числе и для А. С. Башкирова, а также рукописное письмо А. С. Башкирова Б. В. Фармаковскому от 12 июня 1925 года.

Фонд 2. Опись 1, 1925. Дело 181. 13 л. О раскопках в Старом Крыму. Переписка с учреждениями, касающаяся различных организационных моментов, связанных с работой экспедиции в 1925 г.

Фонд 2. Опись 1, 1926. Дело 179. 97 л. Об археологических исследованиях Башкирова на Таманском полуострове. В папке подшиты Открытый лист А. С. Башкирова за 1926 г. и брошюра «Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925-1926 гг.» (Издание музея восточных культур. Б. Д. Главлит 80531. Тираж 1000).

Фонд 2. Опись 1, 1927. Дело 131. 11 л. Работы А. С. Башкирова в Абхазии. В деле собраны: выписка из протокола заседания коллегии института археологии и искусствоведения Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук от 14 июня 1927 года, на котором был заслушан отчет А. С. Башкирова об археологических изысканиях произведенных по Открытому листу Главнауки за № 70 летом 1926 г. в Крыму, на Таманском полуострове и в Абхазии, а также рукописная рецензия на отчет 1926 г. А. С. Башкирова членов ГАИМКА А. А. Миллера и В. В. Бартольда.

Фонд 2. Опись 1, 1928. Дело 150. 72 л. Отчет Н. Л. Эрнста об археологических раскопках в Старом Крыму в 1928 г. Содержит археологический отчет Н. Л. Эрнста о раскопках в Крыму в 1928 году с фотографиями и карандашными чертежами на бумаге исследований медресе в Старом Крыму.

Фонд I. Дело 1347. 10 л. Чертежи археологических раскопок в Старом Крыму в 1928 г. Содержит стратиграфии и планы раскопок выполненные на кальке тушью.

Фонд 2. Опись 1, 1929. Дело 164. 85 л. Отчет о деятельности государственного дворца и музея татарской культуры в г. Бахчисарае с 1-го октября 1927 года по 1 октября 1928 г. В отчете содержится информация об археологических работах музея в 1928 году в Старом Крыму и Чуфут-Кале. В качестве отчетных материалов по раскопкам на Чуфут-Кале приведены: печатный оттиск статьи О. Н.-А. Акчокраклы «Эпиграфические находки из Чуфут-Кале»

(ИТОИАЭ, 1929 г. Т. 3), рукописный дневник экспедиции О. Н.-А. Акчокраклы, который начат 12 июня 1928 г., закончен 1 июля 1928 г., а также рецензия А. Ю. Якубовского на археологические работы отчетного года.

Фонд 2. Опись 1, 1929. Дело 191. 20 л. Раскопки А. С. Башкирова в Татарской Республике 1929 г. В этом деле помимо переписки Башкирова 1928 года по поводу раскопок в Билярске и выдачи ему Открытого листа в 1929 году, содержится план работ в Татарстане и оттиск статьи А. С. Башкирова «Экспедиция по изучению Болгарско-татарской культуры летом 1928 г.».

Фонд 2. Опись 1, 1929. Дело 216. 4 л. Переписка по поводу получения И. Н. Бороздиным Открытого листа на археологические разведки на территории Казанского кремля. В папке находится ходатайство И. Н. Бо-

роздина о получения Открытого листа на археологические разведки на территории Казанского кремля в 1929 г., а также переписка между Главнаукой и ГАИМК о возможности выдачи этого листа.

Фонд 2. Опись 1, 1929. Дело 276. 4 л. А. С. Башкиров. Краткие отчетные сведения о работе в Татарской Республике летом 1929 года. В документе перечислены места и время проведения работ экспедиции под руководством А. С. Башкирова.

Фонд 2. Опись 1, 1937. Дело 392. 51 л. Сведения запрошенные ИИМК об археологических исследованиях проведенных музеями за 1917-1937 гг. В составе документов есть краткий отчет Бахчисарайского дворца музея о археологических экспедициях 1924-1929 гг.

С. Г. БОЧАРОВ

4.6. МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АРХИВАХ ТАТАРСТАНА

Экспедиции по изучению татарской культуры в 1920-1930-х гг. нашли отражение в многочисленных документах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), в частности, в фондах Наркомпроса ТАССР (Ф. Р-3682) и Общества изучения Татарстана (Ф. Р-447).

Фонд Министерства народного образования Республики Татарстан (Ф. Р-3682) сосредоточил в себе более 14000 единиц хранения за период с 1920-1994 гг. В период 1920-1930-х гг. ведомство именовалось как Народный комиссариат просвещения ТАССР. Из всего огромного объема различной документации здесь в первую очередь важны материалы по деятельности Академцентра при Татнаркомпросе ТАССР. Нами были использованы документы музейной комиссии и материалы по учету и охране памятников искусства, старины, быта и природы по ТАССР.

Фонд Общества изучения Татарстана (Ф. Р-447) вобрал в себя документы и материалы за 1925-1930-е гг. Всего в фонде сосредоточено 50 единиц хранения, это преимущественно протоколы заседаний организационного комитета, совета, краеведческих кружков, общих собраний членов общества и его секций; планы и отчеты о работе секций общества, геологопочвенных, биологических, сельскохозяйственных и др. экспедиций. В данном исследовании пристальное внимание было уделено документам по экспедиционной деятельности, материалам пленума центрального совета, карточки по учету исследований, протоколы секций, переписка с различными учреждениями, документы по личному составу.

В архиве Института истории материальной культуры РАН (ИИМК) города Санкт-Петербурга были изучены материалы, относящиеся к периоду деятельности Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (1919-1937). Здесь пристальное внимание было уделено документам по вопросам

планирования археологических экспедиций, выдачи Открытых листов и представления отчетных документов.

Кроме того были использованы архивные материалы личного фонда Николая Филипповича Калинина из Архива Института языка литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан и Музея археологии РТ Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

Калинин Николай Филиппович – историк, археолог. Основатель казанской школы археологов. Кандидат исторических наук (1946), Заслуженный деятель науки ТАССР (1944). Родился 24 мая 1888 г. в г. Саратов. Окончил Казанский университет (1910). Работал преподавателем истории в учебных заведениях городов Царевококшайск, Симбирск, Тетюши, Казань. В 1923-1937 гг. проводил археологическое исследование в Казани. В 1924-1942 гг. заведующий историческим отделом Центрального музея ТАССР. С 1942 г. в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР. Активно участвовал в работе Общества изучения Татарстана, краеведческих обществ городов Тетюши, Мамадыш и др. С 1945 г. развернул работу по составлению археологической карты Татарстана путем сплошного обследования его территории. В начале 1950-х гг. занимался изучением памятников первобытности в зоне строящейся Куйбышевской ГЭС. Ему принадлежит значительная заслуга в исследовании памятников середины I тысячелетия н. э., а также Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Руководил археологическими раскопками на территории Болгарского (с 1938), Иски-Казанского (в 1945, 1956) городищ и Русско-Урматского селища (1956-1957). Им открыты памятники каменного, бронзового и железных веков. Выделил приказанскую культуру (совм. с А. Х. Халиковым). Действительный член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (с 1923). Скончался 16 июня 1959 г. в Казани. Автор около 100 научных и научно-популярных публикаций, в том числе нескольких книг. Фундаментальная работа Н. Ф. Калинина «История Казани с древнейших времен

до XVI в.», написанная в качестве докторской диссертации, в силу ряда не зависящих от него обстоятельств осталась не защищенной.

В 1959 г. архивные материалы Н. Ф. Калинина были приняты на хранение научной библиотекой КФАН СССР. Описание фонда Н. Ф. Калинина было осуществлено Х. Г. Саймановой и было завершено в 1964 г. В 1972 г. фонд Н. Ф. Калинина был переведен в новообразованный научный архив Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР.

Материалы, относящиеся к Н. Ф. Калинин, откладывались и в документах отдела археологии ИЯЛИ, позже в Национальном центре археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. По мере накопления материала назрела необходимость в выделении части документов в отдельную опись. Из них в 2011 г. была составлена отдель-

ная опись в качестве дополнительной. Она построена по хронологическому принципу, за исключением последней единицы хранения, куда вошли документы разных лет, без возможности их датировки, а также книги из библиотеки Н. Ф. Калинина (не вошедшие в опись №6, но имеющие личную подпись ученого), статьи и некрологи, воспоминания о Н. Ф. Калинин.

В фондах Н. Ф. Калинина особый интерес представляют фотографии, чертежи, археологические отчеты и материалы к ним, личные документы археолога.

Из иллюстративных материалов также необходимо отметить фотографии Болгарского городища и отдельных его памятников из фондов Государственного музея архитектуры имени А. В. Щусева (Москва) и Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ).

Х. М. АБДУЛЛИН, А. Г. СИТДИКОВ

4.7. АРХИВНЫЕ СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ, В КОТОРЫХ ХРАНЯТСЯ МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ

АРХИВ П. И. ГОЛЛАНДСКОГО В НАУЧНОМ АРХИВЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РАН

Отдельные материалы, связанные с научной и реставрационной деятельностью архитектора П. И. Голландского, хранятся в Научном архиве Института археологии Крыма РАН (раньше Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Отдел античной и средневековой археологии Крыма АН УССР). Они находятся в тонкой картонной папке с надписью «Архив П. Голландского. 22 документа по архитектуре, истории, топонимике с рисунками и фотографиями», без инвентарного номера и каких-либо иных служебных пометок. Не разобраны. Их происхождение и время поступления в научный архив неизвестны.

Наиболее объемным документом фонда является рукопись неопубликованной статьи «Медресе и мечеть Абду-ль-Азиза в Солхате», в основу которой положен доклад П. И. Голландского на Керченской археологической конференции 1926 года. Она представляет собой третью или четвертую машинописную копию, выполненную под черную копирку на 26 одинаковых листах плотной сильно пожелтевшей от времени бумаге размером 34,5 x 17,0 см. Ширина полей: левого – 0,7-2,8 см, правого – отсутствует, верхнего – 2,0-2,5 см, нижнего – 2,0-3,0 см. Некоторые буквы и слова пропечатались слабо, вызывая затруднение при их чтении, отдельные – утрачены на краях. Несколько нечетких мест в нижней части листа продублированы поверху на пишущей машинке через ленту, имеются рукописные вставки. Дата нигде не указана. Возможно, в качестве иллюстраций к данной статье предполагалось использовать три графических изо-

бражения на плотной бумаге в туши с подписью П. И. Голландского, которые также находятся в папке и уже введены в научный оборот современными исследователями: «План медресе и мечети в Солхате» (Кирилко, 2011, рис. 8), «Старый-Крым. Мечеть Абду-ль-Азиза. Капитель и вертикальное обрамление портала мечети. Сталактиты портала и надпись. 12–VIII–1925» (Кирилко, 2015, рис. 11) и «Надгробие» (Домбровский, Сидоренко, 1978).

В папке содержится также комплект обмерных кроки под названием «4 дюрбе в селении «Азис» близ Бахчисарая и мечеть «Ешиль-Джами» в Бахчисарае». Они выполнены в карандаше и тушью на отдельных тетрадных листах в крупную клетку, посредством склейки собраны в альбом. Наряду с детальной графической и метрической информацией о постройках, П. И. Голландский сопровождал чертежи своими предложениями по их консервации и сохранению. Материалы частично опубликованы (Кирилко, 2009, рис. 3-11). К числу реставрационных документов принадлежит также несколько фотографий с видами ворот Бахчисарайского ханского дворца, использовавшиеся архитектором в качестве кроки, и снимки деревянных конструкций крыши Соколиной башни, запечатлевшие ее состояние во время ремонта.

Остальные архивные материалы в папке представлены письменными источниками на крымско-татарском языке с арабской графикой. Их содержание неизвестно.

ФОНДЫ БАХЧИСАРАЙСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника хранится часть материалов полученных в ходе работы экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму в 1924-1929 гг.

Наиболее представительная часть этих материалов – это стеклянные пластинки-негативы. В основном, данные фото сделаны директором дворца-музея У. А. Боданинским и сотрудником экспедиции, эпиграфистом О. Н.-А. Ак-

чокраклы. Часть пластинок была передана в фонды музея А. С. Башкировым в 1926 г. Из общего числа хранящихся в фондах заповедника снимков 67 негативов иллюстрируют работы в Азизе, Эски-Юрте и Бахчисарае в 1924 г., 144 негатива выполнены во время проведения археологических исследований в Старом Крыму в 1925, 1926 и 1928 гг., 70 негативов были сняты во время этнографической экспедиции летом 1925 г. На 316 негативах (1925-1928 гг.) были сняты древности города Бахчисарая. 1926 годом датированы 9 негативов с видами памятников архитектуры Карасубазара; 1 – с замком Чабан-Куле; 1 – с закладными плитами с надписями мечети в селении Шейх-Кой; 8 видов мечети в деревне Карагез; 12 видов мечети Ко-

лечь; 1 снимок мечети в Арабатской крепости и 5 негативов с памятниками архитектуры города Евпатории (Гезлева).

Ход работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму освещен в записях дневников, который вел директор Бахчисарайского дворца-музея У. А. Боданинский. Дневник с 24 октября 1924 г. по 9 апреля 1925 г. (Фонды БИКАМЗ. Дело 381. КП. 9522. 125 л.), дневник с 27 апреля 1925 по 30 января 1926 г. (Фонды БИКАМЗ. Дело 380. КП. 9521. 99 л.), а также две тетради дневников с рисунками этнографической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925 г. (Фонды БИКАМЗ. Дело 404. КП. 10739. 26 л. и дело 405. КП. 10740. 59 л.).

С. Г. БОЧАРОВ, В. П. КИРИЛКО

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории науки позволяет нам лучше понимать день сегодняшний. Научные работы экспедиции по изучению истории и культуры татарского народа, начавшиеся успешными историко-археологическими и этнографическими исследованиями на многочисленных объектах культурного наследия Крыма и Татарстана, были, к сожалению, прерваны в момент максимального ее развертывания. Судьба не была благосклонна и к самим участникам исследований, дальнейшая жизнь которых сложилась трагически.

Исследования этого уникального научного явления демонстрирует огромный потенциал в изучении истории и культуры народов Крыма и Татарстана. Актуальность данной темы сохраняется и сегодня, свидетельством тому является неугасающий исследовательский интерес современных специалистов к памятникам этих регионов.

Публикация и введение в научный оборот материалов деятельности экспедиции по изучению татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923-1929 годах дает представление об основных направлениях их работы, о вкладе ее участников в решении поставленных пе-

ред ними научных задач. Роль исследователей в работах в Крыму и Татарстане была огромна. Сформулированные ими приоритеты не утратили своей важности и сегодня. Обозначенные ими проблемы стали объектом целенаправленных исследований в 1950-1990-е годы, к ним возвращаются и сейчас.

Материалы представленные в биографиях исследователей показывают конкретный вклад каждого из них в работу экспедиции. Небольшая группа высоко профессиональных ученых в то время смогла заложить фундамент важного научного направления ориентированного на изучение культурного наследия Крыма и Татарстана. Их судьба была тесно связана с историей нашей страны. Они прошли сложный, тернистый и несправедливо жесткий по отношению к ним жизненный путь, но им удалось сохранить результаты своего самоотверженного труда, которые чудом сохранились в архивных и музейных фондах. Надеемся, что полная публикация материалов экспедиции по изучению татарской культуры в Татарстане и Крыму будет востребована нашими современниками, равно как не оставит равнодушными и ученых следующих за нами поколений.

С. Г. БОЧАРОВ, А. Г. СИДИКОВ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

АБДУЛЛИН ХАЛИМ МИННУЛЛОВИЧ

Кандидат исторических наук (2007), старший научный сотрудник Музея археологии РТ Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Область научных интересов: военная история Российской империи и история археологической науки Республики Татарстан. Член творческого коллектива по созданию Музея Болгарской цивилизации (2013 г., г. Болгар, Татарстан). Секретарь Оргкомитета по проведению IV (XX) Всероссийского археологического съезда в г. Казани (20-25 октября 2014 г.). Автор 7 монографий, в том числе коллективных, и 58 научных статей.

АЙБАБИНА ЕЛЕНА АКИМОВНА

Родилась в г. Феодосии Крымской области. В 1971 г. окончила Кубанский государственный университет. В 2000 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Декоративная резьба и пластика Каффы XIV–XVIII вв.». По теме диссертации в 2001 г. издала монографию. Является специалистом в области средневековой археологии и искусства Крыма. В 70-х – начале 2000-х гг. проводила археологические исследования геноузской Каффы (Феодосии), Судака, памятников округи Каффы. Итоги исследований отражены в около 50 статей и публикаций, которые посвящены керамике, декоративной каменной резьбе и крымским архитектурным памятникам средневекового периода. В области исследования каменной резьбы Крыма в своих работах обращается к проблемам происхождения и распространения декоративного камнерезного ремесла в золотоордынский период, развитию пластических искусств армянского населения полуострова.

В настоящее время является доцентом кафедры основ архитектуры и изобразительного искусства Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь.

АЙДАРОВ САЙЯР СИТДИКОВИЧ

Архитектор-реставратор, доктор архитектуры (1990), профессор (1992), член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, действительный член Российской академии архитектурного наследия, заслуженный архитектор РСФСР (1980), заслуженный деятель науки Республики Татарстан, основатель Казанской научной школы реставрации руинированных памятников средневековой архитектуры Татарстана. Автор известных исследований по архитектуре Волжской Булгарии и ханской Казани, а также проектов реставрации и реконструкции памятников архитектуры Билярского и Болгарского городищ, Казанского кремля, Свияжска.

БЕЛОЗЕРОВА ИРИНА ВАЛЕНТИНОВНА

Историк, архивист, старший научный сотрудник Отдела письменных источников Государственного исторического музея. В 1980 г. окончила исторический факультет МГПИ им. Ленина. Круг научных интересов – история музейного дела. Сначала 1980-х гг. занимается проблемами, связанными с историей отечественной археологии XX века (деятельность В. А. Городцова, А. С. Башкирова, А. Я. Брюсова, М. В. Воеводского, А. Е. Алиховой, П. П. Ефименко). Автор более 30 публикаций.

БОЧАРОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДИЕВИЧ

Российский археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН. В 1995 г. окончил Симферопольский государственный университет. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию «Историческая топография Каффы (конец XIII – 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения» в Московском Государственном университете им. М. В. Ломоносова. Начальник археологической экспедиции «Каффа». Круг научных интересов – история и археология Генуэзского и Венецианского присутствия в Северном Причерноморье, Византийской Таврики и Золотой Орды в XIII–XV вв.; изучение средневековой поливной керамики; историческая топография Крымских городов позднего средневековья. Главный редактор сборников научных статей «Генуэзская Газария и Золотая Орда» и «Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв.». Автор более 130 публикаций.

ВОЛОШИНОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

В 1996–2001 гг. обучался на факультете «История и народоведение» Кировоградского государственного педагогического университета им. В. К. Винниченко (Украина), где получил диплом о высшем образовании. С 1988 г. – постоянный участник археологических экспедиций в Юго-Западном и Восточном Крыму на памятниках эпохи бронзы-позднего средневековья. С 1994 г. и до 2016 г. работал в отделе охраны памятников Бахчисарайского историко-культурного заповедника (ныне ГБУ РК Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник). В 2006 г. награжден почетной грамотой Министерства культуры и искусств Республики Крым «За значительный вклад в развитие музейного дела, высокий профессионализм и пропаганду исторического наследия».

С 2016 г. – младший научный сотрудник отдела раннего железного века Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь). Автор и соавтор более 50-ти научных и научно-популярных работ, посвященных позднескифской скульптуре первых веков н.э., охранам археологическим исследованиям античных и средневековых памятников Юго-Западного Крыма.

ДОБРОНОВСКАЯ МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Доктор философии (PhD). Закончила Московский государственный историко-архивный институт. В 1990-е гг. работала старшим научным сотрудником в НИПРМ (Научно-исследовательские и производственные мастерские Министерства культуры СССР). В 2000-е гг. продолжила образование в США, защитила диссертацию в университете Дэлавер, США, по специальности Охрана культурного наследия. Соавтор книги «Объект охраны: Москва. К 95-летию образования системы органов охраны памятников. Документы и свидетельства» (совместно с Л.Р. Вайнтраубом) (2012), получившей Первую премию Мэра Москвы за лучшую книгу о реставрации и Премию Серебряный знак XXI Международного фестиваля «Зодчество-2013» в смотре-конкурсе «Лучшее печатное издание об архитектуре и архитекторах».

ДУДИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

Специальность – искусствовед, окончила Московский Государственный университет, кафедру истории искусства исторического факультета. С 1982 г. работает в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры имени А. В. Щусева, является хранителем фонда обмерных чертежей; с 2007 г. – заведующая Научным отделом хранения архитектурно-графических фондов XVIII–XIX вв. Награждена Благодарностями Министра культуры Российской Федерации (2010 г., 2012 г.). За время работы в музее Т. А. Дудина принимала активное участие во многих выставочных проектах музея, связанных с историей русской архитектуры X–XIX вв., курировала от Музея архитектуры им. А. В. Щусева крупные межмузейные выставки как внутри страны, так и за рубежом, в частности, двусторонние выставки в рамках государственных проектов перекрестных годов Россия – Италия (2005), Россия – Германия (2012), Россия – Швейцария (2012).

Т. А. Дудина – автор книг по истории памятников архитектуры Москвы (в том числе двух книг в серии «Биография московского дома» – Мясницкая улица, 43. М., 1994; Покровка, 22 / У Покровских ворот. М., 1997; а также: Спасо-хаус. Краткая история. Особняк «московского Моргана». Вена, 2003; Дом на Козицком и его обитатели. М., 2004; Мясницкая, 44. 20 новелл из истории дома. М., 2005; Каменное узорочье Москвы. Московские храмы и монастыри в рисунках художника Н. Я. Тамонькина (совместно с Никитиной Т.Н.). М., 2006; Москва как место проживания. Дмитрий Петрович Сухов. Архитектор. Реставратор. Художник (совместно с Вульффиной Л.Б.). М., 2014; и др.). Т. А. Дудина является также автором статей по памятникам русской архитектуры.

КИРИЛКО ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

Профессиональный архитектор-реставратор, кандидат исторических наук. Специалист в области средневековой архитектуры и археологии. В 1980 г. окончил Высший институт архитектуры и строительства (София, Болгария). Работал в Крымской архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация» (1980–1990), Крымском филиале Института археологии Национальной Академии наук Украины (1991–2014), Национальной Академии природоохранного и курортного строительства (2004–2014). Сейчас старший научный сотрудник Отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», по совместительству старший преподаватель Кафедры основ архитектуры и изобразительного искусства в Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (структурное подразделение). По результатам многолетних исследований опубликовано более 75 научных работ, включая несколько авторских и коллективных монографий.

КУЗЬМИНЫХ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Российский археолог, историк науки, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института. В 1973 г. окончил Казанский государственный университет, в 1976 г. – аспирантуру Института археологии АН СССР. В 1976–1984 гг. работал в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР; с 1984 г. по настоящее время – в ИА РАН. Круг научных интересов – древнейшая металлургия Северной Евразии; археология бронзового и раннего железного веков; предыстория уральских народов; история отечественной археологии. С начала 1990-х гг. активно включился в разработку проблем, связанных с историей отечественной археологии в XX веке (деятельность В. А. Городцова, А. А. Спицына, А. М. Тальгрена, В. Ф. Смолина, М. Г. Худякова, В. И. Заусайлова, Б. С. Жукова, Н. Е. Макаренко, В. В. Гольмстен, С. А. Теплоухова, М. П. Грязнова, А.С. Башкирова, С. Н. Замятина, О. Н. Бадера, А. П. Смирнова, А. Х. Халикова, В. Ф. Генинга, И. Б. Васильева, Е. Н. Черных и др.). Автор более 530 публикаций.

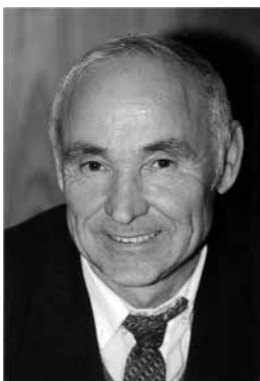

МУСТАКИМОВ ИЛЬЯС АЛЬФРЕДОВИЧ

Заведующий сектором Сектором научного использования архивных документов и международных связей Государственного комитета Республики Татарстан по архивному делу при Кабинете Министров Республики Татарстан.

Окончил Казанский государственный университет, Факультет татарской филологии, истории и восточных языков. Кандидат исторических наук (2.03.2012) по специальности 07.00.02 – Отечественная история, название диссертации «Государственное устройство, территориальный состав и этносоциальная структура Джучиева Улуса XIII–XVI вв.».

МУХАМЕТШИН ДЖАМИЛЬ ГАБДРАХИМОВИЧ

Историк, нумизмат, специалист в области охраны культурного наследия, заслуженный работник культуры ТАССР (1990), кандидат исторических наук (2004). Учился в Нуркеевской средней школе, окончил Тлянче-Тамакскую ср. школу Сармановского р-на, историко-филологический факультет Казанского государственного педагогического института (1969). В 1969-2000 гг. первый директор Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАМЗ), в 2000-2006 гг. начальник Болгарской археологической экспедиции, с 2006 научный сотрудник, зав. отделом краеведения БГИАМЗ. С 2013 главный научный сотрудник Центра по изучению болгарской цивилизации Болгарского музея-заповедника. Внес большой вклад в охрану и реставрацию памятников Болгарского городища, организацию туристического показа болгарских памятников. Исследовал археологические и эпиграфические памятники РТ, республик и областей Среднего Поволжья. Активный общественник, руководитель Спасского районного отделения Всемирного конгресса татар. Автор 4 монографий, более 300 научных и научно-популярных статей. Награжден медалями «В память 1000-летия Казани» (2005), «За вклад в наследие народов России» Российского Союза исторических городов и регионов (2002), Почетными грамотами. Редактор и один из авторов Энциклопедии г. Болгар и Спасского района (2013).

НЕПОМНЯЩИЙ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Заслуженный деятель науки и техники Республики Крым (2007 г.). Заслуженный работник образования Украины (2013 г.).

Область научных интересов – историография истории Крыма, биобиблиография историков-крымоведов, просопография крымоведческого социума. Специалист по проблемам истории науки, исторической библиографии Крыма, биобиблиографии крымоведения, крымскому книговедению. Создал научную школу по истории крымоведения и изучению Северного Причерноморья. В 2004 году основал и с этого времени редактирует научно-справочную книжную серию «Биобиблиография крымоведения», которая к середине 2016 года имеет 25 выпусков.

С 2007 года – председатель Союза краеведов Крыма. Руководитель Крымского отделения Центра памятниковедения НАН Украины (2006-2014 гг.). Член Межведомственного координационного совета по вопросам краеведения при Президиуме Национальной академии наук Украины (2013-2014 гг.).

ПЕТРОВА ЭЛЕОНОРА БОРИСОВНА

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). Выпускница исторического факультета Казанского государственного университета. В 1975 г. в Казанском университете защитила кандидатскую диссертацию «Античный Кипр: основные черты социально-экономического и политического развития доримского времени». В Крыму живет и работает с 1975 г. В 2001 г. Э. Б. Петрова защитила в Харьковском национальном университете им. В. Н. Каразина докторскую диссертацию

«Феодосия и Юго-Восточный Крым в античную эпоху (середина VI в. до н. э. – IV в. н. э.)». Ее научные интересы возвращаются вокруг тем, связанных с историей и культурой Северного Причерноморья в античную эпоху и культурной жизнью Крыма в конце XVIII – первой половине XX в. Ею опубликовано более двухсот научных, научно-популярных и учебно-методических работ. Среди них книги: «Озябшие в Тавриде боги: Северное Причерноморье в античных мифах и легендах» (1994), «Античная Феодосия: история и культура» (2000), «Феодосия: очерк-путеводитель» (2006; в соавт. с Е. А. Катюшиным и А. А. Евсеевым), «В стране героев и богов: античные крылатые слова и выражения от альфы до омеги» (2008; в соавт. с В. Н. Даниленко), «Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея» (2013), «"Исторический и художественный альбом Тавриды" Евгения де Вильнева и Викентия Руссена» (2015); в соавторстве с Т. А. Прохоровой – «Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов» (2011), «Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году» (2011). Под ее редакцией и при ее авторском участии вышли в свет коллективные труды: «Крым сквозь тысячелетия» (2004), «Феодосия» (2008; 2010), «Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В. Н. Даниленко» (2008); «Крым от древности до наших дней» (2010; 2012). Лауреат Премии Автономной Республики Крым (2011). Лауреат Премии им. В. И. Вернадского (2011).

ПИМЕНОВА-РОМАШОВА НИНА ВИТАЛЬЕВНА

Окончила школу с художественно-графическим уклоном. В 2013 году закончила отделение искусствоведения исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по кафедре истории отечественного искусства. Тема диплома – «Образ сада в советской живописи 1920-х-1930-х годов». С 2013 года – научный сотрудник отдела хранения уникальных фотографий, ответственный хранитель фотографий по дореволюционной архитектуре Москвы и бывших народных республик СССР Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева.

Научные интересы: дореволюционная архитектура Кавказа, Крыма, Татарстана и связанная с этим работа по аннотации фотоматериалов; фотографии, чьи снимки дореволюционной архитектуры Кавказа, Крыма, Татарстана хранятся в Музее архитектуры (в частности, Д. В. Ермаков); садово-парковое искусство в культурном контексте советского времени.

СЕЛИВАНОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

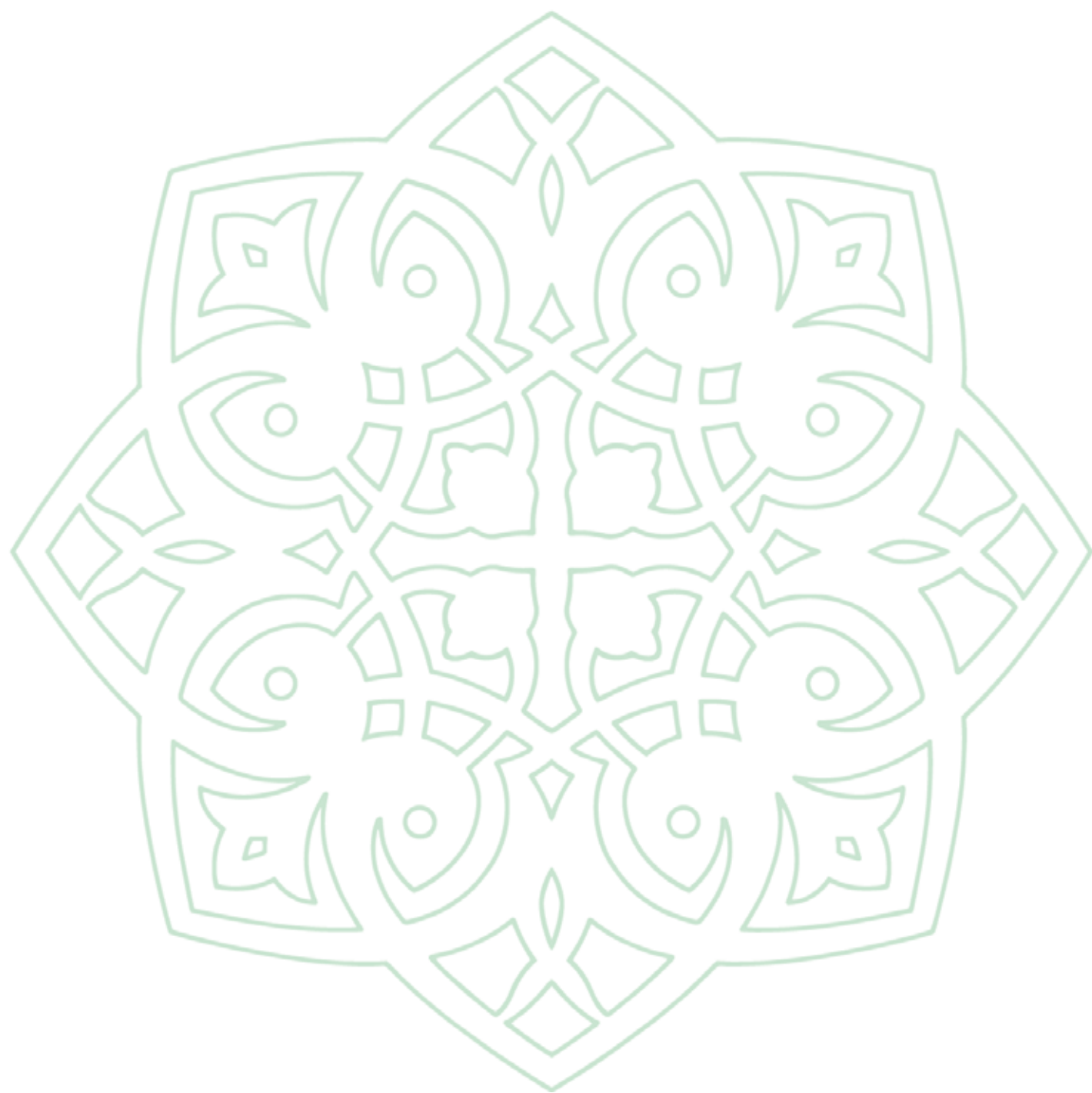
В 2006 г. окончила исторический факультет Воронежского государственного университета, в 2012 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С 2007 по 2009 гг. работала преподавателем истории на кафедре истории нового и новейшего времени исторического факультета Воронежского государственного университета. С 2013 г. работает в Архиве РАН, с 2014 г. – и.о. с.н.с.-руководителя Группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания.

СИТДИКОВ АЙРАТ ГАБИТОВИЧ

Доктор исторических наук, заслуженный работник культуры РТ, член Экспертного совета по охране культурного наследия, директор Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук РТ. Археологические исследования и экспертизы под его руководством позволили обосновать 1000-летний возраст г. Казани и стали основой для включения «Болгарского историко-археологического комплекса» в Список Всемирного Наследия ЮНЕСКО.

Автор более 100 публикаций по вопросам истории РТ.

ЙОМГАК

SUMMARY

«Мәдәни мирас – Зөя утрау-шәһәрчеге һәм борынгы Болгар» проекты кысаларында М. Ш. Шәймиев башлангычында үткәрелгән чаралар барышында Россия Федерациясенең төрле архивларыннан Болгарның булган XIX гасыр – XX гасыр башындагы фоторәсемнәре һәм сурәтләрен эзләү буенча бик зур эш башкарылды. Бу Болгар шәһәре археологиясе һәм тарихына караган материалларны комплекслы өйрәнү буенча алып барылган фәнни эшчәнлекнең бер өлеше генә тәшкил итте. Архивларда табылган документлар, Болгар тарих-археология комплексын ЮНЕСКО Дөньякүләм мәдәни мирас объекты исемлегенә кертү өчен өстәмә материаллар эзерләгәндә зур әһәмияткә ия булды.

1917 ел вакыйгаларыннан соң илебезнең ижтимагый торышында күтәрелеш хөкем сөрә: яшь совет дәүләте элекке Россия империясе халыкларының мәдәниәтен өйрәнүгә багышланган тикшеренүләргә юл ача. 1920 елларда махсус фәнни экспедицияләр Мәскәү һәм Петроградның үзәк учреждениеләре тарафыннан гына түгел, жирле һәм муниципаль оешмалар тарафыннан да юллана тора. Ф. В. Баллодның Алтын Урда шәһәрләрен өйрәнү өчен оештырылган экспедициясе, В. В. Бартольдның Урта Азиядәге фәнни эзләнүләре һ. б. шуңа мисал. И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров һәм У. А. Боданинский житәкчелегәндә татар мәдәниәтен өйрәнү максатыннан Кырымда һәм Татарстанда уздырылган экспедициянең фәнни хезмәтләре аерым әһәмияткә ия.

Тикшеренүләрнең шул замандашлар һәм әлеге хезмәтләрнең кайбер материалларын үз язмаларында файдаланган галимнәр тарафыннан югары бәяләнүе экспедиция нәтижәләренең әле дә актуаль булуын дәлил. Фәнни тикшеренүләр үсешенә хәзерге этабында бу хезмәтләрнең бүген дә кирәк булуы, фәнни кулланышка кертү өчен аларны кабат бастырып чыгару зарурлыгы асызыклана. Әлеге уникаль чыганаclarның коллектив монография рәвешендә дөнья күрүе жыелган материалларның татар халкы тарихы өчен чиксез әһәмиятен таныган Татарстан Республикасы Президенты Рөстәм Нургали улы Миңнехановның ярдәме белән мөмкин булды.

Архивлардагы эзләнүләр барышында Болгар археологиясенә һәм Татарстан Республикасы мәдәни мирасының башка истәлекләренә кагылышлы материалларның күп өлеше 1920 елларда уздырылган «Татар мәдәниәтен Татарстанда һәм Кырымда өйрәнү экспедициясе» вакытында жыйналуы ачылды. Күп төрле объектив сәбәпләр аркасында экспедиция материалларының Россиядәге төрле архив тупланмаларында — РФАнең Матди мәдәниәт тарихи институты архивы (Санкт-Петербург), Россия Федерациясе архивы (Мәскәү), А. В. Шүсөв исемендәге Дәүләт мигма-рият музееың Архив тупланмасы (Мәскәү), Дәүләт Тарих музееың Язма чыганаclar бүлгеге (Мәскәү), Россия Фәннәр академиясе архи-

Researchers have performed a significant amount of work in search of the ancient photographs and images of the 19th – early 20th century Bolgar in various archives of the Russian Federation within the scope of implementation of the complex project “Cultural Heritage – Island Town of Sviyazhsk and Ancient Bolgar” initiated by Mintimer Sharipovich Shaimiev. The work constituted a part of research activities on complex research of the archaeological and historical materials of Bolgar settlement. Documents discovered in archives played a significant role in the compilation of supplementary materials for the inclusion of Bolgar Historical and Architectural Complex in the list of UNESCO World Heritage Sites.

After the events of 1917 our country’s social life experienced a period of significant uplift: the young Soviet state encouraged the performance of research works aimed at the investigation of the cultures of peoples populating the former Russian Empire. In the 1920s special scientific expeditions were organized not only by central organizations in Moscow and Petrograd, but also initiated by local and municipal authorities. These included expeditions by F. V. Ballod aimed at the research of Golden Horde towns, scientific works performed in Central Asia by V. V. Bartold, and many others. Of special significance are the scientific works of an expedition aimed at the research of Tatar culture in Crimea and Tatarstan conducted under the supervision of I. N. Borozdin, A. S. Bashkirov and U. A. Bodaninsky.

A high estimation of research results by the contemporaries and scientists who used individual materials of the performed works in their publications emphasized the ongoing relevancy of the obtained results. Their academic relevance and the necessity of publication are repeatedly emphasized at the present development stage of scientific research. The publication of these unique sources in the form of a collective monograph has only become possible because of the support granted by the President of the Tatarstan Republic Rustam Nurgaliyevich Minnikhanov who highly appreciates the significance of the collected materials for the history of the Tatar people.

Archival research has demonstrated that the scientific “Expedition aimed at the research of Tatar culture in the Tatar Republic and Crimea” conducted in the 1920s revealed a significant amount of materials on the archaeology of Bolgar and other cultural heritage sites of the Tatarstan Republic. Due to a series of objective reasons, the materials of this expedition were deposited in several Russian archival collections – Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg), State Archive of the Russian Federation (Moscow), Archival Collection of the Shusev State Museum of Architecture (Moscow), Written Sources Department of the State Historical Museum (Moscow), Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow), State Archive of Moscow, Manuscript

вы (Мәскәү), Мәскәү шәһәре Дәүләт архивы (Мәскәү), Дәүләт Третьяков галереясының Кульязмалар бүлегә (Мәскәү), Татарстан Республикасы Милли архивы (Казан), ТР ФАнең Тел, әдәбият һәм сәнгать институты архивы (Казан), Бакчасарай тарихи-мәдәни һәм археология музей-тыюлыгы архивы (Бакчасарай), РФАнең Кырым археология институты архивы (Симферополь) — таралып урнашуы билгеле булуы.

1920 елларда Татарстанда һәм Кырымда татар мәдәниятен өйрәнү экспедициясен илебездә танылган галим-археологлары — СССР Шәркыятчеләр ассоциациясе (соңрак СССР ФАнең Көнчыгышны өйрәнү институты) рәисе урынбасары И. Н. Бороздин, Мәскәү университеты профессоры, археолог А. С. Башкиров, Бакчасарайсарай-музеедиректоры У. А. Боданинский житекли. Татарстандагы тикшеренүләр тәмамлангандан соң житәкчеләр репрессияләнгән, экспедиция барышында жыйналган материаллар тиешле фәнни басма күрмә кала һәм шул сәбәпкә дистә елларда сузылган онытылуга дучар була.

Экспедициянең «татар мәдәниятен өйрәнү экспедициясе» дип аталуы да, элгәреге галимнәрнең әлегә мәдәни чыганаclarны Татарстанда һәм Кырымда — татар халкының Идел бие Болгар дәүләте (X–XIII гасырлар), Алтын Урда (XIII–XV гасырлар) һәм шуннан соңгы татар дәүләтләре (XVI–XVII гасырлар) дәверләренә караган мәдәни мирасы иң күп сакланган урыннарда эзләве һәм өйрәнүе дә тикмәгә генә түгел, билгеле.

Шул чорның күп кенә атаклы галимнәр катнашында узган бу экспедиция вакытында тупланган график материалларның Болгар шәһәре мәдәни мирасы буларак та, шулай ук Россия халыклары мәдәни мирасы буларак та үзенчәлекле кыйммәткә ия булуын исәпкә алып, 1920 еллар экспедициясенең һәм Татарстан, һәм Кырым нәтижеләрен тулысынча бастырып чыгару зарур. Архив фондларында үзенчәлекле материаллар — бүгенге көнгә кадәр сакланмаган урта гасыр мигъмариятына (сазымнар, биналарның тышкы һәм эчке сурәтләнеше), эпиграфикага (нигез, багышлау һәм кабер ташлары) караган матди чыганаclar, шул исәптән ташка уеп рәсем төшерү, пластика, керәч сәнгать ядкарьләре, сугылган акча үрнәкләре бар.

Архив документларының һәм эзләнү — тикшеренүләр нәтижәсе булган мәкаләләрнең шушы рәвештә нәшер ителүе фәнни әдәбиятның яңа сериясен ачып жиберә. Аның максаты — сирәк очрый торган материалларны тулысынча бастырып чыгару һәм «Мирас — Наследие» исеме белән татар мәдәниятен өйрәнүгә хезмәт итәчәк язмаларны туплап бирү. Әлегә басмабызның икенче кисәге шушы төп максатыбызга башлангыч буларак эзерләнде. Ул 1920 еллардагы «Татарстанда һәм Кырымда татар мәдәниятен өйрәнү экспедициясе»ндә жыйналган барлык фоторәсем һәм график материалларның факсимиль сүрәте булган аңлатмалы альбом итеп эшләнә.

Әлегә хезмәтнең структурасына килсәк, ул оештырылган экспедициягә фәнни яктан күзәтү ясау, аның төп катнашучылары турында мәгълүмат бирү, экспедиция нәтижеләре һәм аның татарларны өйрәнү гыйлеменә керткән өлешен бәяләү һәм шулай ук график материалларның аңлатмалы альбомынан гыйбарәт.

Яктырылган тематиканың эһәмиятен экспедиция эшчәнлегендә атаклы, үз чорының әйдәп баручы археологлары катнашу раслап тора. Уздырылган тикшеренүләрнең колачын һәм анда катнашкан һәр шәхеснең керткән өлешен күзаллау өчен тикшеренү эшләренең тасвирламасын тәкъдим итү, әлегә биниһая фәнни бурычны ачып бирү кирәк. Шул заманның танылган галимнәре И. Н. Бороздин һәм А. С. Башкиров, шулай ук Мәскәүдән Б. Н. Засыпкин, Татарстаннан Н. Ф. Калинин, Кырымнан У. А. Боданинский, О. Н.-А. Акчокраклы, П. И. Голландский, Н. П. Эрнст кебек тикшеренүчеләрнең безнең илнең татар мәдәниятен өйрәнүгә зур өлеш кертүләре бәхәссез. Аларның 1920 еллардагы шул чорның сәяси тарихы вакыйгалары белән тыгыз бәйләнгән биниһая хезмәтләре лаеклы рәвештә тасвирланы

Department of the State Tretyakov Gallery (Moscow), National Archive of the Tatarstan Republic (Kazan), Archive of the Institute of Language, Literature and Arts (Kazan), Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve (Bakhchisaray), and Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol).

The expedition conducted in the 1920s for the purpose of research of the Tatar culture in Tatarstan and Crimea was supervised by the following renowned Russian archaeologists: Deputy Chairman of the USSR Association of Orientalists (subsequently the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences) I. N. Borozdin, archaeologist and Professor of Moscow State University A. S. Bashkirov, and Director of the Bakhchisaray Palace Museum U. A. Bodaninsky. Several years after the completion of works in Tatarstan the expedition leaders were repressed, and the materials collected by the expedition did not receive adequate publication and were effectively forgotten for the following several decades.

It was not by chance that the expedition was entitled “Research of the Tatar culture”, and there is no coincidence in that the origins of this culture were sought and studied by our predecessors in Tatarstan and Crimea where the greatest number of Tatar cultural heritage monuments have preserved, dating back to the periods of Volga Bulgaria (10th–13th cc.), the Golden Horde (13th–15th cc.) and the early Tatar states (16th–17th cc.).

Considering the special significance of graphic materials obtained by the expedition conducted with the participation of numerous renowned scientists of the time for the cultural heritage of Bolgar town and all Russian peoples, the results of Tatarstan and Crimean expeditions of the 1920s require a complete collective publication. Archival funds contain an extensive collection of unique materials documenting the long perished material sources on medieval architecture (survey diagrams, interior and exterior photographs of buildings), epigraphy (embedded, dedicative and memorial stones), as well as decorative stone carving and plastics, ancient ceramics and coining.

The present publication of archival documents and research papers represents the onset of a new series of scientific literature aimed at the publication of the complete collection of unique materials and works dedicated to the research of Tatar culture, jointly entitled “Miras-Heritage”. This major goal is planned to be achieved with the compilation of the second part of this publication, which is going to contain an annotated album with all the photographs and graphical materials collected by the “Expedition aimed at the research of Tatar culture in the Tatar Republic and Crimea” conducted in the 1920s.

The structure of this work includes a scientific organizational analysis of the expedition, information about its major members and results, as well as the assessment of its contribution to the development of Russian Tatarology, and an annotated album with a complete set of graphical materials.

The uniqueness of this subject is confirmed by the participation of renowned leading specialists in the field of archaeology and Oriental studies in the ongoing work. In order to familiarize with the idea of the scale of conducted research and the contribution of every individual member, one should visualize the description of works performed by researchers to explore the boundaries of this immense scientific challenge. Leading scientists of that period I. N. Borozdin and A. S. Bashkirov, as well as Moscow (B. N. Zasyrkin), Tatarstan (N. F. Kalinin) and Crimean (U. A. Bodaninsky, O. N.-A. Akchokrakly, P. I. Gollandsky, N. P. Ernst) researchers undoubtedly made an indispensable contribution to the research of the Tatar culture in our country. Great amount of work which they performed in the 1920s, closely related to the political events of that period, deserves an adequate description and

рга, эшләрнең нәтижәсе киң җәмәгатьчелеккә фәнни иҗат буларак һәм тормыш юлларының барлык авырлыклары, фажигаләре белән бергә тәкъдим ителергә тиеш. Галимнәрнең куйган хезмәтләре һәм эшчәнлекләренә баяләнеше коллектив монография авторларының махсус очеркларында чагылыш таба: Х. М. Абдуллин (ТР ФАнec А. Х. Халиков исемендәге Археология институты), И. В. Белозерова (Дәүләт Тарих музей), С. Г. Бочаров (РФАнec Кырым археология институты), А. А. Волошинов (РФАнec Кырым археология институты), М. А. Доброновская (Мәскәү), Т. А. Дудина (А. В. Шусев исемендәге Дәүләт Мигъмариат музей), С. В. Кузьминых (РФАнec Археология институты), А. А. Непомнящий (В. И. Вернадский исемендәге Кырым Федераль университеты), Э. Б. Петрова (В. И. Вернадский исемендәге Кырым Федераль университеты), Н. В. Пименова-Ромашова (А. В. Шусев исемендәге Дәүләт Мигъмариат музей), О. В. Селиванова (РФА архивы), А. Г. Ситди́ков (ТР ФАнec А. Х. Халиков исемендәге Археология институты).

1920 еллар галимнәре башлангычының алардан соңгы буын галимнәре өчен дә кызыксындыру даирәсе булып калуын асызлыкка мөһим. Басма авторларының мигъмариат һәм эпиграфикага кагылышлы фәнни язмалары Идел буе һәм Кырым татар халкының дөнья мәдәниятенә һәм хәзерге заман фәненә йогынтысын баяләү мөмкинчелеге бирә. Әлеге темалар буенча Е. А. Айбабинаның (В. И. Вернадский исемендәге Кырым Федераль университетының Төзелеш һәм мигъмариат академиясе), В. П. Кирилконың (РФАнec Кырым археология институты), И. Мөстәкыймовның (ТР Баш архив идарәсе), Д. Г. Мөхәммәтшинның (Болгар тарих-археологик музей-тыюлыгы) җыентыкта тәкъдим ителгән махсус тикшеренүләре, шулай ук С. С. Айдаровның мигъмариат буенча элгәрерәк басылып чыккан хезмәтенә нигезләнеп фикер йөртсәк. Татарстанда һәм Кырымда сакланып калган татар мәдәни мирасы һәйкәлләренә аерым әһәмияткә ия булуын күзаллы һәм Болгар тарихи-археология комплексының кабатланмас үзенчәлеген күрә алырбыз.

Басмада архив материаллары аерым томга урнаштырылды. Мәскәү, Санкт-Петербург, Казан, Бакчасарай һәм Симферополь архивлары булышлыгы белән җыентыкка үзенчәлекле материал эзерләнде. А. В. Шусев исемендәге Дәүләт мигъмариат музей директоры Ирина Михайловна Коробинага, Дәүләт Тарих музей директоры Алексей Константинович Левыкинга, Бакчасарай тарихи-мәдәни һәм археология музей-тыюлыгы генераль директоры Вадим Леонидович Мартынюкка аерым рәхмәтләребезне җиткерәбез.

Җыентыкның шушындый булып дөнья күрүе, шиксез, Татарстан Республикасы җитәкчелегенә Татарстан Республикасы һәм Кырым Республикасының мәдәни мирасын өйрәнү һәм саклауга, шулай ук ЮНЕСКО Дөньякүләм мәдәни мирас һәйкәле – Болгар шәһәренә моңа кадәр билгеле булмаган ядкарьләренә бер өлешен киң җәмәгатьчелеккә тәкъдим итүгә зур өлеш кертүен дәлил. Әлеге басмага туплап бирелгән архив документлары һәм фәнни-тикшеренү йомгаклары алдагы буыннарның рухи байлыгын тәшкил итәр, галимнәр, борынгының бәһаләп бетергесез шаһитлары белән кызыксынучы һәм аларны сакларга омтылучылар өчен кулланма булып. Авторлар коллективы әлеге китап татар халкының матди мәдәниятен өйрәнүгә багышланган фәнни хезмәтләр арасында үзәк урын биләр дип ышана. Бу материалларның басмага чыгуы 1923–1929 елларда Татарстанда һәм Кырымда татар мәдәниятен өйрәнү максатыннан археологик экспедиция оештырган фидакәр галимнәрнең хезмәтенә олы бая, үзләренә хөрмәт күрсәтү булып кабул ителсә иде.

С. Г. БОЧАРОВ, А. Г. СИТДИКОВ

demonstration of its results to the general public along with all their scientific creativity, challenges, and the tragedy of life experience. Contribution made by scientists and the assessment of its results are provided in feature articles by the following authors of the collective monograph: Kh. M. Abdullin (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the AS RT), I. V. Belozeroва (State Historical Museum), S. G. Bocharov (Institute of Archaeology of Crimea of the RAS), A. A. Voloshinov (Institute of Archaeology of Crimea of the RAS), M. A. Dobronovskaya (Moscow), T. A. Dudina (Schusev State Museum of Architecture), S. V. Kuzminykh (Institute of Archaeology of the RAS), A. A. Nepomnyashchy (V. I. Vernadsky Crimean Federal University), E. B. Petrova (V. I. Vernadsky Crimean Federal University), N. V. Pimenova-Romashova (Schusev State Museum of Architecture), O. V. Selivanova (Archive of the RAS), A. G. Sitdikov (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the AS RT).

It should be emphasized that the initiative of researchers from the 1920s remained a top priority of the academic interest of many generations to come. Scientific publications dedicated to the issues of architecture and epigraphy contained in this work provide an opportunity to assess the influence of the heritage of the Tatar people from the Volga region and Crimea on the world culture and contemporary science. On the basis of a special research by E. A. Aibabina (Academy of Construction and Architecture of V. I. Vernadsky Crimean Federal University), V. P. Kirilko (Institute of Archaeology of Crimea of the RAS), I. Mustakimov (Central Archives Administration of the Tatarstan Republic), D. G. Mukhametshin (Bolgar Historical and Archaeological Reserve) and the featured topics, including a previously published work on architecture by S. S. Aydarov, one can imagine the exceptional value of the Tatar cultural heritage which has preserved in the monuments of Tatarstan and Crimea, and discover the uniqueness of Bolgar Historical and Architectural Complex.

A special role in the publication belongs to archive materials, which are provided in a separate volume. The unique material has been prepared for publication with the support of Moscow, Saint Petersburg, Kazan, Bakhchisaray and Simferopol Archives. The authors express their gratitude to everyone who has assisted in the collection and publication of the materials, for without their contribution the book would have never been published – Director of the Schusev State Museum of Architecture Irina Mikhailovna Korobina, Director of the State Historical Museum Alexey Konstantinovich Levykin, Director General of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve Vadim Leonidovich Martynyuk.

There is no doubt that the publication of this book has become a significant contribution of the authorities of the Tatarstan Republic to the research and preservation of the cultural heritage of peoples from the Republics of Tatarstan and Crimea, as well as a demonstration to the general public of a small portion of previously unknown materials on the antiquities of Bolgar town representing a UNESCO World Heritage Site. The collected archival documents and research works contained in this publication are an exceptional heritage for the future generations which will finally become available to scientists and everyone interested in the study and preservation of the priceless testimonies of the past. The authors hope that this book will take its place among the scientific works related to the research of the Tatar people's material culture. Publication of these materials represents a token of respect and reverence to the memory of scientists who conducted an archaeological expedition aimed at the research of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923-1929.

SERGEI BOCHAROV, AIRAT SITDIKOV

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. <i>С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков</i>	7
Глава 1. История экспедиции по изучению татарской культуры в Татарской Республике и в Крыму в 1920-е гг.	11
1.1. Экспедиция по изучению татарской культуры в Татарстане в 1924-1929 гг. <i>Х. М. Абдуллин, С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков</i>	12
1.2. Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму. <i>С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков</i>	22
Глава 2. Руководители и участники экспедиции	
2.1. Бороздин Илья Николаевич. <i>О. В. Селиванова</i>	55
2.2. Башкиров Алексей Степанович. <i>И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых</i>	86
2.3. Боданинский Усеин Абдурефиевич. <i>А. А. Волошинов</i>	113
2.4. Акчокраклы Осман Нури-Асанович. <i>А. А. Волошинов</i>	129
2.5. Голландский Павел Иванович. <i>Э. Б. Петрова</i>	138
2.6. Засыпкин Борис Николаевич. <i>М. А. Доброновская</i>	157
2.7. Калинин Николай Филиппович. <i>А. Г. Ситдиков</i>	173
2.8. Эрнст Николай Львович. <i>А. А. Непомнящий</i>	183
Глава 3. Исследования культурного наследия Болгара и Крыма	
3.1. Исследования и реставрация памятников монументальной архитектуры Болгара. <i>С. С. Айдаров</i>	203
3.2. Мемориальная эпиграфика города Болгара. <i>Д. Г. Мухаметшин</i>	294

3.3. Архитектура Золотоордынского Крыма. <i>В. П. Кирилко</i>	420
3.4. Архив мусульманской эпиграфики Крыма. <i>И. А. Мустакимов</i>	497
3.5. Мусульманская каменная резьба Крыма. <i>Е. А. Айбабина</i>	510

Глава 4. Материалы экспедиции по изучению татарской культуры в Татарстане и Крыму в центральных архивных собраниях России

4.1. Обзор научного архивного фонда археолога А. С. Башкирова из Отдела письменных источников Государственного исторического музея. <i>И. В. Белозерова</i>	545
4.2. Обзор фонда графики Музея архитектуры им. А. В. Щусева по архитектуре крымских татар и Татарстана 1920-х – 1930-х гг. <i>Т. А. Дудина</i> ...	553
4.3. Фотоматериалы из крымских экспедиций 1920-х годов в собрании Музея архитектуры им. А. В. Щусева. <i>Н. В. Пименова-Ромашова</i> ..	556
4.4. Обзор личного фонда И. Н. Бороздина в Архиве Российской академии наук. <i>О. В. Селиванова</i>	558
4.5. Материалы экспедиции по изучению татарской культуры в Татарстане и Крыму, хранящиеся в Архиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). <i>С. Г. Боcharов</i>	562
4.6. Материалы экспедиции по изучению татарской культуры в архивах Татарстана. <i>Х. М. Абдуллин, А. Г. Ситди́ков</i>	564
4.7. Архивные собрания Республики Крым, в которых хранятся материалы экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму. <i>С. Г. Боcharов, В. П. Кирилко</i>	566

Заключение	568
Авторский коллектив	569
Йомгак. Summary	575

Научное издание
Монография

МИРАС – НАСЛЕДИЕ

Татарстан – Крым

Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах

Составители и ответственные редакторы: С. Г. Бочаров и А. Г. Ситдилов
Компьютерная верстка и дизайн обложки: ООО «Арт-Маркет» (г. Обнинск)
Корректор: Ю. М. Черепанова

В трех томах
Том 1

Авторский вклад:

Абдуллин Халим Миннулович – 2,0 п.л., Айбабина Елена Акимовна – 5,2 п.л.,
Айдаров Сайяр Ситдилович – 7,625 п.л., Белозерова Ирина Владимировна – 3,525 п.л.,
Бочаров Сергей Геннадиевич – 8,6489 п.л., Волошинов Алексей Александрович – 3,0 п.л.,
Доброновская Марина Александровна – 2,4375 п.л., Дудина Татьяна Александровна – 0,4875 п.л.,
Кирилко Владимир Петрович – 12,35 п.л., Кузьминых Сергей Владимирович – 2,0 п.л.,
Мустакимов Ильяс Альфредович – 1,95 п.л., Мухаметшин Джамиль Габдрахимович – 21,9375 п.л.,
Непомнящий Андрей Анатольевич – 3,0875 п.л., Петрова Элеонора Борисовна – 2,925 п.л.,
Пименова-Ромашова Нина Витальевна – 0,325 п.л., Селиванова Ольга Владимировна – 5,525 п.л.,
Ситдилов Айрат Габитович – 7,4625 п.л.

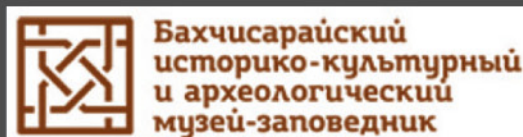
Подписано в печать 27.10.2016 г. Формат 70х100/8.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 98,80.
Тираж 800 экз. Заказ № 106 007/1.
Отпечатано с готовых файлов в ООО «ПК «Астер»,
614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15.

Институт археологии Крыма
Российской академии наук

Институт археологии имени А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Государственный музей
архитектуры имени А. В. Щусева